

РАЭСК LXIII НОВОСИБИРСК

26 – 29 апреля 2023 г.

А. Окладов

300-летие Российской академии наук –
археология и этнография Сибири:
традиции, школы и открытия

— Фонд —
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

— Фонд —
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES

**Proceedings of the LXIII Russian (with International Participation)
Archaeological and Ethnographic Conference
of Students and Young Scientists**

**“300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences –
Archaeology and Ethnography of Siberia:
Traditions, Schools and Discoveries”**

Novosibirsk, April 26–29, 2023

Editors-in-Chief
Candidate of Historical Sciences *S.V. Alkin*,
Doctor of Historical Sciences *I.V. Oktyabrskaya*

Novosibirsk
IAET SB RAS Publishing
2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

**Материалы LXIII Российской (с международным участием)
археолого-этнографической конференции
студентов и молодых ученых**

**«300-летие Российской академии наук –
археология и этнография Сибири:
традиции, школы и открытия»**

Новосибирск, 26–29 апреля 2023 г.

Ответственные редакторы
канд. ист. наук *С.В. Алкин*,
д-р ист. наук *И.В. Октябрьская*

Новосибирск
Издательство ИАЭТ СО РАН
2023

УДК [902/904,39](082)

ББК Т4(0)

М 341

*Конференция и сборник материалов подготовлены
при финансовой поддержке Фонда «История Отечества»*

Редакционная коллегия

канд. ист. наук *С.В. Алкин*, д-р ист. наук *Л.А. Бобров*,
канд. ист. наук *А.Ю. Борисенко*, *Р.В. Давыдов*, канд. ист. наук *Л.В. Зоткина*, *А.М. Чеха*,
д-р ист. наук *Л.В. Лбова*, канд. ист. наук *О.А. Митько*, д-р ист. наук *Л.Н. Мыльникова*,
канд. ист. наук *М.С. Нестерова*, канд. ист. наук *В.В. Николаев*,
канд. ист. наук *О.И. Новикова*, д-р ист. наук *И.В. Октябрьская*,
д-р геогр. наук *Н.А. Рудая*, д-р ист. наук *А.В. Табарев*

Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия». Новосибирск, 26–29 апреля 2023 г. / отв. ред. С.В. Алкин, И.В. Октябрьская; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии; Новосиб. гос. ун-т, Гуманитарный ин-т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. – 474 с.

ISBN 978-5-7803-0334-2

В сборнике представлены тезисы докладов, подготовленных по результатам археологических, этнологических, антропологических и междисциплинарных исследований древних, традиционных и современных сообществ Евразии, проведенных студентами и молодыми учеными.

Издание адресовано профессиональным археологам, этнологам, антропологам, историкам, культурологам, музеоведам и визуальным антропологам, а также тем, кто осваивает азы специальности, и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами культурного многообразия Евразии от древности до современности.

УДК [902/904,39](082)

ББК Т4(0)

Proceedings of the LXIII Russian (with International Participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists “300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences – Archaeology and Ethnography of Siberia: Traditions, Schools and Discoveries”. Novosibirsk, April 26–29, 2023 / eds. S.V. Alkin, I.V. Oktyabrskaya; Min. of Science and Higher Education of the Rus. Federation, Rus. Acad. of Sciences, Siberian Branch, Inst. of Archaeology and Ethnography; Novosibirsk State University, Institute for the Humanities. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publishing, 2023. – 474 p.

ISBN 978-5-7803-0334-2

The collection presents abstracts of reports prepared based on the results of archaeological, ethnological, anthropological and interdisciplinary studies of ancient, traditional and modern communities of Eurasia conducted by students and young scientists.

The publication is addressed to professional archaeologists, ethnologists, anthropologists, historians, culturologists, museologists and visual anthropologists, as well as those who master the basics of the specialty and a wide range of readers interested in the problems of cultural diversity of Eurasia from antiquity to the present.

ISBN 978-5-7803-0334-2

doi: 10.17746/7803-0334-2.2023

© ИАЭТ СО РАН, 2023

© НГУ, 2023

© Коллектив авторов, 2023

LXIII Российская (с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых

«300-летие Российской академии наук – археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия»

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ РАЭСК LXIII

А.П. Деревянко, академик РАН, научный руководитель ИАЭТ СО РАН, проф. ГИ НГУ
В.И. Молодин, академик РАН, советник директора ИАЭТ СО РАН, проф. ГИ НГУ
М.В. Шуньков, чл.-кор. РАН, советник директора ИАЭТ СО РАН, проф. ГИ НГУ
Н.В. Полосьмак, чл.-кор. РАН, гл. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН
А.С. Зувев, д-р ист. наук, директор ГИ НГУ
А.В. Бауло, д-р ист. наук, зам. директора ИАЭТ СО РАН
Д.В. Чуркин, д-р физ.-мат. наук, проректор по научно-исследовательской деятельности НГУ

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ РАЭСК LXIII

Председатель – *А.И. Кривошапкин*, чл.-кор. РАН, директор ИАЭТ СО РАН,
зав. каф. археологии и этнографии ГИ НГУ

Заместители председателя

С.В. Алкин, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, доц. ГИ НГУ
И.В. Октябрьская, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, проф. ГИ НГУ
О.И. Новикова, канд. ист. наук, доц. ГИ НГУ

Ученые секретари

В.В. Николаев, канд. ист. наук, науч. сотр. ИАЭТ СО РАН
Д.В. Селин, канд. ист. наук, науч. сотр., председатель Совета молодых ученых ИАЭТ СО РАН

Члены Оргкомитета

Л.А. Бобров, д-р ист. наук, проф. ГИ НГУ
А.Ю. Борисенко, канд. ист. наук, доц. ГИ НГУ
Л.В. Зоткина, канд. ист. наук, ст. преп. ГИ НГУ
К.А. Колобова, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, доц. ГИ НГУ
Л.В. Лбова, д-р ист. наук, проф. ГИ НГУ
О.А. Митько, канд. ист. наук, доц. ГИ НГУ
Л.Н. Мыльникова, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, доц. ГИ НГУ
М.С. Нестерова, канд. ист. наук, уч. секретарь, ст. науч. сотр. ИАЭТ
Н.А. Рудая, д-р геогр. наук, вед. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, доц. ГИ НГУ
А.В. Табарев, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН, доц. ГИ НГУ

Предисловие

Российская археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых (РАЭСК) имеет более чем 60-летнюю историю. Являясь одним из самых авторитетных молодежных научных форумов России, она опирается на механизм преемственности в формировании академических традиций. РАЭСК LXIII – это дань памяти исследователям, которые закладывали основы академической науки – археологии и этнографии Сибири и Евразии. Она посвящается 300-летию учреждения Российской академии наук и 115-летию юбилею одного из основателей СО РАН, академика А.П. Окладникова (1908–1981).

Конференция подготовлена совместно Институтом археологии и этнографии СО РАН и Гуманитарным институтом Новосибирского государственного университета при поддержке Фонда «История Отечества» с участием Фонда «Поддержка проектов в области образования». Посвященная актуальным проблемам археологии и этнографии Евразии, она направлена на совершенствование профессиональной подготовки и формирование

системы интеллектуальных и духовных ценностей студентов и молодых ученых на основе наставничества и освоения 300-летних традиций российской науки в изучении народов и культур Евразии.

Широта проблематики заявленных на РАЭСК LXIII докладов позволила сформировать 15 секций. К обсуждению были представлены наиболее значимые теоретические проблемы и прикладные аспекты современной археологии, этнографии, социальной и культурной антропологии и междисциплинарных исследований. В число приоритетных авторских разработок участников конференции вошел широкий спектр тем – от общих процессов культурогенеза до изучения локальных этнокультурных традиций и их динамики от прошлого до современности.

РАЭСК LXIII – это вклад в сохранение археологического и историко-культурного наследия народов Евразии, а также в развитие традиций Российской академии наук.

Оргкомитет РАЭСК LXIII

УДК 902.01

Первичное расщепление в индустрии палеолитического слоя Усть-Мензы-14 (Западное Забайкалье)

Д.Е. Власенко

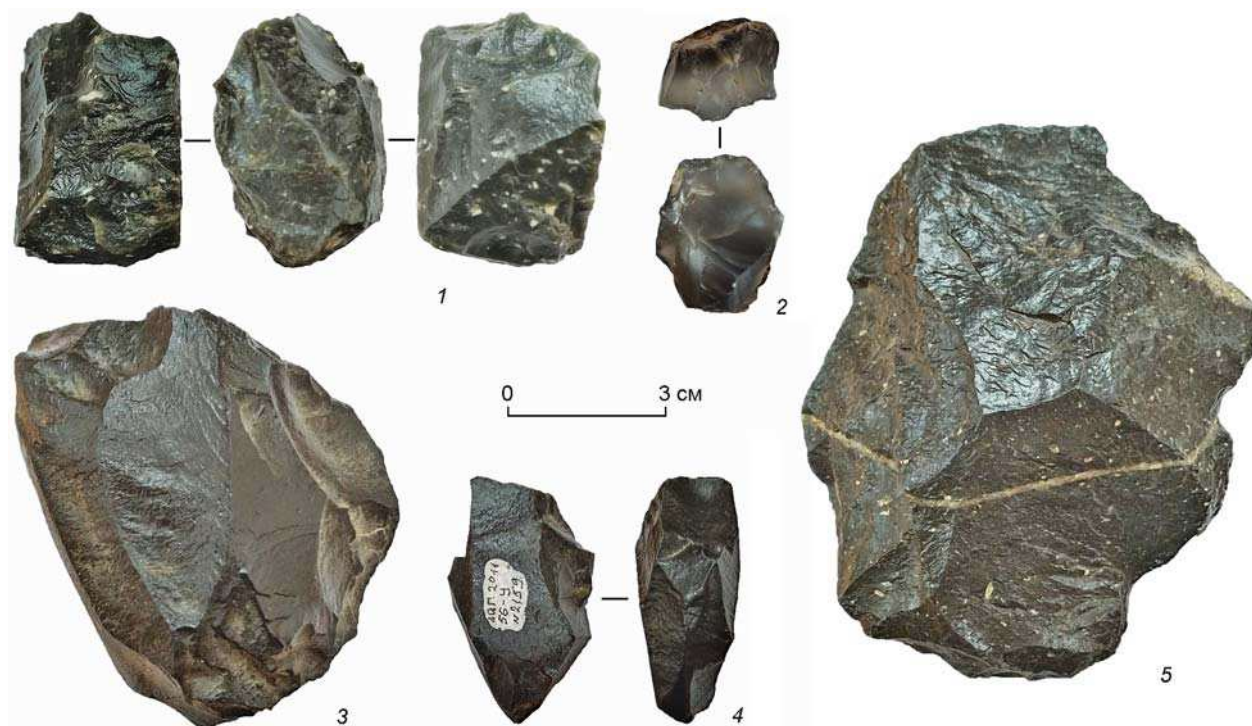
Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Рассматриваемый памятник относится к Усть-Мензинскому комплексу археологических памятников, который располагается в Красночикойском р-не в Усть-Мензинском урочище при впадении р. Мензы в р. Чикой (Западное Забайкалье). Исследуется Чикойской археологической экспедицией ЗабГУ с 1980 г. [Константинов и др., 2011]. Выявлено 18 памятников археологии. Усть-Менза-14 (Лагерная) открыта в 2007 г. Объект связан со II надпойменной террасой р. Мензы. Стационарные исследования позволили сделать вывод об обнаружении комплекса палеолитической стоянки-мастерской. Время формирования культурного горизонта предварительно соотнесли с начальной стадией сартанского времени [Разгильдеева, 2015, с. 161]. В последующем была выявлена многослойность памятника, и данный уровень получил обозначение основного палеолитического культурного горизонта (далее – ОПКГ). ОПКГ связан со средней частью перигляциального аллювия (V литологический слой) и залегает в пределах 2,9–3,6 м от современной дневной поверхности, на 2,2–2,5 м выше уровня древнего галечника [Там же; Разгильдеева, 2017, с. 85]. Общая площадь изучения на 2014 г. составила 73,8 м². В 2015 г. были получены радиоуглеродные ¹⁴C даты, которые, возможно, свидетельствуют о более древнем каргинском возрасте: по углю – 27 480 ± 110 BP (D-AMS-011898), 30 270 ± 150 BP (D-AMS-011899) [Разгильдеева, 2017, с. 84–88].

Следует отметить, что некоторая часть каменных изделий имеет окатанную или заветренную поверхность. Также ОПКГ подвергся влиянию кри-

огенных процессов, что в сочетании с естественным уклоном древней поверхности в направлении приустьевой стрелки рек Мензы и Чикой определило условия переотложения артефактов в слое [Там же, с. 90].

В целом коллекция ОПКГ Усть-Мензы-14 составляет 2 255 экз. К нуклеидным изделиям отнесены 17 экз., среди которых 10 нуклеусов, 4 фрагмента и 3 экз. переоформленных в орудия. Было выявлено три основных типа расщепления (см. *рисунки*). Первый направлен на плоскостное расщепление (1 экз. – двуплощадочная двуфронтальная форма для получения нерегулярных мелких пластинок; 1 экз. – истощенная многофронтальная форма, изготовленная на морионе, причем данное сырье является крайне редким для Усть-Мензинского комплекса; 1 экз. – многоплощадочная многофронтальная форма). Второй тип представлен ортогональным расщеплением (3 экз., один из них имеет радиальный принцип снятия). Третий тип расщепления представлен торцовыми формами нуклеусов (2 экз., один из них имеет встречный принцип снятия и был направлен на получение нерегулярных мелких пластинок). Помимо этого, в коллекции представлены галечные нуклеусы торцового принципа снятия (1 экз.) и радиального принципа снятия (1 экз.), у обоих большая часть формы имеет естественную поверхность. Фрагменты нуклеусов представлены фронтами снятий. Также в коллекции представлены три нуклеидных формы (1 экз. является истощенным нуклеусом), которые были переоформлены в долотовидные орудия.

Нуклеусы палеолитического слоя Усть-Менза-14.

1, 2 – плоскостные нуклеусы; 3, 4 – торцовые нуклеусы; 5 – ортогональный нуклеус.

Основная часть коллекции является продуктом дебитаж (84,6 %). Индустрия сколов включает отщепы, пластины, пластинки и микропластинки, вероятно ситуационные. Отщепы представлены – 1 203 экз. (53,3 % от общей коллекции). Процент целых отщепов – 97,3 %. По размеру отщепы можно поделить на мелкие (от 1 до 2,9 см) – 69,9 %, средние (от 3 до 4,9 см) – 17,5 % и крупные (более 5 см) – 1,7 %. Процент естественной поверхности – 14,5 %. Пластины представлены 2 экз., пластинки – 5 экз., микропластинки – 5 экз., их фрагменты – 10 экз. Всего пластинчатая часть составляет 0,9 %. В число отходов производства входит 741 экз.: обломки и сколы насчитывают 37 экз. и 403 экз. соответственно, колотые гальки – 20 экз., чешуйки составляют 281 экз.

В ходе проведенной нами работы по технико-морфологическому анализу установлено, что памятник характеризуется отщеповой техникой расщепления каменного сырья. Предположительно, Усть-Менза-14 может принадлежать куналейской культуре [Константинов, 2016, с. 34]. Это археологическая культура относится к раннему этапу верхнего палеолита Забайкалья, ее хронологические рамки – 35–25 тыс. л.н. Для инвентаря этой культуры характерны ортогональные нуклеусы, скребла, долотовидные орудия, концевые скребки на средних и крупных отщепах [Константинов, 1994, с. 124–135]. На Усть-Мензе-14 выявлено порядка 270 орудий, среди них самыми многочисленными

являются скребла – 36 экз., 4 из них концевые. Скребки составляют группу из 16 экз., 14 из них концевые, долотовидные орудия представлены 7 экз. и т.д. В дальнейшем нами будут продолжены исследования по соотносению данного памятника с куналейской культурой. Кроме того, индустрия памятника также может иметь типологическое сходство с материалом другого Усть-Мензинского памятника – Усть-Менза-6 (слой 3). Возраст памятника – 19 тыс. л.н. [Викулова, 2022, с. 20]. На это указывает наличие на обоих памятниках нуклеусов с нерегулярными мелкопластинчатыми снятиями. Однако большая разница в возрасте памятников, скорее всего, ставит под сомнение данное наблюдение.

В коллекции также выявлены отбойники – 23 экз., отбойники-наковальни – 10 экз. и их фрагменты – 47 экз. Материал отбойников весьма разнообразен – наиболее многочисленны различные формы кварцита, песчаника, гранита, в единичных случаях использовались базальт, лампрофир и яшма. Можно предположить, что основным элементом в технике расщепления было использование твердого отбойника. Также нельзя отвергать и мягкий органический отбойник, однако в отложениях рассматриваемого региона органические материалы почти не сохраняются. Помимо отбойников, в составе каменного инвентаря присутствуют ретушеры – 19 экз., их фрагменты – 3 экз. Сырье схоже с отбойниками – различные формы кварцита,

песчаника, гранита, гнейса, сланца, в единичных экземплярах использовались лампрофир и яшма. Разнообразие сырья, вероятно, говорит о попытках найти качественный материал.

Результатом данной работы стал краткий анализ первичного расщепления каменного сырья памятника Усть-Менза-14 (нуклевидные изделия, индустрия сколов, отбойники). Памятник характеризуется отщеповой техникой. Снятия производились скорее всего техникой твердого отбойника, на что указывает их значительное количество в коллекции. Анализ свидетельствует о том, что на данном памятнике производилась полная цепочка расщепления камня: опробование сырья, подготовка его к оформлению в разные варианты орудий и дальнейшая их утилизация, что позволяет предположить, что памятник является стоянкой-мастерской. По технико-типологическим характеристикам индустрия памятника тяготеет к куналейской культуре Западного Забайкалья, а также находит сходство с материалами памятника Усть-Менза-6. Рассматриваемый памятник является крайне перспективным и интересным для дальнейшего детального исследования.

*Научный руководитель – М.В. Константинов
д-р ист. наук, профессор кафедры истории,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

Викулова Н.О. Первичное расщепление каменного сырья в индустрии средней поры верхнего палеолита культурного слоя 3 стоянки Усть-Менза 6 (Западное Забайкалье) // Актуальная археология 6: Мат-лы междуна-род. науч. конф. молодых ученых. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 19–23.

Константинов М.В. Археология Забайкальского края: эпохи, памятники, первооткрыватели // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: мат-лы LVI Рос. арх.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. – Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2016. С. 32–43.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994. 265 с.

Константинов М.В., Константинов А.В., Екимова Л.В., Разгильдеева И.И. Усть-Менза // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 302–306.

Разгильдеева И.И. Анализ каменного инвентаря поселения Усть-Менза 14 (Лагерная) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2015. Вып. 4. С. 160–169.

Разгильдеева И.И. Комплекс стоянки-мастерской Усть-Менза-14 (Лагерная): средняя пора верхнего палеолита Забайкалья // Археологические вести, ИИМК РАН. СПб., 2017. Вып. 23. С. 84–104.

Primary Splitting in the Industry of the Paleolithic Layer of Ust-Menza-14 (Western Transbaikalia)

D.E. Vlasenko

The result of this work was a brief analysis of the primary splitting of stone raw materials from the Ust-Menza-14 site (core products, chipping industry, chippers). The monument is characterized by flake technology. The removals were most likely made using the hard chipper technique, as evidenced by their significant number in the collection. The analysis indicates that a complete chain of stone splitting was carried out at this monument: testing of raw materials, preparing it for processing into different types of tools and their further utilization, which suggests that the monument is a workshop site. In terms of technical and typological characteristics, the industry of the monument gravitates toward the Kunalei culture of Western Transbaikalia, and also finds similarities with the materials of the Ust-Menza-6 site. The site under consideration is extremely promising and interesting for its further detailed study.

Keywords: Western Transbaikalia, Upper Paleolithic, Kunalei culture, Ust-Menza-14, primary splitting, site-workshop.

Власенко Дмитрий Евгеньевич

студент 2-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: dmitrivlasenko2003@mail.ru

Vlasenko Dmitry Evgenievich

2nd year student

Transbaikal State University

e-mail: dmitrivlasenko2003@mail.ru

Переиспользование дефектных шлифованных орудий в неолите Северного Приангарья по материалам стоянки Ручей Смолокурный (работы 2010–2011 гг.)*

Н.В. Глушко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Археологический объект Ручей Смолокурный располагался на правом берегу р. Ангары в 10 км к западу от с. Паново, в 2 км к востоку от утеса Толстый Мыс. На данный момент вся территория памятника затоплена водами Богучанского водохранилища. Объект обнаружен при проведении разведочных работ отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева в 2006 г. [Богучанская археологическая экспедиция..., 2015]. Предварительные границы памятника определены в ходе работ отряда ИЭАТ СО РАН во главе с А.Н. Зениным в 2008 г. Спасательные раскопные археологические работы производились в 2010–2011 гг. под руководством Г.И. Марковского [Марковский, Дудко, 2011], в 2012 г. под руководством Е.П. Рыбина.

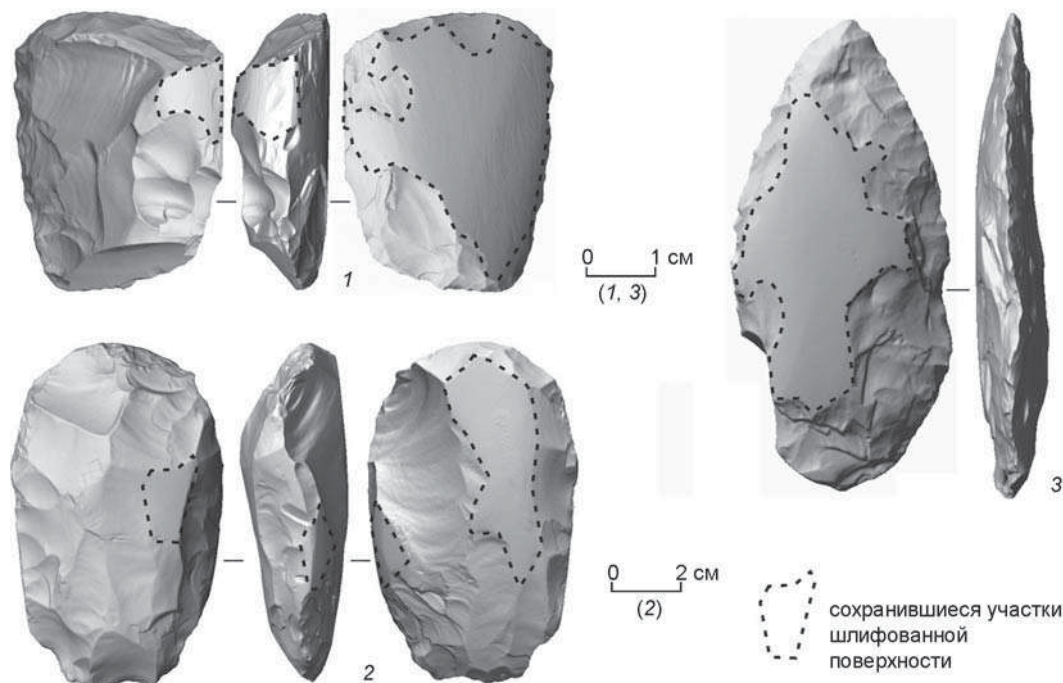
В 2010–2011 гг. для уточнения границ объекта был заложен 71 шурф, участки с высокой концентрацией находок исследовались сплошными раскопами (общая площадь 1 270 м²). Стратиграфия не отличалась разнообразием и четкостью литологических подразделений. Слой 1 – темно-серая гумусированная супесь – содержал немногочисленные находки раннего железного века и Средневековья [Марковский, 2010]. Слой 2 представлен тяжелой супесью или средним суглинком серо-коричневого цвета. В кровле зафиксированы каменные артефакты, скопления костей животных, сопровождавшиеся керамикой, характерной для бронзового века Северного Приангарья [Леонтьев, Герман, 2019]. Центральная и приподошвенная части слоя 2 содержали многочисленные каменные артефакты и фрагменты керамических сосудов, имеющие прямые аналогии с неолитическими традициями региона [Марковский, 2010; Герман, Леонтьев, 2013; Богучанская археологическая экспедиция..., 2015; Стоянка Пашина..., 2016]. В подошве и на контакте с нижележащим подразделением обнаружены немногочисленные корродированные артефакты периода палеолита. Слой 3 – плотная серая супесь с большой примесью песка, дресвы

и гальки, археологически стерилен [Марковский, Дудко, 2011].

За два полевых сезона обнаружено более 25 тыс. артефактов из разных культурных горизонтов. Для настоящего исследования интерес представляет самый насыщенный находками (ок. 85 % от общего числа) неолитический горизонт. В каменной индустрии основной объем составляют сколы без вторичной обработки, осколки и обломки. В категории нуклевидных наиболее многочисленны ядрища для получения пластин и микропластин: призматические, конусовидные, карандашевидные, клиновидные. Орудийная категория разнообразна: скребки, скребла, ножи на пластинах и отщепах, резцы, проколки, шиповидные орудия, тесла, наконечники стрел, топоры, долотовидные орудия, комбинированные орудия, вкладыши, изделия с бифасиальной обработкой, ретушированные пластины и отщепы [Там же]. Фрагменты керамических сосудов по морфологическим критериям, а также по приемам и сюжетам орнаментации делятся на три группы, соотносящиеся с керамическими традициями в неолите Северного Приангарья: по-сольская [Бердников, 2013], аплинская [Леонтьев, Герман, 2016], усть-бельская [Бердников, 2013; Герман, Леонтьев, 2013].

Следует более подробно рассмотреть шлифованные орудия стоянки Ручей Смолокурный и процесс их переиспользования. За исключением единичных фрагментов украшений и ножей, шлифование применялось в отношении крупных орудий для деревообработки: тесла разных форм и размеров, долотовидные орудия (стамески), топоры. Сырьем чаще всего служили мелкозернистые песчаники, реже, более твердые – кремнистые – породы. Такие предметы нередко обнаруживают в неолитических слоях стоянок бассейна р. Ангары [Липнина и др., 2013; Богучанская археологическая экспедиция..., 2015]. Орудия имеют морфологическое сходство, однако количество и сохранность

*Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ 21-59-93002 «Распространение микропластинчатой технологии расщепления в регионах Шелкового пути».

Орудия, сделанные на основе дефектных шлифованных изделий.

1 – скребок; 2 – долотовидное; 3 – бифасиальный нож.

предметов разнятся. На стоянке Ручей Смолокурный полностью целые шлифованные орудия единичны (тесла разных размеров – 3 экз.), зато более многочисленны фрагменты подобных артефактов (14 экз.), а также крупные сколы и обломки со следами шлифовки (31 экз.). Примечательно, что шлифованные участки поверхности обнаружились и на орудиях, морфологически далеких от тесел или топоров: нуклеусы для пластин и пластинок (4 экз.), скребки (3 экз.) (см. рисунок, 1), скребла (2 экз.), оббитые долотовидные орудия (5 экз.) (см. рисунок, 2), струг (1 экз.), листовидный бифас (1 экз.) (см. рисунок, 3). Немногочисленность целых шлифованных изделий и большое количество их фрагментов говорит об интенсивном использовании орудий до момента поломки или истощения. Отсутствие крупных фрагментов изделий с нереализованным потенциалом переделки вместе с многочисленными сколами и обломками со следами шлифовки свидетельствуют об активном переоформлении орудий после утраты полезности. Переоформление было развитой традицией у неолитических обитателей стоянки, о чем говорит большое количество и разнообразие орудий, полученных на базе шлифованных изделий.

Логично предположить, что переиспользованию подвергались и крупные каменные артефакты, оформленные исключительно с помощью ударной техники. Но если на вторичном изделии не сохра-

нилось ярких маркирующих элементов от оригинального артефакта, доказать почти очевидный факт переоформления невозможно. Шлифовка, напротив, хорошо видна даже на небольших фрагментах и говорит, что перед нами часть некогда более крупного, законченного изделия.

Постоянное переоформление дефектных шлифованных орудий на стоянке Ручей Смолокурный свидетельствует об отсутствии избытка у древних обитателей даже такого распространенного сырья, как песчаник. Наблюдался определенный дефицит высококачественного сырья (кремнь, халцедон), являвшегося основой для производства пластинчатых заготовок, поскольку для этих целей использовались фрагменты тесел с заведомо более низким качеством сырья. Переделка утративших полезность предметов – хорошо известный прием, существующий с палеолита до наших дней, однако на примере шлифованных орудий он иллюстрируется особенно ярко. На основе анализа неолитических материалов стоянки Ручей Смолокурный можно сделать вывод, что практика переиспользования была не ситуативным решением, а закономерным этапом существования орудий.

Научный руководитель – Г.И. Марковский
мл. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 203–229.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко // Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1. 564 с.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Комплекс археологических материалов с усть-бельской керамикой стоянки Сергушкин-1, пункт «А» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 133–155.

Леонтьев С.Н., Герман П.В. Керамика аплинского типа в археологических материалах острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск, 2016. Т. 1. С. 66–73.

Леонтьев С.Н., Герман П.В. Керамика эпохи бронзы памятников острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2019. Вып. 10. С. 108–122.

Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 71–101.

Марковский Г.И. Результаты полевых исследований стоянок Кода-2, Ручей Смолокурный, Мыс Столбы в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 555–558.

Марковский Г.И., Дудко А.А. Результаты полевых исследований стоянок Ручей Смолокурный и Мыс Столбы в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 437–442.

Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 годов) / А.Е. Гришин, Ж.В. Марченко, Ю.Н. Гаркуша, Д.А. Гурулев, С.В. Шнайдер, Н.А. Кулик, С.К. Васильев, Е.А. Кербс // Труды Богучанской археологической экспедиции. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 2. 168 с.

Remade of Defective Polished Tools in the Neolithic of the Northern Angara Region Based on Materials from the Ruchey Smolokurny Site (Works of 2010–2011)

N.V. Glushko

The Ruchey Smolokurny is a multi-layered archaeological site in the Northern Angara region. Artifacts from the Paleolithic, Neolithic, Bronze Age and Middle Ages were found in the sediments of this archaeological object. The Neolithic horizon had the largest distribution area and the highest concentration of finds. It was found that some of the most significant Neolithic finds – polished tools, were remade after a breakage into items that were different in morphology: cores, scrapers, adzes, bifaces. We can make a conclusion, based on the analysis of the polished items collection, their fragments and secondary tools: the ancient inhabitants were extremely economical with all types of raw materials, and the conversion was not a situational decision, but a natural stage in the existence of tools.

Keywords: Northern Angara, Neolithic, polished tools, remade, conversion.

Глушко Надежда Вячеславовна

лаборант

Институт археологии и этнографии СО РАН

e-mail: n.glushko@alumni.nsu.ru

Glushko Nadezhda Vyacheslavovna

Laboratory Assistant

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

e-mail: n.glushko@alumni.nsu.ru

УДК 902/904

Зубчатые наконечники гарпунов токаревской культуры (Северное Приохотье)*

С.П. Гребенюк

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН,
Магадан, Россия*

Токаревская культура – древняя приморская археологическая культура Северного Приохотья, существовавшая с VIII в. до н.э. по V в. н.э. Ее стоян-

ки расположены на побережье и островах в районе Тауйской губы, в устьях рек Ойры и Оксы, на о-вах Недоразумения, Завьялова, Спафарьева и Талан,

*Работа выполнена по гранту РНФ, проект № 22-18-00319.

а также в бухте Токарева и на м. Восточный (Ольский) [Лебединцев, 2019]. Культура была выделена А.И. Лебединцевым в 1982 г. и получила свое наименование по стоянке Токарева (Ольский р-н, Магаданская обл.). Считается, что эта общность входила в круг палеоэскимосских [Там же], и на ее основе позже формируется древнекорякская культура V–XVII вв. [Лебединцев, 2013].

Хозяйство токаревской культуры было ориентировано на использование морских ресурсов – добычу морских животных, рыбы и моллюсков. Из костей морских и сухопутных млекопитающих, рога оленя на памятниках токаревской культуры изготавливались орудия охоты, рыболовства и собирательства, предметы для организации быта, а также украшения, форма которых отражала связь с морской жизнью [Лебединцев, 1990, с. 185, 192].

Зубчатые наконечники гарпунов являются важными артефактами, связанными с морским промыслом и ритуальными целями древнего населения, и часто обнаруживаются в ходе полевых работ. Различные формы и размеры зубцов свидетельствуют о тщательном подборе инструмента для проникновения и надежной фиксации в теле животного. Цель настоящей работы состояла в обобщении имеющейся информации о количестве и типологии зубчатых наконечников токаревской культуры с учетом результатов новейших полевых работ 2019 и 2022 гг.

Впервые в Северном Приохотье зубчатые наконечники были найдены на о-вах Завьялова и Недоразумения [Васильевский, 1971]. На верхней стоянке о-ва Завьялова М.Г. Левиным были обнаружены четыре односторонних зубчатых наконечника. Сама стоянка датируется концом I тыс. до н.э., и интересным является тот факт, что один из наконечников имел сразу пять зубцов [Васильевский, 1973, с. 42]. Два наконечника такого же типа были найдены А.И. Лебединцевым на о-ве Спафарьева и Ольском поселении. Эти наконечники также имеют сетчатый орнамент на стороне, где расположены зубцы [Лебединцев, 1991, с. 161].

На о-ве Недоразумения Р.С. Васильевским был обнаружен односторонне зубчатый наконечник гарпуна с двумя зубцами и одним отверстием для лопатки. Три подобных наконечника были найдены А.И. Лебединцевым на о-ве Спафарьева [Лебединцев, 1991, с. 161]. Р.С. Васильевский отмечал некое сходство таких изделий с наконечниками культуры Качемак I Южной Аляски [1971, с. 38]. Кроме того, на о-ве Спафарьева было обнаружено еще восемь наконечников гарпунов с симметрично расположенными боковыми зубцами, имеющими массивный уплощенный насад и от-

верстия для лопатки овальной или круглой формы. Некоторые наконечники украшены орнаментом или имеют раздвоенные зубцы. Кроме того, в коллекции этой же стоянки фиксировалось еще три наконечника: два односторонне зубчатых острия, использовавшихся как остроги для охоты на крупную рыбу и морского промысла, а также миниатюрный наконечник с приостренным лезвием и небольшим боковым зубцом [Лебединцев, 1991, с. 161].

На стоянке Окса-2 были обнаружены два зубчатых наконечника: один из них – однозубчатый с приостренным насадом и небольшим уступом в основании, второй – обломок нижней части с овальным отверстием для лопатки [Лебединцев, 1990, с. 33–36]. Большинство зубчатых наконечников токаревской культуры происходят с Ольской стоянки. А.И. Лебединцев разделил зубчатые наконечники данного памятника на четыре группы: наконечники с симметрично расположенными боковыми зубцами и массивным овальным в сечении насадом; односторонне зубчатые наконечники острог для добычи рыбы и морского промысла в составе гарпунов; наконечники с симметричными зубцами в центральной части округлого сечения; наконечники с приостренным лезвием, одним боковым зубцом [Лебединцев, 1991, с. 158–159].

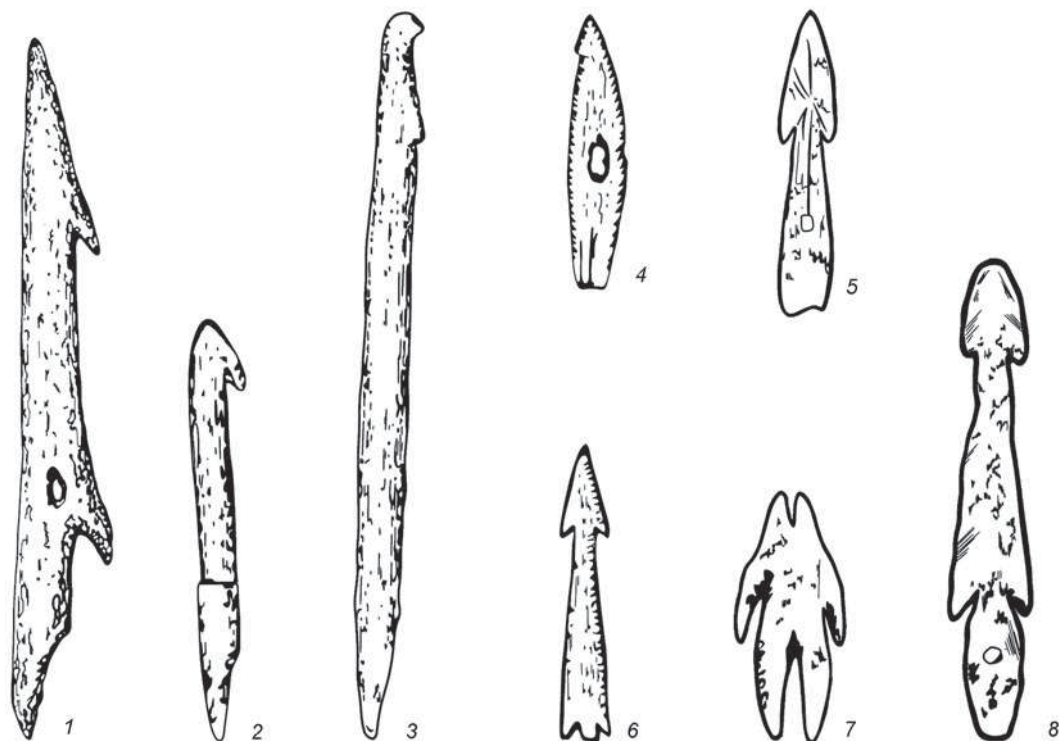
Материалы раскопок Ольской стоянки в 2019 и 2022 гг., проводившиеся под рук. А.И. Лебединцева, И.В. Макарова и А.А. Прута принесли новые информативные находки [Лебединцев и др., 2019, 2022]. С учетом полученных данных мы подразделяем зубчатые наконечники токаревской культуры на два основных типа: односторонне и симметрично зубчатые.

Среди односторонне зубчатых наконечников выделено четыре разновидности:

- 1) наконечники со скошенным насадом и овальным отверстием, часть из которых имеет сетчатый орнамент на той стороне, где располагаются зубцы (см. *рисунок, 1*);
- 2) наконечники с приостренным лезвием и одним боковым зубцом верхней части (см. *рисунок, 2*);
- 3) наконечники острог для охоты на крупную рыбу и морского промысла (см. *рисунок, 3*);
- 4) наконечники миниатюрные с приостренным лезвием, небольшим боковым зубцом и овальным отверстием в центре (см. *рисунок, 4*).

Симметрично зубчатые наконечники подразделяются на три разновидности:

- 1) наконечники с массивным уплощенным насадом и отверстием для лопатки (см. *рисунок, 5*);
- 2) наконечники на тонкой центральной части с округлым сечением (см. *рисунок, 6*);

Зубчатые наконечники Токаревской культуры.

1–4 – односторонне зубчатые наконечники; 5–8 – симметрично зубчатые наконечники. 1, 4 – о. Спафарьева; 2 – о. Завьялова; 3, 5–8 – Ольское поселение.

3) наконечники с двумя боковыми удлиненными зубцами и узкой прорезью в нижней части (см. рисунок, 7).

В раскопках Ольской стоянки 2019 г. [Лебединцев и др., 2019] были найдены два орудия, образующих новую разновидность симметричных зубчатых наконечников. Оба изделия имеют два боковых зубца и прорезь в нижней части, второй также располагает прорезью для копьеца в верхней части (см. рисунок, 7). В этой же коллекции выделен зубчатый гарпун с симметричными зубцами вверх и расширяющимся уплощенным насадом, в нижней части которого находится овальное отверстие для линя (см. рисунок, 5). Этот гарпун соответствует первой разновидности симметрично зубчатых наконечников. Кроме того, коллекция содержит обломок наконечника зубчатого гарпуна, который не удалось классифицировать из-за фрагментации.

В коллекции 2022 г. выделено два зубчатых наконечника [Лебединцев и др., 2022]. Оба артефакта относятся к первой разновидности симметрично зубчатых орудий. Они имеют симметричные зубцы и уплощенный насад, с округлым отверстием для линя. Примечательно, что второй наконечник имеет сразу две пары симметричных зубцов, что ранее не встречалось (см. рисунок, 8).

Таким образом, зубчатые наконечники токаревской культуры различаются по расположению

зубцов, форме и функциональному назначению. В ходе раскопок Ольской стоянки в 2019 и 2022 гг. были обнаружены ранее не известные разновидности этих орудий. Перспективным для дальнейшего исследования является уточнение общего количества зубчатых наконечников токаревской культуры и их сравнение с изделиями данного типа в других приморских культурах Северной Пацифики.

Научный руководитель – А.Ю. Федорченко
науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

Васильевский Р.С. О типологии и классификации древнекорякских наконечников гарпунов // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 97–114.

Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск: Наука, 1971. 250 с.

Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Охотоморья // Историческая наука в третьем тысячелетии / отв. ред. А.Н. Сорокина. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 79–118.

Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л.: Наука, 1990. 260 с.

Лебединцев А.И. Наконечники гарпунов токаревской культуры // Краеведческий бюллетень. № 2. Южно-Сахалинск, 1991. С. 156–168.

Лебединцев А.И. Приморские культуры Охотоморья: эскимосско-алеутское влияние // V Северный археологический конгресс / отв. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: Универсальная тип. «Альфа-Принт», 2019. С. 175–177.

Лебединцев А.И., Макаров И.В., Прут А.А., Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю. Результаты полевых исследований стоянки Ольская (Северное Приохотье)

в 2019 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 440–447. doi: 10.17746/2658–6193.2019.25.440–447.

Лебединцев А.И., Прут А.А., Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю., Макаров И.В., Гребенюк С.П. Результаты полевых исследований стоянки Ольская (Северное Приохотье) в 2022 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 28. С. 599–605. doi: 10.17746/2658–6193.2022.28.0599–0605.

Barbed Harpoon Heads of the Tokarev Culture (Northern Priokhotye)

S.P. Grebenyuk

The article explores the barbed harpoon heads from the Tokarev culture. The goal is to summarize the data on the types of barbed harpoon heads of the Tokarev culture, taking into account the results of recent years. The barbed harpoon heads of the Tokarev culture differ in the arrangement of the barbs, have different shapes, and functional purposes. The barbed harpoon heads of the Tokarev culture can be divided into two main types: single side barbed and symmetrically barbed. These types have varieties determined by the configuration of the base end, the line hole, and the blade. During the field research at the Olskaya site in 2019 and 2022, previously unseen elements and varieties of barbed harpoon heads were discovered. Further research could focus on clarifying the total number of barbed harpoon heads of the Tokarev culture and comparing them with the harpoon heads of other ancient maritime cultures of the Northern Pacific.

Keywords: Northern Priokhotye, Paleometal Age, Tokarev culture, Barbed harpoon heads, Olskaya site, Spafaryev Island, Nedorazumeniya Island, Zavyalov Island.

Гребенюк Сергей Павлович

инженер

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН

e-mail: spgrebenyuk@edu.tversu.ru

Grebenyuk Sergey Pavlovich

Engineer

Northeastern Interdisciplinary Research Institute of the FEB RAS

e-mail: spgrebenyuk@edu.tversu.ru

УДК 903(571.5)“6347”

Первичное расщепление финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина)

А.С. Деревнина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Поселение Тайлеп-2, обнаруженное в 2003 г. Ю.В. Шириным, расположено в юго-западной оконечности Кузнецкой котловины, на месте схождения границ Салаирского кряжа, Горной Шории и Кузнецкого Алатау, на пологонаклонной поверхности I надпойменной террасы р. Кондомы [Палеолит Горной Шории, 2005].

В результате спасательных археологических работ, проведенных ИАЭТ СО РАН в 2020 г., на памятнике было выявлено три культурных горизонта: 1) ранний железный век – этнографическая

современность; 2) мезолит – ранний неолит; 3) финальный верхний палеолит [Тимошенко и др., 2020].

В настоящей работе представлены результаты изучения первичного расщепления культурного горизонта 3.

Сырьевой базой каменного производства служил местный галечник из руслового аллювия. Галечное сырье, представленное в основном кремнистыми породами, низкого качества, трещиноватое [Там же]. Именно колотые гальки послужили заготовками большинства нуклеусов (78 %), в единич-

ных случаях ядрища оформлялись на сколах (6 %) и отдельностях сырья (16 %).

Коллекция каменных артефактов культурного горизонта 3 насчитывает 10 755 экз., в т.ч. 88 нуклеусов и их преформ, 3 620 сколов, 705 орудий и 6 342 экз. отходов каменного производства.

Коллекция типологически определимых нуклеусов, представленных 74 экз., составляет 1,7 % от каменной индустрии комплекса без отходов производства. Для исследуемых нуклеусов выделяется три принципа расщепления: призматический (31 экз.), плоскостной (34 экз.), торцовый (5 экз.).

У нуклеусов призматического принципа расщепления дуга выпуклости рабочей поверхности составляет от 90° до 360°. Среди них выделяются подпризматические (дуга скалывания от 90° до 180°) и призматические нуклеусы (дуга скалывания превышает 180°).

Для призматических нуклеусов коллекции характерно параллельное однонаправленное расщепление и, соответственно, наличие единственной, в большинстве случаев (86 %) предварительно подготовленной, ударной площадки. Размеры данных нуклеусов варьируют от 18 до 62 мм в длину, от 26 до 64 мм в ширину и от 19 до 59 мм в толщину. На 90 % нуклеусов зафиксировано наличие галечной корки, в среднем занимающей ок. 25–50 % поверхности. Результатом расщепления большинства призматических нуклеусов предполагались пластинки, реже – пластины, о чем свидетельствуют негативы сколов, зачастую неудавшихся из-за плохого качества сырья. Заломы и трещиноватость галечника стали причиной прекращения утилизации нуклеусов задолго до истощения, на средней и даже начальной стадиях расщепления.

Параллельное однонаправленное скалывание с одной подготовленной площадки фиксируется также на подпризматических нуклеусах, составляющих около трети (10 экз.) от ядрищ призматического принципа расщепления. Стоит отметить наличие среди подпризматических одного двуфронтального нуклеуса, фронты которого противолежат друг другу по сторонам ударной площадки. Диапазон размеров сходен с аналогичными данными призматических нуклеусов: от 25 до 54 мм в длину, от 35 до 61 мм в ширину, от 22 до 46 мм в толщину. Галечная корка, присутствующая на 90 % подпризматических нуклеусов, занимает по большей части 50–75 % их поверхности. Как и у нуклеусов предыдущей категории, не всегда представляется возможным определить тип целевых сколов и, как следствие, назначение расщепления. Но, несмотря на заломы, из-за которых

чаще всего прекращалась утилизация подпризматических нуклеусов, сохранившиеся негативы позволяют установить достаточную вариабельность сколов: присутствуют следы снятия микропластин, пластинок, пластин, отщепов, пластинчатых отщепов.

Нуклеусы плоскостного принципа расщепления примечательны не только преобладающей долей в коллекции, но и разнообразием систем скалывания. Помимо доминирующего параллельного однонаправленного приема скалывания (68 %), выделяются конвергентный (6 %), ортогональный, параллельный альтернативный, параллельный встречный, перпендикулярный, радиальный (все – по 3 %), а также бессистемный (12 %), что предполагает переоформление отдельных нуклеусов. Если по длине и ширине плоскостные нуклеусы несколько превосходят ядрища призматического принципа расщепления, доходя до 75 и 72 мм соответственно, то их толщина, в силу типологических особенностей, напротив, уступает нуклеусам иных категорий, находясь в интервале от 12 до 48 мм. При отсутствии галечной корки на 12 % нуклеусов, на остальных она заполняет 25–75 % поверхности, имея различную локацию. Среди плоскостных нуклеусов наиболее велик процент тех, где отсутствуют или не читаются из-за заломов целевые сколы (38 %). Это, в частности, три бессистемных нуклеуса, сработанные до истощения или оставленные из-за невозможности дальнейшего расщепления. В отличие от описанных выше категорий, назначение плоскостных нуклеусов в 53 % случаев – создание заготовок отщеповых пропорций, в силу особенностей сырья, более успешное, нежели попытки снятия пластин и пластинок.

Торцовые нуклеусы занимают подчиненное положение в коллекции – выявлено лишь 5 экз., для которых свойственны параллельное однонаправленное расщепление, подготовка ударной площадки множественными сколами. Размеры колеблются от 21 до 63 мм в длину, от 9 до 49 мм в ширину, от 15 до 44 мм в толщину. В силу значительного истощения большинства нуклеусов галечная корка в среднем занимает не более 25 % поверхности, лишь одно ядрище, оставленное из-за заломов на начальной стадии расщепления, покрыто коркой более чем на 75 %. Торцовые нуклеусы были оформлены для микро- и мелкопластинчатого расщепления, утилизация прекращалась чаще из-за истощения, нежели плохого качества сырья.

Также стоит выделить четыре нуклеуса, определенных как комбинированные, сочетающих в себе различные принципы расщепления в вариациях «призматический + торцовый» (1 экз.)

и «плоскостной + торцовый» (3 экз.). Все они объединены параллельной однонаправленной системой расщепления, отсутствием или малым (до 25 %) наличием галечной корки и направленностью на получение пластинчатых заготовок. Продолжительная утилизация нуклеусов, о чем свидетельствует их переоформление, приводила к значительному истощению и поломкам. Оформленные на наиболее качественных отдельностях сырья, комбинированные нуклеусы срабатывались до невозможности продолжения расщепления, а в единичных случаях, отмеченных в коллекции, переоформлялись в орудия, что подтверждает предположение о бережливости древних мастеров [Деревнина, 2022].

Сопоставление средних линейных параметров сколов и негативов последних снятий на нуклеусах указывает на их соразмерность. Например, длины пластинок составляют в среднем от 17 до 26 мм, а тот же показатель для последних сколов на призматических нуклеусах находится в диапазоне от 17 до 28 мм. Следовательно, редукция нуклеусов относительно слабая, а цепочка первичного расщепления короткая – указывает на это и наличие галечной корки на большей части нуклеусов и орудий (44 % у скребков, 54 % у долотовидных изделий) [Там же]. Резонно предположить, что из-за многочисленности и доступности сырья, тщательной подготовки к расщеплению не производилось – специально оформлялась лишь ударная площадка, и целевые сколы снимались сразу, без предварительного этапа декортикации.

Таким образом, первичное расщепление финальнoверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 характеризуется двумя основными принципами – призматическим и плоскостным. Первый, направленный на получение

пластинчатых заготовок, не столь ярко отражен в орудийной коллекции в силу неудачного расщепления некачественных галек. Планировавшиеся пластины и пластинки, вероятно, разрушались, заламывались и в дальнейшем ретушировались и утилизировались реже, чем отщепы. Заготовки же отщеповых пропорций послужили основой для наиболее представительных категорий орудий – скребков (97,7 % на отщепах) и долотовидных изделий (100 %) [Там же], что объясняет представительность нуклеусов плоскостного принципа расщепления в коллекции. Древнее население стоянки Тайлеп-2 явно обладало навыками скалывания пластинчатых заготовок, но вынуждено было довольствоваться по большей части отщеповыми, что и определило облик каменной индустрии комплекса.

*Научный руководитель – С.А. Когай
канд. ист. наук, науч. сотр.,*

Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

Деревнина А.С. Комбинированные орудия финальнoверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина) // Материалы LXII Рос. археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых, Кызыл, 22–24 сент. 2022 г. Кызыл: Сибир. федер. ун-т, 2022. С. 51–53.

Палеолит Горной Шории / Г.Я. Барышников, А.Л. Кунгуров, М.М. Маркин, В.П. Семибратов. Барнаул: Аз Бука, 2005. 279 с.

Тимошенко А.А., Бычков Д.А., Ахметов В.В., Когай С.А., Павленок Г.Д., Белан О.В. Материалы финального верхнего палеолита стоянки Тайлеп-2 (по результатам спасательных работ 2020 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. 26. С. 932–936.

Primary Knapping of the Final Upper Paleolithic Cultural Horizon of the Taillep-2 Site (Kuznetsk Basin)

A.S. Derevnina

The paper presents the analysis results of the primary knapping of the Final Upper Paleolithic cultural horizon of the Taillep-2 site. The prismatic, non-volumetric and narrow-faced principles were revealed. A comparison of the sizes of the blank negatives on the cores and the linear parameters of the flakes gave an idea of the duration of the disposal of the cores and the purpose of the blanks.

Keywords: Final Upper Paleolithic, cores, primary knapping, lithic industry, Kuznetsk Basin, Taillep-2.

Деревнина Алёна Сергеевна

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: fjellvarulv@gmail.com

Derevnina Alyona Sergeevna

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: fjellvarulv@gmail.com

Опыт применения метода бурения при изучении гривных памятников эпохи позднего палеолита в Омском Прииртышье на примере стоянки Черноозерье II

Р.И. Дубровный

Омский государственный университет, Омск, Россия

Известным и изучаемым памятником финального палеолита в Омской области является стоянка Черноозерье II. Она расположена в Саргатском р-не Омской обл., в 1,5 км к юго-западу от д. Черноозерье, в эоловых отложениях гривы на останце первой надпойменной террасы левого берега р. Иртыш. В гранулометрическом отношении грива сложена серыми неслоистыми рыхлыми среднезернистыми песками и супесями от темного коричнево-серого до серо-желтого цвета. Ее рельеф сильно изменен, встречаются многочисленные следы прошлых раскопок: ямы, отвалы, траншеи. Встречаются многочисленные ходы землеройных животных и другие биотические нарушения [Горбунова и др., 2016; Шмидт, 2019а, с. 2–3].

Культуросодержащие горизонты стоянки залегают на глубине ок. 2,5 м от уровня современной дневной поверхности, что не позволяет визуальную идентификацию их наличия или отсутствия в микрорельефе гривы и усложняет процедуру поиска границ памятника стандартными методами (шурфовка, зондаж). Но есть методы, которые связаны с экономией поисковых усилий и повышением их эффективности. Один из них – археологическое бурение, которое применялось, в частности, при исследовании таких палеолитических памятников, как Усть-Менза [Рыжов, Кобылкин, Голубцов, 2015, с. 5] и Хотылево [Воскресенская и др., 2016, с. 2]. Стратегия бурения на Черноозерской гриве, реализованная в 2018 г. [Шмидт, 2019б, с. 2–3], обозначила преимущества и ряд недостатков применения данного метода в конкретных полевых условиях, что и хотелось бы обсудить в данной публикации.

Алгоритм проведения бурения включает в себя непосредственные полевые работы и камеральную обработку полученных результатов. Полевой этап состоял из построения сетки скважин, закладки скважин с параллельным заполнением формуляров. Бурение проводилось ручным способом с применением оборудования голландской фирмы Eijkelkamp, позволяющим бурить и проводить опробование до глубины 5 м. Использовался пробоотборник диаметром 6 см, длиной 20 см, минимально нарушающий слой и позволяющий достаточно надежно описывать керн. Таблица цветовой гаммы почвен-

ных образований Munsell Soil Color Book минимизировала субъективность цветовой идентификации изъятых проб. Для фиксации исследования каждой скважины заполнялся формуляр, включающий в себя показатели погодных условий на момент бурения, GPS координаты скважины, относительные координаты скважины согласно данным сетки, глубину скважины (расчет от уровня поверхности в см), характеристики керна (по состоянию 10 см от жала), гомогенность/гетерогенность, гранулометрический состав, влажность, пластичность, включения, цвет по таблице Манселла.

На этапе камеральной обработки производился анализ полученных данных, выстраивались колонки глубин распространения культурных отложений, данные заносились на карту [Шмидт, 2019а, с. 21–22].

В периметре северо-западного угла площади раскопа 1969 г. (включая площадь раскопа 3) было заложено 33 скважины, в 21 из них идентифицирован культурный горизонт.

Результаты бурения 2018 г. показали наличие культурного горизонта на большей части площади раскопа 3, а также его распространение с разной долей интенсивности во всех направлениях от стен раскопа.

Культурный горизонт представлен слабым суглинком, светлого серо-коричневого с буроватым оттенком цвета – 10 YR 4/3 по Munsell Soil Color Book. Пропустить этот слой в стакане бура даже на основе его цветности трудно. Но возникает необходимость объяснения его наличия на исследованных площадях, как и его отсутствия на площадях, не тронутых раскопом. Эта задача решалась в ходе камеральной обработки данных.

Присутствие культурного слоя в скважинах, заложенных на территории старого раскопа, позволило выдвинуть предположение, что раскоп 3 прошел выборочную выборку квадратов. Это скорректировало представления об объеме предстоящих работ в данном секторе, реализованных в 2019–2020-х гг., подтвердивших данные бурения [Шмидт, 2019б, 2020]. На планах, данных В.Ф. Генингом и В.Т. Петриным, показаны границы раскопов, а не границы траншей, в которых данные раскопы были

заложены. Траншеи несколько шире раскопов, что методически понятно, но формально они не зафиксированы. Это вносит путаницу в понимание современных археологических рельефов гряды. Нам не известны точные границы раскопов и, не исключено, что вектор бурения на площади раскопа 3 прошел за пределами исследованных территорий либо близко к ним.

Проблема «прерывистости» культурного слоя на территориях, окружающих раскоп, объясняется его естественными характеристиками. В ходе археологических работ отмечена неравномерность его представленности на площади раскопов, как и нестабильность окраса. Есть участки с едва уловимой колористической разницей между слоем 5 и слоем 4 (супесь / слабый суглинок, 10 YR 4/3). Заметить это отличие в заполнении стакана бура затруднительно, особенно если не соблюдается единство временного интервала проведения работ и освещенности. Наиболее оптимальный период суток для проведения бурения на гряде с 10:00 до 16:00. На закате и в тени либо при облачности соотношение цветов в керне и таблице может дать разные результаты.

Не исключены ошибки в идентификации культурных отложений и в условиях обилия биотических нарушений. Норы грызунов (и мелкие, и крупные), нередко обладают заполнением, по цвету и составу, схожим со слоем 5. Поэтому в ряде случаев подозрительные изменения в стаканах бура на показательной глубине были названы «цветовыми диффузиями», что, безусловно, требует дальнейших проверок.

Таким образом, археологическое бурение является «методическим» преимуществом в исследовании гряд. Затраты времени на закладку одной скважины глубиной 5 м составляют около 1,5 часов. Для закладки шурфа этой же глубины потребуется времени значительно больше. Повреждения культурных горизонтов при бурении минимальны, в сравнении с площадью нарушений при шурфовке. Но, при обозначенных достоинствах, реализация бурения требует владения некоторыми исходными данными: мы должны знать, как выглядит культурный слой, упакованный в толщах отложений гряды, основные его характеристики; необходимо соблюдать режим светового дня; быть осторожным с различного рода нарушениями интересующих нас отложений.

Таким образом, при изучении Черноозерской гряды была разработана исследовательская страте-

гия, которую можно и нужно применять для проведения специализированных рекогносцировочных работ с целью поиска памятников эпохи позднего палеолита в регионе с широким распространением грядного рельефа.

*Научный руководитель – Т.А. Горбунова
канд. ист. наук, доцент,*

*Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

*Научный консультант – И.В. Шмидт
канд. ист. наук, доцент,*

*Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

Источники

Шмидт И.В. Отчет о научно-исследовательской работе по проведению полевых археологических работ в Саргатском районе Омской области, в окрестностях д. Черноозерье, первая надпойменная терраса левого берега р. Иртыш в 2018 г. // Омск, 2019а. МАЭ ОмГУ Ф. II. Д. 261-1.

Шмидт И.В. Отчет о результатах археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стоянка Черноозерье II» в Саргатском районе Омской области, проведенных в 2019 г. // Омск, 2019б. МАЭ ОмГУ Ф. II. Д. 262-1.

Шмидт И.В. Отчет о результатах археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «Стоянка Черноозерье II» в Саргатском районе Омской области, проведенных в 2020 г. // Омск, 2020. МАЭ ОмГУ Ф. II. Д. 263-1.

Список литературы

Воскресенская Е.В., Гаврилов К.Н., Зарецкая Н.Е., Панин А.В. О периодизации памятников верхнего палеолита в окрестностях села Хотылёво // Русский сборник. Брянск: Брян. гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского, 2016. Т. 1, вып. 8. С. 33–43.

Горбунова Т.А., Осинцева Н.В., Шмидт И.В., Штойбле Х. Новые данные по геоморфологии, стратиграфии и датировке стоянки Черноозерье II // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. № 5. С. 153–158.

Рыжов Ю.В., Кобылкин Д.В., Голубцов В.А. Этапы формирования отложений покровного комплекса высоких террас реки Чикой (Усть-Мензинский геоархеологический район) в позднем плейстоцене и голоцене // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2015. № 4. С. 170–182.

Geomorphological Features and Characteristics of Cultural Deposits of the Paleolithic Site Chernoozerye II According to Archaeological Drilling Data

R.I. Dubrovny

The article discusses the results of the archaeological expedition in 2018 at the archaeological site of Chernoozerye II, the first attempts at structural and exploratory drilling of wells have already been carried out in order to identify and generally

understand the essence and thickness of cultural layers, as well as to clarify the distribution and depth of cultural strata. These actions gave certain results, which allowed us to draw some conclusions about the geomorphological features and characteristics of the cultural deposits of the Paleolithic site Chernoozerye II. The problem of drilling the archaeological site Chernoozerye II is also considered.

Keywords: archaeology, paleolithic, drilling, archaeological drilling.

Дубровный Родион Иванович

студент 3-го курса

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

e-mail: Kotmak228@mail.ru

Dubrovny Rodion Ivanovich

3rd year student

F.M. Dostoevsky Omsk State University

e-mail: Kotmak228@mail.ru

УДК 903(571.53)''6325''

Многослойное местонахождение Мальтинка-1 (Южное Приангарье): по материалам работ 1977 и 1983 гг.*

Д.П. Золотарев, И.С. Шегутов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Регулярные и планомерные исследования в нижнем течении р. Белой начинаются с открытия в 1928 г. Мальтинского палеолитического местонахождения, раскопки которого проводил М.М. Герасимов в 1928–1930, 1932, 1934, 1937 гг. Одновременно с раскопками в Мальте им проведен ряд разведочных маршрутов в долине р. Белой от с. Бельск до устья реки: открыты стоянки у пос. Мишелевка; в устьевом участке р. Мальтинки (правый приток р. Белой) – Стоянка у мельницы и Каменоломня; ниже по течению – Урочище Камень, Бадай, Черемушник, Усть-Белая [Герасимов, 1940].

Первый пункт сбора подъемного материала в районе устья р. Мальтинки обозначен как Стоянка у мельницы (Мальтинка-2). Он расположен между вторым прудом на р. Мальтинке и р. Белой [Бердникова, 2007, с. 61].

Второй пункт – Каменоломня – находится на стрелке между р. Белой и р. Мальтинкой. Здесь М.М. Герасимов в каменоломне и на пашнях собрал материал палеолитического облика [Там же, с. 63]. В 1977 и 1983 гг. здесь проведены раскопочные работы Бельским палеолитическим отрядом КАЭ ИГУ под руководством И.Л. Лежненко. В литературе местонахождение получило название Мальтинка-1, т.к. расположено на правом приустьевом участке одноименной речки. Выработки общей площадью 15 м² заложены в 5–8 м от борта террасовидной поверхности высотой 18–20 м. Выделено 4 уровня залегания находок (культуросодержащих

горизонта – к. г.). К. г. 1 включен в горизонт А_{пах} на глубине 0,1–0,2 м. Находки к. г. 2 включены в слой палево-желтой супеси на глубине 0,5 м. Материалы к. г. 3 фиксировались в палевой карбонатизированной супеси на глубине ок. 0,8 м. К. г. 4 располагался в подошве лессовидных отложений на глубине ок. 1,5 м [Лежненко, 1978, 1987]. Датировка уровней находок определена по стратиграфической позиции: к. г. 1 – неолит – бронзовый век (6–3 тыс. л.н.); к. г. 2–4 – верхний палеолит (к. г. 2 – 12,5–12 тыс. л.н., sr⁴; к. г. 3 – 14,8–14,5 тыс. л.н., sr³; к. г. 4 – 21–19 тыс. л. н., sr¹_{1–2}).

Раскопки 1977, 1983 гг. известны по полевым отчетам и кратким сообщениям, где находки представлены лишь провизорно. Таким образом, в качестве цели настоящей работы видится послойная характеристика археологических коллекций (см. *таблицу*).

К. г. 1. Находки немногочисленны (8 ед.) – среди них 6 осколков, обломок гальки и фрагмент кости.

К. г. 2. Совокупная коллекция находок из всех выработок – 1679 ед. Подавляющее число – изделия из камня (1672 ед.). В их состав входят 2 желвака, которые можно отнести к варианту преформ призматических нуклеусов и галька без следов обработки. Продукты первичного расщепления составили 91,8 % (1536 ед.) от общего числа каменного инвентаря. Больше половины их относится к отходам литопроизводства: чешуйчатые снятия (404 ед.), обломки и осколки (482 ед.). Целевые

*Работа выполнена по гранту РНФ «Особенности микропластинчатых технологий сартанского периода Байкало-Енисейской Сибири и их место в верхнем палеолите Северной Азии», проект № 23-28-01527.

Распределение находок по выработкам, культурным горизонтам и категориям

Категория находок	1977 г.			1983 г.								Всего
	Шурф 1			Шурф 2		Шурф 3			Раскоп 1			
	к. г.			к. г.		к. г.			к. г.			
	1	2	3	2	3	2	3	4	2	3	4	
Фр. породы	1	2	—	—	—	—	—	—	1	2	—	6
Фр. битой породы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	1	5
Обломки, осколки	6	47	2	63	—	—	—	—	374	198	28	718
Чешуйки	—	—	—	30	—	—	—	—	374	243	—	647
Сколы: крупные средние мелкие	—	27	9	33	—	—	—	5	182	92	—	348
	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
	—	16	6	17	—	—	—	—	59	32	—	130
	—	11	1	16	—	—	—	5	123	60	—	216
Технические сколы	—	30	—	37	—	—	1	—	187	126	6	387
Сколы с ретушью	—	7	2	9	1	1	—	5	49	47	15	136
Пластины	—	2	2	1	—	1	—	—	8	2	—	16
Пластинки	—	—	—	—	—	—	—	—	8	4	1	13
Микропластины	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—	4
Фр. пластин	—	2	—	10	—	—	—	—	11	28	1	52
Фр. пластинок	—	—	—	5	—	—	—	—	75	32	—	112
Фр. микропластин	—	—	—	—	—	—	—	—	30	—	—	30
Пластины с ретушью	—	—	—	—	—	1	—	—	5	—	—	6
Фр. пластин с ретушью	—	1	—	3	—	—	—	—	1	3		8
Фр. пластинок с ретушью	—	2	—	3	—	—	—	—	—	1	—	6
Фр. микропластин с ретушью	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Нуклеусы	—	3	1	9	—	1	—	—	15	8	—	37
Фр. нуклеусов	—	—	—	1	—	—	—	—	1	2	—	4
Преформы нуклеусов	—	—	—	1	—	—	1	—	1	3	—	6
Остроконечник	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Ножевидные орудия	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Скребки	—	1	2	2	—	—	—	—	7	8	—	20
Шиповидные орудия	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1	3
Резцы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	8
Долотовидные орудия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Отбойники	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Орудия с выемкой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
Абразивы	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Фр. керамики	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Фр. кости	1	—	1	—	—	—	—	—	6	—	—	8
Всего по слоям	8	127	19	208	1	4	2	10	1340	817	54	2590
Всего по выработкам	154			209		16			2211			

же заготовки представлены сколами различной морфологии (242 ед.), пластинами (12 ед.), пластинками (8 ед.), микропластиной (1 ед.) и всеми категориями фрагментов (133 ед.). Выделяется количеством группа технических сколов (254 ед.): первичные (110 ед.) и вторичные (53 ед.), оформ-

ления и поддержания выпуклости фронта (59 ед.), подправки площадок (32 ед.).

К нуклеидным формам относятся 2 заготовки терминально-краевых (торцовых) нуклеусов, 2 фрагмента, и целые типологически определимые нуклеусы (28 экз.): плоскофронтальные одно-

и двуплощадочные (10 экз.); низкофронтальные одно- и двуплощадочные вариации призматических форм (12 экз.); клиновидные (5 экз.) и один призматический для микропластин.

Орудийный набор насчитывает 100 изделий. В их число входят сколы (65 экз.), целые пластины (6 экз.) и их фрагменты (11 экз.) с ретушью утилизации. Выделяется группа скребков, представленная 9 концевыми формами и орудием с боковым лезвием. Имеются 2 ножевидных изделия: «нож-улу» из кремня и орудие с крутой ретушью на левом маргинале пластины. Интерес представляет листовидный остроконечник-унифас на крупной пластинчатой заготовке с крутой ступенчатой дорсальной ретушью. В коллекцию также входят шиповидное орудие на сколе, галька со следами забитости, которая определена как отбойник и фрагмент мелкозернистого песчаника со следами использования (абразив).

Фаунистические остатки выражены 6 фрагментами неопределимых костей. В составе находок также имеется фрагмент гладкостенной керамики, тип которой определить затруднительно. Скорее всего, он попал туда из вышележащего слоя.

К. г. 3. Общее количество находок в уровне составило 839 ед. В их числе фрагмент неопределимой кости и каменный инвентарь (838 ед.). Продукты расщепления составляют 89 % (745 ед.) от общего числа изделий из камня. Больше половины принадлежит битой породе (4 ед.), чешуйкам (243 ед.), обломкам и осколкам (199 ед.). Целевые снятия выражены сколами различных модификаций (101 ед.), пластинами (4 ед.), пластинками (4 ед.), микропластинами (3 ед.) и их фрагментами (60 ед.). Технические снятия количественно представлены 127 ед. и делятся на группы: первичные (80 ед.) и вторичные (15 ед.), оформления и поддержания выпуклости фронта (24 ед.), подживления площадок (8 ед.).

Выделены 4 преформы терминально-краевых нуклеусов, 2 обломка и целые нуклеусы (9 экз.): призматические низкофронтальные (6 экз.), терминально-краевые (2 экз.), а также подтреугольный в плане.

Орудийный набор состоит из 83 предметов. К ним отнесены ретушированные сколы (50 экз.) и фрагменты пластинчатых снятий (4 экз.). Концевые скребки составляют группу из 9 экз., еще один является боковым. В категории резцов выделяются угловые (3 экз.), двугранные (2 экз.) и многофасеточные формы (3 экз.) на пластинах и сколах. В коллекции также имеются 2 орудия на первичных сколах: с выемкой и долотовидное.

К. г. 4. Археологический материал представлен только изделиями из камня (64 ед.), среди которых: кусок битой породы, 28 обломков и осколков,

5 сколов, 6 технических снятий, пластинка, фрагмент пластины, 20 сколов с утилитарной ретушью, орудия с шипом и выемкой.

В результате анализа разновременных археологических материалов местонахождения Мальтинка-1 удалось определить их технико-типологические характеристики. Находки к. г. 1 и 4 можно охарактеризовать как малоинформативные в силу их невыразительности. Особый интерес представляют комплексы позднего этапа верхнего палеолита (к. г. 2 и 3), содержащие разнообразный в качественном и количественном отношении набор артефактов. Для них следует отметить типологическое многообразие нуклеидных форм (плоскофронтальные, призматические и терминально-краевые). Последние вместе с преформами соотносятся с техниками сайкаи и кампус. Нуклеусы в таких техниках зафиксированы на ближайших синхронных местонахождениях Байкало-Енисейской Сибири. Специфика обоих комплексов заключается также в большом количестве орудий (ок. 6 % для к. г. 2 и 10 % для к. г. 3), среди которых наиболее многочисленными группами являются сколы и пластины с ретушью утилизации, а также наборы концевых скребков на сколах. К индивидуальным особенностям орудийных морфопроявлений следует отнести наличие ножевидных изделий и остроконечника в к. г. 2, а также разнообразной коллекции резцов в нижележащем комплексе.

Необходимо подчеркнуть, что результаты анализа материалов местонахождения Мальтинка-1 дополняют понимание культурных процессов в верхнем палеолите не только в нижнем течении р. Белой, но и на всей территории Байкало-Енисейской Сибири.

*Научный руководитель – Н.Е. Бердникова
ст. науч. сотр.,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Бердникова Н.Е. Роль М.М. Герасимова в исследовании финальнопалеолитических культур Прибайкалья // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 1. С. 58–65.

Герасимов М.М. Поздние палеолитические стоянки р. Белой // БКИЧП. 1940. № 6–7. С. 122–124.

Лежненко И.Л. Новые сведения по палеолиту реки Белой // Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск: Иркут. ун-т, 1978. С. 9–11.

Лежненко И.Л. Полевые исследования Бельского палеолитического отряда // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 131–132.

Multilayered Site Maltinka-1 (Southern Angara Region): Based on the Materials of the Works of 1977 and 1983

D.P. Zolotarev, I.S. Shegutov

The results of the analysis of archaeological collections from the Maltinka-1 site (lower flow of the Belaya River) from the excavations of 1977 and 1983 are presented. There are four cultural layers on an area of 15 m². In the layer 1, uninformative finds of the Neolithic and Bronze Age were found. The most representative are the complexes of the Late stage of the Upper Paleolithic (layers 2 and 3). Their collections include debitage products, core preforms, terminal-edge, flat and prismatic cores, flakes and blades with retouching, end-scrapers, burins, spike-shaped and knife-shaped tools etc. The similarity with the materials of synchronous sites of Baikal-Yenisei Siberia was found. The few materials of the lower horizon (layer 4) correlate with the Early Sartan (sr¹⁻²).

Keywords: Baikal-Yenisei Siberia, Belaya River, multilayered site, Upper Paleolithic.

Золотарев Дмитрий Павлович

аспирант 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Zolotarev Dmitriy Pavlovich

2nd year postgraduate student

Irkutsk State University

e-mail: dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Шегутов Иван Сергеевич

магистрант 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: shegutov@gmail.com

Shegutov Ivan Sergeyevich

2nd year master's degree student

Irkutsk State University

e-mail: shegutov@gmail.com

УДК 903.01

Специфика следов перфорации кости сверлом и проверткой

Г.А. Климов

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

В Омской области известен единственный памятник позднего палеолита – Черноозерье II. В ходе его раскопок в течение ряда лет была получена представительная коллекция костяных изделий и их фрагментов. На части этих изделий зафиксированы отверстия.

В древности отверстия получали разными способами. В Костенках отмечено «проковыривание», «прорезание» отверстий [Родионов, 2022, с. 8]. Известны способы перфорирования проверткой, а также сверления полый костью и каменным наконечником. Чтобы понять, как были получены отверстия на черноозерских изделиях, нам нужно провести ряд экспериментов с использованием различных инструментов, зафиксировать следы изготовления и сопоставить их со следами на артефактах.

Прежде чем перейти к описанию поставленного эксперимента и его результатов, нам необходимо определить термины, которые будем использовать в дальнейшем. Под проверткой будем подразумевать ручной инструмент для перфорации, ход вращения которого не превышает 180° – что будет названо проворотом-разворотом. Сверло – это орудие для получения отверстий, ход враще-

ния которого составляет более 180°. Оригинальную типологию перфораторов верхнего палеолита предложил С.А. Семенов в фундаментальной монографии «Первобытная техника». В комплексе сверл он выделял 2 группы – зенкеры и развертки. Орудия первой группы представляли пластину, коротко заостренную ретушью на конце с двух сторон. Ее острие, или жало, слегка поднималось над плечиками, и в профиле было более или менее тупым, массивным, но имело режущую бороздку. Такие сверла, в силу малой длины рабочей части, не служили для окончательного высверливания отверстий в кости или дереве, а использовались, как показывают следы употребления, лишь в качестве инструмента для «зенкования» отверстий, т.е. наметки их и частичного углубления в предмет [Семенов, 1968, с. 61–68]. Сверло второго типа предназначалось для окончательного высверливания отверстия по намеченным лункам. Оно изготовлялось также из пластин, но имело рабочую часть, полученную двусторонней ретушью по краю пластины, более длинной и узкой, что позволяло сверлу углубляться в предмет значительно больше. В большей степени для нас важен тот факт, что Семенов не выделял наличие черешка как

обязательную часть конструкции ручного сверла. Поэтому в категорию сверл, по Семенову, могли быть отнесены провертки и развертки [Семенов, 1953, с. 455–458].

В качестве орудий в рамках нашего эксперимента применялись сверло и провертка. *Сверло* изготовлено из призматической в сечении пластинки с применением крутой ретуши. В ходе эксперимента рабочий край сверла переоформлялся. Его конечная форма – ярко выраженное жало и плечики. Эта форма оказалась наиболее эффективной для сверления – техническая специфика процедуры «дооформляла» острие буров в направлении указанной формы. В качестве древка использовался заранее обработанный черенок из массива лиственницы, длина которого достигала 15 см, а диаметр 1,7 см. *Провертка* выполнена из крупной, треугольной в сечении кремневой пластины, с применением отжимного ретуширования дистального конца.

В эксперименте в качестве сырья использованы плюсовые кости молодого быка. Предварительно с костей была частично удалена надкостница (периост). После часть костей была подвергнута термической обработке в слабосоленом водном растворе в течение 2 часов. Затем с проваренных костей были сняты остатки надкостных тканей.

Технологические следы получения отверстия были изучены с применением стереоскопического микроскопа МБС-9 при рабочем режиме увеличения от 20 до 60 крат.

Для получения отверстий применялся метод биконического сверления – попеременное двустороннее ручное сверление без последующего расширения отверстия. В ходе эксперимента получено 16 биконических отверстий – 8 сверлом и 8 проверткой. На изготовление одного отверстия потребовалось от 14 до 25 минут. В ходе эксперимента было замечено, что рабочий край провертки, в большей мере, чем рабочая часть сверла, подвержен процессу выкрашивания (деформации). Связано это, преимущественно, с изменением амплитуды вектора хождения провертки в канале сверления, а также с чрезмерно высоким давлением на инструмент.

В результате перфорации сверлом получается выработать отверстия округлой формы, диаметром от 3,0 до 3,7 мм, в сечении приближающиеся к цилиндру. Следы внутри канала сверления заметно структурированы. Линейные следы канала сверления отчетливо параллельны друг другу и перпендикулярны основной оси отверстия. Сопряжение бортов канала с плоскостью сверления ровное.

Особенность перфорирования проверткой заключается в том, что, совершая вращательные движения вправо и влево (возвратно-поступательные),

она не дает полных оборотов вокруг оси вращения, поэтому для того, чтобы получить более-менее округлое в плане отверстие, необходимо попеременно менять ориентацию инструмента. Именно это определяет специфику образуемых проверткой в обрабатываемом материале углублений. Отверстие имеет коническую форму и округлое очертание в плане, однако не такое правильное как у просверленных отверстий. Общий вид канала сверления характерен неровностью сопряжения с плоскостью обработки. В канале перфорации четко фиксируются блоки линейных следов. Внутри блоков следы параллельны, однако блоки накладываются друг на друга под разными углами.

В обоих типах отверстий зафиксированы следы заполировки, однако более показательными для различения сверла и провертки с применением микроскопа с небольшим увеличением являются именно линейные следы.

Обнаруженные на стоянке Черноозерье II артефакты со следами сверления имеют округлое в плане отверстие с рядами параллельных линейных следов вдоль оси отверстия (ЧЗ2_ОМК9675_701, ЧЗ2_ОМК9675_710). Есть вероятность, что отверстия получали с помощью перфорации зенкером, а затем разверткой, однако против этого говорит тот факт, что мы не фиксируем наслаивания линейных следов. Требуются дополнительные исследования оригинальных перфорированных артефактов с применением более точного оптического оборудования.

Таким образом, в ходе эксперимента были получены образцы технологических следов отверстий, изготовленных с применением сверла и провертки. Эти следы станут эталоном при изучении следов изготовления отверстий на костяных изделиях памятника Черноозерье II, инструментарием для когнитивного анализа производственных процессов первобытного человека.

*Научный руководитель – Т.А. Горбунова
канд. ист. наук, доцент,
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

Список литературы

Родионов А.М., Толстых Д.С. Трасологический анализ каменной и костяной индустрии стоянки Костенки 9 (по материалам исследований 2006–2007 годов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 3. С. 21–31.

Семенов С.А. О каменных сверлах // Палеолит и неолит СССР: сб. ст. 1953. Т. 2. С. 455–458.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 363 с.

Specificity of Traces of Bone Perforation with a Drill and Reamer

G.A. Klimov

During the excavations of the Chernoozerie II site a representative collection of bone artifacts with traces of perforation was obtained, in this regard, it is important to establish the methods of obtaining the holes. Accordingly, the aim of the study is to obtain and analyze the traces of perforation on the bone, as well as to compare them with artifacts obtained during the excavations of the Chernoozerie II site. The work provides a detailed description of the specificity and principle of the tools such as drill and screwdriver. Particular attention is paid to the description of traces obtained during the experiment. The data obtained and their comparison with the Chernoozerie II material allow us to make preliminary conclusions about the technique of obtaining the holes. The obtained samples will become a benchmark in the study of traces of hole making on bone articles of the Chernoozerie II site, a tool for cognitive analysis of production processes of primitive man.

Keywords: experimental archaeology, Chernoozerie II, drilling, traceology.

Климов Григорий Александрович

студент 3-го курса

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

e-mail: grigklimov1917@mail.ru

Klimov Grigori Alexandrovich

3rd year student

F.M. Dostoevsky Omsk State University

e-mail: grigklimov1917@mail.ru

УДК 902.6(571.5)

Планиграфический метод в исследованиях раннеголоценовых культур Байкальской Сибири и о. Хоккайдо: опыт компаративного исследования

Д.С. Кошкина

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Планиграфический метод является одним из основных методов в исследованиях археологии каменного века. Работы отечественных и японских археологов имеют ряд сходств, таких как высокое внимание к микростратиграфии и анализ пространственного распространения артефактов из аппликационных блоков. Несмотря на географическую отдаленность регионов Байкальской Сибири и о. Хоккайдо, сравнение применения этого метода отечественными и японскими археологами представляется полезным, поскольку оно выявляет различия в общих теоретических представлениях об археологическом объекте, демонстрирует вариабельность целей археологических исследований и позволяет сравнить уровень технической оснащенности.

Целью данного исследования является синтез теоретических оснований и конкретных практик, который позволит расширить представление о раннеголоценовых археологических объектах как на территории Сибири, так и на Хоккайдо.

Планиграфический анализ активно используется исследователями Байкальской Сибири для получения информации о специфике деятельности, функциях археологического объекта, сезонности и продолжительности обитания, способах организации обитаемого пространства.

Планиграфия помогает определить особенности распределения орудий и культурных остатков, и на основе результатов анализа можно делать предположения о функциональной специфике археологического памятника и его конкретных зон. Примером является изучение планиграфии раннеголоценовых слоев стоянки Остров Лиственичный (1 и 2 к. г. Пункта 1 и 5 к. г. Пункта 2). В итоге был сделан вывод о функциональном зонировании двух пунктов стоянки, так как они демонстрировали значительно отличающиеся друг от друга материалы. Несмотря на то, что абсолютная синхронность существования этих двух комплексов дискуссионна, сам факт дифференциации пунктов может свидетельствовать о наличии у древнего населения стоянки хозяйственного годового цикла. Также на Пункте 2 в 5 к. г. на территории стоянки были выделены три основные зоны, которые были обозначены как хозяйственно-бытовая, производственная и рекреационная [Кузнецов, Роговской, 2019, с. 188–190].

Отметим, что с помощью планиграфии часто делаются выводы о длительности обитания древнего населения на стоянке. Данный вопрос рассматривается в работах, посвященных мезолитическим и неолитическим слоям стоянки Саган-Заба II и неолитическому слою стоянки Характа I. Именно

на основе планиграфии, а также подробного анализа фаунистических остатков, делаются предположения о сезонном использовании стоянок, а также об их специализированном характере [Горюнова и др., 2014, 2016; Новиков и др., 2014].

За некоторым исключением, в исследованиях раннеголоценовых археологических объектов Японии во многом представлены те же подходы, что и в работах, посвященных археологии Байкальской Сибири. Однако в связи с некоторыми специфическими особенностями стоянок периода дзёмон, например обилием ям-хранилищ [Нагаяма 4., 1999], японскими исследователями применяется метод цифровой планиметрии (digital planimetry) для измерения двух- и трехмерных объектов. Для осуществления этого анализа применяется специфическое аппаратное обеспечение, в частности электронные планиметры. Данные приборы, используемые в инженерном деле и строительстве, вычисляют объем и площадь поверхности различных фигур. Расчет объемов ям-хранилищ осуществляется на основе стратиграфических профилей. Использование этого инструмента имеет два преимущества. Во-первых, объемы ям для складирования можно оценить, просто оцифровав профиль. Однако при работе с опубликованными профилями необходимо допускать, что чертеж профиля достаточно точен, а яма симметрична. Во-вторых, благодаря электронным планиметрам можно обрабатывать многочисленные образцы, поскольку прибор может быть напрямую связан с программами электронных таблиц Microsoft Excel через программное обеспечение [Sakaguchi, 2009].

Другой отличительной особенностью можно назвать исследования цикличности обитания на стоянках эпохи раннего голоцена. Целью такого подхода можно считать изучение паттернов обитания и заселения стоянки. Различают нуклеарный и дисперсный паттерны как две модели образования поселения. Дисперсный паттерн характеризуется равномерным распределением планиграфических элементов на площади стоянки. Нуклеарный паттерн же подразумевает наличие центра наибольшей концентрации планиграфических элементов и менее насыщенную периферию. При всем этом стоянки редко полностью соответствуют той или другой модели, а скорее находятся в спектре, тяготея в большей степени к тому или иному паттерну. Аналитическим методом при этом подходе выступает размерно-классификационный метод (rank-size analysis). Для того, чтобы разграничить нуклеарные и дисперсные стоянки, для всего массива данных вычисляется коэффициент А по закону Зипфа (Zipf's law). Использование этого закона позволяет перейти от неоднозначного и чисто категориального определения нуклеарных и дисперсных моделей к непре-

рывному спектру значений, где распределение по закону Зипфа выступает в качестве средней точки. Принимая значения размеров и распределения планиграфических элементов стоянки, максимально близкие к распределению по закону Зипфа, за 0, отклонения в отрицательную или положительную сторону будут определять принадлежность стоянки к тому или иному паттерну [Crema, 2013].

Таким образом, можно отметить, что планиграфические исследования в Байкальской Сибири и на о. Хоккайдо находятся на сравнимом уровне, однако при этом существуют заметные различия на уровне подходов в изучении раннеголоценовых археологических объектов. В первую очередь, в работах, посвященных археологии о. Хоккайдо, заметен меньший фокус на функциональном зонировании стоянок в работах японских археологов. При этом можно отметить значительный уровень теоретических оснований проведения планиграфических исследований стоянок периода дзёмон в Японии, более интенсивное применение статистических методов, а также лучшее аппаратное обеспечение японских археологов. Представляется, что названные подходы, доказавшие эффективность в изучении раннеголоценовых объектов Японии, могут подойти для внедрения в исследовательскую практику сибирских археологов. К примеру, на некоторых археологических объектах Байкальской Сибири представлены хозяйственные ямы. Опорным объектом в изучении такого рода планиграфических структур можно считать 16 культуросодержащий горизонт местонахождения Усть-Белая [Медведев, 1971]. Внедрение метода цифровой планиметрии в изучение таких объектов выглядит достаточно перспективным. Кроме того, стоит отметить, что применение теоретических разработок, использованных для изучения цикличности обитания на стоянках периода дзёмон, также выглядит многообещающим для изучения сибирского неолита. Тем не менее, внедрение такого рода новшеств требует тщательной подготовки, принимая во внимание различия в специфике археологического материала и ландшафтно-климатических условий Хоккайдо и Байкальской Сибири.

*Научный руководитель – Н.А. Савельев,
канд. ист. наук, доцент,
зав. лаборатории археологии, этнологии и палеоэкологии,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Ранне-неолитический комплекс V нижнего культурного слоя поселения Саган-Заба II на Байкале: планиграфия и датировка // Известия Иркутского государственного универ-

ситета. Серия: Геоархеология, этнология, антропология. 2014. Т. 8. С. 45–62.

Горюнова О.И., Туркин Г.В., Новиков А.Г., Клементьев А.М. Новый стратифицированный объект раннего неолита на западном побережье озера Байкал: поселение Характа 1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология, этнология, антропология. 2016. Т. 17. С. 55–73.

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Планиграфический анализ раннеголоценовых культурных слоев стоянки Остров Листвничный (Северное Приангарье) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2019. № 62. С. 180–191.

Медведев Г.И. Мезолит верхнего Приангарья. В 2 ч. Ч. 1. Памятники Ангара-Бельского и Ангара-Идинского районов. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та им. А.А. Жданова, 1971. 243 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И., Вебер А.В. Мезолитический комплекс геоархеологического объекта Саган-Заба II (оз. Байкал) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2014. Т. 13. Вып. 5. Археология и этнография. С. 117–124.

Crema E.R. Cycles of change in Jomon settlement: a case study from eastern Tokyo Bay // *Antiquity*. 2013. T. 87, N 338. С. 1169–1181.

Sakaguchi T. Storage adaptations among hunter-gatherers: A quantitative approach to the Jomon period // *J. of Anthropological Archaeology*. 2009. Vol. 28, N 3. С. 290–303.

Нагаяма 4 Исеки IV Хоккайдо Асахигава маиэо ши бункасай хаккутэсу чоса хококу дай 24 хо 永山4遺跡IV 北海道旭川埋蔵市文化財発掘調査報告第24号 Отчет об археологических раскопках стоянки Нагаяма 4, город Асахигава, Хоккайдо // Асахигава: Асахигава ши кюоку ин кай, 1999. 154 с.

The Spatial Analysis in Studies of Early Holocene Cultures of Baikal Siberia and Hokkaido Island: A Comparative Study

D.S. Koshkina

The method of spatial analysis is one of the main methods in Stone Age studies. The works of Russian and Japanese archaeologists have, on the one hand, a number of similarities, but also significant differences on the other hand. Despite the geographical remoteness of the regions of Baikal Siberia and Hokkaido, a comparison of the use of this method by Russian and Japanese archaeologists seems useful because it reveals differences in the general theoretical background and allows us to compare the level of technical equipment. The purpose of this study is to synthesize theoretical foundations and concrete practices, which will expand the understanding of Early Holocene archaeology in both Siberia and Hokkaido.

Keywords: spatial analysis, Baikal Siberia, Hokkaido, Holocene cultures.

Кошкина Дарья Сергеевна

магистрант 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: dskoshkina9@gmail.com

Koshkina Daria Sergeevna

2nd year master's degree student

Irkutsk State University

e-mail: dskoshkina9@gmail.com

УДК 902/904

Экспериментальное моделирование верхнепалеолитических техник перфорации

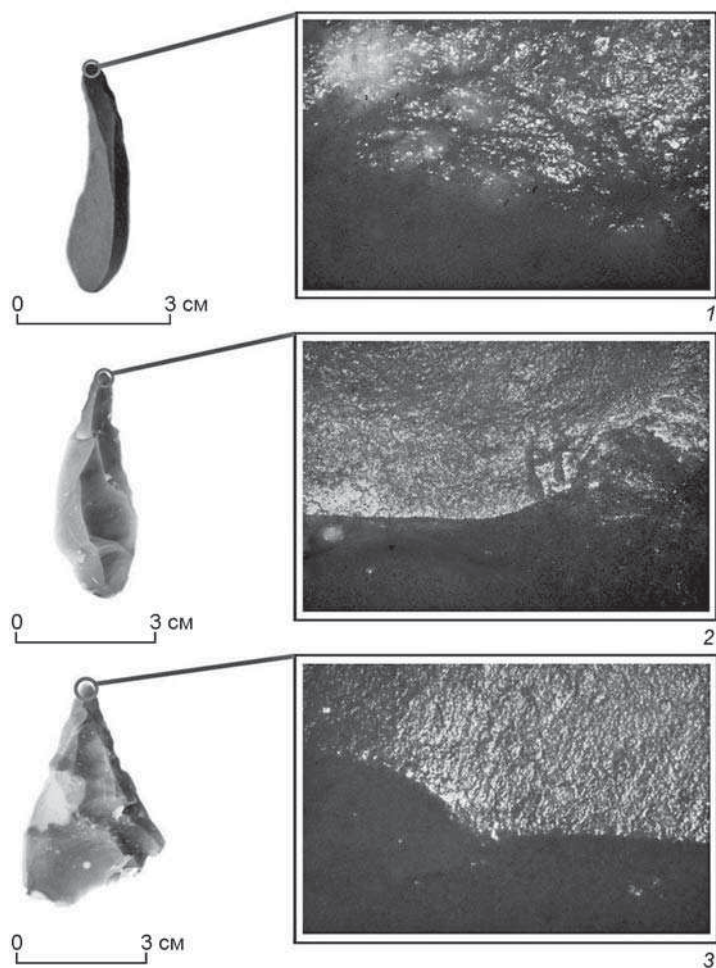
Е.В. Левина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Техника сверления получает широкое распространение на большей части территории Евразии в начале верхнего палеолита, занимая особую роль в технологических процессах древности. Потребность соединения двух и более предметов в системы, служащие утилитарным или неутилитарным целям, стало причиной возникновения данной техники. В Северной Азии основной объем древнейших артефактов с признаками использования разнообразных техник перфорации происходит из контекста многослойных палеолитических памятников Горного Алтая: Денисова пещера, Кара-Бом, Усть-Каракол и Ануй-2 [Деревянко, 2005]. Схожие приемы получения отверстий на изделиях из камня

и кости известны на стоянках верхнего палеолита Русской равнины и Сибири: Костенки I и IV, Сунгирь, Кокорево I и др. [Палеолит СССР, 1984].

Весомый вклад в изучение древнейших техник сверления, на основе анализа материалов широкого круга памятников каменного века, внес известный российский исследователь С.А. Семенов [1953]. Его монография «Первобытная техника» до сих пор остается одной из ключевых работ по теме [Семенов, 1957]. В настоящее время специализированные исследования артефактов с перфорацией в российской и зарубежной археологии продолжают – как направление реконструкции их производства [Вис, 2011; Gurova et al., 2013; Зоткина, 2018], так и с

Следы износа от сверления различных материалов на эталонах.

1 – алтайское сырье, бивень мамонта, 2 ч 16 мин работы, $\times 100$; 2 – донецкий кремнь, бивень мамонта, 4 ч 17 мин работы, $\times 100$; 3 – донецкий кремнь, мягкий камень, 1 ч 15 мин работы, $\times 100$.

точки зрения социальной значимости полученных продуктов [Gurova, 2017]. Важную роль в изучении древнейших свидетельств использования техники перфорации играет экспериментальное моделирование, в процессе которого осуществляется формирование эталонной базы и дальнейшая утилизация полученных образцов в различных условиях.

Экспериментально-трасологические исследования материалов верхнего палеолита, полученных с территории Российского Алтая, ведутся свыше тридцати лет [Кононенко, 1990; Волков, 2013; Волков и др., 2018; Селецкий и др., 2021]. Реализованные изыскания внесли существенный вклад в понимание функциональности палеолитических памятников региона. В связи с тем, что верхнепалеолитические традиции Алтая формировались в условиях очень разнообразной по составу и качеству сырьевой базы, на современном этапе ключевой задачей при трасологическом анализе коллекций палеолитических комплексов региона выступает создание сравнительной коллекции эталонов с определенным набором

следов обработки и износа, индивидуальной для каждой группы археологических памятников, что является необходимым условием для соблюдения требований доказательной интерпретации.

В рамках междисциплинарного изучения комплексов верхнего палеолита Горного Алтая нами была проведена работа по формированию оригинальной коллекции трасологических эталонов, отвечающей специфике как местной ресурсной базы, так и более универсальных типов сырья – высококачественного мелкозернистого кремня и обсидиана, их последующее сопоставление с целью выявления ключевых различий в следообразовании. Были реализованы работы по моделированию технологий расщепления минерального сырья, происходящего из долин р. Урсул и ее притоков, р. Ануй и Каракол – алевролитов, туфов, песчаников и эффузивов, а также донецкого мелового кремня и обсидиана с п-ова Камчатка. В данной работе в качестве объекта для изучения нами были выбраны необработанные сколы и острия из мелких пластин как одна из выразительных категорий орудейного набора на памятниках начала верхнего палеолита Алтая.

Следующей задачей экспериментальных исследований выступало получение сведений о динамике образования следов износа в процессе использования реплик каменных орудий при получении отверстий в эталонах из различного сырья.

В рамках данного направления исследований было проведено 12 экспериментов. При моделировании производительности реплик каменных орудий осуществлялись операции по ручному сверлению бивня, рога, серпентина, талька, кальцита и селенита, дерева с одинаковой кинематикой. В процессе работы отмечалась информация о цели эксперимента, типе обрабатываемого сырья, кинематике и положении инструмента относительно материала, количестве движений, а также сведения о затраченном на проведение операции времени; эксперименты сопровождалась фото- и видеофиксацией (см. рисунок).

После завершения экспериментальных работ составлялось описание следов износа на макро- и микроуровнях. В процессе экспериментов и последующем трасологическом анализе полученных эталонов был отмечен следующий комплекс следов: яркая заполировка, проникающая внутрь микрорельефа поверхности, выраженная скругленность и затупленность кромки прослеживается

на эталонах из кремня и туфа; границы с незаполированной поверхностью отчетливо видны; степень яркости заполировок зависит от особенностей использования орудий, времени, в течение которого эталон был задействован в работе, а также петрографического состава исходного сырья орудия.

Важное место в исследовании занимал анализ результатов перфорации – отверстий различного диаметра. Полученные данные по сопоставлению отверстий и инструментов их производства создадут базу для дальнейшей методической работы по технологии перфорации, существовавшей в индустриях начала верхнего палеолита Северной Азии.

Комплексный анализ артефактов с признаками искусственной перфорации и сопутствующего им инструментария выступает одним из перспективных направлений исследования палеолитических индустрий Горного Алтая. Результаты проведенных экспериментов позволили отметить основные особенности формообразования макро- и микроследов износа на каменных инструментах в процессе перфорации различного органического и минерального сырья, что позволит лучше понимать природу происхождения признаков износа на артефактах из коллекций верхнего палеолита различной географии.

*Научный руководитель – А.Ю. Федорченко
науч. сотр.,*

Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.

Волков П.В., Шалагина А.В., Колобова К.А., Маркин С.В. Предварительные результаты трасологического анализа конвергентных скребел и ретушированных остро-

конечников из Чагырской пещеры // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Т. 24. С. 23–38.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 232–255.

Зоткина Л.В., Павленок Г.Д., Ташак В.И. Технология производства бусин из скорлупы яиц страуса в финальном палеолите Западного Забайкалья // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 1. С. 181–197.

Кононенко Н.А. Функциональная диагностика палеолитической индустрии местонахождения Усть-Каракол // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН, 1990. С. 43–47.

Палеолит СССР / отв. ред. П.И. Борисковский. М.: Наука, 1984. 384 с.

Семенов С.А. О каменных сверлах // Палеолит и неолит СССР. МИА, 1953. № 39. С. 454–458.

Семенов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1957. № 54. 240 с.

Селецкий М.В., Федорченко А.Ю., Чистяков П.В., Маркин С.В., Колобова К.А. Ударно-абразивные каменные орудия из Чагырской пещеры: Результаты функционального анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 2. С. 23–31.

Buc N. Experimental series and use-wear in bone tools // Journal of Archaeological Science. 2011. V. 38. P. 546–557.

Gurova M., Bonsall C. Experimental Replication of Stone, Bone and Shell Beads from Early Neolithic Sites in Southeast Europe // Not just for show the archaeology of beads, beadwork and personal ornaments / D.E. Bar-Yosef Mayer, C. Bonsall, A.M. Choyke (eds.). Oxford: Oxbow Books, 2017. P. 159–167.

Gurova M., Bonsall C., Bradley B., Anastassova E. Approaching prehistoric skills: experimental drilling in the context of bead manufacturing // Bulgarian e-Journal of Archaeology. 2013. Vol. 3. P. 201–221.

Experimental Modeling of Upper Palaeolithic Perforation Techniques

E.V. Levina

As part of the interdisciplinary study of the Upper Palaeolithic complexes from the Altai Mountains, we carried out work on the formation of an original collection of traceological standards from various types of raw materials. Blades without processing and points on bladelets were used as an object for research, as one of the most expressive tools in the Initial and Early Upper Palaeolithic of Altai. We conducted 12 experiments. As a results of this study, we note the main features of the macro and micro use-wear traces formation' on stone tools from different organic and mineral raw materials during the items' perforation. Through this we will better understand the nature of the origin of use-wear traces on artifacts from Upper Paleolithic assemblages of various geography. Also, an important place in the study was given to the analysis of the hole perforation results. The comparison of the holes with drilling instruments will create the basis for further methodological work for the understanding the perforation techniques at the Onset of the Upper Palaeolithic of Northern Asia.

Keywords: Altai Mountains, Upper Palaeolithic, experimental modeling, experimental traceological analysis, perforation, drilling tools.

Левина Екатерина Владимировна

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: katlevina2002@gmail.com

Levina Ekaterina Vladimirovna

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: katlevina2002@gmail.com

Керамика посольского типа на территории Западного Забайкалья (на примере стоянки Нижняя Берёзовка)*

Д.А. Мархаева

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

В настоящее время посольская керамика привлекает к себе огромный интерес при изучении среднего неолита Байкало-Енисейской Сибири. Исследователями анализируются морфологические и технико-технологические особенности сосудов посольского типа, а также их место в неолите региона. Данный тип был выделен и описан Л.П. Хлобыстиным в 60-х гг. XX в. по материалам многослойного поселения Улан-Хада I [Хлобыстин, 1978, с. 93]. Названная по одноименной стоянке на юго-восточном побережье оз. Байкал, керамика посольского типа имеет следующие характерные признаки: утолщение венчика подтреугольным или прямоугольным налепом; орнаментация в верхней части сосуда с использованием устойчивых композиций и техник нанесения узора (ряд отверстий, проходящий вдоль венчика; сложные композиции горизонтальных прямых либо наклонных рядов прочерченных линий, штамповых вдавлений либо отступающей лопаточки с зубчатым, прямоугольным, треугольным или овальным концом) [Там же, с. 95].

Имея распространение от р. Енисей на западе до р. Витим на востоке, данный тип керамики получил яркое освещение лишь на территории Приангарья, Верхней Лены, западного и восточного побережья оз. Байкал – в то время как для восточной периферии имеется лишь общее описание. Таким образом, цель исследования – морфологический анализ керамики посольского типа на территории Западного Забайкалья по материалам стоянки Нижняя Берёзовка, выявление ее особых территориальных признаков. Работа основана на анализе литературных источников, а также на использовании записей и зарисовок материалов коллекции с ОАН «Нижняя Берёзовка», выполненных О.И. Горюновой в середине 1970-х гг., когда материалы хранились в фондах ИИФФ СО АН СССР (Новосибирск).

Стоянка Нижняя Берёзовка открыта Г.И. Боровка в 1926 г. Объект расположен в 8 км от г. Улан-Удэ в устье одноименной реки (правый приток р. Селенги) [Ивашина, 1979, с. 36]. Первые полевые работы на объекте были проведены Г.П. Соновским в 1928 г. Исследование было посвяще-

но определению условий залегания культурных остатков. В результате был зафиксирован один культурный горизонт, где среди керамических обломков были выделены фрагменты с характерным для посольской керамики утолщением. Комплекс был определен как неолитический. В 1936 г. Э.Р. Рыгдылон, осматривая памятник, собрал большую коллекцию материалов, на основе которых им была подтверждена хронология объекта [Там же, с. 37–38].

В 1949 г. были возобновлены стационарные работы на Нижне-Берёзовской стоянке отрядом Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова. На этот раз исследователями было выделено два культурных горизонта: верхний слой, относящийся к бронзовому веку, подвергся сильному разрушению и нижний слой, неолитический, демонстрирует большое разнообразие материала, в том числе и керамику посольского типа [Там же].

В комплексе наиболее распространены сосуды с внешним утолщением венчика. Форма – сложная, закрытая. Внешняя поверхность – гладкая или с отрисками тонкого шнура. Орнамент покрывает срез, край и внутреннюю поверхность венчика; а также утолщение и верхнюю часть тулова.

Срез венчика не орнаментирован, либо имеет наклонный горизонтальный ряд насечек. По краю венчика проходит ряд мелких отверстий, который нанесен по прочерченной линии, либо в комбинации с зубчатым или прямоугольным штампом. На внутренней поверхности венчика узор идентичен внешней. Утолщение венчика оформлено наклонными горизонтальными рядами зубчатого или прямоугольного штампов; реже – отступающей лопаточки с треугольным или овальным концом. Эпизодически встречаются зигзагообразные и «елочные» построения орнамента, выполненные прочерчиванием, либо с использованием прямоугольного штампа. Верхняя часть тулова украшена наклонными горизонтальными рядами зубчатого, прямоугольного, треугольного или округлого штампа (два последних в технике отступания).

*Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России проект № FZZE-2023-0007.

Помимо классических композиционных схем, среди сосудов с внешним утолщением венчика выделяются экземпляры с упрощенным построением орнамента. Зафиксированы фрагменты без ряда горизонтальных отверстий вдоль венчика и с оформлением только по поверхности утолщения. В первой группе отмечены сосуды с единичными отверстиями под налепом.

Керамика посольского типа с внутренним утолщением венчика простой, закрытой формы. Внешняя поверхность – гладкая; реже с оттисками тонкого шнура и рубчатой колотушки. Срез венчика украшен наклонными насечками. Венчик орнаментирован пояском отверстий, нанесенных поверх прочерченной линии. В единичных случаях ряд отверстий проходит посередине утолщения. На внутренней поверхности венчика фиксируются оттиски прямоугольного или зубчатого штампа. Тулово декорировано горизонтальными рядами треугольной отступающей лопаточки, прямоугольным штампом или прочерченными линиями.

Среди керамики посольского типа с внутренним утолщением венчика встречается сосуд с чертами орнамента, характерными для усть-бельских сосудов. Внешняя поверхность этого сосуда покрыта следами нитевидного шнура. Орнамент покрывает верхнюю часть сосуда. По венчику нанесены оттиски горизонтальных, наклонных насечек в сочетании с пояском отверстий и прочерченной линией. Срез и внутренняя поверхность венчика декорирована идентичными насечками. Тулово орнаментировано несколькими рядами прочерченных линий (два последних ряда отличаются зигзагообразным мотивом). Между этими рядами выделяются оттиски отдельных треугольных штамповых вдавлений (бордюры).

Исключительными являются сосуды без характерного утолщения венчика. Внешняя поверхность – гладкая. Орнамент идентичен классической посольской керамике.

В результате проведенного морфологического анализа керамики посольского типа стоянки Нижняя Берёзовка выделяются классические и нестандартные признаки. Отмечены сосуды посольского типа с внешним и с внутренним утолщением венчика. В исключительных случаях фиксиру-

ются сосуды без утолщения. Композиции, мотивы, инструменты и техника нанесения орнамента идентичны. Отличительная особенность керамики с внешним утолщением венчика – упрощение орнаментальных построений, которое выражается в отсутствии некоторых элементов (отверстия). Самобытной является керамика, сочетающая черты посольского и усть-бельского типов. Наличие сосудов со смешанными признаками может свидетельствовать о контактах между представителями разных традиций.

Выявленные особенности посольской керамики с Нижней Берёзовки также характерны и для объектов западного (Улан-Хада, Итырхей, Бурлюк и т.д.) [Мархаева, 2021, с. 81] и восточного побережья Байкала (Посольская, Катунь I, Окунёвая III, IV) [Горюнова, Мархаева, Новиков, 2019, с. 50–51]. Судя по всему, они являются характерными для посольской традиции Байкальского побережья и Западного Забайкалья, представляя собой территориальные особенности ее изготовления. В дальнейшем исследование требует проведения технологического анализа керамики со стоянки Нижняя Берёзовка и других забайкальских объектов.

*Научный руководитель – А.Г. Новиков
канд. ист. наук, доцент,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Горюнова О.И., Мархаева Д.А., Новиков А.Г. Керамика посольского типа с поселений побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15, № 3. С. 47–61. doi: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-47-61>.

Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979. 155 с.

Мархаева Д.А. Керамика посольского типа из многослойной стоянки Улан-Хада на оз. Байкал // Материалы LXI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 2021. С. 80–81.

Хлобыстин Л.П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. 1978. Вып. 153: Памятники эпохи неолита. С. 93–99.

Posolsk Pottery Type in the Territory of Western Transbaikalia (on the Example of the Nizhnyaya Berezovka Site)

D.A. Markhaeva

The article presents the results of morphological analysis of Posolsk pottery type from the Nizhnyaya Berezovka site. Stable and non-standard signs of embassy ceramics were revealed. There are several variants of Posolsk pottery type: vessels with external and internal thickening of the corolla (in the only case there is a vessel without thickening). According to the composition, motives, the technique of applying the ornament and the stamps used – both versions

of the Posolsk ceramics are identical to each other. The variety of composite structures on vessels with an external thickening of the corolla, expressed in the simplification of the ornamental scheme, is revealed. Ceramics combining the features of the Posolsk type (thickening of the corolla with a stick from the inside) and the Ust-Belsky type (composition, motifs, technique of ornament application) are highlighted, which may be the result of cultural exchanges between regions.

Keywords: Neolithic, Nizhny Berezovka, West Transbaikalia, pottery, Posolsk type, morphological analysis.

Мархаева Дарима Андреевна

магистрант 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: darimamarhaeva@gmail.com

Markhaeva Darima Andreevna

2nd year master's degree student

Irkutsk State University

e-mail: darimamarhaeva@gmail.com

УДК 903.2-032.896(5)''634''

Сравнительный анализ археологических изделий из нефрита Прибайкалья и Северо-Восточного Китая

Му Цилэ

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Роль нефрита в культурах древних народов азиатского региона в качестве поделочного и сакрального камня общеизвестна. Благодаря своим свойствам – высокой твердости (6–6,5 по шкале Мооса), прочности и эстетическому восприятию – нефрит использовался у разных народов мира независимо друг от друга с эпохи неолита. В числе известных нефритовых культур выделяются Прибайкалье и Северо-Восточный Китай. Под Прибайкальем подразумеваются районы Приангарья, Верхней Лены, западное и, частично, восточное побережья Байкала. Эта территория расположена в пределах крупнейшей в мире нефритоносной провинции, насыщенной коренными и аллювиальными месторождениями этого минерала [Секерин, Секерина, 2000]. Нефриты этого региона зеленого и, реже, белого цвета. Северо-Восточный Китай включает провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и восточную часть автономного района Внутренняя Монголия. На этой территории известно одно месторождение нефрита, расположенное в уезде Сю, провинции Ляонин. Эти нефриты желто-зеленого цвета [Деревянко и др., 2019].

Несмотря на удаленность этих двух регионов, в их комплексах неолита и раннего бронзового века встречаются аналогичные изделия из нефрита: топоры, тесла, кольца (типа юан), диски (би) и др. Часть из них изготовлена из белого и зеленого нефрита. В связи с этим возникали вопросы о происхождении этих изделий [Окладников, 1955]. Цель предлагаемой работы – попытка проведения сравнительного анализа изделий из нефрита этих двух регионов. При исследовании учитываются: хронология, набор и типология изделий, техно-

логия производства и возможные геологические источники сырья.

Наиболее раннее использование нефрита на территории Прибайкалья относится к раннему неолиту и связано с комплексами погребений китойской культуры (7510–6687 кал. л.н.) [Weber, Schulting, 2016]. Набор изделий из нефрита: топоры, тесла, ножи, остроконечники из зеленого нефрита. В единичных случаях отмечены украшения из белого нефрита (диски, подвески и бусины), отсутствующие в могилах позднего неолита. В культурах позднего неолита (серовская и исаковская – 5900–4600 кал. л.н.) орудия из зеленого нефрита представлены топорами, теслами и ножами [Горюнова, Новиков, Секерин, 2007; Базалийский, 2012]. В могилах раннего бронзового века (4500–3470 кал. л.н.) все орудия выполнены из зеленых нефритов (топоры, тесла и пластинчатые ножи), а украшения (диски, кольца, полукольца, пластинчатые и луновидные подвески), как правило, из светлого и белого нефрита.

Технология изготовления изделий из нефрита Прибайкалья исследовалась С.А. Семеновым в 1950-е гг. с привлечением данных экспериментального моделирования [Семенов, 1957]. Вероятно, первоначально нефритовый валун подвергался распиловке (с помощью специальных пил) для получения более мелких кусков. Далее эти куски обрабатывались оббивкой (для придания им определенной формы), шлифовкой и полировкой. Диски, кольца и полукольца изготавливались из тонких, шлифованных пластин, в центре которых сверлилось отверстие для закрепления оси вращения. Сверление малых отверстий, вероятно,

производилось лучковой дрелью с кремневым сверлом с двух сторон. Затем циркульным способом проводилось вырезание каменным резцом круговой канавки (с двух сторон изделия), по которой проводилось углубление при помощи абразивных инструментов до тех пор, пока кольцо не отделялось от диска. Вероятно, древний человек использовал валуны и гальки, найденные в аллювии рек, дренирующих Восточные Саяны, где известны крупные месторождения этого минерала [Секерин, Секе-рина, 2000].

На территории Северо-Восточного Китая выделено несколько археологических культур с нефритовыми артефактами [Лю Госян, 2004]: синлунва (8200–7400 л.н.), хуншань и хакэ (6000–5000 л.н.), хаминь (5500–5100 л.н.). В неолитических культурах Северо-Восточного Китая отмечено 15 видов изделий из нефрита: долото, тесло, топор, кольцо, кольцо с пропилом, прямоугольные подвески, диски, полукольца, бусы, шпилька, объекты в форме трубы и конуса, подвески в форме животного, человека и облака [Чжунго чу-ту..., 2005]. Наибольшее разнообразие и количество изделий из нефрита отмечено в культуре позднего неолита хуншань. При изготовлении изделий использовались, в основном, традиции, характерные для восточных районов Китая, Восточной и Юго-Восточной Азии (разрезание камней с помощью веревки, прямое сверление отверстий с помощью сверлильного станка, использование в качестве сверла полых стволов бамбука или трубчатых костей). Большинство изделий из нефрита Северо-Восточного Китая имеют желто-зеленый и серый цвета. Изделия из белого нефрита встречаются достаточно редко в культуре хуншань (поздний неолит) и, несколько в большем количестве, на стоянке Сяонаньшань в провинции Хэйлунцзян.

В целом, использование нефрита для изготовления изделий на территории Северо-Восточного Китая отмечено с раннего неолита (ок. 8 тыс. л.н.). Примерно в то же время он начал использоваться на территории Прибайкалья (7,6 тыс. кал. л.н.). На территории Китая расцвет использования нефрита (по количеству изделий и номенклатуре) относится к позднему неолиту (6,0–4,5 тыс. л.н.); в бронзовом веке (4,0–2,5 тыс. л.н.) интерес к нефриту угасает. В Прибайкалье пик использования нефрита приходится на ранний бронзовый век (4,5–3,4 тыс. кал. л.н.).

В числе изделий из нефрита в культурах Прибайкалья и Северо-Восточного Китая встречаются аналогичные по назначению и набору. В их числе: орудия (топоры и тесла) и украшения (диски, кольца, полукольца и пластинчатые подвески). В то же время в китайских неолитических культурах

ассортимент изделий из нефрита значительно шире и сложнее по исполнению (двойные кольца, подвески в форме животного, человека и облака), развита резьба по нефриту. От прибайкальских типологически отличаются и большинство колец (преобладают кольца с характерным пропилом).

Отмечены определенные различия в технике обработки нефрита: в Северо-Восточном Китае для расщепления камня использовали в основном его разрезание с помощью веревки, а не пилы, как в Прибайкалье; при изготовлении колец и дисков использовали две технологические традиции: с помощью сверлильного станка (восточная технология) и простейших средств для пропиливания и сверления биконическим способом (северная технология, характерная для культур Сибири и Дальнего Востока); развита резьба по нефриту (особенно при изготовлении скульптур). В материалах Северо-Восточного Китая зафиксированы кольца и диски из нефрита, изготовленные разными способами (по восточной и северной технологиям). На некоторых стоянках они встречаются совместно. Большинство изделий из нефрита Северо-Восточного Китая имеют желто-зеленый и серый цвета, характерные для местных сырьевых источников. Изделия из белого и темно-зеленого нефрита встречаются крайне редко и, как полагают исследователи, имеют прибайкальское происхождение. Предполагается наличие широких обменных связей между Северо-Восточным Китаем и Прибайкальем, которые могли осуществляться не только идеями, но и сырьем или готовыми изделиями.

*Научный руководитель – А.Г. Новиков
канд. ист. наук, доцент,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

- Базалийский В.И.** Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. 2012. Вып. 9. С. 43–101.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г., Секерин А.П.** Нефрит из археологических объектов Приольхонья // Известия Лаборатории древних технологий. 2007. Вып. 5. С. 138–145.
- Деревянко А.П., Тан Чун, Комиссаров С.А., Ци Пин.** Разный цвет нефрита // Наука из первых рук. 2019, № 2. С. 52–69.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. 3: Глазовское время. 347 с.

Секерин А.П., Секерина Н.В. Нефриты и их распространение в Южной Сибири // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 2000. Вып. 2, ч. 1. С. 146–160.

Семенов С.А. Первобытная техника: Опыт изучения древних орудий и изделий по следам работы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

Лю Госян. Чжунго Дунбэй дицзюй шицзянь юйци фачжань цзедуань чулунь [中国东北地区史前玉器发展阶段初论]. Предварительное обсуждение этапов развития доисторического нефрита в Северо-Восточном Китае // Дунбэй вэньу каогу луньцзи. 2004. С. 351–364 (на кит. яз.).

Чжунго чуту юйци цюаньцзи. [中国出土玉器全集] Полное собрание изделий из нефрита, обнаруженное в Китае / Лю Госян, Та Ла, Ван Цзинчэнь, Цзинь Сюйдун, Ли Чэньци. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. 2005. Кн. 2. 240 с. (на кит. яз.).

Weber A., Schulting R.J., Ramsey C.B., Bazaliiskii V.I., Goriunova O.I., Berdnikova N.E. Chronology of Middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the fresh-water reservoir effect // Quaternary International. 2016. Vol. 419. P. 74–98.

Comparative Analysis of Archaeological Artifacts Made of Jade from the Baikal Region and Northeast China

Mu Qile

A comparative analysis of archaeological nephrites from the Baikal region and Northeast China was carried out, in the complexes of the Neolithic and Early Bronze Age of which a large number of objects from this mineral were recorded. Comparisons are made according to chronology, nomenclature and typology of products, production technology and possible geological sources of raw materials. The use of jade in these regions has been noted since the early Neolithic (8–7,6 thousand years ago). The heyday of its use in China falls on the late Neolithic, and in the Baikal region – on the early Bronze Age. In the jade cultures of China, tools and decorations similar to those of the Baikal region, as well as specific items, are noted. In Northeast China, various traditions of jade processing were used (according to eastern and northern technologies); there are products made from Baikal nephrites. It is assumed that there are extensive exchange links between these regions, which could be carried out not only with ideas, but also with raw materials or finished products.

Keywords: Baikal region, Northeast China, jade products, Neolithic, Early Bronze Age, processing technology, raw material base.

Му Цилэ

магистрант 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: mu17547370084@163.com

Mu Qile

2nd year master's degree student

Irkutsk State University

e-mail: mu17547370084@163.com

УДК 903.02

Формовочный состав неолитической керамики многослойной стоянки Кюнкю II (Южная Якутия)

В.В. Охлопков

Арктический научно-исследовательский центр РС(Я), Якутск, Россия

В настоящей работе приводятся результаты изучения состава формовочных масс неолитической керамики из раскопок многослойной стоянки Кюнкю II, которые проводились в 1978 и 2019 гг. [Козлов, 1980, с. 56; Кирьянов, 2023, с. 6]. Изучение состава керамики неолитических памятников Якутии является на сегодняшний день актуальной задачей из-за малого количества работ, где поднимаются вопросы касательно рецептов формовочных масс, при наличии большого количества материала, который нуждается в анализе. Так, петрографический анализ был проведен только для керамики многослойной стоянки Белькачи I [Коробицына, 1969] и для 130 керамических сосу-

дов с 30 памятников, собранных археологическими отрядами ЯГУ [Воробьев, Амарский, 2004; Воробьев, 2006]. Стоит отметить, что петрографический анализ весьма точен, однако не охватывает весь массив материала и поэтому не может в полной мере раскрыть состав формовочных масс керамических комплексов, в отличие от пофрагментного анализа методами бинокулярной микроскопии, внешнего визуального осмотра и статистических подборок, которые были успешно применены для керамики памятников средненеленской долины Туймаада [Дьяконов, 2001]. Такой подход с единой методикой позволит в полной мере выявить общее и особенное в рецептуре формовочных масс

древней керамики всех других регионов Якутии. Для характеристики состава использовалась granulометрическая шкала обломочных пород, примененная В.М. Дьяконовым при изучении керамики среднеленской долины Туймаада, согласно которой наименьшими по размеру частицами обладают пески (до 0,1 см), далее идет дресва, гравий или мелкообломочный материал (породные обломки) (0,1–0,5 см) и мелкая галька (0,5–1,0 см) [Дьяков, 2006, с. 111].

Стоянка Кюнкю II приурочена к 8-метровой надпойменной террасе левого берега р. Амги в верхнем течении (932 км от устья) и расположена на правом приустьевом мысу ее левого притока – р. Кюнкю. Стоянка открыта в 1964 г. Ю.А. Мочановым [Мочанов и др., 1983, с. 70]. В дальнейшем наиболее полно изучалась З.И. Филипповой и В.И. Козловым [Козлов, 1980, с. 56]. За все время работ было вскрыто 166 м² и обнаружено 9 948 артефактов, из них 488 фрагментов керамики (4,91 % от общего числа находок), среди которых 280 фрагментов, принадлежавших как минимум 14 неолитическим сосудам. Остальные фрагменты сложно соотнести к определенной культуре ввиду плохой сохранности.

Сетчатая керамика сылахской культуры раннего неолита представлена 56 фрагментами (11,5 % от общего количества всех фрагментов керамики) четырех сосудов. Средняя толщина черепков 0,4–0,9 см. Сосуды однослойные. На внешней поверхности 13 фрагментов, относящихся к двум сосудам, присутствуют следы нагара. Художественная орнаментация наблюдается только в одном случае и представлена косыми насечками на срезе венчика. На всех венчиках присутствуют сквозные округлые отверстия диаметром 0,4–0,6 см. Нами выявлено три рецепта формовки теста сосудов. Первый рецепт характерен для двух сосудов (50 %) и 40 фрагментов (71,4 %): глина + песок (мелкозернистый, среднезернистый) + породные обломки (полевые шпаты, окатанный и неокатанный кварц). Второй вариант состава теста представлен в двух сосудах (50 %) и 15 фрагментах (26,7 %): глина + песок + породные обломки + шамот. Третий вариант состава теста – глина + песок + породные обломки + шамот + органика (след выгоревшей растительности на поверхности) встречен лишь в 1 фрагменте керамики (1,7 %). Скорее всего он соотносится со вторым рецептом и лишь дополняет его, а не является отдельным вариантом. Кроме того, присутствие растительности может быть вообще случайным, поэтому этот рецепт не вошел в подборку по сосудам. Характерной особенностью сетчатой керамики памятника Кюнкю II является использование дробленых грубообломочных

минеральных добавок разных пород, что может говорить о специальной подготовке такого вида материалов в качестве отощителей [Бобринский, 1978, с. 106].

Шнуровая керамика белькачинской культуры среднего неолита насчитывает 28 фрагментов (5,7 %) трех сосудов. Средняя толщина черепков 0,5–0,6 см. Сосуды однослойные. Художественная орнаментация представлена в одном случае зигзагообразным орнаментом, нанесенным многозубчатым штампом, в другом – горизонтальными линиями, также нанесенными многозубчатым штампом. В третьем случае это округлые вдавления и сквозные отверстия на внешней поверхности. Во всех трех сосудах прослежены разные рецептуры состава формовочных масс. Первый – глина + песок + породные обломки (полевые шпаты, окатанный и неокатанный кварц). Такой состав характерен для 21 фрагмента (75 %) одного сосуда (33,3 %). Наличие в разной степени окатанного кварца в составе формовочной массы керамики свидетельствует о применении материала различного происхождения: присутствие хорошо окатанного кварца указывает на добавление речного песка, грубообломочного – на использование специально дробленых пород [Глушков, 1996, с. 27]. Второй рецепт – глина + песок определен для 6 фрагментов (21,5 %) второго сосуда (33,3 %), третий – глина + песок + шамот – для 1 фрагмента венчика (3,5 %) третьего сосуда (33,3 %). Редкое присутствие шамота в белькачинской керамике уже отмечалось ранее [Воробьев, 1999, с. 66].

Вафельная керамика ымяхтахской культуры позднего неолита насчитывает 196 фрагментов (40,2 %), принадлежавших как минимум семи сосудам. Толщина фрагментов варьирует от 0,2 до 1,0 см. Тесто шести сосудов из семи – двухслойное, что является характерным для этой керамики. Также характерным элементом является добавление в глиняное тесто шерсти животных [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 376, 378]. Судя по венчикам, два сосуда были открытого типа, остальные – закрытого. Все венчики имеют ряд сквозных округлых отверстий, отстоящих в среднем на 2,2 см друг от друга. Основной рецепт состава глиняного теста следующий: глина + песок + породные обломки. Он прослежен в 177 фрагментах (90,3 %) шести сосудов (85,7 %). Другой рецепт – глина + песок + породные обломки + органика (остатки шерсти). Он выявлен в 16 апплицирующихся между собой фрагментах тулова и 3 фрагментах венчика (9,7 %) одного сосуда (14,3 %). Шерсть визуально различима в 6 фрагментах тулова и 1 фрагменте венчика этого сосуда.

Таким образом, основными компонентами формовочных масс неолитической керамики многослойной стоянки Кюнкю II является глина, песок разной степени зернистости и породные обломки. В комплексе сылахской сетчатой керамики, помимо этого основного рецепта, встречается шамот, содержание которого уменьшается в шнуровой белькачинской керамике и полностью исчезает в вафельной ымыяхтахской. Зато в последней добавляется органика. Эти рецепты формовки теста являются вполне типичными для многослойных стоянок Юго-Восточной Якутии, таких как, например, Белькачи I, для которой был сделан петрографический анализ [Коробицына, 1969]. Детальное исследование состава керамики археологических памятников других регионов Якутии позволит в дальнейшем выявить общее и особенное в предпочтениях древних гончаров в плане выбора сырья и подготовки формовочных масс для изготовления керамических емкостей, установить траектории распространения технологических стандартов этого древнего производства, а также определить степень внутрикультурных коммуникаций и межкультурного взаимодействия.

*Научный руководитель – В.М. Дьяконов
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Источники

Кириянов Н.С. Отчет о проведении археологических полевых работ (раскопок) в Алданском районе Республики Саха (Якутия) в 2019 году [рукопись]. Якутск, 2023 // Архив ГБУ АНИЦ АН РС(Я). 248 с.

Molding Composition of the Neolithic Ceramic Complex of the Multilayer Site Kunkyu II (South Yakutia)

V.V. Okhlopkov

This paper presents data on the composition of ceramics from the Kunkyu II excavations. The analysis of the ceramic composition was carried out by external visual inspection and binocular microscopy. The basic recipes for forming dough for ceramics of the Neolithic complex of the parking lot were obtained. In the complex of Syalakh ceramics, in addition to the main recipe, there is chamotte, the content of which decreases in the cord complex and completely disappears in the waffle, to which organic matter is added. These dough forming recipes are quite typical for multi-layered monuments of Southeastern Yakutia, for example, Belkachi I, for which a petrographic analysis was carried out. A detailed study of the composition of ceramics of archaeological sites in other regions of Yakutia will further reveal the general and special preferences of ancient potters in terms of choosing raw materials and preparing molding masses for the manufacture of ceramic containers, establish the trajectories of the spread of technological standards of this ancient production, as well as determine the degree of intra-cultural communication and intercultural interaction.

Keywords: Yakutia, Neolithic, ceramic, manufacturing technology, molding compound.

Охлопков Валерий Васильевич

магистрант 2-го курса
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: okhlopkov.valera@mail.ru

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Воробьев С.А. Опыт экспериментального моделирования неолитической керамики Якутии и некоторые проблемы ее технологии // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск, 1999. С. 64–86.

Воробьев С.А. Формовочные массы неолитической керамики Якутии // Древности Якутии: Искусство и материальная культура. Новосибирск, 2006. С. 199–214.

Воробьев С.А., Амарский В.Г. Формовочные массы сылахской керамики Якутии // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века). Благовещенск, 2004. С. 76–80.

Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Дьяконов В.М. К вопросу о составе керамики усть-мильской культуры Якутии // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 33–35.

Дьяконов В.М. Керамика позднего неолита Якутии (по материалам долины Туймаада) // Изв. лаборатории древних технологий. 2006. Вып. 4. С. 104–119.

Коробицына В.Н. Петрографическая характеристика неолитической керамики со стоянки Белькачи I // Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии / Ю.А. Мочанов. М.: Наука, 1969. С. 205–206.

Козлов В.И. Новые археологические памятники Амги // Новое в археологии Якутии. Якутск. 1980. С. 55–61.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олёкмы. Новосибирск: Наука, 1983. 392 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2 т. Якутск: ЦААПЧ АН РС(Я), 2013. Т. 2. 489 с.

История исследования палеолита Восточного Казахстана

А.Д. Папин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В палеолитоведении Центральной Азии на настоящий момент наиболее изученным регионом является Алтай. Смежные с ним территории исследованы существенно хуже, хотя для понимания древнейшей истории этой части материка они не менее важны. На протяжении длительного времени территория Восточного Казахстана рассматривалась в контексте культур палеометалла, но, как показывают современные находки, она богата и на памятники палеолита. Находясь на стыке нескольких географических регионов (Алтай, Семиречье, Средняя Азия), Восточный Казахстан являлся перекрестком миграций человека в разные исторические эпохи, в т.ч. во время освоения ойкумены палеоколлективами каменного века. Изучение этого процесса является важным при воссоздании исторической картины Евразии в эпоху верхнего плейстоцена. Данная работа посвящена истории изучения палеолита Восточного Казахстана.

Первая информация о каменных артефактах, относящихся к каменному веку на этой территории, приходится на начало XX в. и связана с деятельностью Западно-Сибирского отдела РГО [Педашенко, 1912, с. 52]. В 1928 г. после того, как при строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги было обнаружено ядрище предположительно позднепалеолитического времени, внимание археологов к этому региону возросло, ранее палеолитические стоянки были известны на юге и на западе Казахстана [Алпысбаев, 1970]. С середины 1930-х гг. на территории Восточного Казахстана работала экспедиция Ленинградского отделения (ЛО) ИИМК АН СССР, которая исследовала памятники эпохи бронзы и железа. Однако при разведках в бассейне верхнего течения Иртыша были обнаружены артефакты палеолитического времени [Черников, 1951, с. 67], которые в 1948 г. описывает Г.П. Сосновский [Сосновский, 1948]. В ходе этих разведок удалось подтвердить перспективность региона в плане изучения палеолита, однако каких-либо систематических исследований не велось.

Первый этап планомерного изучения палеолита Восточного Казахстана начинается в 1950-е гг. в связи с проектировкой строительства Бухтарминской ГЭС. Работами в зоне затопления занимались археологи из ЛО ИИМК АН СССР и ИИА АН Казахской ССР. В ходе раскопок 1950, 1952 и 1953 гг. были открыты стоянки Пещера, Ново-

Никольская и др. Обнаруженные памятники были датированы верхним – финалом среднего палеолита [Черников, 1956, 1951]. Исследования каменных индустрий позволили сделать вывод о схожести местных комплексов с индустриями верхнепалеолитических стоянок Сибири (Сростки, Афонтова гора) [Черников, 1951]. Следующий крупный блок работ связан с началом строительства Шульбинской ГЭС в 1977 г. Палеолитическая группа под руководством Х.А. Алпысбаева выявила около десятка памятников каменного века [Акишев, Алпысбаев, Максимова, 1978]. Разведочные работы проводились по обоим берегам Иртыша и его притоков. Были обнаружены памятники с индустриями мустье: Будене-1, Кызылсу и леваллуа: Арман [Археологические памятники..., 1987]. В 1981 г. группа Ж.К. Таймагамбетова обнаружила стоянку Шульбинка, отнесенную к позднему этапу верхнего палеолита. В 1981–1983 гг. на участке было обнаружено более 5 000 предметов из камня. Среди них: нуклеусы различных форм, скребки, отщепы и пластины с ретушью [Таймагамбетов, 1983]. Продолжая работу в регионе, Ж.К. Таймагамбетов открыл в 1989 г. памятник Козыбай [Таймагамбетов, 1992, с. 26–27]. Таким образом, первый этап научного исследования палеолита в Восточном Казахстане был связан с охранно-спасательными работами, охватившими значительную площадь. Впервые были обнаружены стратифицированные памятники палеолита и проведены их стационарные раскопки [Археологические памятники..., 1987]. Однако в ходе работ были затронуты лишь районы, связанные с ложем будущих водохранилищ.

Второй этап был связан с совместными российско-казахскими экспедициями под руководством А.П. Деревянко. Тогда в Восточно-Казахстанской обл. была обследована береговая линия Бухтарминского водохранилища и оз. Зайсан. Разведки охватили всю область за исключением приграничных территорий. В это время открыты местонахождения Бухтарма, Зайсан, Шульбинка-2 и др. [Исследования..., 2003]. Разведки носили упорядоченный и целенаправленный характер. Полученные данные позволили удревнить историю Восточного Казахстана до среднего палеолита. Также с 2000-х гг. проводятся совместные работы казахстанских археологов с учеными других стран [Chlachula, 2010].

Исследования региона продолжают в 2015 г., когда здесь начала свою работу Российско-Казахстанская экспедиция ИАЭТ СО РАН и Национального музея РК. В 2015–2016 гг. было открыто около 30 новых объектов, в том числе древнейшая в регионе на данный момент стоянка Курчум (средний – ранний палеолит) на восточном берегу Бухтарминского водохранилища [Анойкин, 2017]. Также на севере от оз. Зайсан открыты местонахождения с поверхностным залеганием каменных артефактов Сереимбай и Рысак-1, пункты Тайбакан и Шолакулак [Шуныков и др., 2016]. Главным результатом работы стало открытие многослойной верхнепалеолитической стоянки Ушбулак, исследующейся до настоящего времени. В 2019 г. там же был обнаружен мезолитический памятник Карасай.

Таким образом, в истории изучения палеолита Восточного Казахстана нами были выделены три основных этапа. Первый, 1950–1980-е гг., был связан с работами охранно-спасательного типа и открытием первых палеолитических стратифицированных объектов. Второй этап, 1990–2000-е гг., характеризовался систематическими разведками, открытием большого числа местонахождений с подъемными и редкими стратифицированными находками. В это время начинается активное международное сотрудничество в области археологических исследований. С 2015 г. начинается современный этап, включающий масштабные работы на нескольких новых стратифицированных стоянках с использованием большого спектра естественно-научных методов.

*Научный руководитель – А.А. Анойкин
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Акишев А.К., Алпысбаев Х.А., Максимова А.Г. Исследования в зоне Шульбинского водохранилища // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 508–509.

Алпысбаев Х.А. Некоторые вопросы изучения памятников каменного века в Казахстане // По следам древней культуры Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 227–240.

Анойкин А.А. Новые данные о палеолите Северо-Восточного Казахстана (по материалам работ Североказахстанского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2017. Т. 20, № 4. С. 138–149.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. 280 с.

Исследования Российско-Казахстанской экспедиции в Казахстане (1998–2001) / отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 183 с.

Педашенко Ф.Н. Реферат Педашенко об археологических находках в окрестностях г. Семипалатинска // Отчет о деятельности Семипалатинского подотдела РГО. Семипалатинск, 1912. С. 14–28.

Сосновский Г.П. О поисках палеолита в Казахстане // Известия АН КазССР. Алма-Ата, 1948. Вып. 1. С. 10–12.

Таймагамбетов Ж.К. Шульбинская стоянка // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983. С. 161–166.

Таймагамбетов Ж.К. Древнейшая стоянка древнего человека в Восточном Казахстане // Маргулановские чтения: тез. докл. Петропавловск, 1992. 172 с.

Черников С.С. Находка палеолитических стоянок в Восточном Казахстане // Вестн. АН КазССР. Алма-Ата, 1951. № 12. С. 63–70.

Черников С.С. О работах Восточно-Казахстанской археологии // КСИА. 1956. Вып. 64. С. 43–60.

Шуныков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Мамиров Т.Б., Павленок Г.Д. Разведочные работы в Тарбагатайском районе Республики Казахстан в 2016 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 199–202.

Chlachula J. Pleistocene climate change, natural environments and Palaeolithic occupation of East Kazakhstan // Climate Dynamics and Prehistoric Occupation: Eurasian Perspectives on Environmental Archaeology. Zlin: Laboratory for Palaeoecology, TB University, 2010. P. 64–87.

History of Paleolithic Research of East Kazakhstan

A.D. Papin

In this article author gives an overview on evolution of Paleolithic studying of East Kazakhstan. At the beginning of 20th century first evidences of paleolithic sites presense in the region occurred. They were collected by West-Siberian department of RGS. Professional researches started in 50-s due to building of Bukhtarminskaya and Shulbinskaya HPS. The studies continued until 90-s when they were interrupted. Second period refers to early 2000-s and characterizes with systematic archeological reconnaissance around all Kazakhstan. The modern stage of studying began around 2015. Since then, researches became continuous with use of natural science methods.

Keywords: Paleolithic, archaeology, historiography, East Kazakhstan, archaeological survey, middle Paleolithic, upper Paleolithic.

Папин Андрей Дмитриевич

студент 2-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: a.papin@g.nsu.ru

Papin Andrey Dmitrievich

2nd year student
Novosibirsk State University
e-mail: a.papin@g.nsu.ru

Клады каменного века как археологический источник

Д.А. Сафин

Донецкий национальный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия

Клады кремневой продукции эпохи каменного века – особый вид археологических источников. Под «кладами» кремневой продукции понимается специально сокрытые и отобранные ценности в виде портативного скопления в культурном слое древнего поселения или вне его. Как правило, клады помещали в емкость либо же специально раскладывали в ямке отобранные вещи в качестве семантического аналога погребения. Чаще всего клады состоят из нескольких кремневых орудий или пластин без признаков использования, реже встречаются клады с нуклеусами и кремневыми отщепами.

На сегодняшний день на территории постсоветского пространства было найдено ок. 150 кладов каменного века, которые относят к разным эпохам каменного века. Большая часть из них датируется энеолитом, но из-за сложности датировки их объединяют в одну смежную археологическую эпоху неолита – энеолита. На втором месте идут палеолитические клады. Меньше всего было найдено мезолитических кладов, насчитывающих восемь объектов [Сериков, 2022, с. 16]. Приведем некоторые примеры.

В позднем палеолите Восточной Европы клады известны преимущественно в каменнобалковской и костенковской культурах. Каменнобалковская культура географически расположена на территории Ростовской области. Здесь был раскопан т.н. «Недвиговский клад», что обнаружил С.Н. Братченко неподалеку от некрополя Танаиса в 70-х гг. прошлого столетия. Объект не был связан с культурным слоем со стоянками поблизости. Находка была сделана на низкой речной террасе, а сам клад залегал в виде компактного скопления на глубине ок. 1 м. Внутри него было найдено два орудия и ок. 200 ножевидных пластин, которые, по свидетельству Г.Ф. Коробковой, имели следы сработанности [Леонова, Виноградова, 2014, с. 90; Колесник, Медведев, 2016].

В эпоху мезолита также имеются клады. На территории бывшего СССР было найдено восемь подобных объектов: четыре найдены на Среднем Урале, еще по два клада обнаружены в Тверской и Архангельской областях [Сериков, 2022, с. 15]. В неолите кладов существенно больше [Колесник, 2018]. При этом нахождение предметов в культурном слое может являться не кладом, а произ-

водственным комплексом (готовыми изделиями или орудиями для их производства), набором (готовыми орудиями труда или заготовками) либо же отходами производства.

Касательно неолитической эпохи в контексте Восточной Европы, можно вспомнить курган у ст. Старочеркасской в Нижнем Подонье, где была найдена компактная масса заготовок кремневых наконечников, охваченная с боков и сверху двумя каменными пестами и сверленным топором-молотом [Гудименко, Дмитриенко, 2009, с. 46–49].

В 2009 г. в ходе шурфовки на правом берегу р. Северский Донец была обнаружена новая стоянка каменного века, расположенная вблизи с. Богородичное. Здесь археологи из Донецкого национального университета обнаружили скопление, включающее четыре плотно прилегающих друг к другу крупных кремневых заготовки. Размеры скопления составляли 28 × 25 см. Все четыре изделия выполнены из качественного кремня, похожего на образцы местного сырья. Вероятная дата комплекса – это поздний неолит или энеолит [Колесник, Давыденко, Коваль, 2011, с. 105].

Если рассмотреть географию кладов, то она не ограничивается Восточной Европой. Помимо этого, клады кремневой продукции находят на территории Сибири и американского континента. К примеру, на территории позднепалеолитической Ушковской стоянки (расположена в 18 км от пос. Козыревск в Центральной Камчатке) археологи, изучая первобытные жилища, обнаружили «наковальню для обработки каменных орудий», а рядом в небольшой ямке под очагом бы найден «клад, состоящий из двух сложенных вместе точильных камней, сланцевого ножа и резца». Еще один клад состоял из 12 полулунных бифасов, найденных в нише у стенки коридора другого жилища [Ложкин, Слободин, 2012, с. 86–87].

Клады на территории Нижнего Приангарья (Красноярский край) стали исследоваться относительно недавно. Они относятся к интервалу от мезолита до бронзового века. К примеру, на участке комплекса Проспихинская Шивера IV были зафиксированы два компактных скопления археологического материала. Датировка этих объектов показала, что они относятся к неолиту. Один клад представлен «ранцевым набором», который включает в свой состав различные каменные

заготовки и орудия преимущественно для обработки древесины, а также крупный фрагмент сосуда аплинского типа [Мандрыка и др., 2018, с. 78].

Особую категорию кладов каменной продукции составляют клады палеоиндейцев Северной Америки. Одна из характерных черт культуры кловис – это наличие тайников, содержащих в себе отборные изделия из камня и кости. Вероятнее всего, они не были связаны со стоянками первобытных людей. В состав клада входили обработанные наконечники, двусторонне оббитые ножи, заготовки для их производства и изделия в форме полумесяца. Часто предметы залежали плотной кучкой и были покрыты слоем охры. Трасологический анализ следов на орудиях под микроскопом показал, что вещи из клада активно использовались для скобления шкур, резания мяса, обработки дерева и кости. Вполне вероятно, что это был склад инструментов древних охотников, припрятанный для повторного использования. К примеру, тайник, обнаруженный в штате Вашингтон и получивший в археологической среде название Ричи, имел в себе серию сделанных из агата крупных наконечников кловис, тесла, бифасы, ножи и другие орудия. Также в тайнике были обнаружены стержни из бивня мамонта, украшенные насечками [Васильев, Березкин, Козинцев, 2011, с. 48].

Вопрос о семантике кладов обсуждается в специальной литературе длительное время. Ю.Б. Сериков считает, что необходимо искать клады за пределами культурного слоя древних поселений. Если нечто подобное кладу было обнаружено на самой стоянке, то его необходимо изучать в контексте окружающих находок, при этом правильно интерпретируя вещи, обнаруженные внутри ямы [Сериков, 2021]. А.В. Колесник, в свою очередь, считает, что подобное клад-приношение представляет собой «относительно небольшой добровольный безвозвратный материальный вклад в виртуальную культуру социума с целью поддержания личной, семейной и коллективной стабильности, а также, косвенно, для поддержания существующего в адекватных понятиях своего времени миропорядка» [Колесник, 2018]. Если суммировать вышесказанное, то можно сделать вывод о том, что данные клады могли нести символическую функцию дара. В настоящее время в трактовке кладов доминирует точка зрения В.С. Бочкарева

ва об их преимущественно культовом значении [Бочкарев, 2012].

*Научный руководитель – А.В. Колесник
д-р ист. наук, доцент,
Донецкий национальный университет*

Список литературы

Бочкарев В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПбГУ 26–29 ноября 2002 г. СПб.: 2002. С. 45–55.

Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г. Сибирь и первые американцы. 2-е изд. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2011. 177 с.

Гудименко И.В., Дмитриенко М.В. Клад кремневых и каменных изделий эпохи бронзы на территории поселения «Дюнное-5» у станицы Старочеркасская // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону, 2009. С. 46–49.

Колесник А.В. Эволюция взглядов на клады кремневой продукции юга Днепро-Донского междуречья: от сокровищ к культовым объектам // Stratum Plus. № 2. 2018. С. 259–271.

Колесник А.В., Давыденко В.В., Коваль Ю.Г. «Клад» кремневых изделий из окрестностей с. Богородичное в Донецкой области (бассейн р. Северский Донец, Юго-Восточная Украина) // Донецкий археологический збірник. № 15. 2011. С. 104–116.

Колесник А.В., Медведев С.П. Клад кремневых изделий позднего палеолита из с. Недвиговки на Нижнем Дону // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 3. 2016. С. 135–141.

Леонова Н.Б., Виноградова Е.А. Специфические скопления культурных остатков на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка-2 // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 18. 2014. С. 88–98.

Ложкин А.В., Слободин С.Б. Ушковская стоянка – уникальный археологический памятник // Вестник СВНЦ ДВО РАН. № 1. 2012. С. 84–91.

Мандрыка П.В., Гурулев Д.А., Голубева Е.В., Вдовенкова М.В. Клады эпохи неолита на комплексе Пропихинская Шивера IV в нижнем Приангарье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. № 3. 2018. С. 78–91.

Сериков Ю.Б. Клады каменного века как археологический источник // Вестник Пермского университета. История. № 1 (52). 2021. С. 5–14.

Сериков Ю.Б. Мезолитические клады каменных и костяных изделий и их особенности // Уфимский археологический вестник. Вып. 22, № 1. 2022. С. 15–25.

Stone Age Treasures as an Archaeological Source

D.A. Safin

The article is devoted to the review of archaeological monuments, which in archeology are designated as “treasures” of the Stone Age. The author gives a description of the objects, as well as examples of their location in Eastern Europe, Siberia, and North America. The current data on the findings are presented, where their semantics and connection with the afterlife are revealed. Using the example of the Kamennobalkov culture, the description of “treasures” in the context of

Eastern European finds is given. The stone inventory that was found in the "knapsack kits" is described, as well as objects that, according to the author, indicate a connection with symbolic activity. Using the example of the Ural region, it is shown that the hoards are characteristic not only of the Paleolithic era, but also of the Neolithic and Eneolithic.

Keywords: Paleolithic, Stone Age treasures, Neolithic, Mesolithic, Eastern Europe.

Сафин Дамир Азатович

студент 2-го курса

Донецкий национальный университет

e-mail: dameororsafin@gmail.com

Safin Damir Azatovich

2nd year student

Donetsk National University

e-mail: dameororsafin@gmail.com

УДК 902/904

Распространение пластинчатых индустрий на территории Корейского полуострова в контексте начального верхнего палеолита Северной и Северо-Восточной Азии

А.И. Селютина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Исследования последних лет верхнего палеолита Сибири, Монголии, Северного Китая и Южной Кореи обеспечивают важными данными, благодаря которым открываются новые перспективы для изучения начального верхнего палеолита, включающего стратегию расщепления каменных орудий, наследуемую из первоначальной технологии получения пластин с остаточными признаками леваллуа. Акцентируется внимание на следующих моментах: 1) доказательство распространения пластинчатых индустрий с остаточной леваллуазской технологией в Северо-Восточной и Восточной Азии; 2) рассмотрение региональных особенностей, влияющих на появление различных эволюционных моделей, отличающихся от традиционных.

Благодаря результатам раскопок культурных слоев 3 и 4 памятника Суянгэ-6, время появления пластинчатой индустрии в Корее теперь можно отодвинуть к 40 тыс. л.н. [Ли Хонджон, У Джонюн, Ли Юнджо, 2020, с. 83–112]. Кроме того, было выявлено, что более примитивные галечные традиции сосуществовали с прогрессивной пластинчатой технологией. Концепция начального верхнего палеолита объясняется временными и технологическими характеристиками. Хронологически начало этого периода относят к 45–40 тыс. л.н. с небольшими различиями между регионами. В настоящее время по этой тематике активно проводятся исследования в Северной, Центральной и Северо-Восточной Азии для поиска орудий, сделанных с использованием леваллуазской техники расщепления или гибридизации этой формы с пластинчатой технологией. На основе этих данных, объединяющих достижения комплекса наук, можно

сделать сравнение с индустриями начала верхнего палеолита Кореи, что способствует вариативности интерпретаций этого периода.

Между последней фазой т.н. среднего палеолита Кореи, основанного на традиции изготовления галечных орудий, и началом верхнего палеолита существуют явные различия в характеристиках. Были найдены артефакты, появляющиеся на позднем этапе среднего палеолита, такие как орудия, выполненные на отдельностях породы и большие орудия на сколах. Но также были обнаружены несколько видов нуклеусов с ударной площадкой, различные виды отщепов, удлинённые орудия на сколах и уменьшенный в размере многогранник, относящиеся к начальной стадии верхнего палеолита. Такой орудийный набор имеет некоторые отличительные особенности от последней фазы среднего палеолита. Техника обработки камня в период перехода от среднего к верхнему палеолиту (50–40 тыс. л.н.) в Корее развивалась путем, отличным от традиционных моделей Европы и некоторых районов Северной Азии.

Количество изученных в последние десятилетия стоянок начального верхнего палеолита в Северной и Центральной Азии, таких как Толбор (Северная Монголия), Ушбулак-1 (Восточный Казахстан), Шуйдунгоу-1 (Внутренняя Монголия), постепенно увеличивается. Однако, что касается Забайкалья, Дальнего Востока, Северо-Восточной Сибири, большей части Китая, Корейского полуострова и Японии, то здесь отсутствуют доказательства технико-типологических особенностей традиционного начального верхнего палеолита. Такие региональные явления проявляются не только на территории Северо-Восточной Азии, но и в некоторых частях Европы.

Этот факт может являться доказательством того, почему характеристики некоторых индустрий трудно объяснить с помощью традиционных концепций начального верхнего палеолита [Kuhn, Zwyns, 2014, p. 29–38]. Принимая во внимание только традиционные концепции начального верхнего палеолита, в настоящее время исследования могут проводиться только в ограниченных областях. Для понимания технологических изменений перехода от среднего к верхнему палеолиту, миграций *Homo sapiens*, культурных особенностей регионов с индустриями начального верхнего палеолита и регионов с их отсутствием, традиционные концепции не могут быть применены [Ли Хонджон, 2015, с. 36–69; Lee, 2018, p. 21–41]. С данной точки зрения существующие представления о начальном верхнем палеолите должны быть расширены, чтобы их можно было использовать для анализа динамических культурных процессов людей современного анатомического типа, включающих хронологические, региональные и технико-типологические изменения.

Научные руководители – С.В. Алкин
канд. ист. наук, ст. науч. сотр., доцент,
Новосибирский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН
М.Б. Козликин
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

Ли Хонджон. Уринара хугигусоккимунхва «конджонмодер»ый тхыкчингва мунхвапокчапсон ёнгу [이현종.우리나라 후기구석기문화 ‘공존모델’의 특징과 문화복합성 연구]. Исследование особенностей модели сосуществования и индустриального многообразия верхнего палеолита Кореи. Муангун: Хангуккусоккихако, 2015. Т. 32. С. 36–69. (на кор. яз.)

Ли Хонджон, У Джонюн, Ли Юнджо. Суянгё VI чигу 4 мунхвачхыный хугигусокки чхоги толлальгисульчхегёнгу [이현종, 우종윤, 이용조. 수양개 VI지구 4문화층의 후기구석기 초기 돌날기술체계연구]. Исследование технологической системы пластин начального верхнего палеолита на основе культурного слоя 4 Суянгё-6. Сеул: Панмультванхако, 2020. Т. 39. С. 83–112. doi: 10.22884/joksms.39.202012.003 (на кор. яз.).

Kuhn S.L., Zwyns N. Rethinking the initial Upper Paleolithic // Quaternary International. 2014. Vol. 347. P. 29–38. doi: 10.1016/j.quaint.2014.05.040

Lee H.J. The Study on Cultural Dynamics of Appearance and Dispersal of Modern Human of Initial Upper Paleolithic in Northeast Asia, Journal of Korean Paleolithic Society, 2018, vol. 38. P. 21–41. doi: 10.52954/kps.2018.1.38.21

Distribution of Blade Industries on the Territory of the Korean Peninsula in the Context of the Initial Upper Paleolithic of Northern and Northeast Asia

A.I. Seliutina

Recent research on the territory of Northern and Northeast Asia has made it possible to contribute to the problem of the studying the transition to the Upper Paleolithic in this region. Due to new data obtained during the excavation of Suyanggae-6 in Korea, the appearance of blade technology on the Korean Peninsula has been dated back to 40,000 years ago. The distinguishing features of the transition from the Middle to the Upper Paleolithic on the Korean Peninsula are the residual technology of pebble industries and the appearance of Upper Paleolithic tools. The increasing number of sites under the study on the territory of Northern, Central and Northeast Asia made it possible to take a fresh look at the problem of the Initial Upper Paleolithic (IUP). At present, traditional concepts of the Initial Upper Paleolithic are difficult to apply, so the emergence of new models will make it possible to classify all variants of the Middle-Upper Paleolithic sites.

Keywords: Northeast Asia, Korean Peninsula, Suyanggae-6, Initial Upper Paleolithic, blade technology, traditional IUP concepts.

Селютина Анна Ильинична
студент 4-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: selyutina.anna12@gmail.com

Seliutina Anna Ilinichna
4th year student
Novosibirsk State University
e-mail: selyutina.anna12@gmail.com

Реконструкция составных орудий палеолита: от С.А. Семенова к результатам современных исследований*

В.С. Смолкина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Проблема выделения составных орудий в индустриях среднего и верхнего палеолита поднималась еще с начала изучения этой эпохи. Черешковые формы, остроконечники, остря, наконечники, микролиты на основе аналогий из более поздних доисторических и исторических периодов и этнографии интерпретируются как части составных орудий. Из-за большого культурно-временного разрыва применение прямых аналогий к палеолитическим индустриям не всегда оправдано и требует критического отношения.

Сохранившиеся рукояти и основы с пазами для вкладышей встречаются и в палеолитических коллекциях. Такие случаи, хотя и немногочисленные, позволяют реконструировать технологии монтажа и фиксировать их усложнение. С.А. Семенов на примере костяных и роговых рукоятей со стоянок Елисеевичи-1, Мальта и Мезин прослеживал усовершенствование их конструкции от отверстия для простого вбивания к прорезанию дополнительных полостей в рукояти для замены каменной части в случае поломки с возможностью повторного использования [1950, с. 132–134]. Проблемой изучения прямых свидетельств монтажа является то, что большинство составных орудий не доходят до исследователей в их первоначальном виде в связи с плохой сохранностью органических материалов.

Значительную роль в реконструкции составных орудий палеолита сыграло развитие экспериментально-трасологического метода. В «Первобытной технике» С.А. Семенов [1957] рассматривал палеолитические орудия, для которых реконструировал крепление в рукояти: кремневый «топор» из Костенок-1 (I) и мотыга из бивня мамонта со стоянки Елисеевичи-1. Однако специального трасологического анализа аккомодационной части этих орудий для выяснения характеристик износа на ней не проводилось, а выводы основывались на распространении и характере следов использования на рабочей части орудия [Там же, 1957, с. 155, 213].

Л. Кили обратил внимание на возможность трасологического изучения следов от рукояти наравне со следами использования [Keeley, 1982]. Необходимость такого подхода он обосновывал следующим образом. Во-первых, пренебрежитель-

ное исключение процесса монтажа из операционной последовательности (*chaîne opératoire*) может привести к ошибкам в интерпретации, искажению представлений о технологических стратегиях и культурной изменчивости. Процесс монтажа, очевидно, напрямую связан с изготовлением конечного орудия, готового к использованию в хозяйственной деятельности. Во-вторых, составные и простые орудия могут отличаться по своей морфологии, но при этом выполнять одинаковую функцию, следовательно, они будут выделены в разные типы, поэтому изучение следов монтажа откроет широкие перспективы выявления культурных различий [Ibid., p. 798]. Основываясь на своих наблюдениях, Л. Кили выделил морфологические признаки для определения каменных артефактов как частей составных орудий в коллекциях [Ibid., p. 801].

С начала XXI в. систематическое применение трасологического метода для изучения технологий монтажа позволило исследовательской группе во главе с В. Ротс разработать методику идентификации составных орудий в палеолитических коллекциях при полном отсутствии их органических частей [Marreiros et al., 2015, p. 83–104], а также определить и экспериментально подтвердить особые характеристики микроизноса на обушковых частях орудий, использовавшихся в рукояти [Rots et al., 2001]. Итогом их работы стало создание эталонной коллекции следов от рукоятей разных конструкций и из разных материалов – TRAIL (“Traces In Liège”).

Характеристика способов крепления палеолитических орудий в рукояти, представленная в работах С.А. Семенова, явилась важным шагом к пониманию феномена монтажа в материальной культуре древнего человека. Но опора лишь на фактические свидетельства существования составных орудий оставляет лакуны в схеме развития технологий в палеолите. Так, например, С.А. Семенов указывал на достоверное начало применения монтажа лишь в верхнем палеолите [1950, с. 132], а среднему приписывалось существование «рукоятей» только в качестве аккомодационной части цельного орудия из кости/рога [Семенов, 1957, с. 209]. Но благодаря развитию экспериментально-трасологического метода и появлению новых технических возмож-

*Исследование выполнено за счет гранта РФФИ проект № 20-78-10151.

ностей для изучения древних артефактов, современные исследования свидетельствуют об их появлении в среднем палеолите [Mazza et al., 2006], а некоторые исследователи предполагают их наличие уже в среднем каменном веке (MSA) Африки ок. 500 тыс. л.н. [Wilkins, Schoville, 2016]. Кроме того, продолжает расширяться список категорий каменных артефактов, для которых реконструируется использование в рукояти. К ним относятся орудия без специально выделенного насада, чаще всего применявшиеся в сфере домашнего производства [Sankhyan, 2020; Martin-Viveros et al., 2023]. На сегодняшний день тема составных орудий в палеолите открывает для исследователей ряд уникальных перспектив в изучении доисторических технологий и стратегий выживания [Taipale, Chiotti, Rots, 2022], а также в определении функциональной принадлежности стоянок, способов организации труда [Taipale, Rots, 2020] и особенностей человеческого поведения [Ambrose, 2010; Taipale, 2022].

*Научный руководитель – К.Н. Степанова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр., доцент,
Институт истории материальной культуры РАН
Институт истории СПбГУ*

Список литературы

- Семенов С.А.** Верхнепалеолитические костяные рукоятки // КСИИМК / отв. ред. А.Д. Удальцов. М: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 35. С. 132–138.
- Семенов С.А.** Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) / отв. ред.: М.П. Грязнов, А.П. Окладников // МИА. Вып. 54. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.
- Ambrose S.** Coevolution of Composite-Tool Technology, Constructive Memory, and Language. Implications for the Evolution of Modern Human Behavior // *Current Anthropology*. 2010. № 51. P. 135–147.

Reconstruction of Paleolithic Composite Tools: from S.A. Semenov to the Results of Modern Research

V.S. Smolkina

In the framework of this work, the attitude of archaeologists to the subject of composite tools in the Paleolithic, which changed with the development of archaeological science, is considered. At the initial stages of reconstruction, it was carried out based on ethnographic and historical analogies and observations of the preserved handles in the assemblages. The drawback of these methods is the low preservation of the materials from which handles were made, as well as the impossibility of a complete transfer of analogies to the reality of Paleolithic man. The experimental traceological method makes it possible to overcome the actual absence of preserved hafted tools. To date, the subject of composite tools in the Paleolithic opens up a number of unique perspectives for researchers in the study of prehistoric technologies, survival strategies of Paleolithic societies, as well as in determining the functional specialization of the sites, ways of organizing domestic area and some different behavioral patterns.

Keywords: use-wear analysis, hafting technology, composite tools.

Смолкина Василиса Сергеевна

студент 3-го курса

Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: st088298@student.spbu.ru

Keeley L.H. Hafting and Retooling: Effects on the Archaeological Record // *American Antiquity*. 1982. Vol. 47, № 4. P. 798–809.

Marreiros J.M., Gabia Bao J.F., Bicho N.F. Use-Wear and Residue Analysis in Archaeology. Barcelona: Springer, 2015. 223 p.

Martin-Viveros J.I., Oron M., Ollé A., Chacón M.G., Sharon G. Butchering knives and hafting at the Late Middle Paleolithic open-air site of Nahal Mahanayeem Outlet (NMO), Israel // *Scientific Reports*. 2023. Vol. 13, № 112. doi: 10.1038/s41598-022-27321-5.

Mazza P.P., Martini F., Sala B., Magi M., Colombini M.P., Giachi G., Landucci F., Lemorini C., Modugno F., Ribechini E. A new Palaeolithic discovery: tar-hafted stone tools in a European Mid-Pleistocene bone-bearing bed // *J. of Archaeological Science*. 2006. № 33. P. 1310–1318.

Rots V., Pirnay L., Pirson P., Baudoux O., Vermeersch P.M. Experimental Hafting Traces Identification and Characteristics // *Notae Praehistoricae*. 2001. № 21. P. 129–137.

Sankhyan A.R. Palaeolithic Hafting in Himachal Sub-Himalaya // *Advances in Anthropology*. 2020. № 10. P. 259–274. doi: 10.4236/aa.2020.104014

Taipale N. Can stone tools hafting reflect Upper Paleolithic social dynamics? New data from Abri Pataud, Hohle Fels, and Maisieres-Canal // *Tracing social dynamics*. Barcelona: CosmoCaixa. 2022. P. 90.

Taipale N., Chiotti L., Rots V. Weapon choice and hunting strategies in the Gravettian of Abri Pataud // 12th Annual Meeting of the European Society for the study of Human Evolution. Tübingen. 2022. P. 589.

Taipale N., Rots V. Revising Maisieres-Canal (Hainaut, BE). New results on tool use and hafting // *Notae Praehistoricae*. 2020. № 40. P. 105–127.

Wilkins J., Schoville B.J. Edge Damage on 500-Thousand-Year-Old Spear Tips from Kathu Pan 1, South Africa: The Combined Effects of Spear Use and Taphonomic Processes // *Multidisciplinary Approaches to the Study of Stone Age Weaponry, Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology* / Eds.: Radu Iovita, Katsuhiko Sano. Dordrecht: Springer Science+Business Media. 2016. P. 101–117.

Smolkina Vasilisa Sergeevna

3rd year student

Saint-Petersburg State University

e-mail: st088298@student.spbu.ru

Определение природы материала сетки-плетенки по керамике раннего неолита Якутии: опыт экспериментального моделирования

М.В. Степанов

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Керамика – один из самых массовых и информативных археологических источников, отражающих в себе историко-культурные процессы, условием реконструкции которых является воссоздание гончарных технологических традиций [Актуальные проблемы..., 1999, с. 7]. Содержание гончарных технологических традиций включает в себя и вопросы, связанные с инструментарием гончарного производства.

Решающим культурным индикатором сыалахской ранненеолитической культуры Якутии служит т.н. сетчатая керамика [Алексеев, 1996, с. 41]. Как показывает историография проблемы, инструментарий гончарного производства имеет особое значение в технологических традициях раннего неолита Якутии [Воробьев, 1999, с. 64–86]. Происхождение оттисков сетки-плетенки на керамике связывают с технологией ее изготовления. Относительно технологического происхождения отпечатков сетки на сыалахской керамике, в основном прорабатывался вопрос о технических приемах нанесения технического декора. Незавершенным остается вопрос о природе материала для изготовления сетки-плетенки. Для разрешения данного вопроса было принято решение о проведении эксперимента и поставлены следующие задачи:

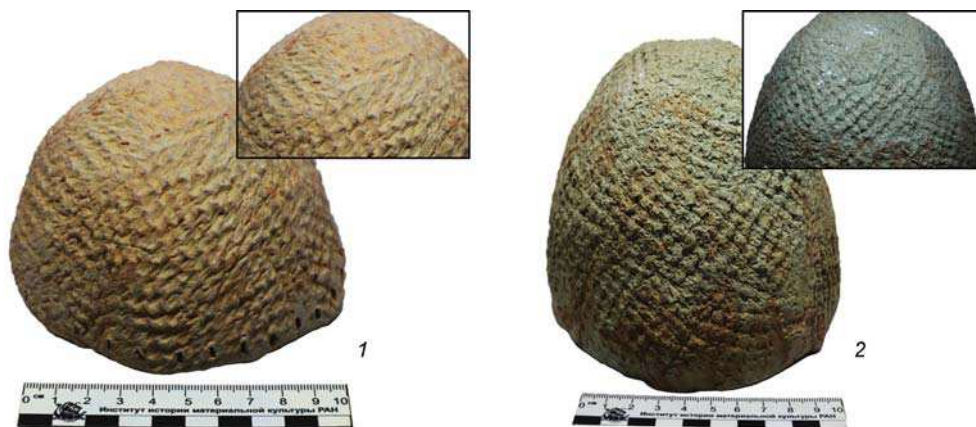
- поиск материалов для сетки-плетенки;
- снятие слепков с поверхности археологической керамики;
- изготовление экспериментальных моделей сыалахских сосудов для нанесения на них оттисков сетками, изготовленными из различных материалов;
- снятие с поверхности экспериментальных моделей слепков;
- сравнение слепков, полученных с археологической керамики и экспериментальных образцов.

Для поиска материалов для плетения нитей и сетей были использованы этнографические свидетельства из материальной культуры народов северо-востока России. Наиболее распространенными материалами для изготовления плетеных изделий служили крапива, конопля, а также животные сухожилия, этот факт связан с доступностью данных видов сырья. В частности, В.И. Иохельсон

упоминал о наличии плетеных сумок из крапивных нитей у коряков [2005, с. 607]. В своем быту и хозяйственной жизни, эвены и эвенки широко применяли оленьи и лосиные сухожилия, например для изготовления арканов, сетей и ниток для шитья [Алексеева, 2003, с. 81]. Нганасаны изготавливали из оленьих сухожилий веревки для увязывания груза для нарт, для соединения элементов различных изделий, нитки для шитья [Попов, 1948, с. 105]. В этнографических материалах упоминается, что якуты плели сети не только из конского волоса, но и из конопли, а северные якуты применяли для этого еще и оленьи сухожилия [Серошевский, 1993, с. 288; Гурвич, 1977, с. 46; Маак, 1994, с. 368].

Слепки были сняты с 45 фрагментов сетчатой керамики из многослойных стоянок Белькачи I, Сумнагин I, Усть-Токко I, Сюльдюкар, Хатынгаах II, Кюнкю II и однослойных стоянок Огогут и Алысардаах из фондов АНИЦ РС(Я) и МАЭ СВФУ. Отбирались фрагменты с наиболее четкими оттисками. Слепки снимались с помощью скульптурного пластилина с тальком. Снимаемые отпечатки оказались весьма разнообразными, в основном на керамике отпечатываются узелки сетки, образуя в межузелковых ячейках бугорки. Узелки бывают разных размеров, по большей части от 2 до 4 мм. Нити отображаются на керамике реже, чем узелки. В результате влияния различных факторов, например обработки внешней поверхности сосуда (затираание, лощение и т.д.) и хаотичного наложения, оттиски получаются нечеткими, отображающими лишь наиболее общие очертания. Однако среди фрагментов встречаются и такие, в которых четко отобразились плетеные структуры и нити сетки-плетенки. Вероятнее всего, бечевки для сетки были сделаны из растительных или животных волокон. С целью выяснения возможных материалов для изготовления сетки-плетенки был проведен ряд экспериментов с нанесением на глиняный сосуд сетчатых оттисков.

Для создания экспериментальных образцов была использована покупная глина и глина, добытая в окрестностях Якутска на Намцырском тракте. Было сделано шесть экспериментальных сосудов. Оттиски на поверхности сосудов наносились

Экспериментальные сосуды.

1 – с оттисками сетки-плетенки, изготовленной из конопли; 2 – с оттисками сетки-плетенки, изготовленной из крапивы.

выбиванием лопаточкой, обмотанной сеткой-плетенкой. Сетка-плетенка была сплетена из крапивных, конопляных и жильных нитей. Крапивные и жильные бечевки для сетки были изготовлены путем сучения нескольких волокон. В качестве конопляных бечевок для сетки использовался шпагат. Сетка была сплетена завязыванием вертикального и горизонтального рядов бечевок.

Слепки, снятые с экспериментальных сосудов, декорированных конопляной сеткой, отображают оттиски сетки в общих чертах, в виде ряда узелков; следов плетения не видно или они представлены в общих очертаниях; нитей сетки не заметно или они отображены нечетко. Слепки, снятые с экспериментальных образцов, выбитых крапивной сеткой, четко отображают на себе плетеные структуры сетки, заметны не только узелки, но и волокна крапивы, свитые в бечевки. Нечеткие проявления плетеных структур конопляной сетки может объясняться различной степенью обработки волокон для нитей сетки, качеством их кручения, а также толщиной волокон. Наибольшее соответствие с археологическим материалом имеют экспериментальные образцы, выбитые конопляной сеткой (см. рисунок, 1). Фрагменты керамики, в слепках которых видны плетеные структуры сетки-плетенки, имеют сходства с экспериментальными образцами, выбитыми крапивной сеткой, но их не много (см. рисунок, 2).

Результаты экспериментов, скорее всего, могут свидетельствовать об использовании в качестве материала различных видов сырья или о различной степени обработки волокнистого вещества для изготовления ниток. Несмотря на то, что оттиски конопляной сетки на экспериментальных образцах показали наиболее широкое соответствие с археологическим материалом, нерешенным остается вопрос о распространенности конопли на террито-

рии Восточной Сибири в неолите. В связи с этим будет целесообразно проверить и другие возможные виды сырья для сетки [Кичигин, с. 10–25]. Экспериментально можно, например, проверить изготовление бечевок и сетки из волокон иванчая, использование которого как сырья для плетения этнографически подтверждается у коряков [Иохельсон, 2005, с. 607].

Обобщая опыт изучения проблемы природы материала сетки-плетенки для изготовления сылахской керамики, можно сделать следующие выводы:

- экспериментальное моделирование технического декорирования керамики сетками-плетенками из различных материалов продемонстрировало нам различные результаты, которые, в разной степени, но находили соответствие с археологическим керамическим материалом, что отражает разнообразие сырья и степени его обработки для изготовления плетеных изделий;

- последующее продвижение по данной проблематике требует дальнейшего проведения новых экспериментов с использованием и других видов сырья.

Научный руководитель – К.А. Пестерева
ст. преподаватель,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова

Список литературы

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / науч. ред. Бобринский А.А. Самара: Изд-во СамПГУ, 1999. 223 с.

Алексеев А.Н. Древняя история Якутии: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 144 с.

Алексеева Е.К. Очерки по материальной культуре эвенов Якутии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 2003. 158 с.

Воробьев С.А. Опыт экспериментального моделирования неолитической керамики Якутии и некоторые проблемы технологии // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. 1999. С. 64–86.

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. Москва: Наука, 1977. 246 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / отв. ред. Н.А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2005. 666 с.

Кичигин Д.Е. Природа нитей шнура и сетки-плетенки на древней керамике Прибайкалья: этнографические параллели // Изв. лаборатории древних технологий. 2016. № 2 (19). С. 10–25.

Маак Р.К. Вилюйский округ. Москва: Яна, 1994. 592 с.

Попов А.А. Нганасаны. Вып. 1: Материальная культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 128 с.

Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. 713 с.

The Problem of the Nature of the Material of the Braided Mesh on Ceramics of the Early Neolithic of Yakutia: Experimental Modeling

M.V. Stepanov

Reticulated pottery is one of the key cultural indicators of the early Neolithic Syalakh culture in Yakutia. A particular problem in the study of reticulated ceramics of the Syalakh culture is the problem of its technical decoration and tools. Concerning the problem of technical decoration, the question of the technical methods of its application to the surface of the vessel was most developed. In the historiography of this problem, the question of the nature of the raw material of the braided mesh has not been developed. The study of the ceramic traditions of the early Neolithic of Yakutia requires the development and the question of the nature of the raw material of the braided mesh. To study this problem, an experimental simulation method was used. During the experiment, it was found that most likely the braided mesh was made from various materials and various degrees of its processing.

Keywords: reticulated ceramics, technical decor, hemp mesh, nettle mesh, fibrous substance.

Степанов Михаил Владимирович

студент 2-го курса

Северо-Восточный федеральный университет

им. М. К. Аммосова

e-mail: mikhailstep2002@gmail.com

Stepanov Mikhail Vladimirovich

2nd year student

North-Eastern Federal University

e-mail: mikhailstep2002@gmail.com

УДК 902.2

Новый палеолитический комплекс многослойного поселения Студеное-2 (Западное Забайкалье)

Ю.А. Трухина

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Поселение Студеное-2 входит в Студеновский археологический комплекс памятников, который был открыт в 1970 г., 1975 г. экспедицией Читинского государственного педагогического института под руководством М.В. Константинова. [Константинов и др., 2011] Комплекс расположен на юго-западе Забайкальского края в Красночикойском р-не, в системе Малханского хребта на правобережье р. Чикой. Студеное-2 приурочено ко второй эрозионно-аккумулятивной террасе высотой 8 м. Многослойное поселение имеет 15 культурных слоев, в ряде которых выявлены жилища (3, 4/5, 5 КС). Культурный слой 5 залегает на глубине 5,25 м в литологическом слое 7 и связан с тонкой иловатой прослойкой мощностью 1 см. На основании радиоуглеродных

данных слоя 5, перекрывающих и подстилающих слоев, полученных в предшествующие годы, культурный слой можно уверенно датировать в диапазоне 19–18 тыс. л.н., т.е. концом LGM MIS-2. [Goebel et al., 2000; Buvit et al., 2004; Kuzmin et al., 2004]. Памятник изучался в несколько этапов с 1975 по 2004 г.

В 2021 г. полевые работы на памятнике были возобновлены и направлены на уточнение хронологий и получение комплекса данных о формировании культурных слоев в аллювиальных отложениях, в т.ч. с использованием микроморфологического анализа и анализа остатков растений, содержащих крахмал (amulum). Полевая методика изучения жилища основывалась как на «классических» разработках [Константинов, 1994, 2001], так и на

проведении более детального анализа культурного слоя, при котором квадратный метр разбивался на секторы с сохранением микростратиграфических профилей (см. *рисунок*), что в свою очередь позволяло более детально изучать состав и структуру культурного слоя, а также отбирать необходимое количество монолитов для лабораторных исследований. В результате изучения 5 культурного слоя была обнаружена часть жилищно-хозяйственного комплекса, представленная внешней обкладкой и интерьерными-приочажными камнями, предметным и фаунистическим материалом, а также углесто-золистой массой максимальной мощностью 10–12 мм. Видимые размеры комплекса с северо-запада на юго-восток, по внутренним сторонам камней № 3 и 10, составляют 3,2 м, квадраты – 2:3, М:П [Трухина, Кустов, Филатов, 2022] Общее количество находок, относящихся к обнаруженному комплексу, составляет 150 экз. Фаунистические материалы представлены в количестве 62 экз., из них 10 крупных и 52 мелких фрагментов кости. Обнаружено 10 орудий: проксимально-медиальный фрагмент микропластины, трансверсальный и угловой резцы, проксимально-медиальный фрагмент пластины, 2 долотовидных орудия, костяное острие. Большая концентрация фаунистических остатков отмечается около камня № 1, а также камня № 13, в малом количестве они распределены по всей ча-

сти жилищно-хозяйственного комплекса. Дебитаж численно преобладает и составляет 51 % находок (76 экз.), концентрируется в золистом заполнении и у камней № 1, 12, 13 (рабочее место). Свободной от находок выделяется зона (зона отдыха?) квадрата 2О – половина квадрата 2Н, единственной находкой в этой зоне является обломок костяного острия, выполненного на отростке рога косули. Орудия (резцы, костяное острие, долотовидные орудия) приурочены к юго-юго-восточной части жилища. Конструкция выглядит незаконченной, углистое пятно тяготеет к юго-западной стенке раскопа, камни № 3, 4 уходят в южную стенку раскопа, камни № 5, 6 меньшего размера, чем остальные, они расположены на углистом заполнении. Все вышеперечисленное говорит о том, что мы обнаружили только часть комплекса. Конструкция представлена камнями внешней обкладки, которые выложены полукругом и группируются по 2–3 камня, а также углистым пятном и скоплением находок внутри.

В 2003–2004 гг. в 4 м от обнаруженной конструкции на квадратах – 5:7, Д:К были обнаружены валуны и находки в количестве 144 экз.: различные фрагменты костей, реберчатый скол, медиальный фрагмент пластины с ретушью, пластинка, костяной отщеп, чешуйка яшмы, микропластинка с ретушью, листовидная пластинка из яшмы, проколка на микропластине, угловой резец.

Изучение нового жилищно-хозяйственного комплекса культурного слоя 5 поселения Студеное-2, 2021 г.

В 1996 г. в этом же слое, на расстоянии 14 м от нового комплекса, было изучено трехочажное жилище, представленное фрагментарной, разреженной внешней обкладкой. Площадь комплекса 37 м². С северной стороны обкладка имеет сложный характер, возможно, что там был своеобразный «тамбур», перед входом в который разводился костер. Находки в зоне «тамбура» единичны. Всего с комплексом связана 1 191 находка, в т.ч. каменные орудия, предметы украшений, фаунистические остатки, а также примечательный артефакт – «жест начальника», выполненный из правой ветви рога северного оленя [Разгильдеева, 2018].

В ходе полевых работ 2021 г. на поселении Студеное-2 удалось выявить новый комплекс в культурном слое 5, возраст которого, на основании радиоуглеродных данных слоя 5, можно уверенно датировать в диапазоне 19–18 тыс. л.н. Планиграфия комплекса позволяет предположить, что новый комплекс имеет продолжение, а значит есть вероятность, что он может быть сложносоставным или многоочажным. Для поселения Студеное-2 это характерно, т.к. в этом же слое ранее был выявлен трехочажный комплекс, а в культурном слое 4/5 было выявлено большое шестиочажное жилище.

*Научный руководитель – Е.А. Филатов
мл. науч. сотр.,
Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева
СО РАН
Институт археологии и этнографии СО РАН*

The New Paleolithic Complex of the Multi-Layered Settlement Studenoe-2 (Western Transbaikalia)

Y.A. Trukhina

In 2021, interdisciplinary research was conducted at the Paleolithic settlement of Studenoe-2 (Western Transbaikalia) by an international team including representatives of Trans-BaikalSU, IAET SB RAS, ZKKM, MSU, as well as the Institute of Archaeological Research named after Macdonald University of Cambridge. In the course of field work at the Studenoe-2 settlement, a new complex was identified in cultural layer 5, whose age, based on the radiocarbon data of layer 5, can be confidently dated in the range of 19–18 ka. The planigraphy of the complex suggests that the new complex has a continuation, which means that it is likely that it can be complex or multifocal. For the settlement of Studenoe-2, this is typical, since a three-hearth complex was previously found in the same layer, and a large six-hearth dwelling was found in the cultural layer 4/5.

Keywords: Paleolithic, Studenoe-2, Western Transbaikalia, housing and utility complex.

Трухина Юлия Андреевна
студент 3-го курса
Забайкальский государственный университет
e-mail: yulich2014@gmail.com

Список литературы

- Константинов А.В.** Древние жилища Забайкалья: (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.
- Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН; Изд-во ЧГПИ, 1994. 265 с.
- Разгильдеева И.И.** Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2018. 208 с.
- Константинов М.В., Константинов А.В., Екимова Л.В., Разгильдеева И.И.** Студеное // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 277–280.
- Трухина Ю.А., Кустов Г.Н., Филатов Е.А.** Планиграфический анализ жилища 3 культурного слоя 5 поселения Студеное-2 // Материалы LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Красноярск, 2022. С. 79–80.
- Buvit I., Terry K., Konstantinov A.V., Konstantinov M.V.** Studenoe 2: an update // Current Research in the Pleistocene. 2004. Vol. 21. P. 1–3.
- Goebel T., Waters M.R., Buvit I., Konstantinov M.V., Konstantinov A.V.** Studenoe-2 and the origins of microblade technologies in the Transbaikalia, Siberia // Antiquity. 2000. Vol. 74 (285). P. 567–575.
- Kuzmin Y.V., Timoty J.A., Razgildeeva I.I.** Chronology of the Upper-Paleolithic Site Studenoe-2 (Transbaikalia, Siberia): Case Study of the Multi-Hearth Dwelling in Horizon 4/5 // Archaeology-Eurasia. 2004. Vol. 21. P. 6–7.

Trukhina Yuliya Andreevna
3rd year student
Transbaikalia State University
e-mail: yulich2014@gmail.com

Изучение энеолита лесостепного Притоболья

К.Д. Тюлюбаева

Курганский государственный университет, Курган, Россия

На территории лесостепного Притоболья эпоха энеолита связывается с появлением первых медных орудий и переходным периодом от каменного инвентаря к металлообработке меди. Изготовление медных изделий только-только зарождается, при этом фиксируется деградация каменных орудий и уменьшение их количества на памятниках. Образ жизни людей при этом значительно не меняется. Это по-прежнему коллективы охотников и рыболовов.

Основную часть лесостепного Притоболья занимает Курганская область, лежащая в пределах Западной Сибири. На ее территории протекает р. Тобол (в среднем течении), рельеф представлен однообразной равниной, со слабым падением на северо-восток. Однообразность равнины нарушают макро- и микрорельефы. Речная сеть представлена такими крупными реками, как Тобол, Исеть и Миасс (в археологическом плане озера и болота исследованы слабо) [Вохменцев, 2016, с. 96].

Опираясь на серию радиоуглеродных дат, исследователи датируют энеолит второй половиной V–IV тыс. до н.э. на территории от основных хребтов Урала до междуречья Тобола и Ишима и от верховьев р. Тавды до широтного течения р. Урал [Епимахов, Мосин, 2015, с. 35].

Отдельно энеолит лесостепного Притоболья изучали только Т.М. Потемкина и М.П. Вохменцев. Остальные исследователи включали данную территорию в локальные схемы более крупных территорий – Южный Урал, Среднее Зауралье и Тюменское Притоболье, а также территория Северного Казахстана [Шорин, 1999, с. 54].

В.С. Мосин, констатируя полную или частичную синхронность большинства типов керамики и их сочетание в пределах одних памятников, предполагает, что территория Зауралья в целом функционировала как культурная непрерывность. Жизненное пространство зауральского энеолитического населения охватывало несколько природных зон: лесостепную, предгорную, лесную. Система связей поддерживалась за счет годичного хозяйственного цикла, семейно-брачных и других форм отношений [Епимахов, Мосин, 2015, с. 27].

На территории Тюменского Притоболья и сопредельных территорий эпоху энеолита исследовали ряд авторов: П.А. Дмитриев, В.Н. Чернецов, В.Ф. Старков, М.Ф. Косарев, В.Т. Ковалева (Юровская), Н.М. Чаиркина, А.Ф. Шорин и др.

В результате к 1980-м – началу 1990-х гг. сложилась концепция, согласно которой в эпоху медно-каменного века на территории региона проживали носители шапкульской, липчинской и андреевской культур. Среди целенаправленно исследованных энеолитических памятников в конце 80-х – 90-х гг. XX в. следует выделить поселение Велижаны-1 [Асташкин, Асташкина, Дрябина, 1995, с. 30], святилище Велижаны-2, грунтовые могильники Бузан-3 [Матвеев, Волков, 1999, с. 156] и Чепкуль-21 [Зах, Скочина, Пархимович, 2005, с. 25], поселение ЮАО XIII-A [Зырянова, Шаманаев, 2001, с. 62], а также ряд памятников на территории Ярковского р-на Тюменской обл. [Волков, 2009, с. 4].

К энеолиту на среднем Урале относятся такие культуры, как липчинская, суртандинская, кысыкульская, шапкульская, сосновоостровская, а также аятская. Сосуды данной группы характеризуются преобладанием в орнаменте геометрических фигур (треугольников, ромбов, прямоугольников, меандров и др.) в сочетании с простейшими мотивами, выполненными в горизонтальной зональности. Преобладающей техникой орнаментации становится гребенчатая [Шорин, 1999, с. 54].

Энеолит Северного Казахстана представлен ботайской культурой. Ботайская культура была выделена В.В. Зайбертом. Открыто больше 20 поселений. Поселения обычно располагались на берегах небольших степных рек: Тургай, Терсаккан, Тобол, Убаган, Чаглинка, Иманбулак. Наиболее богатым материалом среди них располагает поселение Ботай [Байпаков, Таймагамбетов, 2006, с. 125].

М.П. Вохменцев, опираясь на выборку из 23 исследованных раскопками и 52 исследованных разведками памятников энеолита лесостепного Притоболья, разделил их на первую (южную) и вторую (северную) группу. Вторая группа памятников находится в северной части лесостепного Притоболья и является более многочисленной. Здесь памятники концентрируются в основном по крупным рекам – Тоболу, Исети, Миассу, а также на небольших притоках недалеко от их впадения в крупные реки. Единичные поселения встречаются около озер.

Рассматривая культурную принадлежность памятников северной группы, М.П. Вохменцев отмечает многокомпонентность с преобладанием гребенчатого орнамента на керамике, связывая это явление с культурами гребенчатого геометри-

ма. Сложение этих культур шло в основном на базе местных неолитических традиций. В эпоху энеолита существовали две традиции в орнаментации: отступающе-накольчатая и гребенчатая. К концу эпохи раннего металла произошло слияние этих традиций, и затем преобладание гребенчатой традиции на энеолитических материалах лесостепного Притоболья прослеживается как влияние культуры лесной и степной зон [Вохменцев, 2016, с. 125].

Говоря об энеолите лесостепного Притоболья, нельзя не упомянуть знаковый объект для изучения духовной жизни этого периода – святилище Савин. Данный памятник, изучение которого началось в 1980-е гг., во многом способствовал развитию тогда еще нового направления – археоастрономии [Святилище Савин-1..., 2020, с. 5].

Местные исследователи энеолита, интерпретируя материалы лесостепного Притоболья, обычно используют схемы Среднего Урала или Тюменского Притоболья [Шилов, Маслюженко, 2002, с. 165; Новиков, Рахманова, 2006, с. 21; Шилов, Новиков, 2010, с. 230].

Отдельно, вне контекста местного энеолита, рассматривается присутствие ямной культуры на юге региона – это могильники Убаган-1 и Верхняя Алабуга. Почти весь вещественный материал, за исключением единичных случаев, происходит из случайных находок или поверхностных сборов. Убаганский металл также найден без привязки к закрытым комплексам, поскольку могильник в значительной степени был уничтожен ветровой эрозией [Потемкина, Дегтярева, 2007, с. 2].

Таким образом, проанализировав имеющуюся литературу, можно прийти к выводу, что территория лесостепного Притоболья в эпоху энеолита по-прежнему слабо изучена и является периферийной для нескольких научных центров, которые частично переносят ареалы распространения археологических культур с сопредельных территорий. Местная концепция с ее северной и южной группами не получила дальнейшего развития, что выражается в работах последующих исследователей, которые, не специализируясь на эпохе энеолита, предпочитают использовать разработанные концепции соседних регионов для датировки и интерпретации полученных материалов.

*Научный руководитель – И.К. Новиков
руководитель археологической лаборатории,
ст. преподаватель,
Курганский государственный университет*

The Study of the Eneolithic Forest-Steppe Tributary

K.D. Tyulyubaeva

The article is devoted to the study of the Eneolite on the territory of the forest-steppe Tributary. This epoch remains one of the least studied in the region. The main monuments of the second half of the V–IV millennium BC and related cultural and chronological attribution, basic concepts and researchers of adjacent territories are given. In the history of the study

Список литературы

Асташкин В.И., Асташкина О.В., Дрябина Л.А. Энеолитические комплексы поселения Велижаны-1 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 29–38.

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана: учеб. пособие для студентов вузов. Алматы: Казац университети, 2006. 355 с.

Волков Е.Н. К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 4–15.

Вохменцев М.П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Притоболье / науч. ред. В.С. Мосин. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2016. 137 с.

Епимахов А.В., Мосин В.М. Хронология зауральского энеолита // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4. С. 27–37.

Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г. Грунтовый могильник Чепкуль-21 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 24–41.

Зырянова С.Ю., Шаманаев А.В. Энеолитический комплекс стоянки ЮАО XIII-A // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. Вып. 4. С. 60–71.

Матвеев А.В., Волков Е.Н. Исследование неолитических памятников в Ингальской долине в 1998 г. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. № 2. С. 124–125.

Новиков И.К., Рахманова Ю.В. Раскопки поселения неолита-энеолита Долговское-3 в Среднем Притоболье // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Астрахань, 2006. С. 21–22.

Потемкина Т.М., Дегтярева А.Д. Металл ямной культуры Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 8. С. 18–39.

Святилище Савин-1 эпохи энеолита в Притоболье: антология статей / сост., отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. 208 с.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Энеолитическое захоронение Гладунино-3 в системе доандроновского погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 2002. Вып. 24. С. 165–191.

Шилов С.Н., Новиков И.К. Исследование энеолитического поселения Дачный-2 в Нижнем Приишимье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1. 2010. С. 221–235.

Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 1999. 90 с.

of the Eneolithic of the forest-steppe Tributary, the work of M.P. Vokhmentsev stands apart, who, based on local materials, identified two groups of monuments: northern and southern. However, for many years the concepts developed for the Tyumen Tributary, the Middle Trans-Urals, the Southern Urals and Northern Kazakhstan have remained relevant, which is clearly evident from the work of local researchers who use these concepts when working with Eneolithic materials of the forest-steppe Tributary.

Keywords: Eneolithic, forest-steppe of the Tobol region, history of study, settlements, sanctuary.

Тюлюбаева Ксения Денисовна

студент 4-го курса

Курганский государственный университет

e-mail: tulubaevaksenia70@gmail.com

Tyulyubaeva Ksenia Denisovna

4th year student

Kurgan State University

e-mail: tulubaevaksenia70@gmail.com

УДК 903.02(571.53)''6347''

Каменный орнаментир из поздненеолитического уровня многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (Северное Приангарье)*

А.Т. Халикова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Одним из самых многочисленных в наборе вещественных остатков материальной культуры древнего населения неолит – Средневековья является огромный массив разнообразной по своим морфо-технологическим признакам керамики. Практически все керамические сосуды имеют на поверхности разного вида орнамент, который, по мнению многих исследователей, является одним из самых важных элементов для выделения керамических типов, пластов и археологических культур [Титова, Титов, 2016, с. 188].

Наличие орнаментированных сосудов предполагает и присутствие в коллекциях предметов, которыми этот орнамент наносился. Однако при общей массовости фиксированных артефактов, выделение среди них орудий-орнаментированных является очень сложной задачей. Считается, что в качестве таких инструментов могли использоваться различные подручные предметы: кости птиц, мелких млекопитающих, деревянные палочки и щепочки и т.д. [Бердников, 2013, с. 214]. Специально подготовленные орудия, которые могли выступать в качестве орнаментированных, встречаются очень редко, что, видимо, объясняется сложностью атрибуции таких предметов.

Проблема выделения таких инструментов для декорирования сосудов, как и изучение самого орнамента, остается актуальной и интересной для исследователей на сегодняшний день. Использование современных технологий позволяет

привлечь к исследованию методы структурного и технологического анализа, микроскопии, экспериментального моделирования и др. Используя слепки с поверхности керамических сосудов, ряду исследователей удалось восстановить непосредственно рабочий край древних орнаментированных и понять кинематику их движений по поверхности сосуда [Титова, Титов, 2016].

В 2010 г. во время проведения спасательных археологических работ на многослойном геоархеологическом местонахождении Усть-Ёдарма II, попадавшем в зону затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС, в 5-м культуросодержащем уровне были найдены два апплицируемых между собой фрагмента плитки мелкозернистого песчаника, которая интерпретировалась авторами раскопок как орнаментир (см. рисунок) [Lokhov, 2010, p. 72].

Многослойное геоархеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II располагалось на правом приустьевом участке р. Ёдармы при ее впадении в р. Ангару, в 91 км к северу от г. Усть-Илимска вниз по течению р. Ангары.

Изделие-орнаментир находилось в пикете 65 раскопа 1 площади А, в толще переслаивающихся серых, темно-серых гумусированных супесей с желтовато-серыми негумусированными прослоями. Дистальный конец песчаниковой плитки (рабочий край орудия) имеет 11 асимметричных насечек. Фрагмент с лезвием находился в 0,3 м на юго-запад от кострища 1. Второй фрагмент плитки

*Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России проект № FZZE-2023-0007.

располагался в 0,4 м на запад от первого. Изделие, вероятно, было сломано еще в древности. Рабочий край имеет следы выкрошенности, часть оформленных зубцов обломано. Свидетельствует ли это об использовании предмета в древности в качестве инструмента для декорирования сосудов – вопрос остается открытым, т.к. требуется тщательный трасологический анализ рабочего края.

Длина фрагмента с рабочим краем из-за слома варьирует от 5,7 до 7,7 см, ширина рабочего края 6,8 см, ширина в районе слома – 6 см, толщина 0,7 см. Край рабочего лезвия слегка выпуклый, рассечен 11 коническими асимметричными углублениями треугольной формы. Ширина шага между зубьями от 0,4 до 0,6 см, глубина высеки от 0,2 до 0,3 см. Длина второго фрагмента от 7,7 до 9,6 см, ширина в районе слома 6 см, проксимальный конец плитки – 4,5 см, толщина 0,7 см. Таким образом, общая длина изделия составляет 15,2 см. Обе поверхности и края плитки несут следы тщательной шлифовки. Одна из поверхностей имеет следы отслоения в районе слома.

Для того, чтобы провести эксперимент для подтверждения статуса найденного инструмента и не нанести ему повреждений в процессе использования, нами было принято решение о выполнении 3D-копии изделия. Предмет был отсканирован на 3D-Scanner RangeVision Spectrum, и была создана модель, которая была распечатана на 3D-принтере Raise 3D Pro из пластика двух видов: PLA (серый) 0,2 мм и ABS (белый) 0,2 мм. В связи с тем, что при печати насечки рабочего края получились слегка оплывшими, для придания полной точности были использованы мелкие абразивные напильники. Поверхность изделия из белого ABS пластика была обработана ацетоном для ликвидации следов печати. Поверхность копии из серого PLA пластика никакой обработке не подвергалась.

После получения копий инструмента нами был произведен эксперимент на глине и пластилине. Рабочий край орнамента указывает, что он использовался в контррельефной технике, которая характеризуется оставлением следов вдавлений, прочерчивания и резьбы. В качестве основных приемов для нанесения орнамента использовались накальвание/штампование и прочерчивание. При накальвании под углом от 20° до 45° получены четкие оттиски пунктирно-гребенчатого штампа. При накальвании со сдвигом вправо или влево также были получены характерные следы гребенчатого штампа. При прочерчивании/протягивании инструмента по поверхности образуются четкие линии. Также данное изделие могло использоваться в качестве инструмента для заглаживания поверхности сосуда, образуя характерные следы

Орнаментир. Усть-Ёдарма II, уровень 5.

расчеса. Таким же образом для заглаживания мог использоваться и нерассеченный край.

Керамика с оттисками пунктирно-гребенчатого штампа имеет довольно широкий хронологический диапазон от неолита до эпохи развитого металла. С пунктирно-гребенчатым пластом связывается керамика, характерная для серовских погребальных комплексов Приангарья и позднесеровских комплексов Приольхонья, которую И.М. Бердников считает разновидностью серовского керамического комплекса [Бердников, 2013, с. 210–211]. Также было предложено выделить отдельный вариант неолитической керамики с пунктирной гребенкой, с возможностью определения ее в дальнейшем при накоплении материалов в отдельный тип [Бердников, 2013, с. 210].

К сожалению, при анализе керамической коллекции 5-го культуросодержащего уровня, а также соседних уровней (4 и 6), был выделен только один небольшой фрагмент керамики с характерными отпечатками орнамента, полученными в результате экспериментального моделирования.

Следует отметить, что для некоторых типов керамики, распространенных на территории юга Средней Сибири, были определены инструменты, которыми производилось орнаментирование сосудов. Так, для североангарского варианта керамики хайтинского типа с местонахождений Усть-Ёдарма II и Остров Лиственичный в качестве орнамента выступали обломки маргинального луча грудного плавника осетровых рыб [Лохов, Роговской, Дударек, 2013, с. 127]. Для керамики усть-бельского типа в качестве орнаментирующих инструментов использовались кости птиц, мелких млекопитающих, челюсти грызунов [Бердников, 2013, с. 214]. Более детальное исследование керамики усть-бельского типа было проведено для памятника Удачный-14, где с помощью изготовленных слепков была получена информация о форме и размере рабочего края орнамента, угле его наклона при работе, кинематике движений относительно орнаментируемой поверхности [Титова, Титов, 2016].

Таким образом, после проведенных экспериментальных действий нами было подтверждено мнение об использовании найденной плитки песчаника в качестве орнамента для получения оттисков пунктирно-гребенчатого штампа. В дальнейшем

планируется провести тщательное микроскопическое исследование края рабочего лезвия инструмента на наличие следов использования.

*Научный руководитель – Д.Н. Лохов
преподаватель, инженер-исследователь,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 203–229.

Лохов Д.Н., Роговской Е.О., Дударек С.П. Североангарский вариант керамики хайтинского типа // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 116–132.

Титова Ю.А., Титов Е.В. К методике изучения технологии орнаментации керамики усть-бельского типа // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. Вып. 5. С. 188–194.

Lokhov D.N. New date from Kata-Yodarma region of the Northern Angara basin // Siberia and Japan in the Late Paleolithic Period. Adaptive Strategies of Humans in the Last Glacial Period. Tokyo, 2010. P. 71–76.

Stone Ornamenter from the Late Neolithic Level of the Multilayer Site Ust-Yodarma II (Northern Angara Region)

A.T. Khalikova

The results of the study of a stone product made of sandstone tiles are presented. The product was identified as an ornamenter. The ornamenter was found in the 5th level of the deposition of the material culture of the multilayer site Ust-Yodarma 2, which, according to radiocarbon dating and stratigraphic situation, dates back to the Late Neolithic period. The product was broken in ancient times. The working edge of the product has traces of destruction. To carry out experimental actions on the use of the ornament, a 3D copy of the object was created. Techniques of impaling/stamping and drawing were used. Only one fragment of ceramics with such an ornament was found in the layer. As a result of the impaling technique, impressions of a dotted-comb stamp were obtained, characteristic of ceramics of both the late Neolithic and later eras.

Keywords: Northern Angara region, ceramics, ornamenter, dotted-comb stamp.

Халикова Альфия Тахировна

студент 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: alfiia03@yandex.ru

Khalikova Alfia Takhirovna

2nd year student

Irkutsk State University

e-mail: alfiia03@yandex.ru

УДК 903.21

Скребки карене: обзор классификаций и типологий*

И.С. Шегуров

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Скребки карене (*фр.*: *grattoirs carénés*) как таксономическая единица легли в основу развития проблематики изучения кареноидных изделий –

ключевого элемента ориньякского технокомплекса. Более чем столетний путь изучения скребков карене подробно описан в работе М. Брезийона [Brezillon,

*Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России проект № FZZE-2023-0007.

1968, p. 235], статье Ф. Ле Брюн-Рикалена [Le Brun-Ricalens, 2005] и слабо отражен в отечественном палеолитоведении. В этом свете актуальным представляется рассмотрение эволюции определений скребков карене в классификациях и типологиях исследователей западноевропейского ориньяка.

Само прилагательное «сагэпé» во французском языке отображает специфику изгиба корпуса судна. В археологическом лексиконе этот термин впервые использован в 1894 г. в сообщении Э. Пьетт и Ж. де Ла Порт при описании изделий стоянки Брасемпуи [Le Brun-Ricalens, 2005].

По всей видимости, активно применяться в научных кругах термин «карене» начал с 1905 г. Он используется при описании скребка Э. Ривьером: «...он имеет форму каски с заостренной вершиной, или опрокинутого корпуса судна, киль которого находится сверху, а передняя часть шире и выше задней» [Ibid.].

В том же году термин «карене» использовал А. Брейль, отметив его хронокультурную принадлежность: «есть много особых скребков, очень массивных, коротких, кареноидной формы, более или менее похожих на рабо; этот тип хорошо известен в Спи, Тарте, Брасемпуи, Кроманьоне и т.д.; это одно из лучших «ископаемых» пресолютрейского периода, и оно почти не встречается в пластах среднего или верхнего века северного оленя» [Ibid.].

Именно с подачи А. Брейля термин «карене» закрепился как составная часть наименования таксономической единицы. В 1906 г. он писал: «название скребок карене кажется мне предпочтительнее любого другого обозначения этого орудия в форме перевернутого корпуса судна» [Ibid.]. А. Брейлем также отмечено: «...что прежде всего характеризует эту группу орудий, форма которых изменчива, но внешний вид которых четко узнаваем, это, помимо ретуши с особым видом, выпуклость в форме перевернутого корпуса судна, которой представлена торцевая часть» [Brezillon, 1968, p. 235]. Тип «скребок карене» дифференцировался А. Брейлем на «подкруглую», «овальную», «продолговатую» и «подтреугольную» формы.

В целом, на рубеже XIX–XX вв. для рассматриваемых изделий, ныне объединяемых категорией «массивные скребки», безразборчиво использовались различные наименования. Сказывалось отсутствие единой терминологии в молодой науке [Le Brun-Ricalens, 2005].

В том же 1906 г. Л. Бардон, А. и Ж. Буйссони, ранее предлагавшие в качестве общего наименования для группы массивных скребков термин «пластинчатый скребок», посвятили скребкам карене статью, где соглашались, во избежание путаницы, использовать предложенный А. Брейлем тер-

мин [Ibid.]. Два года спустя они дали определение скребку карене: «...нуклевидный скребок, похожий на рабо, который встречается почти исключительно в ориньякских местонахождениях. Скребок карене массивный и короткий, обычно с очень плоской нижней стороной и возвышением в форме перевернутого корпуса судна. Его обработка обычно аккуратна и имеет характерный вид... образованный путем регулярных снятий узких, тонких и относительно длинных пластинок, которые имеют, в зависимости от формы орудия, конвергентное или почти параллельное направление. Скребок карене, если его хорошо рассмотреть, четко отличается от близких или заменяющих его форм, которыми являются нуклевидный скребок и рабо». Они отмечали, что «нижняя сторона орудия также иногда подрабатывалась, но крупными сколами, чтобы выровнять эту поверхность» [Ibid.]. Речь, очевидно, идет о подработке ударной площадки, но до признания за скребками карене функции производства пластинок пройдет еще не одно десятилетие и сменится не одна научная парадигма.

Тем же коллективом авторов скребки карене из «нижних очагов» местонахождения Кумба-дель-Буиту делились на две группы по характеру фронта. Первая группа включала скребки с полукруглым, близким к вертикальному, фронтом; пирамидальный скребок; рабо; и атипичный (нуклевидный) скребок. Вторая группа включала скребки, профиль фронта которых скошен; скребки с фронтом, изогнутым овально в его широкой части; и скребки с фронтом, изогнутым овально в его узкой части [Brezillon, 1968, p. 235].

Свою классификацию скребков карене в 1927 г. предложил Г. Гури. Он выделял три основных типа, включавших скребок карене веерообразный, скребок карене с носиком; скребок карене высокий, типа Кроманьон [Ibid.].

В 1952 г. Л. Прадель предложил классификацию скребков карене, где тип разделялся на шесть категорий: простой скребок карене (имеющий фронт с длинной, узкой, регулярной пластинчатой ретушью); скребок карене веерообразный; круглый скребок карене; скребок карене с одним плечиком; скребок карене с носиком; скребок карене приподнятый [Ibid.].

В классификации Д. де Соннвий-Борд и Ж. Перро скребок карене определяется как «скребок на широком в сечении сколе, с профилем в форме перевернутого корпуса судна, фронт очерчен пластинчатыми снятиями, будь он широким и коротким или узким и вытянутым». Кроме того, скребок карене определяется как атипичный, «если снятые фасетки широкие и не пластинчатые или если профиль плохо очерчен» [Sonnevillе-Bordes, Perrot, 1954].

Ж. Хейнцелин де Бракур определял скребки карене как «массивное орудие, характеризующееся наличием на верхнем фасе выступающей кромки или кили (карене). Обычно длинные треугольные фасетки соединяются в режущую кромку кареноидной формы. Очевидно, существует несколько возможных вариантов» [Brezillon, 1968, p. 235].

В классификации орудий верхнего палеолита Европы П.-И. Демара и П. Лорана скребкам карене дается следующее определение: «скребок чаще всего на широком в сечении сколе, реже – пластине. С высоким скребковым фронтом, скорее овальным, чем круглым, образованным прямой пластинчатой ретушью, реже – сколами». Отмечено, что «эти скребки имеют более выпуклый, или даже заостренный скребковый фронт, чем тонкие скребки (*фр.: grattoirs minces*). Кроме того, на протяжении ориньяка эти орудия эволюционируют в сторону использования более легкой, тонкой заготовки и уменьшения ширины фронта» [Demars, Laurent, 1992, p. 45].

На современном этапе скребки карене интерпретируются как нуклеусы для производства пластинок с изогнутым и закрученным профилем. Это стало возможным благодаря усовершенствованию методики раскопок, проведению ремонтных сборок и ряда экспериментов [Le Brun-Ricalens, 2005]. Современное определение скребкам карене дано в справочнике Ф. Ле Брюн-Рикалена и Л. Бро [Le Brun-Ricalens, Brou, 2006]. Согласно последним, это «нуклеус-скребок, выполненный, как правило, на широкой в сечении заготовке (пластине, сколе или осколке), которая имеет на одном или обоих концах ряд субпараллельных или конвергентных пластинчатых снятий, полученных перпендикулярно с самой широкой поверхности заготовки. Для пластины и скола это, как правило,

вентральная поверхность или поверхность скалывания. Фронт скребка, полученный таким образом, более или менее широкий и имеет более или менее выпуклый контур» [Ibid.].

Таким образом, изначально морфологический термин «карене» с развитием методов интерпретации приобрел технологический смысл, отражающий специфику морфологии нуклеусов для производства пластинок с изогнутым и закрученным профилем.

Научный руководитель – Н.Е. Бердникова
ст. науч. сотр.,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет

Список литературы

Brezillon M.N. La denomination des objets de pierre taillée. Matériau pour un vocabulaire des préhistoriens de langue française. Gallia préhistoire. Supplément IV. P.: 1968. 423 p.

Demars P.-Y., Laurent P. Types d'outils lithiques du Paléolithique supérieur en Europe. P.: Presses du CNRS, 1992. 179 p.

Le Brun-Ricalens F., Brou L. Fiches descriptives de nucléus-outils carénés / Burins préhistoriques: formes, fonctionnements, fonctions. Luxembourg: Musée national d'histoire d'art, 2006. P. 361–376.

Le Brun-Ricalens F. Chronique d'une reconnaissance attendue. Outils «carénés», outils «nucléiformes»: nucléus à lamelles. Bilan après un siècle de recherches typologiques, technologues et tracéologies // Productions lamellaires attribuées à l'Aurignacien. Luxembourg: Musée national d'histoire d'art, 2005. P. 23–72.

Sonneville-Bordes D., Perrot J. Lexique typologique du Paléolithique supérieur. Outillage lithique: I Grattoirs-II Outils solutréens // Bulletin de la Société Préhistorique Française. 1954. Vol. 51. P. 327–335.

Carinated End-Scrapers: Overview of Classifications and Typologies

I.S. Shegutov

This article presents the results of a literature review on the typology of carinated end-scrapers (*grattoirs carénés*) of the Aurignacian technocomplex. These artefact types have traditionally been interpreted exclusively as tools, but research in recent decades has led to the conclusion that the original function of the carinated end-scrapers was blade production. Thus, initially the morphological term carinated end-scrapers with the development of interpretation methods acquired a technological meaning reflecting the specifics of the morphology of cores served as production of twisted bladelets. In this connection, it is relevant to consider the old and modern criteria for distinguishing the types of carinated end-scrapers in the classifications and typologies of researches of the European Aurignacian.

Keywords: The Early Upper Paleolithic, Aurignacian technocomplex, classifications and typologies, carinated end-scrapers.

Шегутов Иван Сергеевич

магистрант 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: shegutov@gmail.com

Shegutov Ivan Sergeyevich

2nd year master's degree student

Irkutsk State University

e-mail: shegutov@gmail.com

УДК 902

Культовые комплексы сарматской эпохи на плато Устюрт

Р.Ц. Абат

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Мангышлак и Приаралье в географических описаниях принято обозначать как *междуморье*. Это обширный со схожими климатическими условиями регион, который с глубокой древности был удобен для кочевого скотоводства. В раннем железном веке на территории Арало-Каспийских степей проживали племена, принадлежащие сарматскому или же сако-массагетскому кругу культур. Это подтверждается множеством археологических памятников и письменными источниками античных авторов.

Опираясь на античные источники, З. Самашев отметил, что носителями самаро-уральского варианта савроматской культуры, возможно, являются даи [Самашев и др., 1997, с. 146–150], которые наиболее подробно были описаны Страбоном в его труде «География». Страбон писал: «... на левой стороне при входе в Каспийское море живут кочевники, которых наши современники называют даями с прозвищем апарнов. Затем перед ними в промежутке находится пустыня». Этой «пустыней», очевидно, является пустыня Каракумы, которая расположена южнее Устюрта. Можно предположить, что между походами, которые даи устраивали на земли Гиркании, они кочевали на Мангышлаке, территорию которого они использовали для зимовья.

До 80-х гг. XX в. отдельные обзоры памятников Прикаспия были предприняты московским археологом Л.Л. Галкиным [Галкин, 1985]. Его статьи, посвященные необычным антропоморфным скульптурам и каменным конструкциям, послужили толчком к началу полевых исследований святилищ Байте и Дыкылтас [Галкин, 1985; Ольховский,

Галкин, 1990; Ольховский, Самашев, 1999, 2000]. Однако масштабное целенаправленное археологическое изучение Арало-Каспийских степей начинается в 2004 г. в ходе реализации государственной программы «Культурное наследие».

В данной работе представлена краткая характеристика святилищ Байте-3 и Дыкылтас, которые и в настоящее время являются самыми яркими и наиболее полно изученными памятниками.

Погребально-поминальный комплекс Дыкылтас, как и Байте-3 служит типологическим примером святилищ п-ва Мангышлак. Он расположен в 30 км от поселка Форт-Шевченко и в 5 км к югу от побережья Каспийского моря. Главная культовая конструкция является сооружением из известковых плит, укрепленных кольцевой крепидой диаметром 11 м. Блоки крепиды были уложены в один слой. Сооружение в плане имело прямоугольно-трапециевидную форму. С южной стороны к центру конструкции подходил дромос шириной 1,3 м. Стенки его устроены из горизонтально уложенных плиток и дополнительно укреплены вертикально поставленными плитами. Дромос вел в центр сооружения, где находился жертвенник в виде овальной каменной плиты с углублением. Внутри к западу, востоку и северу от центра сооружения расходились три погребальные камеры, к ним примыкали четыре каменных ящика. Во всех трех погребальных камерах расчищены хаотично расположенные костные останки 25–30 человек. Здесь же найдено большое количество погребального инвентаря. В четырех ящиках были найдены следы тризны. Помимо

жертвенников-поминальников в состав рассматриваемого комплекса входили и каменные стелы, изготовленные из местного пористого известняка-ракушечника. Почти все стелы к моменту исследования оказались повалены и разбиты. За пределами крепиды зафиксированы две дугообразные цепи многочисленных жертвенно-поминальных оградок. Выкладки имели форму колец диаметром 0,8–1,2 м.

Памятник как единый комплекс, с общей семантикой и взаимосвязью каждой части конструкции сформировался в IV в. до н.э. Находки, датируемые более поздним периодом, свидетельствуют о двух этапах сложения памятника, причем на раннем этапе культовая функция сооружения отсутствовала.

Культовый комплекс Байте, расположенный в северо-западной части плато Устюрт, состоит из четырех памятников: Байте-1, -2, -3 и -4. Он занимает участок в 50 тыс. м². Раскопки Байте-3 были начаты в 1988 г., продолжались в течение семи полевых сезонов, полностью были завершены в 1997–1998 гг. [Дженито и др., 2000, с. 14]. Комплекс состоит из главной культовой конструкции (далее ГKK), каменных антропоморфных скульптур, каменных выкладок, каменных скоплений и множества жертвенников. Весь комплекс располагался на возвышенности, а ГKK занимал господствующую высоту.

ГKK по конструкции представлял собой монументальное круглое сооружение диаметром 19 м. Кольцевая стена была построена методом панцирной кладки из местной породы известковых плит [Там же, с. 18]. В.С. Ольховский в результате тщательных исследований определил конструкцию как двухступенчатую цилиндрическую башню с частичным сводчатым перекрытием [Ольховский, Самашев, 1999]. Перекрытие представляло собой полусферическое кольцо с открытым центром. Его удерживали четыре трапециевидных контрфорса, пристроенных к стенам изнутри. В самом центре сооружения в землю был вставлен каменный жертвенник прямоугольной формы. Прямо к жертвеннику вела лестница, ступени которой расписаны множеством тамг. Все это послужило основанием признать данную конструкцию культовой [Дженито и др., 2000, рис. 6, с. 18].

Помимо сложного циклопического строения, своеобразие святилищу Байте придают 45 каменных изваяний, многочисленные каменные выкладки и каменные скопления [Онгарулы и др., 2017, с. 14]. На территории ГKK не найдено ни погребений, ни каких-либо вещественных находок, что говорит о функциональном отличии святилища Байте-3 от Дыкылтаса. Так же, как и дыкылтасские, байтинские памятники расположены в местности, которая, возможно, имела сакральное значение для кочевников тех времен. Антропоморфные сте-

лы, судя по предметам вооружения, изображают сарматского воина, что также отличает их от менги-рообразных стел Дыкылтаса. Сомневаться не приходится только в том, что оба святилища выполняли практически идентичные функции – сакральные и культовые. Памятники были построены в одну эпоху, что свидетельствует либо об этническом единстве строителей памятников, или же о том, что в ту эпоху здесь проживало несколько племен сарматского круга, одним из которых было племя даев.

В результате многолетних работ З. Самашевым осуществлена общая оценка Арало-Каспийского региона как ареала контакта между различными цивилизациями раннего железного века [Самашев и др., 2007, с. 188–191]. Уникальное скопление святилищ на территории современной Мангистауской обл. говорит о большом значении этого места для людей того времени. Земля, неблагоприятная для оседлого проживания, имела сакральное значение для кочевых племен с древности. В этнокультурном отношении памятники принадлежали сарматским племенам, которые использовали их, чтобы почтить память предков.

*Научный руководитель – М.К. Хабдулина
канд. ист. наук, доцент,
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева*

Список литературы

- Дженито Б., Ольховский В.С., Самашев З.С., Франкфор А.П. Исследование древних святилищ Арало-Каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 7–20.
- Галкин Л.Л. Памятники Северо-Восточного Прикаспия // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 505.
- Ольховский В.С., Самашев З. Исследования на плато Устюрт // Археологические открытия 1997. М., 1999. С. 344.
- Ольховский В.С., Самашев З.С. Завершение исследований святилища Байте III в Западном Казахстане // Археологические открытия 1998. М., 2000. С. 376–377.
- Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культовый комплекс на Устюрте // СА. 1990. № 4. С. 196–206.
- Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р. Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 320 с.
- Самашев З.С., Ольховский В.С., Веселовская Е.В., Жетибаев Ж.М. Население арало-каспийского региона в сарматскую эпоху // История исследований культуры Казахстана. Алматы: Казак университети, 1997. С. 132–165.
- Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы: ТОО «Археология», 2007. 400 с.

Cult Complexes of the Sarmatian Era on Ustyurt Plateau

R.C. Abat

In the III–II centuries BC e. Sarmatian sanctuaries appeared on the territory of Ustyurt and Mangyshlak – structurally complex cult complexes occupying a significant area. Outwardly, they look like mound-shaped structures with adjacent structures made of menhirs, stone accumulations, and anthropomorphic sculptures. In the course of a continuous survey of the Aral-Caspian intermarium, archaeologists recorded 20 such monuments, according to their layout and architecture, they divided them into Baite and Dykyltas types. The article provides a description of these groups of sanctuaries and a definition of their ethno-cultural affiliation.

Keywords: Sarmatian, sanctuaries, Ustyurt, Baite, Dykyltas, Mangyshlak.

Абат Рахим Цезарулы

студент 3-го курса

Евразийский национальный университет

им. Л.Н. Гумилева

e-mail: abatrahim85@gmail.com

Abat Rahim Cezaruly

3rd year student

Eurasian National University

e-mail: abatrahim85@gmail.com

УДК 902/904

Предварительные данные раскопок поселения баитовской культуры Исетское-3 в 2022 году (по материалам раскопа № 6)

А.В. Белых

Курганский государственный университет, Курган, Россия

В 2022 г. отряд Курганского государственного университета под руководством С.А. Липс и И.К. Новикова принимал участие в раскопках многослойного поселения Исетское-3. Оно находится в Исетском р-не Тюменской обл., в 2,3 км к югу от районного центра пос. Исетское и в 1,65 км восточнее пос. Школьный. В настоящее время поселение приурочено к зоне северной лесостепи и занимает часть невысокой надпойменной террасы р. Исеть.

Памятник Исетское-3 был открыт Г.И. Марковским в 2014 г. На следующий год в юго-западной части поселения С.В. Берлиной был заложен раскоп площадью 552 м². Было выявлено, что культурный слой уцелел частично в тех местах, где снятие грунта было произведено не до материка. В местах сохранившегося культурного слоя обнаружены остатки сооружений баитовской культуры и небольшие ямы, относящиеся к эпохе камня. Авторы исследования отмечают многослойность объекта – на нем зафиксированы фрагменты керамики эпохи неолита – энеолита, бронзового века, переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку, раннего железного века и Средневековья [Берлина и др., 2016, с. 52].

Археологические исследования 2022 г. проводились в рамках хозяйственного освоения участка; было заложено шесть раскопов общей площадью 16 068 м². Раскопы 1–5 находились в непосред-

ственной близости друг от друга, раскоп 6 был заложен на значительном удалении от них на задернованной площадке юго-восточной части памятника. Его площадь составила 3 794 м² и охватывала участок относительно высокой части террасы, имеющей слабый уклон с юга на север. Большинство материалов раскопа 6 было отнесено к эпохе раннего железного века. Также были обнаружены единичные находки различных периодов, не привязанные к каким-либо объектам. К раннему неолиту отнесены три фрагмента керамики, к энеолиту отнесены три сосуда шапкульской культуры, три керамических грузила, три каменные каплевидные подвески. Эпохой неолита–энеолита датирован один нуклеус, ножевидная пластина и несколько отщепов. К эпохе бронзы относятся фрагмент керамического сосуда федоровской культуры и форма для отливки серпа. Также были обнаружены один наконечник стрелы, датированный эпохой Средневековья, и фрагмент русского гончарного сосуда.

Период раннего железного века представлен материалами иткульской (VII–III вв. до н.э.), горюховской (конец VI – III вв. до н.э.) и баитовской (конец VII – начало IV вв. до н.э.) культур. Самый крупный комплекс образуют баитовские древности. В настоящее время известно около 200 памятников баитовской культуры, отражающих начальный этап раннего железного века в лесостепном

Притоболье и Приишимье [Зими́на, Це́мбалюк, 2012, с. 23].

В рамках исследования керамического комплекса раскопа 6 выделено более 100 сосудов баитовской культуры. Посуда представлена круглодонными горшками с обильной примесью песка в тесте и орнаментами в верхней части сосуда. Орнамент представлен двумя типологическими группами: «жемчужины» и ямки, идущие одним рядом, либо чередующиеся с горизонтальными линиями из оттисков гладкого или гребенчатого штампов, угловыми вдавлениями. Присутствует орнамент в виде шагающей гребенки.

Керамика иткульской культуры представлена восьмью сосудами с «волнистым штампом». Данный узор используется в орнаментации керамики вак-куровского типа восточного варианта иткульской культуры (VI в. до н.э.) и не характерен для баитовского орнаментального комплекса [Зими́на, Це́мбалюк, 2012, с. 34].

Выделено пять сосудов гороховской культуры. К ним относятся шесть фрагментов с гребенчатым штампом, один венчик не орнаментирован, имеется фрагмент с угловым штампом. Наиболее ярким признаком гороховской культуры является керамика с блестящей поверхностью (за счет обильной примеси талька), мыльная на ощупь [Матвеева, 2019].

Орудийный комплекс раннего железного века представлен изделиями из керамики, металла, камня. Керамические изделия представлены характерными пряслицами (10 экз.) и скребками из фрагментов сосудов (2 экз.), ближайшие аналоги которых встречаются на памятниках Боровушка-2, Чепкуль-8б, Бочанецкое городище [Зах, Це́мбалюк, 2009, с. 70–72; Це́мбалюк и др., 2011, с. 104; Це́мбалюк, Берлина, 2016, с. 44–46].

Коллекция металлических изделий состоит из фрагмента железного ножа, зафиксированного в яме совместно с баитовской керамикой, а также сильно корродированными фрагментами железа и шлаками. Находки также имеют широкий круг аналогий [Зими́на, Це́мбалюк, 2012, с. 23; Це́мбалюк, Берлина, 2016, с. 46].

Предварительные данные анализа костей животных позволяет отнести их к кухонным отходам. Среди определяемых таксонов преобладает крупный рогатый скот (примерно 50 %), многочисленны остатки лошади (33 %). Меньшую долю составляют кости мелкого рогатого скота (12 %). Единичные кости принадлежат собаке. Из диких видов отмечен лось (единичные кости).

На площади раскопа 6 было зафиксировано большое количество столбовых ям и овальные пятна малой мощности. В границах сооружений были выявлены развалы сосудов баитовской культуры.

Все объекты обнаружены на границе песчаного слоя и гумусированной почвы.

С.И. Це́мбалюк и С.В. Берлиной в баитовском домостроительстве выделяется два конструктивных типа жилищ: каркасные постройки (наземные и углубленные в грунт) и жилища со стенами, возведенными в срубной технике. Баитовские поселки располагались, в основном, на песчаных почвах. Характерной особенностью остатков построек является малое количество следов конструкции – ямок от столбов и канавок. В рельефе баитовские наземные постройки представляют собой приподнятые площадки с плоской поверхностью подпрямоугольной или овальной формы. Высота площадок варьирует от 0,1 до 0,6 м, диаметр – от 10 до 30 м [Берлина, Це́мбалюк, 2022, с. 85, 88].

Памятники баитовского и носилового типов выделены в 1969 г. В.Е. Стояновым. Однако, характеризуя группы памятников с носиловой и баитовской керамикой, он не исключал, что они могут быть объединены в одну культуру – баитовскую. Этой версии придерживается Н.П. Матвеева, которая считала нецелесообразным выделять носиловский тип памятников как локальный вариант культуры лишь на основании особенностей орнаментации (шагающая гребенка, преобладание ямок над жемчужинами) при отсутствии данных по хозяйству и погребальному обряду. В то же время уральские исследователи раннего железного века Зауралья, такие как Л.Н. Корякова и С.В. Шарапова, во многом продолжают придерживаться первоначальной версии [Зими́на, Це́мбалюк, 2012, с. 22–23].

Судя по полученным материалам, площадка на высоком берегу р. Исеть была привлекательна для населения в широком хронологическом диапазоне от эпохи неолита до Средневековья и времени русского освоения. На территории раскопа 6 поселения Исетское-3 был исследован поселок баитовской культуры (конец VII – начало IV в. до н.э.). Баитовским древностям сопутствовало небольшое количество синхронных материалов, часть из которых датируется в более узком хронологическом диапазоне (VI в. до н.э.). Это позволяет существенно сузить датировку поселка, исследованного в границах раскопа 6.

*Научный руководитель – И.К. Новиков
руководитель археологической лаборатории,
ст. преподаватель,
Курганский государственный университет*

Список литературы

Берлина С.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В., Новиков И.К., Ткачев А.А., Це́мбалюк С.И. Исетское-3 поселение в лесостепном Зауралье // Аб

Origine: Археолого-этнографический сборник. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2016. Т. 8. С. 49–66.

Берлина С.В., Цембалюк С.И. Жилища населения байтовской культуры раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2022. № 4 (59). С. 85–95.

Зах В.А., Цембалюк С.И. Байтовский комплекс поселения Чепкуль-8Б // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2009. № 10. С. 65–73.

Зимина О.Ю., Цембалюк С.И. Памятники байтовской культуры подтаежной зоны Притоболья // Ab Origine: Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета / под ред. Н.П. Матвеевой. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2012. Т. 4. С. 22–37.

Матвеева Н.П. Гороховская культура в системе древностей раннего железного века Зауралья // РА. 2019. № 1. С. 4–19.

Цембалюк С.И., Берлина С.В. Бочанецкое городище – памятник байтовской культуры в Среднем Притоболье // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: Материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции / под редакцией Д.Н. Маслюженко (отв. ред.), И.К. Новикова. Курган: Курган. гос. ун-т, 2016. С. 39–49.

Цембалюк С.И., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Комплексное исследование байтовского городища Боровушка-2 (лесостепное Притоболье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 98–107.

Preliminary Data from the Excavations of the Settlement of the Baitovskaya Culture Isetskoe-3 in 2022 (Based on the Materials of Excavation No. 6)

A.V. Belykh

The article publishes the materials of the multi-layered settlement Isetskoye-3, containing the antiquities of the Neolithic, Eneolithic, Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages. The archaeological complex is located in the forest-steppe zone of the Tyumen region. The article presents the materials of excavation No. 6, which was located in the south-eastern part of the monument. Special attention is paid to the complex of the early Iron Age – Itkul'skaya (VII–III centuries BC), Gorokhovskaya (VI–III centuries BC) and Baitovskaya (VII – beginning of IV centuries BC) cultures. The main part of the materials, as well as all the structures, are attributed to the Baitovskaya culture. During the study, a preliminary analysis of the archeozoological collection (cows, horses, small cattle) and inventory analysis were carried out.

Keywords: Neolithic, Eneolithic, Early Bronze Age, Early Iron Age (Baitovskaya AC), Middle Ages.

Белых Александра Витальевна

студент 5-го курса

Курганский государственный университет

e-mail: belix.alexandra@yandex.ru

Belykh Alexandra Vitalievna

5th year student

Kurgan State University

e-mail: belix.alexandra@yandex.ru

УДК 903.2(571.16)

Керамика с гребенчато-ямочной орнаментацией в комплексах самусьской культуры: историографический аспект

Е.А. Богайчук

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Комплексы с гребенчато-ямочной керамикой (далее в тексте – ГЯ) известны в лесостепной и таежной зонах Западной Сибири начиная с неолита [Косарев, 1981, с. 22]. Для территорий Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья вопрос о культурно-хронологической истории ГЯ общности неолита – раннего металла исследован достаточно подробно [Юракова, 2016, с. 155–164], однако вопрос ее интерпретации в комплексах самусьской культуры остается актуальным.

Впервые материалы самусьской культуры были опубликованы В.И. Матющенко, который считал ямки и оттиски гребенчатого штампа широким территориально-хронологическим явлением, по-

этому их наличие в керамике самусьской культуры рассматривается как эпохальная черта. Была предложена гипотеза о появлении ГЯ орнаментации в поздний период существования культуры [Матющенко, 1959, с. 154–165; 1973, с. 30–40]. Позднее, идея о том, что керамический комплекс поселения Самусь IV (далее в тексте – С-IV) принадлежит к разным культурным традициям, была высказана В.А. Посредниковым. В качестве аргумента приводятся результаты анализа керамики с С-IV, которые указывают на технологическую, декоративную, морфологическую несовместимость керамических групп. Наличие некоторых сходств может свидетельствовать о принадлежности к одному гео-

графическому региону. Непосредственные связи обнаруживаются с посудой Зауралья [Посредников, 1972, с. 37–40]. Данная точка зрения была поддержана М.Ф. Косаревым [Косарев, 1974, с. 71].

После открытия новых памятников на территории Среднего Приобья Е.А. Васильев поставил вопрос о двух существующих параллельно культурных традициях: самусьской (Томско-Новосибирское Приобье) и ГЯ (Нарымско-Сургутское). Появление ГЯ комплекса на С-IV объясняется миграцией северного населения в третьей четверти II тыс. до н.э. [Васильев, 1978, с. 3–13]. С влиянием северного населения был согласен и М.Ф. Косарев. По его мнению, носители самусьской культуры испытывают давление со стороны более северного и северо-западного населения [Косарев, 1981, с. 99].

Особого внимания требует вопрос о распространении керамики с ГЯ орнаментом на территории Васюганья. По мнению Ю.Ф. Кирюшина, отнесение памятников с ГЯ керамикой с территории левобережья Среднего Приобья к самусьской культуре, как это делал В.И. Матющенко, является ошибочным. Наличие в керамических комплексах некоторых элементов орнамента самусьской культуры объясняется наличием контактной зоны [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 157–158]. Ю.Ф. Кирюшин сначала выделяет ГЯ комплекс в ранний этап еловской культуры, а позже как один из компонентов самостоятельной степановской культуры, и датирует ее XVIII–XVII вв. до н.э. – третьей четвертью II тыс. до н.э. Так, ГЯ комплекс самусьской культуры вырастает из степановского компонента и генетически с ним связан [Кирюшин, 2004, с. 32–44]. Эту точку зрения поддержали В.И. Молодин и И.Г. Глушков. Исследователи разделяют сосуды с ГЯ орнаментом и сосуды самусьской культуры по технологическим показателям, орнаментальным композициям, мотивам. Таким образом, гребенчатый комплекс С-IV представляет собой две хронологически группы, одна из которых отражает культурные контакты носителей самусьской культуры с группами населения, входившими в широкий круг лесных ГЯ культур. Их взаимодействие могло происходить во второй половине II тыс. до н.э. [Молодин, Глушков, 1989, с. 77–92, 103–107]. С гипотезой о формировании комплексов с ГЯ орнаментацией на северных территориях и последующей миграцией на юг и юго-восток согласны и другие исследователи. В качестве подтверждения приводятся материалы с С-IV, Томского могильника на Малом Мысе, памятников в Присалаирье [Зах, 1997, с. 38], Ачинско-Мариинской [Бобров, 1992, с. 34–35] и Красноярской лесостепях [Виноградов, 2021, с. 345].

Определение культурной принадлежности ГЯ керамики затрудняется в связи с широкой хро-

нологией комплексов. Так, например, часть ГЯ керамики с юга Нижнего и Среднего Приобья исследователи датируют самусьской культурой [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012, с. 171], часть – андроновским временем [Марочкин, 2016, с. 88].

Исследователи отмечают, что при определении хронологии важно различать печатно-гребенчатую посуду степановского облика и ГЯ керамику по технологическим и декоративным характеристикам [Посредников, 1972, с. 35, 41]. Если степановскую и самусьскую керамику на С-IV считают синхронными, то более позднюю ГЯ относят к протоеловской [Васильев, 2001, с. 25–26]. Она обнаруживает параллели с материалами андроновского времени. С наличием черт ГЯ орнаментальной традиции на керамике еловской культуры согласен В.А. Зах [Зах, 1997, с. 112]. И.В. Ковтун предлагает разделять керамику с ГЯ орнаментом периода развитой бронзы и ранне-андроноидного времени по орнаментальным мотивам. Бытование более ранних комплексов охватывает первую половину II тыс. до н.э., пересекаясь с самусьскими комплексами и с началом ранне-андроноидного периода, принесшего новый тип ГЯ орнамента [Ковтун, 2022, с. 24–25].

К настоящему времени в историографии доминирует идея об иной культурной традиции, которая была синхронной и тесно взаимодействующей с носителями самусьской культуры. ГЯ керамика на территории Томского Приобья появляется уже в сложившемся виде, поскольку в предшествующую эпоху в данном регионе отсутствует керамика, на основе которой могла бы сложиться подобная орнаментальная традиция [Баштанник, 2013, с. 57]. Чрезвычайно важным становится вопрос о территории формирования и хронологии ГЯ керамики. Возможными районами появления могут быть миграции населения с северного или западного направлений, а дальнейшее развитие связано с формированием еловской культуры, однако вопрос об удельном весе этого компонента остается спорным. Важным является взаимовстречаемость ГЯ комплекса с другими группами керамики самусьской культуры. Так, на памятниках, где коллекции самусьской керамики наиболее представительны, встречаются и комплексы с ГЯ керамикой (С-IV, Крохалевка-1, Чердашный Лог, Потаповы Лужки III и др.). Появление новых материалов, современных методов и подходов в изучении керамики дают возможность существенно продвинуться в решении намеченных проблем.

*Научный руководитель – А.А. Идимешев
ст. преподаватель кафедры всеобщей истории,
археологии и этнологии,*

Томский государственный педагогический университет

Список литературы

Баштанник С.В. Северо-западное влияние на историко-культурные процессы в киячулымском междуречье в период развитой бронзы // Вестн. Кем. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. № 24. С. 53–63.

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1992. 40 с.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования стоянки Долгая-1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 170–174.

Васильев Е.А. Феномен поселения Самусь IV в самусьской культуре // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 24–26.

Васильев Е.А. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 3–13.

Виноградов Д.А. Поселение Иркутское в Красноярской лесостепи // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Абакан, 2021. С. 342–347.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.

Киришин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 295 с.

Киришин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 182 с.

Ковтун И.В. Эпоха перехода от развитой к поздней бронзе в Нижнем Притомье // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2022. № 15. С. 5–41.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 220 с.

Марочкин А.Г. Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья // Археология Южной Сибири. 2016. Т. 27. С. 83–89.

Матющенко В.И. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи // СА. 1959. № 4. С. 154–165.

Матющенко В.И. Самусьская культура // Из истории Сибири. 1973. Вып. 10. 208 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.

Посредников В.А. Культурно-генетическое место комплексов Самусь IV и некоторых других памятников Приобья // СА. 1972. № 4. С. 28–41.

Юракова А.Ю. Гребенчато-ямочная общность позднего неолита-раннего металла в барабинской лесостепи и южно-таежном Прииртышье (ключевые проблемы историографии) // Археология Южной Сибири, 2016. С. 155–164.

Ceramics with Comb-pit Ornamentation in Samus Culture Complexes: Historiographical Aspect

E.A. Bogaichuk

The article deals with the main problems of the historiography of the comb-pit ceramics in the Samus culture complexes. The main views on the issue of the appearance and chronology of pottery with comb-pit ornament are outlined. Many researchers tend to see comb-pit ceramics as evidence of contacts between two different cultures, reflected in the mixed formulation of the pottery paste, manufacturing technology, and ornamental compositions. Its presence in the sites of the Samus archaeological culture can be explained by the contact zone and the multilayered nature of the settlements. In addition, it is important to distinguish between the printed-comb ceramics of the Stepanovsky type and the actual comb-pit ceramics. In connection with the emergence of new materials and modern methods, further study of this problem seems promising.

Keywords: Western Siberia, Tomsk Ob river region, Bronze Age, Samus culture, comb-pit ceramics.

Богайчук Елена Андреевна

студент 5-го курса

Томский государственный педагогический университет

e-mail: helenn.00@mail.ru

Bogaichuk Elena Andreevna

5th year student

Tomsk State Pedagogical University

e-mail: helenn.00@mail.ru

Впускные погребения в курганах раннего железного века

М.Б. Валиханова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Явление впускных погребений существует со времен энеолита и является довольно распространенным в курганах на территории Центральной Азии [Серегин, 2016, с. 37]. Впускные погребения относятся к нестандартным погребальным обрядам. Тем не менее, несмотря на огромное количество подобных погребений в курганах раннего железного века, должному анализу и исследованию они не подвергались. Чаще всего они рассматриваются как часть курганного комплекса и не становятся объектом специального научного исследования. Коллективом Ишимской археологической экспедиции были изучены подобные впускные погребения в могильнике Куйгенжар. Могильник датирован второй половиной I тыс. до н.э. и относится к раннесакскому времени. Он расположен на территории города Астаны при выезде на Карагандинскую трассу.

Могильник Куйгенжар находится на высоком мысу правого берега р. Ишим. С западной стороны разрабатывался глиняный карьер, восточнее расположено современное мусульманское кладбище. Оно возникло, вероятно, в XIX в., о чем свидетельствует центральная площадка, на которой отсутствуют современные строения. Могильник состоит из пяти курганных насыпей. Курганы имеют диаметр 12–45 м, высоту 1–3 м. Расположены все насыпи цепочкой по линии северо-запад – юго-восток [Свиридов, 2006]. Курган № 2 имеет высоту 3,5 м, диаметр 45 м. Поверхность кургана составляют каменные плиты, доставленные с берега реки Нуры. В поздних слоях кургана раскопано семь впускных погребений. Дно их могильных ям фиксируется на глубине 0,6–1,2 м от верха насыпи. Сами могилы заполнены колотым камнем, в придонной части фиксируется деревянное перекрытие [Тлеугабулов, Гайса, 2020, с. 94–101].

Погребение 1 находится в центре насыпи. Дно расширено на глубине 0,6 м. Погребенный ориентирован головой на запад. Скелет лежал на спине, был завернут в бересту или плотно закрыт березовыми горбылями шириной 20 см. Из инвентаря были обнаружены серебряные сережки с подвесками, в районе пояса – фрагменты серебряных пряжек. Также над головой обнаружена трубчатая кость, возможно, быка, длина которой составляет 40 см. По данному инвентарю можно предположить, что проводился своеобразный обряд захоронения. По проведенной работе с антропологическим ма-

териалом было выявлено, что погребение принадлежит женщине 35–45 лет. Череп монголоидный.

Погребение 2 расположено в центральной траншее. Вероятно, оно имело деревянное перекрытие, которое рухнуло. Могила имела глубину 0,6 м, ориентирована на ССЗ–ЮЮВ. Скелет, на первый взгляд подростка, располагался головой на ССЗ, руки вытянуты вдоль туловища. Погребальный инвентарь отсутствует. В ходе анализа костного материала, выполненного Е.П. Китовым, стало ясно, что захоронение принадлежит мужчине 25–35 лет.

Погребение 3 расположено в центральной траншее, ближе к западной бровке. Точное местонахождение неизвестно.

Погребение 4 расположено в центральной траншее у восточной бровки. Погребение принадлежало мужчине 35–45 лет.

Погребение 5 расположено в южной части центральной траншеи у восточной бровки. Скелет расчищен на глубине 0,6 м, заполнение могилы рыхлое, скелет лежит головой на СЗ, левая рука находится на тазовых костях, правая рука вытянута. В могиле найдено бронзовое колечко.

Погребение 6 обнаружено в западной траншее во время стесывания бровки бульдозером. Располагалось в северной половине насыпи на глубине 1,1 м от верха насыпи. Ориентировано по линии ССЗ–ЮЮВ, руки вдоль тела. Могильная яма шириной 0,6 м.

Погребение 7 расположено в центральной траншее, севернее погребения 6. Могильная яма имеет глубину 0,85 м от верха насыпи. Погребенный лежит на спине, руки вдоль туловища, головой ориентирован на ССЗ [Тлеугабулов, Гайса, 2020, с. 123–125].

По всем характеристикам и особенностям погребального обряда, шесть захоронений относятся к позднему Средневековью. Для них характерны узкие могилы, которые заполнены камнем, ориентированы на запад или северо-запад. Часто фиксируется в придонной части деревянное перекрытие из березы. Это признаки мусульманского обряда. Все шесть погребений датируются XIV–XVI вв. [Тлеугабулов, Гайса, 2020, с. 99]. По датировке инвентаря впускного погребения 1, выполненного Б.М. Хасеновой, захоронение относится к раннему Средневековью.

Серьги из погребения 1 были описаны и датированы. Серьги отличаются друг от друга, первая имеет длину 62 мм, ширина дужки 22 мм. Она сломана, покрыта патиной. В верхней части к дужке крепится

выступ конической формы, от нижней части отходит удлиненная подвеска. Вторая серьга идентична, отличается тем, что в верхней части к дужке прикреплен шарик, а нижняя часть ромбической формы [Тлеугабулов, Гайса, 2020, с. 119].

Особенно важным исследованием стал анализ биологических материалов, зубов, проведенный специалистами Института эволюционной биологии в Испании. В ходе анализа ДНК был выявлен так называемый «красный комплекс», который включает в себя бактерии *Treponema denticola*, *Porphyromonas gingivalis*, *Tannerella forsythia*. «Красный комплекс» может привести к хроническим стоматологическим заболеваниям, например, периодонтиту, который в свою очередь приводит к потере зубов. Также эти бактерии могут быть связаны с развитием рака пищевода, сахарного диабета и множества других болезней. Кроме того, были определены родственные связи между мужскими ДНК из погребений 2 и 7. Предположительно, в них были погребены отец и сын. Однако тест ДНК из-за возраста индивидов не может определить достоверность этого факта [White et al., 2021, p. 1–7].

Несмотря на то, что все исследованные захоронения впускные в курганы раннего железного века, раннемусульманские погребальные сооружения играют важную роль в облике кургана, и изменения, связанные с привнесенной архитектурой, могут служить хроноиндикаторами.

Таким образом, погребальный обряд данного могильника вписывается в общую картину погребальной практики, продлевая период функционирования могильника.

Первый эпизод формирования могильника относится к раннесакскому периоду, второй – к позднему Средневековью.

Исследование впускных погребений – очень важный этап в построении хронологии функцио-

нирования могильника. Проблемным вопросом в отечественной археологии остается слабая изученность данного явления. Нет определенного плана или системы раскопок подобных объектов. Следует отметить, что изучение впускных погребений может значительно расширить знания о функционировании памятника как вместилища информации о родственных связях, ДНК людей, их болезнях, изменении погребального обряда начиная с раннего железного века вплоть до XVI в. Более того, погребальный инвентарь могильника Куйгенжар свидетельствует о высоком уровне культурного развития раннемусульманского общества.

*Научный руководитель – Т.В. Брынза
м.г.н., ст. преподаватель кафедры
археологии и этнологии,
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева*

Список литературы

Свиридов А.Н. Исследование кургана раннего железного века в урочище Куйгенжар // Отчет. Работы Ишимской стационарной археологической экспедиции на территории Акмолинской области в 2005 году. Астана, 2006. С. 40–48.

Серегин Н.Н. Впускные погребения тюрок Алтая и сопредельных территорий // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 2 (14). С. 37–46.

Тлеугабулов Д.Т., Гайса А.М. Глава V. Исследование элитного кургана раннего железного века в урочище Куйгенжар // Сакральный ландшафт Сарыарки: коллективная монография. Нур-Султан; Рим, 2020. С. 93–136.

White A.E., de-Dios T., Carrión P., Bonora G.L., Llovera L., Cilli E., Lizano E., Khabdulina M., Tleugabulov D., Olalde I., Marquès-Bonet T., Balloux F., Pettener D., Dorp L., Luiselli D., Lalueza-Fox C. Genomic Analysis of 18th-Century Kazakh Individuals and Their Oral Microbiome // *Biology*. 2021. 10, 1324. 21 p.

Entrance Burials in the Mounds of the Early Iron Age

M.B. Valikhanova

In this paper, the author highlights the research materials of the Ishim archaeological expedition at the burial ground of the early Iron Age Kuygenzhar. The burial ground is dated to the second half of the 1st millennium BC, belonging to the early scyths time, located on a high promontory of the Ishim River within the city of Astana. The object of the study was seven introductory burials. According to all the characteristics and features of the funeral rite, six burials belong to the late middle Ages. According to the dating of the accompanying inventory of the intake burial 1, the burial belongs to the early middle Ages. The study of introductory burials can significantly expand knowledge about the functioning of the monument as a repository of information about family ties, DNA of people, their diseases, and changes in the funeral rite from the early Iron Age up to the 16th century.

Keywords: Kuygenzhar, Kazakhstan, introductory burials, inventory, DNA analysis, scyths, Muslim rite.

Валиханова Милена Булатовна

студент 1-го курса

Евразийский национальный университет

им. Л.Н. Гумилева

e-mail: valikhanova04@mail.ru

Valikhanova Milena Bulatovna

1st year student

L.N. Gumilyov Eurasian National University

e-mail: valikhanova04@mail.ru

Особенности сузгунского керамического комплекса поселения Красная Гора

А.С. Гаврилин

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Зарождение многих андронидных культур (сузгунская, ирменская, еловская, красноозерская, бархатовская) происходило вследствие взаимодействия местного населения с пришлыми племенами [Косарев, 1981, с. 86]. Однако, несмотря на общий механизм генезиса, каждая из них имела свою специфику. Это, в частности, зависело от особенностей аборигенных культур эпохи неолита – ранней бронзы, а также степени проникновения и смещения традиций. Мигранты, проникавшие на территорию Западной Сибири, встретились с местными охотничье-рыболовческими племенами, входящими в круг культур гребенчато-ямочной керамики. В ходе контактов двух культурных массивов и сформировался облик сузгунской культуры [Галкин, 1987, с. 128].

Сузгунская культура была выделена В.И. Мошинской по материалам раскопок святилища Сузгун II [Мошинская, 1957, с. 116–117]. Подобные культовые места начали возникать на финальном этапе бронзового века [Ткачев, 2017, с. 21]. Отчетливым культурным индикатором является керамика поселения Красная Гора, содержащая элементы, связывающие ее с культурами переходного времени и раннего железного века. Для нее характерно появление фигурного штампа, увеличение доли простых гребенчато-ямочных узоров за счет уменьшения доли геометрических узоров на венчике, и в этом отношении керамика с поселения Красная Гора представляет особый интерес.

Поселение Красная Гора находится на восточной окраине деревни Красная Гора Вагайского р-на Тюменской обл. и занимает террасу левого берега р. Иртыш. Высота террасы достигает 10–12 м; площадь поселения более 500 м². Открыто в 1987 г. А.Н. Панфиловым, раскопано в 1988 г. В.Т. Галкиным [Галкин, 1991, с. 15]. При раскопках поселения было обнаружено два жилища, частично разрушенных антропогенным воздействием. Кроме сузгунских были найдены единичные фрагменты энеолитической керамики (шапкульской, гребенчато-ямочной), позднесузгунской (определенной позднее как ташковская) и несколько фрагментов, относящихся к железному веку [Матющенко, 2001, с. 34–37]. В отношении технологии изготовления сузгунская керамика представляется единообразной – преимущественно использовался ленточный налп. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов весьма тщательно сглажена.

Первый тип керамики составляет около 92 % от общего числа сосудов. Он представлен горшками с плоским дном, с четырехзональной разбивкой орнамента и обязательным включением геометрических узоров. По размерам в рамках типа выделены две группы: группа А с диаметром по венчику от 30 до 40 см, высотой 30–40 см; группа Б с диаметром по венчику не более 25 см, высотой не более 25 см.

Орнамент покрывает всю поверхность (исключение составляет днище, которое орнаментируется лишь изредка) и разбивается на четыре зоны. Первая зона – зона венчика. Доминирующими здесь выступают рельефные, реже налепные валики, численно составляющие 37–40 % от всех элементов первой зоны. Валики обычно распространены в количестве двух-трех и в 98 % случаев орнаментированы гребенчатым штампом, поставленным иной раз под углом или образующими узор горизонтальной «елочки». Поверх орнамента обязательно наносится ряд ямок. Ямками орнаментированы иногда и другие области венчика, как правило, в сочетании с гребенчатым штампом. Здесь же встречаются геометрические фигуры: ромбы, равнобедренные или косоугольные треугольники, а также штрихи, выполненные путем вдавливания и заполненные гребенчатым штампом.

Первая зона отграничивается от второй зоны, которая покрывает плечики, гладкой дорожкой. «Лощеная дорожка» наносилась по горлу сосуда и отмечена на 95 % сосудов. Для второй зоны характерны простые гребенчато-ямочные узоры, гребенчатая «елочка», полулунный штамп (встречавшийся и в зоне венчика), уголкового вдавления, ряды гребенки, гребенчатая дорожка и некоторые другие. Доминирующих элементов не выявлено. Как правило, от следующей зоны отделяется полоской гребенчатого штампа.

Третья зона занимает тулово сосуда, именно здесь встречаются так называемые геометрические узоры. Среди них доминирующим является ленточный зигзаг, занимающий среднюю часть тулова, выполненный, как правило, гребенчатым штампом, реже встречается узор, образованный равнобедренными треугольниками. Примечательно, что и здесь поверх узора или параллельно ему наносятся ряды круглых ямок. Иногда ямки наносятся группами, подчеркивающими нарядность узора.

Четвертая зона занимает нижнюю треть сосуда – придонную. Орнаментация ее сводится к одному узору – «елочному», выполненному гладким штампом,

перемежающемуся рядами ямок. Исключения в виде косой плетенки единичны. Необходимо отметить, что верхние три зоны орнаментированы, в основном, гребенчатым штампом, а придонная остается гладкой.

В некоторых случаях можно говорить еще об одной, пятой, зоне, покрывающей дно. Иногда оно орнаментировано разбросанными в беспорядке глубокими вдавлениями неправильных очертаний.

Второй тип керамики составляет 4,8 % и условно обозначен как гребенчато-ямочный. Он отличается от первого лишь одним, но принципиальным, отличием: отсутствием геометрических узоров. По уже рассмотренному принципу на сосуды нанесена сплошная орнаментация с разбивкой на зоны. Зона венчика и плеча также разделена заглаженной зоной. Центральная зона заполнена рядами гребенки, кроме того, в орнаменте имеется полулунный штамп и уголкового вдавления.

Третий тип керамики составляет 1,3 % и представлен единичными круглодонными сосудами небольших размеров. Этот тип резко отличается от предыдущих. Первые два характеризовались прежде всего плоским дном, в третий же объединены круглодонные сосуды с уплощенным дном и невысоким венчиком.

Керамика Красной Горы представляет собой сложившийся тип сузгунской посуды. Это заметно в сравнении с керамикой из Чеганово I и Новый Тап I, которая относится к XIV–XIII вв. до н.э., времени сложения сузгунской культуры, и содержит ряд черт предшествующих культур, андроновской и позднеташковской [Ковалева, 1988, с. 45]. Подобных элементов в керамике Красной Горы уже нет. На сосудах строго соблюдается принцип сплошной орнаментации с разбивкой на зоны. Орнаментальная композиция этих горшков стоит, как правило, из двух зон: венчика, укрепленного «гребенчатой дорожкой», и тулова, орнаментированного ленточным зигзагом методом гребенчатого штампа, реже меандром. Особо следует отметить сохранение лоще-

ной дорожки, отделяющей зону венчика от тулова. В отличие от первых двух типов, третий совершенно не содержит ямок в орнаментальной композиции. Четвертый тип – это немногочисленные сосуды смешанного варианта, которые возникли, скорее всего, вследствие пограничного положения памятника [Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 88]. Сосуды первых двух типов встречаются практически на всех исследованных поселениях сузгунской культуры и являются, на наш взгляд, основными культурно-дифференцирующими, придавая своеобразие и узнаваемость сузгунской культуре.

*Научный руководитель – Ал. Ал. Ткачев
канд. ист. наук, доцент,
Тюменский государственный университет*

Список литературы

- Галкин В.Т. Позднебронзовое время в Нижнем Приоболье // Первые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тез. докл. конф. Омск, 1987. Ч. II. С. 128–130.
- Галкин В.Т. Сузгунская культура эпохи поздней бронзы в южно-таежном Прииртышье: автореф. дис. ... канд. канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1991. 20 с.
- Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Приоболья // ВАН. 1988. № 19. С. 29–47.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова В.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья // ВАН. 1991. № 7. С. 70–89.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Курганный могильник Еловский I. Омск: Омск. ун-т, 2001. Ч. I. 62 с.
- Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М.: 1957. С. 114–135. (МИА; № 58).
- Ткачев Ал.Ал. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.

Ceramic Complex of the Settlement of Krasnaya Gora as an Indicator of the Suzgun Culture

A.S. Gavrilin

The article is devoted to the problem of determining the Suzgun component in the ornament. The Suzgun culture belongs to the andronov circle and during its existence its ceramic traditions have undergone various changes. This was due to contacts with neighboring cultural entities. At the same time, the settlement of Krasnaya Gora can be considered the standard of these same Suzgun traditions. In the ornament, the features of Early Uzgun ware (Andronovo and Late Tashkov) disappear, borrowed elements of Lozy, Irmen and Pakhomov cultures have not yet taken root. Such vessels are found in almost all the studied settlements of the Suzgun cultures, and are ethnodifferentiating, giving originality and recognizability to the Suzgun culture, the analysis of vessels not only traced the features of this cultural tradition, but also revealed the features of the interpenetration of ornamental techniques and modeling.

Keywords: archaeology, Tobolo-Irtysh, late Bronze, Suzgun culture, Krasnaya Gora, settlement, ceramics, ornament.

Гаврилин Александр Сергеевич

студент 4-го курса

Тюменский государственный университет

e-mail: sanya.gavrilin.95@mail.ru

Gavrilin Alexander Sergeevich

4th year student

Tyumen State University

e-mail: sanya.gavrilin.95@mail.ru

Керамический комплекс тагарского могильника Белый Яр I

Е.А. Гагарина, Д.А. Кранчев

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия

Керамический комплекс тагарского могильника Белый Яр I был выявлен в 1989–2011 гг. в результате аварийно-спасательных раскопок археологической экспедицией Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Могильник расположен в Койбальской степи Алтайского р-на Республики Хакасии. Он является единственным на юге Минусинской котловины памятником сарагашенского этапа тагарской культуры, который раскопан полностью на современном методическом уровне. Состоит из 10 больших курганов, в которых устроено 25 обширных могил-склепов. Как правило, в пределах курганной каменной ограды находилось по 2–4 могилы-склепа, и лишь в одном случае ограда отсутствовала.

Статья посвящена характеристике коллекции глиняной посуды из могильника Белый Яр I, которая насчитывает 26 археологически целых сосудов. Для их описания, анализа формы, орнаментов и объема использованы общепринятые унифицированные методы изучения керамики [Бобринский, 1986; Генинг, 1992; Гусаков, 1982; Мыльникова, 2007; Поселянин, 2007].

Все 26 археологически целых сосудов были обмерены по восьми основным параметрам формы сосуда: P1 – диаметр венчика; P2 – диаметр основания шейки; P3 – максимальный диаметр тулова; P4 – диаметр дна; P5 – общая высота сосуда; P6 – высота шейки; P7 – высота плечика; P8 – высота придонной части сосуда. Объемы сосудов варьируются от 0,5 до 37,6 л.

Полученные результаты были обчислены по формулам, позволяющим произвести типологию сосудов по форме: Ф3 – P7:P3 – пропорция плечика; Ф4 – P3-P1:2P7; P3-P2:2P7 – угол крутизны плечиков баночных и горшковидных сосудов; Ф5 – P1:P3; P2:P3 – пропорция горла баночных и горшковидных сосудов; Ф9 – P8:P5 – пропорция придонной части сосуда. Также были вычислены объемы баночных и горшковидных сосудов: $V = \frac{1}{3}\pi H(R_1^2 + R_1 R_2 + R_2^2)$.

Визуально керамический комплекс могильника Белый Яр I делится на три группы: баночные сосуды; горшковидные сосуды с шейкой; плошки – сосуды с низким туловом, которые представляют собой придонные части банок с отколотой верхней частью тулова. Внутри групп выделены типы. У ба-

ночных сосудов выделено два типа: тип 1 – широкогорлые банки Б1 и тип 2 – узкогорлые банки Б2. Из них 5 банок дополнены коническими поддонами и имеют кубковидную форму. У горшковидных сосудов два типа: тип 1 – широкогорлые горшки Г1; тип 2 – узкогорлые горшки Г2. Из всего состава глиняной посуды выделяются 20 банок, 3 миски (плошки), 3 горшка.

P5 параметры высоты. Сосуды различаются по показателю их абсолютной высоты, что позволяет выявить три рубежа в их высотах. Первый рубеж проходит на высоте 5–16 см. Группа включает в себя 3 плошки, 3 банки и 1 горшок. Их объем варьируется в диапазоне 0,5–3,7 л. Второй рубеж проходит по высоте 17–28 см. Включает в себя 10 баночных сосудов и 2 горшка. Их объемы варьируются в пределах 3,2–27,0 л. Половина из них 3,2–7 л и остальные 9,5–27,0 л. Третий рубеж (7 сосудов) проходит на высоте 30–40 см, включает широкогорлые банки. Их объемы составляют 17–38 л: два сосуда 17–19 л, три сосуда 20–22 л, два сосуда большого объема 26,5–37,6 л.

Показатель пропорции плечика Ф3 характеризует высоту плечика P7:P3. По данному показателю сосуды можно разделить на три группы: низкий, средний и высокий показатель плечика. В зону с низким показателем высоты плечика 0,09–0,14 входит 1 узкогорлый горшок, 3 широкогорлые банки, объем которых варьирует в пределах 3,7–27,0 л. В зону со средним показателем высоты плечика 0,14–0,27 входят сосуды всех форм с преобладанием широкогорлых баночных сосудов, объем которых представлен в широком диапазоне 1,6–37,6 л. В зону с самым большим показателем категории высоты плечика 0,31–0,45 входят две широкогорлые банки: открытой (максимальный диаметр приближается к диаметру горла) и закрытой формы и один шаровидный сосуд с максимальным диаметром посередине тулова. Размеры этих сосудов варьируют в пределах 3,6–13,0 л.

Показатель крутизны плечика Ф4 – P3-P1:2P7, угол крутизны плечика или показатель конфигурации плечика. Выделяются формы сосудов с отвесными вертикальными плечиками, средним наклоном плечиков, пологим наклоном плечиков, сильно выпуклыми плечиками. По количествен-

ному показателю большинство сосудов (14 экз.) распределено в пределах показателя 0,12–0,38 и представлены баночными широкогорлыми сосудами с отвесными плечиками. Их объем варьирует в пределах 2,0–37,6 л. Два сосуда с пологими плечиками сосредоточены в зоне с показателем 0,44–0,50, один представлен узкогорлым горшком и один – узкогорлой банкой. Их объемы варьируют в пределах 3,6–12,0 л.

Показатель Ф5 (широтногорловинный показатель или показатель размерности горла). Данный показатель отражает степень открытости или закрытости сосуда. Выделяется три рубежа. Первый рубеж 0,55, максимальный диаметр тулова находится посередине сосуда. Включает в себя одну узкогорлую закрытую банку малого размера объемом 1,6 л. Второй рубеж 0,75–0,78 включает 2 сосуда шаровидной формы с выпуклыми плечиками, объем которых 1,6 и 12,0 л. Третий рубеж 0,81–1,18 включает 18 сосудов с очень широким горлом, объем которых варьирует в пределах 0,5–37,6 л.

Показатель пропорции придонной части сосуда Ф9 – высота придонной части сосуда. Выражается отношением общей высоты к высоте придонной части сосуда – P8:P5. В группе с низким показателем пропорций придонной части 0,33 представлен один узкогорлый горшок объемом 3,6 л. В группе со средним показателем 0,58–0,69 представлено 6 сосудов, среди которых имеются шаровидные банки, узкогорлые и широкогорлые баночные сосуды. Объем в пределах 1,6–22,0 л. В группе с высоким показателем 0,70–1,29 представлены широкогорлые баночные сосуды, такие же сосуды на поддонах, плошки (миски). Объем варьирует в пределах 5–37,6 л [Zubkov, Poselenin, 1999].

Среди 26 сосудов орнаментировано 7, на них выявлено 4 орнаментальных рисунка. Все декоративные элементы на керамике белоярского могильника располагались в верхней части плечиков. На 6 банках основу орнаментального пояса представляли 2–5 горизонтальных желобков-каннелюр. Как правило, они размещались на плечиках прямо под венчиком. На двух сосудах ниже основного орнамента наносилась дополнительная линия из вдавлений овального штампа. Самый большой сосуд (37,5 л) орнаментирован пояском из налепных «жемчужин» и двумя линиями, выполненными треугольным штампом.

Таким образом, были выявлены основные показатели, по которым можно разделить керамический комплекс могильника Белый Яр I на отдельные типы. В целом же белоярская керамика однообразна. Она имеет все основные признаки, характер-

ные для сарагашенского этапа тагарской культуры: широкогорлые открытые баночные сосуды (Б1) с отвесными плечиками, узкогорлые закрытые банки (Б2) с пологими плечиками и максимальным диаметром расположенным по середине тулова. В группу (Б2) входят узкогорлые банки-кубки на поддонах. Горшковидные сосуды широкогорлые с пологими плечиками. Один горшок индивидуальной формы с широким туловом, длинными отвесными плечиками и длинной отогнутой наружу шейкой.

Вся столовая посуда индивидуального пользования, ее объемы варьируют в пределах 0,5–3,7 л. Сосуды с показателями объема 4,7–13 л являются кухонными, предназначенными для варки пищи. Тарные сосуды с показателями 18–37,6 л могли использовать для хранения продуктов: злаковых, молочных, мясных.

*Научный руководитель – А.И. Поселянин
канд. ист. наук, доцент,
Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова*

Источники

Отчет о раскопках могильника Белый Яр I в Алтайском районе Республики Хакасия. Архив лаборатории археологических исследований. Абакан, 1989–2010.

Список литературы

Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культура Восточной Европы I тысячелетия: Межвузов. сб. ст. Куйбышев: Изд. Куйб. гос. ун-та, 1986. С. 137–155.

Генинг В.Ф. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев: Наук. думка, 1992. 188 с.

Гусаков М.Г. Гончарная метрология по материалам зарубинецкой культуры // Московское Общество Испытателей Природы (МОИП). Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.: Наука, 1982. С. 115–122.

Мыльникова Л.Н. Методы изучения археологической керамики: учебно-методическое пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, ИАЭТ СО РАН, 2007. 80 с.

Поселянин А.И. Керамический комплекс таштыкского поминальника Белый Яр III на юге Хакасии // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск: Хакас. гос. ун-т, Новосиб. гос. ун-т, 2007. С. 89–125.

Zubkov V.S., Poselenin A.I. Das tagarzeitliche Graberfeld Belyj Jar I in Chakassien Archäologie in Eurasien. Deutsches Archäologisches institut. Eurasien-Abteilung. Rahden / West: Leidorf, 1999. Band 8. 66 S.

Ceramic Complex of the Tagarsky Burial Ground Bely Yar I

E.A. Gagarina, D.A. Kranchev

The article is devoted to the characteristics of pottery from the burial ground of Bely Yar I, which has 26 archaeologically intact vessels. To describe them, analyze the shape, ornaments and volume, generally accepted unified methods of studying ceramics were used. All 26 archaeologically intact vessels were measured according to eight main parameters of the vessel shape, presented in the article. Vessel volumes range from 0.5–37.6 liters. The results obtained were calculated according to formulas that allow us to produce a typology of vessels according to the form given in the article. The accepted typology of vessels is used: dining room (individual), kitchen, container pottery. Visually, the ceramic complex of the Bely Yar I burial ground is divided into three groups: jar vessels; pot-shaped vessels with a neck; bowls – vessels with a low body, which are the bottom parts of cans with the upper part of the body chipped off. Of the total composition of pottery 26 vessels, 20 jars, 3 bowls (bowls), 3 pots are allocated.

Keywords: ceramics, volume, indicator, bottom part, vessel body, pot, jar.

Гагарина Елена Александровна

студент 3-го курса

Хакасский государственный университет

им. Н.Ф. Катанова

e-mail: decabristikoltler@mail.ru

Gagarina Elena Alexandrovna

3rd year student

Khakass State University named after N.F. Katanov

e-mail: decabristikoltler@mail.ru

Кранчев Дмитрий Алексеевич

студент 3-го курса

Хакасский государственный университет

им. Н.Ф. Катанова

e-mail: d.kranchev@mail.ru

Kranchev Dmitry Alekseevich

3rd year student

Khakass State University named after N.F. Katanov

e-mail: d.kranchev@mail.ru

УДК 903.01/903.25

Набор инструментария для сверления каменных бусин из памятников Среднего Енисея VII века до н.э. – V века н.э.: результаты экспериментального использования*

Е.В. Губенко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

На территории Хакасско-Минусинской котловины в памятниках тагарской, тесинской и таштыкской археологических культур часто встречаются разнообразные по своему составу бусинные наборы. К украшениям местного ремесленного косторезного дела можно отнести, пожалуй, только роговые бусины. Работа по их изготовлению не требовала высокой квалификации мастера и могла осуществляться в рамках домашнего производства. Изделия из стекла и камня относятся к числу импортных, поскольку на Среднем Енисее не зафиксированы мастерские по работе со стеклом и камнерезному делу, в то время как многочисленные аналогии енисейских бусин встречаются на территории Казахстана, Восточного Памира, Хорезма, Забайкалья, Южного Урала, Закавказья, Северного Причерноморья, Египта, Пакистана, Индии [Алексеева, 1975;

Леммлейн, 1947, 1950; Литвинский, 1972, с. 79–81; Русланова, 2018, с. 361–370; Nandagopal, 2018]. Поэтому не вызывает сомнения, что в первую очередь бусины являются источником по изучению культурных контактов и торгово-экономических связей древнего населения Среднего Енисея с самыми отдаленными территориями Евразии.

Источниковая база по изучению бусин составляет более 15 тыс. экз. Коллекции украшений происходят из 44 типологически различных видов археологических памятников степной зоны Среднего Енисея. Процесс изготовления изделий из твердых минеральных и горных пород камня (сердолик, агат, кварц, яшма, бирюза) является одним из самых трудоемких и затратных по времени. Мастер-ремесленник должен был хорошо знать свойства обрабатываемого материала, а также иметь необходимый

*Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

минимальный набор инструментария, состоящий из сверла, развертки, инструментов для шлифовки, полировки и абразивов различных типов.

В настоящее время исследователями уделяется недостаточное внимание проблеме выделения специализированного набора инструментов мастера для изготовления бусин. Технологический этап *сверление* является одним из самых сложных и важных этапов массового производства изделий. Он состоит из трех операций: *кернение* (разметка перед сверлением), *сверление* (получение отверстия или отверстий различного диаметра и глубины с помощью специального вращающегося режущего инструмента) и *развальцовка* (сглаживание острых неровных краев на выходе сверла). По имеющимся данным, для сверления камня необходимы сверла и абразив, для развальцовки – развертка [Волков, 2013, с. 114]. Реконструировать историческую форму и составляющие части инструментов сложно в связи с тем, что отсутствуют археологические находки. Однако в письменных источниках встречаются описания технологий изготовления бусин из твердых поделочных камней, позволяющих изготовить экспериментальные образцы и применить их для трасологических исследований.

Одним из таких источников является средневековый трактат персидского ученого-энциклопедиста Абу Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Бируни «Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия)» в переводе А.М. Беленицкого [Собрание..., 1963]. Ал-Бируни в своем труде подчеркивал, что ремесленное производство характерно для городской сферы культуры, а для изготовления изделий требовались специальные знания, умения, специализированный набор инструментов. В источнике отмечается, что сверло было медным и имело диаметр 2-3 мм, а в качестве абразива повсеместно использовали алмаз [Там же, с. 84]. Однако в трактате отсутствует подробное описание сверла и, в частности, его конфигурации. Для технологического производства бусин из твердых камней – сверления, важна именно форма режущей части сверла, поскольку она оставляет следы на стенках канала сверления изделия. С целью реконструкции этапа сверления нами были проведен экспериментально-трасологический анализ, который включал проведение одной серии экспериментов сверления и сравнение полученных следов на образцах со следами, фиксирующимися на археологическом материале (Белый Яр I, Июсский клад, Тесинский Залив-3 и др.).

Среди древнего населения Хакаско-Минусинской котловины особой популярностью пользовались украшения из сердолика. В связи с этим сердолик был выбран в качестве исходного материала для проведения эксперимента. Абразивом являл-

ся электрокорунд (F100–F220), льняное масло как связующий материал, сверлом послужил медный стержень диаметром 3 мм с шестью разными формами режущей части: закругленной цилиндрической (сверло № 1), плоской цилиндрической (сверло № 2), односкатной заостренной (сверло № 3), двускатной заостренной (сверло № 4), конусовидной (сверло № 5) и трубчатой (сверло № 6). Приспособление для сверления представляло собой деревянный станок с постоянным давлением (фиксируемый груз) и ручным лучковым приводом. Время сверления в заготовленных образцах составляло 20 мин.

В результате эксперимента на стенках канала в образцах отмеченные признаки, оставленные медным сверлом с закругленной цилиндрической и трубчатой режущей частью, имеют сходство со следами, фиксирующимися на каменных бусинах из тагарских и таштыкских памятников Среднего Енисея. За 20 мин работы сверло с закругленной цилиндрической формой оставило в образце углубление 0,5 мм, трубчатое сверло – 1 см. Это свидетельствует об эффективности и минимальных затратах по времени сверла № 6. Стоит отметить, что, по сведениям письменных источников, сердолик сверлили, используя в качестве абразива алмаз (10 ед. по шкале Мооса). Экспериментальные работы показали, что сердолик также поддается обработке и сверлению электрокорундом (9 ед. по шкале Мооса). Вероятно, в древних ремесленных мастерских корунд также использовался как абразивный материал и по сравнению с алмазом, который имел ограниченное распространение на п-ове Индостан, был хорошо известен среди мастеров-ювелиров Ближнего Востока и Передней Азии.

Научный руководитель – О.А. Митько
канд. ист. наук, доцент,

Новосибирский государственный университет

Источники

Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия) [Текст] / Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни; Пер. А.М. Беленицкого; ред. проф. Г.Г. Леммлейна [и др.]; Статьи и примеч. А.А. Беленицкого и Г.Г. Леммлейна. [Л.]: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1963. 518 с. 2 л. портр., карт.: ил.; 22 см.

Список литературы

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975. 94 с. (САИ; Вып. Г1–12).

Волков П.В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.

Леммлейн Г.Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // КСИИМК. М.; Л.: 1947. Вып. 18. С. 22–30.

Леммлейн Г.Г. Опыт классификации форм каменных бус // КСИИМК. М.; Л.: 1950. Вып. 32. С. 157–172.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 269 с.

Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башк. энцикл., 2018. 376 с.

Nandagopal P. Decorated Carnelian Beads from the Indus Civilisation Site of Dholavira (Great Rann of Kachchha, Gujarat) // In Walking with the Unicorn Social Organization and Material Culture in Ancient South Asia / eds. Dennys Frenez et al. Archaeopress Publishing LTD, 2018. P. 475–485.

Preliminary Results of Experimental Drilling of Small Diameter Holes in Carnelian (Based on the Materials of Stone Beads of the 7th Century BC – 5th Century AD of the Middle Yenisei)

E.V. Gubenko

The beads of the Middle Yenisei of the 7th century BC – 5th century AD belong to imported jewelry. They are a source for the study of cultural contacts and trade and economic relations of the ancient population of the Khakass-Minusinsk basin. The process of making products from solid mineral and rock stones is one of the most time-consuming. Making beads required special knowledge, skills, and a specialized set of tools. For the reconstruction of drilling technology, the shape of the cutting part of the drill is important, since it leaves traces on the walls of the drilling channel of the product. In order to reconstruct it, we conducted an experimental traceological analysis. As a result, the marked signs left by a copper drill with a rounded cylindrical and tubular cutting part have a similar origin to the traces fixed on the stone beads of the Middle Yenisei. However, the most efficient and minimal in labor costs in time is a tubular drill.

Keywords: Middle Yenisei, Early Iron Age, Hun-Sarmatian era, beads, production technology, drilling tool set, experimental traceological analysis.

Губенко Екатерина Викторовна

магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: e.gubenko@g.nsu.ru

Gubenko Ekaterina Viktorovna

2nd year master's degree student
Novosibirsk State University
e-mail: e.gubenko@g.nsu.ru

УДК 903.211.8(571.51)I638.3I

Сравнительная характеристика бронзовых ножей с ажурными рукоятями из тайги Среднего Енисея (Казачинский археологический микрорайон)

Д.Д. Дмитриев

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

На сегодняшний день появляются новые археологические данные, позволяющие реконструировать культурные взаимодействия таежных племен Среднего Енисея и их соседей. По обнаруженным на таежных памятниках свидетельствам импорта можно реконструировать характер взаимоотношений степных и таежных племен. В рамках данной работы рассмотрены два бронзовых ножа тагарского облика, которые были обнаружены в тайге Среднего Енисея на памятниках Усть-Шилка-2 и Шилка XIII. Оба памятника расположены в Казачинском археологическом микрорайоне и находятся на правом берегу р. Енисей.

Селище Шилка XIII расположено на 10–13-метровой террасе р. Енисей ниже устья р. Шилка. Это многослойный памятник, он содержит материалы от неолита до Новейшего времени, залегающие в че-

тырех культурных слоях. Рассматриваемый бронзовый нож приурочен ко второму культурному слою. Он обнаружен на плечиках котлована жилища № 2.

Комплекс Усть-Шилка-2 расположен в устье р. Шилка, на левом ее берегу, в 1,5 км южнее селища Шилка XIII. Комплекс содержит культурные слои от мезолита до Средневековья. В первом культурном слое было изучено городище шилкинской культуры, датируемое II в. до н.э. – I в. н.э. [Мандрыка, 2017, с. 221]. В центре внутренней площадки изучены три углубленных жилища [Мандрыка, 2008, с. 71]. Нож был найден на земляной «полке» под северной стеной жилища № 2.

Ножи имеют одинаковые размеры: общая длина – 17,8 см, длина лезвия – 9,2 см, ширина рукояти – до 1,4 см, толщина – до 0,5 см. Спинка ножа дугообразная с гладким, не выступающим

переходом от рукояти к лезвию. Основание рукояти ажурное, поделено на две части вертикальным разделителем, на конце рукояти изображены две соприкасающиеся клювами головы хищных птиц. Каждая из сторон рукояти поделена в свою очередь на три секции (ячейки), которые не симметричны друг другу, имеют разные размеры и форму. Две верхние ячейки у основания ножа наиболее крупные, вытянутые. Средние ячейки имеют овальную форму. Нижние наименее крупные, асимметрично-овальной формы, сужаются книзу, одна из них – не сквозная. Длина рукояти – 8,6 см. Изображения птиц имеют тонкие шеи с отверстиями («глазами»), которые обозначали головы, клювы тонкие, загнуты крючком, соприкасаются с решетчатой частью ножа, восковицы отсутствуют. В основании головы отмечается выступ [Завитухина, 1983, с. 84].

На ноже с городища Усть-Шилка-2 отличны отдельные элементы, связанные с отливкой. Так, на решетчатой части рукояти отсутствует литейный брак. У правой головы птицы (исходя из положения ножа, повернутого коленчатой частью влево) отсутствует кончик клюва (литейный брак). У левой головы на месте восковицы отмечен скол [Мандрыка, 2008, с. 72].

Точные аналогии рассмотренным ножам в опубликованных коллекциях неизвестны, однако отдельные изобразительные элементы отмечаются на ножах тагарской культуры Минусинских котловин [Завитухина, 1983; Моор, 2019].

Классификация тагарского оружия и ножей с изображениями была разработана Н.Н. Моор [2019]. Все рассматриваемые ею ножи были поделены на группы (полнофигурные и редуцированные), которые делятся на типы (по позе изображения), типы разделяются на подтипы (по различиям элементов в позе), а те – на варианты (по набору иконографических и стилистических элементов) [Там же, с. 14].

Исходя из предложенной классификации, рассматриваемые ножи относятся к группе 2 (редуцированные изображения голов), типу 3 (клювы хищных птиц расположены вертикально вверх, головы могут соприкасаться друг с другом или располагаться независимо); варианту 2.3 (головы птиц на тонких длинных шеях. Глаз в виде простого круглого отверстия. Восковица, разделение клювов отсутствуют. Клювы птиц тонкие изогнутые, однако, без кольчатого окончания). Единственный нож данного варианта, упомянутый у Н.Н. Моор, обнаружен у с. Потрошилово Минусинского р-на [Нож, МКМ А ОФ-3888]. В отличие от ножей с таежных памятников, рельефная часть этого ножа меньше по площади, выделены только три секции ажурной рукояти. Изображения птиц похожи, однако на ноже из Минусинского р-на окончания клювов не загнуты.

Форма ножа отличается – коленчатая часть менее выражена, отсутствует обушковый изгиб у рукояти.

Возраст рассматриваемых ножей основан на датировке комплексов, где они были найдены. Городище Усть-Шилка-2 относится к шилкинской культуре, которая датируется II в. до н.э. – I в. н.э. Основанием для датировки является относительная хронология слоя шилкинской культуры на многослойных поселениях тайги Среднего Енисея, опирающаяся на аналогии вещам из закрытых комплексов и радиоуглеродные датировки [Мандрыка, 2017, с. 220–221]. Жилища селища Шилки XIII относятся к позднему этапу нижнепорожнинской культуры, который датируется I–III вв. н.э. [Мандрыка, 2018, с. 42].

Столь поздние датировки не соотносятся со временем существования таких ножей на территории Минусинских котловин. М.П. Завитухина относит подобные ножи к развитому периоду тагарской культуры, используя периодизацию М.П. Грязнова [Завитухина, 1983, с. 5]. По классификации Н.Л. Членовой, подобные ножи (класс I/20) датируются в диапазоне V–IV или, возможно, даже III в. до н.э. [Членова, 1967, с. 180]. При анализе предметов из могильников тагарской культуры, датированных в диапазоне от VI в. до н.э. по I в. н.э., хронологические группы для ножей не выделяются [Субботин, 2014, с. 69, 75].

На возможные гипотезы появления ножей тагарского облика в памятниках тайги Среднего Енисея на рубеже эр указывают следующие факты:

- два рассматриваемых ножа практически идентичны, за исключением отдельных дефектов, связанных с отливкой;

- население, оставившее изучаемые ножи, знало плавку бронзы. На полу жилища № 2 селища Шилка XIII отмечены бронзовые выплески. В хозяйственной яме в пределах укрепленной площадки городища Усть-Шилка-2 обнаружен бронзовый лом [Мандрыка, 2008, рис. 4, 4–5]. Также в пределах городища выделены двадцать каменных инструментов для работы по цветному металлу, определенные с помощью трасологического метода [Korobkova, Mandryka, Volkov, 2008].

Из этого следует предположение: население, проживавшее в тайге Среднего Енисея на рубеже эр, занималось изготовлением бронзовых изделий. Для этого мог использоваться бронзовый лом, однако нельзя исключать и применение других видов сырья. Прямых доказательств, указывающих на изготовление ножей на месте, у нас нет. Нельзя исключать и вариант того, что оба ножа были привезены в тайгу в качестве предмета импорта.

Более детально рассмотреть происхождение ножей тагарского облика на памятниках тайги Среднего Енисея рубежа эр позволит привлечение данных

РФА-анализа изделий, а также выплесков и бронзового лома.

*Научный руководитель – К.В. Бирюлева
ст. науч. сотр. Лаборатории археологии
Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет*

Источники

Нож. МКМ А ОФ-3888 [Электронный ресурс] / МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова» // Госкаталог Музейного фонда РФ [Официальный сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15749674> (дата обращения – 17.02.2023).

Список литературы

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л.: Искусство, 1983. 192 с.

Мандрыка П.В. Бронзовый и ранний железный век в южной тайге Среднего Енисея и низовьев Ангары: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2018. 54 с.

Мандрыка П.В. Культура гуннского времени в южной тайге долины Енисея // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: материалы VIII Междунар. науч. конф. Чанчунь: Изд-во Цзилинского университета, 2017. С. 217–225.

Мандрыка П.В. Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии 2008. № 3. С. 68–76.

Моор Н.Н. Звериный стиль в декоре тагарского оружия и ножей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 25 с.

Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб.: ИИМК РАН, 2014. 154 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 299 с.

Korobkova G.F., Mandryka P.V., Volkov P.V. Stone and Ceramic Tools from Ust-Shilka-2, a Hill-fort of the Early Iron Age // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. 2008. N 1. P. 70–76.

A Comparative Characteristic of Bronze Knives with Divided Handles from the Taiga of the Middle Yenisei (Kazachinsky Archaeological Microdistrict)

D.D. Dmitriev

In the article two similar bronze knives have analyzed, who found in the taiga of the Middle Yenisei at the Ust-Shilka-2 and Shilka XIII settlements. Both knives have found in dwellings of the Shilka and Nizhneporozhinsky cultures. They date back from the end of the 1st millennium BC to the beginning of the 1st millennium AD. The knives are almost identical. The noted differences are associated with casting defects. Both knives are cranked, with a divided handle. There are images of the heads of predatory birds at the end of knives. Similar knives have found in the Minusinsk steppe. Exact copies of these knives have not been found, however, there are similar items with the same set of pictorial elements are known. The article raises the question of the reasons for the appearance of this knives in the north settlements. The population of the taiga at that time owned the technology of melting bronze. The conclusion outlines the prospects for further research.

Keywords: bronze knife, the valley of Yenisei, Early Iron Ages, images on the handles, Shilka XIII, Ust-Shilka-2.

Дмитриев Денис Дмитриевич

студент 3-го курса

Сибирский федеральный университет

e-mail: workspace.ddmitriev@gmail.com

Dmitriev Denis Dmitrievich

3rd year student

Siberian Federal University

e-mail: workspace.ddmitriev@gmail.com

УДК 902/904

Погребальный обряд Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры в низовьях р. Белой (предварительное сообщение)

Ч.И. Дупчур

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Изучение пьяноборских древностей имеет длительную историю (более 140 лет). Этот период ознаменовался активным накоплением и анализом археологических источников. Однако стоит отметить, что не все важные вопросы изучения пьяноборской культуры (ареал, хронология, погребальный обряд и т.д.) получили полное разрешение. Одним из ключевых вопросов в исследовании пьяноборских древностей остается обобщение ма-

териалов, характеризующих погребальный обряд культуры.

Впервые в общих чертах погребальный обряд пьяноборской культуры был охарактеризован В.Ф. Генингом на основе материалов могильников, известных к 1960 г. [Генинг, 1970, с. 22–29]. Материалы большинства могильников, полученные в ходе исследований до 1980-х гг., были обобщены Б.Б. Агеевым. Источниковой базой его исследования

стали материалы 20 могильников, на которых было раскопано более 2 000 погребений [Агеев, 1992, с. 9]. Тем самым эта работа стала неким итогом материалов, полученным в период наиболее активного полевого изучения пьяноборской культуры. На современном этапе изучения культуры погребальный обряд рассматривался О.Р. Стаматиной с помощью метода математического анализа, были статистически обобщены материалы 13 могильников [Стаматина, 2004, с. 5]. Важным вкладом в характеристику культуры стала публикация погребального обряда Тарасовского могильника, содержавшего около 2 000 погребений пьяноборской и мазунинской культур [Голдина и др., 2015], а также публикация раскопок Ф.М. Тагирова на Кипчаковском I курганно-грунтовым могильнике, погребальный обряд которого отражает сложные миграционные процессы в раннем железном веке [Зубов и др., 2021а]. Еще одним археологическим памятником, дополняющим сведения о пьяноборской культуре, является Старокиргизовский могильник, погребальный обряд которого в настоящий момент полностью не представлен в научной литературе. В настоящей работе предпринимается попытка восполнить этот пробел.

Старокиргизовский могильник расположен на левобережье нижнего течения р. Белой [Зубов и др., 2021б, с. 74]. Данный памятник изучался С.М. Васюткиным, Н.А. Лифановым и Р.Р. Саттаровым. За все время полевых работ на территории могильника были исследованы 129 погребений, относящихся к рубежу эр [Васюткин, Горбунов, 1973; Лифанов 2017, 2018; Саттаров, 2019].

Могильные ямы на площадке памятника расположены в определенном порядке, образуя ряды или группу рядов, имеющих разную ориентировку. Для большинства погребений фиксируется устойчивая ориентировка могильных ям по линиям В–З, С–Ю. Взаимонарушений ям практически не встречается, но при этом стоит обратить внимание на относительно высокую плотность размещения могил, где расстояния между соседними не превышают, как правило, 1 м.

Форма могильных ям зафиксирована в 98 случаях. В подавляющем большинстве захоронения произведены в форме близкой к прямоугольнику (72,4 %) с округленными углами, вертикальными стенками и плоским дном. Присутствуют ямы, по форме близкие к многоугольнику (19,4 %) и трапеции (8,2 %). Остатки погребальных конструкций (гробовищ, деревянных колод и т.п.) в погребениях не обнаружены. По длине могильные ямы немного превышают рост погребенных. Преобладают могильные ямы, имеющие длину: 1,8–2,1 м (25,6 %) и 2,1–2,4 м (26,4 %); ширину: 0,51–0,9 м (54,3 %) и глубину: 0,61–0,8 м (34,1 %), до 0,4 м (27,1 %).

Антропологический материал обнаружен в 119 могильных ямах, что составляет 93 % от общего количества изученных погребений. Суммарное количество погребенных (костяков) – 128. Среди них: женские – 54 (39,7 %), мужские – 38 (27,9 %), пол не определен – 44 (32,4 %). Большая смертность приходится на период от 17 до 29 лет. Особенно сильно повышена смертность в этот период у женщин, что, вероятно, связано с репродуктивным возрастом. Основная масса погребений на памятнике – индивидуальные, 111 (86 %). Также обнаружены 8 групповых погребений (6,2 %), в семи из них были обнаружены по два костяка, в одном погребении – три. Захоронения в могильнике совершены по способу труположения. Костяки располагались вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками. В большинстве случаев (40,6 %) костяки головой ориентированы в восточном направлении, меньше всего – на юг (менее 1 %).

Погребальный инвентарь обнаружен в 113 (87,6 %) погребениях. Анализ распределения погребений с определенным полом и возрастом по наличию или отсутствию инвентаря в могиле показывает, что наибольшее количество погребений с инвентарем принадлежат женинам в возрасте 17–29 лет. Самой распространенной категорией вещей в погребениях являются украшения (подвески и бусы), а также стрелы и ножи. По расположению вещей в погребениях можно предположить, что вещи лежат в том положении, как они в действительности располагались в наряде. Жертвенные комплексы встречены лишь в одном случае.

Таким образом, размеры и формы погребальных ям в целом соотносятся со многими погребальными памятниками пьяноборской культуры. Подавляющее большинство захоронений на Старокиргизовском могильнике, как и на большинстве пьяноборских памятников, совершены в ямах близких к прямоугольной форме, отсутствуют взаимонарушения ям [Журавлева, 2014, с. 70] за редким исключением, и носят незначительный характер, вызванный необходимостью захоронить умершего в ряду родственников [Голдина и др., 2015, с. 41]. Характеристика останков погребенных и анализ распределения погребений с определенным полом и возрастом по наличию или отсутствию инвентаря в могиле в целом коррелирует с большинством памятников пьяноборской культуры. Например, в Тарасовском могильнике наибольшее распространение в погребальных ямах в инвентаре получают украшения (бусы, накладки, височные подвески) и ножи [Сабилов, 2010, с. 35].

Распределение хроноиндикаторов на общем плане могильника позволяет предположить его развитие от центра в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях. В центральной ча-

сти сконцентрированы захоронения раннего этапа могильника (бронзовые наконечники стрел). В юго-восточном и юго-западном направлении распространены захоронения с более поздним погребальным инвентарем. Примерно такая же картина наблюдается на многих крупных могильниках культуры, где рост могильника происходил территориальными группами [Агеев, 1992, с. 15].

*Научный руководитель – Р.Р. Саттаров
канд. ист. наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Источники

Васюткин С.М., Горбунов В.С. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1972 г. Уфа, 1973 // Архив ИА РАН. Р-1. № 4713, 4713а. 68 с.

Лифанов Н.А. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок объекта культурного наследия федерального значения «Старокиргизовский грунтовый могильник» в муниципальном районе Илишевский Республики Башкортостан в 2016 г. В 3 томах. Самара, 2017 / НОА ИА РАН. 355 с.

Лифанов Н.А. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок объекта культурного наследия федерального значения «Старокиргизовский грунтовый могильник» в муниципальном районе Илишевский Республики Башкортостан в 2017 г. Самара, 2018 / НОА ИА РАН. 134 с.

Саттаров Р.Р. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок объекта куль-

турного наследия федерального значения «Старокиргизовский грунтовый могильник» в муниципальном районе Илишевский Республики Башкортостан в 2018 г. В 2-х томах. Самара, 2019 / НОА ИА РАН. 260 с.

Список литературы

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. // ВАУ. Свердловск; Ижевск, 1970. Вып. 10. 224 с.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Казань; Ижевск, 2015. Т. III. 297 с.

Журавлева Г.Н. Предварительные итоги изучения Ныргындинского II могильника по раскопкам В.Ф. Генинга // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 69–91.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчакский I курганно-грунтовый могильник // Археология евразийских степей. 2021а. № 2. С. 261–300.

Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Рослякова Н.В., Саттаров Р.Р. Погребение мальчика-охотника из Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2021б. № 1 (35). С. 65–77.

Сабиров Т.Р. Погребальный обряд тарасовского могильника (I–V века) на Средней Каме // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2010. № 18. С. 32–40.

Стаматина О.Р. Погребальный обряд пьяноборской культуры в свете статистического анализа. автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2004. 25 с.

The Funeral Rite of the Starokirgizovsky Burial Ground of the Pyanobor Culture in the Lower reaches of the River Belaya (Preliminary Announcement)

C.I. Dupchur

The paper presents a general description of the most important manifestations of the burial rite of the Starokirgizovo burial ground of the II century BC – I century AD, the Pyanobor culture, located on the outskirts of the village of Starokirgizovo, the Republic of Bashkortostan. For statistical processing, in addition to the published data from the 1972 excavations, unpublished research data from 2016, 2017 and 2018 were used.

Keywords: burial rite, statistics, Pyanobor culture, Starokirghiz cemetery.

Дупчур Чечен-оол Ильич

магистрант 2-го года обучения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

e-mail. ch.dupchur@mail.ru

Dupchur Chechen-ool Ilyich

2nd year master's degree student

Kazan (Volga Region) Federal University

e-mail. ch.dupchur@mail.ru

Материалы исследования кургана 35 гуннского могильника Актас I*

А.Е. Егинбай

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Гуннская (хуннская) проблема в археологии Казахстана является одной из наиболее сложных и в тоже время и перспективных для научных исследований. На сегодняшний день известно очень незначительное количество памятников, которые можно соотнести с гуннской этнокультурной общностью. Слабая изученность темы объясняется несколькими причинами: во-первых, отсутствие письменных источников, содержащих упоминания о точной локализации гуннов на территории Казахстана, об их походах и миграциях. Во-вторых, большая вариативность погребальных и поминальных сооружений. Что касается состава артефактов, то он типичен для самых различных этнокультурных образований на территории Казахстана.

На сегодняшний день зафиксирована и изучена группа памятников, которые по ряду показателей отнесены к гуннским. Еще в середине прошлого века немецкий ученый Й. Вернер предложил следующий набор признаков: деформация черепа, сложносоставной лук, мечи с кольцевидным навершием, бронзовые котлы, зеркала с петелькой на обороте, узда с железными элементами, украшения, выполненные в полихромном стиле [Werner, 1956, S. 23]. Их можно дополнить такими маркерами, как преобладание северной ориентировки умерших, железные мечи и кинжалы без перекрестий и наверший, деревянные предметы в составе погребального инвентаря, выложенные зернью украшения из золота, а также изделия китайского производства, например, шелка [Хабдулина, Акишев, 2000, с. 317].

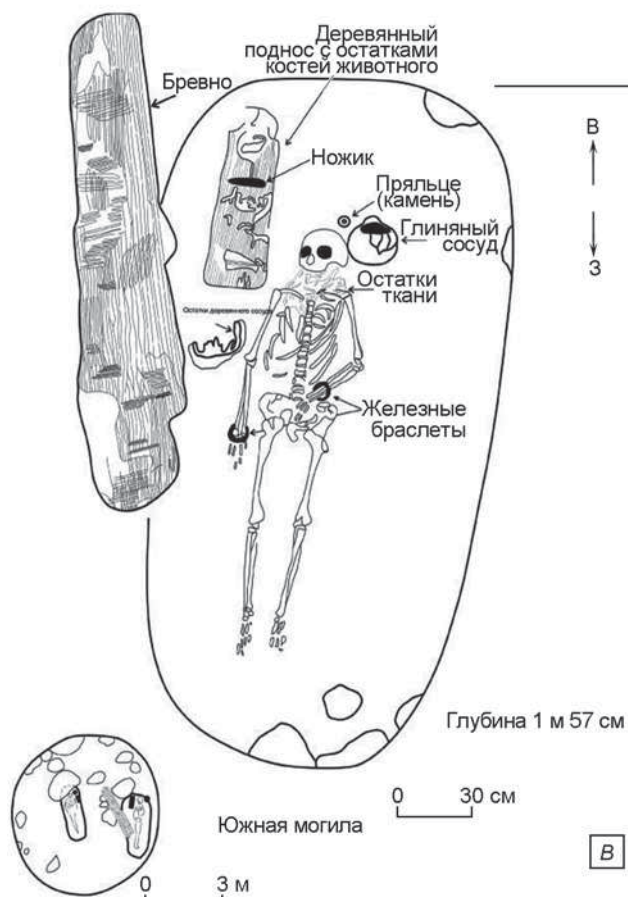
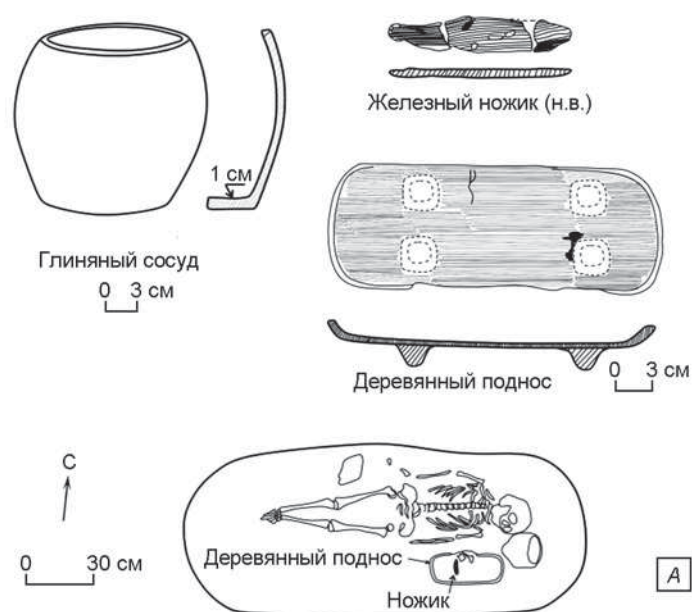
К памятникам, на которых зафиксированы данные этнокультурные признаки, относится раскопанный в начале прошлого столетия курган Кара-Агач, случайно найденное в 1928 г. погребение у оз. Боровое, могильник Бериктас I, несколько курганов и городищ, в которых имеются схожие с гуннскими артефакты и типы погребений, такие как Кызыл-Кайнар Тобе, Кетмень Тобе и Чулук Тау [Козырев, 1905, с. 27; Берншам, 1949; Хабдулина, Акишев, 2000, с. 316–328; Максимова и др., 1968, с. 71–79; Мершиев, 1970, с. 79–83]. К ним также следует отнести могильник Актас (Актасты), материалы которого полностью не были опубликованы.

В 1960-е гг. археологом К.А. Акишевым были исследованы могильники и поселения на территории Южного Казахстана и Жетысу, среди которых был раскопан комплекс памятников Актас. Группа могильников Актас I–VI располагалась на территории Райымбекского р-на Алматинской обл. Могильник Актас I, расположенный на мысе, образуемом ущельями Курайлы, Коксай и горными ручьями, протекающими по этим ущельям, является, на наш взгляд, наиболее интересным. Он характеризуется большим количеством артефактов и разнородностью погребальных обрядов.

Могильник насчитывал более 60 курганов и оград, сооруженных из и каменных блоков. Они располагались двумя довольно компактными группами и, как показали исследования, по особенностям погребального обряда и инвентаря были соотнесены с двумя этническими группами – гунну и усунь. Северная группа состояла из 44 насыпей, бессистемно вытянутых по правому берегу руч. Коксай по направлению запад–восток. В группе имелись насыпные курганы, а также кольцевые оградки четырехугольной и кольцевых форм, выложенные из рваного камня [Акишев, Свиридов, 2011]. Южная группа, расположенная в 50–70 м от северной, состояла из 17 курганов и плоских кольцевидных оградок. Отдельные курганы имели надмогильную насыпь в форме каменных колец. В курганах южной группы могильника обнаружен типичный усуньский материал, включая глиняную посуду усуньского типа. В тоже время, фиксация деревянной посуды, включая подносы, а также различия в количестве предметов сопроводительного инвентаря позволяют отметить, что в каждой из локальных групп могильника также были похоронены представители различных этнокультурных групп.

Сведения о 28 кургане из могильника Актас I, в число находок которого входили колты, идентичные находкам в гуннских курганах Восточной Европы, были введены в научный оборот [Там же]. Данная публикация, посвященная вводу в научный оборот материалов раскопок кургана 35, является продолжением цикла публикаций НИИ археологии

*Исследование проведено в рамках проекта AP09261134 «Пространственная планировка и архитектура культовых мемориалов сакской знати Терисаккан-Есильского региона».

Могильник Актас I. Курган 35.

А – северная могила, план погребения и погребальный инвентарь – деревянный столик, глиняный сосуд и железный нож;
 Б – северная могила, план погребения и погребальный инвентарь – каменное пряслице, деревянная коробочка и железные браслеты;
 В – южная могила, план погребения; Г – северная могила, деревянный столик с костями овцы и ножом (фото); Д – южная могила, железный браслет и деревянная коробочка (фото).

им. К.А. Акишева по археологии гуннов, начатого в 2011 г.

Курган 35 расположен в северной группе могильника, до начала работ в насыпи были заметны отдельные камни, не образующие какую-либо конструкцию. Диаметр кургана составляет 6 м, высота 0,56 м. Под насыпью обнаружены две групповые могилы, ориентированные по направлению восток–запад (см. *рисунок, А*).

В северной могиле, на глубине 1,57 м костяк лежал в анатомическом порядке, отсутствовали лишь фаланги пальцев, растащенные, по-видимому, грызунами. Судя по положению скелета, покойный был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на восток. С левой стороны у головы стоял глиняный сосуд баночной формы, ниже сосуда – деревянный столик: поднос на четырех выступах (ножках). На столике-подносе находились кости овцы и небольшой железный пластинчатый нож. Среди костей также обнаружены две железные пряжки кольцевой формы с подвижным язычком (см. *рисунок, Б*).

В южной могиле костяк зафиксирован также в анатомическом порядке. Левая рука была полусогнута в локте, а кисть лежала на тазе (см. *рисунок, В*). С левой стороны у черепа стоял глиняный сосуд шарообразной формы с горизонтально посаженной ручкой. Рядом с ним находилось каменное пряслице. С правой стороны у плеча найдена часть деревянного подноса, на котором лежали кости овцы и железный нож. Ниже подноса, у локтя, зафиксированы фрагменты деревянного шаровидного сосуда (см. *рисунок, Г*). На костях рук находились круглые железные браслеты; у кисти левой руки – миниатюрная деревянная коробочка круглой формы (см. *рисунок, Д*). На шее сохранился толстый слой кожи и ткани, а также гривна, плетеная из тонкой бронзовой проволоки.

На наш взгляд, погребальный обряд и сопроводительный инвентарь из погребений кургана 35

имеют гуннский облик. Мы поддерживаем мнение К.А. Акишева, считавшего, что Актасский могильник – памятник совершенно «новый и чуждый» для районов Южного Казахстана. Одна из его групп оставлена этнически отличающимся от древних усуней населением. Однако, несмотря на наличие отличного от усуньского инвентаря, мы можем лишь предполагать его гуннскую принадлежность. Более точное культурное определение памятника требует дополнительных исследований.

*Научный руководитель – М.К. Хабдулина
канд. ист. наук, доцент,*

Научно-исследовательский институт им. К.А. Акишева

Список литературы

Акишев К.А., Свиридов А.Н. Курган № 28 могильника Актас 1 // Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции. Астана, 20–22 апреля 2011 г. Астана: Евраз. нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 188–191.

Берншам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сб. МАЭ. 1949. Т. XIII. С. 216–229.

Козырев А.А. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Изв. Археол. комиссии. 1905. Вып. 16. С. 27–36.

Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг В.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968. 264 с.

Мершиев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1970. 294 с.

Хабдулина М.К., Акишев К.А. Хуннский могильник Бериктас I // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 316–328.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften in Kommission bei der C. H. Beck'schen Verlagsbuchhandlung, 1956. 44 S.

Materials of the Study of the Mound 35 of the Hunnic Burial Ground Aktas I

A.Ye. Yeginbay

Modern world archeology and archeology of Kazakhstan needs the latest approaches to the study of the history and archeology of the Huns. The article publishes unpublished materials of the study of the Aktas I kurgan complex, which is an indicative place of long-term residence of the Huns on the territory of South Kazakhstan. The article presents the results of the excavation of the mound number 35, which was conducted by the great scientist Kemal Akishevich Akishev in 1962.

Keywords: gunns, Aqtas, burial ground, Kazakhstan, Almaty region.

Егинбай Адил Ерланулы

магистрант 2-го года обучения
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева
e-mail: adil_eginbaev2000@mail.ru

Yeginbay Adil Yerlanuly

2nd year master's degree student
L.N. Gumilyov Eurasian National University
e-mail: adil_eginbaev2000@mail.ru

Мечи саргатской культуры

Ш.Я. Зарипов

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

В XX в. в период накопления и осмысления материалов саргатской культуры, затрагивая тему клинкового вооружения, исследователи писали о нем лишь в контексте культурно-хронологических изысканий. Л.Н. Корякова разделила все имеющиеся экземпляры по типам, где выделялись следующие качества: материал, кол-во лезвий (одно или двулезвийные), форма навершия и форма перекрестия. Подобный анализ позволил прийти к выводам, что подавляющее большинство мечей, найденных в саргатских погребениях, скорее всего происходит из савромато-сарматской среды [Корякова, 1988, с. 66–67]. Н.П. Матвеева предложила типологию клинкового вооружения, разделяя изделия по материалу, а затем по комбинации оформления навершия и перекрестия, и усматривала аналогии на западе, однако некоторые экземпляры клинкового вооружения отнесла к восточному влиянию, связывая это с саргатским посредничеством на торговых путях [1993, с. 103–104; 1994, с. 96–100]. В.А. Могильников, обобщая информацию по саргатской культуре, пришел к выводу, что тяжелое вооружение, в которое входят и мечи, является атрибутом воинской прослойки населения [1992, с. 303]. Л.И. Погодин взялся обобщить и проанализировать саргатское вооружение, известное на тот момент [1998, с. 7–22]. Исследователь выделил несколько типов клинкового вооружения, которые основывались исключительно на навершиях, сделал вывод о том, что саргатские воины использовали клинковое вооружение как основное для ближнего боя. В статье, посвященной реконструкции внешнего облика воина из Сидоровки, авторы подробно проанализировали погребение. Полученные данные позволили прийти к выводу, что меч, найденный в погребении, занимал в могиле то же положение, что и при жизни владельца, в т.н. «боевом» положении, а также подробно описать ножны и способы их крепления [Матвеева, Хайдукова, Долгих, 2013]. Н.П. Матвеева и М.М. Проконова реконструируют облачения воинов из могильников Красногорки-1, Исаковка-1, Язев-3 и Сидоровка. В статье исследователи подтверждают тезисы о том, что некоторые категории вооружения в могилах отражают и прижизненное положение, однако данное представление расширяется выводом о том, что парадный воинский инвентарь указывает на двойственную роль владельца в жизни древнего общества [Матвеева, Проконова, 2019].

В нашем исследовании рассматриваются 10 мечей, происходящих из следующих памятников:

Богдановка-1, -2, Исаковка-1, Гаевский, Сопка-2, Абатский-1, -3, Бещаул-2, Сидоровка [Культура зауральских скотоводов..., 1997, рис. 21; Матвеева, 1994, рис. 20, 1; рис. 59, 1; Матюшенко, Татаурова, 1997, рис. 26, 8, Могильников, 1968, рис. 43; Могильников, 1973, с. 22, 25; Погодин, 1988, рис. 102; 1990, рис. 53; Полосьмак, 1987, рис. 72].

Всего два экземпляра имеют кольцевое навершие (Богдановка-2, Сопка-2). Однако все же у рассматриваемых мечей есть различия. Меч из могильника Сопка-2 биметаллический и имеет бронзовую рукоять, перекрестие и навершие и датируется III в. до н.э. Данный экземпляр еще интересен тем, что он является одним из самых ранних мечей с кольцевым навершием в кочевнической среде. А.С. Скрипкин усматривает корни подобного оформления не на западе, как было принято, а на востоке, а если быть точнее – в Северном Китае [2010, с. 340–342]. Меч из Богдановки-2 датируется рубежом эр и, скорее всего, происходит из сарматской среды, где мечи с кольцевым навершием формируются ко II в. до н.э. Меч из могильника Богдановка-2 имеет классическое оформление эфеса мечей и кинжалов с кольцевидным навершием, характерное для среднесарматского периода, что не расходится с датировкой комплексов, в которых они были найдены.

Остальные экземпляры не имеют металлического навершия и датируются диапазоном от II в. до н.э. до IV в. н.э. Один из самых распространенных типов в гунно-сарматской среде известен в Поволжье, Средней Азии, Причерноморье, Украине и на Кавказе. Их наибольшее распространение приходится на I–IV вв. н.э. [Хазанов, 1971, с. 22]. В отдельный подтип саргатских древностей можно выделить длинные мечи с бронзовым литым перекрестием. Также в эту же категорию можно отнести и меч из могильника Сопка-2 с бронзовыми элементами эфеса и кольцевым навершием. Интересен данный подтип тем, что исследователи находят истоки его появления на территории Китая [Матвеева, 1993, с. 104; Погодин, 1998, с. 21; Маслов, 2018, с. 34]. Экземпляр из могильника Богдановка-1 помимо всего прочего имеет и нехарактерное для сарматских изделий навершие в виде диска, который прикреплялся плоской стороной к рукояти. Аналогии действительно можно найти в Китае эпохи Хань, полностью идентичный меч был найден в Нижнем Поволжье, правда в насыпи кургана, но его связы-

вают с позднесарматским погребением второй половины II в. н.э. [Горелик, 2003, табл. XVII, 38, 40; Кривошеев, 2007, рис. 1, 6].

Вплоть до II в. до н.э. в погребениях саргатских воинов находки мечей очень редки и чаще всего в обломках, которые невозможно как-либо реконструировать. Однако во II в. до н.э. и позже отмечается очень широкое распространение длинных всаднических мечей, включая двуручные. Широкое распространение длинных мечей синхронно с появлением костяных накладок на лук, которые считаются явным признаком хуннского влияния. Отдельным подтверждением также является и тот факт, что все длинные мечи были найдены в «воинских» погребальных комплексах. Но появление длинных мечей не вытесняет кинжалы из комплекса вооружения саргатских воинов, кинжалы все так же являются основным видом вооружения ближнего боя, которые использовались, видимо, для самообороны, т.к. их находят как в богатых погребениях военных вождей, так и в погребениях рядовых воинов. Таким образом, значение ближнего боя резко возрастает со II в. до н.э., а до этого времени предпочтение отдавалось дальнему бою, который сменялся на ближний лишь в случае надвигающейся опасности.

*Научный руководитель – Н.П. Матвеева
д-р ист. наук, профессор,
Тюменский государственный университет*

Источники

Могильников В.А. Отчет о работах Иртышского отряда Западно-Сибирской археологической экспедиции в 1968 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 3716

Могильников В.А. Отчет о работах В Прииртышье в 1973 г. // МАЭ ОмГПУ. Р-1. Д. 13-1.

Погодин Л.И. Отчет о раскопках в Бещауле в 1988 г. // МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 57-1.

Погодин Л.И. Отчет об археологических исследованиях в Нижнеомском и Горьковском районах Омской области в 1989 году. // МАЭ ОмГУ. НА. Ф. II. Д. 65-1.

Swords of Sargatka Culture

S.Y. Zaripov

In this article we deal with the swords of the Sargatka culture. Based on the historiographical analysis, the question of the origin and dating of the swords found in the military burials of the Sargat population is raised. The shape of pommel and crosshairs of swords is analyzed, types are distinguished and chronological characteristics are given. Attention is drawn to swords with bronze elements and the question of their possible Chinese origin is raised. Such items are not typical for items of the Sarmatian circle, and researchers in recent years adhere to the idea that the roots of such swords are taken precisely in China. In conclusion, it is said about the widespread use of swords by the turn of the eras and about the increased Xiongnu influence in this period. As well, the increased importance of close combat is emphasized in connection with the appearance of long horseman swords.

Keywords: Sargatka culture, swords, Early Iron Age, nomad combat equipment.

Зарипов Шамиль Ямилович
магистрант 2-го года обучения
Тюменский государственный университет
e-mail: sha9111@gmail.com

Список литературы

Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб.: Атлант, 2003. 336 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.

Кривошеев М.В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Издат. центр Южно-Урал. гос. ун-та, 2007. С. 65–70.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: (Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование) / В.А. Булдашев, А.А. Ковригин, Л.Н. Корякова и др. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 180 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 172 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Прииртышья. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 150 с.

Матвеева Н.П., Хайдукова Д.В., Долгих А.С. Реконструкция костюма воина из могильника Сидоровка (Западная Сибирь) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2013. № 2. С. 7–20.

Матвеева Н.П., Проконова М.М. Воинские облачения из элитных погребений саргатской культуры (Западная Сибирь) // Stratum plus. 2019. № 3. С. 89–98.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.

Маслов В.Е. К вопросу о происхождении поясных накладок со сценой охоты из Сибирской коллекции Петра I // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 25–42.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 292–311.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: Ом. гос. ун-т, 1998. 84 с.

Скрипкин А.С. Сарматы и восток. Избранные труды (к 70-летию автора) // Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2010. 370 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

Zaripov Shamil Yamilovich
2nd year master's degree student
Tyumen State University
e-mail: sha9111@gmail.com

К проблеме культурно-хронологической атрибуции глиняных конусов раннего железного века*

А.В. Калининская

*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово, Россия*

На поселенческих памятниках раннего железного века в Ачинско-Мариинской лесостепи были обнаружены изделия из глины, по форме напоминающие конусы и пирамидки (далее по тексту – конусы). Они были найдены на поселениях Третьяково I (95 экз.), Косоголь I (17 экз.) и Шестаково II (более 100 экз.) и имели разную сохранность [Калинская, 2022, с. 317]. Первые находки конусов обнаружены более 50 лет назад, однако их контекст и культурно-хронологическая принадлежность оставались неустановленными, поскольку материалов археологических исследований 1970–1990-х гг. было недостаточно для их атрибуции. Материалы, полученные в 2018, 2020–2021 гг. на поселении Шестаково II Чебулинского р-на Кемеровской обл., позволили вновь обратиться к теме керамических конусов [Герман и др., 2023, с. 38–39; Калининская, 2022, с. 319].

Большая часть конусовидных предметов найдена при сборе подъемного материала, лишь два фрагмента были обнаружены в нижних горизонтах памятника [Калинская, 2022, с. 321, табл. 1]. Таким образом, невозможно провести их контекстный анализ, т. к. глиняные изделия оказались не привязаны к культурному слою поселения. Стоит отметить, что большинство других исследованных комплексов в Мариинской лесостепи также не стратифицированы.

Время бытования данной категории находок определяется временем функционирования памятника Шестаково II. По мнению автора раскопок П.В. Германа, поселение датируется в пределах широкого хронологического диапазона VI–IV вв. до н.э. – VI в. н.э. Нижняя граница была определена радиоуглеродным методом датирования по кости из нижних горизонтов памятника [Герман и др., 2023, с. 39], верхняя – по наличию фрагментов керамических сосудов, относящихся к таштыкской культуре [Герман и др., 2019, с. 30]. Таким образом, новые данные не позволяют внести существенные уточнения в культурно-хронологическую атрибуцию глиняных конусов.

В непосредственной близости с поселением Шестаково II расположен курганный могильник Шестаково I. Он был открыт в 1961 г. А.И. Мартыновым и полностью исследован в 1968 г. Могильник представлен 10 курганными насыпями, под которыми было обнаружено 15 склепов, относящихся к разным периодам раннего железного века [Мартынов и др., 1971, с. 10, рис. 1].

Изделия из глины, помимо керамических сосудов, были зафиксированы только в трех из пяти тесинских курганов – № 2, 6, 9. В склепе 1 кургана № 2 были найдены глиняные бляшки, покрытые слюдой [Мартынов и др., 1971, с. 24, 27, рис. 11, 1–6, 10, 11]. В склепе кургана № 6 обнаружена глиняная скульптурная голова, внутри которой по результатам рентгеновского анализа был выявлен череп барана [Мартынов и др., 1971, рис. 98; Полосьмак, 2010]. Большое количество глиняных изделий было обнаружено в склепе кургана № 9: пластины, украшения, бляшки и конусы [Мартынов и др., 1971, с. 126, 127, рис. 85, 1, 3, 5–12]. Последние предметы напоминают конусовидные изделия с поселений, но имеют лишь отдаленное морфологическое сходство. По данным Э.Б. Вадецкой, на тесинском этапе тагарской культуры во всех курганных могильниках найдены глиняные бляшки разных форм, в т. ч. и конусовидных. Они облицовывались золотой фольгой, слюдой и служили бутафорными украшениями для одежды погребенного или использовались для драпировки стен склепа [Вадецкая, 1999, с. 142]. Н.Ю. Кузьмин отметил, что такие бляшки появляются в конце раннетесинского времени и получают широкое распространения на II этапе тесинской культуры (середина I до н. э. – I в. н. э.) [Кузьмин, 2008, с. 195; 2011, с. 203].

Изделия, обнаруженные на Шестаковском могильнике, имеют аналогии в тесинских склепах всего ареала распространения тагарской культуры. Ярким примером служат находки в курганах у с. Береш, курган 3 могильника Толстый Мыс V

*Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № АААА-А21-121012090006-0, проект «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

и др. [Субботин, 1983; Вадецкая, 1995; Курочкин, Павлов, 1995, с. 145, рис. 1].

В контексте рассматриваемой темы обращает на себя внимание обнаружение изделий из глины (помимо керамических сосудов) только в тесинских склепах, датирующихся Н.Ю. Кузьминым III в. до н.э. – III в. н.э. [Кузьмин, 2011, с. 218–219]. В тагарской (более ранних комплексах) и таштыкской культурах они не встречаются.

Большинство поселений раннего железного века в Мариинской лесостепи имеют условную культурно-хронологическую атрибуцию – «тагарское» или «тагаро-таштыкское» время [Мартынов, Абсалямов, 1988, с. 117]. Полученные данные из раскопок ряда поселений шестаковской агломерации раннего железного века трудно разделить на более конкретные культурно-хронологические периоды. Однако то, что тесинское население, судя по материалам Шестаковского могильника, проживало поблизости от погребальных комплексов, сомнений не вызывает. Вполне возможно, с этим связано обнаружение необычных предметов из глины и на поселении Шестаково II.

Распространение глиняных изделий в тесинских склепах является косвенным подтверждением культурной атрибуции одного из периодов бытования поселения Шестаково II тесинским временем. Среди материалов поселений, относящихся к таштыкской культуре, глиняных конусов не было обнаружено. Примером служит эталонный таштыкский памятник в Ачинско-Мариинской лесостепи – Михайловка I, на котором было вскрыто 18 144 м². На поселении зафиксированы остатки 75 жилищ, получено несколько тысяч единиц находок, однако конусовидных изделий не зафиксировано [Мартынова, 1985, с. 31, 97–109]. На наш взгляд, распространение глиняных конусовидных изделий на поселенческих комплексах раннего железного века приходится на тесинское время.

*Научный руководитель – С.А. Васютин
д-р ист. наук, профессор,
Кемеровский государственный университет
Научный руководитель – П.В. Герман
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН*

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Исследование коллективных могил позднетагарской культуры в верховьях Чулыма (раскопки кургана 2 у деревни Береш) // Археологические вести. 1995. № 4. С. 96–122.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербург. Востоковедение, 1999. 440 с.

Герман П.В., Калинин А.В., Боброва Л.Ю., Плац И.А. Поселения раннего железного века Мариинской лесостепи: история исследования и состояние источниковой базы // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2023. Вып. 17. С. 25–47.

Герман П.В., Савельева А.С., Онищенко С.С. Шестаково II – поселение раннего железного века в Мариинской лесостепи // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. Вып. 10. С. 21–32.

Калинская А.В. Об одной категории глиняных изделий с поселений раннего железного века Кия-Чулымского междуречья // Ежегодная конференция молодых ученых ФИЦ УУХ СО РАН «Развитие – 2022»: сборник трудов конференции 11–13 мая 2022 г. Кемерово: ФИЦ УУХ СО РАН, 2022. С. 316–327.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Кузьмин Н.Ю. Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам Степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи (сборник материалов международной научной конференции). Астана, 2008. С. 187–204.

Курочкин Г.Н., Павлов П.Г. Посттагарская художественная терракота // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 143–150.

Мартынов А.И., Абсалямов М.Б. Тагарские поселения. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 123 с.

Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово: Кем. гос. пед. ин-т, 1971. 250 с.

Мартынова Г.С. Таштыкские племена на Кие. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 112 с.

Полосьмак Н.В. «Внешность обманчива» // Наука из первых рук. 2010. № 5 (35). С. 82–89.

Субботин А.В. Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 64–66.

To the Issue of Cultural and Chronological Attribution of Clay Cones of the Early Iron Age

A.V. Kalinskaya

The paper considers the hypothesis that cone-shaped clay items from the settlements of the Early Iron Age of the Achinsk-Mariinsky forest-steppe belong to the Tesin time. As part of the study, materials from «Shestakovo II» settlement and «Shestakovo I» burial mound located in the Chebulinsky district of the Kemerovo region, were used. For the first time, such cones/pyramids were recorded in the 1970s, but their functional purpose and time of existence is still uncertain. These items are bell-shaped and pyramidal shape, and usually are not ornamented. Most of these were found on non-stratified sites and have not any context, and therefore it is difficult to identify the cultural and chronological qualification

of these items. It is noted that the cones were not recorded at earlier Tagar settlements and are not found in the materials of the Tashtyk culture.

Keywords: Shestakovo, Early Iron Age, settlements, burial mounds, clay items, cones.

Калинская Анна Викторовна

магистрант 1-го года обучения

Кемеровский государственный университет

лаборант лаборатории археологии

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН

e-mail: kalinskaja.anna@yandex.ru

Kalinskaya Anna Viktorovna

1st year master's degree student

Kemerovo State University

Assistant of the Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology FRC CCC SB RAS

e-mail: kalinskaja.anna@yandex.ru

УДК 902.2

Литейная мастерская поселения Ендырское VIII: новые материалы

М.А. Кириллова

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

Поселение Ендырское VIII находится в 71 км от г. Нягань в Октябрьском р-не ХМАО-Югры Тюменской обл. Оно расположено на левом берегу р. Ендырь, левом притоке Оби. Памятник изучается раскопками с 1999 г. до настоящего времени.

В 2021 г. на поселении Ендырское VIII был заложен раскоп XIII площадью 45,5 м². В результате работ была получена коллекция керамики среднего бронзового века, которая по функциональному назначению разделена на бытовую и технологическую [Кокшаров, 2022].

Первая группа представлена 5 стенками от предположительно 2 сосудов полымьятского типа. Фрагменты орнаментированы гребенчатым штампом и концом круглой палочки. Зубчатые оттиски расположены по тулову в виде поясков, чередуясь с глубокими наколами гребенки. В одном случае встречены параллельные ленты, также выполненные зубчатыми штампами и наколами гребенки. Посуда полымьятского типа датирована досейминским периодом бронзового века (рубеж III–II тыс. до н.э. – первая треть II тыс. до н.э.) [Кокшаров, 2015, с. 18].

К технологической керамике отнесено сопло. Оно было найдено на участке Д/2', в слое современного подзола вне каких-либо сооружений и ям. Изделие представляет собой коническую трубку длиной 76 мм с расширяющимся круглым основанием диаметром 43 мм, на котором сохранились следы воздействия высокой температуры. Продольный канал в основании фурмы имеет диаметр 16,5 мм, в противоположной части – 7 мм. В составе глиняного теста, из которого изготовлен предмет, присутствует примесь песка, слюды и дресвы (зернистая порода камня). Внешняя поверхность орнаментирована 4–5 цепочками ромбов из наколов палочки, вытянутыми по всей длине находки.

Исследователи отмечают, что, согласно региональной периодизации эпохи раннего металла (ЭРМ), в большей степени орнаментированные формы характерны для памятников ранних этапов бронзового века или досейминского времени [Стефанов, Данилова, 2013, с. 95; Кокшаров, 2015, рис. 5, 6].

На территории Западной Сибири отмечен ряд археологических памятников (Геологическое XVI, Низямы VII, Малоатлымское II городище, Пякупур-3, Нёх-Урий 3.2, 5.1, 5.2, Балинское-1), где также были найдены орнаментированные керамические сопла. Аналогично рассматриваемой форме все они датируются досейминским периодом бронзового века [Кокшаров, 2014, с. 83].

Рассмотренные находки, обнаруженные в 2021 г., могут быть связаны с литейной мастерской поселения Ендырское VIII, которая обнаружена в примерно 40 м к юго-западу от раскопа XIII. Следует отметить, что в данной производственной постройке, изученной в 2000 г., также присутствовала керамика полымьятского типа, имеющая полное сходство с выше рассмотренной. Некоторые фрагменты бытовой керамики из этого объекта (4 экз.) могли использоваться в литейном производстве. Об этом свидетельствует ошлакованная внутренняя поверхность черепков. Однако больший интерес вызывает обнаруженная в мастерской технологическая керамика, представленная фрагментами трех односторонних матриц для получения слитков-заготовок. Для них характерны толстые стенки и массивные днища. Глиняное тесто, из которого выполнены формы, имеет значительную примесь песка. На воздействие высокой температуры указывают потрескавшиеся борта емкостей [Кокшаров, Погодин, 2005, с. 105].

Литейные формы подобного облика характерны для ранних и поздних памятников полымьятского

типа бассейна р. Конды, а также встречаются в производственных комплексах Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП), время существования которой относится к периоду от середины IV тыс. до н.э. до середины II тыс. до н.э. [Кокшаров, 2005, с. 109; Черных, 1978, с. 61].

Наличие керамической фурмы на Ендырском VIII может свидетельствовать об использовании в среднем бронзовом веке на данной территории специальных теплотехнических сооружений – печей, в которых металл разогревался для литья в формы или же для последующей горячейковки [Пошехонова, Скочина, 2012, с. 41].

Керамическое сопло, происходящее из XIII раскопа, можно с большой уверенностью связать с комплексом находок из литейной мастерской поселения Ендырское VIII. Морфологический облик всей технологической керамики указывает на ее ранний возраст, что свидетельствует о хорошем знании свойств металлов древними литейщиками уже в досейминский период бронзового века. Характеристики литейных форм и получаемых в них отливок указывают на то, что в мастерской работали по технологическим схемам ЦМП.

*Научный руководитель – С.Ф. Кокшаров
д-р ист. наук, заведующий кафедрой археологии
и этнологии,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Foundry Workshop of Endyrskoye VIII Settlement: New Materials

M. A. Kirillova

The author of this research paper examines the materials of the Middle Bronze Age, obtained as a result of excavations at the settlement of Endyrskoye VIII in 2021. The article deals with the issue of dating household and technological ceramics. A detailed description of the ceramic nozzle is given, its morphological characteristics are analyzed. When comparing similar materials in Western Siberia, a conclusion is made about the early age of the ornamented nozzle. The materials of excavation XIII are compared with the foundry workshop at the same settlement, which was studied in 2000. Casting molds and other ceramics of technological purpose are considered. The characteristics of the foundries allow us to conclude that the technological schemes of the Circumpont Metallurgical Province have spread to this territory. The result of the study is the conclusion about the unity of the nozzle with the complex of finds from the foundry workshop of the Endyrskoye VIII settlement.

Keywords: Western Siberia, pre-Seima time, the Bronze Age, nozzle, the Polym'yat pottery type, metal-working.

Кириллова Мария Алексеевна

студент 2-го курса

Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

e-mail: mariakirillova217@gmail.com

Источники

Кокшаров С.Ф. Отчет о НИР: Раскопки Ендырского VIII поселения и Ендырского II могильника в Октябрьском районе ХМАО-Югры в 2021 г. // Научный архив ИИА УрО РАН. Д. № 2327. Екатеринбург, 2022. 181 с.

Список литературы

Кокшаров С.Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 47 с.

Кокшаров С.Ф. Сопла бронзового века с севера Западной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 78–87.

Кокшаров С.Ф., Погодин А.А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 100–113.

Пошехонова О.Е., Скочина С.Н. Комплекс эпохи ранней бронзы многослойного поселения Пякупур-3 в северо-таежной зоне Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 1 (16). С. 31–41.

Стефанов В.И., Данилова Е.Н. Кульгганские древности среднего Агана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2013. Вып. 11 / ред. Я.А. Яковлев. С. 84–96.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.

Kirillova Maria Alekseevna

2nd year student

Ural Federal University

named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

e-mail: mariakirillova217@gmail.com

Кельты раннего железного века на поселении Черепаша-5 (Приморье)

В.Г. Киселев

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Археологические памятники в бухте Муравьиной в районе оз. Черепашье известны еще с 1926 г. благодаря работе А.И. Разина [Разин, 1926, с. 55]. В 2011 г. в ходе разведочных работ, проводимых М.А. Якуповым, было зафиксировано 12 как известных ранее, так и вновь выявленных памятников, в том числе ОАН «Черепаша-5. Поселение». Часть поселения, попадающая в зону строительства игровой зоны «Приморье» в Артемовском городском округе, была раскопана отрядом ООО НПЦ ИКЭ под руководством С.С. Малкова в 2018 г. [Малков, 2019, с. 5].

Памятник находится в юго-западной части бухты Муравьиной, занимает перешеек высотой 8–12 м, отделяющий оз. Черепашье от побережья бухты. Его территория ограничена с запада и юго-запада поймой оз. Черепашье, с северо-запада и юго-востока – отрогами сопочных мысов, с северо-востока и востока – крутым склоном и грунтовой дорогой. Поселение частично разрушено в ходе освоения территории под строительство игровой зоны. Верхняя часть почвенных отложений была полностью уничтожена в результате подготовки площадки под строительные нужды. Мощность сохранившегося культурного слоя – темно-коричневого гумусированного суглинка – в межжилищном пространстве составила 10–20 см, в заполнении жилищ 10–50 см. В результате работ было раскопано 8 862 м², изучено 17 котлованов древних жилищ, 1 наземная постройка и 38 хозяйственных ям [Малков, 2019, с. 16]. В ходе исследования было зафиксировано три культурно-хронологических комплекса: 1) поздний неолит – зайсановская культура (3 жилища), 2) ранний железный век – янковская культура (13 жилищ), 3) раннее Средневековье – мохэская культура (1 жилище).

Коллекция материалов, найденных на памятнике Черепаша-5, содержит достаточно большое количество находок из железа (50 предметов). На сегодняшний день это самая большая коллекция железных предметов, найденных на одном памятнике янковской культуры. Основная масса железных артефактов (60 %) обнаружена в шести жилищах янковской культуры (№ 2, 4, 9, 10, 11, 13) и их межжилищном пространстве. Один кельт найден в разрушенном янковскими хозяйственными ямами зайсановском жилище. Оставшиеся 40 %

железных артефактов были найдены в раковинных кучах янковской культуры под склоном террасы в восточной части памятника. Принадлежность всех найденных металлических орудий к янковской культуре не вызывает сомнения. В условиях возросшего в последнее время интереса приморских археологов к раннему железному веку, является актуальным анализ комплекса железных артефактов, в частности предметов, относящихся к топорам-кельтам, поскольку они составляют большую часть артефактов из железа.

Под кельтом понимается металлическое рубящее орудие со втулкой на месте обуха, направленной перпендикулярно лезвию, в которую вставляется коленчатая или прямая рукоять. К категории кельтов можно отнести 22 предмета, однако только 6 из них являются целыми морфологически выраженными орудиями, остальные артефакты представляют собой обломки лезвий (8 экз.), профильных (5 экз.) и фронтальных (3 экз.) стенок кельтов. Из 6 сохранившихся кельтов 5 было найдено вне котлованов жилищ, один – в разрушенном поздне-неолитическом жилище № 5 – кельт № 358.

Типология. Исходя из морфологии орудий, можно выделить 2 типа кельтов.

1. Широкие кельты. Форма орудий – четырехугольник во фронтальной проекции, с небольшим сужением к лезвию (отношение длины к ширине 1,25 : 1,6). В профильной проекции топоры-кельты имеют легкую асимметрию – одна плоскость прямая, другая более выпуклая. Втулка четырехугольной формы без каких-либо дополнительных конструктивных элементов. На некоторых изделиях фиксируются замины кромки (инд. № 335). Толщина стенок этих кельтов варьируется в пределах 0,3–0,5 см, толщина лезвия 0,5 см. Лезвия кельтов серповидные или прямые, как правило, симметричные, за исключением кельта № 510 у которого лезвие скошено на одну сторону, что указывает на использование в качестве тесла. К этому типу относятся 4 целых орудия со следующими размерами: № 412 – 8,8 × 5,8 × 2,5 см; № 46 – 8,3 × 6,6 × 2,5 см; № 335 – 9,7 × 6,3 × 2,5 см; № 510 – 9,6 × 6 × 2,8 см. К этому же типу относятся 16 обломков кельтов.

2. Узкие кельты. Форма орудий – четырехугольник во фронтальной проекции (отношение длины к ширине не менее 2,5). В профильной проекции

кельты имеют слегка асимметричный профиль, толщина стенок составляет 0,3 см. Втулка четырехугольной формы без каких-либо дополнительных конструктивных элементов. Лезвия кельтов прямые, симметричные. К этому типу относятся 2 кельта, имеющих следующие размеры: № 358 (обломан насад) – $8,1 \times 4,5 \times 1,9$ см; № 366 (обломан насад) – $5,4 \times 3,1 \times 1,4$ см. Размеры и пропорции кельтов второго типа, вероятно, свидетельствуют об их специфическом функциональном назначении, предположительно в качестве стамесок.

Признаки эксплуатации. В вопросе определения функционального назначения рубящих орудий существует проблема их разделения на топоры и тесла. И если относительно каменных орудий на помощь приходит трасология, то при работе с железными изделиями этот метод неприменим из-за плохой сохранности поверхности кельтов в результате коррозии металла. На металлических рубящих орудиях существует 3 зоны, содержащих признаки эксплуатации: замины кромки втулки, деформация тулова и лезвия, по которым можно произвести отделение топоров от тесел [Ненахов, 2022, с. 657–659]. В рассматриваемой коллекции, несмотря на сильную коррозию железа, встречаются признаки эксплуатации кельтов, по которым можно предположить функциональное назначение орудий. Все образцы имеют серповидное лезвие, которое указывает на использование их в качестве тесел. На обломке кельта № 46 (без лезвия) наблюдается деформация тулова во фронтальной проекции в месте контакта тулова с лезвием. Это происходит в результате использования кельта в качестве тесла, поскольку при такой кинематике движений орудие деформируется в самой слабой зоне изделия [Ненахов, 2022, с. 659]. В коллекции есть орудия, сочетающие в себе признаки как топора, так и тесла. Например, кельт № 412 имеет легкие следы замятия по периметру втулки, присущие топорам, в то же время лезвие этого кельта имеет «серповидную» форму, которая, вероятно, образовалась при использовании кельта в качестве тесла [Ненахов, 2022, с. 659].

Аналогии. Широкие кельты 1 типа с поселения Черепакха-5 аналогичны по форме и размерам двум кельтам, найденными на поселении Песчаный-1 [Окладников, 1963, с. 309], девяти орудиями с поселения Малая Подушечка [Андреева, Жущиховская, Кононенко, 1986, с. 62], кельту из погребения

на Сопке Большой [Медведев, 2002, с. 144–145], кельтам с памятника Барабаш-3 [Клюев, Гарковик, 2010, с. 234–240]. Помимо этого, одна из профильных стенок (инд. № 65), относящихся к 1 типу, с памятника Черепакха-5, имеющая односторонне-выпуклую форму, аналогична профилю кельта, найденного на поселении Рязановка-2 [Батаршев, Клюев, Крутых, 2015, с. 14]. Узкие кельты 2 типа к настоящему времени на других памятниках янковской культуры не найдены.

*Научный руководитель – В.А. Дерюгин
PhD, доцент Департамента истории и археологии
Школы искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Источники

Малков С.С. Технический отчет о спасательных археологических раскопках и наблюдениях на ОАН «Черепакха-5. Поселение». 2019. 2 т. 446 л.

Список литературы

Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А. Янковская культура. М.: Наука, 1986. 216 с.

Батаршев С.В., Клюев Н.А., Крутых Е.Б. Металлические топоры-кельты раннего железного века Приморья // Дальний Восток в исторической ретроспективе и перспективе. Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2015. С. 11–14.

Клюев Н.А., Гарковик А.В. Итоги исследований памятника Барабаш-3 в Приморье в 2007–2009 гг. // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой. Владивосток: Рея, 2010. С. 224–245.

Медведев В.Е. Погребение эпохи раннего железа на Сопке Большой близ устья р. Партизанской // Традиционная культура востока Азии: посвящается 60-летию академика А.П. Деревянко. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2002. Вып. 4. С. 141–148.

Ненахов Д.А. К вопросу определения признаков эксплуатации кельтов эпохи бронзы и раннего железного века Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. XXVIII. С. 656–663.

Окладников А.П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 356 с.

Разин А.И. Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива // Советское Приморье. Владивосток, 1926. № 112. С. 55–69.

Celts of the Early Iron Age from the Settlement Cherepakha-5 (Primorye)

V.G. Kiselev

The work analyzes the complex of iron tools found on the archaeological site "Cherepakha-5. Settlement", which belongs to the Yankovskaya culture. In this work, a group of artifacts in archaeological site of 22 pieces related to the celts and their fragments was analyzed. As a result of the work, 2 types of celts were identified: 1) wide celts; 2) narrow celts. In the

collection under consideration, signs of celts exploitation are recorded, by which the functional purpose of the tools can be determined. The morphology of type 1 celts from the Cherepakha-5 site finds analogies with similar artifacts on other sites of the Yankovskaya culture: Peschaniy – 1, Malaya Podushechka, Bolshaya Sopka, Ryazanovka – 2, Barabash-3. Celts of type 2 are currently not found on other sites of the Yankovskaya culture.

Keywords: Primorye, settlement Cherepakha-5, socketed ax-celt, Early Iron Age, Yankovskaya archaeological culture, paleometall.

Киселев Виктор Геннадьевич

магистрант 1-го года обучения
Дальневосточный федеральный университет
лаборант отдела НИР НПЦ ИКЭ
e-mail: viktor.99.10@mail.ru

Kiselev Viktor Gennadievich

1st year master's degree student
Far Eastern Federal University
Laboratory assistant of the Research Department RPS
of HCE
e-mail: viktor.99.10@mail.ru

УДК 902.26

Ландшафтные особенности поселений бронзового века в Лесостепном Алтае

А.О. Коробейникова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

На территории лесостепного Алтая в эпоху бронзы выделяется несколько археологических культур: елунинская, андроновская, ирменская, корчажнинская и саргаринско-алексеевская. Актуальной проблемой является изучение ландшафтных особенностей поселений этих культур, реконструкция природно-климатических особенностей и хозяйственной деятельности.

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей месторасположения поселений бронзового века в Лесостепном Алтае. Проживающее на данной территории население преимущественно занималось многоотраслевым хозяйством, основу которого составляло скотоводство, второстепенную роль играли охота и рыболовство, об этом свидетельствуют многочисленные данные археологии. Как следствие, поселения расположены в тех ландшафтно-географических зонах, которые были наиболее благоприятны для ведения хозяйственной деятельности населения. Как правило, все поселения эпохи бронзы так или иначе привязаны к воде – расположены у берегов рек или же крупных водоемов.

На сегодняшний день известно уже более 100 поселений эпохи бронзы, причем многие из них являются многослойными. Интенсивность освоения районов на разных культурно-хронологических этапах была неодинакова. Это может быть связано с несколькими причинами: смена хозяйственной деятельности, изменение климата, внешние угрозы, истощение локальных природ-

ных ресурсов. В период ранней бронзы на территории лесостепной зоны Алтайского края климат изменился в сторону значительного и длительного потепления, а его температурный режим установился примерно на современном уровне [Очерки..., 1995, с. 63–71]. Однако уровень влагонесущих воздушных масс повышается и равнинные территории получают меньше осадков. Это поспособствовало переходу от влажного к более сухому климату.

В этот период носители елунинской культуры располагали свои поселения в нескольких ландшафтно-географических зонах. К первой зоне относятся памятники, расположенные на кромках ленточных боров (Ненашево I–III, Вал-Кордон I, III, Алексеевка I, Перешеечное I, III, VII, Новогорьевка I) по берегам оз. Горько-Перешеечное и близлежащих водоемов. Поселения занимают мысовидные участки и песчаные дюны.

Ко второй зоне относятся поселения «Иткульского комплекса» (археологические памятники расположены в Зональном р-не вдоль берегов озер Малый и Большой Иткуль), расположенные в лесной области (Костенкова Избушка, Озерки Восточные, Коровья Пристань I–III, Дергач, Ляпустин Мыс, Шорникова Грива, Корчажка I, V, Малый Иткуль II, III). Как правило, поселения расположены на выступах и мысовидных участках берега высотой 1–3 м над урезом воды (занимают нижние надпойменные террасы), на оконечностях и небольших участках гривы высотой 3–4 м над урезом воды,

местами высота доходит до 12–14 м над урезом воды, и на песчаных дюнах по кромке ленточных боров. К третьей зоне можно отнести памятники, расположенные в степных участках и занимающие пойму реки (Березовая Лука) и нижнюю надпойменную террасу (Боровое III). К четвертой зоне – памятники, расположенные в предгорных участках, занимающие нижние надпойменные террасы (Колыванское I).

В периоды развитого и заключительного этапов эпохи бронзы вновь произошли климатические изменения, оказавшие значительное влияние на всю систему жизнедеятельности древних обществ Западной Сибири и прилегающих территорий. На рубеже II–I тыс. до н.э. климат сменился на более влажный и холодный и оставался таким до VIII–VI вв. до н.э. [Очерки..., 1995, с. 80–89]. Данный процесс привел к миграции вглубь степей лесостепного населения.

В период развитой бронзы на территории лесостепного Алтая проживало население андроновской культурной общности, которое размещало свои поселения в предгорной зоне, в верховьях Алея, Чарыша, Чумыша и низовьях Бии. Археологические памятники располагаются на вторых надпойменных террасах, которые тогда, видимо, являлись берегами рек (Большой Лог I, Советский Путь I). В степной зоне и в лесостепном Верхнем Приобье андроновские поселения находятся в поймах рек, стариц, на береговых террасах, чаще сложенных из песка, или склонах террас (Фирсово XV) – на берегу реки на нижних надпойменных террасах.

Позднебронзовые поселения ирменской и корчажкинской культур занимают в основном правую и отчасти левобережное Алтайское Приобье. Они расположены на границе Приобского бора и обской поймы (Заковряшино I, Цыганкова Сопка, Фирсово XVII). Большая часть поселений «привязаны» к р. Оби и устьевой части ее притоков (Чекановский Лог). Реже встречаются памятники по обским притокам выше по их течению от устья [Шамшин, 2005, с. 149–153]. Поселения корчажкинской культуры встречаются на «Иткульском комплексе». Памятник Корчажка V занимает участок гривы на южном берегу оз. Большой Иткуль. Как правило, памятники занимают береговые террасы, сложенные из песка, либо углублены в боровые зоны. Корчажкинские поселения занимают преимущественно районы правобережья и связаны с обской системой и правобережным обским бором. А ирменские в первую очередь – участки с широкой обской поймой [Шамшин, 2004, с. 105].

Поселения саргаринско-алексеевской культуры также локализуются на границе степи с ленточ-

ными борами и лесостепью и у пойм рек древнего стока при обязательном наличии рядом водоема (озера, протоки, реки, болота) (Жарково III, Рублево VI) [Папин, Федорук, 2005, с. 148–149]. Поселения саргаринской культуры расположены к поймам рек Бурлы (Новоильинка) или Кулунды (Жарково I, III), либо к озерным террасам и песчаным гривам на берегах озер, чаще всего при впадении в само озеро или его залив небольшого водотока (Рублево VI, Калиновка II, Курейка III, Гусиная Ляга).

Археологические памятники культур, как уже было сказано выше, располагаются в наиболее удобных, с точки зрения хозяйственной деятельности, территориях. Поскольку ведущей отраслью хозяйства у населения Лесостепного Алтая в эпоху бронзы являлось скотоводство, это было определяющим обстоятельством для размещения поселений. Однако специализация населения одной культурной общности на различных видах хозяйственной деятельности (охота, рыболовство, металлургия) и «внешнеполитическая» обстановка являются главенствующими факторами в выборе месторасположения поселений с ландшафтными особенностями. Так, елунинское население в виду большего процента скотоводства в хозяйственной отрасли и значительной части охоты занимает преимущественно степные ландшафтные зоны. В свою очередь население средней и поздней бронзы ввиду ухудшения климата и соответственно изменения ландшафта перемещается к поймам наиболее крупных рек в преимущественно степные зоны.

*Научный руководитель – С.П. Грушин
д-р ист. наук, доцент, профессор
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 1. Кн. 1. Поселения и жилища. 485 с.

Папин Д.В., Федорук А.С. Хозяйственно-культурный центр эпохи поздней бронзы Рублево VI // Археологические исследования степной Евразии. Караганда: TENGRI Ltd, 2013. С. 129–149.

Шамшин А.Б. Микрорайоны эпохи поздней бронзы в лесостепном Барнаульском Приобье и Кулундинской степи // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2004. С. 101–108.

Шамшин А.Б. Некоторые проблемы изучения памятников эпохи поздней бронзы в лесостепном и Обь-Иртышском междуречье // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 149–155.

Landscape Features of Bronze Age Settlements in the Forest-Steppe Altai

A.O. Korobeynikova

Several archaeological cultures lived on the territory of the forest-steppe Altai in the Bronze Age: Eluninskaya, Andronovskaya, Irmenskaya, Korchazhkinskaya, Sargarinsko-Alekseevskaya. To date, more than 100 settlements of the Bronze Age are known. As you know, the ancient population located their settlements in the places most favorable for economic activity. Landscape features of settlements are mainly determined by climatic, economic and foreign policy factors. Based on the analysis of settlements, landscape and geographical zones of their location were identified: ribbon boron, forest, steppe and foothills. The presence of a diversified economy and its specialization among the population of the Bronze Age explains the placement of settlements of each culture in several landscape zones.

Keywords: Archaeology, Bronze Age, settlements, landscape, climate, economy.

Коробейникова Анна Олеговна

студент 4-го года обучения

Алтайский государственный университет

e-mail: korobeynikova_2001@inbox.ru

Korobeynikova Anna Olegovna

4th year student

Altai State University

e-mail: korobeynikova_2001@inbox.ru

УДК 903.2

Кентский псалий и его тшинецкие аналогии*

Д.О. Котелевец

Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

Во второй половине II тыс. до н.э. в Центральном Казахстане сформировались поселения протгородского типа, представленные значительным количеством престижного инвентаря из кости и рога, в т.ч. псалиев. Особенно показательной стала находка псалия из рога в культурном слое ремесленного квартала поселения Кент. Этот участок в публикациях позиционируется как поселение Алат [Евдокимов, Жауымбаев, 2007; Евдокимов и др., 2015; Жауымбаев и др., 2017; Жауымбай, 2020]. Однако, топография (Кент и Алат разделяет только небольшой ручей), керамика валикового типа, схожие типы металлического и костяного инвентаря дают основания считать эти два пункта одним археологическим памятником [Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014]. Среди предметов конского снаряжения выделяется роговой изогнутый стержневидный псалий (см. *рисунок*). Псалий неоднократно публиковался [Жауымбаев и др., 2017, с. 25; Жауымбай, 2020, с. 834].

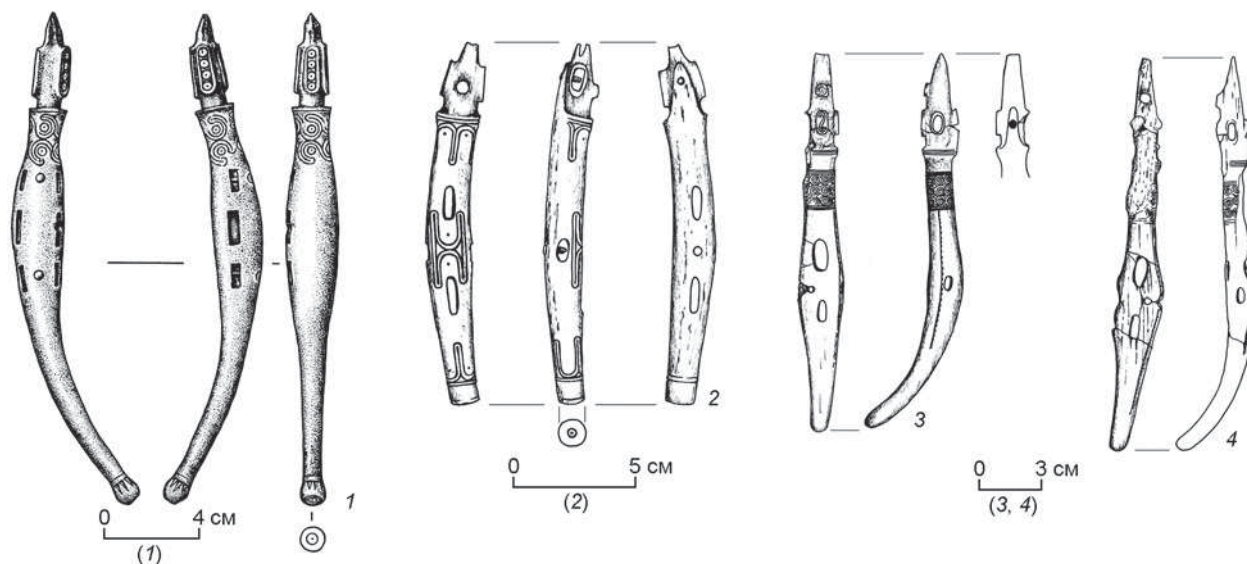
Ниже приводится описание псалия, несколько отличающееся от опубликованных (см. *рисунок*). Псалий изготовлен из рога и, повторяя его форму, изогнут. Длина предмета 20,3 см. В верхней части вырезана коническая цапфа длиной 3,9 см с тремя зубьями, напоминающими шпонки. Зубья цапфы размерами 20 × 7 мм, 19 × 7 мм, 19 × 7 мм, высота зубьев 3 мм. Края зубьев овальные и на каж-

дом циркулем прочерчены по четыре окружности диаметром 3 мм. Корпус псалия отделен круглым выступом, что подчеркнуто резной линией. Ниже выступа циркулем нанесен спиральный орнамент в виде двух поясков волнитообразных завитков с «глазками». Средняя часть псалия овальная, утолщенная, сечением 21 × 18 мм. Здесь вырезаны три сквозных прямоугольных отверстия размерами (сверху вниз) 9 × 3 мм, 14 × 4 мм, 9 × 3 мм. Крайние отверстия пронизаны двумя костяными штифтами со шляпками диаметром 5 и 4 мм. В этих отверстиях крепились налобный и нащечный ремни, а в среднем – ремень поводьев. К нижнему окончанию псалий истончается и завершается митровидным утолщением, украшенным мелкими треугольниками, обращенными вниз. На торце псалия нанесена окружность диаметром 4 мм.

В публикациях этого псалия не совсем ясны стратиграфические обстоятельства находки. На поселении Алат получены ¹⁴C-даты по углю 3 172 ± 26 и 3 120 ± 27 л.н. [Жауымбай, 2020, с. 828].

Удивительно похожие псалии найдены в парном погребении лошадей в могильнике у с. Гусятина в Западной Украине. Гусятинские псалии радиоуглеродным методом датированы XV в. до н.э. [Makagowicz et al., 2022]. Конструктивные особенности, декор, близкие хронологические рамки бытования казахстанского и украинских псалиев свидетельствуют

*Работа выполнена при поддержке гранта AP09261083 «Транскультурные коммуникации в эпоху поздней бронзы (Западная Сибирь – Казахстан – Центральная Азия)» КН МНВО РК.

Псалии.

1 – поселение Кент, 2–4 – из Гусятина.

о распространении на огромные расстояния общих типов вещей и идей в период поздней бронзы.

*Научный руководитель – В.В. Варфоломеев
канд. ист. наук, профессор,
Карагандинский университет им. академика
Е.А. Букетова*

Список литературы

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.

Евдокимов В.В., Жауымбаев С.У. Раскопки на поселении эпохи бронзы Алат в 2005 г. // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007. С. 123–132.

Евдокимов В.В., Жауымбаев С.У. Горизонт железозаварочных горнов производственной площадки поселения Алат эпохи поздней бронзы // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сб. научных статей, посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. Алматы, 2013. С. 228–237.

Евдокимов В.В., Жауымбаев С.У., Кукушкин А.И., Шохатаев О.С. Археологические исследования на поселениях поздней бронзы Алат в 2014 году // Научное и творческое наследие академика Е.А. Букетова: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Е.А. Букетова: Караганда, 2015. Т. 2. С. 401–408.

Жауымбаев С.У., Евдокимов В.В., Кукушкин А.И., Шохатаев О.С., Дмитриев Е.А. Путеводитель для этнотуристических маршрутов «по следам древних скотоводов и металлургов каркаралинско-кентского горного массива». Караганды, 2017. 44 с.

Жауымбай С.У. Начало освоения железа в Казахских степях в эпоху поздней бронзы (производственно-металлургический центр Алат в Сарыарке) // Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay. 2020. № 6 (2). С. 820–841.

Makarowicz P., Ilchyshyn V., Pasicka E., Makowiecki D. An Elite Bronze Age Double-Horse Burial from Western Ukraine and the Chariot Package Dissemination // J. of field Archaeology. doi:10.1080/00934690.2022.2143630.

The Kentish Psalm and its Tshinets Analogies

D.O. Kotelevets

From the settlement of Kent, belonging to the Begazy-Dandybayev (Sargarin-Alekseevskaya) culture, there is a horn psalm, in many respects close to the psalms found in the paired burial of horses in the burial ground near the village of Gusyatin in Western Ukraine. The design features, decor, and the close chronological framework of the existence of Kazakh and Ukrainian psalms indicate the spread over vast distances of common types of things and ideas during the Late Bronze Age, which was possible as a result of indirect and direct contacts.

Keywords: Central Kazakhstan, Western Ukraine, Bronze Age, horn psalms, contacts.

Котелевец Диана Олеговна

студент 2-го курса
Карагандинский университет им. академика
Е.А. Букетова
e-mail: d.kotelevets@bk.ru

Kotelevets Diana Olegovna

2nd year student
Karaganda University named after Academician
E.A. Buketov
e-mail: d.kotelevets@bk.ru

Морфологический анализ каменных наконечников стрел могильника бронзового века Туаханэ IX (оз. Байкал)

М.Р. Купянская

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Реконструкция хозяйственной деятельности является одной из главных задач в исследовании древних культур любого региона. Одним из основных направлений в жизнеобеспечении населения неолита и бронзового века Прибайкалья являлась охота, с которой непосредственно связаны наконечники стрел. Цель предлагаемого исследования – провести морфологический анализ каменных наконечников стрел из погребений бронзового века могильника Туаханэ IX, расположенного на одноименном мысе северо-западного побережья залива Мухор Малого моря оз. Байкал, в 5,2 км к СВ от с. Шара-Тогот (Иркутская обл., Ольхонский р-н).

Раскопки проведены отрядом Российско-Канадской археологической экспедиции Иркутского государственного университета (проект НИЦ «Байкальский регион» ИГУ и Отдел антропологии Университета Альберта, г. Эдмонтон) в 2019–2022 гг. (О.И. Горюнова, А.Г. Новиков). За все годы исследования было вскрыто 20 погребений бронзового века (большинство из них нарушены в древности) [Горюнова, Новиков, Вебер, 2022], в 11 из которых обнаружены наконечники стрел. Все погребения располагались под каменными надмогильными сооружениями овальной или округлой формы. Труположение покойных – вытянутое, на спине, головой на ЮЗ (исключение составляет двойное погребение № 20, где ноги покойных были согнуты в коленях). Сопроводительный инвентарь включал изделия из металла (медь, бронза), украшения из светлого нефрита, топоры, тесла и ножи из зеленого нефрита, разнообразные орудия из кости и камня. В числе последних – наконечники стрел, которые насчитывают 103 экз. (99 целых и 4 обломка). По разнообразию форм и количеству выделяется погребение № 9, в котором обнаружено 42 наконечника стрел.

При морфологическом анализе наконечников стрел нами рассматривались: форма пера и насада, размеры, обработка изделия и использованное сырье.

По форме пера на могильнике преобладают наконечники подтреугольной формы (53 экз.); в меньшем количестве – листовидные (35 экз.). Встречаются ромбовидные (9 экз. из погр. № 20) и ланцетовидные (2 экз. из погр. № 8 и 9) наконечники стрел.

Наконечники подтреугольной формы преимущественно с прямой базой (27) и вогнутой с симметричными шипами (13). Немногочисленные группы составляют орудия со слегка вогнутой базой (4), с выпуклой и слегка выпуклой базой (2) и черешковые наконечники (7).

У листовидных наконечников преобладает прямая база (15) и вогнутая база с симметричными шипами (8). В меньшем количестве встречены: выпуклая и слегка выпуклая база (5/2), слегка вогнутая (4) и вогнутая с асимметричными шипами (1).

Сравнительный анализ размеров наконечников стрел дает весьма любопытные результаты. Преобладают наконечники стрел размерами 18–29 × 7–23 мм (71 экз.). Выделяются наконечники большего размера 30–49 × 9–21 мм (16 экз.) и меньшего размера 10–17 × 7–14 мм (12 экз.). В рамках отдельно взятого погребения встречаются разновеликие наконечники. Подобная тенденция прослеживается и в отдельных скоплениях инвентаря.

По материалу, из которого изготовлены наконечники стрел, выделяются кремневые породы, представленные преимущественно яшмоидами (89 экз.). Реже встречаются изделия из кварцита (6 экз.), сланца (2 экз.) и халцедона (2 экз.).

Для наконечников стрел бронзового века могильника Туаханэ IX характерна бифасиальная обработка, которая отмечена в 75 случаях. Встречаются наконечники, обработанные сплошной ретушью с одной стороны и краевой – с другой (24 экз.). Практически в каждом погребении встречаются наконечники с зубчатой ретушью.

В целом, на основе проведенных исследований установлено, что наконечники стрел являлись обязательным сопроводительным инвентарем для захоронения значительной части взрослых людей (в 11 погр. из 24 могил бронзового века), являющихся основными добытчиками пищевых ресурсов. В основном на одно погребение приходилось от 1 до 7 наконечников: в 4 погребениях их количество от 11 до 42 экз. (погр. № 10, 20, 5, 9).

Морфотехнологический анализ наконечников стрел позволил выделить ряд характерных признаков. Установлено, что при изготовлении наконечников стрел из погребений бронзового века могильника Туаханэ IX преобладает бифасиальная обработка. В ряде случаев отмечена сплошная

ретушь, нанесенная по одному фасу, и краевая – по второму. Часто встречается зубчатая ретушь. В ходе исследования определены три группы основных параметров наконечников стрел. Преобладают наконечники стрел размерами в пределах 18–29 × 7–23 мм.

Выявлено разнообразие форм наконечников стрел. Из них преобладают подтреугольные с прямой базой; в меньшем количестве – наконечники с вогнутой базой и симметричными шипами. В единичных случаях обнаружены изделия с выпуклой базой и черешковые. Подобная тенденция отмечена и среди наконечников листовидной формы. Отмечено, что ромбовидные наконечники зафиксированы только в погребении № 20, которое отличалось от остальных захоронений помещением покойных в могиле (на спине, с согнутыми ногами).

Выявленные на могильнике Туаханэ IX морфологические особенности наконечников стрел аналогичны материалам из крупных некрополей бронзового века Приольхонья: Хужир-Нугэ XIV, Курма XI, Улярба и др. [Древние погребения ..., 2004; Новиков, Вебер, Горюнова, 2010; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012]. В дальнейшем планируется провести более детальное сравнение наконечников

стрел между этими могильниками; проведение тра- ссологических исследований и изучение их балли- стических свойств.

*Научный руководитель – А.Г. Новиков
канд. ист. наук, доцент,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Горюнова О.И., Вебер А.В., Новиков А.Г. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2012. 144 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Новые материалы по бронзовому веку Приольхонья (могильник Туаханэ IX) // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 118–120.

Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл) / О.И. Горюнова, А.Г. Новиков, Л.П. Зяблин, В.И. Смотров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 87 с.

Новиков А.Г., Вебер А.В., Горюнова О.И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 296 с.

Morphological Analysis of Stone Arrowheads from the Bronze Age Burial Ground of Tuakhane IX (Lake Baikal)

M.R. Kupianskaia

The article presents the results of a study of the morphological features of stone arrowheads found in the Bronze Age burials of the Tuakhane IX burial ground, located on the coast of the Little Sea of Lake Baikal. The materials of 99 arrowheads from 11 burials are the basis. It has been established that arrowheads were the obligatory accompanying inventory for the burial of a significant part of the adult population. The characteristic features of these tools are revealed: in shape, processing technique, size and raw materials used. The morphological features of arrowheads found at the Tuakhane IX burial ground are similar to materials from large Bronze Age cemeteries in the Olkhon region: Khuzhir-Nuge XIV, Kurma XI, Ulyarba, etc. In the future, it is planned to conduct a more detailed comparison of arrowheads between these burial grounds; carrying out trace studies and studying their ballistic properties.

Keywords: Lake Baikal, Bronze Age, Tuakhane IX, morphological analysis, arrowhead, burial ground.

Купянская Мария Романовна

студент 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: mariaklinskaya@yandex.ru

Kupianskaia Maria Romanovna

2nd year student

Irkutsk State University

e-mail: mariaklinskaya@yandex.ru

Медицинские инструменты эпохи бронзы Западной Сибири

Е.Б. Мальцева

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

А.О. Наглер в своей работе «О наличии медицинских инструментов у населения Евразии в эпоху раннего железа (к постановке проблемы)» [2013] рассматривает проблему наличия специалистов в медицинском деле, а также медицинских инструментов в эпоху раннего железа у кочевого населения. Данная работа не только подняла вопрос о хирургическом деле в древности, но и вызвала интерес ученых к этой теме. При сравнении находок из Минусинской котловины с инструментами из медицинских наборов римских врачей можно сделать вывод о достаточно хорошей развитости хирургического инвентаря кочевников. Неясно, заимствован был этот хирургический набор в готовом виде с территории государств античного мира или является продуктом местного развития. Анализ металлического инвентаря культур эпохи бронзы Западной Сибири, позволил выделить две категории предметов (ланцеты и пинцеты), которые можно интерпретировать как хирургические.

Ланцеты. Наиболее ранние образцы из известных нам ланцетов относятся к позднекротовской (черноозерской) культуре и датируются второй четвертью II тыс. до н.э. Нами учтено 2 экз. Оба они были найдены в районе пояса погребенных взрослых мужчин в могилах № 140 и 147 могильника Черноозерье-1 [Генинг, Стефанова, 1994, рис. 23, 26].

Два ланцета известны в материалах ирменской культуры. Бронзовый ланцет найден в погр. 1 кург. № 3 могильника Милованово-1. Инструмент изготовлен из круглого стержня и имеет прямое обоюдоострое лезвие ромбического сечения [Новикова, 1995, рис. 5, 15]. Второй ланцет обнаружен в могильнике Преображенка-3 (кург. 23, погр. 3). Он имеет круглый проволоочный стержень, на конце раскован в обоюдоострое лезвие и тщательно заточен с обеих граней [Молодин, 1985, рис. 63, 4].

При сравнении ланцетов эпохи бронзы с ланцетами эпохи раннего железа можно заметить их важное отличие — наличие кольца у ланцетов эпохи раннего железа на одном из концов. Можно предположить, что оно могло выполнять дополнительные медицинские функции, что свидетельствует об усложнении инструментария. Также в эпоху раннего железа появляются инструменты, у которых заточенный конец находится под углом к основанию, что также является усовершенствованием инструмента.

Пинцеты. В памятниках эпохи бронзы Западной Сибири нами выявлены три экземпляра: два найдены в памятнике Сопка-2 и один — в могильнике Еловском II.

В мог. № 5 кург. № 52 Еловского II могильника пинцет лежал в области груди мужчины 50–80 лет. Он представлял собой плоскую бронзовую пластину, изогнутую пополам. Концы пинцета сильно расплющены [Матюшенко, 2004, рис. 418, 23]. Аналогичный пинцет встречается на памятнике Сопка-2, кург. 31, погр. 4 [Молодин, 1985, рис. 31, 14]. Он также имел широкие расходящиеся концы секирообразной формы. Расширенные концы этих двух пинцетов приблизительно составляют 3–4 см, что должно сильно затруднять их использование в чисто медицинских целях.

Второй пинцет с Сопки-2 (кург. 31, погр. 5) имеет своеобразную форму. Концы лезвий чуть загнуты вовнутрь. Подобные пинцеты известны на ряде памятников эпохи поздней бронзы Центрального Кавказа, где они бытуют в комплексах некоторых культур в пределах XIII–X вв. до н.э. [Молодин, 1985].

Все пинцеты представляют собой бронзовые пластинки, загнутые вдвое, с овальным закруглением на месте изгиба для придания инструменту необходимой упругости при использовании. Однако рассматривая инструментарий с Сопки-2 мы видим «кольцевое» схождение на месте изгиба с дальнейшим увеличением расстояния между ножками пинцетов.

В эпоху бронзы медицинские инструменты чаще всего были многофункциональными и использовались в быту. Например, ряд исследователей склонны считать, что пинцеты использовались в швейном деле или в металлургическом производстве при отливке небольших изделий. Существует мнение, что пинцеты могли являться инструментами для выдергивания волос.

Исследуемые нами категории медицинских инструментов имеют большое количество аналогий разных эпох и территорий. А.О. Наглер при сравнении территориально и хронологически удаленных друг от друга находок утверждает, что само функциональное предназначение подобного инструментария диктуется его форму и размеры. Следовательно, возникновение аналогов инструментов может не зависеть от контактов с другими народами. Мы также видим усложнение медицинского

инструментария, следовательно, можно предположить, что определенное развитие простейших инструментов проходило на местной основе.

*Научный руководитель – И.А. Дураков
канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной
и всеобщей истории,
Новосибирский государственный педагогический
университет*

Список литературы

Генинг В.С., Стефанова Н.К. Черноозерье-1 – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1994. 67 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. Ч. 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. 468 с.

Молюдин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Наглер А.О. О наличии медицинских инструментов у населения Евразии в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 337–351.

Новикова О.И. Могильник ирменской культуры Милованово-1 // Археология вчера, сегодня, завтра: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1995. С. 41–51.

Medical Instruments from the Bronze Age in Western Siberia

E.B. Maltseva

The article deals with the findings of bronze medical instruments of the Late Krotovo (Chernoozerskaya) and Irmen cultures, dating back to the Developed and Late Bronze Age. We considered two types of tools, which include lancets from the burial grounds Chernoozerye-1, Milovanovo-1, Preobrazhenka-3, and pincers, found in the monument Sopka-2 and burial ground Elovsky-II. The medical instruments within each type have analogies both with each other and with the medical instruments of other periods. However, clear differences can be seen, on the basis of which it is possible to speak of the refinement of medical instruments in the subsequent Early Iron Age. In the work, comparing the medical instruments of the Bronze Age with the instruments of the Early Iron Age, we tried to determine whether this medical set was borrowed ready-made from the territory of the states of the ancient world or was a product of local development.

Keywords: West Siberia, Late Bronze Age, Late Krotovo (Chernoozerskaya) and Irmen cultures, medical instruments.

Мальцева Екатерина Борисовна

студент 2-го курса

Новосибирский государственный педагогический университет

e-mail: katay.malceva7800@gmail.com

Maltseva Ekaterina Borisovna

2nd year student

Novosibirsk State Pedagogical University

e-mail: katay.malceva7800@gmail.com

УДК 902.652/903.7

Характеристики таштыкских поминальных комплексов*

А.К. Мамаева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Первые раскопки небольших ям со стелами и тризнами произвел в 1895 г. А.В. Адрианов у г. Минусинска. Но до середины XX в. подобные объекты не были отнесены к отдельному типу памятников, сложилось представление, что таштыкские поминальные комплексы отличаются относительной внешней простотой и малой информативностью. В ходе масштабных исследований территорий, входящих в зону затопления Красноярского водохранилища, были обнаружены стелы, небольшие ямы с керамикой и костями жи-

вотных. Это позволило уточнить характеристики поминальных комплексов и наметить направления и проблематику дальнейших исследований [Кызласов И.Л., 1975; Грязнов, 1979, с. 141–144; Вадецкая, 1999, с. 117–118; Худяков, 2000, с. 70–72].

Типологически близкие погребальные памятники были открыты С.В. Киселевым в конце 1930-х гг. при раскопках могильника Уйбат II. Он описал погребальные объекты как «квадратные в плане курганчики», под которыми расположены могиль-

*Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

ные ямы с деревянным перекрытием и кальцинированными костями. По мнению С.В. Киселева, они «особенно сближаются с кыргызскими», но одновременно обнаруживают и «ближайшее родство с классическими таштыкскими памятниками». Позднее Л.Р. Кызласов в рамках таштыкской культуры выделил ее поздний этап. Он назвал его камешковским и включил в него погребения под каменными выкладками, раскопанные в разное время [Кызласов Л.Р., 1969].

В ходе раскопок комплекса памятников у г. Тепсей М.П. Грязновым было выявлено более 65 объектов, представлявших собой вертикально вкопанные каменные стелы. В 47 случаях рядом с ними были зафиксированы небольшие земляные ямы с остатками мясной пищи и сосудами. Поскольку останков захоронений обнаружено не было, М.П. Грязнов предположил, что они сооружались соплеменниками при совершении поминальных действий. Помины М.П. Грязнов характеризовал следующим набором признаков: «...вертикально поставленный камень (плита), а перед ним, к северо-востоку от него, ямка и в ней горшок и кости домашнего животного, чаще всего овцы» [Грязнов, 1979, с. 141].

Э.Б. Вадецкая в монографии, посвященной таштыкской культуре, отдельно рассмотрела вопрос о поминках под каменными выкладками. Опираясь на сведения из отчетов С.В. Киселева и Л.Р. Кызласова, она отметила, что в 16 из 33 захоронений камешковского этапа никаких следов погребения, в т.ч., кремации, не было. По мнению Э.Б. Вадецкой, С.В. Киселев и Л.Р. Кызласов ошибочно посчитали могилами поминальные сооружения, характерные для всех этапов существования таштыкской культуры [Вадецкая, 1999, с. 117–118].

В середине 1990-гг. С.В. Панковой рассматривался вопрос об определении памятников камешковского этапа. Было отмечено, что типологические различия поминов (стел и каменных выкладок) могут быть связаны с локальными вариантами развития культуры. По ее мнению, «камешковские» выкладки могли сооружаться не только на позднем этапе таштыкской культуры, но и на всем протяжении ее существования [Панкова, 1996, с. 42–43].

А.И. Поселянин представил краткую характеристику основных признаков поминальных памятников, являющихся «овеществленным результатом» поминального ритуала. Составной частью поминального обряда является выбор места сородичами для проведения жертвенного пиршества и размещения тризны усопшим. Поминальник, как правило, формировался уже после сооружения склепа и занимал вторичное место на площади могильника [Поселянин, 2009, с. 168–174].

Анализ таштыкских памятников позволил выделить три принципа планиграфической организации поминов: «рядная» планировка – со структурированием объектов в ряды; «свободная» – с отсутствием какой-либо видимой системы планировки; «смешанная», или «комбинированная», включавшая элементы двух первых. Меньше четверти всех изученных поминальников имели свободную планировку ямок друг относительно друга. Наблюдения о способах организации ямок на площади поминальных сооружений показывают, что наиболее ранние объекты располагались в несколько рядов по направлению от склепа к периферии.

На дне ямок в качестве поминальной тризны уложено мясо жертвенных животных и поставлена жидкая пища в глиняной посуде. Мясная пища представлена 1-2 конечностями и частью осевого скелета овцы или коровы. Глиняная посуда пяти типов, выделенных по основным формам: банки, горшки, миски, кубки, фляги с разнообразным орнаментом, типичным для позднего этапа таштыкской культуры [Поселянин, 2009].

В июле 2021 г. Сагайским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены археологические полевые работы на ОАН «Курганный могильник Сагайская протока-8» в Аскизском р-не Республики Хакасии под руководством О.А. Митько и А.А. Тимощенко.

На площади памятника было зафиксировано несколько скоплений камней (каменных кладок) из плит разного размера и плиток песчаника, а также отдельно лежащих блоков рваного камня.

Выявленные каменные конструкции получили наименование «объектов». Всего таких объектов было выделено 24. Типологически они были разделены на 3 группы.

Группа 1 (объекты 1, 7, 15, 16, 19, 20). Грунтовые ямы подпрямоугольной в плане формы, перекрытые каменной кладкой. На дне ям помещалась мясная пища – кости овцы или коровы и глиняная посуда.

Группа 2 (объекты 4, 6, 8, 13). Представлена небольшими подпрямоугольными или округлыми в плане грунтовыми ямами без каменного перекрытия, с фрагментами вертикально установленных деревянных столбиков. В заполнении ям фиксируется забутовка из плит песчаника.

Группа 3 (объекты 3, 5, 10, 11, 12, 14). Представлена небольшими грунтовыми ямами без каменного перекрытия, форма округлая или подпрямоугольная в плане. В заполнении ям фиксируется только забутовка из плит песчаника.

По планиграфическим особенностям и составу инвентаря объекты можно отнести к поминальным сооружениям таштыкской культуры. Радиоуглеродное датирование образцов костей животных показало,

что календарная дата для объекта № 16 составляет 1574 ± 35 л.н., календарный возраст 420–566 гг. н.э. Для объекта № 19 календарная дата 1352 ± 35 л.н., календарный возраст 637–708 гг. Для объекта № 20 календарная дата 1614 ± 33 л.н., календарный возраст 406–546 гг. Для объекта № 21 календарная дата 2201 ± 36 л.н., календарный возраст 380–169 гг. до н.э. Полученные даты синхронизируются с датировкой таштыкских объектов могильника Маркелов Мыс II, на котором календарный возраст деревянного перекрытия кургана № 164 составляет 440–620 гг. (1σ) и 440–640 гг. (2σ). В историческом контексте подобные поминальные объекты могут быть отнесены к финальной стадии таштыкской культуры и началу распространения культуры енисейских кыргызов, памятники которых ранее VII в. практически не выявлены [Митько, 2006, с. 167]. Полученные даты подтверждают существование камешковского этапа и позволяют актуализировать проблему выделения поминальных сооружений с каменными перекрытиями ям и вертикально установленными стелами, как каменными, так и деревянными, на протяжении всего существования таштыкской культуры.

*Научный руководитель – О.А. Митько
канд. ист. наук, доцент кафедры археологии
и этнографии,
Новосибирский государственный университет*

Characteristics of Tashtyk Funeral Complexes

A.K. Mamaeva

This article discusses the features of the memorial structures of the Tashtyk population. There are several controversial points of view about the nature of the pits with commemoration. Also, the exact dates of the existence of Tashtyk commemorations have not yet been established. The article discusses the work on the monument «Sagay channel-8», which was carried out in July 2021 by the Sagay detachment of the IAET SB RAS. Later, for dating, samples of animal bones were taken from objects of the 1st group in order to establish the time of the erection of the monument. After dating, the dates of erection of the memorials were obtained. Based on the obtained results, the objects belong to the Kameshkovsky stage of the Tashtyk archaeological culture. These conclusions confirm the assumption that commemorations were erected throughout the existence of the Tashtyk archaeological culture.

Keywords: Tashtyk culture, funeral memorials, funeral rite, funeral objects planigraphy, funeral feast, sacrificial set, radiocarbon dating.

Мамаева Александра Константиновна
магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: a.mamaeva@g.nsu.ru

Список литературы

- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. СПб., 1999. 440 с.
- Грязнов М.П.** Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 89–146.
- Кызласов И.Л.** Поминальные памятники таштыкской культуры // СА. 1975. № 2. С. 30–47.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в Средние века. М.: Моск. гос. ун-т, 1969. 141 с.
- Митько О.А.** Таштыкские погребения по обряду трупосожжения под каменными выкладками (по материалам раскопок могильника Маркелов Мыс II) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 166–168.
- Поселянин А.И.** Поминальный обряд Таштыкской культуры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 168–174.
- Панкова С.В.** О памятниках «камешковского» этапа таштыкской культуры // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 41–44.
- Худяков Ю.С.** Таштыкский поминальник у горы Тепсей // Хакасия: история и современность: Учен. зап. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Новосибирск, 2000. Вып. 21. С. 49–73.

Mamaeva Aleksandra Konstantinovna
2nd year master's degree student
Novosibirsk State University
e-mail: a.mamaeva@g.nsu.ru

Проблематика изучения гончарных мастерских в Казахстане в эпоху поздней бронзы*

С.В. Мельник

Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

Керамика – один из самых часто встречающихся материалов на археологических раскопках поселений, могильников, курганов эпохи бронзы. Керамика дает множество ценной информации о носителях какой-либо определенной культуры, с ее помощью можно дать датировку и идентифицировать археологические культуры по каким-то выраженным признакам [Кузнецова, Тепловодская, 1994, с. 104–111]. Идентифицировав археологические культуры посредством изучения керамики, можно выявить особенности изучаемой культуры, проследить ее распространение, а также выявить возможное влияние на культуры соседних территорий. Для идентификации керамики необходимо понимать, в каких условиях она была изготовлена, какие методы и инструментарий использовались при изготовлении керамики. Поэтому особое внимание в рассмотрении данной темы должно уделяться изучению гончарных мастерских.

К сожалению, в археологии эпохи бронзы открытия гончарных мастерских случаются крайне редко [Сакенов, 2015, с. 164]. Гончарные мастерские рассматриваются зачастую в контексте какого-либо исследуемого поселения. Ввиду этого, достаточно проблематично провести количественно-пространственный анализ гончарных мастерских.

Обычно поселения располагаются в долинах рек, т.к. вода является жизненно необходимым ресурсом, а также близ рек располагаются источники сырья для гончарного производства. Примером может выступить поселение Шагалалы II, на территории которого была обнаружена и исследована гончарная мастерская. Выбор места был, вероятно, обусловлен стремлением максимально сократить расстояние от поселка до берега реки, обеспечивая при этом безопасность при паводке, с одной стороны, и не затрудняя доступ к воде высокими спусками, с другой. Одновременно с этим решалась задача защиты поселка от сильных зимних ветров естественными возвышениями. Важным фактором в выборе месторасположения для потенциальной гончарной мастерской является также близость сырья, пригодного для производства керамики. По этой причине

особое внимание уделялось ландшафту и ресурсной базе той территории, где будет функционировать поселение [Сакенов, 2018, с. 264–269].

Гончарное производство представляет собой систему взаимосвязанных навыков труда, действующую в рамках определенной организационной формы, обеспечивающей ее функционирование и связи с окружающей средой. Именно поэтому при интерпретации объекта как гончарной мастерской нужно знать, что характеризует объекты такого рода. Стоит проанализировать особенности архитектуры сооружения, а именно какова внутренняя и внешняя конструкция, имеется ли дополнительное рабочее пространство, предназначенное для сушки, сортировки, хранения сырья, также важно наличие остатков орудий для обработки глины. Необходимо понимать, что гончарная мастерская могла функционировать как в жилище гончара, так и могла занимать отдельное помещение. Гончарная мастерская, не связанная с жилищем, может свидетельствовать о выделении профессионалов-ремесленников из среды рядовых общинников [Сымонович, 1966]. Важно обратить внимание на то, было ли светло в помещении и позволяла ли конструкция сооружения проветривать мастерскую, эти два фактора имеют большое значение при гончарном производстве [Сакенов, 2015, с. 164–167]. Помимо этого, в интерпретации помогут такие находки как: гончарная печь для обжига уже готовых керамических изделий, всякого рода остатки исходного сырья, отходы производства (обожженные кусочки глины, керамические фрагменты сосудов, керамический шлак). Исходя из площади поселения, размеров производственной площадки, количественного анализа керамических фрагментов, можно сделать некоторые предположения о производстве керамики. Например, произведенная керамика может быть рассчитана не только для удовлетворения потребностей местного населения, но и для экспорта за его пределы, как это, вероятно, было на поселении эпохи поздней бронзы Бурла-3 [Ломан, Папин, Федорук, 2017, с. 32–34]. Можно предположить, что основными потребителями гончарной продукции было население этнически родственное

*Работа выполнена при поддержке гранта АР09261083 «Транскультурные коммуникации в эпоху поздней бронзы (Западная Сибирь – Казахстан – Центральная Азия)» КН МНВО РК.

гончарам, но в регионах со смешанным населением в числе потребителей оказывались представители разных этнических групп [Бобринский, 1978, с. 26–27].

При изучении гончарных мастерских есть вероятность, что в одном помещении могла располагаться как гончарная, так и металлургическая мастерская, как это было на поселении Атасу I. Об этом говорят следующие факты: обнаружены печь, два каменных ложила, два каменных песта, дробилка для руды, медные шлаки, куски руды, венчики не менее чем 800 сосудов [Маргулан, 1979].

Изучение гончарных мастерских позволяет дополнить представление о путях складывания и развития археологической культуры, а также предоставляет обширный материал при разработке историко-культурных реконструкций.

*Научный руководитель – В.В. Варфоломеев
канд. ист. наук, ассоциированный профессор,
Карагандинский университет
им. академика Е.А. Букетова*

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.

Ломан В.Г., Папин Д.В., Федорук А.С. Связи населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2017. № 49. С. 32–36.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 360 с. С. 165–174.

Сакенов С.К. Мастерская на поселении Шагалалы II (Павловка) (предварительные итоги исследования) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей, 2015. С. 160–168.

Сакенов С.К. Керамическое производство в поселении Шагалалы II // Вестн. Казахстан. нац. ун-та. Сер. историческая. 2018. № 4 (91). С. 263–271.

Сымонович Э.А. Гончарная мастерская III–IV вв. н. э. в Журавке // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 117–121.

The Problems of Studying Pottery Workshops in Kazakhstan in the Late Bronze Age

S.V. Melnik

Studying pottery workshops during the Late Bronze Age, the discoveries of which are extremely rare, it is possible to identify some features regarding structures of this type. To begin with, the structure should be interpreted as a pottery workshop, which requires the presence of certain factors. It is worth noting that, as a rule, pottery workshops are considered in the context of a particular settlement, and therefore it is problematic to conduct a spatial and quantitative analysis of monuments of this type. The study of pottery workshops is important in archaeology, because for a full-fledged analysis of any ceramics and identification of archaeological cultures, it is necessary to understand under what conditions and with what technical and technological techniques this or that pottery was made.

Keywords: pottery workshop, the late Bronze Age, ceramics, pottery production, settlements, Kazakhstan.

Мельник Сергей Викторович

студент 1-го курса

Карагандинский университет им. академика

Е.А. Букетова

e-mail: sergey.melnik2004@mail.ru

Melnik Sergey Viktorovich

1st year student

Karaganda University named after Academician

E.A. Buketov

e-mail: sergey.melnik2004@mail.ru

УДК 902

Астрагалы Новотроицких курганов: анализ контекста и функциональная интерпретация

Н.Е. Назаров

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Рассмотрение контекста обнаружения астрагалов в погребениях Новотроицких курганов, одного из крупнейших исследованных некрополей скифского времени на территории Верхнего Приобья, нацелено на понимание их функции в процессе отправления погребального обряда населением данного региона. Анализ широкого спектра литературы по дан-

ной проблематике позволяет высказать некоторые предположения о функционале данных атрибутов захоронений. Актуальность темы исследования подтверждается наличием различных точек зрения на причину помещения астрагалов в погребальные комплексы в целом и населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н.э. в частности. Целью

работы является рассмотрение интерпретационных подходов к данной проблеме с учетом особенностей отдельно взятого археологического комплекса.

Эквивалентами термина «альчик» являются «таранная кость» или «астрагал» (от греч. astragalos), которые подразумевают «суставчик из ноги молодого рогатого скота» [Рысмендеева, 2022].

Из 314 погребений Новотроицкого некрополя, изученных А.П. Уманским, 296 относятся к скифскому периоду, 16 – к эпохе поздней бронзы и одно – к средневековому времени [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 4]. Из этого количества захоронений только 8 содержали астрагалы (см. *таблицу*). Большинство из них являлись костями МРС (мелкого рогатого скота, барана или овцы).

Контекст этих захоронений различен, но его анализ позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, доля захоронений, в которых обнаружены астрагалы, с одним погребенным составляет 75 %, с двумя – 12,5 %, без погребенных – 12,5 % от общего количества. При этом доля захоронений с неопределенным полом погребенного составляет

62,5 %, с погребенным мужского пола – 12,5 %, с погребенным женского пола – 12,5 % от общего количества. Доля захоронений с неустановленным возрастом погребенного составляет 62,5 %, с установленным возрастом – 25 % от общего количества. Доля захоронений с неясным/неопределенным контекстом расположения астрагалов составляет 75 %, с определенным контекстом расположения – 25 % от общего количества. В 1/3 случаев найденные на Новотроицком альчики имели следы обработки.

Исследователи чаще всего ставят в прямую зависимость возраст человека и контекст использования им астрагалов. Принято считать, что преимущественно таранные кости встречаются в захоронениях молодых людей [Сотникова, 2014]. Для интерпретации активно привлекаются этнографические материалы из жизни и быта кочевых народов. Исследователи приходят к выводу, что альчики имели сакрально-религиозное назначение у младенцев (оберег), выполняли игровую функцию у детей постарше, а у подростков и взрослых использовались в качестве ритуальных атрибутов [Шагапова, 2020,

Альчики Новотроицкого некрополя (по: [Шульга, Уманский, Могильников, 2009])

№	Памятник	Количество погребенных	Пол погребенного	Возраст погребенного	Контекст
1	Новотроицкое-1, курган № 11, могила 4	1	Не определен	Ребенок	В ходе проверки дна могилы обнаружены два альчика (астрагала овцы)
2	Новотроицкое-1, курган № 12, скопление могил № 1, могила 9	1	Не определен	Ребенок двух лет	В районе правой тазовой кости лежал просверленный астрагал овцы
3	Новотроицкое-1, курган № 34, могила 2	1	Мужчина	Подросток	В заполнении могилы найдены крестец и астрагал овцы
4	Новотроицкое-1, курган № 35	1	Женщина (?)	Подросток	При проверке дна ямы найдены позвонки овцы, зуб животного и астрагал с просверленными в нем двумя отверстиями
5	Новотроицкое-2, курган № 2, могила 3	–	–	–	На дне могилы без особого порядка лежали кости животного (овцы ?) – две трубчатые от ног, две тазовые, три больших (?) и два малых альчика
6	Новотроицкое-2, курган № 5, могила 5	2	Не определен	Не установлен	В погребении найдены два альчика с просверленными отверстиями
7	Новотроицкое-2, курган № 12, могила 5	1	Не определен	Ребенок	Среди костей скелета найден астрагал овцы
8	Новотроицкое-2, курган № 19, могила 1	1	Не определен	Подросток	В разных местах ямы, порознь, встречено девять астрагалов барана.

с. 166]. Имеются и другие предположения о функциональном назначении данных находок: для изготовления музыкальных инструментов, в качестве, в практике гадания (астраломантия/клеромантия) [Тлеугабулов, Умиткалиев, 2017].

В отличие от поселений, где оставленные предметы не всегда могли играть какую-либо семантическую роль, в погребальных памятниках те или иные находки имеют определенное значение. Так, обнаружение альчилов на перекрытиях могил или во рвах курганных насыпей, по предположениям исследователей, обозначало «барьер» между мирами [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014].

О применении астрагаловых костей в качестве игрового атрибута можно судить по сохранившимся у многих степных народов вариациям игры с этими предметами [Рысмендеева, 2022]. Считалось, что победа в игре является залогом счастья и удачи. Встречаются вариации игр, где четко выражена охотничья специфика [Сотникова, 2014, с. 30].

Исследователи отмечают общеевразийский характер игры в альчики, распространенной вариацией которой является игра в бабки. Есть игры, основанные на стохастическом принципе, когда рассматривались четыре варианта того, какое положение примет кость: алец, таган, бугор и яма. То есть, латеральная, медиальная, каудальная и краниальная стороны соответственно [Панасюк, Усачук, 2014]. В некоторых случаях игра в альчики также носила и азартный характер [Шагапова, 2020]. С точки зрения археологии подтверждением применения таранных костей в игровой сфере служат итоги трасологической экспертизы многих находок [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014, с. 44]. Об этом говорит факт сточенности/сбитости поверхности костей в некоторых случаях [Усачук, 2021, с. 182].

В некоторых захоронениях встречаются окрашенные астрагалы, анализ которых говорит об их принадлежности разным владельцам [Умиткалиев, Митько, Лбова, 2021]. Этнографические материалы дают такую интерпретацию окрашивания астрагалов: «Для того, чтобы в игре не спутать свои бабки с чужими» [Бийский район..., 2005, с. 271]. В играх также использовались просверленные кости с залитым внутрь для утяжеления свинцом. Такие кости выполняли функцию биты. Встречаются также и альчики со следами сквозного сверления. Они интерпретируются исследователями как прообраз украшений и/или амулетов [Шмырина, 2020], что созвучно некоторым находкам из Новотроицких курганов.

Вероятно, в эпоху раннего железа традиции практического применения альчилов еще только формировались, и они были полифункциональным объектом материальной культуры, наделяемым в процессе погребального обряда какими-то нам

неизвестными семантическими значениями, которые, вероятно, были связаны с тем, что для многих кочевых народов баран являлся носителем «фарна», т.е. обеспечивал богатство, достаток, здоровье. Поэтому наличие его костей в погребении, по поверьям, способствовало притоку счастья и удачи.

*Научный руководитель – Н.Н. Головченко
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Алтайский государственный педагогический
университет*

Список литературы

Бийский район: История и современность / отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2005. Т. 1. 524 с.

Панасюк Н.В., Усачук А.Н. Некоторые аспекты использования астрагалов в погребальном обряде эпохи ранней и средней бронзы // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2014. № 4. С. 34–46.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Таранные кости крупнорогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 31–56. doi:10.14258/tpai(2014)2(10).-03

Рысмендеева Н.К. Игры в альчики народов Евразии // Актуальные вопросы образования и науки. 2022. № 1 (73). С. 55–58.

Сотникова С.В. Детские погребения с наборами альчилов и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2014. Вып. 2 (25). С. 26–34.

Тлеугабулов Д. Т., Умиткалиев У.У. Асыки и их роль в мировоззрении кочевников // Народы и религии Евразии. 2017. № 1–2 (10–11). С. 37–44.

Умиткалиев У.У., Митько О.А., Лбова Л.В. Окрашенные астрагалы эпохи бронзы (могильник Кырыкунгир, Восточный Казахстан) // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 232–246. doi:10.24852/ra2021.1.35.232.246

Усачук А.Н. Набор астрагалов как жертва оставления жилища на поселении позднего бронзового века в Приазовье // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул, 2021. С. 180–188. doi:10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.30

Шагапова Г.Р. Альчики и кости: древняя евразийская игра // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 4 (30). С. 161–175. doi:10.23951/2307-6119-2020-4-161-175

Шмырина М.Е. Средневековые орнаментированные астрагалы с территории Пермского Предуралья: функциональное использование // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: мат-лы Всерос. (с междунар. участием) конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Курган, 2020. С. 182–184.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

Burials of the Novotroitsk Necropolis Containing Astragalus Bones: Context Analysis

N.E. Nazarov

Currently, there are many works devoted to the study of the phenomenon of astragalus. However, there is no unambiguous position in the scientific literature about their functionality and application. The paper considers the points of view of various researchers on this issue: archaeological and ethnographic features are taken into account. Taking into account a particular archaeological complex, assumptions are made about the functional interpretation of these attributes. The study showed the probability of intersectoral use of animal bones in the lives of ancient people. The results of the study expand knowledge about the functional purpose of alchiks.

Keywords: archaeology, astragalus, alchik, bones, traditional games, Novotroitsk necropolis.

Назаров Никита Евгеньевич

студент 2-го курса

Алтайский государственный педагогический
университет

e-mail: just.niktarin@gmail.com

Nazarov Nikita Evgenievich

2nd year student

Altai State Pedagogical University

e-mail: just.niktarin@gmail.com

УДК 902/904

Детские захоронения одиновской и кротовской культур

А.А. Некраш

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Рассмотрение погребальной практики играет важную роль в изучении духовной и материальной культуры древнего населения. После смерти тело умершего и его сопроводительный инвентарь становится «объектом манипуляций» окружающих его людей. Изучению особенностей погребальной практики носителей одиновской и кротовской культур посвящено много работ [Молодин, 2012; Молодин, Гришин, 2016], но отдельному рассмотрению детских захоронений уделялось недостаточное внимание.

Рассмотрение одиночных погребений происходит по следующей методике: форма и размер могильной ямы; расположение умершего в могиле и сопроводительный инвентарь. В работе использованы материалы с ключевых памятников одиновской и кротовской культур Усть-Тартас-2, Сопка-2 (Сопка-2/4А – одиновская; Сопка-2/4Б, В – кротовская) и Тартас-1.

Погребальная практика детей повторяет особенности захоронения взрослых. Для населения обеих культур это грунтовые могильники. Форма могильной ямы: подпрямоугольная и овальная, с ориентацией СВ–ЮЗ с различными отклонениями. Умерший располагался на спине в вытянутом положении, головой на СВ. Больше всего зафиксировано одиночных погребений, реже – парные и коллективные.

Одиновская культура. На трех памятниках количество захоронений не превышает 21 % от общего количества одиновских погребений (Тартас-1: из 38 погр. – 6, что составляет 16 %; Усть-Тартас-2:

из 57 погр. – 12, что составляет примерно 21 %; Сопка-2/4А: из 164 погр. – 18, что составляет 11 %). Если рассматривать возрастные характеристики, то чаще всего захоронены дети до 13 лет, младенцы и подростки – в единичных случаях.

Положение умершего в могиле: вытянуто на спине, из-за частичной сохранности скелета сложно судить о позе погребенного. В детских захоронениях так же, как и у взрослых, верхняя часть туловища находится на материковой «подушке». Различие между взрослыми и детьми состояло в том, что позы взрослых в могиле были более разнообразными: на животе, на правом или левом боку. Ноги могли быть вытянутыми или чуть согнутыми и направленными в разные стороны. У некоторых индивидуумов отмечались случаи отсутствия стоп и кистей. Иногда стопы и коленные суставы были прижаты. Расположение рук: вдоль тела или согнуты в локтях. Детские погребения не всегда сопровождалось инвентарем, на всех трех могильниках – он схож. Самой распространенной категорией из всего сопроводительного инвентаря являются проколки.

Погребальный инвентарь у младенцев (до года) представлен керамическим сосудом, украшениями (бусины, подвески из зубов) и охрой. На могильнике Тартас-1 инвентарь не обнаружен.

Погребальный инвентарь детей 1–13 лет представлен украшениями (бусины, кольцо и пронизки из золота, бронзовое височное кольцо), изделиями из кости (проколки) и бронзы (шило), костяной панцирной пластиной и др.

Подростков сопровождали украшения (створки раковин, подвески из зубов и костей животных), изделия из кости (проколка, ложка, гребень, игольник), ритуальные предметы (антропоморфная скульптура, роговое навершие жезла в виде головы птицы), а также накладка на лук и другие единичные находки.

Кротовская культура. Количество детских захоронений не превышает 25 % от общего числа кротовских погребений на могильниках Тартас-1 (из 4 погр. – 1, что составляет 25 %) и Сопка-2/4Б, В (из 250 погр. – 54, что составляет 22 %), исключение представляет могильник Усть-Тартас-2, где из 8 погр. – 7 детских (88 %). Возрастные характеристики различаются: Усть-Тартас-2 – в одинаковом количестве младенцы и подростки, один ребенок до 13 лет; Тартас-1 – один ребенок до 13 лет. Для могильника Сопка-2/4Б, В зафиксированы: 36 детей (до 13 лет), 8 младшего возраста и 10 подростков (из них: муж. – 2; жен. – 5; 3 – неопр. [Молодин, Гришин, 2016]).

В погребении умершие располагались на спине, или сохранились только отдельные кости скелета. В детских захоронениях так же, как и во взрослых, рядом находилась сопроводительная яма. Во взрослых захоронениях умерший мог быть уложен вытянуто на спине, на животе или на боку. Различия в положение рук и ног не обнаружены. Ноги: вытянуты или чуть согнуты. Руки: вдоль тела или согнуты в локтях. Зафиксированы случаи отсутствия кистей рук или стоп. Сопроводительный инвентарь присутствует не во всех погребениях.

Погребальный инвентарь у младенцев (до года) – представлен керамическим сосудом, украшениями (бронзовая кольцо-серьга, серьга из серебра, бронзовое височное кольцо, подвески из зубов), изделиями из бронзы (фрагмент изделия и шило), а также бронзовым кинжалом.

Инвентарь в погребениях детей 1–13 лет представлен керамическим сосудом, украшениями (подвеска из зубов, кольцо-серьга, серьга из серебра и золота), изделиями из бронзы (фрагмент пластины), из камня (отщеп, скребло, отбойник и абразив), из кости (проколка, игольник и фрагмент изделия), а также костяным наконечником стрелы и другими находками.

В погребениях подростков зафиксированы керамические сосуды, украшения (бусина, кольцо из кости, подвески из зубов, обоймы-пронизки, сегментовидные подвески, серьга из бронзы), изделия из камня (скребок, отщеп, фрагмент ножевидной пластины), из кости (игольник), из бронзы (шило), емкость из черепа соболя, предметы вооружения (наконечник стрелы и кинжал из кости).

Сравнивая материалы двух культур, можно отметить, что детские захоронения в основном одиночные, а парные и коллективные захоронения встречаются примерно в равном количестве на всех трех памятниках. Количество детей на могильниках не превышает 25 % от общего числа погребений (для одиновской культуры – 21 %, а для кротовской культуры – 25 %, исключение: могильник Усть-Тартас-2 – 88 %). Чаще всего захоронены дети до 13 лет.

Погребальная практика была схожей: погребенный лежит вытянуто на спине или кости представлены частично, например, только череп. Стоит отметить, что особое отношение к черепу всегда присутствовало у населения эпохи ранней и развитой бронзы, но касательно костей детского черепа нельзя сказать, что использовался череп только определенной категории, например, только череп младенцев. Череп мог располагаться в области таза, на груди или около головы. Манипуляции с черепом в кротовской культуре более заметны, чем в одиновской.

Исследователи полагают, что могилы одиновской культуры глубже, чем кротовской, и данные с могильников Тартас-1 и Усть-Тартас-2 подтверждают это. Глубина варьирует в пределах 4–66 см для одиновской и 4–30 см – для кротовской. Исключение: могильник Сопка-2, где глубина примерно одинаковая, 8–90 см (одиновская) и 1–88 см (кротовская).

В детских погребениях не всегда присутствовал сопроводительный инвентарь. Самой многочисленной категорией предметов для одиновской культуры выступают проколки – 50 % от общего числа погребений с инвентарем (в 9 из 18 погр.), и украшения из золота, бронзы и кости (в 8 погр. из 18, что составляет 44 %), а для кротовской – керамические сосуды (10 из 54 погр., что составляет 19 %) и украшения из золота, серебра, бронзы и кости (11 из 54 погр., что составляет 20 %). В детских захоронениях одиновской культуры встречаются два ритуальных предмета (антропоморфная скульптура и роговое навершие жезла в виде головы птицы), которые не зафиксированы в кротовской.

Таким образом, у населения эпохи ранней и развитой бронзы Барабы детей хоронили так же, как и взрослых. Умерший располагался вытянуто на спине, для одиновской культурой особенностью является наличие материковой «подушки», а для кротовской – сопроводительной ямы. Различия между взрослыми и детьми состояло в том, что у взрослых положение в могиле было разнообразнее, например, на боку или на животе. Манипуляции с детским черепом в кротовской культуре более заметны, чем в одиновской. Сопроводительный инвентарь иногда такой же разнообразный, как и у взрослых.

Рассмотрение индивидуальных детских погребений позволило отметить уникальные находки – украшения из золота, серебра и бронзы. Предметы редкие не только для детских захоронений, но и для взрослых. Можно говорить об особом отношении к ребенку.

*Научный руководитель – Л.Н. Мыльникова
д-р ист. наук, вед. науч. сотр., доцент,
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. 452 с.

Children's Burials of the Odino and Krotovo Cultures

A.A. Nekrash

The article is devoted to a comprehensive consideration of single children's burials at key burial grounds (Tartas-1, Ust-Tartas-2 and Sopka-2) of the Odino and Krotovo cultures of the Baraba forest-steppe. The number of children's burials on three monuments does not exceed 25%, the exception is the burial site of Ust-Tartas-2, where Krotovo burials – 88% (of the total number of burials). The burial practice of adults and children does not differ, and the accompanying inventory is similar in certain categories. It is especially interesting to consider objects in single burials, because on their basis one can assume the social status of the deceased child. A large number of objects that make up the category of «human decoration» from gold, bronze and silver, may indicate that a particular child was a value for the entire team, because finding such products is rare, even in the graves of an adult person.

Keywords: Baraba forest-steppe, Odino culture, Krotovo culture, children's burials.

Некраш Алина Анатольевна

магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: nekrash.alina@mail.ru

Nekrash Alina Anatolyevna

2nd year master's degree student
Novosibirsk State University
e-mail: nekrash.alina@mail.ru

УДК 903.2

Каменный жертвенник на четырех ножках из материалов поселения Исетское-3*

Е.Д. Огнева

Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия

В Исетском р-не Тюменской обл. в 2,3 км от районного центра – поселка Исетского, расположено поселение Исетское-3. Памятник является многослойным, т.к. наличие богатых природных ресурсов и мест, удобных для ведения хозяйственной деятельности и проживания, всегда привлекало сюда древнее население. Зачастую это приводило к появлению археологических микрорайонов, где на ограниченной территории фиксируются древности различных эпох и культур. И хотя исследователи отмечают их разное расположение на местности (край террасы, пойма, останец), имеются и многослойные объекты, где в рамках одного памятника фиксируются следы жизнедеятельности населения широкого хронологического диапазона. На по-

селении фиксируются материалы эпохи неолита, энеолита, раннего бронзового века, переходного времени от бронзового века к железному, раннего железного века и Средневековья [Берлина и др., 2016, с. 49–66]. В слое раннего железного века был обнаружен уникальный каменный жертвенник.

Жертвенник выточен из камня, поверхность его не зашлифована, имеет небольшие бортики, а также четыре округлые низкие ножки. Размеры его в длину 175 мм, в ширину 95 мм, а в высоту (без ножек) 27 мм. Высота ножек не превышает 7 мм, как и высота бортиков. Бортики выражены только по длинным сторонам жертвенника, по ширине бортики отсутствуют. Невооруженным взглядом нельзя точно определить, были ли они отколоты

*Работа выполнена по гос. заданию проект № 121041600045-8.

или не предусматривались при его изготовлении. В центре жертвенника находится аморфное сквозное отверстие размерами 18 × 11 мм.

Насчет данной категории находок в исследовательской среде все еще бытуют разные точки зрения о роли в погребальном обряде и об их назначении. Одна группа исследователей считает их сугубо культовыми предметами, другая – утилитарными, третьи говорят о многофункциональности этих предметов. В качестве ритуального предмета такой каменный жертвенник мог использоваться для растирания ароматических веществ и красок в ритуальных целях, в них могли растирать краски для татуировок или использовать для возжигания огня или ладана. Они могли также являться подставками для глиняных курильниц, выступать ритуальными зеркалами с налитой в них водой, являться составной частью атрибута жреческого комплекса, использоваться для разделки мяса жертвенных животных, выполнять функцию переносного алтаря. Как предметы бытового назначения они могли использоваться для растирания в них краски в косметических целях, для заточки ножей, выступать в качестве косметических столиков, давяльного камня.

В связи с этим не решен вопрос о едином названии данной категории предметов – жертвенники, алтари/алтарики, краскотерки, жертвенные столики, блюда, курильницы – неполный список встреченных в литературе синонимичных названий одной по сути категории инвентаря. Наиболее привычным и часто встречающимся в настоящее время является жертвенник. Те же проблемы повлияли и на разработку классификации, которая в таком случае могла быть обращена только на морфологические особенности. Одна из главных типологий принадлежит К.Ф. Смирнову [1964, с. 162–166], на основе которой через полвека К.Г. Маргарян [2017] была создана более полная и общая классификация каменных жертвенников. Согласно последней типологии находку наиболее полно можно описать как каменный жертвенник с бортиками прямоугольной формы, со скругленными углами на четырех низких ножках (меньше высоты блюда), без орнаментации и изображений, имеющий отверстие на дне.

Есть несколько теорий о появлении отверстия в основе жертвенника и о его применении. Первая теория заключается в том, что такое отверстие выступает в качестве слива. Так как обрядовое действие состоит из трех шагов: сбор – накопление – жертва, то для самого ритуала необходимо наполнить жертвенник жидкостью или иным веществом, далее на какое-то время сохранить ее внутри емкости предмета, и только потом она должна покинуть сосуд [Плахута, Автушкова, 2018]. Использование данного жертвенника в таком виде ритуала не является

целесообразным, т.к. ножки жертвенника нисколько не приподнимают его над поверхностью, вещество не способно там задержаться. Жертвенники, используемые для таких ритуалов, обычно также имеют четыре ножки, но высота их больше высоты блюда (некая имитация коровьего вымени). У нашего жертвенника опорные поверхности практически плоские, что делает их нефункциональными.

Согласно второй теории, отверстие возникло в результате вторичного использования жертвенника в центральной его части. В чем заключалось вторичное использование, пока неизвестно. Необходимо трасологический анализ для подтверждения или опровержения этой гипотезы.

На жертвеннике присутствуют следы желтой краски и нагар. Краска расположена в нескольких местах внутренней поверхности предмета, нагар локализуется в одном месте также на внутренней поверхности. Нижняя часть основания не имеет пятен и остатков краски.

Такой тип жертвенников – прямоугольный на ножках – считается савроматским, а проявление сако-сарматских элементов в инвентаре характерно для кочевых народов Приаралья и Центрального Казахстана [Маргарян, 2019]. Ритуальные предметы не принято считать предметом торговли, поэтому появление подобного типа предметов в регионах, где они раньше не были встречены, показывает нам возможную картину взаимодействия между кочевыми племенами раннего железного века и миграцию этих народов.

*Научный руководитель – С.И. Цембалюк
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Тюменский научный центр СО РАН*

Список литературы

- Берлина С.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В., Новиков И.К., Ткачев А.А., Цембалюк С.И. Исетское-3 поселение в лесостепном Зауралье // АВ ORIGINE: археолого-этнографический сборник. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2016. Вып. 8. С. 49–66.
- Маргарян К.Г. Каменные жертвенники раннего железного века овальной формы на четырех низких ножках // Наука Южноурал. гос. ун-та: мат-лы 71-й науч. конф. Челябинск, 2019. С. 218–226.
- Маргарян К.Г. Основные принципы классификации и типологии каменных жертвенников раннего железного века // Вестн. Южноурал. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 104–106.
- Плахута Д.О., Автушкова А.Л. О семантике некоторых жертвенников раннего железного века Западной Сибири: вариант интерпретации // Stratum plus. 2018. № 3. С. 181–186.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М: Наука, 1964. 381 с.

Stone Altar on Four Legs from the Materials of the Isetskoe-3 Monument

E.D. Ogneva

This article will focus on the artefact in 2022 of a stone altar in the layer of the Early Iron Age from the multi-layered settlement of Isetskoye-3 of the Isetsky district of the Tyumen region. A stone altar on four legs is a rare item of grave goods, the role and functional belonging of which is still not exactly known; it could act as a utilitarian item or serve as a cult accessory for ritual activities. The article provides a classification of this item, an attempt to determine its purpose and use by the population of the Early Iron Age. Since this type of altars – rectangular with legs – is considered to be sauromatian, and the manifestation of sako-sarmatian elements in the inventory is typical for the nomadic peoples of the Aral Sea region and Central Kazakhstan, it is possible to trace the intercultural interactions of the peoples of these cultures.

Keywords: Early Iron Age, Isetskoe-3, settlement, stone altar.

Огнева Екатерина Дмитриевна

младший научный сотрудник

Тюменский научный центр СО РАН

e-mail: ognevaaaa@ya.ru

Ogneva Ekaterina Dmitrievna

Junior research worker

Tyumen Scientific Centre of SB RAS

e-mail: ognevaaaa@ya.ru

УДК902/904

Социальная дифференциация носителей позднекротовской (черноозерской) культуры (по материалам могильника Сопка-2/5)

М.Н. Панченко, Н.К. Цветкова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Могильник Сопка-2 является крупнейшим некрополем эпохи бронзы Западной Сибири. В нем представлены захоронения практически всех культур региона. В настоящей работе предпринята попытка формального статистического анализа инвентаря могил для определения социальной стратификации позднекротовской (черноозерской) части этого могильника (Сопка-2/5). Материал памятника полностью опубликован [Молодин, Гришин, 2019]. Весь массив погребений по половозрастному признаку делится на три основные группы: мужские, женские и детские.

В работе определяется общее число могил каждой из этих категорий и соответствующее им количество инвентарных единиц. Инвентарные единицы определяются как вещи определенного, отличного от других, вида, вне зависимости от их количества. Это необходимо для выделения закономерностей разделения социального положения. Также проводится подсчет количества вещей самой инвентарной единицы того или иного погребения.

Погребения мужчин. Учено 22 могилы с 22 умершими, из них: 5 захоронений содержат – 0 инвентарных единиц; 9 зах. – 1 ед.; 5 зах. – 2 ед.; 1 зах. – 3 ед.; 1 зах. – 4 ед.; 1 зах. – 5 ед.; 1 зах. – 10 ед.

При определении социальной стратификации умерших мы предполагаем, что 0 единиц в погребениях у людей низкого социального положения – 5/22; 1–2 единицы у среднего – 13/22 зах.; 3–10 единиц в погребениях у людей высокого положения – 4/22 зах.

Следует учитывать, что 7/22 могил содержат в инвентаре бронзовый кинжал, 5 из них в захоронениях людей высокого социального положения, остальные – среднего социального положения. В 4/22 могилах найдены бронзовые височные кольца, 2 из них среднего социального положения. 2 – высокого, причем наибольшее количество колец (10) находится в могиле самого «знатного» погребенного. Бронзовые «щипчики» найдены в 2 могилах, принадлежащих погребенному высокого социального статуса. Костяные наконечники стрел (5 погр.) и фрагменты литейных форм (2 погр.) являются не показателем статуса, а определением рода деятельности погребенного при жизни.

Женских погребений учтено 22, они содержат скелеты 24 умерших. Из них 11 зах. содержит – 0 ед.; 3 зах. – 1 ед.; 3 зах. – 2 ед.; 2 зах. – 4 ед.; 1 зах. – 6 ед.; 1 зах. – 9 ед.; 1 зах. – 11 ед. Таким образом, 50 % погребений принадлежат женщинам низкого статуса (11 из 22), среднего социального положения – 8/22, высокого – 3/22.

Анализ инвентаря показал, что в 4/22 погребениях найдены бронзовые шилья: 2 из них относятся к погребениям людей высокого статуса, 2 – среднего статуса. Бронзовые височные кольца

зафиксированы в 4/22 погребениях, 2 из них относятся к среднему статусу, а другие 2 – к высокому. В 3/22 погребений содержится бронзовые иглы. 2 захоронения можно отнести к среднему социальному положению, а одно – к высокому. Бронзовые браслеты зафиксированы в 3/22 погребениях, 2 из них относятся к богатым могилам, 1 – к средним.

Погребения детей. Учтено 36 погребений (38 умерших), из них: 15 захоронений – 0 ед.; 6 зах. – 1 ед.; 7 зах. – 2 ед.; 1 зах. – 3 ед.; 2 зах. – 4 ед.; 2 зах. – 5 ед.; 1 зах. – 6 ед.; 2 зах. – 8 ед.

Исходя из приведенной статистики к низкому социальному статусу относятся 15/36 умерших, среднему – 13/36, высокому – 8/36.

Анализ инвентаря показал, что в 6/36 захоронениях были бронзовые подвески (наконечники): 2 в погр. среднего социального статуса, 4 – высокого. В 6/36 захоронениях найдены бронзовые бляхи, 3 из них среднего статуса и 3 – высокого. В 4/36 захоронениях были бронзовые пластинки: 2 из них среднего статуса, 2 – высокого. В 4/36 захоронениях найдены бронзовые браслеты: 2 из них среднего положения, 2 – высокого. В 3/36 захоронениях содержатся бронзовые височные кольца. 1 из них среднего положения, 2 – высокого.

Бронзовые подвески являются показателем социального статуса, причем, чем больше их количество, тем выше статус. Бронзовые бляхи, как и бронзовые браслеты, также являются показателем, но в меньшей степени. Для женщин и мужчин об-

щими инвентарными единицами являются височные бронзовые кольца, литейные формы.

Костяные наконечники стрел – отличительная черта мужских погребений, но в одном случае встречаются в женском погребении высокого статуса.

Таким образом, исходя из того, что набор инвентарных единиц трех сравниваемых нами групп ярко отличается, можно заключить, что дифференциация между ними существовала. В инвентарные группы входят погребения представителей разных возрастных групп, что может говорить о том, что дифференциация происходила не по возрастному признаку. Самая большая прослойка населения представляла средний социальный уровень, она составляет 42,5 % от всего количества погребений. Самые бедные по инвентарю погребения составляют 38,75 %, а самые обеспеченные – 18,75 %. Самое большое количество безынвентарных могил (50 %) зафиксировано у женщин.

*Научный руководитель – И.А. Дураков
канд. ист. наук, доцент,*

*Новосибирский государственный педагогический
университет*

Список литературы

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реки Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 5. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (фёдоровской), ирменской и пахомовской культур. 223 с.

Social Differentiation of Carriers of the Late Krotov (Chernoozersk) Culture (Based on the Materials of the Sopka-2/5 Burial Ground)

M.N. Panchenko, N.K. Tsvetkova

The article presents a statistical analysis of the burials of the burial ground of the Late Krotovo (Chernoozerskaya) culture Sopka-2/5. An attempt is made to divide the deceased into social groups by gender and age based on a formal analysis of the accompanying inventory. Men's, women's and children's burials are considered separately, general patterns of inventory content in them are revealed. In the course of this analysis, a special inventory unit was introduced, which represents things of one kind, different from others, regardless of their number in a particular burial. As a result, three statuses were distinguished among the buried: high, medium and low. The group that contained the largest number of uninvented graves was determined. As a result, the percentage ratio of each status to the total number of burials was revealed.

Keywords: Western Siberia, Late Krotov (Chernoozerskaya) culture, burial ground Sopka-2/5, social differentiation.

Панченко Марина Николаевна

студентка 2-го курса

Новосибирский государственный педагогический университет

e-mail: marinapanchenko.niki2@yandex.ru

Panchenko Marina Nikolaevna

2nd year student

Novosibirsk State Pedagogical University

e-mail: marinapanchenko.niki2@yandex.ru

Цветкова Наталья Константиновна

студентка 2-го курса

Новосибирский государственный педагогический университет

e-mail: nata-5vet2003@ya.ru

Tsvetkova Natalia Konstantinovna

2nd year student

Novosibirsk State Pedagogical University

e-mail: nata-5vet2003@ya.ru

Погребальные памятники алакульской культуры Чингистау

М.А. Рысбергенов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Чингистауский регион, согласно народной традиции географического районирования, относится к Восточной Сарыарке. По современному региональному делению входит в Восточный Казахстан, занимая почти всю территорию Абайской обл. Еще в конце XIX в. семипалатинский краевед В.П. Никитин писал: «В археологическом отношении самым интересным районом уезда является южная его граница и главным образом район Чингизских гор. Здесь в очень многих местах замечаются каменные круги с едва заметной насыпью и без нее» [Черников, 1960, с. 16].

Однако степень изученности обозначенной территории все еще находится на стадии первичного накопления данных. Наглядным доказательством такого утверждения является то, что к началу второго десятилетия XXI в. в Чингистау было изучено всего лишь 30 оград эпохи бронзы в 6 могильниках. За последние десять лет к ним прибавились еще 43 оград из 5 могильников (см. *таблицу*).

Целью нашей работы является характеристика погребальных памятников алакульской культуры Чингистауского региона. Мы попытаемся осветить вопрос, поставленный еще в середине прошлого века А.Г. Максимовой: «...только дальнейшее исследование памятников эпохи бронзы поможет осветить недостающий период эпохи бронзы в Восточном Казахстане и выяснить вопрос, будут ли они по форме сосудов, по орнаментации, по обряду захоронения и т.д. иметь сходство с уже известными памятниками соседних территорий, или они будут носить специфические черты, присущие только Восточному Казахстану» [Максимова, 1959, с. 104].

В рамках нашего исследования мы используем историко-сравнительный метод, с помощью которого попытаемся выявить общие черты памятников алакульской культуры Центрального Казахстана и Чингистау. Источниковой базой нашего исследования послужат 39 оград алакульской культуры (53 погребения), исследованные в 4 могильниках: Сабындыколь [Оразбаев и др., 1996], Кырыкунгирь [Үмітқалиев и др., 2016, 2018; Умитқалиев, Айтбаев, Адельчанов, 2017; Умитқалиев и др., 2017], Каракемер [Үмітқалиев, Мұсырманқұл, 2021], Орда-2 [Төлеубаев и др., 2022].

В планиграфическом устройстве алакульских оград могильника Кырыкунгирь (восточная груп-

па) не наблюдается привязанности к центральному сооружению, в их расположении отмечается разреженность [Үмітқалиев и др., 2018, б. 31]. Центральные сооружения, которые выделялись бы своими размерами и конструкцией, тоже отсутствуют. Могильник Орда-2 представляет собой небольшое погребальное поле, состоящее из 55 оград, которые поделены на 3 погребальные группы. В каждой из них ограды расположены кучно, без привязанности к определенному выделяющемуся сооружению. Обращает на себя внимание планиграфия 13 оград (№ 2–12, 15) могильника Сабындыколь, которые пристроены одна к другой, при этом не нарушая стен первичных оград [Оразбаев и др., 1996, рис. 1].

Для исследованных погребальных сооружений характерным надмогильным сооружением являются ограды из одного ряда каменных плит, установленные ребром. В основном они имеют округлую форму (54 %), большинство оград средних размеров (64 %). Насыпь в большинстве оград отсутствует. В двух оградах обнаружены жертвенники с каменной выкладкой (Каракемер, № 6; Кырыкунгирь, № 8). В могильнике Каракемер, в оградах № 1, № 4 и № 6, а также в оградах № 24, № 39 и № 58 могильника Кырыкунгирь были зафиксированы кости жертвенного коня. Максимальное количество сосудов, найденных в одном погребении – пять (Кырыкунгирь, № 24, каменный ящик № 2). Они, как и в случае из ограды № 7 могильника Каракемер, ставились за головой погребенного.

Во всех изученных оградах умершие похоронены в каменных ящиках (исключение – деревянный ящик погр. № 4 ограды № 24 м. Кырыкунгирь), которые ориентированы на западный сектор (96%, из них 60 % приходится на строго западное направление). В ограде № 4 могильника Каракемер при наличии останков жертвенного коня погребальная конструкция не была обнаружена. Установленным почти во всех погребениях способом обращения с телом является трупоположение. Лишь в ограде № 16 могильника Орда-2 зафиксирована юго-восточная ориентировка и биритуализм, когда в одной половине спаренных ящиков (одна стенка на два каменных ящика) обряд трупоположения, а в другой трупосожжение. О позе умерших позволяют судить 11 погребений с полным или частично сохранившимся анатомическим порядком останков.

Исследованные памятники эпохи бронзы Чингистау

Год работ	Руководитель работ	Могильник	Исследованные памятники
1947	Л.К. Нифонтова	Сарыколь-1 (Текебулак-1)	№ 3, 6, 7
1949	С.С. Черников	Сарыколь-1 (Текебулак-1)	№ 5, 16
		Сарыколь-2 (Текебулак-4)	№ 12
1989	А.М. Оразбаев, А.Т. Толеубаев	Ескеалмас	№ 5, 12, 13
		Масалы	№ 10
1995		Сабындыколь	№ 1–15
2002	А.Т. Толеубаев, А.И. Исин	Сарыколь-1 (Текебулак-1)	№ 1, № 10, огр. «Окраина»
2012	А.З. Бейсенов	Копя (Сарыколь)	№ 5, 7
2014–2017	У.У. Умиткалиев	Кырыкунгирь	№ 7, 8, 9, 18, 24 39, 57 (а, б), 58, 71, 72, 78
			№ 25, 42, 54
2017	А.К. Айткали, А.С. Жунисханов, Е. Рахманкулов	Кокен	№ 1–4
		Кокен-3	№ 1
2018	У.У. Умиткалиев	Каракемер	№ 1–5
2018	А.К. Айткали, А.С. Жунисханов, Е. Рахманкулов	Кокен-3	№ 3–9
2020			№ 10–13
2021	У.У. Умиткалиев	Каракемер	№ 6, 7
2022	А.Т. Толеубаев, У.У. Умиткалиев	Орда-2	№ 2, 3, 16, 17, 47
Всего		11	73

Судя по ним, усопших хоронили на левом боку, в скорченном положении.

Керамический комплекс Сабындыколя по описанию авторов имеет следующую характеристику: «Керамика могильника представлена сосудами горшковой и баночной формы... Все горшки орнаментированы при помощи гладкого штампа или заостренной палочки. В орнаменте преобладают рисунки горизонтального зигзага из трех или шести параллельных линий, расположенного по плечикам сосуда подчеркнутого снизу и сверху, у шейки, одним или тремя желобками. По венчику обычны ряды заштрихованных треугольников... Большое значение в формировании формы и орнамента сосуда имеют желобки. Они входят в узоры почти всех горшков, найденных в Сабындыколе» [Оразбаев и др., 1996, с. 48].

В могильнике Кырыкунгирь около 90 % всего керамического комплекса составляют сосуды с немножко отогнутым наружу венчиком, ребро и уступ сосудов плавные, узоры нанесены мелкогребенчатым штампом, резная техника встречается значительно реже [Умиткалиев, Айтбаев, Адельчанов, 2017, с. 269]. Исследователи отмечают, что орнаментальная традиция населения, изготовившего эти сосуды, имеет большую близость с таковыми Центрального Казахстана, нежели Прииртышья [Умиткалиев и др., 2018, б. 84].

Планиграфическая особенность могильников типа Сабындыколь и Орда-2 позволяет предположить, что в классическом периоде алакульской культуры, который на обширной территории Восточной Сарыарки представлен так называемыми атасускими памятниками, происходит упрочнение семейно-брачных отношений. В погребальной обрядности этот процесс отражается увеличением пристроечных комплексов и кучной застройкой погребального поля [Ткачев, 2019, с. 467–468].

Как и в аналогичных памятниках Центрального Казахстана, местное население полностью отказалось от традиции курганных захоронений, характерных для раннеалакульских памятников. Основной способ оформления погребального пространства – ограда, сооруженная из каменных плит, установленных на ребро [Ткачев, 2019, с. 437]. В отношении количества погребений в одной ограде рассматриваемые памятники также тяготеют к атасуским, которые, как правило, содержат два (или больше) каменных ящика, иногда имеющих общую стенку [Кузьмина, 2008, с. 274]. В нашем случае, 11 из 39 оград имеют больше одного погребения, в 7 случаях из них встречаются спаренные каменные ящики, строенные (две стенки на три каменных ящика) зафиксированы только в одном случае.

Что касается раннеалакульских памятников (Кырыкунгирь, огр. № 24, № 58, Каракемер, № 1–7),

для них, как и в случае с аналогичными памятниками из Центрального Казахстана, характерно жертвоприношение коня. Самой выразительной находкой, относящейся к этому периоду, являются два щитковых псаля с монолитными шипами из ограда № 1 могильника Каракемер. Такие псаля считаются наиболее архаичными и относятся к традиции Волго-Уральского региона [Широкова, 2013, с. 145].

В этой работе мы попытались показать родственность алакульских памятников классического периода (который для этих территории именуется «катасуским») Чингистау и Центрального Казахстана. Для этой работы мы привлекли новейшие материалы из исследований последних десяти лет, которые позволяют уверенно включить в восточный ареал алакульской культуры западную часть Восточного Казахстана.

*Научный руководитель – У.У. Умиткалиев
канд. ист. наук, доцент,
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева*

Список литературы

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. Актөбе: ПринтА, 2008. 358 с.

Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Труды института истории, археологии и этнографии. Археология. Алма-Ата, 1959. Т. 7. С. 86–150.

Оразбаев А.М., Төлеубаев Ә.Т., Омаров Г.К. Могильник эпохи бронзы Сабындыколь // Этнокультурные процессы на территории Казахстана. Алматы: Санат, 1996. С. 33–49.

Ткачев А.А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 529 с.

Умиткалиев У.У., Айтбаев А.Б., Адельчанов К.С. Археологические работы на могильнике Кырыкунгир в 2016 году (Восточный Казахстан) // Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Хабаршысы. Астана, 2017. № 1 (116). С. 266–272.

Умиткалиев У.У., Айтбаев А.Б., Педрацкий М., Искаков К.А. Погребальные сооружения эпохи бронзы в могильнике Кырыкунгир // Материалы Международной научно-практической конференции «Бронзовый век Казахстана: исследования и новые открытия». Астана: Алтынкітап, 2017. С. 137–159.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 196 с. (МИА; № 88).

Широкова М.А. Классификационная схема псаляев бронзового века юга Западной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2013. Т. 12., № 7. С. 142–149.

Төлеубаев Ә.Т., Умітқалиев Ұ.Ұ., Мұсырманқұл П.Б., Адельчанов К.С. Шыңғыстау жеріндегі Орда қола дәуірінің ескерткіштері // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі. Семей, 2022. Б. 105–115.

Умітқалиев Ұ.Ұ., Айтбаев А.Б., Әбдіғали Н.Ә. Кырыкүнгір қорымында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары // «Қазіргі жоғарғы білім жүйесіндегі археология, этнология және музейтану» атты VIII Оразбаев оқулары халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары. Алматы: Қазақ университеті, 2016. Б. 151–157.

Умітқалиев Ұ.Ұ., Айтбаев А.Б., Әбдіғали Н.Ә., Педрацкий М. Шыңғыстаудағы Кырыкүнгір кешенді ескерткіші. Астана: Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, 2018. 200 б.

Умітқалиев Ұ.Ұ., Мұсырманқұл П.Б. Шыңғыстау өңірінде 2021 жылы қола дәуірі ескерткіштеріне жүргізілген зерттеулердің қорытындылары // Марғұлан оқулары-2021: «Этномәдени зерттеулер контекстіндегі Ұлы Дала» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары (Алматы қ., 26–27 қазан 2021 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2021. Т. 1. Б. 237–244.

Burial Monuments of the Alakul Culture of Chingistau

M.A. Rysbergenov

This article is devoted to the monuments of the Alakul culture of Chingistau. In the study of the Bronze Age, the opinion was established that in the Kazakh steppes the area of the Alakul culture is limited to Central Kazakhstan. For this work, we have attracted the latest materials from the studies of the last ten years, which allow us to confidently include the Chingistau region (the western part of East Kazakhstan) into the eastern area of the Alakul culture. As part of our study, we tried to identify common features of the monuments of the Alakul culture of this region and Central Kazakhstan. The result was the identification of the relationship between the Alakul sites of the classical period of Chingistau and Central Kazakhstan, which for these territories is called «Atasu».

Keywords: Alakul culture, burial grounds, East Kazakhstan, Chingistau, Central Kazakhstan.

Рысбергенов Муса Ахатулы

студент 4-го курса

Евразийский национальный университет

им. Л.Н. Гумилева

e-mail: rysbergenov.mussa@gmail.com

Rysbergenov Mussa Akhatuly

4th year student

L.N. Gumilyov Eurasian National University

e-mail: rysbergenov.mussa@gmail.com

К вопросу о выявлении посуды, сделанной одним мастером, на материалах могильника андроновской (федоровской) культуры Нижняя Суетка в Кулундинской степи*

И.А. Савко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Вопросы хронологии являются одними из самых сложных в археологии андроновской (федоровской) культуры. На сегодняшний день отсутствуют единые критерии для определения ранних и поздних комплексов. Основные усилия исследователей сконцентрированы на установлении радиоуглеродного возраста погребений, а вопросы относительной хронологии остаются наименее разработанными. С точки зрения установления относительной хронологии погребений керамика представляется одним из наиболее перспективных источников, поскольку она обладает множеством параметров (форма, орнамент и технология), которые могут быть использованы для определения синхронности бытования посуды. В рамках историко-культурного подхода Е.В. Волковой предложена методика выявления посуды, изготовленной одним мастером, на основании которой одним из определяющих критериев, позволяющим определить подобные изделия, является использование одного и того же инструмента для нанесения орнамента и сходные традиции работы с ним [Волкова, 1998, с. 36–40]. Использование этой методики совместно с анализом стратиграфии, технологических и орнаментальных особенностей сосудов из могил, позволило Е.В. Волковой определить относительную хронологию погребений одного из крупнейших некрополей фатьяновской культуры [Волкова, 1998, с. 53]. В результате применения этой методики Н.Ф. Степановой выявлено несколько групп афанасьевских сосудов, каждая из которых изготовлена отдельной группой мастеров, что позволило синхронизировать целый ряд погребений из разных могильников [Степанова, 2015]. Выявление сосудов, изготовленных одним мастером, позволило Л.Н. Мыльниковой и Д.В. Селину по андроновской керамике могильника Тартас-1 установить синхронность сооружения ряда погребений [Мыльникова, Селин, 2017].

Для аналитического изучения технологии нанесения декора, поиска посуды, сделанной одним гон-

чаром и в конечном итоге установления относительной хронологии погребений, нами была выбрана керамика андроновского могильника Нижняя Суетка из Кулундинской степи, который исследовался под руководством А.П. Уманского в 1964 г. [Уманский, 1999]. Исследованная нами коллекция керамики насчитывает 50 экз.: 13 экз. представлены фрагментами из заполнения могил и сборов на территории некрополя; 37 экз. – сосуды из погребений разной степени сохранности. Орнамент был нанесен на 45 экз. и отсутствовал лишь на пяти сосудах баночной формы.

Отпечатки рабочего края орнаментов (71 экз.) разделены на две большие группы: зубчатые (30 экз.) и незубчатые инструменты (41 экз.).

Проведенный анализ отпечатков орнамента позволил сделать ряд выводов.

1. Оттиски зубчатых штампов можно разделить на 16 различных групп (7 подгрупп и 9 индивидуальных отпечатков) по форме и размерам зубцов. Наиболее распространены были мелкозубчатые штампы с длинными квадратными зубцами, до 1 мм, с прямоугольной перегородкой до 0,3 мм (см. рисунок, 1–7).

2. Выявлено минимум 24 варианта отпечатков незубчатых инструментов (6 подгрупп и 21 индивидуальный отпечаток). Наиболее распространены были округлые в продольном сечении зубца орнаменты диаметром 4–6 мм (см. рисунок, 8–14), которыми чаще наносили каннелюры в технике протаскивания.

3. Большинство оттисков, объединенных в подгруппы, имели отличия в 1–3 мм по длине и ширине отпечатков, иногда отдельные зубцы отличались формой в продольном сечении. Отсутствует явная корреляция выявленных орнаментальных подгрупп с исходным сырьем (ИС) и формовочными массами (ФМ) [Степанова, Савко, 2022]. Все это пока не позволяет выявить отпечатки, сделанные одним орнаментиром. Данные подгруппы свидетельствуют о единых представлениях гончаров о форме рабо-

*Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№ FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации.

Фото отпечатков орнаментов на сосудах могильника андроновской (федоровской) культуры Нижняя Суетка.

чего края инструментов и, по-видимому, относятся к технологическим традициям одной группы (возможно, родственных) мастеров, принадлежащих близкому в культурном (или хронологическом) отношении населению.

4. Две подгруппы отпечатков имеют наибольшее сходство: мелкозубчатые штампы с неустойчивым расположением зубцов размерами до 1,2 мм (см. рисунок, 15–16) и с длинным тонким гладким рабочим краем (см. рисунок, 17–18). Декор на этой посуде был нанесен одинаковыми орнаментами либо инструментами, сделанными одним мастером. Имеющиеся данные по ИС и ФМ говорят о том, что они изготовлены из слабозапесоченного сырья с естественной примесью серых рыхлых включений и бурого железняка, по одному рецепту глина + шамот + выжимка навоза, но с разной концентрацией шамота. Не исключено, что они были сделаны одними мастерами, но в разное время. Все это позволяет говорить об относительной синхронности этих погребений.

Таким образом, представленный анализ отпечатков орнаментов пока не позволяет однозначно ответить на вопрос о синхронности всех погребений. Выявленные схожие группы отпечатков зубчатых и незубчатых оттисков слабо коррелируют между собой. В тоже время можно сделать вывод о том, что выбор андроновскими гончарами определенного вида инструмента для нанесения орнамента был связан не с особенностями изготовления сосудов, а с формой посуды и стилистикой декора. Например, оттиски самых распространенных мелкозубчатых инструментов (см. рисунок, 1–7) наносились только на сосуды профилированной горшковидной

формы, с типичной федоровской трехзональной композицией, состоящей из треугольников на шейке, геометрических или меандровых узоров на плечиках и тулове. Есть и другие примеры, показывающие взаимосвязь инструментов для нанесения орнамента со стилистикой декора и формой сосудов. Несмотря на то, что достоверно определить сосуды, украшенные одним инструментом, не удалось, есть основания считать, что некоторые инструменты изготовлены одним мастером или группой мастеров, принадлежащих одному (возможно, родственному) коллективу. Об этом свидетельствуют похожие отпечатки, зафиксированные на разных сосудах, связанные с особенностями оформления рабочего края инструмента. Дальнейшие перспективы работы могут быть связаны с корреляцией данных об отпечатках орнамента с исследованием полных форм сосудов, чей подробный анализ необходим для реконструкции культурных традиций в гончарстве андроновской (федоровской) культуры рассматриваемого региона.

Научный руководитель – Д.В. Папин
канд. ист. наук, заведующий
Барнаульской лабораторией археологии и этнографии
Южной Сибири,
Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

- Волкова Е.В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М.: Старый сад, 1998. 260 с.
- Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Сосуды одной морфологической традиции (по материалам андроновской

(федоровской) культуры памятника Тартас-1) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. I. С. 317–321.

Степанова Н.Ф. Особенности нанесения орнамента на афанасьевской керамике из Горного Алтая // Древний Торгай и Великая Степь: часть и целое. Костанай; Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 353–358.

Степанова Н.Ф., Савко И.А. Предварительные результаты изучения андроновской (федоровской) керамики из могильника Нижняя Суетка в Кулундинской степи // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 148–152.

Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 году // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 83–99.

On the Identification of Ware Made by One Master from the Andronovo (Fedorovo) Culture Nizhnyaya Suetka Cemetery in the Kulunda Steppe

I.A. Savko

To establish a relative chronology of the Andronovo burials the search for vessels made by the same master was carried out. For this purpose, the ornament prints on the ceramics from the Andronovo graveyard of the Kulunda steppe – Nizhnyaya Suetka were studied. As a result of the study, two pairs of vessels decorated with the same (or similar) tools, which could have been made by the same master or a group of related masters, were found. Most of the similar ornament prints reflect common technological traditions of different groups of culturally (or chronologically) close population. Apparently, the types of ornaments depend to a greater extent not on the technology of vessel production, but on the shape of the pottery and the stylistics of decoration, which were decisive in the potter's choice of a particular type of tool for decorating.

Keywords: Andronovo (Fedorovo) culture, ornaments, historical and cultural approach, Kulunda steppe.

Савко Илья Андреевич

аспирант 1-го года обучения

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

Savko Ilya Andreevich

1st year postgraduate student

Altai State Pedagogical University

e-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

УДК 903.43

Планиграфические характеристики поселений Кент, Аккезен, Семиярское*

Ш.К. Серикбай

Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

Важными событиями в археологии степной зоны Евразии в конце XX – начале XXI в. стали открытия мощных протогородских центров эпохи поздней бронзы – памятников Кент, Аккезен, Семиярское. Эти поселения обладают рядом общих и отличительных признаков. Они были населены носителями валиковой керамической традиции при некоторой доле инокультурного населения.

Поселение Кент находится в 220 км к ВЮВ от г. Караганды, в Кентском горнолесном массиве. Его площадь ок. 30 га, на поверхности фиксируются остатки не менее 120 сооружений, построенных с использованием каменной кладки. Определен-

ной системы в их расположении не установлено. Имеется три площадки, огороженные каменными стенками. Они находятся на восточной окраине городища, две из них раскопаны. Ограда 1 (57,0 × 42,5 м) вытянута в направлении ЮЗ–СВ. Ограда 2 (55,0 × 26,5 м) ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Внутреннее пространство оград свободно. Иногда имеются каменные ящики. Вероятно, в оградах проводили какие-то общественные культовые, обрядовые или религиозные церемонии. На раскопанных участках отмечены следы костров [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 76–80]. На левом берегу ручья Кызылкеныш, разделяющего памятник на две части, раскопаны

*Работа выполнена при поддержке гранта АР09261083 «Транскультурные коммуникации в эпоху поздней бронзы (Западная Сибирь – Казахстан – Центральная Азия)» КН МНВО РК.

металлургические печи и обнаружены отходы литейного производства (медные и железные шлаки). Кроме того, в большом количестве найдены костяные изделия и их заготовки. Т.о. обнаружен ремесленный квартал.

А.Х. Маргулан дал краткое описание поселения Аккезен [1979, с. 261–263]. Оно расположено в широком логоу у восточного подножия горы Котур-Кызылтау, в 7 км к юго-востоку от поселения Байбала и 7 км к западу от аула Акбаур Шетского р-на Джезказганской обл. на площади ок. 5 га. Общее число строений в нем – около 60, из них около половины являются жилыми постройками. В плане поселение имеет много общего с другими поселениями эпохи бронзы Центрального Казахстана: сооружения расположены полукольцом, оставляя в центре свободную площадку, открытую с востока и северо-востока. Поселение имеет две части: более древнюю северную и более позднюю южную. Жилища северной части состоят исключительно из землянок (20) преимущественно овальной формы, но встречаются также котлованы прямоугольной и подквадратной формы. Площадь самых крупных землянок 325 м², средних 130–150 м², малых 50–60 м², глубина от 0,4 до 0,8 м.

Характерно, что погребальные сооружения находятся рядом с жилищами, что наблюдалось в древней части поселения Бугулы I. Совершенно иной представляется топография южной части поселения Аккезен. Жилища здесь наземные, отличаются более мощной конструкцией каменных стен, крупными размерами. Они построены горизонтальной кладкой из длинных каменных блоков и укреплены крупными опорными плитами. Жилых строений из камня 9, из них 3 относятся к типу длинных домов. Площадь наиболее крупных 330 м² (30 × 11 м), средних 264 м² (22 × 12 м). Наибольший интерес представляют остатки длинных домов, или многокамерных помещений, вытянутых с востока на запад, с поперечным делением внутреннего пространства.

Вне черты поселения на поминальных холмах имеется святилище с захоронением, принадлежащим главе рода. В плане это квадрат размером 13 × 12 м, сложенный из грубо обработанного камня. Судя по характеру сооружения, святилище хронологически одновременно постройкам южной части поселения. Стены его опущены в грунт на глубину до 0,6 м и сложены из двух рядов гранитных плит, установленных на ребро [Маргулан, 1979, с. 261–263]. Установлено, что площадь памятника составляет 22 га. Выявлено 80 построек в виде каменных конструкций и западин жилищных котлованов с каменными стенами. В 2020 г. раскопана часть металлообрабатыва-

ющей мастерской. Найдены теплотехническое сооружение, изделия из металла, литейная форма, литейный брак, каменные орудия металлообработки. Мастерские металлургов занимали в пределах поселения особый участок [Варфоломеев, 2022].

Семиярское поселение расположено на высокой береговой террасе у с. Семиярка Бескарагайского р-на Восточно-Казахстанской обл. Площадь памятника составляет более 100 га. На ней фиксируются остатки не менее 100 сооружений. На космоснимках памятника хорошо прослеживается уличная планировка городища, поквартальная застройка с квадратными и прямоугольными домами площадью от 400 до 800 м². В 40–50 м к западу от основной группы построек расположены остатки крупного прямоугольного земляного сооружения размером 56 × 72 м, ориентированного длинной осью с востока на запад. В настоящее время стены постройки представляют собою оплывшие насыпи высотой более метра и до 10 м шириной, но в древности стены могли иметь толщину и высоту от 3 до 5 м. В западной стене строения находился вход, а внутри – ровная площадка. Вероятно, это остатки здания общественного культового назначения [Мерц, 2017].

Формирование городских центров свидетельствует о зарождении своеобразной цивилизации в степной зоне Казахстана во второй половине II тыс. до н.э.

*Научный руководитель – В. В. Варфоломеев
канд. ист. наук, ассоциированный профессор,
Карагандинский университет им. Е.А. Букетова*

Список литературы

Варфоломеев В.В. Металлообрабатывающая мастерская на поселении Аккезен, Центральный Казахстан // Археология Евразийских степей. 2022. № 2. С. 225–243.

Варфоломеев В.В., Ломан В.Г., Евдокимов В.В. Кент – город бронзового века в центре Казахских степей // Материалы и исследования по культурному наследию. Астана: Казах. науч.-исслед. ин-т культуры, 2017. Т. XI. 338 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

Мерц В.К. Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье // Улкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay. 2017. № 3 (4). С. 494–509.

Planographic Characteristics of the Settlements of Kent, Akkezen, Semiyarskoye

S.K. Serikbai

The planographic features of the settlements Kent, Akkezen, Semiyarskoye are analyzed. These settlements have a number of common and distinctive features. Settlements are characterized by large sizes, Kent – 30 hectares, Akkezen – 22 hectares, Semiyarskoye – more than 100 hectares. Craft quarters have been opened in Kent and Akkezen. In Semiyarsky and Kent there are large fenced areas – places of public meetings. The street layout is fixed at the Seminary settlement. They were inhabited by carriers of the roller ceramic tradition with a certain proportion of the foreign-cultural population. Economic and social processes in the second half of the II millennium BC contributed to the formation of proto-urban centers. The formation of proto-urban centers testifies to the origin of a peculiar civilization in the steppe zone of Kazakhstan in the second half of the II millennium BC.

Keywords: Central Kazakhstan, East Kazakhstan, Bronze Age, roller type ceramics, Kent, Akkezen, Semiyarskoye, protogoroda.

Серикбай Шынгыс Қуанышулы

студент 1-го курса

Карагандинский университет им. академика

Е.А. Букетова

e-mail: shingizpq800@gmail.com

Serikbai Shyngys Kuanyshtuly

1st year student

Karaganda University named after Academician

E.A. Buketov

e-mail: shingizpq800@gmail.com

УДК 903.59

Погребение знатного воина из могильника Исаковка I

П.А. Соларев

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

Важнейшими процессами в развитии саргатского общества являлось социальное расслоение и выделение знати. Общественная жизнь населения была связана с ведением боевых действий, в связи с чем особым статусом стали обладать воины, вооруженные как защитным, так и наступательным оружием. Археологические свидетельства этих процессов можно обнаружить во внутреннем устройстве могил и надмогильных сооружений. Широко известно богатое погребение воина из могильника Сидоровка в Среднем Прииртышье [Матющенко, Татаурова, 1997]. Информация о не менее богатом захоронении из мог. 6 кург. 3 памятника Исаковка I лишь фрагментарно представлена в отдельных публикациях. Целью данной работы является реконструкция статуса погребенного в этой могиле на основе обобщения всех доступных материалов.

Курганный могильник Исаковка I (II–IV вв. н.э.) расположен на правом берегу р. Иртыш в Горьковском р-не Омской обл. у д. Исаковка. Он изучался Иртышским отрядом Института археологии в 1976 г. и Среднеиртышской археологической экспедицией Омского госуниверситета в 1989 г. под руководством Л.И. Погодина [Погодин, 1990]. Ряд признаков позволяет предположить, что в рассматриваемой могиле был захоронен знатный воин.

Особенности конструкции. Насыпь кург. 3 перекрывала семь отдельных могил. Несмотря на то, что мог. 6 не занимала центральное положение, она вы-

делялась своими крупными размерами (3 × 4,25 м). Погребение перекрывали бревна, уложенные в три слоя [Погодин, 1990]. Под ними находился костяк мужчины 30–35 лет, которого сопровождал многочисленный и разнообразный сопроводительный инвентарь [Федотова и др., 2019].

Оружие и защитное вооружение. Эта категория инвентаря встречается во многих саргатских могилах. Чаще всего оружие представлено наконечниками стрел, ножами и кинжалами. Однако встречаются и могилы с тяжелыми видами холодного оружия – мечами, копьями и костяными или железными доспехами. Такой набор мог принадлежать воинам, имевшим высокий социальный статус. В исаковском погребении обнаружен железный меч без навершия с прямым перекрестием в деревянных ножнах, окрашенных в ярко-красный цвет и покрытых лаком [Погодин, 1998а, с. 20, 31]. Также там находился богато украшенный кинжал в деревянных ножнах, окрашенных в черный цвет. С лицевой стороны ножен были прикреплены шесть золотых блях-фалар с изображением плывущих по кругу трех уток. Кинжал удерживался на поясе при помощи ремней, один из которых был прикреплен к ножнам серебряными заклепками, а другой золотыми. К ножнам присоединялись три золотые инкрустированные подвески с изображением кошачьего хищника, грызущего антилопу [Там же, с. 36–38]. Также обнаружены железные

наконечники стрел, втульчатое двухлопастное железное копье, железный панцирь и боевой пояс, состоящие из железных прямоугольных пластин, остатки металлического шлема сфероконической формы с нащечниками [Там же, с. 48, 54–56, 60–64].

Одежда и украшения. Остатки тканей с золотным шитьем позволяют считать, что погребенный был одет в длинную шелковую куртку, узкие шелковые штаны и матерчатую обувь, шитые золотными нитями. Слева от него сохранились остатки золотой накидки [Погодин, 1996, с. 126–127]. Основой ткани был шелк, имеющий красно-бурый оттенок, также выявлен и фрагмент ткани из шерсти [Глушкова, 2001, с. 110–111]. Рукава куртки были обшиты золотыми пронизками, а обувь украшали золотые ажурные пряжки [Погодин, 1996, с. 126]. У погребенного был лакированный пояс с двумя золотыми пластинами с изображением борьбы змея с верблюдом [Лившиц, 2002, с. 43; Погодин, 1990]. С внешней стороны его покрывал красный лак, а изнутри черный [Погодин, 1998б, с. 30]. В могиле сохранились остатки двух шелковых покрывал с золотным шитьем. Первое, узкое, находилось под телом умершего. Второе, более широкое, укрывало все погребальное ложе. На обоих сохранился орнамент [Погодин, 1996, с. 127]. Золотное шитье выполнено шелковыми нитями с золотой обмоткой [Федотова и др., 2019]. Среди других ценных вещей в могиле были золотая массивная гривна, золотая серьга с инкрустацией и золотой инкрустированный чубук с головой тигра [Погодин, 1990].

Посуда. В ногах погребенного находился кувшин, ближайшие аналоги которого известны в предгорьях Северного Кавказа. Органика из заполнения кувшина указывает на то, что он использовался при производстве слабоалкогольного напитка на основе меда с добавлением злаков и рыбного клея [Шарапова и др., 2022, с. 430–462]. Справа от умершего располагался сосуд закрытой баночной формы со встроенным железным стержнем. Первоначально он был подвешен к потолку погребальной камеры. Анализ заполнения позволяет предполагать наличие в нем остатков ладана на основе босвелии [Киселева и др., 2020]. В погребении обнаружены три серебряные чаши. Первая имела ложчатую форму. В центре второй изображены три дельфина, чередующиеся с тремя цветками. У края чередовались изображения уток и дельфинов. Обе имели надписи на хорезмийском языке. В центре третьей чаши был выгравирован большой цветок, а по внешнему краю нанесена надпись на парфянском языке [Лившиц, 2002, с. 43, 51, 54]. В погребении обнаружен кожаный сосуд, изнутри окрашенный ярко-красным лаком, а с внешней стороны черным (по нему красным лаком нанесен

облачный орнамент, характерный для ханьского Китая) [Погодин, 1998б, с. 27]. Другие находки представлены двумя бронзовыми котлами, чайником на поддоне с изображением оленя на крышке, ручкой в виде изогнутого дракона и личиной на носике, а также двумя лепными сосудами [Погодин, 1990]. Наличие дорогой посуды, в т.ч. импортной, также является показателем высокого статуса умершего.

Предметы быта. К ним можно отнести два каменных оселка и пряслице из белого камня [Погодин, 1990]. Их находки в могиле позволяют предположить, что мужчина не занимался хозяйственной деятельностью.

Ближайшим аналогом данного погребения является богатое захоронение из могильника Сидоровка. Исследования на основе статистической обработки саргатских погребений показывают, что сидоровское и исаковское захоронения по количеству и качеству сопроводительного инвентаря выделяются в отдельную категорию захоронений высшей воинской аристократии [Матвеева и др., 2013, с. 16].

Таким образом, дорогая посуда, остатки одежды и тканей с золотным шитьем, значительное количество украшений, а также предметы импортного происхождения демонстрируют высокий статус погребенного из могильника Исаковка I. Наличие же полного набора вооружения указывает на то, что он был тяжеловооруженным воином.

*Научный руководитель – И.В. Толпеко
канд. ист. наук, доцент,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского*

Источники

Погодин Л.И. Отчет об археологически раскопках курганов у д. Исаковка Горьковского и Нижнеомского районов Омской области, проведенных Омским государственным университетом в 1989 г. // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 65-1.

Список литературы

Глушкова Т. Н. Текстильные материалы Исаковского I могильника // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С. 110–113.

Киселева Д.В., Данилов Д.А., Домрачева Д.В., Труфанов А.Я., Хорькова А.Н., Шарапова С.В. Хроматографическое изучение растительной смеси из элитного погребения саргатской культуры в Среднем Прииртышье // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15, № 5. С. 657–663.

Лившиц В.А. Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1 // Вестн. древней истории. 2002. № 2. С. 43–56.

Матвеева Н.П., Хайдукова Д.В., Долгих А.С. Реконструкция костюма воина из могильника Сидоровка

(Западная Сибирь) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2013. № 2. С. 7–20.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.

Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: Ом. гос. ун-т, 1998а. 84 с.

Погодин Л.И. Золотое шитье Западной Сибири (первая половина I тыс. н.э.) // Исторический ежегодник. Омск, 1996. С. 123–134.

Погодин Л.И. Лаковые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века // Взаимодей-

ствие саргатских племен с внешним миром. Омск, 1998б. С. 26–38.

Федотова Ю.В., Анкушев М.Н., Блинов И.А., Шарапова С.В. Электронная микроскопия драгоценных нитей могильника Исаковка и городища Болгар // Геоархеология и археологическая минералогия. Миасс, 2019. Т. 6. С. 129–134.

Шарапова С.В., Труфанов А.Я., Киселева Д.В., Шагалов Е. С., Данилов Д.А., Хорькова А.Н., Окунева Т.Г., Солошенко Н.Г., Рянская А.Д., Упорова Н.С. Об одной находке северокавказской керамики в элитном погребении Исаковка I (Западная Сибирь) // История, археология и этнография Кавказа. Махачкала, 2022. С. 429–462.

Burial of a noble Warrior in the Burial Ground of Isakovka I

P.A. Solarev

Many burial mounds of the Sargat culture were discovered on the territory of Western Siberia. Most of all, the mounds of the Sargat culture have been preserved on the territory of the Irtysh region. Earlier in the Irtysh region, a burial of a noble warrior from the Sidorovka burial ground was discovered. However, another surviving burial from the Isakovka I burial ground was not published. This article provides data indicating that the burial belonged to a noble warrior from the Sargat society. The author lists such types of inventory as weapons, utensils, jewelry and household items. The presence of all types of weapons in the burial indicates that the deceased was a heavily armed horseman. A large number of expensive jewelry made of gold and silver, as well as clothes with gold threads, indicates a very high status of the deceased. The presence of a large amount of ceramics indicates the ritual of offering food to the deceased and also indicates his high status.

Keywords: early Iron Age, Sargat culture, Middle Irtysh region, Isakovka I.

Соларев Павел Александрович

студент 4-го курса

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

e-mail: solaryov2014@yandex.ru

Solarev Pavel Alexandrovich

4th year student

Dostoevsky Omsk State University

e-mail: solaryov2014@yandex.ru

УДК 902.2

Металлургический комплекс поселения Алат

А.М. Тагленов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

В I тыс. до н.э. железо становится основным материалом, давшим толчок развития материального производства. Железные изделия, полученные из кричного сырья, известны на достаточной широкой территории Евразии и отражают длительный процесс формирования металлургии железа в общем ареале культур Евразийской металлургической провинции, куда входит территория Казахстана. Поселение Алат, на восточной окраине которого расположена металлургическая площадка, находится в 7 км от поселка Кент вверх по течению р. Кызылкеныш. Река протекает по территории Каркаралинского национального природного парка, входящего в Кентский горнолесной массив. Жилая площадка занимает часть левобережной надпойменной террасы у подножия одного из горных хребтов, поросшего смешанным сосново-березовым лесом.

Поселение было открыто в 1985 г. И.В. Рудковским и В.В. Варфоломеевым благодаря находкам шлаков. Шлаки пористые, черного и темно-коричневого цвета, с включениями древесного угля и кварцитов, в изломе раковистые, блестящие, черные с зеленоватым отливом. По внешним признакам они отличаются от медных шлаков из памятников эпохи бронзы. В 1991 г. отрядом археологической экспедиции Карагандинского госуниверситета под руководством И.В. Рудковского на восточной окраине жилой площадки был заложен раскоп площадью 81 м², в котором были обнаружены многочисленные корольки бронзы, фрагменты валиковой керамики. Исследования памятника продолжилось и в последующие годы.

Выявленный в восточной части поселения комплекс по производству меди, бронзы, железа включает в себя горы, бронзолитейную печь, производ-

ственно-бытовые постройки, ямы производственного назначения, специфический комплекс каменных орудий труда, что позволяет отнести его к производственной металлургической площадке (ПМП).

К объектам горновой площадки верхнего горизонта ПМП отнесены: четыре железovarочных горна, шесть ям производственного назначения и 11 столбовых ям, две каменные постройки производственно-бытового назначения и три каменные печи.

Зафиксированы также пять зольников. Культурный слой и зольники содержали многочисленные фрагменты керамики, изделия из бронзы, камня, рога, кости животных [Евдокимов, Жауымбаев, 2013, с. 228]. По форме сосудов, технологии изготовления, технике нанесения орнамента, элементам узора и характерному налепному валику керамика относится к алексеевскому типу [Кузьмина, 1994, с. 122–126].

Поселение Алат входит в круг памятников общности культур валиковой керамики (ОКВК) и датируется в рамках XIII–IX вв. до н.э. В этот хронологический диапазон укладываются и бронзовые изделия, обнаруженные в раскопе – топор-тесло и нож. К периоду ОКВК, судя по наличию валиковой керамики в нижнем и верхнем строительном горизонтах, относится и часть производственной металлургической площадки, вскрытая в 2004 г. Широкий круг аналогий для обнаруженной керамики определяет общую культурно-хронологическую позицию ПМП в рамках алексеевской культуры.

Производственная металлургическая площадка Алат входит в круг объектов Центрально-Казахстанского варианта культуры эпохи поздней бронзы [Черных, 1983]. При этом с учетом стратиграфической позиции строительных горизонтов верхний горизонт, соотносимый с горнами для варки кричного железа сыродутным способом, представляется возможным датировать рубежом II–I тыс. до н.э.

Выявленная на производственной площадке в 2016 г. железоплавильная печь имеет важное научное значение, так как ранее на территории Казахстана подобные печи не встречались. На глубине 0,35 м был зафиксирован развал камней стенок железоплавильной печи, завалившихся внутрь плавильной камеры и стока. Дно и стенки плавильной камеры и стока имеют стекловидный слой, образовавшийся от высокой температуры плавления. Изначально печь имела эллипсоидную форму,

диаметром около 40 см, глубиной до 30 см, стенки обложены камнями, у выхода находилась производственная яма. В заполнении печи были найдены сопло, маленькие кусочки железа, шлаки, руда, кости животных [Жауымбай, 2020].

По мнению ведущего специалиста в области металлургии Восточной Азии проф. университета Эхимэ (Япония) Ясуюки Мураками, который принимал участие в исследовании памятника, металлургический комплекс Алат – уникальный специализированный археологический объект древнего производства на территории Центрального Казахстана. На нем впервые выявлены археологически полноценные металлургические печи для выплавки медной руды и для плавки железа на территории производственной площадки. S-видный комплекс по своей конструкции и монументальности не имеет аналогов среди известных печей эпохи бронзы Евразии, а железоплавильная печь является единственным объектом такого рода в Казахстане. Согласно серии радиоуглеродных AMS-дат, памятник датируется XIII в. до н.э., что позволяет пересмотреть хронологию начального периода эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана, а также производства железа.

*Научный руководитель – Т.В. Брынза
ст. преподаватель кафедры археологии и этнологии,
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева*

Список литературы

Евдокимов В.В., Жауымбаев С.У. Горизонт железovarочных горнов производственной площадки поселения Алат эпохи поздней бронзы // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013. С. 228–237.

Жауымбай С.У. Начало освоения железа в Казахских степях в эпоху поздней бронзы (производственно-металлургический центр Алат в Сарыарке) // Улкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altay 6 (2). 2020. С. 827–828.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Наука, 1994. 464 с.

Черных Е.Н. Проблемы общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81–89.

Metallurgical Complex of Alat Settlement

A.M. Taglenov

The natural riches of Central Kazakhstan caused the prosperity of the tribes of this region, huge deposits of copper ores were used in the production of metal products, for domestic use and for exchange of neighboring tribes. This article examines the metallurgical complex, the Late Bronze Age settlement of Alat in central Kazakhstan. The research on the monument revealed a well-developed metallurgical industry. The site of the monument revealed developed metallurgical production, which is confirmed by the presence of bronze smelting furnaces, numerous metal products, by-products of smelting slag,

ore, etc. The iron smelting furnace, unique for Kazakhstan, is of special interest, which allows to confirm the transition to iron smelting already in XIII century B. C. A. D., which is supported by a series of radiocarbon AMS.

Keywords: Alay, Central Kazakhstan, Bronze Age, metallurgy, floating iron furnace, iron slag.

Тагленов Амир Максutowич

студент 3-го курса

Евразийский национальный университет

им. Л.Н. Гумилева

e-mail: 0dolodil111@gmail.com

Taglenov Amir Maksutowich

3rd year student

L.N. Gumilev Eurasian National University

e-mail: 0dolodil111@gmail.com

УДК 94(395.1)

Происхождение сережек «саргатского типа» из Сибирской коллекции Петра I

К.М. Тарнакова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Сибирская коллекция Петра I является старейшим в России музейным собранием археологических раритетов. Она состоит из 250 собранных вначале XVIII в. золотых и серебряных «бугровых» вещей из Западной Сибири. В составе коллекции обращают на себя внимание четыре серьги, относящиеся не менее чем к трем разным комплектам [Руденко, 1962, табл. XX, 15, 16, 18, 19].

Серьги состоят из проволоочной дужки, припаянной к круглому или каплевидному щитку со стеклянной или пастовой вставкой, обрамленной бортиком, украшенным треугольниками из калиброванной зерни. К нижнему краю серег припаяны проволоочные кольца, украшенные тремя пирамидами из шариков зерни.

Практически идентичная серьга входила в собрание сибирских древностей Н. Витсена и была опубликована им в книге «Северная и Восточная Татария» [Руденко, 1962, рис. 2; Завитухина, 1999, с. 102–104, рис. 5]. Связь коллекций Витсена и Петра I прослеживается и по ряду других параллелей, указывающих на единство их происхождения.

В Сибири ближайшими аналогиями серег из петровской коллекции являются находки из погребений саргатской культуры. Например, две серебряные с позолотой серьги найдены в могиле № 2 кургана № 2 Тютринского могильника [Матвеева, 1993, с. 113, рис. 31, 32, 33]. Две серьги нашли в погребении № 7 кургана № 6 и еще одну в погребении № 5 кургана № 2, могильника Абатский-3 [Матвеева, 1994, с. 113, рис. 31, 33, 36, 3]. Один золотой экземпляр с ромбическим щитком присутствовал в могиле № 2 кургана № 1 могильника Сидоровка [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 23, 7]. На основании этих параллелей А.В. Матвеев предложил данный тип изделий называть «серьгами саргатского типа»,

отмечая, что таких нет ни в Северном Причерноморье, ни в Средней Азии [Матвеев, 2004, с. 128].

Следует отметить, что серьги по ряду технологических решений не выглядят как продукция местного саргатского производства и более схожи с античными украшениями. На это указывает использование зерни, элементы декора в виде опрокинутой пирамидки, высокая проволоочная дужка, применение различных цветных камней, стекла и пасты, связанных с развитием «полихромного стиля».

Серьги, напоминающие образцы из сибирской коллекции, встречаются в римском ювелирном деле I–II вв. до н.э. [Симоненко, 2011, с. 95–96]. Общим с сибирскими образцами является массивный круглый щиток с цветными вставками и припаянная высокая проволоочная дужка, отличиям являются подвижные подвески. По мнению П. Дэвидсон и Д. Оливера, такие серьги более характерны для Восточного Средиземноморья. Найдены они так же в сарматском погребении Нагайчикского кургана [Трейстер, 2000, с. 190–192].

Датировка саргатских памятников, содержащих серьги описанного типа, определяется в пределах I–III вв. н.э.: Тютринский могильник – I–II вв. н.э. [Матвеев, 2004, с. 127–128], Абатский-3 – I–III вв. н.э. [Матвеева, 1994, с. 113, рис. 31, 33, 36, 3], Сидоровка – II–IV вв. н.э. [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 82]. Таким образом, наиболее вероятное время появления серег Петровской коллекции в Западной Сибири следует отнести к I–II вв. н.э.

Местом изготовления их, вероятнее всего, являются восточные провинции Римской империи. В это время в саргатских памятниках появляются и другие предметы римского импорта – фибулы, бусы, стекло. Основным проводником проникновения этих предметов являются сарматские племена,

а причиной – постепенное усиление римского влияния в Северном Причерноморье.

*Научный руководитель – И.А. Дураков
канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной
и всеобщей истории,
Новосибирский государственный педагогический
университет*

Список литературы

Завитухина М.П. Н.К. Витсен и его собрание сибирских древностей // Археологический сборник. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1999. С. 102–114.

Матвеев А.В. Затерянный мир Ингальской долины. Тюмень: Дом печати. 2004. 144 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 174 с.

Матюшенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л.: ИА АН СССР, 1962. 52 с. (САИ. ДЗ-9).

Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филол. фак-т СПб. гос. ун-та; Нестор-История, 2011. С. 94–109.

Трейстер М.Ю. О ювелирных изделиях нагайчикского кургана // ВДИ. 2000. № 1. С. 182–202.

The Origin of the «Sargat type» Earrings from the Siberian Collection of Peter the Great

К.М. Tarnakova

This article explores the origin of earrings with an instructed shield from the Siberian Collection of Peter the Great. The similarity with an identical earring presented in the collection of Siberian antiquities by N. Witsen is noted. The main analogies from the monuments of the Sargat culture are given. Technological solutions for the manufacture of earrings were considered, similarities with antique jewelry were revealed. The comparison with the samples of Roman jewelry of the I–II centuries BC is made. Also, in order to identify the most probable time of the appearance of the earrings of the Petrovsky collection in Western Siberia, the dating of Sargat monuments containing earrings of the type in question was compared. An attempt was made to establish the territory of distribution and the time of penetration of this type of earrings into Western Siberia.

Keywords: Western Siberia, Siberian collection of Peter I, earrings with a shield, Sargat culture, Roman import.

Тарнакова Кристина Михайловна

студентка 2-го курса

Новосибирский государственный педагогический университет

e-mail: kristina2000.nvkz@gmail.com

Tarnakova Kristina Mikhailovna

2nd year student

Novosibirsk State Pedagogical University

e-mail: kristina2000.nvkz@gmail.com

УДК 902.01

Предметы сарматского вооружения в материалах памятников саргатской культуры*

А.В. Титова, А.А. Некраш

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Импортные предметы в материалах саргатской культуры (VII в. до н.э. – V в. н.э.) встречаются на протяжении всей истории ее существования и на всей территории распространения. Привозные вещи в саргатской культуре делятся на несколько категорий, такие как предметы вооружения, орудия труда, части доспеха, предметы конской упряжи, культовые предметы, украшения. Исследователи выделяют несколько центров, откуда предметы поступали к носителям саргатской культуры. Такими центрами являются как ближайшие соседи саргатцев (носители кулайской, ананьинской, большереченской культур и т.д.), так и территория

Поволжья, Ханьского Китая, Средней Азии и т.д. [Матвеева, 1993, с. 157]. В данной работе мы рассмотрим предметы сарматского вооружения, найденные в памятниках саргатской культуры.

Мечи и кинжалы. Военное дело племен саргатской культуры испытывало на себе сильное влияние сарматского населения Приуралья. Это отразилось, прежде всего, на оружии ближнего боя. С V–IV вв. до н.э. здесь распространяются длинные железные мечи [Соловьев, 2003, с. 85].

Находки мечей и кинжалов в саргатских памятниках встречаются довольно часто. Например, меч и кинжал из Сидоровского могильника под-

*Работа выполнена по гранту РНФ, проект № 22-18-00012.

робно описаны исследователями. Железный меч без навершия из погр. 2 кург. 1 находился на костях погребенного от локтя правой руки до левого колена. На нем зафиксированы остатки ножен из дерева, обтянутых кожей красного цвета. Мечи со стержнем для рукояти хорошо известны в сарматских памятниках Нижнего Поволжья и датируются II–IV вв. н.э. [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 62]. Изделия, подобные кинжалу из Сидоровского могильника, также имеют широкое распространение в саргатских, сарматских и других памятниках. Рассматриваемая находка из погр. 2 кург. 1 лежала вдоль правого бедра умершего с остатками деревянных ножен, обтянутых красной кожей. Аналоги кинжалу известны в сарматских погребениях Украины, в Поволжье и на Южном Урале. Подобные кинжалы относятся к прохоровскому типу и датируются III–II вв. до н.э. [Там же].

Предметы сарматского вооружения были обнаружены в Гаевском могильнике. Железный кинжал с прямым брусковидным перекрестием и серповидным навершием из погр. 4 кург. 6 относится к группе мечей прохоровского типа. Клинковое оружие такой формы известно с рубежа IV–III вв. до н.э., является типичным для раннесарматской культуры, широко используется до II в. до н.э. включительно. Несколько находок мечей прохоровского типа известно в комплексах II–I и I вв. до н.э. [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 42].

Наконечники стрел. Среди импортного вооружения в материалах саргатской культуры преобладают наконечники стрел. В ряде саргатских памятников были обнаружены костяные, железные, бронзовые наконечники, часть которых относится к сарматскому импорту. Например, бронзовые наконечники с гладкими гранями, с ровным или дуговидным основанием (по типу совпадают с трехгранными наконечниками сарматской классификации) встречаются в памятниках VI–II вв. до н.э. Более характерны для иртышских погребений, нежели для приишимских и притобольских [Корякова, 1988, с. 61]. В материалах Усть-Тартасского могильника изучен небольшой бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы с дуговидной выемкой у основания. Он аналогичен раннесарматским наконечникам IV в. до н.э. [Троицкая, Автушкова, 2003, с. 57].

В Савиновском могильнике было выделено несколько типов наконечников, которые бытовали почти одновременно. Например, железные трехлопастные черешковые наконечники датируются IV в. до н.э. – III в. н.э.; имеют аналоги у сарматов, населения Средней Азии, Сибири [Матвеева, 1993, с. 21]. У поздних сарматов во 2-й половине II – III в. н.э. появляются двухчастные наконечни-

ки, подвески которых аналогичны экземплярам из Савиновского могильника [Проконова, 2021, с. 225]. Эволюция железных наконечников в вооружении саргатских племен, видимо, повторяет их эволюцию у сарматов. Железных наконечников почти вдвое меньше, чем костяных, хотя по встречаемости они стоят на первом месте. В погребении обычно содержатся от одного до четырех наконечников, редкие захоронения содержат до семи и более экземпляров [Корякова, 1988, с. 64].

Копье. В некоторых саргатских памятниках встречаются уникальные предметы вооружения. Например, в Сидоровском могильнике, в погр. 2 кург. 1 между западной стенкой могильной ямы и стенкой погребального ложа найден наконечник копья с массивным пером и короткой втулкой. Такие копья не характерны для территории лесостепи и степи Сибири и Казахстана, но часто встречаются в лесной полосе. Авторы исследования относят данное копье к среднесарматскому периоду IV–III вв. до н.э., подобные копья появляются в Центральной Азии не позднее VI в. н.э. Копье из Сидоровки может датироваться не ранее II в. до н.э. и позднее [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 63].

Таким образом, предметы вооружения сарматского происхождения были популярны среди саргатского населения. Пути проникновения данных изделий могут быть разными. Первый из них может быть связан с военными походами. Так, в саргатских памятниках Среднего Притоболья много инвентаря типично сарматских форм, в частности, оружие, зеркала, жертвенники, курительницы. Столь интенсивный приток импортных изделий в лесостепь объясняется, вероятно, тем, что среднетобольские племена примыкали к политическому союзу сарматов и совершали с ним военные походы и торговые экспедиции в Среднюю Азию [Матвеева, 1993, с. 158].

Вторым путем проникновения сарматского оружия в саргатскую среду могут быть торгово-обменные связи. В исследовании Н.П. Матвеевой указано, что наиболее вероятными стоимостными эквивалентами, которыми саргатские вожди мерили привозные товары, являлись домашний скот, возможно, зерно, но в особенности пушнина. Именно ее саргатцы, будучи в большей мере пастухами (и отчасти земледельцами), чем охотниками и рыбаками, лучше всего скупали (или брали в качестве дани) у таежных западносибирских народов. Сами саргатцы не занимались добычей пушнины на вывоз, но они были посредниками в торговле ею для таежных племен Тобол-Иртышья [Матвеева, 1997, с. 75].

К тому же нельзя исключать того факта, что саргатское население могло по импортным примерам

самостоятельно изготавливать оружие сарматских форм. Например, известно, что племена саргатской культуры имели собственное железоделательное производство и металлообработку, несмотря на заимствование ими ряда форм оружия ближнего боя, изготовление его считается местным. Что касается оружия и орудий из бронзы (кельты, наконечники стрел), то данные о местном бронзолитейном производстве, с одной стороны, и состав металла – с другой, указывают на уральское происхождение сырья и большей части изделий [Матвеева, 1997, с. 67].

Таким образом, лесостепные племена на ранних этапах своей истории воспринимали многие достижения в военной сфере от южных кочевников. Во второй половине I тыс. до н.э. они не только усваивали, но и вносили свой вклад в общий процесс развития военного дела. Сарматские предметы вооружения, найденные в материалах саргатской культуры, указывают на прочные военные и торгово-обменные связи саргатского населения с сарматскими племенами.

*Научный руководитель – Л.Н. Мыльникова
д-р ист. наук, вед. науч. сотр., доцент,
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / В.А. Булдашев, А.А. Ковригин, Л.Н. Корякова и др. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 180 с.

Проконова М.М. Металлические изделия из памятников саргатской культуры Притоболья // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 4. С. 221–243.

Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА. 1997. № 2. С. 63–77.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. 198 с.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до Средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.

Троицкая Т.Н., Автушкова А.Л. Усть-Тартасский могильник (по материалам раскопок С.М. Чугунова) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 51–61.

Items of Sarmatian Weapons in the Materials of the Sargat Culture Sites

A.V. Titova, A.A. Nekrash

Imported items in the materials of the Sargat culture are known during its whole history and found throughout the entire territory where the culture existed. Researchers identify several centres from where imported items came to the Sargat population. These centres are represented by the closest neighbours of the Sargat culture (Kulai, Ananyino, Bolsherechenskaya cultures, etc.), and by the territory of the Volga river region, Han China, Central Asia, etc. In this research, we will present items of Sarmatian weapons found in the materials of the Sargat culture sites. The number of Sarmatian weapons in the materials of the Sargat culture represents the importance of the ties between the two cultures.

Keywords: Sargat culture, imported items, Sarmatian, weapons.

Титова Александра Вячеславовна

магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: alexandratitv@gmail.com

Некраш Алина Анатольевна

магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: nekrash.alina@mail.ru

Titova Alexandra Vyacheslavovna

2nd year master's degree student
Novosibirsk State University
e-mail: alexandratitv@gmail.com

Nekrash Alina Anatolyevna

2nd year master's degree student
Novosibirsk State University
e-mail: nekrash.alina@mail.ru

Оценка варибельности майкопской культуры по данным прикладной статистики

И.Е. Тюгашев

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В археологии раннего бронзового века уже более семидесяти лет идет обсуждение вариативности майкопской культуры. Оно проходило в двух аспектах – времени (периодизация) и пространства (география). Данные аспекты рассматривались исследователями зачастую совместно или неразрывно. Так, А.А. Иессен, изначально разделивший «раннекубанскую культуру» на раннюю майкопскую и позднюю новосвободненскую подгруппы, предполагал, что они отличаются отчасти по своему ареалу. Он отмечал, что керамика археологических комплексов «дает обычно множество узколокальных вариаций», и на основании ее исследования можно уже выделить территориальные подгруппы хотя бы для среднекубанского времени [Иессен, 1950].

В данной работе мы рассмотрим основания пространственной группировки памятников майкопской культуры. Наиболее распространенными на данный момент являются концепции С.Н. Кореневского и А.Д. Резепкина.

С.Н. Кореневский выделяет четыре локальных варианта майкопской культуры – галюгаевско-серегинский, псекупский, новосвободненский и долинский. Несмотря на отмечаемые локальные и хронологические отличия памятников, а также, возможно, разные пути их формирования, С.Н. Кореневский, тем не менее, объединяет их в единую майкопско-новосвободненскую общность (МНО) [Кореневский, 2004, с. 9, 49–63].

А.Д. Резепкин придерживается иной точки зрения. Он считает, что новосвободненские памятники – это отдельная новосвободненская культура, и объединение ее с майкопской в единую общность невозможно. Внутри самой майкопской культуры он выделил три группы поселений: закубанская (Псекупс, Пхагугапе, Беляевское, Серегинское, Чекон), среднекубанская (Большетегинское, Усть-Джегутинское) и центральная (Галюгаевское I) [Резепкин, 2009].

При определении территориальных вариантов упомянутые авторы используют один и тот же материал – керамику поселений майкопской культуры. Однако методы выделения локальных групп у авторов различаются. Каждый создал собственную классификацию керамики. С.Н. Кореневский разработал классификацию по формам целых сосу-

дов. Основой для выделения локальных вариантов майкопской культуры стал анализ только круговой керамики [Кореневский, 2004, с. 49–50].

А.Д. Резепкин составил классификацию керамики на основе анализа форм венчиков. Обосновывается это тем, что на поселениях редко удается найти целую посуду, а нижние части почти у всех сосудов имеют либо круглое, либо уплощенное дно. Классификация мисок состоит из 15 типов, сосудов также – из 15 типов. А.Д. Резепкин посчитал, что таким образом были учтены практически все типы посуды, за исключением каких-либо уникальных. Стоит отметить, что в эту классификацию автор не включил новосвободненскую керамику, так как он отделяет новосвободненскую культуру от майкопской [Резепкин, 2009, 2012].

Кроме того, А.Д. Резепкину удалось сделать количественные выборки типов посуды на 8 поселениях майкопской культуры. На основе этого стал возможным статистический анализ керамического комплекса поселений. Как раз для выделения локальных групп майкопской культуры А.Д. Резепкин прибегает к описательной статистике. Он отмечает, что прямое числовое сопоставление поселений по представленности типов некорректно ввиду несоразмерности выборок. Поэтому автор по процентному соотношению типов на каждом поселении выясняет, какие из них близки друг другу, и таким образом выделяет локальные группы [Резепкин, 2009, 2012].

В данной работе мы проведем собственные статистические расчеты майкопской керамики по классификации А.Д. Резепкина [Бочковой и др., 2012; Резепкин, 2020] для проверки сходства/различия поселений майкопской культуры.

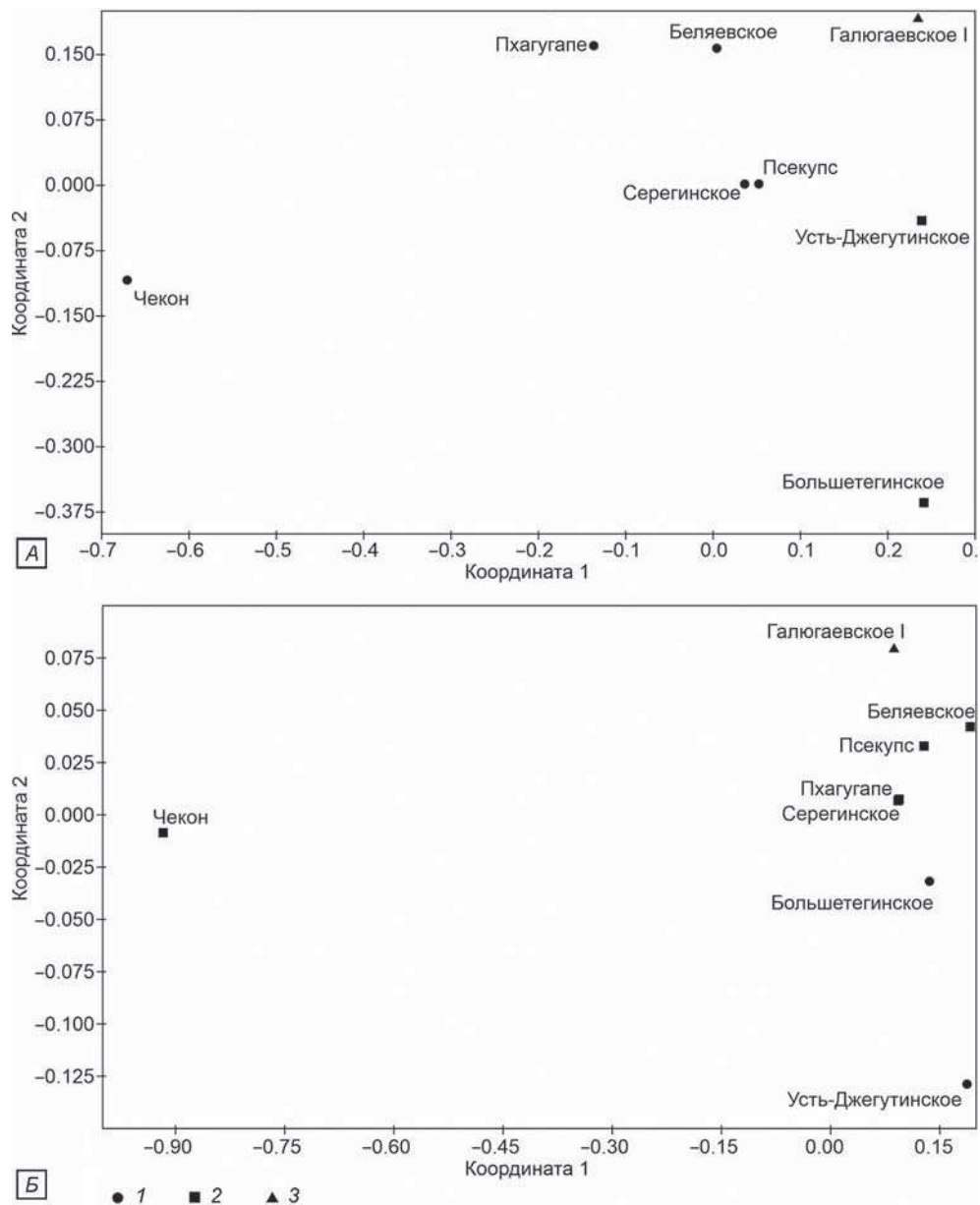
Ввиду большого количества типов-переменных (15 типов венчиков для мисок и 15 типов венчиков для сосудов) и малой выборки (8 поселений) для решения поставленной задачи был применен метод неметрического многомерного шкалирования (использовалась метрика расстояния Евклида). Для мисок и сосудов было сделано шкалирование по отдельности. Их совместное рассмотрение не имеет смысла из-за двукратного роста количества переменных. Для мисок было сделано неметрическое трехмерное шкалирование (уровень стресса 0). Для сосудов было сделано

неметрическое двумерное шкалирование (уровень стресса 0,05). Как уже было отмечено ранее, прямое сопоставление данных невозможно из-за несоразмерности выборок, поэтому была проведена z-стандартизация данных.

Результаты расчетов представлены на точечных диаграммах (см. рисунок). Как видно из построенных диаграмм, ситуация с мисками и сосудами несколько отличается. Если сравнивать поселения по наборам мисок (см. рисунок, А), то близкими оказываются поселения Псекупс и Серегинское, в то время как остальные поселения заметно отличаются как от них, так и друг от друга. Если сравнивать поселения по наборам сосудов (см. рисунок, Б), то практически

идентичными оказываются поселения Пхагугапе и Серегинское, в то время как остальные поселения отличаются как от них, так и друг от друга. Как представляется, статистически подтвердить выделенные А.Д. Резепкиным закубанскую и среднекубанскую группы не удастся. Во всех случаях внутри среднекубанской группы сильно отличаются друг от друга поселения Усть-Джегутинское и Большетегинское. Внутри закубанской группы имеют сходство по наборам мисок или сосудов лишь поселения Серегинское, Псекупс и Пхагугапе. Значительнее всего от остальных поселений отличается Чекон.

Таким образом, на основе построенной классификации керамики А.Д. Резепкина локальные груп-

Результаты статистических расчетов майкопской керамики по классификации А.Д. Резепкина.

А – неметрическое трехмерное шкалирование коллекций мисок; Б – неметрическое двумерное шкалирование коллекций сосудов.

1 – поселения закубанской культуры; 2 – поселения среднекубанской культуры; 3 – поселение центральной группы.

пы поселений майкопской культуры невозможно выделить методом неметрического многомерного шкалирования в той форме, в которой они представлены у автора классификации. Тем не менее, это вовсе не означает, что локальной вариабельности внутри майкопской культуры не существует. Вероятно, для их выделения и обоснования требуются другие основания и доказательства, например, наличие/характер орнаментации, типы очажных подставок, представленных на поселениях и тому подобное. Не исключено, что иначе построенная классификация майкопской керамики может показать совершенно иные результаты. Однако для этого снова потребуются количественный подсчет представленности типов на разных поселениях. Если оставаться в рамках классификации А.Д. Резепкина, то ввод новых данных из других поселений может дать больше ясности для анализа сходств/различия памятников по набору керамики.

*Научный руководитель – К.А. Колобова
д-р ист. наук, доцент,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Бочковой В.В., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Резепкин А.Д. Материалы поселения Чекон и клас-

сификация керамики майкопской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2. С. 95–100.

Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. Вып. 12. С. 157–201.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.

Резепкин А.Д. Миски из поселений майкопской культуры. Классификация // Пятая Кубанская археологическая конференция: мат-лы. Краснодар, 2009. С. 317–324.

Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации: XXVII Крупновские чтения. Мат-лы Междунар. науч. конф. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012. С. 125–128.

Резепкин А.Д. Керамика поселения майкопской культуры Чекон // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Махачкала, 2020. С. 138–140.

The Re-evaluation of the Variability of the Maykop Culture According to Applied Statistics

I.E. Tyugashev

The analysis of local and temporal variability takes a notable place in studies of the Maykop culture. Last geographical divisions of the Maykop culture are made by S.N. Korenevskiy and A.D. Rezepkin. These divisions are firstly based on the analysis of the Maykop ceramics with the use of different classification and understanding of the Maykop culture. A.D. Rezepkin formed his own classification drawing upon analysis of vessels rims. He used descriptive statistics (percentage of rim types on his own classification from each of eight settlements) to divide the Maykop culture in two local groups – the Middle Kuban group and the Left-Bank Kuban group. This article attempts to re-evaluate this division using non-metric multidimensional scaling method. The results do not confirm the validity of the Left-Bank Kuban and the Middle Kuban variants existence.

Keywords: Bronze Age, North Caucasus, Maykop culture, classification of ceramics, statistics, non-metric multidimensional scaling method.

Тюгашев Игорь Евгеньевич
магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: i.tyugashev@g.nsu.ru

Tyugashev Igor Evgenevich
2nd year master's degree student
Novosibirsk State University
e-mail: i.tyugashev@g.nsu.ru

К вопросу о назначении «штандартов» и наверший тагарской культуры

М.А. Фомин

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

На сегодняшний день тагарская культура является наиболее изученной среди всех археологических культур Южной Сибири. Более чем за два века ее исследования написано больше сотни работ, защищены кандидатские и докторские диссертации.

В то же время в изучении тагарской культуры существуют малоизученные и дискуссионные вопросы. К таковым относится семантика тагарских «штандартов» и наверший. В отечественной археологии существуют только две специальные публикации, посвященные изучению наверший [Егоров, 1967] и «штандартов» [Семашкевич, 2003] тагарской культуры. В остальных работах назначение этих предметов рассматривается опосредовано. Необходимо обратить внимание и на годы выхода в свет двух вышеозначенных публикаций. С момента их выпуска прошло не одно десятилетие. За это время значительно увеличилось число подобных находок, появились новые идеи об их семантике. Суммируя все вышесказанное, возникает необходимость в систематизации и последовательном изложении всех гипотез о семантике тагарских «штандартов» и наверший, чему посвящена настоящая работа.

На сегодняшний день общепринятых толкований данных терминов, которые были бы закреплены в специальных археологических словарях, не существует. Опираясь на наблюдения специалистов, предлагаем авторское толкование терминов. «Штандарт» (в тагарской культуре) – культовый предмет, тип бронзового навершия ажурной конической формы, имеющий втулку, украшенный фигурками горных козлов или баранов и использовавшийся в ритуально-погребальных обрядах. Навершие (в тагарской культуре) – декоративное бронзовое полое изделие, украшенное объемной фигурой горного козла (реже – барана, оленя, кулана), венчающее вершину каких-либо предметов.

Впервые сведения о тагарских «штандартах» и навершиях появляются в заметках историков и путешественников XVIII в. Г.Ф. Миллер в 1735 г. приобрел в Красноярске коллекцию древностей, в которую вошло семь тагарских наверший колоколовидной формы [Завитухина, 1978]. Он от-

метил, что эти предметы в древности использовались в качестве украшений гробов [Миллер, 1937, с. 522]. П.С. Паллас считал, что «штандарты» в древности являлись подсвечниками, на что указывал заметный слой сажи на этих предметах [1773, с. 453–454].

Научно обоснованные версии о семантике тагарских «штандартов» и наверший появляются в отечественной археологии с середины XX в.

С.В. Киселёв предположил, что «штандарты» и колоколовидные навершия могли использоваться в качестве боевых значков военачальников. Аргументация сводилась к следующему. С одной стороны, «пышность и необычная конструкция содержавшего значки погребения как бы подчеркивает выдающееся положение при жизни трех положенных в нем покойников». А с другой стороны, «обладатель значка отличался не только от массы рядового населения, но и от слоя воинов, в древнейших погребениях которых еще ни разу никаких наверший значков найдено не было. Возможно, что он являлся предводителем воинов племени» [1951, с. 232–233]. До 1970-х гг. мнение С.В. Киселёва было превалирующим.

В.Л. Егоров высказал идею об эволюции тагарских наверший из колоколовидной формы в трубчатую. Он указал при этом, что колоколовидные навершия активно использовались тагарцами на саргашенском этапе в качестве булавы, а трубчатые навершия, эволюционировав из колоколовидных, использовались на тесинском этапе в качестве навершия военного штандарта [1967, с. 252–253]. На современном этапе идею поступательного развития тагарских наверший отстаивают некоторые специалисты [Марсадолов, 2008; Кузьмин, 2020, с. 112].

По результатам раскопок тагарских курганов у с. Тесь Красноярского края Э.Б. Вадецкая интерпретировала колоколовидные навершия, увенчанные изображениями горного козла, как навершия стоек погребального ложа наиболее знатных тагарцев. На такое толкование указывало, во-первых, расположение наверший в погребении; во-вторых, остатки деревянного древка в колоколовидных основаниях наверший; в-третьих, редкий характер находок наверший в погребениях [1975; 1986, с. 93].

Мнение Э.Б. Вадецкой разделяют многие специалисты [Завитухина, 1983, с. 30–32; Семашкевич, 2003; Бобров, 2015, с. 92]. Заметим, однако, что Э.Б. Вадецкая и другие археологи, высказав точки зрения по вопросу назначения колоколовидных наверший, обошли стороной интерпретацию фигурного изображения горного козла, венчающего навершие. Поэтому предлагаем авторскую версию семантики изображения козла на тагарских колоколовидных навершиях. На наш взгляд, фигура горного козла на навершиях, венчающих стойки погребального ложа, могла иметь сакральное значение. Это животное, обитающее на горных вершинах, упирающихся в небо, по представлениям тагарцев, должно было помочь унести душу покойного на небо.

В результате раскопок курганов лесостепного района тагарской культуры (преимущественно северо-восточный район современной Кемеровской обл.) были обнаружены «штандарты» с явными следами обожжения и толстыми слоями сажи. А.И. Мартынов определил назначение «штандартов» в качестве алтарей для разведения священного огня, а использование огня в погребальном обряде объяснил влиянием зороастризма на мировоззрение тагарцев [1974]. Точку зрения А.И. Мартынова поддерживают и другие археологи [Кулемзин, 1982; Кузьмин, 1994, с. 32–35; Жаронкин, 1996; Пшеницына, Поляков, 1989, с. 65; Семашкевич, 2003; Бобров, 2015, с. 92–93]. Однако иной точки зрения придерживалась Э.А. Севастьянова. Она определяла штандарты как «факельницы» и понимала под ними «символы высокого социального статуса» [1976, с. 277–279]. В.Э. Семашкевич дополнил версию А.И. Мартынова предположением о вероятном использовании «штандартов» в ритуале жертвоприношения, о чем свидетельствуют кости животных, обнаруженные в погребениях вместе со «штандартами», а также наличие на втулке у некоторых экземпляров заостренного шипа, который использовался для насаживания жертвенного мяса [2003, с. 137–138].

Итак, на сегодняшний день с уверенностью можно утверждать только о назначении колоколовидных наверший. Версия Э.Б. Вадецкой, на наш взгляд, имеет весомую доказательную базу. Относительно трубчатых наверший делаем однозначный вывод о том, что эти предметы не использовались в погребальном обряде, поскольку имеющиеся на сегодняшний день экземпляры – либо случайные находки, либо содержимое кладов [Бородовский, Ларичев, 2013, с. 36–37]. Что касается «штандартов», то использование их в погребальном обряде может считаться доказанным. Однако вопрос функционального назначения остается открытым.

Поскольку встречаются экземпляры как со следами огня, так и без таковых, как массивной формы, так и миниатюрной, как в мужских погребениях, так и в женских и т.д. Данные обстоятельства, на наш взгляд, могут свидетельствовать о вариативности использования «штандартов».

*Научный руководитель – Л.Ю. Китова
д-р ист. наук, профессор,
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

- Бобров В.В.** Древности земли Кузнецкой (рассказы археолога). Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2015. 166 с.
- Бородовский А.П., Ларичев В.Е.** Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 120 с.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Новосибирск: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая Э.Б.** Тагарские погребальные ложа // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 167–175.
- Егоров В.Л.** Древний штандарт из Хакасско-Минусинской котловины // СА. 1967. № 1. С. 250–253.
- Жаронкин В.Н.** О некоторых зороастрийских чертах в тагарской культуре // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. XXXVI РАСС. Иркутск, 1996. С. 74–77.
- Завитухина М.П.** Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
- Завитухина М.П.** Коллекция Г.Ф. Миллера из Сибири – одно из древнейших археологических собраний России // АСГЭ. 1978. Вып. 43. С. 37–40.
- Киселёв С.В.** Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
- Кузьмин Н.Ю.** Курган у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н.э. // Археологические изыскания. СПб., 1994. Вып. 15, ч. 1: Раскопки на дорогах Хакасии. 60 с.
- Кузьмин Н.Ю.** О достоверности радиоуглеродного датирования погребальных памятников тагарской культуры // Camera praehistorica. 2020. № 2 (5). С. 100–121.
- Кулемзин А.М.** Воины древнего тагарского общества // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 71–75.
- Марсодолов Л.С.** Бронзовые навершия из коллекции Г.Ф. Миллера (стилистика-хронологические тенденции развития) // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный аспект. Мат-лы тематич. науч. конф. 16–19 декабря 2008 г. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2008. С. 71–78.
- Мартынов А.И.** К вопросу о культе солнца, огня и растительных сил природы у людей тагарской культуры // Изв. лаб. археол. исслед. Кемерово: Кн. изд-во, 1974. Вып. 5. С. 3–14.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 208 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л.: 1937. Т. I. 608 с.

Паллас П.С. Путешествия по разным местам Российского государства. СПб., 1773. Кн. II, ч. II. 571 с.

Пшеницына М.Н., Поляков А.С. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 58–66.

Севастьянова Э.А. Работы в зоне Старо-Аскизской оросительной системы // Археологические открытия 1975 года. М.: 1976. С. 277–279.

Семашкевич В.Э. Опыт атрибуции так называемых «штандартов-факельниц» тагарской культуры // Степи Евразии в древности и Средневековье. Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2003. С. 134–141.

To the Question of the Semantics of “Standards” and the Top of Tagar Culture

M.A. Fomin

The article is devoted to the analysis of versions of domestic archaeologists on the purpose of religious objects of Tagar archaeological culture – standards and tops. The author formulated interpretations of the terms “standard” and “top” regarding Tagar culture. Sequentially (from the XVIII to the beginning XXI centuries.) the versions of archaeologists on the purpose of these objects are considered. The author's version of the interpretation of the figured image of a mountain goat on bell-shaped tops is proposed. Conclusions were formulated on the degree of study of the issue of the appointment of “standards” and the top of the Tagar culture.

Keywords: standard, tops, torchlight, Tagar culture.

Фомин Максим Андреевич

студент 3-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: maksimka-fomin-02@bk.ru

Fomin Maxim Andreevich

3rd year student

Kemerovo State University

e-mail: maksimka-fomin-02@bk.ru

УДК 902/904

Детские погребения могильника Шаманка-5 (Среднее Приангарье)

А.А. Чикичева

Братский государственный университет, Братск, Россия

АНО Центр историко-культурных исследований «Археология Приангарья»

Могильник Шаманка-5 расположен на левом приустьевом мысу р. Шаманка (приток р. Ангары), в акватории современного Усть-Илимского водохранилища, в 25 км севернее плотины Братской ГЭС. Памятник представляет собой грунтовый могильник, совмещенный со стояночными комплексами неолита – Средневековья. Скопления погребений комплекса расположены на небольшом, в пределах нескольких десятков метров, расстоянии друг от друга, большая часть которых относится к культурно-хронологической группе глазковского типа. Однако в установленных границах памятника встречаются захоронения с элементами обряда эпохи позднего неолита и раннего железного века. Большое количество погребений находятся в осыпающейся части берега, подвергаемого сильной абразии и эрозии [Панюхин, Дмитриев, 2021, с. 72]. Начиная с 1971 г., на памятнике зафиксировано 21 погребение, из которых 7 принадлежат детям до 14 лет.

Первое детское погребение на Шаманке было найдено в 1991 г. в ходе спасательных работ на-

учным сотрудником Братского городского музея В.М. Семеновым в береговых обнажениях. Вследствие разрушения точное положение костяка и наличие надмогильного сооружения установить не удалось. От скелета сохранились череп, обращенный затылочной частью строго на север, атлант и следующие за ним два шейных позвонка. По предварительной антропологической оценке возраст был определен от 2,5 до 7 лет (*infantilis I*). В заполнении могильной ямы зафиксирована медиальная часть каменной пластины с ретушью [Семенов, 1991, с. 2]. Исследователь не дает четкой датировки конкретного захоронения, но отмечает, что найденные им в ходе экспедиции 3 погребения на Шаманке относятся к периоду неолита-железного века Прибайкалья.

В 1996 г. Северо-западным отрядом Новострочной экспедиции Центра по сохранению наследия Иркутской обл. (С.А. Дзюбас, О.В. Задонин, А.В. Луньков, при участии В.И. Базалийского (Иркутский государственный университет) и А.В. Лу-

комского (Братский индустриальный институт)) было вскрыто и исследовано 8 погребений, 3 из которых оказались детскими [Луныков, 2002, с. 74].

В погребении № 3 находился скелет ребенка возрастом 6–9 лет (*infantilis II*) во внутримогильном сооружении из каменных плит, в скорченном положении на левом боку, ориентированный головой на север, вниз по течению р. Ангары. Среди особенных черт погребения было отмечено положение конечностей, согнутых под прямым углом относительно туловища. Погребальный инвентарь, располагавшийся около черепа, содержал: диск из зеленого нефрита, небольшой нефритовый шлифованный нож полулунной формы, а также две костяные антропоморфные фигурки, т.н. «двойники» [Луныков, 2002, с. 75]. Полуразрушенное погребение № 7, найденное в береговой осыпи, в 7 м от погребения № 3, представляло собой захоронение ребенка 6–9 лет (*infantilis II*). Скелет зафиксирован в скорченном положении на левом боку, ориентирован головой на север, вниз по течению р. Ангары. У костей ног зафиксированы подвески из клыков марала. Погребение № 8 найдено в 30 м от погребения № 3 по остаткам кладки из плиток песчаника, под которой зафиксировано охристое округлое пятно и остатки скелета ребенка: 5 обломков ребер, позвонки и нижняя челюсть, по положению которой сделан вывод о размещении костяка ногами перпендикулярно реке, головой на восток. Сопровождающий инвентарь не обнаружен. В заключении исследователь на основании погребального обряда и инвентаря отнес первые 2 захоронения (погр. № 3, 7) к глазковской культуре эпохи бронзы. Погребение № 8 датировано эпохой неолита и принадлежит к культурной группе серовского типа, отличительным признаком которой является наличие крупных пятен охры в захоронении.

В 2001 г. заведующим Музеем Завода отопительного оборудования г. Братска В.Н. Тимофеевым было обнаружено разрушенное детское погребение под кладкой из плиток песчаника с сопроводительным инвентарем – диском из белой мраморовидной породы и сосудом-дымокурком с оттисками рубчатой лопатки, пояском вдавленных-жемчужин, геометрическими изображениями, изготовленными в технике прочерчивания [Панюхин, Дмитриев, 2021, с. 70]. По описанию В.Н. Тимофеева, скелет находился под кладкой алевролита, возраст погребенного был определен 12–14 годами.

В 2022 г. в ходе спасательных работ археологического отряда Братского городского объединенного Музея истории освоения Ангары, производственной практики Братского государственного университета и центра «Археология Приангарья» под руководством М.В. Панюхина на прибрежной

части могильника было вскрыто еще два детских погребения.

Первое погребение подверглось частичному разрушению береговой абразией. Надмогильная кладка и сопроводительный инвентарь отсутствовали. Костяк находился в скорченном положении на левом боку, ориентирован перпендикулярно реке, головой на восток. Для выявления культурной и хронологической принадлежности необходимы дополнительные анализы материала.

Второе погребение находилось на расстоянии нескольких метров от первого. Оно сохранило свои изначальные границы полностью. Могильную яму со скелетом накрывала двухслойная кладка из песчаника, образующая округлую форму диаметром 0,8 м. На кладке обнаружены каменные наконечники стрел (4 треугольных с прямым насадом и 1 ромбовидный), рядом в слое в радиусе 2 м – фрагменты керамического сосуда с оттисками рубчатой лопатки на поверхности, жемчужными вдавлениями и линиями, выполненными в технике отступающей лопатки. Наконечники стрел можно отнести к предметам внемогильного поминального инвентаря утилитарного назначения. По предварительной оценке костных остатков, погребенных можно отнести к группе *infantilis II*. Погребение предварительно датировано эпохой бронзы на основании предметов, находящихся на каменной кладке в одном горизонте с захоронением.

Таким образом, из семи погребений у трех сопроводительный инвентарь отсутствовал, в одном был инвентарь утилитарного назначения, в трех – неутилитарного. Корреляции между наличием погребального инвентаря и надмогильной конструкции не прослеживается. Особых отличительных признаков у детских погребений Шаманки не наблюдается. Обряд захоронения детей не отличается от взрослых. По скудному предметному наполнению могилы прослеживается социальный статус человека. Ребенок уже занимал определенное место в обществе, но в силу возраста еще не приобрел отличительных по роду деятельности навыков. Среди сопроводительного инвентаря преобладают предметы неутилитарного значения, которые можно назвать «престижными», т.е. их создание требует более значительных трудозатрат. Материал памятника не является уникальным, подобные черты погребального обряда встречаются в захоронениях по всему Приангарью (Абакшино, Матера, о. Жилой, о. Федоровский, Эдучанка и др.). Однако парное погребение взрослого и ребенка зафиксировано только в Абакшино. На всей территории Среднего Приангарья только два могильника содержат одиночные захоронения детей – Шаманка-5 и Братский камень. На данный момент в силу относительно

малой изученности источника делать подробные выводы еще рано. Из 21 вскрытого погребения 7 являются детскими, что составляет 30 % от общего количества. Высокая концентрация детских одиночных погребений может объясняться высокой смертностью. Антропологическое исследование могильника с учетом выделения возрастных групп поможет дополнить характеристику информацией о демографической структуре, культурных и социальных особенностях жизни народов Приангарья.

*Научный руководитель – М. В. Панюхин
доцент кафедры истории, психологии и политологии,
Братский государственный университет
ст. науч. сотр.
МБУК «Братский городской объединенный музей
истории освоения Ангары»*

Children's Burial Ground Shamanka-5 (Middle Angara Region)

A.A. Chikicheva

The aim of the research is to analyze the burials of the Shamanka grave complex located in the district of Angara. It is a complex of monuments, known as a burial ground from the last quarter of the 20th century. The article contains a description of known burials of children and comparative analysis of data on single burials of children of the Middle Angara region. The question of the dependence of the age of the buried and the filling of the grave with accompanying inventory has been considered. The study of the monument is of great importance for compiling a more complete picture of the traditions and culture of the ancient inhabitants of the Middle Angara region. The archaeological material found in the burials on Shamanka is not unique, it is characteristic of the entire Baikal region, but there are some special features that require further study for an objective statistical assessment.

Keywords: Middle Angara region, Shamanka river, Bronze Age, burial complexes, accompanying equipment, age structure.

Чикичева Анастасия Андреевна

студент 3-го курса
Братский государственный университет
e-mail: vorobey.anastasia2018@gmail.com

Chikicheva Anastasia Andreevna

3th year student
Bratsk State University
e-mail: vorobey.anastasia2018@gmail.com

УДК 902.01

Бляха с изображением оленя из кургана в черте города Красноярска

С.А. Шаталова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В 2021–2022 гг. на территории городского Шинного кладбища Красноярска отрядом АЭ СФУ под руководством Д.А. Виноградова были проведены охранно-спасательные раскопки одиночного кургана, насыпь которого была уничтожена планировочными работами. На месте снесенной насыпи, на уровне древней поверхности и в материке были выявлены склеп, а вокруг него 10 грунтовых погребений, выполненных по обряду трупоположения. В одном из коллективных погребений (№ 8), в числе сопроводительного инвентаря, представленного уменьшенными бронзовыми ножами, кинжалами,

зеркалами и проколками, отмечена бронзовая бляха с изображением оленя. Изделие зафиксировано на дне могильной ямы, среди истлевших человеческих костей. Целью данной работы является определение хронологических рамок существования данной находки.

Бляха выпуклая, изображение оленя рельефное и повернуто влево. Шея животного вытянута вверх и вперед, голова направлена горизонтально. Ноги подогнуты, копыта передней и задней ноги соединены друг с другом. Рога показаны дугой, образуя S-образные петли, и примыкают к спине. Лобный

отросток направлен вперед. Глаз отмечен углублением, а ноздри и рот не обозначены. Ухо изображено рельефом. Хвост не выделен. На обратной стороне бляхи имеется небольшая округлая петля для крепления. Изделие отлито в двухстворчатой форме, на что указывают литейные швы по контуру предмета (см. рисунок).

В скифо-сибирском искусстве образ оленя получил широкое распространение в степной и лесостепной зонах Евразии от Восточной Монголии до Восточной Европы. Бляхи с изображением оленя в определенных, строго выраженных позах, появляются в V в. до н.э. и исчезают к рубежу III–II вв. до н.э. В дальнейшем они встречаются в трансформированном виде [Мартынов, Елин, 2009, с. 100]. Оленные бляхи, найденные на берегах Енисея, принято относить к тагарской культуре.

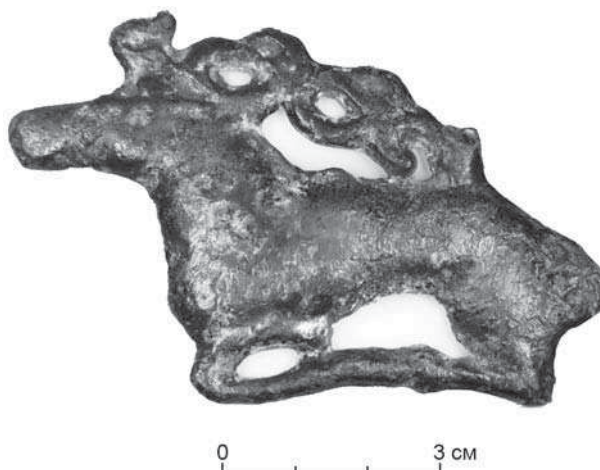
На сегодняшний день существует три классификации оленных блях тагарской культуры. Одну классификацию разработала Н.Л. Членова, которая разделила изображения оленей с подогнутыми ногами на 16 групп, внутри которых выделены разновидности [Членова, 1962, с. 169–203]. Позже В.В. Бобровым была составлена классификация, в основу которой легла изменчивость изображения рогов. Все изображения ученый разделил на шесть групп, которые имели свои подгруппы [Бобров, 1973, с. 3–28]. Еще одну классификацию предложил Ю.И. Трифионов, которой разделил изображения оленей всего на две группы [Трифионов, 1975, с. 70].

По мнению А.В. Субботина первая классификация не подтвердилась материалами последующих раскопок (известны многочисленные случаи взаимовстречаемости совершенно разнотипных изображений в одних и тех же комплексах). Вторую классификацию он считает недостаточно обоснованной, поскольку выделение групп произведено фактически по одному признаку. Третью он, также как и автор классификации, считает предварительной, т.к. в ней представлено всего два варианта изображений [Субботин, 2014, с. 29].

По мнению Р.В. Николаева, оленные бляхи, найденные в курганах в окрестностях Красноярска, имеют черты, присущие только лесостепному району: очертания тела, напоминающие лошадиные; наклон морды вниз; изображение рогов в виде стержня, изогнутого полукругом, на котором изображены короткие отростки [Николаев, 1980, с. 240–242].

На наш взгляд, классификация Р.В. Николаева также не может быть полностью удовлетворительной, поскольку в лесостепном районе встречаются разные варианты изображения оленей.

Среди множества известных оленных бляшек наибольшая морфологическая и стилистическая схожесть прослеживается с бляхой, обнаруженной

Оленная бляха из грунтового погребения № 8 на Шинном кладбище.

в 1924 г. С.А. Теплоуховым в кургане у д. Лепешка [Завитухина, 1983, с. 136, рис. 113]. Их сближает положение и форма тела, морды и ног. Несмотря на то, что рога оленя из Лепешкинского кургана сохранились фрагментарно, лобный отросток по форме схож с изображением на бляхе из кургана на Шинном кладбище. Различия между этими изделиями заключаются лишь в обозначении глаза, рта и уха животного. Возможно, рассматриваемая нами бляха после отливки была обработана не полностью.

Изначально С.А. Теплоухов датировал этот курган III в. до н.э. и выделил по нему этап, позднее названный лепешкинским [Вадецкая, 1986, с. 77–80]. М.П. Завитухина предлагала отнести бляшку из кургана у д. Лепешка к V–IV вв. до н.э. [Завитухина, 1983, с. 55].

На наш взгляд, представленные аналогии позволяют датировать оленную бляху из кургана на Шинном кладбище в хронологическом интервале III–I вв. до н.э. Это не противоречит предварительной датировке одного из погребений этого же комплекса (I в. до н.э.), которое было отнесено автором раскопок к культуре, родственной тесинской [Виноградов, 2022].

*Научный руководитель – П.В. Мандрыка
д-р ист. наук, профессор кафедры истории России,
мировых и региональных цивилизаций,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

- Бобров В.В.** Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 29 с.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Виноградов Д.А.** Погребение тесинского времени в Красноярске (предварительное сообщение) // Евразия

в энеолите – раннем Средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М.П. Грязнова (1902–1984). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 286–289.

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л.: Искусство, 1983. 192 с.

Мартынов А.И., Елин В.Н. Скифо-сибирский мир Евразии: учеб. пособие. М.: Высш. школа, 2009. 199 с.

Николаев Р.В. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое

единство: мат-лы Всесоюз. археол. конф. Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 1980. С. 239–247.

Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб.: ИИМК РАН, 2014. 154 с.

Трифонов Ю.И. О сюжете оленя в скифо-сибирском искусстве (в связи с вопросом о классификации тагарских «оленных» блях) // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.: 1975. С. 70–72.

Членова Н.Л. Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры. М., 1962. С. 167–203. (МИА; № 115).

Badge with the Image of a deer from a Mound in the City of Krasnoyarsk

S.A. Shatalova

In the forest-steppe region, for a long time, archaeologists have found and still find bronze deer plaques, which occupied a special place in the culture of the peoples of the Scythian-Siberian world. The plaque, which will be discussed in this work, was found as a result of security and rescue operations in 2021–2022 on the territory of the city cemetery in the city of Krasnoyarsk. This plaque has not been published in any scientific publication, so the purpose of this work is to examine it in detail and try to roughly date this product. As part of this work, it will be considered how plaques with the image of a deer were studied by different researchers. Also, a comparative analysis of two similar plaques will be carried out, on the basis of which it will be possible to determine the approximate chronological framework during which this deer plaque existed.

Keywords: deer badge, forest-steppe region, bronze, Scythian-Siberian art.

Шаталова Софья Андреевна

студент 2-го курса

Сибирский федеральный университет

e-mail: Satalovasofa82@gmail.com

Shatalova Sofia Andreevna

2nd year student

Siberian Federal University

e-mail: Satalovasofa82@gmail.com

УДК 902/904

История археологического исследования памятника Советский Путь-1 и перспективы его дальнейшего изучения

С.А. Шейкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Памятник Советский Путь-1 расположен в Локтевском р-не Алтайского края в 1,2 км к северо-северо-востоку от с. Советский Путь, на правом берегу р. Алей. Памятник представляет собой как поселенческий, так и погребальный комплекс. Целью работы является анализ истории изучения обозначенного памятника, что в свою очередь может позволить наметить перспективы его дальнейшего изучения.

Памятник был открыт местным краеведом из с. Советский Путь Н.Ф. Володиным. В 70-е гг. XX в. в ходе обследования берега р. Алей им осуществлялись регулярные сборы подъемного материала в виде костей животных и керамики на песчаном берегу в районе памятника. Основываясь на сообщениях Н.Ф. Володина, сотрудники Барнаульского педагогического института П.И. Шульга и С.М. Ситников в 1994 г. обследовали места находок, а в дальнейшем

зафиксировали древнее поселение, которое получило название «Советский Путь-1». Тогда же ими был заложен шурф площадью 12 м² и получен материал, относящийся к бронзовому веку.

В 1995 г. была вскрыта площадь 56 м², где была собрана небольшая коллекция каменных изделий [Ситников, Шульга, 1995]. В 1996 г. раскопано 60 м² площади поселения. В ходе работ было обнаружено большое количество изделий из кости, камня и бронзы и пополнена коллекция керамического материала, которую исследователи разделили на две группы: андроновскую и саргаринско-алексеевскую [Гельмели и др., 1996, с. 103; Ситников, 1998, с. 71].

В ходе работ в 1997 г. было разбито два раскопа общей площадью 184 м². В процессе работы в раскопе № 1 кроме поселенческого материала были обнаружены девять погребений раннескифского

времени с сопроводительным инвентарем в виде бронзовых зеркал, украшений, фрагментов конской упряжи, изделий, использовавшихся в быту [Ситников, Шульга, 1998]. В раскопе № 2 был исследован зольник, в котором было найдено большое количество костей животных, керамического материала, различных изделий из кости, бронзы, камня, а также множество фрагментов металлургического шлака.

В 2016 г. экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.А. Редникова был заложен раскоп, примыкающий к северной стенке раскопа № 2, разбитого в 1997 г., площадью 120 м². В ходе работ были сняты верхние пласты культурного слоя, после чего раскоп был законсервирован.

В 2017 и 2019 гг. совместной экспедицией Алтайского и Нанкинского государственных университетов под руководством С.П. Грушина на памятнике было вскрыто ок. 250 м² в рамках двух раскопов. Целью экспедиции исследователи ставили выяснение наличия захоронений, однако в ходе работ какие-либо объекты не были обнаружены, но был зафиксирован культурный слой с находками. В результате памятник был законсервирован. В раскопе № 2 исследованы хозяйственные и производственные объекты средней и поздней бронзы, получен многочисленный археологический материал, представленный керамикой, костяными орудиями и отходами от их производства, изделия из металла, шлак, руды [Грушин, Чжан, 2021]. На территории памятника были проведены археолого-геофизические исследования, а именно магниторазведка. В итоге было выявлено, что помимо уже известных и изученных объектов, на памятнике могут находиться еще несколько конструкций, в том числе и курганного типа [Тишкин, Редников, 2019]. Таким образом, к настоящему времени на памятнике исследована площадь ок. 500 м².

По мере получения и публикации археологического материала исследователи затрагивали различные аспекты анализа и интерпретации полученных данных. П.И. Шульгой и С.М. Ситниковым на основе найденных фрагментов керамики и цельных сосудов был сделан вывод о принадлежности памятника к эпохе поздней бронзы. Этими же исследователями была доказана принадлежность данной керамики к таким культурам, как саргаринско-алексеевская и бегазы-дандыбаевская. В ходе дальнейших работ были обнаружены захоронения, материал которых позволил отнести их к раннескифскому времени, что говорит о разновременности памятника [Ситников, Шульга, 1995].

Первоочередный интерес к памятнику вызывает проблема возникновения и развития такой сферы хозяйственной деятельности, как металлургия. На памятнике были обнаружены изделия из металла, глав-

ным образом из меди [Грушин, Чжан, 2021]. Их особенностью является то, что, несмотря на довольно поздний хронологический период, основная масса была изготовлена из чистой меди с минимальной примесью олова или свинца [Renjie Ma et al., 2022]. На данный момент нет точного ответа на причину возникновения подобного явления ввиду малочисленности находок металлических артефактов. Данная проблема усложняется также тем, что памятник расположен рядом с Кальба-Нарымской зоной, которая в свое время служила для древнего населения региона источником олова. Большое внимание в исследовании имеющихся находок было уделено использованию различных физико-химических методов анализа. Результат использования данных методов дал крупный пласт информации: были выявлены регионы получения металла древними металлургами, установлены способы работы с металлом (использовалиськовка, литье, плавка по сложной технологии: сначала руда выплавлялась в штейн, сера из которого удалялась посредством многочисленного нагрева, прежде чем из массы получалась медь). Однако пока исследователи не могут дать четких ответов на более фундаментальные вопросы. В частности, остается открытым вопрос столь неактивного использования олова или свинца в металлургии. На наш взгляд, необходимость дальнейшей работы с памятником является актуальной и в настоящее время.

Несмотря на значительный объем проделанной работы, целый ряд проблем нуждается в дальнейших исследованиях. Так, остается нерешенным вопрос стратиграфии памятника (что могло бы помочь в определении его более четкой датировки); нет четкого понимания в вопросе соотношения саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской керамики и пр. Данное обстоятельство диктует необходимость дальнейшего, более тщательного изучения археологического комплекса, что позволит дополнить имеющуюся научную информацию.

*Научный руководитель – С.П. Грушин,
д-р ист. наук, профессор,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Гельмель Ю.И., Ситников С.М., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. Аварийные раскопки в Локтевском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. тез. кон. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1996. С. 100–106.

Грушин С.П., Чжан Л. Поселение древних металлургов Советский Путь-1 в контексте комплексов поздней бронзы Обь-Иртышья // Маргулановские чтения-2021: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований»,

посвящ. 30-летию независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х томах / гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Институт археологии им. А. Х. Маргулана. Алматы, 2021. Т. 1. С. 245–251.

Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая: сб. науч. тр. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1998. С. 71–85.

Ситников С.М., Шульга П.И. Работы на Юго-западном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: сб. тез. кон. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1995. С. 59–62.

Ситников С.М., Шульга П.И. Погребения раннескифского времени на поселении эпохи бронзы Советский Путь-1 // Древности Алтая. Изв. лаб. археологии: сб. науч. тр. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1998. С. 69–77.

Тишкин А.А., Редников А.А. Археолого-геофизические исследования на территории памятника «Советский путь-1, поселение и могильник» в Алтайском крае // Археология и геоинформатика. 4-я Междунар. конф.: тез. док. М.: ИА РАН, 2019. С. 96–97.

Renjie Ma, Zhang L., Cui J., Tishkin A.A., Grushin S.P., Vertman E.G., Chang D., Di Hu Late Bronze Age metallurgy in Rudnyi Altai // Archaeological and Anthropological Sciences. 2022. 146 p. doi: <https://doi.org/10.1007/s12520-022-01607-1>.

The History of Archaeological Research of the Monument Soviet Way-1 and Prospects for Further Study of the Monument

S.A. Shejkin

The article attempts to characterize the picture of the study of the monument of the Bronze Age Soviet Way-1, located in the Loktevsky district of the Altai Territory, as well as to identify the prospects for further study of the monument. The complexity of studying such a period as the Late Bronze Age is caused by the presence of a huge number of diverse archaeological cultures. However, this does not prevent researchers from making successful attempts to study and differentiate these cultures. Painstakingly working on each monument, the researcher gets the opportunity to see the whole situation that took place in a certain period, in particular during the Late Bronze Age. Therefore, it is important to identify the prospects for further study of archaeological sites of such a specific region as Altai.

Keywords: bronze age, history of study, prospects for studying, Soviet Way-1, archaeological site, researches.

Шейкин Семён Александрович

студент 3-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: semenscheikin19@gmail.com

Shejkin Semjon Aleksandrovich

3rd year student

Altai State University

e-mail: semenscheikin19@gmail.com

УДК 903.5(571.5)

Сравнительный анализ детских погребений тесино-таштыкского времени Южной Сибири

А.Н. Шустова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В Минусинской котловине на рубеже эр происходит формирование тесинской, а затем и таштыкской культуры. Исследование погребений дает информацию о социальной структуре общества. В системе общества значительное место занимают дети. В статье проводится сравнительный анализ детских погребений тесинской и таштыкской культур. Следует отметить, что под младенцами подразумеваются индивиды от 0 до 3-х лет, дети – от 3 до 12 лет, подростки – от 12 до 21 года.

К тесинским погребениям относятся следующие памятники: курганы № 8 и № 9 могильника Маяк I, курган Новые Мочаги, могильник у деревни Калы, могильник Есино III, могильник Тогр-Таг и могиль-

ник Чёрное озеро I [Кузьмин, 2011, с. 57]. Детские погребения найдены в восьми могилах: в одной коллективной, в парной со взрослым и в шести одиночных. Из 26 идентифицированных останков 12 принадлежат детям, большинство располагаются в одиночных могилах. Все погребения, кроме одного, которое содержит миниатюрный глиняный сосуд, безынвентарные.

В памятнике Новые Мочаги всего похоронено не менее 120 умерших, из них 13 детских скелетов, в могиле по 1-2 детских захоронения. Подавляющая часть могил – коллективные. Все грунтовые ямы имеют овальную форму, неглубокие (не более 1 м). Детские скелеты располагались вытянуто на спине,

младенцы – скорченно на боку. Зачастую найдены лишь отдельные кости рук, ног и черепа. У детских могил высокие земляные насыпи, среди находок три бусины, подвеска, астрагал, сосуды и кости ягненка. Инвентарь отмечен в 8 могилах из 11.

В могильнике у деревни Калы из 46 разновозрастных погребений – восемь детских, включая подростковые, захоронения которых расположены в границах могильника. Все погребения выполнены по обряду ингумации. Положение подростков схоже с положением взрослых – располагаются вытянуто на спине с вытянутыми или незначительно согнутыми вдоль тела руками. Новорожденные погребены в одиночных могилах, в скорченном положении и располагаются в западной части погребального комплекса. Наблюдается единственный случай захоронения двух новорожденных в одной могиле.

В могильнике Есино III кургане 3 зафиксированы останки 57 погребенных, из которых 10 детей и один подросток. Детей хоронили вместе со взрослыми, в одиночных могилах или в парных с другими детьми. Найдены «поминальные» стелы, подвеска-амулет с головами лошадей и каменные плитки с рисунками.

В могильнике Чёрное Озеро I в 21 могиле захоронено 30 человек, восемь из которых – дети. Захоронения одиночные, парные, коллективные. Могилы перекрывают друг друга. Дети расположены относительно погребального комплекса по бокам: слева и справа. В детских могилах погребального инвентаря не найдено.

В могильнике Тогр-таг из 59 погребенных четверо – дети. Они захоронены в четырех могилах, расположенных во входном коридоре погребального комплекса, за восточной и южной стороной ограды. Наблюдаются два одиночных парциальных погребения младенцев, одно – ребенка 4–5 лет. В одной коллективной могиле найдены останки ребенка и двух мужчин.

В тесинский период из 338 обнаруженных останков 51 захоронение относится к детским. Обособленные детские кладбища отсутствуют, детей хоронили в коллективных грунтовых могилах наряду со взрослыми. В одиночные могилы зачастую помещали младенцев до 2 лет, но дети более старшего возраста (3–9 лет) были расположены в коллективных или парных могилах. Все детские тесинские погребения – это ингумация.

К таштыкским погребениям относятся Ташебинский чаатас, Белый Яр-3, Комаркова, Тепсей III-IV [Вадецкая, 1999, с. 262]. В могильнике Ташебинский чаатас погребено 18 детей, что составляет 19 % от общего числа захороненных. Их останки найдены в склепе: семь скелетов и 11 черепов младенцев. О культовом характере черепов говорит их рас-

положение вокруг места приношений. У детских скелетов сопроводительный инвентарь в виде сосуда, украшений, пряжек расположен у головы или за спиной. В могилах также найдены кости животных.

Комплекс Белый Яр-3 состоит из трех частей: склеп, детские могилы за его границами, и поминальные сооружения. В склепе захоронено 70 скоплений кальцинированных костей. Детское кладбище насчитывает 16 разновозрастных захоронений, две могилы на территории поминального комплекса и парциальное погребение на его территории [Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 37]. Детские останки составляют 27 % от общего числа. Дети до 5 лет захоронены в бревенчатых срубках, а от 6–8 лет – в ямах. К погребальному инвентарю относятся сосуды с останками растительной пищи или одним-двумя кусками мяса, баночные сосуды и сосуды иной формы. Также обнаружены кости от части туши овцы. В области шеи одного ребенка 2–3 лет была обнаружена стеклянная бусина. В могилах детей старшей возрастной группы (8–9 лет) найдены сосуды, туски, астрагалы, кости барана.

В могильнике Комаркова суммарно обнаружено 73 могилы взрослых и детей, из них 13 детских, что составляет 18 % от общего числа захоронений. Три подростка похоронены в индивидуальных могилах. В большинстве случаев дети погребены одиночно, два погребения – парные. В подавляющем большинстве случаев ребенок расположен головой на ЮЗ. У младенцев нет погребального инвентаря, но он присутствует в могилах детей и подростков: зафиксированы сосуды, каменные бусины, а также части скелета овцы, астрагалы. На черепках двух детей остались следы гипса. Кремированные кости человека длиной 2–4 см принадлежат взрослым.

Могильник Тепсей III-IV представляет собой склеп, детское кладбище и поминальное сооружение. В склепе зафиксированы останки 233 взрослых, на кладбище захоронено 40 детей, которые погребены преимущественно в грунтовых могилах. Детских захоронений на памятнике Тепсей III-IV 17 %. Большинство детских могил – одиночные, одно парное, еще одно – коллективное. Погребальный инвентарь представляет собой астрагалы, сосуды, ножи и кольца. Из пяти младенческих погребений лишь в двух найдены сосуды, из 14 детских могил только в двух не было вещей. Погребальный инвентарь у младенцев до 2 лет присутствует в 40 % случаев, у детей от 3 лет – в 72 %.

Детские погребения тесинского и таштыкского времени обладают рядом схожих и различных характеристик. Если говорить о количественных показателях, в тесинских могильниках из 338 идентифицированных останков лишь 51 принадлежат детям. Это составляет 15 %. В таштыкских могиль-

никах из 543 останков – 90 детских, это 16,6 %. В обоих периодах детские погребения составляют небольшой процент от общего числа захоронений. Малое количество останков может свидетельствовать о плохой сохранности детских костей, расположении детских кладбищ за пределами раскопов или других причинах.

В тесинское время детей хоронили в непосредственной близости ко взрослым – в одной могиле или неподалеку от их захоронений. Младенцев чаще хоронили на левом или правом боку в скорченном положении, детей – вытянуто на спине и лишь изредка на боку. Расположение подростков близко к положению взрослого. Детские кладбища зафиксированы лишь в таштыкской культуре. Изредка детские скелеты или черепа находились внутри склепа. В подавляющем большинстве случаев детские могилы одиночные, овальной или подпрямоугольной формы, тела завернуты в бересту и положены в сруб или каменный ящик, ориентировка по сторонам света отличается.

В тесинское время в зависимости от возраста умершего наблюдается отчетливо выраженная дифференциация погребального инвентаря. Наличие инвентаря в младенческих погребениях – частные случаи. В тесинских памятниках инвентарь ограничивался сосудами и бусинами, в одном случае найден астрагал. В таштыкских погребениях детей до 8 лет чаще хоронили без инвентаря, с детьми старшего возраста (8–9 лет) и подростками помещали сосуды, астрагалы, бусины, туески, а также сопроводительную пищу в виде мяса животных.

В тесинских погребениях кремация отсутствует. Не зафиксирована обмазка черепа глиной, трепанация и изготовление масок для детей. В таштыкских могилах, напротив, на двух черепах детей остались следы гипса. В могильнике Тепсей найдены три маски небольшого размера. Достоверно неизвест-

но о случаях детских трупосожжений. Антропологический анализ кальцинированных костей из некоторых таштыкских могил указывает на то, что обряд кремации осуществлялся с 21 года [Митько, Николаева, 2016, с. 102].

В процессе перехода от тесинского времени к таштыкскому наблюдается усложнение детской погребальной практики. К числу общих погребальных практик относится труположение на спине, наличие безынвентарных погребений и находки стеклянных бусин в качестве сопроводительного инвентаря. Инновации включают образование отдельных детских кладбищ, расположение погребений детей внутри склепов; подавляющее количество случаев захоронения отдельно от взрослых; увеличение количества и разнообразия сопроводительного инвентаря, в т.ч. баночных сосудов. Также наблюдаются костные останки от сопроводительной мясной пищи и случаи захоронения детей вблизи с поминальными сооружениями.

*Научный руководитель – П.О. Сенотрусова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербург. Востоковедение, 1999. 440 с.

Вадецкая Э.Б., Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр-3. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2015. 210 с.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-яньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Митько О.А., Николаева Т.А. Особенности погребального обряда таштыкского населения (по данным антропологического анализа захоронений под каменными выкладками на могильнике Маркелов Мыс II) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. № 6 (44). С. 98–105.

Comparative Analysis of Children's Burials of the Tesino-Tashtyk Period in Southern Siberia

A.N. Shustova

The article is devoted to the comparative analysis of children's burials of the Tesino-Tashtyk period in the territory of Southern Siberia. The features of children's burials of the Tesinsky and Tashtyk periods in the burial complexes Mayak I, the New Mochagi mound, the burial ground near the village of Kala, the Yoshino III burial ground, the Togr-Tag burial ground and the Black Lake burial ground I, Tashebinsky Chaatas, Bely Yar-3, Komarkova, Tepsey III-IV are highlighted. Common and various markers of burials are marked. General news includes the location of the corpse, the total amount of inventory and some of its components. Various trends include the position of children in relation to adults, qualitative changes in the accompanying inventory. Children's burials differ from adults in burial methods, lack of cremation, and scanty accompanying inventory. They make up no more than 16.6% of the total number of deaths.

Keywords: Southern Siberia, children's burials, Tesino-Tashtyk time, funeral rites.

Шустова Алина Николаевна

студент 4-го курса

Сибирский федеральный университет

e-mail: shustovaalina@mail.ru

Shustova Alina Nikolaevna

4th year student

Siberian Federal University

e-mail: shustovaalina@mail.ru

Кельт и удила из г. Щучинска, Казахстан*

Д.В. Ютт

Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

В 2020 г. в Музей археологии и этнографии Центрального Казахстана при Карагандинском университете им. Е.А. Букетова поступили два металлических предмета – кельт и удила. Вероятно, оба изделия бронзовые, но анализ состава не проводился. Предметы передал житель г. Караганды Ю.Е. Паршин. По его словам, находки были изъяты у нелегализованных искателей и происходят из г. Щучинска Акмолинской обл. Республики Казахстан.

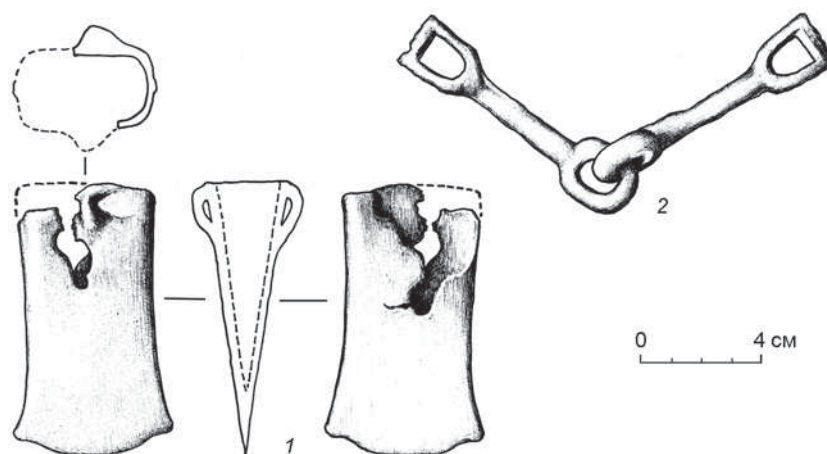
Кельт высотой 9,2 см, ширина по полотну 3,9 см, по лезвию 5,1 см (описание по методике Д.А. Ненахова [2016]). Сечение устья – $4,1 \times 2,8$ см, глубина внутренней части втулки 5,5 см, толщина стенок 0,2 см. Одна из стенок втулки сломана (см. рисунок, 1). На лицевой стороне имеется ушко. Такое же ушко, возможно, имелось на противоположной стороне.

Втулка кельта закрытого типа, овальная. В ней нет упоров и следов зажима. Следует отметить, что у устья начинаются литейные швы. Полотно в профиль асимметрично и имеет форму полуклина. Втулка не выделяется и вписана в полотно. Форма кромки лезвия вогнутая. Орнаментация отсутствует. Учитывая обстоятельства нахождения данного артефакта, соотнести его с конкретной культурой

затруднительно. На данный момент можно дать относительную датировку лишь по аналогии. Имеются следующие аналоги: два кельта-тесла из фонда Новосибирского государственного краеведческого музея [Матющенко, 1973, с. 21], В.И. Матющенко относит данные аналоги к ирменской культуре IX – начала VII в. до н.э. [Молодин, 1985, с. 176–183].

Удила (см. рисунок, 2) стремявидные, двухсоставные, оба звена соединены двумя кольцами, расположенными в перпендикулярных плоскостях. Стержни грызла округлые в сечении, гладкие. Длина обоих звеньев одинакова. Общая длина 6,2 см. Концы подтреугольной формы с опущенной нижней планкой или же стремявидной формы [Кадырбаев, 1966, с. 383–389]. Внутренний проем внешних окончаний трапециевидный без дополнительных отверстий. Ближайшие аналоги щучинских удил происходят из могильников тасмолинской культуры Тасмола V, курган 2; Тасмола VI, курганы 1 и 2. Потому их можно отнести к раннему этапу тасмолинской культуры, т.е. VIII–VII вв. до н.э. [Там же].

Научный руководитель – В.В. Варфоломеев
канд. ист. наук, ассоциированный профессор,
Карагандинский университет им. Е.А. Букетова

Металлические изделия из г. Щучинск.

1 – кельт; 2 – удила.

*Работа выполнена при поддержке гранта AP09261083 «Транскультурные коммуникации в эпоху поздней бронзы (Западная Сибирь – Казахстан – Центральная Азия)» КН МНВО РК.

Список литературы

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303-443.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Томск, 1973. Ч. 4: Еловско-ирменская культура. 195 с. (Из истории Сибири; вып. 12).

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Ненахов Д.А. Морфологические признаки кельтов эпохи бронзы и раннего железного века Сибири (методический аспект) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 4. С. 67–75. doi:10.17746/1563-0102.2016.44.4.067-075

Bronze Artifacts from the Akmola Region

D.V. Yutt

Bronze celts and bits from random finds from the territory of Northern Kazakhstan are published. Morphologically, the Celt belongs to the type of frontal one-ear celt-adzes of the late Bronze Age. It has analogues in monuments in Western Siberia. Due to the conditions of the location of this Celt-Tesla, it is difficult to determine its cultural value, since such Celt-Tesla were distributed throughout Western Siberia and Northern Kazakhstan in the Bronze Age. It is also of interest because there are no similar analogues in the published materials on the territory of Kazakhstan. The bits are stremyavid, dating back to the early Iron Age. The origin and dating are argued with the help of analogues from the territory of Central Kazakhstan and Western Siberia, belonging to the Tasmolin and Irmen cultures.

Keywords: Northern Kazakhstan, celt, bit, irmen culture, tasmolin culture, frontal ear.

Ютт Даниил Владимирович

студент 1-го курса

Карагандинский университет им. Е.А. Букетова

e-mail: yuttdanill@gmail.com

Yutt Daniil Vladimirovich

1st year student

Karaganda Buketov University

e-mail: yuttdanill@gmail.com

УДК 902/904

Рёлкинский защитный доспех как показатель сложной военной организации культуры

И.А. Агешин

Томский государственный университет, Томск, Россия

Курганный могильник Рёлка – один из известнейших археологических памятников Западной Сибири, на материалах раскопок которого Л.А. Чиндиной была выделена рёлкинская культура эпохи раннего Средневековья [Чиндина, 1970]. Исследование ряда памятников Среднего Приобья, включая, естественно, сам могильник Рёлка, позволило уточнить хронологические и территориальные рамки культуры, ее специфику, генезис, этнические особенности. Ввиду плотности распространения известных на то время рёлкинских памятников границы культуры были очерчены условно: на севере по широте р. Ваха – Васюгана, на юге – по р. Оми и по северной широте Новосибирска, на западе – по водоразделу рек Иртыша и Васюгана, на востоке – водоразделом верховий Тыма и Кети с Енисеем. Время бытования культуры – начало VI – конец IX в. н.э. [Чиндина, Коробейников, 2018, с. 157–163; Чиндина, 1977, с. 117].

В могильнике обнаружен богатый вещественный материал – обилие высокотехнологичного для своей эпохи оружия: луки с набором боевых и многофункциональных стрел, мечи, палаши, сабли, боевые ножи-кинжалы, топоры-тесла, копья [Чиндина, 1977, с. 25]. Систематизированный и надежно датированный материал могильника явился образцовым для синхронизации и выявления среднеобских памятников рёлкинского типа. Следует отметить, что могильник Рёлка существовал в VI–VIII вв. и период существования рёлкинской культуры фиксировал частично.

Кроме того, в могильнике Рёлка был найден полный комплект защитного доспеха со шлемом. Ком-

позицию рёлкинского доспеха составляли 3 могилы с погребением воинов, в которых сохранились панцирные пластинки. Они различны по форме и величине. Размеры пластинок зависели от того, в какой части доспеха они находились. Наиболее крупными были нагрудные пластинки. На момент нахождения данного материала восстановить форму доспеха не представлялось возможным, т.к. панцирные пластинки, найденные в могилах с трупосожжением, лежали сплошной спекшейся грудой.

Аналоги панцирным пластинам данного типа встречаются на обширной территории Евразийского пояса в конце I – начале II тыс. в памятниках Кавказа и кочевников Восточной Европы, раннесредневековых согдийцев, тюрок Алтая и Тувы, енисейских кыргызов, мохэских и чжурчжэньских Приамурья и тангутских Китая. Они зафиксированы и в районах Верхнего Приобья [Соловьев, 1987, с. 50].

В большинстве памятников Сибири находки панцирных пластинок немногочисленны единичны. Наиболее многочисленны находки пластинок в могильниках у Архиерейской заимки и Басандайском, есть в Тимирязевских I, II [Беликова, Плетнёва, 1983].

Приводя в пример работу Л.Н. Гумилева [Гумилев, 1949], Л.А. Чиндина выносит предположение о тюркском происхождении рёлкинского типа доспеха [Чиндина, 1977, с. 34].

Также, по мнению ряда специалистов, подобный оборонительный доспех появился у кочевников Азии во второй половине I тыс. н.э. Уже позднее он распространился по всей Евразии [Кирпичников, 1979; Медведев, 1959].

Сравнительная редкость находок остатков доспеха свидетельствует, что защитное оружие было принадлежностью тяжеловооруженных воинов. Легковооруженный воин носил обычную одежду, дополнявшуюся накладными щитками. Данная историческая действительность касалась не только среднеобского региона [Худяков, 1980, с. 126–128].

Подобный доспех был хорошо известен населению рассматриваемого региона, о чем говорят многочисленные рисунки всадников и пеших воинов в конических шлемах VIII–IX вв. [Евтюхова, 1948; Кызласов, 1969].

А.И. Соловьев, говоря о конструкционных особенностях защитного (ламеллярного) доспеха подобного рёлкинскому, выдвинул предположение о вертикальном расположении панцирных (зубчатых) пластин, т.к. на ряде изображений воинов из различных мест распространения панцирного (ламеллярного) доспеха в Евразии подобные доспехи имеют именно вертикальную систему крепления пластин. Ввиду данного обстоятельства исследователь говорит об укоренившихся традициях создания панцирного (ламеллярного) доспеха в исследуемом регионе [Соловьев, 1987, с. 52].

Распределение и состав вооружения, особенности погребального обряда, такие как частичная и полная кремация в могилах, указывают на наличие ранжирования воинского состава, на элитарную верхушку – предводителей, вождей и рядовых воинов – дружина, ополчение.

Само ранжирование происходило ввиду имеющейся степени социально-экономического развития общества. Практически во всех курганах имеется наличие одного, двух, местами и трех погребений с сожжением [Чиндина, 1977, с. 136–137].

В рёлкинское время возникли проблемы и противоречия, связанные со сложением элитарного уклада и образованием государств на юге, распадом первобытных отношений на периферии, насыщенностью политических событий [Савинов, 2016; Западная Сибирь..., 2022].

Среднеобское население в раннем Средневековье получало боевое вооружение от южных соседей. Появляются более инновационные традиции изготовления доспеха с подбором подходящих защитных характеристик для данного региона. Представители рёлкинской культуры уже производят высококачественное защитное вооружение. На окраинах территории распространения культуры выделялась своя специфика.

В это время продолжается процесс зарождения эпоса и обожествление всадника-богатыря, которое четко прослеживается в верованиях западносибирских народов [Новицкий, 1884, с. 44; Доннер, 1997, с. 47]. Угры считали всадника-воина прово-

дником душ на небо. У селькупов один из родов вел свое начало от героя-богатыря [Прокофьева, 1952, с. 100]. Особенно ярко военная героика проявляется в шаманских обрядах [Прокофьева, 1949, с. 370].

Таким образом, известный арсенал вооружения (количество и качество личного оружия), изображения пеших и конных воинов в различном боевом облачении, особенности погребального обряда воинов указывают на новое социальное явление – выделение «избранных» воинов, имеющих признаки элитного статуса.

*Научный руководитель – Л.А. Чиндина
д-р ист. наук, профессор,
Томский государственный университет*

Список литературы

- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.
- Гумилев Л.Н.** Статуэтки воинов из Туяк-Мазара // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. XII. С. 232–253.
- Доннер К.Р.** Самоедский эпос // Земля Верхнекетская. Томск, 1997. С. 145–162.
- Евтюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: 1948. 109 с.
- Западная Сибирь** в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Н.П. Матвеева, А.П. Зыков, А.С. Зеленков [и др.] / отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2022. 260 с.
- Кирпичников А.Н.** Древнерусское оружие, т. 3 // Свод археологических источников. Вып. Е1-36. Л., 1971. 126 с.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 214 с.
- Медведев А.Ф.** К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. № 2. М., 1959. С. 119–134.
- Новицкий Г.** Краткое описание о народе остяцком, сочиненное в 1715 г. СПб.: Типогр. В.С. Болашева, Екатеринбург. кан., № 78, 1884. 116 с.
- Прокофьева Е.Д.** К вопросу о социальной организации селькупов. (Род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. Вып. I. Тр. ИЭ. 1952. Т. XVIII. С. 88–107.
- Прокофьева Е.Д.** Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. 1949. Вып. XI. С. 335–375.
- Савинов Д.Г.** Археологические формы «тюркизации» населения Западной Сибири в историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4. С. 27–31.
- Соловьев А.И.** Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. 193 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.

Чиндина Л.А. Нарымско-Томское Приобье в середине I тысячелетия нашей эры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. 26 с.

Чиндина Л.А., Коробейников И.Н. Проблемы сохранения и перспективы исследования могильника Рёлка и рёлкинской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 157–163.

Чиндина Л.А. Могильник «Рёлка» на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.

Relkin Protective Armor as an Indicator of the Complex Military Organization of Culture

I.A. Ageshin

The article raises the question of the role of military armor in the context of the reconstruction of the organization of military rank in the cultural and historical community Relkin. The internal and external factors of the process of militarization of Relkin society during the "great migrations" are considered. These issues were considered by L.A. Chindina, A.I. Solovyov, Y.S. Khudyakov, D.G. Savinov, S.G. Klyashtorny and others. The Relkin culture existed in the early Middle Ages of the beginning of the sixth century – the end of the ninth century AD in the Middle Ob region.

Keywords: Western Siberia, Middle Ob, early Middle Ages, Relkin culture, ranking, funeral rite, protective armor.

Агешин Иван Александрович

магистрант 2-го курса

Томский государственный университет

e-mail: iv.east17@gmail.com

Ageshin Ivan Aleksandrovich

2nd year master's degree student

Tomsk State University

e-mail: iv.east17@gmail.com

УДК 902.2

Обувь и одежда из коллекции ОКН «Город Гижигинск» (раскопки 2020 г.)*

А.А. Антонова

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

В 2020 г. Гижигинской археологической экспедицией при раскопках первого города на территории Магаданской области – Гижигинска были собраны артефакты, свидетельствующие о функционировании объекта в XVIII – начале XX в. [Батаршев и др., 2022], в т.ч. найдены фрагменты обуви и одежды из различных материалов [Археологическая коллекция..., Технический отчет..., 2020]. Их анализ позволяет уточнить образ и качество жизни населения города. Задачи исследования: описать, систематизировать найденные фрагменты обуви и одежды, предположить их функции, особенности производства и доставки в Гижигинск.

Всего было изучено 49 предметов. Из них 29 – детали обуви и ее фрагменты: ботинок, взрослые и детские стельки, внешние (подошва, каблучные флики, накладки на подошву, мыски, обувная головка) и внутренние детали обуви (верхняя и нижняя части подметки, нижняя пяточная часть подметки). Другие находки (20 экз.) могут быть отнесены к фрагментам деталей одежды (части

пояса, рант-вставки, детали ремешков), предметов быта.

Ботинок (1 экз.) изготовлен из кожи (29,5 × 8 см). На мысковой части расположено пять отверстий для шнурков (шнурки не сохранились). Прорезиненная подошва с каблучком пришита к основе. Ботинок соответствует описанию модельной обуви жесткой конструкции; форма каблука и размер на подошве (29,2), соответствует размеру 45, позволяют предположить, что ботинок принадлежал мужчине для ношения в весенне-осенний период.

Стельки для обуви взрослого человека (5 экз.) длиной от 30 до 18 см и шириной от 8 до 7 см изготовлены из кожи животного. Из них 4 – целые, и 1 фрагмент верхней части со сквозными следами изношенности. Форма стелек ортопедическая – повторяющая изгиб стопы и неправильная – в виде удлиненного овала. По краю одной из них – неравномерные сквозные проколы, свидетельствующие о кустарном способе прострочки. У двух стелек

*Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», проекты № 13/2020-Р, № 33/2022-И.

отверстия прострочки выполнены машинным способом.

Стельки для детской обуви (4 экз.) также изготовлены из кожи. Размеры от $17 \times 6 \times 1$ до $18 \times 7 \times 1$ см. Форма двух изделий – ортопедическая, внешние края – ровные. Две стельки – неправильной формы с внешним неровным краем. Признаки прострочки отсутствуют. Изделия покрыты черным налетом с двух сторон – не исключено, что вкладывая в обувь просушивали около открытого теплового устройства (печь, костер).

Кожаная подошва светло-коричневого цвета (1 экз.) ($12 \times 5 \times 1$ см) удлиненной овальной формы, обрезанная ровно по внешнему краю и рваная по внутреннему краю. Середина отсутствует: вероятно, была удалена вручную (без использования режущих средств).

Каблучные флики (4 экз.) ($7 \times 6 \times 0,5 - 8 \times 6 \times 0,7$ см) – соответствующие форме каблука промежуточные детали обуви – полуовальной и округлой формы. Изготовленные из твердой кожи флики использовались в качестве набойки для укрепления каблука. На произвольном расстоянии имеются проколы, свидетельствующие о кустарном способе изготовления изделий.

Накладки (набойки) на подошву в верхней части обуви (2 экз.) ($9 \times 8 \times 0,7$ см) также изготовлены из кожи; имеются равномерные мелкие сквозные проколы для прострочки по краям. В районе расположения большого пальца и начала стопы дыры, образованные в результате изношенности.

Мыски (6 экз.) – передние концы обуви изготовлены из кожи в форме неправильных четырехугольников. Размеры – от $8 \times 3 \times 0,3$ до $9 \times 3 \times 0,5$ см. Изделия прошиты одинарным или двойным швом. Часть из них покрыта налетом черного цвета, образовавшимся, вероятно, в результате продолжительной носки или просушивания около открытого теплового устройства.

Обувная головка (1 экз.) ($8 \times 5 \times 0,5$ см) из мягкой кожи светло-коричневого цвета, в форме заостренного угла. Имеются следы ровной прострочки по краю изделия.

Внутренние пяточные части подметки из кожи (4 экз.) ($4 \times 3 \times 0,3 - 12 \times 8 \times 0,4$ см) изготовлены в виде полуовала или округлые, без следов крепления.

Из резины изготовлены верхняя и нижняя части подметок (2 экз.) ($12 \times 8 \times 1$ см, $8 \times 7 \times 0,5$ см). На одной из них следы прострочки. У второй полу-кругом вырезана большая часть, которая, вероятно, использовалась как заплатка к другому изделию.

Из валяной шерсти (войлока) изготовлена нижняя пяточная часть подметки квадратной формы (1 экз.) ($7 \times 7 \times 1,2$ см) без следов крепления к основе. Вероятно, это часть зимней обуви.

Фрагмент одежды (плащ?) или предмета быта (лодка?) ($20 \times 10 \times 0,4$ см) из плотной ткани типа прорезиненного брезента черного цвета. На внешнем крае следы спайки.

Деталь одежды (предмета быта?) (7×6 см) из брезента светло-зеленого цвета. Из-за фрагментарности достоверно установить назначение изделия не удалось, но не исключаем, что оно могло быть частью одежды или палатки.

Детали одежды из кожи (12 экз.) ($5 \times 6 \times 0,5 - 21 \times 1,5 \times 0,5$ см) прямоугольной формы могли использоваться в качестве поясов, ремней, ранта-вставки. На них имеются следы машинной прострочки.

Другие предметы коллекции, изготовленные из кожи и ткани с относительной долей достоверности отнесены к одежде, предметам быта. Многочисленны обрезки кожи.

В целом, анализируемая коллекция представлена деталями аборигенной, выполненной кустарным способом обуви, модельной обуви, изготовленной на специализированном фабричном оборудовании, а также деталями одежды и предметов быта. Вероятно, что предметы были выброшены по причине сильной изношенности, которая исключала их дальнейшее использование.

Качество отдельных изделий позволяет предположить, что они были дорогостоящими, их замена не была частой – обувь носили до тех пор, пока она не приходила в негодность. Подошвы укрепляли подметками из использованной кожи, войлока или резины. Обувь использовалась продолжительное время и ремонтировалась подручными средствами. Обрезков первичного кроя также не обнаружено, что предполагает отсутствие на поселении сапожной мастерской. До утилизации изделия неоднократно ремонтировались. Для ремонта обуви использовались кожа, резина, войлок. Обрезки вторичного кроя, заплаты, следы неоднократной починки обуви свидетельствуют, что ремонт производился в «домашних условиях».

Возможно, что модельная обувь использовалась для особых случаев, например для праздников или фотографирования [Понкратова, Береговых, 2022, с. 154–155, рис. 2, 3]. В исторических описаниях отмечалось, что «при бедности коренного населения (коряки), русский исправник Гижигинска жил в роскошном доме, был одет в платье из толстого сукна и безукоризненную полотняную рубашку, с перстнями на пальцах, с толстой цепочкой на жилете и с тростью в руках...», «... в лакированных сапогах участники “Первой сибирской партии исследователей” отправились на обед к исправнику Гижигинска» [Кеннан, 1896, с. 217–219].

Вероятно, население приобретало обувь за пределами Гижигинска, но ремонт производился на ме-

сте. На это указывают следы починок, мелкие обрезки кожи, найденные в культурных слоях поселения. Это подтверждает факт, что гижигинцы жили бедно [Понкраторова, Береговых, 2022, с. 159]. Известно, что в начале XX в. «Торговый дом Кунст и Альберс», штаб-квартира которого располагалась во Владивостоке, заключал с начальником Гижигинского уезда торговые договоры, по которым завозились продукты – чай, мука, крупы, табак и др., и непродовольственные товары – керосин, оконные замазки, краски, дробь, патроны, капканы, огнестрельное оружие [Понкраторова, Береговых, 2022, с. 158]. Вероятно, в числе завозимых товаров были одежда и обувь. На ярмарках в Якутске и Охотске купцы из Гижигинска закупали и везли «изделия шелковые и полушелковые, шерстяные, бумажные, льняные, пеньковые, кожу разных видов, хрустальную, фарфоровую и фаянсовую посуду, серебряные и медные изделия, готовую одежду, обувь, продукты питания (мука, крупа, масло, сыр, колбаса, чай, сахар), вина, фрукты, табак, ружья, рогатый скот» [Сафронов, 1980, с. 116]. Роль камчатских и гижигинских купцов, оптом закупавших товары для перепродажи жителям Камчатки, Чукотки и Гижигинского края, была «значительной» [Сафронов, 1980, с. 117].

*Научный руководитель – И.Ю. Понкраторова
канд. ист. наук, доцент, вед. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Shoes and Clothes from Collection of the Cultural Heritage Object “City of Gizhiginsk” (Excavations 2020)

A.A. Antonova

Data on the details of shoes and clothing obtained as a result of archaeological excavations of the cultural heritage site “The City of Gizhiginsk” in 2020 (Magadan region) are being introduced into scientific circulation. Forty-nine items were found. These are men's shoes, shoe parts and clothing made of leather, rubber, felt and tarpaulin. The analyzed collection is represented by details of aboriginal, artisanal footwear, model shoes made on specialized factory equipment, as well as details of clothing and household items. The population purchased shoes outside of Gizhiginsk, as a result of trade operations, at fairs, but repairs were carried out on the spot. It is likely that the items were thrown away due to severe wear and tear, which precluded their further use.

Keywords: North of the Far East, Gizhiginsk, historical archeology, artifacts, clothing, shoes.

Антонова Александра Анатольевна
студент 2-го курса
Северо-Восточный государственный университет
e-mail: sasaantonova2913@gmail.com

Antonova Alexandra Anatolievna
2nd year student
Northeastern State University
e-mail: sasaantonova2913@gmail.com

Источники

Археологическая коллекция ОКН «Город Гижигинск» // Фонды МОО РГО (временное хранение).

Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ)» ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток, 2020. 303 с.

Список литературы

Батаршев С.В., Понкраторова И.Ю., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Голохвастов М.В., Лебедева Л.С., Нестерович А.В. Историческая археология Севера: город Гижигинск // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 1 (38). Якутск: ФИЦ ЯНЦ СО РАН, 2022. С. 23–34.

Кеннан Г. Кочевая жизнь в Сибири. Приключения среди коряков и других инородцев. СПб.: С.В. Звонарев, 1872. 330 с.

Понкраторова И.Ю., Береговых А.В. Население города Гижигинска в XIX – начале XX веков (на примере реконструкции генеалогии семьи Брагиных) // Россия в глобальном мире, 2022. № 24 (47). С. 145–166.

Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX века. М.: Наука, 1980. 144 с.

Наконечники стрел эпохи Средневековья Стеклянухинского городища (Стеклянуха-1)

Д.А. Войтко

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Стеклянухинское городище – это равнинное городище, расположенное в Шкотовском р-не Приморского края в с. Стеклянуха на пойме между р. Стеклянуха и Шкотовка.

Первые сведения о городище относятся к концу XIX в. и принадлежат Л.А. Кропоткину. Первые обследования на городище были проведены в 1955 г. Э.В. Шавкуновым. Первые раскопки на Стеклянухинском городище проводились в 1986–1988 гг. преподавателем ДВГУ А.В. Александровым. После продолжительного перерыва исследования были возобновлены в 2020 г. и продолжаются по сей день специалистами из ДВФУ и ООО «НПЦ «Наследие-ДВ» [Никитин, 2022, с. 108].

На городище фиксируется материал, который относится к трем эпохам: ранний железный век (янковская культура), раннее Средневековье (мохэ и Бохай) и Средневековье (культура чжурчжэней государств Цзинь и Восточное Ся) [Никитин, 2021, с. 18].

Городище в плане прямоугольное, обнесено валом и рвом, общая площадь 10 га. Свою нынешнюю конструкцию укреплений городище получило во времена Империи Цзинь XII–XIII вв., когда городище являлось центром округа. Значительное место среди обнаруженных предметов занимают наконечники стрел, которые фиксируются в больших количествах во время раскопок городищ чжурчжэньского времени. Из-за того, что основу чжурчжэньской армии составляли воины-лучники, боевые наконечники стрел являются самой массовой находкой среди всех предметов вооружения [Воробьев, 1975, с. 206].

В полевые сезоны 2020–2022 раскопки проводились под руководством Е.Ю. Никитина. За это время было обнаружено 36 наконечников стрел. Все они извлечены из раскопа 5, площадь которого составила 590 м². Рассмотрено 32 наконечника стрел, которые находятся в состоянии, пригодном для исследования. В это число входит 31 железный наконечник и один костяной. По способу насада все рассмотренные наконечники являются черешковыми. В основе деления на типы использовалась классификация, предложенная Э.В. Шавкуновым, в основе которой лежит деление на типы по форме пера и острия, наличию дополнительных элементов [Шавкунов, 1993, с. 11–13].

Среди железных наконечников можно выделить 8 типов, некоторые из которых разделяются на варианты. В рассмотренной коллекции присутствуют следующие типы железных наконечников: долотовидные, листовидные, кинжаловидные, шиловидные, пиковидные, с треугольной боевой головкой. А также двурогие и вогнутые срезни (см. *таблицу*).

Для чжурчжэньских городищ самым распространенным типом наконечников стрел является долотовидный. Несмотря на то, что долотовидные наконечники встречаются на памятниках бохайской культуры в Приморье [Шавкунов, 1999, с. 110], смольнинской [Шавкунов, 2015, с. 62–63] и покровской культурах [Васильев, 2006, с. 157], они считаются традиционно чжурчжэньскими. Благодаря тяжелой и прочной боевой части долотовидный наконечник использовался в качестве бронебойного.

На Стеклянухинском городище на долотовидные приходится 56 % рассмотренных наконечников. В данном случае ситуация схожа с другими чжурчжэньскими городищами в Приморье. На Лазовском городище на долотовидные приходится 67 % от общего числа наконечников [Леньков, Артемьева, 2003, с. 35], на Ананьевском – 77 % [Хорев, 2012, с. 43–44].

Также однозначно военное назначение имеют рассмотренные шиловидные, пиковидные и кинжаловидные наконечники (см. *таблицу*). Они обладают узкой и вытянутой боевой частью, позволяющей пробивать кольчатые доспехи, а наличие граней на кинжаловидных наконечника обеспечивает эффективность против доспехов из органических материалов.

Оба варианта иволистных наконечников трудно однозначно отнести к охотничьим или боевым (см. *таблицу*). Узкая боевая часть не обладает гранями, которые повышают бронебойные свойства наконечника. По всей видимости, они использовались для поражения слабо защищенного противника.

Для охоты вероятнее всего применялись срезни и лавролистные наконечники (см. *таблицу*). Они обладали широкой, плоской боевой частью, оставляющей широкие порезы. Нельзя исключать факта их возможного применения против незащищенного или слабо защищенного противника.

Лишь небольшая часть наконечников стрел (11 экз.) может быть соотнесена с конкретными

Наконечники стрел эпохи Средневековья Стеклянухинского городища (Стеклянуха-1)

Тип	Вариант	Размеры, мм		Количество, шт.	Материал
		Длина пера	Ширина пера		
Двурогий срезень	С параллельными боковыми сторонами и плечиками	28–50	25–37	2	Железо
	С подтреугольным пером	39	25	1	
Вогнутый срезень	Без дополнительных элементов	30	30	1	
Долотовидный	Простой долотовидный	50–90	7–10	17	
	Миниатюрный	53	5	1	
Листовидный	Иволистный	53	13	1	
	Лавролистный	35–65	14–20	2	
	Иволистный с шейкой	40–65	11–12	1	
Кинжаловидный	Без дополнительных элементов	80–82	8–11	2	
Пиковидный	–	62	10	1	
С треугольной боевой головкой	–	53	15	1	
Шоловидный	–	52	7	1	
Килевидный	С покатыми плечиками и уплощенным черешком	60	11	1	Кость
<i>Итого</i>				31	

объектам. Наибольшая концентрация наконечников стрел приходится на хозяйственную постройку, в пределах которой было обнаружено обилие панцирных пластин и железных изделий (5 экз.). Остальные рассредоточены в количестве 1–2 экз. по постройкам жилого и ремесленного квартала. Из 32 изученных наконечников, 20 обнаружено в пахотном слое, вследствие чего их стратиграфическая привязка невозможна.

В целом, набор наконечников согласуется с находками на других чжурчжэньских городищах. Однако присутствуют некоторые особенности.

Из общего количества наконечников 4 экз. имеют признаки нецелевого использования. Эти наконечники имеют характерную П-образную изогнутость – сгиб 90° у основания черешка и на небольшом удалении от острия (20–40 мм). Предположительно такие изделия из наконечников стрел использовались в качестве скоб. Объяснить подобное использование предмета вооружения в качестве хозяйственно-бытового приспособления можно обилием наконечников в быту и отсутствием внешней опасности.

Интерес представляет наличие наконечника из кости в одном экземпляре, не характерного для чжурчжэньских городищ. По своим внешним признакам наконечник ближе всего к килевидному, имеет покатые плечики и уплощенный черешок. Аналогичные наконечники встречаются на городищах бохайской эпохи: Марьяновском, Николаевском I и II [Шавкунов, 1999, с. 111]. Однако на Стеклянухин-

ском городище этот наконечник обнаружен в пределах объекта, который является предположительно хозяйственной или общественной постройкой, упомянутой ранее. Наконечник из кости может быть свидетельством существования более архаичной традиции на городище в связи с его нахождением на периферии. Подобная ситуация прослеживается в керамическом материале городища, когда лепная и станковая керамика существовали в одно время.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Коллекция железных наконечников Стеклянухинского городища по своим типам соответствует наборам наконечников, представленных на других чжурчжэньских городищах Приморья. В то же время присутствует несколько отличительных особенностей. Основной тип наконечников военного назначения – долотовидный, представлен в меньшем процентном отношении, чем на горных городищах периода Дун Ся. Меньшее количество вооружения может свидетельствовать о более низком уровне внешней угрозы. Этот вывод подкрепляется наличием наконечников с признаками нецелевого использования, в т.ч. боевых наконечников. Основываясь на этом, можно прийти к заключению, что существование городища пришлось на относительно мирное время периода Цзинь. Также дополнительным признаком существования городища в период, предшествующий Дун Ся, может являться сохранение архаичной традиции изготовления наконечников стрел

из кости. Однако нельзя исключать, что наконечник из кости может являться переотложенным материалом предыдущих эпох, фиксируемых на городище.

*Научный руководитель – А.Н. Попов
канд. ист. наук., доцент,
Дальневосточный федеральный университет*

Источники

Никитин Е.Ю. Археологические раскопки на объекте археологического наследия «Стеглянуха 1. Городище» в Шкотовском районе Приморского края в 2021 году, на основании открытого листа № 1153-2021. В 3 т. // Архив ИА РАН. 536 л.

Список литературы

Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н.э.) Владивосток: Дальнаука, 2006. 371 с.

Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство. М.: Наука, 1975. 448 с.

Леньков В.Д., Артемьева Н.Г. Лазовское городище. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.

Никитин Е.Ю. Предварительные результаты археологических исследований Стеглянухинского городища в 2020–2021 гг. // Тихоокеанская археология: новые материалы, проекты, исследования. 5-й Международный симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2022 г.: Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2022. 161 с.

Хорев В.А. Ананьевское городище. Владивосток: Дальнаука, 2012. 340 с.

Шавкунов В.Э. Вооружение чжурчжэней XII–XIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1993. 184 с.

Шавкунов В.Э. Костяные наконечники стрел бохайцев Приморья // Россия и АТР. 1999. № 4. С. 110–114.

Шавкунов В.Э. Памятники смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. 164 с.

Arrowheads of a Medieval Settlement Steklyanukha (Steklyanukha-1)

D.A. Voitko

Steklyanukha-1 is a large valley settlement which the highest degree of development in the era of the Jin state. The basis of the Jin army was made up of warriors armed with bows and arrows. For this reason, arrowheads are the most common weapon in the Jurchen settlements. The arrowheads of the Steklyanukha settlement correlate with arrowheads from other Jurchen settlements, but there are several features. At the Steklyanukha settlement, the proportion of armor-piercing tips from the total number is less than at other Jurchen settlements. There are arrowheads made of bone, which are typical of earlier eras and are not found on the Jurchen settlements. Tips with signs of misuse were also found. It can be concluded that the settlement existed in peacetime and that it belonged to the period of the Jin state.

Keywords: arrowheads, iron, Middle Ages, Jurchen, Jin state, Steklyanukha settlement.

Денис Александрович Войтко

магистрант 1-го курса

Дальневосточный федеральный университет

e-mail: voitko.da@mail.ru

Denis Aleksandrovich Voitko

1st year master's degree student

Far Eastern Federal University

e-mail: voitko.da@mail.ru

УДК – 903.227

Центральноазиатский меч XVII – первой четверти XVIII в. из буддийского монастыря Аблай-кит в Восточном Казахстане

М.Д. Ганш

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII в., нередко обозначается исследователями как эпоха «Малого монгольского (ойратского) нашествия». В это время военные предприятия западных монголов (ойратов) охватили большую часть евразийской степи. В середине XVII в. сложились четыре основных ойратских группировки: «Калмыцкая» (в Северном Прикаспии), «Чакарская» (в южных районах Западной Сибири и Северном Казахстане), «Кукунорская»

(в Тибете) и «Джунгарская» (в Западной Монголии и Юго-Восточном Казахстане) [Бобров, 2022, с. 5, 6]. Одним из лидеров «чакарских» ойратов был знаменитый тайша Аблай, инициировавший строительство большого буддийского монастыря в Восточном Казахстане, получившего известность под названием Аблай-кит.

До нашего времени дошло значительное количество ойратских предметов вооружения. Однако большинство из них представлено предмета-

ми из старых арсеналов и тибетских монастырей. При этом находки оружия с мест обитания ойратов крайне малочисленны. Каждая из них представляет значительный научный интерес.

В середине XX в. в окрестностях бывшего ойратского буддийского монастыря Аблай-кит сельскими старожилами был обнаружен меч, переданный в Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей г. Усть-Каменогорска. Несмотря на то, что меч упоминался в работах казахстанских ученых [Байкапов и др., 2018, с. 243–244], он еще не становился объектом специального оружейно-этнографического исследования.

Целью настоящей работы является введение меча в научный оборот, уточнение его датировки и атрибуции.

Общая длина меча – ок. 96 см, в т.ч. клинок – ок. 84 см. Оружие снабжено прямым обоюдоострым (предположительно, стальным) клинком с остроугольным острием. По сторонам клинка пропущены слабо выраженные ребра жесткости, придающие полосе клинка уплощенно-ромбическое поперечное сечение. Оружие снабжено остроугольными плечиками и широким хвостовиком удлиненно-прямоугольной формы без отверстий. По всей поверхности меча видны сколы, зазубрины и выбоины.

Выдающийся советский и российский оружейвед М.В. Горелик полагал, что мечи не характерны для поздних кочевников региона, и поэтому отнес его к числу изделий китайских мастеров XVI–XVII вв. [Там же, с. 243]

Однако в цинском источнике второй половины XVIII в. «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» отмечается, что джунгарами данного периода, наряду с саблями и палашами, применялись прямые обоюдоострые мечи – «шор» длиной от 0,64 до 1 м [Бобров, Пастухов, 2021, с. 782–783]. Таким образом, рассматриваемый нами меч не обязательно должен быть связан с китайской оружейной традицией.

По мнению казахстанских исследователей, аналогами меча из Аблай-кит являются образцы длинноклинкового оружия из Музея искусств Метрополитен (инв. № 1995.136; 36.25.1466 а, б; 36.25.1462 а, б, Нью-Йорк, США), экземпляр из Королевской оружейной палаты (инв. № XXXVIS.295, Лидс, Великобритания), экземпляр из музея Виктории и Альберта (инв. № IM.218-1927, Лондон, Великобритания) [Байкапов и др., 2018, с. 243].

С подобным предположением можно согласиться лишь отчасти. Дело в том, что большинство перечисленных образцов вооружения являются не мечами, а мечевидными палашами, т.е. их клинки имеют лишь одно лезвие. Кроме того, эти палаши лишены продольного ребра жесткости, что отличает их от меча из Аблай-кит.

На наш взгляд, ближайшим аналогом рассматриваемого образца длинноклинкового оружия является меч из собрания музея Виктории и Альберта (инв. № IM.218-1927, Лондон, Великобритания). Он имеет близкие размеры и геометрию клинка, а также форму острия и продольные ребра жесткости. Общая длина меча – 84,5 см, в т.ч. длина клинка – 71,8 см. [Бобров, Худяков, 2008, с. 265, рис. 80, 3, 266]. В отличие от меча из Аблай-кит оружие из музея Виктории и Альберта сохранило эфес и оригинальные ножны. Эфес меча состоит из серебряной дисковидной гарды с высоким рельефным бортиком и рукояти, обмотанной серебряной проволокой. Нижняя часть рукояти (примыкающая к гарде) снабжена серебряной обоймицей, украшенной растительным орнаментом. В том же стиле оформлено и трехлепестковое серебряное навершие рукояти. В центральной части навершия размещено округлое «гнездо», в которое помещен кабошон коралла. К тыльной стороне навершия крепится темляк, сплетенный из полосок красного, синего и желтого шелка.

Удлиненно-прямоугольные ножны выполнены из дерева и обтянуты кожей. Прибор ножен выполнен из серебра и состоит из устья, трех обоймиц и длинного массивного наконечника. Все элементы богато орнаментированы и снабжены гнездами, в которые помещены один кабошон бирюзы и четыре кабошона коралла. Вырез в наконечнике ножен перекрыт позолоченной пластиной с чеканным растительным орнаментом. Обоймицы украшены подложками ромбической формы.

Не исключено, что эфес и ножны меча из Аблай-кит могли иметь схожее оформление.

Американский исследователь Д. Ла Рокка датировал меч из музея Виктории и Альберта XVIII–XIX вв. и атрибутировал как оружие тибетских мастеров [LaRocca, 2006, с. 163–164].

Время изготовления меча из Аблай-кит может быть локализовано периодом бытования данного буддийского монастыря. Так, в частности известно, что он был построен в 1654–1656 гг. на левой стороне верхнего течения Иртыша, а к концу 20-х гг. XVIII в. был спешно оставлен его обитателями [Байкапов и др., 2018, с. 234]. Таким образом, меч может быть датирован XVII – первой четвертью XVIII в. Наиболее вероятно, что он был изготовлен тибетскими или ойратскими мастерами.

Являлся ли меч ритуальным предметом или боевым оружием? По мнению казахстанских исследователей, длинные прямые клинки, наряду с луком и стрелами, являлись неотъемлемой частью духовных практик последователей Ваджраяны: «Присутствие стального меча в монастыре ойратского тайджи во многом объясняется историче-

ски сложившимся культом бодхисаттвы мудрости Манджушри у многих азиатских народов, исповедующих буддизм, где он является одним из самых почитаемых персонажей пантеона Ваджраяны... Главными атрибутами данного божества служат меч, рассекающий тьму невежества, которое ассоциируется у буддистов со смертью, и книга, символизирующая мудрость» [Там же]. Из этого исследователи делают вывод, что «...клинок, хранившийся прежде в Аблай-ките... использовался местными монахами как «меч мудрости» в буддийских предсказательных практиках, тесно связанных с культом бодхисаттвы Манджушри» [Там же, с. 244].

Не исключая подобной трактовки, в то же время отметим, что почти все ойратские и монгольские буддийские монастыри XVII в., в т.ч. и Аблай-кит [Там же, с. 228], были не только культовыми сооружениями, но и крепостями, которые обороняли вооруженные воины. Не исключено, что меч мог принадлежать одному из них.

В пользу возможного применения меча как ритуального предмета косвенно свидетельствует форма хвостовика, не имеющего отверстий для крепления щечек рукояти. Их отсутствие позволяет предположить, что рукоять была всадной. Однако невозможность применения меча с всадной рукоятью в качестве боевого оружия требует экспериментальных подтверждений.

The Central Asian Sword of the XVII – First Quarter of the XVIII Centuries from the Buddhist Monastery of Ablay-Kit in East Kazakhstan

M.D.Gansh

A significant number of Oirat weapons have reached our time. However, most of them are represented by items from old arsenals and Tibetan monasteries. At the same time, there are very few finds of weapons from pirate habitats. Each of them is of considerable scientific interest. In the middle of the XX century, in the vicinity of the former Oirat Buddhist monastery Ablay-kit, rural old-timers discovered a sword handed over to the East Kazakhstan Regional Museum of Local Lore in Ust-Kamenogorsk. The purpose of this article is to introduce the sword into scientific circulation, to clarify its dating and attribution, as well as the assumption about the purpose of the sword. Based on typological analysis, it was found that the sword was made by Oirat or Tibetan masters of the XVII – first quarter of the XVIII century. It could be used as a combat or ritual weapon.

Keywords: the era of the "Small Mongol invasion", East Kazakhstan, Oirats, Ablay-kit, attacking weapons, sword.

Ганиш Максим Дмитриевич

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: m.gansh@g.nsu.ru

Таким образом, в настоящее время затруднительно рассматривать меч из Аблай-кит исключительно как ритуальное или боевое оружие. Данный вопрос требует дополнительного изучения.

*Научный руководитель – Л.А. Бобров
д-р ист. наук, вед. науч. сотр., профессор,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Терновая Г.А. История религий в Казахстане. Древность и средневековье. Алматы: Service Press, 2018. 553 с.

Бобров Л.А. Закат «Последней Кочевой империи». Военное дело джунгар середины XVIII // *Parabellum novum: Военно-исторический журнал*. 2022. № 17 (49). С. 5–33.

Бобров Л.А., Пастухов А.М. Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» // *Oriental Studies*. 2021. № 14 (4). С. 770–796.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 782 с.

LaRocca, Donald J. Warriors of the Himalayas: Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. 2006. 307 с.

Gansh Maxim Dmitrievich

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: m.gansh@g.nsu.ru

Комплекс торевтики аскизской культуры из села Тюхты*

Р.В. Давыдов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Торевтика является одной из наиболее массовых категорий археологического материала средневековых кочевников Южной Сибири. Элементы поясной и сбруйной фурнитуры в течение XIX – начала XX в. в значительном количестве поступали в фонды местных краеведческих музеев, формируя коллекции с минимальной информацией о контексте находок. В связи с этим атрибуция подобных собраний весьма затруднена.

Коллекция артефактов, которая стала объектом данного исследования, хранится в фондах Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартынова. Она включает 201 предмет, поступивший в период до 1902 г. как один комплекс из с. Тюхты (современное с. Тюхтат, Курганский р-н Красноярского края).

Часть коллекции опубликована Л.А. Евтюховой как Тюхтятский клад [Евтюхова, 1948, с. 67–72]. Исследователем учтено 178 артефактов, включая 138 бронзовых и 5 железных предметов торевтики (ММ АЖ 5183–5210, 5231, 5747–5886). Исходя из единства выделенного комплекса как клада и находки вместе с предметами китайских монет конца IX в. н.э., Л.А. Евтюхова датировала комплекс X в. н.э. [Там же, с. 67–68].

Позднее И.Л. Кызласовым опубликовано изделие из с. Тюхты (ММ АЖ 5226), датированное малиновским этапом аскизской культуры (X–XIII вв. н.э.) [Кызласов, 1983, табл. X, 12, 30].

В рамках изучения железной торевтики аскизской культуры в фондах Минусинского музея автором было изучено 30 железных изделий, ранее не рассмотренных исследователями. Их музейные шифры: ММ АЖ 5209, 5211, 5214–5216, 5224, 5227–5229, 5232, 7676–7693.

Цель данной работы – культурно-хронологическая атрибуция железных изделий из с. Тюхты.

Рассмотренные предметы включают следующие морфологические категории: пряжки, ременные наконечники, накладки поясные, накладки седельные, обоймы ременные, фалар, наносный султан. Помимо морфологических признаков учитывалась технология изготовления предметов. Выделялись серии изделий. Во всех случаях орнамент нанесен резцом, инкрустация серебром выполнена с насе-

канием фона мелкими заусенцами. Все предметы имеют следы пребывания в погребальном костре.

Пряжки представлены 5 экз.:

1. Разряд щитковые (3 экз.) (см. рисунок, 1, 2):

А. Подразряд подвижнощитковые, раздел с прямоугольной рамкой (1 экз.). Предмет украшен по щитку глубоким прорезным орнаментом (ММ АЖ 5209). Он изготовлен свободной ковкой из толстой заготовки без придания объема щитку.

Б. Подразряд неподвижнощитковые, раздел с овальной рамкой (2 экз.). Данные два предмета относятся к одной серии. Декорированы четырьмя расходящимися сквозными отверстиями в форме листьев по щитку (ММ АЖ 5205, 5206). Изделия изготовлены свободной ковкой из толстой заготовки без придания объема щитку.

2. Разряд рамчатые, раздел с прямоугольной рамкой (2 экз., ММ АЖ 5229, 7692). Изделия изготовлены методом свободнойковки.

Ременные наконечники включают 12 экз. (см. рисунок, 3, 6, 8–10). Все они относятся к разряду цельные, подразряду истинные. Предметы инкрустированы серебряной фольгой с выступающим орнаментом. Выделяется несколько серий идентичных предметов.

Серия 1 – наконечники ремней с растительным орнаментом – 3 экз. При этом форма двух из них образована в технике односторонней штамповки (ММ АЖ 5214, 5215), третий же экземпляр сформирован техникой свободнойковки из толстой заготовки с приданием объема дифовкой (ММ АЖ 5216).

Серия 2 – наконечники ремней с геометрическим орнаментом в виде ромбов и широких волн (ММ АЖ 7676, 7677, 7680). Они выполнены в технике свободнойковки по трафарету без придания объема.

Серия 3 – наконечники ремней с геометрическим орнаментом в виде сплошной композиции из ромбов и полумесяцев с высокими валиками по бортикам (ММ АЖ 7682, 7683). Выполнены свободной ковкой по трафарету без придания объема.

Остальные четыре наконечника ремней одиночные (ММ АЖ 7678, 7679, 7681, 7684). Они декорированы различными вариантами геометрического орнамента. Все выполнены свободной ковкой без придания объема.

*Работа выполнена в рамках реализации Госзадания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Железные предметы торевтики из с. Тюхты.

1, 2 – пряжки щитковые (ММ АЖ 5206, 5209); 3, 6, 8–10 – ременные наконечники (ММ АЖ 5215, 7676, 7679, 7683, 7684); 4 – обойма ременная (ММ АЖ 5227); 5 – накладка с крюком (ММ АЖ 5215); 7 – накладка седельная (ММ АЖ 7688); 11 – султан налобный (ММ АЖ 7691); 12 – фалар (ММ АЖ 7692).

Накладки поясные включают 7 экз.:

1. Разряд цельные – 3 экз. Среди них выделяется тонкая овальная накладка с крюком, украшенная выступающим пуансонным орнаментом без инкрустации серебром (ММ АЖ 5224) (см. рисунок, 5). Два других изделия украшены серебром с геометрическим орнаментом. Выполнены ковкой без придания объема (ММ АЖ 5232, 7690).

2. Разряд шарнирные – 4 экз. Три из них – трехсоставные. Украшены серебром с геометрическим орнаментом (ММ АЖ 7685, 7686, 7689). Четвертая накладка двухсоставная, с растительным орнамен-

том (ММ АЖ 5211). Все изделия выполнены ковкой без придания объема.

Накладки седельные представлены двумя идентичными экземплярами (ММ АЖ 7687, 7688) (см. рисунок, 7). Они широкие, декорированы геометрическим орнаментом в виде узких поперечных волнистых линий.

Обоймы ременные также идентичны (ММ АЖ 5227, 5228) (см. рисунок, 4). Оба экземпляра прямоугольные, с инкрустацией серебром в лицевой части. Зона инкрустации декорирована растительным орнаментом.

Фалар полусферической формы, с лицевой стороны был полностью покрыт серебром без дополнительной орнаментации (ММ АЖ 7692) (см. *рисунк, 12*).

Налобный султан цельножелезный (ММ АЖ 7691) (см. *рисунк, 11*). Щиток плоский, инкрустирован серебром и декорирован геометрическим орнаментом в виде композиции из ромбов и узких волн.

Рассмотренные изделия имеют прямые аналогии среди опубликованных Л.А. Евтюховой материалов. Зафиксирована железная пряжка, идентичная щитковым пряжкам со сквозными отверстиями [Евтюхова, 1948, рис. 136]. Вероятно, они относятся к одной серии. Также в публикации представлены два ременных наконечника с растительным орнаментом, являющиеся продолжением серии 1 ременных наконечников [Там же, рис. 131].

Серия штампованных ременных наконечников и объемные толстые пряжки встречаются среди материалов аскизской культуры конца X – XI в. н.э. вместе с бронзовыми изделиями [Давыдов, 2020, с. 318]. Следует отметить, что опубликованные Л.А. Евтюховой элементы сбруйной фурнитуры с геометрическим орнаментом и серебряной инкрустацией демонстрируют более поздний этап развития технологической традиции [Давыдов, 2020, с. 319; Евтюхова, 1948, рис. 133].

Накладки и ременные наконечники с геометрическим и пуансонным орнаментом по форме и декору могут быть отнесены к каменскому этапу аскизской культуры (XIII–XIV вв. н.э.) [Кызласов, 1983, табл. X, XXXV, 1, XXXVIII].

Таким образом, опубликованная коллекция из с. Тюхтыты расширена до 201 изделия и возникает вопрос о взаимосвязи представленных в работе предметов и «Тюхтытского клада». Следует учитывать следующие факты. Во-первых, отмечается наличие вещей, относящихся к одной серии с предметами из клада, т.е. его объем увеличивается за счет представленных в работе материалов.

Во-вторых, крайне сомнительно отнесение всех изделий к одному кладу за счет поздней датировки предметов каменского этапа (XIII–XIV вв. н.э. при том, что наиболее поздние материалы клада датированы X–XII вв.).

В-третьих, представленные 30 изделий относятся к разным этапам развития технологической традиции изготовления железной тореутики. Штампованные изделия и массивные пряжки наиболее архаичны, седельные накладки с орнаментом из поперечных волнистых линий и обоймы с растительным декором соотносятся с материалами развитой технологии XII–XIII вв. из долины р. Ус (юг Красноярского края), изделия каменского этапа отражают поздний этап технологии.

Если рассматривать Тюхтытский клад и опубликованные 30 изделий как один комплекс, то в него будут включены изделия IX–XIV вв. н.э. Широкие датировки изделий в изначально опубликованном наборе клада позволили Г.В. Длужневской предположить, что его материалы относятся к группе воинских погребений [2002]. Г.Г. Король, в свою очередь, выдвинула версию о статусе клада как пожертвования духам [2008, с. 192].

Ввиду представленных в работе материалов, можно предположить, что коллекция из с. Тюхтыты является собранием инвентаря из разновременного могильника енисейских кыргызов, функционировавшего в период IX–XIV вв. н.э.

*Научный руководитель – О.А. Митько
канд. ист. наук, доцент,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Давыдов Р.В. Этапы становления технологии производства железных предметов тореутики енисейских кыргызов (по материалам памятников долины р. Ус) // Актуальная археология-5. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. СПб.: Невская типография, 2020. С. 317–319.

Длужневская Г.В. Является ли кладом «Тюхтытский клад»? // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002. С. 234–239.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Наука, 1948. 109 с.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. ЕЗ–18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Complex of Toreutics of the Askiz Culture from the Tyukhtyaty Village

R.V. Davydov

The author of the article presents the results of a study of 30 iron objects of toreutics from the funds of the Minusinsk Martyanov Museum. These items are part of the collection from the Tyukhtyaty village. Previously, the main part of this collection was published in the form of the "Tyukhtyat Hoard". However, the large difference in the dating of the objects allowed the researchers to assume that this hoard is a collection of objects of a different origin. The 30 articles published in this work date back to the Askiz culture of the 10th–14th centuries. They include items from the 13th–14th centuries

and items identical to those published as part of the hoard. These materials suggest that the collection from the Tyukhtyaty village is a collection of inventories from a multi-temporal burial ground of the Yenisei Kyrgyz of the 9th–14th centuries.

Keywords: Southern Siberia, Yenisei Kyrgyz, Askiz culture, toreutics, morphology, technology.

Давыдов Роман Вячеславович

аспирант 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: puer-viro@mail.ru

Davydov Roman Vyacheslavovich

3rd year postgraduate student

Novosibirsk State University

e-mail: puer-viro@mail.ru

УДК903.21

Находки жерновов ручных мельниц в археологических памятниках Алтая

А.Ю. Зырянова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Земледелие на протяжении долгого времени являлось неотъемлемой частью жизни населения Алтая. Свое развитие оно получает уже в раннескифское время (VIII – начало VI в. до н.э.), что на самом деле удивительно. Ведь, казалось бы, холодный сибирский климат и горная местность не могли способствовать развитию земледелия, а, наоборот, лишь затормаживали его. Поэтому развитие земледелия на Алтае можно считать долгим и сложным процессом, в результате которого накапливалась целая база знаний о различных сельскохозяйственных культурах и о способах обработки земли.

Одним из доказательств существования земледелия на Алтае исследователи считают различные находки земледельческих орудий труда [Соенов, 2003, с. 169]. В их число включаются находки каменных жерновов ручных мельниц, которые известны в памятниках различных периодов начиная с раннескифского времени VIII–VI в. до н.э. [Суразаков, Тишкин, 2007, с. 67]. Ручная мельница – это древнейшее орудие труда, созданное для перемалывания зерновых культур, таких как ячмень, просо, пшеница. Ручная мельница состояла из двух каменных жерновов округлой формы: нижнего и верхнего. Принцип работы ручной мельницы следующий. Верхний жернов («бегун») имел в центре сквозное отверстие, а по краям верхней части небольшие углубления. Нижний («лежняк») – отверстие или углубление. Для помола зерна в ручной мельнице использовали деревянные палочки. Одна вставлялась в центральные отверстия и использовалась в качестве оси. Также в центральное отверстие верхнего жернова засыпалось зерно. Другую вставляли в углубление с краю «бегуна» и с ее помощью рукой вращали диск, перемалывая зерно [Джураев, 2014, с. 178–179].

Благодаря такой технике помола ручная мельница по производительности превосходила зернотерку в 12 раз [Кызласов, 1985, с. 69]. С.В. Киселев

считал находки деталей ручных мельниц признаком усиления роли земледелия в хозяйстве населения Алтая VIII–IX вв. [1951, с. 513].

Жернова ручных мельниц найдены при исследовании погребальных и поминальных комплексов раннескифского (Ак-Чий, курган 3; Кызык-Телань-I, курганы 12 и 29, выкладка 25), скифского (Бертек 10, курган 1; 2-й Башадарский курган), гунно-сарматского времени (Степушка-2, курганы 21 и 22) и раннего Средневековья (Курай VI, курган 1, Кызыл-Шин, оградка 18) [Суразаков, Тишкин, 2007, с. 67; Руденко, 1960, с. 32; Молодин, Бородовский, 1994; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 51; Кубарев, 2018, с. 86]. Также находки жерновов обнаружены при раскопках поселений Текпенек-Боочи-2, Кемечекпан-2, Тыткескень-3, Купчегень-1 [Шульга, 2012, с. 245; Кунгуров, 1994, с. 45].

Жернова найдены попарно (целый постав) в пяти случаях: Кызык-Телань (курган 29), 2-й Башадарский курган, Бертек-10, Курай VI, Кызыл-Шин. В пяти случаях они находились по одному, а в трех случаях найдены заготовки. Размеры (диаметр) жерновов колеблются от 24 до 37 см. Для изготовления использовался серый гранит, мелкозернистый гранит, светло-серый гранит, песчаник, мелкозернистый гнейс.

В погребальных памятниках жернова ручной мельницы всегда находились при исследовании разных частей надмогильных сооружений – в насыпи курганов или в крепице. Четкой системы размещения жерновов не наблюдается. Тем не менее, примечателен тот факт, что они обнаруживаются, как правило, в надмогильных сооружениях, а внутри могил не помещались.

Вопрос датировки жерновов и связь с погребальными комплексами, в насыпях которых они были обнаружены, долгое время решался в пользу

интерпретации их в качестве «поздних подношений» в уже существующие курганы. Однако многие жернова (Кызык-Телань, Бертек-10) найдены в таком контексте, что их одновременность с основными сооружениями не вызывает сомнений. Они были забутованы между камней крепицы и являлись ее частью.

Г.В. Кубарев предположил, что жернова помещались только в те памятники культуры, которые были посвящены женщинам [Кубарев, 2018, с. 85–86]. Однако диски ручных мельниц были найдены и в детских погребениях, например в могильнике Степушка-2. Существует теория, что в насыпи детских курганов жернова помещали в надежде на рождение нового здорового ребенка, который сможет достичь взрослого возраста, т.к. земледельческие орудия труда, в т.ч. и ручная мельница, являются символом плодородия и жизни. По этой же причине жернова не помещали в саму могилу.

Найденные жернова ручных мельниц позволяют сделать предположение о существенном развитии земледелия на Алтае, как минимум начиная с раннескифского времени. Благодаря применению этого орудия объем перемолотого зерна, в сравнении с продуктивностью зернотерок, увеличивался в несколько раз. Это говорит об увеличении количества урожая, которое могло произойти вследствие развития земледелия. Другим свидетельством наличия практики земледелия на Алтае являются остатки оросительных систем, найденных в долинах Катунь, Чуи, Чулышмана и т.д., находки зерен и их остатков (просо и пшеница), а также плугов, относящихся к Средневековью [Соенов, 2003, с. 172].

Таким образом, можно сделать вывод, что жизнь древнего и средневекового населения Алтая могла включать в себя не только скотоводство, металлургию и присваивающие формы хозяйства, но и земледелие. Это говорит нам о достаточно

высоком уровне развития хозяйства в раннем железном веке и Средневековье.

*Научный руководитель – Н.А. Константинов
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Горно-Алтайский государственный университет*

Список литературы

Джураев М.С. История мельничного промысла: от простых зернотерок до мельничного жернова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2014. С. 173–182.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М.: АН СССР, 1951. 513 с.

Кубарев Г.В. Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 2. С. 85–86.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень // Археология Горного Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 43–58.

Кызласов Л.Р. Тагарская ручная мельница и ее значение // Советская археология. 1985. № 3. С. 65–71.

Молодин В.И., Бородавский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. 1994. № 4. С. 72–79.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 360 с.

Соенов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 169–172.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. 242 с.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул: АлтГУ, 2007. С. 63–69.

Шульга П.И. О древнем земледелии в Горном Алтае // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 242–248.

Findings of Millstones of Hand Mills in the Archaeological Sites of Altai

A.Y. Zyryanova

The article deals with the finds of millstones of hand mills in the archaeological sites of Altai. It is noted that the finds of millstones belong to different historical epochs, starting from the early Scythian time (VIII–VI BC). Millstones were found during the study of grave structures of burials of the Biyke, Pazyryk, Bulan-Koby and Turkic cultures; ancient Turkic funeral enclosures and cultural layers of settlements belonging to different periods. Millstones found in burial and memorial complexes probably have symbols associated with the continuation of life. A manual mill has a significantly higher productivity in comparison with a simple grain grater. The presence of a hand mill in the archaeological sites of Altai indicates a significant development of agriculture in the economic complex of the population.

Keywords: Altai, hand mill, millstones, paleoeconomics, agriculture, burial complexes, settlements.

Зырянова Анна Юрьевна

студент 1-го курса

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: Zyryanova_16@mail.ru

Zyryanova Anna Yuryevna

1st year student

Gorno-Altai State University

e-mail: Zyryanova_16@mail.ru

Предметы из кости в коллекции ОКН «Город Гижигинск»*

А.А. Иванов

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

При археологических раскопках ОКН «Город Гижигинск» (Магаданская обл., Северо-Эвенский р-н) в 2020 г. Гижигинской археологической экспедицией в разведочном раскопе площадью 9 м² были обнаружены артефакты из бивня мамонта и костей животных [Технический отчет..., 2020, с. 54, 61, 66].

Грузило бочкообразной формы (7,6 × 3,5 × 2,4 см) изготовлено из кости кита. Его вес – 93,8 г. В верхней части изделия находится сквозное отверстие для привязывания его к сети. Могло использоваться как утяжелитель закидного сачка или сети для ловли рыбы. Подобные грузила из кости и камня использовались коряками в начале XX в. [Иохельсон, 1997, с. 85].

Пластина из ребра кита прямоугольной формы, с одной стороны которой углы закруглены, а с другой – прямые. Ее размеры 5,3 × 4,2 × 0,6 см. Имеются сквозные круглые отверстия для крепления. Возможно, что это панцирная пластина, которая использовалась для пластинчатых доспехов (панцирей) у чукчей в XVIII–XIX вв. Панцири состояли из нескольких рядов костяных или железных пластин, соединенных вместе посредством ременных завязок и легко складывались [Богораз, 1991, с. 100–101].

Изделия в виде полос из моржовой кости с четырьмя сквозными отверстиями (27 × 4,5 × 0,6 см) и деталь с двумя отверстиями по углам (19 × 6 × 0,7 см), возможно, являются частями полозьев нарты – распространенного для северных народов транспортного средства.

Костяные зубные щетки – мануальные (2 экз.), изготовлены из рога лося (?) с натуральной щетиной. Одна щетка (8,5 × 1,3 × 0,3 см) – целая, выполнена в форме прямоугольника с закругленными краями, с выпуклым изгибом в шейке. Остатки щетины сохранились в 18 отверстиях для крепления. Всего таких отверстий 62. Они расположены в четыре ряда: по 15 отверстий в боковых рядах и по 16 отверстий в центральных рядах. На местах крепления щетины поверхность поля покрыта зеленым налетом, который свидетельствует о том, что щетина крепилась путем протягивания ме-

таллической (медной?) проволоки. На обратной стороне щетки имеются прорезы для проволоки. Ручка щетки слегка выгнута, ее конец заострен, и на нем имеется сквозное отверстие, в которое вставлена заглушка из пластмассы белого цвета, которая, вероятно, предназначалась для подвешивания щетки.

Другая щетка представлена фрагментом (14,5 × 1,5 × 0,6 см) со щеточным полем, на котором в четыре ряда расположены отверстия для крепления щетины. Щетина сохранилась частично во всех отверстиях. Всего отверстий – 90. Они расположены в четыре ряда: по 22 отверстия в боковых рядах и по 23 отверстия в центральных рядах. На ручке щетки выполнено на станке округлое отверстие, по которому произошел ее слом. Подобные костяные зубные щетки, датируемые XIX в., находят при археологических раскопках исторических частей городов во Франции, Германии, европейской части России, а также в Сибири и на Дальнем Востоке [Госкаталог РФ; Комарова, 2021, с. 38–42 и др.]. Определить достоверно, откуда в Гижигинск привозились зубные щетки, пока не представляется возможным. В коллекции имеется еще одна зубная щетка (13,7 × 1,1 × 0,4 см), но изготовленная из пластмассы. На ней клеймо «Витебского щетинно-щеточного и волокопрядильного комбината» (г. Витебск (Беларусь), 1931–1941 гг.) с инициалами советского партийного и политического деятеля В.В. Куйбышева, имя которого было присвоено в 1935 г.

Антропоморфная фигурка (4,8 × 1,9 × 0,8 см) изготовлена из бивня мамонта. Человечек изображен стоя в полный рост; его руки прижаты к телу. Несмотря на миниатюрность фигурки монголоидные черты лица (нос, близко посаженные к носу открытые узкие глаза, поджатые губы) вырезаны реалистично. Брови выгравированы в виде тонких черного цвета линий; уши слегка оттопырены; пупок на животе обозначен точкой. Двумя прорезными короткими линиями спереди и одной сзади выделены ноги. Подобные по стилю миниатюрные фигурки (моржей, лисы, собак) были привезены из Гижигинского округа в 1885 г. мореплавате-

*Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», проекты № 13/2020–Р, № 33/2022–И.

лем и китобоем, исследователем Дальнего Востока России Ф.К. Геком и хранятся сегодня в музее г. Владивостока [Коллекция...]. Фигурки собак, моржей, сивучей, людей в байдарках из кости изготавливали кереки [Леонтьев, 1976, вкл.]. Найденная фигурка была изготовлена мастером, вероятно, по национальности коряком. Так, В.И. Иохельсон, изучая народы севера в конце XIX – начале XX в., в т.ч. коряков в окрестностях Гижигинска, отмечал уникальность их косторезного изобразительного искусства [Иохельсон, 1997, с. 148–158]. По его свидетельству «эскимосы, коряки, кереки и чукчи – единственные первобытные племена, среди которых было так сильно развито искусство миниатюрной скульптуры» [Там же, 1997, с. 149]. Возможно, фигурки имели сакральное значение (изображали духов) или же были амулетами [Богораз, 1939, с. 17, 48].

Рядом с фигуркой обнаружено сырье для ее изготовления – фрагмент бивня мамонта (15 × 6 см). Известно, что около ОКН «Город Гижигинск» находится скопление костей и бивней мамонта («кладбище») (информация – С.Т. Конь). Исследователи XIX в. также отмечали, что «находки частей мамонта здесь не редки» и, что «...население частью из-за лени, частью из-за мерзлоты почвы, собирают лишь куски, находящиеся на поверхности, а потому сильно пожелтевшие и обветренные. Попадают куски – целые клыки..., но они до такой степени изогнуты, что для перевозки на нартах инородцы их распиливали на более мелкие части, уменьшая ценность клыка» [Прозоров, 1902, с. 162].

Фрагмент шахматной фигурки из рога лоса (7,3 × 1 см) цилиндрической формы состоит из двух ярусов. Верхний ярус – фрагмент фигуры короля или ладьи, на нижнем ярусе по диаметру вырезаны 6 колец. Подобные изделия также частые находки при исследовании русских городов в Европе и Сибири [Пархинович, Визгалов, 2021, с. 309–316].

В целом, анализ артефактов из кости археологической коллекции ОКН «Город Гижигинск» позволяет распределить их как предметы, связанные с рыболовным промыслом, транспортом, гигиеной, искусством и досугом, и датировать коллекцию концом XIX – началом XX в. Найденные фрагменты сырья предполагают изготовление на месте части изделий (фигурка, полозья нарты). Сходство других изделий с европейскими и сибирскими находками не исключает, что предметы могли быть

завезены в результате торгового обмена (зубная щетка, шахматы). Грузило и панцирная пластина также могли изготавливаться на месте – известно, что гижигинцы занимались морским промыслом [Прозоров, 1902, с. 153].

*Научный руководитель – И.Ю. Понкратова
канд. ист. наук, доцент, вед. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Источники

Археологическая коллекция ОКН «Гижигинск» // Фонды МОО РГО (временное хранение).

Госкаталог РФ. Зубная щетка. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?q=Зубная%20щетка&imageExists=null&typologyId=6> (дата обращения: 10.02.2023).

Коллекция зооморфных фигурок из кости. Коряки. Сборы Ф.К. Гека, Гижигинский округ, 1885 г. // Фонды ФГБУК «Государственный объединенный музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева».

Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ) ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток, 2020. 303 с.

Щеткомбинат. Витебская энциклопедия. URL: vitebsk.com (дата обращения: 07.03.2023).

Список литературы

Богораз В.Г. Чукчи. Ч. II. Религия. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 196 с.

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. 222 с.

Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 237 с.

Комарова О.С. Новобазарная площадь в Красноярске по данным археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Т. 2. Омск; Сургут: Изд. группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 38–42.

Леонтьев В.В. По земле древних керек. Записки этнографа. Магадан, 1976. 231 с.

Пархинович С.Г., Визгалов Г.П. Настольные игры в городах и острогах Сибирского Севера: шахматы (конец XVI – XVIII века) // Культура русских в археологических исследованиях. Т. 1. Омск; Сургут: Изд. группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 309–316.

Прозоров А.А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб.: Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1902. 388 с.

Bone Objects in the Collection of the Cultural Heritage Object "City of Gizhiginsk"

A.A. Ivanov

Analysis of bone artifacts from the archaeological collection from Cultural Heritage Object "City of Gizhiginsk" allows us to distribute them as items related to fishing, transport, hygiene, art and leisure. The collection can be dated to the end of the XIX – beginning of the XX century. The fragments of raw materials suggest the manufacture of a part of the products on the spot (figurine, sled runners). The similarity of other items with European and Siberian finds suggests that the items could have been imported as a result of a trade exchange (toothbrush, chess). The sinker and the armored could also be made on the spot. According to historical descriptions, it is known that the people of Gizhiginsk were engaged in marine fishing.

Keywords: Cultural Heritage Object "City of Gizhiginsk", figurine, sled runners, toothbrush, chess, mammoth tusk, elk horn.

Иванов Арсений Андреевич

студент 3-го курса

Северо-Восточный государственный университет

e-mail: arseniiivanov2504@gmail.com

Ivanov Arseniy Andreevich

3rd year student

North-East State University

e-mail: arseniiivanov2504@gmail.com

УДК 902

Керамика как элемент погребального обряда якутов: к постановке проблемы

А.А. Иванов

Арктический научно-исследовательский центра Республики Саха (Якутия), Якутск, Россия

На сегодняшний день на территории Якутии выявлено ок. 380 разновременных якутских погребений, неотъемлемой частью которых является погребальная посуда из дерева, кожи, бересты, металла, керамики, фаянса и фарфора. Наиболее редко в составе погребального инвентаря встречаются керамическая, фаянсовая и фарфоровая посуда. Настоящая работа посвящена керамике как наиболее редко встречающемуся элементу погребального обряда якутов.

К настоящему времени керамика выявлена в 18 захоронениях (ок. 4,7 % от общего числа погребений). Более всего погребений с керамикой обнаружено в Центральной Якутии: в Чурапчинском улусе выявлено 7 погребений (Улахан Эбэ, Кында-1, -2, Нэлэгэр, Кэтийэ, Дыгасы, Сэргэлэ-эх), в Мегино-Кангаласском-4 (Юрюнг Мыран-1, Ампаардаах, Дьарама-4, Кёрдюген), в Хангаласском-2 (Тиит Арыы, коллективное захоронение в Октемцах), в Таттинском-1 (Мэнгэ), Амгинский-1 (Уорай) и МО «Город Якутск»-1 (Хатасский погост II, погр. 2). Два случая использования керамики в погребальном обряде зафиксированы в Вилюйской группе улусов: Нюрбинский улус-1 (Истин Тумула) и Сунтарский улус-1 (Кымырдагастаах).

Керамика встречается только в грунтовых погребениях с трупоположением. В наземных, воздушных и грунтовых погребениях с трупосожжением керамика отсутствует.

Редкое использование керамики в качестве погребального инвентаря можно объяснить традиционными верованиями якутов. Якуты верили, что дух горшка имеет тесную связь с духом домашнего очага, принадлежащим к категории добрых существ, не терпящих соприкосновения со всем нечистым [Подгорбунский, 1928, с. 12]. Человека умершего или приближающегося к смерти считали нечистым [Саввин, 2022, с. 43].

И.В. Константинов утверждал, что все предметы погребального инвентаря являются предметами личного пользования и с покойником клали только те предметы, которыми он пользовался при жизни единолично. Поэтому глиняные горшки, как предметы общего пользования, редко входили в комплекс погребального инвентаря [Константинов, 1971, с. 89]. Такого же мнения придерживаются Р.И. Бравина и В.В. Попов [2008, с. 123].

Наиболее ранними из выявленных погребений с керамикой являются погребения XV–XVI вв. Кёрдюген (450 ± 30 л.н. (Beta – 193452)) и Уорай (210 ± 30 л.н. (Beta – 193454)) [Бравина и др., 2017, с. 84–86]. К наиболее поздним относятся погребения с элементами религиозного синкретизма, сочетающие элементы христианского погребального обряда с традиционным якутским: Юрюнг Мыран-1, Истин Тумула, Хатасский погост II (погр. 2) и Кымырдагастаах [Мир..., 2012, с. 101;

Бравина, Попов, 2008, с. 258–259; Соловьёва, 2022, с. 23–25].

Чаще всего керамика встречается в детских и женских погребениях. В детских погребениях керамика зафиксирована 7 раз (39 %) (Ампаардаах, Дьарама-4, Кердюген, Кында-1, -2, Нэлэгэр, Кымырдагастаах), в женских погребениях 6 раз (33 %) (Улахан Эбэ, Сэргэлээх, Кэтийэ, Мэнгэ, Уорай, Хатасский погост II (погр. 2).

Во всех детских погребениях, кроме погребения Кёрдюген, обнаружены целые горшки *боччук* небольших размеров. Наличие глиняных горшков в детских погребениях не противоречит утверждению И.В. Константинова о погребальной посуде, единолично использовавшейся покойным при жизни, т.к. якуты в таких небольших горшках кипятили молоко детям, и они вполне могли восприниматься как предметы индивидуального пользования [Константинов, 1971, с. 89]. Известно, что в старину для новорожденного ребенка обычно заказывали именной горшочек [Саввин, 2022, с. 43]. Исследователями также отмечается присутствие следов нагара молочных продуктов практически на всех сосудах из детских погребений [Бравина, Попов, 2008, с. 122].

В женских погребениях керамика представлена как целыми сосудами (Улахан Эбэ, Кэтийэ, Сэргэлээх), так и их фрагментами (Мэнгэ, Уорай, Хатасский погост II (погр. 2)). У керамического сосуда из погребения Улахан Эбэ намеренно проломлено дно, что связано с традицией порчи погребального инвентаря, объясняемой страхом перед покойником [Тайны..., 2018, с. 96; Константинов, 1971, с. 156]. Возможно, в случае с женскими погребениями наличие керамики объясняется и гендерным характером гончарного ремесла у якутов. Известно, что гончарами у якутов в основном были женщины, а среди мужчин гончарным ремеслом занимались только бедняки [Саввин, 2022, с. 40; Прыткова, 1955, с. 147].

Керамика также обнаружена в двух мужских погребениях с богатым сопроводительным инвентарем – Тиит Ары и Дыгасы, что составляет 11 % от числа погребений с керамикой. В обоих погребениях керамика представлена целыми горшками.

Керамика из Октемского коллективного захоронения XVI–XVII вв. (6 детей и 1 взрослый мужчина) состоит из апплицирующихся фрагментов одного сосуда [Бравина и др., 2021, с. 100].

О гендерной принадлежности покойных из погребений Истин Тумула и Юрюнг Мыран-1 не известно. Усопшего из первого погребения сопровождали два целых сосуда, а усопшего из второго погребения фрагмент керамики, размещенный в надмогильном сооружении.

В погребениях с керамикой зафиксированы следующие варианты местоположения керамики:

- внутри гробовины: Нэлэгэр, Тиит Ары, Дыгасы, Сэргэлээх;

- в заполнении могильной ямы: Улахан Эбэ, Ампаардаах, Кында-1, Кэтийэ, Мэнгэ, Уорай, Кёрдюген, Дьарама-4, Хатасский погост II (погр. 2), Кымырдагастаах;

- над могильной ямой: Истин Тумула, Юрюнг Мыран-1 (в надмогильной конструкции);

- не известно: Нэлэгэр и Кында-2.

Керамические сосуды и их фрагменты использовались в погребальном обряде не только как часть погребальной посуды. В мужском погребении Дыгасы керамический горшок выступает как эквивалент погребального покрывала/маски для лица и, вероятно, маркирует погребение самоубийцы [История..., 2020, с. 348; Саввин, 2022, с. 44]. Использование керамики как элемента ритуального действия зафиксировано в погр. 2 Хатасского погоста II, где боковая стенка крупного керамического сосуда использовалась как основа для разведения ритуального огня и проведение обряда тризны [Соловьёва, 2022, с. 23–25].

Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют говорить о керамике в погребениях как о неординарной традиции в погребальном обряде якутов. Данная традиция в основном отмечена в детских и женских грунтовых погребениях с труположением в Центральной Якутии. Редкое использование керамики в качестве сопроводительного инвентаря может быть объяснено мировоззренческими представлениями якутов о сакральности глиняных сосудов. В ходе дальнейших исследований необходимо попытаться выяснить истоки данной традиции в погребальной практике якутов.

Научный руководитель – Е.Н. Соловьёва
науч. сотр.,

Арктический научно-исследовательский центр
Республики Саха (Якутия)

Источники

Соловьёва Е.Н. Отчет по установлению ценности на объекте «Сеть газораспределения к ИЖС (Игнатьева Виктория Анатольевна) по адресу: РС(Я), Хатассы, Семьи Дягтеревых, ул. д. 16/1». Якутск, 2022. 98 с. Архив АНИЦ РС(Я).

Список литературы

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Брагина Р.И., Дьяконов В.М., Колбина Е.Ю., Петров Д.М. Раннеякутские погребения со скорченным трупоположением на боку как историко-этнографический источник // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 83–98.

Брагина Р.И., Соловьева Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В. Береста в погребальном обряде якутов: по материалам погребения Учугей-Юрях (XV–XVII вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 96–106. doi:10.20874/2071-0437-2021-54-3-8

История Якутии. Т. I. Новосибирск: Наука, 2020. 536 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 212 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Э. Крюбези, А. Алексеева. – Якутск: Изд.-полиграф. комплекс СВФУ, 2012. 226 с.

Подгорбунский В.И. Заметки по изучению гончарства якутов // Сибирская живая старина. Иркутск. 1928. Вып. XVIII. С. 135–136.

Прыткова Н.Ф. Глиняная посуда якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1955. Т. XVI. С. 147.

Саввин А.А. Гончарное ремесло якутов. Якутск: НБ РС(Я), 2022. 128 с.

Тайны древних захоронений: Материалы археологической экспедиции Якутского областного краеведческого музея им. Е. Ярославского в Чурапчинском районе в 1938 году. Якутск, 2018. 96 с.

Тайны древних захоронений: Материалы археологической экспедиции Якутского областного краеведческого музея им. Е. Ярославского в Чурапчинском районе в 1938 году. Якутск, 2018. 96 с.

Ceramics as an Element of the Yakut Funeral Rite

A.A. Ivanov

The article considers ceramics as an element of the funeral rite of the Yakuts. Chronological framework for the study of the late Middle Ages and modern times. Statistical data on those found in burials with ceramics are given. A total of 18 burials with ceramics were found. It was revealed that ceramics is more common in children's and women's burials. Clay pots were found only in ground graves. Pottery in the burials is typical for the central regions of Yakutia. Pottery was the subject of personal use of the buried. An attempt was made to identify the common and different in the traditions of burial with the help of ceramics. The ideological representations of the Yakuts associated with ceramics are touched upon. The features of the funeral rite of the Yakuts are noted. Pottery was used not only as dishes, but also as an element of ritual action.

Keywords: Yakutia, ceramic, funeral rite, the late Middle Ages, Modern Age.

Иванов Артем Анатольевич

лаборант-исследователь

Арктический научно-исследовательский центра

Республики Саха (Якутия)

e-mail: Ivanov.artem8@mail.ru

Ivanov Artem Anatolievich

Laboratory Assistant-Researcher

Arctic Research Center of the Republic of Sakha

(Yakutia)

e-mail: Ivanov.artem8@mail.ru

УДК 902.2

Религиозная атрибутика археологической коллекции из ОКН «Город Гижигинск»*

И.В. Казимиров

Магаданский областной краеведческий музей, Магадан, Россия

Имеющая религиозное символическое значение коллекция артефактов получена в 2020 г. в результате археологических исследований ОКН «Город Гижигинск» (Северо-Эвенский р-н, Магаданская обл.). Два киотных креста, фигурка Богоматери, венец (коруна) и фрагмент окладов икон были найдены при раскопках остатков деревянного дома, расположенного в жилой зоне города [Технический

отчет..., 2020; Батаршев и др., 2022]. Вводимые в научный оборот археологические и музейные артефакты [Археологическая коллекция..., Икона...] позволяют наглядно продемонстрировать атрибуты, связанные с отправлением религиозных культов на далекой окраине России в XIX – начале XX в.

Два идентичные по размеру (11,3 × 6,6 × 4 см) и оформлению киотных креста отлиты из много-

*Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», проекты № 13/2020–Р, № 33/2022–И.

компонентной латуни. Кресты состоят из вертикального столба, большой перекладки, поверх которой параллельно большой перекладке расположена малая, а внизу малая косая. В верхней части крестов изображен Бог-отец в виде «Царя славы». На лицевой стороне креста, на верхней перекладке, которая по смыслу изображает дощечку с надписью Пилата, нанесено титло ИИЦИ. Эта надпись видна только на одном кресте, на втором кресте она уничтожена ржавчиной. Титло означает Распятого Спасителя – Иисус Назорей (Назарянин) Царь Иудейский. Отвергая «Пилатово титло», поморцы были уверены, что эта четырехбуквенная надпись появилась только при патриархе Никоне, который «нового бога выдумал», и толкуют ее так: «Іаго Царя Никон Исповеда» [Антипина, 2006, с. 103]. На второй перекладке крестов распложены солнце и луна в виде круглых масок. Также там имеются надписи СНЪ, БЖИН, ІС, ХС. На второй перекладке крестов под широкой перекладкой внутреннего креста еле видна сокращенная надпись: «Кресту твоему поклоняемся и святое воскресенье твое славим». В центре – на втором (внутреннем) кресте рельефная фигура Иисуса Христа. По бокам Распятого Христа изображены орудия казни (орудия страстей господних) – копьё, трость, губка, смоченная уксусом. Ноги Иисуса опираются на изображение горы Голгофы. На косом перекрестье – изображение города Иерусалима, ниже – изображение пещеры с черепом Адама.

На оборотной стороне размещена в сокращенном варианте надпись на старославянском, которая может быть переведена как: «Крест – хранитель всей Вселенной, Крест – красота церковная, Крест – царям держава, Крест – верным утверждение, Крест – ангелам слава, Крест – бесам язва». Надпись занимает почти всю поверхность креста, ниже нее размещены две полосы с криволинейным орнаментом.

Изделия этого типа называются «Распятая Христовы». Они по размерам больше нательного креста, не имеют креплений для ношения. Старообрядцы поповских согласий называли его «Господь сил» [Егошина, 2006].

Фигурка Святой Богородицы (11,3 × 3,3 см) – плоскостная, выполнена из двух половин, спаянных между собой с рельефным изображением на лицевой стороне. Фигурка изображает Святую Богородицу со склоненной головой и скрещенными на груди руками. В нижней части фигурки сделан выступ для крепления.

Еще одной находкой религиозного назначения является корона (коруна) с расходящимися лучами (9 × 3 см). Это накладной венчик – часть наборного оклада для Богородичной иконы. Серебряная коруна как отдельный элемент оклада иконы выполнена

прокатом или чеканкой с нанесением позолоты гальваническим способом. Такие коруны делали старообрядцы в XIX в.

Фрагмент оклада иконы (4,3 × 2,3 см) отличается от коруны по цвету – выполнен из оловянно-мышьяково-свинцовистой бронзы с примесью сурьмы. На него нанесен цветочный орнамент методом штамповки.

В фондах Магаданского областного краеведческого музея изучена икона «Владимирская Божья Матерь» из Гижигинской Спасской церкви (МОКМ КП № 29956). Согласно легенде к иконе, она была приобретена музеем в 1999 г. у Т.С. Ударцевой, которая получила ее в дар от Василия Бабцева – эвена из села Меренга Омсукчанского р-на в 1982–1987 гг. Икона перешла к нему по наследству от бабушки Варвары Бабцевой, жительницы села Гижига. К ней же икона попала в результате ликвидации Гижигинской Спасской церкви в 1920-х гг.

Икона «Владимирская Божья Матерь» состоит из плоской основы в виде деревянной доски и оклада. Тип иконы – подкладница, прописаны части, не закрытые окладом: лики, руки и стопы Богородицы и Спасителя. Иконографический тип – Елеуса. Икона написана в четыре слоя: основа; грунт; красочный слой; защитный слой, состоящий из масляного лака. Оклад с финишным покрытием золотистого цвета, сплошного типа, выполнен из цельного листа белой жести (латуни?), методом штамповки, сильно поврежден, прибит к основе неровно, на железные гвозди.

Артефакты из археологической и музейной коллекций подтверждают исторические и архивные данные о функционировании на территории Гижигинска православной церкви. Выполненные кустарным способом кресты могли использоваться при совершении обрядовых таинств; вместе с фигуркой Святой Богородицы составлять композицию «Голгофа с предстоящими». Предметы наглядно демонстрируют атрибуты, связанные с отправлением религиозных культов на окраине России, и свидетельствуют о распространении в Гижигинске в XIX – начале XX в. не только синодального, но и старообрядческого православия.

Вероятно, в результате дефицита предметов культа происходило копирование/приспособление религиозной атрибутики других конфессиональных направлений к нуждам старообрядцев. Предположительно на территории торгового города сложилось мирное сосуществование представителей разных вероисповеданий.

*Научный руководитель – И.Ю. Понкратова
канд. ист. наук, доцент, вед. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Археологическая коллекция ОКН «Гижигинск» // Фонды МОО РГО (временное хранение).

Икона «Владимирская Божья Матерь» // Фонды МО ГАУК МОКМ КП № 29956 // Магаданское областное государственное автономное учреждение культуры «Магаданский областной краеведческий музей».

Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ)» ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток, 2020. 303 с.

Антипина Д.О. Принципы типологизации русских православных крестов: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2006. 230 с.

Батаршев С.В., Понкратова И.Ю., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Голохвастов М.В., Лебедева Л.С., Нестерович А.В. Историческая археология Севера: город Гижигинск // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 1 (38). С. 23–34.

Егошина Г.Г. «Крест – хранитель всей Вселенной...» // Словесница Искусств, 2006. № 1. С. 91–95.

Religious Paraphernalia of the Archaeological Collection from the “City of Gizhiginsk”

I.V. Kazimirov

The collection of artifacts with religious symbolic significance was obtained in 2020 as a result of archaeological research by the Gizhiginsky archaeological expedition in Severo-Evensky district of Magadan region. These are two shrine crosses, a figurine of the Blessed Virgin, fragments of icon frames, as well as an icon of the “Vladimirskaia Bogomater” from the funds of the Magadan Regional Museum of Local Lore. The archaeological and museum materials introduced into scientific circulation allow us to clearly demonstrate the attributes associated with the practice of religious cults on the far outskirts of Russia in the XIX – early XX centuries. Probably, as a result of the shortage of objects of worship, copying/adaptation of religious attributes of other confessional trends to the needs of Old Believers took place. Presumably, peaceful coexistence of representatives of different faiths has developed on the territory of the trading city.

Keywords: North of the Russian Far East, Gizhiginsk, cross, icon of the Vladimir's Mother of God, Holy Theotokos, koruna, Old Believers.

Казимиров Игорь Владимирович

специалист

Магаданский областной краеведческий музей

e-mail: saikazanfuguki@gmail.com

Kazimirov Igor Vladimirovich

Specialist

Magadan Regional Museum of Local Lore

e-mail: saikazanfuguki@gmail.com

УДК 94(571.1/.5)

Проблема болгарского «импорта» на территории Сибири (историографический обзор)

С.П. Макаров

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Тема болгарского «импорта» неоднократно затрагивалась в тематических исследованиях, но лишь косвенно и в рамках ограниченных территорий. До сих пор эта проблема не рассматривалась в контексте культурной коммуникации на всей территории Сибири, которую возможно реконструировать через анализ ее отдельных элементов (маршруты распространения импортов и идей, возможная гибридизация и подражание коммуникантов, состав импортированного материала и др.). Для дальнейшей же разработки вопроса необходимо рассмотреть его историографию.

Первые работы, затрагивающие болгарский импорт в Сибири, появляются в последней четверти XX в., уже тогда на основе немногочисленного материала исследователи строили выводы о ком-

муникациях сибирского и болгарского населения. Так, Б.И. Маршак еще в 1976 г. обозначил некоторые предметы, найденные за Уралом, как изделия, произведенные в Волжской Булгарии [1976, с. 153–154].

В конце 90-х гг. XX в. продукция болгарских мастеров в Сибири все еще остается практически неизученной, а опубликованного материала немного. Одними из первых трудов, уделявшими большое внимание болгарскому импорту, становятся в 1996 г. работы Б.И. Маршака: статья «Сокровища Приобья» и каталог одноименной выставки. Здесь подробно описываются отдельные предметы, их особенности, а также возможные способы перемещения материала на территорию Сибири из других регионов, в т.ч. из Волжской Булгарии [1996].

Примерно в это же время появляются работы, посвященные проблемам хронологии распространения болгарских изделий на западе Сибири. Так, в 1997 г. Е.П. Казаков пишет о первоначальном появлении болгарского материала на Урале и в Западной Сибири. В его исследовании указывается, что болгары установили контакты с угорским населением Приуралья уже в IX в., что является следствием их нахождения в одном государстве, а именно в Хазарском каганате. В ходе многолетних коммуникаций болгар и угорцев происходит смешивание особенностей производства керамических изделий, а на территории Приуралья стала появляться угорская посуда с явными признаками болгарской керамики. Также, помимо хронологических особенностей Казаков отмечает особенности распространения болгарского материала. Он пишет, что позже, на фоне новых волн миграции и упадка Хазарии, Волжская Булгария становится региональным ремесленным центром, где производились предметы по заказам и образцам угорских народов, в связи с чем количество болгарских импортов в Приуралье заметно увеличивается [1997, с. 35–38].

Основополагающим моментом в разработке проблемы импорта из Волжской Булгарии является понимание характера болгарской торговли с населением Сибири, включая особенности торговых путей. А.М. Белавин в своей работе подробно описывает процесс торговли болгар с народом Югры (Нижнее и Среднее Приобье), имевший форму т.н. «немного» обмена, в ходе которого обе стороны старались уравнивать сделку, постепенно доставляя новый товар в места сбора до тех пор, пока сибирские торговцы не сочтут эквивалент достаточным. Здесь же автор рассматривает то, как именно болгарские торговцы попали в Западную Сибирь. Произошло это в ходе переселения того самого народа Югры, с которым отношения изначально поддерживались через Камский торговый путь, с Северного Урала в Приобье. Теперь же болгарам было необходимо пересекать Уральские горы [Белавин, 2000, с. 34–35].

В схожем направлении работал Ю.С. Худяков. Он отводил большую роль меховой торговле, которую считал двигателем экономических отношений сибирских народов с Волжской Булгарией, т.к., по мнению автора, болгары обменивали свои товары и снаряжали экспедиции в Сибирь именно с целью получения пушнины. Особенно интересен в данной работе комплексный анализ морфологических особенностей находок и географии их распространения по территории Западной Сибири, на основе чего автор исключает из маршрутов те или иные области, по которым не могли перемещаться болгарские предметы с определенным признаком [2006, с. 330–334].

Со временем опубликованного материала становилось больше, что позволяло проводить более специализированные исследования, чем и занялась Н.В. Федорова, которая и до этого неоднократно в своих работах касалась темы болгарских изделий в Западной Сибири. В 2003 г. выходит работа, полностью посвященная разбору торевтики Волжской Булгарии на основе предметов из Западной Сибири. Здесь она выделяет несколько групп археологических материалов. Данная работа примечательна тем, что автор, обозначая особенности каждой из групп, прослеживает их межкультурный путь. На основе информации об отличительных чертах «венгеро-уральской» группы торевтики, которая одновременно содержит в себе признаки венгерского и раннеболгарского материала, а также черты западносибирской изобразительной манеры сделан вывод о культурной преемственности западносибирским населением венгерского ремесла через Волжскую Булгарию. Также, по исследованию Н.В. Федоровой прослеживается эволюция болгарского импорта во времени, где, например, раннеболгарское серебро уже отличается от серебра XII–XIII вв. [2003].

Параллельно с тем, как количество публикуемого материала продолжало увеличиваться, все чаще стали появляться труды с критикой выдвинутых ранее гипотез. Примером такой работы является статья К.А. Руденко, в которой автор хоть и указывает на многочисленные исследования болгарского импорта по материалам, обнаруженным вне территории Волжской Булгарии, но ставит под сомнение определение некоторых изделий в Западной Сибири как болгарских. Используя сравнительный анализ сюжетов и техники производства предметов, автор пытается опровергнуть болгарское происхождение той или иной группы ювелирных украшений. Аргументируя свою позицию, он приводит в пример публикации с ошибками в указании мест хранения и шифров материалов, неверную трактовку геополитической ситуации того времени, указывая на упадок ремесленного центра Волжской Булгарии и появление новых производственных центров на других территориях [2012, с. 139–142].

На основе сказанного выше можно сделать вывод, что исследователи в центр внимания ставили импорт, найденный преимущественно в западной части Сибири. Связано это, вероятно, с тем, что такой материал здесь встречается гораздо чаще, нежели в Средней Сибири, где подобного рода находки являются редкостью, так же, как и работы на эту тему, что придает им особую ценность. К примеру, в статье Гуненко Я.Д. и Сенотрусовой П.О. анализируется набор бронзовых изделий, обнаруженный в Красноярском крае на Ангаре, ближайшие аналогии которых были выявлены в Приобье.

В работе приводится химический состав медных сплавов изделий, говорящий о возможном производстве в Булгарии [2013, с. 68–73].

В заключение стоит сказать, что информация по проблеме болгарского импорта фрагментарна и представлена узконаправленными исследованиями, которые ограничены отдельными регионами Сибири и дают ответы на частные вопросы единого культурно-исторического процесса коммуникации. Отсюда можно сделать вывод, что данная проблема имеет большие перспективы в ее дальнейшем развитии и изучении.

*Научный руководитель – П.О. Сенотрусова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралья в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. 200 с.

Гуненко Я.Д., Сенотрусова П.О. Набор бронзовых изделий из погребения № 50 могильника Проспихинская Шивера-IV на Нижней Ангаре // Древности Приенисейской Сибири: Сб. науч. тр. Вып. VI. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. С. 68–74.

Казakov Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica, 1997. № 1. С. 33–53.

Маршак Б.И. Серебряные сосуды X–XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Искусство и археология Ирана. М.: Наука, 1976. Т. II. С. 148–173.

Руденко К.А. Средневековые ювелирные украшения Поволжья и Зауралья: некоторые итоги и перспективы исследования // Уральский исторический вестник. 2012. № 3. С. 139–142.

Сокровища Приобья. Каталог выставки / под ред. Б.И. Маршак, М.Г. Крамаровский. СПб.: Формика, 1996. 228 с.

Федорова Н.В. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–IV вв. Из зауральских коллекций // Труды КАЭЭ ПГПИУ. 2003. № 3. С. 138–153.

Худяков Ю.С. Путь из Булгар в Сибирь // История татар. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: Заман, 2006. Т. II. С. 330–334.

The Problem of Bulgarian «Import» in the Territory of Siberia (Historiographical Review)

S.P. Makarov

The article is devoted to a historiographical review of the problem of the diffusion of Bulgarian archaeological material in Siberia. For the review, articles were selected that reveal certain issues of cultural communication between Volga Bulgaria and the population of Siberia, the articles are arranged in chronological sequence. Almost all the studies considered in the article are devoted mainly to archaeological finds in Western Siberia, only one, the last article considers Eastern Siberia. At the very beginning, the earliest studies on the topic of Bulgarian products in Siberia are subject to review. The article also discusses studies on the classification of Bulgarian material, the study of trade routes between Volga Bulgaria and Siberia, as well as criticism of outdated information.

Keywords: Volga Bulgaria, Siberia, Middle Ages, imports, intercultural communication, historiography.

Макаров Степан Павлович
студент 2-го курса
Сибирский федеральный университет
e-mail: makstpav@gmail.com

Makarov Stepan Pavlovich
2nd year student
Siberian Federal University
e-mail: makstpav@gmail.com

УДК 902/904

Типология сырцовых мавзолеев Тенгиз-Коргалжынской впадины

В.Г. Марциоха

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Еще в XVIII в. о мавзолее в Тенгиз-Коргалжынской впадине писал П.И. Рычков. В труде «Топография Оренбургская» (1762) он описывал развалины древнего города: «Татагай, развалины великагож городжа в Киргис Кайсацкой средней орде. На реке Нуре, впадающей в озеро Каргалджин, от устья, оной реки верст тридцать. По признакам был сей город положением верстах на десяти, и еще

видны тут четвероугольные палаты, на подобие замка, так велики, что в округе сажень на триста. Тут же одна мечеть, и весьма много развалившегося каменного строения. Киргисцы сказывают, что тут в старину жили Ногайцы» [Кошман, Гайса, 2021, с. 99–103]. По-видимому, П.И. Рычков принял развалины мусульманского зирата за руины города. А сам Татагай является кирпичным мавзо-

леем Ботагай XV–XVI вв. [Хабдулина и др., 2020, с. 14–45].

Типология мавзолеев базируется на следующих признаках: количество помещений, форма здания, отсутствие или наличие порталов, форма портала [Зиливинская, 2016, с. 44–67]. Форма покрытия в данной работе как признак не учитывается из-за плохой сохранности.

Мавзолеи поделены на следующие группы:

1. Однокамерные, кубические, с выступающим порталом.

Мавзолей Абай расположен в 1 км восточнее с. Абай Коргалжынского р-на на правом берегу р. Нуры на территории старого казахского кладбища. Постройка однокамерная, форма кубическая, купол разрушен, имеется выступающий портал с восточной стороны мавзолея. Размеры $7,8 \times 7,6$ м, высота стен 4 м.

Мавзолей Коргалжын расположен на левом берегу р. Нуры на возвышенной площадке в 2 км к ЮЗ от с. Коргалжын на территории действующего кладбища. Постройка однокамерная, форма кубическая, купол разрушен, выступающий вход имел портал. Размеры 6×6 м. Высота мавзолея 4 м.

2. Однокамерные, башенные-круглые, с выступающим порталом.

Мавзолей Алиптомар расположен в открытой степной местности в 10 км ВЮВ от аула Коргалжын Коргалжынского р-на Акмолинской обл. Мавзолей однокамерный, башенный-круглый, купол разрушен, предположительно сферический, высокий выступающий портал. Диаметр постройки 6,8 м.

Мавзолей Каныкей расположен в 4 км севернее с. Оркендеу Коргалжынского р-на на правом берегу р. Нуры на территории современного казахского кладбища. Однокамерный, башенный-круглый, из-за плохой сохранности сложно определить тип покрытия, предположительно шатровое, в пользу этого предположения может говорить сохранившаяся кладка, выступающий вперед из основной части мавзолея вход имел портал.

Мавзолей Бигабыл однокамерный, форма мавзолея башенная-круглая, покрытие отсутствует, имеет выступающий вперед портал. Высота мавзолея 4 м, диаметр 3,5 м.

Мавзолей Жангабыл. Мавзолей однокамерный, башенный-круглый, купольный, вход оформлен выступающим вперед порталом на всю высоту мавзолея.

3. Однокамерные, башенные-многоугольные, с выступающим порталом.

Мавзолей Ак Едиль кожа расположен в 2 км юго-восточнее с. Жумай Коргалжынского р-на на берегу оз. Жумай на территории функциони-

рующего казахского кладбища. Мавзолей однокамерный, башенный-многогранный, купол шатровидный, имеется выступающий портал. Размеры $7,8 \times 7,6$ м, высота 5 м.

4. Многокамерные, башенные-круглые, с фасадным входом.

Мавзолей Балабейит (Беспакыр) если судить по камню, установленному рядом, он принадлежит Габидену Мустопулы из рода Темеш, захороненному здесь в 1936 г. Расположен в ауле Абай Коргалжынского р-на Акмолинской обл. в открытой степной местности, на огороженной территории старого кладбища, на правом берегу р. Нуры. Мавзолей двухкамерный, первая камера башенная-круглая, с куполом, вход без портала, диаметр 2,8 м. Основная часть представлена в виде саганы, диаметр 6,5 м, высота 3 м.

5. Однокамерные, пирамидальные, с фасадным входом.

Мавзолей Калпе Кажы расположен в 6 км севернее с. Баршын Нуринаского р-на Карагандинской обл. на правом берегу р. Кон на территории старого казахского кладбища. Форма мавзолея пирамидальная-круглая, форма покрытия шатровая, вход фасадный. Общая высота мазара с куполом 6,5 м, диаметр 6 м.

Мавзолей Кызылмешит. Однокамерный, пирамидальный, покрытие шатровое, вход фасадный.

6. Однокамерные, кубические с цилиндрическим барабаном, с фасадным входом.

Мавзолей Кон представляет из себя кубическое основание ($7 \times 6,5$ м), постепенно переходящее в цилиндр. Высота 2,75 м. Вход находится с востока, с западной стороны имеется прямоугольная пристройка 5×4 м, представляющая из себя невысокую оградку.

Мавзолей Баршын 1 представляет из себя кубическое основание 7×7 м, переходящее в цилиндр диаметром 5,5 м. Высота 3,8 м. Вход оформлен в виде прямоугольного коридора $2 \times 3,5$ м.

Мавзолей Канай 1 с прямоугольным основанием ($6 \times 6,5$ м), переходящим в цилиндр. Диаметр цилиндрической части 4 м. Прямоугольная надстройка округлого помещения имеет высоту 1,8 м. Высота всего памятника 2,4 м.

Мавзолей Баршынгүл кубической формы, переходящей в цилиндр. Имеются остатки входной группы.

Мавзолей Жантеке однокамерный кубической формы, переходящей в цилиндр. Покрытие отсутствует, вход фасадный.

7. Однокамерные, конусовидные, с фасадным входом.

Мавзолей Майшукур. Однокамерный, конусовидный.

По данным мавзолеев были сделаны 3D-модели с целью сохранения для будущего поколения культовых мемориалов сакрального ландшафта Тенгиз-Коргалжынской впадины [Тлеугабдулов, Дукомбайев, Брынза, 2022, с. 1094–1109].

Было исследовано и разделено на 7 групп 16 мавзолеев с территории Тенгиз-Коргалжынской впадины. Наиболее распространенные типы: кубические с переходом в цилиндр – 5 мавзолеев, и башенные-круглые – 4.

При возведении надмогильных сооружений строители стремились сделать их как можно выше и заметнее, увенчав куполами. Высокие мавзолеи и даже простые оградки старались сделать похожими на башни, видимыми издали, с тем чтобы они могли служить ориентирами для кочевников.

*Научный руководитель – Д.Т. Тлеугабдулов
магистр исторических наук, ст. науч. сотр.,
Научно-исследовательский институт
им. К.А. Акишева*

Источники

Сохранение памятников сырцовых архитектур сакрального ландшафта Тенгиз-Коргалжынской впадины с использованием цифровых 3D-технологий: Отчет

о НИР (промежут.) / НЦНТИ; руководитель К.К. Батталов; Д.Т. Тлеугабдулов, А.Т. Дукомбайев, К.С. Сапарова и др. ГФ № АР08052281; Инв. № 0220РК01456. Нур-Султан, 2020. 67 с.

Сохранение памятников сырцовых архитектур сакрального ландшафта Тенгиз-Коргалжынской впадины с использованием цифровых 3D-технологий: Отчет о НИР (заключительный) / НЦНТИ; Руководитель К.К. Батталов; Д.Т. Тлеугабдулов, А.Т. Дукомбайев, К.С. Сапарова и др. ГФ № АР08052281; Инв. № 0222РК00342. Астана, 2022. 61 с.

Список литературы

Зиливинская Э.Д. Культовая архитектура Золотой Орды: Происхождение и традиции // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 44–67.

Кошман Т.В., Гайса А.М. Изучение памятников Тенгиз-Коргалжынского региона // World Science: Problems And Innovations: сб. ст. LIV Междунар. науч.-практич. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2021. С. 99–103.

Тлеугабдулов Д.Т., Дукомбайев А.Т., Брынза Т.В. Сохранение сырцовых архитектур Тенгиз-Коргалжынской впадины с использованием 3D-технологий // Oriental Studies. 2022. Вып. 15 (5). С. 094–1109.

Хабдулина М.К., Тлеугабдулов Д.Т., Дукомбайев А.Т., Кошман Т.В., Букешева Г.К., Сапарова К.С., Гайса А.М., Бонора Ж.Л. Сакральный ландшафт Сарыарки. Нур-Султан: Рим, 2020. 222 с.

Typology of the Raw Mausoleums of the Tengiz-Korgalzhyn Depression

V.G. Martsiokha

Most of the Muslim burials of the Tengiz-Korgalzhyn depression are represented by raw mausoleums – complex structures with a covered roof, mainly hemispherical and tent-shaped domes, and fences of various shapes and sizes. In this article, the raw mausoleums and fences of the Tengiz-Korgalzhyn depression were considered in order to typologize and determine the trend of construction of memorial and burial complexes of the XIX–XX centuries on this territory.

Keywords: Korgalzhyn, raw mausoleum, typology, Kazakhstan, 3D model.

Марциоха Виктор Григорьевич

студент 3-го курса

Евразийский национальный университет

им. Л.Н. Гумилева

e-mail: vitya.martsiokha@mail.ru

Martsiokha Viktor Grigorievich

3rd year student

L.N. Gumilyov Eurasian National University

e-mail: vitya.martsiokha@mail.ru

УДК 904:666.11(470.58-25)(045)

Раскопки «Культурного слоя города Кургана» на ул. Куйбышева, 10 в 2021 году

А.В. Менщикова

Курганский государственный университет, Курган, Россия

На территории объекта культурного наследия «Культурный слой города Кургана» летом 2021 г. проходили охранные археологические раскопки по адресу: ул. Куйбышева, 10, силами ФССКН «Общественный фонд Южный Урал» и археологи-

ческой лаборатории Курганского государственного университета [Сауков, Новиков, 2022, с. 75].

«Культурный слой города Кургана» находится в исторической части города, был выделен в 2006 г. На 2023 г. было заложено 14 раскопов в разных

частях памятника «Культурный слой города Кургана». Получены богатые коллекции, иллюстрирующие материальную культуру г. Кургана XVIII – нач. XX в. Изучены особенности формирования слоя, планировочной структуры, отдельные элементы быта (стеклянная, фарфоровая, фаянсовая посуда, кожаные вещи, нумизматика, большой керамический комплекс, изделия из металла), строительные технологии [Новиков, 2017, с. 120].

Картографические источники показывают, что земля под усадьбу на пересечении ул. Куйбышева (Троицкой) и ул. Красина (Телеграфного переулка) была нарезана в первом десятилетии XIX в., но до 1810 г. там фиксируются только неизвестные «старые обывательские постройки», которые остались от слободы Царево городище. Только на карте 1860 г. на углу усадьбы появляется жилой дом, хозяев которого на данный момент установить, к сожалению, не удалось.

Самым известным хозяином усадьбы был Иван Осипович Кропанин, который происходил из курганских мещан, в 1890 г. получил звание купца 2-й гильдии, занимался продажей изделий и обуви из кожи [Менщикова, 2023, с. 219]. В начале XX столетия Городская управа дала Ивану Осиповичу разрешение на строительство каменного двухэтажного дома на углу улицы Троицкой и Телеграфного переулка (Куйбышева – Красина). Из архивных данных также известно, что в его доме снимал квартиру датский подданный Иван Семенович Сиверт. В 1919 г. в доме была размещена часть Волжского корпуса генерала Каппеля [Жилой дом...].

В советское время территория усадьбы значительно сократилась, вплоть до современных размеров участка. В разное время в здании находились различные организации. Стоит отметить, что в процессе раскопок была обнаружена бетонная чаша фонтана 3,5 м в диаметре. В 2007 г. здание сгорело и в дальнейшем было разобрано, а сам участок длительное время пустовал и использовался как место для парковки машин. Также примечательно то, что двор долгое время был заасфальтирован, что позволило хорошо сохранить культурный слой.

В ходе исследований на площади 352 м² было выявлено 72 объекта, большая часть которых являются столбовыми ямами. Часть объектов были интерпретированы как погребя, другие – как мусорные ямы. Заполнение объектов также разнообразное, некоторые были определены как ранние советские мусорные ямы [Новиков, 2017, с. 119].

Всего в материалах исследованной площади было выявлено 2 475 предметов, значительная часть из них (1 938 ед.) была обнаружена в заполнении объектов. Большую часть коллекции составляли фрагменты керамической посуды (1 680 ед.), изде-

лия из стекла (237 ед.), фарфора и фаянса (474 ед.), и металла (64 ед.).

Наиболее насыщенный слой был в квадратах А1 (яма 3) и А6 (яма 1). Относительно небольшое число находок обусловлено двумя факторами: характером отложившегося слоя – превалировали строительные, насыпные грунты XX в. и, по видимому, слабой хозяйственной освоенностью данного участка в предшествующий период XIX – начала XX в.

Керамическая коллекция памятника насчитывает 1 680 единицы. Посуда представлена сильно фрагментированными обломками, реконструировать до состояния «археологически целого» удалось 252 изделия.

По типологии Л.В. Татауровой керамические сосуды были разделены на 5 основных типов: горшки (55 шт.), латки (179 шт.), миски (3 шт.), чашки (2 шт.), керамические сковороды (12 шт.). Также отдельно следует выделить чайники и керамические крышки [Татаурова, 2015, с. 120].

На исследованном участке можно выделить индивидуальные керамические находки, такие как фрагмент керамического сосуда ручной лепки из некачественного сырья, диаметр венчика приблизительно 6 см, а также керамические игральные фишки.

Керамика локализовалась не на всех участках раскопа. Наибольшее число фрагментов керамических сосудов залегало в объектах квадратов А4 и А6. Такая неравномерность в отложении фрагментов керамических сосудов обусловлена функциональным назначением объектов и временем их бытования. Наиболее архаичные сосуды зафиксированы в заполнении ямы 1 кв. А4 и ямы 1 кв. А6. Керамический комплекс раскопа отличается однородностью, большая часть фрагментов керамических сосудов принадлежали гончарной посуде рубежа XIX–XX вв., доживающей до середины XX в.

В материалах коллекции памятника зафиксировано 237 фрагментов стеклянных изделий, из которых 34 целых и археологически целых предмета. В основном изделия из стекла были найдены в объектах яма 3 и яма 2 кв. А1 и А1-Б1.

В результате коллекция стекла была разделена на следующие категории: 1) бутылки для алкогольных напитков (39 ед.), 2) бутылки из-под минеральной воды (2 ед.), 3) тара технического назначения (24 ед.), 4) фармацевтика и парфюмерное стекло (102 ед.) [Менщикова, 2023, с. 220].

Фрагменты стеклянных изделий и цельных стеклянных сосудов встречаются в основном в ямах и нескольких квадратах. В массе своей представлены бутылками (34 шт., целыми и фрагментированными). Практически все бутылки относятся

ко второй половине XIX – началу XX в. Наиболее ранние материалы представлены фрагментами штофов и бутылкой для крепкого алкоголя с клеймом «П. Смирнов» и «Изображение трех Государственных гербов 1877, 1882, 1886» [Попков, 2021, с. 254].

Основную часть находок из фарфора и фаянса составляет фрагментированная столовая посуда. В коллекции данного памятника зафиксировано 474 фрагмента изделий из фарфора и фаянса. Большая часть фиксируется в объектах яма 2 и яма 3 кв. А1.

Среди фрагментов фаянса выделяются ранее известные только по архивным данным фрагменты изделий с клеймом «Медведева», которое принадлежит производству из Ялуторовского округа Тобольской губернии и датируется периодом 1831–1842 гг. [Сауков, Новиков, 2022, с. 75].

При раскопках памятника было получено 67 цельных и фрагментарных предметов, изготовленных из металла. Практически все предметы из металла можно отнести к категории хозяйственных изделий (кованые гвозди, остатки чугунных горшков, подковы, фрагмент сечки). Выделяется из данной категории металлическая бирка с цифрой «9». Также зафиксирована одна монета номиналом 2 копейки 1916 г.

Также был обнаружен фрагмент комбинированного изделия из кожи с металлическими люверсами.

Таким образом, в результате охранно-археологических раскопок была исследована дворовая часть усадьбы. В XIX в. исследованный участок находится на окраине города, которая заселялась относительно поздно. На территории раскопа за-

фиксированы разновременные объекты, в т.ч. и раннего советского времени. Исследованный участок датируется XIX – началом XX в.

*Научный руководитель – И.К. Новиков
руководитель археологической лаборатории,
ст. преподаватель,
Курганский государственный университет*

Список литературы

Жилой дом И.О. Кропанина (утрачен), ул. Куйбышева, 10. Выявленный объект культурного наследия (093) // Культурное наследие города Кургана URL: <https://kurgan.pro/okn/n093/> (дата обращения: 26.01.2023).

Меньщикова А.В. Стекланные изделия из раскопа по адресу Куйбышева 10 // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1–3 февраля 2023 г.): мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2023. С. 219–220.

Новиков И.К. Исследования «Культурного слоя города Кургана» в 2016 г.: к вопросу о датирующем материале // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки, 2017. № 3 (15). С. 117–120.

Сауков Г.Н., Новиков И.К. Фрагменты фаянсовой посуды с клеймом «Медведева» из «Культурного слоя города Кургана»: атрибуция и датировка // Зыряновские чтения. Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. Курган, 2022. С. 75–78.

Попков С.А. Каталог старинных бутылок для алкогольной продукции Российской империи 1860–1917 гг. Ростов-на-Дону, 2021. 341 с.

Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1998. Т. 3. С. 88–123.

Excavations of the “Cultural Layer of the Kurgan City” at Kuibyshev, 10 in 2021

A.V. Menshchikova

The article examines the materials of the archaeological excavations of the “Cultural layer of the Kurgan city” in 2021 at the address Kuibyshev, 10. During the excavations, the yard part of the estate with a total area of 352 sq. m. was investigated. 72 objects were identified, most of which are pillar pits. Some of the objects were interpreted as cellars, others as garbage pits. 2,475 items were recorded. Thanks to archival and cartographic sources, it was possible to trace the history of the settlement of this place. The most famous owner of this estate is I.O. Kropanin. The materials of the ceramic collection, faience, porcelain, glass, metal products are analyzed. The most saturated layer is in squares A1 (pit 3) and A6 (pit 1). The relatively small number of finds is due to two factors: the nature of the deposited layer – the construction, bulk soils of the XX century prevailed and the weak economic development of this site in the previous period of the XIX – early XX centuries.

Keywords: cultural layer, “cultural layer of the Kurgan city”, excavations, ceramics, glass, porcelain, faience, mid-XIX – early XX century.

Меньщикова Анастасия Владимировна
студент 4-го курса
Курганский государственный университет
e-mail: acay4589@mail.ru

Menshchikova Anastasia Vladimirovna
4th year student
Kurgan State University
e-mail: acay4589@mail.ru

Меднолитейная пластика в истории отечественной культуры и в современных исследованиях Сибири

Е.В. Мишкина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

Развитие русского меднолитейного промысла относится к периоду распространения христианства на территории Древнерусского государства. Среди предметов культа, ввозимых из Византии, первое место занимали кресты, иконы, энколпионы и змеевики. В связи с большим спросом и ограниченностью импорта, на Руси началось производство собственных культовых предметов, первоначально копирующих византийские. Вследствие добавления новых сюжетов и форм, изделия приобрели своеобразие и стали частью историко-художественного наследия Древней Руси, а затем и России [Прохода, 2020, с. 421].

Новый этап в развитии и производстве культовых меднолитых изделий приходится на начало XVIII в. и связан с правительственными указами 1722–1723 гг. «О воспрещении употреблять в церковных и частных домах резные и отливные иконы». В результате медное литье было признано официально нелегальным, а старообрядцы получили монополию на производство церковных литых изделий, пользовавшихся популярностью не только в их среде, но и у никонианцев. Таким образом, были сохранены не только древнерусские традиции декоративно-прикладного искусства, но и созданы новые образцы крестов, икон и складней [Зотова, 2004, с. 50]. В дальнейшем культовая пластика, в первую очередь поморского происхождения, становится образцом для мастерских по всей России.

Меднолитая пластика представляет собой массовую группу находок на памятниках Нового времени Сибири, а также широко представлена во многих музеях. Общим признаком для всех предметов из этой категории является их культовое назначение: объекты поклонения во время молитв – напрестольные или аналойные кресты, иконы, складни; предметы личного благочестия, использующиеся в качестве оберега – нательные и наперсные кресты.

Несмотря на то, что на сегодняшний день не существует четкого определения термина «меднолитая пластика», он активно употребляется историками, археологами и другими учеными. В названии этой категории предметов заложен основной материал их производства – это сплав, в основе кото-

рого лежит медь, и техника изготовления – литье [Константинова, 2015, с. 348].

В старообрядческом мире, который дал новый виток развитию меднолитой пластики, важным было семиотическое значение материальной сущности каждого предмета, функции которого усиливались его назначением. Это повлияло на выбор основного материала для культовых предметов. Наряду с деревом и камнем медь – важнейший знаковый элемент мировой культуры, воплощенный в ветхозаветном образе «медного змия» [Зотова, 2003].

Зачастую выводы о составе металла исследователи делают на основе визуального осмотра предметов, что не всегда соотносится с реальным положением дел. Еще в XVIII–XIX вв. мастерам-литейщикам были известны рецептуры, меняющие не только технологические свойства сплавов, но цвет предметов, что помогало в имитации изделий из драгоценных металлов [Сальникова, 2016, с. 44]. Для литья культовой пластики в XIX в. старообрядцы использовали латунь, медно-никелевые сплавы и серебро, а также подвергали предметы золочению через огонь [Константинова, 2015, с. 348].

В конце XIX в. в Московской губернии существовали как медноотливные, так и меднолатунные заведения, в которых занимались и литьем культовых предметов [Савина, 1993, с. 50]. Именно в этот период литейщики не только создавали новые композиционные формы (для православных), но и повторяли старые, зачастую обращаясь к подделке медных образов «в старинном виде», прибегая к использованию химических реагентов (соли, паров нашатыря и т.д.) [Там же, с. 52].

Благодаря активному использованию методов естественных наук в археологии сейчас мы можем с большей точностью говорить о составе металлов литой пластики.

Рассмотрение нательных крестов с точки зрения использования металлографических методов анализа является сравнительно новой проблемой. На данный момент материалы, полученные в ходе раскопок памятников Нового времени Сибири, лежат в основе 6 наиболее цитируемых работ, опубликованных в период 2004–2019 гг. (см. таблицу).

Современные исследования меднолитейной пластики Сибири

Памятник, публикация	Выборка, участвовавшая в исследовании, ед.	Метод исследования (заявленный автором в работе)	Основные типы сплавов	Предположительная датировка (по памятникам)
Тискинский могильник [Боброва, 2004, с. 107–115]	10	Спектральный анализ	Практически все изделия включают медь, олово, свинец, цинк, ртуть, кремний. Семь крестов, имевших в своем составе серебро, амальгамированы	Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.
Албазинский острог [Волков и др., 2015, с. 73–80]	1	Рентгеноспектральный локальный анализ	Бронзово-латунный состав (медь-цинк-олово с примесями свинца, сурьмы, висмута, железа, никеля и марганца)	Вторая половина или конец XVII в.
Илимский острог [Сальникова, 2016, с. 39–48]	196	Рентгенофлуоресцентный анализ	Основные типы сплавов: 50 ед. – латунь, 39 ед. – свинцовая латунь, 37 ед. – многокомпонентная латунь, 27 ед. – оловянистая бронза, 17 ед. – серебряные изделия, 10 ед. – цинковая бронза, 6 ед. – бронза, 5 ед. – изделия из свинца, 1 ед. – свинцовая медь	XVIII–XIX вв.
Умревинский острог [Горохов, Бороодовский, 2017, с. 98–107]	42	То же	31 ед. – сплав меди, цинка и свинца; 6 ед. – сплав меди, свинца и олова; 5 ед. – прочие сплавы	1740-е – XIX в.
Ананьино I, Изюк I [Татаурова, Тишкин, 2018, с. 220–231]	51	То же	33 ед. – цинково-свинцовая латунь, 11 ед. – сложная латунь, 5 ед. – бронза, 1 ед. – серебро с примесью меди и свинца, 1 ед. – латунь	XVII–XVIII вв.
Некрополь Кривошеково [Сальникова, 2019, с. 574–584]	28	То же	Основные сплавы: медный (простая и сложная латунь, бронза), свинцовые, цинковые	XVII–XIX вв.

Общее количество предметов, исследованных методами естественных наук – 331 единица. Анализ результатов исследований показал, что почти все предметы изготовлены из различных медных сплавов с примесями металлов в разных пропорциях. Это может служить дополнительным аргументом к теории об изготовлении крестов в первую очередь из металлического лома [Сальникова, 2016, с. 44]. Среди медных сплавов на первом месте различные вариации латуни (простая и сложная латунь, свинцовая и цинково-свинцовая латунь, бронзово-латунный состав с примесями). К основным легирующим компонентам стоит отнести цинк, свинец и олово. Среди исследованных крестов также были немногочисленные предметы

с содержанием драгоценных металлов, в первую очередь серебра (Тискинский могильник, Илимский острог, Ананьино I, Изюк I) и единичные находки из золота или с его небольшим содержанием (Кривошековский некрополь, Горноправдинский могильник).

Из-за многочисленности и разнообразия металлов и сплавов хранение, реставрация и атрибуция подобных предметов представляет большие сложности как на этапе полевых работ, так и в дальнейшем во время хранения предметов в музее. Полученные выводы могут стать базой для дальнейших исследований. Анализ состава сплавов конкретных артефактов, а также предметов разных эпох и их микроструктуры может дать исследовате-

лям более обоснованные данные не только для датировки, но и для улучшения методов консервации, реставрации и хранения этих предметов в составе музейных коллекций.

*Научный руководитель – И.В. Шмидт
канд. ист. наук,
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

Список литературы

Боброва А.И. Нателные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 107–115.

Волков Д.И., Коваленко С.В., Ермацанс И.А., Палажченко А.И. Нателный крест из Албазинского острога: проблемы атрибуции // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 1. С. 73–80.

Горохов С.В., Бородовский А.П. Нателные кресты Умревинского острога // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 3: Археология и этнография. С. 98–107.

Зотова Е.Я. Гуслицкое и загарское медное литье: Проблема классификации // Гуслица старая и новая: Мат-лы конференции / ред.-сост. С.С. Михайлов. М., 2004. С. 50–57.

Зотова Е.Я. Медное художественное литье XVIII – начала XX в. старообрядческих мастерских г. Москвы: Источниковедческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2003. 25 с.

Константинова Н.Н. К атрибуции предметов меднолитой пластики в фондах Забайкальского краевого краеведческого музея // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Мат-лы конференции / науч. ред. А.П. Майоров, отв. ред. С.В. Васильева. Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2015. С. 345–352.

Прохода О.О. История меднолитой пластики Древней Руси // Сборник научных статей по итогам международного научного фестиваля молодежного проектирования-2020: сб. науч. тр. Орехово-Зуево. 2020. С. 421–425.

Савина Л.Н. К истории производства и бытования медного художественного литья в XIX – начале XX вв. Русское медное литье. Сб. ст. Выпуск 1 / сост. и науч. ред. С.В. Гнутова. М., 1993. С. 48–55.

Сальникова И.В. Нателные кресты Кривошековского некрополя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 574–584.

Сальникова И.В. Результаты статистического анализа химико-технологического исследования коллекции меднолитой пластики // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 7: Археология и этнография. С. 39–48.

Татаурова Л.В., Тишкин А.А. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // Вестн. Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 1. С. 220–231.

Copper Foundry Plastic in Russian Science and Modern Studies of Siberia

E.V. Mishkina

The author singled out the problem of identifying the metals from which the pectoral crosses and other religious objects are made. A historiographic analysis of the current state of the problem has been carried out. A shortage of works devoted to the study of metals has been revealed. To date, the scientific literature contains less than ten works that affect the metallography of crosses. It was concluded that almost all the analyzed objects were made of various copper alloys with metal impurities in different proportions. The main alloying components include zinc, lead and tin. The obtained conclusions can become the basis for further research.

Keywords: Siberia, cult casting, copper-cast plastic, pectoral cross, metallography, staurography.

Мишкина Елизавета Владиславовна
магистрант 1-го курса
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
e-mail: worldLiz@mail.ru

Mishkina Elizaveta Vladislavovna
1st year master's degree student
Dostoevsky Omsk State University
e-mail: worldLiz@mail.ru

Якутские луки центральноазиатского типа

А.П. Новгородов

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Одними из самых технологичных видов лука является сложносоставной центральноазиатский лук кочевников. Самым ранним луком данного типа, обнаруженным на территории Якутии, до недавнего времени был лук из V слоя Улахан Сегеленняхской стоянки. Он датирован не позднее IV в. до н.э. и относится к периоду раннего железа [Степанов, 1999, с. 133]. Считалось, что луки данного типа не встречались у якутов, хотя, на основе фольклорных данных, исследователями предполагалось, что центральноазиатские луки должны быть в вооружении якутов [Васильев, 1995, с. 62].

Решающей находкой в этом вопросе стало Сергеляхское погребение, найденное в 2013 г. на территории г. Якутска, вблизи оз. Сергелях. Деревянные части лука, найденного в данном погребении, сохранились крайне плохо, однако были найдены фрагменты плечевых и фронтальных костяных накладок лука. Наличие таких деталей конструкции является отличительным признаком лука центральноазиатского типа от северного. Его датировали XIV–XVI вв. Было найдено четыре фронтальные накладки в виде пластин из кости. Срединная накладка была сформирована из двух пластин – крупной и меньшей по размеру. И имела веслообразную форму. Такая форма является распространенной среди луков монгольского типа. Плечевые накладки сделаны из прямоугольных костяных пластин. Одна из накладок сделана более грубым образом. Она представляет собой обломанный кусок ребра с необработанными краями. С внутренней стороны все накладки имеют продольные борозды для лучшего склеивания с деревянной основой. Концевые накладки отсутствуют [Бравина и др., 2016, с. 95–96].

Лук из Сергеляхского погребения был сделан, судя по сохранившимся пластинам, весьма грубо. Накладка из ребра имеет минимальную обработку. Насечки для лучшего склеивания также довольно примитивны. Отсутствие берестяного покрытия и концевых накладок также свидетельствует о более простом строении лука в сравнении с южными образцами.

В 2014 г. в фондах Тойбохойского историко-краеведческого комплекса им. Г.Е. Бессонова был обнаружен хорошо сохранившийся лук центральноазиатского типа, датированный XVII в. Лук окантован по краям четырьмя длинными костяными

накладками, имеет восемь фронтальных накладок из рога и кости, по два концевых вкладыша на рогах. Вкладыши с вырезами под узлы тетивы на торцах аналогичны концевым вкладышам луков северного типа. Плечи лука обклеены роговыми накладками, а срединная часть и рога костяными. Рога и рукоять обмотаны берестой. Внешняя часть обклеена берестой с орнаментом в виде продольных параллельных линий. Деревянная основа лука сделана из лиственницы и березы [Бравина, Дьяков., 2020, с. 101–103]. Тойбохойский лук сильно отличается по уровню изготовления от сергеляхского. Это оружие значительно дороже, сделано с хорошим знанием технологии производства луков такого типа. Факт наличия такого лука может свидетельствовать о наличии якутских мастеров, тесно знакомых с традицией изготовления центральноазиатских луков.

Самой свежей находкой сложносоставного лука центральноазиатского типа на территории Якутии является лук из погребения Юрюнг-Мыран III, найденный в 2021 г. в Мегино-Кангаласском улусе вблизи с. Суола, в результате разведочных работ заречного отряда ИГиИПМНС СО РАН. Данный лук так же, как и лук из Сергеляхского погребения, имеет плохую сохранность деревянных деталей. Хорошо сохранились концевые вкладыши и фронтальные накладки. Лук был обклеен берестяным покрытием, которое также имело хорошую сохранность [Прокопьева, 2022, с. 25–26]. Погребение Юрюнг-Мыран III датируется предположительно второй половиной XVII – началом XVIII в.

Лук сделан из бересты и обклеен берестой. Все накладки и концевые вкладыши из рога. Срединная накладка склеена из двух частей и имеет классическую веслообразную форму. Интересной деталью является наличие на торцах рукоятки двух накладок, раньше служивших концевыми вкладышами.

Концевые вкладыши лука из Юрюнг-Мыран III имеют вырезы под тетиву, отличающиеся от вырезов в концевых вкладышах тойбохойского лука. Они сделаны не на концах вкладышей, как в тойбохойском луке, а на боковой стороне. Концевые вкладыши имеют по два выреза, вероятно это сделано для регулировки силы натяжения лука.

Общей деталью для всех трех сложносоставных луков центральноазиатского типа, найденных в Якутии, является срединная фронтальная наклад-

ка, выполненная в веслообразном виде. Это классическая часть конструкции для луков подобного типа [Бобров, Худяков, 2008, с. 79–95]. В погребениях Юрюнг-Мыран III и Сергеляхская данная деталь состоит из двух склеенных деталей с лопа-тообразными концами.

Самым сложным луком центральноазиатского типа на территории Якутии является лук из Тойбохойского музея. Конструкция, количество и качество обработки костяных и роговых деталей значительно отличают его от двух других луков. Тойбохойский лук по своей конструкции близок к монгольско-маньчжурским лукам. Это массивные сложносоставные луки, в длину достигающие полутора метров [Соловьев, Харитонов, 2020, с. 621–627]. Разница в том, что монгольско-маньчжурские образцы значительно сложнее и более декорированы.

К сожалению, выявление каких-либо отдельных типов среди якутских луков центральноазиатского типа осложняется их редкостью. Каждый лук по своему уникален. Однако по общей классификации с позднесредневековыми центральноазиатскими луками, предложенной Бобровым и Худяковым, сергеляхский лук ближе к типу 3, но с оговоркой, что он не имеет берестяного покрытия. Лук из Тойбохойского музея и из Юрюнг-Мыран III можно отнести к типу 4 [Бобров, Худяков, 2008, с. 84–88].

Сложносоставные луки центральноазиатского типа, несомненно, являются степным элементом в культуре якутов. Технологически такой тип лука более сложен, чем лук северного типа. Возможно, этим можно объяснить редкость данного оружия на территории Якутии. Такие луки схожи по своему строению с монгольскими. Подобное оружие и служило знатым, состоятельным людям, и использовалось для военного применения ввиду более сильного натяжения, создаваемого благодаря роговым и костяным накладкам.

Лук из погребения Юрюнг-Мыран III является еще одним подтверждением использования и изготовления центральноазиатских луков на территории Якутии. Конструктивно каждый из найденных луков имеет свои особенности и различную датировку. Наиболее архаичным и одновременно простым является лук из Сергеляхского погребения. Тойбохойский же лук конструкционно наиболее сложен. Юрюнг-мыранский лук можно поставить где-то

посередине между двумя ранее обнаруженными луками. Луки центральноазиатского типа, как нам кажется, являются отражением степного прошлого в комплексе вооружения якутских воинов.

*Научный руководитель – В.Г. Аргунов
канд. ист. наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет*

Источники

Прокопьева А.Н. Отчет о разведочных работах Заречного отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера на территории Мегино-Кангаласского района Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2021 года на основании Открытого листа № 0334-2021. : Якутск. 2022. 98 с.

Список литературы

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.) / под ред. В.П. Никонова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Якутский сложносоставный лук из фондов Тойбохойского музея // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 99–106. doi: 10.17746/1563-0102.2020.48.3.099-106

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов / под ред. Д.Г. Савинова; художник В.Р. Андросов. Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1995. 224 с.

Соловьев А.И., Харитонов Р.М. «Маньчжуро-монгольские» луки из фондов Национального музея Республики Бурятия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. 26. С. 620–627. doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.620-627

Степанов А.Д. К находкам остатков сложносоставного лука на стоянке Улахан Сегеленных на р. Токко // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск: Наука, 1999. С. 133–138.

Yakut Bows of the Central Asian Type

A.P. Novgorodov

The bow is one of the oldest and most successful types of ranged weapons. Its spread has allowed to make a revolution in the ways of hunting. This work is devoted to Yakut bows of the Central Asian type. For a long time, researchers assumed that the Yakuts had bows of this type. But only with the discovery of the Sergelyakh burial this fact was confirmed. Subsequently, two more similar bows were discovered. A bow from the Toibohoy Museum and from the burial of Yuryung-

Majoran III. The article discusses and compares Yakut composite bows of the Central Asian type. The comparison of Yakut bows with each other and the identification of their design features is carried out. Parallels between Yakut bows and other bows of a similar type are revealed. The role of the bow of the Central Asian type in the Yakut armament complex is considered.

Keywords: bows, military equipment, Yakutia, late middle age, ranged weapons, nomads.

Новгородов Алексей Петрович

магистрант 1-го курса

Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова

e-mail: novgorodovaleksej06@gmail.com

Novgorodov Alexey Petrovich

1st year master's degree student

North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov

e-mail: novgorodovaleksej06@gmail.com

УДК 903.223

О некоторых особенностях конструкции и оформления сложносоставного лука эпохи династии Цин

Д.И. Пронин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Изучение сложносоставных луков населения Центральной и Восточной Азии ведется давно и плодотворно. Однако данная тема исследована весьма неравномерно. К числу слабо изученных вопросов относятся луки Цинской империи XVII–XIX вв. Отсутствие систематизированных материалов по указанной проблематике затрудняет изучение луков населения Центральной, Восточной Азии и Южной Сибири позднего Средневековья и раннего Нового времени, а также не позволяет рассмотреть эволюцию традиционного метательного оружия народов региона на протяжении всего периода его бытования.

Целью настоящей работы является уточнение особенностей конструкции и системы оформления регламентированных разновидностей луков Цинской империи XVII–XIX вв.

На основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников установлено, что преобладающей разновидностью цинских луков были образцы, которые можно охарактеризовать как сложносоставные рефлексивные луки. Боевые разновидности этих луков отличаются значительной длиной (до 170 см) и весом (до 700–800 г) [Dekker, 2009, с. 3].

Рукоять лука имеет в разрезе яйцеобразную форму (см. *рисунок, 1*). Сама рукоять состоит из двух деревянных и одного рогового элемента (см. *рисунок, 2*). Внешняя сторона кибити обклеивалась сухожилиями и покрывалась для защиты от разных физических повреждений кожей или берестой. Места сочленения рукояти и плечей дополнительно обклеивались кожей ската (см. *рисунок, 3*).

Плечи лука в разрезе представляют вытянутый овал (см. *рисунок, 1*). Состоят они из деревянной основы, которая составляла треть или менее всей толщины кибити (обычно около 13–15 мм) (см. *рисунок, 4*). В конструкции лука рог и сухожилия выполняют основную работу по растяжению и сжатию лука, в то время как деревянный элемент играл роль основы, на которую крепились роговые накладки и сухожилия.

С внутренней стороны лука (обращенной к стрелку) крепились длинные роговые накладки, работавшие на сжатие. Их толщина уменьшается от рукояти к рогам.

С внешней стороны на деревянную основу кибити наклеивались сухожилия, работавшие на растяжение. Чем большее число слоев сухожилий наклеивалось на кибить, тем большим было натяжение лука. Для защиты сухожилий от влаги и физических повреждений они обклеивались берестой и покрывались лаком (см. *рисунок, 5*).

Плечи лука делали асимметричными (см. *рисунок, 1*), т.к. асимметричность (даже небольшая) позволяет гасить колебания тетивы, что делает выстрел более точным. Это объясняется тем, что при выстреле появляются колебания, асимметричность плеч не позволяет им войти в резонанс и поэтому гасит эти колебания, что положительно сказывается на точности выстрела.

Между плечами лука и рогами находится т.н. «коллено», или в китайской терминологии 弓腦 gong nao (букв. «мозг»). Это место должно обладать очень высокой жесткостью на изгиб и скручивание, т.к. именно на него будет приходиться основная нагрузка,

Сложносоставные луки эпохи династии Цин.

1 – общий вид; 2 – элементы кибити: роговые плечевые накладки, деревянная основа, сухожилия; 3 – рукоять; 4 – сечения плечей; 5 – вид с внешней стороны; 6 – тетива; 7 – стрела; 8 – Цинский офицер Мачан (Machang, 瑪瑞 ma chang), третья четверть XVIII в., частная коллекция.

1–7 – по: [Dekker, 2009]; 8 – по [Sotheby's...].

которая появляется при натяжении. По данной причине «колени» лука имеют сечение в виде треугольника с двумя вогнутыми гранями (см. рисунок, 2).

На границе рога и «колени» лука прикреплены «кобылки» (подставки для тетивы). «Кобылки» выполнены в виде равнобедренной трапеции, вершина которой приклеена к луку, а основание вогнуто внутрь (см. рисунок, 2). Роль «кобылок»

заключается в том, чтобы улавливать тетиву при выстреле и предотвращать ее соскальзывание с кибити. Кроме того, кобылки выполняют еще две функции, во-первых, предохраняют лук от физических повреждений, которые обязательно будут появляться вследствие удара тетивы, во-вторых, они гасят колебания тетивы, что позволяет сделать выстрел более точным.

Рога (弓梢 gong shao) цинских луков были очень длинными – ок. 27–30 см (см. *рисунок, 1*). Такие длинные рога увеличивают преднатяг, т.е. то натяжение, которое будет на тетиве, когда тетива надета на лук. Чем выше преднатяг, тем эффективнее будет выстрел. Кроме того, длинные рога обеспечивали плавность натяжения. Однако такое конструктивное решение имело и негативные последствия, т.к. длинные тяжелые рога лука сказывались на физических характеристиках выстрела, потому что на них уходит больше энергии, чем на рога меньшего размера [Dekker, 2009, с. 3].

Тетива (弓弦 gong xian) цинских луков часто изготавливалась из шелка, что прекрасно сказывается на эффективности самого лука, т.к. шелк практически не растягивается, а значит при одинаковом вытяге будет показывать куда большую эффективность, чем тетива из материалов, которые растягиваются сильнее.

Объясняется это тем, что тетива из растяжимого материала и тетива из нерастяжимого материала при равном вытяге будут оказывать разное давление на плечи. При этом тетива из нетянущегося материала будет оказывать большее давление (будет больше сгибать плечи) соответственно позволит запастись больше энергии, которая передастся стреле при выстреле. Однако некоторые цинские луки имеют тетиву из оленьей сыромятной кожи. Возможно, это объясняется тем, что на боевых луках простых воинов, ввиду активной эксплуатации, часто рвались тетивы, поэтому на их изготовление шли самые простые материалы.

Тетива цинского лука имеет довольно большие петли, узел которых находится на уровне кобылок. Тетивы из шелка обтягивались кожей в середине и на петле (см. *рисунок, 6*).

Сравнительный анализ цинского лука с луками кочевников Центральной Азии позднего Средневековья и раннего Нового времени позволил выявить их характерные особенности. Цинский лук, в целом, был длиннее своих степных аналогов, что подтверждается синхронными письменными источниками [Бобров, Пастухов, 2001, с. 780, 781]. Важными особенностями конструкции цинского лука были очень длинные рога, а также отказ от использования костяных накладок для усиления рукояти и рогов лука.

Одной из главных характеристик, влияющих на выстрел, является тот вес, на который будет идти энергия, запасенная плечами. На этот вес влияют рога, плечи и тетива, при этом рукоять лука не задействует запасенной энергии. И чем дальше вес находится от рукояти, тем больше уходит в него энергии при выстреле. Длинные рога цинского лука не выполняют работу и довольно-таки тяжелые,

что сильно бьет по его скоростным характеристикам. Это делает лук несколько не восприимчивым к весу стрел. По данной причине, цинский лук наиболее эффективно стреляет тяжелыми стрелами (вес цинских стрел около 80–120 г). Это хорошо согласуется с их длинным и широким оперением (до 25 см) при средней длине самой стрелы ок. 100 см (см. *рисунок, 7*). Длинное оперение ухудшает скоростные характеристики, однако делает выстрел более точным.

В целом цинские луки можно охарактеризовать как тяжелые, не способные дать предельно высоких скоростных показателей, но при этом весьма пробивные из-за тяжелых стрел. Большой вытяг (см. *рисунок, 8*) цинского лука помогает передать стреле большее количество энергии, накапливаемой в плечах. Возможно, этим была обусловлена особенность ведения конной лучной стрельбы цинскими воинами, которые предпочитали поражать противника на малой и средней дистанции. Однако, при необходимости, могла применяться и стрельба на дальней дистанции. Из «Способов стрельбы из лука Чжэннаня» мы знаем, что прицельная стрельба могла производиться на дистанцию до 255–270 м [Способы стрельбы..., 2009, с. 71]. Это говорит о цинском луке как о достаточно эффективном оружии. Вероятно, этим была обусловлена длительность применения подобных луков в войсках Цинской империи. Характерно в данной связи, что конструкция цинского сложносоставного лука на протяжении XVII–XIX вв. оставалась практически неизменной.

Научный руководитель – Л.А. Бобров
д-р ист. наук, вед. науч. сотр., профессор,
Новосибирский государственный университет

Источники

Способы стрельбы из лука Чжэннаня / пер. с кит. А. Пастухов // Путь лука: Традиционная стрельба из лука (Англия, Япония, Индия, Китай, Корея). Антология традиционных текстов. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 69–80.

Sotheby's NY, 31 March 2005, 10/10, from the "Set of Ten ...", lot 280. URL: <https://www.sothebys.com>.

Список литературы

Бобров Л.А., Пастухов А.М. Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // Oriental Studies. 2021. Т. 14, № 4. С. 770–796.

Dekker P. Manchu archery equipment. Taean, Korea, 2009. 14 p.

About some Features of the Design and Design of the Composite Bow of the Qing Dynasty

D.I. Pronin

The article discusses some of the design features of composite bows of the Qing dynasty. The study was conducted on the basis of bows from the Dekker auction house. In addition, images of Chinese officers and written sources of the Qing time were used. A detailed description of the details of the Qing bow is given, as well as a definition of their functions. On the basis of the study, we came to the conclusion that the Qing bow is a fairly effective weapon. It works great at distances up to 270 m and due to the design features, the shot from this bow will be very stable, which allows you to show excellent results in aimed shooting. In addition, the use of heavy arrows, and the high power of the bow itself, the shot will show high penetrating results. These conclusions are especially interesting in the context that the design in the period of the 17th–19th centuries remained practically unchanged.

Keywords: design, composite bows, Qing dynasty.

Пронин Даниил Игоревич

студент 2-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: d.pronin@g.nsu.ru

Pronin Daniil Igorevich

2nd year student

Novosibirsk State University

e-mail: d.pronin@g.nsu.ru

УДК 902

Особенности мусульманских погребальных памятников Нижнего Прикамья X–XV вв.

С.Х. Рахматуллин

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Россия

Территория Нижнего Прикамья занимает большое пространство, охватывающее восточную часть Республики Татарстан. Еще с древнейших времен на данной территории проживали люди, которые выстраивали свои поселения, вели оседлое хозяйство и т.д., чему является доказательством обнаружение археологами многочисленных археологических памятников различных временных периодов. Следует отметить, что во времена Средневековья данная территория относилась к государственному образованию Волжской Болгарии, а с середины XIII в. – Улусу Джучи.

Как говорилось выше, Нижнее Прикамье имеет весомый археологический потенциал. Чаще всего археологические исследования, проводимые на этой территории, связаны с изучением памятников Волжской Болгарии. Среди памятников особо выделяются городища. В настоящее время их насчитывается 170 [Хузин, 2001, с. 26]. Часть из них как раз располагается на прикамском пространстве. При исследовании городищ большое внимание также уделяется могильным комплексам, которые чаще всего располагаются вблизи поселений.

Погребальные комплексы по праву могут считаться важными памятниками, дающими антропологическую, этническую и конфессиональную характеристику населения. Данные характеристики выделяются не только по изучению костяка

(сохранность скелета, положение погребенного), но опираются и на другие весомые факторы (обряд захоронения, погребальная конструкция, вещевой материал и т.д.).

Целью настоящей статьи является выделение характерных особенностей мусульманских погребальных памятников Нижнего Прикамья X–XV вв. Стоит сказать, что попытки выделения особенностей погребальных памятников были и ранее (Е.П. Казаков, Е.А. Халикова), но тем не менее – данные исследования касались лишь отдельных могильных комплексов Нижнего Прикамья и совершенно не раскрывали полную картину своеобразия погребений, располагающихся в данном регионе.

Одной из важнейших черт Нижнего Прикамья является наличие мусульманских могильных комплексов, в которых имеются отличительные черты в соблюдении погребальной обрядности. Обращая внимание на западную границу Нижнего Прикамья, следует выделить в качестве примера Ромашкинский археологический комплекс, располагающийся на территории Чистопольского р-на Республики Татарстан. В данный комплекс входят городище, три прилегающих посада и два некрополя [Нигамаев, 2021, с. 55]. На данном памятнике в погребальных комплексах прослеживается четкий мусульманский обряд захоронения [Нигамаев, 2019, с. 12–19]. Это мы, во всяком случае, видим

в погребениях, располагавшихся на территории самого городища. В погребениях костяки были повернуты к кыбле, руки и все тело имело правильное положение в соответствии с мусульманским обрядом, а также полностью отсутствовал вещевой инвентарь, что и дает в целом понимание о четком соблюдении мусульманского погребального обряда в данном комплексе.

Восточные границы Нижнего Прикамья представлены несколькими крупными могильными комплексами: погребения Елабужского археологического комплекса, Азметовский и Такталачукский могильники. Елабужский археологический комплекс располагается на территории Елабуги Республики Татарстан. На данном комплексе кроме самого Елабужского (Чёртово) городища имеются также несколько мусульманских могильников, в которых прослеживается некий своеобразный обряд захоронения. Данный обряд захоронения (который нередко определяется исследователями как языческий) связывают с положением погребенного, которое имеет весомое отличие от мусульманских канонов, а также наличием вещевого материала в могильных ямах (украшения, предметы вооружения, керамика, костяные изделия и пр.). Что интересно, такая же ситуация прослеживается в мусульманских погребальных памятниках – Азметовском и Такталачукском могильниках. В данных могильных комплексах имеется большое количество погребений (Азметовский могильник – 99 погребений, Такталачукский могильник – 274 погребения). Многие из них представлены захоронениями, в которых так же, как и в Елабужском археологическом комплексе, имеются весомые отклонения от мусульманского погребального обряда [Казаков, 1978, с. 61]. Это можно заметить в ориентации костяков, а также в содержании вещевого материала в могильных ямах (височные подвески, бусы, монеты и т.д.) [Рахматуллин, 2021, с. 203].

В целом, здесь можно заметить весомые отличия в погребальных комплексах Нижнего Прикамья, расположенных на западной и восточной границах данного региона. На западе имела четкая мусульманская обрядность, т.к. данная область была более близка к столичному центру государства, которое в то же время являлось и религиозным центром. Отмечая же восточную территорию, следует сказать, что здесь имело место большое влияние соседнего финно-угорского мира, и видимо по данной причине в мусульманских погребальных памятниках этой области имелись большие изъяны в мусульманском погребальном обряде.

Другой явный показатель своеобразия мусульманских погребальных памятников Нижнего Прикамья можно отметить уже в золотоордынское

время. Следует сказать, что в данное время погребальные комплексы на территории Волго-Камского региона представлены кладбищами, на которых имеются могильные камни с насеченными на них арабскими эпитафиями. На территории Нижнего Прикамья имеются два таких кладбища. Первое кладбище расположено на территории Чистопольского р-на Республики Татарстан. Кладбище находится в 2 км от Ромашкинского городища, и следует отметить, что данные памятники друг с другом совершенно не связаны. Данный погребальный комплекс датируется XIV в. и называется «Ташбилге» (другое название – «Ханское кладбище»). Второе кладбище расположено в Мамадышском р-не Республики Татарстан в 2–3 км от Кирменского археологического комплекса. Надгробия здесь также датируются XIV в.

Следует отметить, что на территории Нижнего Прикамья в золотоордынское время имеются лишь кладбища с надгробиями, в отличие от западных Поволжских земель (западная территория Республики Татарстан) и восточного Иско-Бельского междуречья (западные земли Республики Башкортостан), где в это время имеются также мавзолеи. Говоря о Поволжье, мы можем отметить Болгар, где расположены такие мавзолеи, как Северный и Восточный, а также Ханская усыпальница. В Иско-Бельском же междуречье отмечены мавзолеи Хусейн-бека и Тура-хана. Интересно, что между Поволжьем и Иско-Бельским междуречьем расположено Нижнее Прикамье, но здесь в золотоордынское время вовсе не прослеживаются мавзолеи, а имеются лишь кладбища с надгробиями.

Территория Нижнего Прикамья в средневековое время является весьма уникальным и своеобразным пространством. Во времена Волжской Болгарии восточная территория Нижнего Прикамья была менее подвержена исламу. Этим она отличается от западной периферии, в которой четко соблюдалась мусульманская обрядность захоронения. В восточных же землях имелись своеобразные (языческие) элементы в погребальном обряде мусульманских могильников, а мусульманский обряд полноценно не соблюдался. В золотоордынское время Нижнее Прикамье отличалось от других ближайших земель тем, что на его территории отсутствовали мавзолеи, имелись лишь кладбища с надгробиями. Перечисленными фактами обусловлено своеобразие Нижнего Прикамья в эпоху Средневековья.

*Научный руководитель – А.З. Нигаматов
канд. ист. наук, доцент,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет*

Источники

Нигаматов А.З. Отчет об охранно-спасательных археологических раскопках на Староромашкинском городище Чистопольского района Республики Татарстан (раскоп III) в 2017 году. Т. 1. Елабуга: ЕИ К(П)ФУ, 2019. 89 с.

Список литературы

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 131 с.

Нигаматов А.З. Староромашкинский археологический комплекс: некоторые итоги и перспективы исследования // Археология евразийских степей, 2021. № 3. С. 55–64.

Рахматуллин С.Х. Детские погребения в мусульманских некрополях Нижнего Прикамья X–XIV вв. // LIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: мат-лы Всерос. (с международ. участием) конф. Оренбург: Оренбург. гос. педагог. ун-т, 2021. С. 203–204.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-лайн, 2001. 477 с.

The Peculiarity of the Muslim Funerary Monuments of the Lower Kama Region of the X–XV Centuries

S.K. Rakhmatullin

The territory of the Lower Kama region is rich in archaeological heritage. Currently, numerous archaeological and research works are being carried out here. These works are carried out both on hillforts and villages, and on burial complexes, which give an important characteristic of the population living in this territory. Nevertheless, it should be noted that the burial complexes of the Lower Kama region have peculiar elements that distinguish them from other monuments of nearby areas. During the existence of Volga Bulgaria, we can notice this peculiarity in the burial rites of burial inherent in the eastern monuments of the Lower Kama region. If we talk about the Golden Horde time, then it should be noted that there are no mausoleums at all on this territory. In the nearby territories, they are available.

Keywords: archaeology, Lower Kama region, ancient settlements, burial complexes, rite, mausoleum.

Рахматуллин Салават Хамитович

студент 5-го курса

Набережночелнинский государственный педагогический университет

e-mail: sal.rakh@mail.ru

Rakhmatullin Salavat Khamitovich

5th year student

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

e-mail: sal.rakh@mail.ru

УДК 902

Женское конское седло якутов (по материалам погребений)

А.А. Семенов

Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия

Погребения XVIII в. являются ценным источником информации как по материальной, так и духовной культуре якутов. Раскопки последних лет выявляют множество интересных артефактов, в т.ч. и женские конские седла. Целью данной работы является попытка выявления особенностей женского конского седла по материалам погребений.

Конское снаряжение в погребениях якутов является часто встречаемой категорией артефактов и широко представлено в музейных коллекциях. Несмотря на это, специализированных работ по верховому снаряжению коня не много. Данная тема кратко рассматривается при описании материальной культуры якутов в трудах А.И. Гоголева, И.В. Константинова, Р.И. Бравиной, В.В. Попова и др. Отдельную специализированную работу

по конскому снаряжению якутов написал В.М. Дьяконов [2017, с. 121–124].

Сохранность седел в погребениях XVIII в. обусловлена вечной мерзлотой. Как правило в могильной яме седло располагалось в специальном отсеке для погребального инвентаря, который находился под ногами. Иногда седло клали сверху крышки гроба, в редких случаях на боковой стороне гроба. В более ранних погребениях можно встретить практику расположения седла под головой погребенного, которая ярко выражает степную традицию использование верхового седла в качестве подушки.

В погребениях якутов седла чаще встречаются в мужских захоронениях, нежели в женских. Однако женские седла, как правило, богаче украшались и из-за этого представляют большой научный интерес.

В качестве примера можно привести седло из погребения XVIII в. Ус-Сэргэ I, принадлежавшего богатой женщине примерно 40 лет. Передняя лука седла имеет квадратную форму и обита латунной пластинкой, которая закреплена на деревянной основе металлическими заклепками [Музей...]. Декор передней луки состоит из двух частей. Первая часть представлена узкими латунными полосками, которые расположены по всему периметру луки с наружной и внутренней стороны. Вторая часть представлена вырезанным сквозным орнаментом криволинейного (растительного) типа, занимающим промежуточное положение между латунными полосками. Боковые стенки передней луки также обиты латунными полосками, оборотная сторона ее не украшена. Задняя лука сохранилась фрагментарно – осталась только нижняя часть дугообразной формы. Седло закрывало кожаное покрывало, на которое помещали волосную цинковку (вероятно, из конского волоса), с дополнением в виде меховой подушки, которая почти не сохранилась.

Конструктивные особенности якутского женского седла призваны обеспечить комфорт как всаднику, так и лошади при дальних поездках. Отличительными особенностями якутского женского седла являются богато украшенная высокая передняя лука, широкое сиденье и наличие крючка на передней луке в виде коновязи.

Высокая лука чаще имеет трапецевидную форму, нежели прямоугольную. В более ранний период, когда отсутствовала нужда в гендерном разделении верхового седла, существовало только седло с прямоугольной лукой. Начиная с XVIII в. в обиход начинают входить седла с округлой передней лукой. Последняя разновидность седел обычно атрибутируется в качестве мужского. Кроме того, ранние седла имели меньший размер, чем седла второй половины XVIII в. и более позднего времени. С момента, когда начали разделять седла на мужское и женское, форма передней луки начала меняться и становиться более громоздкой и широкой, из-за этого терялась маневренность в пользу удобства наездника [Маак, 1887, с. 108]. Это можно объяснить женскими физиологическими особенностями, которые требуют более удобного расположения при верховой езде.

Отличительной чертой якутского седла, является наличие крючка на передней луке седла. Крючок на передней луке (як. *Хонсуоччу*), является весьма удобным приспособлением для закрепления поводьев, а также специального кожаного чехла (як. *Лэпсэ*), который защищает подушку седла от дождя и снега. Крючок в женском седле в большинстве случаев имеет форму коновязи подквадрат-

ной или округлой формы, но в некоторых случаях в виде головы коня.

Богато украшенное женское седло являлось символом высокого социального статуса в обществе. Как правило, такие седла находили в погребениях пожилых богатых женщин. Женское седло украшали различными орнаментами как растительными, так и геометрическими.

Геометрические орнаменты обычно встречаются на ранних седлах, но в результате русского культурного влияния якуты начали перенимать растительный орнамент и комбинировать эти узоры. Также следует отметить, что наличие в передних луках седла изображений единорога, льва, тигра и т.д. свидетельствует о тесном контакте пришедшего русского населения с местными мастерами [Там же, с. 108].

Проанализированные материалы свидетельствуют, что богато украшенное женское конское седло встречается в захоронениях зажиточных людей и является признаком высокого социального статуса. Ярким примером такого седла является находка из Ус-Сэргэ I, которое наглядно отображает все основные традиционные черты якутского женского седла. Характерной особенностью конструкции женского седла является высокая лука подпрямоугольной формы и крючок в форме коновязи. От мужских седел их женские аналоги отличались наличием широкого сиденья и подушки, набитой сеном, пухом или шерстью. Передние луки женских седел в XVIII в. в большинстве случаев бывают украшены геометрическими и растительными орнаментами, а с развитием кузнечного дела на седлах начинают повсеместно появляться изображения львов, единорогов и т.д.

*Научный руководитель – В.Г. Аргунов
канд. ист. наук, доцент,*

Северо-Восточный федеральный университет

Источники

Музей археологии и этнографии Сев.-Вост. федерал. ун-та (СВФУ). Ф. МАFSO-16. Оп. 1. Ед. хр. 1–33. Материалы женского погребения 2-й пол. XVIII в. Ус-Сэргэ I (Хангаласский район, Якутия).

Список литературы

Дьяконов В.М. Снаряжение верхового коня у якутов в XIV – начале XX вв. // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 121–124.

Маак Р.К. Виллойский округ Якутской области. Часть III. СПб.: Тип. и хромофотография А. Траншеля, 1887. 192 с.

Yakut Women's Horse Saddle (According to the Materials of Burials)

A.A. Semenov

This article presents an attempt to generalize the female horse saddle in Yakut burials. The paper highlights the main distinctive features and features of the female saddle in contrast to the male. Also, for example, a female saddle is a saddle from a female burial of the XVIII century. Us-Serge I found in the Khangalassky district of Yakutia. Judging by the archaeological and ethnographic materials, the gender division began in the XVIII century. From this moment on, the saddle begins in ethnographic materials with a rounded bow, and the saddle with a rectangular hole begins to be perceived as exactly female.

Keywords: yakuts, saddle, front bow, horse, horse equipment.

Семенов Анатолий Артемович

аспирант 1-го курса

Северо-Восточный федеральный университет

e-mail: semenovt9898@gmail.com

Semenov Anatoly Artemovich

1st year postgraduate student

North-Eastern Federal University

e-mail: semenovt9898@gmail.com

УДК 902.03(571.1)

Зооорнитоморфные изображения с личинами эпохи раннего Средневековья Западной Сибири

Е.Г. Сорокина

Томский государственный университет, Томск, Россия

Культовая металлопластика на территории сибирского региона в эпоху раннего железного века получила широкое распространение. По своим сюжетным, композиционным и стилистическим особенностям она составляет единый художественный пласт с металлопластикой Урала и Прикамья, в котором, тем не менее, выделяются свои региональные особенности.

Особое место в культовом литье занимает образ птицы с изображением личины на груди [Муратбакиева, 2021]. Для подобной металлопластики Урала и Прикамья пик развития этого образа пришелся на ранний железный век, в то время как для Сибири он сохранил актуальность и в эпоху раннего Средневековья. Орнитоморфные изделия с личиной были характерны для кулайской культуры, позднее – для рёлкинской и верхнеобской культур, составляющих рёлкинскую культурную общность [Панкратова, 2013].

В настоящей работе рассматриваются ранне-средневековые орнитоморфные образы. Исследуемые изделия правильнее определять как «зооорнитоморфные», поскольку зачастую они содержат элементы разных видов животных. Массово такие предметы встречаются в погребальных комплексах, а также в качестве кладов и случайных находок (например, изделия из Егозовского клада) [Флоринский, 1888, с. 64–66; Боброва, Ширин, 2016].

Зооорнитоморфные изделия с личинами на груди имеют довольно широкую географию. Значи-

тельная часть изделий определена по функциональному признаку как бляхи-подвески (благодаря имеющимся петлям), однако они встречаются и без таких элементов. Погребальные комплексы с подобными изделиями были обнаружены только в Новосибирской (курганый могильник Высокий Борок) и Томской (могильник Рёлка, курганный могильник Архиерейская заимка, могильник Чердашный лог III, Тимирязевская курганный группа II) областях.

Фрагмент бляхи-подвески из курганного могильника Высокий Борок (1 шт.) найден в насыпи [Троицкая, 1998, с. 33]. Изделия, происходящие из могильника Рёлка, зафиксированы в насыпи кургана рядом с маленьким сосудом и человеческими костями (1 экз.), в погребении по обряду трупосожжения под обломками раздавленного сосуда (1 экз.) и среди сопроводительного инвентаря (1 экз.). Всего зафиксировано 3 экз. [Чиндина, 1977, с. 16, 19, 21]. Одна бляха-подвеска из курганного могильника Архиерейская заимка найдена в погребении, совершенном по обряду кремации. Захоронение сопровождается большим количеством инвентаря, среди которого: наконечники стрел, ножи, предметы одежды и украшений, кузнечные инструменты, а также сломанный глиняный сосуд [Беликова, Плетнева, 1983, с. 39–40].

В число сопроводительного инвентаря женского погребения, совершенного по обряду трупоположения, Тимирязевской курганной группы II входили

изделие с изображением личины, керамический сосуд, бусы, ножи, наконечники стрел, бронзовые нашивки и железное тесло. В погребении по обряду ингумации в области шеи усопшего фиксируются предмет металлопластики с зооорнитоморфным изображением (1 экз.), наконечники стрел и точильный брусок. Пол погребенного в данном захоронении не был определен. Всего в памятнике найдены два изделия с изображением личины [Там же, с. 33–34]. На могильнике Чердашный лог III бляха-подвеска фиксируется в мужском погребении (1 экз.), в области шеи. Помимо данного изделия в сопроводительный инвентарь входит большое количество железных орудий и украшений, что позволило отнести данное погребение к числу элитных [Плетнева, Гаман, 2007, с. 56].

Рассматриваемые изделия также происходят из кладов или являются случайными находками, лишенными археологического контекста. Такие находки обнаружены на р. Васюган (Васюганский клад, 1 экз.), р. Амелич (Шутовские находки, 1 экз.), р. Тартас (1 экз.), на пашне у с. Спасское бывшей Усть-Тартасской волости Томской губернии (находка у с. Спасское, 1 экз.), в Кузнецкой котловине, территория современной Кемеровской области, (Егозовский клад, 7 экз.), в Панкрушихинском р-не Алтайского края (1 экз.), на р. Чулым (Ишимский клад, 1 экз.), в Новосибирской области (2 экз.) [Богданов, 2008, с. 163–164; Яковлев, 1984, с. 12; Боброва, Ширин, 2016, с. 13; Казаков, Ситникова, 2019, с. 20; Макаров, Фокин, 2021, с. 339; Троицкая, 1998, с. 32–33]. О большей части находок отсутствует подробная информация, что затрудняет определение как контекста, так и культурной атрибуции памятника.

Результаты анализа контекста обнаружения зооорнитоморфных изображений с личиной в документированных захоронениях показывают, что они встречаются в погребениях, совершенных как по обряду кремации, так и ингумации. Могила, как правило, имеет богатый сопроводительный инвентарь, что может свидетельствовать о привилегированном положении их обладателей. В захоронениях по обряду трупосожжения изделия фиксируются рядом с сосудом или под его обломками. В погребениях, совершенных по обряду трупоположения, они обнаружены в области шеи и во всех случаях принадлежат взрослым индивидуумам (в двух случаях это были женские погребения, в одном – мужское, в остальных пол не был определен).

Находки бронзовых блях в разнополах захоронениях не позволяют рассматривать их с позиций гендерных различий, но позволяют обратить внимание на возрастные отличия погребенных. Зооорнитоморфные изделия с личинами не обнаружены

на поселенческих памятниках, что, по-видимому, свидетельствует об их исключительно культовых функциях. Случайные находки и клады, несмотря на отсутствие археологического контекста, позволяют говорить о существовании особо почитаемых мест и о ценности культовых изделий для древнего населения Западной Сибири.

*Научный руководитель – И.Н. Коробейников
заведующий музеем истории, археологии и этнографии
Сибири им. В.М. Флоринского,
Томский государственный университет*

Список литературы

- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V–VII вв. н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 246 с.
- Боброва Л.Ю., Ширин Ю.В.** Егозовский клад // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2016. № 2. С. 13–24.
- Богданов М.В.** Художественные особенности фигурки крылатого медведя из Васюганского клада (опыт семантической дешифровки) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. СПб., 2008. № 2. С. 163–169.
- Казаков А.А., Ситников С.М.** Изделие средневековой металлопластики из Панкрушихинского района (Алтайский край) // Вестник КемГУ. Кемерово, 2019. № 1 (77). С. 20–25.
- Макаров Н.П., Фокин С.М.** Новые антропоморфные и зооорнитоморфные изображения Ишимского клада // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: Мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. уч. к 300-летию научного открытия «Томской писаницы». Кемерово, 2021. С. 339–347.
- Муратбакиева А.Д.** Птица с личиной на груди: иконография и функция // Археология евразийских степей. Казань, 2021. № 5. С. 285–296.
- Панкратова Л.В.** Иконография птицевидных образов с развернутыми крыльями в Кулайской металлопластике // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. № 3 (23). С. 259–265.
- Плетнева Л.М., Гаман А.Д.** Элитное погребение из кургана № 12 могильника Чердашный Лог III // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алтай. гос. ун-та, 2007. С. 56–62.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Флоринский В.М.** Археологический музей Томского университета. Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1888. 276 с.
- Чиндина Л.А.** Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. 192 с.
- Яковлев Я.А.** Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 9–31.

Zoo Ornithomorphic Images with Masks of the Early Middle Ages of Western Siberia

E.G. Sorokina

The image of a bird with a disguise occupies a special place in the system of cult casting. Such images are common in the Urals and in the Kama region, where the peak of distribution occurred in the early Iron Age and in Siberia, where these products remain relevant in the early Middle Ages. In this paper, the early medieval ornithomorphic images characteristic of Siberia are analyzed, which is due to the geography and dating of the finds. Objects are found on burial complexes, as treasures and accidental finds. Burial grounds with similar products were found in the Novosibirsk and Tomsk regions. Random finds and treasures have been found on the territory of the Kemerovo, Tomsk, Novosibirsk regions and in the Krasnoyarsk and Altai Territories. In this article, 23 ornithoanthropomorphic products originating from the archaeological sites of Siberia were analyzed. The features of the occurrence, funeral rites, the sex and age of the buried and the artifacts located nearby were considered.

Keywords: Cult casting, metal plastics, ornithoanthropomorphs, treasures, burials.

Сорокина Екатерина Георгиевна

студент 3-го курса

Томский государственный университет

e-mail: sorokina_k0955@mail.ru

Sorokina Ekaterina Georgievna

3rd year student

Tomsk State University

e-mail: sorokina_k0955@mail.ru

УДК 391

Европейские счетные жетоны в археологических памятниках Якутии: обзор и новые данные

В.В. Сыроватский, Л.Ф. Иванова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Сибири СО РАН,
Якутск, Россия*

Европейские счетные жетоны, пройдя длинный путь и попадая на территорию Урала, Сибири и Дальнего Востока, становились предметами т.н. «русского импорта». Оседая у коренных народов, они моментально стали использоваться в качестве декора украшений и одежды.

Исчерпывающую информацию о бытовании европейских счетных жетонов в позднесредневековых культурах Западной Сибири и, в общем, на территории России, о методах и особенностях хронологической атрибуции археологических памятников на основе нумизматических источников можно найти в работах А.А. Пушкарева. В одном из своих исследований автор приводит данные об обнаружении европейских счетных жетонов в археологических памятниках Якутии. Среди известных авторов счетных жетонов фигурируют такие имена, как Cornelius Lauffer (1658–1711 гг.), Johann Iacob Dietzel (1711–1748 гг.), Wolf Hieronymus Hofmann (1719–1756 гг.) [Пушкарев, 2019, с. 928].

Кроме того, известно, что в результате работ Саха-французской экспедиции MAFSO было исследовано два женских грунтовых захоронения эпохи позднего Средневековья, имеющих в составе сопроводительного инвентаря европейские счетные жетоны. В погребении Булгуннях-2 в Вилюйском

регионе верхняя одежда покойной была украшена двадцатью медными жетонами. По словам авторов, лишь два из них были очищены и идентифицированы как работы Lazarus и Cornelius Lauffer с профилем Вильгельма III и Марии Стюарт, отчеканенные в период 1689–1694 гг. [Мир древних якутов..., 2012, с. 156]. В захоронении Бойола-2 из Центральной Якутии исследователями зафиксированы монеты и жетоны как европейского, так и китайского производства в количестве 10 шт. Пять из них было очищено и отнесено к авторству Cornelius Lauffer (1658–1711 гг.) с профилем короля Людовика XIV [Там же, с. 157].

И, наконец, к последним находкам относятся материалы погребения Свиноферма, исследованного недалеко от г. Якутска Средненским отрядом АЭ ИГиИПМНС СО РАН в 2020 г. Внутримогильная конструкция представляла собой ящик-гроб, сложенный из массивных досок, имевший длину 185 см и ширину 70–80 см. Внутреннее пространство гроба было умышленно заполнено грунтом. Погребение принадлежало девушке-подростку. На возраст покойной указывает разъединение костной ткани на всех трубчатых костях. Длина костяка от макушки до пят – 138 см. Поза покойной на спине, правая рука была согнута в локте и расположена

в области таза, левая вытянута, но кисть отделена и расположена на тазовых костях. Покойная ориентирована головой в юго-западном направлении.

Сопроводительный инвентарь представлен кольцами, массивной ложновитой округлой в сечении гривной с четырьмя изгибами толщиной прутка 0,9 см, серьгами в виде знака вопроса с нанизанными бусинами черного и белого цвета. Кроме того, сохранились фрагменты набедренного украшения «кыбака симэгэ» с ажурными прямоугольными и округлыми медными бляшками, бусинами. Элементы украшений и фрагменты одежды были хаотично разбросаны во внутреннем пространстве гроба, составляя слои в грунте, которым был заполнен гроб. Верхняя одежда покойной была сшита из тонкой ровдугина, на которой в районе груди и плечах сохранилась бисерная аппликация. У ног зафиксирован развал берестяного туеса. За пределами гроба располагались фрагменты деревянной чаши «кыттыа». Во внутреннем наполнении гроба были выявлены раковины пресноводных брюхоногих, а также мелкие фрагменты раздробленных костей. В составе декора одежды покойной было обнаружено семь округлых плоских бляшек плохой сохранности диаметром 2,0–2,2 см и толщиной 0,1 см, имеющих четырехугольные отверстия. При первичном осмотре одно изделие было определено как европейский счетный жетон. Так, на одной из сторон можно было вычитать еле различимое «...NING...», что, соответственно, является частью слова PFENNING. В результате работ по реставрации металла из погребения, с разной степенью достоверности, удалось идентифицировать легенды на всех семи жетонах. Нумерация соответствует нумерации в коллекционной описи.

Жетон № 20 – на аверсе отчетливо считывается надпись «MARIA REX ET...», на реверсе «...NN WEIDINGERS...», в центре же геральдический щит, состоящий из четырех секторов и завершающийся короной. На основе визуального сравнения можно отнести данный предмет к авторству Johann Weidinger (1670–1727 гг.) Изделие, вероятно, является жетоном-копией английской полкроны с изображением короля Вильгельма III и Марии II.

Крайне плохая сохранность изделия № 21 не позволяет с достоверностью идентифицировать его. Однако, судя по сохранившимся буквам «...REX...», на одной из сторон, и «...ARIA...», данный жетон следует условно отнести к жетонам работы мастера Lazarus Gottlieb Lauffer (1663–1709 гг.), по аналогии с предметами № 23 и № 25.

На аверсе счетного жетона № 22 изображен портрет в профиль, надпись по краю «LOVIS XIV RO...». На поверхности реверса отчетливо фиксируется геральдический щит с короной. По краю проходит надпись «CORN. LAVFFERS. RECHN

PFENNING». Соответственно, жетон принадлежит авторству Cornelius Lauffer (1658–1711 гг.) и приурочен к правлению французского короля Людовика XIV.

Счетный жетон № 23 с обеих сторон имеет портреты в профиль. На одной из сторон по краю проходит надпись «WILH...II.D.G.ANG. SCO. FR... REX». С противоположной стороны надпись гласит: «MAR...ANG.SO.FR. E...GINA» – свидетельство того, что данный жетон принадлежит авторству мастера Lazarus Gottlieb Lauffer (1663–1709 гг.), и приурочен к правлению Вильгельма III Оранского и Марии Стюарт.

Жетон № 24 на аверсе имеет портрет в профиль и надпись по краю «XV D.G...R...N...REX». На оборотной стороне изображен округлый геральдический щит с короной. По кругу надпись «IOHANN... ACO...E...L», что обозначает имя автора – Johann Iacob Dietzel (1711–1748 гг.). Сам жетон, вероятно, приурочен к правлению короля Людовика XV.

Жетон № 25 с обеих сторон имеет портреты в профиль. На одной из сторон по краю отчеканена надпись «WILH.III.D.G.ANG.SCO.FR.ET.RE...», с противоположной стороны «...IA.D.G.ANG. SO.FR.E.HI.REGIN...» – жетон аналогичен жетону № 23 и принадлежит мастеру Lazarus Gottlieb Lauffer (1663–1709 гг.), и приурочен к правлению Вильгельма III Оранского и Марии Стюарт.

Степень сохранности жетона № 26 не позволяет вычитать легенду на аверсе изделия. Отчетливо видна лишь буква G, в отличие от реверса, на котором четко прослеживается французский геральдический щит вытянутой формы с короной и надпись «WOL...OFMANN.RECH.PFEN...» Таким образом, авторство принадлежит мастеру Wolf Hieronimus Hofmann (1719–1756 гг.).

Таким образом, большинство жетонов относится к промежутку с середины XVII в. по середину XVIII в. Условно можно разделить их на две категории: ранние (XVII–XVIII вв.) и поздние (XVIII в.). Даты производства самых поздних жетонов № 24 – Johann Iacob Dietzel (1711–1748 гг.) и № 26 – Wolf Hieronimus Hofmann (1719–1756 гг.) позволяют ограничить нижнюю дату захоронения первой четвертью XVIII в. Общий обзор последних исследований также показывает наличие в археологических памятниках Якутии счетных жетонов двух условных периодов: промежутка XVII–XVIII вв. и XVIII в.

Следует отметить, что часть ранее обнаруженных жетонов остаются не идентифицированными, что, несомненно, представляет проблему и является предметом отдельного масштабного исследования. Приведенные материалы из погребения Свиноферма дополняют картину по составу европейских счетных жетонов. В частности, удалось

обнаружить ранее не зафиксированный на территории Якутии жетон авторства Johann Weidinger (1670–1727 гг.).

*Научный руководитель – Р.И. Бравина
д-р ист. наук, проф., зав. отделом археологии
и этнографии,*

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Сибири СО РАН*

Список литературы

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции); под. ред. Э. Крюбези и А.Н. Алексеева. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2012. 226 с.

Пушкарев А.А. Нюрнбергские жетоны XVI–XIX вв. на территории России // Былые годы. 2019. Т. 53. Вып. 3. С. 921–934.

European Counting Tokens in the Archaeological Sites of Yakutia: an Overview and New Data

V.V. Syrovatskiy, L.F. Ivanova

This paper provides an overview of all available information about the archaeological finds of counting tokens on the territory of Yakutia. In addition, the work aims to supplement the available information about the existence of counting tokens in the objects of the archaeological heritage of Yakutia based on the results of recent field work. For all the time of studying archaeological sites on the territory of Yakutia, six varieties of tokens with different authorship have been recorded. All cases fall on the products of the Nuremberg masters. Chronological attribution of the finds allows us to attribute them to two conditional periods: the turn of the XVII–XVIII centuries. and exclusively to the XVIII century. Items from both periods were recorded as part of the accompanying inventory of the late medieval burial of a Pig farm, on the territory of Central Yakutia. In their composition, it was possible to identify a product produced by the author Johann Weidinger (1670–1727), who had not previously been recorded in the region.

Keywords: counting tokens, yakuts, Yakutia, metal, coins.

Сыроватский Владислав Владимирович

мл. науч. сотр.

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Сибири СО РАН
e-mail: Syrovatskiy123@gmail.com

Syrovatskiy Vladislav Vladimirovich

Junior Researcher

Institute for Humanities Research and Indigenous
Studies of the North of SB RAS
e-mail: Syrovatskiy123@gmail.com

Иванова Лидия Федотовна

ст. лаборант

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Сибири СО РАН
e-mail: Dgyraasur@icloud.com

Ivanova Lidia Fedotovna

Senior Laboratory Assistant

Institute for Humanities Research and Indigenous
Studies of the North of SB RAS
e-mail: Dgyraasur@icloud.com

УДК 902.2

Бусины из коллекции ОКН «Город Гижигинск» (раскопки 2020 г.)*

А.Е. Тимина

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

Гижигинской археологической экспедицией в 2020 г. при исследовании ОКН «Город Гижигинск» были найдены артефакты, свидетельствующие о функционировании объекта в XVIII – начале XX в. [Батаршев и др., 2022; Понкротова, Батаршев, Дорофеева, 2021]. Массовый материал в археологической коллекции представлен комплексом разнообразных по размеру, цвету и материалу бусин [Технический отчет..., 2020]. Анализ и интерпретация этого комплекса позволяют предположить историю его по-

явления в Гижигинске в середине XVIII – начале XX в., а также воссоздать отдельные аспекты быта населения, проживавшего на территории Севера Дальнего Востока России. Задачи исследования: описать и систематизировать бусины из коллекции ОКН «Город Гижигинск»; на основе аналогий предположить материал, страну и время их изготовления.

Анализ коллекции бусин (503 экз.) позволил разделить изделия на собственно бусины и бисер [Археологическая коллекция...].

*Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», проекты № 13/2020–Р, № 33/2022–И.

Общее число бусин – 126 шт. Их размер – от 0,9 до 0,6 см. Цвет: синий, бежевый, бирюзовый, коричневый, красный, зеленый, голубой, желтый, бордовый, серо-голубой, черный, белый. Преобладающие цвета – синий, белый, бирюзовый (58 экз.). Остальные бусины представлены в немногочисленных или единичных экземплярах (68 шт.). Имеет место сочетание белого и красного цвета на 3 бусинах. Поверхность бусин как глянцевая, так и матовая. Две бусины декорированы круговым орнаментом и полосами.

К бисеру отнесены мелкие округлые и многогранные бусинки из цветного стекла с отверстиями для нанизывания на нитку, у которых длина и диаметр не превышают 0,5 см. Всего найдено 377 экз. синего, золотого, красного, голубого, темно-голубого, белого, черного и оранжевого цветов. Бисер синего цвета преобладает (186 экз.). Несмотря на многочисленность, бисер достаточно однообразен. Длина от 0,15 до 0,45 см, ширина от 0,05 до 0,4 см, диаметр от 0,15 до 0,45 см.

Морфологически по тулову бусины и бисер преимущественно округлые, шарообразные, но имеют место яйцевидные, эллипсоидные, граненые и плоские. Самая крупная бусина в коллекции – 1,3 см цилиндрической формы красного цвета.

Почти все изделия изготовлены, вероятно, из стекла и пластмассы (необходим химический анализ). Три бусины сделаны из дерева, две из них покрыты лаком, и одна бусина – из керамики.

Изготавливались бусины как серийно, так и индивидуальным способом. Индивидуальное изготовление подразумевает под собой способ наливки горячей стеклянной массы вокруг стержня либо свободное формирование капли стекла с последующим проколом отверстия. Для придания окончательной формы одной из навитых бусин использовался прием прессования на плоскости. Бусины, изготовленные серийно, в свою очередь, имеют форму вытянутой трубочки, окончательную форму которой придали с помощью дополнительных приемов [Довгалюк, Татаурова, 2010].

Исследуемые изделия можно отнести к предметам индивидуальных украшений, которые использовались народами Севера Дальнего Востока начиная с финального палеолита ок. 13 300 л.н., когда они изготавливались из камня [Понкратова и др., 2020]. В дальнейшем украшение бисером одежды, предметов быта было частым явлением у эвенов, коряков, ительменов и др. [Федорова, 2006]. И сегодня традиция украшать праздничную одежду, головные повязки, обувь вышивкой из бисера, рисунок которой часто имеет символическое значение, продолжается [Матющенко, 2023].

Бусы и бисер массово находят при раскопках европейских поселений XVIII в. [Лихтер, Щапова, 1991 и др.], сибирских русских городов XVII–XVIII вв. [Довгалюк, Татаурова, 2010 и др.], в Якутии [Прокопьева, Яковлева, 2016 и др.]. Так, сходство гижигинским бусам находим в археологических коллекциях Мангазеи (Заполярье), в Ханты-Мансийском р-не ХМАО-Югры [Лихтер, 2017, 2021], на Аляске [Kunz, Mills, 2021] и в других регионах.

Изделия высоко ценились. Так, в Якутии у местного населения покупали 4 лисицы красных без лап за прятку (нитку) бисера и одекуя [Гермогенова, 2012]. «Корольки» (крупный бисер), «одекуй» (стеклянные или фарфоровые бусы, бисер) пользовались большим спросом у гижигинцев. В числе других «стратегических» товаров (спирт, табак, порох, свинец, медные котлы и пр.) промышленники их везли для обмена на продукты охоты. За 3 фунта бисера и 50 прядок одекуя (ниток бус) торговали 121 соболя. В 1830-х гг. гижигинские купцы продавали местным жителям фунт бисера по 10–20 руб. [Арсеньев, 1925, с. 33; Сафронов, 1980, с. 99, 118, 126, 127; Прозоров, 1902, с. 161 и др.]. При этом бисер «должен был быть непременно известных цветов». Им украшали парадную одежду из кожи и меха [Прозоров, 1902, с. 158–162].

Не исключено, что в Гижигинск бусины и бисер, как средство товарообмена, были привезены из разных частей света. Население города активно торговало с Китаем, Японией, США, и можно предположить, что бусины и бисер были привезены оттуда, но в то же время в эти страны они могли попасть из Европы, в т.ч. Венеции, где тогда активно функционировали фабрики по производству подобных изделий [Лихтер, 2021; Kunz, Mills, 2021]. На далекой северной окраине дешевые бусины и бисер являлись неравномерным предметом торговли иностранцев с местным населением [Понкратова, Лебедева, Батаршев, 2022].

*Научный руководитель – И.Ю. Понкратова
канд. ист. наук, доцент, вед. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Источники

Археологическая коллекция ОКН «Город Гижигинск» // Фонды МОО РГО (временное хранение).

Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ)» ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток, 2020. 303 с.

Список литературы

Арсеньев В.К. Гижигинский промысловый район. Очерк физико-географический и статистико-экономический // Экономическая жизнь Дальнего Востока, 1925. № 5, 6. 40 с.

Батаршев С.В., Понкраторова И.Ю., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Голохвастов М.В., Лебедева Л.С., Нес-терович А.В. Историческая археология Севера: город Гижигинск // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 1 (38). С. 23–34.

Гермогенова И.Н. Наименования предметов ясачного сбора XVII в. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 2012. С. 87–92.

Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В. Стекланные бусы из слоев сельских поселений Среднего Прииртышья как источник для реконструкции торговых связей русских переселенцев XVII–XVIII веков // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (42), 2010. С. 37–45.

Лихтер Ю. А. Стекланные бусы из Мангазеи (раскопки 2011–2012 годов) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 307–311.

Лихтер Ю.А. Стекланные бусы, найденные на поселении Бала 1 (раскопки 2013–2016 годов) // Культура русских в археологических исследованиях: Археология Севера России: сборник научных статей, 2021. Т. 1. С. 100–105.

Лихтер Ю.А., Щапова Ю.Л. Гнездовские бусы: по материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнездово. М.: МГУ, 1991. С. 244–259.

Матюшенко Е.И. Декор в композиции традиционной одежды народов Крайнего Севера // Молодой ученый, 2023. С. 53–55.

Понкраторова И.Ю., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А. Русские горизонты «территории»: история и археология Гижигинска // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сборник научных статей. Т. 2. Омск, Сургут: Изд. группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 64–69.

Понкраторова И.Ю., Губар Ю.С., Волков П.В., Лбова Л.В. Окрашенные артефакты стоянки Ушки V (полуостров Камчатка) // Краткие сообщения Института археологии (КСИА), 2020. Вып. 261. С. 50–66.

Понкраторова И.Ю., Лебедева Л.С., Батаршев С.В. Иностранные предприниматели в истории «Территории»: Гижигинск в 1920–1930-е гг. // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток, 2022. Т. 35. С. 197–212.

Прозоров А.А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб.: Труд, 1902. 388 с.

Прокопьева А.Н., Яковлева К.М. Украшения из могильника Ат Дабаан // Материалы международной научно-практической конференции в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)», Улан-Удэ, 2016. С. 197–203.

Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в 17 – середине 19 вв. М.: Наука, 1980. 142 с.

Федорова Е.Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири (народы Приамурья, Приморья, Сахалина, долганы, якуты, народы Южной Сибири) // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 120–169.

Kunz M.L., Mills R. A Precolumbian Presence of Venetian Glass Trade Beads in Arctic Alaska // American Antiquity, 2021. Vol. 86, is. 2. P. 395–412. doi: 10.1017/aq.2020.100

A Set of Beads from the Collection of the Cultural Heritage Object “City of Gizhiginsk” (Excavations 2020)

A.E. Timina

The data of the analysis and interpretation of the collection of beads and beads were obtained by the Gizhiginsk archaeological expedition in 2020 during the excavation of the Cultural Heritage Site “The City of Gizhiginsk” (Magadan region, Severo-Evensky district) in 2020 and are being discussed for the first time. The complex dates from the middle of the XVIII – early XX centuries. In total, 503 specimens of different colors were found, with a predominance of blue, white, and turquoise. Of these, 126 are beads, 377 are little beads. Morphologically, the beads and little beads on the body are mostly rounded, spherical, but there are ovoid, ellipsoid, faceted and flat. The products were made of glass and plastic, wood, and in some cases are varnished. The products under study can be attributed to items of individual jewelry that were used by local peoples to decorate clothes, household items. Along with other items, beads and little beads were a “strategic commodity” for commodity exchange in the far northern outskirts.

Keywords: The object of cultural heritage “The City of Gizhiginsk”, archaeological excavations, beads, little beads, jewelry, commodity exchange.

Тимина Александра Евгеньевна
студент 2-го курса
Северо-Восточный государственный
университет
e-mail: timinasashaa@yandex.ru

Timina Aleksandra Evgenievna
2nd year student
North-East State University
e-mail: timinasashaa@yandex.ru

Погребальные практики в эпоху Средневековья на территории Северного Приангарья*

А.Д. Торохова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

В публикациях о средневековых погребениях Северного Приангарья можно встретить упоминание двух погребальных практик: ингумации и кремации на стороне, являющейся преобладающей. По материалам некрополя Проспихинская Шивера-IV были выделены следующие ее элементы: «преимущественно полная кремация тел; захоронения в грунтовых ямах; наличие в одной могиле костных останков от нескольких погребенных; помещение на погребальный костер сопроводительного инвентаря и заупокойной пищи; разнообразный набор погребального инвентаря, ... наличие берестяных или деревянных подстилок и перекрытий в части погребений; размещение возле погребений надмогильных камней» [Сенотрусова, 2013, с. 60]. Автор исследования отмечает, что «выделенный комплекс особенностей погребального обряда достаточно устойчив и характерен как для могильника Проспихинская Шивера-IV, так и для других погребальных комплексов Северного Приангарья», среди которых Кода-2, Усть-Кода, Чадобец, Сергушкин-3 и др.

Погребальная практика, связанная с ингумацией тел, изучена в меньшей степени. А.Е. Гришин отмечает единичность таких комплексов, для них выделение общих признаков носит предварительный характер [Гришин, 2013, с. 91]. Это ориентировка погребенных головой вверх по течению реки, трупом на спине. Встречаются следы внутримогильных конструкций и бересты, нарушения целостности костяков, эпизодическое использование огня. Автор относит к данным комплексам погребения с Усть-Ковы, Острова Каменного I (74 км), Адормы, Усть-Зелинды-2. Сюда же относятся погребения с территории стоянки Галкина-1. Ниже приведено описание комплексов, где встречен обряд ингумации.

На могильнике Усть-Кова присутствуют два подобных погребения. Погребение № 1 – парное погребение женщины с младенцем. Женщина лежит на спине и ориентирована головой на восток, вверх по течению р. Ангары. Младенец расположен слева от нее. Надмогильные сооружения отсутствуют. Над могильной ямой отмечены следы высокого температурного воздействия. Погребенные

помещены в берестяной кокон. Сопроводительный инвентарь разнообразен: диадема в виде железной пластины; нагосное украшение; браслет с бронзовыми скобами; фрагменты орнаментированного костяного гребня; бронзовые накладки, в т.ч. в виде пары голов птиц; железный нож и острие.

Погребение № 3 представлено черепом и четырьмя трубчатыми костями. Костяк расположен на спине головой на восток, вверх по течению р. Ангары. Погребение вторично. Надмогильные сооружения отсутствуют. Сопроводительный инвентарь включает: круглодонный керамический сосуд с геометрическим орнаментом; два железных тесла; нагрудное украшение из бронзовых бляшек; железный нож; плоскую ложечку из рога с навершием в виде головы лосихи; фрагмент лопатки животного с отверстием и двумя гравированными линиями.

На местонахождении Адорма раскопано погребение ребенка. Он помещен в могилу в вытянутом на спине положении, головой ориентирован на восток, перпендикулярно руслу р. Ангары. Надмогильные сооружения отсутствуют. В заполнении ямы находилась деревянная дощечка, вся площадь могильной ямы покрыта листьями бересты. Погребальный инвентарь представлен предметами из кости, металла, дерева и кожи. Туда входят: кожаный мешочек, внутри которого находились астрагалы копытных животных, бронзовый колокольчик, две бляшки из серебристого металла, фрагмент железной пряжки; железные ножницы; костяной игольник и др.

На местонахождении Остров Каменный I раскопано парное погребение взрослого и ребенка. Погребенные уложены на спину, головой ориентированы на юг, вверх по течению р. Ангары. Отсутствует часть костей нижних конечностей и ребер. Надмогильных сооружений нет. Погребенные лежали на берестяной подстилке. Сопроводительный инвентарь представлен изделиями из железа: нож-«пальма», наконечники стрел, кресало, острога, крючки самолова, тесло. Также имеются две бронзовые подвески, мелкие бусинки из бирюзы и трехгранный костяной наконечник.

На территории могильника Усть-Зелинда-2 раскопано четыре подобных погребения [Гришин,

*Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России проект № FZZE-2023-0007.

Марченко, Гаркуша, 2013]. Встречаются как парные, так и одиночные погребения. Всего захоронено шесть индивидуумов. Все погребенные ориентированы головой на юг, вверх по течению р. Ангара. Судя по всему, они помещались на спину. Надмогильные сооружения отсутствуют. Однако в заполнении центральной части погребения № 19 обнаружены три валуна. Следы внутримогильной конструкции фиксируются лишь в погребении № 3 – перекрытия в виде двух обугленных бревен. В погребениях № 3 и № 20 анатомический порядок костей сохранен, в погребениях № 19 и № 24 он нарушен. Также отмечены случаи посмертной манипуляции с черепами погребенных. В погребении № 3 череп отсутствовал полностью, в погребении № 24 находились затылочные кости двух погребенных. В трех погребениях челюсти располагались на удалении от места расположения черепов. Сопроводительный инвентарь немногочислен. В погребении № 20 располагался массивный каменный предмет (предположительно, пест). Остальные предметы нельзя с полной уверенностью соотносить с останками погребенных – это три костяных наконечника; коллекция железных пластин треугольной формы; фрагменты керамических сосудов, декорированные обмазочными валиками.

На территории стоянки Галкина-1 было раскопано 14 подобных погребений [Денисенко, Филатов, 2020]. Все они одиночные. Погребенные ориентированы головой на восток, трупом – лежа на спине. Надмогильные конструкции отсутствуют. В некоторых случаях фиксируются внутримогильные конструкции из дерева, следы использования огня. В детском погребении № 11 была найдена обожженная древесина и береста. В погребениях взрослых также фиксируются древесные угли, фрагменты горелой древесной коры, обожженные кости. В погребениях взрослых анатомический порядок костяков не нарушен, детские погребения имеют явные следы демембрации. Сопроводительный инвентарь разнообразен. Он включает: оружие, в т.ч. копья, кинжалы, наконечники стрел из камня, бронзы, железа, охотничье оружие и предметы снаряжения (пряжки, заклочки и т.д.). В одном из взрослых погребений обнаружено бронзовое зеркало. В детских погребениях № 3 и № 4 часть сопроводительного инвентаря подверглась разламыванию.

Вопрос о характере сосуществования двух погребальных практик пока что остается открытым. Комплекс Проспихинская Шивера датируется исследователями XI–XIV вв. н.э., что соответствует развитому Средневековью. Материалы погребений стоянок Усть-Кода (1990 г.), Чадобец, Отика и Сергушкин датируются в интервале IX–X вв. н.э. и соответствуют раннему Средневековью. Весь комплекс средневековых погребений с Усть-Ковинского могильника датируется VI–IX вв. н.э. [Гревцов, Леонтьев, Дроздов, 2019, с. 101–102]. Для всех характерна кремация на стороне. В свою очередь четыре погребения с Усть-Зелинды-2 относятся к VI–IX в. н.э.; радиоуглеродная дата погребения с Адормы – 1100 ± 90 лет (СОАН-6805), погребения с Галкина-1 датируются X–XIV вв. н.э., а погребение с Острова Каменного I (74 км) – XIV–XV вв. н.э. [Псарев, 2008, с. 87].

*Научный руководитель – Д.Н. Лохов
мл. науч. сотр., инженер-исследователь,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Гревцов Ю.А., Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Могильник Усть-Кова в Северном Приангарье (зона водохранилища Богучанской ГЭС) // Преодоление времени и пространства: Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири. Иркутск: Ин-т географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019. С. 76–103.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н. Средневековые погребения могильника Усть-Зелинда 2 (Северное Приангарье): к проблеме культурной дифференциации и хронологии // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013. № 2. С. 84–91.

Денисенко В.Л., Филатов Е.А. Детские погребения могильника на стоянке Галкина-1 // Актуальная археология 5: Мат-лы Междунар. науч. конф. молодых ученых, Санкт-Петербург, 13–16 апреля 2020 года. СПб.: Невская Типография, 2020. С. 67–71.

Псарев Р.А. Новые данные по объекту археологического наследия Адормы // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул, 2008. С. 87–88.

Сенотрусова П.О. Могильник Проспихинская Шивера-IV как источник для реконструкции погребальной обрядности и социальной структуры населения Северного Приангарья периода развитого средневековья: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 190 с.

Burial Practices of the Middle Ages in the Northern Angara Region

A.D. Torokhova

This article is concentrated on the issue of burial practices of the Middle Ages in the Northern Angara region. It presents two types of burial practices – cremation on the side and inhumation. The prevailing rite is cremation on the side. This article represents materials from such archaeological sites as Ust-Koiva, Ust-Dzelinda-2, Ostrov Kamenny (74 km) I,

Adorma, Galkina-1. The purpose of this article – to systematize the accumulated information on the topic, to determine the characteristic features of these two burial practices and to provide a more detailed description of the burials performed according to the inhumation rite. The article also discusses the question of whether these two burial practices coexisted or whether each of them has its own chronological reference.

Keywords: Middle Ages, Northern Angara region, burial practices, chronology.

Торохова Анна Дмитриевна

магистрант 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: monocystal7@mail.ru

Torokhova Anna Dmitrievna

2nd year master's degree student

Irkutsk State University

e-mail: monocystal7@mail.ru

УДК 904(571.54/.55)''653''

История исследований погребений XII–XIV вв. в Поононье (Юго-Восточное Забайкалье)

З.Ч. Ухинов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова, Иркутск, Россия

Территория Юго-Восточного Забайкалья имеет непосредственное отношение к формированию монгольской исторической общности. Двумя важнейшими центрами формирования были местность Эргунэ-кун (Приаргунье) и Трехречье (район р. Онон, Керулен и Тола). С Поононьем связано множество легендарных мест и памятников, связанных с именем Чингисхана, – гора Большой Батор, падь Делюн-Болдог, мыс Гыдергун и др. Эти места привлекали внимание этнографов и археологов, и особое внимание уделялось погребальным комплексам. Цель данной работы – показать историю исследований погребальных комплексов XII–XIV вв. в долине р. Онон. Отдельно погребения Поононья не становились объектом научного исследования, а только в составе Восточного Забайкалья, куда входят погребения Приаргунья и более северной лесостепной и таежной части (ундугунская культура).

Первые задокументированные погребения исследованы краеведом А.К. Кузнецовым в 1892 г. возле пос. Кубухай. Раскопки трех могил «дали костяки в колодах, бронзовые и железные предметы, остатки шелковой одежды», а у одного черепа была найдена кожаная полуистлевшая шапочка. Способ погребения, по мнению исследователя, отличался от трех известных ему способов в других захоронениях Забайкалья [Кузнецов, 1893, с. 11–13].

Следующий этап исследований начался в 50-х гг. XX в. и был связан с работами двух археологических экспедиций Института истории материальной культуры АН СССР: Советско-Монгольской историко-этнографической, возглавляемой

С.В. Киселевым и Бурят-Монгольской археологической под руководством А.П. Окладникова [Асеев, Кирилов, Ковычев, 1984, с. 15].

В 60-е гг. XX в. археологической экспедицией, работавшей под руководством А.П. Окладникова, были открыты средневековые памятники в долине р. Онон. В 1966 г. на левом берегу р. Онон, напротив с. Чинданта было раскопано 15 монгольских погребений [Там же, 1984, с. 22].

Параллельно археологические исследования в Оловянинском р-не проводил учитель истории оловянинской школы № 235 Р.Н. Ступников. В 1964 г. открыт могильник Малая Кулинда, но пробные раскопки проведены только в 1968 г., было вскрыто два погребения [Ступников, 1968, с. 92]. В 1966 г. в 2 км на юг от ст. Оловянной был раскопан могильник Уламы, включавший 5 погребений [Ступников, 1966, с. 12]. В 1968 г. исследовано одиночное погребение в пади Кулинда, рядом с Малой Кулиндой [Ступников, 1968, с. 90]. В пади Соцал был обнаружен и исследован могильник из 3 погребений [Там же, с. 92]. В 1972 г. Р.Н. Ступников исследовал детское захоронение в пади Берёзиха, выходящей к устью р. Унды. Еще одно погребение раскопано в могильнике Кислый ключ II, в долине одного из левых притоков р. Улятуй.

Дальнейшие планомерные и целенаправленные раскопки были продолжены Верхнеамурской археологической экспедицией (далее – ВАЭ) под руководством И.И. Кириллова и Е.В. Ковычева. Участниками экспедиции было исследовано около 70 погребений в среднем течении р. Онон и ее притоков: р. Турга, Борзя, Малая Кулинда, Кислый ключ.

В 1968–1969 гг. у с. Ононск были вскрыты 4 погребения. В одном из них костяк лежал в нестандартном полускорченном положении на левом боку [Ковычев, 1981, с. 73]. В 1974 г. 2 погребения раскопаны у с. Чинданта: первое принадлежало взрослому человеку, второе ребенку [Там же, с. 74]. В 1976 г. у с. Чиндалей, в местечке Амаголон в Дульдургинском р-не было исследовано одиночное мужское погребение [Там же, с. 76].

В 1979 г. во время охранно-спасательных работ в зоне строительства Харанорской ГРЭС раскопаны могильники Улан-Хада I и Благодатный, расположенные к северо-западу от пос. Ясногорск [Ковычев, 1979, с. 10–28]. Монгольские погребения находились на периферии раннесредневековых могильников (бурхотуйская и дарасунская культуры). Также было раскопано 27 погребений в могильнике Малая Кулинда. В 1980 г. охранно-спасательные работы были продолжены на могильниках Улан-Хада III (3 погребения) и Ясногорск IV (1 погребение) [Ковычев, 1980, с. 5–20]. Также исследовано одиночное погребение на 6453 км Забайкальской железной дороги, на р. Турге.

В 1984 г. два захоронения раскопаны у с. Усть-Борзя, в могильнике Улугуй I [Ковычев, Беломестнов, 1988, с. 142]. Е.В. Ковычев датировал данные погребения XI–XII вв. и отнес их к представителям тюркского населения, находившимся в подчинении у монголов. В 1985 г. исследовано по одному погребению в могильниках Соцал II, III, Чинданта I, IV. Также было раскопано одиночное погребение-кенотаф между могильниками Чинданта I и II [Ковычев, 1985, с. 3–15].

В середине 1990-х гг. ясногорский краевед и учитель истории А. Лоскутников открыл и исследовал могильник Ранет I, в 2 км к северо-западу от пос. Ясногорск [Ухинов, 2022, с. 151]. В состав могильника входят 3 погребения: два монгольских, а третье – более раннее по времени.

В 1996 г. ВАЭ исследовано в могильнике Малая Кулинда еще 9 погребений [Литвинцев, Нестеренко, 1997, с. 85]. В 2002 г. раскопана отдельная группа захоронений в Малой Кулинде, располагавшихся северо-восточнее от основного могильника. Эти погребения выделены в отдельную группу и датированы Е.В. Ковычевым XI–XII вв. по характерному инвентарю [Ковычев, 2004, с. 195]. В 2003 г. на левом берегу р. Онон, у с. Кусочи (Могойтуйский р-н) было раскопано 9 погребений и жертвенно-поминальных комплексов [Ковычев, Душечкина, 2004, с. 256]. В 2003 г. было раскопано одиночное погребение на р. Аге, в 7 км к северо-востоку от ст. Ага.

Большая часть погребений в Поононье изучены в 1960–1980 гг. в период активного развития советской науки. Большую роль в накоплении ар-

хеологического материала и информации сыграли исследования ВАЭ под руководством И.И. Кириллова и Е.В. Ковычева.

*Научный консультант – И.В. Уланов
канд. ист. наук,
Иркутский государственный университет*

Источники

Ковычев Е.В. Научный отчет о полевых исследованиях в зоне строительства и затопления Харанорской ГРЭС в 1979 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1, Р-1, 7823. 112 л.

Ковычев Е.В. Научный отчет о полевых исследованиях в зоне строительства и затопления Харанорской ГРЭС в 1980 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1, Р-1 8018. 173 л.

Ковычев Е.В. Научный отчет о полевых исследованиях в Поононье в 1985 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1, Р-1 11110. 51 л.

Ступников Р.Н. Научный отчет об археологических изысканиях в бассейне р. Онон в 1966 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1, Р-1, 3257. 38 л.

Ступников Р.Н. Отчет об археологических разведках по р. Онон Читинской области в 1968 году. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1, Р-1, 3724. 36 л.

Список литературы

Асеев И.В., Кирилов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья / Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981. С. 73–79.

Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И. Погребения с конем из Поононья: хронология и этническая принадлежность // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ, 1988. С. 142–155.

Ковычев Е.В. Раннемонгольские погребения из могильника Малая Кулинда // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. Вып. 2. С. 181–196.

Ковычев Е.В., Душечкина Т.А. Монгольские погребения Поононья (новые материалы по погребальному обряду древних монголов) // Традиционные культуры и общества Северной Азии. Кемерово, 2004. С. 256–257.

Кузнецов А.К. Археологические изыскания в Ю. В. части Забайкалья летом 1892 г. // Известия ВСОИРГО. 1893. Т. 24, № 2. С. 1–13.

Литвинцев А.Ю., Нестеренко В.В. Новые исследования монгольских погребений в пади Малая Кулинда // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII РАЭСК. Красноярск, 1997. С. 84–85.

Ухинов З.Ч. Погребение XII–XIV вв. в пади Ранет (Юго-Восточное Забайкалье) // Материалы LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Красноярск, 2022. С. 151–153.

History of Research of Burials of the XII–XIV Centuries in Poononye (South-Eastern Transbaikalia)

Z.C. Ukhinov

The article presents the history of studies of the burials of the Mongols of the 12th–14th centuries. The territory of South-Eastern Transbaikalia is directly related to the formation of the Mongolian historical community. The two most important centers of formation were the Ergune-kun area (the Argun River) and the Three Rivers (the Onon, Kerulen and Tola rivers). Many legendary places and monuments associated with the name of Genghis Khan are associated with Poonony – Mount Big Bator, Delyun-Boldog Pad, Gydergun Cape, etc. These places attracted the attention of ethnographers and archaeologists. Systematic and purposeful excavations were carried out by the Upper Amur Archaeological Expedition (UAE). The expedition was led by I. I. Kirillov and E. V. Kovychev. 71 burials were investigated in the middle reaches of the river. Onon and its tributaries: rivers and streams Turga, Borzya, Malaya Kulinda, Kulinda, Kislyy klyuch.

Keywords: Southeast Transbaikal, Onon river, burial complexes, porcelain, Mongols.

Ухинов Зорикто Чимитдоржиевич

стажер-исследователь

Иркутский государственный университет

науч. сотр.

Музей истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова

e-mail: zorikto-ukhinov@mail.ru

Ukhinov Zorikto Chimitdorzhievich

Trainee Researcher

Irkutsk State University

Researcher

A.M. Sibiryakov Museum of the History of Irkutsk

e-mail: zorikto-ukhinov@mail.ru

УДК 902.01(571.150)“653”

Керамическая коллекция стоянки Историческая в Красноярске

А.Д. Харланович

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В статье публикуются материалы из раскопок выявленного объекта археологического наследия «Красноярск. Стоянка Историческая». Памятник был открыт сотрудником ЛАЕС З.Ю. Жарниковым в 2021 г. Стоянка находится на II надпойменной 20-метровой террасе левого берега р. Енисей, в 460 м от русла берега р. Енисей. Площадь территории памятника составила 642 м². Работы производились весной 2022 г. Красноярским отрядом АЭ СФУ в центре города Красноярска на месте городского квартала с римско-католическим костелом. К началу работ на территории объекта был снесен деревянный дом, от которого остались ямы погребов и участки фундамента.

В 1903 г. здесь размещался открытый склад леса и площадка по обработке древесины. Застройка домами началась позднее. В дореволюционный период здесь был возведен склад с каменными стенами и доходный деревянный дом. Первый культурный слой датируется концом XIX – началом XX в. и связан со временем освоения территории города. Среди находок с данного слоя выделяется керамическая гончарная, стеклянная, фаянсовая посуда, также изделия из железа и кости животных. Второй культурный слой датируется концом III – II тыс. до н.э.

Посуда представлена фрагментами от 69 сосудов, из них 38 изделий из фаянса и фарфора,

остальное – гончарные изделия. Сосуды выделены по сохранившимся венчикам. Посуда представлена такими категориями: кухонная, столовая, техническая, тарная.

Кухонная посуда представлена горшками (21 экз.). Толщина стенок сосудов от 0,5 до 1,7 см. Девять изделий покрыты глазурью коричневого и зеленого цвета. На шейке пяти горшков горизонтальные прочерченные линии, на двух сосудах коричневого цвета есть наклепная лента. Шесть экземпляров покрыты глазурью бежевого цвета. На шейке четырех бежевых горшков горизонтальные прочерченные линии. Аналогии были обнаружены в Красноярске на памятнике Успенского монастыря, датируемого концом XIX – XX в. [Бирюлева, Титова, 2017, с. 116–127]. Также аналогичные сосуды есть на подворье Летнего дома архиерея и датируется концом XIX – первой третью XX в. [Мандрыка и др., 2021, с. 1139–1153].

Один горшок обработан лощением. Чернолощенная керамика распространяется на территории современной Европейской России с конца XV – начала XVIII в. [Коваль, 2016, с. 85]. Распространение данный вид обработки в Красноярской лесостепи получил в XVIII–XIX вв.

Внешняя поверхность шести сосудов ничем дополнительно не обработана. На шейке трех присутствуют горизонтальные линии. На одном сосуде

есть наклепная лента и горизонтальные линии на венчике. Аналогии по форме изделия прослеживаются на памятниках русского комплекса Омского Прииртышья [Татаурова, 2015, с. 142–154]. На Красноярском острове аналогичная посуда датируется XVI–XVIII вв. [Николаева, 1963, с. 115–123].

Столовая посуда (37 изделий). Тарелки и блюда (22 экз.) из фарфора и фаянса. Блюдце белого цвета. На донышке сохранилось клеймо «ФАБРИКА И.Д. ПЕРЕВАЛОВА ВЪ ИРКУТСКЪ». Блюдце изготовлено на фабрике братьев Переваловых в Иркутске в период с 1870 – начало XX в. [Заводы Переваловых ...]. Фрагмент длиной 11,4 см, шириной 6 см.

Найдено фаянсовое блюдо, которое украшено горизонтальной линией оранжевого цвета, под которой изображены крупные оранжевые цветы и зеленые листья. Сохранился фрагмент клейма синего цвета «ГЛАВФАР... Д». Блюдце изготовлено на Главфарфорфаянсе РСФСР. Данное клеймо применялось на заводе 1940–1946 гг. Фрагмент длиной 11,4 см, шириной 7,6 см.

Обнаружена тарелка. Край тарелки волнистой формы. Тарелка белая, у края и ниже нарисованы три горизонтальные линии серо-коричневого цвета. Сохранилось клеймо «М.С. КУЗНЕЦОВЪ в Будахъ», также на клейме есть герб. Тарелка изготовлена в конце XIX в. [Клейма...]. Фрагмент длиной 15,4 см, шириной 12,3 см.

Фаянсовая тарелка, по контуру изображена горизонтальная синяя линия, чуть ниже тонкая серая. На изделии клеймо «Foreign made», такие использовались для экспортного фарфора и являлись маркой Дмитровского фарфорового завода в Вербилках. Тарелка изготовлена в период с 1917 по 1940 г. [Экспортные марки...]. Тарелки диаметром 20,4 см, высотой 1,8 см.

Кружки (13 экз.) из фаянса. На пяти изделиях присутствуют горизонтальные линии в зеленых, синих, коричневых и черных цветах.

Одна фаянсовая кружка имеет геометрический рисунок синего и золотого цвета, на тулове изображен растительный орнамент тех же цветов. Высота кружки 5,5 см.

Фаянсовая кружка с профилированной шейкой, на тулове которой изображен голубой цветок и зеленые листья и стебельки. Диаметр верха кружки 8,4 см.

Обнаружен фрагмент из фарфора. Внешняя часть украшена рисунком в японском стиле. Нарисован красно-бежевый мост, по которому идут три человека в традиционной японской одежде, фон рисунка голубой. Размеры фрагмента 3,2 × 3,0 × 0,2 см.

Фаянсовая сухарница с плетеными стенками. Цвет белый, на дне изображены разноцветные цве-

ты и листья. Имеется зеленое клеймо «...РО...У... ЯИ... за... КУРО...». Длина сухарницы 8,6 см, ширина 6,4 см, высота 4,1 см.

Фрагмент дна и стенки глазурированной миски бежевого цвета. Длина фрагмента 9 см, ширина 7,8 см.

Техническая посуда (2 сосуда). Среди них целый цветочный горшок, глазурированный, рыжего цвета, внутренние стенки с коричневыми краплениями. Под венчиком горизонтально прочерчена линия. На дне присутствует отверстие. Диаметр дна горшка 4,7 см, диаметр венчика 8,1 см, высота сосуда 7,4 см.

Фаянсовая крышка круглой формы. Кончик крышки отколот. На внешней стороне изображение фиолетового цветка с зелеными листьями и коричневым стеблем. Диаметр крышки 6,5 см, высота 2 см.

Посуда для хранения представлена крынками (5 экз.). Все они глазурированные, цвет поливы от зеленого до оранжево-коричневого. На четырех крынках отмечены горизонтально прочерченные линии.

Можно заметить, что различия в количестве фрагментов кухонной и столовой посуды незначительное, следовательно, можно говорить о спросе данных категорий посуды в применении для ведения хозяйства на данной территории. После чего идет уже посуда для хранения, а затем техническая посуда.

ВОАН «Красноярск. Стоянка Историческая» находится на территории «Исторического квартала». Документальное подтверждение заселения территории квартала относится к середине XIX в. Связано это с развитием города в западном направлении, когда в 40-х г. XIX в. появившиеся в Красноярске золотопромышленники стали селиться к новой Новособорной площади. Первые каменные строения здесь появляются не ранее 1844 г. Речь идет об усадьбе статского советника И.И. Галкина. В 1870-е гг. усадьба перешла Енисейской духовной консистории, а в 1930-е гг. здесь был военкомат. В советский период застройка этой территории не велась.

Проведя анализ коллекции, можно сделать вывод о том, что некоторые представленные изделия аналогичны керамике, найденной на памятниках Красноярска. Для этой керамики характерны такие признаки как высокие, прямые венчики. Преобладают сосуды с профилированной или прямой шейкой. Если говорить о датировке памятника, то глазурированные сосуды датируются концом XIX – началом XX в., датировка фарфоровых изделий определяется с 1870 по 1946 г.

*Научный руководитель – П.О. Сенотрусова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр., доцент,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

Бирюлева К.В., Титова Ю.А. Археологические материалы Успенского монастыря конца XIX – XX в. в г. Красноярске // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: СФУ, 2017. С. 116–127.

Заводы Переваловых 1869–1920. Антиквариат и Коллекционирование. URL: <https://www.antik-forum.ru/forum/showthread.php?t=8160> (дата обращения: 08.03.2023).

Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН, 2016. 128 с.

Клейма Кузнецовского фарфора с 1810 г. по 1917 г. Лермонтов. Антикварная площадка. URL: <https://lermontovgallery.ru/spravochnik-antikvariata/kleyma-kuznetsovskogo-farfora/> (дата обращения: 08.03.2023).

Мандрыка П.В., Вдовенкова М.В., Сенотрусова П.О., Комарова О.С., Титов Е.В. Археологические исследования подворья Летнего дома архиепископа // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки, 2021. Т. 14. С. 1139–1153.

Николаева И.Б. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края: Археология. Красноярский краевой музей. Красноярск: Книж. изд-во, 1963. С. 115–123.

Татаурова Л.В. О типологии русской керамической посуды XVIII в. // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. М.: ИА РАН, 2015. С. 142–54.

Экспортные марки советской фаянсовой посуды 1920–1930-х годов. Журнал Коллекция. URL: <https://sammlung.ru/?p=21476> (дата обращения: 08.03.2023).

Ceramic Collection from the Site Historical in Krasnoyarsk

A.D. Kharlanovich

As a result of archaeological work, Z.Y. Zharnikov collected a collection of archaeological material on the territory of the Historical Site in 2022. This article provides calculations, description and classification of the discovered ceramics. The article also draws materials from monuments of the Russian population on the territory of Siberia. Namely, the Krasnoyarsk prison, from the courtyard of the Summer House of the bishop, the Assumption Monastery in Krasnoyarsk and from the monuments of the Omsk Irtysh region, analogies are traced in the finds from these monuments, the conclusion is made about the age of the materials found.

Keywords: Krasnoyarsk, Russian archaeology, ceramics, typology.

Харланович Анжелика Дмитриевна
студент 4-го курса
Сибирский федеральный университет
e-mail: kharlanovich00@mail.ru

Kharlanovich Anzhelika Dmitrievna
4th year student
Siberian Federal University
e-mail: kharlanovich00@mail.ru

УДК 902/904(571.13) 4/10

Потчевашская культура в Среднем Прииртышье: реконструкция социокультурной истории

И.Е. Шефер

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

Потчевашская культура существовала на территории Западной Сибири в период с IV–V вв. по IX – начало X в. н.э. Значительную роль в формировании потчевашской культуры сыграли мигрировавшие в Прииртышье представители кулайской культуры. Они вступили в контакт с местными представителями саргатской культуры, оставшимися после Великого переселения народов, и богочановской культуры [Коников, 2005, с. 53]. В своем развитии потчевашская культура пережила два этапа: сперановский (IV–VI вв. н.э.) и горносталевский (VII – начало X в. н.э.). Население потчевашской культуры связывают с южными хантами. По антропологической характеристике потчевашцев

можно отнести к уральской подгруппе монголоидной расы.

Сперановский этап характеризуется бурным развитием, включающим в себя синтез компонентов предшествующих культур. В это же время нарастала военная мощь потчевашцев, развивалось железолитейное, бронзолитейное, ткацкое и керамическое производства. Основой хозяйства выступало скотоводство с высокой ролью охоты, рыболовства и собирательства. В культурном слое памятников потчевашской культуры встречаются кости мелкого и крупного рогатого скота и лошади. Основным орудием охоты являлся лук со стрелами. На памятниках потчевашской культуры обнаружены

двухлопастные черешковые наконечники, редко встречались болтовидные наконечники, использовавшиеся для охоты на копытных и пушную дичь. Б.А. Конилов говорит о практике использования самострелов с крупными наконечниками. Также обнаружены и гарпуновидные наконечники для орудий, использовавшихся для ловли рыбы [2005, с. 60].

Керамический комплекс этапа представлен горшками и чашами, по функциям сосуда делились на кухонные, бытовые, ритуальные и для «загробного мира». Последний вид сосудов отличался меньшими размерами. Орнамент представлен ямками, нарезками, желобками и различными отгисками гребенчатого штампа [Там же, с. 61].

Исследователь металлургии потчевашской культуры Н.М. Зиняков сделал вывод, что потчевашские ремесленники были высокопрофессиональными мастерами, способными изготавливать различного рода изделия [1997, с. 116–117]. Железолитейное производство представлено находками различных предметов: ножей, кинжалов, стремян, пряжек и наконечников стрел. Основным сырьем для производства низкосортного железа был сидерит и лимонит (болотная руда).

Бронзолитейное производство можно разделить на две составляющие: производство украшений и культовое литье. Культовое литье в свою очередь представлено антропо-, зоо- и орнитоморфными изображениями на бляшках и подвесках. Антропоморфные изображения представлены в основном личинами мужчины монголоидной внешности, чаще всего в шлеме. Иногда встречались подвески, на которых над головой человека помещалось изображение «ящера» или змеи. Основными орнитоморфными изображениями на бляшках и подвесках была сова или филин. Если провести аналогию с мифами современных хантов, то облик совы был представлен как богиня-жизнедательница Анки Пигос, ведавшая рождением детей и посылавшая их в чрево женщин [Мифы..., 1990, с. 16–18]. Зооморфные изображения связаны с культом коня и культом медведя.

О наличии культа медведя свидетельствует находка на погребении № 6 Окунево Могильник III (д. Окунево, Муромцевский р-н, Омская обл.). Здесь была найдена бронзовая подвеска с изображением медвежьей головы между когтистых лап. Это позволяет предположить, по аналогии с этнографическими материалами, что носителям потчевашской культуры был известен «медвежий праздник», суть которого заключалась в семидневном ритуале, включавшем коллективное поедание мяса животного, песни и танцы. Культ коня представлен находками подвесок с изображениями лошади, наличием костей животного и элементов конской сбруи

в погребениях и керамических фигурок лошади, обнаруженных на поселениях. Также в потчевашской культуре существовал культ огня, сохранившийся с кулайских времен, выраженный, в частности, в кремации умерших [Конилов, 2005, с. 66–67].

Памятники потчевашской культуры размещены неравномерно: в лесостепной полосе памятники представлены скудно, для южно-таежной полосы, наоборот, характерно плотное размещение памятников. В потчевашской культуре Б.А. Кониловым было выделено четыре типа городищ – мысовые, террасные, контурные и на останках [2007, с. 49–51]. Городища и поселения размещались на ровных площадках речных террас или на мысах так, чтобы с одной или нескольких сторон была естественная преграда. Укрепления состояли из рва и вала.

Начиная с VII в. (горносталевский этап) на территорию Среднего Прииртышья начинают проникать тюркоязычные кочевники, что оказало влияние на носителей потчевашской культуры. В первую очередь изменения коснулись военного дела и фортификаций. Оборонительные линии городищ усложнились по структуре, они стали состоять из вала, рва и еще одного дополнительного внешнего вала. Подобная система укреплений была встречена нами при обследовании памятников городище Бергамак VI (Муромцевский р-н, Омская обл.). Б.А. Конилов выделяет еще один элемент оборонительной системы – дозорные башни, которые венчали вал и в основании состояли из смежных бревенчатых «клеток», засыпанных землей [2005, с. 64].

Новаии в вооружении этого периода представлены стрелами с железными втульчатыми наконечниками. Это были трехлопастные и граненые стрелы, отличающиеся своей бронебойной силой и скоростью полета. Граненые (болтовидные) стрелы применялись для поражения железного чешуйчатого доспеха противника. В ближнем бою воин пользовался копьем с железным наконечником и железными ножами с длинным и прочным лезвием [Могильников, Конилов, 1983, с. 162–182].

Основу потчевашского войска составляли пешие воины, но были и всадники. На это, например, указывает находка железного стремени на Мурлинском I городище (Муромцевский р-н, Омская обл.) и многочисленные погребения с останками лошадей. Анализируя такие находки, Б.А. Конилов приходит к выводу, что, скорее всего, на конях восседали вожди и богатыри [2005, с. 65]. На наш взгляд потчевашское общество подчинялось, в исторической терминологии, «князю», на службе которого были «дружинники» (богатыри) и ополчение, защищавшие население от набегов врага.

В потчевашской культуре прослеживается иерархическая структура общества. Мы представ-

ляем ее так: князь – воеводы – дружинники – шаманы и служители культа – ремесленники – простое население. Категорию ремесленников можно поделить по сферам производства: металлурги-кузнецы, кожевники, ткачи, деревообработчики, охотники и рыболовы и т.д. По-нашему мнению, существовало разделение труда по половому признаку. Мужчина занимался войной, охотой, рыбалкой, выделкой кожи, деревообработкой, кузнечным делом и т.п. Женщина занималась приготовлением пищи, лепкой керамической посуды, собирательством, ткачеством, пошивом одежды. Более четко представить подобную структуру пока можно только гипотетически из-за недостаточной разработанности источников по данному вопросу.

Таким образом, потчевашская археологическая культура, на наш взгляд, является «слепком» сложной социокультурной общности раннего Средневековья. Можно констатировать, что она не выдержала экспансии населения степи и прекратила свое существование. Возможно, часть населения была

вытеснена в зону южной тайги и стала основой для формирования усть-ишимской культуры развитого Средневековья.

*Научный руководитель – М.А. Корусенко
канд. ист. наук, доцент,
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

Список литературы

Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 276 с.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: Наука, 2007. 466 с.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в эпоху средневековья. Омск: Наука, 2005. 244 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной, под общ. ред. Е.С. Новик. М.: Наука, 1990. 568 с.

Могильников В.А., Коников Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. Т. 2. С. 162–182.

Potchevash Culture in the Middle Irtysh Region: Reconstruction of Socio-Cultural History

I.E. Shefer

The article examines the socio-cultural history of the Potchevash culture. This socio-cultural community existed in the early Middle Ages on the territory of the Middle Irtysh region of Western Siberia in the period from the IV–V centuries to the IX – beginning of the X century AD. The culture was formed on the basis of Kulai, Sargat and Bogochanov elements. This culture has two stages of development: Speranovskaya and Gornostalevskaya. Various ways of cultural development in pre-Turkic and Turkic times, traced in economic, handicraft and military affairs, are noted. The article also attempts to analyze the socio-cultural structure of the Potchevash culture on the basis of known data and attempts to isolate the hierarchical structure of society. The aim of the work is to reconstruct the socio-cultural history of the Potchevash culture.

Keywords: Western Siberia, Middle Irtysh region, the Middle Ages, Potchevash culture, socio-cultural history.

Шефер Иван Евгеньевич

студент 4-го курса

Омский государственный университет

e-mail: ivan.schefer.01@mail.ru

Schefer Ivan Evgenievich

4th year student

Omsk State University

e-mail: ivan.schefer.01@mail.ru

УДК 904(571.61)

Положение и сохранность костных останков на памятнике «Сергеевка, городище-4» в Западном Приамурье с точки зрения тафономического подхода

Е.В. Шкуратова

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

При проведении археологических исследований конечной целью является наиболее полное изучение и реконструкция исторических процессов, что требует постоянного внедрения в науку новых методов и подходов. Одним из них стал тафоно-

мический подход (taphonomic approach), впервые использованный во Франции. Тафономический подход, или археотанатология (archaeothanatology), изучает пространственное расположение элементов скелета в могиле с целью выявления погребаль-

ных практик, которые в противном случае были бы незаметны [Green, 2018, p. 1].

Исследования российских археологов с применением обозначенного подхода при изучении захоронений встречаются редко. Это приводит к тому, что потенциально ценные свидетельства погребальной практики упускаются.

В представленном материале на примере захоронения, найденного на памятнике археологии «Сергеевка, городище-4», осуществляется попытка реконструкции причин нарушения анатомического положения костных останков с использованием тафономического подхода.

В результате первых систематических раскопок городищ даурского типа – памятников, которые до сих пор обнаружены только на территории Амурской области [Волков и др., 2021, с. 378], – в центральной его части было зафиксировано захоронение женщины 35–40 лет, произведенное в деревянном гробу (187 × 52 см). Размеры могильной ямы составили 221 × 87 см [Волков и др., 2022, с. 454–455].

Элементы скелета располагались в разрозненном состоянии, преимущественно в южной части погребения. Подобная картина не может быть результатом естественных нарушений, происходящих с телом после захоронения [Green, 2018, p. 12]. Этим объясняется необходимость детального исследования зафиксированных костных останков, из которых определяются череп с нижней челюстью и зубами, один позвонок шейного отдела, восемь ребер, кости верхних конечностей (исключая кисти), фрагмент тазовой кости, бедренные кости, фрагменты больше- и малоберцовой кости [Волков и др., 2022, с. 455], фрагменты обеих лопаток и ключиц.

Нижняя челюсть оказалась смещена максимально к юго-востоку внутри гроба, отдельно от остального черепа, который лежит на боку и к которому прилегает одна из бедренных костей. Ребра рассредоточены по южной части, два из них упираются изнутри в верхнюю челюсть, три ребра имеют вертикальное положение. Плечевая кость передвинута в северо-восточном направлении и расположена под острым углом к поверхности гроба. Локтевая кость встречена еще севернее и обладает наименьшей глубиной залегания.

Одна из ключиц была перемещена в нору животного вместе с металлическим кольцом, второе, похожее, было найдено внутри погребения. Кроме описанных колец в погребении найдено металлическое кресало, иные предметы отсутствовали [Там же, с. 455]. Фиксация костных останков в таком состоянии позволяет сделать предположение об одновременном воздействии

различных природных факторов на тело после скелетирования.

Памятник расположен на берегу ручья Гипкос, который впадает в амурскую протоку Глухую. В периоды сильных паводков на р. Амур он уходит под воду, что фиксируется в стратиграфических разрезах раскопанного объекта. При этом во время паводка поднимается и уровень грунтовых вод, что теоретически могло стать причиной перемещения костей внутри гроба в древности. Так, в 2021 г. непосредственно перед началом раскопок памятник оказался под водой, тогда была изучена северо-западная часть памятника, включая угловую башню и обрамляющие валы и рвы. В процессе работ выбранные до дна рвы быстро заполнились грунтовой водой на глубину до 30–40 см [Волков и др., 2021, с. 384]. При сопоставлении глубины залегания костных останков в погребении с глубиной появления грунтовых вод, зафиксированных в раскопе 2021 г., стало ясно, что последние, скорее всего, не достигали уровня дна могилы, разница в высотах составляет 50–70 см.

Рассматривая затопление могилы поверхностными водами, необходимо обратиться к данным литературы по судебной медицине. Труп, похороненному в суглинке на глубине 1–3 м, требуется 15 лет для полного разложения, гроб будет оставаться относительно целым не менее 10 лет [Aspöck, 2011, p. 306]. Используя подобную информацию, стоит понимать, что определение времени разложения нуждается в сборе большого количества данных, как минимум породы дерева, состояния костей, различных показателей почвы, и их сравнения с экспериментальными сведениями, актуальными для региона. В большей степени такая информация не может быть получена для рассматриваемого объекта. В связи со сказанным современное положение костей частично может определяться затоплением могилы в древности.

Кроме того, в южной части захоронения встречено антропогенное нарушение, которое представляет собой врезку размером 50 × 50 см, берущую свое начало со второго условного горизонта и продолжающуюся до дна гроба. Нарушение не относится к повторному вскрытию могилы в древности, оно носит поздний характер и является единственным относительно современным вмешательством [Волков и др., 2022, с. 454]. При этом можно говорить о его «прицельном» характере – врезка четко вписывается в южную часть гроба, не разрушает смежные с нею стены и дно. Это может указывать на осведомленность копателя о месте расположения захоронения, возможно, ранее им были проведены подобные вскрытия на других городищах.

Врезка с понижением глубины постепенно расширяется и захватывает около $\frac{1}{4}$ захоронения. Не совсем понятна цель вскрытия, с учетом найденных артефактов можно предположить, что ею было разграбление. Вместе с тем следы проникновения прослеживаются только в южной части, типичная картина, когда нарушение скелета происходит только в области проникновения, не наблюдается [Гришин, 2016, с. 77].

Само по себе вскрытие захоронения антропогенной врезкой породило возможные причины изменения положения и состояния костяка. В могилу попал кислород, что ускорило разложение [Aspöck, 2011, p. 306]. Врезка по стратиграфическим наблюдениям не засыпалась, какое-то время находилась открытой, заливалась дождями и испытывала на себе влияние солнца.

Таким образом, имеющиеся данные не позволяют достоверно определить значение каждого фактора в исследуемом погребении, установить первоначальное положение скелета или утверждать, что захоронение было совершено по первичному обряду. В заполнении захоронения найдены следы гниения органики, но признание первичного захоронения основывается исключительно на наблюдении анатомических связей – в первую очередь, сохранения анатомического положения лавибельных суставов, т.е. соединений, теряющих связь с другими суставами в относительно короткий промежуток времени [Adam, 1992, p. 59].

Для данного погребения можно точно исключить вариант повторного вскрытия с целью ритуальных действий и, с большой вероятностью, отбросить версию с поднятием грунтовых вод. В целом наиболее убедительной причиной перемещения костных останков является антропогенное вмешательство. Продолжить размышления о способе погребения и повреждениях на горо-

дищах даурского типа позволит их дальнейшее исследование.

*Научный руководитель – Д.П. Волков
директор,
ЦСН Амурской области,
науч. сотр.,*

*Амурская лаборатория археологии и этнографии
ИАЭТ СО РАН*

Список литературы

Волков Д.П., Крючко Е.И., Мохарь В.А., Вальченко В.Е., Нестеров С.П., Шеломихин О.А., Шиповалов А.М., Шульмин Р.А. Результаты раскопок городища даурского типа в Западном Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 28. С. 451–458.

Волков Д.П., Крючко Е.И., Мохарь В.А., Нестеров С.П. Первые результаты раскопок городища даурского типа в Западном Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 27. С. 377–384.

Гришин А.Е. Преднамеренно нарушенные погребальные комплексы одиновского некрополя Сопка-2/4А (бронзовый век Обь-Иртышского междуречья) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2016. с. 72–83.

Adam F. La fouille de Saint-Remy-la-Calonne: une opération d'archéologie funéraire expérimentale, ou l'anthropologie de terrain en quête de ses références // Les Nouvelles de l'Archéologie. Paris. 1992. N 48/49. p. 59–61.

Aspöck E. Past 'Disturbances' of Graves as a Source: Taphonomy and Interpretation of Reopened Early Medieval Inhumation Graves at Brunn Am Gebirge (Austria) and Winnall II (England) // Oxford J. of Archaeology. 2011. Vol. 30, is. 3. P. 299–324.

Green E.C. What are we missing? An archaeoethanological approach to late Anglo-Saxon burials: PhD thesis. Sheffield, 2018. 410 p.

The Position and Preservation of Bone Remains on the Monument of the Upper Amur Region "Sergeyevka, Hillforts-4" from the Point of View of the Taphonomic Approach

E.V.Shkuratova

The article attempts to reconstruct the causes of the violation of the anatomical position of bone remains using a taphonomic approach on the example of a burial found at the archaeological monument "Sergeyevka, hillfort-4". The available data did not allow us to reliably determine the significance of each factor in the studied burial. The option of reopening for the purpose of ritual actions and the option of raising groundwater was excluded. Further studies of Daurian-type hillforts will allow us to continue thinking.

Keywords: anthropogenic disturbance, archaeoethanatology, violation of the anatomical position of bones, taphonomic approach, Daurian-type hillforts, Upper Amur River region.

Шкуратова Елена Васильевна

студент 3-го курса

Благовещенский государственный педагогический университет

e-mail: shkuratova1333@gmail.com

Shkuratova Elena Vasilyevna

3rd year student

Blagoveshchensk State Pedagogical University

e-mail: shkuratova1333@gmail.com

Результаты археологических исследований некрополей около средневекового Пенджикента

Л.Х. Элмуродов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Пенджикент является одним из важнейших исторических городов Центральной Азии. Он находится в северо-западной части Таджикистана, на левобережье р. Зеравшан, в 60 км к востоку от г. Самарканда. Археологический комплекс Пенджикента располагается в юго-восточной части современного города. Началом археологического изучения Таджикистана и Пенджикента, в частности, стала организованная в 1946 г. Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция под руководством чл.-кор. АН СССР А.Ю. Якубовского [Якубовский, 1950, с. 32]. Первые годы для полевых сезонов характерна работа разведочных групп на территории долины Зеравшана. В результате выяснилось, что городище древнего Пенджикента состоит из четырех частей: цитадель (дворец или резиденция правителя), шахристан (городская часть), рабад (загородные домовладения) и некрополь. Город существовал в V–VIII вв. В 721 г. он был частично разрушен и захвачен арабскими завоевателями. В конце VIII в. жители оставили Пенджикент [Распопова, 1993, с. 7–8; Аминов, 2018, с. 243–247].

Средневековый некрополь находился к юго-западу от городища. Он насчитывал ок. 70 холмиков, образовавшихся в результате разрушения и отекаания надгробных сооружений, называемых наусами. Наусы – места хранения омытых и очищенных костей [Борисов, 1940, с. 301–311]. Согласно традициям зороастризма, умерших людей не хоронили и не кремировали. Тела покойников оставляли на открытых местах, чтобы хищники и птицы могли удалить мясо с трупа. После этого оставшиеся кости собирали, клали в специальные емкости, называемые оссуариями, и хранили в наусах.

Цель данной публикации – представить результаты археологических работ на некрополях около Пенджикента, раскопки которого начались в то же самое время, когда проходили исследования городища.

Первые годы руководил экспедицией Б.Я. Ставиский. Главной задачей запланированной деятельности стало выявление основных черт погребального обряда средневекового Согда и Пенджикента [Ставиский, Большаков, Мончадская, 1953, с. 64–99]. В результате работ 1948–1950 гг. удалось вскрыть остатки 29 наусов, которые были разных размеров и формы (квадратными и прямоугольными).

Они были построены из пахсовых (глинобитных) блоков и сырцового кирпича.

В 1975–1976 гг. исследования на некрополе возобновились. Раскопками, которые были продолжены в западной части, руководил Д. Довутов. В 1 км к юго-востоку от городища, в местности Дашти Урдакон, был обнаружен другой могильник. Изучение его осуществлялось под руководством Г.В. Длужневской. В результате исследованы восемь могил, в которых находились останки 13–14 погребенных. Один из найденных могильников был отнесен к бронзовому веку, остальные погребения датированы началом VIII в. [Беленицкий, Маршак, Распопова, 1980, с. 213–246].

В 1981–1982 гг. после пятилетнего перерыва были продолжены исследования могильника Дашти Урдакон. В этом сезоне открыты и изучены семь погребальных сооружений. В одном из них было обнаружено погребение девочки с бронзовыми кольчатыми серьгами и крестиком на шее. Крестик четырехконечный с расширяющимися концами, с гнездом для вставки посередине. Такие изделия были также найдены в Самарканде. Эти находки свидетельствуют, что в средневековом Пенджикенте, кроме зороастризма, существовало и христианство [Беленицкий, Маршак, Распопова, 1988, с. 149–186].

В результате работ на некрополе средневекового Пенджикента в каждом наусе найдены разные керамические оссуарии. Часто их поверхность орнаментировалась. Обнаружены крышки оссуариев. Осуществленные раскопки являются первыми полевыми исследованиями оссуарных погребений на территории Согда, описание которых стало доступным для широких научных кругов. Кроме оссуариев из наусов, во время археологических работ были обнаружены керамические сосуды, сделанные на гончарном круге.

Деятельность экспедиций на некрополях около Пенджикента дала новые и исключительно важные материалы как по истории местных верований, так и по начавшимся культурным изменениям, связанным с последствиями арабского завоевания на территории Средней Азии.

*Научный руководитель – А.А. Тишкин
д-р ист. наук, профессор,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Аминов Ф.Ш. Локализация Пенджикента IX – начала XIII вв. // Актуальная археология 4: Комплексные исследования в археологии. Мат-лы Междунар. науч. конф. молодых ученых (Санкт-Петербург, 2–5 апр. 2018 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 243–247.

Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Дониш, 1980. Вып. XV. С. 213–246.

Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1981 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Дониш, 1988. Вып. XXI. С. 149–186.

Борисов А.Я. О значении слова «наус» // Труды Отдела Востока. Л.: АН СССР, 1940. Т. III. С. 301–311.

Распопова В.И. Раннесредневековый согдийский город (по материалам Пенджикента): дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. СПб., 1993. 70 с.

Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пенджикентский некрополь // Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Тадж. ССР и Гос. Эрмитажа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. II: 1948–1950 гг. С. 64–99. (МИА. № 37).

Якубовский А.Ю. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946–1947 гг. // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Тадж. филиала АН СССР и Гос. Эрмитажа. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I: 1946–1947 гг. С. 13–56. (МИА. № 15).

Results of Archaeological Research of Necropolises near Medieval Penjikent

L.K. Elmurodov

Penjikent belongs to the historical cities of Central Asia. Its name in Russian translates as "Five settlements" or "Five settlements". In the V–VIII centuries the city was located in the extreme eastern part of the Sogd country, where the ancestors of the Tajiks, who spoke one of the eastern Iranian languages, lived. This publication demonstrates the results of archaeological excavations that were conducted at the necropolises discovered near Pendjikent. The investigations of the early medieval cemetery made it possible for the first time to study the ossuar burials on the territory of Sogd. More than 150 nauses were discovered as a result of the excavations. The found objects are now widely used to study the burial rites of medieval Sogd. They are stored in different museums of Tajikistan and Russia.

Keywords: Tajikistan, Sogd, Penjikent, archaeology, expedition, necropolis, naus, ossuary, burials.

Элмуродов Лутфулло Хайруллоевич

магистрант 2-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: infolutfullo@gmail.com

Elmurodov Lutfullo Khayrulloevich

2nd year master's degree student

Altai State University

e-mail: infolutfullo@gmail.com

УДК 903.26

Раннесредневековые бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе»: ареал, хронология и новые находки

А.А. Эндерс

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Культовое литье с изображением «медведей в жертвенной позе» является характерной чертой многих культур лесной и таежной зоны Урала и Западной Сибири I тыс. н.э. Термин «медведи в жертвенной позе» восходит к описанию обрядов и культов, зафиксированных у финно-угорских народов по данным этнографии [Гондатти, 1888; Ядринцев, 1890]. Традиционно считалось, что культ медведя был распространен исключительно на севере, в таежной и лесной зоне [Троицкая, 2000, с. 43], однако находки последних лет позволяют скорректировать эти представления. Таким образом, основная цель

работы – анализ ареала и хронологии «медвежьих блях» с учетом новых данных.

Все известные бляхи можно разделить на две основные группы: «вертикальные» и «горизонтальные». Первые в целом однотипны и представляют собой серию предметов с тремя головами медведей, лежащими на передних лапах или между ними, которые расположены одна над другой. Часто они окаймлены ложновитым жгутом, два таких же жгута делят плоскость на три вертикальные полосы. В центральной части расположены головы животных, боковые полосы более узкие. Отличительная

черта таких блях – стремление к детализации образа: головы медведей изображены крупно, показаны шерсть и валики на ушах [Троицкая, Дураков, 1995, с. 102, 104].

Бляхи с горизонтальным расположением «медведей в жертвенной позе» во многом совпадают с «вертикальными» по стилю, отличаясь деталями. Все они прямоугольные, окаймлены жгутом, имеют петли для крепления. Головы расположены в один ряд, в нижней части плоскости. Верхняя часть бляшки делится жгутиками на три части. Две крайние обычно заполнены вертикально расположенными выпуклинами – овальными или круглыми. Изображения голов медведей на таких бляхах меньше по размеру и менее детализированы. В Прикамье известны «комбинированные» варианты, на которых сочетаются горизонтальные и вертикальные ряды изображений голов зверя [Оборин, Чагин, 1988, табл. 43].

Всего блях с изображением «медведей в жертвенной позе» до недавнего времени было известно 32. Из них 12 с вертикальным расположением голов медведей, 19 – с горизонтальным, на одном экземпляре представлено сочетание вертикальных и горизонтальных изображений.

Самые западные экземпляры «медвежьих блях» известны в Прикамье. Это случайные находки, представленные предметами всех трех типов [Троицкая, Дураков, 1995, с. 102; Троицкая, 2000, с. 45]. Восточнее, в Приишимье, найдено 7 экземпляров «горизонтальных» блях. Все они происходят из грунтового могильника Абатский-3 [Матвеева, 1994, табл. 66, 4; Троицкая, Дураков, 1995, с. 103]. В Среднем Прииртышье 2 бляхи («горизонтальная» и «вертикальная») обнаружены в погребениях с сожжениями Окуневского могильника [Могильников, Коников, 1983, рис. 17, 19]. Коллекция блях из Новосибирского Приобья представлена материалами могильников (Юрт-Акбалык, Красный Яр-1) и случайными находками [Троицкая, 1963, с. 62, рис. 3; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 18, 17–23; Троицкая, 2000, рис. 5, 3]. Находки в Томском Приобье происходят из Рёлки (2 экз.) и Архиерейской заимки (6 экз.) [Чиндина, 1977; Беликова, Плетнева, 1983]. Наконец, самый восточный пункт, где обнаружены рассматриваемые предметы, – Айдашинская пещера в Ачинско-Мариинской лесостепи [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, табл. XXI, 1, 4].

Картографирование находок, известных до недавнего времени на юге Западной Сибири, убедительно показывает, что все они локализируются в пределах таежной и лесостепной зоны примерно на одной широте, не заходя южнее современного г. Новосибирска (см. *рисунк, А*).

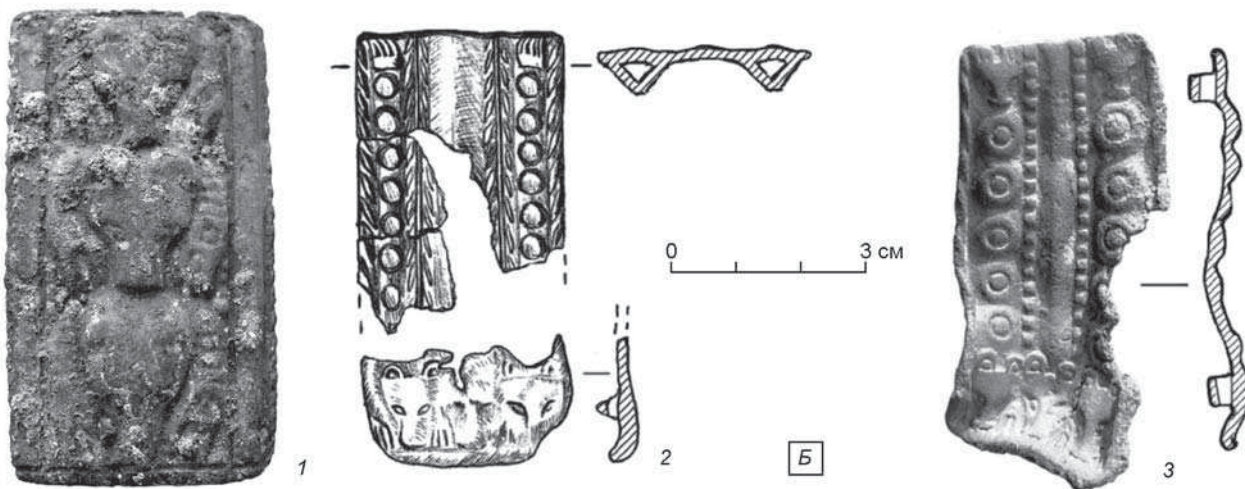
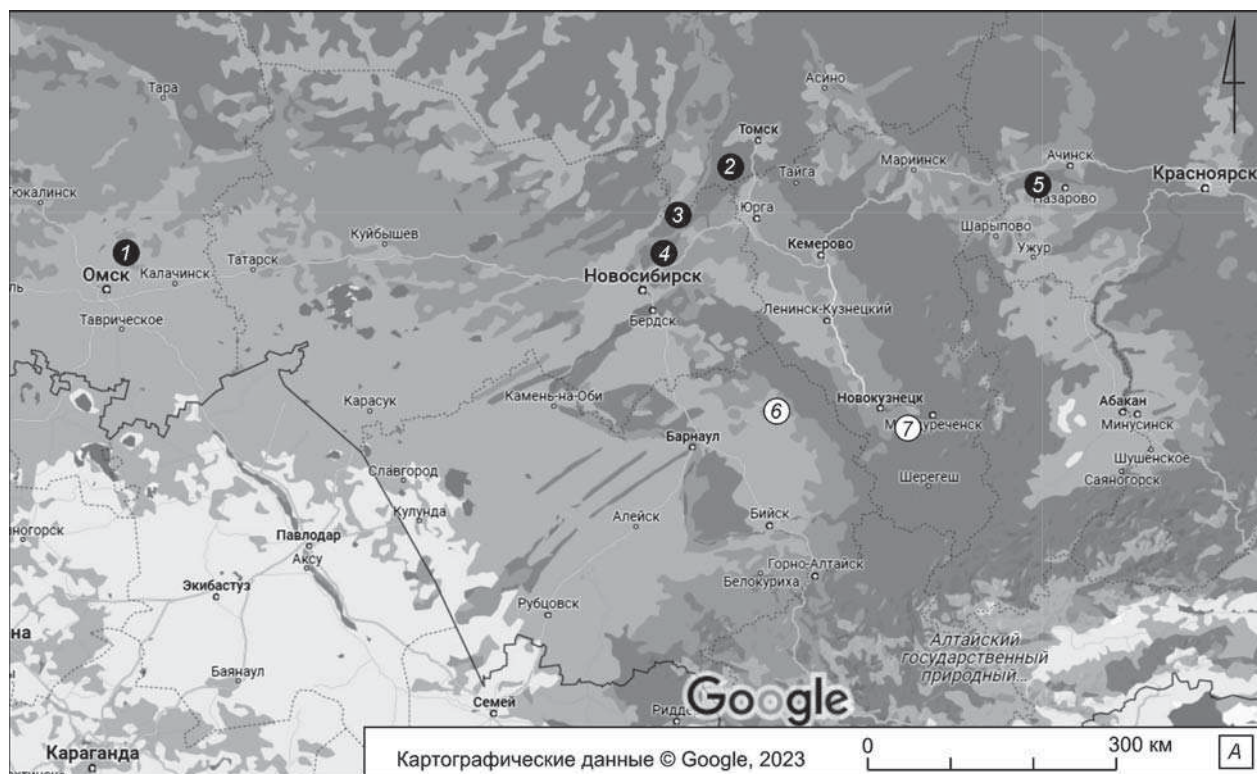
Несмотря на то, что большая часть «медвежьих блях» происходит с территории Западной Сибири, традиционно считается, что происхождение этого образа связано с Прикамьем. В.А. Оборину удалось убедительно обосновать его эволюцию начиная с III–V вв. [Оборин, Чагин, 1988, с. 34–35]. Бляхи с изображениями «медведей в жертвенной позе» встречены в комплексах разных культур (кашинская, потчевашская, верхнеобская, одинцовская, релкинская), однако общий контекст находок и сопроводительный инвентарь (керамика, элементы поясных гарнитур и т.д.) позволяют достаточно надежно их датировать.

Бляхи с горизонтальным расположением голов медведей происходят из комплексов, которые датируются IV–VI вв. (могильник Абатский-3), V–VI вв. (Юрт-Акбалык-8), VI–VII вв. (Окуневский могильник). «Вертикальные бляхи» датируются по инвентарю VI–VII вв. (Окуневский могильник, Красный Яр-1, Рёлка). Для рассматриваемого здесь вопроса важно, что уже в VIII в. этот образ трансформируется и не встречается в лесостепной зоне, что связывается обычно с проникновением сюда элементов кочевнической культуры и начавшимися процессами тюркизации [Троицкая, Дураков, 1995, с. 106].

Новые находки подобных предметов происходят из материалов могильника Чумыш-Пережат и культового места Черемза-1. Оба эти памятника расположены более чем в 300 км южнее ареала уже известных «медвежьих блях».

Могильник Чумыш-Пережат расположен в Западном Присалаирье, на северо-востоке Алтайского края. Здесь исследовано 17 погребений одинцовской культуры. В погребении 30 была обнаружена бляха с вертикальным расположением трех голов медведей «в жертвенной позе», ближайшей аналогией которой можно считать артефакт из Красного Яра [Фрибус, Грушин, 2020, с. 478, рис. 68] (см. *рисунок Б, 1*). В целом материалы могильника демонстрируют сложный состав оставившего его коллектива. В погребальном обряде и инвентаре сочетаются южные (кочевнические), местные (самодийские) и северные (угорские) компоненты [Фрибус, Грушин, 2021, с. 351–352].

Памятник Черемза-1 расположен на юге Кузнецкой котловины, в верховьях р. Томи. Здесь найдено 6 блях без определенного археологического контекста, все они относятся к типу «горизонтальных» (см. *рисунок Б, 2, 3*). Предметы оплавлены, имеют плохую сохранность. Автор раскопок относит памятник к кузнецкому варианту верхнеобской культурной общности. Здесь, так же, как и на Чумыше, бляхи сочетаются с находками кочевнического облика, в частности поясными накладками

Территория распространения «медвежьих блях» и новые находки.

А – памятники с находками блях с «медведем в жертвенной позе» на юге Западной Сибири: 1 – Окуневский могильник; 2 – Архиерейская Заимка; 3 – Юрт-Акбалык-8; 4 – Красный Яр-1; 5 – Айдашинская пещера; 6 – Чумыш-Пережат; 7 – Черемза-1.

Б – новые находки блях с изображением «медведей в жертвенной позе»: 1 – Чумыш-Пережат (по: [Фрибус, Грушин, 2020]); 2, 3 – Черемза-1 (по: [Ширин, 2021]).

ми редких типов, имеющими аналогии на Чумыше и в материалах древнетюркского могильника Кудыргэ в Горном Алтае [Ширин, 2021; Грушин и др., 2020].

Таким образом, новые находки «медвежьих блях» в комплексах, где отчетливо прослеживаются южные, «кочевнические» компоненты (погребения в сопровождении коня, упряжь, поясные наборы, украшения), позволяют предположить, что этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье была

более сложной, чем представлялось ранее. Вероятно, процесс проникновения элементов кочевой культуры в регион начинается уже в конце VII в., в то же время в сложных по составу коллективах присутствовали и пришельцы (а скорее пришельцы) с севера.

Научный руководитель – А.В. Фрибус

канд. ист. наук, доцент,

Институт истории материальной культуры РАН,

Кемеровский государственный университет

Список литературы

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 244 с.

Гондатти Н.Л. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Труды РГО. М., 1888. С. 43–69.

Грушин С.П., Фрибус А.В., Тишкин А.А., Сайберт В.О. Комплексный анализ раннесредневековых наборных поясов из могильника Чумыш-Перекаат (Верхнее Приобье) // Вестник ТГУ. История. 2020. № 67. С. 128–136.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Могильников В.А., Конилов Б.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Приишимье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск: Наука, 1980. 208 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифей: Пермский звериный стиль. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1988. 184 с.

Троицкая Т.Н. К вопросу о культе медведя в Приобье // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1963. № 9. С. 60–65.

Троицкая Т.Н. Культ медведя в Верхнем и Среднем Приобье в I тыс. н. э // Народы Сибири: история и

культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 43–47.

Троицкая Т.Н., Дураков И.А. Еще раз о культе медведя // «Моя избранница наука, наука без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 97–107.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Результаты исследований грунтового могильника Чумыш-Перекаат в 2017–2018 гг. // АО 2018 г. М., 2020. С. 476–479.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Всадники эпохи Тюркских каганатов на Северном Алтае (по материалам могильника Чумыш-Перекаат) // Творец культуры. СПб.: ИИМК РАН, 2021. (Тр. ИИМК РАН. Т. LVII). С. 339–354.

Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 192 с.

Ширин Ю.В. Черемза 1 – необычный комплекс в ареале верхнеобской культурной общности // Творец культуры. СПб.: ИИМК РАН, 2021. (Тр. ИИМК РАН. Т. LVII). С. 355–370.

Ядринцев Н.М. О культе медведя, преимущественно у инородцев Сибири // Этнографическое обозрение Сибири. 1890. № 1. С. 101–115.

Early Medieval Plaques with “Bears in A Sacrificial Pose”: Area, Chronology and New Finds

A.A. Enders

This article discusses the cult images of “bears in a sacrificial pose” on bronze plaques, which were widely distributed from the Urals to Western Siberia. Two types of plaques are considered, with vertical and horizontal arrangement of bears' heads. The article displays all the sites in which finds have ever been made, the number of vertical and horizontal plaques from each site is noted. The article indicates the dating of the earliest and latest images, justifies the reason for the disappearance of this type of plaques. New findings are noted that break the traditional ideas about the spread of the bear cult in the forest of Eurasia. Such finds include plaques from the Chumysh-Perekat and Cheremza-1. The probable reason for the spread of the bear cult to the south of the forest-steppe zone of Eurasia discussed.

Keywords: Western Siberia, Early Medieval, bear cult, badge, sacrificial pose.

Эндерс Александра Андреевна

студент 4-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: sasha-enders@mail.ru

Enders Alexandra Andreevna

4th year student

Kemerovo State University

e-mail: sasha-enders@mail.ru

УДК-903.22

Пластинчатые доспехи развитого и позднего Средневековья с территории Кыргызстана и сопредельных регионов

С.В. Яншин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Вооружение населения Тань-Шаня и сопредельных территорий Центральной Азии уже неоднократно становилось объектом археологических, военно-исторических, оружейно-технических и этнографических исследований. Однако профильная проблематика

изучена неравномерно. Наибольший интерес ученых традиционно привлекало оружие дистанционного и ближнего боя, а также предметы конского снаряжения, в то время как защитное вооружение еще не становилось объектом пристального исследования.

Это затрудняет всесторонний анализ военного дела населения региона. Таким образом, систематизация, классификация, уточнение датировки и атрибуции предметов защитного вооружения с территории Тянь-Шаня и сопредельных районов Центральной Азии представляет актуальную научную задачу.

Цель исследования: выявить особенности формирования и эволюции комплекса пластинчатых доспехов кочевников с территории Кыргызстана и сопредельных регионов в XIII–XVII вв.

Набор пластин из погребения Боз-Адыр в Иссык-Кульской котловине представлен пятью железными прямоугольными пластинами продолговатых очертаний, четыре из которых спеклись в результате коррозии. Длина пластин 6–6,4 см, ширина 1,4–1,7 см. В одном конце пластин имеются два отверстия. Согласно К.Т. Акматову особенность бозадырских пластин состоит в том, что в отличие от прочих аналогов они довольно узки и, соответственно, ряды отверстий в них располагаются близко друг к другу. Таким образом, когда пластины накладывались друг на друга на ширину одного ряда отверстий, получалось так, что половина одной пластины перекрывала половину соседней и так далее, в результате чего образовался двойной слой защитного покрытия. По мнению исследователя, такой доспех, возможно, был тяжелым, но благодаря соединению пластин ремешками через меньшее количество отверстий должен был быть относительно гибким. Сам автор датирует пластины по тебризским миниатюрам XIV в., на которых изображены ламеллярные панцири схожей конструкции [Акматов, 2017, с. 89].

В 2001 г. Ю.Ф. Буряковым был обнаружен набор железных пластин на территории городища Шахрухия в Ташкентской обл. Республики Узбекистан. В ходе изучения было установлено, что часть пластин относится к боевому наголовью (шлему), а другие к пластинчатому клепанно-нашивному панцирю [Двуреченский и др., 2021, с. 253–260]. Пластины представлены одним крупным монолитом и четырьмя отдельными кусками, суммарно насчитывающими 105 экземпляров. Они представлены двумя типами:

1) пластины 6×8 см с двумя заклепками по одному краю, расположенными вертикально, и группой из шести отверстий, расположенных в одном из углов в два ряда [Буряков, 2002, с. 48–52]

2) пластины размером примерно 7×10 см с двумя заклепками по одному краю, расположенными вертикально.

Монолит, насчитывающий 40 пластин представлен прямоугольными пластинами, размером $8 \times 6,5$ см. Пластины имеют шесть отверстий в правом или левом верхнем углу без заклепок. Монолит состоит из пластин вытянуто-прямоугольной

формы, высотой 8 см и шириной 2,5–3 см. Согласно О.В. Двуреченскому, данный доспех относится к XV в., т.е. к периоду существования в регионе государства Тимуридов. Панцирный фрагмент может быть отнесен к корпусной части доспеха с пластинчато-клепаной структурой бронирования [Двуреченский и др., 2021, с. 253–260].

Есть основание полагать, что пластины с шестью отверстиями первоначально относились к пластинчато-нашивному доспеху центральноазиатского или южносибирского образца XII – середины XIV в. Ближайшие аналоги таких пластин происходят с территории Минусинской котловины и Монголии и датируются этим периодом [Бобров, Ожередов, 2021, с. 28, 29]. Позднее доспех был пересобран и пластины с шестью отверстиями были дополнены более совершенными пластинами с заклепочной системой крепления. При этом значительная часть пластин от пластинчато-нашивного доспеха была переоформлена. В них были вбиты железные заклепки, соединявшие пластины с органической основой доспеха. Подобная практика переделки пластин была широко распространена в Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего Средневековья [Там же, с. 29].

Серия железных пластин с заклепками была обнаружена на городище Бузук-Тобе в Чимкентской обл. Республики Казахстан. Памятник датируется XIV–XV вв. Плоские в сечении пластины имеют прямоугольную форму. Большая часть пластин имеют размеры 10×4 см. Сохранилось 18 таких пластин. Все они были соединены с органическим основанием панциря заклепками с круглыми шляпками. По расположению пластин в составе комплекса можно сделать вывод, что доспех имел пластинчато-клепанную структуру бронирования. Согласно версии Р.Б. Исмагилова и Ю.С. Худякова, это был элемент подола доспеха [Исмагилов, Худяков, 1993, с. 204–212]. Позднее было высказано предположение, что указанный фрагмент представлял собой широкий наплечник [Бобров, Худяков, 2002, с. 106–168].

В собрании Буранинского музея в Чуйской обл. в Кыргызстане хранится фрагмент защитного покрытия с кольчато-пластинчатой структурой бронирования. Вдоль коротких сторон пластин пробиты округлые отверстия. Пластины соединены между собой одним рядом клепанных железных колец. Общая площадь сохранившегося фрагмента – 99×45 см. Длина пластин – 11 см, ширина – 3,1 см [Худяков, 2016, с. 443–446]. Судя по размерам защитного сегмента, он являлся частью кольчато-пластинчатой панцирной попоны, получившей значительное распространение в мусульманских государствах Западной и Средней Азии в XV–XVII вв. [Бобров, Худяков, 2002, с. 106–168].

Проведенный анализ показал, что в изучаемом регионе применялись ламеллярные, пластинчато-нашивные, пластинчато-клепанные и кольчато-пластинчатые доспехи. Несмотря на малочисленность предметов, они достаточно точно отображают общую линию развития защитного вооружения народов региона на протяжении эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Аналоги данных образцов защитного вооружения происходят с территории Центральной и Средней Азии, а также Южной Сибири. Эволюционное развитие брони на территории изучаемого региона прослеживается в смене системы крепления пластин между собой и (или) органической основой доспеха. На первоначальном этапе пластины соединялись между собой кожаными ремешками (погребение Боз-Адыр), на втором – пришивались к органической основе (городище Шахрухия), на третьем – приклепывались к внутренней стороне матерчатой основы (городища Шахрухия, Бузук-Тобе) и, наконец, стали соединяться между собой кольчужными сегментами, что существенно повысило защитные свойства панцирного покрытия.

*Научный руководитель – Л.А. Бобров
д-р ист. наук, профессор,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Акматов К.Т.** Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 165 с.
- Бобров Л.А., Ожередов Ю.И.** Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С.** Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 106–168.
- Буряков Ю.Ф.** Бенакет-Шахрухия. Раскопки 2001 г. // Археологические исследования в Узбекистане 2001. Самарканд: ИА АН РУз, 2002. С. 48–52.
- Двуреченский О.В., Гладченков А.А., Арипджанов О.Ю., Двуреченская Н.Д.** Доспех из городища Шахрухия // КСИА. Вып. 263. 2021 г. С. 253–262.
- Исмаилов Р.Б., Худяков Ю.С.** Панцирь из городища Бузук-Тобе // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 204–212.
- Худяков Ю.С.** Фрагмент доспеха из музея Башня Бурана в Кыргызстане // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 443–446.

Plate Armor of the Developed and Late Middle Ages from the Territory of Kyrgyzstan and Adjacent Regions

S.V. Yanshin

The aim of the study is to identify the features of the formation and evolution of the complex of plate armor of nomads from the territory of Kyrgyzstan and neighboring regions in the XIII–XVII centuries. The article systematizes the materials of plate armor finds originating from the territory of Kyrgyzstan, Uzbekistan and Southern Kazakhstan of the XIII–XVII centuries. The scientific novelty of the work consists in the fact that the protective armament of the population of these territories of the Middle Ages and early Modern times has not yet become the object of a separate scientific study. Lamellar, plate-sewn and plate-riveted armor samples are mainly considered, taking into account the formation of their features. Their dating and attribution have also been clarified. As a result of the study, the logic of the development of protective armor among nomads from the territory of Kyrgyzstan and neighboring regions was revealed, based on strengthening protection in the confrontation with developing weapons.

Keywords: Kyrgyz Tien Shan, lamellar armor, plate-riveted armor, ring-plate armor.

Яншин Сергей Вадимович

магистрант 1-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: s.yanshin@g.nsu.ru

Yanshin Sergey Vladimirovich

1st year master's degree student
Novosibirsk State University
e-mail: s.yanshin@g.nsu.ru

УДК 902/904

Наскальные рисунки писаницы Рыбное в Нижнем Приангарье

И.А. Владимирова

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия*

Писаница Рыбное находится в Мотыгинском р-не Красноярского края, расположена в 10 км к юго-западу от п. Мотыгино, на восточной окраине д. Рыбное, на сланцевом утесе серо-зеленого цвета под названием «Рубашный» («Кармакулы»).

Первые сведения о рисунках у д. Рыбное поступили в 1889 г., когда Д.А. Клеменц совместно с известным собирателем древностей красноярским геологом И.А. Лопатиным предпринял поездку в низовья Ангары. О наскальных рисунках И.А. Лопатину сообщили местные жители. Писаница отмечена Клеменцем в границах с. Рыбное, на утесе Кармакулы: «... На правом берегу, где стоит с. Рыбное, прежде всего обращает на себя внимание высокий сланцевый зеленоватый утес, вдающийся в реку... На самом этом утесе имеется писаница, по словам Лопатина, но снять ее мне не удалось, потому что добраться до нее можно только на лодке (помешал сильный ветер) ...» [Окладников, 1966, с. 9].

В 1996 г. петроглифы на трех плоскостях были выявлены отрядом по паспортизации памятников археологии КГПУ под руководством А.Л. Заики. В 1997–1998 гг. участниками отряда были проведены следующие работы: внешнее обследование и определение современного состояния памятника, топографическая съемка местности и фотофиксация местонахождения, копирование петроглифов. В 2000 и 2021 гг. были выявлены новые плоскости с рисунками, расширены границы объекта [Заика и др., 2000; Заика и др., 2022].

Петроглифы расположены в северо-западной части утеса на вертикальных и горизонтально на-

клонных плоскостях, на высоте 4,0–4,5 м от уреза воды, экспонированы на юго-восток. Изображения выполнены путем выбивки, в ряде случаев – с последующей шлифовкой. Вследствие выветривания скальных плоскостей, действия воды и льда рельеф петроглифов к настоящему времени приобрел слабовыраженный характер. Более того, многие плоскости покрыты толстыми напластованиями современной масляной краски. По вышеуказанным причинам контуры изображений при дневном освещении теряются и визуально просматриваются только при контрастном боковом освещении (каждая деталь рисунка выявляется под определенным углом падения света) в условиях полного затемнения.

Писаница состоит из 10 плоскостей, на каждой из которых присутствует основной сюжет – фронтальные изображения птиц с развернутыми в стороны крыльями, выполненные в линейной манере. Самое большое скопление петроглифов представлено на плоскости 3. Она крупных размеров (высота 3 м, длина 4,85 м), имеет форму пятиугольника, под положительным углом наклона обращена на юго-восток. Помимо птиц (143 экз.), на ней встречаются фигуры копытных животных с трапециевидными и сегментовидными туловищами (14 экз.), а также изображения двух солярных знаков, решетковидной фигуры и антропоморфной личности.

При внимательном рассмотрении плоскости можно заметить, что фигуры птиц отличаются друг от друга по ряду признаков. Учитывая иконогра-

фические особенности, все фигуры птиц можно условно разделить на несколько групп:

- 1) с угловатым контуром крыльев, соразмерным телом и раздвоенным хвостом (55);
- 2) с плавным контуром крыльев, длинным телом и невыраженным хвостом (42);
- 3) с плавным контуром крыльев, коротким телом и «каплевидным» хвостом (25);
- 4) с плавным контуром крыльев, коротким телом и невыраженным хвостом (19).

Также стоит отметить, что 12 изображений птиц представлены с короткими вертикальными выступами на крыльях, а еще 4 фигуры имеют двойную голову. Практически все птицы изображены в фас (т.н. геральдическая поза). Так как большинство фигур птиц имеет раздвоенный «рыбообразный» хвост, а также выраженный в ряде случаев острый клюв, можно предположить, что на плоскости представлены дневные хищные птицы, характерные для этой территории (в частности, коршуны).

Исходя из стилистических особенностей изображения фигур, случаев палимпсеста, по всей видимости, заполнение плоскости петроглифами происходило поэтапно разными авторами.

Наиболее архаичные фигуры птиц выполнены путем выбивки, широкими линиями (3,0–3,5 см), имеют плавные контуры. Композиционно они сочетаются с солярным символом, выполненным в такой же технике, и занимают центральную часть плоскости. Более поздний пласт изображений в целом повторяет иконографию ранних образов, но представлен более узкими линиями выбивки (0,4–0,7 см) и более схематичными фигурами с угловатыми контурами.

По характеру нанесения изображений мы можем сделать вывод, что первыми на плоскости появились наиболее глубокие, хорошо проработанные изображения птиц и солярного знака. Затем плоскость постепенно заполняется менее проработанными фигурами с более узкими линиями выбивки. Примерно в это время появляются изображения животных и решетковидной фигуры [Ключников, Заика, 2006, с. 128].

Ближайшие изобразительные аналогии ангарским наскальным изображениям встречаются в петроглифах Хакасско-Минусинской котловины и получают свое распространение в эпоху раннего железного века, соотносятся с тагарской культурой и традиционно продолжают существовать в петроглифах таштыкской культуры. Аналогии изображениям писаницы встречаются не только в наскальном искусстве, но и в изделиях мелкой пластики пазырыкской культуры Алтая [Там же, с. 129]. Также подобные образы встречаются в металлопластике иткульской культуры Урала и кулайской культуры

Западной Сибири (т.н. «птицеидолы», использовавшиеся в роли оберегов) [Чемякин, Кузьминых, 2011, с. 69–70]. Таким образом, основную часть петроглифов писаницы Рыбное, прежде всего птиц, можно датировать эпохой раннего железного века. Иконографические особенности изображений животных также не противоречат данной датировке.

Исходя из того, что подавляющее количество фигур на плоскости – птицы, можно сказать, что именно они играют ключевую роль в определении семантики изображений. Образ птицы присутствовал в верованиях многих народов и символизировал человеческую душу. Например, в религиозных представлениях хантов и манси у человека существовала третья душа в виде глухарки или тетерки (т.н. «улэм уи» – «птица сна»), которая после смерти человека улетала на деревья. Нанайцы считали, что некоторые птицы (в частности, удода) жили на родовом дереве душ и назывались «бунигаса» («загробная птица»). У кетов существовало поверье, что души детей до рождения находятся на концах солнечных лучей в образе птиц [Косарев, 2008, с. 92]. Таким образом, птица символизировала связь загробного мира с миром людей, выступала в роли посредника между двумя мирами.

Планиграфия рисунков, по всей видимости, отображает вертикальную структуру мира: солярный символ и фигуры птиц вокруг него символизируют вершину мироздания; животные по краям плоскости отображают земную поверхность, а фигуры птиц между ними – путешествия душ людей между этими мирами [Ключников, Заика, 2006, с. 129].

Таким образом, петроглифы писаницы Рыбное можно отнести к эпохе раннего железного века. Рисунки являются отражением духовной культуры древних народов Нижнего Приангарья. Данные петроглифы, среди которых наблюдается высокая концентрация орнитоморфных образов, уникальны не только для наскального искусства Нижнего Приангарья, но и Северной Азии. Исследования петроглифов будут продолжены.

*Научный руководитель – А.Л. Заика
канд. ист. наук, доцент,*

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Список литературы

Заика А.Л., Дроздов Н.И., Макулов В.И., Березовский А.П., Емельянов И.Н., Ключников Т.А. Археологические исследования памятников наскального искусства на территории Мотыгинского района Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. VI. С. 287–291.

Заика А.Л., Муратов Е.С., Королев С.А., Данилейко В.А. Результаты исследований петроглифов «Рыбное» на р. Ангаре в 2021 году // Мартыановские краеведческие чтения. Красноярск, 2022. Вып. 15. С. 122–125.

Ключников Т.А., Заика А.Л. Орнитоморфные изображения в наскальном искусстве нижнего Приангарья (по материалам исследований писаницы Рыбное) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Красноярск, 2006. Т. 1. С. 128–131.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этническим материалам. М.: ИЦ «СЛАВА!», «Форт-профи», 2008. 416 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука, 1966. 322 с.

Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2011. Т. II. Вып. 8. С. 43–74.

Rock Paintings of Pisanitsa Rybnoye in the Lower Angara Region

I.A. Vladimirova

The work is dedicated to the study of Rybnoye rock art site. The site is located in the Motyginsky district of the Krasnoyarsk Territory, on the right bank of the Angara River. The study is focused on the third panel, where more than 150 figures of birds of prey are presented. The rock images show different stylistic features. Other images of ungulates, two solar signs of a heart-shaped face and a lattice-shaped image are represented on the panel as well. The images are not contemporaneous. We discuss parallels in archaeological cultures of Western Siberia, Ural and Altai Mountains and interpretation of images. These petroglyphs reflect the worldview and provide information about the spiritual culture of the ancient population of the Lower Angara region. The article is a part of broader research of the site.

Keywords: rock art, Rybnoye rock art site, Angara River, ornithomorphic figures, Tagar culture.

Владимирова Ирина Андреевна

студент 2-го курса

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

e-mail: vladimirovairina23@mail.ru

Vladimirova Irina Andreevna

2nd year student

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

e-mail: vladimirovairina23@mail.ru

УДК 903.27:004.9

Разработка структуры базы данных «Изображения лошадей на “оленных” камнях Монголии и Южной Сибири»

В.А. Гражданкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

К настоящему времени существенно увеличилось количество сведений об «оленных» камнях на территории Внутренней Азии. В результате возникла необходимость применения эффективной системы для анализа большого объема различной информации, а также для ее дальнейшего эффективного использования. Одним из таких вариантов является создание специальных баз данных. Такой подход обеспечит обобщение известных материалов об «оленных» камнях и более детальное исследование имеющихся на них изображений. Для реализации обозначенной программы важно сформировать список источников и литературы, проверить достоверность петроглифов и затем извлекать необходимую информацию по намеченной теме. По-своему уникальными и неизученными в полном объеме являются изображения лошадей. Такие животные

использовались в хозяйстве кочевых народов, имели существенное значение в духовной сфере людей и являлись маркером социального положения.

Разные технологии создания баз данных уже нашли широкое применение в исторических науках. Основной их функцией является систематизация, хранение, изменение, защита и демонстрация подробной информации. Например, использование в исследованиях программы MS Access позволяет не только внести большой массив данных, но и представить дополнительные ресурсы (фото, видео и др.). На начальном этапе собранные сведения можно оформить в виде таблицы. Для разработки структуры базы данных необходимо осуществить анализ предметной области, которую предстоит изучить. Выявление идентичной информации и ее дополнение позволит обозначить предварительный

список основных показателей. Этот и последующие этапы работы помогут сформировать и наполнить базу данных, эффективное использование которой зависит от количества и качества имеющейся информации [Монгол ба бүс..., 2021a, б].

Целенаправленным созданием базы данных изображений лошадей на «оленных» камнях пока еще никто не занимался. Информация о древних каменных изваяниях в культурах Внутренней Азии периода поздней бронзы и начала раннего железного века в разном объеме представлена в публикациях отечественных исследователей, среди которых нужно отметить базовые монографии [Кубарев, 1979; Савинов, 1994; Волков, 2002]. В изучении изображений лошадей на «оленных» камнях особенно востребованными являются изданные в 2021 г. три тома каталога каменных изваяний Монголии и сопредельных территорий [Монгол ба бүс..., 2021a, б]. Информация из вышеперечисленных научных трудов ляжет в основу создания авторской электронной базы данных. На первом этапе работы привлекались сведения об «оленных» камнях Южной Сибири и Монголии, которые были сформированы, проанализированы и в определенной степени систематизированы В.В. Волковым, а также нашли отражение в монгольском каталоге [Там же].

Целью нашей работы является разработка структуры для базы данных в виде электронной таблицы, содержащей информацию об изображениях лошадей на «оленных» камнях. Для реализации поставленной цели был использован системный подход, который включает в себя изучение свойств, частей и характеристик исследуемого предмета в контексте целостной системы [Казаков, 2010]. Попытка формирования нового информационного продукта по теме исследования была осуществлена на основе имеющегося опыта создания баз данных [Комплексные исторические исследования..., 2014].

Для работы по созданию структуры базы данных «Изображения лошадей на “оленных” камнях Монголии и Южной Сибири» на данном этапе была выбрана программа Microsoft Excel. В будущем планируется интегрировать созданную базу данных в более продвинутую информационную систему Microsoft Access, что позволит одновременно использовать дополнительные элементы и обеспечить удобный поиск и сопоставление необходимой информации. База данных, разрабатываемая в настоящее время, в будущем позволит осуществить более детальное изучение известных петроглифов лошадей на «оленных» камнях, происходящих из различных регионов Внутренней Азии.

На данном этапе структура базы данных «Изображения лошадей на “оленных” камнях Монголии и Южной Сибири», созданная в Microsoft Excel,

состоит из следующих 14 полей: 1) название памятника; 2) регион распространения; 3) административное и географическое расположение, GPS-привязка; 4) параметры и характеристика «оленного» камня; 5) назначение «оленного» камня; 6) год открытия памятника, автор; 7) перечень реалий на «оленном» камне; 8) количество изображений лошадей; 9) описание лошадей; 10) контекст изображения лошадей; 11) к какой категории и группе относится изображение лошади; 12) фото/прорисовка изображения лошади; 13) источники и литература; 14) примечание (номер «оленного» камня по монгольскому каталогу).

В первом поле указывается название памятника (или местности, где он найден), а во втором – регион расположения каждого «оленного» камня (например, информация о Центральной, Южной, Северной и Западной Монголии). Третье поле содержит сведения об изваяниях, обнаруженных в Архангайском, Баянхонгорском, Булганском, Завханском, Ховдском и Хубсугульском аймаках. В четвертое поле записана вся имеющаяся информация о номере, размерах, цвете и типе «оленного» камня. Пятое поле содержит сведения о назначении «оленного» камня. В большинстве случаев они остаются неизвестными, но имеются данные об их фиксации на мемориальных и погребальных комплексах. Шестое поле отражает год и автора открытия. В седьмом поле перечислены все имеющиеся изображения на «оленном» камне, помимо лошадей. В восьмом поле указано точное число изображенных лошадей на конкретном «оленном» камне. В девятом поле кратко дано описание изображения лошади. В десятом поле представлена информация о контексте петроглифов, запечатленных на «оленном» камне. В одиннадцатом поле отмечен тип, к которому отнесено изображение лошади. В основу заполнения этого поля ляжет авторская разработка классификации изображений лошадей на «оленных» камнях. Двенадцатое поле демонстрирует иллюстрации. В тринадцатом поле указаны источники и литература, в которых содержится характеристика представленного «оленного» камня. Четырнадцатое поле отражает необходимые уточнения – номер изваяния по монгольскому каталогу.

Для апробации базы данных была использована монография В.В. Волкова [2002], а также информация из монгольского каталога об «оленных» камнях [Монгол ба бүс..., 2021a, б]. В дальнейшем планируется значительно расширить базу данных информацией о найденных древних изваяниях, которые происходят из других территорий (Забайкалье, Тува, Алтай и др.). Разработанная структура базы данных позволит изучить известные изображения лошадей на «оленных» камнях Монголии

и на других территориях. Как уже было отмечено, планируется интегрировать электронную таблицу Microsoft Excel в Microsoft Access. Это позволит добавлять различные элементы, например интерактивные карты и 3D модели. Сформированный массив информации будет способствовать пониманию того, какое значение имела лошадь в жизни и деятельности древних кочевых социумов.

*Научный руководитель – А.А. Тишкин
д-р ист. наук, профессор,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Науч. центр, 2002. 248 с.

Development of the Structure of the Database Images of Horses on the "Deer" Stones of Mongolia and South Siberia

V.A. Grazhdankina

Currently, the amount of information about the study of "deer" stones in the territory of Inner Asia has increased significantly. As a result, there was a problem of creating an effective tool for systematization, storage and use of a large amount of information. It was decided to develop a database in the form of a spreadsheet containing information about ancient sculptures. The published information about "deer" stones from various aimags of Mongolia was used for the work. The structure of the database *Images of horses on "deer" stones of Mongolia and Southern Siberia* was developed in Microsoft Excel and consists of 14 fields. In the future, it will be necessary to integrate the spreadsheet into Microsoft Access. This will allow us to add various interactive elements. The database will allow more detailed study of all known petroglyphs of the horses on "deer" stones from the territory of Inner Asia in the future.

Keywords: Mongolia, horses, "deer" stones, nomads, petroglyphs, Inner Asia, V.V. Volkov.

Гразжданкина Виктория Алексеевна
студентка 3-го курса
Алтайский государственный университет
e-mail: grazhdankina_v0607@mail.ru

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.

Казakov Ю.В. Системный подход к научно-исследовательской работе: учеб. пособие. Тольятти: ТГУ, 2010. 68 с.

Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности / В.Н. Владимиров, Ю.М. Гончаров, Е.В. Ильина и др. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. Т. I. 156 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.

Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I–II / отв. ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар: «Адмон» ХХК, 2021а. 496 н. (на монг. яз).

Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл: Нэгэн сэдэвт бүтээл. Боть III / отв. ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар: «Мөнхийн усэг» ХХК, 2021б. 448 н. (на монг. яз).

Grazhdankina Victoria Alekseevna
3rd year student
Altai State University
e-mail: grazhdankina_v0607@mail.ru

УДК 902/904

Петроглифы верхнего яруса Шалаболинской писаницы

А.А. Гюльмамедова

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия*

Шалаболинская писаница находится в Курагинском р-не Красноярского края, на правом берегу р. Тубы, притока Енисея. Рисунки встречаются на протяжении 2,5 км на разных высотных уровнях: нижний, средний и верхний ярусы. Охватывают широкий временной интервал от эпохи каменного века до Средневековья, Нового времени, выполнены в различной технике (выбивка, гравировка, шлифовка, прорисовка охрой). Петроглифы зафиксированы на 8 участках писаницы.

В данной работе уделяется внимание плоскости 1 участка 2а (по нумерации А.Л. Заики), находящейся на верхнем ярусе скальных обнажений [Заика, 2010]. Целью исследования является определение культурно-хронологической принадлежности шлифовки данной плоскости. С этой целью решается задача определения техники исполнения петроглифов, учитывается планиграфия изображений, стилистические особенности рисунков, привлекаются изобразительные аналогии.

Шалаболинская писаница. Плоскость 1 участка 2а.

Значительная часть поверхности покрыта крупными зооморфными фигурами, выполненными в технике выбивки (см. рисунок). Рассмотрим каждое изображение исходя из их позиции в композиции.

Фигура 1. В верхней левой части плоскости находится контурная фигура оленя (?), ориентированного в правую сторону. Сохранилась нижняя часть туловища без головы и одинарные линии конечностей. Уцелевшая часть туловища трапециевидной формы, конечности согнуты в коленях, вертикально опущены вниз. Задняя часть туловища внутри контура выделена вертикальной линией. Рисунок выполнен в минусинской изобразительной традиции [Советова, Миклашевич, 1999].

Выбивка контура глубокая, сплошная, выполнена перпендикулярными ударами инструментом с плоским, подтреугольным и округлым рабочим краем. Внутренняя часть контура туловища заполнена разреженными ударами, нанесенными под углом инструментом с плоским, реже полукруглым, рабочим краем, видимо, металлическим. Другие инструменты, следы которых имеют характерные «рваные» контуры, не типичные для выбоин, выполненных металлическим инструментом, могут быть каменными. Рисунок выполнен в минусинском стиле.

Фигура 2. Вверху показан нижний фрагмент фигуры оленя (?), обращенного в правую сторону. Сохранившаяся часть туловища имеет полукруглый контур, конечности согнуты в коленях, вертикально опущены вниз, линия передней конечности оканчивается короткой горизонтальной линией ступни. Контур передней части туловища, живота и задней конечности обозначен плотной узкой линией сравнительно плотных ударов инструмента с плоским и округлым рабочим краем.

Фигура 3. Левее от фигуры оленя редкими точечными ударами оформлен контур в виде трапеции, опущенной вершиной вниз. Правее этой фигуры выявлены редкие удары выбивки, короткая наклонная полоса, которая нанесена короткими

косыми насечками плоского инструмента с тонким лезвием (металлический нож?).

Фигура 4. Под фигурой 1 находится другая подобная контурная фигура оленя (?). Голова увенчана ушком и длинным дугообразным откинутым назад рогом с 5 отростками. По всей видимости, петроглиф выполнен металлическими инструментами с различным рабочим краем. Рисунок выполнен в минусинской изобразительной традиции.

Внутреннее пространство контура задних конечностей и задней части туловища заполнены разреженными ударами инструментов с плоским, полукруглым и округлым рабочим краем. В той же манере, но более плотной выбивкой выполнена линия передней конечности. Внутреннее пространство передней части животного заполнено плотными ударами сплошной выбивки. Поверх них фиксируются неглубокие следы инструмента с плоским рабочим краем.

Инструмент с плоским рабочим краем, видимо, металлический. Другие выбоины, которые имеют более рваные края, могут быть нанесены каменным инструментом. Рисунок выполнен в минусинской изобразительной традиции.

Фигура 5. Под верхним изображением (фигура 2) обращен в противоположную (левую) сторону подобный контурный образ оленя, показанный в «скелетной» манере. По всей видимости, фигура выполнена металлическим инструментом с плоским рабочим краем, которым наносились удары перпендикулярно поверхности.

Фигура 6. Задние ноги оленя (фигура 5) перекрывает линия спины контурной фигуры животного, обращенного в правую сторону. У него подчетыреугольное туловище, поднятая вверх шея, голова показана условно. Следы ударов редкие треугольной, плоской и округлой формы, видимо, выполнены металлическим инструментом.

Фигура 7. Справа от верхней фигуры 2 выявлено незаконченное изображение лося (?), обращенного в правую сторону. У него контурно показана

на передняя часть туловища. Сплошной плотной мелкой выбивкой выполнена голова и уши. Шея заполнена разреженными ударами инструмента с плоским рабочим краем. Животное, видимо, выполнено в ангарской изобразительной традиции металлическим инструментом.

Фигура 8. Правее фигуры 7 представлен образ оленя (?), обращенного в правую сторону. У него широкое туловище с отвисшей линией живота. Контур туловища выполнен глубокими ударами. Края ударов в области головы, шеи и передней части туловища заветренные, нечеткие. Более контрастно выглядят линия спины, оформление заднего бедра. Бедра выделены ударами металлического инструмента с плоским рабочим краем. Видимо, им же доработана линия спины, оформлена задняя конечность, заполнен внутренний контур туловища. Рисунок выполнен в минусинской изобразительной традиции.

Фигура 9. Представлен образ мифического зверя. Фигура выполнена в позе «внезапной остановки». Зверь наделен чертами различных животных. В нем заметны черты медведя: толстые когтистые лапы, короткий хвост и шея; черты волка: длинные узкие челюсти. Основные контуры выполнены узкими линиями частой выбивки. Внутри контура лопатки животного изображены две почти параллельные линии. Следы редкие, неглубокие, имеют округлую форму, выполнены инструментом с металлическим рабочим краем.

Судя по ступенчатым следам отслоения верхней части плоскости, утрачена верхняя часть камня толщиной до 0,4 м. Соответственно две фрагментарно сохранившиеся верхние фигуры находились в центре плоскости. Скорее всего, они выполнялись с приступа, который первоначально находился на 0,7 м ниже края плоскости. Эти изображения наиболее крупные, свободно расположены на плоскости и потому являются, по нашему мнению, наиболее ранними. Судя по стилистическим признакам, они находят прямые изобразительные аналогии среди архаичных петроглифов региона, выполненных в минусинской художественной традиции [Миклашевич, 2020, рис. 6]. При исполнении этих фигур мы чаще всего наблюдаем признаки применения каменных орудий. Здесь же фиксируются более поздние варианты подновления рисунков с использованием металлического инструмента с плоским рабочим краем.

По мере осыпания каменного подножия, видимо, стало возможным нанести горизонтальный ряд из трех изображений оленей ниже. Фигура 7 появилась позже предыдущих, древний художник вынужден был «втиснуть» свой рисунок между двух фигур животных.

Хронологический разрыв между вышеописанными фигурами, по всей видимости, был не очень

широким, т.к. наблюдаются факты преемственности изобразительных традиций (все они выполнены в минусинском стиле), при контакте изображений отсутствуют случаи ярко выраженного палимпсеста.

Изображение хищника появилось, скорее всего, на современном уровне площадки, находящейся на расстоянии 1,1 м от нижнего края плоскости. Животное выполнено в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Мифическому зверю присущи черты различных животных, показаны поза «внезапной остановки», зауженная талия, зубастая пасть, узкие длинные челюсти и широкие когтистые лапы [Советова, 2005, рис. 22, Б; 24, Г].

Наиболее поздний пласт изображений представлен схематическими зооморфными образами, которые намечены редкими ударами выбивки, находятся на периферии композиции (фигура 4), наложены на более ранние образы (фигура 5).

Предварительно можно полагать, что две верхние фигуры выполнены в эпоху позднего неолита – ранней бронзы, изображение хищника появилось в эпоху раннего железного века, другие реалистичные фигуры животных были нанесены на плоскость в интервале между обозначенными периодами. Схематичные образы могут соотноситься с эпохой Средневековья.

*Научный руководитель – А.Л. Заика
канд. ист. наук, доцент,*

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Источники

Заика А.Л. Учетная карта объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность «Шалаболинская писаница». 2010. // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири КГПУ им. В.П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 002а. 6 с.

Заика А.Л. Приложение № 1 к Учетной карте (п. VI) объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность «Шалаболинская писаница». 2010 // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири КГПУ им. В.П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 002б. 261 с.

Список литературы

Миклашевич Е.А. О сходстве древнейших наскальных изображений Южной Сибири и центральной Азии и проблеме их атрибуции // КСИА. 2020. № 261. С. 82–98.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 137 с.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: КемГУ, 1999. С. 47–74.

Petroglyphs of the Upper Tier of the Shalabolinskaya Pisanitsa

A.A. Gyulmamedova

This research is focused on one panel of the upper tier of Shalabolinskaya Pisanitsa. We propose cultural and chronological attribution of petroglyphs, based on study of technique, planigraphic position of the figures, stylistic analyses of zoomorphic images. An archaism of these images contradicts with metal tools application for their production. We date the images of the panel from Neolithic and the Early Bronze Age to the Early Iron Age. The considered petroglyphs testify to the conservatism of artistic traditions, their continuity in a wide time interval.

Keywords: rock art, petroglyphs, Shalabolinskaya Pisanitsa, technique, stylistic analysis.

Гюльмамедова Айгюн Али кызы

студент 4-го курса

Красноярский государственный педагогический

университет им. В.П. Астафьева

e-mail: gyulmamedova02@mail.ru

Gyulmamedova Aigyun Ali kizi

4th year student

Krasnoyarsk State Pedagogical University named

after V.P. Astafyev

e-mail: gyulmamedova02@mail.ru

УДК 902/904

Писаница Ленкова гора (западный участок) по материалам В.Ф. Капелько

Е.А. Можарова

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия*

Наследие В.Ф. Капелько – это не только его художественные работы, но и обширный археологический материал, который имеет научную ценность. Целью исследования является анализ копий художника и сопоставление их с современными данными.

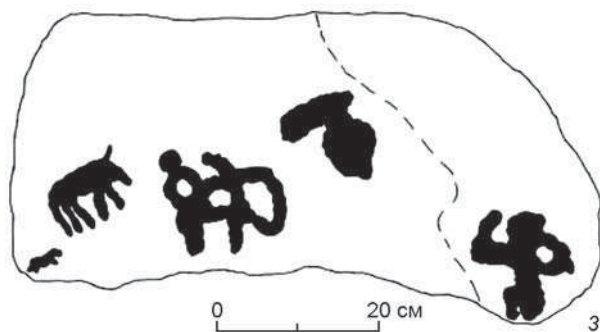
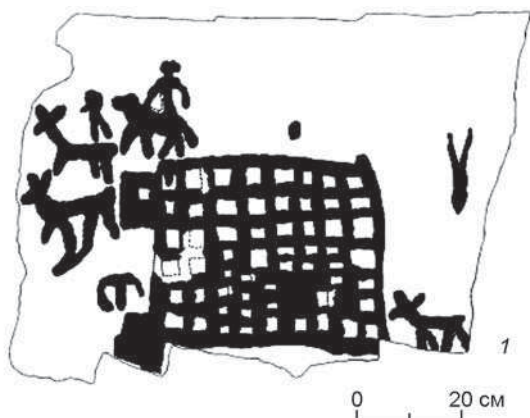
Памятник археологии Ленкова гора был открыт в мае 1988 г. Объект расположен на правом берегу р. Оя, напротив с. Казанцево Шушенского р-на Красноярского края. Первооткрывателем стал краевед Владимир Носов, первыми исследователями – художник В.Ф. Капелько и археолог А.Л. Заика. В 1989–1991 гг. писаница исследовалась отрядом Лаборатории археологии КГПИ. Были проведены работы по копированию, фотофиксации наскальных рисунков, топографической съемке объекта [Заика, Капелько, 1989]. До 2016 г. отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева проводился мониторинг состояния памятника [Кочкина, 2014; Заика, Вдовин, Конохов, 2016]. Сейчас писаница исследуется историческим клубом «Искатель» школы с. Казанцево под руководством преподавателя С.П. Журавкова [Можарова, Журавков, 2021].

Ленкова гора – прибрежный утес, сложенный кремнистыми сланцами. Скальные обнажения Ленковой горы с запада на восток пересекает тропа шириной 0,3–1 м, которая периодически прерывается. И тропа, и вся скала частично разрушены, что способствовало возникновению осыпи у подножия горы.

Изображения выполнены охрой и прослеживаются на протяжении ок. 700 м. Рисунки расположены невысоко от тропы – на расстоянии от 0 до 2,5 м, и рассредоточены в семи секторах. В работе рассматриваются материалы западного участка памятника (I и II сектора).

На данном участке В.Ф. Капелько и А.Л. Заикой выявлено 37 плоскостей с рисунками. Был составлен графический фронтальный план их расположения, снят горизонтальный контур скальных обнажений на уровне петроглифов. Копирование производилось контактным способом на прозрачные материалы (целлофан, полиэтилен) авторучкой с синими чернилами и красным фломастером. На копиях отмечались контуры рисунков с пометками тонов охры, контуры плоскостей, выломы, трещины, присутствует линия горизонта и индексированный номер плоскости.

В 2020–2022 гг. был проведен мониторинг состояния сохранности наскальных рисунков. В ходе работ использовались традиционные методы исследования и современные технологии. Выяснилось, что часть изображений из материалов В.Ф. Капелько на данный момент перекрыта современными надписями (сектор I: плоскости 6, 8, 11, 16, 19; сектор II: 3А, 6, 7, 8, 12, 14), а некоторые плоскости с рисунками не зафиксированы (сектор I: 4, 5, 13; сектор II: 16 и 17). Основной причиной повреждения петроглифов является антропоген-

Цифровые обработки копии В.Ф. Капелько (по: [Заика, Капелько, 1989]).

1 – плоскость 6 сектора I; 2 – плоскость 16 сектора I; 3 – плоскость 8 сектора II.

ный фактор – изображения перекрывают надписи. Из-за естественных эрозионных процессов плоскости разрушаются, что также приводит к утрате некоторых изображений.

Были выявлены неизвестные рисунки: 13 плоскостей на первом секторе и 14 на втором. На плоскостях 3, 4, 7А, 10А, 15 сектора I и плоскостях 8 и 10 сектора II были открыты новые элементы изображений. В ходе работ использовались методика цифровой фотосъемки и последующая компьютерная обработка фотоматериалов с помощью соз-

дания пигментных карт, разработанные А.К. Солодейниковым [2014].

На западном участке популярными сюжетами являются антропоморфные фигуры с А-, П- и Ф-образной постановкой рук и зооморфные фигуры, выполненные в линейной манере. Изображения присутствуют как в многофигурных композициях, так и представлены в виде отдельных рисунков. Также на участке присутствуют тамбовидные и решетковидные знаки, но они единичны.

Датировка рисунков варьируется от эпохи раннего железного века до Средневековья (I тыс. до н.э. – XV в. н.э.). Рассмотрим подробнее наиболее интересные петроглифы западного участка писаницы.

Плоскость 6 сектора I (по: [Заика, Капелько, 1989]) расположена в 7 м к юго-востоку от плоскости 5, на высоте 1,5 м от тропы, обращена на юг. Нижняя часть повреждена. На плоскости – сюжетная композиция, центр занимает крупная решетковидная фигура (см. рисунок, 1). Она подпрямоугольная, представлена в виде многоячеистой сети. Над ней изображен всадник, выполненный в линейной манере. Его ноги не показаны. Ездовое животное (лошадь?) изображено в динамике движения в правую сторону. Слева от фигуры всадника находится фрагмент другой антропоморфной фигуры (?) с А-образной постановкой ног. Слева и справа от «решетки» – три линейные зооморфные фигуры. Справа от «решетки» видна вертикальная линия с развилкой вверху. Все изображения светло-красного цвета.

Сейчас из-за перекрытия изображений надписями были выявлены лишь три зооморфные фигуры и часть антропоморфной – руки и голова. В центре виден фрагмент «решетки». Правее и ниже зафиксированы три вертикальные линии, которые трудно идентифицировать.

Плоскость 16 сектора I (по материалам В.Ф. Капелько и А.Л. Заики) обращена на юг. В левом нижнем углу изображена линейная фертообразная антропоморфная фигура (см. рисунок, 2). Постановка ног А-образная. На конце фаллического отростка изображено кольцо. На месте ступней ног – подпрямоугольные контуры. Правее – другая фертообразная антропоморфная фигура. От ее головы отходит линия, заканчивающаяся А-образной фигурой (ружье на сошках?). Еще правее расположена профильная зооморфная фигура, движущаяся в правую сторону. В верхнем правом углу выявлено аморфное изображение в виде пересеченных линий. Цвет охры на всех изображениях светло-красный, но крайняя левая фигура выглядит ярче.

В результате обработки современных материалов были выявлены изображения кругов и линий, двух антропоморфных фигур; в левой части – ли-

нейная зооморфная фигура, обращенная вправо, в верхней части – прямоугольная фигура с вертикальной линией.

Плоскость 8 сектора II (по материалам В.Ф. Капелько и А.Л. Заики) находится на высоте 2,1 м от тропы и представляет собой негатив отколовшейся части валуна. В левой части изображено животное, движущееся по диагонали вверх (в правую сторону) с А-образной постановкой ног (см. *рисунок, 3*). Левее и ниже выявлено вытянутое аморфное пятнышко (детеныш?). Правее расположена композиция из трех соединенных колец. К левому «кольцу» сверху примыкает округлое пятнышко, напоминающее голову линейной антропоморфной фигуры. От мест сочленения «колец» вниз опускаются две вертикальные линии, от крайнего правого поднимается вверх наклонная линия. Правее и выше этой фигуры выявлено силуэтное изображение прямоугольника с примыкающей к нему снизу округлой фигурой. В правом нижнем углу камня (за гранью) находится силуэтная фигура, напоминающая антропоморфную, в сидячем положении. Все рисунки выполнены красной охрой розовых тонов.

На данный момент плоскость разделена на две (18 и 19). Выявлены лишь фрагменты зооморфной и округлой фигур, часть одного «кольца». Несмотря на надписи, удалось выявить новые элементы изображения – три вертикальные линии выше «колец».

Использование архивных данных значительно помогло при выявлении изображений на писанице. Учитывая деструктивное влияние на петроглифы со стороны природы и человека, эти матери-

алы вместе с современными данными позволили получить достаточно объективную информацию о рисунках – уточнить результаты современных исследований, восстановить частично или полностью утраченные композиции.

*Научный руководитель – А.Л. Заика
канд. ист. наук, доцент,*

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Список литературы

Заика А.Л., Капелько В.Ф. Писаницы Ленковой горы (предварительное сообщение) // Проблемы археологии Скифо-Сибирского мира. Кемерово: КемГУ, 1989. Ч. 2. С. 73–75.

Заика А.Л., Вдовин А.С., Конохов В.А. Результаты исследования петроглифов на юге Красноярского края в 2015 г. // Мартыановские краеведческие чтения. Вып. IX. Минусинск: МРКМ им. Н.М. Мартыанова, 2016. С. 113–115.

Кочкина Е.И. Современное состояние и проблемы музеефикации писаницы «Ленкова гора» // Мартыановские краеведческие чтения. Вып. VIII. Минусинск: МРКМ им. Н.М. Мартыанова, 2014. С. 125–126.

Можарова Е.А., Журавков С.П. Новые наскальные изображения первого сектора писаницы Ленкова гора // Мартыановские краеведческие чтения. Вып. XV. Минусинск: МРКМ им. Н.М. Мартыанова, 2021. С. 147–150.

Солодейников А.К. О терминологии, технологии, пигментных картах и хронологии // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 142–146.

Pisanitsa Lenkova Gora (Western Section) Based on the Materials of V.F. Kapelko

E.A. Mozharova

The work is dedicated to the rock art site of Lenkova Gora. The object of the study is the western section of the site, represented by sectors 1 and 2. The main sources were V.F. Kapelko's copies of rock paintings, field documentation of the 1990s, modern data provided by the Seeker Club. Lenkova Gora is a unique site of rock art, with a large concentration of lattice-like images, with unusual anthropomorphic and zoomorphic figures. This work is the first step in the study of the site. The materials of V.F. Kapelko, the first researcher of Lenkova Gora were crucial for this study.

Keywords: rock art, Lenkova Gora, Kapelko, archival materials, ochre, western sector.

Можарова Евгения Александровна

студент 2-го курса

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

e-mail: evgeniamozarova1@gmail.com

Mozharova Evgeniya Aleksandrovna

2nd year student

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

e-mail: evgeniamozarova1@gmail.com

Изображения животных каменного века Приморья как один из источников для реконструкций адаптации в прибрежной зоне*

А.И. Панкина

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия*

При проведении комплексных реконструкций жизни древнего населения немаловажную роль могут играть зооморфные образы, представленные мелкой пластикой или гравировками. Поскольку изображения животных являются отражением фауны той природной среды, в которой либо проживали, либо когда-либо бывали их создатели, они могут предоставить дополнительную информацию об особенностях хозяйственной деятельности населения, логистике и использовании отдельных ландшафтных зон. В некоторых случаях эта информация может быть ключевой ввиду отсутствия или небольшого количества фаунистических материалов (особенно характерно для Приморья в связи с кислотностью почв).

Зооморфная пластика каменного века Приморья представлена в коллекциях четырех основных культур от финального палеолита до позднего неолита Дальнего Востока: устиновской, руднинской (кондонской), бойсманской, зайсановской, и насчитывает к настоящему моменту более 60 предметов. Важнейшей задачей изучения данных предметов искусства, наряду с анализом технологических и стилистических особенностей, является уточнение видового состава изображенных животных, что в свою очередь позволяет проследить корреляцию с эколого-климатическими изменениями в регионе.

В период от 12–10 до 2,5 тыс. л.н. процесс глобального потепления в Приморье проходил в несколько этапов и сопровождался резкими перепадами температур и колебаниями уровня моря. Изменения экологических процессов отразились в выработанных адаптационных стратегиях местного населения, которые могут быть зафиксированы археологически: закономерности расположения памятников, состав орудийных комплексов, набор сохранившихся экофактов, а также образцы и сюжеты древнейшего в регионе искусства.

Устиновская культура. Основной состав животных в коллекциях зооморфной пластики устиновской группы памятников содержит изображения: рыб (6), наземных млекопитающих (медведи, кабан,

олени) (5); птиц (2). Такой состав соответствует климатическим условиям финального палеолита – начала неолита в Приморье (12–8 тыс. л.н.). В исследовательской литературе принято интерпретировать найденные здесь ихтиоморфные изображения как представителей лососевых [Табарев, 2007, с. 79–80; Кононенко, Кадзивара, Гарковик, 2003, с. 98]. Памятники данной культуры расположены компактной группой вдоль нерестовой р. Зеркальной, в 30–35 км от побережья Японского моря. Несомненно, местное население могло добывать сезонную проходную рыбу, идущую на нерест. Однако наличие в комплексах даже одного памятника (Устиновка-4) двух морфологически разных изображений рыб свидетельствует об изображениях представителей разных семейств, в т.ч. карповых (дальневосточная красноперка, черный или белый лещ, карась). Которые в свою очередь могли добываться в р. Зеркальной в течение большей части года.

Руднинская культура. Видовой состав зооморфной пластики руднинской культуры представлен изображениями морских млекопитающих (тюлень, нарвал?) (4), наземных млекопитающих (олени, кабан и медведи) (5), рыб (3), птиц (5). А.В. Табаревым был отмечен заметный сдвиг в сюжетах зооморфных изображений от рыб в устиновских комплексах к появлению изображений морского зверя в руднинской культуре [Табарев, 1996, с. 214]. Безусловно, для проведения статистических сравнений количество соотносимых изображений невелико. Однако подобный сдвиг может подтверждаться климатическими изменениями. На период существования памятников руднинской культуры (7,6–6,3 тыс. л.н.) приходится начало оптимальной фазы голоцена, сопровождавшейся потеплением климата и повышением уровня моря на 2,5–3,0 м выше современного. Наиболее благоприятными для проживания были устьевые зоны, в т.ч. бухта Рудная. Здесь в периоды захода нерестовых рыб собирались представители ластоногих. На песчаных косах и каменистых пляжах, излюбленных местах для отдыха, они могли служить

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока России».

легкой добычей для человека [Первые рыболовы..., 1998, с. 15, 345].

Бойсманская культура. Видовой состав зооморфных скульптур в материалах бойсманских памятников представлен изображениями рыб (5), морских млекопитающих (5), рептилий (2), водоплавающих птиц (1), наземных млекопитающих (олень/лось, кабан) (2). Известно, что представители бойсмановской культуры были адаптированы к условиям обитания на морском побережье в период пика атлантической трансгрессии, когда уровень воды был на 2,5–3,0 м выше современного. Все известные памятники этой культуры приурочены к наиболее продуктивным участкам побережья (наличие лагуны или закрытого залива). Жители памятников использовали все доступные морские ресурсы, в т.ч. имела место добыча различных видов рыб почти весь год, а также в определенные сезоны осуществлялось собирательство моллюсков, добыча морских млекопитающих (китообразных и ластоногих), наземных животных (олени, кабаны и др.), птиц [Там же, с. 376].

Зайсановская культура. Видовой состав зооморфной пластики зайсановской культуры весьма разнообразен: морские млекопитающие (нерпа, косатка) (2), рептилии (черепаха, змея) (2), рыбы (2), морские животные (морские ежи и морская звезда), наземные млекопитающие (медведь, собака, еж) (3), водоплавающая птица (1). В период существования зайсановской культуры в Приморье произошло несколько крупных изменений климата (фазы похолоданий и потеплений), сопровождавшихся достаточно интенсивными и быстрыми колебаниями уровня моря (амплитуда поднятия-понижения составляла до 6 м). Классически определяемые как первые земледельцы в Приморье, представители зайсановской культуры успешно адаптировались к изменениям окружающей среды, вели комплексное хозяйство, включавшее не только грядковое земледелие, но и, в частности для прибрежных памятников, морское собирательство, рыболовство, охоту на морских и наземных млекопитающих [Вострецов, 2006, с. 28].

Таким образом, в целом видовой состав животных при общей схожести имеет для каждой культуры свою определенную особенность, коррелирующую как с эколого-климатическими условиями, в которых проживали представители той или иной культуры, так и со спецификой ведения хозяйственной деятельности каждой культуры.

В технологическом плане для зооморфной пластики Приморья характерно изготовление скульптур на отщепках с краевой или сплошной ретушью. Данная традиция сохраняется в коллекциях всех рассмотренных выше культур от финального палео-

лита до позднего неолита. Подобный тип изделий в исследовательской литературе принято называть «кремневой» скульптурой или палеоглиптикой [Табарев, 2007, с. 80]. Находки изделий из кости и рога достаточно редки в силу кислотности почв в Приморье, однако обнаруженная скульптура в пещере Чертовы Ворота из клыка кабана демонстрирует высокое мастерство и разработанный инструментарий для обработки и орнаментации таких изделий. В среднем неолите (бойсмановская культура) появляется и заметно распространяется в позднем неолите (зайсановская культура) традиция изготовления фигурок из керамики.

Для коллекций зооморфных скульптур каменного века Приморья характерно наличие специфических «приморских» черт, которые выражаются в отдельных сюжетах изображений, будь то заметный перевес в количестве изображаемых образов в пользу морских млекопитающих, а также наличие изображений морских ежей и звезд, или использование определенного местного сырья для производства скульптур (окремнелого туфа). С другой стороны, коллекции Приморья находят аналогии в изобразительных традициях мезолита и неолита п-ова Камчатка, а также лесной полосы Восточной Европы, где также наряду с изделиями из кости, рога и керамики широкое распространение получила «кремневая» скульптура.

*Научный руководитель – Ю.Е. Вострецов
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН*

Список литературы

Вострецов Ю.Е. «Поворотные моменты» в культурной эволюции древнего населения Приморья // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2006. № 3 (27). С. 25–32.

Кононенко Н.А., Кадзивара Х., Гарковик А.В. Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена – голоцена. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 176 с.

Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 390 с.

Табарев А.В. Декоративные элементы в раннеголоценовых индустриях Дальнего Востока: проблема интерпретации // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки (материалы международной конференции). Владивосток. 1996. С. 213–218.

Табарев А.В. Каменные фигурки рыб по материалам финальнопалеолитических памятников Дальнего Востока: версии и интерпретации // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Вып. 3. Барнаул: Азбука. 2007. С. 79–81. (Тр. САИПИ).

Zoomorphic Portable Art of the Stone Age of Primorye Region as One of the Sources for Reconstructions of Adaptation in the Coastal Zone

A.I. Pankina

The article is an overview of all currently known zoomorphic images from the collections of cultures of the Stone Age of Primorye: Ustinovskaya, Rudninskaya, Boysmanskaya, Zaisanovskaya. The author paid attention to both the technological features of the sculptures and the taxonomic features of the animals based on the method of biological classification. Zoomorphic sculpture of Primorye is characterized by the stability of technological techniques (preservation of the tradition of making "flint sculpture"), there was also the development of new forms and technologies, including the appearance of clay figurines. The revealed species composition of the depicted animals (marine and terrestrial mammals, fish, birds, reptiles), with general stability, has small but significant differences for each of the cultures under consideration, which finds correlation in the ecological and climatic changes of the period of existence of each culture and the specifics of its economic orientation.

Keywords: Primorye, Final Paleolithic, Neolithic, biological classification, zoomorphic sculptures.

Панкина Анна Ильинична

аспирант 2-го курса

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН

e-mail: pankina1995b@mail.ru

Pankina Anna Ilinichna

2nd year postgraduate student

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far-East FE BRAS

e-mail: pankina1995b@mail.ru

Методы естественных наук в археологических исследованиях

УДК 902/904

Природные условия обитания поздних неандертальцев на территории Алтая

В.В. Алексеичева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

До некоторого времени самой восточной точкой расселения неандертальцев считался Узбекистан, местонахождение Тешик-Таш. Фрагментарные останки 8–10-летнего ребенка были найдены здесь в 1930-х гг., и они были предположительно определены как неандертальские. Еще восточнее, на территории Алтая, в пещере Окладникова, были обнаружены останки древнего человека, ассоциированные с мустьерской орудийной традицией. Долгое время, однако, велись споры об их видовой принадлежности [Glantz, Ritzman, 2004; Шпакова, Деревянко, 2000].

Первая попытка выделения митохондриальной ДНК из бедренной кости, найденной в пещере Тешик-Таш, и трех фрагментов трубчатых костей из пещеры Окладникова была осуществлена Дж. Краузе и его командой в 2007 г. Полученные последовательности мтДНК были сопоставлены с уже известными на тот момент 13 последовательностями, принадлежавшими европейским неандертальцам, что позволило доказать присутствие неандертальцев на территориях как Узбекистана, так и Северо-Западного Алтая [Krause et al., 2007].

На настоящий момент доказанным является факт существования двух миграционных волн расселения неандертальцев на Алтае. С первой волной заселения ассоциирован такой памятник, как Денисова пещера. Орудийный комплекс на памятнике Чагырская пещера значительно отличается от комплекса Денисовой пещеры и отражает вторую волну миграции неандертальцев на эти территории – т.н. поздних неандертальцев. Техни-

ко-типологический анализ орудийного комплекса и данные анализа ДНК позволили определить, что наиболее вероятной их прародиной является Восточная Европа, за 3 тыс. км от нового места расселения. Согласно результатам детального анализа каменной индустрии была выявлена наибольшая близость комплекса с микокской культурой [Kolobova et al., 2020].

Расселение неандертальцев на территории Алтая является исключительным примером миграций древнего человека на столь дальние расстояния. В свете вопроса о причинах миграций неандертальцев на Алтай, а также возможных причинах их исчезновения на этих территориях и основах их жизнеобеспечения представляется важным изучение природных условий их обитания на территории Северо-Западного Алтая.

Для реконструкции природных условий Северо-Западного Алтая в период его заселения поздними неандертальцами использовался палинологический анализ. На настоящее время он является одним из самых надежных и эффективных методов, используемых для изучения природной среды прошлого. Объектами палинологического изучения стали пещерные археологические памятники Верхняя Сибирячиха и Козья.

Пещера Козья находится в Чарышском р-не Алтайского края и была обнаружена отрядом ИАЭТ СО РАН в 2020 г. в ходе разведок, исследование памятника было продолжено в 2021 г. [Харевич и др., 2021]. На памятнике было выделено четыре стратиграфических подразделения (1–3.2),

по нижнему из которых была получена запредельная для AMS датировка >55 тыс. л.н. (GV3067). Каменные артефакты, обнаруженные в слоях 3.1 и 3.2, имели среднепалеолитический облик, палеофаунистические остатки имели плейстоценовую степень сохранности. В ходе полевого сезона 2021 г. на палинологический анализ здесь было отобрано восемь образцов из слоев 1–3.2.

Пять из восьми проб, отобранных на пещере Козья, показали достаточное для статистической обработки количество палиноморф (см. рисунок, 1).

Доминирующей на протяжении периода осадконакопления слоя плейстоценового возраста (3.1) является травянистая растительность; древесная растительность, по большей части представленная хвойными, не играет значимой роли. Отсутствие древесной растительности, доминирование злаков, гвоздичных, полыней указывает на преобладание открытых пространств степного типа в изучаемый промежуток времени. При этом маревые, доминирующие в слое 2, являясь сорным растением и зачастую заселяя предвходовые площадки пещер, скорее всего, являются локальным элементом, нежели индикатором сухих степей и пустынь в данный период. Присутствие в значимом количестве астровых, розоцветных, лютиковых и отсутствие арктических элементов в спектрах указывает на существование скорее мезофитных вариантов разнотравных степей, следовательно, теплого и относительно влажного климата.

Вторым объектом изучения стала пещера Верхняя Сибирячиха. Она располагается на территории Северо-Западного Алтая, в непосредственной близости с пещерой Окладникова, заселенной поздними неандертальцами [Колобова и др., 2021]. На памятнике выделено пять стратиграфических подразделений (1–4.2), для слоев 2 и 3 были получены абсолютные датировки по методу AMS, они составили $27\,890 \pm 347$ (GV 3074) и $40\,952 \pm 2479$ (GV 3076) соответственно. На основе археологического и палеофаунистического материалов были сделаны выводы о единовременных эпизодах посещения памятника древним человеком. Слой 3 памятника синхронен культуросодержащему слою пещеры Окладникова, что дает возможность реконструировать природные условия обитания поздних неандертальцев на данной территории. В 2021 г. на памятнике из отложений слоев 1–4.2 было отобрано 19 проб для палинологического анализа.

Для Верхней Сибирячихи было проанализировано 10 образцов из археологических отложений (см. рисунок, 2). Все образцы характеризуются абсолютным преобладанием травянистой растительности, из древесной растительности в незначи-

тельных количествах встречаются хвойные, ива, липа. Среди травянистых наиболее представлены злаки, лютиковые, астровые, полыни, розоцветные, бобовые, яснотковые. Для слоя 3 характерно преобладание цикориевых, что резко отличает его от нижележащего и вышележащего слоев, при этом остальной состав спектра схож с составом спектров соседних слоев. Вероятно, причиной резкого роста цикориевых в спектре могли стать антропогенная и зоогенная деятельность в пещере, и он не отражает тенденций изменений растительного покрова региона. Во избежание ошибок интерпретации спектра цикориевые были исключены нами из расчетов. В целом, пылевой состав образцов с памятника Верхняя Сибирячиха на протяжении всего периода осадконакопления отражает открытые степные ландшафты с преобладанием злаков и элементами мезофильного разнотравья.

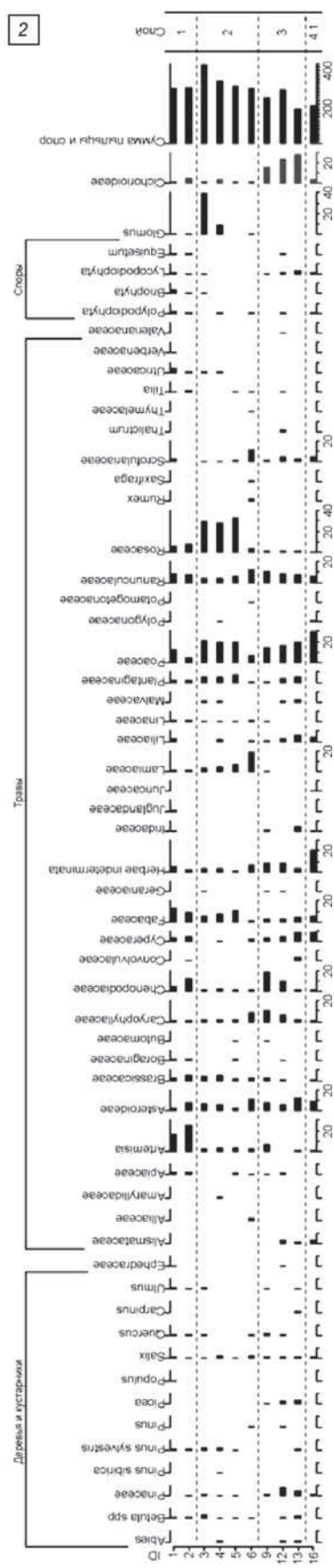
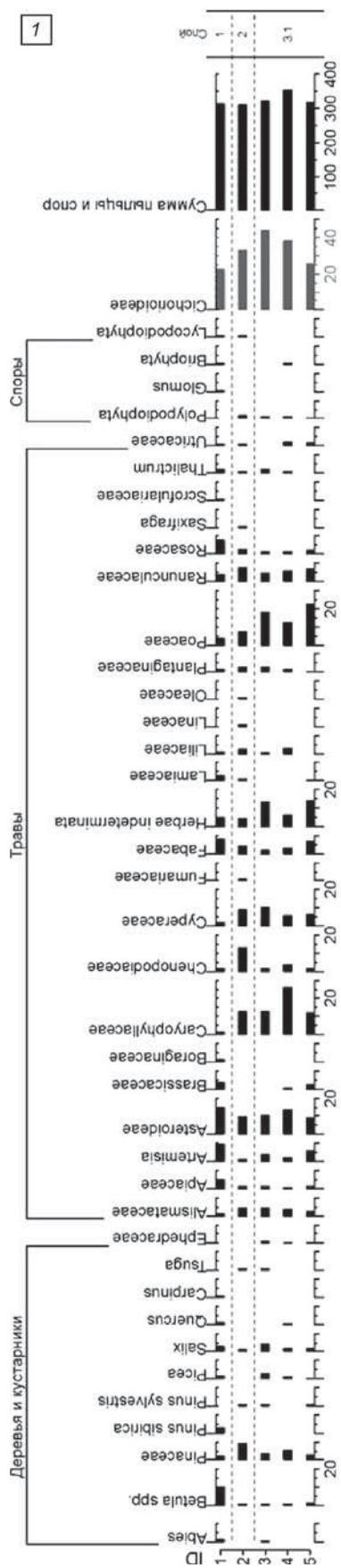
Можно заключить, что пылевой состав спектров памятников Верхняя Сибирячиха и Козья схож между собой и отражает открытые степные ландшафты с элементами мезофильного разнотравья в период заселения их поздними неандертальцами. Древесная растительность, в основном представленная хвойными, не играет значимой роли на протяжении всего периода осадконакопления памятников. Данные, полученные на основе материалов пещер Козья и Верхняя Сибирячиха, дополнительно подтверждают выводы о существовании открытых пространств в период обитания на этих территориях поздних неандертальцев, сделанные на основе результатов анализа мелкой фауны пещеры Козья [Харевич и др., 2021].

*Научный руководитель – Н.А. Рудая
д-р геогр. наук, ст. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН
Научный консультант – К.А. Колобова
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Колобова К.А., Харевич В.М., Васильев С.К., Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Пархомчук Е.В., Харевич А.В., Кривошапкин А.И. Исследования пещеры Верхняя Сибирячиха в полевом сезоне 2021 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 27. С. 148–153.

Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Гашенко А.В., Колясникова А.С., Пархомчук Е.В., Сердюк Н.В., Алексейцева В.В., Харевич А.В., Колобова К.А. Исследования нового среднепалеолитического памятника на Алтае – пещеры Козья в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и

Палинологические диаграммы.

1 – пещера Козья; 2 – пещера Верхняя Сибирячиха.

сопредельных территорий. Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 27. С. 300–307.

Шпакова Е.Г., Деревянко А.П. Интерпретация одонтологических особенностей плейстоценовых находок из пещер Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 125–138.

Glantz M.M., Ritzman T.B. A reanalysis of the Neandertal status of the Teshik-Tash child // American Journal of Physical Anthropology. 2004. P. 100–101.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P.,

Pääbo C. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. 2007. Vol. 449. P. 902–904.

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O’Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117, N 6. P. 2879–2885.

Habitat Conditions of Late Neanderthals in the Altai Territory

V.V. Alekseitseva

The paper is devoted to the reconstruction of environmental conditions in Northwestern Altai in the period of late Neanderthal settlement in these territories. So-called late Neanderthals reflect the second Neanderthal dispersal in this area, and their ancestral homeland is most likely Eastern Europe, which was about 3000 kilometers far from the new habitat area. In the connection with the question of purposes for the migration of Neanderthals to this territory it seems important to reveal habitat conditions of late Neanderthals in Northwestern Altai. Palynological analysis was carried out for two archaeological sites located in the territory of Northwestern Altai – Kosya cave and Verkhnyaya Sibirychikha cave. The results reflect the presence of open steppe spaces with the elements of mesophilic forbs during the studied period.

Keywords: Neanderthals, Altai, paleoecology, palynology, Middle Paleolithic, Micoquian.

Алексейцева Валентина Владимировна

магистрант 2-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: v.alekseitseva@g.nsu.ru

Alekseitseva Valentina Vladimirovna

2nd year master’s degree student

Novosibirsk State University

e-mail: v.alekseitseva@g.nsu.ru

УДК 930.26, 069.8

К вопросу о сохранении крупногабаритных чугунных археологических объектов

А.В. Балагурова

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Институт химии ДВО РАН, Владивосток, Россия*

В музее Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ) ДВО РАН на хранении находится особая категория чугунных археологических предметов крупного размера, требующих для обеспечения своей эффективной консервации разработки специальных технических подходов. Среди них особого внимания заслуживает трехфунтовое чугунное корабельное орудие с пакетбота «Святой Апостол Петр», на котором в 1740–1742 гг. экспедиционным отрядом под руководством капитан-командора В.И. Беринга проводилась Вторая Камчатская экспедиция вдоль арктического побережья Сибири к берегам Северной Америки и Японии. Чугунная пушка в числе 7 из 14 орудий пакетбота была найдена в 1981 г. на Командорских островах в ходе экспедиции

ИИАЭ. На сегодняшний день этот объект требует повторного проведения комплекса мер по обеспечению долговременной сохранности.

Базовые основы обработки морских археологических предметов, насыщенных анионами хлора, отмечены в широко известной работе Н.А. Норта и С. Пирсона [North, 1978, p. 174–186]. В работах [Memet, 2008, p. 42–49; Hamilton, 1976, p. 291–323] описан эффективный метод электрохимической стабилизации крупных морских археологических объектов. Анализ и обобщение известных технико-технологических решений по консервации крупногабаритных объектов, выполненных из железоуглеродистых сплавов, выявил успешные проекты, такие как реставрация и консервация парохода «SS Great Britain» [Rimmer, 2013, p. 326–337;

Watkinson, 2004, p. 88–102], работы по подъему и консервации субмарины «H.L. Hunley» [Drews, 2013, p. 314–325; Viviés, 2007, p. 26–30]. Также известны работы, в которых представлены альтернативные подходы к дехлорированию [Batis, 2015, p. 259–269]. Значительное внимание в литературе уделяется консервации пушек [Unglik, 1995, p. 351–363; Croome, 2004, p. 195–206]. Изучению подлежат и факторы влияния физических, химических и биологических условий, которые оказывают влияние на сохранность подводного культурного наследия [Bethencourt, 2018, p. 98–114], а также методы катодной защиты с использованием жертвенных анодов *in situ* [Bartuli, 200, p. 1–8]. Таким образом, способы обработки объектов подводной археологии, включая крупногабаритные, хорошо описаны в научной литературе и могут быть использованы на практике после исследования материала объекта.

Динамика разрушения материала орудия дана на основе оценки изменения внешнего вида изделия, проведенной по фото- и видеоматериалам. Диагностирована высокая степень и значительная глубина минерализации материала, очаги активной коррозии, скопление в материале напряжений, способствующих развитию трещин, зафиксированы утраты. Коррозионные процессы протекают снаружи и внутри материала, несмотря на то, что в прошлом предмет был достаточно качественно обработан в полевых условиях: орудия были частично очищены от загрязнений и промыты в пресной воде. В работе [Леньков, 1988, с. 97] упоминается пескоструйная и гальваническая очистка пушки, дальнейшее ингибирование и покрытие синтетическим воском. Восковое покрытие образует защитную пленку, однако со временем оно склонно стареть и истончаться, что в сочетании с незавершенным дехлорированием, нарушением правил хранения и частым механическим воздействием создает риск возобновления коррозии.

Рентгеновскими методами проанализирован химический состав поверхности (pXRF), а также элементный (EDXRF) и фазовый состав (РФА) продуктов коррозии. Анализ поверхности не выявил присутствия аномальных для чугуна компонентов, которые могли быть использованы в составе растворов промывки ранее при гальванической обработке, или же добавлены в покрытие для обеспечения катодной защиты поверхности. Результаты РФА показали наличие соединений, образование которых характерно для морской коррозии железоуглеродистых сплавов.

На основе диагностики состояния предмета подобраны условия и параметры обработки. Разработаны основные технические требования к проекти-

рованию и изготовлению опытно-промышленной установки (ОПУ), комбинирующей щелочную обработку с возможностью подключения внешних устройств для обеспечения интенсификации массообменных процессов между материалом обрабатываемого предмета и дехлорирующей средой. Проект установки предполагает изготовление ванны дехлорирования из гомополимера РР-Н, способного выдерживать значительный вес объектов. Для контроля процесса и облегчения доступа к объекту, крышка установки состоит из нескольких быстроразъемных секций. Конвекция рабочего раствора осуществляется при помощи циркуляционного насоса. Нагрев раствора производится за счет проточного водонагревателя, интегрированного в циркуляционный контур. Конструкция установки снабжена системой водоотвода и предусматривает возможность подключения дополнительных емкостей, позволяющих хранить раствор на межоперационных этапах обработки, осуществлять его обновление.

Целесообразность создания ОПУ обосновывается дополнительными перспективными возможностями за счет ее универсальности, позволяющей проводить обработку не только крупных объектов, но и обработку массовых железных находок, а также для задач, требующих использования термостатируемых химических растворов при обеспечении в них конвективного перемешивания среды, например, для камеральной обработки керамики.

*Научный руководитель – И.Ю. Буравлев
канд. хим. наук, ст. науч. сотр.,*

Институт химии ДВО РАН

доцент,

Дальневосточный федеральный университет

Список литературы

Леньков В.Д., Силантьев Г.Л., Станюкович А.К. Командорский лагерь экспедиции Беринга: (опыт комплексного изучения). М.: Наука, 1988. 125 с.

Bartuli C., Petriaggi R., Davidde B., Palmisano E., Lino G. In situ conservation by cathodic protection of cast iron findings in marine environment // 9th International Conference on NDT of Art, Jerusalem Israel. 2008. P. 1–8.

Batis G., Zacharopoulou A., Zacharopoulou E., Siova H., Argyropoulos V. Dechlorination of large marine iron artifact using a novel technique involving impressed current // Anti-Corrosion Methods Mater. 2015. N 62. P. 259–269.

Bethencourt M., Fernandez-Montblanc T., Izquierdo A., Gonzalez-Duarte M. M., Munoz-Mas C. Study of the influence of physical, chemical and biological conditions that influence the deterioration and protection of Underwater Cultural Heritage // Science of The Total Environment. 2018. Vol. 613–614. P. 98–114.

Croome H.L. Corrosion rate study of cannon at the Prince of Wales Fort // Proceedings of the International Conference on Metals Conservation. 2004. P. 195–206.

Drews M.J., González-Pereyra N.G., Mardikian P., Viviés P.De. The application of subcritical fluids for the stabilization of marine archaeological iron // Studies in Conservation. 2013. Vol. 58, N 4. P. 314–325.

Hamilton D.L. Conservation of Metal Objects from Underwater Sites: A Study in Methods // Texas Antiquities Committee Publication. 1976. Vol. 1. P. 291–323.

Memet J.B. Conservation of Underwater Cultural Heritage: characteristics and new technologies // Museum International. 2008. Vol. 60, N 4. P. 42–49.

North N.A., Pearson C. Washing method for chloride removal from marine iron artifacts // Studies in conservation. 1978. Vol. 23, N 4. P. 174–186.

Rimmer M., Watkinson D., Wang Q. The impact of chloride desalination on the corrosion rate of archaeological iron // Studies in Conservation. 2013. Vol. 58, N 4. P. 326–337.

Unglik H. Metallurgy and Corrosion of Cast Iron Cannons from Fort Prince of Wales, Manitoba // Symposium – Materials Issues in Art and Archaeology IV. 1995. Vol. 352. P. 351–363.

deViviés P., Cook D., Drews M., González N., Mardikian P., Memet J.-B. Transformation of akaganeite in archaeological iron artefacts using subcritical treatment // Proceedings of Metal 07: ICOM-CC International Conference on Metals Conservation. 2007. Amsterdam. P. 26–30.

Watkinson D., Lewis M. Great Britain iron hull: modelling corrosion to define storage relative humidity // Metal. 2004. Vol. 44. P. 88–102.

Some Aspects of Conservation of Large Archeological Iron Objects from the Sea

A.V. Balagurova

The paper presents generalised scientific and technical solutions for the conservation of large archaeological objects made of iron alloys, including the objects of underwater archaeology. The list of tools, restoration materials, special equipment and devices, technical and technological features of conservation (including in situ conservation possibilities) are presented. A prototype of a device for high quality dechlorination of material is presented. Further promising possibilities for the use of the unit are given due to its versatility and promising multifunctionality.

Keywords: underwater archaeology, conservation, archaeological iron, corrosion, ship's cannon, Vitus Bering.

Балагурова Александра Вячеславовна

старший лаборант

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН; Институт химии ДВО РАН
e-mail: balagurovaleksandra@mail.ru

Balagurova Aleksandra Vyacheslavovna

Senior laboratory assistant

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East FEB RAS; Institute
of Chemistry FEB RAS
e-mail: balagurovaleksandra@mail.ru

УДК 903.14

Исследования палеодиеты древнетюркского населения по материалам кургана № 7 памятника Маркелов Мыс-2

К.С. Бурашникова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Пища – естественная потребность и основа жизнедеятельности человека, она является источником энергии. Система питания отражает социальный статус, культурные традиции и верования. Человек употреблял пищу при жизни, она же сопровождает его в загробный мир.

Современные методы изучения системы питания средневековых кочевников ориентированы на изучение состава зубного камня, изотопный анализ костных останков и фосфатный анализ земли из придонной части сосудов. В последнее время активно применяется метод ПЦР тестирования образцов, полученных с внутренней поверхности керамических сосудов [ПЦР..., 2009].

В 2022 г. автор данной статьи участвовал в проведении серии ПЦР тестов, связанных с реконструкцией палеодиеты древних кочевников. В качестве образцов использовались соскобы со стенок и дна керамических сосудов с памятников раннего железного века, Средних веков и Нового времени. Тестирование проводилось на базе регионального центра «Альтаир» в рамках сетевого научно-исследовательского проекта под руководством канд. биол. наук сотрудника Института цитологии и генетики СО РАН Е.Н. Ворониной. В набор праймеров входили «ячмень», «овес», «пшеница», «просо», «корова», «овца», «курица». Затем осуществлялся процесс амплификации в

ДНК-амплификаторе «в реальном времени» CFX96 Touch, Bio-Rad.

Анализ продуктов амплификации проводился по оценке амплификационных кривых накопления флуоресценции в пробирке. Важным параметром амплификации является «пороговый» цикл, в котором начинается экспоненциальный рост продуктов ПЦР. Чем меньше этот цикл, тем больше ДНК было в изначальном образце. В первую очередь анализируются значения порогового цикла для контрольных пробирок. Оно может колебаться от 30 и выше в зависимости от праймеров. Прхождение ПЦР в контрольных образцах возможно из-за того, что в окружающей среде могут присутствовать деградированные обрывки разных ДНК. Для определения присутствия ДНК в образце рассчитывается разница значений (Δ) между «пороговыми» циклами. Если Δ по пороговым циклам для определенных праймеров больше 2, то можно говорить о присутствии данной ДНК в образце. Если Δ больше 5, то можно говорить о значительном присутствии данной ДНК в образце. Если Δ меньше 2, то ДНК отсутствует.

Исследуемые образцы отбирались с внутренних стенок сосудов, которые были обнаружены при археологических раскопках на памятнике Маркелов Мыс-2 в 1991 г. Памятник расположен на небольшом увале в 0,4 км к югу от подошвы одноименной горы Маркелов мыс и в 1,8 км от моста автотрассы Красноярск – Абакан через ручей Чегерак [Митько, 1992, с. 46–48].

Курган № 7 располагался в центре погребального комплекса. Курган был ограблен, грабительская яма находилась в центре сооружения. На всех уровнях заполнения могильной ямы были также зафиксированы фрагменты керамического сосуда. Погребение было совершено по обряду трупоположения с конем. В восточной части могильной ямы, между черепом лошади и правой рукой человека были обнаружены остатки мясной сопроводительной пищи – часть хребта взрослого барана, часть хребта ягненка, три ребра, череп и две бедренные кости барана.

Человек и конь были уложены головами в одну сторону – на запад. Конь, распложенный справа от человека, лежал на животе с подогнутыми передними и задними ногами, его костяк практически не был потревожен. У шеи, между черепом и правой передней ногой, стоял сосуд, имеющий форму «кыргызской» вазы, однако от классических образцов он отличается способом изготовления.

ПЦР тестирование образцов, собранных со стенок данного сосуда, показало наличие ДНК коровы. Метод ПЦР не позволяет точно определить, какая именно пища содержалась в сосуде: мясная или молочная. Основу рациона кочевников

составляют блюда, приготовленные из мясных и молочных продуктов. В соответствии с погребальным обрядом древних тюрок умершему в качестве сопроводительной пищи клали куски баранины и ставили сосуды с жидкой пищей, которая была приготовлена на молоке или на мясном бульоне.

По письменным свидетельствам, хозяйственно-культурный тип древних тюрок схож с хозяйственно-культурным типом современного населения степной зоны Южной Сибири. Это позволяет использовать данные этнографии, которые свидетельствуют об употреблении хакасами в пищу кисломолочных продуктов, ягод, грибов и диких сезонных растений, таких как черемша, кандык и сарана [Патачков, 1958, с. 66].

ПЦР тестирование, позволяющее определить содержимое керамических сосудов, только начинает входить в научную практику. Отбор образцов требует дополнительной доработки и усовершенствования. Проблемой, затрудняющей реконструкцию полной картины питания, стал ограниченный набор праймеров («ячмень», «овес», «пшеница», «пшено», «корова», «овца», «курица»), который лишь частично мог совпадать с рационом средневековых кочевников. Данные этнографии свидетельствуют о том, что питание населения Минусинской котловины могло быть разнообразнее, чем приведенный нами ряд продуктов. Открытым вопросом является существование земледелия у жителей Минусинской котловины раннего железного века и Средних веков. Находки сельскохозяйственных орудий труда, оросительных сооружений, зерен и семян растений лишь косвенно свидетельствуют о том, что на данной территории выращивались domesticiрованные виды растений, а не собирались дикорастущие.

В целом, полученные нами результаты ПЦР тестирования адекватны литературным, археологическим и этнографическим источникам, однако требуют проведения дополнительных анализов с расширенной базой праймеров.

*Научный руководитель – О.А. Митько
канд. ист. наук, доцент,*

Новосибирский государственный университет

Список литературы

Митько О.А. Древнетюркские погребения могильника Маркелов мыс-2 // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии приенисейского края. Красноярск, 1992. Т. 2. С. 46–48.

Патачков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан: Хакаское книж. изд-во, 1958. 121 с.

ПЦР «в реальном времени» / Д.В. Ребриков, Г.А. Саматов, Д.Ю. Трофимов и др. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. 223 с.

Studies of the Paleodiet of the Ancient Turkic Population Based on the Materials of the Barrow N 7 of the Archaeological Resource Markelov Mys-2

K.S. Burashnikova

A new scientific method of paleodiet research is being developed – real-time PCR. Samples from the surface of a ceramic vessel discovered during the excavation of the barrow N 7 of the archaeological resource Markelov mys-2 were examined. The vessel was discovered in an ancient Turkic burial. PCR testing showed the presence of cow DNA in this vessel, but it is impossible to determine whether it was meat or dairy food. The economic and cultural type of the ancient Turks and modern Khakas coincides, so it can be assumed that they had a similar diet. In this regard, ethnographic data can be used to interpret the results of PCR. Since this method is only being developed, the data obtained require additional verification. The main problem is a limited set of primers, which cannot more fully characterize the diet of the ancient Turks.

Keywords: paleodiet, real-time PCR, ancient Turks, ceramic vessels, DNA.

Бурашникова Ксения Сергеевна

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: k.burashnikova@g.nsu.ru

Burashnikova Ksenia Sergeevna

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: k.burashnikova@g.nsu.ru

УДК 902/904

Оленья упряжь ненцев: бытование и реставрация

З.А. Иванова

ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение»,

Центр консервации и реставрации управления исследований и популяризации музейных фондов,

Тюмень, Россия

Среди археологических находок особое место занимают те предметы, которые состоят из двух и более материалов, особенно если они являются как органическими, так и неорганическими. При определенных климатических условиях подобные артефакты нередко сохраняются в очень хорошем виде и могут дать достаточно подробную информацию о быте и культуре народов Крайнего Севера Западной Сибири.

Однако большую сложность многосоставные предметы вызывают у реставраторов, т.к. органические и неорганические элементы часто требуют совершенно полярных методов консервации.

В 2013 г., в рамках гранта РГНФ и при поддержке Администрации Тазовского района ЯНАО, Тазовским отрядом Тоболо-Ишимской археологической экспедиции ИПОС СО РАН на территории Тазовского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской обл. в ходе разведки были изучены участки левобережной коренной террасы р. Таз между поселками Газ-Сале и Тазовский. Также были выделены два археологических микро-района – Тазовский и Мамеевский [Ткачев, 2014, с. 54–56].

В процессе работ на территории Мамеевского археологического микрорайона в 15 км юго-западнее от пос. Тазовский на дневной поверхности были обнаружены мужской наборный кожаный

пояс, деревянные ножны с частично разрушенными бронзовыми пластинами [Иванова, 2023, с. 211–212] и фрагмент кожаного пояса с бронзовым массивным элементом.

При атрибуции кожаного пояса с массивным элементом возникли затруднения из-за фрагментарности кожаной основы. При изучении литературы удалось обнаружить аналогичный предмет в монографии О.А. Мурашко и Н.А. Кренке, где опубликована коллекция музея антропологии МГУ, собранная в начале XX в. в низовьях Оби [2001, с. 5]. Так удалось установить, что данный предмет является подпругой для ведущего оленя, а бронзовый элемент необходим для поддержания вожжи и носит название *вертлюг*.

Упряжь и ее фрагменты довольно часто встречаются в ненецких погребениях. Они обычно располагаются в ногах, указывая на главное занятие данного народа – оленеводство. Оленеводство у ненцев появилось в результате перехода от выючно-верхового к санному из-за биологического изменения оленя, который стал меньше в размерах и уже был не пригоден для езды верхом [Там же, с. 32]. Крупное оленеводство, а также основной образ нарт и упряжки, начинают формироваться у тундровых ненцев в XVIII – начале XIX в. Целей у ненецкого оленеводства несколько, олени – это основной транспорт, пища, а также сырье для из-

готовления предметов быта и элементов одежды [Там же, с. 17–19].

Ненецкая оленья упряжка – это основа всего хозяйства и жизни этих коренных народов. Она используется круглый год. Нарты в период кочевья выстраиваются в караваны (аргиши). Различают два вида нарт – грузовые и ездовые, которые также делятся на женские и мужские. Всего в ненецком кочевье может быть от 20 до 50 нарт [Квашнин, 2005, с. 24–25].

Главной тягловой силой в них выступают один или несколько оленей, которые связаны сложной системой лямок и ремней. При этом для грузовых и легковых нарт она различается. В нашем случае речь будет вестись об упряжи для легковой нарты. Она состоит из недоуздка на голове оленя, кожаного пояса на спине и ремней, которые соединяли эту систему [Хомич, 1966, с. 95–100]. Именно на кожаном поясе обычно находится крепление для вожжи. Стоит отметить, что оно характерно только для передового оленя упряжки, т.к. за него заправляли вожжу, чтобы она не волочилась по земле. Изначально крепление делалось из дерева, однако, как отмечает Н.С. Гончаров, в XIX–XX вв. металлические элементы упряжи начали завозить с Европейской части России, а также заказывать в Тобольске у местных мастеров, что было намного дешевле и практичнее, чем изготавливать такие детали самим [Гончаров, 2020, с. 41].

Во время исследования оказалось, что у ненцев вертлюгом в оленьей упряжке принято называть элемент недоуздка, поэтому возникли сложности с атрибуцией.

Консервационно-реставрационная работа была произведена в рамках выпускной квалификационной работы на базе Казанского федерального университета в 2022 г. под руководством художника-реставратора III категории Л.Ф. Богатовой и художника-реставратора II категории П.В. Федана. Консультант – художник-реставратор высшей категории С.Г. Буршнева.

Кожаная часть предмета находилась в пересушенном состоянии, имела залом и трещины. Часть пояса была утрачена. На большей части поверхности были плотные засохшие органические загрязнения. К поясу крепился бронзовый вертлюг. Он имел потертости, а на его поверхности имелась неравномерная оксидная пленка первичного окисления темно-коричневого цвета, поверх которой росла вторичная минеральная корка серо-голубого цвета. По классификации С.Г. Буршневой, металлический предмет имел группу сохранности А и степень сохранности II [Буршнева, 2016, с. 40–44].

Изначально было принято решение провести демонтаж элементов. Для этого предмет был по-

мещен во влажную камеру на удаленное увлажнение для размягчения кожи. При этом проводился регулярный осмотр, чтобы не допустить появления активной коррозии. Однако результата это не дало, и было решено размягчать сухой кожаный материал с помощью раствора спирта, воды и глицерина (СВГ). Перед этим была произведена сухая механическая очистка поверхности предмета.

После этого СВГ наносился с кисти на участки крепления детали и вокруг него. После нескольких пропиток металлический элемент легко отделился от кожаной части. Далее предметы подвергались консервации отдельно друг от друга.

Кожа была очищена и увлажнена с помощью СВГ из пульверизатора [Федан, Богатова, Буршнева, 2019, с. 263]. Для более интенсивной очистки предметы были полностью помещены в раствор СВГ на семь дней. После этого было произведено исправление деформаций и жиrowание поверхности с помощью ланолиновой эмульсии. Для возвращения коже пластичности была использована смесь ланолина, вазелинового масла и пчелиного воска. По окончании консервации на месте утраты пояса была сделана укрепляющая дублировка с помощью натуральной кожи.

Металлический элемент был подвергнут интенсивной горячей промывке для нейтрализации водорастворимых солей и профилактики появления активной коррозии. После этого он был законсервирован с помощью 5 % раствора Paraloid B-72 в смеси растворителей этанол-ацетон [Буршнева, 2019, с. 71–80].

Монтаж элементов производился с помощью вощеной хлопковой нити.

Следует отметить, что применяемая методика не является универсальной и подбиралась исключительно под конкретные предметы. Это и является главной отличительной чертой работы со сложными артефактами – для каждого необходимо разрабатывать индивидуальный план реставрационных работ.

*Научный руководитель – А.А. Ткачев
канд. ист. наук, доцент,*

Тюменский государственный университет

Источники

Ткачев А.А. Археологические исследования на территории Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2013 году. Тюмень, 2014. 237 с. // Архив ТюмНЦ СО РАН.

Список литературы

Буршнева С.Г. Некоторые аспекты сохранности археологических находок из медных сплавов // Вестник

Музея Археологии и Этнографии Пермского Предуралья: научный журнал. 2016. № 6. С. 39–45.

Буршнев С.Г. Реставрация археологических и этнографических предметов из железа: учеб. метод. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 88 с.

Гончаров Н.С. Оленеводство: атрибуты кочевья // Охотники-олeneводы Хатанги и Анабара. Коллекция П.В. Слепцова в собрании МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2020. 256 с.

Иванова З.А. Деревянные ножны как элемент мужского пояса у народов Севера Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // LV Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (Ижевск, 1–3 февраля 2023 г.): мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ижевск: Удмурт. ун-т. 2023. С. 211–213.

Квашнин Ю.Н. Оленеводство сибирских тундровых ненцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 6. Тюмень. ИПОС СО РАН, 2005. С. 200–223.

Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М.: Наука, 2001. 155 с.

Хомич Л.В. Ненцы: историко-культурные очерки 1966. М.; Л.: Наука, 1966. 332 с.

Федан П.В., Богатова Л.Ф., Буршнев С.Г. Опыт обучения реставраторов по программе интенсива «Консервация и реставрация археологической кожи на базе магистратуры К(П)ФУ по профилю «Реставрация историко-культурного наследия» // Археология Евразийских степей. Казань, 2019. № 5. С. 261–267.

Neenets Reindeer Harness: Use and Restoration

Z.A. Ivanova

This article deals with the experience of restoring a reindeer harness element made of organic and inorganic materials found in the course of archaeological investigations in the Yamal-Neenets Autonomous Area in 2013. The article also provides a description of the object in the context of its origin and use.

Keywords: conservation, restoration, reindeer harness, Neenets, Yamal, narts.

Иванова Злата Александровна

художник-реставратор

ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение», Центр консервации и реставрации управления исследований и популяризации музейных фондов

e-mail: ivanova.zlata.alexandrovna@yandex.ru

Ivanova Zlata Aleksandrovna

Artist-restorer

Tyumen Museum-Educational Association, Centre for Conservation and Restoration, Department for Research and Promotion of Museum Collections
e-mail: ivanova.zlata.alexandrovna@yandex.ru

УДК 902.2+598.2

Костные остатки птиц из средневекового городища Уфа-II

М.П. Маслинцына

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

Городище Уфа-II – один из самых крупных и хорошо исследованных средневековых археологических памятников на Урале. Оно расположено на территории г. Уфы и датируется V–XVI вв. [Белявская, Проценко, Курманов, 2022]. С 2007 по 2015 г. на городище проводились раскопки, в ходе которых было вскрыто более 1 500 м² с многочисленными слоями, содержащими костные остатки позвоночных животных [Русланов, Шамсутдинов, Романов, 2016]. Среди них было идентифицировано 9 домашних и 12 диких видов млекопитающих. Из домашних доминирующими видами являлись лошади, крупный и мелкий рогатый скот. Дикие составляли чуть больше 2 % от общего количества костных остатков [Сатаев и др.,

2011; Белявская и др., 2022]. Птиц было идентифицировано значительно меньше, чем млекопитающих. В первых исследованиях они были определены только до класса. Позже появилась работа, в которой более подробно описываются остатки птиц из обсуждаемого городища [Романов и др., 2015]. А.А. Романовым с соавторами [2015] было установлено, что в культурных слоях памятника присутствуют остатки аистообразных, гусеобразных и курообразных птиц. Основную долю составляют кости воробьинообразных и гусеобразных [Там же].

Изучение костных остатков птиц из средневековых памятников представляет большой интерес, т.к. голоценовая орнитофауна этого региона исследована

дована намного меньше, чем современная [Сатаев, 2005]. В позднеголоценовом времени происходят последние исторические трансформации орнитофауны, и она приобретает современный облик. Вопрос о вкладе человека в этот процесс остается открытым и слабоизученным.

Целью нашей работы было исследование коллекции костей птиц из раскопок средневекового городища Уфа-II. В связи с поставленной целью были сформулированы следующие задачи: определить таксономическую принадлежность костных остатков, выявить экологические группы птиц и описать особенности хозяйственной деятельности древнего населения, оставившего памятник.

В ходе работы были изучены 54 кости птиц из раскопа 2017 г. Большая часть собрана в 1–11 слоях, 2 кости найдены в 17 слое и 5 – подъемный материал. Определение видовой принадлежности производилось с помощью сравнения с остеологической коллекцией музея Института экологии растений и животных УрО РАН. Кости птиц отряда гусеобразные (Anseriformes) диагностировались до вида путем соотнесения их размеров с опубликованными литературными данными [Poland, 2018] и построения двумерных графиков с использованием статистического пакета R. Измерение проводилось с помощью штангенциркуля (точность 0,01 мм), в соответствии со схемами промеров, предложенными Д. Поландом [Там же]. Определение названия структурных элементов костей производилось с помощью номенклатуры скелета птиц [Зеленков, 2015] и справочника по анатомии птиц Дж. Баумеля [Baumel, 1993]. Методологический подход основывался на работе Е.Н. Курочкина [1979].

Таким образом, из 54 исследованных костей определить удалось 51, принадлежащих 5 отрядам. Было установлено, что 31 кость принадлежит представителям отряда гусеобразные (Anseriformes). Из них 8 – гуси, 19 – утки и 4 – лебеди. Из гусиных 2 кости принадлежат серому гусю (*Anser anser*), 1 – белолобому гусю (*A. albifrons*), 3 – серому гусю или гуменнику (*A. anser/fabalis*) и 2 кости до вида определить не удалось. Лебеди представлены одним видом – лебедь-шипун (*Cygnus olor*). Остатки утиных представлены следующими видами: кряква (*Anas platyrhynchos*), серая утка (*A. strepera*), свиязь (*A. penelope*), шилохвость (*A. acuta*), морянка (*Clangula hyemalis*), хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*), красноголовый нырок (*Ay. ferina*), чирок-трескунок (*A. querquedula*). Также из курообразных (Galliformes) было определено 17 костей тетерева (*Lyrurus tetrix*). Из журавлеобразных (Gruiformes) идентифицирована 1 кость коростеля

(*Crex crex*). Определены 1 кость кулика (Charadrii) – отряд ржанкообразные (Charadriiformes) и 1 кость сороки (*Pica pica*) – отряд воробьинообразные (Passeriformes).

Отметим, что по сравнению с предыдущими исследованиями [Романов, Русланов, Сахипов, 2015] в нашем материале не встретились кости серой цапли (*Ardea cinerea*), белого аиста (*Ciconia ciconia*), серого журавля (*Grus grus*) и мелких представителей отряда воробьинообразные. Большое количество остатков воробьинообразных в предыдущих исследованиях [Там же] по всей видимости объясняется особенностями методики изучения. Материал из раскопок 2015 г. отбирался путем просеивания, поэтому в нем преобладали мелкие костные остатки. В предыдущих исследованиях наблюдается меньшее видовое разнообразие гусеобразных, что также объясняется методическим подходом, который не включал проведение морфометрического анализа. Предыдущими исследователями [Там же] так же, как и нами, домашних видов птиц идентифицировано не было.

Сопоставив и объединив наши данные с результатами предыдущих исследований, можно получить подробную характеристику орнитофауны городища Уфа-II и прилегающих территорий. На долю водоплавающих, околотовных и предпочитающих болотистую местность птиц приходится 45,6 % от общего количества. Луговые и лесостепные виды составляют 12,8 %. Также обнаружен 1 кустарниковый вид – сорока, и 1 лесной – вяхирь (*Columba palumbus*). Ранее птицы отряда воробьинообразные не были идентифицированы до вида, поэтому выделить среди них экологические группы не удалось.

Отметим, что в культурных слоях средневекового городища Уфа-II доминирующей группой и по количеству костей (95 экз.), и по видовому разнообразию (14 видов) являются гусеобразные. Субдоминирующей группой являются воробьинообразные (83 экз.), но мы полагаем, что эти остатки не связаны с деятельностью человека и могли попасть в отложения памятника естественными путями. На третьем месте по численности костных остатков располагаются представители отряда курообразные (28 экз.), среди которых удалось идентифицировать два вида – тетерева и серую куропатку. На городище не было зарегистрировано остатков домашних птиц. Подавляющее большинство костей птиц, обнаруженных при раскопках городища, за исключением остатков мелких воробьинообразных, на наш взгляд связано с промысловой деятельностью человека. Древнее население Уфимского полуострова в Средневековье охотилось преимущественно на околотовных

и водоплавающих птиц, также была распространена охота и на боровую дичь.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что на территории Уфимского полуострова в Средневековье преобладали разнообразные водные, болотистые, лесные, лесостепные и луговые ландшафты. Все описанные нами виды и рода птиц присутствуют в составе современной орнитофауны региона. Следующим этапом наших исследований станет сопоставление полученных результатов с данными по современной авифауне Южного Урала.

*Научный руководитель – Д.О. Гимранов
канд. биол. наук, ст. науч. сотр.,*

Институт экологии растений и животных УрО РАН

Список литературы

Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. Уфа: Первая типография, 2022. 293 с.

Зеленков Н.В. Номенклатура скелета птиц // Ископаемые рептилии и птицы. Ч. 3. 2015. С. 61.

Курочкин Е.Н. Методы изучения ископаемых птиц / отв. ред. В.Е. Соколов, Л.Г. Динесман. М.: Наука, 1979. 11 с.

Романов А.А., Русланов Е.В., Сахипов Р.Ф. К вопросу о видовом разнообразии орнитофауны Уфимского полуострова в эпоху раннего средневековья (по материалам «Городища Уфа-II») // Русский орнитологический журнал. Уфа, 2015. Т. 24, № 1213. С. 4073–4080.

Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года Уфа: ГБУ Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», 2016. 266 с.

Сатаев Р.М., Сатаева Л.В., Куфтерин В.В., Гимранов Д.О., Султанов Р.Р. Особенности природопользования средневекового населения Уфимского полуострова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. С. 101–105.

Сатаев Р.М. Экологическая интерпретация палеофаунистических материалов (на примере голоценовых местонахождений наземных позвоночных Башкирского Южного Урала): автореф. дис. ... канд. биол. наук. Казань, 2005. 24 с.

Baumel J.J. Handbook of avian anatomy: nomina anatomica avium. Publisher: Harvard Univ Nuttall Ornithological, 1993. p. 779.

Poland J.G. A methodological approach to the identification of duck and goose remains from archaeological sites with an application to Roman Britain. PhD thesis. University of Sheffield, 2018.

Bone Remains of Birds from the Medieval Site of Ufa-II

M.P. Maslintsyna

54 bone remains of birds from the medieval site of Ufa-II were studied. This location is an archaeological monument dating back to the V–XVI centuries. The material was collected during excavations in 2017 and is currently stored in the museum of the Institute of Ecology of Plants and Animals, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Identification of bone remains was performed by classical methods – morphological and morphometric, using the Poland dimensional database and the statistical package R. As a result of combining the obtained data with the previous studies, the dominant and subdominant groups of birds inhabiting the territory of the monument during the Middle Ages were determined. On this basis, we were able to suggest what kind of fishing activity the population of the fortress was engaged in during the period of its functioning, as well as what landscapes prevailed in the adjacent territories.

Keywords: bird bones, Middle Ages, medieval settlement Ufa-II.

Маслинцына Мария Павловна

студент 1-го курса

Уральский федеральный университет

e-mail: mashamaslintsina@gmail.com

Maslintsyna Maria Pavlovna

1st year student

Ural Federal University

e-mail: mashamaslintsina@gmail.com

Жирнокислотный анализ керамики бронзового века поселения Ельчимо-1 (Нижнее Приангарье)

А.К. Округина, В.Э. Лисин

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Палеодиеты и изучение остаточного липидного следа на керамике при помощи естественно-научных методов уже устоялись в зарубежной [Van de Velde et al., 2019; Papakosta et al., 2019] и рекомендовали себя как перспективные методы в отечественной науке [Пожидаев и др., 2016; Азаров и др., 2020]. Для памятников, на которых слабо выражен остеологический контекст или проблемным вопросом является функционал сосудов, метод ГХ-МС позволяет идентифицировать остатки отдельных жирных кислот. Исходя из специфики их происхождения и количественного соотношения можно узнать, для чего и как использовался сосуд.

Перед нами стояла задача выделить жирные кислоты из образцов керамики и выяснить их источники.

Все образцы были взяты из одного керамического сосуда, найденного в полу жилища № 1 поселения Ельчимо-1 в ходе археологических работ 2022 г. Памятник приурочен к поверхности надпойменной террасовидной площадки р. Ангары в Богучанском р-не Красноярского края. На разных уровнях залегания в памятнике содержатся материалы неолита, бронзового века, раннего железного века и Средневековья.

В жилище содержатся материалы бронзового века, тут найдены фрагменты от одного керамического сосуда, каменные орудия, но костных останков не зафиксировано. Сам сосуд открытой простой формы с округленным дном, общим объемом около шести литров, с орнаментом в виде наклонных параллельных прочерченных линий с внешней стороны и поясом вдавленных «жемчужин», не выходящих наружу, с внутренней. Расположение сосуда в полу жилища позволяет косвенно говорить об утилитарном использовании данного сосуда.

Для проведения исследований отобраны три фрагмента керамики, которые не обрабатывались водой, но принадлежали сосуду, который мог использоваться для приготовления пищи, о чем говорят темно-серые пятна нагара на его внутренней поверхности. Пробы брали с внутренней стенки сосуда, путем соскабливания керамического порошка стальным буром.

Для анализа соскоблов внутренней поверхности сосудов к навескам 20 мг образцов добавляли по

1 мл метанола и 200 мкл концентрированной серной кислоты. Затем образцы упаривались, а остатки растворялись в 200 мкл гексана и подвергались газовой хроматомасс-спектрометрии.

Экстрагированные липиды разделяли на капиллярной колонке HP-FFAP, установленной в газовом хроматографе Agilent 6890N. В качестве газа-носителя использовался гелий. Идентификация разделенных соединений проводилась на масс-селективном квадрупольном детекторе Agilent 5975C, соединенном с блоком газового хроматографа.

В образцах состав жирных кислот (см. таблицу) включал их диапазон с длиной углеродной цепи от 14 до 20, с преобладанием насыщенных неразветвленных соединений, за исключением одной ненасыщенной кислоты (цис-9-октадеценовая, C18:1). Количественно преобладали стеариновая (октадекановая, C18:0) и пальмитиновая (гексадекановая, C16:0) кислоты, их процентное содержание в поверхностном слое варьировало от 40,8 до 67,2 % и от 30,3 до 39,1 % соответственно. В глубинных образцах от 48,3 до 62,2 % и от 26,1 до 32,3 % соответственно.

В поверхностных слоях отсутствовали такие кислоты: маргариновая (C17:0), олеиновая (C18:1), эйкозановая (C20:0) и частично пентадекановая (C15:0).

Результаты анализа указывают на преимущественно животное происхождение липидов из данных образцов, в частности, можно отметить маркер жвачных животных, представленный парой C15:0 и C17:0 [Van de Velde et al., 2019, p. 32]. Помимо него вероятно присутствие липидов водного происхождения (C18:1) [Evershed et al., 2008, p. 103–104], косвенным подтверждением чего является множество находок остатков ихтиофауны на поселениях населения Нижнего Приангарья периода бронзового века [Дударек, Лохов, 2014, с. 72–73].

Высокая роль жвачных животных в хозяйстве населения бронзового века отмечалась не раз [Там же, с. 71; Клементьев, Новосельцева, 2013, с. 5], обычно на памятниках они представлены такими промысловыми животными, как лось (*Alces americanus*), косуля (*Capreolus pygargus*), благородный олень (*Cervus elaphus*). Конкретное выяс-

Состав жирных кислот, присутствующих в образцах

Жирная кислота	Образец № 1, %	Образец № 2, %	Образец № 2 (поверхностный слой), %	Образец № 3, %	Образец № 3 (поверхностный слой), %
Миристиновая	8,3	3,1	2,5	1,4	10,5
Пентадекановая	9,9	1	0	0,9	9,5
Пальмитиновая	43,6	32,3	30,3	26,1	39,1
Маргариновая	0	2,7	0	3,7	0
Стеариновая	38,2	48,3	67,2	62,2	40,8
Олеиновая	0	11,1	0	4,9	0
Эйкозановая	0	1,4	0	0,8	0

нение вида требует дополнительных исследований [Пожидаев и др., 2016, с. 232]. Определение других животных на данный момент не представляется возможным.

Абсолютное доминирование (>80 %) в количественном отношении суммы пальмитиновой и стеариновой кислоты в образцах (см. таблицу) не типично для жвачных животных, для которых процент данных кислот примерно 50–60 % [Пожидаев и др., 2016, с. 232–234]. Данное явление можно интерпретировать как то, что древний человек использовал сосуд для хранения и приготовления различной пищи, вследствие чего кислоты, содержащиеся в малых количествах в разнообразных жирах, или не были идентифицированы, или составили разнообразное меньшинство, а преобладающие в любых животных жирах – пальмитиновая и стеариновая – оставили наиболее заметный след.

В перспективе метод может позволить более точно идентифицировать маркеры ихтиофауны, в частности, привычных древнему хозяйству данного региона крупных рыб: осетровых, щуки, налима [Дударек, Лохов, 2014, с. 73].

Точная идентификация хранения молока не представляется возможной без применения изотопного подхода [Copley et al., 2003, p. 1524], однако данная функция сосуда является вполне вероятной. При дальнейшей наработке метода именно липидный анализ позволит зафиксировать хранение молока в сосудах.

Успешное применение метода газовой хроматографии позволило установить, что сосуд, найденный в полу жилища № 1 поселения Ельчимо-1 использовался человеком для приготовления пищи. В нем готовили множество видов продуктов, в число которых входило мясо жвачных животных (лося, косули, благородного оленя). А также предварительные результаты указывают на низкую долю растительной пищи. Вполне вероятно, что обнаружение следов растений может быть затруднено,

если продукты, богатые маслами и жирами, и растения с низким содержанием масла готовились вместе.

Дальнейшая отработка метода позволит решить такие проблемные вопросы археологии, решение которых без применения естественно-научных методов не представляется возможным.

*Научный руководитель – Д.Ю. Rogozin
д-р биол. наук, профессор,
Сибирский федеральный университет,
заместитель директора,
Институт биофизики СО РАН
Научный руководитель – П.О. Сенотрусова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

Азаров Е.С., Пожидаев В.М. Исследования органических остатков на керамике позднего бронзового века лесной полосы Восточной Европы методом ГХ/МС // Тр. VI (XXII) Всерос. археологич. съезда в Самаре. Самара, 2020. Т. 3. С. 207–208.

Дударек С.П., Лохов Д.Н. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск, 2014. № 7. С. 54–80.

Клементьев А.М., Новосельцева В.М. Фауна геоархеологического объекта Усть-Кеуль I (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск, 2013. № 2. С. 3–14.

Пожидаев В.М., Зайцева И.Е., Камаев А.В., Вишневская М.В., Яцишина Е.Б. Исследование заполнения сосудов из погребений XI в. на могильнике Шекшово в Суздальском ополье // КСИА. 2016. № 245-II. С. 226–239.

Copley M.S., Berstan R., Dudd S.N., Docherty G., Mukherjee A.J., Straker V., Payne S., Evershed R.P. Direct chemical evidence for widespread dairying in prehistoric Britain // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2003. Vol. 100, is. 4. P. 1524–1529.

Evershed R.P., Copley M.S., Dickson L., Hansel F.A. Experimental evidence for the processing of marine animal products and other commodities containing polyunsaturated fatty acids in pottery vessels // *Archaeometry*, 2008. Vol. 50, is. 1. P. 101–113.

Papakosta V., Oras E., Isaksson S. Early pottery use across the Baltic—a comparative lipid residue study on Ertebølle and Narva ceramics from coastal hunter-gatherer

sites in southern Scandinavia, northern Germany and Estonia // *J. of Archaeolog. Sci.: Reports*. 2019. Vol. 24. P. 142–151.

Van de Velde T., Deschepper E., Mestdagh B., De Clercq W., Vandenabeele P., Lynen F. Lipids, funerals, gifts and feasts. Organic residue analysis on Merovingian ceramics from the Elversele burial field (Belgium) // *J. of Archaeolog. Sci.: Reports*. 2019. Vol. 24. P. 30–38.

Fatty-Acid Analysis of the Bronze Age Pottery from the Elchimo 1 Settlement (Lower Angara Region)

A.K. Okrugina, V.E. Lisin

The method of gas chromatography was used to examine three fragments of Bronze age pottery from one vessel from dwelling N 1 of the Elchimo-1 settlement in the Lower Angara region. Fatty acid analysis and its interpretation showed that the vessel was used for cooking various foods. Ruminant meat has been identified and the most likely sources have been suggested (*Alces americanus*, *Capreolus pygargus*, *Cervus elaphus*). There is a high probability of the presence of animal lipids of aquatic origin, which is supported by archaeological finds of ichthyofauna in similar sites. In addition to these, other products of animal origin were present, the identification of which requires further research. Further development of the method will make it possible to solve such problematic issues of archaeology, the solution of which is not possible without the use of natural science methods.

Keywords: Lower Angara region, fatty-acid, gas chromatography, Bronze Age, pottery, Early pottery use.

Округина Анастасия Константиновна
студент 3-го курса
Сибирский федеральный университет
e-mail: okrugina_a02@mail.ru

Лисин Владимир Эдуардович
студент 2-го курса
Сибирский федеральный университет
e-mail: vlinin2003@mail.ru

Okrugina Anastasia Konstantinovna
3rd year student
Siberian Federal University
e-mail: okrugina_a02@mail.ru

Lisin Vladimir Eduardovich
2nd year student
Siberian Federal University
e-mail: vlinin2003@mail.ru

УДК 572

Патологии зубной системы у населения Вологды XIV–XVI вв.

А.А. Шишкин

*Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова,
Санкт-Петербург, Россия*

Анализ патологий зубной системы давно и прочно вошел в практику биоархеологических исследований. Этот анализ применяется для реконструкции палеодиеты, определения уровня биологического стресса в популяции, реконструкции индивидуальных пищевых привычек погребенных и т.д. [Бужилова, 1998; Зубова, Марченко, Гришин, 2016; Святко, 2016].

Традиционно главным показателем состава диеты считается частота кариеса. Он является результатом деминерализации эмали в процессе бактериальной ферментации содержащихся в пище углеводов [Keenleyside, 2008]. Длительное время считалось, что в популяциях охотников-собира-

телей кариес отсутствует или представлен с очень низкими частотами [Turner, 1979, p. 623, tab. 2]. Несмотря на то, что это предположение в целом подтверждалось среднемировыми данными, существует ряд исключений. В частности, повышенные частоты кариеса были зафиксированы у охотников-собирающих Западной Сибири эпохи ранней бронзы, которые, по данным изотопного анализа, активно употребляли в пищу местные дикорастущие растения [Marchenko et al., 2015, p. 13, tab. 4; Марченко и др., 2016, с. 173; Зубова, Марченко, Гришин, 2016, табл. 1].

Важным маркером является также зубной камень, который формируется как результат мине-

Зубные патологии у населения Вологды XIV–XVI вв.

Серия	Кариес		Гипоплазия		Зубной камень	
	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
Первые строители СПб., начало XVIII в.	180 (199)	90,45	157 (196)	80,1	196 (199)	98,49
Пантелеймоновский монастырь, Новгород, XVI–XVII вв.	9 (12)	75	10 (12)	83,33	11 (12)	91,67
Вологда, ул. Бурмагиных 34, XIV–XVI вв.	91 (102)	89,21	32 (60)	53,33	96 (102)	94,11

рализации бактериальных бляшек, прикрепляющихся к поверхности эмали. Несмотря на то, что строго определенной связи между составом диеты и развитием зубного камня не существует, ряд исследований показал его связь с консистенцией употребляемой пищи, содержанием в ней протеинов и уровнем гигиены полости рта [Keenleyside, 2008].

Основной причиной, вызывающей линейную гипоплазию эмали (LEH), является дефицит кальция различного происхождения. Традиционно она используется как прямой или косвенный маркер недостаточности питания в детском возрасте и связанных с этим заболеваний. Существует также ряд исследований, в которых формирование LEH связывают с генетическими нарушениями [Беляков, 2008], токсическими поражениями и другими факторами. Но доминирующей причиной этой патологии все-таки традиционно признается голодание и сопутствующие ему заболевания.

Целью данного исследования был анализ частот маркеров палеодиеты у населения Вологды XIV–XVI вв., представленного материалами из раскопок на ул. Бурмагиных 34.

Основным материалом для исследования послужила серия антропологических материалов из раскопок А.С. Федорова на ул. Бурмагиных в Вологде, переданных на изучение в МАЭ РАН. Серия включает в себя одонтологический материал и обломки верхних и нижних челюстей 102 индивидов взрослого возраста. Поскольку тазовые кости и кости черепа отсутствуют в коллекции, то половую принадлежность в большинстве случаев определить невозможно.

Серия была обследована по палеопатологической программе, включающей в себя учет частот кариеса, гипоплазии эмали, зубного камня, заболеваний пародонта, прижизненных травм зубов.

В данной работе обсуждаются частоты кариеса, гипоплазии и зубного камня, и проводятся их сравнения с опубликованными характеристиками первых строителей Санкт-Петербурга [Gutsmiedl-Schumann et al., 2020] и средневековым населением Новгорода, оставившего захоронения в Пантелеймоновском монастыре [Евтеев, 2015].

Кариес фиксировался без учета локализации на различных плоскостях зуба и степени поражения тканей, начиная со стадии мелового пятна и до серьезных повреждений, в некоторых случаях, полностью уничтожавших коронку зуба.

Гипоплазия эмали фиксировалась при наличии горизонтальных бороздок не кариозного происхождения на эмали постоянных зубов.

Зубной камень отмечался при наличии на постоянных зубах минерализованных отложений.

При расчете частот патологий использовался индивидуальный метод. Число наблюдений и проценты встречаемости представлены в таблице (см. *таблицу*). Характеристика серии складывается из очень высоких частот кариеса и зубного камня и высокой частоты гипоплазии эмали. Подобная картина распределения кариеса и зубного камня наблюдается в сериях, привлеченных для сравнения. Исходя из этого, можно предположить, что в XIV–XVI вв. у населения севера-запада России наблюдался примерно одинаковый состав диеты с высоким уровнем углеводов. Наибольшее сходство у вологодской серии наблюдается с серией строителей Санкт-Петербурга, несмотря на то, что последняя не представляет собой выборки из популяции, а является серией останков мужчин из разных населенных пунктов, которые умерли во время строительных работ и были похоронены в районе современной ул. Сытнинской.

Частота гипоплазии эмали в вологодской серии значительно ниже, чем у представителей новгородской и серии из Петербурга, это говорит о том, что, несмотря на в целом схожую диету, жители Вологды гораздо меньше страдали от недоедания в детстве, и от связанных с этим болезней.

*Научный руководитель – А.В.Зубова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)*

Список литературы

Беляков Ю.А. Наследственные болезни и синдромы в стоматологической практике. М.: ОАО «Издательство Медицина», 2008. 240 с.

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–146.

Евтеев А.А. Палеоантропологические материалы из Пантелеймоновского монастыря // Новгород и новгородская земля. История и Археология. Мат-лы XXIX науч. конф., посвящ. 150-летию Новгородского музея-заповедника. СПб., 2015. С. 313–326.

Зубова А.В., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Структура питания носителей одиновской культуры Барабинской лесостепи, (одонтологические данные) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 107–115.

Марченко Ж.В., Панов В.С., Гришин А.Е., Зубова А.В. Реконструкция и динамика структуры питания одиновского населения Барабинской лесостепи на протяжении III тыс. до н.э.: Археологические и изотопные данные // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 165–179.

Святко С.В. Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеоли-

та – раннего железа: новые данные по диете // Археология, этнография, антропология Евразии. 2014. № 2 (58). С. 143–156.

Gutsmiedl-Schumann D., Gerling C., Lapshin V.A., Moiseyev V.G., Shirobocov I.G., Solov'ev S.L., Uchaneva E.N., Zubova A.V., Meyer M. Some insights into the lives of builders of early Saint-Petersburg // *Præhistorische Zeitschrift*. 2020. N 3. p. 1–31.

Keenleyside A. Dental pathology and diet at Apollonia, a Greek colony on the Black Sea. *International Journal of Osteoarcheology*. 2008. N 18. p. 262–279.

Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A. Grishin A.E., Uslamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: Preliminary results // *Radiocarbon*. 2015. Vol. 57. P. 595–610.

Turner C.G. Dental anthropological indications of agriculture among the Jomon people of central Japan. X. Peopling of the Pacific // *American J. of Physical Anthropology*. 1979. N 51(4). P. 619–635.

Dental Pathologies of the Vologda Population in XIV–XVI Centuries

A.A. Shishkin

The study is devoted to the analysis of the diet and the frequency of food stress in the late medieval population of Vologda. The sample was obtained from the excavations on the Burmaginykh street, 34. Caries, enamel hypoplasia and dental calculus were recorded. A series of 102 adult individuals combined by sex were examined. Sex was not determined, as the series is represented only by dental remains and fragments of the upper and lower jaws. The sample characterized by the very high incidence of caries, dental calculus and enamel hypoplasia. Comparison with the other synchronous population of the northwest of Russia showed the similarity of their diet. At the same time, the population of Vologda was less susceptible to nutritional stress. The Vologda series demonstrates the closest similarity with the first builders of St. Petersburg.

Keywords: Anthropology, caries, dental calculus, enamel hypoplasia, medieval Vologda, dental anthropology.

Шишкин Антон Алексеевич

студент 2-го курс

Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова

toni.shishkin.0202@mail.ru

Shishkin Anton Alexeevich

2nd year student

Admiral Makarov State University Maritime and Inland Shipping

toni.shishkin.0202@mail.ru

УДК 902.67

Детская колода из могильника Нум-хиб-сихэри VIa по данным дендрохронологии, археологии и этнографии (ЯНАО)

А.В. Юмина, К.Г. Гюрджоян, М.В. Уткин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Могильный комплекс Нум-Хиб-Сихэри VIa (далее – НХС) является единственным изученным селькупским памятником на территории Тазовского Заполярья, а также вторым раскопанным за все время могильным комплексом северной (тазовско-туруханской) ветви селькупского населения Западной Сибири [Пошехонова, 2015, с. 46–52].

Факт присутствия северных селькупов на территории Заполярья раньше начала XX в. до сих пор является дискуссионным [Квашнин, 2002, с. 230–232], не говоря уже о точных хронологических рамках их проживания, поэтому исследование календарного возраста памятников северных селькупов на этой территории является первостепенной задачей.

Мерзлые почвы Тазовского Заполярья обеспечивают хорошую сохранность найденной археологической древесины, что позволяет исследователям не только изучать деревянные предметы с точки зрения их культурной принадлежности, но также применять к ним естественно-научные методы исследования. В 2022 г. сотрудниками лаборатории «PaleoData» ИАЭТ СО РАН был проведен дендрохронологический анализ материалов с памятника НХС, благодаря которому стали известны даты могильных сооружений (вторая четверть XIX – начало XX в.), которые дополнили архивно-зафиксированные свидетельства существования селькупских рыболовецких хозяйств в низовьях Таза [Уткин и др., 2022, с. 746–749].

Цель данной работы – исследование новых материалов НХС, а именно – деревянной колоды из могильной ямы № 6. В работе будет установлен ее календарный возраст и сопоставлены традиционные селькупские черты захоронения с данными археологии. Для достижения цели был использован метод дендрохронологии и проведен анализ археологических и этнографических данных.

Детская колода из могильной ямы № 6 памятника НХС была найдена на дне грунтовой ямы прямоугольной формы с закругленными углами размером $113 \times 72 \times 130$ см, вытянутой по направлению ЗСЗ – ВЮВ. Она была ориентирована по линии СЗ – ЮВ, для ее изготовления было использовано бревно диаметром 27 см и длиной 66 см. Длина крышки – 66 см, ширина – 24 см, толщина – 6–7 см. Крышка была закреплена в основе колоды двумя гвоздями. Внутреннее пространство колоды имело корытообразную форму, толщина северной торцевой стенки – 3 см, южной – 4 см, толщина продольных стенок – 2,5 см, толщина дна – 2,5 см, глубина внутреннего пространства – 17 см. Для устойчивого размещения дно колоды было стесано так, чтобы образовалась ровная опорная площадка размером 66×14 см. На дне колоды сохранились останки младенца, засыпанные листьями. Он лежал на спине в вытянутом положении, головой на юго-восток, руки сложены на животе. С левой стороны в области тазовых костей на уровне бедер лежал медный крестик, вокруг него фиксировался тлен от ткани, в которую он был завернут [Ткачев, 2019, с. 44–293].

Исследование основано на методах дендрохронологии (датировка годовых колец и связанных с ними событий) и типологии (культурная атрибуция памятника на основе сравнения артефактов из других памятников) [Вагнер, 2006].

Для датирования колоды с северной (узкой) торцевой стенки был взят поперечный спил размерами $15,4 \times 10,5$ см. Древесно-кольцевой анализ

был проведен по стандартной методике [Мыглан, Жарников, 2014, с. 112–117].

Дендрохронологический образец детской колоды сначала был относительно датирован с помощью хронологии «NHS», которая была построена по археологическим образцам памятника НХС [Уткин и др., 2022, с. 746–749], а затем календарно датирован с древесно-кольцевой хронологией «Yamal» [Хантемиров и др., 2021]. В результате его перекрестной датировки среднее значение межсерийного коэффициента корреляции составило 0,6, значение коэффициента чувствительности 0,37.

Всего в образце было измерено 191 кольцо. Время образования первого годовичного кольца датируется 1688 г., а периферийного – 1878 г. Из-за того, что края колоды были стесаны, подкоровое кольцо не сохранилось, поэтому можно предположить, что на образце не хватает более 10 колец, а дату ее захоронения следует отнести к 90-м гг. XIX в. Таким образом, полученная в результате древесно-кольцевого анализа дата, совпадает с общими датировками памятника.

Захоронение содержит типичные черты погребального обряда селькупов Среднего Приобья: положение погребенного головой на юго-восток, а также саму форму погребальной конструкции – прямоугольную колоду долбленку [Боброва, 1987, с. 116–119]. В.М. Кулемзин, реконструируя погребальный обряд селькупов, отмечал, что для этого народа характерно захоронение в колоде, напоминающей лодку, на которой усопшие плыли в море мертвых [Кулемзин, 1994, с. 355–360]. Другой особенностью погребения можно считать почти полное отсутствие инвентаря, что можно объяснить младенческим возрастом погребенного. Отсутствие инвентаря в могилах новорожденных мы встречаем и в других более ранних культурах [Кубарев, 1987]. Единственным предметом инвентаря в захоронении был нателный крестик. Однако мы не можем говорить о полной христианизации селькупов в этот период [Авдеева и др., 2012], само расположение крестика на уровне тазовых костей усопшего, нехарактерное для христианского погребального обряда, говорит нам об этом. Таким образом, ритуальный обряд захоронения Могилы № 6 отражает синтез христианских и автохтонных традиций, и представляет особенные черты младенческого погребения.

В результате исследования колода из могильника НХС была изучена как объект духовной и материальной истории. Удалось установить календарный возраст, приблизительно реконструировать процесс создания артефакта и его культурно-религиозную принадлежность по остаткам погребального обряда. Проведение подобных много-

плановых исследований позволит добиться более точных сведений о быте и духовной жизни людей прошлого.

*Научный руководитель – М.О. Филатова
канд. ист. наук, мл. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Авдеева Ю.Н., Дегтяренко К.А., Пчелкина Д.С., Шиманская К.И., Копцева Н.П. Религия селькупов и кетов в историческом и культурном генезисе. URL: religia_ketov_i_selkupov_1_0.pdf (sfu-kras.ru) (дата обращения: 10.03.2023).

Боброва А.И. Влияние христианства на погребальную обрядность коренного населения Среднего Приобья // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 116–119.

Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. 575 с.

Квашнин Ю.Н. Селькупы в низовьях Таза // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4. Тюмень. ИПОС СО РАН, 2002. С. 230–232.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. С. 355–360

Кулемзин В.М. Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Зап. Сибири в XVIII–

XX вв. // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 355–360.

Мыглан В.С., Жарников З.Ю. Датирование исторических памятников Сибири дендрохронологическим методом. Методический аспект // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 112–117.

Пошехонова О.Е. Краниология верхнетазовских селькупов // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Мат-лы всерос. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 46–52.

Ткачев А.А. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2018 году. Тюмень: Институт проблем освоения Севера, 2019. С. 44–293.

Уткин М.В., Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., Гюрджоян К.Г., Филатова М.О. Дендроархеология селькупских захоронений Тазовского Заполярья // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней: Мат-лы IX Сибирского исторического форума. Красноярск: СФУ, 2022. С. 746–749.

Хантемиров Р.М., Шиятов С.Г., Горланова Л.А., Кукарских В.В., Сурков А.Ю., Хамзин И.Р., Фонтини П., Вакер Л. 8768-летняя Ямальская древесно-кольцевая хронология как инструмент для палеоэкологических реконструкций // Экология. Екатеринбург, 2021 (5). С. 388–397.

Child's Grave from the Archaeological Site Num-Hibya-Siheri Via According to Dendrochronological, Archaeological and Ethnographic Evidence (YaNAO)

A.V. Iumina, K.G. Gyurdzhoyan, M.V. Utkin

Archaeological team in Tazov District (YaNAO) excavated new archaeological necropolis Num- Hibya-Siheri Via. It was a child's good preserved wooden grave with remains of the funeral rite next to the corpse in the burial ground. These factors made it possible to carry out a multidimensional analysis of the burial. As a result, we date the child's grave by the end of XIX century and analyzed cultural features of the site. This work contributes to the solution of scientific problems related to the study of the spread of Selkup traditions to the north of Western Siberia, the chronological framework of the functioning of the burial ground of Num-Hibya-Siheri Via, and also prepares the basis for further research related to the analysis of funeral's features on this territory. This work is a good example of the interaction of natural and humanities methods.

Keywords: Selkups, Western Siberia, wooden grave, dendrochronology, archaeology, YaNAO.

Юмина Анна Владиславовна

студент 3-го курса
Новосибирский государственный университет
e-mail: a.yumina@g.nsu.ru

Гюрджоян Катя Гнеловна

специалист по учету музейных коллекций
Тюменский государственный университет
e-mail: k.g.gyurdzhoyan@utmn.ru

Уткин Михаил Владимирович

младший научный сотрудник
ИАЭТ СО РАН
e-mail: ffftrls@gmail.com

Iumina Anna Vladislavovna

3rd year student
Novosibirsk State University
e-mail: a.yumina@g.nsu.ru

Gyurjoyan Katya Gnelovna

Museum collection specialist
University of Tyumen
e-mail: k.g.gyurdzhoyan@utmn.ru

Utkin Mikhail Vladimirovich

Junior researcher
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
e-mail: ffftrls@gmail.com

Информационные технологии в археологических исследованиях

УДК 902

Применение методик геоинформационного анализа для изучения культурного ландшафта в устье р. Шаманки (Среднее Приангарье)

П.А. Дмитриев

АНО Центр историко-культурных исследований «Археология Приангарья», Братск, Россия

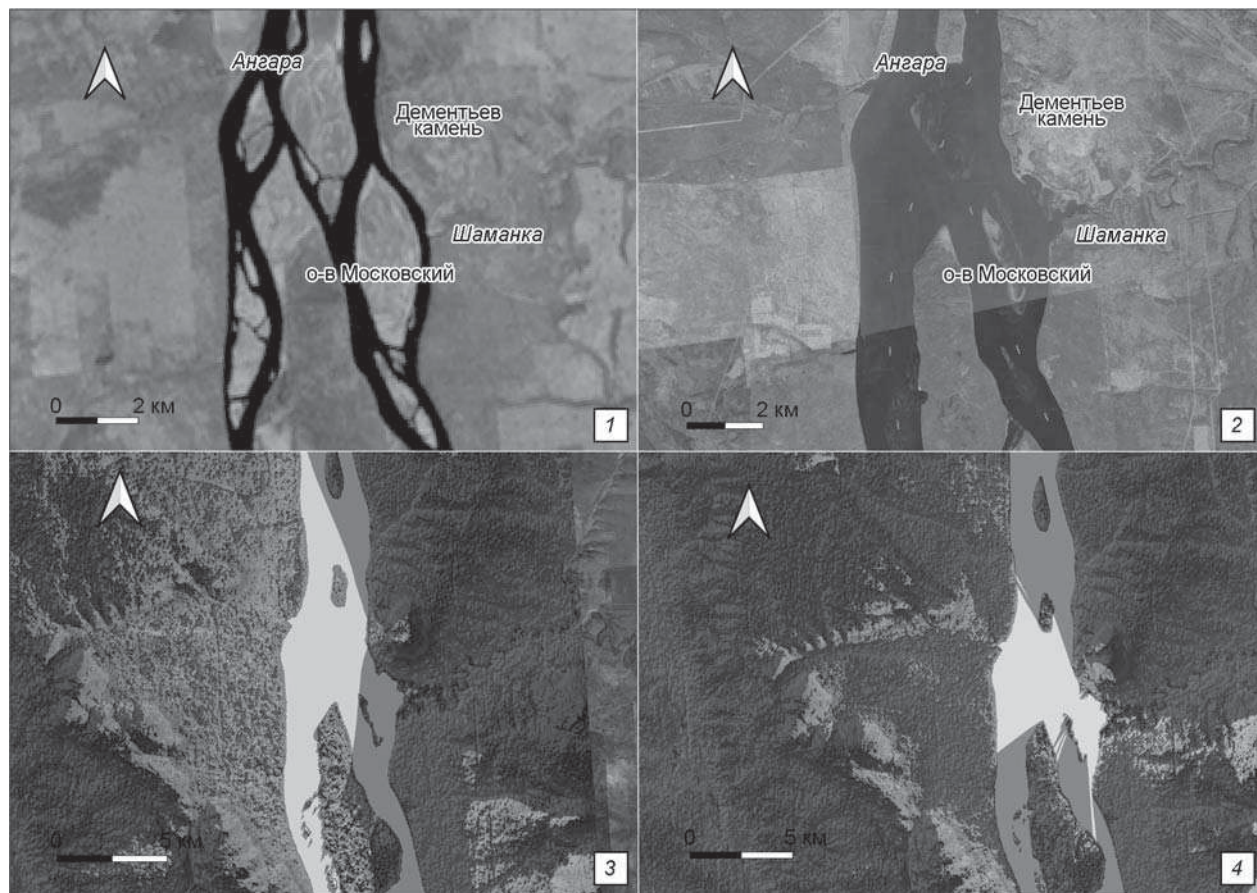
Географический контекст археологических памятников играет огромную роль в изучении явлений прошлого. Аккумулируя следы человеческой деятельности, ландшафт становится базой данных, хранящей различные виды антропогенной информации. Саму же исследуемую аккумулирующую поверхность, с учетом ее геоморфологии и топографии, правильно назвать культурным ландшафтом. Культурный ландшафт (cultural landscape), как и продукт культуры (артефакт), подвергался постоянным изменениям последние несколько тысяч лет, а способ его формирования несет информацию об обществах, которые его населяли и использовали [Barford, 2005, с. 383].

Районом исследования является ансамбль археологических памятников на левом и правом приустьевых мысах р. Шаманки в среднем течении р. Ангары (современное Усть-Илимское водохранилище). Комплекс обладает значительным историко-культурным потенциалом, важным для понимания генезиса материальной и духовной культуры Прибайкалья. Культурный слой неолита – Средневековья залегает на поверхности 18–22 м коренного берега р. Ангары на протяжении более 1,5 км на глубине до 1,5 м [Дмитриев, 2022]. Наиболее важным для изучения и сохранения является могильник Шаманка-5 (поздний неолит – бронзовый век), серовская и глазковская культуры [Панюхин, Дмитриев, 2021].

Огромное преобразовательное значение для изучаемого региона имело строительство системы ангарских водохранилищ. В 1974 г. начался процесс заполнения Усть-Илимского водохранилища.

Уцелевшие памятники археологии, оказавшиеся выше зоны затопления, подвергаются беспрецедентному разрушению, связанному с антропогенным и естественным воздействием: интенсивным сельскохозяйственным использованием с XVIII в. (связанным с появлением в устье р. Шаманки деревни русских поселенцев – Материковой), эксплуатацией проселочных дорог, рекреационной деятельностью, абразионным и эрозионным разрушением, деятельностью норных животных и птиц [Дмитриев, 2022, с. 33–34].

Одним из важнейших источников для понимания изменений культурного ландшафта являются спутниковые снимки. Фотография зачастую выделяется исследователем как более объективный источник по сравнению с другими подобными (топографическими или историческими картами). В современных условиях резких географических изменений именно спутниковые снимки способны отобразить первоначальный контекст объекта, его изменения, и, наконец, современное состояние. На основании географического контекста (например, близости к воде, доступности ресурсов и т.д.) в культурно-исторической археологии часто строятся гипотезы о перспективности или бесперспективности территории в качестве археологического памятника. Благодаря изучению побережья современных ангарских водохранилищ, активизацией работ по историко-культурной экспертизе территории, сегодня достоверно известно, что культурные комплексы фиксируются в долинах притоков 2–4 порядков, на высоких гипсометрических отметках, на значитель-

Устье реки Шаманки.

1 – спутниковый снимок, 1975 г. (Landsat legacy); 2 – спутниковый снимок, 2022 г. (Google Satellite Hybrid); 3 – анализ видимости с вершины горы Дементьев Камень; 4 – анализ видимости с подошвы горы Дементьев Камень.

ном удалении от края береговых террас. Это дает представление о большей универсальности и мобильности древних обществ, чем считалось ранее.

Для анализа культурного ландшафта устья р. Шаманки были выбраны 2 спутниковых снимка. Первый из них, выполненный в 1975 г. (Landsat Legacy), показывает пространственный контекст устья до затопления водохранилища (см. рисунок, 1). Второй отражает ландшафтную ситуацию на лето 2022 г. (Google Satellite Hybrid) (см. рисунок, 2). К одному из основных вопросов средневековой археологии устья р. Шаманки можно отнести появление в данном районе кочевников-скотоводов, что подтверждается как подъемным материалом, так и стояночным культурным слоем. Появление в этой местности носителей скотоводческой культуры, как и в случае долины р. Вихорева [Хиску и др., 2020], должно быть сигналом пригодности местности к прокорму одомашненных животных. Это подтверждает и анализ спутникового снимка 1975 г. Исходя из геоинформационных измерений с помощью программы QGIS, можно сделать вывод, что площадь заливных лугов устья изначально мог-

ла доходить до 105 га. Согласно данным современного сельского хозяйства, на одну корову должно приходиться около 0,5 га культурного пастбища на короткий промежуток времени. Учитывая то, что пастбище, скорее всего, было натуральным, на голову скота должна была приходиться большая площадь; не стоит, однако, забывать об огромной разнице в физической массе (и, соответственно, кормовой потребности) коров Средневековья и современности. В то же время пастбище в устье р. Шаманки обеспечивало скот постоянным и качественным водным ресурсом.

Горы и холмы играли важную роль для коренных жителей Северного Приангарья. Их включение в культурный контекст культов и мифов было распространенным явлением в Сибири [Потапов, 1946; Старцев, 2018]. Вполне возможно, что именно этим и обусловлена популярность устья р. Шаманки и его выбора для организации крупного могильника неолита и бронзового века. Подобной топографической привязанностью к возвышенности обладает могильник Братский Камень, располагающийся в 50 км на юг от комплекса [Окладников, 1976]. Гора Дементьев

Камень, находящаяся на правом приустьевом мысе Шаманки, является крупным топографическим элементом в радиусе десятка километров. В древности она могла выполнять не только предположительную культовую функцию, но и быть вполне конкретным ориентиром. Отсутствие раскопанных исследований горы не позволяет точно определить наличие археологических памятников. Тем не менее, помимо топографического ориентира, она могла нести функцию временного или постоянного наблюдательного пункта. Это подтверждают модели анализа видимости (*visibility analysis*), произведенные с вершины горы (см. *рисунок, 3*) и с ее подошвы (см. *рисунок, 4*). Анализ был произведен с учетом человеческого роста – 1,7 м. Вид на местность, открывающийся с вершины Дементьева Камня в приблизительной средней точке, можно назвать панорамным. Он охватывает поверхность ближайших островов и большую долю левого берега Ангары до Вихоревского понижения. Тем не менее, с севера и юга вид ограничен складками, что, впрочем, возможно решить переходом наблюдателя на другую часть склона. Вид с подошвы горы, где зафиксированы археологические памятники, сравнительно узок. Также стоит помнить, что модель видимости произведена на основе современного рельефа, то есть без учета растительности о. Московский, которая наверняка сужала бы обзор еще больше.

Подводя итог, следует подчеркнуть важность применения геоинформационного анализа в исследовании археологического наследия Среднего Приангарья. Его использование особенно важно

в контексте изучения объектов археологического наследия, подвергающихся разрушительному влиянию антропогенного и природного характера.

*Научный руководитель – М.В. Панюхин
доцент,
Братский государственный университет*

Список литературы

Дмитриев П.А. Разрушающие факторы культурного слоя на памятниках в устье реки Шаманка (Среднее Приангарье) // МНСК-2022. Археология, история, этнография: мат-лы 60-й науч.-практ. конф. Новосибирск, 2022. С. 33–34.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серова до Братска). Новосибирск: Наука, 1976. С. 122–148.

Панюхин М.В., Дмитриев П.А. Новое погребение глазковской культуры с устья реки Шаманки (Среднее Приангарье) // Музеи в культурном пространстве молодых промышленных городов: мат-лы II науч.-практ. конф. Братск, 2021. С. 69–73.

Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946, № 2. С. 145–160.

Старцев А.Ф. Культ хозяев природы у тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья и Приморья // Религии России. Благовещенск, 2018. С. 29.

Хиску К.П., Севергина Ю.М., Дмитриев П.А., Кацер Н.С. Археологические исследования реки Вихорева в Среднем Приангарье в 2020 году // Лучшая молодежная исследовательская группа 2020. Петрозаводск, 2020. С. 46–56.

Barford M.P. Tworzenie krajobrazu: archeologia osadnicza z lotu ptaka? // Biskupin... I co dalej? Zdjęcia lotnicze w polskiej archeologii. Poznań, 2005. С. 383.

Application of Geoinformatic Analysis Techniques for Studying the Cultural Landscape at the Mouth of the Shamanka River (Middle Angara)

P.A. Dmitriev

This article is devoted to the study of individual landscape elements of the mouth of the Shamanka River (Middle Angara region). This is a unique archaeological complex containing material from the Neolithic and Bronze Age to the Middle Ages and the present. The main purpose of the article is the application of geoanalysis methods, the results of which complement the old studies and are the source of new interpretations. In addition, the article contains a brief reflection on the problematic of cultural landscape research in the Middle Angara region.

Keywords: cultural landscape, Shamanka River, geoinformatics analysis, Middle Angara region, Angara River, Bronze Age.

Дмитриев Павел Андреевич

научный сотрудник

Автономная некоммерческая организация Центр историко-культурных исследований «Археология Приангарья»

e-mail: pahadmitr@inbox.ru

Dmitriev Pavel Andreevich

Researcher

Autonomous non-commercial organization the Center for historical and cultural researches «Archeology of the Angara region»

e-mail: pahadmitr@inbox.ru

Современные методы исследования следов разделки на остеологических остатках*

А.С. Колясникова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Наиболее достоверным свидетельством потребления мяса древним человеком являются следы разделки на фаунистических остатках. Самая распространенная и поддающаяся систематизации категория таких следов – это порезы. Они обычно расположены группами на разных участках поверхности кости, часто однонаправленны, имеют V-образный профиль и являются результатом движения заостренной кромки орудия из твердого материала (камень, металл, бамбук) по кости в процессе обработки туши животного.

Археологи начали уделять внимание порезам на костях уже в XIX в. [Lartet, 1860]. Значительный вклад в их изучение внесли экспериментальные работы, а также собранные и систематизированные данные этнографических исследований (напр., [Binford, 1981; Nilssen, 2000; Soulier, Costamagno, 2017]). Л.Р. Бинфорд, проведя серию экспериментов и наблюдений за нинамиутами, разработал схемы для определения типов трудовых операций (снятие шкуры, срезание мяса и отделение суставов) по расположению и ориентации следов на костях [Binford, 1981]. Его результаты использовались во многих зооархеологических работах и позже были дополнены и исправлены другими исследователями, предложившими свои варианты определений [Nilssen, 2000; Soulier, Costamagno, 2017]. Основные разногласия между авторами заключались в разделении порезов от отделения суставов и срезания мяса. Эти операции могут проводиться в разном порядке и на одних и тех же участках кости, что повышает риск ошибочных определений.

В большинстве публикаций порезы на костях представлены именно по типам трудовых операций и изображены на шаблонах полного скелета животного (напр., [Soulier, Costamagno, 2017]). Для записи следов на анатомическом шаблоне можно использовать редакторы векторной графики, например Adobe Illustrator [Ibid.] или бесплатный редактор Inkscape. Зарисовка каждого пореза позволяет проиллюстрировать интенсивность распределения следов на разных участках скелета и затем использовать эти данные для сравнения материала разных слоев или археологических коллекций.

Для записи следов разделки подходят также географические информационные системы (ГИС), их преимуществом является возможность не только графической визуализации, но и ввода и обработки данных каждого пореза [Abe et al., 2002].

Для определения частоты порезов существуют два основных способа. Первый, наиболее распространенный способ, подразумевает подсчет костяных остатков со следами и сравнение с общим числом костей (NISP) или минимальным количеством элементов скелета (MNE) [Binford, 1984]. Второй метод основан на подсчете всех порезов на костях. Подсчет каждого повреждения затруднителен в случаях их перекрытия, поэтому некоторые исследователи предпочитают учитывать их группами [Lyman, 1994].

Для записи морфометрических характеристик следов разделки большинство ученых берут за основу протокол из 16 переменных, подробно описывающих форму, размер, расположение и направление порезов, предложенный М. Домингес-Родриго и его коллегами [Domínguez-Rodrigo et al., 2009]. Эти характеристики легко наблюдать с помощью оптического микроскопа при увеличении до $\times 45$, они применимы как к экспериментальным образцам, так и к археологическим. При этом некоторые переменные, такие как, например, наличие или отсутствие микро-каймы по краю пореза или глубина следа, подходят не для всех материалов, т.к. зависят не только от трудовой операции, но и от условий залегания в слое [Soulier, Costamagno, 2017].

За последние годы исследования порезов на микроуровне получили развитие за счет применения современных технологий. Первоначально анализ формы следов проводился с использованием оптической микроскопии, затем появилась сканирующая электронная микроскопия (SEM), позволяющая рассмотреть структуру поврежденной поверхности кости с более высоким разрешением [Schroettner et al., 2006]. Позже для изучения порезов на костях были успешно применены 3D-микроскопия и геометрико-морфометрический анализ, что многократно повысило точность определения повреждений [Bello et al., 2009; Pante et al., 2017].

*Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта РНФ № 21-18-00376.

Зачастую сложность идентификации следов разделки заключается в их морфологическом сходстве с другими типами повреждений. Для определения сильно различающихся по форме следов (порезы, хищнические погрызы, следы ударов отбойником) с точностью 86 % достаточно 3-часового обучения, как показал слепой метод Р. Blumenшайна [Blumenschine et al., 1996]. М. Домингес-Родриго с соавторами с помощью того же метода показали, что даже опытные исследователи расходятся в определении порезов на костях и их характеристик, если в выборке есть следы вытаптывания, похожие на порезы. Проведенные ими статистические тесты указали на значимые различия в результатах у трех разных ученых, применявших код записи из одинаковых 16 переменных для одной выборки костей [Domínguez-Rodrigo et al., 2017]. Для преодоления субъективности в исследовании порезов было предложено использовать алгоритмы машинного обучения, а именно глубокие сверточные нейронные сети (DCNN) и метод опорных векторов (SVM), которые распознают повреждение поверхности с точностью, намного превышающей точность экспертов, иногда путающих порезы со следами вытаптывания (91 % по сравнению с 63 %) [Ibid.]. Такой подход всецело зависит от того, насколько хорошо обучен компьютерный алгоритм и какие типы следов были изначально использованы для обучения программы [Ibid.].

Одними из основных направлений исследований порезов сегодня является стандартизация методов и разработка единой терминологии. За почти два века изучения антропогенных повреждений на костях было разработано и успешно апробировано множество различных методов работы с ними, но единого общепринятого подхода к их изучению нет. Результаты определения и интерпретации следов разделки зависят от того, какие характеристики учитывались [Domínguez-Rodrigo et al., 2009], какой был выбран способ подсчета [Binford, 1984; Lyman, 1992] и какие схемы соотнесения порезов с трудовыми операциями использовались [Binford, 1981; Nilssen, 2000; Soulier, Costamagno, 2017], а также от опыта исследователя. Кроме отсутствия единого подхода, другими трудностями в изучении порезов на костях остаются, с одной стороны, достоверность их определения, с другой, фрагментарность фаунистического материала на археологических памятниках. Как было упомянуто ранее, следы разделки и вытаптывания, например, легко перепутать, а при неверном определении дальнейшие интерпретации теряют смысл. Показатель частоты порезов, основанный на общем количестве костяных обломков, сильно зависит от степени фрагментации материала, что затрудняет

проведение аналогий между разными коллекциями даже при условии единого метода исследования [Abe et al., 2002]. К тому же фрагментированные кости не всегда поддаются точному анатомическому определению, что делает невозможным их отнесение к определенному типу трудовой операции.

*Научный руководитель – К.А. Колобова
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

- Abe Y., Marean C.W., Nilssen P.J., Assefa Z., Stone E.C.** The analysis of cutmarks on archaeofauna: a review and critique of quantification procedures, and a new image-analysis GIS approach // *American Antiquity*. 2002. Vol. 67. P. 643–663.
- Bello S.M., Parfitt S.A., Stringer C.** Quantitative micromorphological analyses of cut marks produced by ancient and modern handaxes // *J. Archaeol. Sci.* 2009. Vol. 36. P. 1869–1880.
- Binford L.R.** *Bones: ancient men, modern myths*. Academic press, N.Y., 1981. 322 p.
- Blumenschine R.J., Marean C.W., Capaldo S.D.** Blind tests of inter-analyst correspondence and accuracy in the identification of cut marks, percussion marks, and carnivore tooth marks on bone surfaces // *J. Archaeol. Sci.* 1996. Vol. 23. P. 493–507.
- Domínguez-Rodrigo M., de Juana S., Galan A.B., Rodríguez M.** A new protocol to differentiate trampling marks from butchery cut marks // *J. Archaeol. Sci.* 2009. Vol. 36. P. 2643–2654.
- Domínguez-Rodrigo M., Saladié P., Cáceres I., Huguet R., Yravedra J., Rodríguez-Hidalgo A., Martín Rodríguez P., Pineda A., Marín J., Gené C., Aramendi J., Cobo-Sánchez L.** Use and abuse of cut mark analyses: The Rorschach effect // *J. of Archaeol. Sci.* 2017. Vol. 86. P. 14–23.
- Lartet E.** Note sur des os fossiles portant des empreintes ou entailles anciennes et attribuées à la main de l'homme // *Bulletin de la Société Géologique de France*. 1860. Vol. 2 (17). P. 492–495.
- Lyman R.L.** Relative abundances of skeletal specimens and taphonomic analysis of vertebrate remains // *Palaeos*. 1994. Vol. 9. P. 288–298.
- Nilssen P.J.** *An Actualistic Butchery Study in South Africa and its Implications for Reconstructing Hominid Strategies of Carcass Acquisition and Butchery in the Upper Pleistocene and Plio-pleistocene*. PhD dissertation, University of Cape Town. 2000. 685 p.
- Pante M.C., Muttart M.V., Keevil T.L., Blumenschine R.J., Njau J.K., Merritt S.R.** A new high-resolution 3-D quantitative method for identifying bone surface modifications with implications for the Early Stone Age archaeological record // *J. Hum. Evol.* 2017. Vol. 102. P. 1–11.
- Schroettner H., Schmied M., Scherer S.** Comparison of 3D surface reconstruction data from certified depth standards obtained by SEM and an infinite focus measurement machine (IFM) // *Microchim. Acta*. 2006. Vol. 155. P. 279–284.
- Soulier M.C., Costamagno S.** Let the cutmarks speak! Experimental butchery to reconstruct carcass processing // *J. Archaeol. Sci. Rep.* 2017. Vol. 11. P. 782–802.

Modern Methods for Studying Traces of Butchering on Faunal Remains

A.S. Koliashnikova

Cut marks are direct evidence of human procurement of meat and fat. They usually formed in groups located on different parts of the bone surface, often unidirectional with a V-shaped profile. Their study is usually based on the analysis of their size, shape, location and quantity. This paper discusses about the main methods for studying the traces of butchering on bones and identifies the main directions in which today it is necessary to work for the most complete and reliable reconstruction of the hunting activity of an ancient society. In present work the main problems of cut marks studies are also discussed.

Keywords: cut marks, faunal remains, methods, meat procurement.

Колясникова Анастасия Сергеевна

лаборант

Институт археологии и этнографии СО РАН

e-mail: kns0471@gmail.com

Koliashnikova Anastasiia Sergeevna

Laboratory Assistant

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

e-mail: kns0471@gmail.com

УДК 902.4:778

Прошлое и будущее курганной археологии: современные методы в изучении курганных комплексов раннего железного века

А.Р. Мухаметзянов

Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

В проблемах изучения культурных ландшафтов и сакральных пространств степной Евразии особое место занимает курганная археология. Являясь одним из самых широко представленных типов захоронений, курган воплотил в себе наиболее устойчивые религиозные и мифологические паттерны степи, поддерживая прочную культурную традицию от раннего металла до Средневековья [Чернопицкий, 1980, с. 176].

Возникновение такого рода архитектурных комплексов, выступающих индикатором культурного и исторического единства, связано не только с формированием общей строительной линии на известных пространствах, но и с интегральным комплексом социально-экономических, природных климатических и историко-культурных, идеологических причин. Экологическое взаимодействие человеческого и природного факторов продемонстрировано в курганной архитектуре. По размаху строительства и освоения пространств, создания единой системы представлений и религиозно-мифологических закономерностей, курганы необходимо рассматривать как экологический комплекс. Именно такой форме «погребального сооружения имманентно впитывание и сохранение черт предшествующих эпох, закрепление их в строении и расположении» [Грязнов, 1980, с. 17; 1961].

Рассматриваем ли мы тектонику некрополей или микротопографию одиночных курганов мы, так или иначе, находим реперы в настоящем. Ар-

хаика обращает на себя внимание как яркое воспоминание из детства человеческой истории, по мере взросления мы все более ясно видим лейтмотив процесса, пытаемся придать древнему замыслу наиболее близкую нам форму. Этот человеческий интерес положил начало не просто осмыслению прошедшего, не просто борьбе за сохранение детских воспоминаний, но и сакрализации культурно-семантических пространств. Динамика мыслительного процесса заставила человека погрузиться в изучение комплекса, принудила рассматривать его как живой организм. Археология в целом изменила взгляды на памятник, теперь он не только вмещал погребальный инвентарь, но и культурный, мифологический, архитектурный узел. Совокупность архаичной и современной мысли приобрела сначала идейное, а затем материальное оформление в целом ряде работ. В этом, на наш взгляд, и заключается философия археологии в целом и курганной археологии в частности [Маргулан и др., 1966, с. 137–140; Оразбаев, 1969, с. 175; Шульга, 1989, с. 40; Onggaruly, 2020, p. 36–39].

На обозначенный выше комплекс гносеологических задач отвечает, на наш взгляд, применение современных технологий. Геоинформационные системы, электромагнитное зондирование, создание специализированной программной среды – хотя и не является панацеей и не исчерпывает вопрос раскрытия проблематики изучения курганов как мегаструктур степного общества, все же становится

важным спутником археолога в деле интеграции междисциплинарного подхода в научное изыскание. Разработка наиболее успешных подходов для решения комплекса задач либо же расширение имеющегося багажа знаний не является обособленной проблемой, напротив, мы видим неразрывную связь новых подходов с классической археологией.

На примере казахстанской и российской археологии можно увидеть целый ряд исследований, доказывающих верность этого утверждения [Парцингер, 2015, с. 99–101; Онгарулы и др., 2020, с. 169–172].

В научном изыскании, связанном с применением новых подходов, необходимо рассматривать проблематику не только в контексте полевой науки либо же как способ достижения поставленных задач здесь и сейчас, современные технологии требуют укоренения в теле исследования, то есть их задача – неразрывная связь с изысканием с момента его начала до завершения, логического итога. Именно поэтому с внедрением новых техник, методов и способов необходимо обращать особо пристальное внимание на «обкатку», калибровку и верное формулирование задач исследования. При соблюдении такого общего принципа современные технологии показывают по-настоящему яркий результат.

В ходе самостоятельного применения имеющихся средств нами был проведен комплекс исследовательских работ на курганном некрополе Баубек батыр и на одиночном кургане Кызылсуат. Несмотря на то, что в нашем случае исследование находится на этапе накопления материала и опыта применения современных технологий, полученные результаты уже можно назвать заслуживающими упоминания.

Исследованный нашей экспедицией некрополь Баубек батыр представляет цепочку из 8 царских курганов, вытянутых по линии северо-восток – юго-запад вдоль р. Ишим. Располагается могильник в среднем течении р. Ишим, на территории Жаксынского р-на Акмолинской обл. Республики Казахстан. Исследование включало в себя изучение ландшафта, прилегающего к некрополю, уточнение микротопографии отдельно взятых курганов и их архитектурных особенностей. В разрезе применения новых технологий необходимо отдельно отметить обретение опыта применения аппаратуры электромагнитного профилирования (АЭМП-14), которая решила задачу исследования кургана неинвазивным методом. Также для фиксации памятника, уточнения его планиграфии и создания 3D-модели мы опирались на фотограмметрию с применением БПЛА DJI Phantom 4 Pro, тахеометра Leica TS03 и программного обеспечения Agisoft Metashape, 3DsMax, Qgis. Результа-

том проведенного исследования явилась возможность без применения разрушающих археологических методов решить вопрос фиксации памятника, изучения его структуры и архитектуры.

Другим примером, который способствовал нашей деятельности по накоплению опыта, стал одиночный курган Кызылсуат расположенный в 10 км к юго-востоку от г. Астана. Исследование кургана проводилось комплексно, вместе с раскопными работами производились и неинвазивные исследования. Опыт применения современных технологий на кургане Кызылсуат показал важность фиксации археологических объектов не только для изучения его здесь и сейчас, но и для консервации памятника как объекта культурно-исторического наследия в цифровой форме. Массив задач, который ставит перед нами исследование благодаря новым подходам, не просто расширяет возможности, но и сокращает рутинные процессы, характерные для любого археологического изыскания.

Таким образом, говоря о новых технологиях и комплексе задач, который требуется решать в ходе проведения исследования, мы неотрывно существуем в постоянной связке с классическими археологическими подходами. С расширением рамок научного исследования возникает необходимость вводить современные методы. Поскольку курганная археология является «альфой и омегой» для территории степной Евразии, ответы на поставленные вопросы, решение проблемы детства человеческой истории возможно теперь только с постоянным обновлением научного знания, совмещения опыта прошлого и потенциала будущего.

*Научный руководитель – Д.Т. Тлеугабулов
магистр гуманитарных наук, ст. науч. сотр.,
Научно-исследовательский институт
им. К.А. Акишева*

Список литературы

- Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннесирийского времени. Ленинград: Наука, 1980. 62 с.
- Грязнов М.П. Курган как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961. С. 22–25.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. 463 с.
- Онгарулы А., Пён Ёнхван, Нам Санвон, Каирмагамбетов А., Ким Ёнхён, Нускабай А., Кызырханов М. Катартобе. Некрополь сакской элиты Жетысу. Нур-Султан-Тэдзон, 2020. 464 с.
- Оразбаев А.М. Курган «с усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древ-

них скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 175–191.

Парцингер Г., Белинский А.Б., Фасебиндер Й., Гасс А. У подножия «царских курганов» // Наука из первых рук. № 64 (4), 2015, с. 87–101.

Чернопицкий М.П. Курганная группа как архитектурный ансамбль (опыт композиционно-художественного подхода) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 176–186.

Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Ч. II. Кемерово: КемГУ, 1989. С. 40–43.

Onggaruly A. Ancient inhabitants of Kazakhstan in the early iron age (general review). // J. of history. № 3 (98). Алматы: Қазақ университеті, 2020. С. 33–41.

Past and Future of Kurgan Archaeology

A.R. Mukhametzyanov

In the article, the author gives a brief overview of the past and future of kurgan archaeology on the example of his own experience and the experience of other archaeologists. The article deals with both the fundamental issues of kurgan archaeology and the tasks that researchers face. In the form of a possible answer to the tasks set by archaeology, the author notes modern approaches that are relevant in archaeology today. One of the important issues in the context of modern research, the author calls the specialization of approaches and the unification of classical archaeology with modern trends. The article denotes not only a speculative, but also an important philosophical problem, empirical knowledge at the junction with the epistemological approach. Some justifications are given for deepening the study of mounds as an important type of archaeological monument of the Eurasian steppes.

Keywords: Kurgan archaeology, Eurasian steppe, actual problems of archeology, philosophy of archaeology, GIS, electromagnetic sounding.

Мухаметзянов Артур Робертович

студент 4-го курса

Евразийский национальный университет

им. Л.Н. Гумилева

e-mail: artur.mukhametzyanov.01@mail.ru

Mukhametzyanov Artur Robertovich

4th year student

L.N. Gumilyov Eurasian National University

e-mail: artur.mukhametzyanov.01@mail.ru

УДК 902 (374.1)

Методы цифровой геймификации в обучении археологии (из опыта педагогического образования)

Д.Е. Патютко

Баширский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

В современной России большое значение уделяется изучению истории, в т.ч. древней и средневековой истории страны. В рамках обновленных государственных федеральных стандартов общего образования третьего поколения изучение древней и средневековой истории, знакомство с такой наукой, как археология приходится только на пятый и шестой классы школы. В связи с этим появляется проблема вовлечение детей и молодежи в дальнейшее изучение этих исторических периодов, а также дальнейшее занятие археологией. Это приводит к проблеме выбора исторического профессионального образования и трудности в изучении дисциплины «археология» в высшем образовании. Все это делает необходимым проведения самостоятельных занятий с детьми и молодежью по изучению древней и средневековой истории,

археологии в рамках предпрофильной подготовки. Кроме этого, в системе профессионального образования, особенно педагогического образования, требуется не только понимание будущими учителями истории археологии как самостоятельной науки, но и умение представить ее учащимся. На решение этих проблем направлена деятельность студентов в волонтерском центре БГПУ им. М. Акмуллы, организация и подготовка отдельных направлений ряда конкурсов: Всероссийский конкурс исследовательских проектов «Моя Земля в цифровой проекции» (номинация «Моя земля в памятниках истории и культуры»). Также в БГПУ им. М. Акмуллы действует как самостоятельный технопарк «педагогических компетенций», так и мультимедийная аудитория с VR-технологиями и 3D-принтером и 3D-сканером в Институте исторического, право-

вого и социально-гуманитарного образования, где учатся будущие учителя истории. Формирование компетенций для работы с широким спектром материальных исторических источников: археологическими и этнографическими коллекциями, в т.ч. с музейными экспозициями, является неотъемлемой частью подготовки учителя истории и обществознания. Визуализация материального прошлого, создание и использование 3D-моделей на базе технопарков формирует новый потенциал в системе исторического образования.

Изучение артефактов дает школьнику и студенту возможность составить представление о развитии природы и общества, а также этносов. Традиционная работа в учебном и музейном пространстве с историческими источниками позволяет научиться атрибутировать те или иные предметы. 3D-модели и 3D-визуализация, широко используемые в исторической науке и археологии, пока еще не вошли в систему обучения археологии. При работе с вещественным историческим источником (артефактами, антропологическими и остеологическими материалами) предусматривается использование только массового материала хорошей сохранности, т.к. требования к его хранению не позволяют использовать иные артефакты (по причинам удаленности нахождения материала, плохой сохранности, экспонированности). В этом случае 3D-модели позволяют знакомиться с материалом каждому и работать с вещью неограниченное количество времени.

Изучение археологии, древней и средневековой истории на базе проблемных групп и волонтерских центров требует не только использования собственно классических лекций и практических занятий, работы с источниковым, археологическим материалом, но и применения современных цифровых методов обучения. Цифровые методики обучения используют активные и интерактивные методы в освоении археологического знания. Применение цифровых методов является рекомендованным в рамках федерального проекта «Цифровая образовательная среда», который направлен на использование цифровых сервисов и контента в образовании. Однако в системе как школьного, так и вузовского образования недостаток аудиторной нагрузки не дает реализовать цифровой потенциал в полном объеме. Кроме того, для цифровизации требуются соответствующие компетенции педагогов в области владения современными технологиями в методике преподавания. Поэтому совместная самостоятельная работа студентов и школьников на базе волонтерских центров в технопарках по археологии является самой перспективной при формировании соответствующих

компетенций. Подобный опыт существует в Новосибирском национальном исследовательском государственном университете [Кожевникова и др., 2020, с. 510–530] и в Новосибирском государственном педагогическом университете [Мжельская, Дураков, 2021, с. 9–19], а также в Белорусском государственном педагогическом университете им. М. Танка.

В настоящее время процессы цифровизации в образовании достаточно разнообразны: они помогают изучать как отдельные периоды и памятники, так и знакомиться с археологическим, антропологическим и остеологическим материалом. Объектом изучения в данном исследовании выступают методы цифровой геймификации в освоении знаний по древней и средневековой истории и археологии во внеурочной деятельности на базе волонтерского центра и технопарков БГПУ им. М. Акмуллы. Геймификация – это применение элементов игрового дизайна в неигровых контекстах [Ланская, Яковленко, Дьяченко, 2020, с. 165–172], в нашем случае – это цифровая геймификация. В процессе геймификации в обучении древней и средневековой истории, археологии задачи можно частично решать при помощи различных сервисов и платформ, которые позволяют создавать «собственные проблемные ситуации» для обучающихся, в т.ч. как игровые контенты сами по себе, так и мультимедийное виртуальное сопровождение в виде вопросов и квестов. В данном случае можно упомянуть о таких сервисах и платформах как World of Classcraft, AXMA Story Maker, Twine и Аперо. Наиболее продуктивной для работы как со школьниками, так и со студентами стала платформа Twine и Аперо. При формировании компетенций знаний она позволила, на примере археологии Волго-Уралья, создать квизы по археологии позднего бронзового века Волго-Уральского региона. Данная платформа позволяет получить представление о культурных различиях абашевской, срубной, алакульской, межовской археологических культур [Савельев и др., 2018] в игровой форме. При изучении особенностей погребального обряда, материальной культуры и поселенческих памятников этих археологических культур возникает наибольшее число вопросов к освоению знаний. Это связано с тем, что однокультурных поселенческих объектов этих археологических культур не было встречено в Южном Приуралье, где чаще всего проходят археологические раскопки с участием студентов и школьников. Эти же платформы, а также интерактивные карты «1С» позволяют восполнить пробел интерактивного археологического картографирования и осуществить проверку знаний. Эта тема также актуальна для лесостепной зоны Южного

Приуралья, где происходило столкновение культур леса и степи, для эпохи раннего железного века кара-абызской и сарматской культур. Также для подготовки научно-исследовательских работ для «Малой академии наук» для школьников старших классов можно применять такие сервисы как «Яндекс», Google Planet Earth, либо «SAS Planet» для создание картографических топооснов. Использование системы ArcGis, которая позволяет не только извлекать заранее заложенные внутри нее картографические и топографические слои, но и создавать собственные.

Таким образом, применение методов цифровой геймификации в изучении археологии повышает мотивацию обучающихся (школьников и студентов), а также может позволить получить дополнительную информацию по различным археологическим культурам.

*Научный руководитель – И.А. Шутелева
канд. ист. наук, доцент,
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы*

Список литературы

Кожевникова Д.В., Бочарова Е.Н., Шнайдер С.В., Кривошапки А.И. Модульная цифровая экспозиционно-образовательная платформа: концепция и внедрение в образовательный процесс по археологии на базе Новосибирского национального исследовательского государственного университета // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. № 5. С. 510–530. doi: 10.25205/1818-7919-2020-19-5-9-21

Ланская Д.В., Яковленко А.Е., Дьяченко Ю.Ю. Геймификация в процессе научно-инновационной и творческой деятельности: формы и методы мотивации талантов // Вестник Академии знаний. 2020. № 2 (37). С. 165–172. doi: 10.24411/2304-6139-2020-10159

Мжельская Т.В., Дураков И.А. Применение интерактивных методов в процессе преподавания археологии студентам заочной формы обучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. № 20 (5). С. 9–19. doi: 10.25205/1818-7919-2021-20-5-9-19

Савельев Н.С., Котов В.Г., Овсянников В.В., Румянцев М.М., Русланов Е.В., Ахметова Е.А. Древности Башкирского Урала. Уфа: Информреклама, 2018. 216 с.

Methods of Digital Gamification in Teaching Archeology (from the Experience of Pedagogical Education)

D.E. Patyutko

The implementation of this direction in the system of education is implemented both in the classroom and in extracurricular activities. The article gives an overview of the results of the experience of organizing independent work of students on the basis of the technopark in the academic disciplines of archeology and museology. The digital educational environment of the university allows you to organize work with real historical sources, providing a variety of opportunities for their visualization. Working with historical sources allows the students to form the competence of their systematic study. The analysis of a material historical source requires mastery of a wide range of methods: morphological method, classification, typological method, reconstruction and interpretation. All this, including the attribution of the material, precedes the multi-stage process of digital modeling of historical objects – their presentation. A wide range of historical modeling, the creation of digital and real 3D models, historical maps, virtual museums, the use of virtual reality technologies (VR technologies) are provided in technoparks. Solving project problems in historical modeling, applying a practice-oriented approach to working with materials, individual and joint team activities of students – all this forms the soft and hard skills of a students. Skills are also formed to use historical material for educational purposes, both in work with schoolchildren and with a wide range of everyone interested in history and archaeology.

Keywords: archaeology, pedagogy, professional activities of teachers, digital educational technologies, soft skills, hard skills, museology.

Патютко Данил Евгеньевич

студент 5-го курса
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
e-mail: danilpatutko@mail.ru

Patyutko Danil Evgenievich

5th year student
Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmullah
e-mail: danilpatutko@mail.ru

Применение ГИС в изучении погребальных комплексов Нового времени на территории города Кургана

М.П. Скородумов

Курганский государственный университет, Курган, Россия

На сегодняшний день на территории Кургана нет четко локализованных исторических кладбищ. Цель исследования – определить границы по данным археологии и картографии мест погребений на территории г. Кургана. Используя ГИС (программу QGIS), удалось собрать воедино и визуализировать предполагаемые границы городских некрополей Нового времени (XVIII – начало XX в.) и отдельных захоронений на современной карте города.

Самым древним погребением, обнаруженным на территории города, является могильник Курган (эпоха бронзы – ранний железный век) [Новиков, Спиридонов, Петров, 2018, с. 147]. В 1985 г. был исследован могильник раннего железного века – Мавринский увал [Таиров, 1987, с. 208]. Самыми ранними православными погребениями на сегодняшний день считаются погребения, упомянутые А.О. Гейкелем, которые он зафиксировал в ходе раскопок могильника Курган в 1893 г., и датированные концом XVII – началом XVIII в. [Маслюженко, Новиков, Рябинина, 2014, с. 14].

В 2005 г. во время строительства жилого здания по адресу Куйбышева 71, было обнаружено четыре погребения. Еще одна группа захоронений была обнаружена неподалеку от этого комплекса с восточной стороны пересечения ул. Ленина и Куйбышева. На этом месте находилась деревянная Христорождественская церковь, которая сгорела в середине XVIII в. Вокруг данной церкви, которая не менее двух раз переносилась с места на место, находились два ранних слободских кладбищ. Обе группы были датированы в пределах 1720–1760-х гг. и на более поздних планах города кладбища здесь не фиксируются [Слобода..., 2015, с. 214]. Важно понимать, что последнее кладбище действовало до воздвижения каменного храма Святой Троицы на месте деревянной церкви. При этом захоронения внутри церковной ограды могли продолжаться, но только в качестве особого исключения.

На исторических планах г. Кургана первые кладбища можно зафиксировать уже с 1786 г. Привязка данных планов и наложение на современную карту производились постепенно, с опорой на поздние планы и аэрофотоснимки. В качестве точек привязки выступают различные объекты, такие как перекрестки улиц, железная дорога, сохранившиеся

исторические сооружения. Квартальная нарезка исторической части г. Кургана, которая была задана на плане города 1786 г., без особых изменений дошла до современности. Необходимо отметить, что в процессе работы участки, занятые церквями, рассматривались нами как места, где могли совершаться погребения внутри церковной ограды.

Первое кладбище, которое можно увидеть на планах, считается первым городским кладбищем г. Кургана. Некрополь находился к северу от городских построек, но в пределах городского вала. Действовать кладбище начало после 1771 г. Но уже в 1860 г. городское кладбище оказалось в центре городской застройки, поэтому оно было закрыто. На его территории был организован городской парк и начато строительство Александро-Невского храма. Отдельные захоронения священнослужителей или меценатов уже внутри церковной ограды продолжались вплоть до революции. Сегодня на месте кладбища находится парк, ограниченный улицами К. Маркса, Гоголя, Ленина и Володарского [Тершукова, 2007].

Очередным местом для погребений в церковной ограде послужила территория земельного участка, относящаяся к Богородице-Рождественскому собору (1845 г.). На территории храма в 2005 г. при строительных работах было обнаружено 2 склепа, которые были датированы началом XX в. Также известно, что на территории храма в 1884 г. погребен настоятель храма [Тершукова, 2006, с. 170]. Границы территории собора находились на участке пересечения ул. Куйбышева, Томина, Климова и Кирова. Организовать кладбище рядом с собором было невозможно, т.к. здание возводилось уже среди плотной городской застройки, что фиксируется на планах. В 1881 г. городскими властями была выделена земля для собственного приходского кладбища этого храма на территории нынешнего Парка Победы.

На плане г. Кургана 1875 г. впервые фиксируется второе городское кладбище. Кладбище принадлежало прихожанам Троицкой церкви, но официально просуществовало оно недолго в силу заболоченности района. Уже на планах г. Кургана начала XX в. видно, что кладбище было изображено как закрытое. Благодаря привязке оцифрованных фрагментов карт и планов начала XX в. удалось устано-

вить границы данного кладбища. Располагалось оно в квартале, закрытом ул. Ленина, Коли Мяготина, Комсомольская и Станционной [Тершукова, 2007]. Сегодня напротив пригородного вокзала г. Кургана разбит «Сквер милосердия», где имеется памятная доска о данном кладбище, однако наложение исторических планов показывает, что данное кладбище располагалось восточнее сквера и лишь западным углом немного заходит на его территорию.

Третье городское кладбище Троицкой церкви основано в 1881 г. В 100 м западнее Троицкого кладбища находились иноверческие кладбища, старообрядцев и протестантов. Севернее привязанной границы кладбища находится «Старообрядческий сквер», но границы этих двух объектов даже не соприкасаются. Судя по планам города начала XX в., расположенные здесь кладбища различных конфессий находились в березовой роще. Изначально Троицкое кладбище было размером 60 на 40 сажен, затем уже в 1902 г. оно было увеличено в два раза путем расширения его на восток. Используя исторические карты, удалось выделить примерные границы кладбищ. Кладбища расположены в квартале между ул. К. Мяготина, Савельева, Станционная и Пролетарская. Данное кладбище продолжало действовать до середины 20-х гг. XX в., затем было закрыто и реорганизовано в сад [Там же]. Сегодня на месте кладбища находится жилой квартал, и продолжают строительные работы. Примечательно, что в начале 2000-х гг. юго-восточнее границ кладбища на пересечении ул. К. Мяготина и Савельева во время ремонтных работ на трубопроводе был обнаружен человеческий череп, что может косвенно свидетельствовать о большей площади кладбища. Несмотря на планы по реорганизации территории обоих кладбищ в сад, на аэрофотоснимках 1962 г. на месте кладбищ уже фиксируется жилая застройка и прочие объекты.

Последним историческим городским кладбищем стало Соборное кладбище, относившееся к Богородице-Рождественскому собору, о котором уже упоминалось выше. Оно начало действовать в 1882 г. Рядом с православным кладбищем также находились магометанское, иудейское и солдатское кладбища. С приходом советской власти кладбище было переименовано в Коммунистическое, расширено до 1,5 тыс. м² на северо-запад. В середине XX в. кладбище было закрыто и со временем переустроено в нынешний Парк Победы. Границы данного некрополя находятся в пределах парка в закрытом квартале между ул. 9 января, Пушкина, Рихарда Зорге и Югова [Там же].

К сожалению, не по всем кладбищам имеются картографические и археологические материалы, в дальнейшем планируется продолжить исследова-

ние с привлечением архивных данных. Также считается актуальной тема локализации кладбищ деревень, поглощенных в ходе расширения города, и фиксации границ современных городских кладбищ.

Благодаря планам города удалось локализовать и привязать к современной карте границы 8 некрополей и возможных мест погребений, находящихся на территории исторической части г. Кургана. Погребения на территории Богородице-Рождественского собора, погребения вокруг Троицкого храма и Христорождественской церкви, не имея собственных границ, находятся на территории объекта культурного наследия «Культурный слой города Кургана» с соответствующим охранным статусом. Соборное и первое Троицкое кладбища находятся на территории городских парков в относительной безопасности, хотя вопрос об их четкой локализации остается открытым. Второе и третье городские кладбища, относящиеся к Троицкому приходу, а также иноверческое кладбище находятся на территории жилой застройки.

*Научный руководитель – И.К. Новиков
руководитель археологической лаборатории,
ст. преподаватель*

*Научный руководитель – Д.Н. Маслюженко
канд. ист. наук, доцент,
директор гуманитарного института
Курганский государственный университет*

Список литературы

Маслюженко Д.Н., Новиков И.К., Рябинина Е.А. Археологические исследования А.О. Гейкеля у деревни Курганской в 1893 году // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «XII Зырянские чтения» Курган, 11–12 декабря 2014 г. С. 11–15.

Новиков И.К., Спиридонов И.А., Петров М.С. Исследование могильника бронзового века «Курган» в лесостепном Притоболье в 2017 г. // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Мат-лы Всерос. науч. конф. с международ. уч. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 147–148.

Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.) / под ред. Д.Н. Маслюженко, В.В. Менщикова. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. 254 с.

Таиров А.Д. Исследования в г. Кургане // Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 208–209.

Тершукова Е.В. О захоронениях священников на территории Богородице-Рождественского собора г. Кургана в начале XX века // Емельяновские чтения: Мат-лы I межрегион. науч.-практич. конф. (Курган, 19–20 апр. 2006 г.) Курган, 2006. С. 169–170.

Тершукова Е. Курганские некрополи // Курган и курганцы. 2007. 8 февраля. URL: <https://www.kurgangen.ru/local-finding/Zaural%20Nekropol/Zahoronenie/> (дата обращения: 09.03.2023).

The Use of GIS in the Study of Burial Complexes of Modern Times on the Territory of the City of Kurgan

M.P. Skorodumov

The article considers an attempt to use GIS for localization of funerary monuments of modern times on the territory of the city of Kurgan. It describes the main sources of information about burial complexes, describes the methods by which you can link these objects to a modern map and find out their exact location.

Keywords: Necropolis, Cultural layer of the Kurgan city, GIS, maps, XVIII century, XIX century.

Скородумов Михаил Павлович

студент 3-го курса

Курганский государственный университет

e-mail: skorodumov.misha2002@yandex.ru

Skorodumov Mikhail Pavlovich

3rd year student

Kurgan State University

e-mail: skorodumov.misha2002@yandex.ru

УДК 902.26

Разработка базы данных и репозитория «Байкальской Сибири»: из опыта Иркутского государственного университета в разработке археологической информационной системы для Байкальской Сибири*

А.Б. Спасибо

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Геоархеология, как отдельное научное направление, сформировалась в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В концептуальном отношении она изначально рассматривалась как система междисциплинарных исследований, и за прошедшие 50 лет для нее сформирован широкий набор методов и методик [Бердникова, Воробьева, 2021, с. 133–146]. Геоархеологические исследования по своей природе – сложный процесс, требующий использования современных методов обработки данных, информационных технологий и иных инструментов. Задачи систематизации геоархеологических данных для удобного поиска и анализа имеющейся информации существовали с момента формирования геоархеологии. Междисциплинарные исследования применимости математических методов в археологических базах данных (БД) основывались на использовании математической статистики, эвристическом и кластерном анализе, применении методов искусственного интеллекта и добычи данных [Zweig, 2007].

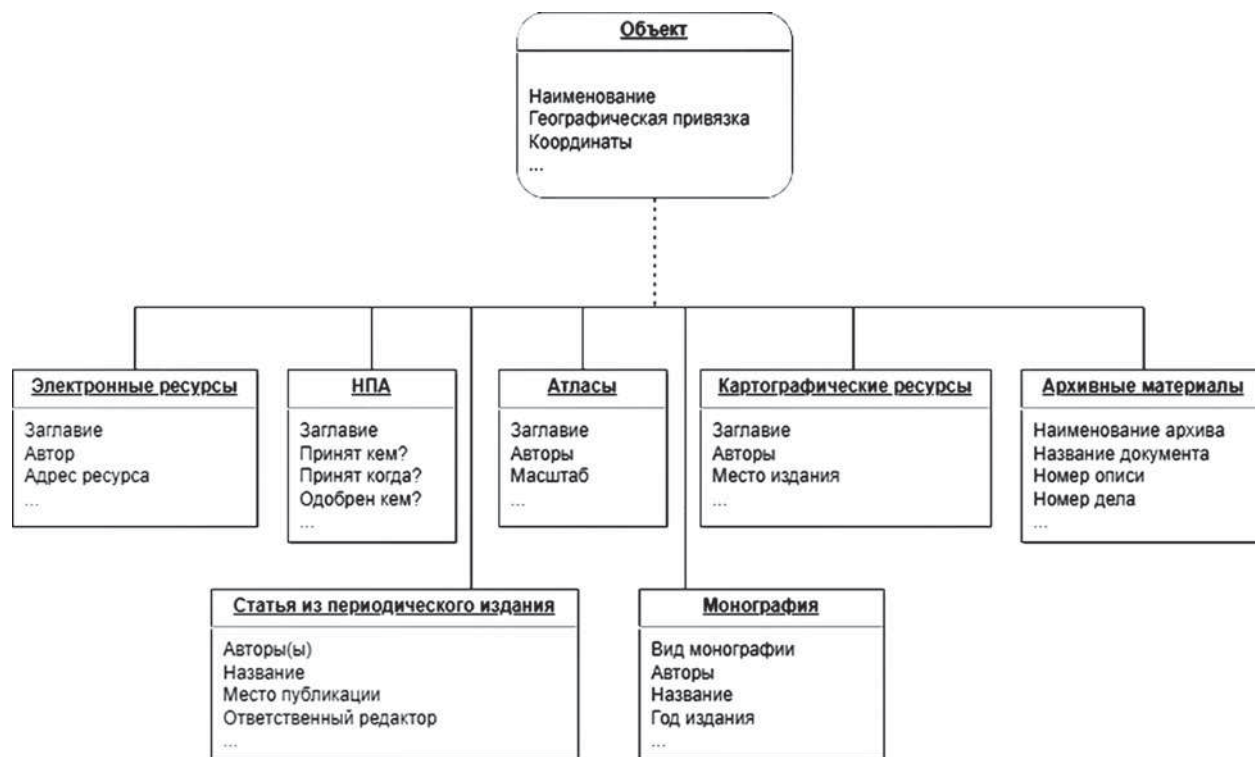
Для поддержки геоархеологических и археологических исследований активно ведутся работы по разработке археологических информационных систем (АИС). Одной из первых российских АИС является «Археограф», разработанная в 2008 г.

в Институте истории материальной культуры РАН (в настоящее время не развивается, т.к. устарела) [Васильев, 2005, с. 13–21].

Учитывая многослойный характер некоторых археологических объектов, детализацию описания и многообразие получаемых результатов, итоговые массивы информации относятся к BigData (большие данные). Для работы с ними предъявляются особые требования как к системам управления БД, так и к техническим средствам хранения информации.

При создании в НИЦ «Байкальский регион» ИГУ собственной базы данных «Виртуальный геоархеологический репозиторий Байкальской Сибири» был использован комплекс реляционных систем управления базами данных: MS SQL Server, PostgreSQL и SQLite, что позволяет задействовать их сильные стороны для решения конкретных задач. Для автоматизации разработки подсистем используется инструментальная система «ГеоАРМ», которая обеспечивает интерактивное формирование всех элементов моделей приложений БД и динамическое создание подсистем в результате интерпретации созданных спецификаций. Под управлением операционной системы Windows Server реализована основная часть репозитория. В ее состав входят

*Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России проект № FZZE-2023-000, база данных разработана при финансовой поддержке мегагранта Правительства РФ № 075-15-2021-631.

Структура стандартов описания библиографического списка (старая).

БД «Геоархеология», спецификации подсистем и «ГеоАРМ» [Фереферов, Бычков, Хмельнов, 2014, с. 85–100; Hmelnov, Fereferov, 2019, p. 59–69; Фереферов, Спасибко, 2022, с. 65]. Процесс работы с репозиторием предполагает два основных режима доступа: полнофункциональный (закрытый) и общий. Закрытый предназначен только для сотрудников научного центра и содержит всю подробную информацию о материалах и объектах. В общем доступе публикуется только «краткая запись» об археологических объектах.

Одной из первостепенных проблем внедрения информационных систем в геоархеологические исследования является отсутствие единых стандартов организации исследований, описания и классификации результатов. Другой немаловажной проблемой является вынужденная работа с неполными, слабоструктурированными данными, которые часто имеют большую погрешность. Для их решения основой для разрабатываемой БД стали специально сформированные стандарты описания для всех этапов исследований.

Базовым является стандарт, который отражает общие характеристики геоархеологического объекта. Этот стандарт связывает в единую структуру все остальные стандарты и записи из разных исследовательских полей. Все стандарты сопровождаются справочниками, в которых имеется объяснение понятий и представлена используемая терминология.

Для хранения информации об археологических объектах реализована поддержка различных форматов данных: электронных таблиц (MS Excel), документов различных текстовых процессоров (txt, MS Word, PDF, LaTeX), изображений (jpg, bmp, tif, png), файлов CAD-систем, а также 3D-моделей (obj, stl).

Создание репозитория БД не ограничивается только разработкой стандартов. В некоторых случаях реализованные стандарты могут быть неудобны с точки зрения практического применения. Поэтому все они требуют отработки на практике и последующего дополнения, корректировки или полного изменения.

Например, при составлении стандарта описания библиографического списка (см. *рисунк*) для описания исследовательских работ в отношении исследуемых геоархеологических объектов были сформированы 7 стандартов описания с характерными для каждой отдельной таблицы записями состояния. Такой формат позволяет записывать подробную информацию отдельно для каждого вида публикации, что позволяет изменять их без привязки к другим публикациям.

Однако возникли сложности с составлением отчетов об общей картине публикационной активности по каждому из объектов. Различные виды документов сильно отличались по структуре, из-за чего заполняемость многих карточек была неполной.

Поэтому был разработан новый стандарт, объединяющий записи для всех 7 видов публикаций в упрощенном формате, который позволяет записывать основные сведения по каждому из документов. Для дополнительных сведений было создано одно общее поле записи. Такое решение облегчило заполнение стандартов без ущерба для полноты описываемой информации. Кроме того, это позволило значительно упростить и ускорить поиск публикаций с определенными характеристиками и для выбранного географического объекта.

Разработанная в научно-исследовательском центре «Байкальский регион» ИГУ база данных позволяет автоматизировать процесс, обеспечить быструю обработку результатов, а также повысить качество и точность получаемых результатов. Обозначенные идеи отражают видение структуры и визуализации универсальной геоархеологической БД, для реализации которой предложены собственные разработки программ и стандарты описания, основанные на многолетних археологических исследованиях в Байкальской Сибири.

*Научный руководитель – И.М. Бердников
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
зам. директора по науке,
НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет*

Development of the Baikal Siberia Database and Repository: From the Experience of Irkutsk State University in the Development of an Archaeological Information System for Baikal Siberia

A.B. Spasibko

Geoarchaeological research is a complex process that requires the use of modern data processing methods, information technologies and other tools. The tasks of systematization of archaeological data for convenient search and analysis of available information have existed since the formation of geoarchaeology as a separate scientific field. To support archaeological research, work is actively underway on the development and implementation of information systems. The final arrays of processed information belong to BigData. One of the main problems of the introduction of information systems in archaeological research is the lack of uniform standards for the organization of research and the description of the results. Another important problem is the forced work with incomplete, poorly structured data. The developed depository database is based on specially formed description standards for all stages of geoarchaeological research.

Keywords: databases, information model, archaeological collections, geoinformation systems, geoarchaeological objects.

Спасибко Александра Борисовна
магистрант 2-го курса
Иркутский государственный университет
инженер-исследователь
НИЦ «Байкальский регион»
e-mail: alekspbor@gmail.com

Spasibko Alexandra Borisovna
2nd year master's degree student
Irkutsk State University
Research Engineer
Scientific Research Center "Baikal Region"
e-mail: alekspbor@gmail.com

Список литературы

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Бердников И.М. и др. Геоархеология в системе археологических исследований на территории Байкальской Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 133–146. doi: 10.20874/2071-0437-2021-54-3-11

Васильев С.А. АИС «Археограф»: система описания археологических памятников и вывода данных в ГИС // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. Ижевск: УдМНИИ-ЯЛ УрО РАН, 2005. С. 13–21.

Фереферов Е.С., Спасибко А.Б. Информационная система поддержки геоархеологических исследований // Тезисы XXIII Всероссийской конференции молодых ученых по математическому моделированию и информационным технологиям: тез. докл., Новосибирск, 24–28 окт. 2022 г. Новосибирск: ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр информационных и вычислительных технологий», 2022. С. 65.

Фереферов Е.С., Бычков И.В., Хмельнов А.Е. Технологии разработки приложений баз данных на основе декларативных спецификаций // Вычислительные технологии. 2014. Т. 19, № 5. С. 85–100.

Hmelnov A.E., Fereferov E.S. Development of cross-platform problem-oriented systems using specifications of database applications // CEUR Workshop Proceedings. 2019. Vol. 2463. P. 59–69.

Zweig Z. Using Data Mining Techniques for Analyzing Pottery Databases. Bar-Ilan University, 2007.

УДК 902.01

Петроглифы Тибетского нагорья в зверином стиле*

В.Л. Денисенко

*Новосибирский государственный педагогический университет, Институт археологии и этнографии
СО РАН, Новосибирск, Россия*

Звериный стиль евразийских степей эпохи раннего железного века является важным индикатором включенности определенного региона в орбиту распространения скифоидных культур. Так, на территории Тибетского нагорья (далее – Тибет) обнаружено множество наскальных изображений, выполненных в характерном зверином стиле степей. В данной работе мы рассмотрим петроглифы в зверином стиле Малого, Западного и Восточного Тибета. Однако до сих пор в научной литературе является проблемной областью установление маршрутов центральноазиатских народов, распространивших звериный стиль в Тибете, а также хронологическая и этническая атрибуция петроглифов. Для раннего железного века в Тибете наскальные изображения являются основным археологическим источником, так как крайне мало исследованных археологических памятников относится к данному периоду, преимущественно случайные находки. Поскольку прямая датировка наскальных изображений и подъемного материала не проводилась, исследователи полагаются только на поиск межрегиональных аналогий. В задачи исследования входит историографический анализ петроглифов Тибетского нагорья в зверином стиле. Цель исследования состоит в том, чтобы рассмотреть на основе опубликованных материалов основные направления проникновения звериного стиля в указанный регион в эпоху раннего железного века.

Территория Малого Тибета включает в себя пакистанский регион Гилгит-Балтистан и индий-

ский регион Ладакх. Планомерное изучение региона Гилгит-Балтистан началось благодаря Карлу Йеттмару, который с 1980-х гг. исследовал петроглифы Северного Пакистана. В дальнейшем немецкие ученые из Гейдельбергской академии наук создали исследовательский центр по сохранению наскальных изображений, расположенных на Каракорумском шоссе. По опубликованным материалам известно 8 памятников с петроглифами в зверином стиле. Все они расположены вдоль долины Верхнего Инда. В основном встречаются козероги, хищники, реже олени, лошади и совсем не встречаются яки и птицы, столь характерные для Ладакха. Орнамент тел зооморфных петроглифов состоит из кругов, петель и спиралей, но чаще встречаются неорнаментированные изображения, свойственные сакской и западноиранской художественным традициям [Jettmar, Thewalt, 1987, p. 13–15].

На территории Ладакха исследование петроглифов было предпринято Анри-Полем Франкфором, который вместе с соавторами опубликовал первый обстоятельный труд. Дальнейшее исследование Малого Тибета продолжили Л. Брюно, М. Вернье и К. Деверс [Денисенко, 2022]. На сегодняшний день опубликованы материалы по семнадцати памятникам, где обнаружены петроглифы в зверином стиле. Данные памятники расположены преимущественно вдоль рек Инд и Занскар, а также их притоков. Количество наскальных изображений в зверином стиле по отношению к общему содержанию

*Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121.

незначительно. Звериный стиль легко узнаваем в ладакхских петроглифах благодаря изящному S-видному внешнему контуру фигур; как контурной выбивке без орнамента, так и многообразной орнаментации – линиями, волютами, завитками; динамизму изображений; позам «на цыпочках», «бега»; сценам преследования. Наиболее распространенными зооморфными изображениями являются хищники, олени, а затем горные козлы, птицы (петухи-фениксы) и яки.

История изучения петроглифов Западного и Восточного Тибета представлена в статьях отечественных исследователей [Черемисин и др., 2006; Комиссаров и др., 2008]. Аналитический подход к наскальному искусству в зверином стиле из Римодонга, Рутог предпринят Л. Хунлян, который связывает их с культурной сферой евразийских степей I тыс. до н.э. [Hongliang, 2010]. Основная группа памятников Западного Тибета расположена в уезде Рутог, где, по оценке Дж.В. Белеццы, более трех процентов всех зооморфных изображений выполнены в зверином стиле с примерной датировкой между VII и II в. до н.э. [Belezza, 2020, p. 124]. Особенности петроглифов в зверином стиле: линейная выбивка с шлифовкой, угловатые контуры изображений, динамизм, украшение тел животных двойными или одиночными волютами, спиралями, сцены преследования. В основном преобладают изображения яков, антилоп, оленей и хищников. В своей статье А.В. Варенов провел подробный стилистический анализ изображений с памятника Римодонг, пункты 8, 12, 13 группы I [Варенов, 2021]. На двух плоскостях присутствуют палимпсесты, которые важны для хронологии петроглифов региона [Там же, с. 45].

Недавно географический диапазон наскальных изображений в зверином стиле, близких по стилистике к петроглифам Ладакха и Рутога, был расширен до Восточного Тибета (Тибетская автономная префектура Юйшу, провинция Цинхай) [Wenjing, Xiaokun, 2021, p. 112; Man et al., 2022]. На основе опубликованных материалов можно отметить памятники Таджонг, Сайканг, Гуанчжоу, Мэйсонг. Среди петроглифов в зверином стиле около двух десятков диких оленей и яков [Belezza, 2020, p. 121]. На памятнике Сайканг на одной из плоскостей нанесены семь петроглифов в зверином стиле. Точно определимы три крупных оленя с ветвистыми рогами, два мелких оленя и два неопределимых животных, выполненных в той же манере [Wenjing, Xiaokun, 2020, fig. 11]. Уникальным петроглифом в зверином стиле для данного региона является изображение оленя с памятника Таджонг в жертвенной позе с подогнутыми ногами и с двойной волютой [Ibid., fig. 8]. Остальные примеры с памятников Мэйсонг и Гуанчжоу демонстрируют одинаковые приемы изоб-

ражения копытных – двойные волюты, две ноги, поза «на цыпочках» [Man et al., 2022, fig. 17, 20].

В ходе проведенного исследования было показано, что наскальное искусство Малого, Западного и Восточного Тибета имеет большое тематическое и стилистическое сходство, но со своими локальными особенностями. Так, петроглифы Гилгит-Балтистана демонстрируют взаимодействие саков и западноиранских народов, которые в меньшей мере, но отражены в петроглифах Ладакха. Петроглифы Рутога представляют собой более «провинциальную» версию наскального искусства в зверином стиле. Изоляция Рутога от степных влияний из-за высокогорья и суровых климатических условий региона является следствием большей художественной обособленности Западного Тибета, наблюдаемой в наскальных изображениях. В этой связи можно предположить, что звериный стиль распространялся по всему Тибетскому нагорью не только с запада, но и с востока, с северо-западных границ Китая. В доказательство данного предположения можно отметить, что в Цинхае присутствуют изображения оленя в жертвенной позе с двойной волютой в отличие от других областей Тибета. Более того, по археологическим материалам известно, что в эпоху раннего железного века к северу от провинции Цинхай были распространены археологические культуры скифского облика. Таким образом, появление искусства в зверином стиле на Тибетском нагорье, по-видимому, представляет собой серию миграционных волн, как с запада, так и с востока, притом, что каждая область, в процессе проникновения нового стиля наскального искусства, проявляла локальные особенности.

*Научный руководитель – Н.В. Полосьмак
д-р ист. наук, чл.-кор. РАН,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Варенов А.В. Звериный стиль в петроглифах Тибета // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 42–45.

Денисенко В.Л. Влияние центральноазиатских народов на наскальное искусство Северной Индии в эпоху раннего железного века: историографический аспект // Актуальная археология 6. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 321–323.

Комиссаров С.А., Прокофьева И.В., Черемисин Д.В. Петроглифы Цинхая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 3. С. 101–106.

Черемисин Д.В., Прокофьева И.В., Комиссаров С.А. Петроглифы Тибета // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3. С. 248–255.

Bellezza J.V. Tibetan Silver, Gold and Bronze Objects and the Aesthetics of Animals in the Era Before Empire: Cross-cultural Reverberations on the Tibetan Plateau and Soundings from Other Parts of Eurasia., Oxford: BAR Publishing, 2020. 169 p.

Jettmar K., Thewalt V. Between Gandhāra and the Silk Roads. Rock-carvings Along the Karakorum Highway. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1987. 59 p.

Hongliang L. Сималая яньхуа Оуя цаюань иньсу цзай цзяньтао [吕红亮。西喜马拉雅岩画欧亚草原因素再检讨//高谷] Пересмотр компонента евразийской степи

в петроглифах Западного Гималайского региона // Гао-гу [高谷地] Высокие долины. 2010. Вып. 10. С. 71–81. (на кит. яз.).

Man L., Jiayangnima L., Huisheng T., Yongxian L., Bednarik R.G. The 2019 survey of petroglyphs in the Qinghai-Tibet Plateau, western China // Rock Art Research. 2022. Vol. 39. P. 143–154.

Wenjing Z., Xiaokun W. A Study on the Rock Art of the Tongtian River Basin, Tibetan Plateau of China // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. Vol. 14, N 1. P. 111–127.

Petroglyphs of the Tibetan Plateau in Animal Style

V.L. Denisenko

The animal style of the Eurasian steppes of the Early Iron Age is an important indicator of the inclusion of a certain region in the orbit of the spread of Scythoid cultures. So, on the territory of the Tibetan Plateau (hereinafter – Tibet), many petroglyphs made in the characteristic animal style of the steppes were discovered. However, the establishment of routes of the Central Asian peoples who spread the animal style in Tibet, as well as the chronological and ethnic identification of petroglyphs, is still a problematic area in the scientific literature. In this paper we will consider zoomorphic petroglyphs made in the animal style of the Eurasian steppes, Minor, Western and Eastern Tibet. The objectives of the study include a historiographical analysis of the problem. The purpose of the study is to consider, on the basis of published materials, the main directions of the penetration of the animal style in Tibet in the Early Iron Age.

Keywords: early Iron Age, petroglyphs, animal style, Tibet, Northern India, Western Tibet, Eastern Tibet.

Денисенко Валерия Леонтьевна

аспирант 2-го года обучения
Новосибирский государственный педагогический университет
младший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии СО РАН
e-mail: valerialleontyevna@yandex.ru

Denisenko Valeria Leontieva

2th year postgraduate student
Novosibirsk State Pedagogical University
junior research assistant
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
e-mail: valerialleontyevna@yandex.ru

УДК 902/904

Хозяйственная диверсификация в Патагонии и на Огненной Земле: стратегии выживания и региональные особенности

Д.С. Дружинин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Патагония и Огненная Земля – это обширная территория более 900 тыс. км² между 39° и 55° ю. ш. в Южной Америке. Ландшафт к западу и югу ограничен Андским хребтом и его отрогами, а к востоку от Анд изрезанные плато переходят в низкие равнины. Пролив Магеллана отделяет южную Патагонию от центрального о. Исла Гранде Огненной Земли, а канал Бигль отрезает Исла Гранде от внешних островов архипелага.

В Патагонии и на Огненной Земле никогда не было полноценного земледелия, но охота и собирательство отличались гибкостью и разнообразием. Для данных территорий можно выделить две основные культурные адаптации – сухопутные охотники-

собиратели на большей части территорий региона и приморские охотники-собиратели на его южной оконечности. Сухопутные индейцы соотносятся с этнографическими племенами теуэльче в континентальной Патагонии и селькнамов на Исла Гранде Огненной Земли, приморские – с яганами в южной части архипелага Огненная Земля и алакалуфами на Чилийском архипелаге, в западной части Магелланова пролива и частично на островах Огненной Земли. Немногочисленные хауши на юго-востоке Исла Гранде в наибольшей мере сочетали обе стратегии выживания [Borgero, 1997, p. 79].

Хозяйственная диверсификация индейцев началась в среднем голоцене ок. 8 тыс. л.н. Именно тогда

в Фуэго-Патагонии наступил климатический оптимум, во время которого происходили расширение ареала обитания патагонцев и фуэгинов и сопутствующие культурные адаптации. На Огненной Земле и близлежащих территориях фиксируется переход сухопутных охотников к приморскому хозяйству ок. 6,5–7 тыс. л.н., в северо-западной Патагонии во время голоцена периодически эксплуатировались пространства рядом с водными ресурсами, активно использовались мелкие млекопитающие, птицы, моллюски и растения. Хотя для большей части Патагонии и Исла Гранде Огненной Земли основной добычей оставались гуанако (*Lama guanicoe*), сомнительно, что в прекокордильерской зоне они играли ключевую роль, так как на памятниках их костей мало, и они сильно фрагментированы. Это может указывать на существование лесных адаптаций, не основанных на охоте на гуанако [Handbook..., 2008, p. 63].

В контексте культурной диверсификации региона важен переход от Тольдосской традиции к Касапедренсе. Тольдосская культурная традиция (Toldense) характеризуется отщепной индустрией, включает черешковые наконечники типа фиштейл и морфологически совпадает с ранними материалами пещеры Фелл. Именно в Тольдосской традиции впервые фиксируются боласы, которые впоследствии будут играть ключевую роль для охоты в степном ландшафте. Орудия традиции встречаются в пещерах Эль Сейбо, Арройо Фео, Эль Верано, Ла Мартита. Она датируется 11–9 тыс. л. н. [Dillehay, 2000, p. 209]. Преемником Тольдосской традиции в центральной Патагонии стала традиция Касапедренсе.

Культурная традиция Касапедренсе (Casapedrense) в центральном Альтиплано аргентинской провинции Санта-Крус датирована 7–5 тыс. л.н., содержит пластины, отщепы и концевые скребки, которые свидетельствуют о специализации на гуанако с охотой на степных открытых пространствах. Тем не менее истинная природа традиции не ясна, потому что, хотя в инвентаре присутствуют боласы и унифасиальные инструменты, наконечников не найдено [Montero, 1981, p. 43]. Это период расцвета наскального искусства и, возможно, роста человеческой популяции. Касапедренсе позже распространилась в соседнюю зону Кордильер, где, используя местное сырье, люди стали изготавливать наконечники, более удобные для охоты в лесной зоне [Borgero, 1997, p. 48]. Ок. 3 тыс. л.н. Касапедренсе в основном редуцировалась, но частично сохранилась в степных внутренних районах, доходя до бассейна Чубут на севере и Ультима Эсперанса на юге. На смену Касапедренсе пришла Патагонская традиция (Patagoniense), финальный этап разви-

тия охотников-собирателей Патагонии и Огненной Земли, появление которой датируется примерно 1,9 тыс. л.н. [Otero, Banegaz, 2011, p. 114]. Памятников этого периода много, из ключевых можно выделить поздние слои пещер Лос Толдос, Пали-Айке, Фелл и Рио Пинтурас, а также такие памятники собственно Патагонской традиции, как Серро де лос Индиос, Тапера-2 и Лагуна Асуль. Инвентарь отличается разнообразием, в наибольшей степени для него характерны короткие концевые скребки на пластинах, треугольные наконечники небольших размеров с выступающим черешком, трапециевидные топоры и боласы разнообразных форм [Otero, 1995, p. 74–75].

Если для сухопутных стратегий адаптации возможно выделение отдельных культурных традиций, то для морских адаптаций оно затруднительно. Все еще актуален вопрос установления точного времени перехода к активной эксплуатации морских ресурсов. Он усложняется тем, что 6–5 тыс. л.н. наблюдался подъем уровня моря из-за деградации ледников; это уничтожило многие свидетельства более раннего заселения. С 3 тыс. л.н. появились первые прибрежные поселения в центральной Патагонии, тогда как в южной Патагонии и на Огненной Земле использование морских ресурсов зафиксировано значительно раньше – 6–5 тыс. л.н., что подтверждают находки в западной части Магелланова пролива, в проливе Сено Отвэй и на о. Наварино, а также значительные остатки моллюсков на ряде континентальных памятников, таких как Лас Буитreras. Период характеризуется не только более активной эксплуатацией морских млекопитающих и береговых птиц, но также развитием искусной работы по кости, включая многозубые гарпуны со съемными наконечниками, зубила, клинья, крупные ножи из раковин и, возможно, лодки из коры [Handbook..., 2008, p. 69].

Сама приморская традиция достаточно однородна и различается незначительными деталями, например, вблизи Магелланова пролива встречаются тщательно отретушированные бифасиальные инструменты и изделия из обсидиана, а в канале Бигль часты шлифованные орудия [Borgero, 1997, p. 53]. Крупные поселения, как в регионе Отвэй-Скайринг, на островах Мадре де Диос Гуайянеко и Чонос Гуайтекос, основывались на границе разных природных зон, чтобы обеспечить доступ к наибольшему количеству ресурсов. С 2 тыс. л.н. в центральной и северной Патагонии усилилось развитие мобильных паттернов, использующих преимущества различных ресурсов, что иллюстрируют специализированные лагеря на высоких плато. Это переходный период к исторически известным этносам.

Итак, в среднем голоцене охотничье-собира-
тельские стратегии выживания разделились на
две основные группы – сухопутные и приморские,
причем вторые отличались относительной одно-
родностью. Приморские адаптации получили осо-
бое развитие в южной Патагонии и на Огненной
Земле, где появились раньше всего, как минимум
7–6,5 тыс. л.н., тогда как на атлантическом побе-
режье центральной Патагонии приморские поселе-
ния, в большей мере основанные на эксплуатации
именно морских ресурсов, фиксируются только
3 тыс. л.н. Тем не менее следует понимать, что стра-
тегии адаптации в Патагонии и на Огненной Земле
почти никогда не были исключительно сухопутны-
ми или приморскими, но всегда взаимно дополняли
друг друга.

*Научный руководитель – А.В. Табарев
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Economic Diversification in Patagonia and Tierra del Fuego: Subsistence Strategies and Regional Features

D.S. Druzhinin

This paper attempts to make an overview of the main cultural adaptations of the ancient population of Patagonia and Tierra del Fuego. There were hunting-gathering cultures that were especially flexible and variable. Cultural diversification began in the Middle Holocene and made great progress, giving rise to two cultural groups – maritime and terrestrial, which later evolved into the ethnographic tribes of the region. This paper examines their development, individual cultural traditions and regional traits.

Keywords: Patagonia, Tierra del Fuego, subsistence strategy, maritime adaptations, middle Holocene, South American archeology.

Дружинин Данила Сергеевич

студент 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: d.druzhinin@g.nsu.ru

Список литературы

Borrero L.A. Patagonia: Natural History, Prehistory, and Ethnography at the Uttermost End of the Earth. Princeton: Princeton University Press, 1997. 204 p.

Dillehay Th.D. The Settlement of the Americas: A New Prehistory. New York: Basic Books, 2000. 371 p.

Handbook of South American Archaeology. New York: Springer Publ., 2008. 1191 p.

Montero E. La Industria Casapedrense (Coleccion Menghin) // RUNA, Archivo Para Las Ciencias Del Hombre. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1981. Vol. 13 (1–2). P. 35–57.

Otero J.G. Bases para una arqueología de la costa patagónica central (entre el Golfo San José y Cabo Blanco) // Arqueología. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1995. Vol. 5. P. 61–103.

Otero J.G., Banegas A. Variabilidad morfológica de puntas de proyectil en la costa centro-septentrional de Patagonia argentina: primeros estudios y primeras preguntas // VIII Congreso de Historia Social y Política de la Patagonia argentino-chilena. Rawson: La Secretaría de Cultura del Chubut, 2011. P. 110–118.

Druzhinin Danila Sergeevich

4th year student

Novosibirsk State University

e-mail: d.druzhinin@g.nsu.ru

УДК 903.26

Ритуальное использование обсидиана в доколумбовых обществах южного побережья Перу

Г.А. Елошкин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Значение обсидиана в археологии отмечали многие специалисты, особо показывая важность исследования его геохимических свойств и технологии изготовления изделий, однако ритуальный аспект использования нередко оказывался на периферии научных интересов [Табарев, Кубан, 2010, с. 246; DeLeonardis, Glascok, 2013, p. 164]. Особенно это актуально в отношении обществ,

уже освоивших гончарство, металлургию и ткачество. В то же время добыча и доставка обсидиана на большие расстояния, как и само его применение, выходят далеко за рамки лишь утилитарной деятельности, что подтверждается примерами из археологии и этнографии. Поэтому видится важным рассмотреть вулканическое стекло не с позиции простого сырья, а как материал,

обладающий ритуальным значением для древних перуанцев.

Визуальные качества в сочетании с практическими характеристиками обеспечили обсидиан особым положением среди других видов сырья. Обнаружение вулканического стекла вместе с халцедоном, кварцем и другими минералами, обладающими исключительными свойствами, говорит об особом отношении к этому материалу [DeLeonardis, Glascock, 2013, p. 178]. Кроме того, обсидиан фиксируется в погребальном контексте [Ibid., p. 174], в виде кладов [Ibid., p. 185] и в иконографии, где он ассоциируется с властью, силой и шаманской атрибутикой [Paul, Turpin, 1986, p. 22].

Камни в сознании человека нередко обретали качества живого существа, могли наделяться животельной силой, обладать сверхъестественными способностями. Подобно сельскохозяйственным продуктам, собранные минералы могли восприниматься как дар земли [Vaughn, Tripcevich, 2013, p. 10]. Иное отношение возникало и к местам добычи сырья, которые могли становиться священными [Ibid., p. 9]. Для южного побережья Перу на протяжении 10 000 лет ключевым месторождением обсидиана являлась Кисписиса (Quispisisa), которая была главным источником ритуального сырья для Чавин-де-Уантар (Chavin de Huantar) [DeLeonardis, Glascock, 2013, p. 182; Vaughn, 2006, p. 320; Reindel, Stöllner, Gräfinholt, 2013, p. 308]. В этой связи особенно странным кажется то обстоятельство, что ритуальное использование обсидиана слабо изучено в непосредственной близости от его места добычи – на юге Перу [DeLeonardis, Glascock, 2013, p. 184; Mendoza Martínez et al., 2020, p. 258]. В этом районе получили распространение религиозные практики, связанные с культом плодородия, отправлением которого предполагало совершение кровавых ритуалов. Кровь считалась жидкостью, которая наделена жизненной силой и могла обеспечить плодородие [Frame, 2001, p. 65]. Поэтому использование ножей из обсидиана становится необходимо из-за их хороших режущих свойств.

Так, среди ритуалов выделялась декапитация, фиксирующаяся находками трофейных голов (trophy heads) и изображениями на текстиле и керамике [Paul, Turpin, 1986, p. 22; Brown, Silverman, Garcia, 1993, p. 275]. Иконография паракаса (IX–II вв. до н.э.) демонстрирует большое значение как этой практики, так и обсидиановых ножей, использовавшихся также для жертвоприношения животных и нанесения ритуальных порезов [Brown, Silverman, Garcia, 1993, p. 290; Aponte, 2006, p. 50; Frame, 2001, p. 63].

Этот же период характеризуется возникновением и другой практики – трепанации черепа, которая производилась обсидиановыми инструментами [DeLeonardis, Glascock, 2013, p. 185]. В этой, казалось бы, сугубо медицинской процедуре прослеживается ряд признаков, связывающих ее с ритуальной сферой [Медникова, 2004]. Трепанация становится отражением не только статуса человека, но и, возможно, его близкой связи с сакральным.

О более выраженной роли обсидиана в религиозной и политической сферах можно говорить, начиная с культуры наска (1–650 гг. н.э.). В этот период археологические свидетельства существования практики декапитации становятся более распространенными (например, памятник Серро-Карапо), и они приобретают отчасти военный характер [Brown, Silverman, Garcia, 1993, p. 278; Conlee, 2007, p. 439]. Тем не менее, как для паракаса, так и для культуры наска трофейные головы продолжают сохранять религиозное значение. Это отмечается почти всеми исследователями, они обращают внимание и на значение трофейных голов [Brown, Silverman, Garcia, 1993, p. 290] и керамики [Vaughn, 2006, p. 332; Burger, 2007, p. 485] в интеграции общества и главное – в распространении связанной с элитой идеологии с помощью изображений ритуальных и мифических сцен [DeLeonardis, 2000, p. 378; Vaughn, 2006, p. 332–333].

Не последнюю роль в этом сыграли широкие обменные сети Центральных Анд [Reindel, Stöllner, Gräfinholt, 2013, p. 301–302]. Они способствовали транспортировке на большие расстояния не только сырья и готовых изделий, но и идей, ведь вместе с сырьем – в т.ч. с обсидианом – распространялись представления о культе плодородия и практиках декапитации. Однако вулканическое стекло в этой модели остается вне поля зрения исследователей, несмотря на его значение в религиозной жизни как одного из ключевых объектов ритуальных практик.

Таким образом, ритуальное использование обсидиана имеет древнюю традицию, что подтверждается транспортировкой сырья на большие расстояния, обнаружением вулканического стекла в погребениях и тайниках. Являясь частью иконографической традиции культур паракас и наска, обсидиан демонстрирует вовлеченность в ритуалы плодородия. В целом роль обсидиана как ритуального атрибута значительно возрастает в связи с укреплением религиозной и политической элиты общества.

*Научный руководитель – А.В. Табарев
д-р ист. наук, доцент, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетея, 2004. 208 с.

Табарев А.В., Кубан А.А. Черное и красное: обсидиановые бифасы в ритуальных танцах индейцев северо-западной Калифорнии // Открытие Америки продолжается / отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН, 2010. Вып. IV. С. 244–285.

Aponte D. Presentación de los materiales del fardo funerario 290 de Wari Kayán, Paracas Necrópolis. Arqueológicas. 2006. N 27. P. 9–99.

Browne D.M., Silverman H., Garcia R. A Cache of 48 Nasca Trophy Heads from Cerro Carapo, Peru: Report. Latin American Antiquity. 1993. Vol. 4, N 3. P. 274–294.

Burger R.L. Late Paracas Obsidian Tools from Animas Altas, Peru. Andean Past. 2007. Vol. 8. P. 477–492.

Conlee C.A. Decapitation and Rebirth. Current Anthropology. 2007. Vol. 48, N 3. P. 438–445.

DeLeonardis L. The Body Context: Interpreting Early Nasca Decapitated Burials. Latin American Antiquity. 2000. N 11 (4). P. 363–386.

DeLeonardis L., Glascock M.G. From Queshqa to Callango a Paracas Obsidian Assemblage from the Lower Ica Valley, Peru. Ñawpa Pacha. 2013. Vol. 33, N 2. P. 163–192.

Engel F.A. Prehistoric Andean Ecology: Man, Settlement and Environment in the Andes. N. Y.: Humanities Press for the Department of Anthropology, Hunter College, City University of New York, 1981. Vol. 2: The Deep South. 155 p.

Frame M. Blood, Fertility, and Transformation: Interwoven Themes in the Paracas Necropolis Embroideries //

Ritual Sacrifice in Ancient Peru / eds. by E.P. Benson, A.G. Cook. Austin: University of Texas Press, 2001. P. 55–92.

Mendoza Martínez E., Nesbitt J., Matsumoto Y., Cavero Palomino Y., Glascock M.D. pXRF Sourcing of Obsidian from Pallaucha, Vilcashuaman: Insights into Exchange Patterns in South-Central Peru during the Early Horizon. Bulletin de l'Institut Français d'Etudes Andines. 2020. Vol. 49, N 1. P. 255–276. <https://doi.org/10.4000/bifea.12232>

Paul A., Turpin S. A. The Ecstatic Shaman Theme of Paracas Textiles. Archaeology. 1986. Vol. 39, N 4. P. 20–27.

Reindel M., Stöllner T.R., Gräfinholt B. Mining Archaeology in the Nasca and Palpa Region, South Coast of Peru // Mining and Quarrying in the Ancient Andes. Sociopolitical, Economic, and Symbolic Dimensions, Interdisciplinary Contributions to Archaeology / eds. by N. Tripcevich, K.J. Vaughn. N. Y.: Springer Science+Business Media, 2013. P. 299–322. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5200-3_14

Vaughn K.J. Craft Production, Exchange, and Political Power in the Pre-Incaic Andes. Journal of Archaeological Research. 2006. N 14 (4). P. 313–344. <https://doi.org/10.1007/s10814-006-9007-2>

Vaughn K.J., Tripcevich N. An Introduction to Mining and Quarrying in the Ancient Andes: Sociopolitical, Economic and Symbolic Dimensions // Mining and Quarrying in the Ancient Andes. Sociopolitical, Economic, and Symbolic Dimensions / eds. by N. Tripcevich, K.J. Vaughn. N. Y.: Springer Science+Business Media, 2013. P. 3–19. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5200-3_1

Ritual Use of Obsidian in the Pre-Columbian Societies of the Southern Coast of Peru

G.A. Eloshkin

Obsidian is well described in scientific papers, especially its geochemical characteristics. However, the ritual use of obsidian is still a poorly represented subject in the articles of archaeologists who study the pre-Columbian cultures of the south coast of Peru. Moreover, at the moment there are no summary papers on the ritual significance of obsidian for the formation of religious tradition of the population of the region under consideration. This article is an attempt to show the important role of obsidian items in the process of formation of religious beliefs, as well as in strengthening religious influence in the region. Obsidian became not only a raw material for creating the attributes of a shaman, but also an important object for transportation over long distances, which made it possible to spread religious beliefs.

Keywords: Paracas, Nasca, ritual use of obsidian, sacrifices.

Елошкин Григорий Александрович

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: g.eloshkin@g.nsu.ru

Eloshkin Grigory Alexandrovich

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: g.eloshkin@g.nsu.ru

Методы изучения и анализа комплексов с преобладанием изделий из вулканического стекла (на примере памятника Эль-Инга, Эквадор)

Е.А. Еремеева

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Стоянка-мастерская Эль-Инга – уникальный археологический памятник, расположенный в провинции Пичинча, Эквадор, примерно в 22 км к востоку от г. Кито. Интересен данный памятник в первую очередь тем, что исходным материалом для изготовления разнообразных орудий здесь являлся обсидиан (вулканическое стекло), поэтому чаще используется название «обсидиановая индустрия Эль-Инга». В отечественной литературе существует лишь краткое упоминание о комплексе в учебном пособии А.В. Табарева «Введение в археологию Южной Америки» [2006, с. 136].

Стоянка находится на высоте 2 550 м над ур. м. на западном берегу р. Инга, что и дало ей название [Bell, Mayer-Oakes, 1960, p. 1805]. Стоянка Эль-Инга непрерывно подвергается эрозионным процессам, из-за чего лишь небольшая часть культурного слоя памятника является неповрежденной.

Специализацией автора являются различные аспекты эксплуатации обсидиана в древних культурах тихоокеанского бассейна. Поэтому изучение материалов на территории Дальнего Востока (Приморский край) предполагает не только детальную работу с ними, но и обращение к опыту исследований как сопредельных, так и достаточно отдаленных районов, чтобы в сравнительном контексте проследить, как изучаются наиболее важные памятники с преобладанием изделий из обсидиана.

В середине 1950-х гг. геолог А. Граффхэм показал случайно найденные эквадорские артефакты археологу Р. Беллу (Университет Оклахомы), который сразу осознал важность находок и при поддержке Национального научного фонда Вашингтона организовал в 1960–1961 гг. экспедицию [Nami, Stanford, 2016, p. 2] и получил основную массу находок. Последующие исследования, проводившиеся У. Майером-Оаксом, Э. Салазаром и Э. Бонифасом, были направлены на уточнение стратиграфии и дополнительные сборы материалов.

Основной целью двух первых сезонов полевых работ было получение археологических данных о характере памятника Эль-Инга. Распределение артефактов по глубине показано в таблице.

Важным обстоятельством является отсутствие в Эль-Инга антропологических и фаунистических

материалов. Единственным источником, по которому исследователи могут интерпретировать археологический комплекс, являются различные орудия, изготовленные из обсидиана, иногда из базальта или кремня. По мнению большинства специалистов, памятник Эль-Инга можно отнести к стоянкам-мастерским по изготовлению орудий, которые использовались древним человеком на протяжении нескольких тысячелетий.

В Эль-Инга стратиграфический разрез по раскопкам Р. Белла представляет простой профиль, состоящий из двух блоков [Bell, 2000, p. 9]. Верхний состоит из почвы темного цвета мощностью ~40–45 см и содержит археологические материалы. Нижний лежащий под ним слой коренной породы из вулканического пепла археологически стерилен. Большая часть всех предметов была обнаружена в культурном слое глубиной от 20 до 40 см.

Морфологические варианты метательных наконечников включали ланцетовидные, треугольные с узким насадом, наконечники типа «рыбий хвост» и наконечники с широким насадом. Наиболее древние материалы представлены наконечниками в форме рыбьего хвоста «fishtails points», напоминающими те, что были найдены Дж. Бёрдом в нижних горизонтах в пещере Фелл в Чили [Табарев, 2006, с. 71]. Сравнительные исследования показали, что наконечники типа «рыбий хвост» с северо-запада и юга Южной Америки имеют много общего в технологическом и морфологическом отношении. Эти находки позволили предположить более раннее заселение севера Южной Америки и пути миграций [An Initial Consideration..., 1994, p. 240].

Скребки представляют собой одну из наиболее распространенных категорий артефактов на стоянке. Они представляли значительные трудности в классификации из-за различий в форме, размере, толщине и способах вторичной обработки, поэтому были разделены на четыре группы.

К первой относятся те скребки, что сделаны из заготовок, в которых присутствует унифасиальная или бифасиальная ретушь. Артефакты представляют собой отщепы, не подправлявшиеся специально для придания им определенных форм.

Стратиграфическое распределение находок по глубине раскопа в Эль-Инга

Глубина залегания	Наконечники типа «рыбий хвост»	Бифасиально обработанные ножи	Скребки на отщепах	Пластинчатые скребки	Скребки с крутой ретушью по овальному краю	Скобели	Проколки	Многофасеточные резцы	Резцовый скол	Фрагменты керамических сосудов
Пахотный слой		15	81				9			957
Условный пласт 1		48	132		34	4	56		16	159
Условный пласт 2		61	169	11	49	38	102			52
Условный пласт 3	14	42	129	20	75	19	50	39	85	
Условный пласт 4	54	29	92	12	94		34	28	52	
Кангахуа	17			5	19		42	2	23	
<i>Итого</i>	85	195	603	48	271	61	293	69	176	1168

Многие из скребков подвергались неоднократной подработке рабочего края вследствие притупления кромки во время использования. Скребки из отщепов наиболее эффективны для обработки дерева и кости, размер их варьирует от 1 до 8 см в длину.

Вторая группа представлена скребками с вогнутым лезвием (скобели). Во время раскопок было обнаружено 45 таких изделий [Bell, 2000, p. 53]. Данная форма достигалась благодаря мелкой ретуши и, по-видимому, создавалась для обработки предметов цилиндрической формы. Размеры колеблются от 2,0 до 5,6 см по вертикальной оси.

К третьей группе относятся 36 скребков на пластинах. Они напоминают скребки на отщепах, за исключением того, что они намного уже и обработаны чаще всего краевой унифасиальной ретушью, не заходящей на дистальный или проксимальный концы орудия. Но иногда выделяют скребки, в которых данная ретушь заходит на дистальный конец пластины. Длина варьирует от 2,7 до 7,7 см.

Четвертая группа представляет собой скребки высокой формы с крутой ретушью по овальному лезвию. Они изготавливались из более массивных в поперечном сечении заготовок, имели значительно больше следов вторичной обработки. Всего обнаружено 156 скребков данного типа, включающих целые и фрагментированные, 133 из обсидиана, 18 из базальта и 5 из кремня.

Важной категорией находок на Эль-Инга можно считать серию из 64 нуклевидных (многофасеточных) резцов. Важно заметить, что при первой обработке материала с Эль-Инга большинство находок считались сломанными скребками. Однако при более внимательном рассмотрении и изучении

отдельных артефактов оказалось, что они представляют собой многофасеточные резцы со следами износа на рабочем крае. Размеры орудий варьируют от 4 до 8,5 см.

Дискуссии о датировке памятника Эль-Инга ведутся до сих пор. Учитывая отсутствие достаточного материала для датирования, точный период существования стоянки еще только предстоит выяснить. Чтобы провести радиоуглеродный анализ с использованием современных методов, в 1999 г. использовался образец угля из раскопок Р. Белла (1961 г.). Образец собран в Эль-Инга 31 июля 1961 г. из квадрата S13 L2 на глубине 56 см. Согласно Р. Беллу и У.Дж. Майеру-Оуксу, этот пласт является самым древним и исключает переотложение находок [Bell, Mayer-Oakes, 1960, p. 1806].

AMS-методом была получена дата 12 390 – 12 220 л.н. [Nami, Stanford, 2016, p. 4]. Следует отметить, что в Эль-Тинго, городке, расположенном в 12 км от Эль-Инга, по органическому веществу из стратиграфически аналогичного месторождения и глубины была получена АМС-дата 12 400 – 12 100 л.н. [Nami, 2014, p. 201]. Дата из Эль-Тинго подтверждает, что стратиграфические уровни, содержащие наконечники типа рыбий хвост в регионе, соответствуют переходу от плейстоцена к голоцену.

Памятник Эль-Инга является комплексом, очень богатым материалом. Данный археологический памятник представляет технологическое разнообразие обсидиановых артефактов, позволяет проследивать распространение обсидиана на территории северо-западной части Южной Америки, помогает найти аналогии различным категори-

ям орудий с других стоянок. Несмотря на частичную переотложенность верхних слоев комплекса, сложность с датировками и отсутствие каких-либо жилищных конструкций или четко выраженных производственных площадок, памятник Эль-Инга представляет ценный материал для изучения деятельности человека в позднелейстоценовый период на территории Эквадора.

*Научный руководитель – А.Н. Попов
канд. ист. наук, доцент,
Департамент истории и археологии Школы искусств
и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки: Анды и тихоокеанское побережье: Учеб. пособие. Новосибирск: Сибирская научная книга, 2006. 244 с.

An Initial Consideration of Obsidian Procurement and Exchange in Prehispanic Ecuador / R.L. Burger, F. Asaro, H.V. Michel, F.H. Stross, E. Salazar // *Latin American Antiquity*. 1994. Vol. 5, N 3. P. 228–255. <https://doi.org/10.2307/971882>

Bell R.E. Archaeological Investigation at the Site of El Inga, Ecuador. Norman: Sam Noble Oklahoma Museum of Natural History, 2000. 94 p.

Bell R.E., Mayer-Oakes W.J. Early Man Site Found in Highland Ecuador // *Science*. 1960. Vol. 131. P. 1805–1806. <https://doi.org/10.1126/science.131.3416.1805>

Nami H.G. Observaciones para conocer secuencias de reducción bifaciales paleoindias y puntas Fell en el valle del Ilalò, Ecuador // *Peuplement et Modalités d'Occupation de l'Amérique du Sud: l'Apport de la Technologie Lithique*. 2014. P. 179–220.

Nami H.G., Stanford D.J. Dating the Peopling of Northwestern South America: An AMS Date from El Inga Site, Highland Ecuador // *PaleoAmerica A Journal of Early Human Migration and Dispersal*. 2016. Vol. 2. P. 1–4. <http://dx.doi.org/10.1080/20555563.2016.1139793>

Methods for Studying and Analyzing Complexes with a Predominance of Obsidian Objects (El Inga Site, Ecuador)

E.A. Eremeeva

El Inga Workshop Site is a unique archaeological site located in the province of Pichincha, Ecuador. This monument is interesting, first of all, because the source material for the manufacture of tools here was obsidian. An important circumstance is the absence of anthropological and faunistic materials in El Inga. The only material by which researchers can interpret the archaeological complex are various tools. These include flake knives, scrapers, burins and debitage. Despite the partial redeposition of the upper layers of the complex, the difficulty with dating, and the absence of any housing structures or clearly defined production sites, the El Inga site is a valuable material for studying human activity in the Late Pleistocene period in Ecuador.

Keywords: Pacific archaeology, Ecuador, obsidian artifacts, El Inga, obsidian procurement, AMS, "fishtail" points.

Еремеева Екатерина Андреевна

магистрант 1 года обучения
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: eremeeva.ea@dvfu.ru

Eremeeva Ekaterina Andreevna

1st year master's degree student
Far East Federal University
e-mail: eremeeva.ea@dvfu.ru

УДК 902/904

Моллюск *Spondylus* в андской дорожной сети (Qharaq Ñan)

Н.Н. Ковалева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Капак-Ньян (*Qharaq Ñan*) на языке кечуа «Великий путь» – обширная дорожная сеть, которая пронизывала империю инков Тауантинсуйу [Lumbreras et al., 2020, p. 95]. Дорожную сеть можно определить как целостный пространственный объект, формирующийся на основе комплекса археологических памятников, природного окружения и проживающего на этих территориях населения [Шульгин, 2018, с. 96–97].

Общая протяженность сети дорог Капак-Ньян составляет 25–30 тыс. км [El Qharaq Ñan, 2021, p. 5]. Эта сеть охватывает территории шести современных государств и простирается от Колумбии на севере до Аргентины на юге, проходя через Эквадор, Перу, Боливию, Чили [Niño Martínez, Morillo, 2015, p. 12].

Капак-Ньян был внесен в список Всемирного наследия в категории «Культурный маршрут»

21 июня 2014 г. в Дохе (Катар) [Lumbreras et al., 2020, p. 11]. Одна из двух главных продольных дорог Капак-Ньян идет вдоль побережья и связывает территорию Чили с Тумбесом, другая соединяет Куско с Кито, пересекая все высокогорье [Vargas, Amaa, 2021, p. 57].

Ценность дорожной сети Капак-Ньян заключается в использовании и интеграции инками старых маршрутов, уже существовавших в различных районах Анд. По одному из таких маршрутов распространялись раковины моллюска *Spondylus*, который играл большую роль в южноамериканских культурах начиная с III тыс. до н.э., о чем свидетельствуют археологические находки и иконография [Niño Martínez, Morillo, 2015, p. 13].

Spondylus является морским тепловодным моллюском, который обитает только в тропических водах на территории современного Эквадора. Следовательно, раковины *Spondylus* и изделия из них, обнаруженные археологами на побережье Перу и Андском нагорье, были доставлены сюда с эквадорского побережья, что свидетельствует о культурных контактах на значительном расстоянии [Arango, 2017, p. 80; Hocquenghem, 2010, p. 36, 38].

Spondylus на языке кечуа называют *mullu* – это понятие, которое включает в себя как физические, так и идеологические характеристики. Раковина *Spondylus* и изделия из нее были объектом особого экономического и церемониального интереса в доколумбовых культурах на территориях Эквадора и Перу. Испанские хронисты сходятся во мнении, что бусы, изготовленные из раковин *Spondylus*, ценились у инков выше золота и драгоценных камней. В инкской мифологии *Spondylus* является «пищей для богов» [Munra, 1975, p. 172].

Самое раннее использование раковин моллюсков *Spondylus* было зарегистрировано в прибрежном Эквадоре в докерамической культуре лас-вегас (6–4 тыс. лет до н.э.) и в культуре вальдивии (3 800–1 500 лет до н.э.). Несколько захоронений лас-вегас и по крайней мере один скелет культуры вальдивии на памятнике Лома-Альта были захоронены с раковинами моллюсков, «помещенными на плечевые сочленения» [Stothert, 2003, p. 362]. Как символический объект раковина *Spondylus* была обнаружена на территории памятника Реаль-Альто под пандусом, ведущим к церемониальному сооружению (ок. 3600 г. до н.э.) [Marcos, 2021, p. 166–167].

На эквадорском побережье на памятнике Саланго (600–100 гг. до н.э.) были обнаружены артефакты, изготовленные из раковин *Spondylus*, а также целые створки, помещенные в погребение в качестве подношения [Lunniss, 2020, p. 8]. К тому же периоду относится votivное местонахождение раковин *Spondylus*, связанное со строительством

альбаррада (искусственных прудов) на п-ове Санта-Елена [Stothert, 2003, p. 364]. Считается, что *Spondylus* был связан с умилюстивительными ритуалами дождя, берущими свое начало в культуре вальдивии, распространившимися впоследствии на территорию Центральных Анд [Marcos, 2021, p. 167].

В Центральных Андах изделия из раковины этого моллюска и его изображения в керамике и других материалах появляются в погребальном и церемониальном контексте с позднего докерамического периода. Дисковидные бусины из эквадорских раковин были найдены в центральной части тихоокеанского побережья Перу на памятниках Бандурриа, Асперо [Берёзкин, 2013, с. 24–25], Караль [Shady, 2006, p. 47], относящихся к культуре Норте-Чико (3000–1800 гг. до н.э.).

Изображение *Spondylus* появляется в иконографии культуры чавин (900 г. до н.э.): рельеф на плите в церемониальном центре Чавин-де-Уантар изображает божество, держащее в руках раковину *Spondylus* [Burger, Salazar-Burger, 1993, pp. 99–100].

Археологический комплекс Тукуме на территории Перу, близ которого проходит одна из основных дорог Капак-Ньян, был важнейшим региональным центром трех населявших его доиспанских обществ: ламбайеке (ок. 1000–1375 гг. н.э.), чиму (1375–1470 гг. н.э.) и инков (1470–1532 гг. н.э.). В строении, известном как Уака-лас-Бальсас (Huaca Las Balsas), расположенном на крайнем юго-западе Тукуме, было обнаружено вырезанный в глине фриз с изображением сцены добычи моллюсков. Можно предположить, что общество Ламбаеке участвовало в морском обмене *Spondylus* не только в качестве простых посредников, но и в операциях по его добыче [El Qharaq Ñan, 2021, p. 98–99]. Похожий рельеф с изображением ныряльщиков за *Spondylus* («Los Buceadores») был обнаружен на памятнике Чан-Чан культуры чиму (900–1470 гг. н.э.) [Pillsbury, 1996, p. 315–317].

Присоединив территорию провинции Тумбес, инки получили центральную роль в приобретении и распространении раковин *Spondylus*. Они создали в этом регионе имперскую инфраструктуру, организовав административный, церемониальный и ремесленный центр Кабеса-де-Вака. Раскопки, проводимые в рамках проекта Qharaq Ñan с 2007 г., позволили выявить в Кабеса-де-Вака малакологическую мастерскую с остатками раковин моллюсков в разной степени обработки [Moore, Vilchez, 2016, p. 243]. Кабеса-де-Вака является крайним прибрежным участком Капак-Ньян и соединяет сухопутный путь с морским, позволяя добраться до залива Гуакиль и побережья Эквадора и полу-

чить *Spondylus* в обмен на продукты, происходящие из Центральные Анд.

Капак-Ньян является историческим и культурным наследием для всего южноамериканского континента. Присвоение Капак-Ньяну статуса объекта всемирного наследия имеет большое значение для спасения археологических памятников, активизирует археологические раскопки, направленные на научное изучение этого места и его культурного контекста [Niño Martínez, Morillo, 2015, p. 13]. *Spondylus* в настоящее время используется как элемент идентичности народов Южной Америки, особенно в Эквадоре и Перу, и представляет собой символ связи со своим доисторическим прошлым [Arango, 2018, p. 875].

*Научный руководитель – А.В. Табарев
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Берёзкин Ю.Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: Наука. 2013. 256 с.

Шульгин П.М., Штеле О.Е. Исторические пути и дороги как объект культурного наследия // Наследие и современность. 2018. Т. 1, № 2. С. 95–112.

Arango A.J. Comunion e interexistencia. El *Spondylus* spp. en la Costa Norte del Perú durante el Intermedio Tardío (800–1450 d.C.) // *Antipoda. Revista de Antropología y Arqueología*, 2017. N 28. P. 77–97.

Burger R., Salazar-Burger L. The Place of Dual Organization in Early Andean Ceremonialism // *Senri Ethnological Studies*. 1993. Vol. 37. P. 97–116.

El Qhapaq Ñan y la Ruta del *Spondylus* en el extremo norte / ed. M.H. Tord Velasco. Lima: Ministerio de Cultura del Perú; Proyecto Qhapaq Ñan, 2021. 109 p.

Hocquenghem A.M. El *Spondylus Princeps* y la Edad de Bronce en los Andes Centrales: las Rutas de Intercambios //

Producción de bienes de prestigio ornamentales y votivos de la America antigua. 2010. N 7. P. 36–49.

Lumbreras L.G., Tarragó M., Castro V. Qhapaq Ñan: Sistema Vial Andino. Cusco: Ministerio de Cultura del Perú; Proyecto Qhapaq Ñan, 2020. 247 p.

Lunniss R.M. Late Formative Shamans of the Ecuadorian Coast: Architectural, Mortuary, and Artifactual Evidence from Salango in the Middle and Late Engoroy Phases (600–100 BC) // *Ñawpa Pacha: Journal of Andean Archaeology*. 2020. Vol. 41 (2). P. 1–44.

Marcos J.G. El Hilado, el Teñido y el Uso del Telar Vertical en Real Alto: Tecnologías Precursoras del Tráfico a Larga Distancia // *Valdivia, una Sociedad Neolítica: Nuevos aportes a su conocimiento*. Portoviejo: UTM-Unidad de Cooperación Universitaria. 2021. P. 159–180.

Moore J.D., Vilchez C.M. *Spondylus* and the Inka Empire on the Far North Coast of Peru Recent Excavations at Taller Conchales, Cabeza de Vaca, Tumbes // *Making Value, Making Meaning: Techné in the Pre-Columbian World* / ed. C.L. Costin. Washington, DC: Dumbarton Oaks Research Libraries and Collections, 2016. P. 221–251.

Murra J.V. Formaciones Económicas y Políticas del Mundo Andino. Lima: Instituto de Estudios Peruanos. 1975. 339 p.

Niño Martínez M.A., Morillo V.J.A. El Qhapaq Ñan, camino principal andino: Patrimonio Cultural de la Humanidad de Argentina, Bolivia, Chile, Colombia, Ecuador y Perú // *Novum Otium*. 2015. Vol. 1, N 1. P. 11–22.

Pillsbury J. The Thorny Oyster and the Origins of Empire: Implications of Recently Uncovered *Spondylus* Imagery from Chan Chan, Peru // *Latin American Antiquity*. 1996. Vol. 7, N 4. P. 313–340.

Shady Solís R. America's First City? The Case of Late Archaic Caral // *Andean Archaeology III: North and South*. N. Y.: Springer, 2006. P. 28–66.

Stothert K.E. Expression of Ideology in the Formative Period of Ecuador // *Archaeology of Formative Ecuador* / gen. ed. Jeffrey Quilter. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2003. P. 337–423.

Vargas D.E., Amaya P.M. Center of Territorial Domains and the Network of the Inca Road – Qhapaq Ñan, in the Province of Tumbes – Peru // *3C Tecnología. Glosas de Innovación Aplicadas a la Pyme*. 2021. Vol. 10, N 4. P. 51–87.

Spondylus in Andean Road Net (Qhapaq Ñan)

N.N. Kovaleva

The Great Inca Empire was interconnected by a net of roads called Qhapaq Ñan, this net that passes through the territories of six countries: Colombia, Ecuador, Peru, Bolivia, Chile, Argentina. In 2014, Qhapaq Ñan was included in the UNESCO World Heritage Site. Property of Qhapaq Ñan consists in the fact that the Incas used the old routes that existed before them over a large area in the Andes. Along one of these routes, mollusk *Spondylus*, which was a product of economic and ceremonial interest in pre-Columbian cultures in the territories of Ecuador and Peru, was introduced into the Central Andes.

Keywords: South America, Ecuador, Peru, Qhapaq Ñan, *Spondylus*, mullu.

Ковалева Ника Николаевна

магистрант 2-го года обучения

Новосибирский государственный университет

e-mail: n.kovaleva@g.nsu.ru

Kovaleva Nika Nikolaevna

2nd year master's degree student

Novosibirsk State University

e-mail: n.kovaleva@g.nsu.ru

Орнаментальные мотивы на керамике Гонур-Депе (Туркменистан)

А.С. Копылова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Гонур-Депе – один из самых крупных памятников бронзового века Древней Маргианы. Он расположен на юго-востоке Каракумов, в 85 км к северу от г. Байрамали Марыйского велаята. Наряду с другими поселениями древней дельты р. Мургаб, Гонур-Депе исследовался с начала 1970-х гг. Маргианской археологической экспедицией, под руководством В.И. Сарияниди. Площадь поселения составляет более 70 га, а мощность культурного слоя доходит местами до 5 м. Памятник включает многочисленные монументальные постройки, выполненные из сырцового кирпича, и состоит из трех основных объектов: Северного Гонура – административно-культового центра с примыкающим могильником, «царским некрополем» и Южного Гонура [Сарияниди, Дубова, 2012]. На поселении за время его полевого исследования был получен большой массив археологических материалов, среди которых наиболее многочисленным является керамика. Она представлена целыми сосудами и их фрагментами, «фишками», печатями и др. Основная масса керамики без орнамента, однако встречаются и орнаментированные сосуды. В данном исследовании предпринята попытка дать характеристику основным орнаментальным мотивам на керамической посуде Гонур-Депе.

Керамический комплекс Гонур-Депе уже становился объектом изучения участников экспедиции и специалистов, работавших на поселении. Это труды Л.Б. Кирчо [1999, с. 3–52], И.С. Ключкова [1995, с. 54–60]. Отдельные сюжеты нашли отражение в статьях, посвященных различным сюжетам с памятника [Сатаев, Сатаева, 2015; Сатаев, Сатаева, Фрибус, 2021; Фрибус, Грушин, 2016; Фрибус и др., 2020]. Судя по имеющимся данным, основная часть керамики производилась на поселении, так как при раскопках было выявлено несколько гончарных печей [Сарияниди, Дубова, 2012, с. 39–45, 51, 52]. Керамический комплекс Гонур-Депе имеет следующие признаки и особенности: для большинства сосудов характерно воротничковое оформление венчиков, это было особенно необходимо для сосудов большой емкости в качестве элемента усиления жесткости всей конструкции; применение лоскутной технологии в процессе из-

готовления; способ т.н. сетчатого ошершавливания поверхности сосуда перед обмазкой (например, с помощью рубца желудка животных) или перед обмазкой и ангобированием.

Орнамент по технике нанесения можно подразделить на рельефно-выпуклый («барельефные», в виде налепов на поверхности сосуда) и контррельефный (углубленные – вырезанные на сырой глине). Среди изображений выделяются «предметные» (один образ, знак или символ), «орнаментальные» (повторение нескольких одинаковых элементов) и «композиционные» (сочетание разных, в т.ч. и по технике исполнения, изображений). Встречающиеся мотивы представлены «геометрическими» (символы, знаки), «зооморфными», «фитоморфными», «сюжетными» («процессия скульптурных фигурок в виде животных, птиц и людей») изображениями [Сарияниди, 1990, с. 44; Антонова, 2004, с. 193]. При этом функциональное назначение сосудов с рисунками, как и собственно самих изображений, на них могло быть разным. Наиболее часто встречающимися мотивами являются фитоморфные (древовидные фигуры, цветы), геометрические (кресты, решетка или сетка с крестами в отдельных ячейках и другие знаки); реже встречаются зооморфные (изображения козлов, верблюдов, змей) [Sarianidi, 2007, p. 15–22]. Также выделяется «архитектурный» мотив – изображение храмовой постройки [Фрибус, Грушин, 2016, с. 327–334]. В отдельную категорию можно выделить клейма в виде небольших крестов и фигурных изображений, встречающиеся на гонурских сосудах. Сосуды с налепными фигурками по венчику, изготовленные на гончарном круге, заслуживают отдельного упоминания. На венчик и тулово налеплены зооморфные и антропоморфные фигурки, полнофигурные на венчиках и рельефные на стенках [Антонова, 2004, с. 193]. Для них характерны сюжетные композиции, связанные с мифологией [Сарияниди, 1990, с. 147–153].

На основе анализа опубликованных керамических материалов Гонур-Депе можно выявить несколько основных орнаментальных мотивов. Наиболее распространенным из них является «геометрический». Следует отметить, что часть материалов не опубликована. В дальнейшем планируется

разработать подробную классификацию орнаментальных мотивов, дать их характеристику и рассмотреть семантику.

*Научный руководитель – С.П. Грушин
д-р ист. наук, профессор кафедры археологии,
этнографии и музеологии,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Антонова Е.В. Еще раз о культовых сосудах БМАК // У истоков цивилизации. М.: Старый Сад, 2004. С. 193–201.

Кирчо Л.Б. К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана: основы классификации расписной керамики и неопубликованные материалы поселения Ак-Депе. СПб.: Петербургкомстат, 1999. 120 с.

Ключков И.С. Знаки на черепке с Гонура (к вопросу о маргианской письменности) // ВДИ. 1995. № 2 (213). С. 54–60.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2008–2011 гг. // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2012. Т. 4. С. 29–55.

Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Анималистическая композиция на кубке из клада в царском некрополе Гонур-Депе // Зап. ИИМК. 2015. № 12. С. 106–120.

Сатаев Р.М., Сатаева Л.В., Фрибус А.В. Фитоморфные сюжеты в материалах из раскопок Гонур-Депе // Археологические вести. 2021. Вып. 32. С. 110–118.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Керамический сосуд с изображением «фасада храма» с юго-западной территории (раскоп 12) Гонур-Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2016. Т. 6. С. 327–334.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Сатаев Р.М., Дубова Н.А. Рисунки и знаки на керамике из Гонур-Депе (Туркменистан): техника нанесения, иконография, семантика // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). СПб., 2020. С. 121–124.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur // Athens: Kapon Editions, 2007. 340 p.

Ornamental Motifs on Ceramics of Gonur-Depe (Turkmenistan)

A.S. Kopylova

The study attempts to identify ornamental motifs on the ceramics of the Bronze Age settlement of Gonur-Depe (Turkmenistan). After reviewing the publicly available, published works, it is possible to identify several ornamental motifs. They are represented by "geometric" (symbols, signs), "zoomorphic", "phytomorphic", "architectural", "plot" ("procession of sculptural figures in the form of animals, birds and people") images. The analysis showed that the most common of them is "geometric". In the future, it is planned to develop a detailed classification of ornamental motifs, give their characteristics and consider semantics.

Keywords: Gonur-Depe, Turkmenistan, ceramics, ornament, ornamental motifs, Margiana.

Копылова Алина Сергеевна

студентка 2-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: alinakopylovasergeevna@gmail.com

Kopylova Alina Sergeevna

2nd year student

Altai State University

e-mail: alinakopylovasergeevna@gmail.com

УДК 903.53

Культура усуней юго-востока Казахстана в письменных источниках и по материалам археологии*

А.Д. Кравцова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Район Семиречья, или Жетысу, на юго-востоке Казахстана по современному административному делению соответствует Алматинской обл. и востоку Жамбылской обл. Эта территория является центром скопления курганных комплексов, которые были возведены в течение нескольких сотен

лет различными народами, обитавшими здесь, например, саками, усунями, хунну и др. Топоним «Семиречье» начал фигурировать в русских источниках в качестве обозначения данной местности примерно с первой половины XIX в. Казахское же название «Жетысу» впервые было записано

*Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 22-78-10121.

инженером-топографом и историком И. Г. Андреевым (1744–1824) в его работе «Описание средней орды киргиз-кайсаков», которая была закончена к 1785 г. [Андреев, 1998], однако более ранних письменно зафиксированных упоминаний о том, как ранее обозначался район «семи вод», пока что не обнаружено.

В 1879 г. при Западно-Сибирском отделе Императорского русского географического общества была составлена первая археологическая карта района Семиречья. За все время проведения раскопок, начиная с XIX в., было исследовано огромное количество курганов, в числе которых Новоалексеевский могильник и Иссыкский курган, известный найденным в нем «золотым человеком», а также многие другие поселения и могильники по берегам рек Каскелен, Курты, Бесшатыр, Или (Иле), Аксу, Лепсы и др., что подтверждает огромное значение исследований данной местности для понимания этнокультурных процессов в Евразии на рубеже эр.

Из китайских династийных хроник, например, «Цянь Хань шу (История Ранней Хань)» и «Хоу Хань шу (История Поздней Хань)», известно, что сложение государства Усунь относится примерно к концу первого тысячелетия до н.э. Усуни, изначально обитавшие в районе горного прохода Хэси (Ганьсуйский коридор – территории современных Синьцзян-уйгурского АР и провинции Ганьсу КНР), были вытеснены племенами юэцжи, а затем хунну, в район Семиречья и Джунгарии. В 177 г. до н.э. усуни образовали государство, которое в китайских летописях именуется «Усунь-го», со столицей в г. Чигу (кит. Чигучэн), стоявшей на берегу оз. Иссык-Куль. Во главе государства стоял куньбек – «великий правитель». Они объединили потомков сакских племен Восточного Казахстана. Примерно в то же время на усуней напал вождь хунну Модэ, который захватил часть их территорий, а сами усуни были вынуждены признать власть хунну над ними. Это событие стало одной из причин сближения племени усуней с Китаем династии Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.), поскольку Китай тогда искал союзников для борьбы с хунну. В 108 г. до н.э. Китай отправил посольство к усуням, в результате чего гуньмо (правитель) усуней взял дочь китайского императора в качестве своей младшей жены. О взаимодействии усуней с Китаем также говорит то, что государственное устройство Усунь-го напоминало китайскую систему построения власти [Цукурено, 2018].

Начиная со II в. до н.э. начинает функционировать Великий шелковый путь, который стал торговой и дипломатической артерией, соединявшей Китай с Центральной, Западной Азией и Европой.

Значительная ее часть проходила через владения усуней. В середине I в. до н.э. государство усуней раскололось, две его части – Великие и Малые куньбеки – вели междоусобные войны, опираясь на разных сторонников: Китай или кангаров и хунну. Постепенно усунь все больше становились зависимы от Китая. В IV в. район Жетысу переходит под власть сяньби, а потом и к жузням. Постепенно этноним «Усунь» исчезает со страниц китайских хроник.

Исследования поселенческих и могильных комплексов района Семиречья, активно ведущиеся с 1930-х гг., позволяют проверить данные письменных источников и реконструировать хозяйственную жизнь, религиозные представления и социальный строй государства усуней. Впервые археологические памятники культуры усуней были выделены М.В. Воеводским и М.П. Грязновым [1938]. А.Н. Бернштам писал, что усуньская культура базировалась на местной сакской традиции, исследователь объяснял это схожестью керамики и погребального инвентаря [Бернштам, 1946]. За вторую половину XX в. количество погребальных комплексов и поселений, которые археологи относят к культуре усуней, существенно выросло [Агеева, 1961; Акишев, Кушаев, 1963; Максимова, 1976; и др.]. Подтверждено, что экономика базировалась на скотоводстве разных типов в сочетании с земледелием. В Илийской, Чуйской и Таласской долинах обнаружены оросительные системы усуней и разнообразный набор сельскохозяйственного инвентаря. Усуньские поселения часто характеризуются, наравне с юртами, кирпичными или каменными жилищами, отапливаемыми подковообразными глинобитными очагами, с пристройками (Тузусай, Цыганка-8, Талды-Булак-2). Полы обмазывались глиной. Усуни Жетысу особенно преуспели в коневодстве, тысячи голов среднеазиатских лошадей отправлялись в Китай по Великому Шелковому пути. В обмен на коней и продукцию скотоводства они получали шелк, металл, рис и др.

Погребальные памятники усуней располагаются вблизи поселений и вытянуты в виде «цепочки». Захоронения представлены объектами двух типов – курганами и плоскими оградками. Погребенные помещались в каменные ящики (например, Шормак-1–3). Размеры курганов и их содержание красноречиво свидетельствуют о статусе захороненного и его богатстве: самые большие курганы диаметром до 80 м достигают в высоту 15 м, средние – диаметром до 15 м, высотой до 2 м и маленькие курганы диаметром до 10 м и высотой до 1 м. В больших курганах археологи находят украшения из золота, оружие, бронзовые

зеркала и множество сосудов, шелковые одежды. В могилах среднего размера, как правило, расположены несколько глиняных и деревянных сосудов, бронзовые украшения, железные кинжалы и ножи, трехгранные и плоские наконечники стрел. В маленьких курганах в могиле находятся один-два глиняных сосуда, железные ножи, бронзовые серьги [Летопись Жетысу, 2012, с. 45]. При раскопках в урочище Мыношакты (Каргалинское ущелье) близ города Алматы была найдена золотая пластина с реалистичным изображением зверей. Семантическое прочтение композиции каргалинской диадемы является предметом многолетних дискуссий, участники которых связывают происхождение сюжета с китайской (чуской), монгольской, финно-угорской, бактрийской и иными традициями [Чернов, 2016].

В XXI в. регулярно находят целые серии усуньских погребений в предгорной и горной зоне Жетысуского/Джунгарского и Илейского Алатау [Горячев, 2019], новые материалы существенно обогащают уже имеющиеся сведения об этом древнем государстве.

*Научный руководитель – Е.А. Гирченко
канд. ист. наук, науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

- Агеева Е.И.** Некоторые новые данные по археологии Семиречья // КСИИМК. 1961. Вып. 80. С. 65–69.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1963. 320 с., табл.
- Андреев И.Г.** Описание средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. 280 с.
- Бернштам А.Н.** Некоторые итоги археологических работ в Семиречье // КСИИМК. 1946. Вып. 13. С. 110–118.
- Воеводский М.В., Грязнов М.П.** Усуньские могильники на территории Киргизской ССР // ВДИ. 1938. № 3 (4). С. 162–179.
- Горячев А.А.** Об устройстве поселений раннего железного века Жетасу // Поволжская археология. 2019. № 3 (29). С. 80–99.
- Летопись Жетысу** / под ред. В.С. Верещагиной. Алматы: Асыл сөз, 2012. 328 с.
- Максимова А.Г.** Курганные могильники Караша-1 и -2 // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 163–182.
- Цукуренко С.В.** Отношения между народами Китая и Казахстана в период существования Великого шелкового пути // Мәдени мұра. 2018. № 4. С. 86–94.
- Чернов М.А.** К вопросу о семантическом прочтении композиции каргалинской диадемы // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района / сб. ст. под ред. А. Садуакасулы, Б.А. Байтанаева, Б.А. Железнякова. Алматы: Танбалы, 2016. С. 110–130.

Wusun Culture of the South-East of Kazakhstan in Written Sources and in Archaeology

A.D. Kravtsova

This article summarizes the materials about the ancient Wusun people gained from the archaeological investigations held in the Semirechye, or Jetysu, in the southeast of Kazakhstan (modern Almaty region and the eastern parts of Jambyl region). This territory is the center of the accumulation of burial mound complexes, which were created by various peoples who lived here, for example, Sakas, Wusuns, Xiongnu, etc. From Chinese dynastic chronicles it is known that the Wusun state formation on this territory dates back approximately to the end of the first millennium BC. Wusun people participated in trading activities over the Great Silk Road, their horses were well-known for strength and endurance. The archaeological investigations of the settlement and burial complexes in the Semirechye region have been actively conducted since the 1930s. So, it is possible to verify the data from written sources and reconstruct the economic life, religious beliefs and social structure of the Wusun state.

Keywords: Wusun, Semirechye, Early Iron Age, Han Dynasty, settlements, burial mounds.

Крацова Алина Дмитриевна

лаборант

Институт археологии и этнографии СО РАН
e-mail: al.kravtsova01@mail.ru

Kravtsova Alina Dmitrievna

laboratory assistant

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
e-mail: al.kravtsova01@mail.ru

Декоративные традиции в культурах Северной Пацифики: татуировки у алеутов*

Л.С. Лебедева

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

Алеуты – коренные жители Алеутских и Шумягинских островов, западного побережья Аляски [Ляпунова, 1987]. Как многие народы Северной Пацифики алеуты обладали удивительным искусством декорации (украшения). Используя красящие пигменты различных цветов, они наносили орнаменты на предметы быта (кухонная утварь, спицы, катушки для ниток, сумки, корзины и пр.), охотничье-промысловое снаряжение (гарпуны, байдарки, копья, дубинки, весла, поплавки, ловушки для животных, стрелы и пр.), игрушки (погремушки, фигурки) [Алеуты, 2014]. Особое значение имели несмываемые рисунки (татуировки), наносимые на лицо и тело.

Сегодня алеуты проживают в США (Аляска) и в России (Камчатский край). Изучение их традиций началось с открытием Алеутских остров в 1741 г. Великой Северной экспедицией. Благодаря К.Г. Мерку [1978], Ф.А. Кулькову [Ляпунова, 1979], И.Г. Вознесенскому [Феклова, 2010], И.И. Биллингсу и Г.А. Сарычеву [Этнографические материалы], Ю.Ф. Лисянскому [Лисянский, 2014] и др. получены уникальные материалы [Алеуты. Коллекция онлайн], которые и сегодня не утратили актуальность для новых исследований. Их анализ позволил выявить особенности орнаментального поля и зоны нанесения татуировок, композиций, мотивов, определить, какими инструментами наносились рисунки, предположить состав красящих веществ, используемых при татуировании, и функции татуировок.

Орнаментальным полем для нанесения татуировок у алеутов служили голова, туловище, нижние и верхние конечности; орнаментальными зонами – лицо (щеки, подбородок), передняя часть предплечья, спина, руки и ноги [Валаамские миссионеры, 1900, с. 222–223; Мерк, 1978, с. 67, 85, 90; Сарычев, 1952, с. 140–141]. Орнаментальные композиции представлены взаимным расположением мотивов орнамента из линий и пунктиров, эллиптических фигур в виде «лопаток», «скребков». Виды орнамента – геометрический (горизонтальные и вертикальные полосы, ромбы, полукруги, круги, прямо-

угольники, стрелки) [Лбова, Понкротова, Лебедева, 2022], предметный – в виде лодок (байдар) на подбородке и руках [Кулагин, 1927, с. 195; Мерк, 1978, с. 73], зооморфный и растительный [Георги, 1799, с. 88–89].

В XVIII в. алеуты при татуировании пользовались иглами из костей чаек [Мерк, 1978, с. 72], рыб [Георги, 1799, с. 89]. В XIX в. для этих целей применяли уже металлические иглы. В коллекции МАЭ татуировальные иглы, собранные И.Г. Вознесенским в 1844 г. на о. Атка, представлены 7 экз. [Алеуты, 2014, с. 340]. Средняя длина игл – от 8,2 до 4,9 см, ширина – от 1,6 до 0,7 см. Иглы состоят из рукоятей, изготовленных из моржового клыка, и железных наконечников, которые крепились к ним сухожилиями. На конце игл находятся фигурки животного (бобер, хвост кита), птиц (чайка, куропатка, кайра). На одной из игл расположено объемное изображение человеческой руки, вероятно в перчатке: на большом пальце изображены точки, а на запястье полосы и точки. На кончиках игл сохранились следы краски [Алеуты, 2014, с. 340; Ляпунова, 1967, с. 48]. Краску вносили, поднимая острием иглы кожу так, чтобы выступила кровь [Валаамские миссионеры, 1900, с. 222–223].

Что касается красящих пигментов, то известно, что для татуирования использовался черный уголь, белая известь (алеуты на о. Кадьяк): «обе земляные породы обжигали, растирали на камне в муку и хранили отдельно в мешочках, завязанных ремнем из мягкой кожи». Использовали медную руду, которая после измельчения в «тончайший порошок» смешивалась с жиром и завязывалась в кусок кишки (алеуты на о. Уналашка) [Мерк, 1978, с. 72–73]. Делали «чернила» и из елового угля, который смешивали с кровью, получая на теле темно-синий цвет [Валаамские миссионеры, 1900, с. 222–223].

Татуировка у девушек выполнялась на подбородке при достижении половой зрелости около 20 лет или позже. Затем татуировка на подбородке протягивалась дальше к ушам. Чтобы нравиться

*Исследование выполнено в рамках НИОКТР № 122030300070-6 «Древнейшие татуировки Северной Пацифики: происхождение, функции, семантика» за счет гранта РНФ № 22-28-01112, <https://rscf.ru/project/22-28-01112>.

мужчинам, красавицы окрашивали себе лицо соответственно их желаниям [Мерк, 1978, с. 85; Сарычев, 1952, с. 140–141]. В рукописи соборного иеромонаха Александрo-Невской лавры о. Гедe-она о татуировках жителей о. Кадьяк говорится о том, что татуировки у женщин считались знаком щегольства [Валаамские миссионеры, 1900, с. 222–223]. «Мужчины лица своего не портят, но женщины, желая украшаться, чрезвычайно себя безобразят, и все одинаковым образом,» – писал Г.А. Сарычев – один из руководителей Северо-восточной географической экспедиции 1785–1794 гг. [1952, с. 140–141]. Татуирование отдельных частей тела использовалось алеутами и в медицинских целях, например, чтобы избавиться от «плохого настроения» [Marsh, Laughlin, 1956] или в случаях головной боли, глазных расстройств, колик и люмбаго, чтобы облегчить боль в суставах [Krutak, 2013, p. 29]. Антрополог Маргарет Лантис отмечала, что жители острова Атка «смоченной нитью, покрытой порохом (вероятно, в прежние времена сажей), прошивали защемленную кожу около ноющего сустава или поперек спины над болезненным участком» [Lantis, 1984, p. 174].

Считается, что современные алеуты отказались от татуировок на лице и теле [Как живут алеуты], но в то же время, ряд проектов на территории США направлен на сохранение исторической памяти, в т.ч. традиций татуирования (напр., [Indigenous Tattooing]).

*Научный руководитель – И.Ю. Понкратова
канд. ист. наук, доцент, вед. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Источники

Алеуты. Коллекция онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/ALBUM/1242134594> (дата обращения: 10.02.2023).

Как живут алеуты. Традиции и обычаи. Камчатка. Аляска. Факты. <https://yandex.ru/video/preview/5959034400909336179> (дата обращения: 12.03.2023).

Indigenous Tattooing. Artist Profiles. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.indigenoustattooing.ca/> (дата обращения: 12.03.2023).

Список литературы

Алексеев А.И. Илья Гаврилович Вознесенский (1816–1871). Отв. ред. А.П. Окладников. М.: Наука. 1977. 152 с.

Алеуты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Автор-сост. С.А. Корсун, отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 384 с.

Валаамские миссионеры в Америке (в конце XVIII столетия): С прил. ... рукописи иеромонаха Гедe-она и переписки, материалов для истории Кадьякской миссии, ранее не бывших в печати. СПб.: Валаамский монастырь, 1900. XIII. 292 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 3: О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских, как и о Шаманском законе. 120 с.

Кулагин К.В. Алеуты // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1927. № 6–7. С. 190–201.

Лбова Л.В., Понкратова И.Ю., Лебедева Л.С. Орнаментальные композиции татуировок у народов Северной Пацифики (принципы классификации) // Camera praehistorica. 2022. № 1 (8). С. 108–117.

Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле «Нева». М.: Дрофа, 2014. 350 с.

Ляпунова Р.Г. Зооморфная скульптура алеутов // Сборник МАЭ. Л., 1967. Т. 24: Культура и быт народов Америки. С. 37–54.

Ляпунова Р.Г. Алеуты. Очерки по этнической истории. Л.: Наука, 1987. 225 с.

Ляпунова Р.Г. Новый документ о ранних плаваниях на Алеутские острова («Известия» Федора Афанасьевича Кулькова 1764 г.) // Страны и народы Востока. М.: Наука, Глав. ред. Вост. лит., 1979. Вып. XX. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 4. С. 97–105.

Мерк К.Г. Этнографические материалы из рукописи К. Мерка, начатой 16 августа 1789 г. в Охотске // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Кн. изд-во, 1978. С. 59–97.

Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1952. 325 с.

Феклова Т.Ю. Экспедиция препаратора Императорского Зоологического музея Академии наук И.Г. Вознесенского в русские владения в Америке // Вопросы истории естествознания и техники, 2010. № 1. С. 42–54.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Кн. изд-во, 1978. 174 с.

Krutak L. The Power to Cure: A Brief History of Therapeutic Tattooing // Tattoos and body modifications in antiquity: proceedings of the sessions at the EAA annual meetings in The Hague and Oslo, 2010/11, January 2013. P. 27–35.

Lantis M. Aleut // Handbook of North American Indians / ed. D. Damas. Arctic, 1984. P. 161–184.

Marsh G.H., Laughlin W.S. Human anatomical knowledge among the Aleutian Islanders // Southwestern Journal of Anthropology, 1956. N 12 (1). P. 38–78.

Decorative Traditions in the Cultures of Northern Pacifica: Tattoos among the Aleut

L.S. Lebedeva

Based on the analysis of ethnographic data and museum collections, it was found that the head, trunk, lower and upper body parts served as an ornamental field for tattooing among the Aleuts; the ornamental zones were the face (cheeks, chin), the front part of the forearm, back, arms and legs. Types of ornament are geometric (horizontal and vertical stripes, rhombuses, semicircles, circles, rectangles, arrows), subject in the form of boats (kayaks) on the chin and hands, zoomorphic (animals and birds) and vegetable (flowers). In the XVIII century the Aleuts used needles from the bones of seagulls and fish when tattooing. In the XIX century metal needles were already used for these purposes. Bone needles with iron tips were decorated with zoomorphic and anthropomorphic figures. Tattoo paints were prepared from black coal, copper ore, fat, limestone. There was a mixing of charcoal and blood of the tattooed person. The tattoo was applied mainly by women for the purpose of decoration or for medical purposes to eliminate pain. At present, the traditions of tattooing among the Aleuts are preserved.

Keywords: Aleuts, tattoo, tattoo paints, tattoo needles.

Лебедева Любовь Сергеевна

специалист по УМР 1 кат. отдела аспирантуры
Северо-Восточный государственный
университет
e-mail: lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru

Lebedeva Lyubov Sergeevna

Specialist in educational and methodological work
of the postgraduate department
North-East State University
e-mail: lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru

УДК 902/904

Неолитическая керамика с резным и штампованным орнаментом на территории Таиланда: характеристика, распространение, основные памятники

А.И. Мальцева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Керамические сосуды являются уникальными археологическими источниками, они позволяют получать знания об устоявшихся культурных традициях, в соответствии с которыми гончары их изготавливали. Внешний облик поверхности глиняных сосудов определялся существующими представлениями самих гончаров и потребителей посуды о том, как эта поверхность должна выглядеть [Цетлин, 2012, с. 170].

Декор сосуда среди представителей древних коллективов является особым способом передачи информации, обладающим способностью реагировать на возникновение и интенсивность межкультурных контактов. Вследствие этого изучение орнамента керамики позволяет получить ответы на вопрос, как бытовые, межпоколенные и культурные контакты отражались в культурных традициях гончаров [Цетлин, 2004, с. 93–94]. Под орнаментом же необходимо понимать систему повторяющихся элементов декора на поверхности сосуда [Цетлин, 2012, с. 172]. Важно изучать не только стилистику орнамента, но также и технологию его нанесения.

В период неолита на территории Китая и Юго-Восточной Азии широкое распространение полу-

чила керамика с орнаментом, представляющим собой рельефный декор, для создания которого используются такие технические приемы, как резьба и штамповка, иногда пространство между резными линиями заполнялось оттисками штампа. Вырезанные и отпечатанные рисунки различаются в локальных контекстах, но по-прежнему демонстрируют общую совокупность, а в некоторых случаях и идентичные мотивы [Higham, Rispoli, 2014, p. 10].

Керамика с таким декором фиксируется на территории Таиланда. Считается, что неолит был принесен сюда вследствие экспансии групп мигрантов с территории Южного Китая [Higham, Rispoli, 2014, p. 6] в III тыс. до н.э. Известно большое количество неолитических памятников, где были обнаружены сосуды с резным и штампованным орнаментом, среди них Бан Чианг, Бан Нон Ват, Та Кае, Бан Као, Нон Па Вай, Саб Чампа, Кхок Чароен, Кхок Паном Ди. Нами будут рассмотрены материалы некоторых из них, чтобы проследить сходство и различия в традициях декорирования глиняной посуды.

Помимо керамических традиций с той или иной частотой на различных памятниках фиксируются и другие общие черты: свидетельства оседлого

образа жизни, основанного на охоте и собирательстве, на переходной стадии к выращиванию риса в сочетании со свиноводством и одомашниванием собак; захоронения в вытянутом положении; небольшие отполированные каменные орудия, браслеты из камня или ракушек, ожерелья из бус. Можно сделать вывод, что керамика является частью «неолитического пакета», присущего на довольно обширной территории различным неолитическим общностям [Rispoli, 2007, p. 238].

Памятник Кхок Пханом Ди расположен в прибрежной части центрального Таиланда, датируется 2000–1500 гг. до н.э. Здесь было найдено большое количество керамических сосудов. Резной декор разнообразен: горизонтальные, вертикальные, зигзагообразные, волнистые, геометрические (треугольные, в т.ч. с заполнением внутреннего пространства диагональным резным узором, четырехугольные фигуры). Криволинейные, спиралевидные и геометрические резные узоры также иногда заполнялись штампованием. Штампованные узоры встречаются и отдельно от резных, например, в виде геометрических фигур, а также присутствуют орнаменты, выполненные путем прокатывания штампа по поверхности сосуда. Орнаментом покрывались практически все части сосуда [Sarjeant, 2014, p. 350–356].

Керамические емкости памятника Бан Нон Ват в Северо-Восточном Таиланде (1750–1350 гг. до н.э.) также отличаются разнообразием орнамента: горизонтальные, волнистые, зигзагообразные, геометрические и крестообразные резные узоры, криволинейные и геометрические резные узоры, пространство между которыми заполнялось оттисками штампа. Декор мог располагаться на венчике, шейке, тулове, ножке сосуда [Sarjeant, 2014, p. 338–343]. Из рассматриваемых памятников в Бан Нон Ват прослеживается наибольшая степень смешения культурных традиций, о чем свидетельствует большое разнообразие сочетания элементов декора на сосудах и совмещение разных технологических приемов его нанесения.

Памятник Та Кае (3000–2000 гг. до н.э.) находится в центральном Таиланде. Орнаментированная керамика здесь не столь разнообразна, встречаются зигзагообразные резные узоры, геометрические штампованные узоры, криволинейные и спиралевидные резные узоры с штампованными элементами между ними, декорировалось тулово, ножка, венчик, шейка сосуда [Sarjeant, 2014, p. 346–349].

Керамика ранней стадии памятника Бан Чианг (3600–1000 гг. до н.э.) в Северо-Восточной части Таиланда представляет собой изделия с небольшой вариативностью применения графических орна-

ментов на плечиках сосуда, оттисками шнура на тулове, иногда зоны с разными приемами декорирования разделялись наклепными элементами. Среди резных узоров встречаются горизонтальные, зигзагообразные линии, а также криволинейные и спиралевидные фигуры, пространство между которыми заполнялось оттисками штампа. Штампование выполнялось прокатыванием, либо одиночным зубчатым штампом [McGovern, 1985, p. 107–108].

Таким образом, резной и штампованный орнамент хоть и был весьма распространен, однако степень вариативности декора, выполненного в данных техниках на отдельных памятниках, различна. В орнаментальных традициях прослеживаются черты смешения. Это позволяет говорить о неоднородности неолитических групп и о местах с большим (Бан Нон Ват, Кхок Пханом Ди) и меньшим (Та Кае, Бан Чианг) смешением традиций. Одновременно на территории Таиланда наблюдается широкая вариативность форм керамических сосудов с резным и штампованным орнаментом, сходство в мотивах орнамента сопровождается различиями в технологических приемах нанесения. Это позволяет предполагать, что гончары заимствовали вид орнамента и выполняли его в соответствии со знаниями и умениями местных групп [White, 2017, p. 72]. Так формировалось внешнее единство носителей разных технологических традиций [Бобринский, 1978, с. 243]. В свою очередь специфика системы орнаментации сосудов, вероятно, является отражением процессов прямого или опосредованного взаимодействия нескольких древних коллективов.

На данный момент недостаточно информации о процессах конструирования полого тела сосудов, приемах формообразования, информация о технических приемах нанесения орнаментов фрагментарна, потому требуются дальнейшие исследования, выстроенные в рамках одного методологического подхода. Дискуссионным остается вопрос о том, в какой степени происходили контакты и взаимодействие неолитических сообществ на территории Таиланда, а также вопрос о причинах и интенсивности процессов взаимодействия культур. Все это подтверждает перспективность дальнейшего детального изучения данной темы.

*Научный руководитель – А.В. Табарев
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 430 с.

Цетлин Ю.Б. Предметная и изобразительная деятельность древнего человека: ее природа и содержание // РА. 2004. № 2. С. 87–95.

Higham C.F., Rispoli F. The Mun Valley and Central Thailand in prehistory: integrating two cultural sequences // Open Archaeology. 2014. Vol. 1. P. 2–28. doi:10.2478/opar-2014-0002

McGovern P.E., Vernon W.W., White J.C. Ceramic technology at prehistoric Ban Chiang, Thailand:

physiochemical analyses // MASCA Journal. 1985. Vol. 3 (4). P. 104–113.

Rispoli F. The incised and impressed pottery style of mainland Southeast Asia: Following the paths of neolithization // East and West. 2007. Vol. 57. P. 235–304. doi:10.2307/29757730

Sarjeant C. Contextualising the Neolithic Occupation of Southern Vietnam. Canberra: ANU Press, 2014. 456 p. (Terra Australis 42).

White J.C. Changing paradigms in Southeast Asian archaeology // Journal of indo-pacific archaeology. 2017. Vol. 41. P. 66–77. doi:10.7152/jipa.v41i0.15024

Neolithic Incised and Impressed Pottery in Thailand: Its Characteristics, Distribution, Main Sites

A.I. Maltseva

Incised and impressed pottery was widely spread through the territory of China and Southeast Asia in the Neolithic period. The decorative motifs are similar even at sites which are quite far one from another. This decorative technique and associated decorative motifs was not the only thing which was common for the Neolithic communities in this region, it was rather a part of a shared technical-stylistic heritage. Pottery was a part of a 'Neolithic package' that was brought to Thailand during the human expansion from Southern China in 3rd millennium BC. Sites in Thailand where incised and impressed pottery was found are: Ban Chiang, Ban Non Wat, Ta Kae, Ban Kao, Non Pa Wai, Sab Champa, Khok Charoen, Khok Phanom Di. The wide variety of patterns indicates a mixture of cultural traditions. However, this theme needs further investigation because at the moment there is not enough evidence of the processes of creating ceramics vessels, so we cannot indicate the exact origin and direction of cultural relations between prehistoric communities.

Keywords: Southeast Asia, Thai archaeology, incised and impressed pottery.

Мальцева Анастасия Игоревна

студентка 2-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.maltseva4@g.nsu.ru

Maltseva Anastasia Igorevna

2nd year student

Novosibirsk State University

e-mail: a.maltseva4@g.nsu.ru

УДК 902/904

Мегалитические комплексы Индонезии как элементы культурного и природного ландшафтов на примере пирамиды Гунунг-Паданг

А.А. Портнова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Один из самых загадочных и эффектных древних памятников Индонезии – мегалитический комплекс Гунунг-Паданг. Он расположен в горной местности недалеко от деревни Кариямукти, район Сукабуми [Табарев, Гаврилина, 2020]. Из-за своих колоссальных размеров его часто считают самым крупным образцом мегалитических сооружений во всей Юго-Восточной Азии. Он был построен из земли и камня на вершине холма, граничащего с реками Сикута на востоке, Чипангулаан на западе и Чимангу на севере на высоте 885 м над ур. м. и около 100 м над прилегающей территорией, занимающая площадь ок. 3 000 м².

Обрывочные сведения о «заброшенном каменном городе на высокой горе» были известны еще с XV в., но первое документальное свидетельство принадлежит голландцу Николасу Крому, который посетил Гунунг-Паданг в 1914 г. [Krom, 1914]. Затем памятник канул в небытие и только в конце 1970-х гг. его снова «открыли» местные жители, расчищавшие окрестности горы под сельскохозяйственные угодья. В 1985 г. там производили исследования сотрудники Национального археологического исследовательского центра. Несмотря на это о Гунунг-Паданге снова забыли на четверть века, пока с 2010–2012 гг. в медийном пространстве

не стали появляться будоражащие новости о том, что в джунглях Индонезии обнаружена пирамида, возраст которой превосходит возраст пирамид Египта, а начало строительства вообще уходит корнями в доледниковый период палеолита. Существует множество псевдонаучных трудов разной степени фантастичности о происхождении пирамиды [Pérez García, 2017].

Однако данные, полученные в ходе комплексного исследования, проведенного на памятнике экспедицией Археологического центра в г. Бандунг под руководством Л. Йондри в 2014 г., говорят о другом. Серия шурфов и траншей, заложенных на периферийных участках разных террас, позволила проследить детали конструкций, обнаружить немногочисленный археологический материал (фрагменты лепной, станковой и фарфоровой посуды, обломки каменных орудий, обломки изделий из металла, несколько поздних монет), а также собрать уголь для нескольких проб, которые указали на диапазон 117–45 гг. до н.э. Для более точной интерпретации и датировки Гунунг-Паданг необходимы раскопки в центральной части верхних террас комплекса [Yondri, Hum, 2017].

В центре комплекса Гунунг-Паданг расположен вулкан высотой примерно 150 м, на вершине и склонах которого были устроены 13 искусственных террас. Верхние пять из них спускаются каскадом и укреплены несколькими слоями горизонтально расположенных блоков по всему периметру вершины. Они в настоящее время расчищены и доступны для посещения [Ramadina, 2013]. Доступ к монументальному ансамблю осуществляется с северного склона по центральной лестнице, состоящей из 370 ступеней, общей длиной 110 м и наклоном 45°. Первая терраса, самая большая по размеру, имеет размеры 40 м с передней стороны, 36 с задней и 28 с каждой из боковых сторон и расположена на более низком уровне, чем остальные террасы. Вторая терраса имеет размеры 22,3 × 18,5 × 24 × 25 м, третья – 18,5 × 18 × 18 × 18 м, четвертая – 19 × 18 × 18 × 18 м, пятая – 17,5 × 19 × 19 × 16 м. Террасы были построены из удлиненных каменных блоков призматической формы, приблизительной длиной 1,5 м, толщиной ок. 25–40 см и средним весом ок. 250–300 кг, хотя есть и такие, вес которых превышает 600 кг [Abdullah, 2000; Bintarti, 1981; Sukendar, 1985; Yondri, 2013, 2014].

Геологические и электромагнитные исследования, проведенные на месте, показывают, как основание горы Гунунг состоит из вулканической шейки, образовавшейся в результате затвердевания лавы в кратере или трещины, что приводит к появлению отдельностей с призматическим сечением не только в вертикальном, но иногда даже в горизонтальном положении.

При сравнении пирамиды Гунунг-Паданг с другими пирамидами о-ва Ява можно выделить отдельный тип археологических объектов – это памятники, состоявшие из земляных и каменных ступенчатых пирамидальных террас (*punden berundak*), построенных по большей части в период палеометалла или индо-малайского бронзово-железного века (ок. 500 г. до н.э. – 500/1000 г. н.э.). Как пример яванских мегалитических террас можно привести: Гунунг Пенанггунган – регентство Моджокерто, Гунунг Аргопуро – регентство Бондо Восо, Гунунг Арджуно и Гунунг Рингит – регентство Ситубондо. Можно упомянуть также комплекс Пу Гунг Рахарджо, расположенный на юге Суматры по другую сторону Зондского пролива.

Этот тип яванских ступенчатых террас (*punden berundak*) может быть связан с другими мегалитическими сооружениями австронезийской традиции на Малайском архипелаге, такими как полинезийские марae, хотя и более позднего периода (II тыс. н.э.).

Морфологически это монументальные платформы прямоугольной формы, сооруженные из грунта и камня, не ориентированные в определенном положении по сторонам света, иногда с глубокими террасами, расположенными на разных уровнях, окруженными периметром из камней, а в некоторых случаях со ступенчатой структурой из сухой каменной кладки в качестве алтаря (аху) в центре или на одной из коротких сторон ограждения. Функционально это были святилища – храмы или ритуальные центры, посвященные богам и предкам, предназначенные для проведения религиозных церемоний на открытом пространстве, включая и человеческие жертвоприношения.

Такие памятники встречаются от Новой Зеландии до Гавайев и Таити, Самоа, Тонга и многих других островов этого района Тихого океана. Хотя большинство из них было заброшено или разрушено с приходом христианства в XIX в., они по-прежнему считаются табуированными местами, и в некоторых из них до сих пор проводятся церемонии местной общины, такие как похороны или свадьбы – как в случае с маори.

Несмотря на большие расстояния, эти полинезийские террасообразные сооружения в форме платформы могут дать нам представление о возможном использовании и функциях их яванских аналогов. Площадки *панден берундак* также были святилищами, где проводились церемонии и ритуалы анимистического типа, связанные с поклонением предкам и духам, в т.ч. и с жертвоприношениями животных, и возможно – как у полинезийцев – человеческих. В некоторых случаях, например,

при строительстве мегалитических памятников или при проведении погребальных обрядов, было обычным делом приносить в жертву домашних животных. Для этой цели в некоторых деревнях Индонезии до сих пор используют водяных буйволов.

*Научный руководитель – А.В. Табарев
д-р ист. наук, доцент, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Табарев А.В., Гаврилина Т.А. Мегалитические комплексы тропической части тихоокеанского бассейна: Индонезия // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 1. С. 152–165.

Abdullah D. Bangunan berundak di Jawa Barat. Kajian aspek bentuk dan keletakan Universitas Indonesia, Depok. 2000. 122 p.

Bintarti D.D. Punden berundak di Gunung Padang, Jawa Barat. Pusat Penelitian Arkeologi Nasional, Jakarta, 1981. P. 28–37.

Krom N.J. Voorloopige lijst van Oudheden in de Buitenbezittingen. OV, Bijlage T. Westenek, 1914. 81 p.

Pérez García V.L. Gunung Padang and the Indo-Malaysian megalithism: archaeology and pseudoarchaeology // ArqueoWeb. 2017. N 18. P. 62–104.

Ramadina S.P. Analisis Perupaan Situs Megalitik Gunung Padang di Cianjur, Jawa Barat // Journal of Visual Art and Design. 2013. Vol. 4, N 1. P. 51–66.

Sukendar H. Peninggalan tradisi megalitik di daerah Cianjur, Jawa Barat. Pusat Penelitian Arkeologi Nasional, Jakarta. 1985. 63 p.

Yondri L. Konstruksi dan pola susun balok batu Punden Berundak Gunung Padang – Cianjur // Purbawidya. 2013. Vol. 2, N 2. P. 163–181.

Yondri L. Punden Berundak Gunung Padang. Refleksi adaptasi lingkungan dari masyarakat megalitik // Jurnal Sositelknologi. 2014. Vol. 13, N 1. P. 1–14.

Yondri L., Hum M. Situs Gunung Padang: kebudayaan, manusia, dan lingkungan. CV. Semiotika, 2017. 382 p.

Megalithic Complexes of Indonesia as Elements of Cultural and Natural Landscapes on the Example of the Pyramid of Gunung Padang

A.A. Portnova

This work is connected with such problems of studying the megaliths of the Indonesian archipelago as the environment – the discovery and archaeological study of megalithic complexes on the islands of Indonesia was significantly influenced and influenced by the natural environment – dense jungles, the difficulty of finding, detecting the boundaries of the monument, the preservation of organic matter, as well as their historical construction is also associated with elements of the landscape (natural and cultural) – being confined to settlements, to rice fields or to mountains with unusual natural material – hexagons (Gunung Padang), to intersections of trade and exchange routes (places of worship). Many of them are still used as part of ceremonies and rituals of the calendar cycle, agricultural work, in marriage ceremonies.

Keywords: archaeology, Indonesia, megaliths, landscape, Java, Gunung Padang.

Портнова Арина Александровна

студентка 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.portnova@g.nsu.ru

Portnova Arina Aleksandrovna

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: a.portnova@g.nsu.ru

УДК 902

Диета эпохи дзёмон: особенности и принципы

А.И. Пугачева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Рацион людей эпохи дзёмон – одна из самых интересных тем в исследовании японского неолита. Вопрос о наличии у дзёмонцев агрокультуры до сих пор остается дискуссионным, однако большая часть исследователей настаивает на том, что древнему населению Японии были известны некоторые элементы земледелия, и есть данные, что периодически в нескольких регионах архипелага они практиковали выращивание определенных культур. К таким культурам относились, например,

каштаны [Steinhaus, Kaner, 2016, p. 24]. И все же до самого конца эпохи дзёмон земледелие не приобрело повсеместного и перманентного характера. Из этого факта вытекает первая особенность рациона людей дзёмон: они не пытались массово начать возделывать растительную пищу, а предпочитали заниматься собирательством.

Следует отметить, что на Японском архипелаге 12 тыс. л.н. было невероятное видовое разнообразие растительной пищи, млекопитающих, морской

фауны, и именно это позволяло людям периода дзёмон не заниматься самостоятельным возделыванием сельскохозяйственных культур и разведением домашних животных [Egami, 1973, p. 27–28].

Говоря о принципах диеты дзёмон, в первую очередь необходимо упомянуть сезонность. Несмотря на те дары природы, которые дзёмонцы активно использовали, они все еще были сильно зависимы от нее и, разумеется, разные сезоны предоставляли им разную пищу. На основании археологических исследований учеными был составлен сезонный календарь, который показывает на макроуровне общий рацион людей эпохи дзёмон в зависимости от времени года.

Зимой они, в основном, занимались охотой. В раковинных кучах по всему архипелагу были найдены кости различных животных: оленей, енотовидных собак, диких кабанов, японских зайцев, белок-летяг и даже обезьян. Что касается птиц, то, судя по всему, они были незначительной составляющей мясного рациона людей дзёмон, хотя их кости и были найдены в раковинных кучах, их количество далеко не столь внушительное. Из тех мест, где остатки птиц все же были найдены, самыми часто встречающимися оказались гуси и утки. Важно отметить, что среди всех упомянутых нами видов животных только олени и дикие кабаны играли весомую роль в питании дзёмонцев, об этом свидетельствует частота находок костей этих животных [Steinhaus, Kaner, 2016, p. 24]. Весной люди дзёмон занимались сбором овощей, также собирали моллюсков. Летом они рыбачили, охотились на представителей морской фауны, например, тюленей, а осенью собирали орехи.

В рационе людей дзёмон главенствующую роль имели орехи. Во-первых, по всему архипелагу росло большое количество разных видов ореховых: каштан посевной, конский каштан, грецкий орех и т.д. К тому же анализы антропологических останков показали, что многие дзёмонцы страдали от кариеса, который был вызван растворением углеводного материала, оставшегося на поверхности зубов [Kobayashi Tatsuo, 2004, p. 86–87]. Из растительной пищи они также употребляли ямс, разнообразные корнеплоды, грибы, луковицы лилейных.

Важной частью диеты была морская флора и фауна. В водах, окружающих архипелаг, водилось большое количество моллюсков: тихоокеанская устрица, японский моллюск с горлышком и т.д. Помимо сбора моллюсков, люди дзёмон занимались рыбной ловлей. Из рыбы в пищу они употребляли в основном скумбрию, терпуга, сардин.

Данная нами характеристика диеты дзёмон общая. В действительности она была достаточно вариативна, региональное разнообразие – одна

из особенностей рациона. Сильнее всего отличался рацион на Хоккайдо, собственно как и характерные черты эпохи дзёмон в целом. Относительно других регионов климат был суровым, и эта часть архипелага не могла предложить такое большое разнообразие растительной пищи, поэтому они в основном занимались рыбной ловлей и охотой.

Необходимо осветить также вопрос domestikasi и разведения животных, что является еще одной особенностью культуры дзёмон. Разведение животных в японском неолите носило отличный от сельского хозяйства характер. Если есть свидетельства о редком и не массовом возделывании растений, то свидетельств о скотоводстве гораздо больше, но тем не менее факт его распространения и постоянного существования все еще является дискуссионным. Возможно, что люди дзёмон одомашнили диких кабанов, на это указывают несколько факторов. Во-первых, археологами были найдены захоронения кабанов, они были подобны захоронениям собак (которых, кстати, в пищу не употребляли). Во-вторых, существуют глиняные изображения кабанов, что свидетельствует в пользу особого статуса животного [Steinhaus, Kaner, 2016, p. 24].

Второй принцип диеты эпохи дзёмон сформулирован в работах Кобаяси Тацуо. Он назвал его «socialization of nature» (дословно – социализация природы) [Kobayashi Tatsuo, 2004, p. 84]. Известно, что люди эпохи дзёмон знали и активно использовали методы консервации пищи для ее продолжительного хранения. Например, они коптили и засаливали рыбу и мясо. Однако гораздо важнее, что они владели технологиями удаления ядовитых веществ из собранной пищи. Желуди, например, содержат дубовую кислоту, поэтому они требуют долгой обработки для безопасного употребления в пищу. Конский каштан и вовсе требует около месяца обработки.

Принцип приспособления природных объектов к человеческим нуждам в совокупности с принципом сезонности обеспечили людям дзёмон долгое и относительно безбедное существование в оседлых поселениях.

*Научный руководитель – Е.А. Соловьева
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

- Egami N.** The beginnings of Japanese art. Tokyo: Heibonsha, 1973. 180 p.
- Kobayashi Tatsuo.** Jomon Reflections. Oxford: Oxbow books, 2004. 240 p.
- Steinhaus W., Kaner S.** An Illustrated Companion to Japanese archaeology. Oxford: Archaeopress, 2016. 352 p.

Jomon Diet: Features and Rules

A.I. Pugacheva

The Jomon Period is the Neolithic Age in the history of Japan. It is known that agriculture and cattle breeding are typical of the Neolithic Age. However, it is questionable if the Jomon people had those features. They preferred natural resources to feed themselves. 10.000 years ago, the Japanese archipelago was full of different species of plants, mammals, fish and shellfish. The abundance of natural resources allowed the Jomon people to live well-fed. We would like to specify the Jomon diet and try to give the details about the key principles of their dietary intake and some of the diet's features. The first key principle of the Jomon diet was seasonal prevalence. The second principle was "socialization of nature" as Kobayashi Tatsuo called it, meaning exploitation of nature. Among other features could be mentioned their dependence on nature, regional food variety and some other points.

Keywords: Japanese archipelago, Neolithic, Jomon, Jomon diet, agriculture, cattle breeding.

Пугачева Александра Игоревна

студентка 2-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.pugacheva1@g.nsu.ru

Pugacheva Alexandra Igorevna

2nd year student

Novosibirsk State University

e-mail: a.pugacheva1@g.nsu.ru

УДК 903.59

Изображения Фуси и Нюйва в могильных комплексах северо-западного Китая на рубеже эр*

А.Ю. Саморукова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

В китайском пантеоне Фуси (кит. 伏羲) и Нюйва (кит. 女娲), брат и сестра и божественная супружеская пара, являются прародителями и легендарными правителями человечества. Фуси и Нюйва единственные выжили после Великого потопа и, следуя обязательству вновь заселить мир, Нюйва слепила огромное количество глиняных фигурок, которые потом ожили с помощью божественной силы. Она научила людей заботиться о воспитании детей. Фуси же рассказал им, как добывать огонь и обучил наукам.

Представления о верховных небожителях Фуси и Нюйва имели достаточно широкое хождение в период Западной Хань (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.). Они встречаются в погребальных комплексах в т.ч. и за пределами империи. Это один из самых узнаваемых мотивов ханьских гробниц, большинство известных образов происходят из раскопок близ г. Лоян, столицы Поздней Хань. Божественная пара часто изображалась с переплетенными хвостами, что говорит об их хтоническом происхождении и супружеском статусе. Они могли свободно перемещаться между мирами, поэтому на потолках подземных камер, на каменных саркофагах и на стенах святилищ, построенных над землей, можно увидеть этих божеств в виде антропоморфных фигур с человеческими лицами и змееподобными телами, обычно держащих солнце и луну или гриб долголетия *линчжи*

(кит. 靈芝). В поздней традиции они держат угольник (Фуси) и циркуль (Нюйва), символы, связанные с традиционным китайским пониманием вселенной, в котором небо круглое, а земля квадратная. За ними изображались солнце, луна и разные созвездия.

Распространению культа Фуси и Нюйва на северо-запад и далее, в Западный край, способствовала политика ханьского императора У-ди (141 г. до н.э. – 87 г. до н.э.), усилиями которого был проложен Великий Шелковый путь. С территорий современных Ганьсу и частично Синьцзяна были вытеснены кочевые племена, совершавшие набеги вглубь империи. Для укрепления власти в новых нестабильных регионах сюда переселяли бедняков и заключенных из внутренних районов. Эта стратегия предполагала освоение окраинных земель руками колонистов. Они же и распространяли верования центрального Китая на северо-западе, а торговые караваны уносили многие легенды далее на запад. Несмотря на упадок центральной власти в конце Западной Хань и последующий период смуты, новые округа выстояли в противодействии попыткам кочевников отвоевать регион. Устояли и верования, могильные сооружения Западной, а затем и Восточной Хань (25 г. н.э. – 200 г. н.э.), как могилы аристократии, так и небогатые захоронения воинов и земледельцев демонстрируют сохранение традиций центральных регионов.

*Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 22-78-10121.

Большинство гробниц региона Ганьсу построены из мелких кирпичей. Погребения, как правило, квадратные, имели от одной до трех камер, потолки – сводчатые. К камерам вел длинный наклонный коридор. Такие элементы были типичными для гробниц Западной Хань, но в эпоху Восточной Хань появлялись новые формы и детали. Одной из таких отличительных особенностей является появление стены – экрана над входом *чжаоби* (кит. 照壁). Это была высокая защитная стена или башня, расположенная над воротами гробницы, состоящая из небольших кирпичей и украшенная резными или раскрашенными изображениями. Стены внутренних камер, коридора и экран были, как правило, украшены мифологическими сюжетами, повторяющими изобразительные традиции центральных регионов и демонстрирующими представления о человеческом и загробном существовании: различных божественных существ, зверей и птиц, путешествующих между мирами. Устройство больших гробниц с богатым погребальным инвентарем свидетельствует об экономическом развитии северо-запада и росте гражданского населения, несмотря на его отдаленность. Один из самых известных комплексов, Моцзюйцзы (кит. 磨咀子) в 15 км от г. Увэй в провинции Ганьсу, представляет собой около 70 разнообразных захоронений, созданных в течение трех веков после основания округа Увэй.

Традиция создания многокамерных и сложных гробниц в центральных районах резко прекратилась с падением династии Хань в 220 г. н.э. Исчезли боковые камеры и коридоры между помещениями. Вероятно, в период династий Вэй (220 г. н.э. – 266 г. н.э.) и Западной Цзинь (266 г. н.э. – 317 г. н.э.) богатые захоронения стали считаться символами экономического излишества, которые ускорили падение прежней династии, и они стали жертвой народного иконоборчества и имперских запретов. Тем не менее в самых западных округах северо-запада (Цзюцюань и Дунхуан) наблюдалась иная тенденция – несмотря на то, что погребальные конструкции очень скромно выглядят на поверхности, внутренние помещения сохранили старые тенденции. Например, памятник Сигоуцунь (кит. 西沟村) содержит длинный дромос, две камеры, «дорога духов», фасад из расписного кирпича, *чжаоби* над входом, украшенный сочетанием апотропных и мифологических образов, миниатюрные небесные врата *тяньмэнь*. Все основные элементы ханьского погребального зодчества сохранены.

Фуси и Нюйва с атрибутами солнца и луны впервые появляются в настенных гробницах близ г. Лоян в период Западной Хань. Этот мотив распространился из Лояна в другие регионы – в северную Цзянсу, а также в Шэньси и более отдален-

ные регионы Сычуани, Чунцина, где он получил особенно широкое распространение во времена поздней Восточной Хань. На северо-западе образы также появляются в период Восточной Хань.

Во времена после падения Хань образы Фуси и Нюйва продолжают присутствовать в погребальном искусстве региона Ганьсу. В их изображениях всегда преобладают свойственные им атрибуты, но появляются и региональные отличия. В то время Фуси и Нюйва также часто изображались вместе с солнцем и луной, но в районе Ганьсу из-за присутствия двух других атрибутов, квадратного угольника и циркуля, символы солнца и луны не вытесняются, а уходят на второй план. Кроме того, они изображены с переплетенными хвостами, что тоже большая редкость для этого периода. Они в большей степени характерны для ранних ханьских каменных и кирпичных гробниц. Богиня Нюйва в большинстве случаев облачена в одежду ханьского типа, т.е. в одежду с широкими рукавами, также ее прически типичны для женщин более раннего времени. Если говорить о Фуси, то в его облике тоже сохраняются ханьские черты, можно отметить только добавление головного убора с тремя колпаками [Vampelj Suhadolnik, 2019].

Таким образом, несмотря на появление региональных особенностей, образы божеств достаточно консервативны и отсылают к ханьским традициям и в позднее время. Неизменными остаются следующие черты: а) фигуры наполовину людей, наполовину змей; б) атрибуты в виде солнца и луны сохраняются и после появления циркуля и угольника; в) хвосты переплетены; г) изображения расположены либо на потолке, либо в верхней части стен. Характерные для более южных регионов вариации, например, наличие как ног (лап), так и хвоста, на северо-западе не встречаются.

Интересно, что благодаря стабильному функционированию Великого Шелкового пути образы Фуси и Нюйва встречаются в западных регионах за пределами округов, например, в материалах могильника Астана в 45 км от Турфана [Лубо-Лесниченко, 1984, с. 108]. В ханьскую эпоху путь от Дунхуана до этого места составлял 13 дней.

Научный руководитель – Е.А. Гирченко
канд. ист. наук, науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН

Список литературы

Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: Глав. ред. Вост. лит., 1984. С. 108–120.

Vampelj Suhadolnik N. Transmission of Han Pictorial Motifs into the Western Periphery: Fuxi and Nüwa in the Wei-Jin Mural Tombs in the Hexi Corridor // Asian Studies. 2019. N 7 (2). P. 47–86.

Images of the Fuxi and Nüwa in the Burial Complexes the North-Western China at the Turn of Eras

A.Yu. Samorukova

This paper describes how the ancient deities Fuxi and Nüwa were depicted on the walls of burial complexes of the Early and Late Han period, Wei, Jin periods in the north-western regions. We traced the use of images of Fuxi and Nüwa, because they were the main chthonic gods. They were often depicted on murals, but these new prefectures were out of the Han culture circle. The situation changed when the Emperor Wu built there four garrisons. The new territories were developed in the Han era, and even after the collapse of the Empire there was an inflow of population from the central regions. They brought their culture and religion with them. Gansu region became a mixture of old and new cultures. The archaeologists have found that the Han traditions of tomb construction and decoration remained the same even after the collapse of Empire. The ancient Northwest was very constant in depicting deities. The images of Fuxi and Nüwa can be found even outside the Empire along the Great Silk Road.

Keywords: Western Han, Eastern Han, Fuxi, Nüwa, Gansu, Han murals.

Саморукова Анжелика Юрьевна

лаборант

Институт археологии и этнографии СО РАН

e-mail: a.samorukova@g.nsu.ru

Samorukova Anzhelika Yurevna

Laboratory assistant

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

e-mail: a.samorukova@g.nsu.ru

УДК 902/904

Архитектурные керамические модели в доколумбовых культурах Западной Мексики и Эквадора*

Е.Е. Славинская

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Среди американских исследователей, занимающихся доколумбовыми культурами тихоокеанского региона, давно обсуждается вопрос о контактах между Месоамерикой и Южной Америкой (Колумбия, Эквадор, Перу). На сегодняшний день считается, что контакты происходили морским путем вдоль тихоокеанского побережья, отправная точка экспедиций происходила с территории нынешнего Эквадора до современных штатов Западной Мексики. Специалисты выделяют «пакет» признаков связей между двумя регионами. Существуют свидетельства, полученные из экземпляров металлургической деятельности Мексики, имевшие аналоги в Южной Америке по способу изготовления и дизайну [Hosler, 1988]. Кроме того, раковины *Spondylus* (тип двустворчатых моллюсков) служили материалом для изготовления украшений и изображались на глиняных сосудах, а также занимали важное место в религиозных практиках прибрежных народов Тихого океана [Cuevas et al., 2013, p. 36]. Необходимо понимать, как могли происходить «путешествия» на столь дальние расстояния. Для этого исследователями проводятся экспериментальные морские экспедиции, изучается технологическая оснащённость морских плаваний (конструкция судов,

материал изготовления, грузоподъёмность) и с помощью компьютерного моделирования, учитывая циклоны, морские течения и затраченное время, воссоздается возможная древняя морская навигация [Zeidler, Beltrán, 2022, p. 265].

Для изучения контактов важное место занимает сравнение керамики и антропоморфной пластики. Антропоморфные фигуры являются важной чертой прибрежных культур Западной Мексики и Эквадора, где персонажи оснащены различными атрибутами, изображаются как «воины», «шаманы», «танцоры» и др. [Славинская, Табарев, 2022, с. 142]. В данной работе акцентируется внимание на керамических изделиях, представленных целыми архитектурными моделями в виде «домов».

На территории Западной Мексики в штатах Халиско, Найрит, Колима в шахтных погребениях в качестве подношений одним из предметов погребального инвентаря выступали керамические модели домов. Из-за деятельности гуакерос многие погребения разграблены, были найдены лишь фрагменты керамических архитектурных моделей в погребениях фазы эль-ареналь в Халиско (300 г. до н.э. – 200 г. н.э.) [Butterwick, 1998, p. 85]. Большая часть «домов» находится в частных и музейных коллек-

*Работа выполнена по гранту РНФ, проект № 22-28-00059.

циях. На данный момент известно 82 изделия, которые тщательно проверяются специалистами на подлинность, их высота составляет от 13 до 34 см [Butterwick, 1998, p. 26, 130, 233]. Керамические модели представлены в вариациях, тонко сделаны с вниманием к деталям, а также иллюстрируют повседневность и ритуальные сцены западномексиканского населения на позднем этапе доклассического периода. Отличительным архитектурным элементом являются двускатные или скошенные крыши, на краях которых выступают заостренные концы. На крышах нанесены полихромные узоры, состоящие из вертикальных и горизонтальных линий, окрашенных в черный, белый, красный и желтый цвета. Крыши поддерживают 2-3 столбика или плиты, которые создают открытое пространство, где антропоморфные персонажи изображают какую-либо деятельность. К другим элементам строения «дома» относятся две основные формы фундамента: плоская плита или приподнятая ступенчатая платформа. Для ступенчатых моделей характерно 1-2 лестницы, между ними появляется открытое пространство в форме камеры, в которой расположены антропоморфные и зооморфные фигуры (собаки). Некоторые исследователи интерпретируют керамические модели таким образом: в то время как нижний этаж дома представляет мир мертвых, верхний этаж – мир живых, где происходят ритуалы либо пиршества [Day et al., 1996, p. 155]. В коллекциях представлено большое разнообразие макетов «домов» со сложными и простыми композициями, которые помогают реконструировать строение зданий и поселений и приближают к пониманию древнего западномексиканского общества.

В доколумбовых археологических культурах Эквадора также зафиксирована серия керамических моделей домов. Известно более ста таких экспонатов, большинство из них хранятся в музеях в Кито и в нескольких музеях Гуаякиля, их высота варьирует от 8 до 12 см (в отдельных случаях – 28 см) [Wurster, 1996, p. 61; Schávelzon, 1981, p. 219–334]. Культура чоррера занимает большой промежуток времени и датируется формативным периодом (2500–1800 гг. до н.э.) [Estrada, Meggers, 1961, p. 914]. «Дома» в чоррера имеют полукруглую форму и покрыты двускатной крышей. В строение модели также входит «фронтон», где расположена входная дверь, к которой ведет лестница. Модель дома чаще всего установлена на шаровидном сосуде. Такое комбинирование архитектурной модели с сосудом для жидкостей характерно для данного периода. Сочетание утилитарной и неутилитарной функции носит и некоторая архитектурная керамика в Западной Мексике. К периоду регионального развития (500 г. до н.э. –

ок. 500 г. н.э.) конструкция домов видоизменяется, строение моделей становится одноэтажным, а их основание приобретает форму прямоугольной платформы [Estrada, Meggers, 1961, p. 915]. Большое внимание уделяется декорированию крыш. Двускатные крыши домов накладываются друг на друга, их количество может достигать до четырех, некоторые из них богато украшены геометрическими узорами. Края крыш изогнутые, они принимают форму «седла», как называл их Вольфганг Вурстер [Wurster, 1996, p. 67–69]. Керамические конструкции домов в период регионального развития характерны для таких культур, как баия, хама-коаке и тумак-толита, существовавших на территории современных провинций Манаби и в Эсмеральдас [Estrada, Meggers, 1961, p. 913–916; Patiño, 2017, p. 47; Wurster, 1996, p. 62–63].

Архитектурные керамические модели доколумбовых культур занимают важное место в понимании повседневности, ритуальных практик, социально-политической организации прибрежных народов. В рамках темы морских контактов между Западной Мексикой и Эквадором сравнение керамики показывает сходства и особенности двух регионов, к тому же помогает понять их сферу взаимодействия. В работе не утверждается, что керамические модели домов рассматриваемых территорий являются идентичными. Однако между ними прослеживаются сходные культурные признаки и наборы символов, которые необходимо было выявить и проанализировать.

*Научный руководитель – А.В. Табарев
д-р ист. наук, доцент,*

Новосибирский государственный университет

Список литературы

Славинская Е.Е., Табарев А.В. Антропоморфная пластика доиспанских культур в прибрежных частях Эквадора и Западной Мексики // Тихоокеанская археология: новые материалы, проекты, исследования. 5-й Международный симпозиум, Владивосток, 6–9 мая 2022 г.: тезисы докладов / отв. ред. А.Н. Попов. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2022. С. 140–145.

Butterwick K.M. Days of the Dead: Ritual Consumption and Ancestor Worship in an Ancient West Mexican Society: PhD dissertation. Department of Anthropology, University of Colorado-Boulder. 1998. 529 p.

Cuevas M., Hernández J.J., Platas R. Consideraciones en torno a la dinámica cultural del sitio costero Valle de las Garzas, Manzanillo, estado de Colima, durante el 450 al 650 d.C. Trace. 2013. N 64. P. 25–43.

Day J.S., Butterwick K., Pickering R.B. Archaeological Interpretations of West Mexican Ceramic Art from the Late Preclassic Period: Three Figurine projects. Ancient Mesoamerica. 1996. Vol. 7 (1). P. 149–161.

Estrada E., Meggers B.J. A Complex of Traits of Probable Transpacific Origin on the Coast of Ecuador. *American Anthropologist*. 1961. Vol. 63 (5). P. 913–939.

Hosler D. Ancient West Mexican Metallurgy: South and Central American Origins and West Mexican Transformations. *American Anthropologist*. 1988. Vol. 90 (4). P. 832–855.

Patiño D.C. Tumaco-Tolita: cultura, arte y poder en la costa pacífica. *Antropología Cuadernos de Investigación*. 2017. N 18. P. 40–54.

Schávelzon D. Arqueología y arquitectura del Ecuador prehispánico. México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1981. 445 p.

Wurster W. Representaciones Arquitectónicas del Ecuador pre-hispánico // *Antropología del Ecuador*. En *Memorias del Primer simposio europeo* / ed. por S.M. Yáñez, S. Thyssen. Quito: Abya-Yala, 1996. P. 61–78.

Zeidler J.A., Beltrán J.C. Archaeological Evidence for Long-Distance Maritime Contacts between the Tesoro/Comala/Armería Phases, West Mexico, and the Jama-Coaque Tradition, Coastal Ecuador // *Waves of Influence Pacific Maritime Networks Connecting Mexico, Central America, and Northwestern South America* / ed. by. C.S. Beekman, C. McEwan. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2022. P. 263–301.

Ceramic Architectural Models in Pre-Columbian Cultures of Western Mexico and Ecuador

E.E. Slavinskaya

Ceramic architectural models of houses of pre-Columbian cultures occupy an important place in understanding not only everyday life, but also ritual practices and the socio-political organization of coastal people. The work is based on the consideration and comparison of models of houses that belong to the tradition of shaft tombs in the territory of Western Mexico in the Late Preclassic period and Ecuadorian pre-Hispanic archaeological cultures in the Post-Formative period and in the period of Regional Development (Chorrera, Bahía, Jama-Coaque, Tumaco-Tolita). Therefore, within the framework of the topic of maritime contacts between Western Mexico and Ecuador, a comparison of ceramics shows some similarities and features of the two regions, and also helps to understand their sphere of interaction.

Keywords: Ceramic Architectural Models, West Mexico, shaft-tombs, Ecuador, Period of Regional Development.

Славинская Евангелина Евгеньевна

студентка 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: e.slavinskaya@g.nsu.ru

Slavinskaya Evangelina Evgenievna

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: e.slavinskaya@g.nsu.ru

УДК 902/904+303

«Онтологические повороты» в археологической мысли: ситуация в андской археологии первой четверти XXI в.

В.А. Соколовский

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Разного рода «онтологические повороты» начали формироваться около сорока лет назад в рамках социологии и философии (Б. Латур, Дж. Ло, М. Каллон и др.), а затем в социокультурной антропологии (Э. Вивейруш де Кастру, Ф. Дескола, М. Холбрад, Э. Кон и др.). «Онтологический поворот», «поворот к материальному», «новый материализм» и пр. являются лишь некоторыми видами многогранного спектра «онтологических поворотов» [Соколовский, 2017, с. 3; Сивков, 2022, с. 195].

Особое место в «онтологических поворотах» в антропологии и археологии занимают базовые для такого рода подходов установки. 1. Разделение описываемой реальности на людей и не-людей (не-человек; non-humans), которым приписываются социальные способности [Латур, 2014]. «Живое»

и «неживое» являются акторами единой сети – стирается ригидный контур субъект-объектности. Это основное положение акторно-сетевой теории (ACT; ANT – Actor-Network Theory). 2. Широкое применение онтологий (комбинаций), выведенных Ф. Дескола (анимизм, натурализм, тотемизм, аналогизм) [Дескола, 2012, с. 164–165] и Э. Вивейруш де Кастру (перспективизм) [Вивейруш де Кастру, 2017, с. 39–40]. «Онтология» используется в археологии как синоним реальности, либо же в качестве фундаментального набора представлений об устройстве мира [Alberti, 2016, p. 164; Harris, Cippola, 2017, p. 182].

В отечественной археологической литературе обзоров вклада «онтологических поворотов» в археологию не так уж и много. Е.В. Вдовченков

[2015, 2017] характеризует применение АСТ в археологии как способный инструмент интерпретации «вещного мира прошлого». Л.С. Клейн, напротив, отмечает, что из этих постмодернистских идей «не вытекают никакие теоретические постулаты, способные обернуться методами. Метафора хороша для подчеркивания некоторых аспектов, не больше» [Клейн, 2018а, с. 213–214; 2018б, с. 151]. Однако, как уже было сказано выше, одной АСТ «онтологические повороты» не ограничиваются. В археологии эти идеи стали применяться во второй половине 2000-х гг. [Alberti, 2016], но в археологических исследованиях, посвященных Андам, определенный интерес проявился относительно недавно.

В целом, из всех теоретиков «онтологических поворотов» на андскую археологию наиболее широко распространились идеи бразильского антрополога Э. Вивейруша де Кастру. Помимо идеи перспективизма («перспектива – ... это свойства духа, тогда как точка зрения находится в теле...» [Вивейруш де Кастру, 2017, с. 39]), он ставит перед собой проект по «деколонизации мышления», называя его «Анти-Нарциссом», по аналогии с делёзианским «Анти-Эдипом». На основании идей философов из числа новых левых [Делёз, Гваттари, 2010, с. 298–301] Э. Вивейруш де Кастру предлагает отказаться от европоцентричности в антропологии и применить индейские способы видения мира. Индейцы (и все туземные народы) включаются в категорию «Других» [Harris, Cipolla, 2017, p. 171–172] – незападных людей, людей прошлых эпох, а вместе с тем еще и неодушевленных предметов, животных, растений, т.е. всех тех, у кого отличный от западного наблюдателя-исследователя *Umwelt*. Соответственно, согласно «онтологическим» подходам, реальность следует интерпретировать в системе мировоззренческих взглядов индигенных народов, народов прошлого и т.п.

Именно эта идея – о несомненной важности индигенных онтологий – стала одной из основных в работах, применяющих «онтологические повороты» к археологическим материалам Анд. А. Танталеан выделяет следующие андские онтологии и их источники: онтологии, основанные на этноисторических источниках (например, «Рукопись Уарочирри»), лингвистике, этнографических источниках, иконографии и семиотике, материальности (здесь А. Танталеан подразумевает археологию) и феноменологии. В последнем случае, перуанский археолог предостерегает, что онтологии, основанные на веяниях западной философии, могут перенести «гиперсубъективность на реалии Анд» [Tantaleán, 2019, p. 15]. Также стоит учитывать экспансионистский характер Империи инков [Берёзкин, 1991] при

интерпретации доинкских культур. А. Танталеан радикален в оценке «старых» теорий – «реальность рассматривается с европоцентристской и антропоцентристской точек зрения», а «современная гегемонистская мысль стала доминирующей структурой, с помощью которой можно интерпретировать мир» [Tantaleán, 2019, p. 1]. Один из важных аспектов применения подходов «онтологических поворотов» – это применение понятий андских народов (кечуа и аймара), фиксируемых в колониальных источниках и в этнографии, которые могут быть применимы к интерпретации археологического материала [Swenson, Jennings, 2018; Tantaleán, 2019].

В андскую археологию перенеслась антропологическая дискуссия между Ф. Дескола и Э. Вивейрушем де Кастру (см.: [Сивков, 2022, с. 197–206]). Например, существуют попытки анализа иконографии эталонного памятника начального периода Перу Чавин-де-Уантар (ок. 1200–200 гг. до н.э.) с позиций перспективизма [Weismantel, 2015] и аналогизма [La Mattina, Sayre, 2019]. Существуют попытки применения «онтологических» подходов в социальной археологии и исследованиях по политогенезу. Э. Свенсон, сравнивая памятник раннего горизонта Хатанка (ок. 300–100 гг. до н.э.) и мочикский памятник раннего промежуточного периода Уака-Колорада (ок. 650–850 гг. н.э.), находящиеся неподалеку друг от друга в долине Хекетепеке (Перу), приходит к выводу, что различия в архитектурных традициях и ритуальных практиках скорее свидетельствуют о дифференциальных характерах политий, нежели чем об изменениях в онтологиях в двух обществах [Swenson, 2015].

А. Танталеан пытается применить «онтологические» подходы в исследовании политогенеза в Андах, но сразу сталкивается с невозможностью устанавливать тип политии по-андски. «Если бы использовались андские понятия, взятые из андской этнической истории или этнографии, это было бы почти тем же самым, как использование западных понятий, таких как государство», – пишет А. Танталеан [2021, p. 1]. «Западное понятие государства» редко становится хорошим эвристическим приемом, поскольку из-за отсутствия письменных источников нельзя с полной уверенностью говорить о том, как доиспанские общества определяли себя в политическом плане. Более того, несмотря на «требования постмодернистской критики» деколонизировать знания, А. Танталеан признает, что андеанистике «не хватает концепций “андской онтологии и эпистемологии”, которые обеспечили бы собственную методологию для деколонизации себя от западной идеологии» [Ibid., p. 2–3]. Все дальнейшее исследование государствогенеза в Андах

выполнено А. Танталеаном в рамках привычного политантропологического вокабуляра.

Повернули ли «онтологические повороты» андскую археологию? Стоит воспринимать это новое направление как один из новых способов интерпретации археологического материала, но не как полноценную археологическую теорию. Несмотря на интересные примеры интерпретаций некоторых памятников, нехватка источников по доинкским онтологиям в совокупности с повторением конъюнктурных тезисов о необходимости деколонизации мышления создают очевидную, но трудно разрешимую проблему невозможности создания собственной методологии, что должно являться первоочередной целью археологов, действующих в рамках «онтологических поворотов».

*Научный руководитель – А. В. Табарев
д-р ист. наук, доцент,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Берёзкин Ю.Е. Инки: исторический опыт империи. Л.: Наука, 1991. 232 с.

Вдовченко Е.В. «Незамеченные революции» в антропологии и археология, или почему археологи не читают Бруно Латура // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 37–43.

Вдовченко Е.В. Социальная археология и новая материальность: в поисках новых подходов // Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 130–148.

Вивейруш де Кастру Э. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.

Клейн Л.С. Диалоги. Теоретическая археология и не только. СПб.: Евразия, 2018а. 368 с.

Клейн Л.С. Археологические теории третьего тысячелетия на Западе // Camera praehistorica. 2018б. № 1 (1). С. 150–158.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

Сивков Д.Ю. Онтологический поворот в антропологии и технологические изменения в индигенном коллективе // Логос. 2022. Т. 32, № 2 (147). С. 193–225.

Соколовский С.В. Теории вещей и этнографии материальности // Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 3–30.

Alberti B. Archaeologies of Ontology // Annual Review of Anthropology. 2016. Vol. 45. P. 163–179.

Harris O.J.T., Cippola C.N. Archaeological Theory in the New Millenium. Introducing Current Perspectives. L.; N. Y.: Routledge, 2017. 238 p.

La Mattina N., Sayre M. Analogism at Chavín de Huántar // Andean Ontologies: New Archaeological Perspectives / eds. M.C. Lozada and H. Tantaleán. Gainesville: Univ. Press of Florida, 2019. P. 79–98.

Swenson E. The materialities of place making in the ancient Andes: a critical appraisal of the ontological turn in archaeological interpretation // Journal of Archaeological Method and Theory. 2015. Vol. 22. P. 677–712.

Swenson E., Jennings J. Introduction: place, landscape, and power in the ancient Andes and Andean archaeology // Powerful Places in the Ancient Andes / eds. J. Jennings and E. Swenson. Albuquerque: Univ. of New Mexico Press, 2018. P. 1–54.

Tantaleán H. Andean ontologies: an introduction to substance // Andean Ontologies: New Archaeological Perspectives / eds. M.C. Lozada and H. Tantaleán. Gainesville: Univ. Press of Florida, 2019. P. 1–48.

Tantaleán H. The ancient andean states: political landscapes in Pre-Hispanic Peru. L.; N. Y.: Routledge, 2021. 282 p.

Weismantel M. Seeing like an Archaeologist: Viveiros de Castro at Chavín de Huántar // Journal of Social Archaeology. 2015. Vol. 15 (2). P. 139–159.

“Ontological Turns” in Archaeological Thought: the Case of Andean Archaeology in the First Quarter of 21st Century

V.A. Sokolovsky

The article critically reviews and appraises the “ontological turns” in modern Andean archeology. A more significant influence of the ideas of E. Viveiros de Castro on archaeological thought is revealed. Based on recent publications by ontologically oriented archaeologists, some new interpretations of archaeological material are shown. Ultimately, it is concluded that it is impossible to create a more or less unified “ontological” methodology in Andean archaeology.

Keywords: ontological turn, archaeological theory, archaeological thought, Andean archaeology, actor-network theory, perspectivism.

Соколовский Василий Андреевич
магистрант 1-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: v.sokolovskii@g.nsu.ru

Sokolovsky Vasily Andreevich
1st year master’s degree student
Novosibirsk State University
e-mail: v. sokolovskii@g.nsu.ru

«Хоабиньский комплекс»: вопрос о северной границе

А.А. Федорова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Характерная для «хоабиньского комплекса» (далее по тексту – ХК) индустрия – это типичный орудийный набор, который был присущ широко распространенным в этом регионе позднепалеолитическим памятникам. Техническая традиция ХК состоит из простых, грубо оббитых орудий на галечной заготовке.

В последнее время специалисты [Forestier et al., 2005, 2013, 2015; Marwick, 2008, 2013], опираясь на технологические и техно-функциональные параметры, определяют ХК как комплекс, который включает в себя три основные операционные последовательности (*chaînes opératoires*):

1. чопперы и чоппинги;
2. односторонне обработанные орудия («суматралиты»);
3. расщепленные гальки.

Выделены две операционные схемы для индустрии ХК – это «дебитаж» (*débitage*) и «оформление» (*façonnage*) [Inizan et al., 1999].

В данной работе основной акцент делается на сравнении орудий, найденных на юге Китая на двух стоянках (пещера Сяодун (Xiaodong) и пещера Луоби (Luobi)), которые были отнесены к ХК, с репрезентативными памятниками ХК (пещеры Лаанг Спееан (Laang Spean), Хуай Хин (Huaui Hin) и др.).

Китай в этом отношении интересен тем, что позволяет проследить, какой характер имел «хоабиньский комплекс» – региональный или субрегиональный. Предполагается, что в пещере Сяодун в провинции Юньнань (юго-западный Китай) [Ji et al., 2016] и в пещере Луоби в провинции Хайнань (Южный Китай) [Нао, 1998] были найдены артефакты, относящиеся к ХК.

Памятник Сяодун находится на территории, непосредственно граничащей с Лаосом и Бирмой, а индустрия имеет прямое сходство с основными памятниками ХК в Юго-Восточной Азии в производстве «суматралитов». Хронологическая шкала существования ХК на памятнике определяется границами 43 500 – 23 000 л.н. (^{14}C). Артефакты из Сяодун выполнены в основном из магматических пород, которые встречаются в непосредственной близости на галечных отмелях. Применительно к орудиям «хоабиньского» типа в Сяодун фиксируются притупленные края, сужение к основанию,

что может свидетельствовать об использовании инструмента как самостоятельно, так и прикрепленного к рукояти какой-либо формы.

На данный момент артефакты Сяодун связывают с населением, практиковавшим охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ образ жизни. Если учитывать датировку в 43 500 л.н., можно прийти к выводу, что стоянка является хронологически самым древним проявлением ХК в Азии. В этом смысле территория Юньнань может являться «родиной ХК».

Переходя к пещере Луоби, отметим важные сходства и отличия с ХК. Луоби располагается на о-ве Хайнань и граничит с Юго-Восточной Азией (по заливу Бакбо).

Одним из важных критериев для определения принадлежности памятника является то, что сырье для изготовления орудий, найденных в Луоби, было не импортное, а добывалось из доступных близлежащих русел рек (вулканические породы, обсидианы, известняк, кварц, кремнь), тогда как на репрезентативных памятниках ХК во Вьетнаме и Камбодже сырье было привнесенным извне (это в основном известняк, песчаник). Набор инструментов более разнообразен, чем в Сяодун: чопперы, «суматралиты» с продольной режущей кромкой, двусторонне обработанные орудия, кольцевидные или «пончиковидные» орудия (donut stone), топоры, наковальни, а также ретушированные сколы. Кроме того, были найдены костяные орудия – лопатка, шило, копьевидное орудие, острие, наконечник, а также инструменты из органического материала – раковины моллюсков, зубы животных. Костяные орудия ХК были в основном найдены в островной части Юго-Восточной Азии (Филиппины, Индонезия) [Rabett, 2012].

Таким образом, предварительно, соглашаясь с некоторыми авторами, можно предположить, что юг Китая лишь частично был включен в зону обитания носителей ХК, остальные его территории, вероятно, лишь имели контакты с населением ХК.

В пользу теории, что юг Китая мог входить в сферу контактов обитателей памятников ХК, стоит отметить, что различия в артефактах ХК в разных регионах в значительной степени зависят от местной, региональной близости к ресурсам и изменений в условиях окружающей среды. Так, детальное изучение «*chaîne opératoire*» на стоян-

ке Хуай Хин (Таиланд) показывает, что орудия, найденные там, отличаются от «суматралитов» (чопперов и рубящих инструментов), сделанных на удлиненных гальках [Forestier, 2000; Moser, 2001]. Каменные орудия из Хуай Хин изготавливались на расщепленных галечных заготовках (half-cobble), характеризующихся поперечной и боковой ретушью кромки. Сырье для орудий местонахождения Хуай Хин, вероятно, было завезено с отелей ближайшей реки. Кроме того, стандартизация орудий в Хуай Хин более четкая, чем в других местонахождениях.

Если обобщить сведения авторов, работающих в разных уголках Азии, можно сделать вывод, что для комплекса характерны галечные скребла, оббитые только по одному краю, овальные топоры с двусторонней обработкой, топоры на укороченных заготовках, тщательно оббитые по краям, пестики для измельчения растительной пищи и некоторые другие типы орудий; орудия из раковин – остроконечные орудия типа шильев, из кости, режущие орудия и скребки; орудий из бамбука и дерева.

Опираясь на данные исследований XX–XXI вв., можно заключить, что, несмотря на большое количество материала и многолетние работы в регионе, пока недостаточно данных об изменчивости каменной индустрии, что препятствует пониманию адаптивной стратегии и технологического поведения носителей «хоабиньского комплекса». В этом контексте одним из важных на сегодняшний день вопросов остается проблема северной границы «хоабиньского мира».

*Научный руководитель – А.В. Табарев
д-р ист. наук., вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

“Hoabinhian Complex”: the Question about the Northern Border

A.A. Fedorova

The aim of this work is to draw attention to the actual problem of the “Hoa Binh complex”, concerning the territory of distribution of its material culture. At the beginning of the XXth century, specialists began to speculate that southern China was within the scope of the complex. The paper considers two main sites attributed to the “Hoabinhian complex” and presents the opinions of scientists on the possible correlation of artifacts found in them with artifacts at representative sites of the “Hoabinhian complex”. Comparison is made between tools from the sites of Xiaodong Cave and Luobi Cave, located in the southern provinces of China, with the sites of the “Hoabinhian complex”, located on the mainland of Southeast Asia. The thesis concludes with a conclusion about further prospects for the study.

Keywords: archaeology of China, archaeology of Southeast Asia, Indochina, “Hoabinhian complex”, modern problems of archaeology.

Федорова Анастасия Александровна

студентка 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.fedorova3@g.nsu.ru

Список литературы

Forestier H. De quelques chaînes opératoires lithiques en Asie du Sud-Est au Pléistocène supérieur final et au début de l'Holocène // *L'Anthropologie*. 2000. Vol. 104. P. 531–548.

Forestier H. et al. Le site de Tögi Ndrawa, île de Nias, Sumatra nord: Les premières traces d'une occupation hoabinhienne en grotte en Indonésie // *Comptes Rendus Palevol*. 2005. Vol. 4 (8). P. 727–733.

Forestier H. et al. The Hoabinhian from Laang Spean Cave in its stratigraphic, chronological, typo-technological and environmental context (Cambodia, Battambang province) // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2015. Vol. 3. P. 194–206.

Forestier H. et al. The open-air site of Huai Hin (Northwestern Thailand): Chronological perspectives for the Hoabinhian // *Comptes Rendus Palevol*. 2013. Vol. 12 (1). P. 45–55.

Hao S. The Luobi Cave site of Sanya City. Haikou: Nanfang Press, 1998. 183 p. (in Chin.).

Inizan M. et al. Technology and terminology of knapped stone. P.: Cercle de Recherches et d'Etudes Préhistoriques, 1999. 193 p.

Ji X. et al. The oldest Hoabinhian technocomplex in Asia (43.5 ka) at Xiaodong rockshelter, Yunnan Province, southwest China // *Quaternary International*. 2016. Vol. 400. P. 166–174.

Marwick B. What attributes are important for the measurement of assemblage reduction intensity? Results from an experimental stone artefact assemblage with relevance to the Hoabinhian of mainland Southeast Asia // *Journal of Archaeological Science*. 2008. Vol. 35 (5). P. 1189–1200.

Moser J. Hoabinhian: Geographie und Chronologie eines steinzeitlichen Technokomplexes in Südostasien. Köln: Linden Soft, 2001. 256 p.

Rabett R.J. Human adaptation in the Asian Palaeolithic: Hominid dispersal and behaviour during the late Quaternary. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2012. 371 p.

Fedorova Anastasia Aleksandrovna

4th year student

Novosibirsk State University

e-mail: a.fedorova3@g.nsu.ru

Арктическая археология: обзор проекта «REMAINS of Greenland» (Гренландия)

Д.С. Федорова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

В 2022 г. национальное управление океанических и атмосферных исследований США (NOAA – National Oceanic and Atmospheric Administration) опубликовало ежегодный арктический отчет. Согласно ему, климатические изменения кардинально трансформируют природную систему Арктики, ведут к исчезновению ее крио-компонентов: морского льда, снега, ледников и вечной мерзлоты [Drukenmiller, Thoman, Moon, 2022].

Для арктической археологии это создает как проблемы, так и возможности. Источниковый потенциал северных территорий неоспорим и ускоренно реализуем через оттаивание. Однако переходность источника от консервации к высвобождению сопряжена с частичной потерей исторических сведений. Экологические и социальные результаты потепления актуализируют проблемы маскировки, рассредоточения, уничтожения и дислокации уникальных археологических комплексов [Федорова, 2022].

Методическая реакция учитывает специфику и комплексную сложность протекающих преобразований. Внимание концентрируется на уязвимых и активно разрушающихся археологических объектах, системе их поиска, фиксации и мониторинга состояния с последующими спасательными раскопками. В данном направлении в 2016–2019 гг. успешно работал исследовательский проект «Остатки Гренландии» (REMAINS of Greenland – REsearch and Management of Archaeological sites IN a changing environment and Society).

Проект инициирован национальными музеями Дании (National Museum of Denmark) и Гренландии (NKA – National museum and Archive of Greenland) и центром по изучению вечной мерзлоты (CENPERM – Center for Permafrost) при Копенгагенском университете. Для исследований выбран регион Нуук (юго-запад Гренландии), где археологические памятники подвержены климатическим угрозам и их последствиям. Фокусировка на территории связана с высокой плотностью объектов и артефактов, сильным климатическим градиентом, доступностью в плане логистики и привлечения специалистов. Проект обозначил цели – понять влияние климатических изменений на сохранение археологических данных и органических артефактов, развить инструменты для поиска уязвимых объектов, разработать соответствующие стратегии

по их спасению [Hollesen, 2015; REMAINS..., 2022]. Концепт исследований выстроен вокруг условий сохранения (и их прогнозирования) окружающей среды и археологического материала.

Полевые исследования должны были расширить предварительную работу, осуществленную годами ранее (в т.ч. в рамках пилотного проекта 2012 г.). Исследования велись в двух направлениях – изучение разрушений археологических объектов и артефактов; региональная оценка рисков и разработка руководящих стратегий [Hollesen, 2015].

Первое направление объединяет следующие цели – разработку полевого протокола для описания объекта и оценки риска; изучение процесса деградации в масштабе конкретного участка; изучение разложения конкретного органического материала; разработку инструментов интерпретации для оценки локальной деградации на основе региональных климатических данных. Цели достигались посредством посещения ряда объектов, сопоставления данных, разработки протокола для описания памятника и отбора проб; анализа литературы и опубликованных отчетов, использования спутниковых снимков и исторических фотографий; визуальных осмотров, детального картографирования с использованием GPS и аэрофотосъемки с малой высоты с помощью дронов; использования микроскопов и дендрохнологии; метеостанций (регистрационных станций), измерения температуры и содержания влаги в почве, автоматических камер; аналитической и численной моделей; лабораторных экспериментов и экспериментов на месте, микроскопических исследований и микрокалориметрий [Hollesen, 2015; Field report, 2016].

Второе направление по оценке рисков и разработке руководящих стратегий выдвинуло цели по созданию региональной ГИС-модели для оценки уязвимости археологических памятников в современных и перспективных климатических условиях; обновлению базы данных наследия информацией, собранной во время проекта. Цели достигались посредством использования и комбинации цифровых карт (1 : 25 000), спутниковых снимков высокого расширения, ортофотоснимков и цифровых моделей местности; климатических данных из «HIRHAM», численной модели «CryoGRID»; почвенных и геологических карт, классификацию по типам раститель-

ности, анализа местности; использования нормализованного индекса растительности, создания общего руководства для дальнейших археологических исследований [Hollesen, 2015; Field report, 2016].

За четыре года было изучено 14 участков, проведено пять полевых выездов, задействовано более 20 специалистов и студентов, подготовлены три диссертации. Согласно представленным результатам, ежегодная потеря археологической доли органического углерода на глубине 0,4 м составила от 0,5 до 1,0 % на 80 % из 336 археологических памятников, зарегистрированных в регионе Нуук. Рост растительности представляет умеренную угрозу для 50 % археологических памятников и серьезную угрозу для 15 %. Результаты моделирования показали, что 30–70 % органического углерода хранится в верхних 0,5 м на участках и может исчезнуть в течение следующих 80 лет. Диапазон отражает изменение в пределах климатического градиента и применяемого будущего климатического сценария. Ожидается, что в дальнейшем все археологические отложения понесут существенные потери, но наиболее усиленная деградация коснется внутренних континентальных районов, где преобладает сухое и теплое лето. Текущая ситуация, безусловно, будет меняться, однако в рамках 80 лет окажется незначительной [REMAINS..., 2022].

Из 336 зарегистрированных памятников в регионе Нуук около 50 % будут подвержены умеренной угрозе, а 20 % – серьезной. На конец проекта только 4 % береговой линии находилось под серьезной угрозой из-за эрозии. Из-за преобладания твердых пород и поднятия побережья (отскок ледников) лишь меньшее число участков уязвимо к будущему повышению уровня моря. Только 2 % из известных памятников расположены в районах, отнесенных к категории без вечной мерзлоты / изолированных участков. Ожидается, что к концу столетия эта доля увеличится до 85 %. Однако уже на большинстве

участков археологические отложения обнаружены выше уровня вечной мерзлоты [REMAINS..., 2022].

Проект показал высокую эффективность и представительность научных результатов. Исследователи подчеркивают, что климатические последствия разрушают археологическое наследие быстрее, чем они успевают реагировать. Тем не менее проект является перспективным для последующего развития и адаптации в других арктических регионах при соответствующей кадровой и финансовой поддержке.

*Научный руководитель – И.В. Шмидт
канд.ист.наук, доцент,
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

Источники

Druckenmiller M.L., Thoman R.L., Moon T.A. NOAA. Arctic Report Card 2022. The warming Arctic reveals shifting seasons, widespread disturbances, and the value of diverse observations, 2022. 136 p. doi:10.25923/YJX6-R184

Hollesen J. REMAINS of Greenland. Research and Management of Archaeological sites in a changing environment and Society, 2015. 23 p.

REMAINS of Greenland. Research and Management of Archaeological sites IN a changing environment and Society. 4 years of fieldwork and research. [Электронный ресурс]. – URL: <https://online.flowpaper.com/776c0763/Smartreport/#page=1> (дата обращения: 15.11.2022).

REMAINS of Greenland. REsearch and Management of Archaeological sites IN a changing environment and Society. Field report 2016, 2016. 35 p.

Список литературы

Федорова Д.С. Арктическая археология: методическое состояние и перспективы развития. Проспект свободный–2022: мат-лы XVIII Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 25–30 апреля 2022. [Электронный ресурс] / отв. за вып. Т.А. Лесняк. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2022. С. 1588–1591.

Arctic Archaeology: an Overview of the REMAINS of Greenland Project (Greenland)

D.S. Fedorova

The presentation deals with the REMAINS of Greenland research project, which was active between 2016 and 2019 in Nuuk region, south-west Greenland. Based on published field reports and documentation, an overview of the project's goals, objectives, methods used, and results obtained is made. The project acted as a multidimensional and interdisciplinary program to study the effects of climate change on archaeological sites, as well as to develop tools to find vulnerable sites and create strategies to save them. The research concept is constructed around conservation conditions and their prediction, the environment, and archaeological material. The project has shown to be highly effective and scientifically representative. It can be adopted and implemented in other Arctic regions with appropriate human and financial support.

Keywords: arctic archaeology, climate change, research project, REMAINS of Greenland, archaeological sites, Greenland.

Федорова Дарья Сергеевна

магистрантка 2-го года обучения
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
e-mail: daria-fedorowa2018@ya.ru

Fedorova Darya Sergeevna

2st year master's degree student
Dostoevsky Omsk State University
e-mail: daria-fedorowa2018@ya.ru

Хронология керамики саванны Боготы (Колумбия)

Д.Ф. Хименес Кастаньеда

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Саванна Боготы – горная саванна, расположенная в северных Андах на высоте 2 600 м над ур. м. Там в первой половине I тыс. до н.э. начали селиться группы индейцев чибча, обладавших знаниями в области сельского хозяйства и керамического производства.

Керамика – одна из самых важных категорий находок, по которым археологи могут реконструировать поведение людей в прошлом. С помощью керамики можно исследовать демографические изменения, экономическую, социальную и политическую деятельность. Керамика помогает нам понять социокультурные различия между людьми и их группами.

Самая новая хронология керамики для саванны Боготы была предложена шесть лет назад [Boada, Cardale, 2017], но в ней существуют огромные пробелы. Определение хронологии керамики саванны Боготы было трудной задачей, так как характер памятников (перемешанные культурные слои) и большое разнообразие типов сосудов затрудняли работу.

Первая хронология посуды саванны Боготы появилась в 1950-х гг. и с тех пор состав теста является наиболее часто используемой характеристикой для определения типов керамики. Тем не менее, в последнее десятилетие формы и орнаментация сосудов также стали использоваться в типологии.

Существуют различия в датировке предложенных периодов, а также в выделении некоторых типов керамики. Несмотря на это, археологи, занимающиеся проблемой периодизации, пришли к общему мнению о выделении в хронологии муисков трех периодов: Эррера, раннемуиский и позднемуиский [Boada, 2014]. В данной работе используется хронология, предложенная А.М. Бодадой и М. Кардале: период Эррера (400 г. до н.э. – 1000 г. н.э.), в свою очередь подразделяющийся на ранний период Эррера (400 г. до н.э. – 200 г. н.э.), промежуточный период Эррера (200–700 гг. н.э.) и поздний период Эррера (700–1000 гг. н.э.), раннемуиский период (1000–1350 гг. н.э.), позднемуиский период (1350–1600 гг. н.э.) и колониальный период (1600–1820 гг. н.э.).

Ниже представлено краткое описание самых характерных типов керамики по периодам. Важно отметить, что некоторые типы могут относиться к

нескольким периодам. Полная информация о типах керамики и формах сосудов приведена в таблицах (см. *рисунок, таблицу*).

Ранний период Эррера. Керамика муисков этого времени происходит из горных долин к востоку от саванны Боготы. На данной территории зарегистрировано наибольшее количество типов керамики этого периода. Характерными типами керамической посуды раннего периода Эррера являются MRI, MRT, и ZDT.

MRI характеризуется красной ангобированной поверхностью и резной орнаментацией. В качестве отошителей использовались кварц и слюда. Целые сосуды пока еще не были найдены.

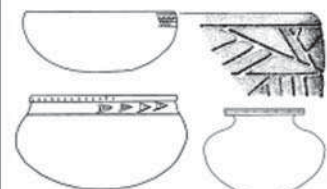
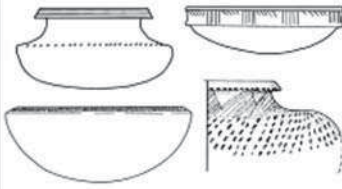

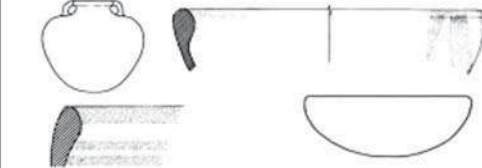
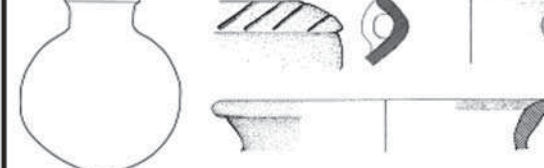

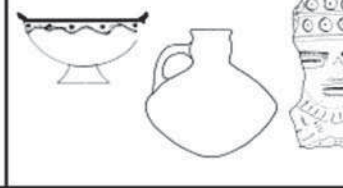

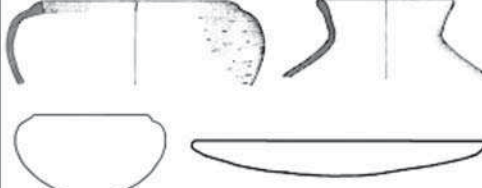
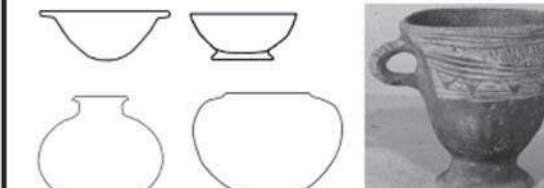
MRT характеризуется мягким и пористым тестом, в качестве отошителя использовался кальцит. Венчики и плечики сосудов декорированы резным орнаментом. Считается, что данный тип сосудов производился на уровне домашнего хозяйства [Cardale, de Paere, 1990, p. 106].

ZDT – тип использовался при добыче соли. В конце периода он заменяет MRT [Cardale, de Paere, 1990, p. 105]. Тесто пористое и хрупкое с добавлением шамота. Внутренняя поверхность гладкая, внешняя, наоборот, грубая. Слабо орнаментированный.

Промежуточный период Эррера. Наблюдается преемственность в составе теста, формах и орнаментации сосудов с предыдущим периодом. Однако произошли изменения в составе отошителей, керамику стали изготавливать с примесью песка, кварца, полевого шпата и т.д. Характерным типом периода является CF.

CF имеет общие черты по морфологии сосудов и по орнаментации с типами MRI и MRT. Цвет теста серый или коричневый. В качестве отошителей использовались песок с кварцем и очень мелкими частицами черного, серого и белого камня. Поверхность красная, оранжевая и коричневая ангобированная. Венчик украшен резным орнаментом. На памятниках наблюдается увеличение частоты встречаемости типа CF по мере уменьшения количества типов MRI и MRT [Peña, 1991].

Поздний период Эррера. Никаких значительных изменений в составе теста не фиксируется, однако наблюдаются инновации в декоре и в конструктивных элементах сосудов, например, сосуды

Ранний период Эррера		
MRI	MRT	ZDT
		
Промежуточный период Эррера		
CF		
		
Поздний период Эррера		
CA	TL	
		
Раннемуиский период		
LD	DG	GDT
		
Позднемуиский период		
		
Колониальный период		
RDA	GDT	
		

Типы керамики культуры муисков

Типы керамики культуры муисков

Период		Тип керамики
Эррера	ранний	MRI (красная Москера с резным орнаментом)
		MRT (москера с добавлением дробленого кальцита)
		ZDT (Сипакира с шамотным отошителем)
		CF (мелкий кварц)
	промежуточный	CF (мелкий кварц)
		TL (Тунхуэло слоистый)
		CF (мелкий кварц)
	поздний	CA (большое количество кварца)
		TL (Тунхуэло слоистый)
		GDG (Гуатавита с серым отошителем)
Раннемуисский		LD (слоистый твердый)
		GDG (Гуатавита с серым отошителем)
		TL (Тунхуэло слоистый)
		CA (большое количество кварца)
		ZAT (Сипакира с отошителем из дробленого аргиллита)
		GDT (Гуатавита с шамотным отошителем)
		GDTBB (Гуатавита с шамотным отошителем, покрытая белым ангобом)
Позднемуисский		GDG (Гуатавита с серым отошителем)
		GDT (Гуатавита с шамотным отошителем)
		GDTBB (Гуатавита с шамотным отошителем, покрытая белым ангобом)
		SDTS (Салина с шамотным отошителем)
Колониальный		GDTT (Гауавита с шершавым отошителем)
		RDA (Ракира с шершавым отошителем)
		GDTB (Гуатавита полированная с шамотным отошителем)
		GDTBB (Гуатавита с шамотным отошителем, покрытая белым ангобом)

с росписью и сосуды с ручками. Характерными типами керамики периода являются CA и TL.

CA характеризуется плотным и твердым тестом. В качестве отошителей использовался песок с большим количеством кварца и частицами камня серого и черного цвета. Поверхность выглядит как необработанная.

TL имеет состав теста такой же, как и CF, однако имеет слоистую структуру. Типичны толстые гладкие стенки, поверхность хорошо отполирована.

Раннемуисский период. Произошли значительные изменения в типе теста, технике обжига, декоре и форме сосудов. Пористое тесто заменяется гораздо более твердым, плотным и слоистым. Цвет теста имеет тенденцию приобретать красные и розовые оттенки. Характерными типами периода являются LD, DG и GDT.

LD имеет плотную и слоистую структуру теста. Красно-белой краской изображают полосы и геометрические узоры. Резной орнамент имеется на венчиках и шейках сосудов. На поверхности присутствуют следы полировки.

DG: в качестве отошителя использовалось большое количество речного песка с линзовидными частицами серого, черного, красного и белого камня. Сосуды украшены красными геометрическими фигурами.

GDT: тесто становится плотным с розовым или оранжевым оттенком. В качестве отошителя использовалось большое количество шамота. Поверхность тщательно обработанная, с ангобом разных цветов. Иногда сосуды украшены геометрическими фигурами и фигурами змей. Предполагается, что этот тип посуды предназначался для ритуалов [Broandbent, 1986, p. 61].

Позднемуисский период. Существует преобладание в типах керамики несмотря на то, что красный ангоб и резной орнамент как способы декорирования поверхности практически исчезают. DG и GDT по-прежнему являются характерными типами керамики позднемуисского периода. В данных типах появляются новые формы сосудов.

Колониальный период. Характеризуется появлением европейских форм и способов изготовления

сосудов. Однако продолжают использовать глины и отошители, типичные для предыдущих периодов. Характерными типами являются RDA и GDT.

RDA – утилитарные сосуды. В качестве отошителя использовались крупные частицы камня, смешанные с шамотом. Поверхность, хотя полированная и ангобированная, имеет следы истирания отошителя.

GDT – состав теста и отошители не меняются по сравнению с типом GDT предыдущих периодов. В основном это сосуды для хранения, транспортировки и питья воды. Несмотря на европейскую форму, сохранилась местная орнаментация.

Несмотря на смешанные культурные слои, как на большинстве памятников Боготы, после длительного анализа удалось установить хронологию керамики. В первую очередь учитывались памятники с четкой стратиграфией и радиоуглеродной датировкой.

С другой стороны, было необходимо установить типы керамики и их хронологическую последовательность. Как указано выше, в первую очередь учитывался состав теста, но типы были определены на основе совокупности признаков и особенностей: примеси, формы сосудов, орнаментация и функции. В дополнение следует отметить, что ни один памятник не дает полной хронологии, поэтому археологи использовали аналогии и метод синхронизации, чтобы заполнить имевшиеся пробелы.

Chronology of Ceramics of the Bogota Savannah (Colombia)

D.F. Jimenez Castañeda

The article provides a brief sample of different ceramics types in the Bogota savannah. Thanks to the typology of the vessels, it has been possible to establish archaeological periods: Herrera period (early, intermediate and late), early muisca period, late muisca period and after the European conquest the Colonial period. There are many factors that have been used in the construction of chronology: clay paste, tempers, functions and shapes of vessel, decoration patterns, etc. As a result, continuity in the evolution of ceramic features has been observed, although abrupt changes were identified, especially between the late Herrera period and the early muisca period. The work of the archaeologist then consists in looking for all the common points existing between the different factors, a synchronization, which supplemented with the information from the excavations (location of the site, type investigation, absolute and relative dating), give us a quality chronological sequence.

Keywords: ceramic typology, chronology, muisca, intermediate area archaeology.

Хименес Кастаньеда Диего Фернандо

магистрант 2-го года обучения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

e-mail: repre.acuario@gmail.com

Керамика помогает в получении знаний о прошлом, например, благодаря керамике известно, что примерно во II в. н.э. производство соли в саванне Боготы стало приобретать более широкие масштабы или что примерно в XII в. н.э. утвердилась религиозная практика, связанная с культом воды, поскольку в погребальном инвентаре получили распространение сосуды, связанный с этой практикой.

Научный руководитель – Л. Ф. Недашковский

д-р ист. наук, доцент,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Список литературы

Boada A.M. Cronologías de la Región Muisca // Comparative Archaeology Database, University of Pittsburgh. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cadb.pitt.edu/samaca/cronologia.pdf> (дата обращения: 23.02.2023).

Boada A.M., Cardale M. Cronología de la Sabana de Bogotá. Pittsburgh: Comparative Archaeology database University of Pittsburgh, 2017. 199 p.

Broadbent S. Tipología Cerámica en territorio muisca, Colombia // Revista de Antropología. 1986. Vol. 2. P. 35–71.

Cardale M., de Paeppe P. Resultados de un estudio petrológico de cerámicas del periodo Herrera, provenientes de la sabana de Bogotá y sus implicaciones arqueológicas // Boletín del Museo del Oro. 1990. Vol. 27. P. 99–119.

Peña G. Exploraciones arqueológicas en la cuenca Media del Río Bogotá. Bogotá : Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales, 1991. 137 p.

Jimenez Castañeda Diego Fernando

2nd year master's degree student

Kazan (Volga region) Federal University

e-mail: repre.acuario@gmail.com

Из истории конгресса Индо-Тихоокеанской доисторической ассоциации (Indo-Pacific Prehistory Association; IPPA) в XX–XXI вв.

С.С. Штевский

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

История возникновения научного конгресса, посвященного доисторической эпохе Юго-Восточной Азии, начинается с конца 1920-х гг. 16–25 мая 1929 г. в Джакарте и Бандунге состоялся IV Тихоокеанский научный конгресс. Основными темами обсуждения IV конгресса были океанология, сельское хозяйство, биология и археология. Помимо научной программы был организован научный тур по археологическим памятникам Индонезии [Сергиенко, Штец, 2000, с. 129]. В работе IV конгресса принял участие сотрудник Французской школы Дальнего Востока Виктор Викторович Голубев, который представил два доклада – о бронзовых барабанах культуры донгшон в северном Вьетнаме и о современном состоянии исследований доисторического периода в Индокитае. Его выступление заинтересовало главу департамента Голландской Ост-Индской археологической службы Стейна Каленфелса. С. Каленфелс сопровождал В.В. Голубева в экскурсиях по археологическим памятникам Индонезии, в ходе которых обсуждались различные перспективы археологических исследований в Юго-Восточной Азии и организация тематического конгресса в конце 1931 г. или начале 1932 г. Их инициативу поддержали генерал-губернатор Индокитая Пьер Паскье и директор школы Жорж Седес, а спонсорами выступили французские и голландские научные организации, несмотря на обострение политической ситуации во Вьетнаме [Табарев, Федорова, 2021, с. 13].

С 25 по 31 января 1932 г. на базе Французской школы Дальнего Востока в Ханое прошёл I конгресс Ассоциации первобытной истории Дальнего Востока (Far Eastern Prehistory Association, FEPA). Последовали аналогичные встречи в Маниле (1935 г.) и Сингапуре (1938 г.). Последующую работу прервала Вторая мировая война, и только с 16 по 28 ноября 1953 г. благодаря инициативе антрополога Генри Отли Бейера, который в то время занимал должность директора Археологического музея Манилы, состоялся IV конгресс Ассоциации первобытной истории Дальнего Востока в Маниле [Groslier, 1959, p. 666], который проходил

совместно с VIII Тихоокеанским научным конгрессом [Groslier, 1957, p. 5].

На IV конгрессе были предприняты шаги по созданию постоянной комиссии в составе двенадцати членов, перед которыми была бы поставлена задача налаживания тесных связей между исследователями, интересующимися археологией Юго-Восточной Азии, а также обязанность определить место и время очередной встречи в рамках ассоциации. По итогам IV конгресса члены комиссии FEPA добились весьма успешных результатов: были открыты национальные отделения FEPA в Австралии, Новой Зеландии, Японии, США, Тайване и на Филиппинах, а также был основан научный журнал Азиатские перспективы (Asian Perspectives), освещающий историю и археологию Азиатско-Тихоокеанского региона. Это дало плодотворные результаты в освещении деятельности и целей FEPA в международном научном сообществе [Ibid.]. Однако основной проблемой, с которой столкнулись исследователи, связанные с FEPA, было отсутствие финансирования для формирования постоянного секретариата, который бы мог вести дела ассоциации, и чрезвычайно малое число людей, которые были заинтересованы в деятельности ассоциации. По мнению Б.-Ф. Гролье, это было связано с тем, что в течение первых пятидесяти лет археологическая наука не приобрела достаточной популярности в Юго-Восточной Азии в силу специфики исследований, приносящих медленные результаты, основ и методов, нуждающихся в проверке временем, и неустойчивости политической ситуации в регионе [Ibid.]. Таким образом, был выбран курс на укрепление связей между FEPA и Тихоокеанской научной ассоциацией (Pacific Science Association, PSA), в результате чего FEPA согласилась выступить соорганизатором заседания отдела антропологии на IX Тихоокеанском научном конгрессе, состоявшемся 18–30 ноября 1957 г. в Бангкоке.

Партнерство с PSA определило вектор развития FEPA на ближайшие годы. VI конгресс FEPA состоялся на очередном заседании X Тихоокеанского научного конгресса, проходившего в Гонолулу,

США (21 августа – 6 сентября 1961 г.). Так же совместно были проведены 22 августа – 8 сентября 1966 г. XI Тихоокеанский научный конгресс и VII конгресс FEPA в Японии. Однако уже в 1971 г. сотрудничество прекратилось, что было связано с тем, что из-за большого количества участников (почти 6 тыс. человек XI конгресса в Японии) австралийские организаторы XII конгресса приняли решение сократить число участников до 2 тыс. человек. Это подтолкнуло их к идее изменения формы проведения мероприятия, который был основан на дисциплинарных заседаниях, что было одной из основных причин сотрудничества между FEPA и PSA. Теперь их предлагается заменить серией междисциплинарных симпозиумов на общие темы. Согласно Сольхейму, решение Австралийского организационного комитета было связано с тем, что на конгрессе PSA стали доминировать встречи специалистов, что противоречило мандату ассоциации, нацеленной на междисциплинарный формат для обсуждения научных вопросов и приоритетов развития в Тихоокеанском регионе [Golson, 1998, p. 4–5].

6–12 января 1971 г. в Канберре состоялся XXVIII Международный конгресс востоковедов, ставший основанием для проведения VIII конгресса FEPA в качестве секционной программы после обращения к его президенту Артуру Ллевиллену Бэшему. Это мероприятие ознаменовало собой участие FEPA в качестве полноправного участника программы и оказание ей финансовой и организационной поддержки наравне с собственными традиционными секциями конгресса [Ibid.]. Прецедент не мог не порадовать членов FEPA и породил у них мысли о независимости от PSA.

В 1975 г. организаторы XIII конгресса PSA в Ванкувере планировали вернуться к прежнему формату своих заседаний, существовавшему до конгресса в Канберре, но из-за отсутствия инициативы со стороны организаторов участия FEPA не состоялось.

Однако FEPA получила приглашение провести свой IX конгресс в качестве секции на IX Международном конгрессе доисторических и протоисторических наук в 1976 г. в Ницце. По итогам конгресса ассоциация согласилась провести X конгресс под названием Индо-Тихоокеанская доисторическая ассоциация (Indo-Pacific Prehistory Association; IPPA), который проходил в Нью-Дели в декабре 1978 г.

В 1983 г. IPPA вернулась к PSA с целью снова сделать Юго-Восточную Азию центром проведе-

ния своих независимых конгрессов. XI Конгресс проходил в Новой Зеландии в Данидине одновременно с XV Тихоокеанским научным конгрессом [Ibid., p. 5–6].

26 января – 2 февраля 1985 г. состоялся XII конгресс в Маниле. Эта встреча сыграла большую роль в истории IPPA, поскольку последующие конгрессы проводились и проводятся на территории Юго-Восточной Азии: в Токио – 1987 г., Джакарте – 1990 г., Чиангмае – 1994 г., Маллаке – 1998 г., Тайване – 2002 г., Ханое – 2009 г., Сиенрапе – 2014 г., Хюэ – 2018 г. и Чиангмае – 2022 г. Успех XII конгресса состоял в том, что ассоциация вышла на самостоятельный уровень, который со временем укреплялся.

За 90 лет ассоциации проведены 22 конференции. За время своего существования ассоциация превратилась в международную площадку, предоставляющую исследователям возможность для обмена мнениями и сотрудничества в изучении предыстории Тихоокеанского региона. Необходимо отметить, что работа ассоциации выстраивается вне политического контекста. Участие российских исследователей в конгрессах IPPA содействует установлению академических связей и обмену научной информацией, а в будущем – достижению целей устойчивого развития и процветания ассоциации.

*Научный руководитель – А.В. Табаров,
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Сергиенко В.И., Штец М.Б. 100 лет Тихоокеанской научной ассоциации // Вестник ДВО РАН. 2020. № 6. С. 124–146.

Табарев А.В., Федорова А.А. «Чтобы спасти от забвения...» Из истории французских археологических исследований в Индокитае // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 2. С. 5–17.

Golson J.G. From FEPA to IPPA: the remaking of an institution // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. 1998. Vol. 17. P. 3–12.

Groslier B.-P. The Far-Eastern Prehistory Association 1953–1957 // Asian Perspectives. 1957. Vol. 1, N 1/2. P. 5–9.

Groslier B.-P. XI. Les Sciences humaines au IXe Congrès des Sciences du Pacifique // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. 1959. Vol. 49. P. 659–669.

From the History of the Congress of the Indo-Pacific Prehistoric Association During XX-XXI Centuries

S.S. Shtevskii

This article talks about the history of the creation and development of the Indo-Pacific Prehistoric Association, which is a regional archaeological organization in the Pacific region. The role of the association in the international study of the archeology of the countries of the Pacific basin is demonstrated.

Keywords: Indo-Pacific Prehistory Association, Far Eastern Prehistory Association, Pacific Region, international scientific organizations, historiography.

Штевский Сергей Сергеевич

магистрант 1-го года обучения

Новосибирский государственный университет

e-mail: s.shtevskii@g.nsu.ru

Shtevskii Sergey Sergeyevich

1st year master's degree student

Novosibirsk State University

e-mail: s.shtevskii@g.nsu.ru

УДК 902.2(5):069(510)

Археологические коллекции кочевников Жужанского каганата в двух музеях Китая

Юй Лян

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Коллекция жужанского периода имеется в Археологическом музее Северных династий (г. Цычжоу в провинции Хэбэй). Она состоит из находок, обнаруженных при раскопках в 1978–1979 гг. гробницы принцессы из племени жуйжуй (жужаней) [Чжу Цюаньшэн, Тан Чи, 1984]. Основными видами находок являются изделия из керамики, железа, бронзы и других материалов. Наибольшее внимание заслуживают терракотовые статуэтки. Они изображают северных кочевников (7 экз.), шамана (1 экз.), верблюдов (2 экз.) и лошадей (6 экз.). Особой является статуэтка шамана, потому что в древнекитайской культуре нет таких изображений. Ее обнаружение в гробнице принцессы указывает, что религией народа жужаней был шаманизм. Статуэтка изготовлена из глины серого цвета. Она имеет высоту 29,8 см. У шамана на голове изображен красный головной убор. Отметим также красный халат с круглым вырезом и широкими рукавами. В левой руке шаман держит ритуальный сосуд, а его правая рука приподнята и показана, как у танцующих людей. Фигура представляет собой старика с длинной бородой, с улыбкой и естественным выражением лица. Технология производства терракотовых статуэток такова: сначала голова и туловище изготавливались по отдельности, а потом они соединялись. Затем наносился тонкий слой белой краски на поверхность статуэтки, и одежда раскрашивалась цветными пигментами.

Коллекция жужанского периода также находится в Историческом музее провинции Шэньси

(г. Сиань). С ноября 2014 г. по июль 2015 г. производились раскопки древней гробницы, в которой находилось совместное захоронение жужанского генерала Цицю Сяода и его жены из сяньбийского племени туюхунь [Лю Доюнь, Чэн Сюй, 2019]. Обнаружено много различных реликвий. Среди них имеются терракотовые статуэтки, выполненные в разных стилях. Отмечены скульптурные изображения, характерные для северных кочевников (люди и животные). Среди них выделяются статуэтки, показывающие жужанскую кавалерию в доспехах. Всего найдено 7 экз. высотой 16 см (длина лошади 19 см). Всадники имеют шлемы. Хорошо отражена структура и форма доспехов. Показаны штаны и обувь. Конь изображен с опущенной головой. Его тело покрыто доспехами. У животных хорошо проработаны основные части. Судя по ним, лошади были крепкими. Технология производства указанных статуэток такова: тела кавалеристов и скакунов формировались отдельно, а затем соединялись вместе; внутри они полые.

Возраст обеих гробниц определен исследователями поздним этапом существования Жужанского каганата [Юань Ган, 2021]. В эпитафии принцессы четко написано, что она являлась внучкой жужанского хана Анагуя, который правил с 520 по 552 г. н.э. Поскольку в то время Жужанский каганат хотел наладить дружеские отношения с правителями династии Восточной Вэй, то Анагуй отдал в жены свою внучку для создания императорской семьи. Артефакты в гробнице принцессы –

это в основном терракотовые статуэтки в кочевом стиле. Северные инородцы имеют черты лица, характерные для некоторых жужанских народов. Верблюды и лошади – это животные, которые традиционно выращивали кочевники. Армия Жужанского каганата состояла в основном из кавалерии. Поэтому фигурки лошадей показаны с седлами и уздой.

Китайские ученые датировали гробницу жужанского генерала серединой VI в., т.е. концом существования каганата. Эпитафия гласит, что генерал стал чиновником в сяньбийской державе Тогон. Он был оценен правителем Тогона, который выдал за него свою четвертую дочь. Пара вернулась в Жужанский каганат, но затем переехала жить в город Чанъянь. Умер генерал в 541 г. Хотя он был военным атташе, в склепе не оказалось оружия. В основном найдены керамические статуэтки, которые демонстрировали жужанскую кавалерию в доспехах. Одна статуэтка связывается с изображением сяньбийского представителя. В исторических документах указано, что основным отличием жужанского народа являлась прическа. Их предок когда-то был захвачен и поработен племенем сяньби, которое двигалось на запад. Поэтому терракотовые статуэтки с изображениями сяньби, найденные при раскопках, отражают особенности взаимодействия разных групп кочевников.

Считается, что благодаря постепенному увеличению количества археологических находок появ-

ляются возможности восстановления особенностей культуры народов Жужанского каганата [Крадин, 2007; Тишкин, 2007].

*Научный руководитель – А.А. Тишкин
д-р ист. наук, профессор,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 409 с.

Лю Дайюнь, Чэн Сюй. Краткое сообщение о раскопках совместного захоронения принцессы из народа туюхунь и жужанского генерала династии Западное Вэй в г. Сиань провинции Шэньси [刘呆运, 程旭. 陕西西安西魏吐谷浑公主与茹茹大将军合葬墓发掘简报] // Каогу юй вэньбу. 2019. № 4. С. 36–60 (на кит. яз.).

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. 356 с.

Чжу Цюаньшэн, Тан Чи. Хэбэй. Краткое сообщение о раскопках могилы жужанской принцессы в уезде Сисянь провинции Хэбэй [朱全升, 汤池. 河北磁县茹茹公主墓发掘简报] // Вэньбу. 1984. № 4. С. 97–102 (на кит. яз.).

Юань Ган. История национальных меньшинств в северном Китае: жужани [袁刚. 中国古代北方民族史·柔然卷]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2021. 184 с. (на кит. яз.).

Archaeological Collections of the Rouran Kaganate Nomads in two Museums in China

Yu Liang

The Rouran Kaganate occupies an important place in the history of Inner Asia for almost two centuries (2nd half of the 4th century – 1st half of the 6th century AD). There are Chinese written sources that reflect many of the events of this period and detail the activities of Rouran leaders. However, there is little archaeological evidence in the territory of Mongolia, China, and Russia. This publication briefly presents museum collections of the Juan-Juan period from two Chinese museums (the Northern Dynasty Archaeological Museum and the Shaanxi Provincial Historical Museum). They show items found in two different tombs from the late stage of the Rouran Kaganate and allow to reconstruct some aspects of the nomadic culture. The study of these findings will allow a comparative analysis with other archaeological materials, as well as reconstruct various aspects of life and activities of the population of Inner Asia Rouran period.

Keywords: Rouran Kaganate, museum, archaeological collection, nomads.

Юй Лян

магистрант 1-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: yul388329@gmail.com

Yu Liang

1st year master's degree student

Altai State University

e-mail: yul388329@gmail.com

История науки, историография, теория и методология археологии

УДК 902.2+55(571.51)

Полевой дневник Г.А. Авраменко как источник по изучению археологии Ачинского района

А.Е. Арефьев

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В Ачинском краеведческом музее им. Д.С. Каргополова хранится личный архив геолога, археолога и краеведа Георгия Александровича Авраменко (1911–1974). Этот ворох разрозненных записей, пожелтевшие ученические тетради и объемистые папки черновиков в музее называют «чемоданом Авраменко» по аналогии со знаменитыми «портфелями Миллера». За почти двадцатилетнее вынужденное пребывание в Ачинске, совершенно чужом и незнакомом для него городе, Г.А. Авраменко сделал многое для изучения археологии и истории здешних мест, и переоценить этот вклад трудно. Им были открыты Ачинская палеолитическая стоянка и Белоярское поселение, осмотрены и заново изучены Айдашинская пещера и Ачинские городища – памятники археологии, получившие впоследствии широкую известность. Неудомимый исследователь, не растерявший за годы, проведенные в северных геологических шарашках Норильлага, интерес к жизни и науке, он писал письма «сильным мира сего» – А.П. Окладникову, С.М. Цейтлину, В.Е. Ларичеву, З.А. Абрамовой и пр. – с просьбами о помощи в организации раскопок. И они помогали. У самого Г.А. Авраменко осталось две официальные научные публикации и несколько заметок в местных газетах – опубликовать большее ему в силу разных обстоятельств не удалось. От этого сохранившиеся материалы личного архива становятся только ценнее, а введение их в научный оборот снова предоставляет слово ученому из маленького провинциального городка.

Среди всех документов наиболее примечательна общая серо-зеленая тетрадь, прошитая по переплету. На титульной странице надпись: «Рабочая тетрадь работ летнего сезона сотрудника Ачинского краеведческого музея Г.А. Авраменко. Начата 1-го мая 1956 г.». Тетрадь не была пронумерована, поэтому при оформлении ссылок нумерация начинается с первой, титульной страницы. Аккуратным или торопливым почерком, перьевой ручкой или графитными карандашами в этой тетради зафиксированы археологические наблюдения Г.А. Авраменко за полевые сезоны 1956 и 1957 гг. Стоит отметить, что свои экскурсии по району он совершал, зачастую повторяя маршруты П.Е. Чернявского и А.В. Блуменау – сотрудников Ачинского музея 1920–1930-х гг., отсюда частичные заимствования их выводов или совпадения с ними. Полевой дневник Г.А. Авраменко не только освещает круг его научных интересов, но и является важным источником по изучению археологии Ачинского района – о некоторых памятниках или осмотренных территориях больше нигде не упоминается.

В начале мая 1956 г. Г.А. Авраменко посещает Ачинское городище, находящееся на правом берегу р. Чулым, на территории Слюдфабрики и записывает в полевом дневнике общую информацию о нем, а также сведения о найденном подъемном материале: «На площади дворов городища на поверхности были собраны фрагменты посуды в количестве 43 шт. и кости (зубы) животных» [Рабочая тетрадь..., 1956, с. 1–6]. Оказавшись на памятнике

месяц спустя, он фиксирует стратиграфию обнажения юго-восточной части через вал городища с отметкой уровня залегания культурного слоя [Рабочая тетрадь..., 1956, с. 17–19]. В примечании с основными данными и заключением полевые наблюдения самого Г.А. Авраменко смешаны с подробным конспектом статьи В.Г. Карцова, проводившего раскопки городища в 1929 г., рисунки предметов также сделаны по сохранившимся черновикам 1930-х гг. [Рабочая тетрадь..., 1956, с. 21–23, 49–51, 54–61]. На сегодняшний день памятник «Ачинское городище-1» полностью разрушен.

Продолжая экскурсию по правому берегу р. Чулым, 25 мая Г.А. Авраменко осматривает обнажения горы Илек, расположенной в 2 км севернее железнодорожного моста. Подробно описав стратиграфию четырех крупных обнажений, Г.А. Авраменко утверждает, что отметка уровня костных остатков ископаемых животных по отношению к р. Чулым – ок. 30 м. Для этой местности характерно наличие четырех террас, которыми и представлены четвертичные отложения, развитые на берегах р. Чулым. По мнению Г.А. Авраменко, в конце третичного времени и к началу постплицена рыхлые осадочные отложения были размыты и на них налегли отложения, характерные для террас [Рабочая тетрадь..., 1956, с. 9–17].

Описывая геологический разрез пятиметрового карьера Ачинского кирпичного завода, Г.А. Авраменко отмечает, что в третьем слое – плотном тяжелом суглинке – встречаются кости ископаемых животных хорошей сохранности (*Elephas primigenius*, *Rhinoceros tichorhinus*) [Рабочая тетрадь..., 1956, с. 7–9]. Сам карьер расположен в окрестностях пос. Мазульский, на второй террасе р. Чулым. В полутора километрах к югу от этого поселка находится один из самых известных памятников Ачинского района, открытый еще в XIX в., – Айдашинская пещера. Г.А. Авраменко посещает его 1-го июня 1956 г. совместно с директором Ачинского музея Е.М. Засецким, его дочерью Э.Е. Засецкой и художником В.Н. Михайловым. В дневнике рядом со схематичным рисунком отмечено: «Эта пещера, по видимости, является карстовой воронкой. Размыв и выщелачивание по вертикальному ходу, который соответствует направлению основного падения известняков» [Рабочая тетрадь..., 1956, с. 19–20]. Уже через год, 26 августа 1957 г., Г.А. Авраменко первым производит топосъемку пещеры, создает ее планы в вертикальном и горизонтальном разрезах, составляет ее подробное описание [Рабочая тетрадь..., 1956, с. 62–68].

Вместе с Е.М. Засецким и научным сотрудником З.В. Аузиной в конце июня – начале июля 1956 г. Г.А. Авраменко побывал на территории городища

у Канонеровского озера (сейчас это ОАН «Городище Ачинское-2»). В качестве заключения – три предложения: «Площадь городища густо заросла травой и дерном, участками редким кустарником. Изредка встречаются на откосе к озеру обломки костей животных и очень мелкие фрагменты посуды. Других существенных находок не сделано. Предварительная рекогносцировка определила его размеры и общую ориентировку по месту» [Рабочая тетрадь..., 1956, с. 24–29]. Многочисленные углубления на площади городища Г.А. Авраменко связывает с более ранними полевыми работами, но в статье 1963 г., посвященной Ачинским городищам, ошибочно утверждает, что раскопок на втором городище не проводилось [Авраменко, 1963, с. 105].

В июле-августе 1956 г. Г.А. Авраменко совершает несколько поездок за пределы Ачинского района. Он посещает д. Симоново в 30 км севернее г. Ачинска с целью ознакомления с геологическим строением естественных обнажений, где еще в 1929–1930 гг. были обнаружены отпечатки древних растений [Рабочая тетрадь..., 1956, с. 30–36]. Совместно с В. Калашниковым осматривает месторождение «Каменный ключ», северо-западные склоны хр. Арга, от Назаровского тракта по направлению на запад. Для коллекций краеведческого музея были собраны 20 штучков известняка и кварца, а также взяты образцы кальцитовых пленок (прослоек) [Рабочая тетрадь..., 1956, с. 37–41]. 30 августа – поездка в Боготол, в ходе которой были осмотрены обнажения правобережья р. Чулым в Боготольском районе, рудник «Галкинский» и территория села Боготольский завод [Рабочая тетрадь..., 1956, с. 42–47, 52–53].

Будучи геологом по образованию, при описании того или иного места Г.А. Авраменко большое внимание уделял его геоморфологическим особенностям. Они во всей полноте представлены в полевом дневнике 1956–1957 гг. Вместе с тем, на страницах дневника находят свое отражение и результаты археологических работ. В дальнейшем увлечение Г.А. Авраменко археологией приведет к тому, что в 1960–1970-е гг. им будут открыты несколько новых археологических памятников (например, Ачинская палеолитическая стоянка, Белоярское и Старойдашинское поселение). В настоящее время на государственной охране находится только два объекта из числа осмотренных Г.А. Авраменко в 1956–1957 гг.: ОАН «Городище Ачинское-2» и памятник природы «Айдашинская пещера». Продолжение работ с материалами личного архива Г.А. Авраменко позволит уточнить карту археологических и геологических памятников Ачинского района.

Автор выражает особую благодарность администрации МБУК «Ачинский краеведческий музей им. Д.С. Каргополова» и лично Марине Михайловне Качан за возможность работы с архивными материалами.

*Научный руководитель – П.О. Сентрусова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
лаборатория археологии Енисейской Сибири,
Сибирский федеральный университет*

Источники

Рабочая тетрадь летнего сезона 1956 г. сотрудника Ачинского музея Г.А. Авраменко // Материалы Ачинского краеведческого музея им. Д.С. Каргополова.

Список литературы

Авраменко Г.А. Городище таштыкской эпохи у г. Ачинска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 105–111.

Field diary of G.A. Avramenko as a Source for the Study of Archaeology of the Achinsk District

A.E. Arefev

The field diary of geologist, archaeologist and local historian G. A. Avramenko is discussed in the article. The diary contains valuable information on the study of geology and archeology of the Achinsk district. The author reveals the research potential of further study of the materials from the personal archive of G. A. Avramenko.

Keywords: Achinsk district, settlements, Aydashinskaya cave, G.A. Avramenko, field diary.

Арефьев Анатолий Евгеньевич
студент 3-го курса
Сибирский федеральный университет
e-mail: tolya.arefev.2002@mail.ru

Arefev Anatoly Evgenievich
3rd year student
Siberian Federal University
e-mail: tolya.arefev.2002@mail.ru

УДК 930 + 903.02

Якутский чорон и его значение в контексте триподной керамики

В.С. Белимов

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Данная статья посвящена одному из сосудов на трех ножках, который тесно связан с разновидностями триподной керамики, – якутскому чорону. Мы рассмотрим якутский чорон не только как один из примеров сосуда на трех ножках исходя из его происхождения, но и то, как чорон может быть связан с триподной керамикой, на основе исследований и трудов ученых-археологов.

Перед тем как мы будем анализировать сосуд чорон, следует дать определение понятия трипод. Это керамический сосуд, состоящий из 3 ножек, образующих целостный единый сосуд. В Китае, откуда, как предполагается, и распространился трипод, этот сосуд обозначается как треножник Дин (кит. 鼎).

Чорон – это деревянный сосуд кубковидной формы, предназначенный для сакральных обрядов и ритуальных церемоний. Имеет форму кубка. Выделывали чорон из цельного куска березы особым ножом (изт) с выгнутым концом. Процесс создания кубка был от начала до конца ручным, и потому формы изделий никогда не были одинаковыми, безликими, в них обязательно присутствовала «живинка». Орнамент выполняли различными специальными ножами. Форма чорона строится на основе строгой системы пропорциональных отношений.

Его объем расчленяется на четыре части, гармонично соподчиненные одна другой: горло с венчиком, плечо, тулово, поддон. Его главная особенность, в отличие от, например, триподной керамики, заключается в материале, из которого он изготовлен.

Чороны на одной ножке более объемные. Они предназначены для коллективного пользования. Торжественное испытание кумыса осуществляется по кругу во время праздника. Чороны на трех ножках более приземисты, небольших размеров, предназначены для индивидуального пользования. Ножки всегда стилизованы, а порой схожи с лошадиным копытом.

Одним из первых, кто взялся за изучение вопроса о происхождении якутского чорона, был на тот момент руководитель Ленской историко-археологической экспедиции, будущий академик Академии наук СССР А.П. Окладников. Он выдвинул предположение о том, что якутские кумысные сосуды возникли в результате слияния традиций изготовления местных древних глиняных горшков и скифских медных котлов, поэтому формы чоронов полностью повторяют формы круглодонных и удлиненно-яйцевидных глиняных горшков эпохи неолита, бронзового и железного веков, а ко-

нический поддон чорона копирует ножку скифского котла [Окладников, 1955, с. 430]. «Чороны представляют собой исключительное достояние материальной культуры якутов. Таких сосудов нет сейчас ни у одного народа», – писал А.П. Окладников в своей работе «Якутия до присоединения к Русскому государству» [1955, с. 350].

Возможную схему возникновения чорона приводит В.В. Ушницкий: «В целом схема образования чорона представляется нам примерно следующей: на ножки-подставки, привнесенные на среднюю Лену тюрками, водружались круглодонные керамические сосуды, издавна существовавшие у палеоазиатов Якутии. Со временем ножки и тулово ритуальных сосудов стали делаться цельными, что отличало их от обыденных горшков. Окончательно оформление чорона произошло, по всей вероятности, довольно поздно, что нашло отражение в устных народных преданиях об Элляе, которого легенды персонифицируют как изобретателя кумысной посуды. А.Н. Алексеев считает чороны результатом симбиоза аборигенной культуры палеоазиатов (тулово и орнамент чорона) и культуры пришлых тюрков (ножки, ритуально-культовое предназначение чоронов). В настоящее время чороны имеются только у якутов и являются, по его мнению, своеобразным показателем синтезированного этнического происхождения народа саха» [Ушницкий, 2008, с. 124–128].

Наиболее полно связь якутского чорона с триподной керамикой в одной из своих научных статей показывает А.Н. Алексеев [2020]. Он утверждал, что в эпоху ранних металлов и в Средние века триподы после распространения в древних культурах Монголии и соседнего с Якутией Забайкалья могли попасть в Якутию и дать начало появлению у якутов глиняной посуды на трех ножках, которая вполне могла быть промежуточной формой на пути от триподов до классических чоронов. Треножники

«дин» и аналогичные им триподы «ли» являются в Китае жертвенными сосудами, это обстоятельство сближает их с якутскими чоронами еще и в семантическом плане.

Известно, что триподы часто встречаются в археологических памятниках хунну [Цыбиктаров, 1998]. Якутские чороны на трех ножках могли быть прототипами триподов, потому как истоки праздника Ысыах, одним из символов которых является чорон, исследователи связывают с культурой хунну [Романова, 1994, с. 86]. Не исключено, что древние образцы чоронов-треножников, особенно украшенных традиционным у хунну и якутов орнаментом [Иванов, 1975, с. 180], могли быть связаны с триподами, распространенными в культурах хуннского круга.

*Научный руководитель – Е.В. Ковычев
канд.ист.наук, зав. лабораторией
археологии и этнографии,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

- Алексеев А.Н.** Якутский чорон // Наука и техника в Якутии. 2020. № 2 (39). С. 85–90.
- Иванов С.В.** К вопросу о хуннском компоненте в орнаменте якутов // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975. С. 174–184.
- Окладников А.П.** История Якутской АССР. М.; Л.: Академия наук СССР, 1955. Т. 1. Якутия до присоединения к Русскому государству. 440 с.
- Романова Е.Н.** Якутский праздник Ысыах: Истоки и представления / отв. ред. Ю.Б. Симченко. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1994. 159 с.
- Ушницкий В.В.** К вопросу о происхождении якутского чорона // Материалы Первых Потаповских чтений. Якутск, 2008. С. 124–128.
- Цыбиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 288 с.

Yakut Choron and its Meaning in the Context of Tripod Ceramics

V.S. Belimov

This article is devoted to one of the vessels on three legs, which is closely associated with varieties of tripod ceramics – the Yakut choron. We will consider the Yakut choron as not only one of the elements of tripod ceramics, based on its origin, but also a possible connection between choron and tripod ceramics based on the research and work of archaeologists. Yakut choron has cultural significance in the context of tripod ceramics and tripods in particular. The peculiarity of this vessel on three legs lies in the origin in the ornament, including in the traditions of the Yakut culture. After all, the Yakut choron is one of the symbols of the Yakut culture. It is worth noting the connection with the culture of the Xiongnu. The use of choron in everyday life is also important in the context of the description of this vessel.

Keywords: choron, tripods, vessels, background.

Белимов Виталий Сергеевич

студент 3-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: vitaliy.belimov00@mail.ru

Belimov Vitaly Sergeevich

3rd year student

Transbaikal State University

e-mail: vitaliy.belimov00@mail.ru

Деятельность В.А. Городцова в Государственном историческом музее

М.Д. Бирюков

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Василий Алексеевич Городцов – знаковая фигура в отечественной науке о древностях. Он открыл и исследовал большое число памятников, систематически обработал и ввел в научный оборот значительное количество археологического материала. Василий Алексеевич создал научную школу, которая насчитывала не одно поколение исследователей, участвовавших в формировании отечественной археологии. Помимо этого В.А. Городцов создал методику полевых исследований археологических памятников, научную классификацию древностей, разработал теорию типологического и сравнительного методов в археологии [Клейн, 2014, с. 589–592]. Примечательна также его работа с культурным наследием и вклад в музейную практику. С 1906 по 1929 г. В.А. Городцов служил в Государственном историческом музее. К сожалению, пока эта деятельность слабо изучена. Именно этот фактор обозначает актуальность нашего исследования, целью которого является оценка вклада В.А. Городцова в развитие Государственного исторического музея, а также в практические и теоретические музейные разработки.

В 1903 г., находясь еще на военной службе, Василий Алексеевич занимал в музее должность нештатного, а затем младшего хранителя. С 1906 г., после выхода в отставку, он становится старшим хранителем и уже в первые годы на новом месте активно включается в работу, предложив «Проект устройства музея по отделу доисторических и курганных древностей». В проекте указывается необходимость по возможности быстро систематизировать все накопившиеся коллекции, сделать подвижной карточный каталог, устроить специальные кладовые для размещения археологического материала со специальным планом расположения полок и т.д. [Платонова, 2010, с. 200]. Основная работа при систематизации экспонатов заключалась, помимо уже существующего деления по хронологии, в строгом делении их по регионам, культурам, составлении подробного описания предмета, где фиксировались данные об обстоятельствах его обнаружения. Документ с описанием находки затем заносился в картотеку, аналогичным образом разбитую на категории. Применяя данные методы в Императорском российском историческом музее,

В.А. Городцов организовал первое в России хранилище археологических коллекций с четкой системой хранения и учета материала, на его основе он создал первую научную экспозицию в музее [Титов, 2020]. В послереволюционный период при Народном комиссариате просвещения РСФСР был учрежден Государственный ученый совет (ГУС), ведению которого подлежало общее методическое и программное руководство в области научной и художественной жизни, образования и воспитания. Василий Алексеевич в 1918–1926 гг. входил в коллегию Отдела по делам музеев, а в 1924–1925 гг. состоял председателем Археологической комиссии научной музейно-библиотечной секции ГУС. На посту руководителя этой комиссии В.А. Городцов пытался провести в жизнь свои теоретические воззрения на реформирование музейной и научной деятельности в новой России. В тот период им был подготовлен доклад «Идеальные типы археологических музеев, распределение в них археологических памятников и организация управления ими», прочитанный на заседании археологической комиссии Музейно-Библиотечной секции ГУС 25 февраля 1925 г. [Ананьев, 2013, с. 272]. Основные выводы доклада сводились к необходимости учреждения самостоятельного археологического отдела, который должен был: 1) вести работу по организации всех археологических музеев; 2) организовывать государственный археологический фонд; 3) консолидировать все археологические силы для исследования памятников древности на территории страны [Ананьев, 2013, с. 274–276]. Несмотря на признание выводов доклада «политически нецелесообразными», В.А. Городцову удалось провести расширение и коренную перестройку экспозиции археологических отделов Государственного исторического музея [Крупнов, 1938, с. 237]. За годы работы в музее Василий Алексеевич передал большое количество собственных находок фондам музея. Среди них отметим предметы из раскопок на городище Маджары (нумизматический материал, изделия из цветных металлов, железа, камня, стекла и кости, обломки посуды и изразцы) [Болдырева, 2018, с. 25–26], а также находки с раскопок Огубского городища, коллекция из сборов и раскопок «плотинной стоянки» Черепки [Археологические

памятники..., 1996, с. 10]. Помимо работы в Государственном историческом музее, В.А. Городцов занимался музейной деятельностью по всей стране, особенно в Сибири и Поволжье. Выражалось это не только в непосредственном участии в организации музейных коллекций и внедрении типологического метода, но и в сборе средств на постройку музеев, а также на восстановление музеев, разрушенных после революции и Гражданской войны. После посещения Красноярского краеведческого музея В.А. Городцов пришел к выводу о необходимости усиления сибирских музеев квалифицированными археологами. Для этого в разное время в Сибирь отправляются его ученики – В.П. Левашева (Омский, а затем Минусинский музей), В.Г. Карцов (Красноярский музей), Н.Ф. Катков (Омский, а затем Красноярский музей), С.М. Сергеев (Бийский музей) [Вдовин, Макаров, 2018]. Даже после увольнения из Государственного исторического музея в 1929 г. Василий Алексеевич продолжал принимать непосредственное участие в организации музеев в стране.

Вклад Василия Алексеевича Городцова в музейное дело не менее важен, чем его вклад в археологическую науку, и составляет важную часть научной биографии ученого. Основываясь на примере Государственного исторического музея, можно проследить, как благодаря внедрению типологического метода, а также строгой фондовой и экспозиционной организации в музеях появилась система и понимание особенностей сохранения археологических коллекций. Благодаря методикам, внедренным В.А. Городцовым, в музеях возникли новые методы хранения, каталогизации и экспонирования археологических коллекций. Дальнейшее развитие темы исследования предполагает поиск

и систематизацию информации о музейной деятельности В.А. Городцова с целью формирования наиболее полного представления о вкладе ученого в музейную деятельность.

*Научный руководитель – А.А. Тишкин
д-р ист. наук, профессор,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Ананьев В.Г. «Идеальный археологический музей» В.А. Городцова: из истории дискуссий 1920-х гг. // Археологические вести. 2013. № 19. С. 272–278.

Археологические памятники Окского бассейна / под ред. И.В. Белоцерковской, В.П. Челябинова. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1996. 188 с.

Болдырева Е.М. Предметы из раскопок В.А. Городцова на городище Маджары в 1907 г. (по материалам исторического музея) // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 25–30.

Вдовин А.С., Макаров Н.П. «Мне не раз выпадала мысль посмотреть ваши драгоценные коллекции и удивительный по своему богатству край»: Василий Алексеевич Городцов. Красноярск, 2018. URL: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/istoriya-muzeya/130-stranic-istorii-muzeya/mne-ne-raz-vypadala-mysl-posmotret-vashi-dragocennye-kollekcii-i-udivitelnyj-po-svoemu-bogatstvu-kraj-vasilij-alekseevich-gorodc> (дата обращения: 05.03.2023)

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. СПб.: Евразия, 2014. Т. 1. 694 с.

Крупнов Е.И. К 50-летию юбилею научной деятельности проф. В.А. Городцова // ВДИ. 1938. № 3. С. 236–237.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

Титов Г.И. Городцов и плакаты // Новая газета. Рязань. 2020. 9 апреля. URL: <https://novgaz-rzn.ru/novosti/12813.html> (дата обращения: 05.04.2022)

V.A. Gorodtsov's activity at the State Historical Museum

M.D. Biryukov

Vasilij Alexeevitch Gorodtsov – an iconic figure of the Russian science of antiquities, V.A. Gorodtsov discovered and investigated an extremely large number of monuments, systematically processed and introduced into scientific circulation a significant amount of archaeological material. Gorodtsov created a methodology for field research of archaeological sites, a scientific classification of antiquities of the USSR, developed a theory of typological and comparative methods in archaeology. The work of V.A. Gorodtsov with cultural heritage and his contribution to museum activities, in particular to the activities of the State Historical Museum, in which V.A. Gorodtsov served from 1906 to 1929, is noteworthy. Unfortunately, at the moment there is little research on the topic of V.A. Gorodtsov museum activities, in particular, his work at the State Historical Museum. In this work, the theoretical and practical developments introduced by V.A. Gorodtsov in the museum business are considered.

Keywords: V.A. Gorodtsov, State Historical Museum, Expositions, museum funds.

Бирюков Максим Денисович

студент 2-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: biryukov.m.d@mail.ru

Biryukov Maxim Denisovitch

2nd year student

Altai State University

e-mail: biryukov.m.d@mail.ru

Методические ограничения эксперимента в археологии: факторы постпроизводства и постутилизации на примере костяного инвентаря

А.Д. Керик

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

В последние годы экспериментально-трассологические изыскания древних артефактов прочно вошли в практику археологических исследований. Однако у любой реконструкции есть «пределы возможностей», на которые влияет целый ряд факторов: сырьевые, технологические, функциональные и тафономические.

Одна из главных проблем экспериментальной археологии – получение информации о состоянии и изменении артефакта в тафономическом контексте. Геологические процессы оставляют свой отпечаток на поверхности кости, и с учетом продолжительности их воздействия степень тафономических изменений может быть ощутимой. Изделие может потерять физическую целостность, могут быть видоизменены или уничтожены следы производства и утилизации артефакта. Все это приводит к тому, что при проведении эксперимента часть получаемой нами информации не может быть полностью соотнесена с археологической реальностью. А эта реальность, в свою очередь, не может быть нами воспроизведена – тафономические процессы длятся тысячелетия. Рассмотрению данной проблемы – соотношения экспериментального и археологического информационных полей костяного инвентаря – и посвящено сообщение. Ввиду ограничения объемов изложения отметим наиболее важные ее аспекты на примере наблюдений за артефактами из бивня.

Фактор сырья. Остеологическое сырье удивительно разнообразно по своим физическим характеристикам. Может быть твердым и колким, но при определенной подготовке становится гибким и пластичным [Волков, 2013, с. 152]. Следовательно, в различных своих состояниях оно по-разному реагирует на механическое раздражение: в одних случаях даже с применением усилий на его поверхности сложно оставить след, в других – от них сложно избавиться. Наиболее опасное его состояние, в ракурсе нашей темы, едва размягченное, что обеспечивается в условиях поверхностного залегания в любых почвах умеренного пояса. В этом состоянии увлажненные верхние слои кости и дентина становятся податливы даже минимальному физическому воздействию, вызванному геологическими

и биотическими процессами: микродвижения почв, корневая агрессия, жизнедеятельность микрофауны. Результатом данных воздействия являются сложности идентификации оставленных ими следов, разделение «информационных потоков» в следах на антропогенные и геолого-биотические.

Антропогенные следы воздействия, часто реконструируемые / целенаправленно получаемые в ходе экспериментов: 1) заполировка поверхности, 2) сколы, 3) царапины, надрезы и выбоины. Наименее устойчивы к тафономическим испытаниям из обозначенных – следы заполировки. Заполировка – это комплекс взаимосвязанных механических (микроабразивных) и физико-химических процессов, соотношение между которыми обусловлено видом обрабатываемого материала [Поплевко, 1999, с. 25]. В естественных условиях заполировка служит некой защитой кости от разрушения, однако она, как правило, формируется не на всей поверхности изделия, а в местах взаимодействия с другими материалами. Она очень чувствительна к химическому воздействию и отзывчива к «изменению естественной среды», т.е. в условиях тафономических перемен быстро исчезает. О том, что какие-то части изделий ранее могли быть подвергнуты заполировке, археологи чаще рассуждают не на примерах ее анализа, по степени гладкости поверхности кости. К сожалению, сложно привести пример специального исследования именно заполировки археологического артефакта, тема требует участия отдельных специалистов (не археологов).

Фактор предтафономического состояния сырья. При рассмотрении фактора тафономического воздействия на кость необходимо иметь представления о ее состоянии, в котором она находилась перед «погребением». Выделяют шесть стадий [Behrensmeyer, 1978, p. 151], по-разному отклиkaющихся на продолжительность геологического депонирования. Здесь важную роль играет степень выветренности поверхности кости, что проявляется в наличии мелких и крупных продольных трещин, отслоев, обеспечивающих глубокое проникновение химических и физических агрегатов в полость кости и последующего ее разрушения. Многие артефакты значительное количество времени проводят

на открытой поверхности, перед тем как перейти к фазам геологической фоссилизации. Успевают пройти не только некоторые фазы саморазрушения, но и приобрести постутилизационные следы антропогенного воздействия [Behrensmeyer, Gordon, Yanagi, 1986, p. 769]. К примеру, раздавленная ногой человека игла с разломом в медиальной зоне ничем не отличается от иглы, поврежденной в ходе производственного процесса. Следы воздействия, которые костяные артефакты получают в «горизонте утаптывания», при целевом наблюдении могут быть неверно интерпретированы.

Химический фактор тафономического контекста. У каждого типа почвы свой химический фон, способствующий консервации кости, либо работающий в обратном направлении. Если обратиться к первому варианту, то для палеолитических артефактов актуален анализ развития марганцевых пленок – дендритов. Они не только консервируют кость, но и скрывают микроследы, интересующие археологов. Вероятно, существуют способы очистки кости от покрова дендритов, но, скорее всего, мы потеряем и то, что нас интересует – заполировку, микроцарапины.

Биотические факторы воздействия. К биотическим факторам относятся не только погрызы мелких и крупных животных, оставляющие, как правило, хорошо идентифицируемые макроследы, но и воздействие корневой системы растений на кость. Корнеходы иногда до неузнаваемости меняют «оформление» поверхности кости, примером являются гравированные ребра из Сохатино IV, которые сегодня интерпретируются «переплетениями корнеходов» [Кириллов, 1980, с. 241].

Факторы постафономического воздействия. Не стоит забывать о том, что при подъеме материала, мы, несомненно, теряем определенное количество информации при первичной и вторичной (музейной)

обработке. Чистка сухими кистями с мягким ворсом может «вернуть» следы заполировки в те места, где ее изначально могло и не быть (все зависит от степени усердности практиканта, поставленного на «камералку»). Обработка артефакта в музее может нас «порадовать» и новыми следами, и огорчить утратой едва переживших тафономический период.

Таким образом, для адекватного восприятия экспериментальной реальности необходимо в сознании держать многофакторность воздействия на кость временного промежутка, неподвластного эксперименту.

Научный руководитель – Т.А. Горбунова
канд. ист. наук, доцент,
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
Научный консультант – И.В. Шмидт
канд. ист. наук, доцент,
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского

Список литературы

- Волков П.В.** Опыт эксперимента в археологии / отв. ред. М.В. Шуньков. Новосибирск: Наука, 2010. 323 с.
- Кириллов И.И.** Предметы изобразительного искусства палеолитического поселения Сохатино IV (Титовская сопка) // Звери в камне. Новосибирск: Наука, 1980. С. 239–246.
- Поплевко Г.Н.** Восстановление внутренней структуры поселения пос. Константиновское (по данным трасолого-планиграфического анализа) // Первые Семеновские чтения. СПб., 1999. С. 95–97.
- Behrensmeyer A.K.** Taphonomic and ecologic information from bone weathering. *Paleobiology*. 1978. Vol. 4 (2). P. 150–162.
- Behrensmeyer A.K., Gordon K.D., Yanagi G.T.** Trampling as a cause of bone surface damage and pseudo-cutmarks. *Nature*. 1986. Vol. 319. P. 768–771.

Methodological Limitations of the Experiment in Archaeology. Factors of Post-Production and Post-Utilization on the Example of the Bone Tools

A.D. Kerik

The paper features the problems of limiting the operability of an experiment in archaeology. The exceptional importance of bone objects as an archaeological source cannot be overestimated. The paper describes some methodological problems that arise during trace examination of archaeological bone collections. The raw material features of the bone cause an accelerated process of formation and destruction of traces on the surface of tools and products. The totality of biotic, chemical and posttaphonomic factors determines the preservation of archaeological material.

Keywords: experimental archaeology, organic materials, bone industry, bone tools, traces.

Керик Анна Дмитриевна
студент 3-го курса
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
e-mail: a-kerik@mail.ru

Kerik Anna Dmitrievna
3rd year student
F.M. Dostoevsky Omsk State University
e-mail: a-kerik@mail.ru

История изучения раннесакского времени Восточного Казахстана: вопросы периодизации и хронологии*

Б.Т. Косылбаев

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Важное место на сцене древней археологии степей Казахстана занимают памятники Восточно-Казахстанского региона, в частности погребально-поминальные объекты. Первые изыскания на данной территории были проведены под руководством академика Г.Ф. Миллера в 1733–1743 гг. Именно тогда впервые были исследованы археологические памятники Восточного Казахстана. В 1768–1774 гг. исследования проводились под руководством П.С. Палласа. Немаловажную роль играет исследовательская работа Г.И. Спасского, оставившего важную информацию о регионе [Омаров, 2015, б. 18].

Большой вклад в изучение погребальных памятников раннего сакского периода Восточно-Казахстанского региона внес академик В.В. Радлов. В 1865 г. он проводил работы по обследованию семи курганов в верховьях р. Бухтармы и был первым, кто сделал попытку определить возраст памятников [Радлов, 1989, с. 14–69].

В 1910 г. под руководством В.И. Каменского в верховьях Иртыша были проведены раскопки курганов в Семипалатинской области. Можно считать это первой археологической экспедицией, работавшей в данном районе [Омаров, 2015, б. 19]. В 1906, 1910–1911 гг. А.В. Адрианов на территории Семипалатинской области провел археологические раскопки на могильнике Майемер и датировал его пазырыкским временем [Адрианов, 1916, с. 8–18].

В 20–30-х гг. XX в. М.П. Грязнов делает научный анализ памятников и относит их в отдельную категорию – курганные захоронения, классифицируя отдельные предметы сравнительно-сопоставительным методом. С этого момента в восточном регионе Казахстана начинается планомерное научное изучение археологических памятников раннего железного века [Грязнов, 1947].

С 1935 по 1971 г. на территории Восточного Казахстана проводились комплексные археологические исследования под руководством С.С. Черникова. На протяжении нескольких лет Археологической экспедицией Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР во главе с С.С. Черниковым были изучены более семидесяти курганов раннего железного века [Черников, 1968, с. 63].

Под руководством С.С. Сорокина в 1961–1963 гг. проводились раскопки памятников под Катон-Карагаем и могильника Курту II в верховьях р. Бухтармы. По материалам захоронения человека с лошастью из могильника Курту II была расширена хронология раннего железного века до IX в. до н.э. [Сорокин, 1966, с. 39]. Позднее на основе всестороннего анализа погребальных комплексов Горного Алтая А.А. Тишкин выделил бийкенскую культуру аржано-майемерского этапа и обоснованно отнес данный памятник к этой культуре [Тишкин, 2003].

С 60-х гг. XX в. в Восточном Казахстане начали систематически изучаться памятники раннесакского периода. В качестве предпосылок можно назвать создание археологических карт в ходе археологических изысканий на территории Шульбинской ГЭС в 1955 г. Впоследствии в 1965–1974, 1982 гг. исследованием памятников занималась Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством Ф.Х. Арслановой [Арсланова, 1974]. В частности, ею был изучен один из крупнейших погребальных комплексов – Зевакинский могильник, в котором присутствовали погребения VIII–VII вв. до н.э.

А.С. Ермолаева впервые проанализировала материалы Измайловского комплекса VIII–VII вв. до н.э. Сведения, полученные из данного памятника, были систематизированы и классифицированы с описанием строения кургана (огражденный, либо без ограждения, каменный ящик, деревянный гроб), способа захоронения (захоронение человека с правой стороны погребенного, головой в западном и восточном направлениях) и с группировкой по выставленным предметам [Ермолаева, 2012, с. 66].

В 1988, 1990–1991 гг. археологическая экспедиция Кемеровского университета под руководством Ю.П. Алехина проводит экспедиции в Новошуйбинском, Бородулихинском и Бескарагайском районах Семипалатинской области. Среди изученных объектов курган Кондратьевка XXI, который датируется VII–VI вв. до н.э. [Алехин, 1999, с. 17–65].

В 1992–1994 гг. археологическая экспедиция Восточно-Казахстанского государственного уни-

*Работа выполнена за счет грантового финансирования КН МОН РК, проект № AP09261115.

Периодизация и хронология сакского времени Восточного Казахстана

Руководитель раскопок	Памятник	Даты
С.С. Черников	Майемер Пазырык Кулажорга	VIII–VII вв. до н.э. VI–IV вв. до н.э. III–I вв. до н.э.
С.С. Черников (1975 г.)	1-период 2-период	VII–IV вв. до н.э. III–I вв. до н.э.
М.К. Кадырбаев	Майемер Берел (или Пазырык) Кулажорга	VII–VI вв. до н.э. V–IV вв. до н.э. III–I вв. до н.э.
Н.А. Боковенко, Ю.А. Заднепровский	Зевакино-Шиликты Бокен Кулажорга	(IX) VII–VI вв. до н.э. VI–IV вв. до н.э. III–I вв. до н.э.
Г.К. Омаров (2009 г.)	Майемер-Шиликты Берел-Базар шаты Кулажор-Кульбабас	конец IX в. – начало VI в. до н.э. конец V–IV вв. н.э. конец IV–I вв. до н.э.
А. Онгар	Курту-Зевакино Шиликты-Майемер Берел Кулажорга	IX–VIII вв. до н.э. VIII–V вв. до н.э. V–III вв. до н.э. IV–I вв. до н.э.
Г.К. Омаров	Майемерская культура Берельский период пазырыкской культуры Кулажорская культура	конец IX в. – начало VI в. до н.э. конец VI в. – IV в. до н.э. IV–I вв. до н.э.

верситета под руководством А.А. Ткачева проводила исследования на могильнике Герасимовка. Были выявлены предметы конского снаряжения раннего этапа железного века [Ткачев, Тишкин, 1999].

В 1997 г. под руководством З.С. Самашева изучались Майемерские памятники [Омаров, 2015, б. 39]. В 1998–2000 гг. объединенной казахстанско-российской археологической экспедицией во главе с З.С. Самашевым проведены исследования в Курчумском районе [Дашковский, Самашев, Тишкин, 2007].

В 2003 г. под руководством А.Т. Толеубаева был исследован раннесакский Шиликтинский курган Байгетобе, который был датирован концом VIII – VII в. до н.э. [Толеубаев, 2018, с. 500].

Периодизацией и хронологией сакского времени Восточного Казахстана занимались С.С. Черников, М.К. Кадырбаев, Н.А. Боковенко, Ю.А. Заднепровский, А.А. Тишкин, Г.К. Омаров, А. Онгар и др. (см. *таблицу*) [Омаров, 2015, с. 251].

Подводя итоги, следует отметить, что периодизация и хронология раннесакского периода Восточно-Казахстанского региона остается актуальным вопросом. Наличие в регионе великолепных захоронений, грандиозных сооружений, масштабных культур, стоянок, надписей является ярким свидетельством того, что общество саков находилось

на уровне раннего государственного устройства с существенным сохранением родо-племенной структуры.

*Научный руководитель – Б.Б. Бесетаев
ст. преподаватель, ст. науч. сотр.,*

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Список литературы

Адрианов А.В. Къ Археологii западнаго Алтая (изъ поездкi въ Семипалатинскую областьъ въ 1911 г.). Пг., 1916. 98 с.

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и в средневековье // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул: Издание управления архивного дела администрации Алтайского края, 1999. С. 17–65.

Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. С. 50–53.

Грязнов М.П. Памятники маймэрского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. М.; Л., 1947. Вып. XVIII. С. 9–17.

Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртыше (Восточный Казахстан). Барнаул: Азбука, 2007. 96 с.

Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с.

Омаров Ф.Қ. Шығыс Қазақстанның ерте темір дәуірі. Алматы: Қазақ университеті, 2015. 256 б.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника / пер. с нем. К.Д. Цивина, Б.Е. Чистова. М.: Наука, 1989. 740 с.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. № 8. С. 39–60.

Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майемирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. 2. С. 164–166.

Ткачев А.А., Тишкин А.А. Курганы раннескифского времени на могильнике Герасимовка в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территории: сб. науч. ст. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. С. 194–198.

Толлеубаев А.Т. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: ИП Садвакасов А.К., 2018. 528 с.

Черников С.С. Некоторые закономерности исторического развития ранних кочевников (по археологическим материалам Западного Алтая) // Тезисы докладов и сообщения советских ученых: межд. конф. по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху. Душанбе, 1968. С. 62–64.

The History of the Study of the Early Saka time of East Kazakhstan: Issues of Periodization and Chronology

В.Т. Kossylbayev

The study of the early nomads of East Kazakhstan is currently an urgent task, the solution of which, in turn, will complement the characteristics of the culture of the Scythian-Saka time. According to the archaeological excavations of the monuments of the Early Saka period, Shilikty, Zevakino, Mayemer (Mayemir), Eleke sazy, located in various landscape zones of Eastern Kazakhstan, can be considered a kind of zone of ethnocultural interventions and cultural contacts at the early stage of the early Iron Age. This paper examines the history of the study of the East Kazakhstan region, methodological issues of the study of burial rites of burial mounds of the Early Saka period. The methodological part of the work is based on the principle of historicism, the issues of periodization and chronology of the early stage of the Iron Age are considered.

Keywords: East Kazakhstan region, Saka monuments, early Saka period, Saka burial mounds, funeral rite, periodization, chronology.

Косылбаев Бекзат Телманулы

студент 2-го курса

Казахский национальный университет

им. аль-Фараби

e-mail: kossylbayev@gmail.com

Kossylbayev Bekzat Telmanuly

2nd year student

Al-Farabi Kazakh National University

e-mail: kossylbayev@gmail.com

УДК 902.34(069.44)

Этапы становления и развития археологической реставрации в России

Е.О. Курочкина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Реставрация археологических предметов является неотъемлемой частью как самой археологической науки, так и сферы сохранения историко-культурного наследия: «Древние вещи доходят до нашего времени ветхими, структурно ослабленными и нуждаются в поддержании от полного распада и исчезновения. Забота о механической прочности археологической находки является необходимостью» [Зверев, 2019, с.138].

Истории развития археологической реставрации при этом уделяется достаточно мало внимания. Ра-

бота М.А. Поляковой [Полякова, 2018] в основном сосредоточена на архитектурной реставрации и ее формировании. В книге Т.И. Кимеевой и И.В. Окунева [Кимеева, Окунева, 2009] в большей степени рассматривается практическая часть реставрации, а об истории сказано весьма мало. В работе В.В. Зверева [Зверев, 1999] уделено больше внимания археологической реставрации, чем в других работах, но основные события рассматриваются на примере именно архитектурной реставрации. Учитывая, что тема недостаточно изучена и весьма

скромно представлена в научной литературе, целью данного исследования является периодизация становления и развития археологической реставрации в России. Для этого необходимо проследить изменение методических подходов к реставрации артефактов.

В XVIII в. реставрация археологических предметов в России не имела четко выраженного характера. Одной из причин являлось то, что еще не было накоплено достаточное количество находок, чтобы целенаправленно следить за их сохранностью. Из памятников прошлого собирались артефакты и отправлялись в музеи для экспозиции с целью показа быта древних людей, а не с целью изучения данных предметов в рамках науки. Поэтому на протяжении XVIII в. под реставрацией подразумевалось восстановление предмета в первоначальном виде поновительными средствами. Можно сказать, что на рубеже веков реставрация формируется как прикладная дисциплина в рамках археологии.

В первой половине XIX в., когда археология оформилась как историческая дисциплина и археологические находки начали использоваться как источники познания жизни древних людей, подобное понимание реставрации было уже невозможно, т.к. огромную роль стала играть подлинность предмета. В 1830–1840-х гг. прослеживается тенденция воссоздания артефактов с достоверным воспроизведением стиля древних предметов на основе археологического исследования. Проблемы данного метода не сильно отличались от проблем метода поновления, т.к. подлинные находки исправляли и доделывали, но теперь в том же стиле. В середине XIX в. возникла дискуссия об уместности поновлений, был сделан вывод о том, что они искажают предмет и обесценивают его. В.В. Зверев отмечает, что уже в это время «... сформировался метод археологической реконструкции древних предметов по их остаткам..., в реставрационной практике стали применяться почти все технические операции, имеющиеся в арсенале современного реставратора..., появилась первая разработка теоретических проблем реставрации. Все это позволяет утверждать, что к середине XIX в. были заложены основы научной реставрации» [Зверев, 1999, с. 33]. Во второй половине XIX в. встает вопрос о документировании процесса реставрации, т.к. археологические находки играют важную роль в качестве исторического источника, и любые изменения должны быть задокументированы, дабы избежать фальсификации.

Основным достижением в истории реставрационного дела в конце XIX – начале XX в. можно считать уравнивание «в правах на сохранение и реставрацию всех предметов, обладающих ценно-

стью источника для исторических исследований. В культурный арсенал вошли многие предметы древнего ремесла и быта, а не только произведения искусства» [Зверев, 1999, с. 85].

В середине XX в. был предложен аналитический метод реставрации находок, который заключался в том, что реставратор должен максимально изучить предмет, укрепить подлинные его части, любые дополнения должны быть видны и отличаться от оригинала. К 1970-м гг. были четко сформулированы основные принципы научной реставрации, которые заключались в следующем: реставратору необходимо провести консервацию предмета, т.е. укрепить его и сохранить максимальную подлинность; прежде чем реставрировать объект, надо детально изучить материал, из которого он состоит, подобрать материалы для реставрации, понять его функцию, чтобы не навредить; методы реставрации какого-либо предмета должны обсуждаться в совете реставраторов, дабы избежать произвольных доделок и фальсификации находки, а также ее утрату вследствие неправильного использования химических веществ. На сегодняшний день основой является принцип: реставрация прекращается там, где начинается гипотеза, «под реставрацией понимается комплекс мероприятий, направленных на механическое укрепление предмета, а также восстановление и сохранение того комплекса исторических, эстетических и художественных данных, которые “несет” в себе экспонат» [Кимеева, Окунева, 2009, с. 16].

Основные этапы становления археологической реставрации обусловлены не только изменением методических подходов, но и ролью государства в данном процессе. Первый этап – XVIII в., когда именно государство и лично император выступили инициаторами выявления и фиксации раритетов, создавались музеи, поощрялся сбор находок, за счет чего была накоплена обширная предметная база для формирования зачатков реставрации, хотя еще и в форме поновления.

Второй этап – XIX в., активно развивается археологическая наука, вследствие чего в музейных фондах аккумулируется большое количество археологических находок, которые необходимо сохранять для дальнейшего изучения. Прослеживается тенденция усиления контроля государства за проведением реставрационных работ и раскопок. Увеличивается интерес научного общества к реставрации древностей, проводятся Археологические съезды, на которых обсуждаются вопросы фиксации реставрационных работ, чтобы избежать фальсификации.

Третий этап – XX в., когда реставрация развивалась в большей степени, чем в предыдущие

столетия. Все это произошло вследствие накопления опыта реставраторов, за счет ликвидации последствий разграбления и разрушения памятников в послевоенное время. Немаловажной проблемой становится сохранность предметов, находившихся в частной собственности. Московское Археологическое общество предложило «предоставить государству право изымать памятник в свою пользу, если ему грозит разрушение» [Полякова, 2005, с. 39] – правда, речь шла в основном об архитектурных объектах и отдельных уникальных предметах. Огромный след в истории реставрации художественных и архитектурных объектов оставила деятельность И.Э. Грабаря на протяжении первой половины XX в., который создавал реставрационные мастерские, где обучал специалистов. Игорь Эммануилович и его коллеги смогли спасти от разрушения «сотни тысяч памятников изобразительного искусства прошлого» [Яхонт, 2016, с. 144]. Чтобы контролировать проведение реставрационных работ, государство создавало специализированные учреждения, появились квалификационные курсы, а также были разработаны методики фиксации процесса. Из-за накопления огромного количества материала происходит специализация реставраторов по отделам, которые основываются на материале.

Четвертый этап – конец XX – начало XXI в., когда решается проблема вывоза археологических коллекций, создается единый реестр объектов культурного наследия, что позволяет отслеживать артефакты и сохранять их для будущих поколений.

Formation and Development of Archaeological Restoration in Russia

E.O. Kurochkina

The purpose of this study is to collect and systematize data on the formation and development of archaeological restoration within the framework of archaeological science. This goal is relevant because although there are enough works on the history of the preservation of the cultural heritage of Russia, very little attention is paid to the history of the development of archaeological restoration. The article discusses the evolution of the conceptual apparatus during the XVIII–XXI centuries. from understanding the term "restoration" as "renovation" or "repair" of an object to understanding the term "restoration" as the maximum preservation of an authentic object and strengthening its parts, as well as the exclusion of any distortions. The stages of formation of organizations involved in archaeological restoration and the role of the state in this process are also highlighted.

Keywords: archaeological restoration, evolution of the term, development of the organization, preservation of cultural heritage, renewal, scientific approach.

Курочкина Елизавета Олеговна

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: e.kurochkina1@g.nsu.ru

В 2006 г. создается дополнение к закону о сохранении культурного наследия, по которому у субъектов Российской Федерации появилось больше власти относительно архитектурных объектов культурного наследия. Уменьшается возможность неквалифицированной реставрации, т.к. повсеместно создаются научно-методические и реставрационные советы, вводится запрет работы без лицензии. Таким образом, можно увидеть поэтапную тенденцию усиления контроля государства за проведением реставрационной деятельности.

*Научный руководитель – О.И. Новикова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр., доцент,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Зверев В.В. О понятии научная реставрация // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета Моск. гос. ун-та. М., 2019. С. 128–142.

Зверев В.В. От поновления к научной реставрации. М., 1999. 99 с.

Кимеева Т.И., Окунева И.В. Основы консервации и реставрации археологических и этнографических музейных предметов. Кемерово, 2009. 251 с.

Полякова М.А. Культурное наследие России. Сохранение и актуализация: учебник. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2018. 395 с.

Полякова М.А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2005. 271 с.

Яхонт О.В. И.Э. Грабарь и сложение системы научной реставрации в России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. С. 143–146.

Kurochkina Elizaveta Olegovna

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: e.kurochkina1@g.nsu.ru

История и проблемы изучения сузгунской культуры эпохи поздней бронзы

И.Н. Латышев

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Изучение сузгунской культуры начинается в 1950-е гг. с исследованиями В.И. Мошинской, выделившей ее по материалам селища Сузгун II [Мошинская, 1957]. В ходе изучения вопроса о происхождении сузгунской культуры исследователь высказывалась неоднозначно. С одной стороны, она указывала на смешение традиционно «лесных» черт (сплошная орнаментация, ямочные пояски-разделители и т.д.) с южными, близкими андроновским стереотипам (форма сосудов, деление на несколько орнаментальных зон, геометрические узоры), с другой, сомневалась в прямом влиянии андроновской культуры на формирование сузгунской. Результатом работы В.И. Мошинской стало создание типологии сузгунской посуды, определение ареала распространения – Тобольское Прииртышье, и датировки культуры – середина II тыс. до н.э. – рубеж II–I тыс. до н.э.

В 1950–1980-е гг. велось активное обсуждение, целью которого было решение вопросов формирования сузгунской культуры и создание схемы развития Западной Сибири в эпоху средней и поздней бронзы. Одним из первых вопросами происхождения и определения места сузгунских памятников среди других занялся М.П. Грязнов [Грязнов, 1956]. Исследователь отнес сузгунские древности к северным вариантам культур карасукского типа. Иную точку зрения предложила Н.Л. Членова, рассматривавшая сузгунскую культуру как результат взаимодействия носителей андроновской и гребенчато-ямочной (таежного населения) традиций [Членова, 1956]. Однако в более поздних работах исследователь больше склонялась к теории, предложенной М.П. Грязновым. В дальнейшем с накоплением материала эта теория была развита М.Ф. Косаревым [Косарев, 1981]. Исследователь построил схему развития Западной Сибири, в которой сузгунская культура была отнесена к «гибридным» или же андронидным. К 1980-м гг. складывается и закрепляется определенное представление о сузгунской культуре: формируется в результате взаимодействия андроновских и местных таежных групп, ощущает влияние карасукской (ирменской) традиции. В частности, с накоплением своеобразного керамического материала в Тоболо-Иртышском междуречье О.Н. Корочковой была выделена пахомовская культура. Исследователь предполагает формирование сузгунской культуры на основе

уже существующей андронидной – пахомовской, при взаимодействии с носителями традиции гребенчато-ямочной керамики. Аргументом в пользу этой теории служит, как считает автор, преобладание андроновской орнаментальной традиции в пахомовской культуре при сравнении с сузгунской [Корочкова, 2010]. А.Я. Труфанов рассматривает пахомовскую культуру не как один из компонентов в формировании, а как ранний этап сузгунской [Труфанов, 1990]. Рассматривая проблему происхождения культуры, авторы стремились уточнить время ее бытования: рубеж II–I тыс. до н.э. – IX–VIII вв. до н.э. по М.Ф. Косареву. Этих же дат придерживается В.И. Молодин [Молодин, 1981].

Детально характеристика сузгунской культуры обсуждалась в ряде диссертационных работ. Одним из первых к обобщению сузгунских древностей приступил В.Т. Галкин [Галкин, 1991]. Во многих вопросах автор придерживается концепции М.Ф. Косарева, однако в отличие от других исследователей соотносит сузгунскую культуру как с андроновским, так и с андронидным культурными пластами – это и ряд других противоречий были встречены критикой в работах других исследователей. В своей диссертации В.Т. Галкин впервые предложил теорию о формировании сузгунской культуры на базе позднеташковских древностей. Наиболее подробно о сузгунской культуре пишет А.В. Полеводов [Полеводов, 2003]. Изучая материалы лесостепных комплексов пахомовской и сузгунской культур, А.В. Полеводов сделал вывод об их «генетической» преемственности, что позволило рассматривать первые как раннесузгунский этап. Так же исследователь расширяет ареал сузгунской культуры на все Приоболье, за исключением правобережного. В качестве ведущей отрасли хозяйства сузгунцев А.В. Полеводов определяет скотоводство при довольно «высоком удельном весе охоты и рыболовства» [Полеводов, 2003]. Обращаясь к планировке поселений, исследователь отмечает стремление упорядочить их структуру: постройки размещались в ряд, вдоль края террасы. Говоря о погребальных комплексах А.В. Полеводов выделил характерные для сузгунской культуры курганные могильники с округлой и овально-вытянутой насыпями, под которыми находится до четырех погребений (чаще ориентированных на север).

Исходя из данных абсолютной и относительной датировки, исследователь предлагает ограничить культуру (ХIII) XII–VIII (VII) вв. до н.э.

Иной взгляд на соотношение пахомовской и сузгунской культур высказал В.М. Костомаров [Костомаров, 2010]. Исследователь, как и О.Н. Корочкова склонен к обособлению развития пахомовской культуры, т.к. хроностратиграфически основные этапы формирования и развития этих образований не совпадают. Помимо этого, В.М. Костомаров указывает на вариативность погребального обряда и отличия декоративно-морфологических особенностей керамики. Позднее к обсуждению проблем сузгунской культуры присоединился А.А. Ткачев [Ткачев, 2017]. Исследователем была дана палеоклиматическая характеристика, обуславливающая хозяйственную деятельность сузгунского населения. Происхождение сузгунской культуры А.А. Ткачев видит следующим образом: «федоровские группы активно взаимодействуют с носителями алакульских, черкаскульских и коптяковской традиций, что подтверждается как радиоуглеродными датами, так и совместным залеганием керамики (Коркино I, Коптяки V)» [Ткачев, 2017]. Как пишет исследователь, «результатом подобного взаимодействия становятся раннепахомовские и раннесузгунские группы населения с синкретичными чертами» [Ткачев, 2017]. Приводимые исследователем радиоуглеродные датировки бронз с памятников: Святой Бор-4, Чудская Гора, Заводоуковское-11, позволили пересмотреть датировку формирования сузгунской культуры – XVI–XV вв. до н.э. Разрабатывая вопрос домостроительства, А.А. Ткачев предположил, что постройки сузгунской культуры имели срубно-каркасную основу. Однако, стоит отметить противоречия в аргументации А.А. Ткачева: с одной стороны, автор соглашается с преобладающей теорией о происхождении сузгунской культуры на основе пахомовской, с другой, в той же работе указывает на их одновременное развитие.

Завершая, мы можем сказать, что в изучении сузгунской культуры есть спорные вопросы, связанные с включением в нее пахомовских памятников (как раннего этапа). Остаются открытыми и вопросы,

связанные с субстратными компонентами, участвующими в формировании культуры, а также проблема исторической судьбы – практически не затронутая авторами. Исследователями раскрыты вопросы домостроительства, погребального обряда, охарактеризована хозяйственная деятельность.

*Научный руководитель – Н.П. Матвеева
д-р ист. наук, профессор
Тюменский государственный университет*

Список литературы

Галкин В.Т. Сузгунская культура эпохи поздней бронзы в южнотаежном Прииртышье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 20 с.

Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 27–42.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 218 с.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 27 с.

Молодин В.И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 63–76.

Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1957. № 58. С. 114–135.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 30 с.

Ткачев А.А. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 27 с.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 17 с.

Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной полосы Западной Сибири // Советская археология. М., 1956. Т. XXIII. С. 38–57.

History and Problems of Studying the Suzgun Culture of the Late Bronze Age

I.N. Latyshev

The article deals with the history and main problems of studying the suzgun culture, discovered in the 1950s by V.I. Moshinskaya based on the materials of the Suzgun II monument. An analysis of the materials will make it possible to draw a conclusion about the degree of knowledge of this culture and outline possible ways to solve the problems that have arisen in the course of its study.

Keywords: Bronze Age, Tobol-Irtysh interfluvium, Suzgun culture, Pakhomov culture, substrate component, house building, syncretism.

Латышев Иван Николаевич

студент 3-го курса

Тюменский государственный университет

e-mail: latishew.ivan@gmail.com

Latyshev Ivan Nikolayevich

3rd year student

Tyumen State University

e-mail: latishew.ivan@gmail.com

О типологии ритуальных комплексов на поселениях

А.М. Прокудина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В первую очередь необходимо определиться с терминологией: почему ритуальные, а не культовые комплексы, ведь в научной литературе присутствуют оба термина, и зачастую они используются в качестве синонимов. Безусловно, это два взаимосвязанных, но не тождественных явления и понятия. Культ (от лат. cultus) – «почитание тех или иных объектов (исторических и мифологических персонажей, их изображений, различных живых существ, предметов, элементов ландшафта и т.д.), которые рассматриваются в той или иной религиозной традиции как сакральные» [Торчинов, 1998, с. 67]. Ритуал (от лат. ritualis – обрядовый) – вид обряда, исторически сложившаяся форма сложного символического поведения, упорядоченная система действий (в т.ч. речевых); выражает определенные социальные и культурные взаимоотношения, ценности. В древних религиях служил главным выражением культовых отношений [Большой энциклопедический словарь, 2002]. То есть культ – это определенная мировоззренческая идея, ритуал – его практическая реализация.

Зафиксировать и реконструировать по археологическим источникам идею и содержание культа весьма проблематично, но возможно. На наш взгляд, для этого наиболее репрезентативными являются такие объекты, как святилища, храмы, культовые места, предназначенные для постоянной культовой практики. Но мы будем говорить об объектах, которые таковыми не являются. Это комплексы на территории поселений, которые сформировались в процессе совершения ритуалов (разовых или регулярных). Для обозначения таких поселенческих объектов, отражающих ритуальные действия, более всего подходит термин ритуальный археологический комплекс (РАК). Это «...совокупность вещей и сооружений, являющихся результатом овеществленных (опредмеченных) действий, связанных с какой-либо магической или религиозной практикой» [Свиринов, 2006, с. 7].

Разными исследователями предложены критерии идентификации таких комплексов:

- жертвенный состав находок [Русанова, 1992, с. 53] или характер наполнения культового комплекса [Мимоход, 2001, с. 95–97];
- условия обнаружения комплекса (расположение в определенных местах поселения или жилища) [Мимоход, 2001, с. 98–100];

- следы ритуальных действий – нарушение целостности (намеренная порча), зарывание/втыкание в землю, придание неестественного положения (переворачивание), помещение на высоту, использование огня [Косарев, 2001, с. 446].

Руководствуясь данными критериями, можно выделить следующие варианты ритуальных объектов, регулярно фиксируемых на поселениях:

- 1) погребения людей и животных в жилом пространстве;
- 2) черепа животных или компактные скопления отдельных частей скелета, обладающих сакральной значимостью (черепа, нижние челюсти, дистальные отделы конечностей);
- 3) перевернутые сосуды на полу, в углах жилища, в очагах, в ямах;
- 4) наборы предметов или отдельные вещи (наконечники, votивные предметы, бронзовые ножи, шилья и др.) в ямах (столбовых или нехозяйственного назначения), очагах, скоплениях на уровне пола [Новикова, 2008].

Типология данных ритуальных объектов может быть различной. В данном случае признаком, послужившим основой предложенной нами классификации, является функциональная семантика ритуала. По этому критерию могут быть выделены следующие фиксируемые в археологическом материале типы ритуальных действий:

- направленные на освоение нового пространства (поселения в целом или отдельного жилища);
- связанные с поддержкой функционирования жилища и обеспечением благополучия;
- связанные с завершением функционирования жилого пространства;
- хозяйственно-производственные.

Рассмотрим конкретные варианты ритуальных комплексов.

Строительная жертва считается одним из основных ритуалов, сопровождавших освоение жилого пространства. Можно отметить достаточно высокий уровень изученности явления строительной жертвы, о котором свидетельствуют как этнографические и фольклористические описания, так и археологические труды. Выделяют два основных вида: кровавая жертва и бескровная. Кровавые жертвы: человеческая, животная, окропление кровью (в археологическом материале не фиксируется). Бескровные жертвы представлены большей вариатель-

ностью: сосуды, различные орудия (шилья, ножи), пища, votivные предметы, деньги, антропоморфные и зооморфные фигурки. Строительные жертвы чаще всего фиксируются внутри жилищ вдоль стен, в столбовых ямах, во внутренних углах, очагах, при входе в жилище или в переходе между помещениями в двух- или многокамерных постройках.

Известны случаи регулярного проведения ритуальной деятельности, направленной на обеспечение благополучия как самого строения, так и живущих в нем людей. Следы таких ритуалов чаще всего могут быть идентифицированы в виде перевернутых сосудов на полу жилища или рядом с очагом, антропо- и зооморфной пластики в ритуальных ямах, а также в виде специальных дощечек для окуривания, характерных для поздних поселенческих комплексов.

Находки отдельных предметов или частей скелетов животных в очагах (без следов воздействия огня), а также следы сожжения жилища (иногда и всего поселения) свидетельствуют о проведении ритуалов оставления жилища.

Ритуалы хозяйственно-производственной направленности фиксируются в виде различных комплексов (жертвенные ямы, вымостки из костей животных и пр.), расположенных в непосредственной близости от производственных площадок, мастерских или теплотехнических устройств.

Нужно отметить, что перечисленные ритуальные комплексы имеют широкое хронологическое

(от неолита до этнографической современности) и территориальное распространение. В докладе будут представлены примеры из различных регионов и культур.

*Научный руководитель – О.И. Новикова
канд. ист. наук, доцент,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Большой энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл.; СПб.: Фонд «Ленингр. Галерея», 2002. 1628 с.

Косарев М.Ф. Пространство и время в сибирско-языческом понимании // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. 460 с.

Мимоход Р.А. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Донецк; Макеевка, 2001. Т. 1. Археология. С. 94–105.

Новикова О.И. Ритуальные комплексы в жилищах эпохи поздней бронзы – переходного времени Западной Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008. Т. 1. С. 433–434.

Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв. // РА. 1992. № 4. С. 50–67.

Свирин К.М. Языческие святилища лесной полосы Восточной Европы VI–XIII вв: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 22 с.

Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Петербург. Востоковедение, 1998. 384 с.

On the Typology of Ritual Complexes in Settlements

A.M. Prokudina

The article represents the criteria of identification of ritual archaeological complexes in settlements proposed by various researchers. Based on these criteria, several types of ritual objects are distinguished in settlements: burials of people and animals; animal skulls or compact clusters of individual sacrally significant skeletal bones; inverted vessels; individual objects or sets of them located in hearths, pits, on the floor of dwellings. A typology of ritual settlement complexes based on the functional semantics of rituals (rituals of space exploration, maintenance of its functioning and well-being, abandonment of living space, economic and production rituals) is also proposed.

Keywords: settlements, ritual, cult, ritual archaeological complexes.

Прокудина Алина Максимовна

студентка 2-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.prokudina@g.nsu.ru

Prokudina Alina Maksimovna

2nd year student

Novosibirsk State University

e-mail: a.prokudina@g.nsu.ru

Отражение интерпретационных идей Д.Г. Мессершмидта в историографических трудах отечественных археологов

К.А. Рыженкова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

До создания Академии наук в России по указу Петра I была организована экспедиция Д.Г. Мессершмидта, которая оценивается научным сообществом как первое научное изучение Сибири. Отечественные археологи отмечают большую роль ученого в открытии и исследовании археологических памятников, однако в силу отсутствия публикации большей части материалов Д.Г. Мессершмидта в связи со сложностью чтения и перевода текста дневниковых записей XVIII в., им сложно определить все аспекты и масштаб его вклада в археологию Сибири. Такую работу начали проводить И.В. Тункина и Д.Г. Савинов [Тункина, Савинов, 2017], но она далека от завершения. На данном этапе, на наш взгляд, необходимо обобщить отражение интерпретационных идей Д.Г. Мессершмидта в историографических трудах отечественных археологов, чтобы понять, как широко были задействованы материалы ученого и какие его идеи вызывают интерес у современных исследователей, хотя бы с точки зрения изучения истории археологии Сибири.

Впервые отмечает некоторые факты интерпретации археологических материалов Мессершмидтом Л.Р. Кызласов, указав на открытие енисейской письменности и предположение о разных датировках могил и предметов из них [Кызласов, 1962]. В.Г. Мирзоев приводит цитату из дневниковых записей немецкого ученого о народе, который создал изученные ранее изваяния, а также публикует размышления доктора по поводу этногенеза сибирских народов [Мирзоев, 1963]. Более детально тему интерпретаций освещает Ю.Г. Белокобыльский, обращая внимание на мысли Мессершмидта относительно преемственности древних и современных сибирских народов, о сходстве истории изваяния Куртуяк и библейского сказания и о скульптуре Козен-Кеш как о результате влияния китайской культуры [Белокобыльский, 1986]. Большое внимание данному вопросу уделяет Д.Г. Савинов в материалах монографии [Тункина, Савинов, 2017]. Позже в отдельной статье автор приводит некоторые данные о гипотезах немецкого ученого относительно вышеупомянутого изваяния Куртуяк [Савинов, 2019].

Д.Г. Мессершмидт отрицал преемственность между современными ему сибирскими народами и народами древности. По его мнению, пропасть

между прошлым, которое представляют грандиозные памятники древности, и скудной и невзрачной жизнью аборигенов в настоящем слишком велика. Хотя также он отмечал, что ряд памятников все же могли относиться к предкам некоторых сибирских народов, ведь ему часто приходилось наблюдать акты поклонения тому или иному изваянию. Однако в самих образах Мессершмидт видел скорее результат влияния других культур, нежели оригинальное представление. Например, изваяние Козен-Кеш изображало мужчину с длинной, но редкой бородой, держащего в правой руке чайную чашку, левой придерживающего полы одежды. Характерные черты лица, тип одежды и чашка в руке позволили ученому предположить, что скульптура либо изображала китайца, либо была результатом влияния китайской культуры [Белокобыльский, 1986, с. 8–9].

Интересную аналогию приводит в дневниковых записях Мессершмидт в связи с упоминанием изваяния Куртуяк. Местные жители оказывали изваянию особый почет: объезжали статую три раза, а после приносили в жертву часть своих припасов. По их словам, Куртуяк была знатной женщиной, которую бог превратил в камень. Ученый заметил сходство этого мифа с библейским сказанием о жене Лота, которая была превращена в соляной столб. В связи с этим исследователь выдвигает, по его словам, спорное предположение о проживании ранее в этих местах остатков израильских племен. Стоит отметить, что данное мнение было весьма распространено среди его современников [Савинов, 2019, с. 103].

С именем Д.Г. Мессершмидта связывают и открытие рунической письменности. Упоминание об этом содержится в X рапорте. Описание скульптуры гласит, что по форме она напоминает венгерскую саблю, на южной ее грани было высечено лицо человека, а западную покрывали изображения, не имевшие определенной формы. Ученый назвал эти фигуры руническими письменами, обнаружив некоторое сходство с древнегерманскими рунами [Тункина, Савинов, 2017, с. 106].

Еще одно предположение немецкого исследователя связано с курганами в южной части Минусинской котловины. На возвышении стояли стелы, покрытые многочисленными изображениями

упрощенных человеческих фигур. Мессершмидт отметил, что рисунки напомнили ему генеалогическое дерево, содержащее упоминание тех, кто был в этом месте похоронен [Тункина, Савинов, 2017, с. 96–97].

Д.Г. Мессершмидт нигде точно не указывает определенных датировок, однако замечает, что вышеупомянутые Козен-Кеш и Куртуяк были созданы до киргизов, которых выгнали с территории 30-40 лет назад. Местные жители предписывали авторство некоему народу великанов. Исследователь в свою очередь скептически отнесся к полученным данным, отметив тот факт, что кости, найденные в могильниках, вполне обычных размеров. По предположению исследователя народ был весьма многочислен, так как захоронения содержат ок. 30-40 черепов [Мирзоев, 1963, с. 15–16]. В таких могилах содержалось большое количество жженой земли, а большинство украшений были повреждены огнем. Эти факты позволили Мессершмидту выдвинуть гипотезу о том, что трупы в этой местности сжигали. На основе раскопок, анализа состояния собранных предметов и расспросов бузгровщиков ученый позже придет к выводу о том, что не все погребения и вещи в них одинаково древние [Кызласов, 1962, с. 51–52].

Таким образом, в ряд несомненных заслуг Даниэля Готлиба Мессершмидта среди прочих входит попытка осмысления и интерпретации полученного материала, рассуждения и предположения по поводу датировок, происхождения и назначения археологических памятников, которые ему удалось изучить за время сибирской экспедиции. К сожалению, комплексно оценить все гипотезы немецкого

ученого не представляется возможным. Полного перевода полевых дневников на русский язык пока нет, опубликованы лишь материалы за некоторые года путешествия или ряд выдержек из текста. Издание перевода могло бы ускорить введение археологических изысканий Мессершмидта в научный оборот, что позволит в будущем в полной мере оценить его вклад в сибирскую археологию. Однако уже сейчас можно сказать, что, хотя исследователь выдвигал порой спорные предположения, это все же был один из первых масштабных опытов научного осмысления археологических данных.

*Научный руководитель – Л.Ю. Китова
д-р ист. наук, доцент, профессор,
Кемеровский государственный университет*

Список литературы

Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в.). Новосибирск, 1986. 168 с.

Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. М.: Моск. гос. ун-т, 1962. С. 43–52.

Мирзоев В.Г. Историография Сибири (XVIII в.). М., 1963. 263 с.

Савинов Д.Г. К интерпретации женского образа в искусстве населения эпохи бронзы Минусинской котловины // Мужская и женская субкультура в архаике: [XVI] междисциплинарный семинар «Теория и методология архаики». СПб., 2019. С. 100–121.

Тункина И.В. Савинов Д.Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб.: Электроник, 2017. 168 с.

Reflection of D.G. Messerschmidt's Interpretative Ideas in the Historiographical Works of Russian Archaeologists

K.A. Ryzhenkova

The article is devoted to the analysis of the historiographic works of researchers in order to identify the reflection in them of the interpretation ideas of D.G. Messerschmidt. The historical and chronological method made it possible to consider studies containing information on this topic, from the first mention to the present stage. The comparative-historical method was used when comparing the data on the assumptions of the German scientist, published in the works of researchers. The abstraction method made it possible to trace a number of interpretations by the researcher of the received material. The generalization method made it possible to conclude that Messerschmidt's attempts to comprehend the obtained archaeological data were a landmark event for Siberian archeology. However, such an important achievement cannot be fully studied due to the lack of translation of the source – field diaries.

Keywords: historiography, Siberian archeology, D.G. Messerschmidt, interpretation, research of Siberia in the XVIII century, field diaries.

Рыженкова Карина Андреевна

студентка 4-го курса

Кемеровский государственный университет

e-mail: bananalover7577@yandex.ru

Ryzhenkova Karina Andreevna

4th year student

Kemerovo State University

e-mail: bananalover7577@yandex.ru

Значение серии сборников «Тихоокеанская археология» для Дальневосточной археологической науки

А.А. Снопкова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Серия сборников «Тихоокеанская археология» является уникальным и единственным в России тематическим сборником, который посвящен проблемам археологии и истории тихоокеанского региона, а также является важным источником в изучении развития археологической мысли на Дальнем Востоке в целом. На протяжении нескольких десятилетий в изданиях серии приняли участие огромное количество как известных ученых, так и молодых исследователей. В сборниках были представлены все жанры – учебные пособия, статьи, обзоры, рецензии, части диссертаций, персоналии, мемуары и т.д. Кроме археологии в серии представлены также и смежные дисциплины – антропология, этнография, история, востоковедение, геология, физика, гидробиология. На данный момент серия насчитывает уже 40 изданий, и, спустя более 40 лет, продолжает существовать и объединять вокруг себя исследователей всего тихоокеанского региона.

В 1980 г. в Дальневосточном государственном университете по инициативе Д.Л. Бродянского было опубликовано учебное пособие «Тихоокеанская археология» [1980], положившее начало серии изданий известного нам сборника [Артемьева, 2007, с. 520]. Первоначально пособие предназначалось для обеспечения курса с одноименным названием, который Давид Лазаревич читал для студентов-историков [Дальневосточные древности..., 2006, с. 9–10]. Последующие пять изданий также имели формат учебного пособия. Таким образом, формат сборника как комплекс статей разных авторов, объединенных в одном издании изначально не предполагался. Несмотря на это, мы можем относить данные учебные пособия к единому блоку всех сборников, т.к. с самого первого издания в 1980 г. обозначением серийности и логотипом был выбран силуэт полинезийской ладьи на обложке – символ XIV Международного Тихоокеанского научного конгресса, проводившегося в 1979 г. в Хабаровске [Дальневосточные древности..., 2006, с. 11]. Символ остается эмблемой серии и до сегодняшнего дня. Также стоит сказать, что учебные пособия мы можем отнести к единому блоку не только из-за логотипа, но и благодаря тихоокеанской тематике, которой они посвящены.

Тем не менее, чтобы издание приобрело полноценную серийность, потребовался восьмилетний

перерыв с 1988 по 1996 г. Как отмечал Д.Л. Бродянский, пауза была вызвана издательскими затруднениями, потому как некоторые выпуски Давиду Лазаревичу приходилось издавать за свой личный счет [Дальневосточные древности..., 2006, с. 11], однако после перерыва вышли сразу три выпуска, вобравшие в себя накопившиеся материалы за пропущенный период. Несмотря на то, что первые шесть сборников не имели нумерации и выходили в форме учебных пособий, инициатор продолжил серию, обозначив первый пронумерованный сборник не номером один, а номером семь, таким образом включив предыдущие издания в серию «Тихоокеанская археология». И уже начиная с седьмого выпуска «Каменный век тихоокеанских побережий» [1996] издание приобретает характер серийности и становится регулярным сборником с соответствующей нумерацией, эмблемой, неизменным редактором и т.д. Однако стоит отметить, что четкая регулярность в выходе изданий соблюдалась не всегда. Пропуск публикации в один год мог компенсироваться двумя изданиями в следующий.

Более 35-ти лет Давид Лазаревич занимался организацией, редакцией и изданием сборников «Тихоокеанская археология». 13 апреля 2017 г. профессор ушел из жизни, однако его «творение» не прекратило свое существование. С 2018 г. на базе Дальневосточного федерального университета по инициативе А.Н. Попова и А.В. Табарева проводится ежегодный международный археологический симпозиум «Тихоокеанская археология» [Тихоокеанская археология..., 2018]. Формат издания сменился на сборник докладов участников проводимой конференции. Тем не менее новые издания сохранили прямую нумерацию, логотип полинезийской ладьи, и, самое главное, публикуемые материалы также посвящены проблемам археологии и истории тихоокеанского региона, что позволяет сборникам оставаться уникальным в России изданием.

Проанализировав материалы сборников, можно отметить большое разнообразие тематических блоков и проблем, которым посвящены работы исследователей, а также выделить некоторые особенности издания.

- Работы в сборниках затрагивают все периоды от палеолита до этнографической современности.

• Территориально охвачены весь Дальний Восток, Япония, Корея, Китай, Юго-Восточная Азия, Австралия, Океания, Северная и Южная Америки.

• Большое внимание уделяется древнему искусству.

• В сборниках важное место занимают статьи теоретического и обобщающего характера, а также работы, которые поднимают нерешенные или совершенно новые проблемы в науке.

• Свободный формат сборников позволяет публиковать одному автору более одной статьи в каждом выпуске.

В то же время наличие тематической свободы для исследователей в большинстве сборников затрудняет изучение данного источника. Довольно часто можно обнаружить, что в одном выпуске опубликованы материалы совершенно разной тематической направленности по периодам, территории, материалу. Наиболее систематизированными являются сборники, посвященные какому-либо событию (юбилею исследователя, празднику и т.д.) или сфере деятельности (искусство, люди и т.д.). Однако и в таких изданиях зачастую встречаются публикации, не вписывающиеся в общую тематику. Тем не менее во всех сборниках серии археологи объединяют свои усилия для изучения археологии тихоокеанского региона.

Таким образом, можно отметить уникальность и значимость серии сборников «Тихоокеанская археология» для археологии всего региона и для изучения истории археологической науки. Благодаря инициативе Д.Л. Бродянского, сегодня мы имеем доступ к огромному пласту знаний и достижений науки, представленных в изданиях «Тихоокеанской археологии». С появлением серии возникла еще одна возможность публиковаться

и быть услышанным в мире науки. Также необходимо отметить огромный потенциал для дальнейшего изучения данного источника. Благодаря серии можно, во-первых, проследить тенденции в изменении проблем, которые затрагивают исследователи; во-вторых, выявить изменение векторов и направлений в исследованиях; в-третьих, изучить развитие и становление археологической науки в охваченный период и проанализировать перспективы для будущего археологии на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе в целом.

*Научный руководитель – А.Н. Попов
канд. ист. наук, доцент,
департамент истории и археологии,
Школа искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет*

Список литературы

Артемьева Н.Г. К 70-летию Давида Лазаревича Бродянского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 1. С. 519–521.

Дальневосточные древности: каменный век, палеометалл, Средневековье: сб. науч. работ / отв. ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та. 2006. 220 с.

Каменный век тихоокеанских побережий: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та. 1996. 176 с.

Тихоокеанская археология: учебное пособие / отв. ред. А.П. Окладников. Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 1980. 103 с.

Тихоокеанская археология: новые горизонты, проблематика, перспективы сотрудничества. Международный археологический симпозиум, Владивосток 7–10 мая 2018 г.: тез. докл. / отв. ред. А.Н. Попов. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2018. 52 с.

The Significance of the Series of Collections “Pacific Archaeology” for the Far Eastern Archaeological Science

A.A. Snopkova

The series of collections “Pacific Archaeology” was founded in 1980 by D. L. Brodyansky in order to introduce Soviet science and students to the archaeology of the Pacific region. Publications of Pacific Archeology are the most important source for studying the development of archaeological thought in the Far East. The article is devoted to the history of the development of the series of publications “Pacific Archaeology”, the chronological framework of the stages of the development of the series is outlined, the main features of the collections are identified, the significance and further prospects for the study of “Pacific Archaeology” as a historical source for the development of archaeological science are indicated.

Keywords: Pacific Archaeology, a series of collections, D.L. Brodyansky, problems of archeology, Far Eastern archaeology.

Снопкова Алёна Александровна

магистрант 1-го года обучения

Дальневосточный федеральный университет

e-mail: snopkova.aa@dvfu.ru

Snopkova Alena Aleksandrovna

1st year master’s degree student

Far Eastern Federal University

e-mail: snopkova.aa@dvfu.ru

Подходы к изучению инструментов русского времени в сибирской археологии

Е.В. Табачук

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Активное изучение археологических памятников русского времени в Сибири началось только после Великой Отечественной войны. До 1980-х гг. это были эпизодические исследования, несколько позднее они приобретают комплексный характер, происходит расширение источниковой базы. Однако даже сейчас нельзя сказать, что археологическое изучение культуры русского населения в Сибири – окончательно сформировавшееся направление. Сегодня при исследовании памятников русской археологии внимание уделяется отдельным предметам материальной культуры, в частности, инструментам. В свою очередь рассмотрение и характеристика подходов, которые применяются археологами к изучению инструментов русского времени, – одно из перспективных направлений научной работы, позволяющее обобщить и систематизировать многолетний опыт. Можно выделить три подхода к изучению этой категории находок, некоторые из них используются уже достаточно давно, а другие только начинают формироваться.

Первый подход характеризуется применением к изучению инструментов следующих, классических для российской археологии методов: описания, хронологии, классификации, типологии и других. Этот подход можно назвать описательным. Своего рода точкой отсчета среди работ, интерпретирующих археологический материал русского времени, становится коллективный труд М.И. Белова, О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова о Мангазее [1981]. Анализируемым инструментам отводится часть главы, посвященной орудиям охоты и промыслов, оружию. При характеристике топоров авторы используют свои типологические схемы, но также упоминают разработанные ранее. В остальном у инструментов описывается размер и форма, указывается их возможное функциональное использование [Белов, Старков, Овсянников, 1981, с. 81]. В конце 1990-х гг. под руководством Г.П. Визгалова проводились новые исследования на территории Мангазеи. Позднее выходит труд Г.П. Визгалова и С.Г. Пархимовича, где мангазейские инструменты рассматриваются в контексте их предназначения – металлообработка, деревообработка и др. Проводятся аналогии с инструмента-

ми, найденными на территории не только Сибири, но и Европы [Визгалов, Пархимович, 2008].

Находки из Умревинского острога изучались А.П. Бородовским и С.В. Гороховым. Они описывают внешний вид инструментов и условия их нахождения [Бородовский, Горохов, 2009]. Инструменты населения г. Тобольска конца XVI – XVII в. рассматривает И.В. Балюнов, он приводит аналогии с находками из других археологических памятников и использует ранее разработанные типологические схемы [Балюнов, 2014]. С.Ф. Татауров и Т.Н. Фаистов посвящают статью железным ножам г. Тары в конце XVI – первой половине XVIII в. [Татауров, Фаистов, 2016]. Топоры из археологических раскопок Енисейска рассматриваются М.А. Глушенко и В.И. Столбовым, которые обращают внимание на недостаточную изученность проблемы типологии русских топоров в Восточной Сибири [Глушенко, Столбов, 2021]. В рамках темы деревообработки в г. Тобольске И.В. Балюнов обращает внимание и на инструменты, которые тогда использовались [Балюнов, 2015].

Второй подход направлен на изучение технологии изготовления предметов, в т.ч. с привлечением методов металлографии. Для этого изучается макро- и микроструктуры металла и сплавов с помощью визуального наблюдения. Подход можно назвать технологическим. Одним из тех, кто его использует для изучения инструментов русского времени, является Н.М. Зиняков, который в 1975 г. открыл лабораторию металлографии на кафедре археологии в Кемеровском государственном университете. Им произведено свыше 2 тыс. металлографических анализов различных предметов из черного металла. В его работах делается акцент на технологиях производства инструментов русскими кузнецами в Сибири – продолжали ли они традиции древнерусских кузнецов или использовали новые [Зиняков, 2002, 2008, 2012, 2016]. В рамках этого подхода С.А. Денисовым с помощью методов металлографии исследованы 12 мангазейских ножей. Результаты показали, что кузнецы использовали пять различных технологий изготовления [Денисов, 2011]. Данный подход позволяет узнать технологию производства инструментов, качество сырья, распространение технологий

на территории Сибири, эволюцию производства, оценить опыт и мастерство тех людей, которые создавали эти предметы.

Третий подход представлен экспериментальной археологией, в его рамках воссоздаются инструменты по старинным технологиям. Экспериментальная археология на данный момент только набирает обороты, появляются новые работы, проводится больше экспериментов, но этот подход чаще используется при изучении материалов древности и Средневековья. Его стоит назвать экспериментально-трассологическим. Сейчас наиболее популярна реконструкция сооружений русских поселенцев в Сибири. Так, проводится реконструкция Братского острога. М.А. Глушенко посвящает свою работу экспериментальному исследованию слепообразования на дереве от рабочих топоров XVII–XX вв. Были созданы четыре реплики русских топоров, найденных при раскопках в Сибири. Однако в задачи эксперимента не входило достоверное воспроизводство технологического процесса [Глушенко, 2021]. Экспериментально-трассологический подход еще не нашел широкого отражения в сибирских исследованиях инструментов русского времени.

Таким образом, выделено три подхода к изучению инструментов русского времени в сибирской археологии – это описательный, технологический и экспериментально-трассологический. На сегодняшний день описательный подход является наиболее распространенным, остальные только начинают широко использоваться в исследованиях.

*Научный руководитель – П. О. Сенотрусова
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Сибирский федеральный университет*

Список литературы

Балюнов И.В. Древнеобработка в городе Тобольске в конце XVI–XVII веке (по материалам археологических исследований) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология, 2015. Т. 14, № 7. С. 210–217.

Балюнов И.В. Материальная культура населения города Тобольска конца XVI–XVII веков по данным археологических исследований: дис. ... канд. ист. наук. Тобольск, 2014. 204 с.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных море-

ходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. 147 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 244 с.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магелан, 2008. 296 с.

Глушенко М.А. Слепообразование на дереве от рабочих топоров XVII–XX веков: экспериментальное исследование // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск; Сургут: Издат. группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. Т. 1. С. 336–341.

Глушенко М.А., Столбов В.И. Коллекция топоров из археологических раскопок Енисейска в 2014–2018 годах // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск; Сургут: Издат. группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. Т. 2. С. 118–124.

Денисов С.А. Технологическое исследование ножей из г. Мангазея. (по материалам раскопок ООО НПО «Северная археология») // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Изд-во Ом. ин-та (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 296–302.

Зиняков Н.М. Железообрабатывающее производство русского населения Западной Сибири в XVII–XVIII вв.: традиции и новации (на примере г. Тобольска) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. № 5 (43). С. 56–58.

Зиняков Н.М. Кузнечное производство г. Тобольска XVII–XVIII вв. (металлографическое исследование хозяйственного инвентаря) // Вестник Кем. гос. ун-та. История. 2012. № 4 (52). С. 46–52.

Зиняков Н.М. Технологические традиции древнерусских кузнецов в свете металлографических исследований археологических материалов Сибири XVI–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Изд-во Ом. пед. ун-та, 2002. С. 56–63.

Зиняков Н.М. Технология производства чернометаллических изделий Кузнецкого острога // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Апельсин, 2008. С. 314–326.

Татауров С.Ф., Фаистов Т.Н. Железные ножи в городе Таре в конце XVI – первой половине XVIII века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15. № 3. С. 111–118.

Approaches to the Study of Instruments of the Russian Time in Siberian Archaeology

E.V. Tabachuk

The article highlights three approaches to the study of the instruments of the Russian time in Siberian archaeology. The first approach is descriptive, which is characterized using classical methods for Russian archaeology: description, chronology, classification, and others. The second approach, technological, is aimed at studying the technology of manufacturing objects using metallography methods. To do this, the macro- and microstructures of metals and alloys are studied using visual

observation. The third approach is represented by experimental archaeology and should be called experimental-tracological. To date, the descriptive approach is the most common, the rest are just beginning to be widely used in research.

Keywords: Siberia, Modern Age, methodology, tool, Russian culture, Siberian archaeology.

Табачук Елена Валерьевна

студент 3-го курса

Сибирский федеральный университет

e-mail: l.tabachuk@yandex.ru

Tabachuk Elena Valeryevna

3rd year student

Siberian Federal University

e-mail: l.tabachuk@yandex.ru

УДК 902/904

Современный этап исследования раннесредневековых каменных изваяний Алтае-Саянского региона*

Д.А. Шайдурова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Раннесредневековые каменные изваяния распространены на обширных пространствах Евразии и издавна привлекают внимание путешественников и ученых. В связи с постепенным накоплением материалов и развитием интерпретационной мысли актуальной задачей является систематизация новых сведений в рамках Алтае-Саянского региона, что позволит выявить аспекты, требующие дальнейшего изучения, и выйти на новый уровень обобщений.

Современный этап исследования раннесредневековых каменных изваяний Алтае-Саянского региона приходится на 90-е гг. XX в. – начало XXI в. Нижняя граница данного периода обусловлена спадом интенсивности полевых археологических исследований. Особенностью выделенного этапа стал качественный рост публикаций материалов.

Большинство рассматриваемых объектов открыты на территории Алтая. Серия лицевых изваяний обнаружена на комплексе Чобурак I экспедициями Алтайского государственного университета и ИАЭТ СО РАН [Худяков, Бородовский, 1993, с. 17–21]. В 2000-х гг. новые находки были сделаны в Онгудайском и Кош-Агачском р-нах [Полосьмак, Богданов, Кубарев, 2010, с. 290]. Изваяния различной степени обработки зафиксированы на комплексе Яломан в 2001 г., а также в 2006 г. в ходе проведения работ на памятнике Бирюзовая Катунь-1 [Горбунов, Тишкин, 2007, с. 122; Кирюшин, 2009, с. 103]. Изваяние, выполненное на сланцевой плите, обнаружено близ с. Озёрное учителем истории Л.Г. Кергиловой. Поблизости была найдена еще одна фигура, экспонируемая в настоящее вре-

мя в музее «Ойбок» [Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2009, с. 309]. Лицевое изваяние было исследовано в 2008 г. на памятнике Бике III [Ленская, 2009, с. 190]. Серия объектов открыта в долинах рек Аргут, Себистей и Барбургазы [Маточкин, 2007а, б].

Уникальное изваяние со схематично выбитыми личинами обнаружил Чуйский отряд Алтайской экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2011 г. в долине р. Апшиякта. На нижней личине изображен женский трехрогий головной убор [Кубарев, 2012, с. 341–344]. Историография по различным аспектам интерпретации женских изваяний Алтая представлена в статье Ю.С. Худякова и К.Ы. Белинской [2012, с. 128]. Определенный вклад в изучение данной проблемы внес Г.В. Кубарев [2012, с. 345].

Характерной тенденцией современного этапа является введение в научный оборот экспонатов из музейных фондов. В 2009 г. такая работа была проделана В.Д. Кубаревым и Г.В. Кубаревым, опубликовавшими серию из пяти новых объектов, а в 2013 г. каталог коллекции каменных изваяний из фондов Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН [Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2009, 2013]. 33 раннесредневековых изваяния, хранящихся в фондах Национального музея Республики Тыва, были проанализированы М.Е. Килуновской [2009, с. 65–67]. Скульптуры, находящиеся в экспозиции Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, также представлены в отдельной публикации [Серегин, Леонов, 2018].

*Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Актуальность сохраняют вопросы, связанные с семантикой скульптур. Согласно Л.Н. Ермоленко, изваяния передавали обобщенный и идеализированный образ, что проявляется в стилизации портретов и отсутствии индивидуальных черт [Ермоленко, 2004, с. 38]. Противоположной точки зрения придерживается Г.В. Кубарев, который считает, что они посвящались конкретным людям и отражали черты портретного сходства [Кубарев, 2007, с. 139].

Продолжаются попытки интерпретации сюжетной сцены «кудыргинского валуна». А.С. Суразаков отметил две возможные трактовки: как ритуала поклонения умершему и как присягу на верность осиротевшей семье [1994, с. 54–55]. Д.Г. Савинов связал изображенные действия с погребально-ритуальным циклом [2005, с. 209].

Предпринимаются попытки этнокультурной интерпретации изваяний и изучения генезиса данной традиции. К.В. Юматов поднял вопрос о происхождении раннесредневековых скульптур от таштыкских погребальных масок [1999, с. 93–94]. Проблема принадлежности изваяний к тюркской или таштыкской культуре рассмотрена С.В. Панковой [2000, с. 89–90].

Таким образом, для современного этапа изучения раннесредневековых каменных изваяний Алтае-Саянского региона характерно снижение интенсивности исследовательской деятельности. Вместе с тем, серия новых объектов обнаружена на территории Алтая. В Туве и Хакасии наблюдается спад полевых исследований. Продолжается изучение вопросов, обозначенных в предшествующие периоды, главным образом проблемы семантики изваяний, которая остается дискуссионной. Важной тенденцией является введение в научный оборот изваяний из музейных фондов. Повышению уровня интерпретации способствует публикация статей и каталогов с качественными фотоиллюстрациями.

*Научный руководитель – Н.Н. Серёгин
д-р ист. наук, доцент,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007. С. 119–124.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.

Килуновская М.Е. Собрание каменных изваяний Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных

территорий: изучение, сохранение и использование. В 2-х ч. Кызыл: КЦО «Аныяк», 2009. Ч. I. С. 64–68.

Киришин К.Ю. Специфика археологического микрорайона «Бирюзовая Катунь» в сравнении с синхронными памятниками сопредельных территорий // Изв. Алт. гос. ун-та. Барнаул, 2009. С. 101–105.

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. XV. С. 307–311.

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Каменные изваяния древних тюрков Южной Сибири: каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 79 с.

Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния: воплощение эпических героев или воинов-предков? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1. С. 136–144.

Кубарев Г.В. К вопросу о женских древнетюркских изваяниях на Алтае // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 1. С. 339–346.

Ленская С.Г. Тюркские изваяния Средней Катуни // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2009. № 1–2. С. 189–192.

Маточкин Е.П. Изваяние в устье Аргута // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007а. Вып. 6. С. 99–101.

Маточкин Е.П. Каменная скульптура могильника Бортулдага (Горный Алтай) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007б. С. 132–134.

Панкова С.В. К вопросу об изваяниях, называемых таштыкскими // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Скульптура. СПб.: Наука, 2000. С. 86–103.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния Чаганбургазы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 289–293.

Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. фак-т СПб. гос. ун-та, 2005. С. 209–212.

Серегин Н.Н., Леонов А.С. Тюркские изваяния из Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 1. С. 180–187.

Суразаков А.С. К семантике изображений на кудыргинском валуне // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 45–55.

Худяков Ю.С., Белинская К.Ы. Каменное изваяние из урочища Айлян в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1. С. 122–130.

Худяков Ю.С., Бородавский А.П. Раскопки на Средней Катуни // Алтайка. Новосибирск, 1993. № 3. С. 17–20.

Юматов К.В. Таштыкские погребальные маски и проблема происхождения древнетюркских изваяний // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1999. С. 92–94.

The Present Stage of Early Medieval Stone Sculpture Research in the Altai-Sayan Region

D.A. Shaidurova

The article considers the present stage of early medieval stone sculpture study in the Altai-Sayan region including the Altai Republic, the Tuva Republic and the Republic of Khakassia. This work summarizes results of the researches carried out in the 1990s and the beginning of 21st century. The results of archeological expeditions and interpretation of the obtained materials presented in this article are of great importance for identifying aspects that require further investigation. The author reveals main tendencies of early medieval stone sculpture study in the Altai-Sayan region which are the decrease of the research intensity, predominate exploration of the Altai Republic, further study of the problems posed earlier and the introduction of museum collection materials into scientific use.

Keywords: early medieval, sculpture, researches, historiography, the Altai-Sayan region, present stage.

Шайдурова Дарья Александровна

студентка 3-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: dasha_shaid@list.ru

Shaidurova Daria Alexandrovna

3rd year student

Altai State University

e-mail: dasha_shaid@list.ru

УДК 902 (571. 55)

Вклад А.И. Мазина в исследование наскального искусства Восточного Забайкалья

О.Ю. Ячменёв

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Наскальное искусство Восточного Забайкалья является одним из примечательных культурных явлений на территории Южной Сибири. Существенный вклад в изучение, формирование представлений об этом явлении внес археолог и этнограф, д.и.н. А.И. Мазин. В рамках данной работы мы рассмотрим основные результаты его изысканий.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. А.И. Мазин руководил археологическими экспедициями в Восточном Забайкалье, Приамурье и открывал памятники с писаницами [Мазин, 1986, с. 4]. Ранее наскальные рисунки исследовались А.П. Окладниковым (1950–60-е гг.). Он выделил Читинскую группу писаниц [Окладников, Запорожская, 1970, с. 43]. По результатам изучения писаниц Забайкалья, А.П. Окладников опубликовал двухтомный труд «Петроглифы Забайкалья» [Окладников, Запорожская, 1969, 1970].

А.И. Мазин продолжил исследования А.П. Окладникова по изучению рисунков. А.И. Мaziным открыт 51 памятник. Большинство из них располагается в бассейнах рек Ингода, Шилка, Онон и Аргунь [Мазин, 1986, с. 24]. Под панно с изображениями им регулярно проводились раскопки с целью выявления жертвенников. А.И. Мазин разработал периодизацию памятников наскального искусства Забайкалья.

Палеолит (XII–X тыс. до н.э.). Характеризуется изображениями плейстоценовых животных

(бизонов и носорогов), оленей, лосей, изюбров, выполненных темно-красной охрой в характерной архаичной манере. К числу таких памятников исследователь относил Бырку, где им были определены рисунки двух носорогов и группы бизонов, а также находки из палеолитического культурного слоя (нож из бивня мамонта и двусторонние остро-конечники) [Мазин, 1994, с. 76–79]. Относительно палеолитического возраста рисунков Бырки существует дискуссия. А.А. Формозов допускал, что А.И. Мазин ошибочно принял изображение фантастического ящера за фигуру носорога [Формозов, 1992, с. 50, 51]. М.В. Константинов утверждает, что рисунки носорогов – это наложенные друг на друга бизоны [Дроботушенко, Руденко, 2011, с. 86]. В.И. Молодин и Д.В. Черемисин полагают, что А.И. Мазин точно идентифицировал изображения носорогов, однако фигуры бизонов возможно оспорить [Молодин, Черемисин, 1999, с. 127, 128]. В.А. Цыбиктаров и И.А. Пономарева считают верной трактовку А.И. Мазина [Цыбиктаров, 2011, с. 96; Пономарева, 2021, с. 512].

Мезолит (ок. X–VII тыс. до н.э.) – Бутиха, Средне-Шайкино и Бырка [Мазин, 1986, с. 25–28, 29–34, 76–79]. Особенность рисунков данной эпохи – расположение животных по вертикали, вверх и вниз головой, под углом, уши и рога не показаны, головы параболоидные, морды подтреугольные [Мазин, 1994, с. 78–81].

Неолит (V – первая половина II тыс. до н.э.) – Урулунгуй I, Нортуй I, Цорон III, Кондуй-16, Копчил, Усть-Цорон, Калашниково. По А.И. Мазину, неолитические рисунки делятся на таежные и степные. Специфика таежного стиля – изображение оленя, солярные знаки, зооантропоморфные существа, клиновидные фигуры, круги с вписанным крестом, свернутые в клубок змеи, люди, стоящие цепочкой или преследующие зверя. Во II тыс. до н.э. таежный стиль разделяется на оленеводческий и охотничий стили, просуществовавшие до рубежа эр. К оленеводческому стилю относятся оленеводческие сцены, лодки с существами, люди, едущие на животных и ведущие их на поводу. К охотничьему – фигуры лосей. Степной стиль представлен оградками, заполненными округлыми пятнами или с вписанными по контуру человечками, расположенными рядами точками и сплошными линиями [Мазин, 1994, с. 81–88].

Бронзовый век (II–I тыс. до н.э.) – Бараун Чулутай, Средне-Шайкино, Усть-Цорон, Бырка, Бараун Кондуй I, II, Цорон II, Копчил, Калашниково, Малый Улистай, Могойтуй, Казачий, Нортуй II, III, IV, Маргуцек. В данную эпоху продолжают оформляться охотничий и степной стили. В охотничьем появляются фигурки с рожками, без рук, волнистые линии, антропоморфы, расположенные в фас и профиль, лодки с гребцами, личины, птицы, контурные изображения животных. К степному стилю добавляются человечки, расположенные поодиночке и цепочками, зооантропоморфные и фаллические фигурки. Большую роль играют бронзовые предметы из жертвенников. К памятникам бронзы, датированным по триподам, относятся писаницы, выполненные малиновой и ярко-красной охрой, или по материалам жертвенников времени культуры плиточных могил, например, на писанице Маргуцек [Мазин, 1994, с. 81–88].

Железный век (вторая половина I тыс. до н.э. – первая половина I в. н.э.) – Кара и Джалинда [Мазин, 1986, с. 28–29]. Для эпохи железа характерны изображения мифологических сцен и змееобразных существ [Мазин, 1994, с. 89–90].

Средневековье (вторая половина I тыс. до н.э.) – Усть-Цорон [Мазин, 1986, с. 49–56]. Рисунки данной эпохи определяются по археологическим находкам. Так, в жертвеннике писаницы Усть-Цорон был обнаружен бурхотуйский сосуд, содержащий охру аналогичного цвета с изображенными на панно антропоморфными фигурами со щитами и луками [Мазин, 1994, с. 90–91]. Данная культура характерна для Забайкалья в II–VIII вв. н.э. [Ковычев, 2011].

А.И. Мазин уделял внимание корреляции данных археологии и этнографии. Например, анализируя верования эвенков-орочонов, он пишет, что видное место занимала промысловая охота.

Немаловажную роль играло культовое отношение к лосю и оленю. Начиная с неолита древние художники отображали на скалах фигуры этих животных [Мазин, 1984, с. 34–35]. Исследователь упоминает легенду народа мани, согласно которой лось-буга украл солнце. На земле наступила тьма. Лишь благодаря охотникам солнце вернулось на исходное положение. А.И. Мазин находит отражение этой легенды на Майской писанице, находящейся на правом берегу р. Алдан [Мазин, 1984, с. 7–9].

Накопленный им материал был представлен на защите в 1973 г. кандидатской диссертации на тему «Наскальные рисунки Верхнего Приамурья» [Мазин, 1973], в 1987 г. – докторской: «Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья» [Мазин, 1987]. По итогам многолетних трудов А.И. Мазин опубликовал две монографии: «Таежные писаницы Приамурья» и «Древние святилища Приамурья». В соавторстве с А.П. Окладниковым им созданы «Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья» и «Писаницы бассейна реки Алдан». В основу работ положены исследования в Амурской обл. и Якутии [Окладников, Мазин, 1976, 1979].

Таким образом, вклад в археологическую науку Забайкальского края А.И. Мазина неоценим. Им было открыто и изучено наибольшее количество памятников с древними рисунками Забайкалья. А.И. Мазин стал первым исследователем в Забайкалье, который начал применять комплексное изучение объектов с писаницами: копирование рисунков, ведение раскопок, использование радиоуглеродного метода датирования.

*Научный руководитель – М.В. Константинов
д-р ист. наук, профессор,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

Дроботушенко А.В., Руденко Ю.Т. Бырка // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениагулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 86–87.

Ковычев Е.В. Бурхотуйская культура // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениагулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 82–83.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 241 с.

Мазин А.И. Наскальные рисунки Верхнего Приамурья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 22 с.

Мазин А.И. Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья: дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1987. 348 с.

Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 259 с.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука, 1999. 160 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: «Наука», 1976. 192 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья в 2-х т. Л.: Наука. Т. 1, 1969. 219 с. Т. 2. 1970. 263 с.

Пономарева И.А. Древнейшие наскальные изображения Восточной Сибири: новые открытия и перспективы исследований // Сборник статей, посвящ. 80-летию проф. Дмитрия Глебовича Савинова. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 507–522.

Формозов А.А. К датировке Восточно-Сибирских писаниц // Петр Алексеевич Кропоткин. Гуманист, ученый, революционер: Материалы Всерос. конференции. Чита: Читин. гос. пед. ин-т, 1992. С. 50–51.

Цыбиктаров В.А. Петроглифы Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т. 2011. 276 с.

Contribution of A.I. Mazin to the Study of Rock Art of Eastern Transbaikalia

O.Y. Yachmenev

The publication is devoted to the activities of the Siberian archaeologist and ethnographer A.I. Mazin on the territory of the Trans-Baikal Territory, his main discoveries in the field of archeology. The scientist discovered and studied more than 50 rock art monuments, most of which are located in the delta of the rivers of Eastern Transbaikalia (Onon, Shilka, Ingoda, etc.). He also uses complex methods of study in the course of research, including archaeological excavations on panels with drawings to discover altars. In addition, he made a completely new attempt to date and interpret ancient drawings. In the course of his work, A.I. Mazin relied not only on archaeological material, but also on ethnographic data. As a result, based on the researcher's interpretation, the rock art monuments of Eastern Transbaikalia cover a large historical range: from the final stage of the Upper Paleolithic to the Middle Ages.

Keywords: A.I. Mazin, A.P. Okladnikov, writings, Eastern Transbaikalia, excavations, altars, rock paintings.

Ячменев Олег Юрьевич

студент 3-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: 19970725dyuu@gmail.com

Yachmenev Oleg Yurievich

3rd year student

Transbaikal State University

e-mail: 19970725dyuu@gmail.com

УКД 502.08

Проблема сохранения объектов культурного наследия Республики Саха (Якутия) на примере наскальных рисунков

В.А. Данилов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

Наскальная живопись является одним из интересных источников информации о древних этапах истории Якутии. Но в настоящее время она подвержена постепенному разрушению. Причины разрушения условно можно поделить на два фактора.

Во-первых, это антропогенный фактор. Негативное влияние человека на состояние писаницы можно наблюдать на памятнике первобытного изобразительно искусства Суруктах-Хая Олекминского р-на РС(Я). Она была открыта в 1939 г. якутским этнографом А.А. Саввиным. Дальнейшее исследование памятника продолжилось в 1941 г. ЛИАЭ под руководством А.П. Окладникова. Памятник представляет собой одинокий вертикальный скальный останец на излучине левого берега р. Мархи. Изображения на скале были разделены на 4 топографических группы, на которые нанесено 16 рисунков [Окладников, 1972, с. 16–26]. Последующее изучение писаницы проводилось в 2009 г. путешественником-энтузиастом Е.П. Макаровым. В своей публикации он обратил внимание на степень сохранности памятника, а также предложил провести повторное профессиональное обследование писаницы [Макаров, 2010, с. 102–106]. Данную инициативу поддержали сотрудники МАЭ СВФУ, организовав в 2011 г. экспедицию. В результате повторного изучения памятника была существенно дополнена информация о данном памятнике [Максимова и др., 2012, с. 55]. На сегодняшний

день самое последнее изучение писаницы было проведено в мае 2022 г. Департаментом охраны объектов культурного наследия РС(Я). По результатам проверки выяснилось, что памятник находится в удовлетворительном состоянии, но были обнаружены следы вандализма в виде царапин с надписями, самая последняя надпись датировалась 2014 г. [Обследовано состояние ...].

Второй фактор разрушения объектов наскального искусства можно определить как природный. Негативное воздействие природы на сохранность писаниц можно заметить на писанице Кюнкю Алданского р-на РС(Я). Писаница Кюнкю была обнаружена отрядом ПАЭ под руководством Н.Н. Кочмара в 1982 г. Она расположена на левом берегу р. Амги, на 12–25 м известняковой скальной гряде светло-пепельного цвета. Первооткрывателями выделено 60 рисунков на 3 плоскостях, на которых изображены животные (олени, волки, лось), а также антропоморфные фигуры [Кочмар, 1994, с. 111–115]. В 2019 г. сотрудниками ГБУ АНИЦ АН РС(Я) совместно со студенческим археологическим отрядом «Диринг» СВФУ были проведены археологические спасательные работы на стоянках Кюнкю I, II, Буяга I–III, в ходе которых была повторно обследована писаница Кюнкю. В результате тщательного осмотра скальных поверхностей выяснилось, что большая часть рисунков была разрушена. Скорее всего, причиной разрушения являются весенние половодья, в процессе которых огромные

массы воды разрушали скалы, на которых были нанесены изображения. В итоге из 60 рисунков сохранилось меньше половины [Михайлова, 2020, с. 55–56]

К сожалению, в настоящее время вышеперечисленные причины разрушения писаниц невозможно устранить. Но писаницы можно сохранить в цифровом варианте. С помощью профессиональной фотосъемке и метода фотограмметрии можно создать 3D модели поверхностей, на которых изображены писаницы. Дальнейшим шагом является формирование единой базы памятников наскальной живописи Якутии. Финальным этапом должно стать создание информационного ресурса. Таким образом можно сохранить писаницы для будущих поколений.

*Научный руководитель – Р.И. Бравина
д-р ист. наук, зав. отделом археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН*

The Problem of Preservation of Cultural Heritage Objects of the Republic of Sakha (Yakutia) on the Example of Rock Paintings

V.A.Danilov

The article raises the problem of preservation of cultural heritage objects on the example of rock art of Yakutia. To date, they are subject to gradual destruction. The reasons for their destruction can be divided into two factors. The first reason is anthropogenic influence. As an example, rock paintings of Suruktakh-Khaya of the Olekminsky district were taken. The second reason for the destruction is natural influence. As an example, the Kunkyu rock art monument in the Aldan district was taken. Unfortunately, currently the above reasons for the destruction of the rock art cannot be eliminated. But they can be saved digitally. With the help of professional photography and photogrammetry methods, we can create 3D models of surfaces on which the writings are depicted. The next step is the formation of a unified database of Yakutia's writings. The final stage is the creation of an information resource. In this way, it is possible to preserve the writings for future generations.

Keywords: Yakutia, Rock art of Yakutia, archaeology of Yakutia, 3D technology in archaeology, factors of destruction of rock art.

Данилов Владислав Афанасьевич
лаборант
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
e-mail: danilov0397@gmail.com

Danilov Vladislav Afanasievich
Laboratory Assistant
Institute for Humanitarian Research and North
Indigenous People Problems SB RAS
e-mail: danilov0397@gmail.com

УДК 910.3., 904/906

Перспективы развития историко-культурного туризма на территории археологического микрорайона Малая Сыя – Ефремкино в Хакасии

А.А. Морозов

Хакасский государственный университет, Абакан, Россия

Последние годы стали временем обновления отечественного музейного дела, расширения связей с мировыми системами охраны памятников истории и культуры, обновления законодательства по

музейному делу и охране памятников. Новой тенденцией в сохранении археологического наследия является формирование значительных по площади музеев-заповедников, на которых возможно со-

Список литературы

- Кочмар Н.Н.** Писаницы Якутии / отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. 263 с.
- Макаров Е.П.** Святилище Суруктах-Хая на р. Мархе // Наука и техника в Якутии. 2010. Т. 1, № 2 (19). С. 102–106.
- Максимова М.В., Пеньков А.В., Шараборин А.К., Жирков Э.К.** Повторные исследования святилища Суруктах-Хая (Якутия): первые результаты и перспективы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 55.
- Михайлова А.И.** Писаница Кюнкю (Южная Якутия): перспективы изучения // МНСК-2020: мат-лы 58-й Междунар. науч. студенч. конф., Новосибирск, 10–13 апр. 2020 г. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2020. С. 55–56.
- Обследовано состояние** писаницы «Суруктах Хая» // Департамент Республики Саха (Якутия) по охране объектов культурного наследия: сайт. Дата публикации 30.05.22. URL: <https://depohran.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3315733>.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 267 с.

хранить не только наиболее ценные памятники археологии, но и всю совокупность объектов археологического наследия, специфический археологический ландшафт. Музеи-заповедники становятся комплексными, приобретают также природно-ландшафтную и этнографическую специализацию. Актуальность нашего исследования определяется необходимостью разработки предложений по использованию историко-культурного и природного потенциала конкретной территории, расположенной у с. Малая Сыя и с. Ефремкино.

Исследуемый район с объектами культурного наследия находится в Ширинском р-не Республики Хакасия, в 60 км от районного центра п. Шира, между с. Ефремкино и с. Малая Сыя. Объекты археологического и природного значения сконцентрированы по берегам р. Белый Июс. Особо охраняемая территория Малой Сыи располагается в восточной, предгорной, части хребта Кузнецкого Алатау. Все объекты, включая карстовый участок, археологические и природные памятники, расположены на расстоянии 6 км от с. Малая Сыя в сторону с. Ефремкино.

Общая площадь карстового района составляет 40–45 тыс. га. Самая ранняя стоянка современного человека была обнаружена в окрестностях с. Малая Сыя. Здесь В.Е. Ларичев, автор раскопок, обнаружил крупный поселенческий памятник. Появление в предгорьях Кузнецкого Алатау столь крупного поселения связано с прохождением здесь миграционных путей диких животных, что позволяло охотиться без существенных передвижений в поисках добычи [Абрамова, 1979, с. 160]. В 1976–1978 гг. в бассейне р. Белый Июс работала Верхнечулымская археологическая экспедиция. Работы экспедиции проводились с учетом необходимости организации охранных мероприятий в бассейне р. Белый Июс [Ларичев, 1978].

Можно выделить несколько видов археологических объектов в районе Ефремкино: петроглифические памятники, курганные комплексы, пещерные стоянки.

Особо интересны пещерные комплексы. Ефремкинский карстовый участок расположен на крутых склонах верхнего и среднего течения р. Белый Июс со множеством скальных выходов и горной тайгой. Пещеры здесь сравнительно небольшие по размерам. Количество известных пещер – 51 (по состоянию на 2005 г., имеют описание и топографическую съемку), 26 из них с археологическим контекстом.

Грот «Тогыс-Аз», самый большой грот Тогыс-Азского массива, имеет длину 60 м и глубину 8 м. Высота входа 12 м, ширина – 15 м. П.С. Проскуряков заложил 6 шурфов (3 в привходовой и 3 в

дальних частях пещеры) общей площадью около 50 м². Глубина шурфов от 0,3 до 1,8 м. При раскопках были найдены фрагменты керамики (орнаментированные и неорнаментированные), 2 изделия из кости, большое количество костей, исследователь упомянул о найденных им костях животных, фрагментах керамики, а также о рунической надписи на одной из стен. Эта надпись, выполненная красной и черной краской, была расшифрована позднее [Ларичев, 1978, с. 11–12].

Грот «Проскурякова» расположен на левом берегу р. Белый Июс в 0,5 км от моста через реку. Вход в пещеру представляет треугольную форму. Шириной 3,5 м, высотой до 4 м. Пещера представляла собой полузасыпанный грот протяженностью 5 м. В 1970 г. найдены каменные орудия верхнего палеолита. В результате собраны останки грызунов, хищников и копытных животных верхнего неоплейстоцена и голоцена. Длина пещеры 8 м, глубина (с раскопом) 3 м, площадь грота 20 м². Одно из самых древних известных местонахождений пребывания человека. Возраст ранних культурных слоев грота – более 46 тыс. л. Верхнечулымской экспедицией в гроте «Проскурякова» были обнаружены изображения четырех личин окуневского типа [Там же, с. 35]. В.Е. Ларичев провел предварительное описание выявленных рисунков. Это первые образцы окуневского искусства в горно-таежной зоне верховьев р. Белый Июс, что и определяет важность сделанного открытия. При раскопках в гроте обнаружены кости различных животных: мамонта, лошади, кулана, шерстистого носорога. Первые найденные каменные орудия отнесены специалистами к палеолиту [Абрамова, 1979, с. 158].

Пещера «Археологическая» находится в 1,5 км на запад-северо-запад от с. Малая Сыя по правому берегу одноименного ручья. Почти все археологические находки в пещере сделаны спелеологами в привходовой части. Большинство из них находились на поверхности. Первые сборы сделал Ф.И. Кириллов (керамика, кости животных) [Ларичев, 1978, с. 10].

Лугавские курганы вблизи с. Ефремкино. Под руководством Ю.Г. Белокобыльского произведены раскопки курганов. Были найдены два фрагмента человеческих черепов, фрагменты лугавской керамики, обломки костей барана. [Белокобыльский, Алкин, 1995, с. 160]. При дальнейших раскопках удалось найти приваленный камнями скелет мужчины. В курганах обнаружены останки 13 индивидов, в основном черепа. Метрические характеристики лугавских черепов у с. Ефремкино относятся к гомогенной группе, в которой они не выделяются специфическими индивидуальными

особенностями [Белокобыльский, Чикишева, 1998, с. 177]. Вместе с антропологическим материалом найдены сосуды крупных форм, типичных для тагарской культуры. В курганах зафиксированы: полусферические бронзовые бляшки, бронзовое зеркало на груди у женщины, нож из бронзы, кинжал в кожаных ножнах. По конструкции могил, обряду захоронения, а также набору бронзовых вещей Ю.Г. Белокобыльский и С.В. Алкин отмечают близость данных захоронений к сарагашенскому типу памятников тагарской культуры. Весь этот комплекс курганов у с. Ефремино можно датировать серединой тагарской эпохи (V–IV вв. до н.э.) по материалам, которые были найдены в могильниках [Там же, с. 174].

Уникальный микрорайон Малая Сыя – Ефремино, в котором находятся экосистемы, карстовые пещеры, нуждается в охране со стороны государства. Совокупность объектов археологического наследия, специфический археологический ландшафт, а также концентрация объектов культурного наследия позволяют выделить археологический микрорайон для организованных туристических маршрутов. Что приведет к контролю посещения местных достопримечательностей и распределит нагрузку на участки рекреации, тем самым прививая правила «культурного туризма». Необходима

дальнейшая работа по изучению историко-культурного наследия данного региона как со стороны музееведов, так и работы специалистов археологов.

*Научный руководитель – В.С. Зубков
канд. ист. наук, доцент,
Хакасский государственный университет*

Источники

Ларичев В.Е. Отчет о исследованиях Верхнечулымской археологической экспедиции в бассейне р. Белый Июс в 1978/1979 г. Новосибирск, 1980 // Научный архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Ин. 224.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с.

Белокобыльский Ю.Г., Алкин С.В. Тагарские курганы у села Ефремино (Хакасия) // Обзорные полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 160–161.

Белокобыльский Ю.Г., Чикишева Т.А. Могильник лугавской культуры у с. Ефремино (Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири. Материалы VI итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Т. IV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 174–177.

Prospects for the Development of Historical and Cultural Tourism on the Territory of the Archaeological Microdistrict Malaya Syya – Efremkino in Khakassia

A.A. Morozov

In recent years, Russian museum-reserves have become complex, acquiring natural landscape, archaeological and ethnographic specialization. The unique micro district Malaya Syya – Efremkino, in the area of the Bely Iyus River valley, in which there are natural landscape complexes, ecosystems, karst caves, especially needs protection from the state. The combination of archaeological heritage sites and a specific natural landscape will make it possible to single it out as a priority for organized tourist routes. The organization of a museum-reserve in an area rich in cultural heritage sites will lead to the control of the most popular and visited places and distribute the load on recreation areas, thereby instilling the rules of "cultural tourism".

Keywords: Tagar culture, karst caves, masks, museum-reserves, mound, ceramics, Palaeolithic Age, archaeological material, cultural tourism.

Морозов Анатолий Анатольевич

магистрант 2-го курса

Хакасский государственный университет

e-mail: morozov07archeologue@yandex.ru

Morozov Anatoliy Anatolievich

2nd year master's degree student

Khakassian State University

e-mail: morozov07archeologue@yandex.ru

Профориентационная работа на базе Музея археологии Забайкалья им. И.И. Кириллова

А.В. Плеханова

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Качественная профориентационная работа является залогом успешного будущего любого подростка. Это связано с тем, что современному школьнику сложно перенести себя в пространство практики и рационально прогнозировать свои жизненные перспективы. Возникает необходимость в наставнической деятельности. Подобным своего рода наставником выступают различные учреждения образования и культуры, в т.ч. и Музей археологии Забайкалья им. И.И. Кириллова.

Музей на базе историко-филологического факультета ЧГПИ имени Н.Г. Чернышевского (ныне ЗабГУ) функционирует с 1 октября 1969 г. Пережив несколько переездов, музей археологии обрел свое постоянное местонахождение в корпусе по ул. Чакова, где ведет активную работу и сегодня [Константинов, 2011б, с. 216]. Идейным вдохновителем создания этого учреждения стал археолог, д-р ист. наук, профессор кафедры истории И.И. Кириллов [Константинов, 2011а, с. 163]. Его активно поддерживали Б.Л. Лига – организатор музейного дела в ЧГПИ и академик А.П. Окладников [Гордеенко, 2020, с. 282].

Археологический музей на протяжении всей своей истории периодически проводил экскурсионные занятия для студентов, школьников и всех интересующихся древней историей края. Музей оказывал помощь краеведческим и школьным музеям в Красном Чикое, Шилке, Мензе, Чите и т.д. Свое мнение о работе музея посетители излагали в «Книге записей», где выражали пожелания и благодарность [Константинов, 2019, с. 41].

В январе 2021 г. по инициативе студентов-историков университета создается «Студенческий археологический клуб ЗабГУ». С апреля 2022 г. клуб включают в число студенческих научных объединений вуза. Главной целью деятельности клуба является вовлечение обучающихся в археологические научные исследования кафедры истории историко-филологического факультета и различных научно-исследовательских структурных подразделений университета, помощь в организации и проведении полевых археологических исследований. С этого момента на базе музея начинается плотная творческая и научная работа как для студентов, так и для школьников, поскольку одним из направле-

ний работы клуба стало проведение тематических занятий для учащихся.

Экскурсия для посетителей начинается буквально со входа на втором этаже здания, который ведет к музею. Это позволило расширить экспозиционные площади. В лестничном проеме размещаются стенды с фотографиями и планами поселений, погребений и мастерских, найденных на территории Забайкалья. Одну из стен проема занимает карта Забайкальского края с отметками расположения археологических памятников. Отдельный стенд посвящен научно-педагогической деятельности основателя музея Игоря Ивановича Кириллова. У входа в основной музейный зал посетителей встречает сторожевой камень, относящийся к культуре плиточных могил (I тыс. до н.э.). Эта антропоморфная скульптура представляет образ воина, оберегающего покой погребенных [Там же].

Для удобства изучения экспозиционное пространство разделено на разделы в соответствии с археологической периодизацией. Первый стенд – эпоха нижнего и среднего палеолита. Здесь размещаются материалы с памятников Сухотино-16 и -12, Усть-Мензы-5, Приисковое и с памятника Русло Гыршелунки. Далее идут стенды, посвященные верхнему палеолиту, мезолиту, неолиту, эпохе бронзы и раннего железного века, раннему и позднему Средневековью, Новому времени, а завершающий стенд посвящен исследователям Забайкальского края начиная с XVIII в. Некоторые из представленных портретов ученых и картины, повествующие о жизни древних забайкальцев, выполнены художником Н.М. Полянским. Ярким элементом экспозиции являются цветные диорамы, посвященные крупным археологическим памятникам: Сухотинскому, Студеновскому, Будуланскому и Дворцовскому [Гордеенко, 2020, с. 282].

По центру экспозиционного зала располагаются стеклянные витрины, которые используются для временных выставок. В них представлены материалы с археологических раскопок в Армении и Таджикистане, палеонтологические находки, копии известных археологических артефактов и т.д. Одним из самых крупных экспонатов музея является «кондуйский дракон» – элемент конструкции

Кондуйского дворца монгольского времени, расположившийся по центру музея.

Особое место занимает новый необычный экспонат – антропологическая реконструкция женщины, получившая название «Колдунья». Женское погребение было обнаружено в пади Мельничная Красночикойского р-на еще в 1984 г., но реконструировать и презентовать ее удалось лишь в 2019 г. Воссозданием ее облика по методу М.М. Герасимова занималась д-р ист. наук Елизавета Валентиновна Веселовская. Главная особенность данной находки заключается в том, что в облике женщины присутствуют как европеоидные, так и монголоидные черты. Заметим, что это одно из древних захоронений Забайкалья, имеющее датировку по кости примерно ок. 8 тыс. лет [Константинов, 1994, с. 158–159].

Помимо проведения экскурсий студенты-активисты проводят различные общеобразовательные лекции по археологическим эпохам для школьников, проходят научные заседания археологического клуба. Также в план работы включены разнообразные мастер-классы. Одним из них является мастер-класс «Первобытный художник», посвященный особенностям наскального искусства. Также в фондах музея им. И.И. Кириллова имеются учебные коллекции, с которыми учащиеся непосредственно работают во время учебных мероприятий.

На сегодняшний день археологический музей можно рассматривать как неотъемлемую часть образовательного процесса. Будущему абитуриенту важно понимать значение своей профессиональной

деятельности, это понимание приходит в процессе приобщения к музейному делу, когда проходят символические встречи прошлого с настоящим, что в свою очередь способствует повышению заинтересованности обучающего в определенном векторе работы. Подобный род профориентационной деятельности уменьшает риск неправильного выбора профессии для будущего студента вуза.

*Научный руководитель – М.В. Константинов
д-р ист. наук, профессор,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

Гордеев А.Р. История музея археологии Забайкалья имени И.И. Кириллова // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 282–283.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интерконгрессу. (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ – Чита, 1994. 179 с.

Константинов М.В. Кириллов Игорь Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011а. С. 163–164.

Константинов М.В. Музей археологии Забайкалья ЗабГПУ / Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011б. С. 216.

Константинов М.В. Музей археологии Забайкалья имени И.И. Кириллова (к 50-летию деятельности) // Записки Забайкальского отделения РГО. Вып. 136. Чита, 2019. С. 34–42.

Career Guidance Work on the Basis of the Museum of Archaeology of Transbaikalia Named after I.I. Kirillov

A.V. Plekhanova

This article is devoted to the activities of the I.I. Kirillov Archaeological Museum of Transbaikalia and its role in career guidance activities aimed at schoolchildren. The museum is located on the basis of the Faculty of History and Philology of the Trans-Baikal State University (Chita, 140 Chkalova str.). The institution reflects the history of Transbaikalia from the Ancient Stone Age to modern times. The article is based on the materials of the Museum of Archaeology and personal knowledge. In addition, the article reflects information about the creation of the "Archaeological Club of ZabGU" on the basis of the faculty. The work of schoolchildren with the museum's expositions is noted and the system of conducting excursions, lectures and master classes in archaeology is highlighted. By analyzing the interaction of schoolchildren with the museum, the author concludes what place the museum occupies in the modern world in educational activities.

Keywords: Transbaikalia, museum, archaeology, I.I. Kirillov, archaeological club, career guidance, ancient monuments.

Плекханова Анастасия Вячеславовна

студент 4-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: plekhanova.anastasia@mail.ru

Plekhanova Anastasia Vyacheslavovna

4th year student

Transbaikal State University

e-mail: plekhanova.anastasia@mail.ru

Лапидарий как форма сохранения и изучения каменных надмогильных сооружений Якутии XIX – начала XX в.

К.И. Старков

Арктический научно-исследовательский центр РС(Я), Якутск, Россия, Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия

В условиях усиливающейся антропогенной нагрузки на природный и исторический ландшафт остро встает вопрос о сохранении памятников культурного наследия. Одним из таких объектов, вызывающих особую тревогу, являются старинные кладбища и погосты. Известна печальная судьба старинных кладбищ города Якутска. В период с XVII – начало XX в. город постоянно подвергался техногенному воздействию. План города неоднократно менялся, определить точное расположение кладбищ трудно, т.к. карты того времени не могут дать четкой картины, где именно они располагались. Более точно на этот вопрос в данный момент могут помочь ответить лишь археологические раскопки [Дьяконов, 2011, с. 314]. Некоторые плиты могли быть использованы в качестве строительного материала. Так, например, надгробные памятники Никольского некрополя могли быть использованы в качестве бутового камня для фундамента Якутской городской электростанции [Петров, 2000, с. 34].

Похожая судьба уготована и сельским погостам с каменными надмогильными сооружениями, расположенным вокруг Якутска. В 2022 г. на южной окраине с. Хатассы (южный пригород Якутска) Арктическим научно-исследовательским центром РС(Я) впервые были проведены работы по учету и паспортизации каменных надмогильных сооружений двух сельских погостов XVIII – начала XX в. (Хатасский погост I, II), расположенных на землях бывшего Орсюдского наслега Западно-Кангаласского улуса. Плиты с разной степенью сохранности находились в разбросанном состоянии, некоторые за пределами погостов. Было выявлено 11 каменных надмогильных сооружений, самое раннее из которых датировано 1854 г. [Соловьёва, 2022, с. 30–31]. Согласно архивным данным, к началу XX в. на территории Хатасских погостов находилось 28 каменных надмогильных сооружений, до наших дней сохранилось лишь 39 %. Ключевую роль в исчезновении каменных надмогильных сооружений Хатасских погостов играет антропогенный фактор. Земли, где расположены указанные погосты, были выделены под индивидуальное жилищное строительство льготным категориям граж-

дан, а большая часть надмогильных сооружений была вывезена за пределы погостов или скинута в ближайший водоем.

Согласно имеющимся у нас данным, география распространения каменных надмогильных сооружений в основном охватывает Центральную Якутию (МО «Город Якутск», Амгинский, Мегино-Кангаласский, Таттинский, Хангаласский, Усть-Алданский, Чурапчинский улусы). В то же время подобные памятники выявлены на западе (Нюрбинский улус) и севере Якутии (Верхоянский улус). Вероятно, по мере изучения вопроса, их ареал будет расширяться. Каменные надмогильные сооружения являются ценным источником информации по демографии, социальной, экономической истории региона, дают представление об эстетических предпочтениях населения и т.д. Однако большинство памятников разрушается или находится под угрозой исчезновения.

С целью сохранения и изучения каменных надмогильных сооружений Якутии необходимо провести мероприятия по их музеефикации. В европейской части России и за рубежом уже есть опыт музеефикации каменных надмогильных сооружений путем создания специальных музейных пространств – лапидариев. Согласно словарю античных терминов, лапидарий – (от лат. *lapidarius* – высеченный на камне) специальное хранилище камней с античными надписями, где ведется их научная обработка (фиксация размеров, изучение письма, поиск аналогий), составляется картотека и пр. Лапидарии находятся преимущественно при музеях и историко-археологических заповедниках [Лисовый, Ревяко, 1997, с. 126].

Для более четкого понимания того, что собой представляет лапидарий в современных реалиях, нужно обратиться к примерам хранилищ подобного типа. На данный момент наиболее предпочтительными, на наш взгляд, вариантами являются лапидарий Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (Москва) и лапидарная коллекция Керченского историко-культурного заповедника, оформленные с учетом современных требований к экспозиционному пространству.

Следует подчеркнуть, что камень, хоть и является довольно прочным материалом, подвержен внешнему природному и антропогенному воздействию, а каменные надмогильные сооружения нуждаются в проведении реставрационных работ. Поскольку работы подобного типа тяжело проводить в полевых условиях, появляется необходимость создания лабораторно-камеральных помещений, которые могли бы отвечать всем рекомендованным требованиям по реставрации материалов из камня. Привлечение реставраторов из других регионов России и зарубежья для применения разных средств и методов обработки и обеспечения сохранности каменных надмогильных сооружений позволит выявить наиболее подходящие варианты обработки, которые будут благоприятно воздействовать на предметы лапидарной коллекции. При этом нельзя забывать, что к каждому надмогильному памятнику необходим индивидуальный подход, поэтому такого рода обсуждения должны проходить как можно чаще, для более широкой вариативности реставрационных работ. Подобные мероприятия могут проводиться на территории лапидария [Ябличчук, Лапунова, 2019, с. 81–84]. Таким образом, данное музейное пространство может стать полигоном для реставраторов.

Создание единой лапидарной коллекции РС(Я) в Якутск позволит сохранить и сделать каменные надмогильные сооружения более доступными для изучения как для широкого круга людей, интересующихся историей Якутии, так и для исследователей, занимающихся археологией, архитектурой, генеалогией, краеведением и т.д. Практически на всех каменных надмогильных сооружениях имеется формулярная надпись, включающая фактические данные об умершем, которая позволяет идентифицировать личность человека. Такого рода информация значительно облегчает поиск сведений об усопших для молодых исследователей, занимающихся «родословными проектами».

Работа в данном направлении находится на начальном этапе, и предстоит еще много архивных и полевых исследований. Перед транспортировкой памятников для размещения в лапидарной экс-

позиции необходимо провести полевые работы для фиксации первоначальных мест их размещения. В перечень этих работ должно входить описание, фотофиксация, шифровка (название экспедиции, год, название погоста, номер памятника) и фиксация GPS-координат [«Зеркало живых»..., 2022, с. 54].

Таким образом, использование лапидария в качестве формы сохранения и изучения каменных надмогильных сооружений Якутии XIX – начала XX в. является наиболее предпочтительным, т.к. отвечает всем необходимым требованиям музеефикации.

*Научный руководитель – Е.Н. Соловьёва
науч. сотр.,*

Арктический научно-исследовательский центр РС(Я)

Источники

Соловьёва Е.Н. Отчет по установлению историко-культурной ценности на объекте «Сеть газораспределения к ИЖС (Игнатъева Виктория Анатольевна) по адресу: РС(Я), Хатассы, Семьи Дегтяревых ул., д. 16/1». Якутск, 2022. 98 с. Архив АНИЦ РС(Я).

Список литературы

Дьяконов В.М. Картография древних кладбищ и погостов: историко-археологическое исследование // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 314–318.

«Зеркало живых»: описание надгробий Центральной России имперского периода. Методическое пособие / Г.С. Егорова, М.О. Иванова, Е.И. Митина, А.М. Шуринова / под ред. Е.М. Болтуновой. Москва, 2022. 54 с.

Лисовый И.А., Ревяко К.А. Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А.И. Немировский. 2-е изд. Минск: Беларусь, 1997. 254 с.

Петров П.П. Градо-якутские православные храмы. Якутск: Бичик, 2000. 96 с.

Ябличчук А.М., Лапунова К.А. Современные средства реставрации природного камня // Архитектура: электронный научный журнал 2019. № 5. URL: <https://scientificmagazine.ru/images/PDF/2019/39/Nauchnyj-zhurnal-5-39.pdf> (дата обращения: 05.03.2023).

Lapidary as a Form of Preservation and Study of Stone Tomb Structures in Yakutia in the XIX – Early XX Centuries

K.I. Starkov

Today, stone tombstones on the territory of Yakutia are under threat of extinction as a result of natural and anthropogenic impact. Their complete disappearance, unfortunately, is only a matter of time. Stone tombstones, which are an integral part of the Christian culture and history of Yakutia, can be saved by museumification. Since stone tombstones are a rather specific type of monuments, they need a special approach to solving the issue of museumification. The most preferred option for the museumification of stone tombstones is the creation of a Lapidary, as a platform not only for the preservation, conservation and restoration of this type of monuments, but also as a training ground for their study and the creation of

recreational space. This work is devoted to the problem of preserving and studying stone tombstones of Yakutia through the formation of a lapidary collection and the creation of a lapidary as a museum space.

Key words: Lapidary, museumification, restoration, churchyard, stone tomb structures, museum.

Старков Константин Иванович

младший научный сотрудник
Арктический научно-исследовательский центр
РС(Я)
магистрант 1-го курса
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова
e-mail: starkov-kostik97@mail.ru

Starkov Konstantin Ivanovic

Junior Researcher
Arctic Research Center of the Republic of Sakha
(Yakutia)
1st year master's degree student
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
e-mail: starkov-kostik97@mail.ru

УДК 904

**К проблеме сохранения и охраны археологического наследия
в Иркутской области в 1920-е гг.
(на примере стоянки Мальта)**

О.В. Суслова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Стоянка Мальта является уникальным верхне-палеолитическим памятником. Она была обнаружена весной 1928 г., в районе с. Мальта, в долине р. Белой западнее г. Иркутска. В Иркутский музей пришло сообщение от заведующего избой-читальней А.Г. Бельтрама, что крестьянином Платоном Брилиным обнаружены кости крупного животного [Герасимов, 1931, с. 5]. Находка заинтересовала М.М. Герасимова, который и занялся раскопками. Он еще до марта 1928 г. сообщил о находках на двух заседаниях кружка «Народоведения» в Иргосуне. Это вызвало бурную дискуссию с участием основателя «иркутской археологической школы» профессора Б.Э. Петри и археолога Я.Н. Ходукина [Липнина, 2002, с. 14].

До 1917 г. основным препятствием научным изысканиям являлась земельная частная собственность. Проблема была решена Декретами [Декрет «О земле», 1917; Декрет «Об отмене права частной собственности», 1917; Декрет «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», 1924]. В 1925 г. на основании последнего в Иркутске принимают постановление Губисполкома, в котором есть пункты следующего содержания: «...клады, находки археологического значения, кости ископаемых животных... при подробной описи передаются в Иркутский научный музей. ...Лица, виновные в нарушении настоящего постановления, привлекаются к ответственности по ст. ст. 99, 102 и 107 У.К.» [Краткая информация ...].

Однако опыт в итоге подсказал, что «охрана объектов государственно-административным за-

прещением, есть лишь преамбула сохранения его содержания».

В сообщениях ГАИМК отмечается, что, несмотря на постановления, ситуация усугубляется из-за «параллелизма» строительных компаний и органов охраны, отсутствия специалистов и разграбления памятников [Миллер, 1931, с. 23]. В 1926 г. на Первом краевом научно-исследовательском съезде в Новосибирске говорится о бесчисленных фактах напрасного разрушения памятников [Ауэрбах, 1928, с. 223]. Годом ранее, в 1925 г., Н.К. Ауэрбахом совместно с Г.П. Сосновским была написана «Краткая программа для сбора сведений по доисторической археологии» для привлечения внимания к данной проблеме.

С 1927 по 1930 г. Н.К. Ауэрбах был секретарем Общества изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС). Его деятельность была направлена на охрану памятников истории, организацию заповедников. Через ОИС шло и финансирование раскопок. Средства давались тем музеям, где работали квалифицированные археологи [Смирнова 1992, с. 11]. Эта работа проводилась с целью составления археологической карты Сибири. Ее проект также был представлен на Первом Краевом Съезде П.П. Хороших. Иркутский музей получил средства на создание концепции охраны археологических памятников. Учеными была разработана система карточек, регламентировались правила проведения инспекций.

В 1920 г. был принят Декрет «Об учреждении Государственного Хранилища ценностей РСФСР»

(ГОХРАН). С августа 1928 г., после принятия постановления «О музейном строительстве», некоторые ценности (в основном картины) отправились на продажу за границу «на нужды республики» [Галкова, 2012, с. 202].

А пока М.М. Герасимову поручили выяснить ценность находки. В мае 1928 г. на место открытия выехали Б.Э. Петри, В.Ч. Дорогостайский и др. в составе «комиссии утверждения» [Герасимов, 1935, с. 81]. Официально в том же 1928 г. в состав первой комиссии входили: хранитель археологического отдела Краевого музея П.Г. Полторацков – председатель; члены комиссии: председатель археологической комиссии Отдела охраны памятников истории и старины (ОХРИС) Ф.Э. Карантонис, аспирант Антропологического института МГУ Г.Ф. Дебеч. Комиссия оценила высокий уровень научно-методической подготовки М.М. Герасимова и организованную им работу. Возможно, в 1928–1929 гг. в раскопках принимали участие Б.Э. Петри, В.И. Сосновский, члены кружка «Народоведения» и Г.Т. Маслов – начальник геологической партии Республиканского геологического комитета. Б.Э. Петри на раскопках официально был в 1929 г.

М.М. Герасимов самостоятельно стал работать с 1930 г. Именно тогда к нему приезжает Н.К. Ауэрбах. Основанием послужило письмо в Главнауку от ГАИМК от 8 мая 1930 г. за № 3408. Руководством ГАИМК поручалось Н.К. Ауэрбаху, как ученому секретарю ОИС и археологу, вместе с В.И. Грозовым – представителем ГАИМК и палеонтологом, сделать ревизию. Выяснить, как проводятся в Иркутском округе палеолитические изыскания. Возможно, причиной ревизии послужило известие о разрушении «на глину» мальтинцами площади раскопок, которую планировали исследовать в будущем. Акт комиссии датируется тем же числом, что и письмо (19 июня). Подписали акт Н. Ауэрбах, В. Грозов, Ф. Карантонис и сам М. Герасимов [Липнина, 2002, с. 14].

Вернемся к моменту обнаружения стоянки. В обязанности М. Герасимова входило, по «инструкции», при обнаружении объектов провести раскопки, зафиксировать весь обнаруженный материал и обеспечить сохранность. В 1927 г. было разработано две инструкции к «Открытому листу» отделом по делам музеев и охране памятников старины (МУЗО) при Народном Комиссариате просвещения (Наркомпрос) совместно с Государственной Академией истории материальной культуры (ГАИМК). Первая касалась раскопок, вторая обследований. Инициатива исходила от Б.С. Жукова – заведующего Археологическим Подотделом (АПО). Этот подотдел был первой археологической

службой в Советской России. Б. Жуков руководил ею с 1926 г. после ухода В.А. Городцова. Новых методических рекомендаций не было, но зато был правоустанавливающий документ «Правила о производстве раскопок в пределах Российской Федерации» 1920 г., который давал больше преимуществ для (Г)РАИМК [Сорокина, 2018, с. 540].

Однако создание «Инструкций» не остановило разрушение системы госохраны. Связано это было с политическими изменениями. Выявление и учет памятников во второй половине 1920-х гг. были возложены на местные музеи и истпартотделы, закрытые в 1928 г. Музейные ценности стали распродаваться. В 1930 г. был ликвидирован Отдел по делам музеев и охраны памятников. Охрана памятников передавалась сектору науки при Наркомпросе, а на местах осуществлялась музеями [Галкова, 2012, с. 204]. В Иркутской области при Краеведческом музее в 1934 г. закрылся ОХРИС, успешно действовавший с 1924 г. ОХРИС был создан сразу после принятия Декрета «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». В обязанности входило подготавливать и решениями исполкомов утверждать списки памятников, подлежащих охране [Шободоев, Душкина, 1999, с. 14].

На стоянке были обнаружены остатки одновременно существовавших разнообразных жилищ. Каменные орудия (ножи, проколки, резцы, скребки), изделия из кости, предметы искусства (скульптурные фигурки женщин и др.); погребение мальчика с костяными украшениями.

*Научный руководитель – С.И. Кузнецов
д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой мировой
истории и международных отношений,
Иркутский государственный университет*

Список литературы

Ауэрбах Н.К. Доисторические богатства Сибири, их охрана и изучение // Первый краевой научно-исследовательский съезд. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 221–225.

Герасимов М.М. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта // Палеолит СССР: Материалы по истории родового общества. М.; Л., 1935. Изв. ГАИМК. Вып. 118. С. 78–124.

Герасимов М.М. Мальта – палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работ 1928–1929 гг. Иркутск, 1931. 33 с.

Декрет «О земле». 1917 // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: сайт. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_zemle.htm (дата обращения: 06.02.2023).

Декрет «Об отмене права частной собственности». 1917 // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-11-23.htm> (дата обращения: 06.02.2023).

Декрет «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». 1924 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1916.htm (дата обращения: 06.02.2023).

Липнина Е.А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 301 с. (Отдел КХ ИГУ).

Галкова О.В. Российские традиции культурного наследия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2012. 51 с.

Краткая информация об ОГАУ «ЦСН» // ОГАУ «ЦСН»: сайт. URL: <https://csn.irk.ru/> (дата обращения: 06.02.2023).

Смирнова В.Б. Воспоминания о Николае Константиновиче Ауэрбахе // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Сб. науч. тр. КГУ. Красноярск, 1992. Т. 1. С. 9–12.

Миллер А.А. К вопросу об охране памятников старины // Сообщения ГАИМК. М., 1931. № 4–5. С. 22–51.

Сорокина И.А. Первые советские инструкции по проведению полевых исследований памятников археологии (1927 г.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20, № 3 (2). С. 537–543.

Шободоев Е.Б., Душкина Т.И. История охраны памятников в Иркутской губернии. 1999 // Земля Иркутская. Иркутск, 1999. Вып. 11. С. 13–15.

On the Problem of Preservation and Protection of Archaeological Heritage in the Irkutsk Region in the 1920s (Using the Example of the Malta)

O.V. Suslova

The article discusses the history of the study, conservation and protection of the Upper Paleolithic site of Malta in the Irkutsk region (1920s). The materials devoted to the Soviet legislation in the field of preservation of archaeological monuments are studied. Special attention is paid to the creation of a system of protection of archaeological sites (the first state bodies of protection). Attention is paid to methodological developments (instructions for an open sheet, manuals, programs).

Key words: Site Malta, Gerasimov, archaeological heritage, heritage protection, preservation of monuments, open sheet, instructions.

Суслова Оксана Васильевна

аспирант

Иркутский государственный университет

e-mail: oksanamovchan888@mail.ru

Suslova Oksana Vasilevna

postgraduate student

Irkutsk State University

e-mail: oksanamovchan888@mail.ru

УДК 903.53:069.53

Пазырыкские щиты в Государственном Эрмитаже: особенности экспонирования и перспективы изучения*

Ал.Ал. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

В настоящее время в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург) хранятся щиты, обнаруженные на Алтае при раскопках «царских» курганов пазырыкской культуры. Сведения о них опубликованы [Грязнов, 1950; Руденко, 1953, 1960].

В зале «Культура и искусство кочевых племен Алтая VI–IV вв. до н.э.» оформлен раздел экспозиции, озаглавленный как «Первый Пазырыкский курган V–IV вв. до н.э. Снаряжение коня». В застекленной витрине представлены узды лошади, седло и щит. На этикетках указаны названия предметов, материалы, из которых они изготовлены, археологическая датировка, место обнаружения и инвентарный номер. Информация продублиро-

вана на английском языке. Щит (инв. № 1295/382), размеры которого составляют 40,5 × 29,5 см, представляет собой лоскут кожи с прорезями, в которые вставлены тридцать пять круглых палочек (диаметром 0,6–0,9 мм). Переплетение кожи и палочек дает орнамент в виде ступенчатого зигзага. Два зигзага, не покрытые кожей, окрашены в красный цвет. На обратной стороне по верхнему и нижнему краю подложены деревянные планочки, прикрытые краями кожи, завернутой с лицевой стороны на обратную, края кожи прошиты тонкими ремешками. Ширина загиба по центру – 3,2 см. Размеры канта составляют от 3,2 до 3,6 см, размер планки – 2,1 см, толщина – 2,5 мм. В средней части щита продеты

*Работа выполнена по гранту РНФ, проект № 22-18-00470.

тоненькие ремешки, завязанные узлом с петельками; концы ремешка проходят на обратную сторону. Расстояние между креплениями рукояти составляет 9,5 см.

В витрине «Первый Туэктинский курган (VI–V вв. до н.э.)» демонстрируются кувшин, поножи, «подушка» и два щита, расположенные асимметрично. Под одним из щитов размещен пояснительный текст. На этикетках указаны названия предметов, материалы, из которых они изготовлены, археологическая датировка, место обнаружения и инвентарный номер. Информация продублирована на английском языке. Первый деревянный щит (инв. № 2179/960), размеры которого составили 49,3 × 41,4 см, представляет собой деревянную доску, украшенную резьбой, которая имитирует плетенку с геометрическим орнаментом. Показано 39 палочек толщиной 0,7–1,1 см. Местами прослеживаются следы красной, желтой и синей краски. В центре располагается ручка из ремня, прикрепленного к одному из двух отверстий, пробитых в центре щита. Ширина ремешка – 1,6 см, длина – 13,4 см, расстояние между отверстиями – 13,2 см. Толщина щита – 1,3 см (посередине). Сверху и снизу присутствует имитация бортика. Ширина бортика сверху – 2,4 см, снизу – 2,2 см. Ширина каемки по бокам – 0,9 см. На задней стороне имитация плетенки отсутствует, однако есть бортик (размеры аналогичны, как на передней стороне). Левый нижний угол отбит. Второй щит из кургана № 1 могильника Туэкта (инв. № 2179/959), размеры которого составили 49,5 × 46,5 см, представляет собой кусок кожи с прорезями, в которые продеты деревянные палочки, образующие с кожей геометрический узор. Изделие состоит из 57 палочек толщиной 1,1–1,2 см. Щит имеет загибы кожи по всем четырем краям. Условный верх – 2,1 см, условный низ – 2,5 см, по бокам – 1,4 и 1,1 см (замеры делались в центре сторон). Толщина загиба – 1,2 см. Хорошо видно, что кожа загнута на обратную сторону щита, где сверху и снизу были продеты через прорезы кожаные нити, затем они протягивались и закреплялись узелком на боковой стороне.

Все щиты размещаются внутри специально изготовленных витрин при температурном режиме 22,1 °С и влажности 39,9 %. Изделия закреплены на стене при помощи четырех пластиковых держателей (два по бокам и два снизу). Туэктинские щиты возвышаются над основанием витрины на 87,5 см (инв. № 2179/959) и 114 см (инв. № 2179/960). Имеются все возможности, чтобы при необходимости достать их из экспозиции.

Витрины были изготовлены немецкой компанией «REIER GMBH», специализирующейся на производстве музейного оборудования. Работы были

выполнены на основании технического задания на производство реставрационных работ и капитального ремонта инженерных сетей в залах № 26–32 «Пазырык» Зимнего Дворца.

Витрина, содержащая экспозицию «Первый Пазырыкский курган V–IV вв. до н.э.», имеет следующие внешние размеры: 254 × 139 × 65 см. Размер защитного стекла – 188 × 139 см. Механизм позволяет открыть его на 90°. Световой блок содержит в себе 74 диодных лампы. Внутренние размеры витрины – 182 × 135 × 63 см. Щит (инв. № 1295/382) возвышается над основанием на 83 см.

Витрина, содержащая экспозицию «Первый Туэктинский Курган VI–V вв. до н.э.», имеет следующие внешние размеры: 240 × 133,3 × 64,5 см. Размер защитного стекла – 213 × 133,3 см. В верхней части витрины находится световой блок, состоящий из 42 диодных ламп направленного освещения. Внутренние размеры витрины – 192 × 132 × 57,5 см.

Конструкция витрин позволяет обеспечивать стабильность и жесткость при открывании и противодействовать взлому или иному несанкционированному проникновению. Стекланные панели изготовлены в соответствии с классификацией Б2 и Б3. Все деревянные конструкции изготовлены из полностью высушенного, химически нейтрального материала и обтянуты специальной тканью. Кратность воздухообмена не превышает 1/10 объема витрины в сутки. Конструкция светового блока обеспечивает его вентиляцию и защиту верхнего стекла витрины от перегрева. Все части витрин и светового блока, находящиеся под напряжением, заземлены. Витрины оборудованы не samozапирающимися замками повышенной секретности, и каждая из витрин запирается своим типом ключа. Они также имеют устройства для опечатывания или опломбирования экспозиционного материала.

Для демонстрации уникальных музейных экспонатов использовано как универсальное, так и специальное музейное оборудование. Застекленные музейные витрины защищают уникальные экспонаты и удобны для обозрения. Однако посетителям не видна обратная сторона щитов, слабая изученность которых отразилась на их специальном представлении. Поэтому необходимы детальные исследования. Известный музеевед А.И. Михайловская рекомендовала включать в археологические экспозиции целостные комплексы, составляя их «...при помощи реконструкций и добавлений» [Михайловская, 1964]. Важно демонстрировать щиты в комплексе вооружений пазырыкских племен.

Кроме перечисленных щитов, в фондах Государственного Эрмитажа хранятся следующие находки: обломки деревянных палочек и обрывки кожи от щитов (двух или более); 25 палочек от щита

без кожи со следами красной краски (орнамент зигзаг); куски кожи с прорезями и 34 деревянных палочки; щит прямоугольной формы, с округлым верхом, сделанный из 52 деревянных палочек, расположенных параллельно, и двух поперечных; обломки щита из деревянных палочек, продетых в кусок кожи с прорезями (29 целых палочек и 34 обломка); обломки щита из деревянных палочек, продетых в кусок толстой кожи с прорезями; переплетение палочек и кожи образует узор; обломки деревянных палочек щита с фрагментами лака. Один из них (инв. № 1295/232) в собранном виде экспонируется на выездных выставках. Все они требуют тщательного изучения. Данные предметы представляют интерес для специалистов-археологов.

Для восприятия посетителей при создании музейных комплексов сотрудникам музея необходимо дополнительно раскрывать информативность экспонатов. С этой целью следует демонстрировать пояснительные тексты с информацией по конструктивным особенностям и использованию щитов. Использование результатов исследований В.П. Мыльниковой, посвященных технологиям деревообработки и деревянной резьбы в пазырыкское время [Мыльников, 2011], а также художествен-

ных рисунков, 3D моделей и других современных способов экспонирования позволят сформировать у посетителей корректное представление о предметах защитного вооружения.

Автор благодарен сотрудникам Государственного Эрмитажа: Е.В. Степановой за возможность ознакомления с экспозицией и материалами фондов; Н.Н. Николаевой за представленную информацию о проведении реконструкции пазырыкских залов.

*Научный руководитель – В.В. Горбунов
д-р ист. наук, доцент,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.

Михайловская А.И. Музейная экспозиция (организация и техника). М.: Советская Россия, 1964. 518 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 188 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 360 с.

Pazyryk Shields in the State Hermitage Museum: Peculiarities of Display and Prospects of Study

Al. Al. Tishkin

At present, the State Hermitage Museum (St. Petersburg) holds shields found in Altai during excavations of the "royal" mounds of the Pazyryk culture. Information about them has been published. In the hall "Culture and Art of Nomadic Tribes of the Altai in VI-IV centuries BC", the section of the exposition entitled "The First Pazyryk mound of V-IV centuries BC. Horse harness". A horse bridle, saddle and shield (Inv. № 1295/382) are presented in a glazed showcase. Two shields are displayed in the showcase "The First Tuekta mound (VI-V centuries BC)". The first is a wooden shield (Inv. № 2179/960), the second is a leather shield from mound № 1 of the Tuekta burial mound (Inv. № 2179/959). In addition to these items, the collection contains fragments of wooden sticks and scraps of leather, as well as a rectangular shield with a rounded top. One of them (Inv. № 1295/232) in assembled form is exhibited at travelling exhibitions. These objects are of interest to specialist archaeologists.

Keywords: The State Hermitage Museum, The Pazyryk culture, shields, exposition.

Тишкин Алексей Алексеевич

студент 4-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: mattcraft@mail.ru

Tishkin Aleksei Alekseevich

4th year student

Altai State University

e-mail: mattcraft@mail.ru

Модели природопользования и культура повседневности населения Евразии в динамике развития XVII–XXI вв.

УДК 394

Традиционная одежда кыргызов второй половины XIX – начала XX века (из коллекций Государственного исторического музея Кыргызской Республики)

А.Б. Асанбаева

*Государственный исторический музей Кыргызской Республики
Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Бишкек, Кыргызстан*

История кыргызов уходит в глубокую древность. Многие элементы их материальной и духовной культуры складывались на протяжении столетий в результате взаимодействия с народами Средней и Центральной Азии. Сложными по происхождению и вариативными были традиционные костюмы кыргызов.

Ценным источником для изучения одежды кыргызов XIX–XX вв. является этнографическое собрание Государственного исторического музея Кыргызской Республики, где насчитывается более 1 000 предметов. Изучение музейных коллекций позволяет утверждать, что комплекс традиционной одежды кыргызов отвечал природным условиям и особенностям скотоводческого быта кочевников горно-степного пояса. Он отражал половозрастную структуру общества и особенности социальных отношений, верования и эстетические нормы. Отличительной чертой костюма был свободный и широкий, почти одинаковый для мужчин и женщин, покрой одежды при большом разнообразии головных уборов и аксессуаров, играющих роль статусных маркеров. Значительная часть одежды шилась из материалов домашнего производства. Широко использовалась овчина, кожа диких и домашних животных, шерстяные ткани («таар», «басма таар», «пийаз таар»). Кыргызы, вовлеченные в международную торговлю, могли позволить себе изысканный текстиль того времени – шелк, бархат и парчу. Люди более скромного достатка одевались в бязь и мату. Ткани и богатство отделки главным образом отличали знатных от простолюдинов.

Основными принадлежностями мужской национальной одежды у кыргызов были рубаха и шаровары (койнок, шым). Распашную длинную рубаху – жегде – шили обычно из белой бязи или маты. Покрой ее был туникообразным с прямыми рукавами и ластовицами; к боковым краям пришивались слегка скошенные с двух сторон клинья. Жегде мужчины начинали носить с шести-семи лет и не изменяли формы до конца жизни. Рубахи подпоясывали и носили поверх шаровар. С начала XX в. у кыргызов широкое распространение получила рубаха с прорезным воротом (узун жака – длинный ворот).

Большим разнообразием отличалась мужская верхняя одежда – халат (чепкен). Без нее раньше выходить из дома считалось неприличным. В холодное время суток мужчины носили халаты (чапан, чепкен, тон, ичик), которые шили на вате или на верблюжьей шерсти с ситцевой подкладкой. В старину подкладку делали из маты – белой или набивной хлопчатобумажной ткани. Сверху халат (чапан) покрывали бархатом, сукном, вельветом.

У всех кыргызов, как и у многих народов Центральной Азии, бытовали шубы тон типа нагольного тулупа. Они являлись типичной мужской одеждой. В более обеспеченных семьях зимней одеждой в прошлом была шуба ичик. Исходя из материальных возможностей, ее шили из меха выдры, лисы, овцы, волка и носили без воротника. Ичик считался у кыргызов праздничной одеждой, его надевали редко.

Обязательной деталью мужского костюма является пояс, которым подпоясывали верхнюю одежду. Наиболее распространены были кушаки –

белбоо. В южных районах для этой цели использовали платки. У богатых были распространены широкие кожаные пояса, отделанные серебряными украшениями, с массивной пряжкой, напоминающие древнетюркские наборные пояса (кемер кур). Мужские шаровары шили из разного материала, употребляли бязь, ткани домашнего производства, шкуры домашних животных, замшу. Из бязи и хлопчатобумажной ткани шили типичные для Средней Азии летние шаровары длиной до щиколотки и с очень широким шагом.

Шаровары «теке шым» шили из замши, выкрашенной в оранжевый цвет. Отличительной особенностью замшевых шаровар было то, что их вышивали цветным шелком.

Завершением мужского костюма были головные уборы. Старинным мужским головным убором являлась белая войлочная шляпа – калпак, которая в настоящее время стала символом народа. Распространенным зимним головным убором был тебетей. Кызыл тебетей – красный тебетей надевали на голову человека при возведении на ханство. В прошлом существовал обычай: если гонца посылал знатный человек, то его визитной карточкой был предъявленный гонцом его тебетей.

Основными принадлежностями женского костюма, как и мужского, являлись туникообразные нательные рубахи/платья и шаровары. Покрой их был аналогичен мужской нательной одежде.

Молодые женщины предпочитали яркие платья, излюбленным цветом был красный. Широкое распространение имели платья с вертикальным разрезом, ворот которых стягивали шнурком. Разрез принято было также закрывать нагрудником – жака – со своеобразной художественной вышивкой. К концу XIX в. платья стали шить со стоячим невысоким воротником, появление которого связывается с влиянием культуры соседних народов. Воротник платья скрепляется фибулой төөнөч; она передавалась по наследству, ее впервые надевала невеста и не снимала до конца жизни. Позднее в моду северных кыргызов вошли отрезные платья, где собранная в сборку юбка пришивалась к сохранившей свой покрой верхней части платья.

Верхняя одежда женщин повторяла мужскую – они носили такого же покроя чапан, меховую шубу. Поверх платья-рубахи надевали короткую или длинную безрукавку – «чып тама», камзол с короткими рукавами – «кем-сел», халат – «чапан», стеганный халат – «чеп кен». Зимняя одежда состояла из меховых шуб – «ичик».

Своеобразным этническим признаком женского кыргызского костюма была распашная юбка белдемчи, которую надевали после появления первого ребенка. Юбка имела много вариантов в покрое, ма-

териале, вышивке. Непременной частью белдемчи является пояс – баш белдемчи. Сшитая из черного, красного или зеленого бархата юбка оторачивалась мехом куницы, украшалась богатой вышивкой цветным шелком, а солярные знаки ее узоров должны были принести счастье, здоровье и благополучие владелице. Этот древнейший, упоминающийся в эпосе «Манас», вид одежды использовали по праздникам.

Сложными были девичьи и женские головные уборы. Девушки надевали шапочку конической формы топу с перьями филина, которую носили до замужества. На севере получила распространение девичья меховая шапка – тебетей. Ее тулья шилась из бархата ярких цветов, обрамлялась мехами, из которых наиболее распространен был мех выдры (кундуз). Отсюда название шапки – кундуз тебетей.

В XIX в. на юге Кыргызстана были распространены головные уборы шокуло и кеп такыя, которые имели шлемовидную форму с длинной наспинной частью, служившей прикрытием для кос. Шокуло богато украшали, сверху его покрывали сеткой из мелких коралловых бус. Примерно с середины XIX в. шокуло стал только свадебным убором. Его надевала невеста, отправляясь в дом жениха, носила его в течение трех–пяти дней, после снимала; семья хранила шокуло как реликвию до свадьбы следующей дочери или близкой родственницы. Типичным для всех мест Кыргызстана был женский головной убор в виде тюрбана под названием элечек. Форма его имела много вариантов. Величина тюрбана зависела от благосостояния его владелицы. Богатые кыргызки делали тюрбан из 20–30-метровой белой ткани. В первый раз элечек надевали молодой женщине, когда отправляли ее в дом мужа. Носили его и зимой, и летом, выполняя домашнюю работу, участвуя в ритуалах. С этим головным убором было связано благословение на счастье: «Башынын ак элечек түшпөсүн» («Пусть с твоей головы не упадет элечек»). А с начала XX в. элечек постепенно стал вытесняться платком, но обряды, связанные с благословением, остались и до наших дней.

Детская одежда в прошлом по характеру и крою мало отличалась от одежды взрослых. Первую рубашку – кырк койнок – ребенку шили по обычаю из 40 кусков разной ткани, швами наружу, не подшивая. В этой рубашке полагалось держать ребенка 40 дней после его появления на свет. Вторую рубашку шили из целого куска ткани, но тоже не подшивая. Одежда детей примерно до двух лет состоит из рубашки или платья, штанов, фартука с лифом и безрукавки. Начиная лет с пяти девочки всех возрастов носят жакеты, сшитые из хлопчатобумажной черной ткани, цветного вельвета или плюша, обшитые пуговицами, а иногда и мелкими серебряными украшениями.

Поверья, связанные с одеждой и ее составными частями, нашли отражение в обрядовой культуре народа. Процесс развития кыргызской традиционной одежды нельзя считать завершенным – в ней все время появляются новые элементы, в которых отражается рост материального благосостояния и изменение культуры народа. Традиционные на-

ряды являются основой для работы современных дизайнеров.

*Научный руководитель – С.К. Алымкулова
д-р ист. наук, профессор,
Кыргызский государственный университет
им. И. Арабаева*

Traditional Kyrgyz Clothing of the Second Half of the XIX – Early XX Century (from the Collections of the State Historical Museum of the Kyrgyz Republic)

A.B. Asanbayeva

The work is devoted to the complex of traditional Kyrgyz clothing. A valuable source for studying Kyrgyz clothing of the XIX–XX centuries is the ethnographic collection of the State Historical Museum of the Kyrgyz Republic, which contains more than 1000 items. The study of museum collections suggests that the complex of traditional Kyrgyz clothing corresponded to the natural conditions and features of the pastoral life of nomads of the mountain-steppe belt. It reflected the gender and age structure of society and the peculiarities of social relations, beliefs and aesthetic norms. Traditional Kyrgyz clothing was very diverse. Beliefs related to clothing are reflected in the ritual culture of the people.

Keywords: traditional Kyrgyz clothing, State Historical Museum of the Kyrgyz Republic.

Асанбаева Айдан Бакытовна

зав. информационно-издательским отделом
Государственный исторический музей Кыргызской
Республики
магистрант 1-го курса
Кыргызский государственный университет
им. И. Арабаева
e-mail: kadyrkyzy@rambler.ru

Asanbayeva Aidan Bakytovna

Head of Information and Publishing Department
Kyrgyz State Historical Museum
1st year master's degree student
Kyrgyz State University named after I. Arabaev
e-mail: kadyrkyzy@rambler.ru

УДК 392.4

Ритуалы бурят-охотников: традиция и современность

Л.В. Бодеев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

В прошлом буряты применяли различные способы охоты с использованием капканов, сетей и охотничьих собак. Одним из основных промысловых животных был булган – соболев, который высоко ценился за свой роскошный мех. Охота на соболя обычно проводилась зимой, когда мех животного был густым, а шкурка прочной. От охотника требовались сноровка и терпение, знание среды обитания и поведения зверя.

Облавная охота была наиболее древней формой охоты, объединявшей большое количество родов, у западных бурят она была известна под названием *зэгэтэ-аба*, у восточных – *аба хайдак*. Добычу облавных охот разделявали, а мясо раздавали в рамках абын зон – общины, состоявшей из групп по 20 чел. Главный среди них был малгай – глава, после него стояли захулы – приставы, следившие за порядком и за тем, чтобы рядовые охотники стояли на своих местах, на равном расстоянии друг от дру-

га; газарша – проводники, возглавляли крылья облавы, люди, хорошо знавшие местность; тобшо – центральной, находившийся между двумя газарша.

Традиционно *зэгэтэ аба* являлась не только средством выживания, но и бережно сохраняемой и почитаемой культурной традицией. Охотничьи навыки передавались из поколения в поколение, и успех охотника рассматривался как отражение его храбрости, силы и мастерства. Буряты проводили сложные обряды и ритуалы, чтобы отметить начало и конец охотничьего сезона, а успешную охоту часто отмечали песнями, танцами.

Ритуал боогэй хатар (шаманский танец) шаман исполнял в честь духов и богов, покровительствующих охоте. Шаман надевал специальный костюм и танцевал вокруг костра, вызывая духов и прося их дальнейшего благословения. После совершения подношения и обрядов буряты устраивали пиршество мясом с удачной охоты.

Охоту сопровождало подношение первой добычи: первое животное, на которое охотились, считалось особенным и предлагалось духам или богам в знак благодарности за успешную охоту. После удачной охоты буряты совершали обряд благодарности *Баян Хангаю* – духу леса за дарованную им дичь. Этот обряд включал в себя подношение овцы или козы и разбрызгивание молока на землю в качестве символического жеста благодарности.

Это лишь некоторые из обрядов и традиций, которые буряты соблюдали после удачной охоты. Точность исполнения ритуалов могла варьироваться от района к району, но все они отражали глубокое уважение и благодарность бурят миру природы и духам, которые им управляли. В последние годы бурятская охотничья традиция столкнулась с экологическими проблемами.

В настоящее время государственные органы строго регламентируют правила охоты посредством лицензий. Таким образом, охота и связанные с ней аспекты жизнедеятельности существенно изменились по сравнению с прошлым. Одним из основных изменений является использование современного огнестрельного оружия и охотничьего снаряжения, что сделало охоту более эффективной и доступной.

Трудно точно предсказать, как бурятская охотничья традиция будет развиваться в будущем, но есть несколько факторов, которые могут повлиять на этот процесс. Одним из них является продолжающийся рост населения и растущий спрос на природные ресурсы, что может оказать давление на дикую природу и экосистемы региона.

Еще одним фактором является изменение климата, которое может преобразовать характер распределения и миграции диких животных в регионе, что затруднит охотникам поиск добычи.

С другой стороны, бурятская охотничья традиция имеет потенциал для развития. Например, растущая популярность экотуризма в регионе могла бы предоставить бурятам-охотникам новые возможности зарабатывать на жизнь и сохранять свое культурное наследие посредством экспедиций для туристов. Сегодня охота по-прежнему является важной частью бурятской культуры, сочетающей в себе традиционные практики и современные методы. Она рассматривается как способ связи с землей, животными и традициями предков. На будущее бурятской охотничьей традиции, вероятно, будет влиять сочетание экологических, экономических и культурных факторов. Буряты демонстрируют решимость сохранить свои охотничьи традиции и сделать так, чтобы будущие поколения могли и дальше ощущать культурное и духовное значение охоты.

*Научный руководитель – Э.А. Неманова
канд. ист. наук, доцент,*

*Восточно-Сибирский государственный институт
культуры*

Список литературы

Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. М.: Наука, 1991. 172 с.

Михайлов В.А. Традиционные промыслы бурят: охота, рыболовство (XVII – нач. XX в.). Улан-Удэ: Тип. Республики Бурятия, 2006. 139 с.

Rituals of the Buryat Hunters: Traditions and Modernity

L.V. Bodeev

The text describes the hunting tradition of the Buryat people, an ethnic group of Mongolian origin living in the Lake Baikal region of Russia. The text highlights the following points: Hunting and gathering have been important for the Buryats' livelihood and cultural heritage. The Buryats used various hunting methods such as traps, nets, hunting dogs and sable and reindeer were among the most important animals hunted. Hunting was considered a respected and revered tradition and skills were passed down from generation to generation. Festivals and rituals were held to mark the beginning and end of the hunting season and successful hunts were celebrated. The modern Buryat hunting tradition has been influenced by traditional practices and modern methods and is now regulated by the Russian government. The cultural significance of hunting remains high among the Buryats and is seen as a way to connect with their ancestors' traditions. The future of Buryat hunting may be influenced by factors such as population growth, demand for natural resources, climate change, and the potential for ecotourism opportunities.

Keywords: Buryat hunting traditions, collective activity, hunting for sable and reindeer, cultural significance, modernization and regulation, impact of population and climate change.

Бодеев Лубсан Владиславович

студент 4-го курса

Восточно-Сибирский государственный институт
культуры

e-mail: lub-bodeev@yandex.ru

Bodeev Lubsan Vladislavovich

4th year student

East Siberian State Institute of Culture
e-mail: lub-bodeev@yandex.ru

Запреты в традиционной семейной обрядности как основа этикета народов Сибири

А.А. Дамбинова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

Этикет, выступая регулятором различных форм взаимодействия в традиционных обществах, во многом сохранился в системе воспитания и во внутрисемейных отношениях. В этнографии тема этикетных отношений коренных народов Сибири до сих пор является актуальной, хотя некоторые вопросы раскрыты в работах, посвященных описанию брака и семьи, основам традиционного мировоззрения [Культурно-бытовые традиции..., 1988; Традиционное мировоззрение..., 1988; Хангалов, 2004].

Этикет народов Сибири определяется как установленный порядок поведения (видов, приемов, норм и т.д.) в традиционных обществах. Элементы этикета тесно переплетаются с ритуально-обрядовыми действиями и традициями этноса. Нарушение правил этикета порицалось обществом, а в некоторых случаях влекло применение более строгих мер по отношению к нарушившему. В данной работе мы хотим сравнить и сопоставить некоторые черты этикета и ряд запретов семейной обрядности коренных народов Сибири.

Семейно-бытовые отношения в традиционных сообществах Сибири строго регламентировались особенно по отношению к невестке. Запреты были выражены в строгом регламенте внешнего вида. У бурят невестка не имела права появляться без традиционного жилета (бур. *уужа*), а также без головного убора в обществе родственников мужа. Помимо этого, она соблюдала обычай избегания – *хорюул* (в пер. с бурятского – «запрет») по отношению ко всем старшим родственникам мужа мужского пола, в особенности к свекру (*хадам эсэгэ*). Строго запрещалось произносить имена свекра, его отца, родственников мужа.

У алтайцев наблюдался обычай избегания (*кай-ындаш*), регулирующий отношения невестки со старшими родственниками мужа, и обычай (*келиндеш*), определяющий практики избегания между старшими родственниками мужа и невесткой. Термин «кайын» обозначает старших родственников мужа, по отношению к которым девушка должна соблюдать определенные правила поведения. В алтайской традиции невестке также запрещалось произносить слова, схожие по смыслу и значению с именем, фамилией или прозвищем свекра [Учайкина, 2014, с. 184–188].

У хакасских женщин также имелся ряд табу, в т.ч. на ношение некоторых видов одежды. Так, к примеру, девушкам запрещалось носить женскую безрукавку (*сегедек*) и праздничную шапку (*ханчых-пёрик*), которые шились только для замужних женщин и обозначали их статус. На свадьбе невесте надевали специальный головной убор (*сахна*), символизирующий вступление в брак.

Таким образом, мы можем видеть общую нормативную систему, которая действовала в семейной обрядности тюрко-монгольского мира Сибири. Невестки в традиционных обществах соблюдали сложный комплекс запретов, связанных с внешним видом и социальным взаимодействием в кругу близких родственников со стороны мужа. Кроме того, существовало мнение об их вредоносном воздействии по отношению к новым родственникам. Поэтому в некоторых случаях против невестки принимались меры магической защиты. В результате совершения соответствующих ритуально-обрядовых действий происходило ее «отделение» от собственной семьи, от прежнего домашнего культа и родительского очага и последовательное включение в семью своего мужа [Тадышева, 2016, с. 98–104].

У бурят, алтайцев и хакасов основная часть запретов оставалась нерушимой, и не соблюдение их не допускалось в течение всей жизни молодых в доме свекра. Некоторые запреты, касающиеся домашнего быта, продолжали иметь силу до достижения детьми в семье подросткового возраста. После этого пожилые женщины у бурят устраивали специальный обряд снятия этих запретов (*сээр тайлаха*), после которого невестка получала право проходить на почетную сторону юрты свекра, где хранились его божества (*онгоны*), могла свободно ходить по юрте, не пятясь и оборачиваясь назад [Хангалов, 2004, с. 216].

Система запретов и ограничений выстраивала этикет женщины у народов Сибири. С возрастом, особенно с рождением детей, правила для невестки становились более свободными, особенно в кругу своей семьи. Например, среди монголоязычных дархатов свекор по своему желанию через три года после свадьбы и «поклона невестки очагу» освобождал ее от строгих этикетных запретов. После данного события она становилась «свободной невесткой».

В заключение можно сказать, что строгие правила избегания невестки являются показателем этикетных отношений в рамках семейной обрядности. Семейно-брачные запреты, система ограничений и избегания продолжают оставаться одним из элементов традиционной культуры тюрко-монгольского мира Сибири. Обычаи избегания позволяют регулировать отношения между членами семьи и предотвращать семейные конфликты. Также система традиционных этикетных взаимоотношений помогает выстраивать гармоничные отношения между родственниками.

*Научный руководитель – Э.А. Неманова
канд. ист. наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры*

Список литературы

Культурно-бытовые традиции бурят и монголов / ред. К.Д. Басаева, Д.Д. Нимаев. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. 163 с.

Тадышева Н.О. Традиционный этикет алтайцев в семейно-родственном аспекте // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. Вып. 2. С. 98–105.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 225 с.

Учайкина А.М. Обычай избегания у алтайцев во второй половине XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5, ч. 1. С. 184–188.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. 508 с.

Prohibitions in Traditional Family Rituals as the Basis of the Etiquette of the Peoples of Siberia

A.A. Dambinova

The work addresses an issue of prohibition in the traditional culture of Buryats. The article touches upon the topic of prohibition and taboo in the context of a family and marriage relations. In general, an attempt was made to comprehensively study the prohibition phenomenon in the traditional culture of the peoples of Siberia. Particular attention is paid to the religious and mythological sphere of life of the associated with various kinds of prohibitions, prescriptions and beliefs. General and specific elements are singled out, for example, the custom of avoidance, as well as the strict regulations of the daughter-in-law's costume in traditional family rituals. Thus, the prohibitions covered all spheres of life, and the system of restrictions and avoidance is an important element of the block of family and marriage relations in the culture of the peoples of Siberia.

Keywords: etiquette, traditions, prohibition, Buryats, Khakasses, Altaians, family and marriage relations.

Дамбинова Анна Андреевна

магистрант 1-го курса

Восточно-Сибирский государственный институт
культуры

e-mail: anna.dambinova@yandex.ru

Dambinova Anna Andreevna

1st year master's degree student

East Siberian State Institute of Culture

e-mail: anna.dambinova@yandex.ru

УДК 394

Юрта – традиционное жилище кыргызов

Н. Иманкулова

*Государственный исторический музей Кыргызской Республики
Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Бишкек, Кыргызстан*

Юрта – древний вид жилища. По мнению ряда исследователей, прототипами современных юрт могли стать постройки пастушеско-земледельческих племен андроновской культуры. Древние юрты реконструировались по материалам скульптурных изображений Северного Китая, датированных серединой I тыс. до н.э. Первые решетчатые юрты известны по изображениям гуннской эпохи. Историю развития этого вида жилища фиксируют памятники средневекового искусства Китая и Средней Азии. Обозначающее жилище слово «jurt», «yurt» имеет общее значение у многих тюркских народов, обозначая также народ, пастбище, родную зем-

лю. На кыргызском языке «Ата-Журт» означает «Отечество».

Без сомнения, юрта – одно из выдающихся изобретений кочевников. Ее устройство у тюркских народов практически одинаково, а самобытность проявляется через элементы декора и внутреннего убранства. Для кыргызов юрта – удобное и практичное жилье. За час семья может собрать или разобрать решетчатую, жердевую конструкцию. Покрытие из войлока защищает ее от дождей, ветров, холода. Юрту легко транспортировать.

Юрты кыргызов отличаются устойчивостью из-за готовности и декора. Каждая состояла из решетчатых

складных стенок – кереге, где все рейки были скреплены ремешками из сыромятной кожи. Количество кереге («канат», «крылья») определяли размер юрты. Кереге связывали между собой плетеными ремнями терме, которые опоясывали решетки и прочно удерживали всю конструкцию. Квадратные переплетения решеток символизировали неразрывную связь поколений – прошлого, настоящего, будущего.

Круг кереге смыкается дверной рамой – босого. Вход в юрту всегда располагался с восточной стороны. Дверь делали достаточно широкой, но не высокой; дверные створки всегда открывались вовнутрь. Затем крепили жерди купола – уук и дымовой круг – тундук на самом верху юрты. Тундук являлся символом семейного благополучия, мира. В восприятии современных кыргызов он стал олицетворением дома, семьи, поколения; в духовно-философском понимании – символом очага, продолжения рода и традиций.

Издревле сырьем для оболочки юрты служит войлок – туурдук. Плотные полотна различной величины закрывали каркас. Непременным атрибутом юрты служила узорная циновка – чий, которую помещали между кереге и туурдуком. Она выполняла декоративную и утилитарно-защитную функцию; в жару служила летней стенкой.

К внешнему декору кыргызских юрт также относилась войлочная полоса с аппликацией тетеге. Выше этой полосы по четырем сторонам войлочного купола нашивали фигурно вырезанный красный (иногда черный) войлок – называемый «куш тырмак», «аюу таман» и т.п. В прошлом, возможно, считалось, что они оберегают юрту. Все это придавало ей своеобразную красоту. Снаружи юрту опоясывали войлочной веревкой.

В прошлом, прежде чем поставить юрту, хозяин выбирал в аиле пожилого, почтенного, а самое главное, многодетного человека. Он должен был помочь поднимать обод юрты – тундук. Этот обряд был связан с пожеланием хозяину и всем членам семьи благополучия, долголетия и процветания. После подъема тундука почтенному старцу надевали белую рубаху, повязывая ее белым кушаком.

При сооружении юрты кыргызы обычно оставляли незавершенным один или два элемента в деревянной части или в покрове. Покров готовили жены родственников и заканчивали его только после того, как хозяин юрты совершит все обряды, положенные при установке юрты. Так делали, чтобы

отвести «сглаз», т.к. верили, что новая юрта может легко поддаться влиянию злых сил.

Убранство традиционной юрты выражало представления кыргызов о гармоничном устройстве обустроенного мира – ее внутреннее пространство украшали разноцветными шырдаками (войлочные мозаичные ковры) и туш-кийизами (настенные панно), а также другими декоративными элементами.

Жизнь в юрте была сосредоточена вокруг коломото (очага), который находится прямо под тундуком. За очагом располагалось почетное место – төр, где усаживали самых почетных гостей – аксакалов. В повседневной жизни это место занимал глава семейства, возле него садились сыновья, а ближе ко входу располагались дочери хозяина и его супруга. На почетном месте ставили джук. Его основанием служил низкий помост. На него ставили деревянные расписные сундуки и шкафчики. На сундуки складывали войлочные ковры (шырдаки), алтыгат (разноцветные матрацы) и одеяла. Обычно около джука на бакан с серебряными крючками вешали мужские халаты – чепкен и головные уборы. С правой стороны возле джука на ууки привязывали расшитые по бархату подвесные полочки секичек для головных уборов женщин. Ниже висела расшитая сумочка күзгү кап, куда женщины клали расческу, зеркала и т.п. У кыргызов правая от входа сторона была женской, эпчи жак, левая – мужской, эр жак. Эти традиции строго соблюдались.

К юрте кыргызы относились с особым почтением. Нельзя было приближаться к жилищу на полном скаку. Подъезжая к юрте, всадник должен был спешиться с тыльной стороны. В знак уважения в юрту надо было входить с правой ноги, низко склонив голову. Дверной занавес нужно было отодвигать только правой рукой. В юрте нужно было пройти по кругу к тому месту, которое предложит хозяин. Оставив оружие и обувь у порога, следовало войти и разделить хлеб с хозяином, отказ считался оскорблением.

Кыргызы традиционно почитали юрту, сопровождавшую человека всю жизнь. В развитии этих воззрений была сформирована государственная символика – на красном полотне флага Кыргызстана заключенный в солнечный диск красуется купольный круг традиционного жилища.

*Научный руководитель – С.К. Алымкулова
д-р ист. наук, профессор,
Кыргызский государственный университет
им. И. Арабаева*

Yurt is a Traditional Kyrgyz Dwelling

N. Imankulova

The work is devoted to the characteristics of the traditional Kyrgyz yurt. The yurt is one of the outstanding inventions of nomads. Its structure is almost the same among the Turkic peoples, and its identity is manifested through elements

of decor and interior decoration. Kyrgyz yurts are distinguished by the stability of manufacture and decoration. For the Kyrgyz, the yurt retains its significance at the present time. It is a symbol of family and clan. Kyrgyz traditionally revere the yurt. In the development of these views, state symbols were formed – a domed circle of a traditional dwelling is emblazoned on the red canvas of the flag of Kyrgyzstan.

Keywords: traditional Kyrgyz yurt, State Historical Museum of the Kyrgyz Republic.

Иманкулова Нурхат

главный хранитель
Национальный исторический музей Кыргызской
Республики
магистрант 1-го курса
Кыргызский государственный университет
им. И. Арабаева
e-mail: kadyrkyzy@rambler.ru

Imankulova Nurhat

chief curator
National Historical Museum of the Kyrgyz Republic
1st year master's degree student
Kyrgyz State University named after I. Arabaev
e-mail: kadyrkyzy@rambler.ru

УДК 394

Женская традиционная одежда алтайцев и корейцев: сравнительный анализ

К.А. Иркитова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

В современном мире одежда разнообразна. Этническое своеобразие культуры остается актуальной темой изучения. У каждого народа сложился свой традиционный наряд. Он связан с материальной и духовной культурой, образом жизни, хозяйственным укладом и этническим мировоззрением. Цель данной статьи заключается в сравнительном анализе традиционной женской одежды алтайцев и корейцев.

В старину традиционная женская одежда алтайцев включала шубу (*тон*), головной убор (*сүрлү бөрүк*), халат (*чепкен*), пояс (*кур*), верхнюю одежду *чегедек*, которую носили замужние женщины. В наше время перечисленная одежда шьется редко, в основном на праздники как национальный символ. К примеру, чегедек вошел в состав современного свадебного наряда невесты [Тадина, 1995, с. 102–106].

Традиционная женская одежда корейцев состоит из юбки (*чхима*), кофты (*чагори*), накидного платья-халата (*турумаги*). На праздник корейская женщина носила ритуальную одежду из шелка (*вонсам*), а также одежду с широким воротом (*расам*) и шляпу (*чонмо*). В наши дни мужчины Кореи редко надевают традиционный костюм, но женщины, отдавая дань традиции, чаще выбирают в качестве наряда традиционную одежду *ханбок* [Цой, 2001; ИONOва, 2014].

При проведении сравнительного анализа традиционной женской одежды изучаемых народов обнаруживаются общие черты и этнокультурные особенности. Сходство алтайской и корейской одежды проявляется в том, что женская одежда указывает на

половозрастной и социальный статус ее носителя. В старину у алтайцев о замужестве свидетельствовал *чегедек* – верхняя безрукавная длиннополая распахнутая одежда. О положении вдовы – верхняя одежда *чуба* [Потапов, 1951, с. 30]. У изучаемых народов полагалось в замужестве носить головной убор, у алтайцев шапку-*бөрүк*, а у корейцев шляпку-*чонмо*. У корейцев «цвет женской одежды зависел от возраста: девушки и молодые женщины шили одежду из ярких тканей – красных, синих, зеленых и др.; женщины после тридцати лет могли носить фиолетовую одежду, а пожилые женщины – преимущественно белую... одежду шили из цветной ткани, то обычно подбирали контрастные цвета (например, для женского свадебного наряда – зеленая юбка и розовая кофта)» [ИONOва, 2014].

Первое отличие состоит в том, что корейская одежда более просторная. Из-за сурового климата алтайская одежда теплая, изготавливалась из шерсти, овчины, кожи, замши. У корейцев зимняя одежда по своему покрою не отличалась от обычной, под нее подбивали вату или мех. Иногда для тепла надевали безрукавку из материи или меха. О северных элементах в корейской одежде свидетельствует одежда из меха, которую носили в холодное время года [ИONOва, 2014].

Другая особенность заключается в оформлении женской одежды. В алтайской присутствует животный орнамент, что обосновано скотоводческим образом жизни. В одежде корейской женщины преобладает растительный орнамент. Общим является то, что посредством оформления традиционной одежды

передается пожелание благополучия в семейной жизни. К примеру, у алтайской женщины с левой стороны чегедека имелось украшение из кожаных мешочков с вшитыми в них детскими пуповинами «кин» – по числу их можно было определить количество и пол детей: круглые мешочки девочек, ромбовидные – мальчиков [Потапов, 1951, с. 42].

В предпочтительном выборе материала для одежды и способах его обработки прослеживаются древние традиции, связанные с этническими компонентами и этнокультурными связями корейского народа [Ионова, 2014]. О происхождении традиционной алтайской одежды можно судить по находкам археологических памятников. К примеру, на изображении валуна памятника Кудыргэ (см. рисунок) можно видеть высокий головной убор, верхнюю меховую одежду, широкие шаровары до щиколотки и короткую обувь женщины, которая, как предполагают исследователи, представляет богиню Умай, посылающую в земной мир детей [Руденко, Глухов, 1927, с. 51].

Таким образом, традиционная женская одежда алтайцев и корейцев, представляющая часть этнической культуры, имеет общие черты и сложившиеся этнокультурные особенности в покрое, оформлении и символизации половозрастного, социального статуса. В целом национальный костюм имеет неповторимую особенность, которая хранит в себе древние корни происхождения, знание о прошлом народа, что позволяет сохранять и передавать потомкам этническую идентичность.

*Научный руководитель – Н.А. Тадина
канд. ист. наук, доцент,*

Горно-Алтайский государственный университет

Изображение на валуне памятника Кудыргэ
(по: [Руденко, Глухов, 1927, с. 51]).

Список литературы

Ионова Ю.В. Характерные черты одежды корейцев и некоторые вопросы ее развития // Корё Сарам. 2014 [Электрон. ресурс]. URL: <https://koryo-saram.site/you-v-ionova-harakternye-cherty-odezhdy-korejtssev-i-nekotorye-voprosy-ee-razvitiya/> (дата обращения: 10.03.2023).

Потапов Л.П. Одежда алтайцев // Сб. МАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. XIII. С. 5–59.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III, вып. 2. С. 37–52.

Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995. 207 с.

Цой Е.В. Традиционный корейский костюм XIX–XX вв. // Библоид. 2001 [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy-koreyskiy-kostyum-xix-xx-vv/viewer> (дата обращения: 10.03.2023).

Women's Traditional Clothing of the Altaians and Koreans: A Comparative Analysis

K.A. Irkitova

The article is aimed at the Altaians and Koreans' traditional women's clothing comparative analysis. Among the studied nations, it was supposed to wear a headdress in marriage: with the Altaians it was "böryak" (a cap), with Koreans – "chonmo" (a hat). On the basis of the information published, it is shown that "chedek" – an upper sleeveless long-sleeved clothing, testified to marriage, "chuba" clothing testified to the position of a widow among the Altaians. The difference can be traced in the design of women's clothing: with the Altai it is animal ornament, with the Korean – vegetable one. There are some common features in the symbolism of clothing design, containing the wish for well-being in family life. The decoration on the left side of the "chedek" consisted of pouches with umbilical cords "kin" and had a semantic significance – their number indicated the number and gender of children. The traditional women's clothing of the Altaians and Koreans has ethno-cultural features in cut, design and ways of symbolizing gender, age and social status.

Keywords: Altaians, Koreans, traditions, women's clothing, symbols, analysis.

Ирkitова Карина Александровна

студент 1-го курса

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: irkitovak04@mail.ru

Irkitova Karina Alexandrovna

1st year student

Gorno-Altai State University

e-mail: irkitovak04@mail.ru

**«Нет крупнее скота, чем верблюд,
нет крупнее поселения, чем у тейлэсов»
(об этнокультурных маркерах сёока-рода тейлэс у алтайцев)**

М.О. Мадышева

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

В качестве названия статьи взята поговорка об одном из самых крупных родов (*сёок*) тейлэс (*тёёлёс*) у алтайцев: «*Тёёлёнг жаан мал жок, тёёлёстёнг жаан журт жок*» (Нет крупнее скота, чем верблюд, нет крупнее поселения, чем у тейлэсов). Родовая структура алтайцев представлена союзом сёоков, объединяющих группу людей, мифологически произошедших от одного предка. Сегодня на территории Республики Алтай расселены около 30 сёоков. Крупные роды-сёоки состоят из отдельных подгрупп. У алтайцев говорят: «Отец дает ребенку опору – кости, а мать – плоть». Если исходить из дословного перевода слово «сёок», которое переводится как «кость», то можно понять, что принадлежность к сёоку патрилинейная – наследуется по линии отца.

Одним из самых многочисленных и распространенных родов считается тейлэс, встречающийся у других тюркских народов, например, киргизов и тувинцев. Принято считать, что тейлэсы сформировались в Улаганском р-не в окрестностях Телецкого озера, рек Чулышман и Башкаус [Тадина, Ябыштаев, 2016, с. 109]. В книге В.В. Радлова «Из Сибири» сказано, что во главе тейлэсов, как и у других сёоков, стоял зайсан (глава рода) по имени Чаппан [Радлов, 1989, с. 125]. По алтайским преданиям, Чеби-Хаан, а также Черен, Онок, относились к числу самых известных зайсанов рода тейлэс. Первые тейлэсы пошли от Чеби-Хаана. Его войско составляло примерно 30 тыс. чел. и захватило восточную прителецкую часть Горного Алтая. После разгрома тюркского каганата сформировалось Тейлэское ханство, просуществовавшее до середины XVII в. Затем в 1652 г. тейлэсы вошли в состав Теленгитского ханства [Ямаева, 2002, с. 136–137].

В родовых преданиях переданы в фольклорной форме версии о происхождении сёоков. Легенда о происхождении рода тейлэс связана с сёоком мундус. В ней повествуется о том, что после сражения осталась в живых одна девушка, которая, чтобы не умереть от голода, нашла одну льдинку после града и зернышко пшеницы, съев их, она стала беременной. Для того, чтобы спасти себя и будущих детей, девушка выбралась из своего убежища и поселилась среди людей, родив двоих близнецов. Через некоторое время она вышла замуж и родила третьего сына. Повзрослев, сыновья решили жить самосто-

ятельно, разделив между собой наследство. Придя к родителям, они увидели, что остались лишь один верблюд и один барашек. Самый младший из сыновей сказал: «Я пас верблюдов, поэтому верблюд должен достаться мне!» Услышав это, отец сказал: «Хочешь взять лишнего верблюда, называйся ты и твои потомки Тейлэс». Средний сын говорит отцу: «Овец пас я, я и должен одного забрать», и, взяв барана за рога, он вывернул их. Тогда отец назвал его Кочкор Мундус (дикий Мундус). Третий сын решил: «Отец, я возьму лишь то, что вы мне сами благословите и отдадите». Отец обрадовался, услышав такой ответ от сына, назвал его Чулум Мундус (истинный, настоящий Мундус) [Потанин, 1883, с. 4].

По сложившимся представлениям алтайцев, у каждого сёока свой родовый характер. У представителей сёока тейлэс преобладают такие черты, как упрямство, гордыня, самоотверженность, отвага. Еще в старину эти качества сформировали в них воинственность. Об этом свидетельствует следующее предание: «Некогда жил один старик. У него было два сына – Тейлэс и Кёбёк. Перед смертью он положил перед сыновьями два предмета – меч и чашу. Тейлэс не раздумывая взял меч, а Кёбёку осталась чашу. Старик сказал: “Ты, Тейлэс, станешь воином и правителем, поскольку взял меч. А ты, Кёбёк, будешь простым, мирным человеком, поскольку ты взял чашу”. И с тех самых пор повелось, что тейлэсы являлись правителями и занимались войной, а кёбёки были мирными жителями» [Ямаева, Апёнышева, 2014, с. 14–15]. Это представление также подтверждается поговоркой: «*Арык та болзо тёёлё – ёркёжи жуу болотон. Ас та болзо тёёлёс – алтынан тура бий болотон*» (Если даже верблюд худой, то все равно в его горбу сохраняется жир. Если даже тейлэсы будут малочисленны, то все равно им положено по традиции быть начальниками-биями).

В преданиях также говорится о том, что злые демоны опасаются представителей рода тейлэс. Однажды произошел спор между богом подземного мира Эрликом и одним из тейлэсов, который спросил: «Почему ты отнимаешь у грудных детей матерей, оставляя их сиротами?» На что Эрлик ответил вопросом: «Почему человек убивает беременных самок животных, оставляя детенышей без матери?» После чего они стали меряться силой: тейлэс выта-

щил Эрлика на землю по пояс, а подземный владыка «втащил» под землю тейлеса по пояс – никто не мог одолеть, силы обеих сторон были равны. Наконец Эрлик, не выдержав столь упорной борьбы, проклял род тейлесов: «Пусть никого на свете не будет сильнее тебя, но пусть твое войско сокращается, пусть жизнь твоя будет короткой». С тех пор будто бы злые духи, демоны-кёрмёсы, боясь тейлесов и не трогают их [Алтай..., 1994, с. 178–179].

У каждого сёока определенная система символов: родовой знак-тамга, родовое знамя, священное животное и родовая территория. Сведения о ней передавались из поколения в поколение, потому что были жизненно важны в родовом обществе алтайцев. Так, например, по знаку тамга можно было понять, к какому сёоку относится тот или иной человек. У тейлесов тамга представлена в виде орнамента (*кулжа*), а также изображения престола (*ширее*). Более того, есть сведение о том, что в старину у тейлесов была родовая тамга, называемая «*јастык*», что означает «подушка», она была редким родовым знаком алтайцев. Кроме того, этот родовой знак называют «*мыйман*», что можно перевести как «бубновая масть игральных карт» [Ямаева, 2002, с. 142]. Священное животное тейлесов – это благородный олень (марал), который изображен на родовом камне тейлесов, водруженном у родовой горы Түмечин, около с. Ело Онгудайского р-на. Хотя сёок тейлес сформировался на территории Улаганского р-на, долина р. Урсул в Онгудайском р-не также является родовой территорией тейлесов. Среди алтайского населения здесь преимущественно проживают тейлесы. Неслучайно в 1992 г. после проведенного собрания-курултая у родовой горы Түмечин была установлена памятная стела тейлесов. При этом гора Түмечин имеет локальное значение, а гора Алтын Туу, находящаяся в Улаганском р-не на южном бе-

регу Телецкого озера, считается единой для всех тейлесов Алтая [Баяндина, 2020, с. 242].

Таким образом, на основе легенд и преданий, опубликованных сведений были выявлены основные версии о происхождении сёока тейлес и описаны его родовые маркеры – родовая территория, родовая гора, знак-тамга, священное животное, а также характерные черты родового менталитета представителей изучаемого многочисленного рода у алтайцев.

Научный руководитель – Н.А. Тадина

канд. ист. наук, доцент,

Горно-Алтайский государственный университет

Источники

Алтай кеп-куучындар / сост. Е.Е. Ямаева, И.Б. Шинжин. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. 415 с.

Список литературы

Баяндина А.В. Родовые признаки сёока тейлес у алтайцев // Мат-лы LX Рос. археол.-этногр. конф. студ. и молодых ученых с междунар. участием. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2020. С. 241–242.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. Т. IV. 1054 с.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Теленгитские памятники этнокультурного ренессанса // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. № 5. С. 109–113.

Ямаева Е.Е. Родовые прозвища тейлесов (к проблеме реконструкции военно-административной системы «тейлис/тардуш») // Древности Алтая. 2002. № 8. С. 136–142.

Ямаева Е.Е., Апёнышева И.Н. Телецкое озеро – территория традиционного природопользования. Горно-Алтайск: Ред.-издат. отдел Горно-Алт. гос. ун-та, 2014. 144 с.

“There is No Larger Cattle Than a Camel, There is No Larger Settlement Than the Työlyos One” (About the Ethnocultural Markers of the Työlyos Seok (Clan) of the Altaians)

M.O. Madysheva

On the basis of legends and traditions, information published, the article presents the main versions about the origin of the numerous Altaian seok of työlyos. It was found out that the revered ancestral mountains are located on the territory of the työlyos seok's origin – Altyn Tuu Mountain near Teletskoye Lake in the Ulagansky district, and on the territory of the largest settlement of the työlyos seok representatives – the valley of the river Ursul in the Ongudai region. The ethnocultural markers of the työlyos are also highlighted: three signs-“tamgas”, a sacred animal-deer, characteristic features of the tribe representatives' mentality of the seok studied. The problem of ethno-cultural study of the Altai clans remains relevant, which is shown with the seok “työlyos” as an example, one of the numerous among the Altaians and neighboring Turkic-speaking peoples.

Keywords: Altaians, seok, ethnocultural marker, legend, ethnic.

Мадышева Марина Олеговна

студент 2-го курса

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: marinamadysheva@gmail.com

Madysheva Marina Olegovna

2nd year student

Gorno-Altai State University

e-mail: marinamadysheva@gmail.com

Периодизация развития китайской традиционной женской одежды (на примере ципао)

Д.В. Мажаева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

Традиционное китайское женское платье ципао имеет довольно длинную историю. Само это название связано с маньчжурской династией Цин (1644–1912 гг.). Принято считать, что термин ципао (旗袍) произошел от названия маньчжурского этноса Ци (旗) – флаг (первый иероглиф) и Пао (袍) – халат (второй иероглиф). Данное название для платья используют в континентальном Китае и на Тайване. В Гонконге используется несколько иное название – чонсам (长衫), что переводится как длинный халат или длинное платье. Такое название пришло из кантонского диалекта китайского языка. Также есть и другие названия, например, цишань (旗衫) – платье, длинная рубашка. Для мужского длинного халата используют термин чанпао (长袍).

Первым периодом развития ципао стоит считать XVII–XIX вв. В это время оно представляло собой длинный халат свободного покроя с запахом на правую сторону. Его носили маньчжурские кочевники. «У ципао был круглый воротник, узкие длинные рукава, прикрывающие кисти рук сверху... Зимой или во время боя рукава можно было натянуть на тыльную сторону ладони, чтобы согреть руки или для того чтобы ничто не мешало стрельбе из лука во время охоты. На талии халат завязывался поясом для поддержания тепла, а в передний борт одежды также клали запасы пищи и корм для лошади. Для удобства езды на лошади по низу халата были сделаны четыре разреза» [Тань Яли, Цзян Нань, 2008, с. 5–6].

С момента основания династии Цин халат ципао стал «обязательной формой одежды для всех, кроме женщин народности хань, они традиционно носили длинную кофту и юбку» [Пантелеева, 2018, с. 139]. Сам халат ципао был показателем социального статуса, декор и аксессуары были четко регламентированы. При этом существовало строгое разделение костюма маньчжурских женщин и китаянок: «После революции 1911 г. маньчжурские женщины перестали носить халаты ципао и отдали предпочтение ханьскому костюму свободного покроя с широкими рукавами...» [A Century..., 2013, p. 26].

Второй период формирования ципао как маркера культурной и гендерной идентичности мож-

но выделить с 1912 по 1930-е гг. После Движения 4 мая 1919 г. китайские женщины пытались добиться свободы и независимости, равноправия с мужчинами. «В традиционном Китае главным признаком гендерной принадлежности была одежда, т.е. женщины носили длинную кофту и юбку, а мужчины – длинный халат “чанпао”. Впоследствии женщины, стараясь как можно больше походить на мужчин, стали носить халаты, по форме и покрою очень похожие на мужские» [Пантелеева, 2018, с. 139].

Женский халат шился из легких тканей, а его форма быстро развивалась. Например, в боковых швах внизу халата часто делали разрезы, длина рукавов была чуть ниже локтя. Само платье уже республиканского периода отличалось легкостью используемого материала, элегантностью и простотой декора. «Колористическая гамма костюма по-прежнему оставалась достаточно яркой: популярными в конце 20-х гг. были насыщенный голубой, зеленый, желтый цвета» [Пантелеева, 2018, с. 140]. Платья украшались различной вышивкой, часто это могли быть цветы сливы, орхидея, хризантема и пион. Нередко орнамент мог покрывать всю поверхность платья. В дальнейшем декор ципао все больше упрощался, для основного материала выбирали однотонную ткань.

В 1925 г. в Пекине впервые на публике в ципао появилась представительница высшего света Республики и первая леди Сун Цинлин. Вслед за этим мода на ципао приобрела более широкий масштаб. Его стали носить представительницы элиты Китайской Республики. Некоторое время спустя ципао получило распространение и среди обычных людей. Уже после революции одними из первых, кто стал носить платье ципао на постоянной основе, стали активистки и студентки. В некоторых учебных заведениях его выбрали как униформу. «В 1920–30-е гг. платье ципао носили представительницы среднего класса, девушки образованные, социально и культурно осведомленные, а также имеющие финансовую независимость» [Ling, 2009, p. 267]. При этом следует сказать, что значительные изменения в костюме произошли только в городах. Жители сельской местности продолжали жить

по строгим правилам и законам, носили традиционную для своего народа одежду.

Стоит отметить еще два важных момента в истории ципао в 1920-е гг. Первый – это Движение 30 мая 1925 г. Благодаря этому национально-освободительному движению был введен запрет на ввоз и использование импортных товаров, в т.ч. на заграничные ткани. Также было запрещено носить западные наряды. Второй – это принятие «Регламента о костюме» от 18 апреля 1929 г. В нем «ципао было официально объявлено одним из вариантов женского официального костюма» [Пантелеева, 2018, с. 140]. Целью этого нововведения на законодательном уровне была необходимость уточнения и систематизации многообразия стилей, возникших в результате влияния западных модных тенденций на китайскую одежду в первые десятилетия XX в.

К 1930-м гг. платье ципао стало главным нарядом женщин Китая. Оно стало универсальным для любого мероприятия. Само платье изготавливалось по индивидуальному заказу. Материал, форму, крой, цвет и декор выбирали клиентки. «Для ципао использовались мягкие ткани – атлас, креп-жоржет, газ, бархат на шифоне, нейлоновый шифон, а также хлопчатобумажные ткани и ситец. Самым популярным материалом для ципао в 1930-е гг. был креп-жоржет с бархатной отделкой» [Пантелеева, 2018, с. 140].

Третий период в становлении ципао – это этап с начала Второй мировой войны до 1950-х гг. Во время Второй мировой войны длина платья заметно уменьшилась, укоротились и рукава. Ципао шили из хлопчатобумажных тканей местного китайского производства. Главные принципы в производстве костюма конца 1930-х – начала 1940-х гг. – это экономия, гармоничность, эстетичность, гигиеничность и натуральность тканей.

В 1950-х гг. ципао претерпело еще одно изменение, на платье появились специальные выточки в районе груди. В традиционных нарядах было не принято подчеркивать женскую грудь, эта мода пришла под влиянием западных тенденций пошива женской одежды. Идея подчеркивать «естественный бюст» с помощью выточек на платье пришлась по вкусу женщинам того времени. Как следствие выточки в районе груди стали неотъемлемой частью платья [Finnane, 2008, p. 148].

Четвертый наименее продолжительный период – 1960-е гг., когда ципао получило дальнейшее признание во всем мире, оно стало униформой китайских и тайваньских бортипроводниц. Они превратили эту часть гардероба в профессиональную и высококлассную одежду, за счет чего само платье получило узнаваемость за пределами КНР и Восточной Азии.

Однако уже в 1970-х гг. ципао потеряло свою былую популярность, и его начали считать устаревшим. Женщинам требовалась более практичная одежда в виде курток и брюк западного образца. Это связано с тем, что в этот период большинство женщин были заняты работой в сельском хозяйстве и на фабриках. Это время необходимо выделять как пятый период в истории ципао.

Шестой этап в развитии ципао – конец 1980-х – 1990-е гг. К концу 1980-х гг. платье ципао начало возвращаться в обиход у женщин Китая. Его стали использовать в фильмах, спектаклях и в свадебных церемониях. С конца 1990-х гг. мода смешивала и экспериментировала с культурными элементами разных народов. В то время ципао стало основным элементом гардероба молодых женщин по всему миру.

Заключительный седьмой период мы можем наблюдать в данный момент. В 2000-х гг. многие иностранные и китайские дизайнеры начали экспериментировать с формами, стилями и узорами ципао. В современных китайских средних школах ципао, в одной из своих вариаций, является школьной формой для девочек.

Таким образом, стоит сказать, что платье ципао в ходе своего развития пережило несколько кардинальных изменений. Оно прошло разные этапы формирования: от халата маньчжурских кочевников до современного вида – более легкого, струящегося, приталенного платья, которому присуще многообразие форм и фасонов. В современных реалиях ципао стало одним из маркеров китайской идентичности.

*Научный руководитель – С.Н. Корусенко
канд. ист. наук, доцент,
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского*

Список литературы

- Пантелеева В.Б.** Платье ципао: традиции и современность // Грамота. 2018. № 3 (89). С. 139–143.
- Сычев Л.П., Сычев В.Л.** Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М., 1975. 172 с.
- Тань Яли, Цзян Нань.** Ципао. [谈雅丽, 江南. 旗袍] Пекин, 2008. 144 с.
- A Century of Fashion: Hong Kong Cheongsam Story** [百年时尚：香港长衫故事]. Hong Kong Museum of History, 2013. 196 p.
- Finnane A.** Changing Clothes in China: Fashion, History, Nation. Columbia Univ. Press, 2008. 360 p.
- Ling W.** Harmony and Concealment: How Chinese Women Fashioned the Qipao in 1930s China // Material women, 1750–1950: consuming desires and collecting practices. Farnham: Ashgate, 2009. P. 259–280.

Periodization of the Development of Chinese Traditional Women's Clothing (Using the Example of Qipao)

D.V. Mazhaeva

The article is devoted to the qipao women's dress, which was worn by Chinese women from the Qing Dynasty to the present. The object of study is the qipao dress at different stages of its formation, the subject is the qipao as a symbol of the formation of the national identity of Chinese women. The purpose of this work was to consider the evolution of the development of qipao and the influence of Western fashion trends on it. The article differentiates the periods of development of qipao throughout its history of becoming a separate element of the costume and fashion of Chinese women.

Keywords: qipao; Chinese women's costume; fashion in China; history of qipao formation.

Мажеева Дарья Владимировна
студентка 3-го курса
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
e-mail: dmazhaeva_55@mail.ru

Mazhaeva Darya Vladimirovna
3rd year student
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky
e-mail: dmazhaeva_55@mail.ru

УДК 39:642=(571.56)

Функции традиционной кухни якутов

С.М. Михайлова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Традиционная кухня – это совокупность репрезентативных для этноса приемов и знаний культуры питания, а также способов приготовления, обработки и хранения пищи, обусловленных климатическими и ландшафтными особенностями освоённой территории. С этнографической точки зрения, традиционная кухня является одним из главных маркеров любого народа. Следует отметить, что традиционная кухня, в отличие от других элементов традиционной культуры, сохраняется на протяжении длительного времени, но при этом легко модифицируется и адаптируется к новым условиям существования [Арутюнов, 2001; Павловская, 2015]. Исследователи делят национальную пищу по ресурсному признаку – на мясную, молочную и растительную. Стоит заметить, что состав базовых продуктов традиционной кухни практически одинаков у всех этносов, но именно их сочетание, способы приготовления и методы обработки определяют ее специфику.

Одним из главных назначений любой пищи является функция жизнеобеспечения. Пища – это источник получения энергии, для активной мозговой и физической деятельности человека, насыщает организм необходимыми для него микро- и макроэлементами, витаминами, минералами. Кухня якутов – тюркоязычного скотоводческого народа Евразии, коренного населения Республики Саха (Якутия) – отличалась разнообразием.

Хозяйственная деятельность якутов предопределила формирование их национальной пищи.

В первую очередь эта деятельность была представлена животноводством – разведением коров, лошадей, оленей, а также собирательством, охотой, рыболовством; после прихода русских добавилось еще и земледелие. Из-за различий ландшафта в местах проживания якутов формировалась специализация хозяйственной деятельности. Для северных и вилюйских групп улусов было характерно постоянное употребление рыбы и оленьины. Но главным видом хозяйства для якутов является скотоводство и коневодство. Важное место в рационе занимала дичь: промысловые животные, водоплавающие и боровые птицы. Характерным для якутской кухни являются блюда из субпродуктов: *харта*, *хаан*, *ис миинэ*; молочные блюда: *суорат*, *кумыс*, *быырпах*, *сүөгэй*, *саламаат*; мясные блюда: *сылгы ойбоһо*, *утэхэлэммит эт*, *убаһа*; замороженные блюда: *тоң ас*: *тоң быар*, *тоң эт*, *тоң балык*.

Суровые условия жизни Крайнего Севера очень энергозатратны, поэтому рацион питания якутов насыщен белковой и жирной пищей, которые долго усваиваются в организме. Но бедное население не могло довольствоваться таким рационом на постоянной основе, поэтому мясомолочную пищу они заменяли всем тем, чем можно его заменить. Они употребляли *сыму* (квашеная рыба), *тар* (замороженный суорат), *үөрэ* (сосновая заболонь), а также озерных рыб вместо мяса, в основном карася – *собо* [Илларионов и др., 2019].

Кроме мясомолочной пищи, в рацион якутов также входила растительная пища. Народные зна-

ния якутов о полезных свойствах растений помогали восполнять микроэлементы и витамины, отсутствующие в мясной, молочной и рыбной пище.

Следующая функция, которую можно выделить, – это лечебная. Тяжелые условия жизни в Якутии: суровый климат, низкие санитарно-гигиенические нормы проживания, способствовали высокому уровню заболеваемости коренного населения. Поэтому остро стоял вопрос о сохранении здоровья и лечении. Известно, что питание являлось одним из основных факторов, определяющих здоровье. Якуты знали, что пища является основным источником полезных организму веществ. Было известно, что усиленное питание и употребление жирной пищи полезно при туберкулезе; мясо изюбра использовали при легочных заболеваниях; иммунитет поддерживали при помощи кумыса, лекарственных трав [Михайлова, 2021а, б; Михайлова и др., 2021].

Сакральная функция пищи проявлялась в установлении связи между людьми, божествами и духами. В мифологическом мировоззрении молочная пища выступала как элемент бескровного жертвоприношения божествам *Айыы* или духам, обитающим в окружающем якутов мире. Она использовалась в обряде *алгыс* (восхваление божеств и испрошения у них всех благ жизни) во время национального праздника – *Ыһыах* [Сивцев, 2010]. Сакрализацию молочной пищи можно отметить в ее традиционном названии *уруң ас*, что связывает данные виды продуктов с *Уруң Аар Тойон*, являющимся по мифологическим представлениям якутов верховным божеством. Во время *Ыһыах* происходило кропление кумысом в честь благословения земли; в огонь бросали конский волос; «кормили» огонь кумысом и оладьями для процветания народа саха [ПМА 1; 2].

Таким образом, традиционная кухня якутов выполняла ряд функций. В результате исследования на данный момент можно выделить четыре основных: идентифицирующая, жизнеобеспечения, лечебная и сакральные функции. Подводя итоги, можно сказать, что традиционная кухня является частью культурного наследия якутов. Она является наиболее устойчивым элементом традиционной культуры. Долго сохраняет свой первозданный облик. При этом этническая кухня изменчи-

ва, вбирает в себя все новые и новые элементы. Но при всех изменениях она сохраняет свои функции. Традиционная кухня якутов отражает историю народа, его опыт и знания; отражает материальную культуру, духовно-нравственные ценности и мировоззрение.

*Научный руководитель – К.М. Яковлева
канд. ист. наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова*

Источники

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Вилюйский и Верхневилуйский улусы, РС(Я), июнь 2022 г. (Полевой дневник: Ысыах г. Вилюйск).

ПМА 2 – Полевые материалы автора № 2. Экспедиция в Вилюйский и Верхневилуйский улусы, РС(Я), июнь 2022 г. (Полевой дневник: Ысыах Олонхо в с. Верхневилуйск).

Список литературы

Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 10–17.

Илларионов В.В., Илларионова Т.В. Якутская национальная кухня: традиции и современность // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 12. С. 115–119.

Михайлова С.М. Народные методы лечения туберкулеза у якутов // Мат-лы LXI Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студ. и молодых ученых, Иркутск, 04–08 апреля 2021 г. Иркутск: ИГУ, 2021а. С. 217–218.

Михайлова С.М. Традиционные знания якутов в бытовой этномедицине // Эрэл-2021: Сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф., Якутск, 17–19 февраля 2021 г. Якутск: СВФУ, 2021б. С. 202–204.

Михайлова С.М., Яковлева К.М. Кумыс в народной медицине якутов // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 44–49.

Павловская А.В. Понятие национальной кухни: к теории вопроса // История еды и традиции питания народов мира. Вып. 2. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. С. 64–75.

Сивцев И.С. Праздник ысыах в традиционной культуре народа саха // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2010. № 4. С. 250–254.

Functions of Traditional Yakut Cuisine

S.M. Mikhaylova

Traditional cuisine is one of the elements of the culture of each ethnic community, which contains both the material component of the people and spiritual values. The work touches on the composition and features of the traditional cuisine of the Yakuts, which are determined by historical events, their everyday and religious worldview, the conditions of the area they live: geographical and climatic, economic activities. The study of Yakut cuisine in the literature took place earlier only by the description of the dish and their constructive feature: the composition of the dishes and their recipes. The study gives

a new look at the classification of traditional Yakut cuisine. The traditional food of the Yakuts, in addition to the constructive type, can be classified according to their functional purpose.

Keywords: traditional cuisine, Yakuts, Yakut cuisine, food functions, national food, nutrition, worldview of the Yakuts.

Михайлова Саргылана Михайловна

магистрант 1-го курса

Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова

e-mail: s.mhlva@gmail.com

Mikhaylova Sargylana Mikhaylovna

1st year master's degree student

North-Eastern Federal University

e-mail: s.mhlva@gmail.com

УДК 94 (571)

Хозяйственный уклад и расселение чукчей в XVII–XIX вв.*

М.С. Мишанов

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН,
Магадан, Россия*

Чукчи – коренные жители континентальной Чукотки. Их происхождение восходит к рубежу IV–III тыс. до н.э. Основой культуры далеких предков этого народа была охота на диких оленей, которая существовала здесь до конца XVII в. Береговые чукчи сформировались в результате контактов с эскимосами. Происходило взаимодействие двух охотничьих традиций, осуществлявшееся в форме обмена. Часть континентальных чукчей в XIV–XV вв. под давлением юкагиров, занимавших их территории, перешла к оседлому образу жизни и занятию морским зверобойным промыслом. Перед контактами с русскими для общественных отношений чукчей было характерно перерастание патриархальной общины в соседскую и развитие имущественной дифференциации [Богораз, 1991, с. 34–46]. Олени, собаки, жилища и байдары были в частной собственности, а пастбища и промысловые угодья – в общинной. Социальной единицей тундровых чукчей было стойбище из 3–4 родственных семей. Работники крупных оленеводов жили в стойбищах со своими семьями.

Чукчи населяли устье р. Колымы, а также побережье Ледовитого океана вплоть до мыса Дежнева на востоке от Колымы. В этих местах можно было найти как чукотские, так и эскимосские поселения, которые иногда располагались чересполосно. Внутренние районы Чукотки были освоены предками чукчей и коряков. Жители побережья Берингова и Чукотского морей говорили как на чукотском, так и на эскимосском языках. Чукчи занимались оленеводством, которое, возможно, развивалось под влиянием коряков. Домашнее крупностадное оленеводство сложилось здесь только в XVIII в.

Первые упоминания о чукчах в русских документах относятся к 1640-м гг. В конце XVII в. численность чукчей составляла ок. 8–9 тыс. чел., а к концу XVIII в. они распространились от Омолона, Большого и Малого Анюев на западе до кочевий пенжинских и олюторских коряков на юго-востоке [Линденау, 1983, с. 42–48]. К концу XIX в. были выделены различные территориальные группы чукчей, такие как колымская, колючино-мечигменская, онмыленская, туманская, олюторская и берингоморская. В 1897 г. численность чукчей уже составляла 11 751 чел. [Вдовин, 1965, с. 64–126].

В XVII–XIX вв. чукчи были активными участниками межрегиональной торговли в Арктике. Они продавали моржовый ус, кожу и товары из шкур животных, добытых на охоте в обмен на металлические изделия, огнестрельное оружие, ткани и другие предметы. Партнерами чукчей были русские из поселений на берегу Берингова пролива. С начала XVII в. русские купцы активно торговали с чукчами. В 1720-х гг. были созданы первые торговые станции в Чукотке. В этот период обмен между населением северо-востока Сибири и северо-запада Америки стал более регулярным; расширился ассортимент товаров. Появились товары русского производства; сложился рынок пушнины и моржового клыка. В конце XVII в. посредническая торговля приобрела особое значение и получила развитие на берегах Берингова пролива и островах. Охота на моржей стала основным промыслом жителей о. Св. Лаврентия. Русская культура имела большое влияние на хозяйственное, политическое и общественное развитие чукчей и азиатских и аляскинских эскимосов [Линденау, 1983, с. 78–104].

*Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 22–18–00319.

С конца XVII и до начала XX в. процесс христианизации привел к распространению среди чукчей элементов православия. При этом чукчи сохраняли свои традиционные верования, включая почитание животных и священных предметов, а также шаманизм. Их традиционные праздники были связаны с хозяйственными циклами, с охотой на морских животных. Были известны праздники оленя, кита и жертвоприношение морю [Богораз, 1991, с. 134–150]. Во время праздника оленя чукчи собирали сброшенные олени рога и разжигали огонь, а праздник кита был связан с прощением за убийство морских животных.

В XVII–XVIII вв. патриархальная община была основной социальной структурой у чукчей, объединявшей людей для совместной добычи средств к существованию. Эти общины выполняли хозяйственные, правовые, брачные, бытовые и культовые функции. Несмотря на отсутствие подробных исторических записей о структуре чукотского общества до XVIII в. в документах того периода можно найти информацию, которая позволяет восстановить его уклад. В чукотском обществе был распространен обычай, согласно которому мужчина, желающий вступить в брак, должен был отработать в семье будущего тестя в течение определенного времени. Похищение девушки не приводило к непримиримой вражде между семьями; родители могли требовать выкуп за свою дочь и в качестве выкупа давали женщину из своей семьи [Богораз, 2016, с. 127]. Сильные и многочисленные патриархальные семьи объединялись в байдарные группы. Слабые присоединялись к более сильным, т.к. они не имели байдар или не могли укомплектовать их гребцами-охотниками. Община могла иметь одну байдару на 2–3 семьи. К концу XIX в. наиболее распространенными были байдарные общины, объединявшие родственников по мужской линии, которые охотились вместе и делили между собой добычу поровну [Там же, с. 116–131].

В системе социальных отношений чукчей значимыми были военные формирования. Социальное устройство (родо-племенные и семейные структуры) чукчей оленеводов и зверобоев определяло систему комплектования войска. Военные контакты, кроме прочего, были формой освоения новых технологий и тактик. При этом чукчи считались очень воинственными – в разное время они воевали со всеми окружающими народами. Войны с коряками в XVIII в.

происходила из-за оленьих стад; и в большинстве случаев наступающей стороной были чукчи. В документах XVIII в. И.С. Вдовин насчитал только пять случаев, когда коряки и юкагиры отважились идти походом на чукчей, да и то при поддержке анадырцев [Вдовин, 1965, с. 96]. Оленные чукчи вели войну, используя наступательную стратегию, подвижность на театре боевых действий, маневренную тактику, постановку засад и ложное бегство; перестрелка с последующей рукопашной схваткой также относилась к основным элементам кочевого военного дела [Нефедкин, 2003, с. 75–112].

Таким образом, чукчи, жившие в суровых климатических условиях, были адаптированы к окружающей среде и использовали природные и культурные ресурсы максимально эффективно. Численность чукчей увеличилась, однако территория их расселения несколько сократилась под влиянием различных факторов – не только природных, но и этнокультурных – в результате конкуренции с юкагирами и контактов с русскими. После прихода русских хозяйственный уклад чукчей претерпел изменения. Большая часть континентальных чукчей перешла к оседлому образу жизни, они были активными участниками межрегиональной торговли, в результате чего получали новые виды товаров, включая изделия из металла, ткани и огнестрельное оружие. Между тем, охота на морских млекопитающих, рыболовство, военные контакты, развитая система мифо-ритуальных практик оказали значительное влияние на формирование чукотской идентичности. В процессе трансформации традиционной культуры чукчи сохранили свою этничность.

*Научный руководитель – П.С. Гребенюк
канд. ист. наук, доцент,*

Северо-Восточный государственный университет

Список литературы

- Богораз В.Г.** Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. 211 с.
- Богораз В.Г.** Чукчи: Социальная организация. Л., 2016. 223 с.
- Вдовин И.С.** Очерки истории и этнографии чукчей. Л.: Наука, 1965. 400 с.
- Линденау Я.И.** Описание народов Сибири. М.: Книжное изд-во, 1983. 182 с.
- Нефедкин А.К.** Военное дело чукчей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 352 с.

Economic Structure and Resettlement of the Chukchi in the XVII–XIX Centuries

M.S. Mishanov

The article explores main features of the economic structure and resettlement of the Chukchi in the XVII–XIX centuries. The ancestors of the Chukchi formed on the continental Chukotka at the turn of the 4th–3rd millennium BC. The basis of the culture of this people was hunting for wild deer, which existed in the region until the beginning of the 18th century.

The number of Chukchi increased, but the territory of their settlement was somewhat reduced under the influence of various factors, including climate change, competition with the Yukaghirs, and contacts with Russian colonists. After the arrival of the Russians, the economic structure of the Chukchi changed. Most of the continental Chukchi moved to a settled way of life, they were active participants in interregional trade, as a result of which they received new types of goods, including metal products, fabrics and firearms. Meanwhile, hunting for marine mammals, fishing, lifestyle, military contacts, a developed system of practices and religious beliefs had a significant impact on the formation of the Chukchi identity. In the process of transformation of traditional culture, caused by civilizational contacts and the demographic situation, the Chukchi retained their ethnic specificity.

Keywords: Chukchi, Chukotka, Russian Empire, economic structure, resettlement, trade, Russians, XVII–XIX centuries.

Мишанов Матвей Сергеевич

студент 2-го курса

Северо-Восточный комплексный

научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило

ДВО РАН

e-mail: boy.mat@mail.ru

Mishanov Matvei Sergeevich

2nd year student

North-Eastern Integrated Research Institute

named after N.A. Shilo of FEB RAS

e-mail: boy.mat@mail.ru

УДК 394

О повседневном быте уймонских старообрядцев

Д.В. Ошлокова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Старообрядчество стало формироваться в XVII в. Кержаки, как сами себя называют староверы, не приняли реформы Никона, не захотели менять свои традиции. В Республике Алтай староверы живут в приграничном Усть-Коксинском р-не. Вопрос изучения их традиционной культуры представляет большой интерес [Тадина, 2021]. Целью данной работы является характеристика повседневного быта уймонских староверов. Статья написана на основе авторского полевого материала – опросов, проведенных в двух старообрядческих селах Мульта и Верх-Уймон.

Семьи уймонских староверов, как правило, большие и дружные, детей в семье «столько, сколько Бог даст». Почитание и уважение старших является одной из важных ценностей среди старообрядцев. Эта норма соблюдается и сегодня: «обидеть родителей считается грехом» [Кучуганова, 2000]. Семейные ценности сохраняются, дети воспитываются в строгости. С малого возраста приучаются к труду: девочки работают в огороде и прибирают в доме, помогают матери, сыновья работают с отцом.

Традиционно староверы жили за счет натурального хозяйства. В каждой семье важное место занимала охота и рыбалка. Одним из важных занятий было собирание трав и ягод. Травы используют для лечения и изготовления чая. Известны бабушки, которые лечили травами. Но сегодня лекарей-травников становится все меньше; их опыт исчезает, происходит утрата уникальных знаний.

Но многие стандарты повседневной жизни старообрядцев сохраняют свое значение. В их рассказах «работать приходится много, от зари до зари» [ПМА 1]. Особое внимание уделяется молитвам и общению с Богом. В каждом доме есть «красный угол», где стоят иконы. В больших домах есть молебная комната для всей семьи. Староверы строго относятся к постам, поэтому их соблюдают и взрослые, и дети. Самый главный пост называется «Великим». Он длится 7 недель, в течение которых нельзя есть мясо, яйца, молочные продукты и многие другие продукты животного происхождения, потому что происходит полное очищение организма и души, согласно старообрядческой вере. В дни поста люди постоянно молятся, им не разрешено празднично проводить время, участвовать в праздниках и свадьбах. В повседневном быту старообрядцев не принято курить, по этому поводу от старшего поколения можно услышать: «кто курит табак, тот хуже собак» [ПМА 2]. Кроме того, является грехом и употребление алкоголя. Старообрядцы ведут здоровый образ жизни как физически, так и духовно.

Жители старообрядческих сел проводят службы в «молебных домах». Если в православном храме женщины могут находиться в платках, шапках или косынках, завязанных сзади на узел, то в молебных домах предписано быть только в платке, заколотом булавкой под подбородком. В одежде старообрядцев не допускаются разноцветные и яркие

цвета. Мужчинам рекомендовано носить рубашки на старорусский манер. Образ дополняет пояс, который условно разделяет тело человека на верхнюю духовную часть и нижнюю, считающуюся «грязной». Старообрядцы не бреют бороды. Даже современная молодежь старается придерживаться таких традиций [ПМА 1].

Отличительной особенностью повседневного быта старообрядцев является особое отношение к кухонным принадлежностям. У каждого члена семьи имеется собственная «христианская» – «чистая» посуда, которую нужно отмоить. Для гостей староверы держат отдельную, т.н. «мирскую», утварь [ПМА 1]. При этом, если из посуды поели представители другой веры, она считается оскверненной и ее принято «очистить», проведя обряд освящения огнем и водой. Также к «поганой» посуде относится та, которую не накрыли каким-либо предметом. Сейчас, когда в мире появился коронавирус, традиция староверов стала оправданной и приобрела актуальность.

Кержаки верят в то, что в воде и продуктах, оставленных открытыми, «купаются бесы, нечистые». Считается, что тот, кто употребит в пищу соль или воду, в которых «искупались» нечистые, обязательно заболеет. Особенно в вечернее время следует накрывать посуду. Если кто-то из членов семьи даже нечаянно оставит ведро с водой открытым на всю ночь, то пить из него строго запрещается. То же отношение к пище и напиткам, не прикрытым на ночь. Среди построек «поганым местом» считается баня, поэтому «выйдя помытым из бани нужно обязательно умыться чистой водой».

В повседневной жизни старообрядцев есть необычные обычаи и традиции. К примеру, после рождения ребенка его нужно крестить в течение нескольких дней. Старообрядцы приемлют крещение только полным троекратным погружением, при этом ребенку дается второе имя для того, чтобы на него не могли навести порчу или пожелать плохое. Это имя знают самые близкие родственники.

Хоронят в деревянных «домовинах», называемых «сутунок», представляющих бревно, из которого вырезают гроб. На протяжении всей жизни сутунок хранится, как правило, на чердаке, под крышей дома, в сухом и безопасном месте «подальше от мирских глаз». Сразу после смерти человека обмывают водой и одевают в «смертное», которое так же, как и домовина, было подготовлено при жизни задолго до смерти. Отпевают на протяжении 40 дней «сорокоуст» [ПМА 2]. Соблюдение

этого обычая требует расходов – его стоимость равна цене дойной коровы. Неслучайно в наши дни стараются отпеть сорокоуст еще при жизни человека.

По собранным этнографическим сведениям, в повседневном быту уймонских староверов продолжается соблюдение обычаев и традиций. Несмотря на то, что технический прогресс внедряется в их жизнь, заменяя ручной труд механизированным, сохраняются правила «стариковской жизни». «Вплоть до настоящего времени пожилые уймонские старообрядцы не пьют чай и кофе» [Шитова, 2011, с. 286]. В с. Мульта Усть-Коксинского р-на есть несколько семей старообрядцев, которые отказались даже от пенсии, считая предназначенные для получения деньги грехом. Большая часть старообрядцев, если и имеют телевизор, то стараются держать его подальше от икон. До сих пор остаются семьи, в которых не смотрят телевизор и отказываются от Интернета [ПМА 2]. Современный мир несет новые технологии, но традиции сохраняют свое значение для староверов.

*Научный руководитель – Н.А. Тадина
канд. ист. наук, доцент,*

Горно-Алтайский государственный университет

Источники

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в феврале 2023 г. в с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республика Алтай (информаторы – Р.П. Кучуганова, 1950 г.р.; А.Е. Арляпова, 1967 г.р.).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в феврале 2023 г. в с. Мульта Усть-Коксинского района Республика Алтай (информаторы – М.В. Ошлюкова, 1933 г.р.; Т.А. Ничкова, 1937 г.р.).

Список литературы

Кучуганова Р.П. Уймонские староверы. Новосибирск: Сибирское соглашение, 2000. 161 с.

Тадина Н.А. О роли Научной лаборатории этнографических исследований Горно-Алтайского государственного университета в изучении Республики Алтай и сопредельных регионов // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. Омск: Наука, 2021. Ч. 1. С. 309–315.

Шитова Н.И. Особенности мировоззрения уймонских старообрядцев в нарративных источниках XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 8. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 283–287.

About the Everyday Life of the Uimon Old Believers

D.V. Oshlokova

The purpose of the article is to highlight the main features of the Uimon Old Believers' everyday life on the basis of the field material collected by the survey method in the Old Believer villages of Multa and Verkh-Uimon of the Ust-Koksinsky district of the Altai Republic. Traditionally, the Old Believers live off subsistence farming, and also are engaged in hunting. The preservation of family values is noted, children are taught to work from an early age and are brought up in strictness, the elders are revered. Particular attention is paid to prayers, attitude to God, strict observance of fasts. A distinctive feature of the Old Believers' everyday life is a special attitude to kitchen utensils: everyone has their own "clean" dishes that need to be said in prayer. According to the ethnographic information collected, in their everyday life, the Uimon Old Believers continue to observe the baptist customs of newborns, a special attitude towards old age and death, and avoid using technological innovations – television, the Internet.

Keywords: Uimon Old Believers, everyday life, family values.

Ошлокова Дарья Викторовна

студент 2-го курса

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: oslokovadara@gmail.com

Oslokova Daria Viktorovna

2nd year student

Gorno-Altai State University

e-mail: oslokovadara@gmail.com

УДК 392.5

Форма брака и брачный возраст тувинцев: этнографический аспект

Е.А. Савельева

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Брачный возраст, закрепленный обычаем или законом, универсально является значимой характеристикой демографического поведения. В XIX в. брачным возрастом девушек в Туве считались 14–15 лет. Представление о совершеннолетию для юношей варьировалось от 18–20 лет и старше. По народным меркам готовые для брака жених и невеста должны были быть физически крепкими, работающими, почтительными к старшим людям. В целом период от 16 до 40 лет считался временем расцвета физических и духовных сил, накопления жизненного опыта [Айыжы, 2017, с. 62].

Обращаясь к традициям заключения брака, следует начать с обрядов сватовства. Распространенным было сватовство с пубертатного возраста. Но также сохранялась традиция колыбельного сговора (*уруг демдектери*) – это было первое сватовство, когда будущему жениху исполнялось 9–10 лет, и родители жениха совершали обряд устного сговора). По мнению С.М. Биче-оол, колыбельный сговор чаще всего совершался с целью укрепления дружеских связей через родство. К примеру, подобный договор мог произойти, если родители мальчика сообщали семье, ожидающей ребенка, что в случае рождения девочки она будет их будущей невесткой. Если все же рождалась девочка, то родители сына преподносили «устный подарок». Если дети были слишком малы, а семьи не близки, родители девочки напрямую не обещали, что отдадут дочь замуж

именно за этого мальчика. Окончательный выбор делали уже подростковые дети.

Сватовство с пубертатного возраста осуществлялось, когда молодым людям было 10–12, либо 13–14 лет. Выбор возраста в данном случае был связан с благополучием исхода первых родов.

Для молодых людей заговаривать о своем желании жениться считалось неприличным. Сватовством занимались сами родители. Здесь С.М. Биче-оол приводит описание П.К. Козлова, касающееся выбора невесты: родители не всегда принуждают сына жениться на конкретной девушке, называя предлагаемых девушек, если он, стеснясь, не называет имени своей возлюбленной и отвергает всех потенциальных невест. В таком случае парень просит своего приятеля рассказать о намерении жениться на возлюбленной, и поручает назвать ее по имени. Если выбор сына не нравится родителям, то влюбленные довольно часто сговариваются сбежать [Биче-оол, 2018, с. 70–71].

Беря во внимание подобную ситуацию с согласием на брак в семье девушки, следует отметить, что в случае несогласия дочери, родители дают сватам отрицательный ответ. Если девушка не противится, отец семьи согласен на брак, но мать – против, поступают согласно желанию последней. В случае сватовства без согласия девушки она могла выразить протест бегством с любимым человеком.

Нельзя не отметить праздник *ойтулааш* – традиционные ночные игрища, проводимые холостой молодежью в возрасте 16–17 лет. На празднестве молодые люди знакомились, узнавали друг друга, чтобы избежать близкородственных браков – существовал строгий запрет на брак между близкими родственниками. В советское время праздник был запрещен.

Фактическое начало семейной жизни начиналось после пиришества, длившегося 2–3 дня. Ему предшествовал обряд *дугдээшкин* (который заключался в том, что жениха и невесту сажали рядом, затем соединяли кончики их косичек) [Биче-оол, 2018, с. 55–62]. К тому времени, как правило, завершалось приготовление приданого 14–16-летней девушки. Родители невесты готовили юрту в своем аале, одежду на все сезоны, все необходимое для семейной жизни. В день обряда приезжали близкие и дальние родственники. Позже приезжали родственники жениха с подарками и скотом. Родственницы отца жениха переплетали три косы девушки в две, украшая конец соединенных кос *чавага* – украшением ее матери, маркирующим статус женщины.

Изменения семейных практик происходили в начале XX в. Первый нормативно-правовой документ «Положение о браке и семье» был принят 10 октября 1927 г. Малым Хуралом Тувинской Народной Республики. По закону брачный возраст был увеличен до 18 лет. Официальной регистрации не требовалось. Главным условием заключения брака считалось добровольное согласие, а формой заключения брака стал обряд *дугдээшкин*. В данный период было популярно заключение брака без проведения ритуалов. В 1930 г. Президиумом Малого Хурала был утвержден Кодекс законов

о браке, семье и опеке, отменивший старые формы брака, калым, освободившей детей от власти отца.

С этого времени, как пишет С.М. Биче-оол, увеличилось число браков типа *анаа олуржуп алган улус*, т.е. «просто вместе живущие люди», но уже не в силу экономической несостоятельности, а для представления гражданственности брака, равноправия супругов [Ламажаа, Майны, 2020, с. 411].

В настоящее время наблюдается повышение возраста вступления в брак: самый популярный брачный возраст у мужчин и женщин в Республике Тыва, по данным на 2018 г., 25–29 лет. В этом возрасте индивид уже обладает материальной и моральной самостоятельностью, имеет устойчивый доход и достижения в карьере, а также успевает «пожить для себя». Нельзя не отметить современный приоритет карьеры и самореализации над браком среди молодых людей.

Научный руководитель – Е.В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
Тувинский государственный университет

Список литературы

Айыжы Е.В. Формы семьи и брака тувинцев России, Монголии и Китая // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10, № 1. С. 58–66. doi: 10.22162/2075-7794-2017-29-1-58-66

Биче-оол С.М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан: Журналист, 2018. 128 с.

Ламажаа Ч.К. о., Майны Ш.Б. Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 2. С. 405–421. doi: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421.

The Form of Marriage and the Marriageable Age of Tuvans: an Ethnographic Aspect

E. A. Saveleva

The article examines the age of marriage among Tuvans of Tuva in the pre-revolutionary and Soviet periods. In the XIX century and earlier, the marriageable age of girls in Tuva was considered to be 14–15 years, the idea of adulthood for boys was more vague and varied from 18–20 years and later. The document "Regulations on Marriage and Family" was adopted on October 10, 1927 by the Small Khural of the TNR. According to the law, the age of marriage was increased to 18 years, official registration was not required. voluntary consent was considered the main condition for marriage. Currently, the most popular marriage age for men and women in the Republic of Tuva, according to 2018, is 25–29 years.

Keywords: marriageable age, marriage, Tuva, matchmaking, marriage traditions, Tuvan culture.

Савельева Елизавета Александровна

студентка 3-го курса

Тувинский государственный университет

e-mail: parkkd@mail.ru

Saveleva Elizaveta Aleksandrovna

3rd year student

Tuvan State University

e-mail: parkkd@mail.ru

Этносоциальные и этнокультурные процессы в Евразии в XX – начале XXI в.

УДК 394.21

Современная праздничная культура алтайцев как инструмент формирования и выражения этнического самосознания

Д.А. Кащеева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

С конца XX в. на Алтае произошел подъем национального движения. Оно до сих пор играет значительную роль в социокультурной жизни Республики Алтай и получает значительную поддержку коренного населения. В этом контексте праздничная культура стала одним из главных инструментов формирования общественного мнения и выражения этнического самосознания.

В современной праздничной культуре алтайцев выделяются два типа праздников: возрожденные и новые. Праздники, традиционно бытовавшие в культуре алтайцев, в советский период были либо забыты, либо запрещены, но в условиях современности люди вернулись к их празднованию. Это – Чага-Байрам, Жылгайак (Дьылгаяк), Тюрюк-Байрам. Праздники, не имеющие глубоких исторических корней, появились на Алтае в рамках социальной модернизации. К ним относят День пастуха (животновода), Эл-Ойын.

Данная работа направлена на описание праздничной культуры алтайцев на основе материалов конца XX – XXI в.

Возрожденные праздники

Чага-Байрам – это праздник нового года, который отмечают по лунному календарю в конце января – начале февраля. Дата устанавливается на четвертый, шестой или восьмой день новолуния, обычно в воскресенье. Иногда возможно смещение до марта [Ойноткинова, 2022, с. 157].

В сценарий традиционного праздника входят: разжигание ритуального огня, повязывание лент, поклонение домашнему Жайыку, коллективное моление с благопожеланиями, окропление молоком и кормление огня. В современности обряды совершаются ранним утром зайсанами без СМИ и сопровождающих. После этого начинается массовое празднование.

Жылгайак, проводящийся в конце февраля – начале марта на новолуние, символизирует приход весны и начало нового года согласно традиционному алтайскому календарю. Он, возможно, имел древние истоки, но одновременно испытал влияние русской Масленицы. Сходство с Масленицей проявлялось во время проведения праздника. Интересен обряд поколачивания снега твердым предметом, символизирующий изгнание зимы. Для праздника характерны песни призывания весны, магическое очищение жилища, кормление духов-хозяев домашнего очага, подвязывание ритуальных лент и групповое моление [Там же, с. 158–159].

Тюрюк-Байрам («Праздник кедра») был приурочен к началу сбора кедровых орехов в конце августа – начале сентября. В настоящее время проводится каждые 2 года в начале лета. В настоящее время в его программу входят выступления фольклорных коллективов и традиционные состязания (борьба, скачки, лазание на кедр и т.д.). Проводятся театрализованные представления, знакомящие с обычаями и традициями алтайцев. Важной составляющей мероприятия являются демонстрация традиционной

одежды, приготовление традиционных блюд, выставки изделий народных промыслов и т.д. [Там же].

Традиционные алтайские праздники были надолго забыты в советский период. Их возрождение происходило по инициативе активистов вследствие роста интереса людей к своей этнической культуре. В наши дни они уже не связаны с традиционной культурой, а служат средством формирования и передачи культурной идентичности [Аткунова, 2018, с. 187].

Новые праздники

День пастуха был учрежден советским правительством в начале 1950-х гг. [Октябрьская, Самушкина, 2016, с. 72], но в итоге органично вписался в их культуру, т.к. соотносился с природно-хозяйственным циклом скотоводов-кочевников подобно их традиционным праздникам и утверждал ценность их труда.

Праздник проводили летом, обычно накануне заготовки кормов. После торжественного открытия проводили митинг, слушали доклады о производственных достижениях и производили награждения. Потом проводились культурно-массовые и спортивные мероприятия. Завершался праздник награждением лучших исполнителей и победителей состязаний, просмотром новой кинокартины и массовым народным гулянием.

Праздник временно прекратил существования после распада СССР, но был возрожден администрацией Кош-Агачского района Республики Алтай. Сейчас в День пастуха представляют не только итоги года и производственные достижения, но и традиционную культуру и быт скотоводов Алтая [Там же, с. 78].

Эл Ойын («Народные игры») – праздник возник в постсоветский период как развитие межродовых встреч в среде алтайцев. Его проводили раз в два года в различных районах Республики Алтай. Праздник актуализировал кочевые традиции алтайцев-скотоводов. С 2006 по 2016 г. его постоянным местом проведения была долина Кабайлу Межелик («Ложбина с колыбелью»). Силами алтайских активистов в 2018 г. празднику вернули статус «кочующего» [Тадина, Эбель, Ябыштаев, 2022, с. 73]. В настоящее время он не имеет фиксированной даты и обычно приурочен к событию особой важности, вроде 250-летия вхождения алтайцев в состав России, 90-летия Ойротской автономной области и т.п. [Там же, с. 68].

Программа праздника состоит из обряда освящения места церемонии, театрализованного представления по мотивам преданий, выставки-ярмарки декоративно-прикладного искусства «Город масте-

ров», конкурсов национальных жилищ, костюмов, наконечников украшений «Шанкы», спортивных соревнований и многочисленных концертов [Самушкина, 2009, с. 583].

Несмотря на новизну, эти праздники являются важными элементами национального самосознания населения Алтая и выражают их обновленную идентичность. Все рассмотренные современные значимые алтайские праздники в рамках календарной обрядности были возрождены или внедрены с целью сохранить традиции алтайцев. Возрожденные праздники бытовали в их традиционной культуре и почти исчезли в советское время по идеологическим и производственным причинам. Сейчас они предстают скорее как средство хранения и передачи этнической идентичности предков. Новые праздники, пусть и демонстрируют традиционную культуру алтайцев в рамках культурно-массовых и спортивных мероприятий, не обладают такой же исторической памятью, но служат современным средством объединения народов и определения их новых ценностей.

В ходе исследования мы подтвердили, что современная праздничная культура алтайцев является очень важным инструментом формирования и выражения их этнического самосознания. Она регулируется национально-политическими потребностями общества, в частности – необходимостью возродить и сохранить этническую культуру.

*Научный руководитель – И.И. Назаров
канд. ист. наук, доцент,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

- Аткунова Д.А. Материалы по традиционным праздникам коренных малочисленных народов Северного Алтая // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 179–190.
- Ойроткинова Н.Р. Календарные обряды и праздники алтайцев и телеутов: классификация и общая характеристика // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 153–165.
- Октябрьская И.В., Самушкина Е.В. День пастуха. Народный праздник Алтая // Развитие территорий. 2016. № 1. С. 70–79.
- Самушкина Е.В. Республики Саяно-Алтай в конце XX – начале XXI вв.: новые праздники как способ символического воспроизводства этничности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 1. С. 581–595.
- Тадина Н.А., Эбель Е.М., Ябыштаев Т.С. Праздник Эл Ойын как этнокультурный символ в конструировании имиджа Республики Алтай // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40. С. 67–77.
- Чемчиева А.П. Социальные практики возрождения традиционных праздников (на примере коренных малочисленных народов Республики Алтай) // Манускрипт. 2016. № 12–3. С. 195–198.

Modern Festive Culture of the Altaians as a Tool for the Formation and Expression of Ethnic Identity

D.A. Kashcheeva

In this report, the modern festive culture of the Altaians is examined as one of the main tools for the formation and expression of ethnic identity. The rituals of the revived and new holidays were considered. The study used materials from the late 20th–21st centuries. There are 2 types of holidays in the modern festive culture: revived (Chaga-Bayram, Jylgayak, Tyuryuk-Bayram) and new (Shepherd' Day, El Oiyn) holidays. Traditional holidays were largely connected with the worldview of the local peoples and their economic activities. Because of this they were mostly forgotten in the Soviet period. Their revival was caused by the growing interest of people in their traditional culture. The new holidays do not have such historical memory but instead serve as a modern means of uniting peoples and defining their new values.

Keywords: festive culture, traditions, ritualism, ethnic identity, the Altaians, the Altai.

Кашеева Диана Андреевна

студент 2-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: dkasheeva@mail.ru

Kashcheeva Diana Andreevna

2nd year student

Altai State University

e-mail: dkasheeva@mail.ru

УДК 325.2

Стратегии трудовой миграции в Южную Корею (на примере жителей Республики Бурятия)

Е.В. Ким

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

По многочисленным исследованиям [Джарылгасинова, 2004], экономический кризис и высокий уровень безработицы, во многом вызванный пандемией 2019–2020-х гг., явился основной причиной трудовой миграции в Республику Корея этнических корейцев – *корё сарам* (самоназвание русскоязычных корейцев – в основном, граждан России и стран Центральной Азии).

Существует множество программ, помогающих этническим корейцам переехать на постоянное место работы или жительства в Южную Корею. Самой популярной визой для этнических корейцев является программа визового сопровождения F4. Получить ее могут: граждане РФ, этнические корейцы; граждане СНГ, этнические корейцы, при наличии высшего образования; граждане СНГ, этнические корейцы, старше 60 лет (виза F-4-25); иностранные граждане, у которых один из родителей является этническим корейцем/корейкой (в свидетельстве о рождении заявителя у одного из родителей должна быть указана корейская национальность).

«В целом, история формирования корейской диаспоры на территории СНГ состоит в основном из следующих этапов: 1861–1910 гг. – переселение корейцев, преимущественно бедных безземельных крестьян, с Корейского полуострова на российский

Дальний Восток; 1910–1937 гг. – преимущественно политическая миграция корейской интеллигенции в Россию во время японской оккупации Корейского полуострова; 1937–1953 гг. – депортация этнических корейцев с Дальнего Востока в страны Средней Азии; 1953 г. – до настоящего времени – реабилитация этнических корейцев после смерти И.В. Сталина и дальнейшее расселение их на территории стран бывшего СССР» [Ким, 1999, с. 169].

Отсутствие постоянной культурной связи со страной исхода – Корейским полуостровом, несомненно, сказалось на многих аспектах бытования национальной культуры. На сегодняшний день подавляющее большинство корейцев, проживающих в России и на постсоветском пространстве, владеют русским языком. Молодое поколение может распознавать похожие и даже знакомые слова, улавливая лишь общий смысл сообщения и разговора, например, названия блюд, названия ближайших родственников – бабушка, дедушка и т.п.

На примере своей семьи я исследую эту тему. Мои бабушки и дедушки, а также родители родились в Узбекистане, там прошло их детство и молодость. Из-за сложной экономической ситуации многие корейцы из стран СНГ, а в особенности из стран Центральной Азии, вместе с семьями мигри-

ровали в Россию, так, в 2000-х гг. моя семья окончательно перебралась в Бурятию в г. Улан-Удэ.

Одним из направлений миграций русскоязычных корейцев стала Южная Корея, где они столкнулись с такой проблемой, как языковой барьер – во многих семьях корейским владело только старшее поколение. Программы для этнических переселенцев предполагали посещение бесплатных языковых курсов, но, как правило, многие не пользовались этой возможностью из-за необходимости сразу начинать трудовую деятельность. Таким образом, языком общения в первые годы эмиграции был английский.

Для представителей иных народов, которые хотят попасть в Корею, путь усложняется тем, что для них нет специальных программ, особенно в части трудовой миграции. Однако за последние 10 лет трудовая миграция в Южную Корею стала восприниматься как вполне обычный способ заработка. Официальной статистики выезжающих на заработки нет, однако по неофициальным данным количество выехавших только из Бурятии на заработки в Республику Корея составляет более 30 тыс. чел., это до 6 % рабочей силы республики [Дондоков, Потапов, Убонова, 2019].

В начале 2000-х гг. будущие трудовые мигранты – буряты, а также другие представители азиатских народов, меняли фамилии на корейские. Это помогало при пересечении границы попасть под программы, помогающие бывшим соотечественникам. Однако существует представление

о том, что несмотря на такие ухищрения, некоторые трудовые мигранты находятся в Корее нелегально. В настоящее время расширяются возможности для квалифицированных специалистов, что многократно увеличивает поток желающих трудоустроиться в Южной Корее, среди них – строители, инженеры, программисты и другие специалисты. Характер миграции зависит от того, кто мигрирует, насколько они сохраняют связь с оставшимися на родине. Эта связь может выражаться в экономических связях, а также в ярко выраженном намерении однажды вернуться на родину. Влияние мигрантов имеет далеко идущие последствия для социальных норм и структур, в долгосрочной перспективе затрагивая все более широкие слои общества.

*Научный руководитель – Э.А. Неманова
канд. ист. наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры*

Список литературы

Джарылгасинова Р.Ш. Корейцы России // Этнографическое обозрение. 2004. № 4. С. 23–27.

Дондоков З.Б.-Д., Потапов Л.В., Убонова Д.З. Республика Бурятия в программах социально-экономического развития Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Пространственная Экономика. 2019. Т. 15. С. 78–98. doi: 10.14530/se.2019.3.078-098

Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX в. Алматы: Дайк-пресс, 1999. 424 с.

Strategies for Labor Migration to South Korea (Accepted Among Residents of the Republic of Buryatia)

E.V. Kim

Currently, labor migration from Buryatia is acquiring new geographic and socio-demographic dimensions, and migration flows are being reoriented to new directions and regions. The article discusses some factors and strategies of labor migration, reasons for reorientation migrants to the countries of the Asia-Pacific region, as well as programs in the field of labor regulation migration in South Korea. The implications of migration are multifaceted, context-specific and changing over time. The influence of migrants has far-reaching implications for social norms and class structures, in the long term, affecting more and more wide sections of society.

Keywords: emigration, state treaties, labor migration, reorientation, Russia, Buryatia, South Korea.

Ким Екатерина Владиславовна

студент 3-го курса

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

e-mail: ekatkim228@gmail.com

Kim Ekaterina Vladislavovna

3rd year student

East Siberian State Institute of Culture

e-mail: ekatkim228@gmail.com

Историко-культурное наследие, бренды и туризм в Казахстане

Д.С. Койчубаева

Казахская национальная академия искусств им. Т.К. Жургенова, Алматы, Казахстан

Культурное наследие народа Республики Казахстан представляет совокупность культурных ценностей, имеющих государственное значение, принадлежащих исключительно Республике Казахстан без права их передачи иным государствам. Такое определение приведено в п. 3 ст. 1 Закона «О культуре» 1996 г. (в редакции 2006 г.) [О культуре ...]. Сегодня культурно-историческое наследие является предметом пристального внимания государства и общества. Историко-культурный потенциал Казахстана начала XXI в. является одним из главных факторов развития туризма. Он создает благоприятный имидж страны, расширяет сферу социального творчества и рынок труда, способствует росту инвестиций.

На развитие туристского кластера историко-культурной направленности большое влияние оказывает степень изученности объектов культурного наследия. Его современное состояние характеризуют предпринимаемые государством комплексные меры по сохранению и развитию многовековых традиций, по открытию новых памятников истории и культуры, по реставрации мавзолеев, старинных мечетей. В стране создаются новые историко-культурные музеи-заповедники. Идет выявление архивных документов, имеющих историческое значение в культурном наследии народов Казахстана [Файзуллина, Асанова, 2022].

Культурный туризм в Казахстане развивается поступательно. Количество иностранных туристов в республике за 2022 г. составило 610 тыс. чел. (в 2021 г. за 9 мес. – 208,5 тыс., в «допандемийном» 2019 г. – более 750 тыс.). Также по итогам 2022 г. зафиксировано рекордное число внутренних туристов. Показатели достигли отметки в 8,6 млн человек, что выше показателей 2021 года на 1,7 млн [В Казахстане...].

Согласно данным экспертов, самым популярным у туристов в Казахстане является г. Алматы. За ним следуют Астана и Шымкент. На территории Алматинской обл. расположены 2 363 памятника истории и культуры, в т.ч.: 1 862 памятника археологии, 501 памятник градостроительства и архитектуры. Среди них: 4 внесены в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО; 12 – в список объектов республиканского значения. В I том энциклопедии «Сакральный Казахстан», выпущенный в рамках проекта «Сакральная гео-

графия Казахстана» [Сакральный Казахстан, 2018], включены 58 объектов региона, в т.ч. 17 памятников общенационального, 41 памятник регионального значения. Среди них: археологический комплекс «Танбалы» (Тамгалы), Есикские курганы, Пик Хан Тенгри, Шарынский каньон, Городище Койлык, Мавзолей Капал батыра, место Орбулакской битвы, место битвы Аныракай, Мемориальный комплекс Алтынемел, Архитектурно-художественный комплекс «Жеркентская мечеть», место битвы Каркара «Ереуил тебе», Малайсары Токтауылулы Бэсентин, Мавзолей Наурызбай батыр (Наурызбай Куттымбетулы), Мавзолей Ж. Жаббаева, источник Тамшыбулак, Памятник жертвам политических репрессий, озеро Колсай.

Туризм способствует раскрытию и постижению различных сторон и характеристик культуры Казахстана во всем ее многообразии. Факторы исторической преемственности визуализируются, значительно активизируют познавательную, информативную, коммуникативную стороны восприятия действительности. Современная туристская индустрия, базирующаяся на уникальном природном и культурном потенциале Республики Казахстан, является естественным системообразующим фактором гибкой интеграции страны в систему мировых экономических и культурных связей. Это – одна из наиболее динамично развивающихся и эффективных по отдаче отраслей.

*Научный руководитель – Г.Ш. Файзуллина
канд. ист. наук, зав. кафедрой «Туризм и сервис»,
Университет «Туран»*

Список литературы

В Казахстане зафиксировали рекордное число внутренних туристов // Tengri Travel: сайт. URL: https://tengritravel.kz/my-country/kazakhstan-zafiksirovali-rekordnoe-chislo-vnutrennih-495470/?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=vestnik_kta_13_375_ot_05042023_g&utm_term=2023-04-08 (дата обращения: 12.04.2023)

О культуре: Закон Республики Казахстан, 15 декабря 2006 г. Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2006. № 24. Ст. 147.

Сакральный Казахстан. Т. I. Алматы: Арыс, 2017. 480 с.

Файзуллина Г.Ш., Асанова С.А. Музейное дело Казахстана: вопросы истории и практики. Алматы: Университет Туран, 2022. 352 с.

D.S. Koichubayeva

The cultural heritage of the people of the Republic of Kazakhstan is a set of cultural values of national importance. The historical and cultural potential of Kazakhstan at the beginning of the XXI century is one of the main factors in the development of tourism. Tourism contributes to the disclosure and comprehension of various aspects and characteristics of the culture of Kazakhstan in all its diversity. The factors of historical continuity are visualized, significantly activate the cognitive, informative, communicative aspects of the perception of reality. The modern tourism industry, based on the unique natural and cultural potential of the Republic of Kazakhstan, is a natural system-forming factor of the flexible integration of the country into the system of world economic and cultural relations.

Keywords: Historical and cultural heritage, the modern tourism industry of Kazakhstan.

Койчубаева Диана Сергеевна

магистрант 2-го курса

КазНАИ им. Т.К. Жургенова

e-mail: diana.koichubayeva.99@mail.ru

Koichubayeva Diana Sergeevna

2nd year master's degree student

T.K. Zhurgenov KazNAA

e-mail: diana.koichubayeva.99@mail.ru

УДК 325.2

«Иммиграция» и «иммигрант» в российских и американских СМИ: анализ дискурса

Т.С. Кондрашкина

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Миграция людей является неотъемлемой частью современного общества, а растущие темпы иммиграционных потоков оказывают существенное влияние и на отношения между различными общественными группами. Волнения, возникающие в обществе по этому поводу, обычно находят отражение в СМИ. Дискурс новостных СМИ является богатым источником для широкого круга исследований [Викулова, Серебренникова, 2014]. Целью данной работы является определение коннотации слов «иммиграция» и «иммигрант» в американских и российских новостных СМИ на основе контекста и сопутствующих слов, а также интерпретация концептов, которые представляются доминирующими в выбранных корпусах, подразумевающих изучение межкультурной коммуникации. Данная работа основана на качественном контент-анализе. Объектом исследования являются статьи СМИ, опубликованные в Интернете и доступные на платформах новостных СМИ России и США. Временные рамки – с 2020 по 2021 г. С российской стороны в качестве новостной медиаплатформы был выбран ТАСС (<https://tass.com>), а для новостной медиаплатформы со стороны США была выбрана The New York Times (<https://www.nytimes.com>). В итоге получилось две выборки, в целом составившие 69 и 368 заголовков соответственно. Выявление коннотации слов «иммиграция» и «иммигрант» в российских и американских СМИ имеет важное значение для оценки современных настроений национальных сообществ.

К числу основных тенденций, которые обнаруживаются в результате анализа выборки заголовков российских СМИ, относится полярное понимание иммиграции и частая апелляция к авторитету власти. Согласно исследованиям общественного мнения, для российской культуры характерен один из самых высоких показателей индекса дистанции власти. Поэтому ссылки на авторитетное мнение пользуются большим уважением и практически не ставятся под сомнение. Еще одна особенность, которая привлекает внимание, – это широкая география и, соответственно, обращение к проблемам и мнениям других стран. Переходя к анализу выборки американских новостных СМИ, можно отметить изложение различных точек зрения, которые могут быть взаимоисключающими. В контексте политических дебатов между демократами и республиканцами транслируются вариативные подходы к определению «хороших» и «плохих» в отношении иммигрантов [Бодрунова и др., 2018]. С одной стороны, высказывается негативное отношение к проблеме иммиграции; с другой – неолиберальный дискурс представляется более нейтральным и даже сострадательным.

Сравнительный анализ массмедийного дискурса иммиграции в России и США позволяет говорить о поляризации общественного мнения. Следует заметить, что даже при не очень большой выборке удалось выявить взаимосвязь между иммиграционным процессом и политикой. В заключение можно отметить, что американская культура в целом

и американские новостные СМИ в частности воспринимают иммиграцию главным образом в рамках политического процесса. Но при этом анализ основных понятий, выведенных методом контент-анализа, не может служить общей характеристикой ни конкретных СМИ, ни в целом общественного мнения.

*Научный руководитель – Е.Ю. Трушкина
канд. филос. наук, зав. научным
кабинетом-библиотекой акад. Вяч. Вс. Иванова,
Российский государственный гуманитарный
университет*

Список литературы

Бодрунова С.С., Смолярова А.С., Ачкасова В.А., Блеканов И.С. Кто виноват? Паттерны присвоения вины и ответственности в сетевых дискуссиях об иммигрантах в России и Германии // Журнал исследований социальной политики, 2018, № 4 (16). С. 627–644.

Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры и способы конструирования социальной реальности в медийном дискурсе (предметная область «иммиграция») // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014, № 4. С. 10–16.

The Words “Immigration” and “Immigrant” in the Russian and American Media: Linguistic Analysis

T.S. Kondrashkina

Regardless of the publicistic style of the news articles and the inclination of contemporary society towards inclusivity and tolerance, the words “immigration” and “immigrant” appear to be labels that contain certain connotations. The purpose of this study is to identify the connotation that is encapsulated in these words and based on the results, a few consequences for the field of intercultural communication are made.

Keywords: connotation, immigration, immigrant, media discourse, intercultural communication.

Кондрашкина Татьяна Сергеевна
бакалавр лингвистики
НИУ «Высшая школа экономики»
e-mail: tat.kondrashkina@gmmail.com

Kondrashkina Tatiana Sergeevna
Bachelor of Linguistics
National Research University Higher School
of Economics
e-mail: tat.kondrashkina@gmmail.com

УДК 93/94; 394.2:94(4)

Корейская популярная культура в восприятии студентов НГМУ

П.Е. Кузнецова

Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск, Россия

В настоящее время стремительно набирает популярность корейская культура в различных ее проявлениях. Одним из примеров является широкое распространение корейских популярных музыкальных групп (К-поп групп). Являясь частью креативной индустрии, к-поп, в рамках политики «мягкой силы», содействует распространению и популяризации корейской традиционной и современной культуры, повышению осведомленности о Республике Корея (РК) за ее рубежом, способствует формированию национального бренда. Термин «мягкая сила» был предложен американским политологом Дж. Найем в конце XX в. для описания внешнеполитической стратегии использования в качестве ресурсов влияния привлекательного образа страны, трансляцию национальных и культурных ценностей [Лазарева, 2018, с. 43]. Так, в рамках политики расширения экспортного рынка, в т.ч. в сфере культуры, в крупных городах России, вклю-

чая Новосибирск, налаживаются экономические торговые связи (экспорт автомобилей KIA, Hyundai и электроники Samsung, LG), открываются заведения «корейского стритфуда» (Chiko, chichi-michi, kannam chicken и др.), магазины комиксов и атрибутики (Craft, tomodache), связанной с к-поп культурой, проводятся показы кино, выставки дизайнеров («Персональные выставки современных корейских художников и дизайнеров» в Новосибирском краеведческом музее), организуются школы танцев в стиле к-поп и т.п. Подобные явления объединяются в общий термин «Халлю», что в переводе означает «корейская волна». Начинаясь она с продвижения техники, корейских телевизионных драм, художественных фильмов и музыки, прежде всего, на рынок Восточной и Южной Азии. В дальнейшем территориальный охват расширился за счет стран Европы и Северной Америки. Этому способствуют новые коммуникационные технологии. Измени-

лось и содержание ценностей, распространяемых в другие страны. Исследователи отмечают, что основной установкой «третьей корейской волны» является популяризация традиционной культуры, искусства, литературы и т.д. [Там же, с. 45].

Цель исследования – изучение восприятия корейской культуры студентами НГМУ, в частности к-поп культуры. Задачи – выявление образов корейской культуры в официальном дискурсе РК, транслируемых в рамках «Халлю»; изучение музыкальных произведений жанра к-поп, определение композиций, в которых транслируются образы современной и традиционной корейской культуры; исследование отношения студентов НГМУ к корейской культуре, степень их компетентности и востребованности распространяемых РК образов с помощью разработанной авторской анкеты.

Источниками для данного исследования послужили материалы с сайта Культурного центра посольства Республики Корея, Национальной организации туризма Кореи, тексты статей журнала «Корея» Министерства культуры, спорта и туризма, журнала «Кореана», данные анкетирования. Автором был составлен опросный лист, куда вошли открытые и закрытые вопросы, позволяющие выявить уровень компетентности студентов в отношении корейской культуры, их представления о стране, уровень заинтересованности корейской популярной культурой, популярность транслируемых образов «корейскости».

В результате анализа официального дискурса выявлено, что в настоящий момент РК транслирует как элементы традиционной, так и современной культуры. Посредством рекламных роликов, представленных Национальной организацией туризма Кореи, создается образ страны с богатым наследием, воплощенном в архитектурных и археологических памятниках, нематериальном наследии, с одной стороны; с другой стороны, Корея – это страна с развитыми IT-технологиями, в т.ч. применяемыми и в культурной сфере, медицинскими центрами, автомобильной промышленностью, сферой красоты и дизайна, университетами.

Отдельным направлением в рамках создания позитивного образа является продвижение корейской популярной культуры: музыки, фильмов и сериалов, веб-тунов (комиксов, придуманных специально для мобильных телефонов и сочетающих различные способы передачи информации). В некоторых композициях популярных корейских коллективов (ToppDogg «Arario», ONEUS «Lit», BTS «Idol», Agus D «Daechwita») в последнее время используются традиционные музыкальные инструменты, мотивы традиционных мелодий. В клипах представлены элементы материального и нематериального наследия (хангиль, ханок, ханбок, живопись, интерьер традиционных жилищ, дворцы). Они сочетаются с элементами западной массовой культуры.

Результаты анкетирования показали, что для большинства студентов явление к-попа – это синтез западной и восточноазиатской культур. Почти каждый студент ассоциирует РК и ее культуру с популярными бойзбендами, корейской едой, танцами и косметическими средствами.

Таким образом, Республика Корея имеет широкое влияние во всех сферах благодаря распространению национальной культуры и формированию «бренда» страны. Студенты НГМУ не являются исключением: подавляющее большинство опрошенных, так или иначе, знакомы с корейской культурой через популярные музыкальные группы, традиционные блюда, национальную одежду, кинематографические произведения. Многие студенты хорошо знакомы с культурой Кореи благодаря этим элементам, но большинство результатов показало, что респонденты имеют поверхностные знания о корейской культуре.

*Научный руководитель – Е.В. Самушкина
канд. ист. наук, науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Список литературы

Лазарева К.В. Республика Корея: феномен национального бренда // Грамота. 2018. № 11 (97). Ч. 1. С. 43–46.

Korean Popular Culture in the Perception of NSMU Students

P.E. Kuznetsova

The purpose is researching the perception of Korean culture by students of NSMU, in particular k-pop culture. Tasks are identification of images of Korean culture in the official discourse of the Republic of Korea, transmitted within the framework of "Hallyu"; study of musical works of the k-pop genre, determination of compositions in which images of modern and traditional Korean culture are; study of the attitude of students of NSMU to Korean culture, the degree of their competence, and the demand for images distributed by the Republic of Korea with the help of the developed author's questionnaires. The sources of the research are materials from the website of the Cultural Center of the Embassy of the Republic of Korea, the National Tourism Organization of Korea, the magazines "Korea" and "Koreana", survey data. As a result of the analysis of the official discourse, it was revealed that at the moment the Republic of Korea transmits both elements of traditional and modern culture. A separate direction within the framework of creating a positive image is the promotion of Korean

popular culture: music, films and TV series, webtoons. The Republic of Korea has a wide influence in all spheres due to the spread of national culture and the formation of the country's "brand". NSMU students are no exception: the vast majority of respondents, one way or another, are familiar with Korean culture through popular music groups, traditional dishes, national clothes, cinematic works. Many students are well acquainted with Korean culture due to these elements, but most of the results showed that respondents have a superficial knowledge of Korean culture.

Keywords: Republic of Korea, "soft power", "Korean wave", k-pop, cultural heritage.

Кузнецова Полина Евгеньевна

студентка 2-го курса

Новосибирский государственный медицинский университет

e-mail: kuznetsova.polina@rambler.ru

Kuznetsova Polina Evgenevna

2nd year student

Novosibirsk State Medical University

e-mail: kuznetsova.polina@rambler.ru

УДК 39(571/150)=161.1

Обряд «свадебного поезда» у русского населения центральных районов Алтайского края в 1950–1970-е гг.

В.С. Осокина

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Свадьба – это совокупность взаимосвязанных и последовательных ритуалов, ведущих к созданию новой ячейки общества. Подготовка к ней занимает у обеих сторон много времени, а само торжество длится около трех дней [Архив... Болотова Л.И. 1951 г.р.]. Несмотря на небольшой промежуток времени, свадьба зачастую празднуется с большим размахом и немалым количеством гостей. Для того, чтобы обозначить изменение своего социального положения и в целом проведения торжества, жених и невеста используют специальный транспорт – «свадебный поезд».

Работа написана на основе материалов, собранных в ходе научной историко-этнографической экспедиции сотрудников и студентов Института истории, социальных коммуникаций и права АлтГПУ в Алейский р-н под руководством канд. ист. наук, ст. преподавателя кафедры отечественной истории Алексея Викторовича Рыкова, проведенной в 2022 г. В статье использованы интервью 4 респондентов, родившихся в конце 1930-х – начале 1950-х гг., которые были собраны автором в с. Савинка и с. Дружба. Также для исследования были использованы материалы Архива ИЭА РАН, в частности отчет Н.И. Шатиновой по теме «Семейные обряды русского населения Алтайского края» 1980 г. и материалы опросов, проведенных в ходе этнографической экспедиции института в Шипуновский р-н в 1960 г.

Свадебная обрядность на современном этапе развития историографии рассматривается как этнографами, так и антропологами. Специалистами данных наук сделан значительный вклад в раскрытие разных аспектов данного обряда [Липинская, 1996], но важно отметить, что изучение из-

менения традиционной свадебной обрядности в 1950–1970-е гг. в сельской местности рассматривается больше вне Алтайского региона [Любимова, Рублева, 2019] или больший акцент делается на рассмотрении изменений обрядности предшествующего периода [Фурсова, 2017, 2018]. Антропологи, в свою очередь, делают акцент преимущественно на городском населении [Лебина, 2018].

Несомненно, одним из самых ярких элементов свадебного торжества является «свадебный поезд» – это способ передвижения жениха и невесты по местности на запряженных лошадях, сбруя которых украшена огромным количеством ярких и отличительных знаков [Научный отчет..., 1980]. Зачастую использовалась тройка или пара лошадей, а сама дуга «шерстяная была или тканая» [Архив... Бороденко А.Н. 1939 г.р.], к ней также добавляли украшения в виде лент, преимущественно красного цвета, колокольчиков. Важная роль отводилась украшению и «устройению кошовки» [Архив... Проскурякова В.Я. 1932 г.р.].

У свадьбы был большой размах – «все село гремит» [Архив... Бороденко А.Н. 1939 г.р.]. Главная цель, выполняемая свадебным транспортом – «в каждый дом ездить, заходить, приглашать» [Архив... Болотова Л.И. 1951 г.р.]. В начале подготовки свадьбы гостей «чужих не брали, не звали». Заранее оповещали о готовившемся празднестве только тех, кого «наметили пригласить» [Архив... Сидельникова Т.Г. 1938 г.р.]. В рассматриваемый период способы сообщения, кроме личного взаимодействия, были ограничены. Респонденты отмечают, что даже не было открыток [Архив... Болотова Л.И. 1951 г.р.]. Поэтому для привлечения

внимания местных жителей к торжеству использовался «свадебный поезд». Для большего эффекта в украшении дуги добавлялись разные цвета и звонкие колокольчики, что придавало «свадебному поезду» необыкновенную яркость. Окружающие сразу понимали, что «где-то свадьба, молодые ездят» [Архив... Проскурякова В.Я. 1932 г.р.]. «Свадебный поезд» не был эпизодичным явлением и использовался на протяжении всей свадьбы.

Свадьба – это четко расписанное предприятие, которое В.С. Бузин сравнивает с пьесой в театре [Бузин, 2009, с. 316]. Это в действительности было похоже на игру, ведь у «свадебного поезда» имела своя структура. Самыми важными участниками являлись жених и невеста, которых в начале XX в. величали «молодой князь» и «молодая княгиня». В рассматриваемый период фиксируется отход от данных названий. Управлял «поездом», однако, не жених. Ведущая роль была у «дружки» – один из близких жениху людей, обычно родственник или друг: «брат мой возил» [Архив... Проскурякова В.Я. 1932 г.р.; Бузин, 2009, с. 317]. Дружка играл важную роль в свадьбе: он не только «понужал коней», но и активно участвовал в продаже блинов и разливе вина, носил на своей руке повязанную невестой косу [Архив... Проскурякова В.Я. 1932 г.р.; Сидельникова Т.Г. 1938 г.р.]. Для начала XX в. были также характерны бояре, которых было всего двое. Но достоверные сведения из источников о свадьбах в период 1950–1970-х гг. имеются лишь о тысящем. Его работа – управление лошадьми [Научный отчет..., 1980]. Также в «свадебном поезде» находилась подружка невесты [Архив... Проскурякова В.Я. 1932 г.р.].

Важно отметить, что в период 1960–1970-х гг. на смену «свадебному поезду» из лошадей и повозок приходит современный аналог – автомобиль. Некоторые респонденты отмечают, что жених приезжал за невестой на машине [Опрос..., 1960, с. 166]. Однако традиционный вид транспорта оставался характерным для сельской местности, в т.ч. и в рассматриваемый период: «сейчас машина украшается, а раньше коней украшали» [Архив... Болотова Л.И. 1951 г.р.].

Таким образом, мы видим, что обряд «свадебного поезда» в период 1950–1970-х гг. был активно распространен в сельской местности. Он представлял собой презентацию свадебных чинов, каждый из которых имел свое особое название и

роль в передвижении молодых в сельских условиях. Несмотря на то, что в рассматриваемый период начинают использоваться автомобили, традиционная составляющая обряда в значительной степени сохранялась в свадебной обрядности.

*Научный руководитель – А.В. Рыков,
канд. ист. наук, ст. преподаватель,
Алтайский государственный педагогический
университет*

Источники

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2022 г.: Алейский район, с. Савинка. Болотова Л.И. 1951 г.р.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2022 г.: Алейский район, с. Савинка. Проскурякова В.Я. 1932 г.р.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2022 г.: Алейский район, с. Дружба. Бороденко А.Н. 1939 г.р.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2022 г.: Алейский район, с. Савинка. Сидельникова Т.Г. 1938 г.р.

Научный отчет Н.И. Шатиновой по теме «Семейные обряды русского населения Алтайского края», 1980 г. // Архив ИЭА РАН. Ф. 144. Оп. 2. Д. 147.

Опрос, проведенный в августе 1960 г. с. Зеркалы Шипуновского района Алтайского края (информант – Аксенова Л., 1943г.) // Архив ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 2369.

Список литературы

Бузин В.С. Этнография русских. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 421 с.

Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: НЛО, 2018. 208 с.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае XVIII – начало XX века. М.: Наука, 1996. 269 с.

Любимова Г.В., Рублева А.А. Ритуальный сценарий русской сибирской свадьбы: традиции и новации второй половины XX в. (по полевым материалам 2018–2019 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 708–713.

Фурсова Е.Ф. Южнорусские и украинские черты в свадебной обрядности крестьян д. Парфеново Топчихинского района Алтайского края первой половины XX века // Традиционная культура. 2017. № 2. С. 57–66.

Фурсова Е.Ф. Взаимовлияния в свадебной обрядности у сибиряков курско-черниговского происхождения в первой трети XX века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXII. С. 550–552.

“Wedding Train» Rite Among the Russian Population of the Central Regions of the Altai Krai during 1950–1970s

V.S. Osokina

The article discusses some features of the Russian wedding ceremony in the 1950s–1970s through the analysis of field materials which was collected in the Aleisky and Shipunovsky regions. The wedding train was important part of the

wedding ceremony. In fact this transport was the necessary thing for bride and groom during the whole celebration. Due to insufficient knowledge of the topic in the period 1950–1970 in the countryside, there is an attempt to show the partial modernization of the rite. The work touches upon some aspects of the wedding train, such as the appearance of the train and its participants, the importance of transport in the context of wedding rituals. It is noted that in the 60s the use of horses remains characteristic of the countryside, the transport of the urban environment is replaced by cars.

Keywords: wedding, 1950–1970 years, wedding transport, wedding rituals, Russian population, wedding titles, Altai Krai.

Осокина Валерия Сергеевна

студент 2-го курса

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: lyra17restrange@gmail.com

Osokina Valeria Sergeevna

2nd year student

Altai State Pedagogical University

e-mail: lyra17restrange@gmail.com

УДК.394.1:39

Кайдан как способ конструирования «необходимой личности»

Е.А. Паук

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Одна из особенностей развития японского социума, по мнению ряда экспертов, кроется в доминировании коллективного начала над индивидуальным, что обеспечивает его стабильность. Известный востоковед Л.С. Васильев точно подчеркнул данный аспект использованием термина «консервативная стабильность» [Васильев, 2013, с. 109].

Для поддержки идеи «коллектив превыше личности» японский этнос использовал комплекс практик корректировки идентичности личности. В данной работе мы сконцентрируемся на одном из инструментов, который использовался с этой целью. Речь идет о японских кайданах как традиционном жанре, призванном испугать слушателя.

Японский кайдан – это, прежде всего, рассказ о сверхъестественном. Согласно сюжетам кайдана, потусторонние силы и сверхъестественные существа (ёкай и мстительные призраки юрэй) действуют наравне с людьми и способны активно влиять на ход событий.

В традиционном кайдане описывается уход главного героя из мира повседневности, своеобразной «регрессирующей обыденности», где он лишь рядовой член социума, который отправляется в другой мир, область сверхъестественного и сталкивается с различными мифическими силами. На уровне мономифа разыгрывается ситуация, когда коллективизм вынужден вступать в борьбу с индивидуализмом, поскольку индивид, прошедший различные стадии путешествия (встречающиеся на его пути помощники, наставники не могут отменить суть взросления индивида как личности), создает формулу внутреннего обновления и духовного взросления [Кэмпбелл, 1997, с. 201].

Кайдан же интенсивно конструирует ситуацию, в которой главный герой по сюжету является лишь второстепенным персонажем, не играющим никакой роли по сравнению со сверхъестественными существами, находящимися на позиции полного доминирования уже изначально. Концепты мести и воздаяния являются сдерживающим фактором, препятствием для развития личности, творца. В мире действуют в полную силу детерминанты, определяющие порядок, который представлен как упорядоченная сложность. Личность не является носителем творческого начала: мир создан, а изменения в нем невозможны.

Если обратиться к конкретным примерам, то в кайдане «История о Мими-Наси-Хоити» герой не может бросить вызов существующим сверхъестественным существам. Факт существования призраков сам по себе является историческим и имеет серьезную претензию на свою подлинность. Поэтому, по сюжету кайдана, для успокоения призрака строится буддийский храм, а призыв героя – дать призракам бой – остается не актуальным. Герой Хоити обладает изначально физическим дефектом – он слеп. Да и дар юноши – музыкальный талант – явно не является оружием для борьбы с призраками. Напротив, при помощи этого таланта призраки подчиняют себе музыканта. Если обратиться к структуре текста, то обнаруживается, что она существенно деформирована: отсутствуют многие значимые элементы. Миф лишен главной компоненты – «зова» (в синергетическом ключе – аттрактора) приключений, «социальных мутаций», связанных с личностью героя.

Но необходимо отметить, что для защиты главного героя имеет место сверхъестественное покрово-

вительство от возможного нападения призраков – священник и его помощники наносят с помощью кисточек для письма на грудь, спину, голову, лицо, конечности Хоити тексты священной сутры. В какой-то степени представляя собой архетип мудрого старца, священник дополнительно дает Хоити наставления не подавать никаких признаков жизни, не совершать телодвижений.

По сюжету кайдана юноша Хоити выполняет в точности все указания мудрого старца, но подвергается нападению призрака, отрывающего ему два уха. И в этом случае мудрый наставник не способен своей главной силой – советом, уберечь главного героя от опасности.

Несмотря на тот факт, что главный герой остается живым (его раны залечивают), он не побеждает сверхъестественные силы. Кайдан повествует о дальнейшей судьбе Хоити: «История о его странных приключениях распространилась повсюду и вскоре сделала его известным. Многие благородные люди приезжали в Акамагасэки, чтобы послушать его рассказ, и делали ему большие денежные подарки, он стал богатым человеком. Но с того времени его называли не иначе как «Мими-наси-Хоити» – «Безухий Хоити» [Лафкадио, 2019, с. 89].

Собственно, в концовке нет намека на духовное возрождение главного героя. Да и потусторонний мир, населенный злыми, враждебными силами, остается безоговорочно победившим, поскольку оставляет право на сосуществование с миром реальным, оформляя позицию возможного вторжения в мир людей. В более широком смысле синтез истории и мифа характеризуется как идеальная форма мироустройства.

Таким образом, японский кайдан закладывал (что продолжается и в современности) мощную социокультурную установку, существенно перестраивая каноничную классическую структуру

мономифа. На примере кайдана видно, что герой не проходит полноценно все ключевые стадии «пути героя». Уже сам факт отсутствия стадий инициаций, а также становления героя как повелителя двух миров (повседневного, локального и глобального, исторического) позволяет, по сути, охарактеризовать японский кайдан как яркий антипод мономифу.

Нарратив кайдана выстроен именно таким образом, что в ходе сюжета не происходит формирование героя как творца. В таком случае процесс возвращения героя снова в социум лишен смысла: он ничего не способен противопоставить общей мировоззренческой и идеологической позиции коллектива, тесно связанной с догматом коллективистских установок. Кайдан устойчиво подпитывал идеологему личности через искусственно создаваемые структуры и мифологемы. Нахождение личности в социуме – гарант не только безопасности самого общества, членов коллектива, но и самой личности. Кайдан в этом смысле претендует на роль обладающего моральным авторитетом культурного нарратива – антимонифа.

*Научный руководитель – И.Л. Дамешек
д-р ист. наук, профессор,
Иркутский государственный университет*

Источники

Лафкадио Х. Призраки и чудеса в старинных японских сказаниях. Кайданы. М.: Центрполиграф, 2019. 132 с.

Список литературы

Васильев Л.С. История Востока. Т. I. М.: Юрайт, 2013. 722 с.

Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. М.: РЕФЛ-бук; Киев: АСТ, 1997. 378 с.

Kaidan as a Way of Constructing the Necessary Personality

E.A. Pauk

This article discusses the classical philosophical dichotomy "personality – collective". This thematic plot acquires a problematic and semantic sound, especially in the context of the idea of the survival of the collective, provided that the individual exists in it. The compositional features of kaidan as a genre and its main characteristics are considered. On this basis, the universal life stages, the cycles of the formation of a person as a hero and the leitmotifs of Japanese kaidan are correlated. Thus, the essence of kaidan is theoretically interpreted through the idea of a monomyth. In this context, much attention is paid to the interpretation of one of the Japanese kaidans: "The story of Mimi-Nashi-Hoichi" and the problem of the presence of key stages that are characteristic of the general structure of the monomyth. It is noted that the kaidan completely destroys the structure of the monomyth, depriving it of its main positive result – the creation of a person who has achieved a spiritual rebirth.

Keywords: kaidan, collective, Personality, hero, Myth, Creator, initiations.

Паук Евгений Александрович

магистрант 2-го курса

Иркутский государственный университет

e-mail: evgenij.pauk.98@mail.ru

Pauk Evgeny Aleksandrovich

2nd year master's degree student

Irkutsk State University

e-mail: evgenij.pauk.98@mail.ru

«Музей этнографии детства» в Новосибирске: опыт сохранения нематериального культурного наследия

Ж.Ю. Сорокина

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Вопросы сохранения и трансляции историко-культурного наследия занимают важное место в культурной политике многих стран. По мнению К. Хоруженко, культурно-историческое наследие, будучи синтетическим понятием, включает разнообразные проявления культуры и является одной из форм закрепления и передачи совокупного духовного опыта человека [Хоруженко, 1997, с. 604]. Исторической основой всего разнообразия форм культуры современного мира, по мнению исследователя, является традиционная культура. Сохранение традиционной культуры предполагает не только фиксацию, документирование, музеефикацию/архивацию, но и трансляцию.

В качестве основных источников трансляции выделяют: семью и культурные институты, к которым относятся: органы управления культурой и образованием; социально-культурные учреждения (клубы, библиотеки, музеи, центры народных промыслов и ремесел); учебные заведения, включая систему дополнительного образования; общественные культурные институты (творческие союзы).

Кроме этого, существуют негосударственные организации, деятельность которых также направлена на сохранение и трансляцию культурного наследия. В 2019 г. автором был открыт этнокультурный центр «Музей этнографии детства». Его целью стала популяризация традиционной русской культуры и создание пространства культурного диалога.

Сегодня основная деятельность центра направлена на историко-культурное просвещение детей и взрослых, которое реализуется в четырех направлениях: познавательные экскурсии для школьников; регулярные образовательные занятия для детей и взрослых; мероприятия выходного дня для широкой публики; экспедиционные поездки по Новосибирской области и Алтайскому краю для сбора этнографических материалов.

В настоящее время в музее разработаны девять тематических программ. Программа «Как дети жили в старину» затрагивает игровую и трудовую деятельность детей, обряды перехода от младенчества в детство и во взрослую жизнь. Программа «Как учились в старину» включает историю образования сельских школ, учебных программ и условий обучения крестьянских детей. Здесь же

происходит знакомство современных школьников с детской одеждой русских старожилов Сибири. «Как писали в старину» – программа, основной акцент которой сделан на способах обучения письму и инструментах письма в русской дореволюционной школе. «Хлеб да каша – еда наша» – основной акцент этой программы – трудовая деятельность детей в крестьянской семье.

«Царский леденец» – программа основана на историческом факте поставки к царскому двору особенного леденца, который изготавливался на первом в России свеклосахарном производстве Н.П. Шишкова в г. Рязани в конце XIX в. Наряду с историей мирового производства сахара, историей русского леденца, эта программа включает большой блок по русской инструментальной музыкальной традиции, дети знакомятся со звучанием балалайки, гармошки, гуслей, гудка, рожков, колесной лиры. Программы по календарным праздникам «Масленица», «Пасха», «Рождественские Святки», «Осенины» разработаны на основе авторских полных материалов с точки зрения участия детей в этих праздниках.

Наряду с традиционными методами организации в образовательных программах музея активно используются игровые практики. В них устный рассказ сведен к минимуму, основное время предоставляется детям для творческой активности. Наиболее эффективной формой просвещения является «познавательно-деятельная экскурсия».

В качестве особого метода в рамках музейных практик можно выделить иммерсионный подход. Это погружение экскурсантов в исторические реалии, непосредственное проживание истории с использованием аутентичных вещей и реконструкций обрядов. К примеру, речь идет о примерке исторически достоверных костюмов, о знакомстве со старинной азбукой, уроках письма на грифельных, восковых дощечках и т.д. Такие приемы позволяют создавать увлекательные программы, интересные для современных детей.

На сегодняшний день число посетителей музея в месяц составляет в среднем 1000 чел. Основа регулярных образовательных занятий для детей – детский русский фольклор. И если в занятиях для детей в возрасте 2–5 лет он выступает как средство раннего развития ребенка, то для детей постарше

освоение традиционного пения и хореографии является главной задачей. На сегодня в детской фольклорной студии «Шаркунов» при музее занимается 35 детей в возрасте от 2-х до 8-ми лет. При этом музей ориентирован на семейные практики.

Цель занятий в студии традиционного пения для взрослых – освоение аутентичного фольклорного материала, записанного в Новосибирской области. На основе нашего опыта работы можно с уверенностью сказать, что сегодня существует множество методов, способствующих повышению интереса детей и взрослых к русской культуре. Обучение культуре, опирающееся на традиции, способно влиять на идентичность современного человека.

Сохранение и трансляция традиционной культуры совместимы с реальностью урбанизированного общества. Деятельность этнокультурного центра «Музей этнографии детства» в Новосибирске является конкретным подтверждением этого.

*Научный руководитель – А.И.Кривошапкин
д-р ист. наук, профессор РАН, чл.-кор. РАН,
зав. кафедрой,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Хоруженко К.М. Культурология: Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.

Preservation and Broadcasting of Traditional Culture on the Example of the Private Ethnocultural Center “Museum of Ethnography of Childhood”

Z.Y. Sorokina

Along with state institutions engaged in the preservation and translation of historical and cultural heritage, there are commercial organizations whose activities are also aimed at the preservation and translation of heritage. The experience of one of them is presented in this article.

Keywords: preservation and broadcasting of cultural heritage, experience of a private ethno-cultural center.

Сорокина Жанна Юрьевна

магистрант 1-го курса
Новосибирский государственный университет
Руководитель этнокультурного центра
«Музей этнографии детства»
e-mail: sorokina0202@bk.ru

Sorokina Zhanna Yurievna

1st year master's degree student
Novosibirsk State University
Head of the ethnocultural center
“Museum of Ethnography of Childhood”
e-mail: sorokina0202@bk.ru

УДК 36

Смыслжизненные ориентации и личностные перспективы студентов НГМУ

А.В. Усова, В.С. Соколов

Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск, Россия

Молодежь для любого общества – это его будущее, а значит ценностные ориентации молодежи очень важны для управления им. Современная российская молодежь неоднородна по своему составу; особое место в ее среде занимает студенчество. Долгие годы Россия интегрировалась в западное образовательное и культурное пространство. Исследователи отмечают, что с конца 1980-х гг. был нанесен «сокрушительный удар по воспроизводству принципа преемственности поколений, обрекая молодежь на отчуждение и самоизоляцию в программировании собственного проекта самореализации» [Гигин, Грищенко, 2021, с. 113]. Молодежь пыталась самостоятельно определить жизненные ценности – ориентиры, которые детер-

минируют направленность, содержание и ведущие виды деятельности человека в различные периоды жизни. К настоящему времени власть и общество осознали, что ими утеряно влияние на процесс формирования этих ценностей; обозначили потребность вернуть это влияние.

В этом контексте цель данного исследования состоит в оценке смыслжизненных ориентаций студентов 1 курса обучения по специальностям «Лечебное дело», «Педиатрия», «Стоматология». Понятие смысла «обозначает некую итоговую, ключевую сущность происходящих изменений социальной реальности, глубинное содержание бытия, что предполагает выявление главного, определяющего в жизни человека на основе интерпрета-

ции полученных в процессе социологического исследования показателей и индикаторов» [Тощенко, 2017, с. 14]. Содержание исследования определяет воссоздание системы ценностей студентов-медиков в их жизненной перспективе.

Анализ опирается на выборку из 102 эссе, в которых студентам предлагалось ответить на вопросы, как они видят свои жизненные достижения к окончанию вуза, к 30 и к 60 годам. В исследовании приняли участие 71 девушка и 31 юноша; 73 чел. отнесли себя к русским, 29 – к другим народам. Средний возраст опрошенных составил 18,4 лет. Основным методом исследования стал контент-анализ. Были выделены 10 ценностных категорий для анализа, единицами счета выступали слова и словосочетания. Была составлена сводная таблица коэффициентов частоты упоминаний для разных категорий, на основе которых и была выстроена иерархия ценностей. Коэффициент высчитывался через соотношение количества упоминаний и количества эссе. При анализе результатов учитывалось давление профессионально-ценностных ориентаций. Эмпирическое исследование проводилось на базе кафедры социально-исторических наук НГМУ.

В результате анализа полученных данных удалось выявить, что для всех 102 чел. наибольший коэффициент упоминания имеют: карьерные (3,34), материальные (2,63), семейные ценности (2,48), ценности образования (1,91), физического и эмоционального благополучия (1,14), ценности саморазвития (0,69), географической мобильности (0,69), социальные ценности (0,42) и ценности признания (0,33); на последнем месте находятся глобально-мировые ценности (0,11) – такие, как мир и стремление изменить его.

Преобладающими к первому рубежу жизни респондентов являются ценности образования (1,32), на втором месте – карьерные (1,26), на третьем – материальные ценности (0,62); ко второму рубежу на первом месте стоят карьерные (1,42), затем семейные (1,20) и материальные (1,06); к третьему рубежу наибольший коэффициент упоминания у семейных ценностей (0,96), затем материальные (0,95) и карьерные (0,66).

Таким образом на всех факультетах на первом месте для студентов стоят карьерные ценности (3,62 для девушек и 2,71 для юношей), на втором месте для юношей стоят материальные (1,77), для деву-

шек семейные (3,03) ценности, на третьем – образовательные (1,58) для юношей и материальные ценности для девушек (3,00). Для студентов стоматологического факультета преобладающими являются карьерные ценности (3,48), для лечебного факультета – материальные (2,94) и для педиатрического факультета карьерные (3,85). Для представителей русского этноса лидирующие позиции занимают материальные и карьерные ценности (0,2), а для других – карьерные (0,58) и семейные (0,45) ценности. Все они соотносятся с осознанием себя в рамках большого социума. В одном из эссе автор формулирует цель «...работать по специальности на перспективной работе и строить не только свою карьеру, но и лучшее будущее для моей страны». Но, в целом, коэффициент упоминания социальных ценностей, таких как помогать людям, служить обществу и стране, составляет 0,42, что в 8 раз реже, чем упоминание карьерных, и в 6 раз реже, чем материальных ценностей.

Таким образом, исследование показало, что в сегодняшних реалиях доминирующими для студентов-медиков являются карьерные, материальные и семейные ценности. При этом упоминания о семье и детях и о семейном благополучии в представлениях студентов относятся к возрастному рубежу 60 лет. У студентов лечебного факультета ценности материального преуспеяния опережают карьерные. У русских студентов семейные ценности находятся на ранг ниже, чем у студентов – представителей иных этнических сообществ. Оставив за скобками проблему искренности респондентов, следует отметить, что с точки зрения современной молодежи, приоритетными социально-одобряемыми ценностями являются карьера и достаток, а потом семья.

*Научный руководитель – О.Ю. Сиваченко
ст. преподаватель,
Новосибирский медицинский государственный
университет*

Список литературы

Гигин В.Ф., Грищенко Ж.М. Студенты эпохи цифровых технологий: жизненные смыслы в реалиях белорусского общества // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 110–120.

Тощенко Ж.Т. Смыслы как качественная и сущностная характеристика социологии жизни // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 5. С. 14–28.

Life-Meaning Orientations and the Time Perspective of the Personality of Students of NSMU

A.V. Usova, V.S. Sokolov

The article is devoted to the problems of values and life orientations of modern youth. Based on the content analysis of 102 essays by first-year medical university students, it is concluded that career, material and family values occupy the dominant

positions among all the surveyed students. The values of career success are extremely strongly emphasized in both sexes, but mentions of family and children, family well-being appear in students' essays when they begin to describe their expected achievements by the age of 60. Among the students of the medical faculty, the values of material prosperity outstripped career ones. Russian students have a lower family value orientation than students of other nationalities. From the point of view of young people, socially approved values that should be pursued are career and prosperity, and then family.

Keywords: NSMU, vital value, students, time perspective, career, material and family values.

Усова Анастасия Владимировна

студентка 2-го курса

Новосибирский государственный медицинский университет

e-mail: nastya.usova.00.00@mail.ru

Usova Anastasia Vladimirovna

2nd year student

Novosibirsk State Medical University

e-mail: nastya.usova.00.00@mail.ru

Соколов Василий Сергеевич

студент 1-го курса

Новосибирский государственный медицинский университет

e-mail: vasyasokolov007@gmail.com

Sokolov Vasily Sergeevich

1st year student

Novosibirsk State Medical University

e-mail: vasyasokolov007@gmail.com

УДК 394

Об адаптации армянской диаспоры в Республике Алтай

С.З. Хансанамян

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Армянская община является одной из многочисленных в Сибири. В 2002 г. численность армян в Республике Алтай составила 493 чел. и в сравнении с 1989 г. выросла в 2,8 раза. По переписи 2010 г. армян в республике насчитывалось 528 чел. [Численность..., 2012]. В ходе последней переписи населения в Республике Алтай были зарегистрированы представители 91 народа. Вопрос о специфике адаптации армян в полиэтническом сообществе Алтая представляет большой интерес при изучении этнографии региона [Тадина, 2021].

Термин «диаспора» имеет греческое происхождение. Он образован от глагола *diaspeirein* – «рассеиваться, рассыпать, раздавать, расточать». Слово *diaspeiro* встречается в ранних греческих текстах, а существительное *diaspora* впервые засвидетельствовано в Септуагинте, греческом переводе еврейской Библии, в значении «рассеяние евреев среди язычников» [Дятлов, Мелконян, 2009, с. 8]. Позже к этому слову прибегали и другие античные и христианские авторы. Со временем сформировалось понятие диаспоры как сообщества, сложившегося в результате расселения народа в иноэтнических обществах. В определениях современных авторов подчеркивается такой важный элемент, как особое отношение диаспоры к исторической родине. Эта характеристика остается актуальной и поныне. За ней стоит особое восприятие народом своего прошлого [Джангозян, 2012, с. 66].

Авторитетный исследователь В.И. Дятлов понимает диаспору как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик людей, основанных на общности исхода с «исторической родины», на усилиях по поддержанию образа жизни в «рассеянии» – в качестве национального меньшинства в иноэтническом окружении [Дятлов, Мелконян, 2009, с. 24]. По мнению С.Ю. Джангозян, данное определение приемлемо для большинства современных диаспор именно потому, что посредством его подчеркивается сплоченность и особые отношения между их представителями.

Говоря об армянах, можно отметить, что диаспора играет важную роль для Армении и мирового армянского сообщества в силу исторических причин. Армянским аналогом этого понятия является слово *спюрк* (սփյուռք). Первоначально оно использовалось лишь для обозначения армян, вынужденно покинувших историческую родину в годы геноцида. Именно трагические события начала XX в. считаются решающими для формирования армянской диаспоры, хотя армяне создавали свои общины вне родины задолго до этого. В странах Европы, Азии, а также в Российской империи они внесли заметный вклад в торговлю, культуру и науку [Джангозян, 2012, с. 64].

Общественная организация «Армянская община «Миаснутюн» Республики Алтай» была зарегистрирована

стрирована 28 августа 2004 г. и получила название «Миаснутюн», т.е. «Согласие». Ее руководителем был избран Левон Мушегович Мартиросян. По официальным данным миграционной службы на 1 января 2013 г. численность общины составила 175 чел. Для вступления в ее члены необходимо написать заявление, которое передается на рассмотрение собранию [Доклад...].

Численность армянского населения в Республике Алтай в последние годы увеличивалась за счет миграционного прироста. Добровольная миграция чаще всего совершалась с целью улучшения жизненных условий и достижения такого уровня, который был недостижим на исторической родине. Перемена места жительства предполагает необходимость адаптации к новым условиям.

С целью сохранения культуры и родного языка в г. Горно-Алтайске была открыта армянская (начальная) школа. Это учебное заведение работает уже 19 лет. Главная задача школы – обучить детей диаспоры грамотной речи. Срок обучения 4 года. Воскресную школу посещают те, кто хочет говорить на армянском языке, знать армянскую литературу и историю Армении. Сейчас здесь учатся ребята, которые живут не только в городе, но и за его пределами. Они приезжают в Дом дружбы из пригородных сел Майма и Кызыл-Озёк.

Адаптации армян в Республике Алтай связана с принятием норм и ценностей новой для них полиэтнической среды [Проскурякова, 2007, с. 58]. Руководство диаспоры старается помочь членам общины адаптироваться в новых экономических, социальных и этнокультурных условиях. Организация занимается оформлением документов, поиском жилплощади, организацией праздников, помощью в организации похорон, особенно с выездом в Ар-

мению, и т.д. Адаптация в иноэтнической среде рассматривается как общий процесс приспособления группы к изменившейся социально-культурной и природной среде.

*Научный руководитель – Н.А. Тадина
канд. ист. наук, доцент,*

Горно-Алтайский государственный университет

Источники

Доклад о результатах и основных направлениях деятельности отдела Федеральной миграционной службы по Республике Алтай на 2012 год и плановый период годов // Pandia.ru. URL: <https://pandia.ru/text/78/098/26868-3.php> (дата обращения: 10.03.2023 г.).

Список литературы

Джангозян С.Ю. Об определении понятия «диаспора» // Вестник Ереванского государственного университета. Серия 6: Международные отношения, политология. 2012. № 137. С. 64–73.

Дятлов В.И., Мелконян Э.Л. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии. Ереван: Институт Кавказа, 2009. 207 с.

Проскурякова О.Л. Адаптация мигрантов как социальный процесс // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 4. С. 58–62.

Тадина Н.А. О роли Научной лаборатории этнографических исследований Горно-Алтайского государственного университета в изучении Республики Алтай и сопредельных регионов // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. Омск: Наука, 2021. Ч. 1. С. 309–315.

Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 1. Горно-Алтайск: Стат. сборник Алтайстат, 2012. 66 с.

On the Ethnic Adaptation of the Armenian Diaspora in the Altai Republic

S.Z. Khansanamyán

The Armenian community of the Republic of Altai is a large diaspora in the region. The purpose of the article is to identify the dynamics of its ethnic adaptation, for which the published materials and sources on the latest all-Russian population censuses were studied. Officially, the Armenian diaspora of the Republic of Altai was registered on August 28, 2004 under the name "Miasnutyun", which means "Agreement", L. M. Martirosyan was elected leader. The Armenian Diaspora plays an important role for Armenia and the Armenian people for historical reasons. In order to preserve the culture and native language, an Armenian school for primary classes was opened in the city of Gorno-Altai, where children from the city and the nearby villages of Maima and Kyzyl-Ozek study. Ethnic adaptation in a foreign ethnic environment is considered as a process of ethnic group adaptation to the changed socio-cultural and natural conditions.

Keywords: diaspora, Armenians, republic, ethnic adaptation, sources.

Хансанамян Сюзанна Зограковна

студент 1-го курса

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: siuzana2004@mail.ru

Khansanamyán Syuzanna Zograkovna

1st year student

Gorno-Altai State University

e-mail: siuzana2004@mail.ru

Этническая идентичность: особенности проблематики, методы и подходы к изучению, на примере фильма Елены Барабанцевой «British Born Chinese»

Х.Ц. Чай

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

В современном мире проблема этнической идентичности набирает все большую значимость. Процессы глобализации, в частности активная миграция, порождают непростые кейсы, с ней связанные. Этнические меньшинства, мигранты, дети мигрантов, дети смешанных браков – все это группы людей, для которых вопрос этнической идентичности является сложным и неоднозначным [Гальчук, 2017]. В данной статье рассматриваются особенности самоидентификации людей, испытывающих трудности в социальной адаптации, связанные с их этнической идентичностью на примере фильма Елены Барабанцевой «British Born Chinese» («Британцы китайского происхождения»). Он был создан в качестве исследовательского проекта в 2015 г. В течение двух лет Елена изучала жизнь китайских мигрантов в Манчестере и то, как в их повседневной жизни сочетаются элементы «британскости» и «китайскости». В основе фильма лежит рассказ о жизни двух школьников, мигрантов второго поколения.

Елена Барабанцева использует фильмопроизводство одновременно как инструмент исследования и как способ высказывания. Автор придерживается метода включенного наблюдения и использует ряд визуальных техник для изучения проблемы идентичности. В фильме мы видим акт коммуникации антрополога с людьми, которых она изучает. Как исследователь она не скрывает своего присутствия, а иногда нарочито его подчеркивает. В фильме мы наблюдаем интервью с главными героями, с родителями главных героев и с основательницей-директором китайского культурного центра, которая давно знакома с обоими мальчиками и рассказывает о своих впечатлениях.

Примечательно, что в фильме использовались элементы биодокументалистики [Worth, Adair, 1972]. Мальчикам дали в руки камеры и предложили самим заснять что-то из своей жизни, рассказать о своей повседневности. Мы видим, как герои дают обратную связь исследователю и дают ей свои толкования на тему.

Идентичность человека формируется в процессе социального взаимодействия [Бакланов, Душина, Микеева, 2010]. На мой взгляд, очень показательно, что одна из первых особенностей жизни китайца в британском обществе, которая называется главными героями в фильме, – это дискриминация и

буллинг со стороны одноклассников и сверстников, конфликты в школе, основанные на этнических разногласиях, иногда доходящие до драк.

Это явление можно интерпретировать как неприятие обществом (в данном случае британскими школьниками) этнических китайцев как полноправных британцев и носителей британской культуры. Мы наблюдаем тенденцию к обособлению обществом людей, внешне отличающихся от большинства представителей определенного этноса. И это обособление обостряет чувство уникальности этнической идентичности и невозможность примкнуть к той или иной социальной группе. Смотря фильм, мы можем заметить, что отношение извне сильно влияет на становление этнической идентичности. Влияние общества на идентичность личности проявляется в навязывании этнических стереотипов. Это также происходит со стороны семьи. Родители мальчиков считают обязательным для их детей изучение китайского языка и традиционной китайской культуры. Они аргументируют это тем, что по скольку их дети выглядят как китайцы, то общество будет относиться к ним как к китайцам, и это стыдно быть китайцем и не знать ничего о китайской культуре.

В качестве итога мы можем обобщить, что к важным факторам формирования идентичности мигрантов второго поколения и людей с неоднозначной этнической принадлежностью можно отнести: отношение к ним общества, наличие и бытование сильных стереотипов о той или иной этнической группе, стратегия воспитания в семье (открытая, закрытая) и личные свойства человека. Традиционную культуру в данном контексте можно рассматривать как инструмент компенсации неуверенности в обстановке изоляции от родной культуры и как инструмент навязывания этнической идентичности. Успешными визуальными методами социальной культурной антропологии для изучения проблемы идентичности могут выступать включенное наблюдение, визуальная документация, биодокументалистика, коммуникативный подход и глубинное интервью.

*Научный руководитель – Е.Ю. Трушкина
канд. филос. наук,
зав. научным кабинетом-библиотекой
академика Вяч.Вс. Иванова,*

Российский государственный гуманитарный университет

Список литературы

Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А. Человеческий этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 396–408.

Гальчук Д.С. Понятие «Идентичность личности» // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 5. С. 44–51.

Worth S., Adair J. *Through Navaho Eyes*. Bloomington: Indiana University Press, 1972. P. 72.

Ethnic Identity: Features of the Problem, Methods and Approaches to the Study on the Example of the Film by Elena Barabantseva "British Born Chinese"

K.T. Chay

This article analyzes visual research methods in relation to the study of the ethnic identity on the example of the film "British Born Chinese" by Elena Barabantseva. On the basis of the case covered in the film, the author explores the features of self-identification of people who are struggling with defining their ethnicity and analyzes factors influencing the formation of an individual's identity.

Keywords: identity, ethnicity, visual anthropology, Chinese culture, migration.

Чай Хуа Цзюнь

магистрант 1-го курса

Российский государственный гуманитарный университет

e-mail: lisachai186@gmail.com

Chay Khua Tszun

1st year master's degree student

Russian State University for the Humanities

e-mail: lisachai186@gmail.com

УДК 394

Об опыте нормативно-правового регулирования нематериального культурного наследия Республики Алтай

С.С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Проблема сохранения нематериального культурного наследия является актуальной для Республики Алтай, о чем свидетельствует региональный закон «О регулировании некоторых вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Алтай», принятый в 2022 г. [О регулировании...]. Периодическая поправка закона позволяет осветить сложившийся опыт нормативно-правового урегулирования проблемы.

На 32-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО, состоявшейся в 2008 г. (Квебек, Канада), было принято заключение, что нематериальное культурное наследие включает устные традиции, язык, исполнительские искусства, обычаи, обряды, народные праздники, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.

Проблема его сохранения в современном мире является одной из важных задач на глобальном и национальных уровнях. В России с этой целью был издан ряд нормативно-правовых актов, посвященных отдельным аспектам нематериального культурного наследия. Это – Федеральный закон от

6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах», Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 73-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями от 21 марта 2002 г.).

В плане сохранения нематериального культурного наследия в Республике Алтай был принят закон, не имеющий федерального аналога: Закон Республики Алтай от 05 декабря 2008 г. № 120-РЗ «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» [Закон...; Курьянова, 2015, с. 114, 116]. В нем приводится понятие «объекты нематериального культурного наследия». При этом дано уточнение: объект нематериального наследия должен быть зафиксирован и внесен в каталог/реестр объектов нематериального наследия. В июле 2019 г. был пополнен государственный реестр Республики Алтай, принятый в мае 2014 г. [Ябыштаев, 2020].

Согласно существующему законодательству, праздники входят в состав нематериального культурного наследия. В данной работе предлагается рассмотреть роль регионального нормативно-пра-

вого законодательства на примере развития межрегионального праздника Эл Ойын (Народные игра) и общереспубликанского Чага Байрам (Праздник Нового года). Праздник встречи Алтайского Нового года проходит ежегодно, а Эл Ойын периодически через два года. Порядок проведения последнего закрепляется в «Положении о проведении межрегионального праздника алтайского народа Эл Ойын» [Положение...].

Первоначально праздник Эл Ойын планировался как соревнование по национальным видам спорта [Ябыштаев, 2021]. На протяжении более двадцати лет он был посвящен ярким событиям истории и культурным ценностям Алтая. Так, для театрализованной постановки Эл Ойын в 2000 г. в Кош-Агачском р-не его организаторы выбрали легендарное сказание «Очы бала», проведя параллели между легендарной воительницей алтайского народа и древней мумией женщины, найденной на плато Укок. В 2006 г. праздник Эл Ойын был посвящен 250-летию вхождения алтайцев в состав России и 25-летию Республики Алтай, в 2010 г. – 140-летию со дня рождения выдающего художника, общественного деятеля Г.И. Чорос-Гуркина, в 2012 г. – 90-летию Ойротской автономной области, в 2016 г. – 260-летию вхождения алтайцев в состав России. В 2022 г. состоялся XVII Межрегиональный праздник Эл Ойын, посвященный Году культурного наследия народов России и 100-летию создания Ойротской автономной области [Тадина, Эбель, Ябыштаев, 2022, с. 68].

Организуемый и финансируемый из федерального бюджета праздник Эл Ойын с 2006 по 2016 г. приобрел стационарный характер. На протяжении 10 лет он проводился в священной долине Кабайлу Межелик в Онгудайском р-не. Эта долина пострадала от антропогенных перегрузок, о чем в народе говорили как «об усталости местных духов природы». Силами активной части алтайцев празднику Эл Ойын был возвращен статус «кочующего», что было закреплено в Положении о его проведении в г. Горно-Алтайске в 2016 г. [О проведении...].

В отличие от праздника Эл Ойын праздник Чага Байрам был создан «сверху» правительством республики в 1997 г. Название праздника является тюркским вариантом монгольского названия Нового года «Цаган сар» (Белый месяц). В начале 1990-х гг., когда возрождалась этническая культура, этот праздник предложили теленгиты Кош-Агачского р-на, узнавшие об этом празднике от соседей – буддистов – монголов и тувинцев. По другой версии Чага Байрам был принят в память о вхождении алтайцев в состав Джунгарии (XVII – середина XVIII в.) – государства западных монголов. Данный праздник знаменует приход Нового года в феврале. Но зимой

невозможно творить ритуал испрашивания благополучия у божества Алтая – вся природа в этот период «спит». Алтайцы предлагают альтернативный праздник Ылгайак, традиционно отмечаемый ранней весной, когда «просыпается земля и обращения к Алтаю слышимы».

Периодически принимаются поправки к закону «О праздничных и памятных днях, юбилейных датах в Республике Алтай», принятому в 2003 г. В 2013 г. день проведения праздника Чага Байрам был объявлен нерабочим праздничным днем в Республике Алтай [О праздничных и памятных днях...]. День праздников Чага Байрам и Эл Ойын назначается с учетом символики традиционной культуры алтайцев, что также закреплено в законе. Эти праздники не имеют фиксированной даты, поэтому она ежегодно вычисляется по лунно-солнечному календарю на четвертый, шестой или восьмой день новолуния. В этом проявляется соблюдение алтайской символики.

Таким образом, на примере постсоветских праздников, как неотъемлемой части нематериального культурного наследия Республики Алтай, рассмотрен сложившийся в регионе опыт их нормативно-правового регулирования. Периодически вносимые поправки по узловым вопросам развития современных праздников свидетельствуют о том, что они проводятся не только на уровне официального мероприятия, а выступают в форме самовыражения этнической культуры алтайцев.

Научный руководитель – Н.А. Тадина

канд. ист. наук, доцент,

Горно-Алтайский государственный университет

Источники

Закон Республики Алтай от 05 декабря 2008 года № 120-РЗ // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819079142> (дата обращения: 10.03.2023).

О праздничных и памятных днях, юбилейных датах в Республике Алтай // Pravo.gov.ru. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=164018840&backlink=1&nd=164012963> (дата обращения: 10.03.2023).

О проведении Межрегионального праздника // Gigabaza.ru. URL: <https://gigabaza.ru/doc/176330.html> (дата обращения: 10.03.2023).

О регулировании некоторых вопросов в области нематериального этнокультурного достояния Республики Алтай и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Алтай // Altai-republic.ru. URL: <https://altai-republic.ru/upload/iblock/35c/kick2lnmbr63ie2dv4eh6qqgtn1megko/113-rz-2022.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

Положение о проведении XVII Межрегионального праздника алтайского народа «Эл-Ойын 2022» // Rcnt04.

ru. URL: <https://rcnt04.ru/wp-content/uploads/2022/05/Основное-положение-Эл-Ойын-2022-г.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

Список литературы

Курьянова Т.С. Сохранение нематериального культурного наследия: опыт национальных республик Южной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 391. С. 113–117.

Тащина Н.А., Эбель Е.М., Ябыштаев Т.С. Праздник Эл Ойын как этнокультурный символ в конструировании имиджа Республики Алтай // Известия Иркутского

государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2022. Т. 40. С. 67–77.

Ябыштаев С.С. О создании праздника Эл Ойын для арены национальных видов спорта в Горном Алтае // Мат-лы LXI Российской археол.-этногр. конф. студ. и молодых ученых с междунар. участием. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 199–201.

Ябыштаев С.С. Об актуальности поправок реестра объектов нематериального культурного наследия в Республике Алтай // Мат-лы LX Российской археол.-этногр. конф. студ. и молодых ученых с междунар. участием. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 308–310.

On the Legal Regulation of Intangible Cultural Heritage Experience of the Republic of Altai

S.S. Yabyshtaev

The Republic of Altai has developed a legal and regulatory experience that regulates the sphere of intangible cultural heritage. The problem of its preservation remains relevant which is evidenced by the law "On the regulation of certain issues in the field of intangible ethno-cultural heritage of the Altai Republic and the invalidation of certain legislative acts of the Altai Republic" adopted in 2022. Local legislation does not have any federal analogue, which is seen in the example of the legislative development of the post-Soviet holidays El Oiyn (Folk Games) and Chaga Bairam (New Year's Day). The article clarifies key issues of amending laws, for example, setting the date of holidays according to the symbolism of an even number and the new moon, adopted in the culture of the Altaians. Republican holidays are not only held at the level of an official event, but act as an ethnic culture self-expression form of the Altaians.

Keywords: Altai, law, intangible cultural heritage, holiday, custom.

Ябыштаев Судур Степанович

студент 4-го курса

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: yabyshtaev.sudur@mail.ru

Yabyshtaev Sudur Stepanovich

4th year student

Gorno-Altai State University

e-mail: yabyshtaev.sudur@mail.ru

Этноконфессиональная карта Евразии. Традиции и динамика трансформаций

УДК 39:303.446

Обереги в традиционной культуре якутов и казахов

В.Т. Алексеева, А.М. Осипова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

В прошлом люди заметили, что с виду обычные предметы могут оказывать различные действия на судьбу человека. Некоторые предметы могли приносить счастье и удачу, а другие могли оказать негативное влияние. Различные обереги можно найти в строении двора и дома, в интерьере, в одежде и украшениях. История и культура оберегов тесно связана с религиозным фетишизмом. Обереги тюркских народов богаты в своем многообразии и исполнении. Народы Якутии и Казахстана чтят свои традиции, сохраняют их и передают своим потомкам. Казахи и якуты издревле приближены к природе, умеют жить с ней в гармонии, с трепетом относятся к мощи стихии.

Целью работы является сравнение украшений-оберегов народа саха и казахов. Достижение этой цели опирается на решение следующих задач: определение роли и места оберегов в культуре народов; анализ особенностей декора якутских и казахских оберегов, технологии их изготовления; определение функциональной значимости украшений-оберегов. В толковом словаре С.И. Ожегова дается такое определение: «Оберег – предмет, оберегающий, охраняющий от чего-нибудь» [Ожегов, Шведова, 2006].

Возникновению оберегов содействовала вера людей в их магическую силу, которая может спасти человека от влияния внешних недобрых сил. Так называемые суеверия, связанные с дурным глазом и порчей. У казахского народа есть такие поверья. В качестве оберегов от неудач использовали амулеты-тумары. Археолог Н. Веселовский так опи-

сывал назначение тумаров: «Амулеты – средство от сглаза и спасительное от всяких бед. Особенно почитаются в качестве амулетов молитвы, так как они, врачую тело, спасают в то же время и душу» [Тохтабаева, 2005]. Тумары в большинстве случаев были треугольной и цилиндрической формы. Их изготавливали из дорогой ткани или кожи. Внутри амулета могла быть шепотка святой земли или соли. Треугольная форма амулета могла отражать представления о солнечном луче, женской плодovitости. Также в Казахстане в виде оберегов использовали когти и перья филина, способствовавшие защите человека от злых духов, действующих в ночное время. Тюркские народы признавали филина как священную птицу. Выстраивалась взаимосвязь ночи и филина, бодрствующего ночью. Ш. Тохтабаева пишет: «Сова объяснена казахами двойственно. С одной стороны, она воспринимается как представитель темных сил и поэтому считается способной противодействовать отрицательным явлениям. С другой стороны, сова обожествляется. На птиц-тотемов в быту казахов существовал запрет охоты. Приходилось сову покупать у представителей тех родов, где тотемами выступали другие животные. Таким образом, люди, не нарушая запрета, одновременно приобщались к своему тотему, приобретая его защиту» [Тохтабаева, 2005]. Образ птицы у казахов, как и у большинства народов мира, символизировал счастье, свободу и добро. Также эффективным оберегом считали и раковины каури. Раковина каури символизировала женское начало и плодородие. Ими украшали

головные уборы девушек. В степи верили, что так можно предотвратить сглаз.

Изучением якутских оберегов занимались такие исследователи, как В.П. Корякина [Корякина], Е.В. Андреева, М.А. Верховцева, Т.Ю. Петрова [2019], С.В. Никифорова [2018]. В древности якуты делали свои обереги из природных материалов. Например, к поясу женского наряда подвешивался амулет саһыл тумса, сделанный из меха конца лисьей мордочки, к обрезанному концу которой были привешены серебряные украшения, бисер разных цветов. Этот амулет – сильный оберег от нечистой силы, порчи и сглаза [Корякина]. По причине того, что большинство мужчин были охотниками, они почти не носили украшений. В качестве оберегов использовались вышивка и части животных: головы, лапы, когти, зубы, кости, что приносило им удачу во время охоты [Якутские обереги...]. Самый сильный и редкий талисман для мужчин – камень «сата». По внешнему виду этот камень схож с человеческой головой. Оберег было принято хранить вдали от дома завернутым в шерсть животного, во внутренних органах которого он был найден. Якутские предания гласят, что с помощью камня «сата» люди могли влиять на погоду и поведение животных. Роды сопровождало использование многочисленных оберегов, чтобы сохранить жизнь младенцу и облегчить процесс. К примеру, покровительницу плодородия Айыыһыт часто символизировала шкурка зайца, которая в свежее выделанном виде имела лечебные свойства. Это делалось с целью теплозащиты и защиты частей тела, важных для продолжения рода [Андреева, Верховцева, Петрова, 2019]. Для сохранения жизни ребенка применяли разнообразные обереги: новорожденного заворачивали в шкуру, назначение которой – отпугивать злого духа. На дверях дома, где родился ребенок, подвешивали конскую узду. Звон служил препятствием проникновению в жилище злого духа. Также стоит упомянуть обереги, отмеченные П.А. Слепцовым: «Большое количество амулетов привязывали над колыбелью или к ее веревке: нож с ножнами, огниво с трутом, деревянный топорик, наконечник стрелы, медный коло-

кольчик, голову или ногу совы, ястреба, медвежью лапу с когтями, надутый коровий пузырь и т.д.» [Никифорова, 2018].

В ходе исследования было выяснено, что большинство казахских и якутских оберегов сделаны из натуральных материалов (когти, шкуры, перья и т.д.). Главное различие заключается в том, что аналога казахского «тумара» в культуре якутов не нашлось. Якутские обереги распределялись по гендерному признаку, в отличие от казахских. Для обоих народов обереги играли важную роль в повседневной жизни. Они не только защищали людей от бед и неудач, но и приносили удачу на охоте или в других бытовых делах. Много разновидностей оберегов известно как в казахской истории, так и в якутской. Все они использовались как для повседневной носки, так и в ключевые моменты жизни (смерть, рождение, свадьба и т.д.).

*Научный руководитель – К.М. Яковлева
канд. ист. наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова*

Список литературы

- Андреева Е.В., Верховцева М.А., Петрова Т.Ю.** Обереги в символической и повседневной практике народа саха // Человек и культура. 2019. № 5. С. 27–33. doi:10.25136/2409-8744.2019.5.30987.
- Корякина В.П.** Загадка древних украшений и национальной одежды саха [Электронный ресурс]. URL: <https://1sn.ru/index.php/zagadka-drevnix-ukrasenii-i-nacionalnoi-odezdy-saxa> (дата обращения 28.02.2023)
- Никифорова С.В.** Символика женских украшений. Культурные коды традиционной повседневности саха (якутов). Саратов: Вузовское образование, 2018. 259 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
- Тохтабаева Ш.Ж.** Серебряный путь казахских мастеров. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 472 с.
- Якутские обереги** – значение [Электронный ресурс]. URL: <https://amuletobereg.ru/yakutskiye-oberegi/> (дата обращения 28.02.2023)

Amulets in the Traditional Culture of the Yakuts and Kazakhs

V.T. Alekseeva, A.M. Osipova

The paper is devoted to the amulets in the traditional cultures of the Yakuts and Kazakhs. During the study, it was found out that most of the Kazakh and Yakut amulets are made of natural materials (claws, skins, feathers, etc.). There was no analogue of the Kazakh "tumar" in the culture of the Yakuts. Yakut amulets were distributed by gender, but Kazakh amulets were not. For both peoples, amulets played an important role in everyday life. They protected people from troubles and failures and brought good luck on hunting or in other household matters. Kazakhs and Yakuts have many types of amulets. They could be used daily and on special occasions (death, birth, wedding, etc.).

Keywords: Yakuts, Kazakhs, amulets, symbolism.

Алексеева Валерия Тимировна

студент 1-го курса
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова
e-mail: leralekseevat@gmail.com

Осипова Аниита Михайловна

студент 1-го курса
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова
e-mail: oanitam7@mail.ru

Alekseeva Valeriia Timirovna

1st year student
North-Eastern Federal University
e-mail: leralekseevat@gmail.com

Osipova Anita Mikhailovna

1st year student
North-Eastern Federal University
e-mail: oanitam7@mail.ru

УДК 398.3

Пережитки зороастрийских представлений в обрядах и обычаях кыргызского народа

Э. Амасья, Г. Аскарбек

Кыргызско-Турецкий университет Манас, Бишкек, Кыргызстан

Одной из актуальных проблем истории культуры центральноазиатских стран в целом и Кыргызстана в частности является история распространения зороастризма. Его обряды и обычаи, связанные с почитанием огня, прямо или косвенно упоминаются в «Видевдате», одной из священных книг древних иранцев «Авеста». Самым известным на сегодняшний день храмом зороастрийцев-огнепоклонников на территории современного Кыргызстана является Сулайман-Тоо¹ [Оумак, 2002, р. 670]. Гардизи в XI в. сообщал о молельном доме у кыргызов, где светильни не гасят [Бартольд, 1973, с. 46–48]. Несмотря на наличие археологических и этнографических источников, вопрос о месте зороастризма в культуре народов макрорегиона остается открытым.

Зороастризм придавал большое значение ритуальной чистоте. Человек должен был оберегать чистоту огня, воды и земли. Под чистотой понималась прежде всего незагрязненность соприкосновением с демоном смерти Насу. Так, индоарийцы до распространения Зороастром его учения практиковали кремацию. Однако позже они прекратили использовать огонь для уничтожения останков: по их представлению, это считалось осквернением огня [Бойс, 1988, с. 51]. Согласно письменным источникам и археологическим материалам, отдаленные предки современного кыргызского народа, енисейские кыргызы, практиковали кремацию тел умерших. После военных событий IX в. они начали расселяться на обширных территориях и в результате связей с тюркскими народами постепенно перешли к ин-

гумации. Впоследствии данный обряд трансформировался под влиянием мусульманства. Некоторые путешественники XVI в. отметили наличие у них и обряда воздушного погребения, относящегося к начальному этапу переселения алтайских кыргызов на Тянь-Шань. Кыргызы, оставшиеся в Минусинской котловине, продолжали практиковать кремацию вплоть до XVIII в. [Мокеев, Жапаров, 2022, с. 148]. В эпосе Манас описываются похоронные традиции, включая «небесное погребение». Находящийся при смерти хан Кокетей просит своих близких после смерти омыть его тело кымызом, отделить плоть от кости острым мечом [Оумак, 2002, р. 676]. Описание такой обрядности в кыргызском эпосе наводит на мысль о башнях молчания, известных у зороастрийцев. Башни молчания – отдаленные возвышенные строения, где останки умерших зороастрийцев расклеивают птицы падальщики [Дорошенко, 1982, с. 57]. Останки же в таком случае очищались от скверны под лучами солнца и луны. К слову, у кыргызов существовал обычай выставлять на лучи солнца и луны вещи, принадлежавшие покойному или имевшие непосредственный контакт с его телом, считалось, что после этого их можно использовать. У современных же кыргызов до сих пор существует обычай обкладывания камнями того места, где лежал саван с телом, чтобы случайно не наступить на него [Мейтарчиан, 2001, с. 161].

У кыргызов апрещалось плевать на огонь, гасить его водой, ступать на то место, где есть следы огня. Огонь не разрешалось передавать соседям во время

¹ Храм огнепоклонников Сулайман Тоо, с виду напоминающий двугорбого верблюда, перекликается с именем пророка Заратушты, имя которого трактуют как «Обладающий золотым/красивым верблюдом», по другой версии «Тот, кто погоняет верблюдов».

окота скота. Огонь присутствовал при рождении и находился вместе с ней до тех пор, пока не отпадет пуповина у ребенка; с ним было связано испрашивание ребенка при бесплодии [Баялиева, 1972, с. 44].

Различные выделения из организма, по зороастрийским представлениям, считались грязными и требовали немедленного ритуального очищения. У кыргызов после рождения ребенка проводился долгий ритуал очищения матери и новорожденного, который длился 40 дней, для этого выделялось отдельное помещение с непрерывно горящим огнем. Ритуалы, когда-то проводившиеся в храмах, в прямом и видоизменном виде можно было наблюдать в обрядовой культуре кыргызов. Так, Ч.Ч. Валиханов упоминал о святости огня у дикокаменных кыргызов, отмечая, что они с поясом на шее приносят жертву огню, бросая в него жир [Валиханов, 1984, с. 370].

Существовал также обряд для новобрачных – «прохождение через огонь». Поклонение огню как очищающей стихии совершали как индивидуально, так и большими группами. К примеру, обряд «алас», т.е. окуливание помещения дымом от арчи или адырашмана. В жизни современных кыргызов он практикуется повсеместно. В особенности во время «Нооруза», или «Оруздама»², а иногда на «чоң көжө» – на праздники, означающие наступление весны и нового года, связанные с днем весеннего равноденствия (20–21 марта) [Баялиева, 1972, с. 48; Бойс, 1988, с. 61].

Кочевники-кыргызы издревле понимали важность сохранения огня в суровых условиях жизни, вместе с тем, вероятно, знали о его целебных и очищающих свойствах. Культ огня у кыргызов

имел древнейшие корни, поэтому говорить об исключительном влиянии зороастризма не совсем правильно. Но можно поставить вопрос о его трансформации от архаичной формы к более сложной, связанной с представлением о благой энергии Бога. По этой причине авторы считают культ огня, практиковавшийся некогда на территории современного Кыргызстана и существующий поныне, отголоском зороастрийских представлений.

*Научный руководитель – Ж. Алымбаев
д-р ист. наук, профессор,
Кыргызско-Турецкий университет Манас
Научный руководитель – Н. Жейлан
PhD, доцент,
Кыргызско-Турецкий университет Манас*

Список литературы

- Бартольд В.В.** Сочинения. М., 1973. Т. VIII. 725 с.
Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе: Илим, 1972. 171 с.
Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1988. 303 с.
Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1984. Т. I. 432 с.
Дорошенко А.Р. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). М.: Наука, 1982. 133 с.
Мейтарчиан М.Б. Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб.: Институт востоковедения РАН: Летний сад, 2001. 248 с.
Мокеев А.М., Жапаров А.З. Эволюция похоронных обрядов кыргызского народа // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2022. № 75. С. 148–156. doi:10.17223/19988613/75/18
Oymak İ. Türkistan'da Zerdüştlüğün Yayılması ve Etkileri. Türkler Ansiklopedisi Cilt III. Ankara, 2002, 1679 p.

The Remnants of Zoroastrian Beliefs in the Rituals and Customs of the Kyrgyz People

E. Amasya, G. Askarbek

This article provides information about the spread of Zoroastrianism in Central Asia. The main attention is paid to the study of the remnants of Zoroastrian ideas in the rituals and customs of the Kyrgyz people from ancient times to the beginning of the XX century. Rituals and customs are studied on the basis of ethnographic sources, as well as an attempt to draw parallels between ancient cults, Zoroastrian beliefs and Islamic tradition, the synthesis of which is observed in the culture of the Kyrgyz of modern times.

Keywords: Kyrgyz, Zoroastrianism, "folk Islam", sacred places, funeral customs.

Амасья Эрай

докторант

Кыргызско-Турецкий университет Манас

e-mail: 1950d01002@manas.edu.kg

Аскарбек Гулназ

докторант

Кыргызско-Турецкий университет Манас

e-mail: 1950d01001@manas.edu.kg

Amasya Eray

PhD candidate

Kyrgyz-Turkish University Manas

e-mail: 1950d01002@manas.edu.kg

Askarbek Gulnaz

PhD candidate

Kyrgyz-Turkish University Manas

e-mail: 1950d01001@manas.edu.kg

² Является вариантом произношения имени зороастрийского бога Ахура-Мазды. Казахи и кыргызы также верили в другое зороастрийское божество – Армана, искаженное Анхра-Майню, бога смерти, разрушения.

Домашний алтарь в религиозной практике бурят-буддистов

А.В. Бурнакова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В каждой религии есть символы, олицетворяющие ее сущность. Одним из самых распространенных символов веры является алтарь. Этот объект представляет собой культовое сооружение, находящееся в передней части храма, и всегда выполняет функцию установления связи человека с высшей сверхъестественной силой (Богом, божествами, предками и т.д.) [Давыдов, 2008, с. 58–59]. Верующие молятся и совершают обряды у алтаря. Этот ритуальный объект проецируется из храма в пространство дома.

Целью данной статьи является характеристика домашнего алтаря у бурят-буддистов. Домашний алтарь (*бурхан*) для бурят является объектом, указывающим на их вероисповедание. В традиционном жилище – юрте он всегда находился в почетной ее части – *хоймор*, напротив входа. Со слов бурятских стариков, жилище уподобляется телу человека, а алтарь – это его сердце, т.к. посредством него осуществляется связь с сакральным миром. Для буддиста он символизирует Прибежище на пути к просветлению и обретению гармонии. В настоящее время алтарь располагают в северной или западной части дома или квартиры (ПМА 1). По свидетельству представителей старшего поколения, наряду с буддийскими алтарями еще в середине XX в. в юртах нередко можно было встретить фигурки шаманских фетишей-онгонов, подвешенных к стене. У агинских бурят они назывались *дабай*. Их было принято «кормить», т.е. приносить подношения в виде первых лучших кусков пищи и окропления напитками (ПМА 2).

Домашний алтарь в большинстве жилищ бурят представляет собой шкаф из массива дерева с двухстворчатыми дверьми на высоких ножках, на котором располагается одностворчатый шкафчик нередко со стеклянной витриной, называемый *гунгарбаа*. Помимо того, соответствующие функции может выполнять и маленький шкафчик, расположенный на столе с открывающимся ящиком. Сверху он покрывается шелковой или парчовой тканью (ПМА 2). При этом алтарь должен находиться «выше пояса человека», что связано с представлениями о сакральности верха и профанности низа.

Согласно буддийской традиции, на указанном священном месте обязательно должны быть

представлены три основных атрибута Будды: его тело, речь и ум. Олицетворением тела Будды является его изображение в виде фотографии или статуи. Их принято размещать в центре (ПМА 1). Наряду с Буддой Шакьямуни часто встречаются изображения других бурханов – божеств буддийского пантеона: Белого Старца, Зеленой и Белой Тары, Манчжушри, Ваджрапани и Вайшраваны и пр.

В настоящее время большим почитанием у верующих бурят пользуется Намсарай – один из просветленных божеств-охранителей, ведающий материальными богатствами. По словам стариков, раньше на алтаре чаще помещали Белого Старца как покровителя домашнего скота. Он стал менее популярен в наши дни, что свидетельствует о трансформации уклада жизни (ПМА 3).

Символом речи Будды выступают священные тексты, завернутые в ткани красного, бордового или желтого цветов, называемые *жаншиа*. Они передаются из поколения в поколение и считаются семейной реликвией. Буддийские книги воспринимаются верующими как амотропей. Так, например, при рождении ребенка стараются приобрести текст Банзаракша («Пять защитниц, оберегающих от болезней и бедствий»), чтобы держать его в качестве оберега возле ребенка. Как сообщали информаторы, при отсутствии этой сутры люди старались одолжить ее на время у родственников или знакомых и держали ее у себя до достижения ребенком годовалого возраста. Помимо того, старики часто производили ритуал благословения ребенка буддийским текстом *хэбихэ, адислаха* – подносили священный текст к его макушке.

Добавим, что буддийские тексты было принято освящать в дацанах. С ними верующие могли совершать ритуальные обходы – *гороо* вокруг дацанов, деревень или жилищ. Люди верили, что подобное действие предотвращает несчастья и дарует благо всем живым существам [Герасимова, 1992; Буддизм..., 1981].

Воплощением ума Будды является миниатюрное изображение *субурган'а* – ступы, либо ее фотография. Помимо того, на алтаре нередко размещаются такие культовые предметы, как раковины *дунгар*, молитвенные барабаны *хурдэ*, изображения восьми благородных символов и др. (ПМА 1).

Перед изображениями Будды и других божеств принято ставить подношения из восьми составляющих – семи чашечек и лампы. Их расставляют в линию и наполняют в следующем порядке: вода для питья, вода для омовения, цветы, благовония, светильник, душистая вода, пища и музыка (раковина). Располагают их слева направо, и расстояние между ними должно быть равно одному зернышку риса (ПМА 1).

Кроме того, на алтарь нередко размещают статуэтки домашних животных – коня, коровы или козы. Их называют *сэтэр* (тиб. *цетар*). Согласно буддийским верованиям, они олицетворяют священное животное, которое считалось хранителем домашнего скота и семьи от различных бедствий (ПМА 3).

Ежедневной духовной практикой является воскуривание благовоний, произнесение буддийских мантр и совершение протираний перед алтарем в утреннее и вечернее время. Каждое утро верующие совершают подношение бурханам в виде молока или свежесваренного чая, выставляя их на алтаре в специальных чашах [Буддизм..., 1981]. Наряду с этим в сельской местности в домах на земле в пределах своей придомовой территории осуществляется ритуал окропления молоком или чаем. Обряд должен проходить при строгом соблюдении определенных правил. Само действие должно осуществляться рано утром до завтрака. Отправитель обряда обязательно должен «очиститься» – умыться и ополоснуть рот. Моральный настрой человека должен соответствовать приему важного гостя в доме, требующего проявления предельной вежливости и глубокого уважения. В восьмой, пятнадцатый и тридцатый дни по лунному календарю принято возжигать масляные лампы перед алтарем. Верующие, придя в гости в дом, где имеется алтарь, в знак почтения совершают поклоны перед алтарем хозяев и нередко делают денежные подношения (ПМА 2).

Важнейшим требованием буддийской практики является поддержание чистоты домашнего алтаря. Согласно буддийскому вероучению, соблюдение этого правила служит основанием для очищения кармы человека. В свою очередь, это способствует его перерождению в чистых сферах мироздания (ПМА 1).

В культуре бурят ежедневная религиозная практика буддистов в отношении домашнего алтаря часто дополняется и окказиональной деятельностью, связанной с жизненным циклом человека: рождением, свадьбой и смертью. Во всех этих ситуациях всегда обращаются к домашнему алтарю. Старшие в семье приобщают к почитанию алтаря маленьких детей с самого рождения. Непремен-

ным элементом символических действий, связанных с заключением брачного союза и началом свадебного цикла, является подношение сватами ритуального шарфа – *хадак'а* алтарю родителей невесты.

После смерти человека на домашних алтарях принято возжигать лампы и поддерживать их круглосуточное горение в течение сорока девяти дней. Это связано с воззрениями о том, что свет лампы в течение обозначенного периода будет освещать путь сознанию (душе) умершего человека и способствует ее благополучному перерождению (ПМА 3).

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что домашний алтарь имеет большое значение в религиозной жизни бурят-буддистов, в том числе и в духовно-нравственном воспитании человека. Он выступает в качестве сакрального центра их дома, посредством которого осуществляется связь не только с небесными буддийскими божествами, но и земными предками. Ритуальная практика в отношении этого культового объекта имеет не только индивидуальное предназначение. Алтарь исполняет роль своеобразной связующей нити нынешнего поколения с предками, которые совершали подобные же действия. Он также является символом связи с народом – бурятами и их верой – буддизмом.

Научный руководитель – В.А. Бурнаков
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН

Источники

ПМА 1 – Полевые материалы автора, 2022 г., информант – Валера-лама (Чертыков Валерий Агоолович), 1961 г.р., г. Горно-Алтайск, буддийский священнослужитель.

ПМА 2 – Полевые материалы автора, 2022 г., информант – Балданова Дулмажаб Жамбаловна, 1955 г.р., с. Цокто-Хангил Агинского Бурятского округа Забайкальского края.

ПМА 3 – Полевые материалы автора, 2022 г., информант – Цыденова Цыбжит Жамсарановна, 1933 г.р., с. Цокто-Хангил Агинского Бурятского округа Забайкальского края.

Список литературы

Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. 185 с.

Герасимова К.М. Обряды защиты жизни в буддизме. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 138 с.

Давыдов И.П. Алтарь // Энциклопедия религий. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2008. С. 58–59.

Home Altar in the Religious Practice of Buryat Buddhists

A.V. Burnakova

The article analyzes the ideological and ritual complex of the buryats associated with the buddhist home altar on the basis of field ethnographic materials. In the course of the study, the author comes to the conclusion that in the spiritual culture of the buryat buddhists, this ritual object was assigned one of the most important places. It acted as the sacred center of people's homes. He was endowed with various symbolic functions: an altar, a focus of supernatural grace, an apotropee, etc. It was included in the ritual associated with the human life cycle: birth, wedding and death. It is noted that the altar is a key attribute of a buddhist believer. It presents the symbols of the three highest jewels of Buddhism: the body, speech and mind of the Buddha. The presence of a domestic shrine and daily ritual practice in relation to it were designed to serve as a memory of confessional affiliation and aimed at the spiritual and moral education of all households. In the popular consciousness, daily offerings to holy objects on the altar contribute to the attainment of well-being in the life of a believer.

Keywords: buryats, culture, worldview, Buddhism, home altar, ritual.

Бурнакова Айко Венарьевна

студент 1-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: aikoumn@gmail.com

Burnakova Aiko Venariyevna

1st year student

Novosibirsk State University

e-mail: aikoumn@gmail.com

УДК 394

Возрождение шаманизма Южной Сибири в конце XX – начале XXI века

В.М. Кремлёва

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Цель настоящей работы – выявление особенностей современного шаманизма в регионах Южной Сибири. Шаманизм, сохраняя устойчивость во времени, и сегодня играет большую роль в самоопределении народов региона. Конец XX в. в России ознаменовался ослаблением давления на религиозную жизнь людей. Повсеместно стали возрождаться традиционные народные праздники и обряды. В Тыве и Бурятии были предприняты попытки оформления шаманизма как религии. Появились термины, нехарактерные для традиционного шаманизма: «паства», «молебен» и т.д. [Харитонов, 2013].

Интересующиеся шаманизмом приезжают в Сибирь, а сами шаманы выезжают в другие регионы и страны для проведения практик. В начале XXI в. в России формируется новое явление – этнотуризм, в котором знакомство с шаманскими практиками становится главной мотивацией. Формируется концепция «деньги=энергия», согласно которой во время работы шаман тратит энергию, поэтому клиент должен ее восполнить деньгами.

Рассмотрим региональные особенности возрождения традиционных религиозных обрядов и практик, включая шаманизм.

Алтай. В современной Республике Алтай шаманизм сосуществует с «ак жанг», «белой верой» (бурханизм/необурханизм). Однако не всегда их можно четко разграничить. Например, некоторые современные шаманы используют бурханистские обряды и атрибутику. На рубеже XX–XXI вв. создаются ре-

лигиозные объединения «Духовный центр Алтай», «Алтай-Ян». Они занимаются издательством и просветительством; на их базе проводят коллективные молебны и ретриты. Лидеры организаций пытаются структурировать и канонизировать шаманское мировоззрение. Камлание в этом сообществе чаще всего проходит без ритуальных костюмов и бубна; при их проведении лечат психические болезни с помощью средств магического воздействия [Кнорре, 2016]. Популярными ритуалами связаны с почитанием природы «как основополагающего источника плодородия и материального благосостояния людей» [Екеева, 2013]. По этой причине власти Республики Алтай стараются на законодательном уровне обеспечить охрану почитаемых мест и объектов.

Хакасия. В этом регионе люди все чаще обращаются к шаманам для укрепления здоровья, продления рода и т.п. Особый интерес проявлен к «местам силы» (безопасности, женского плодородия и т.д.) – это Салбыкский курган, «Сундуки», Хуртуях Тас и др. Созданы религиозные организации «Центр хакаского шаманизма», «Хан Типр» и др. [Мазай, 2014]. Встречается практика камлания без бубна и костюма. Но местные шаманы предпочитают иметь полный комплект ритуальных атрибутов. Шаманская атрибутика и техника камлания становятся разнообразными вследствие проявления творческого начала шамана – хама. Ранее в числе ритуальных специалистов выделялись лекари (імчи), гадатели (на черешках, бараньей лопатке), ясновидящие, предска-

затели. Сейчас всех специалистов называют шаманами: произошло слияние ритуальных функций в одном лице. В последние годы в связи с возрождением родового движения активизировалась практика проведения обряда поклонения духам гор. Для практики обустройства специальные площадки.

Тыва. После распада СССР здесь было возрождено много культовых мест, куда ранее скрыто приходили шаманисты. Получили развитие практики их почитания. К аржанам (родникам, лечебным источникам) стали приурочивать шаманские лечебные практики. За лечением люди стали обращаться к ламам и шаманам ввиду сходства их деятельности. Часто на одно событие приглашают и тех, и других [Монгуш, 2014; Харитонов, 2018].

Шаманизм стал открытой системой. Было организовано обучение всех желающих шаманскому ремеслу. Появились иноэтничные представители тувинского шаманизма. Так, например, Р.Ю. Несеров стал учеником С.И. Канчыр-оола, был посвящен в шаманы, принят в тувинский род и унаследовал практику учителя [Харитонов, 2018].

Шаманские камлания вошли в программы различных музыкальных и фольклорных фестивалей. Мастера горлового пения (хоомейжи) стали брать на себя функции шаманов, как, например, Н.М. Ооржак, который проводит семинары по методике оздоровления с помощью горлового пения. Посещение шаманов и участие в их ритуалах стало частью туристических программ. Открываются центры и клиники с сертифицированными шаманами. Так, в Кызыле находится шаманская клиника, МРОШ «Управление Верховного Шамана», «Тос Дээр» и др. Создаются шаманские школы: школа шаманизма С.И. Канчыр-оола. Предпринимаются попытки создания иерархии и объединения шаманов страны. В 2018 г. К.Т. Допчун-оол был объявлен верховным шаманом России, но пока не пользуется всеобщей поддержкой [Харитонов, 2018].

Бурятия. Шаманизм в этом регионе имеет прочные позиции. В 1993 г. возникла шаманская организация «Боо мургэл». Она проводит коллективные молебны (тайлаганы), издает тематическую литературу и сотрудничает с научным сообществом. В 2003 г. учреждается организация «Тэнгэри». На ее базе в 2019 г. был открыт первый в России храм шаманизма «Тэнгэрийн Ордон». Если раньше обряды проводились локально, то сейчас проводятся моления к общепервобытным духам. В обряде могут участвовать представители разных родов. Все больше появляется шаманов без наследственного дара, *утха*. Шаманом может стать и человек другого этноса [Скрынникова, 2015].

Традиционных шаманов в Бурятии условно делят на старое поколение, которое пытается сбе-

речь сохранившиеся традиции, и новое поколение, занимающееся общественной, просветительской и издательской деятельностью. Также помимо шаманов выполнять сакральные функции могут светские лица – это старики *хадаши*. Но они не могут лечить или предсказывать, лишь проводят обряды.

Таким образом, во всех регионах Южной Сибири современный шаманизм активно использует такие явления как блогинг, коучинг, творчество, туризм, психотерапию и т.п. Шаманизм видоизменяется в ходе социокультурного и экономического развития общества. Он становится философско-религиозной системой, а не только обрядовой практикой. Предпринимается попытка оформления шаманизма в качестве полноценной религии. Шаманы объединяются в религиозные организации. Целительство опирается на народную медицину и психотерапию (многие шаманы имеют дипломы психологов). Современный шаманизм опирается на местные традиции, этнографию и др. источники. Диалог шаманизма и науки происходит через конференции и совместные исследования.

Таким образом, шаманизм адаптируется к современным условиям, сосуществует с разными системами, не теряя при этом своей самобытности вне зависимости от региона.

*Научный руководитель – И.И. Назаров
канд. ист. наук, доцент,
Алтайский государственный университет*

Список литературы

- Дарханова А.И. Классификация современных бурятских шаманов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2009. Т. 8, № 5. С. 293–299.
- Екеева Н.М. Культура и религиозные воззрения народов Республики Алтай // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 3 (23). С. 130–133.
- Кнорре Б.К. Современный алтайский шаманизм в контексте национальной религиозной политики Республики Алтай // Вестн. Рос. гос. гум. ун-та. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 12 (21). С. 89–114.
- Мазай Л.Ю. Проявление шаманского неотрадиционализма в Республике Хакасия // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2014. № 6–1. С. 138–141.
- Монгуш М.В. Эволюция шаманской традиции в Республике Тува // Культурологический журнал. 2014. № 1 (15). С. 1–17.
- Скрынникова Т.Д. Современный шаманизм у бурят // Страны и народы Востока. 2015. № 36. С. 113–140.
- Харитонов В.И. «Возрожденный шаманизм» в России: контексты функционирования // Этническое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 199–209.
- Харитонов В.И. Тувинский (нео)шаманизм как культовая и целительская практика в современном мире // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 47–76.

V.M. Kremleva

Shamanism has shown its stability over time, and today plays an important role in the self-determination of the peoples of Southern Siberia. It's traditionally inherent in this territory and was preserved even during the Soviet period as part of family rituals. The purpose of this work is to identify the features of revived shamanism in different regions of Southern Siberia. In this study, we consider the prerequisites for the reform of shamanism and the emergence of its modern forms. The main prerequisites of a historical, religious and political nature that led to changes and reinterpretation in the shamanic tradition and in shamanic cults are revealed. An attempt was made to characterize modern forms of shamanism. Shamanism adapts to modern conditions, without losing its identity regardless of the region.

Keywords: Shamanism, Siberia, ritual, Altai, Tuva, Buryatia.

Кремлёва Виктория Михайловна

студент 2-го курса

Алтайский государственный университет

e-mail: kremlevavm@yandex.ru

Kremleva Victoria Mikhailovna

2nd year student

Altai State University

e-mail: kremlevavm@yandex.ru

УДК 299.5

Поликонфессиональность и национальная идентичность корейцев Сибири

К.В. Лазарева

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Республика Корея сегодня является поликонфессиональной и одновременно с этим моноэтнической страной. С IV в. в страну проникает буддизм; в XVIII–XIX вв. – христианство; на оба эти течения сильное влияние оказывали конфуцианство, а также шаманизм, сохраняющий сегодня свое значение в качестве актуальных сакральных культурных практик. Формирование поликонфессиональной структуры корейского сообщества было традиционно связано как с этнополитическими, так и с социально-экономическими факторами, среди них культурные контакты с Китаем, японское колониальное господство (1910–1945 гг.), роль американского фактора в решении корейского вопроса, а также Корейская война (1950–1953 гг.). И хотя сегодня в истории Корейского полуострова обнаруживаются длительные периоды идеологического доминирования одной религиозной традиции, ориентированной на легитимацию определенной политической власти, корейское общество никогда не было свидетелем национального раскола, вызванного религиозными различиями. С глубокой древности до современности ни одна религия не представлялась как ведущая и не принимала главенствующую позицию. В современной Республике Корея тенденция актуализации межрелигиозного диалога при активном участии всех основных религий продолжает усиливаться. Кроме прочего, поликонфессиональность начинает рассматриваться как фактор, объединяющий

Корейский полуостров в единое историко-культурное пространство.

Поликонфессиональность также сохраняет свое значение в рамках корейской диаспоры. Среди корейцев Сибири представлены различные конфессии, в т.ч. православие, протестантизм, буддизм. В Новосибирской обл., по переписи 2020 г., корейцы составляют около 3 тыс. чел.; большая часть говорит на русском языке, около 40 % владеют корейским. Среди них много светских людей.

В настоящее время в масштабах корейской диаспоры усиливается культурная активность. Среди корейцев России (в том числе и Сибири) происходит актуализация традиционной нормативной и гуманитарной культуры: все более популярными становятся семейные праздники и ритуалы, объединяющие поколения. В последние годы корейцы Сибири проявляют интерес к организации этих церемоний по традиционным канонам. Сравнительные исследования в масштабах СНГ показывают, что семейные обычаи и ритуалы являются важными этноконсолидирующими факторами для корейцев диаспоры [Левкович, Мин, 1996, с. 78]. И хотя в основе этих праздников лежат идеи конфуцианства и буддизма, в целом корейская обрядовость носит надрелигиозный характер, а религия в среде российских корейцев не обладает консолидирующей функцией.

Сегодня из-за длительного проживания на территории России наблюдается частичная унификация традиций, однако обряды жизненного цикла

корейцев Сибири остаются средством укрепления их этнической идентичности и налаживания контактов со страной исхода.

*Научный руководитель – И.В. Октябрьская
д-р ист. наук, вед. науч. сотр., профессор,
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Левкович В.П., Мин Л.В. Особенности сохранения этнического самосознания корейских переселенцев Казахстана // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 6. С. 72–81.

Polyconfessionality and National Identity of the Koreans of Siberia

K.V. Lazareva

The Republic of Korea is a multi-confessional and at the same time a mono-ethnic country. The formation of a multi-confessional environment is associated with both ethno-political and socio-economic factors. Among other things, polyconfessionality is beginning to be seen as a factor that unites the Korean Peninsula into a single historical and cultural space. Orthodoxy, Protestantism and Buddhism remain the main religions among the Koreans of Russia. At present, cultural activity is intensifying on the scale of the Korean diaspora, and the traditional normative and humanitarian culture is being updated. And although this is based on the ideas of Confucianism and Buddhism, in general, Korean ritualism is of a supra-religious nature, and religion among Russian Koreans does not have a consolidating function.

Keywords: Republic of Korea, religion, Confucianism, polyconfessionality.

Лазарева Ксения Вячеславовна

соискатель

Институт археологии и этнографии СО РАН

e-mail: keesoosha@gmail.com

Lazareva Ksenia Vyacheslavovna

Postgraduate student

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

e-mail: keesoosha@gmail.com

УДК 392.8

Обряды посвящения в бурятском шаманизме

Э.А. Меркульев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

Шаманизм является традиционным верованием у бурят на протяжении нескольких столетий. Его отличительной чертой является культ сил природы, умерших предков, различных богов и духов. Посредником между мирами выступает шаман – человек, способный воздействовать на потусторонние силы для обеспечения счастья, благополучия, здоровья людей. В мировоззрении бурят обряд посвящения по своей сути является ритуально-обрядовой формой рождения родового шамана по воле его предков.

Девять ступеней бурятского шаманства, известные как *шанар*, достигаются постепенно [Зомонов, 2013, с. 42].

1. *Ябаган боо* «пеший, бродячий шаман» или *Манжилайтай боо* «шаман новоиспеченный». После обряда инициации шаман приобретает статус начинающего. Такой шаман мог проходить посвящение, после того как перестал являться помощником шамана более высокой ступени. После обряда он получал в пользование первый посох (чаще всего он изготавливался из березы), кору пихты для

окуривания и кремь с огнем. Следующий обряд в цикле посвящений, как правило, происходил через три года.

2. *Нонтолхон боо* – «шаман обмоченный». Шаман, способный приносить в жертву одного барана, также оставляет за собой право совершать возлияния предкам, хозяевам местности, хозяину огня с незначительными просьбами. Как правило, при посвящении адепт совершал омовение в водах 9 ключей. Длительность данной ступени три года.

3. *Жодоото боо* – «пихты шаман». Шаман, имеющий право общаться с онгонами – родовыми предками, с более высокими духами, кроме того на данной ступени шаман мог обращаться не только к родовым духам, но и к отдельным хозяевам местности – эзэнам. При этом обряде духу, обитающему между небом и землей, *Манжилай зайну* приносится в жертву козел определенной масти. Шаман, который прошел обряд третьей ступени, способен делать жертвоприношение белым бараном. Вставший на третью ступень шаман получает право проводить свадебный обряд. В свое рас-

поряжение он получает кнут. Продолжительность данной ступени один год.

4. *Шэрээтэ боо* – «шаман с божницей». Данная ступень мало чем отличается от третьей, но возможности увеличиваются – посвященный уже может устанавливать связь с божествами своей долины, находясь на уровне второй иерархической лестницы земного пространства четырех племен бурят: булагатов, эхиритов, хори и хонгодоров. Данная ступень посвящения длится три года.

5. *Хэсэтэ боо* – «шаман с бубном» или *Таримтай боо* – «способный лизать раскаленное железо». Шаман имеет возможность наладить контакт со всеми хозяевами земного пространства, призывать во время молебна дальних и высокопоставленных божеств, входить в транс под названием *онго*. Также он может преподнести все виды жертв властителям земного пространства. Срок нахождения в степени составляет один год.

6. *Хорьботой боо* – «шаман с посохом, с конскими копытами». На данной стадии шаману больше не нужны музыкальные инструменты для вызова состояния *онгод ороод*. Основным атрибутом степени – посох из металла с набалдашником в форме головы лошади. Эта ступень продолжается три года.

7. *Тэнгэриин оргоишо боо* – «шаман в небесном облачении», получивший железный головной убор с оленьими рогами, шкуры пяти зверей – *табан хушуутаан*, шаманский плащ с железной накидкой, отчего его еще называли *оргойто боо*. Перед посвящением происходит большое омовение, тело шамана омывают кровью коня рыжего цвета и обкладывают камнями с берега озера Байкал. Так же шаман получает в свое распоряжение еще три бубна. Он способен общаться со всеми духами неба и земли.

8. *Дуурэн боо* – «имеющий все» или *Тэнгэриин оргоишо бухэли боо* – «полный шаман с облачением», имеющий несколько бубнов, тростей и все необходимое для ритуалов, хорошо знающий всю мифологию шаманизма, все сложные обряды и практикующий шаманские медитации в тайге, в горах. Шаман этого уровня посвящения способен управлять ветрами, бурями и дождями, свободно путешествовать по всем трем мирам; он полностью овладел искусством созерцания и концентрации. Этот этап занимает один год.

9. *Тэнгэриин шибилгатай заарин боо* – «великий шаман от воли небес», что означает «призванный высшими небесными богами», т.к. он мог летать

в воздухе внутри состояния *онго* выше деревьев, показывая свою чистоту, необремененность грехами. Он умеет подчинить себе погоду, находится в любом месте благодаря слиянию с духом онгона и общается с любым живым и неживым существом в физической или духовной форме во всей вселенной. Постигнув этот этап, шаман получает три бубна из кожи вола, оленя и козы.

Процесс посвящения – это процесс преобразования психической деятельности. Понятно, что любой ритуал может по-разному воздействовать на сознание, но его фундаментальный смысл – это изменение сознания независимо от того, относится ли оно к трансформации в эмоциональной, ментальной, мировоззренческой или экзистенциальной сфере. Язык шаманизма семиотичен. Мир, открывающийся в состоянии транса, по словам шаманов, не имеет аналогии и буквального соответствия миру, воспринимаемому обычными людьми. Как правило, в своих рассказах шаманы используют очевидные для всех образы – животных, птиц, растений. Эти символы, имеющие разнообразные визуальные черты, доступные человеческому чувственному опыту, перекодируются в воспринимаемые знаки – в человеческий язык. Несмотря на то, что в описаниях шаманских мистерий используются аналогии визуального мира, сама шаманская реальность в принципе не может быть описана человеческим языком, ибо обыденность ее иррациональна, сюрреалистична.

Научный руководитель – Э.А. Неманова

канд. ист. наук, доцент,

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

Список литературы

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 120 с.

Жеребина Т.В. Сибирский шаманизм: этнокультурный атлас. М.: Пальмира, 2017. 621 с.

Зомонов М.Д. Эзотеризм и анимизм как феномены шаманизма. Улан-Удэ: Вост.-Сиб гос. акад. культуры и искусств, 2013. 227 с.

На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея: Альбом). М.: Художник и книга, 2006. 296 с.

Окладникова Е.А. «Шаман и Вселенная» истоки шаманистических представлений (по материалам искусства Сибири) // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1996. 570 с.

Rites of Initiation in Buryat Shamanism

E.A. Merkulev

Shamanism has been a traditional belief among the Buryats for several centuries. A distinctive feature of this religion is the cult of the forces of nature, deceased ancestors, various gods and spirits. A shaman acts as an intermediary between the

worlds – a person capable of influencing otherworldly forces to ensure happiness, prosperity, health and other benefits. In the worldview of shamanists, the rite of initiation into shamans essentially carries out the ritual-ceremonial birth of a tribal shaman due to his election by the will of the higher ancestors of shamans. The language of shamanism is extremely semiotic, the world that opens up in a state of trance, according to shamans, has no equal and literal correspondence, perceived in the usual way and by people. As a rule, in their stories, shamans used images that were obvious to everyone – animals, birds, plants. These are phenomena that occur when visual signs appear, accessible to human sensory experience, recoded in perceived signs, verbally into human language. Despite the fact that in the descriptions of the shamanic mysteries they represent the effects of the influence of the world, the shamanic reality itself, in principle, cannot be described in human language, the discovery of its everydayness is irrational, surreal.

Keywords: Shamanism, Siberia, ritual, Buryatia.

Меркулев Эрдэм Андреевич

студент 2-го курса

Восточно-Сибирский государственный институт
культуры

e-mail: merkulev.e@bk.ru

Merkulev Erdem Andreevich

2nd year student

East Siberian State Institute of Culture

e-mail: merkulev.e@bk.ru

УДК 299.4/394.2

Трансформация религиозных верований якутов: перспективы изучения

С.А. Михайлова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Якуты – северный скотоводческий народ, сформировавшийся в результате двух процессов, протекавших в единстве – дифференциации различных этносов и культур и их интеграции. По А.И. Гоголеву, основа традиционной религии якутов, представленной материалами XVII–XIX вв., сложилась в районах Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху кочевников. Но ее ранние истоки уходят вглубь веков и включают в себя такие элементы, как культы солнца и неба, образ мирового дерева, дуалистическую мифологию и зоолатриальные формы почитания природы [Гоголев и др., 2019, с. 52].

Одним из основных культов в воззрениях якутов является культ *Айыы*, в котором отражен хозяйственно-бытовой уклад, сформировавшийся у прякутов с учетом климатических условий и влияния культур народов Севера и Юга. *Айыы*, по верному определению Э.К. Пекарского, – общее название высших существ, олицетворяющих собою начала добра [Пекарский, 1907, с. 32–33].

С XVII–XVIII вв., со времени вхождения края в состав Российской империи, религиозные верования якутов описывались первыми исследователями края. Конец XIX в. был отмечен трансформациями, связанными с распространением христианства, органично влившееся в быт и повседневность якутов. По А.Е. Кулаковскому, пантеон божеств якутов исчислялся десятками – в своем труде он от-

мечал 24 сохранившихся образа божеств верхнего мира. Им же отмечается трансформация женских божеств *Айыыһыт* и *Иэйэхсит*, которые предстают в одной ипостаси. При этом *Иэйэхсит* уже играет роль христианского ангела-хранителя людей [Кулаковский, 1979, с. 24–25].

Главенствующее божество якутов *Урун Аар Тойон* с приходом христианства сохраняет свое значение, но обретает черты, сходные с христианским Богом. Помимо перечисленных божеств сохранились данные и представления о еще 6 божествах. Дуалистическая концепция и бинарная оппозиция, представленная в христианстве, органично вписалась в космогонические представления якутов. Так, представления об антагонистах – *абааһы* (злые духи) и *уер* (неупокоенные души) нижнего мира переплелись с представлениями о *сулуккунах* (христианские черти), которые являются перед жителями среднего мира в период святочных гаданий *Танха*.

С 1990-х гг. в Якутии появились организации, ориентированные на сохранение и популяризацию древнего культа *Айыы* среди местного населения. Представители творческой интеллигенции работали над составлением основных образов пантеона якутских божеств. Картины Т.А. Степанова наиболее полно отражают образы фольклорно-обрядовой поэзии якутов через призму элитарной культуры, в которой мы отмечаем трансформацию образов женских божеств. Сегодня транслируются

и сохраняются установившиеся образы якутского фольклора через призму театрального искусства, основанного на религиозно-мифологических представлениях. С недавнего времени кино стало одним из инструментов популяризации фольклорных образов (кинокартина «Бэйбэрикээн Эмэхсиин» в двух частях).

Отметим, что Л.А. Афанасьев-Тэрис и В.А. Кондаков одними из первых стали широко популяризировать традиционные верования среди якутов. В последние годы наметилась тенденция на усиленное распространение религиозных символов (созданных Тэрисом) как маркеров этнической идентичности (хотя в некоторых мы можем усомниться, т.к. их создателями являются группы индивидуальных предпринимателей).

В ходе исследований мы выявили, что основными символами, которые пользуются спросом у населения, являются: символ *ус кут* (триединства души), основанный на учении Л.А. Афанасьева-Тэриса (*кут-сюр*) и символ перекрестных ножиц и стрелы (*кыптый и ох*), обозначающий семью, т.е. союз мужа и жены.

Развитие и трансформация религиозных представлений якутов также отразились в традиционном календарно-обрядовом празднике *Ысыах* (дни летнего солнцестояния), посвященном божествам *Айыы*. Он претерпел ряд трансформаций в советский период (почитание советского вождя) и с 1990-х гг. приобрел общенациональный характер. Центральными на *Ысыахе Туймаады* стали образы мирового дерева и коновязей *сэргэ*. По мнению людей, через это архетипическое сооружение, олицетворяющее прообраз мирового древа, можно получить положительную энергию и удачу от божеств *айыы* (ПМА 1). На локальном уровне это проявлялось в сакрализации мест праздника. Рядом с *алтан сэргэ* в г. Вилюйске на местном *ысыахе*, люди проводили обязательный ритуал. Так, перед молением и получением энергии необходимо было три раза обойти коновязь с восточной стороны (ПМА 3).

Также в этнокомплексе *Үс Хатын* образ мирового дерева был воплощен в стилизованном сооружении *Аар кудук чэрчи мас*, помост которого сделан в виде *урасы* – модели Вселенной. Относительно данной конструкции также появились новые ритуально-магические действия: для того, чтобы получить благословение небесных божеств *айыы*, надо прислониться лбом к грани сооружения [Данилова, 2019, с. 173]. Обычно люди проходят один круг вокруг него, оставляют какую-либо монету, обращаются с просьбами и молениями к божествам (ПМА 2). Внутри *урасы* стены украшены девятью деревянными эмблемами с вырезанными знаками-

орнаментами, олицетворяющими девять небесных божеств. Согласно основной мифологеме данного магико-ритуального действия, вошедший человек выбирает какой-либо знак божества и, прикоснувшись ладонями, загадывает свое желание. К концу дня принято возвращаться обратно к *Аар кудук чэрчи мас* – следует прислониться спиной ко всем граням этого сооружения, при этом мысленно благодарить небесных божеств *айыы* [Данилова, 2019, с. 173]. На *Ысыахе-Туймаады-2022* произошла трансформация этого ритуала. Теперь человек выбирал божество *айыы*, покровительствующее месяцу его рождения, и загадывал желание (ПМА 3).

Таким образом, религиозные верования якутов претерпели трансформации в связи с такими явлениями, как христианизация, секуляризация и десекюляризация в XX в. Религиозные представления якутов теперь отражены в продуктах массовой и элитарной культуры, что говорит нам о гибкости и развитии национальной культуры. Современный этап существования религиозных представлений народа через призму неотрадиционализма имеют большие перспективы для дальнейшего изучения.

Научный руководитель – К.М. Яковлева
канд. ист. наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова

Источники

ПМА 1. Ысыах Олонхо. Верхневилуйский улус, с. Верхневилуйск. Июнь, 2022.

ПМА 2. Ысыах Туймаады. ГО, г. Якутск. Июнь, 2022.

ПМА 3. Ысыах. Вилуйский улус. г. Вилуйск. Июнь, 2022.

Список литературы

Гоголев А.И., Осипова А.П., Иевлева С.И. Традиционные религиозные воззрения якутов в XVIII–XIX вв. – Наследие Центральноазиатского тенгрианства // Айыы Тангара и кузнечный культ в тенгрианстве. Сб. мат-лов I-й Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Якутск: Офсет, 2019. С. 51–60.

Данилова Н.К. Культовая архитектура в странственной организации праздника ысыах // НАМНА ОЛОНХО ЫҤЫАҤА: ТӨРҮТ ҮГЭСТЭРИ СӨРГҮТҮҮ, ХАРЫСТААҤЫН, ТАРҤАТЫЫ. Х Өрөспүүбүлүкүтээби научнай-практической кэмпириэнсийэ матырыйааллара. Сер. Олонхо ыһыаҕа. Якутия: Медиа-холдинг, 2019. С. 166–174.

Кулаковский А.Е. Научные труды = Научная үлэлэр. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 483 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка, составленный Э.К. Пекарским при ближайшем участии прот. Д.Д. Попова и В.М. Ионова: [вып. 1–13]. СПб.: Изд. РАН, 1907–1930. Вып. 1: (а, а). 1907. XVIII с., 320 ст.

Transformation of Religious Beliefs of the Yakuts: Prospects for Studying

S.A. Mikhailova

The transformation of the religious beliefs of the Yakuts began with the beginning of the entry of the Yakut Territory into the Russian state from the XVIII century; this was reflected in the works of researchers of the late XIX – early XX centuries. Since the 90s of the XX century, the religious beliefs of the Yakuts continue to transform, which is reflected in the modern national culture.

Keywords: Yakuts, religious beliefs, transformation, cult of ayyy, ysyah.

Михайлова Саина Андреевна

студент 4-го курса

Северо-Восточный федеральный университет

e-mail: smkhly@mail.ru

Mikhailova Saina Andreevna

4th year student

North-Eastern Federal University

e-mail: smkhly@mail.ru

УДК 398.316

Становление образа духа огня у якутов

Е.Т. Никифоров

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Почитание огня существует и сохраняется у многих народов Сибири и Дальнего Востока. Эта тема рассматривается в трудах многих исследователей [Кулаковский, 1979, с. 30; Худяков, 1969, с. 283; и др.]. В традиционном мировоззрении якутов дух-хозяин огня (*уот иччитэ*) представляется в образе «седовласого старца» *Хатан Тэмизрийэ* [Серошевский, 1993, с. 641]. Однако у многих тюрко-монгольских народов дух огня связан с образом матери (*от эне* – «мать огня») [Посконная, 2016, с. 49–59]. История становления и трансформации образа духа огня в якутоведении еще не была предметом отдельных исследований. Основной гипотезой данной работы является предположение о том, что изначально дух огня у якутов также представлялся в образе женщины-матери. И лишь со временем трансформировался, приобретя известный нам образ «дедушки». Цель исследования – воссоздание процесса становления образа духа огня у якутов.

По сведениям В.Л. Серошевского, огонь у якутов выступает символом семьи, ее покровителем и защитником [Серошевский, 1993, с. 642]. В традиционных представлениях он также является центром мироздания, медиатором между мирами [Эргис, 1974, с. 122]. В тексте заклинания-*алгыс*, записанном С.И. Боло в Салбанском наслеге Намского р-на, говорится следующее: «Для трех якутов вечным светлым дыханием ставший» (якут. «*юс саха киси юргюльдүүннээх юрюнг тыына буолбут*») [Обрядовая поэзия..., 2003, с. 208–209]. В фольклоре находят свое отражение представления об огне как об источнике жизни. Также огонь наделяли различными магическими функциями.

Представляется возможным выделить следующие функции священного огня:

- очистительная (способность отгонять злых духов *абаасы*) [Эргис, 1974, с. 121];
- защитная (огонь – семейный покровитель) [Серошевский, 1993, с. 642];
- лечебная (обряд лечения кожных заболеваний) [Предания..., 1995, с. 184].

Огонь фигурирует во многих обрядах якутов. С ним связаны обряды кормления *алгыс*, очищения *арчы* и окуливания можжевельником. Также существовали определенные ритуалы в контексте свадебной обрядности. К ним относится обряд *уот оттор* («зажжение огня»), суть которого заключается в кормлении огня невесткой в доме жениха с целью приобщиться к роду мужа.

Подобные представления об огне существуют у многих тюрко-монгольских народов Сибири. Так, в представлениях алтайцев огонь также обладал посреднической, очистительной и защитной функциями [Наева, 2019]. На празднике Нового года – *Чага байрама* – алтайцы совершали поклонение огню с угощением его молочными продуктами, а перед началом праздника очищались дымом от можжевельника [Там же]. Однако дух огня представлялся в образе *от эне* «матери огня». Идентичными функциями в системе обрядов как жизненного, так и календарного циклов огонь обладал в представлениях тувинцев и бурят [Сарыглар, 2014, с. 370–371; Николаева, 2014, с. 332–338]. Представление о духе огня как матери, скорее всего, было связано с положением женщины в традиционном обществе тюрко-монгольских народов. Женщина считалась хранительницей домашнего очага,

именно она продолжала жизнь семьи, рода и этноса в целом [Посконная, 2016, с. 49–58].

Как мы видим, функции и символика огня у якутов и у других тюрко-монгольских народов были идентичны. Возможно, образ духа огня у якутов в древности также представлял собой женщину, хранительницу рода. Огонь был универсально связан с женским началом и с плодородием. Так, у бурят считается, что после приношения в жертву огню ягненка обязательно родится ребенок. По якутским традиционным представлениям, душу-*кут* ребенка даровала богиня плодородия *Айыысыт*. Существует также описание обряда испрашивания души ребенка *Айыысыт тардар*. Он проходит у камелька, где садились женщины в нарядных одеждах, желавшие иметь детей [Попов, 1928]. Вероятно, якуты верили, что души-*кут* и *сюр* находятся в камельке. Поэтому существует поверье, что нельзя разбивать угли, потому что можно «убить» души еще не родившихся детей [Алексеев, 1975]. Также, по народным представлениям, в т.ч. и якутским, душа-*кут* ребенка попадала через дымоход в очаг, а оттуда в чрево женщины.

Таким образом, у якутов огонь во многом сохранял свою «матрилокальность». Выступая в роли охранителя и защитника семьи, он занимал одно из центральных мест в свадебной и родильной обрядностях. Возможно, переход к образу старика (при интерпретации символики огня) произошел в течение XVIII в., когда якутское общество и культура претерпели изменения ввиду принятия христианства и распространения патриархальных отношений. А ранее женщины у якутов играли более весомую роль в обществе [Прокопьева, 2022, с. 47–56].

*Научный руководитель – К.М. Яковлева
канд. ист. наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова*

Formation of the Image of the Spirit of Fire among the Yakuts

E.T. Nikiforov

A hypothesis has been put forward about the original female image of the spirit of fire among the Yakuts. As the results of research, an image of the fire's spirit could be female until the end of 18th century, because there are a lot of matrilineal signs as in related Turkic-Mongolian peoples, like a belief about souls of children who enter a woman's body through a chimney.

Keywords: cult, fire, spirit, matrilocality, female image.

Никифоров Егор Трофимович

магистрант 1-го года обучения

Северо-Восточный федеральный университет

им. М.К. Аммосова

e-mail: egor.nikiforov.225@gmail.com

Список литературы

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 197 с.

Кулаковский А.Е. Научные труды = Научный үлэлэр. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 483 с.

Наева А.И. Культ огня в календарных народных праздниках и семейно-обрядовой практике алтайцев // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 2, № 8. С. 204–210.

Николаева Д.А. Культ женщины-матери и огня в традиционной культуре бурят // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 7-2 (46). С. 332–338.

Обрядовая поэзия саха (якутов) = Саха сизрин тутумун айымньылар. Новосибирск: Наука, 2003. 505 с.

Попов А.А. Материалы по шаманству у якутов: Культ богини Айыысыт у якутов // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Кн. 3.

Посконная Ж.В. Традиционное мировоззрение алтайцев: культ огня и феномен жизни // Вестн. Кем. гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 35. С. 49–58.

Предания, легенды и мифы саха (якутов). Новосибирск: Наука, 1995. 400 с.

Прокопьева А.Н. Конское снаряжение в контексте сопроводительного инвентаря якутских погребений XVII–XVIII вв. (гендерный аспект) // Сев.-Вост. гум. вестн. 2022. № 2 (39). С. 47–56. doi:10.25693/SVG.2022.39.2.004.

Сарыглар Ч.Ш. Культ семейного очага у тувинцев-номадов // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 1(44). С. 370–371.

Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. М., 1993. 713 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 437 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

Nikiforov Egor Trofimovich

1st year master's degree student

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

e-mail: egor.nikiforov.225@gmail.com

Ритуальные шаманские атрибуты как часть этнической культуры тувинского этноса

А.А. Ооржак, А.-Х.Г. Сарыглар

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Развитие и сохранение национальной культуры на современном этапе связано с нахождением актуальных механизмов ее трансляции, с действенностью живых традиций. Возрастает интерес к истории национальной традиционной культуры. Шаманизм является одной из древнейших религиозных форм, которая представляет собой духовный феномен. Ключевой фигурой выступает шаман – посредник между миром живых и духов в экстатическом состоянии. Шаманизм получил распространение по всему миру. Сведения о нем были зафиксированы в Сибири и Центральной Азии, в Америке, Индонезии, Океании и Африке. Он был тесно связан с магией, анимизмом, тотемизмом, фетишизмом.

В культуре тувинцев шаманизм сохраняет значимую роль и архаичные формы вплоть до современности. Наиболее устойчивыми являются атрибуты шамана.

Исследованию шаманских атрибутов посвящены многочисленные работы. Первые сведения о религиозных представлениях тувинцев записывались путешественниками и исследователями с середины XIX в. Так, Г.Н. Потанин, посетивший Туву в конце XIX в., писал о шаманизме [Потанин, 2008, с. 374–495]. Значительный объем информации был обобщен в сборнике под редакцией А.П. Окладникова, посвященном шаманизму народов Алтая и Западной Сибири [Этнография..., 1978]. Известны исследования М.Б. Кенин-Лопсана [1987], С.И. Вайнштейна [1991, с. 240–269], Л.П. Потапова [1969] по этой проблеме. В их работах содержатся ценные этнографические данные об атрибутике шамана для проведения обрядовых и ритуальных практик; описывается отношение людей к шаманской болезни [Грумм-Гризмайло, 1926, с. 139–140].

По преданиям тувинцев, в том роду, где имеются сильные шаманы, обязательно появятся их последователи в следующем поколении. Такое событие не считалось радостным [Manchen-Helfen, 1931, S. 116–119].

Говоря об основных атрибутах шамана, необходимо начать со специального шаманского костюма, который состоит из головного убора и плаща (*хамнаар тон*). У автора данной статьи в роду были сильные практикующие шаманы по отцовской и по материнской линии. Среди них хочется отметить

Ооржак Сайына, у которого приступы шаманской болезни начались в возрасте 9 лет. Тогда другой шаман Барун-Хемчикского кожууна взял его в ученики, чтобы научить правильно проводить обряды и ритуалы, общаться с духами-предками, среди которых была его прапрабабушка *Артыш-ай*.

Когда стало понятно, что человек обладает способностями, родственники начали готовить *тон*. Женщины шили ритуальную одежду, а мужчины делали бубен и другие атрибуты. У шамана *тыва тон* готовили по сезонам – летний, осенний и зимний (*хам тон*). При создании атрибутов шаман-наставник делал предмет, в который помещался дух-помощник. Так, *Ооржак Сайыну* наставник дал бронзовое зеркало для защиты от припадков и духов.

Раньше плащ для камлания делали из кожи животных. По словам шамана, его дух-предок (прабабушка) носил плащ из шкуры марала. Обычно же, по мнению М.Б. Кенин-Лопсана, плащ делали из шкур домашних животных – коз и овец. На спине обычно плели из ткани подобие змей – их количество было разным, но при этом всегда нечетное, от 5 до 9. Они крепились на железные кольца. Их могло быть два, и на каждом от 5 до 9 лоскутов ткани в виде змей.

Еще одним обязательным элементом являлись трубки, сделанные из меди или железа, дудки-свирели (*конгураалар*), которые соединялись по 3 в 1 кольцо, всего же 5 колец и 15 дудок-свирелей. Считалось, что звон дудок-свирелей и колокольчиков отпугивал злых духов и помогал шаману при проведении обрядов. Плащи мужчин и женщин немного отличались – на женских встречалось очень много шнурков (*манчаки*), нашитых по подолу и закрывавших ноги шаманки.

Еще одним важным элементом шаманского костюма являлся головной убор. На сегодняшний день он делается из ткани и перьев птиц. В основном использовали орлиные перья, что говорило о силе и способностях шамана. У *Ооржак Сайына* головной убор представлял ястреба – его украшали перья и голова этой птицы. Также шаманы могли заказать у кузнеца стилизованные рога для оформления головного убора [Кенин-Лопсан, 1987]. В окончательном варианте головной убор представлял собой мифическое существо.

Важным атрибутом являлся бубен шамана (*дунгур*). Его делали из лиственницы, проводя обряд для одобрения хозяином леса. Необходимо было высушить дерево, делали это в основном на солнце, но иногда могли использовать огонь. Обшивку бубна делали из кожи, в основном горного козла, марала или косули. Обжигали кожу с одной стороны. Во внутреннюю часть бубна помещали рукоять с перекладиной и подвески. Рукоять украшали резьбой: иногда это могли быть мифические животные, фигура шамана и многое другое. Для сохранения бубна от воздействия влаги делался специальный мешочек, обычно из войлока. Дунгур или бубен олицетворял ездовое животное шамана, необходимое для погружения в экстатическое состояние и путешествия в другие миры. Колотушку для бубна делали из корня сосны или можжевельника. Ее ударная сторона обычно обтягивалась шкурой медведя, а обратная украшалась резьбой и звенящими кольцами. Считалось, что все атрибуты шамана были «живыми»; и бубен не был исключением. Для ритуала оживления бубна приглашались все родственники и знакомые шамана. Они устраивали представления и камлание.

В шаманский комплекс входило бронзовое зеркало (*кузунгу*). Как правило, *кузунгу* шаманов походили на бронзовые зеркала из погребений скифского периода. Бронзовое зеркало олицетворяло солнце, небо, поэтому считали, что *кузунгу* небесного происхождения. Есть много сведений о получении или поимке *кузунгу*. Шаман мог сам отыскать *кузунгу*, обычно в старых руслах рек, в лощинах возле скал. *Кузунгу* было одним из наиболее ценных атрибутов, который сохранялся для будущих поколений. Обнаруженные на месте археологических памятников бронзовые зеркала оборачивали в ткань и потом помещали в войлочный чехол. На сегодняшний день эта традиция сохраняется у тувинских шаманов.

Кроме этих основных атрибутов среди «инструментов» шамана встречались многочисленные *ээрены*, т.е. духи-помощники, помещенные в специально созданные предметы, куклы и др. Различают, например, дух-помощник медведя (*адыг ээрен*), которого делали из передней лапы зверя. Обычно *ээрэн* помещался в юрте, его использовали и при лечении недугов, и при проведении обрядов очищения.

Одним из необходимых *ээренов* был дух-сирота (*оскус ээрен*). Он имелся у каждого шамана; а после его смерти оставался в юрте, как и *кузунгу*. Для того чтобы его сделать, брали ленты голубого, красного, белого, зеленого и желтого цвета. Их длина соответствовала длине руки. Считается, что *оскус ээрен* приносил вдохновение, поэтому шаманы любили и ценили этого *ээрена*. *Оскус ээрен* был хранителем юрты и очага шамана.

В большинстве случаев у шамана были зооморфные духи-помощники. Ворон (*кускун ээрен*) представлял собой вырезанную из дерева фигурку ворона, которую окрашивали в черный цвет. Он выполнял функции гонца и посланника шамана. Дух помощник сова (*угу ээрен*) представлял собой чучело убитой совы – ему сохраняли клюв, когти и голову. Делали духа-помощника барсука (*морзук ээрен*) в виде чучела зверя, в глаза вставляли черные бусины. Эти три духа-помощника помещались в юрте в ногах кровати шамана. Они считались его защитниками.

Устойчивость атрибутов и символов тувинских шаманов определяла преемственность в сохранении традиции. Можно предположить, что именно в шаманизме сохранялись архаичные элементы тувинской культуры.

Научный руководитель – Е.В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
Тувинский государственный университет

Список литературы

- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 294 с.
- Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. СПб.: Нев. тип., 1926. 4 т.
- Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства, конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987. 162 с.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии // Урянхай. Тыва дептер. М., 2008. Т. 2. С. 374–496.
- Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
- Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. 222 с.
- Manchen-Helfen O. Reise ins asiatische Tuwa. Berlin: Verl. Der Bucherkreis, 1931. 171 S.

Ritual Shamanic Attributes as Part of the Ethnic Culture of the Tuvan Ethnos

A.A. Oorzhak A-K.G. Saryglar

This article is devoted to the ritual shamanic attribute of Tuvan shamans. It tells about the connection of shamanism with primitive beliefs, historical objects, which are subsequently used for conducting rituals by shamans. The main attributes necessary for conducting rituals and rituals by shamans are given. Protective spirits for the shaman and his dwelling are

described, as well as methods of their manufacture. The authors noted the stability of shamanism and its archaism in the Tuvan culture.

Keywords: Shamanizm, ritual shaman attribute, guardian spirits, Tuvan culture.

Ооржак Айзана Амировна

студент 5-го курса

Тувинский государственный университет

e-mail: ayz.oorzhak@mail.ru

Сарыглар Ай-Херел Геннадьевич

учитель истории

МБОУ СОШ с. Дон-Терезин

e-mail: xerelok13@mail.ru

Oorzhak Ayzana Amirovna

5th year student

Tuva State University

e-mail: ayz.oorzhak@mail.ru

Saryglar Ay-Kherel Gennadievich

History teacher

Don-Terezin village school

e-mail: xerelok13@mail.ru

УДК 294.3

Сакральные места Бурятии как объекты паломничества

В.И. Разуваев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

Сакральные места – это почитаемые среди населения страны памятники культурного наследия, светской и религиозной архитектуры, мавзолеев и природные ландшафты. Это также места с устойчивыми историческими ценностями, связанные со значимыми политическими событиями [Нестеркин, 2012].

Традиционные и реконструированные сакральные места в настоящее время являются объектами паломничества буддистов Бурятии. Согласно статистике, в России более 900 тыс. буддистов, из них почти полмиллиона – в Бурятии. Особо почитаемыми в республике являются дацан «Хамбын Хурэ» – буддийский монастырь близ с. Иволга, являющийся центром Буддийской традиционной сангхи (общины) России, а также очень распространенные сакральные места, например, *субурганы* (ступы) – буддийские сооружения, имеющие пирамидальную форму, которые, как правило, устанавливаются в местах поклонения родовым предкам и духам местности [Нестеркин, 2012].

Паломнические туры – явление недавнее, стремительно развивающееся в последнее десятилетие. Так, в 2019 г. Бурятию посетили более 340 тыс. гостей из разных уголков мира, и почти половина из них (около 120 тыс. чел.) совершили паломничество в буддийские центры – Иволгинский дацан, Ринпоче Багша, Зунгун Даржалинг (буддийский женский дацан), Ацагатский дацан, являющийся монастырем-школой [Жамсуева, 2011].

Буддийская сангха ежегодно составляет расписание основных религиозных праздников и связанных с ними обрядов призывания и подношения – расписание *хуралов*. В главном дацане «Хамбын Хурэ» их

насчитывается пять, и продолжают они до одного месяца. Как правило, каждый хурал имеет название и объект поклонения, например, «Алтан Гэрэл» – «Сутра золотого света», или «Сутра золотого сияния». Молебны способствуют устранению омраченности сознания, исправлению плохой кармы, причин смертей, болезней, убытков, ссор и т.д. Они эффективны для достижения мира и благополучия в семье, способствуют приумножению имущества, накоплению добродетели, защищают от пожаров, наводнений и прочих стихийных бедствий. Польза молебнов проявляется в «закрытии дверей нищеты», устранении материальных затруднений [Иванов, 2014].

Природные святыни также не остаются без внимания буддистов. Одним из самых известных мест паломничества является национальный парк *Алханай*, находящийся в Забайкальском крае. Это историческое место поклонения. Алханай отличается от других национальных парков России наличием природно-культового комплекса святынь буддизма, которые вызывают большой интерес у паломников.

В последнее десятилетие в Бурятии возникают новые сакральные локации, как правило, реконструированные на месте разрушенных в 1930-х гг. буддийских дацанов и монастырей. Например, дацан лика *Янжимы* (богиня мудрости, искусства, покровительницы материнства, детей и студентов) в местности Униган Баргузинского р-на Бурятии начал строиться в 2009 г. К настоящему моменту это большой комплекс, состоящий из нескольких *дуганов* (храмов) и места поклонения лику богини. Он является самым популярным местом паломничества как верующих, так и широкого круга гостей республики.

В заключение можно сказать, что в Бурятии имеется большое множество сакральных мест и буддийских святынь. Традиционные и реконструированные, природные и археологические – все они являются объектом паломничества, имеют свою историю и обрядовые традиции.

*Научный руководитель – Э.А. Неманова
канд. ист. наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры*

Список литературы

Жамсуева Д.С. Архитектурные памятники истории. Агинские дацаны. Улан-Удэ, 2011. 159 с.

Иванов Б.А. Основные идеи и направления буддизма // История религии. В 2 т. М.: Высш. шк., 2014. Т. 2. 172 с.

Нестеркин С.П. Буддизм в Бурятии: истоки, история, современность. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 54 с.

Sacred Places of Buryatia as Objects of Pilgrimage

V.I. Razuvaev

Sacred places of Buryatia include various monuments of cultural heritage and religious architecture revered among the population. The most common of them are traditional and reconstructed. Pilgrimage tours to sacred places are a recent phenomenon, rapidly developing in Buryatia and Russia. The most visited are the centers of Buddhist philosophy – *datsans*. The main goal of pilgrims is to visit *khurals* – prayers dedicated to various deities. The Buddhist Church – *sangkha* annually draws up a schedule of major religious holidays and, associated with them, rites of invocation and offering – the schedule of *khurals*. In the last decade, new sacred territories have emerged, as a rule, reconstructed on the site of those destroyed in the 1930-s Buddhist temples and monasteries. Buryatia has a large number of sacred places and Buddhist shrines. Traditional and reconstructed, natural and archaeological – all of them are the object of pilgrimage and are distinguished by a developed oral history and ritual plan.

Keywords: Buryatia, Buddhism, Sacred places.

Разуваев Вадим Игоревич

магистрант 2-го года обучения

Восточно-Сибирский государственный институт
культуры

e-mail: razuvaevboks@gmail.com

Razuvaev Vadim Igorevich

2nd year master's degree student

East Siberian State Institute of Culture
e-mail: razuvaevboks@gmail.com

УДК 911.52

Обрядово-ритуальные практики закаменских бурят в местности Самсал

С.Г. Цыреторова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

В настоящее время в религиозной практике закаменских бурят значительную роль играют обряды поклонения духам-хозяевам. Это связано с ландшафтом Закаменского р-на, большую часть которого занимают горные хребты. Священные горы в локальных культурах являются центрами местности и принадлежат определенному коллективу, роду, семье. Каждый род, семья имеют почитаемое место – *обоо*, расположенное на вершине родовой горы.

Культ *обоо* тесно связан с культом гор. В обоих случаях почитаются хозяева местности. Но культ *обоо* в религиозном и социальном аспекте намного шире. Его могли не привязывать к реальным горам.

Сооружения типа *обоо* могли посвящаться не только хозяевам гор, но и любым другим божествам и духам местности. Они могли воздвигаться и на вершине горы, и у подножия, и на любой возвышенности, на перевале, на берегу озера или реки, на острове и просто в степи – все зависело от характера хозяина места и особенностей ландшафта [Жуковская, 1997, с. 71].

Практики почитания места будут рассмотрены на примере ритуалов закаменских бурят в местности Самсал. Обычно, приготовив все угощения, местные жители отправляются в местность Самсал, расположенную близ с. Бургуя Закаменского р-на. Они должны посетить десять священных мест

за два дня. Самое первое сакральное место называется *Баян уула* – в переводе с бурятского дословно означает богатый. Затем отправляются к *Сагаан таабай* «Белому старцу», или же по-другому *Сагаан убгэн*. Следующее место *Хохюуртын обоо*, по словам информаторов, на протяжении многих лет не посещалось, лишь три года назад его вновь сделали открытым. Причиной тому стало то, что самый старший мужчина в роду умер. Из дацана передали его жене, что нужно срочно прочесть молитву предкам на родовом *обоо*. С тех пор эта женщина каждый год при восхождении в гору обязательно берет в руки средний по величине камень и поднимается с ним на вершину, считая, что так духи простят ее за то, что долгое время не посещали эту гору.

На высокой вершине возле священного места *Сагаан таабай* расположилось не менее величественное *обоо* – *Моринай уула*. Старики называют его *Адуушанай обоо*. Следующее *обоо* имеет название величественного божества Хан-Хурмаста, спустившегося с неба тэнгри. В горах Закамны *Хурмаста* обитают покровители семейно-родовых и территориальных групп населения. Среди местного населения Самсал *Хурмаста* является родовым *обоо* Цыреторовских из рода *хойхо*.

На второй день рано утром участники выезжают на шестое священное место под названием *Сүнсэл уула*. Седьмое священное место – *Хүндэлэнэй уула*,

в переводе значит «уважать и почитать». Затем следует восьмое сакральное место *Далаһаа уула*. На северо-западе находится вершина *Эрдэмэй уула*, что в переводе значит «Гора знаний». И последняя, заканчивающая этот праздник гора – *Бунхан уула*, она призвана оберегать местных жителей. Отметим, что во всех вышеперечисленных местах буряты построили *бунхан* – специальные домики со священными атрибутами.

Таким образом, в нашем исследовании подробно рассмотрены основные сакральные объекты, в частности, священные горы, связанные с представлениями о местах силы закамских бурят. В настоящее время многие из них обрели межродовой характер и служат для совместного поклонения многих общин, используются большинством населения, проживающего на территории Закаменского р-на. Здесь регулярно проводятся обрядово-ритуальные мероприятия, связанных с отправлением традиционных культов.

Научный руководитель – Э.А. Неманова
канд. ист. наук, доцент,

Восточно-Сибирский государственный институт
культуры

Список литературы

Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1997. 200 с.

Ceremonial and Ritual Practices of the Zakamensky Buryats in the Area of Samsal

S.G. Tsyretorova

The article describes the main places of worship of the Zakamensk Buryats. The novelty of our research lies in the fact that we are introducing completely new cultural monuments, located in the area of Samsal, near the village of Burguy, as cultural and historical objects of study. The article discusses 10 sacred objects that were once designated by one or another tribal communities. Currently, these places have acquired the character of joint worship for the Zakamensk Buryats. The description of the main ceremonial and ritual practices at the places of worship of the obo is given, their specific features inherent in this local culture are analyzed.

Keywords: clan, oboo, ritual practice, cult, sacrality, local culture.

Цыреторова Сэлмэг Гармажаповна

студент 4-го курса

Восточно-Сибирский государственный институт
культуры

e-mail: tsyretorova2017@yandex.ru

Tsyretorova Selmeg Garmazhapovna

4th year student

East Siberian State Institute of Culture
e-mail: tsyretorova2017@yandex.ru

Историческая этнография и визуальная антропология

УДК 390 (510/517)

Родовые группы Республики Тыва*

А.А. Айыжы

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Тувинцы – титульный этнос Республики Тыва Российской Федерации. Расположенная в центре Азиатского материка территория Тывы издавна входила в зону активных этно-исторических процессов, связанных с хунну (II в. до н.э. – I в. н.э.), с Древнетюркским (VI–VIII вв.), Уйгурским (VIII–IX вв.), Древнекыргызским (IX–XII вв.) каганатами, Монгольской империей Чингизидов (XIII–XIV вв.) [Мандыт, 2015].

В контексте этнополитических преобразований XV–XIX вв. протекал процесс становления и консолидации тувинского этноса [Анайбан, Маннай-оол, 2013]. Как и большинство тюркоязычных народов Центральной Азии, он имеет многокомпонентный характер. В формировании тувинцев приняли участие потомки тюрков-тугу, уйгуров, кыргызов, монголов, а также самодийские и кетоязычные сообщества Сибири [Тюркские народы..., 2008, с. 23].

В XVI–XVII вв. территория Тывы (Урянхая) вошла в состав государства Алтын-ханов. С середины XVIII в. Цинская династия Китая подчинила население долины Енисея, разделив его на несколько административных единиц – хошунов (*кожуунов*) [Анайбан, Маннай-оол, 2013]. Ими управляли тувинские «князья» – нойоны. Тувинцы входили также в состав ряда других небольших хошунов, управляемых монгольскими князьями, как в самой Тыве, так и в пределах Монголии. Каждый хошун делился на более мелкие административные единицы – *сумыны*, а те в свою очередь – на *арбаны*

(десятидворки). Ставкой правителей Урянхая был Самагалтай в юго-восточной части современной Тывы. Столица (Самагалтай) была не только административным, но и религиозным центром [Потапов, 1960; История Тувы, 1964, с. 218].

К началу XX в. на территории Урянхайского края было девять хошунов. Единое административное управление Тувы способствовало консолидации тувинских родов, формированию общего самосознания и самоназвания «тыва-кижи» на фоне стирания родоплеменных различий [Вайнштейн, 1961, с. 135–137].

В сохранившейся рукописи неизвестного тувинского автора «История прежних нойонов тувинского народа» к тувинским относились Оюнарский, Салчакский, Тоджинский, Хасутский, Хемчикский (Даа) хошуны, а к монгольским – Бээзи, Маады-Чооду (Дааван), Шалык-Сартул (Нибазы). Каждый хошун, принадлежащий маньчжурскому императору, управлялся наследственными правителями – нойонами, утверждаемыми в должности цинскими властями [Окладникова, Попов, 2000].

В 1911–1913 гг. в Китае произошла Синьхайская революция, в результате которой была свергнута маньчжурская династия Цин. Эти события существенно повлияли на ситуацию в Урянхайском крае. Здесь начались массовые выступления против китайской администрации и иноземных предпринимателей. Одновременно в регионе усиливалось присутствие России, и 18 апреля 1914 г. был

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-18-20113.

подписан правительственный указ о принятии Урянхайского края под протекторат России [Ламина, 2007, с. 11–12].

В 1921 г. была провозглашена независимая Народная Республика Танну-Тува. Она вошла в состав РСФСР в 1944 г. как Тувинская АО (с 1961 г. Тувинская АССР); была преобразована в республику в 1991 г. Этнополитические и социальные преобразования существенно повлияли на состояние тувинского этноса. Пережив значительные трансформации, он сохранил традиционную родовую структуру.

В настоящее время тувинцы определяют себя на нескольких уровнях. Различают: *Танды тывалары* (тувинцы собственно Тувы), *Моол тывалары* (тувинцы Монголии) и *Кыдат тывалары* (тувинцы Китая). Затем следует деление по административному признаку – *тес-хемские, улуг-хемские, пий-хемские, барун-хемчикские, дзун-хемчикские, монгун-тайгинские, сут-хольские, чаа-хольские, бай-тайгинские, эрзинские, тоджинские, овюрские* и т.д. Соответственно *цэнгэлские, хубсугульские, кобдинские* тувинцы живут в Монголии, *ханасовские, комские, хабаские* – в Китае.

Также каждый тувинец знает о принадлежности к конкретному роду, является носителем коллективных установок и ценностей. Основными родовыми группами тувинцев являются: *Ак, Адыг-Тулуш, Монгуш, Ак-Монгуш, Кара-Монгуш, Ыът-Монгуш, Иштии-Монгуш, Бай-Кара, Бараан, Дагат, Долаан, Улуг Донгак, Кара-Донгак, Сарыг-Донгак, Кара-Сал, Иргит, Куулар, Кужугет, Кыргыс, Кол, Маады, Ондар, Оюн, Оолет, Саая, Сартыыл, Сарыглар, Сат, Соян, Тумат, Хертек, Ховалыг, Хомушку, Хойдук, Чооду, Шалык, Ооржак*.

Род обозначается определенными символами-маркерами – это родовая территория, включающая в себя родовые селения, охотничьи и пастбищные угодья, священные горы, реки, источники, деревья и духов-покровителей, оберегающих ее, а также это родовые шаманы, танма – родовые знаки собственности на скот, знаки-печати представителей власти [Курбатский, 2001, с. 191–192].

Тувинцы при знакомстве обязательно спрашивают, откуда родом данный человек, где он живет и к какому кожууну принадлежит. Представители крупных родов различают друг друга, называя себя

по месту проживания: например, Донгаки, Чаатинские Донгаки, Чиргакинские Донгаки и т.д.

С родовым именем связано и личное имя человека. Каждому новорожденному тувинцы давали особое, наиболее подходящее ему имя. Когда дети подрастали, родители подробно рассказывали им об именах всех своих родственников; учили, чтобы дети в любом возрасте прямо не называли имена родителей, родственников, почтенных людей из-за уважения к ним. Думать о чистоте своего имени и чести стало заветом предков всем последующим поколениям [Кенин-Лопсан, 1994, с. 53–61]. Самосознание тувинцев, формируясь на протяжении многих веков, приобрело многоуровневый характер.

Научный руководитель – Е.В. Айыжы
канд. ист. наук, доцент,
Тувинский государственный университет

Список литературы

Анайбан З.В., Маннай-оол М.Х. Происхождение тувинцев. История вопроса // Новые исследования Тувы. 2013. № 3. С. 2–7.

Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.: Наука. 1961. 218 с.

История Тувы. М.: Наука, 1964. Т. 1, 2. 218 с.

Кенин-Лопсан М.Б. Тыва чоннун бурунгу ужурлары [Древняя этика тувинского народа]. Кызыл: Новости Тувы, 1994. 528 с.

Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2001. 462 с.

Ламина В.А. История Тувы В 3 т. Новосибирск: Наука, 2007. Т. II / под общ. ред. В.А. Ламина. 430 с.

Мандыт М.К. Историко-географические особенности формирования тувинского народа. 2015. № 4. С. 1–3.

Окладникова Е.А., Попов В.А. Имена родства в функции половозрастных апеллятивов в современном русском обществе (психологический аспект) // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства / сост. и отв. ред. В.А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2000. Вып. 5. С. 243–258.

Потапов Л.П. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1957–1959 гг. М.: Наука, 1960. Т. I. С. 171–248.

Тюркские народы Восточной Сибири / сост. Д.А. Функ; отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Алексеев. М.: Наука, 2008. 421 с.

Tribal Groups of the Republic of Tyva

A.A. Aiyzhy

The article is devoted to the history of the tribal groups of Tyva, their settlement, as well as the example of the Tuvan clans Salchak, Dongak, Irgit and Khertek, the current situation is considered. The purpose of the article is to study the clan groups Salchak, Irgit, Dongak, Khertek as a clan composition of the Republic of Tyva from a historical and ethnographic point of view at the present stage. The location of the territory of Tyva in the geographical center of the Asian continent left its

mark on its relations with the inhabitants of neighboring and neighboring regions, as well as on the tribal composition. The territory of the Tyva Republic was an area of high and low tide for various population groups. Remoteness from neighboring regions did not mean complete isolation. Tuva was involved in many historical events that took place in Central Asia. The local population mastered the mountain ranges, for a long time knew the most accessible passes, used the channels of many rivers as a route for their movements. Thus, for the first time, materials on the history and modernity of such tribal groups of the Republic of Tyva as Salchak, Irgit, Dongak and Khertek have been collected. In the course of an ethno-sociological survey, the author compiled a table of the composition of the tribal groups of the Republic of Tuva, which is undoubtedly an innovation.

Keywords: Republic of Tyva, Salchak, Irgits, Dongak, Khertek, tribal group, Turkic-Mongolian world, Tuvans.

Айыжы Анна Валерьевна

студент 4-го курса

Тувинский государственный университет

e-mail: ayyzhya@bk.ru

Aiyzhy Anna Valerievna

4th year student

Tuva State University

e-mail: ayyzhya@bk.ru

УДК 908

Положение еврейской общины г. Владивостока при управлении Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти

М.Г. Васильченко

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

В ходе освоения российского Дальнего Востока шло формирование его полиэтнического населения. Толерантность к различным народам стала частью местного менталитета, хотя развитие межнациональных отношений в регионе имело противоречивый характер. Эти отношения стали предметом настоящего исследования. Содержание работы определила характеристика положения евреев Владивостока при губернаторстве Н.Л. Гондатти. Значимый вклад в изучение этой темы внесла д-р ист. наук В.В. Романова.

Н.Л. Гондатти стал генерал-губернатором Приамурья в январе 1911 г. Его управление характеризуется усилением русского национализма и гонениями на евреев (иудеев) [Романова, 2007, с. 42, 88]. Согласно распоряжениям властей, было ограничено передвижение евреев и предприняты усилия по уменьшению числа незаконно проживающих в регионе. Это привело к снижению экономических показателей.

Наблюдался рост подозрительности у государственных чинов к евреям. В 1912 г. произошел и получил широкое обсуждение конфликт с одним из местных предпринимателей – еврейкой Э.А. Бруней. Он проявил уничижительное отношение властей к евреям [Агапов, 2016, с. 52, 53]. Инцидент вышел на всеобщее обсуждение, о нем писали местные СМИ.

Участие России в Первой мировой войне привело к откровенной шпиономании. Евреев воспринимали в качестве «агентов Германии». Во Влади-

востоке был инициирован процесс против хозяина магазина «Зингер» Р.А. Когана. Впоследствии было установлено, что этот человек не имел отношения к шпионажу [Синиченко, Токарева, 2020, с. 160–161].

Ситуация на фронте ухудшалась – летом 1915 г., когда земли Польши, Западной Беларуси и Украины были оккупированы Германией, был снят запрет на пребывание евреев вне черты оседлости в России [Романова, 2001, с. 104].

В августе 1915 г. был принят закон «Об обеспечении нужд беженцев». Но на Дальнем Востоке ситуация по отношению к ним складывалась иначе: по распоряжению властей, приезжающих евреев, включая беженцев, следовало задерживать и высылать из Владивостока. Эти действия стали достоянием общественности. По выражению В.В. Романовой, «Гондатти ввел на территории края собственные правила» [Там же, 2001, с. 101, 103]. Отныне приезжающие евреи должны были запрашивать разрешение генерал-губернатора, а тот поручал полиции узнать у начальников губерний, где данные лица проживали в последнее время. Только после этой процедуры давалось разрешение на временное проживание. С учетом боевых действий на западных территориях запросы либо удовлетворялись спустя долгое время, либо, что чаще всего, не удовлетворялись вовсе. Ситуация усугублялась тем, что, если незаконно находившихся в крае обнаруживали, их немедленно выдворяли (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 6. Д. 2311. Л. 64).

Действия Н.Л. Гондатти противоречили постановлению «Об обеспечении нужд беженцев», т.к. лишали евреев-беженцев возможности скрыться от ужасов войны, получать продовольственное, квартирное и денежное довольствие, лечение и т.д. [Лазарева, 2015, с. 66]. Администрация также ограничила религиозную жизнь иудеев. В июне 1915 г. синагога в Хабаровске была опечатана (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 204. Л. 120). Раввину Владивостока было разрешено проживать в городе только до 1 мая 1917 г. [Романова, 2001, с. 112]. Однако в феврале 1917 г. произошла революция, а в марте Н.Л. Гондатти был арестован.

Таким образом, положение еврейской общины во Владивостоке при генерал-губернаторе Н.Л. Гондатти определяли политический и личностный факторы. Ограничение в правах еврейского населения, в целом характерное для внутренней политики России начала XX в., преломлялось в воззрениях и решениях Н.Л. Гондатти, согласно которым Владивосток должен был оставаться русским городом. Однако следует подчеркнуть, что личное отношение генерал-губернатора и общеполитическая ситуация в стране в целом не оказали существенного влияния на мнение местного населения. Жителям Владивостока была чужда идеология антисемитизма. Об этом говорит отсутствие информации о погромах, позиция газеты «Дальний Восток», которая критиковала правительственные меры по отношению к евреям. Отсутствие бытового антисемитизма было связано с тем, что город создавался представителями раз-

ных народов, в том числе еврейским населением Дальнего Востока.

*Научный руководитель – Е.Г. Белая
канд. ист. наук, науч. сотр., доцент,
Дальневосточный федеральный университет*

Источники

РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 204. Л. 120.
РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 6. Д. 2311. Л. 64.

Список литературы

- Агапов В.Л.** Вице-губернатор Н.В. Мономахов и его борьба с «Еврейским засильем»: эпизод «Газетных войн» против чиновников (1912 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 49–60.
- Лазарева С.И.** Государственная и общественная помощь населению в городах Дальнего Востока в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Россия и АТР. 2015. № 1 (87). С. 58–68.
- Романова В.В.** Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в. – 20-е годы XX). Красноярск: Кларетианум, 2001. 292 с.
- Романова В.В.** Евреи в Приамурском генерал-губернаторстве: политика администрации (1884–1917 гг.) // История и культура Приамурья. 2007. № 2 (2). С. 28–49.
- Синиченко В.В., Токарева Г.С.** Работа правоохранительных органов России по противодействию предлагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны // Изв. Лаборатории древних технологий. 2020. № 2 (35). С. 153–163.

The Position of the Jewish Community of Vladivostok under the Administration of the Amur Governor-General N.L. Gondatti

M.G. Vasilchenko

In this article, the author highlights the situation of the Jews of Vladivostok under the control of the last Priamurye Governor-General Nikolai Lvovich Gondatti. It is established that for that period state anti-Semitism was characteristic, which contributed to the personal attitude of the Governor-General. Suspicion of the Jews sometimes turned into open spy mania, which was during the First World War. The Jews were deprived of food rations, housing and monetary allowance, treatment to which they were entitled. But, despite the state anti-Semitism and the personal attitude of the Priamurye Governor-General Nikolai Lvovich Gondatti, the population of the city did not accept the idea of anti-Semitism, because the population was multiethnic. The attitude of the population to this can tell us the Vladivostok newspaper "Far East".

Keywords: Jewish community, refugees, ethno-cultural interaction, state anti-Semitism, Vladivostok.

Васильченко Михаил Геннадьевич

студент 4-го курса
Дальневосточный федеральный университет
e-mail: arent623@gmail.com

Vasilchenko Mikhail Gennadievich

4th year student
Far East Federal University
e-mail: arent623@gmail.com

Национальная идентичность в архитектуре (на примере г. Каунаса в Литве 1918–1940 гг.)

В.Г. Жябраускайте

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Индустриализация второй половины XIX в., модернизация, новые строительные технологии оказали огромное влияние на состояние традиционной архитектуры Литвы. В период независимости в 1918–1940 гг. национальное понимание архитектуры вышло на новый уровень. Этот процесс был связан с деятельностью Литовской комиссии по реконструкции (ЛАК, LAK). На первом этапе формирования национального стиля в архитектуре решающую роль сыграли искусствоведы и исследователи народного творчества. В ряде текстов отмечается литовское «художественное чувство», склонность литовцев к орнаментике. Это стремление к украшательству неоднократно отмечалось исследователями народного уклада: «Литовский земледелец уже с древних времен любил украшать свой дом: его окна, двери, скамейки, крышу, утварь, предметы быта и т.д. Во всем этом художественном фольклоре он выражал свою тягу к красоте, хороший вкус, любовь к орнаменту и гармоничному подбору цветов. Он оказался великолепным украшателем, создав красивые и самобытные мотивы» [Veleška, 1937].

Активный член ЛАК Антанас Масияускас (Antanas Maciejauskas) пытался применить это свойство в монументальной архитектуре. Одно из самых заметных зданий в «народном стиле», называемом также «соседским» или «сельским», – бывший кооператив «Тюльпан» («Tulpe»), по сути, прямая реплика элементов деревянного прикладного искусства в бетоне. Это здание интересно тем, что знаменует собой начало строительства кооперативов и является ранним примером поиска литовского национального стиля в архитектуре.

С другой стороны, многие архитекторы Литвы начала XX в. находились под сильным влиянием

идей Адольфа Лооса, австрийского и чехословацкого архитектора и теоретика архитектуры. Он критиковал декоративность, считая орнаменталистику ретроградством и отсталостью, не имеющей ничего общего с национальным характером [Лоос, 1972]. Народные украшения также подвергались критике со стороны местных архитекторов.

Определение национального стиля было едва намечено в межвоенный период. Тем не менее можно наблюдать интересную трансформацию подходов к формированию и, главное, оценке того, что было создано в г. Каунасе в 1918–1940 гг., как манифестации литовского национального суверенитета в архитектуре и градостроительстве. Диапазон оценок и мнений был очень широк: от восторженной пропагандистской риторики до весьма строгой нелицеприятной критики. В более поздние периоды, особенно после 1991 г., когда суверенитет Литвы был восстановлен, вновь началось восхваление достигнутого как инструмента создания национальной идентичности и гордости.

*Научный руководитель – Е.Ю. Трушкина
канд. филос. наук,*

*зав. научным кабинетом-библиотекой
академика Вяч.Вс. Иванова
факультета культурологии,*

*Российский государственный гуманитарный
университет*

Список литературы

Лоос А. Орнамент и преступление // Мастера архитектуры об архитектуре. М.: Искусство, 1972. 688 с.

Veleška A. Lietuvių tautos meno charakteris. Lietuvosviduramžiomėnas. Kaunas: Naujoji Romuva, 1937.

National Identity in Architect Style (on the Example of Kaunas City, Lithuania in 1918–1940)

V.G. Zebrauskaite

The article studies the national identity of Lithuania on the example of architecture styles of Kaunas city, Lithuania.

Keywords: national identity, architecture, Lithuanian culture, anthropology of city, urban studies.

Жябраускайте Виола Гинтаро

магистр культурологии

Российский государственный гуманитарный университет

e-mail: v.zebrauskaite@gmail.com

Zebrauskaite Viola Gintaro

Master of Cultural Studies

Russian State University for the Humanities

e-mail: v.zebrauskaite @gmail.com

История переселения и адаптации немцев в Алейском районе Алтайского края с территории Сталинской (Донецкой) области в 1941–1945 гг.

С.С. Кальченко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

К осени 1941 г. после начала Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР принял ряд указов о переселении немцев, проживавших в районах Поволжья и других регионах страны (Москва, Ленинград, вся европейская части России, области Украины и Кавказа) в районы Сибири и Казахстана. 22 сентября 1941 г. Постановлением Государственного Комитета Обороны было принято решение о переселении 109 487 чел. с территории Запорожской, Сталинской и Ворошиловской обл., где компактно проживали немецкие колонисты [Государственный комитет...]. Как отмечают исследователи, в целом за 1941–1942 гг. было депортировано более 800 тыс. немцев, в т.ч. многие были размещены на территории Алтайского края [Блинова, Смирнова, Шлегель, 2021, с. 225].

Значительная часть исследований по депортированным немцам, размещенным в районах Алтайского края, была посвящена проблемам адаптации переселенцев с территории Поволжья и Ростовской обл., взаимодействию с принимающим местным сообществом [Смирнова, 2018; Щеглова, 2019, 2021]. В работе Е.Ю. Сластининой по материалам полевых исследований 2008 г. в Поспелихинском р-не Алтайского края мы находим упоминание о нескольких респондентах из Донецкой обл. [Сластинина, 2009, с. 152]. В целом изучение процесса переселения и адаптации немцев с территории Сталинской (Донецкой) области в годы Великой Отечественной войны на территорию Алтайского края является мало изученным.

Источниковой базой послужили устные исторические источники, полученные в ходе проведения историко-этнографической экспедиции сотрудников и студентов Алтайского государственного педагогического университета в Алейский р-н в 2021–2022 гг. (руководитель д-р ист. наук, профессор Т.К. Щеглова). В ходе проведения экспедиции в селах Плотава, Большепанюшево, Безголосово и Кашино была выявлена группа переселенцев-немцев с территории Сталинской (Донецкой) обл.

В целом в Алейском р-не Алтайского края депортированные народы были представлены немцами и калмыками. Вот как об этом вспоминают

жители Плотавы: «...Немцы были, калмыки были, во время войны калмыки были здесь высланные. Немцы были» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Шефер М.Г., 1929 г.р.], «В годы войны я не знаю чю их переселили, калмыков, немцев. А потом и немцев, здесь у нас и калмыки были» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Рыжих А.А., 1938 г.р.].

В памяти информантов особо ярко отложились воспоминания о процессе переселения как травмирующем событии. Активные военные действия в начале Великой Отечественной войны в западных районах страны привели к тому, что многие села Украинской ССР были оккупированы немецкими войсками. С целью недопущения распространения коллаборационизма среди этнических немцев, проживающих в рассматриваемых районах области, начинался активный процесс депортации. Руководство переселением было возложено на НКВД СССР. Информанты вспоминают, что села, в которых проживали немцы, были оцеплены советскими войсками с целью выполнения Постановления: «...ну и это, это было в июне месяце, война началась. Нас выселили, вечером оцепили деревню военные. Наши русские военные, оцепили и никого не выпускали с деревни» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Шнарк З.Г., 1930 г.р.].

Согласно Постановлению, разрешалось брать продовольствие и личное имущество до 200 кг на каждого члена семьи, соответственно все хозяйство приходилось бросать: «можно сказать практически, что ничего. Так. Необходимые продукты. Что успели. Проплакали мать с сестрой. Вот. И ничего не успели собрать. Некоторые люди, конечно, которые. Ну как сказать. Бог его знает. Или поспокойнее. Или вот. А наши проплакали, прокричали. Мать и сестра. И ничего не успели собрать. Продукты собрали там немножко, чтоб хоть прожить. Вот. В дорогу. Жили так, что нечего было есть уже. Ни воды, ни пить» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Луфт Ю.Я., 1931 г.р.].

Сложность депортации из Сталинской обл. была обусловлена активными боевыми действиями, многие респонденты вспоминают про бомбежки вагонов, в которых ехали: «я помню, когда везли, бомбили вагон, люди в лес бегут, а я, мама

говорила, за колесо зацепилась за, еле оторвали, кричала криком. Я помню, мужчина на себе одеяло нес, оно горит, а все в лес, бегут и бегут. Многих поубивало, лошади валяются. Три года было, я все помню» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Чернега Н.Ф., 1937 г.р.].

Согласно Постановлению, на месте размещения переселенцев должны были поселить в готовые дома или выдать сумму на их постройку, однако на самом деле по прибытии их селили в пустующие дома или подселяли к местным жителям, что являлось стрессовым фактором: «ну дома были. Кого зимой привезли. У кого дома побольше были к ним селили. Зимой зимовали, а потом летом начали строить эти. Потом делали хаты свои, вот. А зиму там у кого побольше были, уселили к людям, к людям. Вот. К людям селили, у кого были дома побольше» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Сомов И.Ф., 1934 г.р.]. Позже приходилось самостоятельно возводить жилище из подручных материалов: «...летом начали строиться, землянки строили, выкопают из пластов, вот трава растет, вот вырежут верхний слой пласты и строят стены» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Рыжих А.А., 1938 г.р.].

Военные условия способствовали осложнению ситуации с питанием не только у переселенцев, но и у местных жителей. Депортированным приходилось адаптироваться к новому «кормящему ландшафту». Питались ягодами, грибами. «Ну ягоды были да, а потом пошли ягоды. Мы, я исть него было... Клубника вот эта» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Шнарк З.Г., 1930 г.р.]. Также в пищу использовали зерна с полей и гнилую картошку: «гнилую картошку собирали ходили по огороду». Изысканным лакомством считалось мясо суслика, которого вылавливали в полях: «сусликов ели. Ловили летом. Как потом зажали сусликов во. У нас пошло мясе. Вот жирок хоть немножко». При этом местные жители часто помогали переселенцам или расплачивались с ними за проделанную работу овощами с огорода – капустой, свеклой, картошкой: «А что, ну что свекла, картошка, кто где, где это шли работали люди давали картошки. Ну кто, кто даст капустки маленько» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Шнарк З.Г., 1930 г.р.], «всяко приходилось. Кто что даст. Кто что даст. Ну тогда что. Картошки только, больше ничего люди не могли дать. Потому что хлеба не было» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Луфт Ю.Я., 1931 г.р.]. Помощь местного населения оказала важную роль в адаптации немцев в селах Алейского р-на.

После принятия в 1955 г. указа «О снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» значительная часть депортированных немцев вернулась

обратно, но многие остались. Были случаи, что уезжали на Украину, «она уехала потом после войны в пестят седьмом году. А бабушка еще с нами жила, потом он приехал в гости. И забрал ее на Украину. В пестят шестом году. И он ее увез в ээ, в пестят, ну в тысяча девятьсот пестят шестом году. Она там и умерла, там и похоронена» [Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Шнарк З.Г., 1930 г.р.], но часто возвращались обратно.

Таким образом, переселение немцев из Сталинской (Донецкой) обл. было осложнено военными действиями, многие просто не смогли собрать вещи для переезда в Алтайский край. На месте вселения депортированные столкнулись со сложностью адаптации в новых условиях. Обещанные дома не были предоставлены, возникли сложности с питанием, принудительная смена «кормящего ландшафта» и традиционного образа жизни приводили к невозможности воспроизводить на новом месте сложившиеся традиционные практики. Также важную роль сыграла для переселенцев помощь местного населения.

*Научный руководитель – Н.В. Люля
ведущий специалист,*

*Алтайский государственный педагогический
университет*

Источники

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2021 г. Алейский район, с. Безголосово, Рыжих Антонина Алексеевна, 1938 г.р.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2021 г. Алейский район, с. Кашино, Луфт Юрий Яковлевич, 1931 г.р.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2021 г. Алейский район, с. Платава, Шефер Мария Григорьевна, 1929 г.р.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2021 г. Алейский район, с. Большепанюшево, Шнарк Зинаида Гуковна, 1930 г.р.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2021 г. Алейский район, с. Кашино, Чернега Надежда Феотовна, 1937 г.р.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2021 г. Алейский район, с. Большепанюшево, Шнарк Вильгейм Иванович, 1931 г.р.

Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2021 г. Алейский район, с. Платава, Сомов Иван Филиппович, 1934 г.р.

Государственный Комитет Обороны. Постановление № ГКО-702сс. Москва, Кремль. 22 сентября 1941 г. О переселении немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей // РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 62–63. Документ опубликован. См.: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). Кн. 1. М., 1993. С. 165.

Список литературы

Блинова А.Н., Смирнова Т.Ю., Шлегель Е.А. Постсоветская идентичность немцев России, Казахстана и Украины: этнонимы, язык, символы // *Этнография*. 2021. № 4 (18). С. 249–271.

Сластинина Е.Ю. Полевые этнографические исследования среди немцев Поспелихинского района Алтайского края в 2009 г.: опыт изучения локальных групп // *Полевые исследования в верхнем Приобье и на Алтае*. 2009 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2009. Вып. 6. С. 151–155.

Смирнова Т.Б. Миграции как фактор формирования и развития немцев Западной Сибири // *Миграционные*

процессы в Сибири: народы, культуры, государственная политика: Сб. науч. трудов Междунар науч.-практ. конф. Омск: Изд. центр КАН, 2018. С. 278–287.

Щеглова Т.К. Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939–1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений // *Мир Большого Алтая*. 2019. № 5 (2). С. 197–231.

Щеглова Т.К. «Тут полно было всяких наций»: депортации 1939–1949 годов в памяти сибирского сельского населения // *Сибирские исторические исследования*. 2021. № 2. С. 53–72.

The History of the Resettlement and Adaptation of Germans in the Aleisky District of the Altai Territory from the Territory of the Stalin (Donetsk) Region in 1941–1945

S.S. Kalchenko

The article examines the history of the resettlement and adaptation of German immigrants during the Great Patriotic War from the Stalin (Donetsk) region to the Aleisky district of the Altai Territory. The analysis of the sources allowed to characterize the complexity of the resettlement conditions (military actions), as well as to consider the adaptation process at the new place. The new conditions, which differed from the previous ones, made it possible to form new forms of housing and a culture of nutrition, which were largely determined by wartime.

Keywords: deportation, Germans, immigrants, Stalin (Donetsk) region, Altai Territory.

Кальченко София Сергеевна

студент 1-го года обучения

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: love.sosa2004@mail.ru

Kalchenko Sofia Sergeevna

1st year student

Altai State Pedagogical University

e-mail: love.sosa2004@mail.ru

УДК 94

Этноконфессиональный состав «русской части» Ташкента в 1867–1897 гг.

Е.М. Кушнарёва

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

История присоединения Туркестана к Российской империи и его административно-территориальное и экономическое освоение подробно изучены советскими, российскими и зарубежными историками [Брусина, 2001; Буттино, 2007; Галузо, 1929; Фомченко, 1983; Центральная Азия..., 2008].

Когда 11 июля 1867 г. Александр II подписал именной указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе Семиреченской и Сырдарьинской областей началось его активное заселение и административно-территориальная реорганизация [Центральная Азия..., 2008, с. 91]. Ташкент стал столицей Туркестанского генерал-губернаторства – местом сосредоточения всех военных, административных, судебных, учебных,

финансовых и других учреждений [Цыряпкина, 2022, с. 54].

Первоначально в Ташкенте оставался военный контингент Российской империи, но в последующем в городе появились прибывшие в край управленцы, интеллигенция, врачи, отставные военные и их семьи, ремесленники и другие [Цыряпкина, 2015, с. 49]. Для них создавалась специальная «русская часть» города, в которой строились здания, как в городах европейской части России.

Туркестанская администрация, формируя «русскую часть» в старых городах Туркестана, кроме целей безопасности преследовала задачу показать преимущества «русской гражданственности» для коренного населения региона [Цыряпкина,

2022, с. 54]. В «русской части» города Ташкента планировка была продумана с учетом климатических условий: «дома здесь невелики, и очень много зелени» [Буттино, 2007, с. 22].

С помощью данных промежуточного учета можно охарактеризовать состав населения, проживавшего в «русской части» Ташкента. В 1880 г. городничему «русской части» города представили рапорт, согласно которому численность жителей мужского пола здесь составляла 5 286 чел., женского – 3 023 чел., всего – 8 309 чел. [Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1677. Л. 5.]. Мужское население преобладало в составе жителей «русской» части в связи с тем, что большая часть из них являлась военными, находящимися на службе в Туркестане.

По данным 1896 г. население «русской части» Ташкента составляло 19 912 чел. и было поликонфессиональным. По вероисповеднию выделялись: православные (59 %), раскольники (0,1 %), католики (4 %), армяно-григоряне (0,2 %), протестанты (2 %), меннониты (0,7 %), мусульмане-шииты (8 %) и мусульмане-сунниты (21 %). Несмотря на тот факт, что в «русской части» Ташкента расселялись приезжие из европейской части Российской империи, там всегда селилось и коренное население Туркестана.

В труде летописца Ташкента А.И. Добромыслова имеются подтверждения тому, что «русская часть» города была многоликой по этническим группам и конфессиям. Во-первых, «в середине восьмидесятых годов XIX столетия в Ташкенте был каноник Фердинанд Сенчиковский для удовлетворения духовных нужд католиков, служащих в войсках. Богослужение совершалось в казармах (теперь офицерские квартиры) по Самаркандской улице, в доме Владиславлева (в 1885 г.) <...>. С 1905 г. богослужение производится в доме польского общества на Салар, против кадетского корпуса» [Добромыслов, 1912, с. 320]. Во-вторых, «10 октября 1877 года возник совет для изыскания средств на открытие прихода и постройку церкви, благодаря трудам которого 12 января 1885 г. утвержден евангелически-лютеранский приход, но пастор был назначен только в 1892 г. До этого времени пастор изредка наезжал из Оренбурга. Богослужение совершалось первоначально в бывших зданиях школы шелководства, в зданиях плодосушилки, в квартирах пастора и, наконец, с 3 октября 1899 года совершается в собственной церкви, находящейся на Жуковской улице» [Добромыслов, 1912, с. 321]. Стоит также отметить, что православные церкви Ташкента подчинялись оренбургскому епископу, но уже в 1872 г. кафедра для Туркестана и Ташкента была образована в городе Верный.

В-третьих, в Ташкенте было зафиксировано 3 синагоги: синагога русских евреев в переулке «12 тополей», общественная синагога и частная синагога Юсуф-Давыдова. В-четвертых, для удовлетворения духовно-нравственных потребностей армяно-григорян «изредка приезжали сюда (в Ташкент – *Авт.*) священники с Кавказа» [Добромыслов, 1912, с. 320].

Описывая Ташкент, А.И. Добромыслов отмечал, что «мечетей в русской части города 16, но из них можно назвать в полном смысле мечетью одну – соборную, находящуюся на Воскресенском базаре, а остальные помещаются в частных домах» [Добромыслов, 1912, с. 321–322]. Скорее всего, их количество уменьшилось к 1912 г., потому что некоторые частные дома переставали использоваться в качестве мечетей.

Другим косвенным подтверждением проживания коренного населения Туркестана в «русской части» является то, что «в европейских кварталах встречались мусульманские мастеровые и базарные торговцы» [Буттино, 2007, с. 27], для которых была построена мечеть на главном базаре.

Согласно статистическим данным, во всем Ташкенте в 1896 г. проживали 177 619 чел., из них 19 912 чел. (11 %) в «русской части» города. По этнической принадлежности это были: русские, украинцы, поляки, немцы, евреи, татары и некоторые представители коренного населения Туркестана.

Согласно данным переписи 1897 г. в Ташкенте проживало 155 673 чел., среди которых были русские (10 %), украинцы (2 %), поляки (1,4 %), немцы (0,4 %), персы (0,3 %), таджики (0,2 %), евреи (1 %), татары (1,5 %), киргизы-кайсацкие (1,2 %), сарты (8 %), другие тюркские группы без распределения (75 %) и др.

Таким образом, после завоевания Кокандского ханства Ташкент превратился в административный центр Туркестана. Сформировалась «русская часть» города для проживания военных и представителей других сословий. Согласно статистическим данным, население Ташкента было разнообразным по этническому и конфессиональному признакам.

*Научный руководитель – Ю.Н. Цыряпкина
канд. ист. наук, доцент,
Алтайский государственный педагогический
университет*

Источники

Добромыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: исторический очерк. Ташкент: Эл.-паров. типо-лит. О.А. Порцева, 1912. 520 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения

по родному языку. (Губернские итоги). Т.Т.51-89. СПб.: 1903–1905.

Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1677. Л. 5.

Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3745. Л. 124.

Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И-269. Оп. 1. Д. 555. Л. 147-149.

Список литературы

Брусина О.И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. М.: Вост. лит. РАН. 2001. 240 с.

Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М.: Звенья, 2007. 448 с.

Галузо П.Г. Туркестан-колония: очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года.

М.: Издание Коммунистич. Ун-та Трудящихся Востока им. И.В. Сталина, 1929. 164 с.

Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в.: социально-экономический аспект. Ташкент: Фан, 1983. 128 с.

Центральная Азия в составе Российской империи / С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова [и др.]. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.

Цыряпкина Ю.Н. Подвижническая деятельность военных врачей в ходе организации медицинского дела в Ташкентском уезде Туркестана в начале XX в. // Востокovedные исследования на Алтае. 2015. № 9. С. 47–53.

Цыряпкина Ю.Н. «Русская часть» Ташкента во второй половине XIX – начале XX в. в контексте имперской политики в Туркестане // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под науч. ред. В.А. Бармина. Барнаул, 2022. С. 53–60.

The Ethno-Confessional Composition of the «Russian Part» of Tashkent in 1867–1897

E.M. Kushnaryova

The article analyzes the ethno-confessional composition of the city of Tashkent, especially its "Russian part", in the second half of the XIX century: the main ethnic groups that lived on the specified territory, their confessional affiliation and their number in different years. The article was written with the involvement of various censuses and statements: according to static data on the city of Tashkent in 1880, according to the statement on the number of buildings in Tashkent in the Syrdarya region in 1896, according to the First General Census of the Russian Empire in 1897, based on the analysis of which it can be seen that the indigenous population lived together with immigrants from the European part of Russia, because various relationships between them began to form, primarily economic.

Keywords: «Russian part» of Tashkent, Turkestan, religion, ethnic groups, indigenous population, the First General Census of the Russian Empire 1897.

Кушнарёва Елизавета Михайловна

студент 3-го курса

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: kushnaryova.liza@bk.ru

Kushnaryova Elizabeth Mikhailovna

3rd year student

Altai State Pedagogical University

e-mail: kushnaryova.liza@bk.ru

УДК 930.2

Этнический образ якутов в современном национальном кинематографе

Г.А. Никитина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Данная работа находится в русле гуманитарных исследований, которые рассматривают феномен репрезентации этнического как в широком культурологическом смысле, так и в рамках визуальных исследований этничности (культурная антропология, визуальная антропология). Если любую человеческую деятельность, в которой находит выражение культура сообщества, можно запечатлеть в визуальной форме, то с этой позиции кино можно рассматривать как проводник презентации данных о культуре.

Многие ученые проводят полевые исследования и посвящают свои работы изучению различных этнических групп, в т.ч. визуальными методами: снимают этнографические и антропологические фильмы о коренных народах, исследуют уже произведенные в культуре визуальные источники как этнографического, так и художественного содержания [Головнева, Головнев, 2017; Трушкина, 2011; и др.]. В свою очередь, настоящая работа предлагает анализ репрезентации этничности

в современном (художественном) кинематографе Якутии.

Сегодня киноиндустрия Якутии демонстрирует один из вариантов обращения к той составляющей культуры, которая помогает ее представителям ответить на вопрос о собственной идентичности. Существенная часть якутского кино – это, в первую очередь, кино о себе. Созданная самими якутами кинорепрезентация дает возможность проанализировать, каким способом они представляют свою культуру. Через эту репрезентацию мы получаем представление о том, какие образы важны для авторов, какие художественные приемы они используют.

Для анализа в рамках данной работы был выбран художественный фильм «Царь-птица» (2018 г., реж. Э. Новиков) производства национальной кинокомпании «Сахафильм». Сюжет основывается на литературном источнике – рассказе якутского писателя В. Яковлева «Со мной состарившаяся лиственница». События фильма перенесены в 1930-е гг. Фильм рассказывает о пожилых супругах Микииппэр и Оппуос, живущих в тайге; о том, что происходит, когда на дереве рядом с их домом появляется орел – Царь-птица.

В качестве основания для анализа материала обратимся к интерпретативному подходу К. Гирца, согласно которому культура представляет пространство (паутину) смыслов, и познание осуществляется через образы, символы, которые внутри нее взаимодействуют [Гирц, 2004]. Человеческое поведение упорядочивается символами, которые есть в арсенале культуры.

В фильме «Царь-птица» мы можем выделить следующие символы: орел, шаманский обряд и шаман с его атрибутами, огонь, лес, зима. Время, выбранное для событий фильма – это первая треть XX в., когда привычный образ жизни главных героев сталкивается с неотвратимыми социальными изменениями. Главные персонажи фильма – старики. Их образ жизни воспринимается как то, что было давно и почти забыто. Этническое здесь представлено как атрибут прошлого.

Для характеристики персонажей большое значение имеют образы орла и дерева, связанные с сакральной символикой, с представлениями о верхнем мире, центре мифической вселенной, покровителями и хранителями жизни. Это характеризует персонажей как носителей традиционной якутской культуры, для которых характерно присутствие священного в повседневном, сохранение связи с духами через шаманство, ответственность перед природными законами. Совершенный когда-то по неосторожности поступок Микииппэра, когда он не дал достроить птице гнездо, имеет влияние на дальнейшую судьбу героя. Молодые якуты не раз-

деляют культурные представления пожилых людей, не видят в птице сакрального, потому и стреляют в нее. Из орла, который для одних – Царь-птица, для других – дичь, они собираются сделать чучело в школу. Это говорит о разрыве между традиционными верованиями и новым временем. Незнание символической составляющей культуры, ее знаков является препятствием для коммуникации между старыми и молодыми персонажами. Мы понимаем из фильма, что якутская идентичность конструируется как сложный феномен: шаманские атрибуты соседствуют с иконкой в красном углу. Одновременно персонажи вынуждены скрывать эту часть своей культуры от пришедшей власти. «Царь-птица» являет собой пример фильма, заключающего в себе проблематику «постколониального характера якутской идентичности» [Искусство кино, 2021, с. 59].

Далее обратимся к рассмотрению фильма «Детство, которое мы не знали» (2017 г., реж. А. Романов). В нем действие разворачивается в феврале 1917 г. Этот год оказывается знаковым для главного персонажа – Микиты, потому что меняет его жизнь. Начинается фильм с описания жизни мальчика в старом доме с родителями и бабушкой, которая рассказывает о важных вещах, учит соблюдать обычаи и чтить светлых духов, а заканчивается историей о том как он идет в школу, где его учат читать на русском языке и молиться христианскому Богу. Фильм воспроизводит ритуалы поклонения духам айыы, встречу и проводы богини Айыысыт по случаю рождения младенца, кормление огня, шаманское лечение, встречу со сказителем, добычу рыбы и т.д.

Многие правила жизни главный герой узнает благодаря своей бабушке Дарье – также важному персонажу в повествовании. Подчеркивается, что поучения бабушки влияют на миропонимание Микиты и идут ему на пользу. Возникает надежда, что в диалоге поколений традиции не забудутся. Важность «обучения культуре» в ее транслировании подчеркивается в ходе обозначенного в фильме конфликта: например, когда происходит спор между шаманом и лекарем, между мальчиком и учителем-священником. В эпизоде, когда Микита отвечает учителю, что вера для него – это поклонение духам айыы и соблюдение традиций, отец Ион ругает его. Он разучивает со школьниками христианские молитвы на русском языке, не оставляя места для их традиций. Иным образом складываются отношения с другим персонажем – революционером по имени Горимир Барсуков. Несмотря на то что Горимир не понимает якутский язык, он пытается наладить отношения с детьми; говорит про равноправие и новый мир; и Микита видит, что он хороший, потому что, «как богатырь, защищает бедных и слабых». Слом привычных устоев

и новые ценности – приметы нового времени и перемен, которые влекут за собой испытания.

Таким образом, в обоих произведениях авторы сосредотачиваются на противопоставлении старого и нового, на различных формах репрезентации якутской культуры – таких, как сохранение языка (национальный язык в фильмах в качестве основного), обращение к фольклорным сюжетам, репрезентация образа своей земли, связь человеческой жизни с законами природы и т.п.

Анализ фильмов «Царь-птица» и «Детство, которое мы не знали» позволяет утверждать, что якутский кинематограф позиционирует себя как способ говорить изнутри сообщества о себе же и транслировать это представителям других культурных групп. Действительно, фильмы производства «Сахафильм» часто воплощают этническую тематику, обращаются к локальным сюжетам. Однако проблемы, которые они затрагивают именно в такой форме, имеют общечеловеческое значение. Это свидетельствует о том, что якутские режиссеры (в том числе А. Романов и Э. Новиков) сохраняют авторское художественное видение. Они наделяют персонажей подлинными голосами, производят

истории о якутском этносе; при этом пытаются рефлексировать на темы самоопределения в процессе выбора. Их произведения становятся формой самопознания, примером утверждения своей человеческой уникальности и этнической идентичности.

*Научный руководитель – Е.Ю. Трушкина
канд. филос. наук, зав. научным кабинетом-библиотекой
академика Вяч.Вс. Иванова
факультета культурологии,
Российский государственный гуманитарный
университет*

Список литературы

- Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. 560 с.
- Головнева Е.В., Головнев И.А. Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры, 2017. Т. 23, № 1 (159). С. 114–123.
- Искусство кино. 2021. № 1/2. С. 59.
- Трушкина Е.Ю. Визуальная антропология: этапы становления и развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 2011. № 1. С. 89–100.

Yakuts Ethnic Image in Modern National Cinema

G.A. Nikitina

The article analyzes ethnic images of on the example of moder national films produced in Yakutia (Russia) such as "The Tsar-Bird" and "The Childhood We Didn't Know", which were created by Yakut directors in 2017 and 2018.

Keywords: visual anthropology, ethnographic films, yakuts, ethnic image, national cinema.

Никитина Галина Александровна

магистр культурологии
Российский государственный гуманитарный
университет
e-mail: i_chiban@mail.ru

Nikitina Galina Aleksandrovna

Master of Cultural Studies
Russian State University for the Humanities
e-mail: i_chiban@mail.ru

УДК 930.2

К вопросу о подходах визуальной антропологии

Е.С. Терехова

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

Визуальная антропология, где кино или фото являются средством репрезентации исследования и источником получения данных, – стремительно развивающееся направление, вошедшее в инструментарий современных исследователей в области (социо)культурной антропологии. Все больше внимания уделяется теоретико-методологическим основаниям визуальной антропологии, возможностям и границам применения визуально-антропологиче-

ских инструментов в ходе полевой работы. Разработкой данной проблематики занимаются такие исследователи, как Е.В. Александров, А.В. Головнев, В.Л. Круткин, Е.Ю. Трушкина, Е.Р. Ярская-Смирнова и др. Данные тезисы посвящены описанию некоторых современных подходов.

Визуальная антропология понимается как самостоятельная (суб)дисциплина и особый метод. Основатели направления – А. Хэддон, Б. Спенсер,

Р. Флаэрти, М. Мид – используют снятый материал для изучения человеческого поведения. Сегодня существуют различные центры, занимающиеся соединением практики и теории в области визуальной антропологии. Например, Гранада-центр в Манчестере рассматривает визуальную антропологию и как научную дисциплину, и как практическую индустрию производства средств массовой информации. Эта концепция сродни «ментальному фотографированию» Е.В. Батаева: используя данное понимание, он выводит современную формулу идентификации человека (поведенческую практику) – ею становится виртуальный образ-двойник, существующий в киберпространстве.

В создании любого визуально-антропологического продукта сохраняется принцип, который относительно фильмов назван «наблюдательным кино» (observational films), или попыткой глубокого изучения «чужой» культуры. Этот прием был разработан еще в начале XX в. Р. Флаэрти, ставившим во главу угла принцип «ответственного отношения» к представителям культурных групп, которые «фиксируются» камерой. Визуальная антропология не просто представляет культуру «другого», она вводит зрителя в контекст происходящего и провоцирует его выйти на уровень исследователя. Примером этому может служить работа Тимоти Эша и Наполеона Шэньона «The Ax Fight» 1975 г., где помимо просмотра фильма предлагается изучить материалы о социальных коммуникациях исследуемого. Таким образом, визуальная антропология делает предметом анализа материальное воплощение визуальной культуры изучаемого сообщества: это направление получает название совместной (контактной) антропологии.

Известный французский антрополог и режиссер Ж. Руш предполагал момент, «когда камера перейдет в руки тех, кто до сих пор всегда оказывался перед камерой» – тогда антрополог утратит монополию наблюдения [Круткин, 2013]. Эту идею воплотили в жизнь в середине 1960-х гг. американские антропологи С. Уорт и Дж. Адейр. Они реализовали проект с индейцами племени навахо, который заложил основы так называемого «индигенного» (indigenous) или в более широком смысле «биокультурного» (biocultural) кино. Обучив индейцев основам киносъемки, Уорт и Адейр предоставили им полную свободу действий, таким образом, фильмы Навахо можно в полной мере считать оригинальным продуктом или фильмом, получившим название «индигенного», т.е. «native film».

В России подобный проект был осуществлен известным антропологом, основателем Международной комиссии по визуальной антропологии

А. Баликси. В августе 1991 г. он и несколько отечественных антропологов отправились в г. Казым (Ханты-Мансийский автономный округ), чтобы провести обучение местного населения съемке этнографического фильма. Формируя программу проекта, А. Баликси подчеркивал, что подобный фильм может быть снят любым человеком, который был обучен особому методу производства фильма и мог показывать мир, как он видит его и его проблемы [Баликси, 2008, с. 111]. В дальнейшем именно через практику биокультурности был сформирован подход, обозначенный как «антропология визуальной коммуникации».

Современная киноантропология позволяет этнографу, используя съемку на кино/видео пленку, создавать свои собственные источники, базу визуально-антропологических данных. Эти материалы могут затем обретать форму письменного текста или становится иллюстрацией к нему, экспонироваться в музеях, превращаться в самостоятельный фильм. Но в данном случае снять – это не просто поймать значимый объект и запечатлеть его, но и передать его историю с учетом правил монтажа, соотношения реального и экранного времени-пространства.

Таким образом, если киноантропология движется от науки к кино, то переводит академическую типизацию на язык образов, если наоборот – типизирует индивидуальный портрет до образа народа. Формула «человек – портрет народа» только на первый взгляд кажется противоречащей канонам науки; в действительности съемки культуры без человека настолько же неэтнографичны, насколько и некинематографичны [Головнев, 2009].

Современный мир позволяет нам разрабатывать новые способы освоения этнокультурного многообразия мира. Постмодернистская идеология, воспринятая этнографией, становится толчком для формирования новых исследовательских моделей в рамках визуальной антропологии. Визуальная антропология делает попытку увидеть мир глазами «другого», используя кинокамеру как средство для перевода смыслов исследуемой культуры на язык визуальных образов.

При этом надо учитывать, что фотографии и фильмы, произведенные антропологами, также являются частью их собственной культуры и в этой связи также должны выступать предметом интерпретации. Этнографические фотографии и фильмы иллюстрируют не столько паттерны (структуры) исследуемой культуры, сколько паттерны культуры, которая их запечатлела. Для анализа произведенных фото- и кинообразов в визуальной антропологии привлекаются концептуальные разработки семиотики, формулируются принципы этнографической семиотики (ethnographic semiotics).

Таким образом, методологический арсенал визуальной антропологии разнообразен и содержит множество возможностей для реализации самых амбициозных исследовательских задач, вместе с тем, очевидно, необходима дальнейшая теоретическая разработка основных ее подходов и методологий, если мы говорим о визуальной антропологии как самостоятельной (суб)дисциплине.

*Научный руководитель – Д.Н. Караваева
канд. ист. наук, ст. науч. сотр.,
Уральский федеральный университет им. первого Пре-
зидента России Б.Н. Ельцина*

Modern Trends in Visual Anthropology

E.S. Terekhova

The article analyzes modern approaches to visual anthropology, its interdisciplinarity, the formation of indigenous and biodocumentary films.

Keywords: visual anthropology, film anthropology, indigenous cinema, biodocumentary films, observational films, ethnography.

Терехова Елена Сергеевна

студент 3-го курса

Уральский федеральный университет им первого

Президента России Б.Н. Ельцина

e-mail: dzeltese1@mail.ru

Список литературы

Баликси А. Сравнительный анализ видеосъемок, ведущихся представителями коренных народов в разных странах. Аудиовизуальная антропология. История с продолжением. М.: Институт Наследия, 2008. 319 с.

Головнёв А.В. Антропологическое кино и фестивальное движение. Омск, 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://rfaf.ru/rus/raff/315> (дата обращения: 20.03.2023).

Круткин В.Л. Визуальная антропология и «Безумные господа» Жана Руша // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-antropologiya-i-bezumnye-gospoda-zhana-rusha> (дата обращения: 20.03.2023).

Terekhova Elena Sergeevna

3rd year student

Ural Federal University named after the first President

of Russia B.N. Yeltsin

e-mail: dzeltese1@mail.ru

УДК 394

Антропология города. Человек на производстве (фотохроники завода «Сибсельмаш»)

Е.Н. Тютюнникова

Музей Новосибирска, Новосибирск, Россия

Истории новосибирского завода «Сибсельмаш» посвящены десятки публикаций [Алексеев и др., 1983]. Вместе с тем работ, посвященных анализу заводской повседневности и ее визуальных образов, известно мало. Данная работа выполнена в формате антропологии города. Источниками исследования служат фотоальбомы (более 100 учетных единиц) из коллекции ликвидированного Музея боевой и трудовой славы завода Сибсельмаш, переданной в МАУК «Музей Новосибирска» в 2018–2020 гг.

Большой объем материала был выделен в блок «Рабочие на производстве». Это 27 альбомов, отражающих заводскую повседневность. Они имеют тематический характер, посвящаются ударникам коммунистического труда, передовикам производства, опыту подготовки кадров и обучению молодежи, рационализаторам производства. Снимки

и подписи к ним сообщают нам, что ударником может быть любой из «сибсельмашевцев», стоит только поставить перед ним высокую цель и выполнять ее изо дня в день. Наряду с фотографиями, альбомы содержат развернутые комментарии и позволяют воссоздать образ горожанина, рабочего крупнейшего завода Сибири 1950–1960-х гг.

Фотоколлекция завода «Сибсельмаш» интересна как свидетельство истории Новосибирска: на снимках запечатлена обычная жизнь заводчан середины XX в. Это был период превращения сибирского города в крупнейший промышленный центр СССР. Снимки передают типичные ситуации из жизни советских людей той эпохи. Большая часть фотографий сделана в естественной обстановке. Их основные сюжеты – собрания, первомайские колонны, рабочие за учебным столом, в госпитале, у больного товарища и т.п. Репор-

тажная фотография позволяет почувствовать простоту и обыденность момента. Заметная деталь – практически все люди на снимках улыбаются или смеются.

Авторы альбомов воссоздают заводскую реальность посредством фотохроники. Заметно, что подборки снимков создавались не одновременно и, видимо, разными людьми. На примере фотоколлекции завода «Сибсельмаш» видно, как в середине XX в. складывался образ советского человека – рабочего, горожанина. Он возник в результате индивидуального творчества (репортажной фотографии) и коллективной работы по созданию визуального подтверждения успехов советского общества в области производства и в благоустройстве повседневной жизни. Урбанизация стала знаменем времени. Неизбежная при создании корпора-

тивной фотографии «редакция действительности» сочеталась с яркими свидетельствами эпохи. Формирование документальной фотолетописи завода «Сибсельмаш» не исключало интереса заводских хроникеров к городской повседневности. Образ рабочего в 1950–1960-е гг. занимал ключевое место в советской фотографии.

*Научный руководитель – Е.В. Антропов
канд. ист. наук, ученый секретарь,
Музей Новосибирска*

Список литературы

Алексеев В.В., Зайцев М.В., Московский А.С. и др.
Кузница степных кораблей: история Новосибирского производственного объединения «Сибсельмаш». М.: Мысль, 1983. 255 с.

Anthropology of the City. A Man at Work (Photo Chronicles of the Sibselmash Plant)

E.N. Tyutyunnikova

The work is devoted to the history of Novosibirsk. The sources of the research are photo albums from the collection of the "Museum of Military and Labor Glory" of the Sibselmash plant. This photo collection is interesting as evidence of the history of the Siberian city of the mid-twentieth century. Her example shows how the image of a Soviet man – a worker, a citizen – was formed. The formation of a documentary photo chronicle of the Sibselmash plant did not exclude the interest of factory chroniclers in urban everyday life. The image of a worker in the 1950s and 1960s occupied a key place in Soviet photography.

Keywords: Anthropology of the city, photo chronicles of the Sibselmash plant.

Тютюнникова Елизавета Николаевна
научный сотрудник
Музей Новосибирска
e-mail: romaliza1986@gmail.com

Tyutyunnikova Elizaveta Nikolaevna
Research associate
Museum of Novosibirsk
e-mail: romaliza1986@gmail.com

УДК 93/94

Этничность и власть в истории: конфедералисты Якутии

Ю.В. Фролова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Современная Россия – многонациональное государство. В самосознании народов, населяющих страну, соединяются этнический и общегражданский уровни. Высокий уровень этнического самосознания характерен для якутов [Брагина, 2021, с. 54].

В отечественной истории XX в. известны прецеденты, когда вопрос самоопределения этого народа вышел на политический уровень. Речь идет о так называемом «движении конфедералистов» 1927–1928 гг., которое завершило цепь выступлений 1920-х гг. В ходе исследования выявлены причины возникновения движения, установлен его ход

в общих чертах и основные действующие лица, определены итоги и последствия.

Возникновению движения конфедералистов способствовало множество факторов. Последствиями Первой мировой войны стали распад империй и рост национальных движений. Российская империя в этом смысле не стала исключением. В ходе политических трансформаций 1917–1922 гг. возник СССР. Союзный договор 1922 г. составлялся на основе Декларации прав народов России от 15 ноября 1917 г. и Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. и провозглашал права наций на самоопределение вплоть до отделения. В ходе построения союзного

государства 27 апреля 1922 г. образовалась Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика [Борисов, 2019, с. 219].

Появление партии якутских конфедералистов в автономии в целом соответствовало тенденциям, заложенным более ранней политической жизнью Сибири. Так, в 1917 г. была создана партия «Якутский трудовой союз федералистов». Среди ее создателей был Гавриил Васильевич Ксенофонтов. В этой партии органично сочетались сибирское областничество (ориентированное на региональные приоритеты) и якутский национализм в сочетании с социалистическими идеями [Сушко, 2009, с. 365]. Интересно, что Г.В. Ксенофонтов своеобразно понимал федеративное устройство – по сути, он выступал за конфедерацию (союз суверенных государств), но этот термин не использовал [Дьячкова, 2014, с. 37]. Его брат Павел Васильевич Ксенофонтов создал партию конфедералистов.

Среди исследователей, однако, не сложилось единого мнения относительно оценки движения конфедералистов. Одни акцентируют внимание на том, что конфедералисты выступали за выход ЯАССР из РСФСР и последующее вступление в СССР на правах суверенного государства [Винокурова, Винокуров, 2014, с. 132], другие же уверены, что конфедералисты боролись лишь за расширение статуса автономии в рамках федерации [Петров, Парфенова, 2016, с. 19]. Стоит согласиться с более осторожным мнением, что исконного и чисто якутского национализма в Якутии 1920–1930-х гг. мы не можем наблюдать [Захаров, 2012, с. 93]. Однако игнорировать наличие соответствующего положения в программе партии конфедералистов мы также не вправе [Пестерев, 2001, с. 49]. Другое дело, что права наций на самоопределение вплоть до отделения лишь декларировались советским руководством, а в действительности проводилась политика централизации, приоритетом было избрано государственное единство.

После долгой дискуссии в конце сентября 1927 г. началась «вооруженная демонстрация» конфедералистов с целью распространения программы партии среди населения Якутии. Она не имела большого успеха, но была расценена как попытка вооруженного отделения от РСФСР. Всего участвовало, по разным оценкам, от 160 до 600 чел. (здесь и далее числовые данные по: [Антонов, 2002; Борисов, 2019, с. 223]). Было несколько перестрелок, принесших около десятка жертв. Советское руководство несколько раз предлагало сдаться в обмен на амнистию: 1 января 1928 г. сдался П.В. Ксенофонтов – он был расстрелян 28 марта 1928 г.; 27 января сдался отряд С.М. Михайлова. 6 февраля сдалась группа И.Г. Кириллова и М.К. Артемьева [Антонов, 2002].

После окончания боевых действий последовало разбирательство специальной комиссии Я. Полуяна и группы ОГПУ, приехавших из Москвы. По разным оценкам, было репрессировано от 191 до 272 чел., в т.ч. расстреляно от 64 до 128 чел. Важно, что последовала кадровая перестановка, как метко сказал Е.П. Антонов – «разгром основного руководящего ядра ЯАССР» [Антонов, 2002]. Началось это по постановлению комиссии «О положении в Якутской организации ВКП(б)» 1928 г. Примерно 2/3 руководителей были смещены с должностей в ЯЦИК и Якутском обкоме ВКП(б). Закончилась чистка репрессиями второй половины 1930-х гг. (из 3 030 чел., проходивших в Якутии по политическим процессам, приговорены к расстрелу 134 чел.).

Таким образом, конфедералисты хотели расширения статуса автономии для ЯАССР, но в итоге получили противоположный результат. «Военная демонстрация» вместо благ принесла жертвы. В СССР был взят курс на централизацию государства [Борисов, 2019, с. 226]. Конституция 1937 г. требовала от автономий соответствия принципам существования союзного государства.

*Научный руководитель – А.В. Дмитриев
д-р ист. наук, доцент,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

- Антонов Е.П.** Движение конфедералистов в Якутии в 1927–1928 гг. // Сибирская заимка. М., 2002. [Электронный журнал]. URL: <https://zaimka.ru/antonov-rebel/?usclid=lbc22lpsns640981881> (дата обращения: 06.12.2022)
- Борисов А.А.** Исторический опыт нацистроительства в Якутии (1922 – конец 1930-х гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 214–232.
- Брагина Д.Г.** Этнополитические процессы в Республике Саха (Якутия) на рубеже веков (XX–XXI вв.) // Интерактивная наука. 2021. № 6 (61). С. 52–55.
- Винокурова Л.Е., Винокуров А.Д.** Репрессивная политика власти в Якутии в 20-е гг. XX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2014. Т. 9. С. 132–137.
- Дьячкова А.Н.** «Сибирский федерализм» (областничество) во взглядах Г.Л. Ксенофонтова // Наука и образование. 2014. № 3. С. 35–38.
- Захаров В.П.** Власть и общество: обвинения в буржуазном национализме в Якутии в 1920–1930-х гг. // Вестник Сев.-Вост. фед. ун-та. 2012. Т. 9, № 2. С. 89–94.
- Пестерев В.И.** История движения конфедералистов Якутии (1927–1928 гг.). Якутск, 2001. 222 с.
- Петров Ю.Д., Парфенова О.А.** Проблемы этнонационального самосознания народа саха // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 18–21.
- Сушко А.В.** К вопросу об идеологии Якутского трудового союза федералистов в 1917 г. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. Вып. 11 (79). С. 361–365.

Ethnicity and Government in History: the Confederalists of Yakutia

Yu.V. Frolova

The article analyzes a curious case that appeared in USSR in the 1920s, exactly the confederalist movement in Yakutia. Its causes, course and consequences are considered in line with the relationship between the yakut ethnicity, which matured to political separation, and the Soviet administration, which was not ready for this, and was prepared for unity. The yakut intellectuals, headed by P. V. Ksenofontov, wanted to expand the actual status of the autonomy of the YASSR inside the USSR and even (from the point of view of the yakut intellectuals – just) take it out of the RSFSR. That is, the yakuts saw the USSR as a union of sovereign states and wanted to achieve a confederate structure. However, the Soviet administration only declared the freedom of nations up to secession, suppressing in reality such attempts. A small military action was crushed and eventually led to the truncation of the rights of the YASSR.

Keywords: confederalist movement, yakut ethnicity, national politics of the USSR.

Фролова Юлия Викторовна

студент 4-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: juliagaidash@gmail.com

Frolova Yuliya Viktorovna

4th year student

Novosibirsk State University

e-mail: juliagaidash@gmail.com

УДК 394

Орнамент и его значение в традиционной русской вышивке

Л.А. Буркацкая

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

В книге «История костюма восточных славян» О.П. Тарасова отмечает, что русская вышивка имеет очень глубокие корни. Целью данной статьи является освещение значения орнаментов, используемых в традиционной русской вышивке, на основе опубликованных сведений и собранного полевого материала. Данный вопрос представляет интерес в изучении этнографии региона [Тадина, 2021].

В русской культуре искусство вышивки достигло высокого уровня развития: украшались предметы быта, ритуальные вещи, создавались обереги. Особое значение имела вышивка одежды. Известны образцы, оформленные золотым, счетным и строчным шитьем, шитьем жемчугом, перламутром, бисером, стеклярусом, тамбурным швом, крестом и полукрестом, цветной и белой гладью, вышивкой металлической нитью (золотой или серебряной) [Тарасова, 2015, с. 119].

По опубликованным сведениям, вышивке придавали мистическое значение. Было распространено представление о том, что вышивка на одежде оберегала от злых духов, придавала силу и здоровье. Вышивка также отражала особенности жизни людей, их отношение к окружающему миру [Григорьева, 2018, с. 206].

Одним из первых появившихся орнаментов являлся геометрический. Простейшими орнаментальными узорами были прямая линия, обозначающая «землю», зигзагообразная – «воду» или «змею», точка – в значении «солнца». Это были символы циклического обновления природы. Древнейшим сакральным орнаментом является крест, тракту-

емый как центр пространства и как домашний очаг. Круг символизирует «небо», «солнце», «совершенство». Квадрат передавал смысл природной четырехмерной цикличности и земного начала [Основы..., 2017, с. 166–168]. Ромб был как отдельно вышитый символ, так и внутри него могли вышивать элементы природы (семена, плоды, шишки), и это обозначало пожелание плодородия. Если внутри ромба была точка, то это являлось символом новой жизни. Ромб с крючками по сторонам символизировал счастье, богатство, уверенность [Тарасова, 2015, с. 118].

Значение орнамента в виде треугольника было вариативным. Если вершина направлена вверх, то это символ мужского начала мира, «огня» и «неба». Треугольник с вершиной, направленной вниз, обозначал женское начало, «воду» и «землю». Свастика и спираль также являются древнейшими орнаментами. Свастика означает «крест в движении» и тем самым передает единство основных элементов мировоззрения. У славянских народов свастика с 4–12 лучами называлась коловоротом или вращающимся солнцем. Триквестр – это свастика с тремя ветвями, символ домашнего очага [Буткевич, 2008, с. 23].

Достаточно распространенным считается растительный орнамент. Главным его узором является Мировое Древо, обозначающее устройство мира по вертикали и символ бессмертия. По обе стороны от Мирового Древа симметрично вышиваются две птицы или два оленя-охранителя. Иногда с тем же посылом изображается Берегиня (богиня-мать)

с поднятыми вверх руками и двумя всадниками на конях (см. *рисунок*). Символы растительного орнамента означают «развитие», «плодородие» и «благополучие» [Основы..., 2017, с. 168]. В традиционной вышивке присутствуют зооморфные образы. Широко распространена вышивка лошади и оленя, связанная с аграрно-скотоводческим культом, приносящим счастье и благополучие. Из птиц наиболее значимой у славян считался лебедь, он связывался с водной стихией, небом и солнцем [Основы..., 2017, с. 169].

В символе заключено искривляющее пространство, например, крест отталкивал сглаз или порчу, ромб притягивал позитивную энергию и задерживал в своем пространстве все нехорошее, а зигзаг разрывал и разрушал в своем неравномерном искривлении злые намерения. Период развития вышивки включает два этапа – язычество и христианство. После принятия христианства значение символов не изменилось, но менялись названия, росла тенденция вышивания крестом. Например, символ «восьмиконечный крест», обозначающий мужское и женское начало, а также судьбу, после принятия христианства получил название «Звезда Богородицы» [Тарасова, 2015, с. 113, 119].

В январе я провела опрос информантов – женщин, которые на протяжении многих лет занимаются вышивкой и вышивают традиционным русским орнаментом. Первый информант – моя тетя Вера Васильевна – считает народный костюм отражением души населения. По ее представлению, вышитые на одежде узоры являются оберегом и оказывают определенное влияние на организм. Она вышивает на поясе, по ее словам, это одна из важнейших частей костюма, обязательная его часть. Повязывая пояс, мы привязываем душу к телу. Информант утверждает, что одежду со славянским орнаментом следует носить осознанно, интересуясь его происхождением (ПМА 1).

Другой информант – учительница Людмила Ивановна – рассказала, что в вышивке орнаментов используется множество художественных элементов и вариантов их комбинирования. Каждый орнамент несет в себе сакральное значение, особенно обережное. Разные типы вышивок соответствуют определенному возрасту. Наибольшее их количество присутствует на девичьей одежде. В зависимости от статуса и возраста женщины на ее одежде должно быть определенное количество солнц, в виде свастики, от 1 до 12. Она обычно вышивает традиционный русский орнамент, означающий предметы быта, и обучает школьников вышивальному искусству (ПМА 2).

Таким образом, на основе собранных сведений можно сделать вывод о том, что традиционный

Орнамент «Берегиня с всадниками».

орнамент выступает неотъемлемой частью этнической культуры русского народа, заключая в себе определенные смыслы и знаки, выступая источником познания народной картины мира.

*Научный руководитель – Н.А. Тадина
канд. ист. наук, доцент,*

Горно-Алтайский государственный университет

Источники

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в январе 2023 г. в с. Майма Майминского р-на Республики Алтай (информант – В.В. Козлова, 1970 г.р.).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Опрос, проведенный в январе 2023 г. в с. Ситниково Баевского р-на Алтайского края (информант – Л.И. Кононенко, 1965 г.р.).

Список литературы

Буткевич Л.М. История орнамента. М.: ВЛАДОС, 2008. 267 с.

Григорьева Е.Ю. Универсальность русского народного костюма и уникальность орнаментов вышивки в традиционной русской культуре // VIII Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве»: сб. матер. межд. науч. конф. Челябинск: Челяб. гос. ин-т культуры, 2018. Ч. 1. С. 205–207.

Основы духовно-нравственной культуры народов России. Уфа: Башкир. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2017. 297 с.

Тадина Н.А. О роли Научной лаборатории этнографических исследований Горно-Алтайского государственного университета в изучении Республики Алтай и сопредельных регионов // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр. Омск: Наука, 2021. Ч. 1. С. 309–315.

Тарасова О.П. История костюма восточных славян (древность – позднее Средневековье). Оренбург: Оренбург. гос. ун-т, 2015. 147 с.

Ornament and Its Meaning in Traditional Russian Embroidery

L.A. Burkatskaya

The article deals with the fact that the ornament is an integral part of Russian peoples' history and culture. It is also one of our ancestors' sources of knowledge. For so many centuries, ornamental embroidery has not disappeared from people's lives and every year the interest in it increases. Even in Ancient Russia, any woman, regardless of age and position in society, was able to embroider perfectly. For Russian people clothes embroidery had a special meaning in their lives. Many people believe that embroidery on clothes protects them against evil spirits, gives strength and health. But ornamental embroidery was not just a talisman, it made possible to understand the peculiarities of people's lives, their attitude to the world around them. Embroidery is done in different ways. There are geometric, plant, zoomorphic and swastika ornaments with their own elements and meaning. The development of embroidery is divided into two periods: the pagan period and the period of Christianity.

Keywords: ornament, embroidery, Russians, symbolism, field material.

Буркацкая Любовь Александровна

студент 1-го курса

Горно-Алтайский государственный университет

e-mail: burkaczkayal@bk.ru

Burkatskaya Lyubov Aleksandrovna

1st year student

Gorno-Altai State University

e-mail: burkaczkayal@bk.ru

УДК 398:93:793.31

Семантика обрядового танца якутов *осуохай*

Н.А. Владимирова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

Круговой танец *осуохай* для народа саха является уникальным явлением духовной культуры. На протяжении длительного исторического периода он сохраняется как один из устойчивых видов художественной деятельности и составляющих этнической культуры. В работе Н.Е. Петрова происхождение кругового танца связывается с магическими ритуальными хороводами древних солнцепоклонников, «письменное фиксирование тюркского названия обряда с хороводом обнаруживаются в ранних переводах буддийских трактатов на древнем уйгурском языке как *сачыџ сач*, которое с учетом закономерностей фонетических изменений читается по-якутски как *ыһых ыс* – *делать священное окропление*, а слово *ункуу* – танец, возникло от глагола *унк* – делать поклоны, молиться» [Петров, 1990, с. 7].

В своей работе «Педагогические основы народного праздника “Ысыах”» К.Д. Уткин пишет, что Ысыах – это любимый и почитаемый праздник якутского народа. В старину отмечался как обрядовое, культовое начало нового хозяйственного цикла. Его корни восходят к глубокой древности [Уткин, 1994, с. 3–4].

Осуохай, классический образец обрядового хороводного танца, исполняемого большим количеством людей, возник у якутов как ритуальный танец благодарения и обращения к божествам – айыы и духам – хозяевам природы – иччи.

В структуре обрядового *осуохая* выделяется:

1-я часть *сагалааһын* (зачин) – отличается плавными медленными шагами по кругу; участники настраиваются на общий ритм;

2-я часть *хаамы юнгкюю* (танец шагом) – символизирует пробуждение; движения становятся более динамичными, участники создают общее движение с ускорением;

3-я часть *кётюю* (прыжки) – завершающая; участники движутся прыжками очень быстро, впадая в общий экстаз [Лукина, 2004, с. 62–63].

Наряду с термином *осуохай* в этнографических исследованиях встречается несколько терминов, обозначающих ритуальные круговые танцы якутов, которые перестали существовать, например, *ункуу*, *ньэкэрэ*, *дьуохар*, *үөхэр*. Интересно, что термин *дьуохар*, *үөхэр* созвучен широко известному хороводному танцу у бурят – *эхору*. Круговой хороводный танец *эхор*, бытующий у бурят, якутов, эвенов, эвенков и долган, по мнению Д.С. Дугарова, «заимствован от тюрко-монгольских племен, унаследовавших древний тотем небесного коня от древних индо-иранских, скифо-сакских племен. С помощью кругового хороводного танца и его припевных слов в ритуальной практике белого шаманства “отправляли” на небо не только своих шаманов на их верховых транспортных животных, но и души жертвенных животных».

Видимо, именно массовые обрядовые танцы были наиболее открыты для иноэтнического влия-

ния. Они отражают исторические особенности развития с взаимопроникновением и заимствованием различных форм мифологического и религиозного сознания аборигенных народов Сибири.

Анализируя особенности круговых танцев у якутов, М.Я. Жорницкая выделяла несколько вариантов: якутский, вилюйский, амгинский, олекминский, усть-алданский. Для *осуохай* главной фигурой является запева, без которого хоровода не бывает. Знаменитые запевалы прошлого были особо одаренными людьми, владеющими магией слова, и продолжателями дела белых шаманов [Жорницкая, 1966, с. 57–58].

В настоящем исследовании нам хотелось бы обратиться к фольклорным традициям Хангаласского улуса. В Хангаласском улусе существует много разновидностей кругового танца *осуохай*. Одним из движений является *кирпииччэлии*, которое исполняют в наслехах (наслех – якут. *Нэһилиэк* – якутский поселок, часть якутского улуса) Күөрдэм, Качикатцы и Тит-Эбэ.

Автор книги «Первый фестиваль круговых танцев Сибири» В.Е. Романова считает: «Вначале я думала, что слово “*кирпииччэлии*” происходит от русского слова “*кирпич*”. Раньше русские делали кирпич, разминая ногами глину и песок, но на самом деле слово *кирпиич* имеет древние корни» [Романова, 1995, с. 12–13].

Известный казахский поэт и ученый Олжас Сулейменов в своей знаменитой книге «Азия» пояснил, что слово *кирпиич* исходит от шумеров и имеет два обозначения – *кир* и *пичик*. Слово *кир* обозначает землю, грязь, глину, а *пичик* – книгу. А у народа саха слово *кир* также обозначает грязь, землю, а слово *пичик* – письменность. Значит, это слово появилось у нашего народа очень давно. Об этом в своей книге «Быралыйбат бырылгы»

пишет известный писатель Н.Е. Винокуров-Урсун. Некоторые ученые пишут, что раньше во время засухи наши предки просили у верхних духов (*уөһээ айыылартан*) дождя (живительной воды), исполняя всю ночь круговой танец *осуохай*. Тогда верхние духи посылали им дождь, и они от радости танцевали *осуохай* по грязи [Романова, 1995, с. 12–13].

Таким образом, круговой танец *осуохай* имеет обрядово-ритуальную специфику и отражает локальные варианты терминологии и образного мышления саха. Существуют множество разных вариантов *осуохай*, которые отличаются по композиционной структуре, по ладоинтонационной и метроритмической основе, по манере пения, по стилю и по танцевальным движениям. Они существуют в разных наслехах Хангаласского улуса.

Изучение локальных вариантов танца *осуохай*, оказавшихся под угрозой исчезновения, способствует расширению механизмов устойчивого развития национальной культуры Республики Саха (Якутия).

Научный руководитель – Э.А. Неманова
канд. ист. наук, доцент,

Восточно-Сибирский государственный институт
культуры

Список литературы

- Жорницкая М.Я. Народные танцы Якутии. М.: Наука, 1966. 176 с.
- Лукина А.Г. Традиционные танцы саха: Идеи, образы, лексика. Новосибирск: Наука, 2004. 354 с.
- Петров Н.Е. Хороводные песни *осуохай* как жанр якутского фольклора // Советская тюркология. 1990. № 3. С. 7–14.
- Романова В.Е. Первый фестиваль круговых танцев Сибири. Якутск: Көмүөл, 1995. 36 с.
- Уткин К.Д. Педагогические основы народного праздника «Ысыах». Якутск: Ситим, 1994. 99 с.

Semantics of Ritual Dance of the Yakuts – Osuokhay

N.A. Vladimirova

The article discusses the semantics of the circular dance – osuokhai of the Yakuts, a mass ritual round dance, one of the important elements of the Ysyakh ritual complex – this is a holiday of the Sakha people, personifying the meeting of summer. The mass ritual dances that were most open to foreign influence, reflects the historical features of development of traditional culture, with the interpenetration and borrowing of various forms of mythological and religious consciousness of the aboriginal peoples of Siberia. There are many different versions of osuokhai, which differ in compositional structure, in terms of intonation and metro-rhythmic basis, in the manner of singing, in style and in dance movements. The local version of the dance of the Khangalassky ulus of the Republic of Sakha (Yakutia), osuokhai “kirpiichcheli”, the most stable traditions of singing and its content are analyzed.

Keywords: local culture, Yakuts, national dance, mythological image, ritual complex.

Владимирова Нюргуяна Альбертовна

студент 2-го года обучения

Восточно-Сибирский государственный институт
культуры

e-mail: vladimirovanuu@gmail.com

Vladimirova Niurguiana Albertovna

2nd year student

East Siberian State Institute of Culture

e-mail: vladimirovanuu@gmail.com

Трансформация традиционной технологии шитья *кыбытыы* якутов

А.Б. Григорьев

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

На сегодняшний момент в декоративно-прикладном искусстве Якутии наблюдаются тенденции актуализации и популяризации народных промыслов. Народные мастера и мастерицы с каждым годом представляют все более высокий уровень изготовления изделий. В современном декоративно-прикладном искусстве прослеживается трансформация традиционных технологий и канонов. Это касается и лоскутного шитья, в котором используется технология *кыбытыы*, характерная только для якутов [Зверева, 2015, с. 169].

Якутское *кыбытыы* представляет собой вставку специального третьего дополнительного канта-лоскутка на стыке швов отделки изделия. Данный кант-лоскуток обеспечивает усиленный цветовой контраст декоративных линий вдоль узоров, что дает изделию художественную завершенность и подчеркивает орнамент [Жиркова, 2016]. Технология *кыбытыы* в основном используется в шитье атрибутов конского убранства («чепраки», «кычым», «дэпсэ»). Ее также можно встретить в оформлении некоторых элементов одежды и в набедренных украшениях типа *саппыйа* или *кыалык* [Петрова, 2013].

Основным материалом для рукоделия у якутов в прошлом было привозное сукно [Серошевский, 1993]. На сегодняшний день используется и шелк, и различные хлопчатобумажные ткани. У мастериц существуют свои авторские стили, благодаря чему с помощью *кыбытыы* они шьют панно больших размеров с разнообразными композициями. Основой большинства таких изделий являются геометрические узоры [Неустроев, 2007]. По прошествии времени они, по сути, не изменились, лишь дополнялись разными вариациями и комбинациями цветов и фигур.

В последние годы художественные изделия с использованием якутского *кыбытыы* становятся все более популярными – их узнают в разных уголках России. Это связано с участием якутских мастериц в российских и международных выставках (ПМА 1).

На региональном уровне многие народные мастера и мастерицы получают социальные пособия и гранты для перспективной творческой деятельности. Часть женского населения начинает овладевать данной технологией в рамках активного отдыха. По мере освоения технологии открываются широкие возможности творчества. Авторы ставят задачи развития лоскутного шитья. Их произведения входят в повседневность как художественные ценности. Традиционная технология *кыбытыы* представляет собой яркую часть обиходного компонента в декоративно-прикладном искусстве Якутии. Это уникальный элемент якутского традиционного шитья.

В данной работе представлены полевые материалы автора в виде интервью с представителями традиционного шитья, которые освещают современное положение и процессы развития своего ремесла (ПМА 2).

Научный руководитель – К.М. Яковлева
канд. ист. наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова

Источники

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Интервью, проведенное в марте 2023 г. в г. Якутске Республики Саха (Якутия) (информант – У.Е. Миронова, 1960 г.р.).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Интервью, проведенное в марте 2023 г. в г. Якутске Республики Саха (Якутия) (информант – С.И. Петрова, 1954 г.р.).

Список литературы

Жиркова Л.П. Кырадаһын умсулбана = Лоскутное шитье. Якутск, 2016. 66 с.

Зверева А.Н. Узоры земли Олонхо. СПб.: Славия, 2015. 255 с.

Неустроев Б.Ф. Саха ойуута-бичигэ = Узоры и орнаменты саха: [альбом]. Якутск, 2007. 287 с.

Петрова С.И. Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. Новосибирск, 2013. 207 с.

Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. М., 1993. 713 с.

Transformation of Traditional Yakut Sewing Technology "Kybytyy"

A.B. Grigorev

Decorative and applied art plays an important role in the actualization and preservation of the Yakut national culture. Within the framework of this work, there is such a goal as determining the transformational processes of the traditional sewing technology "kybytyy". The "kybytyy" technology represents a technique unique for the Yakuts for processing patchwork mosaics. Modern processes of development of the Yakut arts and crafts give this technology popularization among the masses. Patchwork is represented by the work of many talented craftswomen from different eras. Also, this work reveals the formed unique style "kybytyy" in the Yakut culture.

Keywords: traditional patchwork, kybytyy, Yakut culture, traditional arts and crafts.

Григорьев Андрей Борисович

студент 4-го курса

Северо-Восточный федеральный университет

e-mail: andrew.grigorev.01@mail.ru

Grigorev Andrei Borisovich

4th year student

North-Eastern Federal University

e-mail: andrew.grigorev.01@mail.ru

УДК 391.7+7.031.3

Корпус музейной документации этнографического предмета*

М.В. Красавина

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Этнокультурные традиции в современном обществе рассматриваются в контексте накопления, передачи и трансформации историко-культурного опыта. Формами сохранения историко-культурного наследия (наряду с библиотеками и архивами) являются музеи. Анализ музейных собраний позволяет получить сведения о структуре материальной культуры, ее типологии, символике и семантике. Обращение к музейным предметам как к историческим источникам предполагает использование специфических методов их обработки.

Работа с музейными фондами предполагает регистрацию предметов в специальной учетно-хранительской документации для последующей идентификации, отслеживания местонахождения, научного изучения [Инструкция...]. Оформление принадлежности предметов музею и прав музея на них начинается с акта приема предметов на постоянное хранение (акт ПП) – первичного документа учета. В нем перечисляются номера по порядку всех передаваемых предметов, наименование и краткая характеристика, номер предмета (временный или постоянный), степень сохранности, а также дополнительные сведения. Если прием предметов ведется непосредственно от дарителя, то со слов дарителя записывают как можно больше сведений об истории предмета (происхождение предмета, история его бытования, принадлежность к местности или событию, связь с личностью). Эти

сведения носят название «легенда» и хранятся вместе с актом приема данного предмета [Методика...].

Все поступившие на постоянное хранение в музей предметы формируют его фонд (музейное собрание). Стандартно структура фондов делится на основной и научно-вспомогательный фонд. Наиболее ценная в количественном и качественном отношении часть предметов носит название основного фонда (ОФ). Археологические и этнографические материалы включаются в ОФ. Научно-вспомогательный фонд (НВФ) представляет сочетание различных материалов: муляжи, макеты, диаграммы, схемы, модели и репродукции, фото и ксерокопии и пр.

Музей обеспечивает три стадии учета своего фонда: регистрацию в книге поступлений основного фонда/главной инвентарной книге (КП, ГИК); регистрацию в инвентарных книгах (ИК); регистрацию в специальных инвентарных книгах (СК).

Регистрация в КП является первой стадией учета. В КП под порядковым номером последовательно производится регистрация поступивших предметов и коллекций. Для каждого номера указывается: дата регистрации; сведения об авторе, школе; датировка; количество; краткое визуальное описание с отличительными характеристиками (наличие клейм, марок, подписей и иных особенностей), достаточными для их идентификации; материал, техника изготовления, размеры, проба и масса предметов из драгоценных металлов, количество и масса драгоценных

*Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

камней; состояние сохранности на момент регистрации; источник и форма поступления (закупка, дарение, пожертвование, завещание, обмен), номер и дата протокола ЭФЗК и Акта ПП; название и шифр коллекции, учетные обозначения по ИК и СК. Для ОФ и для НВФ ведутся отдельные книги.

На этой же стадии создаются системы картотек на предметы ОФ и НВФ. Записи на индивидуальных карточках для предметов ОФ идентичны по содержанию записям в книге поступлений и расположены в порядке ее номеров. Картотека временных поступлений строится по источникам поступления [Шулепова, 2005].

Вторая степень учета – инвентаризация – предполагает регистрацию предметов в основных учетных документах второй ступени – инвентарной книге фондовой коллекции (ИК), специальной инвентарной книге для музейных предметов из драгоценных металлов и драгоценных камней (СК). Инвентаризация предполагает научную регистрацию музейных предметов ОФ, не распространяется на НВФ – изучение, описание и научное определение предметов. На каждый предмет заполняется инвентарная карточка/карточка научного описания, затем составляются научные инвентари/инвентарные книги, где предмет получает свой номер. По инвентарным карточкам составляются научные паспорта и делаются записи во всех книгах учета [Инструкция...].

Научные инвентари заполняются по типам источников, а внутри них – попредметно по видам материалов. В них записываются номера предметов или коллекций, дата записи в книгу, коллекция, в которую он входит и номер в ней, время и место обнаружения и получения, кем и когда он передан в музейное собрание, при каких обстоятельствах найден; дается описание внешних признаков и индивидуальных особенностей памятника, автор, место и время его создания, количество поступивших памятников, сохранность, стоимость приобретения, история передач предмета из одного музея в другой.

Все предметы, входящие в музейный фонд, приобретают свой индивидуальный шифр, составленный из условного обозначения музея и порядкового (инвентарного) номера музейного предмета по ИК. Вхождение в какую-либо коллекцию также отражено в шифре. Шифры помогают находить и соотносить музейные предметы с ИК и коллекционными описями [Несвежева, 2011].

Когда объем фондов становится большим, выделяются коллекции. На них составляются коллекционные описи, в шифрах музейных предметов вводятся обозначения, о хранении в составе коллекций.

После процедур регистрации и классификации музейные предметы каталогизируются. Каталог представляет собой аннотированный перечень

предметов, входящих в фонды, он не заменяет учетную документацию, а облегчает работу по учету фондов, их использование, расширяет доступ к коллекциям музея для научного исследования.

Таким образом, за весь период существования музейного предмета складывается обширный комплекс документов, отражающих его историю бытования и различные характеристики. Привлечение этих документов в процессе исследования музейного предмета окажет качественную помощь для выявления подробностей бытования предмета в историко-культурном контексте.

Итог научной атрибуции памятника подводит составление на него научного паспорта. В нем суммируются сведения, содержащиеся в полевой и учетно-хранительской документации и полученные в процессе научного исследования. От полноты выявления этих сведений зависит информационный потенциал музейного предмета, возможность и эффективность его использования в научных, экспозиционных, учебных и воспитательных целях.

Подводя итог, можно заключить: интерес к традиционной культуре и народному искусству многонациональной России в настоящее время обозначил актуальность обращения к многочисленным музейным фондам. Наиболее полное изучение музейных предметов позволяет расширить источниковую базу этнокультурных и этноисторических исследований.

*Научный руководитель – И.В. Октябрьская
д-р ист. наук, вед. науч. сотр., профессор,
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Инструкция по организации комплектования, учета, хранения, реставрации и использования музейных предметов и музейных коллекций Музейного фонда Российской Федерации (01.02.2008) [Электрон. ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций URL: <https://rkn.gov.ru/docs/archive/documents/20080201140841BS.doc> (дата обращения: 8.08.2022)

Методика учета музейных фондов и их научная документация [Электронный ресурс] // Тамбовский областной народный музей образования. URL: <http://musobr.wordpress.com/вопрос-ответ-2/fond/> (дата обращения: 4.05.2022)

Несвежева Н.В. Теория и практика исследовательской краеведческой и проектной деятельности учащихся. Барнаул: Азбука, 2011. 270 с.

Система научного описания музейного предмета. Классификация, методика, терминология: справ. СПб., 2003. 407 с.

Шулепова Э.А. Основы музейного дела. М., 2005. 504 с.

M.V. Krasavina

The article characterizes the body of museum documentation, which is formed as a result of the existence of a thing (an ethnographic source) in a museum. The structure of the museum collections and the composition of the documentation, as well as the methods of the researcher's independent work with them are described. From the acts of receiving objects, inventory and collection inventories, catalogs and scientific passports, one can obtain information that can be important both for characterizing the object itself and clarifying information on ethnic history, the symbolic and semantic side of traditional / ethnic culture, and the worldview characteristics of individual ethnic groups of a huge country., trace the transformation and adaptation strategies of individual peoples, etc. The most complete study of museum items makes it possible to expand the source base of ethnocultural and ethnohistorical research.

Keywords: museum documentation, ethnographic source, method of work, researcher's independent work.

Красавина Маргарита Васильевна

младший научный сотрудник

Институт археологии и этнографии СО РАН

e-mail: marg-moskvina@yandex.ru

Krasavina Margarita Vasilevna

Junior research assistant

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

e-mail: marg-moskvina@yandex.ru

УДК 391.7

Серьги казахов и якутов XV–XVIII вв.*

З.Р. Каримбаева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

Декоративно-прикладное искусство – это одна из форм эстетического преобразования мира и художественного самовыражения народа. Важнейшим видом декоративно-прикладного искусства являются ювелирные промыслы. Традиционно украшения выполняли знаковые, магические, ритуальные и др. функции. Со временем господствующей становилась их декоративная ценность. На примере культуры тюркских народов Евразии – казахов и якутов – мы можем увидеть, как менялся один из видов традиционных украшений – серьги.

Ювелирное искусство казахов формировалось на основе традиций, восходящих к культуре скотоводческих племен бронзового века. В VIII–III вв. до н.э. территория Казахстана стала центром сакской культуры. Яркими образцами ювелирного искусства той эпохи являются серьги. Они представлены кольцевыми и восьмеркообразными типами, найденными в курганах [Бейсенов, 2014, с. 122].

В эпоху гуннов (II–V вв.) на смену сакскому звериному стилю приходит искусство «полихромного стиля». Характерной для серег становится инкрустация цветными камнями, напаивание на поверхность золотых шариков (зернение). Эти техники сохранили свое значение до этнографической современности.

В эпоху древних тюрков серьги стали традиционным атрибутом мужчин, которые носили их в основном в одном ухе. Серьги были символом тюркской элиты и служили в качестве одного из этнокультурных маркеров [Досымбаева, 2013, с. 12]. Традиция ношения серьги у мужчин казахского народа сохранилась до начала XX в.

В IX–XII вв. начинается новый этап в истории Казахстана, связанный с распространением ислама и мусульманской культуры. В искусстве появляются новые символы: полумесяцы, звезды, пятиугольники и др. [Кайырханова, 2017, с. 24].

На рубеже XV–XVI вв. завершился процесс формирования казахского народа. В это время расцветает казахское ювелирное искусство. Казахские мастера – «зергеры» – в совершенстве владели сложными техниками ювелирного дела: штамповкой, гравировкой, чеканкой, зернением, сканью, насечкой, чернением. В качестве материала использовали золото и гораздо чаще серебро, которое обладало очистительным, оберегающим и магическим свойством [Артыкбаев, Прманов, 2013, с. 136].

Виды традиционных казахских серег: ай сырга – это серьги в виде луны; тумарша сырга – серьги-амулеты в форме треугольника; салпыншақты сырга – серьги с подвесками; козалы сырга – серьги

*ИРН BR 20280993 Казахстан в древности и Средневековье: систематизация и анализ археологических источников.

с подвесками, похожими на хлопок; каралы сыр-га – серьги с чернением; иыкты сыр-га – серьги, которые доставали до плеч; конырау сыр-га – серьги в виде колокольчиков; кумбезді сыр-га – серьги в форме купола; сояу сыр-га – остроконечные серьги.

В казахской традиции девушке в 4 года прокалывали уши и надевали шелковую нить, когда ей исполнилось 6 или 7 лет надевали скромные серебряные серьги. В 12 лет надевали серьги с драгоценными камнями и богатым декором, поскольку они являлись знаками взросления. К тому же серьги были оберегом – их носили, чтобы уши ничего плохого не слышали. С охранительной целью серьги носили мальчики, которые были наследниками и продолжателями рода – до пяти лет или всю жизнь носили серьгу, которая охраняла от дурных глаз или внезапной смерти.

Женщины никогда не снимали серег, убирали их только во время родов и в период траура. Даже на смертном одре с покойницы не снимали серьги. Было такое суеверие, что без сережек в уши может заползти змея [Кайырханова, 2017, с. 25].

Ранние упоминания о якутских серьгах относятся к первой половине XVIII в. Например, в работах Я.И. Линденау упоминались большие серьги в виде колец из серебра или желтой меди со стеклянными бусами. По ранним описаниям, а также по археологическим данным, у якутов в то время были популярны проволочные серьги, согнутые кольцом. В литературе эти серьги получили название «серьги в виде знака вопроса». Они считались у якутов наиболее ранними (типичными для Средних веков). Этот тип серег был популярен у всех тюрко-монгольских народов. В ходе миграций кочевников мода на серьги в виде вопроса получила распространение [Саввинов, 2001, с. 34].

Образец ранних серег (XIV–XV вв.) в виде знака вопроса был найден на поселении Уганья в 1983 г. в ходе археолого-этнологической экспедиции Якутского государственного университета. Серьга была свернута в виде знака вопроса из бронзовой проволоки, на которую было нанизано 15 небольших белых круглых бусинок, а посередине вставлена одна синяя [Гоголев, 1993, с. 20].

Исследователи начала XIX в. отмечали, что якутские женщины носят одновременно несколько серег: от одной до четырех в ухе. Для каждой сережки проделаны отдельные отверстия. Это традиция сохранилась до середины XIX в. Количество серег в могильниках различно. Встречаются погребения как с четным, так и нечетным количеством таких украшений [Саввинов, 2001, с. 75].

В труде К.М. Яковлевой и А.Н. Прокопьевой «Архаика: украшения якутов XIV–XVIII вв.» вы-

делены типы и подтипы серег в виде знака вопроса. По количеству подвесок выделены три типа. Первый разделяется на три подтипа, второй – на два подтипа. Отдельно выделен третий тип, который авторы считают переходным [Яковлева, Прокопьева, 2020, с. 43].

Первый тип, 1 подтип (серьги с круглыми и плоскими бусинами) представляет собой медную и серебряную проволоку, один конец которой выполнен в виде кольца и вдевается в мочку уха, а второй отогнут вниз, напоминая знак вопроса, на который нанизано несколько бусин.

Ко второму подтипу относятся кольцевые серьги с металлическими вставками. Они часто встречаются в погребениях XVIII в. Это серьги с чередующимися тремя белыми пастовыми круглыми бусинами и тремя металлическими низками.

К третьему подтипу можно отнести серьгу, на основу которой нанизаны металлические полые, конусообразные подвески.

Второй тип – бусинные серьги с подвеской. Данное украшение отличается от первого типа тем, что здесь присутствует дополнительная подвеска, чаще всего монета или медная бляха. В данном случае форма подвески является критерием для выделения подтипов. К первому подтипу отнесены серьги с подвесками в виде жетонов и монеток. Второй подтип отличается от первого формой подвески – в виде наперстка.

Третий тип серег исследователи относят к переходному типу. По исследованиям А.И. Саввинова, третий тип сохранил лишь форму в виде знака вопроса, но стержень, на который подвешивают подвески в форме трапеции, достаточно короткий, отсутствуют бусины.

В середине XIX в. наблюдается вытеснение древних серег в виде знака вопроса. Их заменяют разнообразные серьги с подвесками лировидной, подковообразной, треугольной и др. формы.

В заключение можно сказать, что на основе анализа декора, способа ношения и символики серег можно проследить связь казахского и якутского ювелирного искусства, которые, вероятно, имели общие истоки в искусстве ранних кочевников (I тыс. до н.э.) и в культурах эпохи «великого переселения народов».

*Научный руководитель – М.К. Хабдулина
канд. ист. наук, доцент,
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева*

Список литературы

Артыкбаев Ж.О., Прманов А.Б. История Казахстана. Алматы: Atamūra, 2013. 200 с.

Бейсенов А.З. Серьги сакской эпохи // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2014. № 6 (32). С. 121–128.

Гоголев А.И. Якуты: проблемы и формирование культуры. Якутск: Якут. гос. ун-т, 1993. 204 с.

Досымбаева А.М. Характерные особенности развития этнической культуры западных тюркских племен // Западный Тюркский Каганат. Атлас. Астана: ServicePress, 2013. 38 с.

Кайырханова Ф.К. Историко-культурное наследие Казахстана: взаимодействие традиций и инноваций //

Наука, образование и культура. 2017. Т. 1, № 5 (20). С. 24–25.

Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов XIX – начала XX века: историко-этнографическое исследование. Новосибирск: Наука, 2001. 170 с.

Яковлева К.М., Прокопьева А.Н. Архаика: украшения якутов XIV–XVIII вв.: монография. Якутск: Сев.-Вост. фед. ун-т, 2020. 80 с.

Earrings of Kazakhs and Yakuts XV–XVIII Centuries

Z.R. Karimbayeva

The article uses the example of Kazakhs and Yakuts to tell the story of ear jewelry – earrings of the XV – XVIII centuries. We can see the similarities and differences between the nomadic peoples of Central Asia and Siberia.

Keywords: earrings, Kazakhs, Yakuts, Middle Ages.

Каримбаева Зулхумар Расулжанкызы

магистрант 1-го года обучения

Северо-Восточный федеральный университет

им. М.К. Аммосова

e-mail: z_karimbayeva@mail.ru

Karimbayeva Zulkhumar Rasulzhankyzy

1st year master's degree student

Northeastern Federal University

named after M.K. Ammosov

e-mail: z_karimbayeva@mail.ru

УДК 391.984

Алексей Кагай-Оол – продолжатель традиций камнерезного искусства Тувы

А.Б. Кыргыз, А.А. Балган

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

В 2023 г. отметил 65-летний юбилей один из известнейших мастеров Тувы – Алексей Салчакович Кагай-Оол – представитель среднего поколения камнерезов. Он родился в знаменитом селе ремесленников Кызыл-Даг в Бай-Тайге. Его формирование как мастера пришлось на 1970-е гг., когда такие мастера как Х.К. Дойбухаа, Р.А. Аракчаа, К.Т. Хунан, К.М. Саая и многие другие стали заслуженными художниками и лауреатами Государственной премии РСФСР.

С детства А.С. Кагай-Оол любил рисовать, наблюдать за природой, разглядывать древние курганы и наскальные изображения, которыми изобиловали окрестности села. После пятого класса начал заниматься в камнерезном кружке у Х.К. Дойбухаа, выдающегося камнереза Тувы. После переезда семьи в с. Тээли Алеша занимался резьбой по камню самостоятельно и после окончания школы поступил в Кызылское училище искусств, где встретился с Р.А. Аракчаа, первой женщиной-камнерезом Тувы. Она оказала сильное влияние на становление молодого камнереза, став для него учителем, раскрывшим кра-

соту агальматолита, наставником, вдохновителем. С тех пор начинающий мастер начал много резать; участвовал в выставках. Его работы закупались в музеи России, участвовали в выставках и конкурсах.

Первой выставкой за пределами Тувы, в которой А.С. Кагай-Оол принял участие, стала Всероссийская выставка «По родной стране». В ее каталог вошла небольшая по размерам статичная фигура яка. После окончания училища Алексей поступил работать художником-оформителем в Художественно-производственные мастерские Союза художников Тувы, где научился навыкам резьбы по дереву. Именно во время работы в мастерских он открыл для себя новые технические и художественные возможности, создал яркие творческие работы. От резьбы одиночных фигур постепенно перешел к композициям. Выработал свои приемы работы с камнем.

Как и все мастера-камнерезы, А.С. Кагай-Оол каждый год собирает камень в Бай-Тайге, привозит по 2-3 мешка камня для себя и учеников. По признанию мастера, рождение образов происходит еще при сборе камней, в которых «высвечиваются»

не только фигура животного в целом, но и повороты тела, движения головы. Своим ученикам мастер советует тщательно изучить заготовки, чтобы понимать камни – «иначе образ не выйдет». Иногда камень может не подчиниться мастеру. Потом начинается техническая работа: распиловка, грубая обработка теслом, резьба деталей резакон.

В творчестве А.С. Кагай-Оола главные темы: анималистическая (дикие и домашние животные – горные козлы, яки, верблюды, олени, львы, медведи) и этнографическая (традиционные предметы, украшенные национальным орнаментом, – сосуды «когээржик», корытца, чашки). Благодаря особой наблюдательности и прекрасному знанию природы в миниатюрной скульптуре мастер передает сложную жизнь природы, ее совершенство. Произведения мастера, сложные по характеру исполнения, отличаются предельной выразительностью, уравновешенностью ритмов и форм, богатством и утонченностью декора, безупречным чувством материала.

Вот уже 15 лет А.С. Кагай-Оол обучает детей в Республиканском Центре развития дополнительного образования. Специальных учебников по камнерезному искусству не существует, поэтому мастер учит ребят на личном примере, передает им свою технику. А ученикам дается воля мысли и фантазии. И такой принцип обучения существовал всегда. Мастерство камнереза передавалось из поколения в поколение – от отца к сыну, от старшего брата к младшему, от дяди к племяннику. Многие ученики А.С. Кагай-Оола пошли по его стопам – шестеро стали членами Союза художников Тувы, поистине народными мастерами. «Многое зависит от таланта-чаяалга, – говорит мастер, – ребенок насильно не может усвоить резьбу. С талантом рождаются. Талант не привить повторением, даже многократным. Это тот самый случай, когда для изображения полного разворота головы того же ко-

зерога просто-напросто механически вырезают голову, смотрящую в противоположную сторону, как будто подставленную на туловище... Но даже если ученик не продолжает художественное обучение, не становится мастером, он все равно всю жизнь занимается творчеством. Один мой ученик, хирург по специальности, продолжает вырезать из камня, у него прекрасно получаются дикие кабаны. Часто даю ему камни. Недавно он вырезал шахматы из агальматолита. И все же многие ученики выбирают творческий путь, это дает надежду на то, что тувинское камнерезное искусство не исчезнет...».

В домашних запасниках А.С. Кагай-Оола нет ни одной работы. Все созданное мастером находит своих покупателей. Изготовлением сувениров он не занимается, все созданное им – это высокохудожественные произведения искусства. За творческую деятельность и наставничество мастер награжден почетными званиями и удостоен высоких наград. Он Заслуженный художник России, член Союза художников России, обладатель юбилейной медали «850-летие Москвы», благодарственных писем от сенатора России Д.И. Оюн, Главы Республики Тыва В.Т. Ховалыг, дипломов за победы на выставках и конкурсах самых разных уровней – от городского до международного. Среди достижений последних лет – Дипломы «За Лучшую работу года» (2019, 2021 гг.) от Союза художников Тувы. К своей славе А.С. Кагай-Оол относится спокойно, каждый раз говорит, что в Туве много умельцев. У него есть мечта: защитить тувинское камнерезное искусство в ЮНЕСКО как культурное наследие тувинского народа. Он считает, что самая главная работа сейчас – сохранение памяти, культуры, истории народа.

*Научный руководитель – И.В. Октябрьская
д-р ист. наук, вед. науч. сотр.,
Институт археологии и этнографии СО РАН*

Alexey Kagay-ool Is a Follower of the Traditions of Stone-Cutting Art of Tuva

A.B. Kyrgyz, A.A. Balgan

Tuvan stone-cutting art is one of the hallmarks of modern Tuvan culture. One of the best masters is Alexey Kagay-ool. His teachers were outstanding stonecutters of the X . Doibukhaa, R. Arakchaa. The master creates animalistic images and household items from agalmatolite. The works of A. Kagay-ool adorn the collections of Russian and foreign museums. The master trains the younger generation of stonecutters. The creativity of A.Salchak is one of the treasures of Tuva folk art.

Keywords: stone-cutting art, agalmatolite, small sculpture, animalistic genre, mentoring.

Кыргыз Ай-Бес Май-Ооловна

магистрант 1-го года обучения

Тувинский государственный университет

Балган Айлана Арыш-Ооловна

магистрант 1-го года обучения

Алтайский государственный университет

e-mail: a.balgan@mail.ru

Kyrgyz Ai-Bes Mai-Oolovna

1st year master's degree student

Tuva State University

Balgan Ilana Arish-Oolovna

1st year master's degree student

Altai State University

e-mail: a.balgan@mail.ru

Сюжетная линия в бурятских сказках

М.С. Лактионова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

В бурятских сказках (*улигерах*) наряду с волшебными сюжетами рисуются вполне реальные события, которые могли произойти в повседневной жизни. Бурятские сказители (*улигершиины*) в своих многочисленных произведениях отобразили всю многогранность материальной и духовной жизни народа.

С первых слов сказки «Давным-давно» (в пер. с бур. *Урайниинь эсэгын*) читатель постепенно погружается в волшебное пространство [Дугаров, 2005, с. 10]. Далее в повествование вводится семья, которая живет счастливо. Но вот случается маленькая оказия, которая стремится разрушить обычный ход их жизни.

Зачастую события начинаются с пути, в котором раскрываются качества героя, например, со случайной встречи с мудрецом, переодевшимся в нищего, с простой жажды у главного героя «поглядеть на мир, да себя показать», но самый знаменитый мотив – поездка богатыря за суженой.

Женщина занимает особое место в бурятских сказках, так как испокон веков является хранительницей домашнего очага и народной мудрости. Также женский образ стоит у истоков таких бурятских родов, как *Хори*, *Хонгоодор* и *Шошоолок*. Во многих бурятских сказках героиня имеет небесное происхождение и мистическую силу [Пропп, 2000, с. 102].

Много персонажей пересекает путь главного героя. Но существует персонаж, который на протяжении всей истории находится рядом и делит с ним все невзгоды – это его волшебный конь. В быту бурят конь являлся главным помощником кочевника, поэтому он считается даром богов. В веровании народа существует божество, покровитель лошадей – *Уха Солбон* (в пер. с бур. каурый *Солбон*). По бурятской легенде, *Солбон* – небесный пастух стада *Эсэге Малан-тенгри*, одного из верховных божеств.

Зачастую волшебные истории начинают указывать на кульминацию задолго до начала самой кульминации. К примеру, удаление от родного дома уже является бедой. Даже то, что главный герой – «нелюбимый ребенок в семье», предвещает какое-либо несчастье. Для того чтобы преодолеть данные обстоятельства, в сказке герой получает «волшебное средство», которое в будущем поможет ему в нелегком деле. Способов доставить ма-

гический предмет достаточно, излюбленный прием сказочников – ввод нового персонажа.

В работе «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп называет этого персонажа даритель [Пропп, 2000, с. 35]. Фольклорист говорит о том, что ни в коем случае нельзя под «дарителем» понимать определенного «устоявшегося в народе» персонажа. Попробуем дать определение «дарителю», исходя из вышесказанного утверждения: даритель – категория персонажей, взаимодействующих с главным героем для снабжения в дельнейший путь и передачи некоей важной информации.

В бурятском фольклоре «дарителями» часто выступают животные. Не будем забывать и о древней религии бурят – шаманизме, в котором существуют «священные животные» – прародители древнейших бурятских племен: *Хори*, *Хонгодор* – лебедь, *Эхирит* – налим, *Булагат* – бык. Животные занимали важное место в быту, религии и культуре народа. Именно поэтому бурятский фольклор сделал их помощниками главного героя. Персонажи мира животных в сказках выполняют функции советчика, дарителя. Чаще всего это животные, спасенные героем от смерти [Небесная дева..., 1992, с. 74].

Особое место в ряду «дарителей» занимает образ матери. Когда сын становится взрослым, роль матери в его судьбе иногда приобретает особую значимость в сказочном сюжете.

Божества и духи также часто встречаются в сказках как «дарители». Благодаря своим сверхъестественным силам они помогают преодолеть злые чары, снять проклятье. Более распространенный мотив связан с их драгоценностями. Во многих верованиях небожители представляются богатыми, поэтому их главным даром являются золото, украшения, шелк и др.

Помимо главного героя и его спутников в волшебном мире находятся злодеи. Стоит признать, что без злодея не было бы и самой истории, так как именно победа над антагонистом является кульминацией всей сказки. В случае достижения героем своей заветной цели без какого-либо сопротивления, борьбы, без преодоления самого себя история была бы бессмысленной, а читатель не получил бы того самого наслаждения, которое появляется только после сопереживания герою, проживания с ним трудных моментов.

Практически во всех волшебных историях главный герой пытается завоевать, спасти или добиться сердца девушки. В общепринятых представлениях невеста – кроткая, смиренная, обязательно прекрасная девушка. С одной стороны, такой образ действительно, существует и часто используется сказочниками, с другой стороны, желанная девушка оказывается коварным, мстительным и жестоким персонажем, готовым убить и обмануть своего жениха, у главного героя возникает новая задача – укротить невесту.

Женские демонические персонажи представляют особый интерес для фольклористов. Их анализ позволяет выявить наиболее древние пласты ценностей традиционной культуры бурят. В отрицательных женских образах проявляется нерасчетливость мышления древнего человека, в котором переплетаются представления о стихийных силах природы, о свойствах людей и животных [Дугаров, 2005, с. 94].

В шаманизме женщина является посредником между потусторонним миром и миром живых, ей доверяли изготовление шаманских атрибутов или предметов для похоронных обрядов. При подготовке погребального ритуала шили специальным способом (стежком назад и наизнанку) небольшой мешочек, куда клали вещи покойного (трубку, расческу, очки, несколько монет и пр.).

В данной работе мы рассмотрели сюжетную линию в волшебных сказках бурятского фольклора, затронув основные аспекты повествования. Эти составные части композиции одинаковы для большинства сюжетов. Последовательно вытекая друг из друга, они составляют единое целое.

Рассматривая сказку как целое, можно сделать вывод, что многие из сказочных мотивов восходят к социальным институтам, среди которых особое место занимает семья. Также большую роль игра-

ет представление народа о загробном, потустороннем мире. С помощью данных циклов на свет появилось множество сказочных мотивов. Другим циклом, соотносящимся со сказкой, является представление людей о смерти. Отсюда вытекают истории о воскрешении, чудесном рождении, об отправке в иной мир за каким-либо магическим атрибутом.

Выделим также «профанацию» священных сюжетов, переход от духовных смыслов к «приземленным». Фольклористы часто называют эту стадию «зарождением сказки», но найти границу перехода практически невозможно. В вышеупомянутой работе В.Я. Проппа говорится о том, что магическая составляющая сказки сохраняется и по сей день, но лишь в художественной форме [Пропп, 2000, с. 306].

Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что в бурятском фольклоре волшебные сказки тесно переплетены с мифами и легендами, так как сказки неразрывно связаны с верованием народа. В сюжете часто можно встретить духов, добрых или злых богов, в которых народ действительно верит.

Научный руководитель – Э.А. Неманова
канд. ист. наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры

Список литературы

Дугаров Б.С. Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2005. 295 с.

Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / сост. И.Е. Тугутова и А.И. Тугутова. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.

Пропп В.Я. Русская сказка: собрание трудов В.Я. Проппа. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.

The Storyline in Buryat Fairy Tales

M.S. Laktionova

Buryat storytellers – *uligershins*, in their numerous works reflected the full versatility of the material and spiritual life of the people. Considering the structure of fairy tale, four main blocks can be distinguished: the beginning, the climax, the denouement, the outcome. The main characters of fairy tales are often destitute orphans, innocently persecuted boys and girls who restore justice, confront the monsters – *Sholmos*, *mangadkhai* and wealthy people – *khans*, *Noyons*. The main characters of fairy tales often defeat opponents thanks to their resourcefulness, ingenuity and daring. The real heroes of the fairy tale, who are usually hiding under the mask of unsightly are revealed only alongside with plot outcome.

Keywords: culture, Buryats, traditional culture, fairy tales, myths, legends.

Лактионова Маргарита Сергеевна

студент 4-го курса

Восточно-Сибирский государственный институт культуры

e-mail: Laktionovarita@mail.ru

Laktionova Margarita Sergeevna

4th year student

East Siberian State Institute of Culture

e-mail: Laktionovarita@mail.ru

Арт-объекты в историко-культурных ландшафтах Центральной Азии

Т.А. Макенов

Казахская национальная академия искусств им.Темирбека Жургенова, Алматы, Казахстан

С приходом нового миллениума общественность стала гораздо глубже погружаться в экологические проблемы мирового масштаба. Сегодня окружающая среда неразрывна с антропологической деятельностью. Экологические проблемы заняли значимые позиции в области искусства. Все чаще авторы во всем мире используют в своих произведениях экологический подтекст, стараясь привлечь к нему как можно больше людей.

Формируются новые поджанры искусства, направленные исключительно на экологическую проблему. Благодаря этому, существенно стираются границы между природными средствами и художественной концепцией. В этом контексте особый интерес представляет такое направление как «энвайронмент» («средовое искусство»), концепция которого заключается в интеграции художественных объектов в природное пространство.

В качестве самостоятельного жанра энвайронмент сформировался в 1970-х гг. В отличие от энвайронмента эко-арт представляет собой более узкую область.

Анализ доступных материалов из области современного искусства, связанного с проблемами экологии, дает возможность утверждать, что довольно часто арт-объекты, инсталляции, программы носят протестный характер. Таким образом, общественность не только принимает во внимание всю важность экологической проблемы, но и постепенно формирует негативное отношение к человеческой деятельности, влекущей за собой загрязнение окружающей среды.

На сегодняшний день на территории Центральной Азии проблема деструктивного воздействия промышленности на окружающую среду стоит особенно остро. Специалисты оценивают положение местной экологии как критическое. На данный момент под угрозой находятся регионы Тянь-Шаня, Прикаспия, Аральский бассейн, Семипалатинский ядерный полигон, космодром Байконур, Иртыш и так далее.

В 2017 г. в Кыргызстане был проведен фестиваль международного масштаба «Арт-проспект», где представлялись объекты уличного искусства. С помощью своих работ авторы пытались модифицировать традиционные ландшафты и общественные территории.

В казахской столице в 2019 г. был представлен публике арт-объект «Четыре тонны песка». Он стал элементом проекта министерства экологии Казахстана по привлечению внимания к экологической

катастрофе и проблеме сбережения саксаула. Действует программа, приуроченная к миссии ООН.

В 2020 г. на территории Казахстана был представлен проект Stop Musor, направленный на формирование у населения навыков распределения отходов. Его результатом стал арт-объект из полиэтиленовых пакетов.

Экологическим проблемам макрорегиона был посвящен фестиваль современного искусства «48 часов Ташкент, RestArt», который в 2021 г. проходил на территории Узбекистана в этническом парке «НАВРУЗ». Основная концепция данного фестиваля заключалась в том, чтобы привлечь внимание местного населения к локальным и более масштабным экологическим проблемам через произведения современных художников и скульпторов.

Наиболее серьезную угрозу для таких государств, как Узбекистан, Казахстан и др. регионы Центральной Азии, представляет постепенное сокращение территории Аральского бассейна. На побережье усыхающего моря присутствует производство энвайронментального искусства, называемое «Маяк Муйнака». Со временем его планируется перекалфицировать в туристический центр.

В Каспийском море также наблюдается водный дефицит, который только увеличивается с годами. В бакинском поселке Мардакян размещается арт-объект «Морские качели». Ещё несколько лет назад художественная работа красовалась под каспийскими водами, однако в 2020 г. количество воды настолько уменьшилось, что качели вышли на поверхность. Подобные явления вызывают огромное волнение среди экологических активистов.

Анализ современных арт-объектов, направленный энвайронмента, эко-арта и т.д. в странах Центральной Азии позволяет сделать вывод о том, что эти формы имеют большое значение для привлечения общественного внимания к проблемам экологии. При этом рефлексия по поводу среды обитания обнаруживает точки пересечения эко- и этно-арта. Культура и природа формируют пространство, окружающее человека. Гармония этнических традиций и культурно-исторических ландшафтов определяет одно из важных направлений в средовом искусстве Центральной Азии.

*Научный руководитель – Г.Ш. Файзуллина
канд. ист. наук, зав. кафедрой «Туризм и сервис»,
Университет «Туран»*

This article discusses the use of art objects as tools to protect the environment in Central Asia. The article analyzes works of art that represent methods of attracting public attention to environmental problems existing in Central Asia.

Keywords: Central Asia, art object, eco-art, installation, Aral Sea, ecological art.

Макенов Талгат Асылханович

магистрант 1-го года обучения

Казахская национальная академия искусств

им. Темирбека Жургенова

e-mail: talgatmakenov@bk.ru

Makenov Talgat Asylkhanovich

1st year master's student

Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts

e-mail: talgatmakenov@bk.ru

УДК 572.9+18.71

Образ женщины в якутском искусстве

Н.И. Необутова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

В работе раскрывается образ женщин в эпосе, в литературе и изобразительном искусстве Якутии XX в. Анализ трансформации образа женщины опирается на материалы якутского фольклора, на труды якутских писателей и художников.

Известно, что духовно-предметный мир традиционного искусства развивается в контексте народной мифологии. В связи с этим создаются характерные культурные коды, символы, помогающие реализовать образ женщины.

Сейчас в Республике Саха (Якутия) народ стремится сохранить материальное и духовное культурное наследие. Главными носителями традиционной культуры были и остаются олонхосуты. Олонхо – древнее эпическое сказание якутов. В 2005 г. якутский эпос был признан ЮНЕСКО шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества. В эпическом искусстве раскрываются мифологические представления народа о Вселенной и природе. Обольшое место в якутских героических эпосах занимают истории о женщинах.

В Олонхо «*Кылааннаах Кыыс Бубатыыр*», «*Ньургун Боотур Стремительный*», «*Эр-Соботох*» и др. произведениях встречаются образы красавиц Срединного мира (жена, невеста, сестра существенных героев). Каждая описывается как женщина с белоснежной кожей, у которой сквозь одежду будут просвечивать кости тела, за ней не будет видна ее тень, не останется следов на рыхлом снегу, и, когда она начнет шить, не останется следов ножиц и стежков. Постоянным элементом имени героини Олонхо является слово *Куо*. В эпосах других тюркских народов слово *Куо* означает красоту. Ради них совершают подвиги, герои сражаются с чудовищами (*абааһы*) Нижнего мира.

Ко второй категории относятся могучие женщины-богатырки, *девушки-Айыы*, *девушки-удабан* (шаманки), старушка *Симэхсин*. Они отличаются силой, умом и сообразительностью, которые помогают главным героям решать сложные задачи. В отличие от первых вторые персонажи являются жителями Верхнего мира и активно участвуют в событиях Олонхо, так как способны управлять основными действиями посредством магии и дара перевоплощения и пророчества, помогают членам семьи главных героев в трудные времена [Павлова, Яковлева, 2022, с. 41]. Женщины-богатырши в эпосе превосходят героев-мужчин телосложением и ростом.

В мифологии якутов известны божественные женщины *Айыы* – это прослеживается в Олонхо. Они участвуют в сотворении человечества и животного мира. К ним можно отнести: высшее божество *Күн Күбэй Хотун* жена *Үрүҥ Айыы Тойона*, т.е. солнечная доброжелательная госпожа; *Эйэн Иэйи-эхсит Хаан Айыыһыт*, покровительница человека, обеспечивающая безопасность на протяжении всей жизни; *Ньэлбэн Айыыһыт* способствовала возбуждению страсти у женщин и т.п.

Женские божества *Айыы* играют важную роль в судьбах людей, поскольку мы обращаемся к духам земли как к божественному началу. Прообразом вечно живущей растительности является священное дерево *Аал-Луук Мас*, почтенной духоматерью Земли Олонхо, соединяющей три уровня мира [Уткин, 1994, с. 4–7].

Женщину в художественной литературе рассматривает А.Е. Кулаковский в труде «*Саха дьахталларыҥ мэтириэттэрэ*». Образы женщин в художественной литературе можно разделить на

такие типы, как сельская женщина (А.Е. Кулаковский), красивая девушка как творение природы (П.А. Ойуунский, К. Уурастыыраб, С. Данилов, А.Е. Кулаковский), образ матери (А.И. Софронов), образ женщины в родовых патриархальных традициях или образ бесправной рабыни (Н.Д. Неустров, Эрилик Эристиин), образ разумной женщины с якутским национальным характером (Д.К. Сивцев – Суорун Омоллоон, Т. Сметанин, Н. Туобулахова), образ настоящей якутской женщины-породительницы (Н. Якутский, А. Аччыгыя), образ романтической девушки (П. Тобуроков) [Уткин, 1994, с. 12–19].

В профессиональном изобразительном искусстве Якутии образы женщин интерпретируются по таким направлениям, как: образ женщины в эпосе Олонхо (П. Романов, Т. Степанов), образ матери (Н. Павлов, Н. Иннокентьев, А. Мунхалов), образ легендарных женщин-тружениц (А. Осипов, С. Прокопьев), образ романтической женщины (А. Мунхалов), женщина как представитель профессии (А. Собакин, Л. Слепцова, И. Максимова) [Уткин, 1994, с. 20–21]. Картина П. Романова «Витязь с невестой» подчеркивает украшения невесты, в которых прослеживаются черты самобытности.

Итак, образы женщин в произведениях искусства демонстрируют богатство духовной культуры и сложность социальных отношений народа саха. В эпосе женщины представлены как красавицы, героини-богатырши, небесные божества *Айыы*, до-

брые и злые *удаҕан* (шаманки), а также пожилые женщины. В художественной литературе Якутии женщины предстают в образах «бесправных рабынь» и сельских женщин, в образах матерей и разумных женщин с ярким национальным характером. В изобразительном искусстве якутов появляются новые образы, такие как легендарные женщины-труженицы и женщина как представитель профессий.

На развитие образов женщин в искусстве влияет процесс модернизации общества, в ходе которого меняется социальный статус женщины, расширяются ее возможности, актуализируется творческий потенциал.

*Научный руководитель – А.И. Яковлев
канд. ист. наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова*

Список литературы

Павлова О.К., Яковлева С.К. Женские образы в якутском эпосе и эвенском нимкане // Вопросы национальных литератур. 2022. № 1. С. 38–45.

Романова Л.Н. «Портреты якутских женщин» А.Е. Кулаковского – первый поэтический цикл в якутской литературе // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 10-3 (52). С. 81–83. doi:10.18454/IRJ.2016.52.120.

Уткин К.Д. Культ женщины в якутских традициях. Якутск: Ситим, 1994. 31 с.

The Image of a Yakut Woman in Traditional Art

N.I. Neobutova

The article reveals the state of the art of the Sakha people from the point of view of the gender issue. The traditional image of the Yakut woman as a representative of society is preserved as a spiritual and material culture, influencing the formation of consciousness of future generations by broadcasting the image of a woman in art and fine arts. The local environment imposes its own requirements for the formation of the image of a woman on the example of the established culture. Thus, as a result of globalization, the ethno-cultural environment begins to transform both in a spiritual and material context, and in this regard, the processes of changing the images of women in historical memory begin. The influence of the transformation of the environment on the image of a person, in particular, on the formation of the historical memory of the Yakuts about a woman, is considered.

Keywords: yakut women; historical memory; rural woman; the image of the mother; epic art.

Необутова Ньургуйаана Ильинична

магистрант 1-го года обучения

Северо-Восточный федеральный университет

им. М.К. Аммосова

e-mail: nurguiaana1610@gmail.com

Neobutova Nurguiaana Ilinichna

1st year master's degree student

North-Eastern federal university

named M.K. Ammosov

e-mail: nurguiaana1610@gmail.com

Коллекция шпрухов Музея немецкой культуры в Неудачино

И.И. Панкрац

Музей немецкой культуры, МБОУ Неудачинская СОШ, с. Неудачино, Новосибирская область, Россия

В 1930-е гг. в границах современного Татарского р-на Новосибирской обл. из множества хуторов немцев-меннонитов, существовавших здесь с начала XX в., образовалось поселение Неудачино. Долгие десятилетия оставаясь моноэтническим, оно было островком немецкой культуры в полиэтническом пространстве региона.

Своеобразным воплощением духовных и художественных традиций немцев-меннонитов являлись шпрухи. Шпрух – это изначально краткое изречение из Библии с назидательным характером. Особой популярностью они пользовались в 1940–1960-е гг. Сельские жители оформляли самодельные шпрухи пейзажами, изображением цветов, птиц. Шпрухи в их домах служили не только украшением. Стихи из Библии напоминали о Боге и его защите. Религия играла важнейшую роль в жизни немцев-меннонитов.

В Доме-музее немецкой культуры А.Я. Штеффена в Неудачино хранится коллекция шпрухов Анны Гергардовны Нейфельд. Это несколько десятков образцов любительского (народного) художественного творчества – рисунки и тексты, выполненные акварельными красками на фанерных дощечках. Это была очень кропотливая работа.

А.Г. Нейфельд являлась очень творческим человеком. Главным ее занятием после выхода на пенсию стало рисование. Она любила дарить памятные подарки родственникам и односельчанам

в виде шпрухов на немецком языке. Для молодежи создавала альбомы; в них она рисовала картины, обязательной частью рукописи являлись стихи из Библии, написанные готическим шрифтом. Именно этот шрифт казался ей наиболее красивым; он требовал большого внимания. В культуре меннонитов с подчеркнутым вниманием относились к красоте сказанного и написанного слова и к каллиграфии, которой придавали священные смыслы.

Обычно иллюстрированные альбомы с изречениями дарили на дни рождения. По сложившейся традиции их создавали для солдат, вернувшихся из армии. Текстами для шпрухов в альбомах в основном служили ободряющие стихи из Библии. Они призывали уповать на Бога и даже в трудных жизненных ситуациях не изменять своей вере. В 1960-е гг. такие подарки были очень ценными для меннонитов, так как вера составляла самый важный аспект в их жизни.

С течением времени эта традиция утратила свою силу. В настоящее время шпрухи редко встречаются в интерьерах сельских немецких домов. Они в большом количестве украшают экспозицию музея в Неудачино.

*Научный руководитель – И.В. Октябрьская
д-р ист. наук, вед. науч. сотр., профессор,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет*

The Collection of Spruhs of the Museum of German Culture in Neuchino

I.I. Pankrats

The work is devoted to the artistic and spiritual traditions of the Mennonite Germans of the Novosibirsk region. The basis of the study is a collection of spruhs. Shpruch is a short saying from the Bible with an edifying character, which was accompanied by an image. The shprukhs were especially popular in the 1940s and 1960s. Religion played an important role in the life of the Mennonite Germans. Currently, traditional shprukhs have become a family heirloom.

Keywords: the artistic and spiritual traditions of the Mennonite Germans of the Novosibirsk region.

Панкрац Иван Иванович

директор Музея немецкой культуры,
учитель истории, МБОУ Неудачинская СОШ
e-mail: vania.pankrats2017@yandex.ru

Pankrats Ivan Ivanovich

Director of the Museum of German Culture,
history teacher
Neuchino Secondary School
e-mail: vania.pankrats2017@yandex.ru

Урало-сибирская роспись в XXI веке на примере бренда «Алтай Традиция»

В.С. Станиславских

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Урало-сибирская роспись, получившая широкое распространение в некоторых регионах нашей страны, в том числе на Алтае, была широко известна в конце XIX – начале XX столетия. В настоящее время большой интерес вызывают современные мастера и творческие объединения, работающие в стиле старинной народной росписи Алтая (алтайского варианта урало-сибирской росписи). В их числе местный бренд «Алтай Традиция», основанный жительницей г. Барнаула Анной Николаевной Поломошновой.

В данной статье представлен вариант существования урало-сибирской росписи в нынешних реалиях и перспективы ее дальнейшего развития на примере бренда «Алтай Традиция». Статья написана по материалам интервью с основательницей бренда А.Н. Поломошновой.

Становление бренда началось с 2016 г., когда был открыт магазин «Шишка Алтай» по продаже алтайских товаров, в том числе сувениров. Руководство магазина приняло решение сделать продукт, стилистически связанный с историей края. Так возникла идея рассказать людям (местным жителям и туристам) об истории и культуре русских на Алтае.

Фирменный стиль был найден после случайной встречи А.Н. Поломошновой с Еленой Юрьевной Леонтьевой – народным мастером Алтайского края, занимающейся реставрацией урало-сибирской домовой росписи и созданием авторских работ по ее мотивам. Так стала складываться команда творческих людей. После начала проекта к процессу подключились графические дизайнеры; был разработан фирменный стиль и придумано название бренда – «Алтай Традиция» (2017–2018 гг.). Бренд начал выпускать коллекции.

Первыми были авторские коллекции Е.Ю. Леонтьевой. Манера ее письма с опорой на традицию развивалась в рамках современной эстетики, основанной на минимализме.

В таком же ключе создавались и последующие коллекции. Концепцию фирменного стиля А.Н. Поломошнова сформулировала так: «Нужно было перевести все основные символы в графику, сохранить композиционный строй с последующей возможностью его изменения в соответствии с задачами предмета, сохранить колорит, но еще больше усложнить его, уйти в чистую геометрию,

чтобы не было двойного мазка, не было “псевдо”, не было имитации мазка мастера современными технологиями» (ПМА).

Согласно разработанному фирменному стилю, линейка продукции была существенно расширена. Прежде всего создавали и реализовывали сувенирную и подарочную продукцию. Привлекали новых специалистов: графических, предметных, текстильных дизайнеров. Так, через распространение продукции бренда решалась поставленная ранее задача популяризации народной культуры.

В то время, когда сувенирная и подарочная продукция, оформленная в стиле урало-сибирской росписи, начала пользоваться спросом у покупателей и побеждать на конкурсах разного уровня, команда бренда поставила перед собой новую, более сложную задачу – развивать бренд как домашний, другими словами, вернуть народную домовую роспись в современное прочтение в повседневность (ПМА).

Если в прошлые столетия урало-сибирская роспись органично и легко входила в дома по причине своей практической значимости как один из немногих вариантов внутренней отделки помещения и как популярный и востребованный по тем временам способ украшения интерьера, то сегодня команда бренда «Алтай Традиция» столкнулась с непростой ситуацией: необходимо так преподнести народный стиль, чтобы он оставался конкурентоспособным в современных реалиях, сохраняя при этом элементы аутентичности. Кроме того, если рассматривать современную интерпретацию крестьянской росписи как эволюцию старинной (именно такой подход к этому вопросу у владелицы бренда «Алтай Традиция»), то сегодня необходимо крайне грамотно и гармонично преодолеть разрыв в ее эволюции (с первой половины XX по начало XXI в. урало-сибирская роспись фактически не развивалась) и выйти на новый уровень так, будто этого разрыва и прерывания традиций вовсе не было. В настоящее время бренд продолжает решать эту проблему, адаптируя старинную роспись под современные реалии. Команда бренда продолжает экспериментировать, выпускает новые коллекции.

О продуктивности проделанной работы и о творческой составляющей деятельности компании «Алтай Традиция» свидетельствует также успешное

участие во всевозможных конкурсах и выставках. Самой яркой победой за последнее время является выход в финал III Всероссийского конкурса-биеннале предметного дизайна «Придумано и сделано в России». Одна из основных задач конкурса – выявление современных тенденций в области русского предметного дизайна и демонстрация его лучших образцов во Всероссийском музее декоративного искусства, который является организатором конкурса [Положение...].

Значимым для команды бренда также стал выставочный проект, подготовленный весной 2022 г. совместно с Алтайским государственным краеведческим музеем при поддержке Министерства культуры Алтайского края, в рамках Года культурного наследия народов России (см. *рисунок*). На выставке демонстрировалась связь традиции и актуальных тенденций в декоративно-прикладном искусстве и место этой связи в современном дизайне [Тренд...].

В ближайшем будущем А.Н. Поломошнова планирует продолжить развивать бренд как домашний, не прекращая при этом выпускать уже полюбившуюся покупателям продукцию, в т.ч. продукты питания, линейку шелковых платков, оформленных в стиле урало-сибирской росписи, авторскую роспись Елены Леонтьевой.

То, насколько это непростой процесс – создание и реализация продукции в народном стиле, – отражает статистика продаж «Алтай Традиция». По словам разработчиков, покупатели долго призывали к данному стилю, предпочитая более известные, например, хохлому. И в самом начале существования бренда, и сегодня большим спросом пользуется сувенирная продукция (и у туристов, и у местных жителей). Товарами для дома в стиле урало-сибирской росписи пока интересуется узкий круг лиц. Портрет покупателя такого товара сегодня – это женщина старше 35 лет, проживающая в частном доме (ПМА).

Такое положение дел, по мнению основательницы бренда, обусловлено, помимо прочих факторов, малоизвестностью урало-сибирской росписи для большинства людей, а также ее непопулярностью и архаичностью в их представлениях. Хотя, как считает А.Н. Поломошнова, домовая крестьянская роспись очень перспективна (ПМА). Она наглядна, проста, сдержанна и лаконична, из-за чего способна гармонично дополнить современные интерьеры, склонные к минимализму. Она близка и понятна русскому человеку по семантике и философии. Также А.Н. Поломошнова уверена, что данный вид росписи может претендовать на звание культурного бренда региона. Однако для ее становления необходимо прилагать больше усилий со стороны исследователей, мастеров и частных компаний, по-

добных бренду «Алтай Традиция», при поддержке в популяризации со стороны государства.

Таким образом, пример бренда «Алтай Традиция», большая часть продукции которого выполнена в стиле современной интерпретации урало-сибирской росписи, позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, «все новое – это хорошо забытое старое». Другими словами, мы рано или поздно обращаемся к опыту предыдущих поколений, адаптируя их знания под современные реалии. Нам близки и понятны старинные игры, песни, обряды, а также формы мотивов, композиции и цвета народной росписи – нужно только вспомнить и разглядеть.

Во-вторых, возвращение урало-сибирской росписи в жизнь современного человека возможно и даже перспективно. Опыт работы местного бренда показывает: для того, чтобы снова получить широкую народную популярность, урало-сибирская роспись, не отходя от своих основных канонов, должна претерпеть некоторые изменения с учетом нынешних реалий. Так она будет более близкой и понятной современному человеку. Эти изменения касаются как ее внешнего вида, так и области применения. Однако возрождение, к тому же с учетом трансформации, – это долгий процесс, требующий много усилий.

Еще один вывод: путем совмещения творчества и коммерции можно создавать уникальные предметы – практичные, современные, с опорой на традицию и опыт предыдущих поколений. Пример тому – бренд «Алтай Традиция».

*Научный руководитель – Т.К. Щеглова
д-р ист. наук, профессор,
Алтайский государственный педагогический
университет*

Источники

ПМА – полевые материалы автора. Интервью, проведенное в октябре 2022 г. в г. Барнауле (информант – А.Н. Поломошнова, основательница бренда «Алтай Традиция»).

Список литературы

О нас // Алтай Традиция. [Электронный ресурс]. URL: <https://altai-tradition.ru/about-us/> (дата обращения: 25.10.2022).

Положение о конкурсе 2022 // III Конкурс-биеннале предметного дизайна «Придумано и сделано в России». [Электронный ресурс]. URL: <https://contest.damuseum.ru/> (дата обращения: 25.10.2022).

Тренд на традицию // Официальный сайт Алтайского государственного краеведческого музея. [Электронный ресурс]. URL: <https://myagkm.ru/exhibitions#/tab/282018015-1> (дата обращения: 25.10.2022).

Выставка «Тренд на традицию».

Ural-Siberian Painting in the XXI Century on the Example of the Altai Tradition Brand

V.S. Stanislavskikh

The article presents a variant of the existence of the ancient folk painting of Altai in modern conditions on the example of the local brand "Altai Tradition". The article is based on an interview with the founder of the brand Anna Nikolaevna Polomoshnova.

Keywords: ural-siberian painting, XXI century, "Altai Tradition" brand, peasant house painting, modern interpretation, business and creativity.

Станиславских Виктория Сергеевна

аспирант 2-го года обучения

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: viktoria.stanislavskikh@yandex.ru

Stanislavskikh Victoria Sergeevna

2nd year graduate student

Altai State Pedagogical University

e-mail: viktoria.stanislavskikh@yandex.ru

УДК 394.3

Структурно-семантические особенности бурятского кругового танца ёхор

Б.Ю. Яманчинова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

Танцевальная культура бурят имеет обширную и богатую историю развития. Ее своеобразие обусловлено длительным взаимодействием с тюркской культурой. Древнейшим по своему происхождению является круговой танец *ёхор* – один из самых распространенных в традиционной культуре бурят.

Исследователи называют круговой национальный танец разными терминами: «ёхор», «хатар-ха», «яхар», «ёхорь», «хатар наадан», «еэхэр», но в настоящее время в качестве общенационального названия используют термин «ёхор», который, по мнению Д.С. Дугарова, пришел к нам от древних

уйгуров, и происхождение этого термина связано с древнетюркским *joqaru* («вверх»). Слово несет в себе похожий смысл со словом «ухэ» (в пер. с бур. «вверх» или «вознесись»).

Круговой танец рассматривают как форму коллективного камлания – как составную часть сложной и развитой обрядовой системы родоплеменных культов. Этнограф М.Н. Хангалов является одним из первых исследователей ёхора, присвоивший ему термин «хатарха» (в пер. с бурятского – *танцевать, прыгать*).

По мнению М.Н. Хангалова, традиционно зачинщиком ёхора выступал старик или старуха, начинать танец без них считалось большим грехом. Далее происходило формирование небольшого круга с несколькими активными людьми, которые

в свою очередь начинали зазывать народ вступить в танец.

Ёхорный напев – *аялга* – был основой всего танца. Это традиционное произведение, основанное на мелодии без сопровождения музыкальных инструментов. Ёхорный напев исполнял солист-запевала – *дууэхилэгшэ*. Нередко он виртуозно импровизировал, после чего эта тема повторяется хором.

К вопросу о терминологии можно добавить то, что в разных районах Бурятии названия национального танца были разные. Например, прибайкальские буряты называли его «наадан» (*игра*) или «хатар-наадан» (*танец-игра*), а песни, сопровождающие танец – «нааданай дуунууд» (*игровые песни*) или «хатар наадаанай дуунууд» (*танцевальные песни*).

На бурятском	Перевод на русский язык
Наранаа галтайда найгуулае	Пока огненное солнце высоко
Наһанаа залууда зугаалае	Пока молоды будем танцевать
Аярзооной, баярзооной	Очень счастлив народ
Аялгамнай лоо гээ ай до наш	Поет и напевает

Западные буряты термин «наадан» иногда заменяли другим названием – «еэхэр» («яхар») или делали составное название «ёхор наадан», «яхар наадан». Также у западных бурят существовало слово *шахал*, которое, в свою очередь, тоже было одним из названий танца. Термины сопровождающих песен были созданы по модели прибайкальских бурят, т.е. «ёхорой дуунууд» («ёхорные

песни»), или использовался идентичный термин «нааданай дуунууд». Самые ранние напевы западные буряты называли «ундэһэн нааданай дуунууд» («коренные игровые песни») или «уряни ёхор» («старинный ёхор»).

Например, у тункинских хонгодоров в тексте звучали следующие слова:

На бурятском	Перевод на русский язык
Тохир бохир хатарха	Танцуем сгибаясь и разгибаясь
Тохимой шэнээн шандааһан	Разомнем наши суставы
Тахья шэнгээр донгодохо	Будем петь подобно курице
Танай манай шадан лэ	И ваши и наши силы вложим
Еэхэр, еэхэр, еэхэр еэ	Наклоняйся, наклоняйся, наклоняйся

Здесь представляет интерес лексема *тохир бохир*, которая имеет структуру, абсолютно идентичную слову ёхор: она образована с помощью того же аффикса -р от образной глагольной основы *бохиш* – «горбиться, сгибаться» и *тохиш* – «изгибаться, искривляться». В этом случае можно утверждать, что слова тохир и бохир являются синонимом названия танца ёхор. Припевные слова *еэхэр еэ* являются повтором глагольной основы с образной семантикой в форме повелительно-желательного наклонения.

У восточных бурят было только два обозначения традиционного танца – «ёхор» и «нэрбелгэ»,

которые издавна имели ритуально-обрядовый характер. Танцы исполнялись старыми и молодыми людьми без различия пола и порядка; участники покачивались с боку на бок. Нэрбелгэ исполнялся на свадебных играх у ритуального костра туудэгшэ и был обязательной частью вечерних или ночных «игр у костра» («туудэгшын наадан»).

Сопровождавшие танцы песни так и назывались – «ёхорой дуунууд» и «нэрбелгэйн дуунууд». Различают два вида текстов *нэрбелгэ*: прогоlosные и хороводные. Одним из текстов, относящихся к жанру прогоlosных нэрбелгэ, является песня *наёлог*:

На бурятском	Перевод на русский язык
Хабарын болоходо ерээрээлши	Ты приехал весной
Хагадань байхадаа гассалингуи	Не дразни меня разлукой
Харанхы болоходо ерэнэшгуй	Не пришел ко мне во тьме(вечером)
Ханилхан шамтаяа гасаалингуи	Не дразни меня дружбой(любовью)

Содержание хороводных нэръялгэ чаще всего связано с мифологией и религией ранних кочев-

ников. Танец обычно начинался с песенного вступления:

На бурятском	Перевод на русский язык
Мур мурео тушэжэ	Встанем плечом к плечу
Мунгэн хоолой гаргая	Запоем голосами похожими на серебро
Гар гараа барижа	Возьмемся за руки
Ганса хоолой гаргая	Запоем в один голос

После такого вступления обычно начинался сам хоровод. Например:

На бурятском	Перевод на русский язык
Нэрье, нэрье, нэрьеэл бэри, һөө!	Греми, греми, ещё пуше греми, эй!
Айэ, һөө! Нэрье, нэрье, нэрье бэри!	Айэ, эй! Греми, греми, греми же пуше!
Нархан модоной орой дээхэнүүр,	Над вершинами леса соснового,
Наратал тэнгэрийн оёор доохонуур	Под дном неба солнечного.
Нэрье, нэрье, нэрьеэл бэри, һөө!	Греми, греми, ещё пуше греми, эй!
Айэ, һөө! Нэрье, нэрье, нэрье бэри!	Айэ, эй! Греми, греми, греми же пуше!

Подлинное значение текста уже давно утрачено, но явно видно заклинательное слово *нэрье*. Слово-сочетание «*тэнгэрийн оёор*» («дно неба») отражает древние представления бурят, для которых небо представлялось твердым сводом, имеющим крышу и дно.

Круговой танец также был частью посвящения в шаманы у прибайкальских бурят. После проведения основного обряда собравшийся народ предаётся игрищам, которые проводились три или девять вечеров подряд и носили название *ягшаа наадан*. Молодежь танцевала и пела, при этом считалось, что на торжество спускались духи и божества, и если плохо плясать, то им становилось скучно, и они уходили. Парни и девушки веселились до рассвета, затем допевали последние песни, а с заходом солнца веселье начиналось вновь.

В разных местностях танцевали ёхор почти одинаково, с едва заметными отличиями. При этом Д.С. Дугаров выделил несколько типов движений кругового танца: аларо-унгинский; эхирит-булагатский; идинский; тункинский; закаменский; байкало-кударинский; баргузинский; восточно-бурятский (заимствованный у западных бурят). Каждый из этих типов отличался манерой и стилем исполнения; в каждом выделялось по несколько вариаций.

При этом мотивы и содержания песен отличались. Круговой танец исполняли в юрте, в избе и на улице.

По мнению М.Н. Хангалова, национальный танец делится на 3 периода, каждый из которых отличался напевом и темпом.

1. Танцующие образуют круг и берут друг друга за опущенные вниз руки. Идут по кругу, обязательно медленно двигаются по ходу солнца и напевают протяжные песни и мотивы разного содержания.

2. Танцующие придвигаются плотнее друг к другу, приподнимают и приспускают поочередно руки, при этом наклонившись немного вперед: песня становится громкой и менее протяжной.

3. Танцующие прижимаются друг к другу достаточно плотно, руки согнуты в локтях под прямым углом и скачут вверх как один человек; песня становится ритмичной и отрывистой; танцуют так некоторое время по движению солнца; когда танцующие устают, они снова начинают двигаться медленно, поют песни, разные по содержанию.

Традиции ёхора сохраняются в Бурятии и поныне.

Научный руководитель – Э.А. Неманова
канд. ист. наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры

Список литературы

Дашиева Л.Д. Бурятский круговой танец ехор: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2007. 27 с.

Дашиева Л.Д. Раннефольклорные обрядовые жанры традиционной культуры хори-бурят // Монголо-

ведение (Монгол судлал). 2021. Т. 13, № 4. С. 704–712. doi:10.22162/2500-1523-2021-4-704-712

Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М., Наука, 1991. 300 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений в 3 т. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. Т. 1. 509 с.

Structural and Semantic Features of the Buryat Circular Dance *yokhor*

В.У. Yamanchinova

The article examines the origin of the name, the lexical meaning of the content of the texts, the structure and types of national dance. Many researchers, ethnographers and folklorists have been studying this dance, for example M.N. Khangalov and D.S. Dugarov. The dance culture of the Buryats has an extensive and developed history. Such diversity is associated with a long relationship with the Turkic culture of Siberia. An integral part of the traditional culture of the Buryats is the circular dance of the *yokhor*. This ancient ritual dance associated with the solar cult – the cult of the sun, has a special sacred meaning. That is why the direction of movement of the dancers is necessarily clockwise, i.e. coincides with the movement of the sun.

Keywords: dance culture, circle dance, Buryats, traditional culture, ritual dance, yokhor.

Яманчинова Баина Юрьевна

студент 4-го курса

Восточно-Сибирский государственный институт

культуры

e-mail: bainabatuieva@gmail.com

Yamanchinova Baina Yurevna

4th year student

East Siberian State Institute of Culture

e-mail: bainabatuieva@gmail.com

УДК 902/904

Образы фантастических животных в мужских и женских погребальных комплексах пазырыкской археологической культуры: сходства и различия

А.В. Бекетов

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Изучение образов фантастических животных в искусстве носителей пазырыкской культуры насчитывает уже не один десяток лет. В разное время осмыслением этого феномена занимался целый ряд исследователей: М.П. Грязнов [Грязнов, 1950, с. 72–85], С.И. Руденко [Руденко, 1953, с. 272–325], Н.В. Полосьмак [Полосьмак, 2001, с. 108–186], П.П. Азбелев [Азбелев, 2017, с. 51–60], Л.Л. Баркова [Баркова, 2014, с. 98–101], А.Н. Телегин, Н.Р. Дьяков [Телегин, Дьяков, 2017]. Однако, несмотря на длительное и пристальное внимание к данной проблематике, она не потеряла своей актуальности, в т.ч. в вопросах сходства и различия образов фантастических животных в мужских и женских погребениях. Первым опытом обращения к данной теме являются работы М.П. Грязнов, в которых он предпринял попытку интерпретации семантики образов фантастических животных [Грязнов, 1950, с. 72–85]. Позже А.Н. Телегин и Н.Р. Дьяков, рассматривая эти образы на татуированных изображениях, сделали попытку разделить их на «мужские», «женские» и «общие». В частности, они пришли к выводу, что образы фантастических травоядных характерны для татуировок обоих полов, в то время как образы фантастических хищников присутствуют только в композициях мужской татуировки [Телегин, Дьяков, 2017, с. 80–83].

Предметом нашего исследования стали образы фантастических животных в погребальном комплексе носителей пазырыкской культуры. Источниковую базу настоящего исследования составляют находки из курганных комплексов Пазырык [Руденко, 1953,

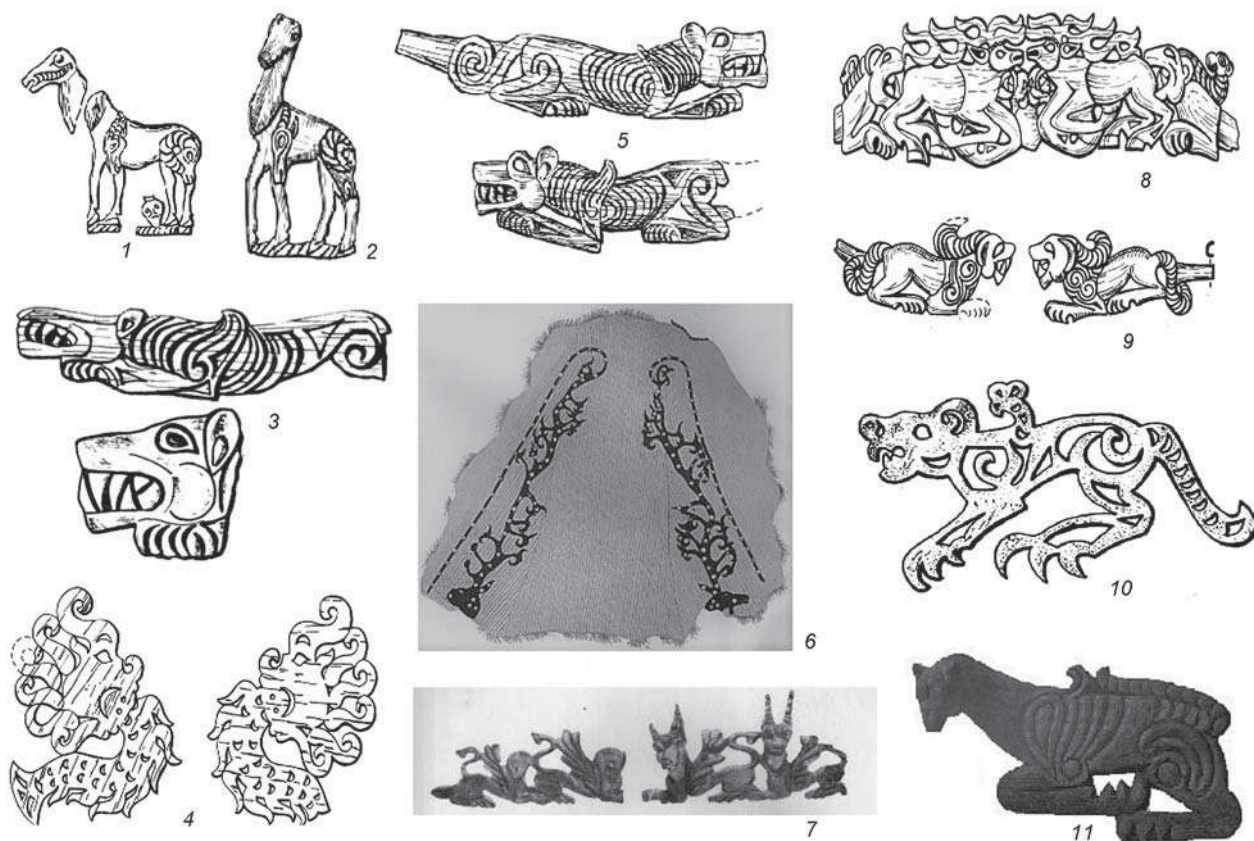
с. 104–145], Уландрык I–IV, Ташанта II [Кубарев, 1987, с. 203–299], Ак-Алаха III [Полосьмак, 2001, с. 108–186]. В общей сложности были проанализированы материалы из десяти погребений: четыре парных погребения мужчины и женщины (расположение находок в погребении позволяет определить принадлежность украшений одному из погребенных), три мужских погребения и три женских.

Корреляция образов фантастических животных с мужскими и женскими погребениями позволила установить:

- в мужских погребениях фантастические животные представлены как хищниками (см. *рисунок*, 3–5, 7–9), так и травоядными (см. *рисунок*, 1, 6);
- в женских погребениях фантастические животные представлены преимущественно травоядными (см. *рисунок*, 2) (исключение составляют два погребения из кург. 1 Ак-Алаха III и кург. 2 Ташанта II, в погребениях которых присутствуют образы фантастических хищников, характерные для мужских погребений (см. *рисунок*, 10, 11)).

Не исключено, что выявленная связь между образами фантастических животных и мужскими и женскими захоронениями маркирует родоплеменную принадлежность погребенных, их социальный статус и т.д. Данное предположение требует специального исследования, включая применение различных методических подходов.

*Научный руководитель – А.Н. Телегин
ст. преподаватель кафедры отечественной истории,
Алтайский государственный педагогический
университет*

Предметы комплекса украшений носителей пазырыкской культуры.

1 – Уландрык III, кург. 4; 2 – Уландрык I, кург. 6; 3 – Уландрык II, кург. 7; 4 – Уландрык IV, кург. 3; 5 – Уландрык I, кург. 12; 6 – Пазырык, кург. 2; 7 – Пазырык, кург. 2; 8 – Уландрык IV, кург. 1; 9 – Уландрык IV, кург. 2; 10 – Ташанта II, кург. 2; 11 – Ак-Алаха III, кург. 1.

Список литературы

Азбелев П.П. Пазырыкские татуировки как художественное свидетельство древних войн и бракосочетаний // Актуальные проблемы теории и истории искусства. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2017. Вып. 7. С. 51–60.

Баркова Л.Л. Фантастические звери на татуировках алтайского вождя // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав», СПб., 2014. Кн. 3. С. 98–101.

Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 301 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-Пресс, 2001. 336 с.

Руденко С.И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 139 с.

Телегин А.Н., Дьяков Н.Р. К вопросу о гендерных сходствах и различиях в татуировках кочевников Алтая сакского времени // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2018. Вып. 13. С. 80–83.

Images of Fantastic Animals in Male and Female Burial Complexes of the Pazyryk Archaeological Culture: Similarities and Differences

A.V. Beketov

The article presents the results of the study of male and female burial complexes of the carriers of the Pazyryk archaeological culture. The materials of the subject complex from the kurgan groups Pazyryk, Ulandryk I–IV, Tashanta II, Ak-Alakha III were studied. The studied materials were selected based on the content of images of fantastic animals in them, the correlation of images of fantastic animals in the subject complex of burials was carried out with the floor of the buried and the characteristics of their burials (the size of the mound, accompanying burials, the number of buried, the size of the burial log). Several features of the placement of images of fantastic animals in burials were revealed, presumably related to the sex and social affiliation of the buried. Assumptions are made about the peculiarities of the use of these images

in the visual arts of the carriers of the Pazyryk culture, as markers of belonging to the buried, during life, a certain social group, clan, tribe, etc.

Keywords: Pazyryk culture, Pazyryk, Tashanta, Ak-Alakha, Ulandryk, burial complex, fantastic animals.

Бекетов Александр Васильевич

студент 2-го курса

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: sasha.beketov.2004@bk.ru

Beketov Alexander Vasilyevich

2nd year student

Altai State Pedagogical University

e-mail: sasha.beketov.2004@bk.ru

УДК 9.94

Средневековые города Центральной Азии в системе экономических отношений между Западом и Востоком

Д.А. Болотников

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

На разных этапах взаимоотношений между Западом и Востоком, при разнообразных факторах, складывавшихся в регионе, торговые контакты играли крайне важное значение в «средневековой глобализации».

Целью исследования является выявление места центральноазиатских средневековых городов в системе экономических отношений между Западом и Востоком. Хронологические рамки исследования охватывают период с I до XIII вв.

Центральная Азия – перекресток взаимодействия трех цивилизаций: антично-христианской, индийско-буддийской и китайско-конфуцианской. Вместе с тем Центральная Азия была связующим звеном не только между Востоком – Западом, но и между Севером – Югом. Следствием этого была высокая насыщенность межцивилизационных связей, проявляющаяся в торгово-экономических, этнокультурных, религиозных, социальных, информационно-коммуникационных контактах.

В IX–X вв. наблюдалось развитие ремесла, внутренней и внешней торговли. На основе домусульманских шахристанов начинают строиться торгово-ремесленные пригороды – рабады, которые становятся ядром экономической жизни города.

Неотъемлемой частью города был базар. Он включал в себя не только рынок, но и центр ремесленного производства. Большинство из них были специализированными. Торговые ряды, базары в Самарканде, Бухаре, Хиве, Мерве и других городах располагались как в рабаде, так и в шахристане. Индийский поэт, полководец Захир ад-Дин Бабур так описывал Самарканд: «для каждого промысла отведен отдельный базар, и они не смешиваются друг с другом» [Бабур-Наме, 1992, с. 183]. Английский дипломат Энтони Дженкинсон относительно

но базаров Бухары замечал, что «каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок» [Дженкинсон, 1937, с. 52].

Главной торговой магистралью был Великий Шелковый путь. По словам российского историка А.М. Петрова, «это огромное, подвижное во времени историко-культурное пространство, по которому в древности и средневековье шло сухопутное международное общение от крайних пределов Азии до стран Запада» [Кузьмина, 2011, с. 11].

Центральное место в торговле с Западом и Востоком занимал Согд. В отечественной историографии закрепилось понятие «согдийская колонизация», т.е. «создание сети торговых факторий вдоль путей, связывающих Среднюю Азию с Дальним Востоком» [Большаков, 1973, с. 109]. Анализ письменных арабских, китайских источников позволил российскому историку В.В. Бартольду сформулировать тезис о согдийской колонизации Семиречья [Бартольд, 1963, с. 23–102]. Данный тезис получил дальнейшее подтверждение и развитие в советской историографии.

В IV в. до н.э. согдийцы проникают в Восточный Туркестан, а с I в. н.э. согдийцы начинают основывать свои колонии и поселения на торговых путях Средней Азии, Восточного Туркестана и Западного Китая. В одном из документов, раскопанных в Астане в 1973 г., говорится о согдийском торговом караване, который шел из Ганьсуйского коридора в Восточный Туркестан, где торговец собирался купить лошадей и верблюдов. В документе могильника Астаны (конец VI – начало VII в.) приведены бухгалтерские записи о покупках согдийских купцов, прибывших в Гаочан. Купцы закупали золото, серебро, шелк в нитях, лекарства,

ароматические вещества [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 258–260].

Российский востоковед С.Г. Кляшторный, основываясь на древнетюркских памятниках и китайских хрониках, говорит о том, что в 30-х гг. VIII в. согдийские города Семиречья выступают «как единое политическое целое, проводящее самостоятельную и согласованную внешнюю политику» [1959, с. 11] и рассматриваются источниками наравне с прочими центральноазиатскими государствами.

В VII в. начинается бурный экономический подъем в регионе. Центральная Азия поддерживала торгово-экономические отношения с Ираном и Китаем. Караваны шли из Мерва на восток через Бухару, Самарканд, Талас. Согдийская колонизация захватила почти все Семиречье. «Прекрасные мастера земледельцы и ремесленники, не только торговали с иноплеменниками, но осваивали их территории, и, наряду со стоянками кочевников, начали возникать стены и валы – постройки согдийцев» [Берштам, 1941, с. 19].

Примером торговых отношений между Согдом и Западом является торговля с Византией. В 569 г. согдийский купец Маннах прибывает в Константинополь, обговаривает возможность торгового пути через Предкавказье, Северный Прикаспий и Приаралье. Ответное византийское посольство Земарха двигалось по этому маршруту и свидетельствовало о заинтересованности Византии в торговом союзе с тюрками.

Крупнейшим торговым, культурным центром Центральноазиатского региона был Самарканд, который средневековые арабские географы называли «торговой гаванью Мавераннахр, куда собираются с товарами купцы со всех сторон, чтобы, обменявшись с ними, разойтись» [Буряков, 1994, с. 23]. Города становятся экономическими и культурными центрами, средоточием ремесла и искусства. К VIII в. в них накапливались значительные материальные ценности. Наличие монет в Ходженде, Бухаре, Самарканде, Ахсикете, Таразе, свидетельствует о значительной роли, которую играла внешняя торговля в жизни феодального общества. Как отмечает российский историк Э. Калан «Средневековые масштабы торговли между Азией и Европой не были сбалансированы, азиатские товары на рынке занимали намного больше места, чем европейские» [Калан, 2018, с. 149]. Главное направление торговли шло с Востока на Запад.

На основе археологических раскопок из Санса, Юи, Льежа, в доарабский период, наряду с импортом китайского шелка, существовало развитое местное производство [Беленицкий, 1961, с. 69–72]. По данным археологии, в Таразе были найдены косточки фруктовых деревьев, бахчевых

культур, винограда, подсолнечника. Причиной быстрого развития садоводства и виноградарства послужило усовершенствование орудий труда по обработке земли, искусственное орошение.

Средневековые центральноазиатские города вели более активную торговлю с Китаем, чем со странами Запада. В период династии Тан усиливается торговля шелком и лошадьми. Главными поставщиками лошадей «на китайский рынок» были тюрки. Поскольку основу средневекового степного общества составляло скотоводство, только за 642–643 гг. было отправлено 8 тыс. лошадей.

К основным статьям экспорта в период Средневековья, до нашествия арабов, можно отнести: лошадей, кожаные изделия, ковры, войлок, шелк, холст, лекарственные и красящие вещества. В свою очередь статьями импорта были золото, серебро, шелк, лекарства, ароматические вещества. Как свидетельствует китайский историк Фань Е о торговой связи между Западом и Востоком: «посланцы и проводники двигались непрерывно в обоих направлениях, и иноземные купцы и корабейники приезжали ежедневно к границе для торговли» [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 251].

Неправильно сводить Шелковый путь только к торгово-экономическим контактам между странами. По Шелковому пути распространялись мировые религии, культура (архитектурные стили, музыка, одежда, живопись и т.д.), технологии (производство оружия, бумаги, пороха, фарфора и т.д.).

Таким образом, средневековые города Центральной Азии играли важное значение в развитии транзитной торговли по Великому Шелковому пути, обмену культурными достижениями, технологиями между Западом и Востоком, Севером и Югом. Параллельно миграционные процессы стимулировали «средневековую глобализацию».

Научный руководитель – Н.В. Дьяченко

канд. ист. наук, доцент,

Алтайский государственный педагогический университет

Список литературы

Бабур-наме: Записки Бабура / пер. М.А. Салье. Ташкент: Гл. ред. энциклопедий, 1992. 464 с.

Бартольд В.В. Очерке истории Семиречья. Т. 2, ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 23–102.

Беленицкий А.М. Из истории среднеазиатского шелкоткачества // Советская археология. 1961. № 2. С. 66–78.

Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк // Алма-Ата: КАЗОГИЗ, 1941. 66 с.

Буряков Ю.Ф. Христианство на Великом Шелковом пути // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент: ГРЭ, 1994. С. 19–26.

Дженкинсон Э. Путешествие в Среднюю Азию / пер. с англ. Готье Ю.В. М.: Соцэкгиз. 1937. 307 с.

Калан Э. Средневековый Великий Шелковый путь – как главный торговый путь, соединявший Восточную Европу и Азию // J. of Turkish World Studies. 2018. Vol. 18/1. С. 143–152.

Кляшторный С.Г. Согдийцы в Семиречье // Советская этнография. 1959. № 1. С. 7–11.

Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого Шелкового пути. Диалог культур Европа-Азия. М.: Ком Книга, 2011. 236 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути: шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. М.: Наука, 1994. 251 с.

Medieval Cities of Central Asia in the System of Economic Relations between West and East

D.A. Bolotnikov

The article discusses the place and role of the Central Asian medieval cities in the system of economic relations between the West and the East. The studied region throughout history has been the center of the clash of different countries, cultures, religions and civilizations. The cities of Central Asia (Bukhara, Sogd, Merv, Khorezm, Khiva) played an important role in the development of transit trade along the Great Silk Road. Trade relations were conducted with China, Iran, Byzantium. The article discusses the general characteristics of trade relations: with which region the trade turnover was greater (East or West) and which items were greater: exports from Central Asia or imports to Central Asia. The consequence of this interaction was the high saturation of intercivilizational ties, which is manifested in trade, economic, ethnocultural, religious, social, and informational contacts.

Keywords: Central Asia, colonization, Great Silk Road, Middle Ages, Sogd, trade.

Болотников Даниил Александрович

студент 4-го курса

Алтайский государственный педагогический университет

e-mail: daniil.bolotnikov13@gmail.com

Bolotnikov Daniil Alexandrovich

4th year student

Altai State Pedagogical University

e-mail: daniil.bolotnikov13@gmail.com

УДК 903.53

Сторожевые камни культуры плиточных могил

А.В. Гармаева

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Сторожевые камни – ритуальные изваяния в виде каменных столбов или камней сложной формы с различными изображениями (знаками), устанавливаемые с восточной стороны от плиточных могил.

В начале XX в. на них обратил внимание А.К. Кузнецов. Он получил информацию от бурят: «против трех маяков, в расстоянии 10 арш. возвышаются на ½ арш. по одному врытому необтесанному камню, называемому “сторожевым”, а по-бурятски “коновязью”, так как они служили, по их понятиям, для привязывания лошадей» [Кузнецов, 1925, с. 48]. Также он отметил камень, грубо оформленный «наподобие бабы» на могильнике оз. Бальзино [Кузнецов, 1893, с. 3]. Коновязь-сэргэ устанавливалась около бурятских юрт. Вместе с тем сэргэ исполняли роль своеобразного сторожа, оберегающего жизнь людей от злых духов и напастей. Таким образом, они имели и профанное,

и сакральное значение [Янков, Константинов, 2009, с. 277]. А.П. Окладников [Окладников, Запорожская, 1970, с. 57] и И.И. Кириллов [1979, с. 53] определяли такие назначения сэргэ как равнозначные. Следует учесть, что современные буряты эти камни уже не связывают с коновязью.

Н.Н. Диков отмечал, что сторожевые камни располагаются возле плиточных могил, в которых уже содержались железные вещи (Бальдзы). По мнению исследователя, они «генетически» восходят к оленным камням [Диков, 1958, с. 45–46]. С его точкой зрения согласен Ю.С. Гришин [1975, с. 46].

В.В. Волков считал, что стелы, с большей долей вероятности, могут быть причислены к локальной группе «общевразийской» серии [Волков, 1981, с. 99–100].

Детальное изучение сторожевых камней проводил А.П. Окладников. В пади Хусотуй им определены характерные для плиточных могил украшенные

орнаментом стелы – коновязи (сэргэ) или же сторожевые камни. В могильнике Ульба-2 сторожевые камни находились при всех могилах. На некоторых из них замечены следы подтесок, а также имеются выбитые на поверхности знаки [Окладников, Запорожская, 1970, с. 60–63]. Чаще других встречаются изображения солярных знаков.

Д.М. Дашилхамаев выделяет вариант стел, имеющих антропоморфные черты: профилированная круглая голова, с тыльной стороны изображены прямыми линиями волосы, с боковых сторон маленьким овалом выделяются уши, но при этом лицевая часть остается плоской [2012]. Также на них небольшой выемкой обозначены шея и плечи. Пояс выбивался двумя параллельными линиями, встречаются изображения предметов вооружения: топоров и кинжалов, иногда похожих на жезл. Помимо классического типа, антропоморфными исследователь считает и те камни, которые обработаны только отчасти: они подпрямоугольной или подтреугольной формы с заovalенным верхом, отдалено напоминающие человеческую фигуру.

При исследовании Анхабайского комплекса плиточных могил Д.М. Дашилхамаевым отмечаются одиночные изваяния, размерами намного крупнее обычных. Они установлены либо в центре могильника, либо с его восточной стороны.

В 2021 г. Агинским отрядом Чикойской археологической экспедиции с участием автора проведены мониторинговые работы с применением аэрофотосъемки и детальной фиксации двух комплексов плиточных могил в пади Анхабай [Гармаева, 2022, с. 95].

В первом комплексе у трех плиточных могил было обнаружено 7 сторожевых камней. К первому погребению относятся три сторожевых камня. Все они имеют округлое навершие, несут следы искусственной обработки, придающей им антропоморфные черты. На лицевой стороне камней № 1 и 3 видна диагональная линия от верхнего правого угла к левому нижнему, идущая на пояс, представленный двумя параллельными полосами с поперечными линиями. У сторожевого камня № 1 от пояса идут две соединяющиеся линии, которые образуют треугольник, напоминающий передник. На тыльной стороне есть изображение косы – округлое углубление, от которого вниз отходит полоса.

Сторожевой камень № 2 имеет с двух боковых сторон выемки, которые отделяют голову от туловища.

Сторожевые камни № 4 и № 5 принадлежат второму погребению. Они расположены горизонтально. На лицевой стороне имеется диагональная выемка, идущая от верхнего правого угла к левому

нижнему. Горизонтальные параллельные полосы с вертикальными линиями образуют пояс. В обоих случаях ниже пояса диагональными линиями обозначен треугольник. На тыльной стороне камня изображается коса.

Сторожевые камни № 6 и № 7 погребения № 3 имеют подобные изображения. Камень № 7 имеет выемчатые углубления, отделяющие голову от туловища, как и на сторожевом камне № 2. На боковой стороне имеется выбивка, обозначающая серьги округлой формы.

Особенность комплекса состоит в том, что обычно напротив плиточных могил устанавливали по одному сторожевому камню, а в данном случае их два-три.

А.Д. Цыбиктаров поднимает такую проблему, как интерпретация сторожевых камней и некоторых объектов, сходных с ними. Последние отличаются более крупными размерами. Помимо этого, данные объекты встречаются у погребений культуры плиточников гораздо реже, но при этом размещение их в погребальном комплексе подобно. Из-за особенностей оформления, наличия антропоморфных черт, а также на большинстве из них различных знаков А.Д. Цыбиктаров выделяет такие объекты в отдельный вид памятников культуры плиточных могил и предлагает назвать их псевдоантропоморфными камнями [Цыбиктаров, 2016].

Определение предназначения сторожевых камней в погребальном обряде населения культуры плиточных могил позволит полнее раскрыть картину сакральной сферы эпохи ее существования.

*Научный руководитель – М.В. Константинов
д-р ист. наук, профессор кафедры истории,
Забайкальский государственный университет*

Список литературы

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. 247 с.

Гармаева А.В. Анхабайский комплекс культуры плиточных могил: история и проблемы изучения // Материалы LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2022. С. 94–96.

Гришин Ю.С. Бронзовый и ранние железные века Восточного Забайкалья. М., 1975. 135 с.

Дашилхамаев Д.М. Оленные и сторожевые камни Забайкалья // Гуманитарный вектор. 2012. № 2. С. 60–68.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958. 158 с.

Кузнецов А.К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 года // Изв. ВСОИРГО. Т. XXIV. № 2. 1893. С. 1–12.

Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского дворца и его окрестности. Владивосток, 1925. 63 с.

Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. Иркутск, Изд-во Иркут. гос. пед. ин-та, 1979. 95 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Л., 1970. Ч. 2. 263 с.

Цыбиктаров А.Д. Оленные камни культуры плиточных могил (псевдоантропоморфные камни, к постановке

проблемы) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. 2016. Т. 1. С. 283–293.

Янков А.Г., Константинов М.В. Сэргэ // Энциклопедия Забайкалья: Агинский бурятский округ. Новосибирск: Наука, 2009. С. 276–277.

Watchstones of the Slab Grave Culture

A.V. Garmaeva

The article presents the history of the study of watchstones by A.K. Kuznetsov, A.P. Okladnikov, D.M. Dashilkhamaev. The meaning of the term serge and the classification of guard stones are presented. The materials of monitoring works with the participation of the author of the Ankhabei culture complex of tiled graves are considered. Determining the purpose of guard stones in the funeral rite of the population of the slab grave culture will reveal a more complete picture of the period of existence of this culture.

Keywords: culture of tile graves, bronze age, early Iron Age, Transbaikalia, guard stones, chronology.

Гармаева Анастасия Васильева

студент 4-го курса

Забайкальский государственный университет

e-mail: garmaevanastya@yandex.ru

Garmaeva Anastasia Vasilyeva

4th year student

Transbaikalia State University

e-mail: garmaevanastya@yandex.ru

УДК 902.01

К вопросу о преемственности общих элементов боевых поясов кочевников Казахстана

Д.К. Жанатаев

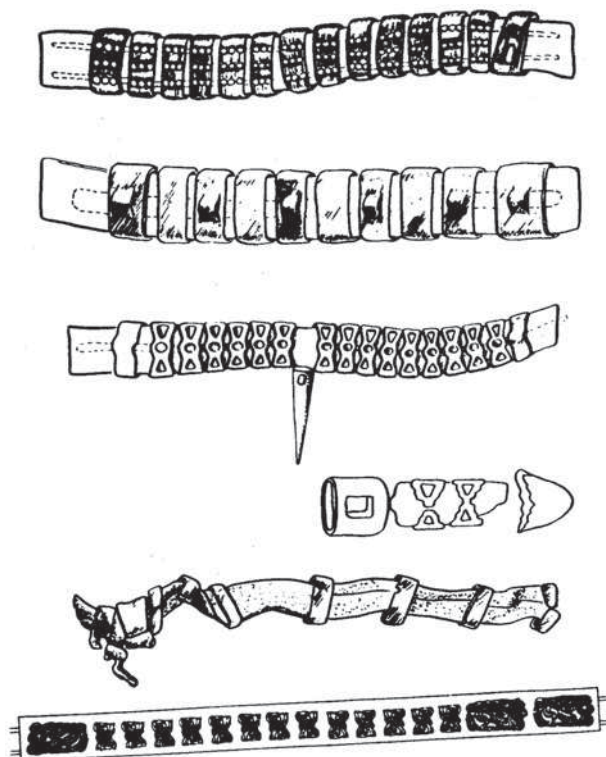
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Боевой пояс – это элемент воинского снаряжения, имеющий три основные функции: утилитарную, магическую, социальную. Утилитарная функция подразумевала подпоясывание воинского снаряжения и подвешивание вооружения или дополнительной системы крепления для установки большего количества вооружения; магическая – за счет наличия элементов прикладного искусства и инкрустации наделяла пояс защитной функцией оберега. Наличие на поясе составных элементов в виде бляшек, пряжек, пластин и обойм демонстрировало социальный статус владельца [Иванов, 2009, с. 64]. По мнению автора, в дальнейшем магическая и социальная функция стали приобретать повсеместное и широкое распространение. Однако В.Н. Добжанский в своей работе «Наборные пояса кочевников Азии» указывал, что «наметившийся в эпоху бронзы приоритет военной функции над магической приобретает полную силу в обществах ранних кочевников от Центральной Азии до Северного Причерноморья» [Добжанский, 1990, с. 62].

Боевой пояс по своей структуре состоял из двух основных компонентов: основы и скрепляющих элементов. В качестве основы служила коровья

или конская кожа, а скрепляющим элементами были пряжки, крючки, бляшки, пластины и обоймы. Об этом писал Н.М. Пржевальский в дневнике «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховье Желтой реки». По его данным, пояса состояли из двух или трех слоев коровьей или конской кожи [Пржевальский, 1948, с. 123]. В.П. Курылев в работе «Казахские мужские кожаные пояса в собраниях МАЭ» описал образец № 439–15, который представляет собой кусок кожи, сложенный пополам, сшитый жильными нитками впритык и имеющий подвески и украшения; в описи было отмечено, что пояс изготовливали из конской кожи. Другие образцы (№ 403–8, 10, 11; 493–8; 1287–19) схожи с тем, что описан выше; они также сшиты из двух кожаных полос. В.П. Курылев относит их к мужским и отмечает, что все мужские пояса из коллекции МАЭ двойные по своей структуре [Курылев, 1989, с. 86–87].

К числу ранее найденных боевых поясов на территории Центрального Казахстана относятся предметы с памятников Нурамбет IV, Тасмола II и Майкубень III (см. *рисунок*). Боевые пояса из курганов № 1 и 3 могильника Нурмабет IV имели хорошую сохранность составных элементов в виде

Наборные пояса кочевников Азии
(по: [Добжанский, 1990]).

обойм. В курганах было найдено по десять прямоугольных обойм с разницей в размерах и украшениях. На обоймах пояса из кургана № 1 располагались по три поперечные углубленные полосы с тремя выступами на каждой. На поясе из кургана № 3 на пяти из десяти обойм поочередно располагались ременные петли. На одной из обойм сохранился кусок кожи. Датированы данные экземпляры М.К. Кадырбаевым первым этапом тасмолинской культуры (VII–VI вв. до н.э.). Третий пояс, также найденный М.К. Кадырбаевым в кургане № 1 могильника Тасмола II, был отнесен ко второму этапу тасмолинской культуры (V–III вв. до н.э.). Особенностью данного экземпляра является форма его обойм, представляющая из себя римскую цифру X. На середине обойм имелось отверстие; длинные концы обоймы были соединены поперечной планкой. В центральной части пояса находился круглый бронзовый стержень [Чотбаев, 2015, с. 38–40]. Подобный пояс был обнаружен С.И. Руденко в 1927 г. в Семипалатинской обл. На ремне сохранились две бронзовые обоймы в виде римской цифры X, а также «сердцевидная концевая бляха и массивная овальная обойма с четырехугольным отверстием» (см. рисунок) [Киселев, 1949, с. 299]. Еще один боевой пояс был найден А.З. Бейсеновым в кургане № 12 могильника Майкубень III, Павлодарская обл. Данный экземпляр имел семь сохранившихся

ся обойм, на лицевой стороне которых было три вертикальных округлых выступа. Четыре из семи обойм имели нижнее кольцо для подвешивания колчана или других предметов. Датирован данный пояс концом VI – началом V в. до н.э. [Бейсенов, Чотбаев, 2001, с. 293–294].

В последующем структурные особенности боевого пояса от саков переняли их преемники. Боевые пояса у уйсунь, кангюев, сарматов, гуннов представляли структуру, аналогичную сакской [Симоненко, 2010, с. 59–165]. Реконструкции М.В. Горелика и К.А. Ахметжанова это подтверждают.

В тюркскую эпоху за счет бляшек пояс стал значимым показателем социального статуса. Особенно это проявлялось на ремешках, свисающих с основного пояса. В связи с изменением формы оружия оно чаще всего подвешивается на дополнительных бляшках, тройниках, ремешках, портупях или специальных крючках. Украшение пояса, изображения в виде различных зооморфных, геометрических и геральдических фигур вошли в моду. Застежки, соединяющие пояс, в большинстве случаев представляли кольцевидную пряжку. Ярким свидетельством наличия и роли боевого пояса у тюрков служат изображения на каменных изваяниях (балбалах) [Азбелев, 2010, с. 301]. Их подтверждают реконструкции К.А. Ахметжанова. Анализ материалов, позволяет утверждать, что все указанные выше функции пояса в тюркскую эпоху сочетались, не превосходя друг друга.

На базе археологических данных и реконструкций можно отследить прямую преемственность от тюрков к их преемникам: различным этническим сообществам дозолотоордынского периода и времен собственно Золотой Орды. Боевой пояс данных эпох в основном сохранял общие элементы в структуре.

Вслед за эпохой Золотой Орды начинается этап формирования и становления Казахского ханства. Боевой пояс для казахов был важным атрибутом в одежде. О важности боевого пояса у казахов писал Ч.Ч. Валиханов: «Пояса носили все киргизы (казахи) без исключения» [Валиханов, 1985, с. 38]. Боевые пояса казахов в структурном аспекте на раннем этапе становления были аналогичны тем, что были до них, но в дальнейшем изменили и структуру, и форму, и инвентарь.

Начиная с XV–XVIII вв. с появлением у казахов дальнобойных ружей наблюдаются изменения в боевом поясе. Об этом писали И.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева: «Кисе имел специальные кожаные подвески, прочно прикрепленные на ремешках из такой же кожи. Их расположение и форма были совершенно однотипны, что говорит о древности этого типа пояса. Справа на двух-трех ремешках

подвешивалась сумка (калта или кісе) полукруглой формы с клапаном-крышкой, в которой хранилось огниво, кремь, запасный фитиль, сало для смазки ружья и роговая пороховница. С другой стороны, прикреплялись два мешочка для пуль, овальной или грушевидной формы (окшонтай) и кожаные ножны (кып). Сзади подвешивалась пороховница (куты)» [Захарова, Ходжаева, 1964, с. 56–57].

Подводя итоги, можно констатировать, что состав общих элементов боевого пояса кочевников Казахстана мог меняться (видоизменяться) от эпохи к эпохе. Однако подавляющее большинство составных элементов боевого пояса сохранились вплоть до XVIII в. Кольцевидная пряжка, появившаяся во времена саков, сохранилась до XVIII в., получила широкое распространение и дополнилась декором. Обоймы остались основным скрепляющим элементом и были украшены казахским орнаментом. Бляшки (также декорированные в казахском стиле) стали полноценным украшением и показателем социального статуса владельца пояса. Это хорошо видно по боевым поясам, находящимся в музейных экспозициях Республики Казахстан.

*Научный руководитель – Т.В. Кошман
ст. преподаватель,
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева*

Список литературы

Азбелев П.П. Пояс эпохи Первого каганата // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-

Удэ, 2010. Вып. 4: Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы междунар. науч. конф. С. 300–303.

Бейсенов А.З., Чотбаев А.Е. Погребение воина сакского времени из могильника Майкубень-3 в Центральном Казахстане // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: мат-лы XLI Региональной археол.-этногр. студ. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 290–294.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Гл. редакция Казах. сов. энцикл., 1985. Т. 4. С. 35–39.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1990. 164 с.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда (XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Наука, 1964. 178 с.

Иванов С.С. Боевые пояса ранних кочевников Центральной Азии. Бишкек: Илим, 2009. 144 с. (Материалы и исследования по археологии Кыргызстана; вып. 4).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с. (МИА; № 9).

Курылев В.П. Казахские кожаные мужские пояса в собраниях МАЭ // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л., 1989. С. 85–98. (Сб. МАЭ; вып. 43).

Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М., 1948. 424 с.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПб. гос. ун-та; Нестор-История, 2010. 328 с.

Чотбаев А.Е. Защитное вооружение и воинское снаряжение кочевников Казахстана VIII–VI вв. до н.э. // Вестн. Кем. гос. ун-та. 2015. Т. 4, № 2. С. 38–41.

On the Issue of the Continuity of the Common Elements of the Combat Belts of the Nomads of Kazakhstan

D.K. Zhanatayev

Nomads in world history are personified as well-armed and equipped horsemen terrifying their enemy. One of the factors for this was military equipment, and in particular its constituent elements. In this article, the author considers the nomads' combat belt as one of the constituent elements of military equipment. Functional features, constituent elements are revealed and the continuity of the combat belt of the nomads of Kazakhstan from the early Iron Age to the Kazakhs of the XVIII century is traced. The chosen time is not accidental, since after the XVIII century, the functions and position of the combat belt change due to the political situation. Another reason for the chosen interval is that there are reliable sources of the above time periods.

Keywords: Kazakhstan, belt, nomads, continuity, archaeology, ethnology.

Жанатаев Диас Кумырбаевич

студент 4-го курса

Евразийский национальный университет

им. Л.Н. Гумилева

e-mail: dias.zhanatayev@mail.ru

Zhanatayev Dias Kumyrbaevich

4th year student

L.N. Gumilyov Eurasian National University

e-mail: dias.zhanatayev@mail.ru

Белокаменная мечеть-цитадель Елабужского городища: история изучений, варианты реконструкции

А.А. Исмоилова, Д.И. Сафин

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Россия

Вопросы изучения и сохранения культурного достояния имеют значимый характер, привлекающая внимание не только со стороны государства, но и общественности. Зачастую эти вопросы тесно связаны с материальными памятниками культуры, к которым относятся архитектурные и градостроительные ансамбли. Одним из старейших поселений Республики Татарстан, которому насчитывается свыше 1000 лет, является г. Елабуга (Алабуга). С конца прошлого столетия здесь особое внимание уделяется изучению археологических памятников, их реконструкции, что позволяет визуализировать исторические объекты, среди которых интерес вызывает монументальная архитектура, частью которой является белокаменная мечеть-цитадель Елабужского городища. Она находится на высоком мысу (над уровнем р. Камы от 50 до 64 м) у восточного склона средней части площадки городища.

Сохранность памятника оценивается ниже удовлетворительной. Начиная со времени начала функционирования в данном месте монастыря (1616 г.) и до 1962 г. памятник постоянно разрушался. Как отмечает А.З. Нигаматов, белокаменная мечеть-цитадель с частично уцелевшей и отреставрированной в 1867 г. башней представляет собой наземное архитектурное сооружение домонгольской Волжской Болгарии в единственном своем экземпляре [2010, с. 40].

В литературе предложены несколько вариантов определения назначения этого сооружения: военная крепость, культовый центр в виде мечети или ханакэ, караван-сарай.

Основоположник отечественного булгароведения А.П. Смирнов по итогам археологических изысканий выдвинул предположение о каменном сооружении как остатках цитадели. Боевые башни по углам, полубашни в центре стен, значительная толщина стен, весь характер здания позволяет относить рассматриваемую постройку к оборонительным сооружениям.

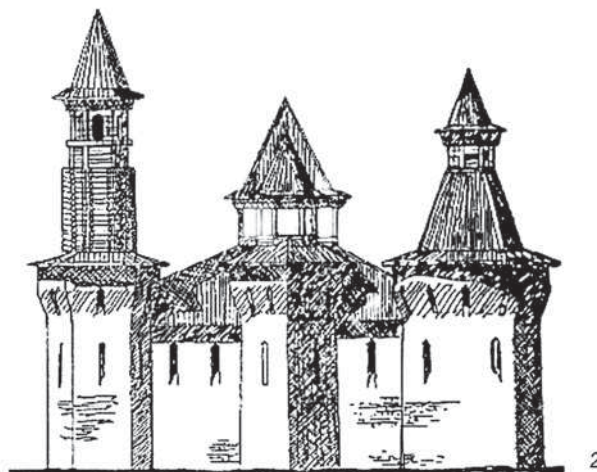
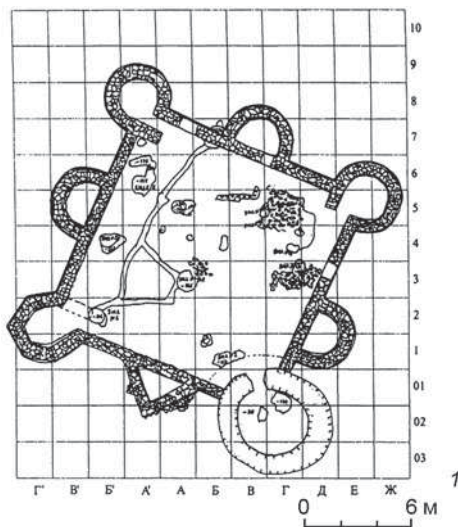
В 1993 г. проводились обширные исследования изучаемого городища (см. *рисунок, 1*) [Нигаматов, 2005, с. 7–26]. Ярко выраженная шестигранная форма и расширенная платформа характерна для юго-западной части башни, обеспечивающей

дозорную функцию. Отмечается, что по своим конструктивным особенностям здесь также могла быть расположена башня типа минарета, верхняя часть которого была в форме сруба. Отход от этих башен треугольного выступа-контрфорса, имеющий ориентацию своим острием точно на сторону киблы, т.е. на юго-юго-запад под углом 205°, позволяет рассматривать памятник как «мечеть-цитадель» [Нигаматов, 2005, с. 21].

Мечеть-цитадель Елабужского городища имеет сходство с мечетью Биляра домонгольского периода и мечетью Болгара золотоордынского времени. С.С. Айдаров полагает, что аналогами мечети-цитадели являются раннемусульманские мечети VIII–IX вв., такие как мечеть-цитадель в Сусе (Тунис) и мечеть Мутаваккиля в Самарре (Ирак) [Нигаматов, 2008, с. 43]. Схожесть архитектурного почерка, доставшегося мечети-крепости от раннемусульманского каменного зодчества, создает основу для возможного варианта реконструкции. Не исключается, что на уровне 2–3 ярусов дерево было более приемлемым строительным материалом, чем известняк, что соответствует строительным традициям домонгольского периода.

Другим вариантом интерпретации архитектурных особенностей изучаемого памятника является использование его в качестве караван-сарая. С конца X в. богатый опыт градостроительства волжских болгар постепенно переносится и на эти территории. Крепость, которую они называли Алабуга, стала ядром, вокруг которого не позднее второй половины XII в. вырастает поселение-посад. Функции Алабуги как перевалочного пункта на Камской торговой магистрали и сухопутной дороге из столицы страны Биляра к северным землям делали ее весьма привлекательной для торговцев. К тому же здесь находилась переправа через Каму, несмотря на существующую подводную угрозу в виде огромного камня («Пегий бык» – «Алабуга»). В связи с этим, волжские болгары построили на городище видный издали белокаменный караван-сарай, южная часть которого могла быть использована как мечеть.

Увеличение численности мусульманского населения и рост товарообмена по Камской магистрали в связи с потерей торговых позиций на

Белокаменная мечеть-цитадель Елабужского городища.

1 – план белокаменного здания, выявленного раскопом II 1993 г.; 2 – графическая реконструкция мечети-цитадели по С.С. Айдарову.

Верхней Волге в XII в. сделали Елабужское городище значимым центром для окрестных земель. Кстати, по мнению А.Х. Халикова, время появления на месте деревянной мечети каменной цитадели с восемью башнями датируется XII в. [1994, л. 9].

Рассматривая варианты планировки и степени реконструкции, необходимо отметить, что первым исследователем, кто зафиксировал развалины каменного здания как культового сооружения волжских болгар, перешедшего потом в руки православных монахов, отметил материал и положение составляющих элементов, считается Н.П. Рычков [1770, с. 45]. Исследователь предложил план Елабужского городища, включая обозначение каменного здания с имеющимися угловатыми и пристенными башнями, и трех валов. Судя по запискам исследователя, высота стен белокаменного памятника достигала более двух сажен, а упомянутые башни в разрушенном состоянии не превышали высоту стен.

Заслуга же в проведении первых реставрационных работ над остатками старого фундамента белокаменного здания в целях его сохранения принадлежит И.В. Шишкину, отцу знаменитого художника. Нельзя не отметить, что в результате его «реставраций» были выявлены следующие особенности: увеличение толщины нижней части стены башни, превращение ее шестигранной стены на уровне 2 этажа в округлую, оставление только трех окон и дверного проема на уровне 2 этажа. В основном выполненные елабужанином И.В. Шишкиным работы над основным памятником Елабужского городища сохранились в со-

временном виде башни-символа тысячелетнего города.

Профессор С.С. Айдаров, на основе тщательных изучений и выявленных аналогий с Болгара и Биляра, предложил свой вариант внешнего облика мечети-цитадели [Айдаров, 2000, с. 80] (см. рисунок, 2). Первый этап реставрации памятника сразу после консервации выявленных в ходе раскопок остатков под руководством А.З. Нигамеева в 1993 г. был проведен по инициативе С.С. Айдарова и А.Х. Халикова. Данная реставрация белокаменного сооружения, несмотря на незначительное поднятие стен считается наиболее удачным вариантом. К сожалению, в 2006 г. были проведены последующие реставрационные работы (уже без археологов и историков), которые несколько испортили восприятие данного памятника.

Уникальное белокаменное сооружение Елабужского городища на основе проведенного анализа археологических и исторических исследований может иметь несколько вариантов своего предназначения: военная цитадель, караван-сарай и мечеть, и ханакэ. Хотя в нем могли сочетаться все вышеназванные функции.

*Научный руководитель – А.З. Нигамеев
канд. ист. наук, доцент,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет*

Список литературы

Айдаров С.С. Опыт реконструкции мечети-крепости «Алабуга-Елабуга» // Древняя Алабуга. Елабуга, 2000. С. 78–81.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 217 с.

Нигамаев А.З. Средневековая Алабуга // Достояние поколений. № 2 (9). 2010. С. 38–41.

Нигамаев А.З. Средневековая Алабуга: итоги археологических исследований за 1996–2006 гг. // Камский торговый путь: Мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. С. 4–10.

Рычков Н.П. Журнал или Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. Санкт-Петербург: При Императорской Академии Наук, 1770. 202 с.

Халиков А.Х. Отчет об исследованиях комплекса мечети на Елабужском «Чертовом» городище. Казань – Елабуга, 1994 // Архив ЕГМЗ.

White Stone Mosque-Citadel of the Elabuga Settlement: History of Studies, Reconstruction Options

A.A. Ismoilova, D.I. Safin

The Elabuga settlement is a monument to one of the unique monuments of the Volga-Kama region, which is the remains of a fortified settlement of Volga Bulgaria. The article is devoted to the consideration of the history of the study and options for the reconstruction of the white stone citadel mosque, as not only the only surviving land structure of the Bulgarians of the pre-Mongol era, but also as an indicator of the features and events of the Middle Ages in these territories. Based on the studies of this monument at different stages of time, it becomes possible to determine the peculiarity and significance of the structure in question, which allows you to visualize historical objects, among which monumental architecture is of particular interest, part of which is the white stone mosque-citadel of the Elabuga settlement.

Keywords: the Middle Ages, Elabuga settlement, mosque-citadel, reconstruction, the Bulgars, Volga-Kama region.

Исмоилова Айгуль Альбертовна

студент 4-го курса

Набережночелнинский государственный педагогический университет

e-mail: ismoilova.aigul@mail.ru

Ismoilova Aigul Albertovna

4th year student

Naberezhnochelny State Pedagogical University

e-mail: ismoilova.aigul@mail.ru

Сафин Данил Ильдарович

студент 1-го курса

Набережночелнинский государственный педагогический университет

e-mail: danil-safin-2018@mail.ru

Safin Danil Ildarovich

1st year student

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

e-mail: danil-safin-2018@mail.ru

УДК: 902(477.6)»12/13»

Реконструкция этнической истории на землях Донбасса в золотоордынский период

К.В. Карепин

Донецкий национальный университет, Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия

Одной из ключевых проблем в изучении средневековых древностей является вопрос заселения Восточно-Европейской степи. На протяжении периода Средневековья здесь постоянно происходили процессы миграций, ассимиляции и трансформации различных этносов, но особого внимания заслуживает период формирования в степях золотоордынского государства. С появлением в Восточной Европе монголов миграции были вызваны не только вторжением, но и последующими переселениями групп населения в рамках государственных границ. Решение проблемы реконструкции миграционных процессов осложняется скудностью письменных источников по данной теме. Тем не менее, нако-

пленного на сегодняшний день археологического материала достаточно для осуществления попытки реконструкции этнической ситуации в послемонгольский период не только для центральных областей Золотой Орды, но и для таких отдаленных от политического центра регионов, как Донбасс.

Говоря об изменениях в этнической картине на землях Донбасса в этот период, следует отметить, что наиболее кардинальные трансформации произошли в среде кочевников. По письменным источникам нам известно, что в 1237 г., после поражения от Батыя, половецкий хан Котян увел из степи 40 тыс. соплеменников [Голубовский, 1889, с. 27]. Даже если учитывать то, что данные цифры

преувеличены, все равно ясно, что масса местного кочевого населения уменьшилась. В то же время, на смену им приходят кочевники из восточных районов. Так, согласно Г.А. Федорову-Давыдову, половецкие погребения предыдущих этапов пропадают в районе Северного Приазовья, в то время как на смену им приходят погребения типов VI и ДI (погребения в простой яме с восточной и северной ориентацией, без коня), первых из которых особенно много в Поволжье, в то время как вторые встречаются в Южном Приуралье и Центральном Кавказе. Стоит также отметить, что погребения типа VI также встречаются и в районе среднего течения Северского Донца, составляя при этом 50 % погребений [Федоров-Давыдов, 1966, с. 151].

Большим подспорьем в процессе определения этнической принадлежности населения Донбасса могли бы стать антропологические данные, которые, несмотря на их наличие, на сегодняшний день остаются мало опубликованными. Если придерживаться концепции о том, что антропологический тип половцев, населявших Восточно-Европейскую степь, менялся от европеоидного до монголоидного с запада на восток, то следует предполагать, что на территории Донбасса проживали европеоиды с примесью монголоидных черт, представляя собой промежуточный расовый тип. При этом еще в домонгольский период в регион проникают племена с востока, принося с собой монголоидный компонент. Так, погребение кочевника, обнаруженное в грунтовом погребении в районе балки Арген-Тарама, было выполнено в половецкой погребальной традиции (с учетом многообразия вариантов обряда) [Потемкина, Усачук, 2000, с. 123], но в то же время погребенный отличался ярко выраженной монголоидностью [Кузьменко, 2000, с. 123]. Очевидно, что монголоидный компонент увеличился в населении Донбасса после монгольского нашествия, однако, как говорилось выше, для подтверждения и дальнейшего уточнения данного тезиса необходимы более детальные антропологические данные.

Регион Среднего Подонцовья в домонгольский период, как и в прежние исторические эпохи, являлся контактной зоной кочевых и оседлых народов, что обусловило многоэтничность его населения. Перед монгольским нашествием здесь образовывались половецкие вежи, и здесь же вдоль течения Северского Донца располагался ряд поселений, культура которых в своем составе имеет как славянские черты, так и кочевой компонент. Эти же поселения продолжают свое существование и в золотоордынский период, что дает нам основания предполагать, что население,

оставившее данную группу памятников, даже если и было затронуто монгольским нашествием, тем не менее, пережило его и вошло в состав нового государства.

Помимо указанной выше группы памятников, в Подонцовье нам известно о расположении двух крупных городищ – Райгородского и Царина. К сожалению, местонахождение первого было утеряно и на сегодняшний день остается не выясненным. Царино городище, переживавшее расцвет в XIII–XIV вв., достаточно хорошо изучено, а кроме того, имеет могильник, что позволяет нам говорить об антропологии местного населения в золотоордынский период. В результате краниологического анализа, проведенного Т.К. Ходжайовым и др., было выделено по 2 морфологические группы для мужчин и женщин. Первая мужская группа близка серии из Бахчисарайского могильника, вторая – серии из ханской усыпальницы Булгара (XIV–XV вв.). Женская первая группа имеет аналогии сериям из Восточного Казахстана VII–XII вв. и Правобережного Цимлянского городища, вторая группа ближе всего к серии из могильника Кайбелы X–XII вв. (Ульяновская обл.). Женский межгрупповой анализ показывает близость к сериям из Каменки VIII–IX вв. и Старого Орехя XIII–XV вв., мужской – к сериям Правобережного Цимлянского городища, Водянского городища (Волгоградская обл.) и Хан-Тюбе (Астраханская обл.) [Ходжайов и др., 2012]. Также часть населения Царина городища антропологически близко к сельскому населению Волжской Булгарии [Ходжайов, Швецов, 2018, с. 79]. Иными словами, отчетливо виден миграционный импульс с востока, который дошел вплоть до Поднестровья. Это также подтверждается элементами восточной культуры, такими как кальяны, каны и суфы, тандыры и т.д., представленными в археологическом комплексе Царина городища и определенно привнесенными переселенцами с востока.

Вопрос о доле собственно монгольского компонента остается дискуссионным. В последнее двадцатилетие донецкой исследовательницей Т.М. Потемкиной был предложен комплекс признаков монгольской погребальной обрядности, который включает в себя такие элементы, как наличие загробной пищи в виде частей туши овцы, меридиональную ориентировку погребенного или ориентировку в северо-восточном секторе, наличие каменных выкладок над могилой и подбои [Потемкина, 2011]. Согласно этой классификации, в золотоордынский период монгольские погребения были распространены на территории всей Восточно-Европейской степи, в поздний золотоордынский период, в основном локализовывались

в районе Среднего и Нижнего Подонья, Поволжья и Калмыцкой степи. Но даже для раннего золотоордынского периода на территории Донбасса количество погребений с монгольской обрядностью сравнительно невелико. Поэтому стоит согласиться с тезисом Г.А. Федорова-Давыдова о том, что количество переселившихся в Восточную Европу этнических монголов было малочисленным, и они не составили значительной и компактной массы населения на землях Донбасса [1966, с. 157].

Реконструкция этнической истории на землях Донбасса в золотоордынский период показывает, что отток населения после монгольского нашествия был компенсирован за счет восточного половецкого (кипчакского) компонента и, частично, самих монголов, переселившихся в регион. Основную группу половецких переселенцев составили выходцы из Поволжья и Восточного Казахстана. В то же время этническая принадлежность жителей очагов оседлости вдоль среднего течения Северского Донца и доля монгольского этнического компонента в составе населения Донбасса в золотоордынский период по-прежнему требует уточнений на базе антропологических исследований.

*Научный руководитель – А.В. Колесник
д-р ист. наук, доцент,
Донецкий национальный университет*

Список литературы

Голубовский П.В. Половцы в Венгрии. Исторический очерк. Киев: Тип. Императорского Университета Св. Владимира, 1889. 29 с.

Кузьменко Е.Д. Антропологическое определение позднеочевнического погребения у балки Арген-Тарама // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С. 123–124.

Потемкина Т.М., Усачук А.Н. Ярусное золотоордынское погребение с конем из Северо-Восточного Приазовья // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000. С. 120–123.

Потемкина Т.М. К вопросу о монгольской погребальной обрядности (по материалам восточно-европейских золотоордынских погребений) // Літопис Донбасу. 2011. № 19. С. 54–62.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л. Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII–XIV вв. // Евразийская Степь и Донбасс в эпоху Средневековья. Сборник избранных статей Михаила Львовича Швецова. К 75-летию со дня рождения. Донецк, 2018. С. 77–79.

Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю. Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у села Маяки) // Степи Европы в эпоху средневековья: Сб. научн. тр. Донецк: ДонНУ, 2012. Т. 11. Золотоордынское время. С. 125–192.

Reconstruction of the Ethnic History on the Lands of Donbass in the Golden Horde Period

K.V. Karepin

The article deals with the reconstruction of the ethnic situation on the territory of Donbass in the period after the Mongol invasion. The author analyzes anthropological and archaeological materials from local sites and comes to the conclusion that there were several ethnic groups in the population of Donbass in the Golden Horde period. Local Cumanian population partially migrated to European countries. At the same time, population migrations from Volga Bulgaria and Eastern Kazakhstan are taking place in the region. Together with them, elements of oriental culture appear in the region. Also, the Mongols, whose number was small, are penetrating the lands of Donbass. The author separately mentions settlements located along the course of the Seversky Donets, the ethnicity of the population of which is unknown.

Keywords: Donbass, Golden Horde, ethnic situation, Mongols, Cumans.

Карепин Константин Владимирович
аспирант 2-го курса
Донецкий национальный университет
e-mail: karepin.kostya@mail.ru

Karepin Konstantin Vladimirovich
2nd year postgraduate student
Donetsk National University
e-mail: karepin.kostya@mail.ru

О статусном значении ритуальных топоров-секир скифо-сибирского мира

В.А. Мальцев

Томский государственный университет, Томск, Россия

На территории Евразии от Причерноморья до Забайкалья к середине I тыс. до н.э. формируется ряд археологических культур, объединенных культурно-историческим единством. В археологической науке такое единство называется «скифо-сибирским миром» и датируется приблизительно в VI (VII) – III вв. до н.э.

До сих пор остается дискуссионным вопрос о происхождении культур данной культурно-исторической общности. Сам процесс формирования скифо-сибирского мира является сложным, а среди исследователей нет единства по поводу оценки этого явления [Яблонский, 2015].

Тем не менее о существовании некоей общности культур скифо-сибирского мира говорит схожесть внешнего облика предметов материальной культуры, традиций погребений, устройства поселенческих комплексов, изобразительного искусства, отражавшего мировосприятие древних обществ и т.д.

О территориальном единстве круга культур рассматриваемой культурно-исторической общности говорить не приходится, однако на больших пространствах евразийских степей, без сомнения, происходили культурно-экономические взаимодействия между различными археологическими культурами, входящими в общность. Таким образом, устанавливалось относительное единообразие хозяйственного уклада, общность мышления и духовной жизни, что подтверждается археологическими памятниками и артефактами.

Среди различных категорий предметов культур скифо-сибирского мира особое место занимают т.н. «парадные» или «ритуальные» топоры-секиры, которые встречаются на территории всей степной, лесостепной и северной Евразии. В зависимости от культурной принадлежности, данные секиры морфологически довольно сильно отличаются друг от друга, хотя проследить некоторые общие элементы в них можно. Интересно, что даже в рамках одной культуры могут встречаться совершенно разные изделия, относимые к топорам-секирам.

Такие находки были обнаружены в культурах Кавказа и Причерноморья (кобанская и меотская культуры), Приуралья (ананьинская и иткульская культуры), степей и лесостепей Западной Сибири

(тагарская и шеломокская культуры). Предметы схожего облика обнаруживаются и в материалах культур, контактировавших с культурами «скифо-сибирского мира», например, из Нижнего Приобья (усть-полуйская культура) [Чернецов, 1953, с. 150–151].

Еще в начале XX в. исследователи характеризовали топоры-секиры как предметы, выполняющие символическую функцию, связанную с сакральной деятельностью древних обществ (хотя это и не отменяет возможности утилитарного применения данных изделий) [Штуkenберг, 1903, с. 65]. Это связано с высоким качеством литья, изящными формами топоров и орнитоморфными и/или зооморфными изображениями, которые украшали парадные топоры-секиры. Помимо этого, такие изделия встречаются довольно редко по сравнению с другими видами оружия ближнего боя скифо-сибирских культур (чеканы, кельты, кинжалы).

Однако вопрос о смысловом значении ритуальных топоров-секир как статусных предметов остается открытым и дискуссионным. Больше всего данный вопрос рассматривался в контексте исследования ананьинских ритуальных топоров-секир. Существует две основные гипотезы, касающиеся семантики ананьинских предметов:

1) подобные секиры являются символами высокого социального статуса их владельца [Берлин, 2010, с. 154];

2) ритуальные секиры следует рассматривать «не как символ индивидуального статуса, а как предметы групповой значимости» [Черных, Митряков, 2022, с. 98].

Вторая гипотеза тесно связана с тем фактом, что все ананьинские ритуальные топоры-секиры являлись случайными находками. Как правило, предметы, подтверждающие высокий социальный статус их владельца, входят в состав погребального инвентаря. А данные топоры были найдены вне погребальных памятников.

К тому же, характер археологизации ритуальных топоров, несмотря на отсутствие их привязки к памятнику, мог быть и неслучайным. Вполне возможно, что это были votivные предметы, намеренно оставленные в качестве жертвоприношения [Кузьминых, Виноградов, 2015, с. 284].

В других культурах скифо-сибирского мира ритуальные топоры как обнаружены в могильниках (кобанская, меотская, тагарская культуры), так и являются случайными находками (шеломокская культура). Несмотря на морфологические различия ритуальных топоров различных скифо-сибирских культур, судя по всему, они выполняли схожие сакральные функции. Определение такой функции для какого-либо ритуального топора можно выявить из контекста его нахождения.

Свидетельства обнаружения случайных находок в местах, которые друг с другом не находят общих деталей действительно может рассматриваться как определенный групповой церемониальный акт, связанный с мировоззрением древних обществ. В таком случае секиры, найденные в могильниках, также имели сакральный характер, однако являлись проявлением индивидуальной собственности конкретного человека, обладающего высоким статусом.

*Научный руководитель – И.Н. Коробейников
зав. музеем истории, археологии и этнографии Сибири
им. В.М. Флоринского,
Томский государственный университет*

Список литературы

Берлин А.В. Ритуальные топоры раннего железного века из Приуралья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения) / отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2010. С. 150–162.

Кузьминых С.В., Виноградов Н.Б. Бронзовая секира из Златоустовского музея // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 274–290.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. М.: 1953. С. 121–178. (МИА; № 35).

Черных Е.М., Митряков А.Е. Новые находки предметов изобразительного искусства из ареала ананьинской КИО в Среднем Прикамье // Археология евразийских степей. 2022. № 2. С. 88–102.

Штукенберг А.А. Заметка: (О боевом тополе, доставленном с Воткинского завода) // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1903. Т. XIX. Вып. 1. С. 65.

Яблонский Л.Т. Скифо-сибирский мир: проблемы дефиниции и понятийного содержания // Урал. ист. вестн. 2015. № 3 (48). С. 108–115.

About the Status Value of Ritual Axes of the Scythian-Siberian World

V.A. Maltsev

The Scythian-Siberian world was formed on the territory of Eurasia from the Black Sea region to Lake Baikal by the middle of the I millennium BC. Cultures belonging to the Scythian-Siberian world are characterized by the similarity of the appearance of objects of material culture, burial traditions, settlement complexes, fine art, reflecting the worldview of ancient societies, etc. Since the beginning of the XX century, researchers have characterized axes as objects that perform a symbolic function associated with the sacred activities of ancient societies. However, the question of the semantic meaning of ritual axes as status items remains open and debatable. The article examines the status significance of ritual axes inherent in the cultures of the Scythian-Siberian world of the early Iron Age. Based on the collected material, the features of the context of finding these artifacts and their role in the worldview of ancient societies are revealed.

Keywords: ritual axes, accidental finds, burials, symbol of power, scythian-siberian world.

Мальцев Владимир Андреевич

студент 3-го курса

Томский государственный университет

e-mail: vova.malcev.02@list.ru

Maltsev Vladimir Andreevich

3rd year student

Tomsk State University

e-mail: vova.malcev.02@list.ru

Реконструкция женских головных уборов удмуртов родовой группы Докья (по материалам Большеволковского могильника «Вужшай»)

Н.А. Манукян

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Головной убор в женском костюме – важнейший элемент традиционной культуры, накапливавший на протяжении долгого времени различную информацию о своих носителях: их положении в обществе, состоятельности, мировоззрении, эстетических предпочтениях [Красноперов, Черных, 2017, с. 216]. В ходе археологических раскопок могильников нового времени, дающих прямые генетические связи с этнографической культурой удмуртов, предоставляется хорошая возможность проследить особенности сложения национальных особенностей костюма и динамику в его развитии. Для исследования был использован новый удмуртский могильник, изученный в ходе спасательных археологических работ в одном из западных районов Удмуртской Республики – Вавожском.

Большеволковский могильник «Вужшай» расположен на территории современной д. Большое Волково, основанной в самом начале XVIII в. удмуртами рода Докья. Старое кладбище этой родовой группы (удм. Вужшай) было известно по разведочным работам А.П. Смирнова 1936 г., В.А. Семенова и О.П. Вотяковой 1960–70-х гг. Тогда были изучены три могилы на площади школьного сада. В 2020 г. началось строительство новой школы, повлекшее за собой разрушение могил и необходимость спасательных работ.

В ходе раскопок были исследованы погребения северо-западной периферии удмуртского кладбища («вужшай») с признаками как языческой, так и христианской (православной) обрядности. В результате археологических работ собран разнообразный вещевой инвентарь. Это монеты, железные ножи и топоры, стеклянные бусы и бисер, серьги, головные уборы. Всего изучено 49 погребений, датируемых серединой XVIII – серединой XIX в. [Черных, 2021, с. 12].

Останки 25 погребенных (51 %) определены как женские. Сопроводительный инвентарь в женских погребениях достаточно разнообразен (медные перстни, железные серьги, пуговицы, монеты-чешуйки, бусы, бисер, монеты, железные ножи). В 3 погребениях на черепных костях умерших, а также рядом с черепами были выявлены пред-

меты, которые можно связать с остатками женских головных уборов (бусы, бисер, монеты-чешуйки, металлические жетоны). Умерших, кроме головных уборов, сопровождали и другие предметы: железный нож, медные монеты и ножницы.

В научном отчете Е.М. Черных изученные фрагменты головных уборов были предварительно атрибутированы как остатки девичьих шапочек «такья» и высокого убора на твердой основе «айшон» [Черных, 2021, с. 81].

Мне была поставлена задача гипотетической реконструкции головных уборов. За методологическую основу исследования принят комплексный подход, подразумевающий использование массовых находок, систематизацию данных и привлечение комплексов источников – исторических (письменных), этнографических и антропологических.

Удмурты, захороненные в Большеволковском могильнике, относятся к этнографической группе калмезов, расселившихся в бассейне р. Валы, левом притоке р. Кильмезь [Косарева, 2017, с. 22]. По этнографическим источникам, замужние калмезские женщины носили высокий берестяной головной убор цилиндрической формы – айшон. Его носили в комплекте с богато расшитым платком-покрывалом (сюлык) двух разновидностей: с черной рельефной древовидной вышивкой на белом фоне (с'од сюлык «черное покрывало») или красный аппликативный (горд сюлык «красное покрывало») [Там же, с. 23]. Для девичьего убора были характерны шапочки (такья). Их носили и северные и южные удмурты. Они шились из холста и кумача, украшались шелковой вышивкой, кораллами, красными бусами, монетами, раковинами-каури и аппликациями. По форме шапочки представляли собой колпак, сшитый из прямоугольного отреза холста и круглого донышка, или присборенную шапочку с небольшим отверстием на макушке. Поверх шапочки часто повязывали платок [Шутова, 2008, с. 195]. Наиболее часто встречающийся тип головного убора – йыршет – головная повязка, сшитая из домотканины и украшенная бусинами. По этнографическим данным, такого типа повязки носили девочки, девушки, женщины [Косарева, 2017, с. 29].

Как следует из вещевых наборов женских погребений Большеволковского могильника, в декоративном оформлении головных уборов использовались:

1) бусы и бисер различного цвета (белый, голубой, желтый, красный, зеленый) и размера: 9×5 , 6×7 , 3×3 мм;

2) монеты-чешуйки, размерами $1,5 \times 1,0$, $1,3 \times 1,0$, $1,2 \times 0,7$ см;

3) металлические жетоны из свинцово-оловянистых сплавов диаметром ок. 1 см.

В погр. 18 (возраст погребенной не определен) выше черепа и под ним расчищены бусы и бисер белого, голубого и желтого цветов, располагавшиеся двумя вертикальными рядами. Органическая основа убора не сохранилась, но по расположению бус и бисера можно предположить, что они были нашиты на твердую основу высотой не менее 18 см. По-видимому, в данном случае женщина была захоронена в головном уборе типа «айшон».

В погр. 47 (возраст погребенной 20–30 лет), кроме бус и бисера (зеленого, красного и белого цветов), выше черепа зафиксированы монеты-чешуйки и металлические жетоны, располагавшиеся горизонтальными рядами. Ряд бус чередовался с монетами. Сохранились также слабые следы тлена, скорее всего, ткани, в виде полосы шириной 14 см. Возраст умершей позволяет рассматривать в этом случае вариант с шапочкой-такья.

В погр. 49 женщины 35–45 лет бусы и бисер (желтого, красного и зеленого цветов) располагались в определенном порядке по обе стороны черепа, в области височных костей. Сохранился также след от ткани под черепными костями, похожий на прямоугольную повязку шириной 6 см. Бусы, как это следует из данных находок, могли быть

украшением налобной повязки от сложного головного убора, возможно типа «йыршет».

Таким образом, по основным типологическим признакам женские головные уборы Большеволковского могильника могут быть интерпретированы как остатки девичьих головных шапочек типа такья, налобной повязки – йыршет, и убора на твердой основе – айшон.

*Научный руководитель – Е.М. Черных
канд. ист. наук, доцент, профессор,
Удмуртский государственный университет*

Источники

Черных Е.М. Отчет о проведении спасательных археологических работ (наблюдения и раскопки) в границах земельного участка, отведенного под объект «Средняя общеобразовательная школа в д. Большое Волково Вавожского района Удмуртской Республики» весной–летом 2020 г. (выявленный объект культурного наследия «Большеволковский могильник «Вужшай»). Ижевск, 2021 // Архив Учебного кабинета кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ. Ф. 2. Д. 677.

Список литературы

Владыкин В.Е., Христоролюбова Л.С. Этнография удмуртов: Уч. пособ. Ижевск: Удмуртия, 1991. 160 с.

Красноперов А.А., Черных Е.М. Женский головной убор из Дубровского могильника IV–V вв. // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 216–237.

Косарева И.А. Этнографические группы удмуртского народа (опыт выделения). Ч. 1 // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. Т. 37, № 2. 195 с.

Шутова Н.И. Женские головные уборы удмуртов XVII – начала XX вв. (археолого-этнографические параллели) // КСИА. М., 2008. С. 193–209.

Reconstruction of Women's Headdresses of the Udmurts of the Dokya Clan Group (Based on the Materials of the Bolshevolkovsky Burial Ground "Vuzhshay")

N.A. Manukyan

The headdress of women in the folk costume of the Udmurts was a sign of belonging to one or another ethnographic group, a sign of family status, age. The report proposes a reconstruction of women's headdresses, studied during the excavations of the Bolshevolkovsky "Vuzhshay" burial ground. The basis for the reconstruction was the female burials of the burial ground dated to the middle of the 18th – the middle of the 19th centuries, belonging to the Udmurt tribal group Dokya, in which the remains of headdresses were found. According to the main typological features, the female headdresses of the Bolshevolkovskoye burial ground can be interpreted as the remains of girlish headdresses of the takya type, a women's headband – yyrshet, and a women's high headdress on a solid basis – aishon.

Keywords: archaeology, modern times, Udmurts, burial ground, women's headdress, reconstruction.

Манукян Нарине Андриасовна

студент 3-го курса

Удмуртский государственный университет

e-mail: nanimanukyan@yandex.ru

Manukyan Narine Andriasovna

3rd year student

Udmurt State University

e-mail: nanimanukyan@yandex.ru

Значение традиционной лодки в культуре народов Амура по материалам А.П. Окладникова*

Ю.Ю. Миленный

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

Отечественные исследователи, такие как В.В. Антропова, А.В. О कोरोков и др., рассматривали лодки народов Приамурья как один из элементов культурного наследия. Однако отметим небольшое количество целенаправленных исследований лодок как объектов историко-этнографического значения в пределах ареала тунгусо-маньчжурских народов Дальнего Востока.

Как известно, со времен освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII в. между коренным населением и первопроходцами устанавливались межкультурные взаимодействия [Окладников, 1954, с. 115–116]. В ходе освоения русскими Приамурского края местные народы перенимали у них различные технологии, которые порой были более практичными, и забывали традиции [Левин, Потапов, 1961, с. 116]. Так, среди тунгусо-маньчжуров со временем прекратилось использование традиционных лодок, что стало культурной потерей для Дальнего Востока. В настоящем исследовании мы предлагаем рассмотреть использование лодок на профанном и сакральном уровне древними народами Приамурья по материалам А.П. Окладникова. В ходе работы было выделено два основных направления, в рамках которых А.П. Окладников описывал лодки. Первое – это петроглифы в виде лодок и их значение у аборигенного населения. Второе – это упоминание лодок-берестянок в связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров Приамурья.

Интерпретация изображений лодок на писаницах Приамурья А.П. Окладниковым. Проблематика взаимоотношений древних народов Дальнего Востока, принадлежавших разным культурам, была освещена А.П. Окладниковым в ряде его научных работ. В статье «У истоков культуры народов Дальнего Востока» А.П. Окладников подчеркивал, что особую роль в повседневной жизни народов Приамурья имели разного типа лодки, что было связано с их основной промысловой деятельностью – рыболовством. Рыба составляла основу рациона местного населения, а рыба кожа использовалась как материал для изготовления одежды. Именно поэтому китайцы с давних пор называли жителей Приамурья «рыбекожими» – «юпитацзы». А.П. Оклад-

ников также называл жителей долины реки Амура «ихтиофаги» [Окладников, 1954, с. 237].

Активное распространение лодок в зоне Амура происходило уже в раннем неолите. К данному выводу пришел А.П. Окладников в своих работах о писаницах Нижнего Амура, где фигурировали изображения лодок во многих вариациях. В монографиях «Лики древнего Амура» и «Петроглифы Нижнего Амура» подробно описывались изображения лодок на памятниках Сикачи-Алян, Шереметьево, Кия, Калиновка и стойбище Май. Ученый видел религиозную составляющую в данных петроглифах. Он писал о сходстве изображений лодок в Приамурье с мифами древней Греции, посвященными переправе мертвых Хароном в загробный мир [Окладников, 1968, с. 77–78; 1971, с. 100].

Образ лодок на наскальных изображениях А.П. Окладников также определял в категориях магии; он нес в себе значение оберега от нечистой силы. Свои выводы автор подкреплял наблюдениями исследователей, ранее работавших в регионе, Б.А. Куфтина и Л.Я. Шренка. Так, например, Б.А. Куфтин описывал обряд «андзя». Согласно его данным, обряд устраивался сильным шаманом, чтобы умиловить своих духов-покровителей: «Шаман камлает, затем обходит юрты. Обойдя все стойбище, шаман приближается к приготовленному для него боту. Стоя поместился на его середине. Вслед за ботом от берега отчалило еще несколько лодок, полных народа. Объехав-таки образом все стойбище, расположенное при устье Анюя, шаман вернулся и, не отдыхая, приступил к жертвоприношению» [Окладников, 1971, с. 99]. А.П. Окладников акцентирует особое внимание на значении лодки в данном ритуале и предполагает, что наскальные изображения лодок с людьми служили той же цели и были отражением подобных обрядов защиты от злых духов [Окладников, 1971, с. 98–100].

Таким образом, ученый рассматривал лодки в различных вариациях не только как средство для передвижения и рыболовства, но и приписывал им сакральный смысл. Они являлись средством перемещения в загробный мир по поверьям местных жителей, или оберегом от злых духов.

*Исследование поддержано Программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», в рамках лаборатории под руководством молодых исследователей. Проект № FZMU-2022-0008, рег. № 1022052600017-6.

Глиняная модель лодки-берестянки в контексте проблемы этногенеза тунгусо-маньчжуров. В монографии «Далекое прошлое Приморья и Приамурья» А.П. Окладников выделил отдельную главу для рассмотрения проблемы этногенеза тунгусо-маньчжуров. В данной работе он выдвинул гипотезу, согласно которой тунгусские племена мигрировали с территории Забайкалья в Приамурье, что привело к смешиванию народов. Тунгусы переняли многие элементы автохтонной культуры, но при этом сохранили язык, основы религиозных воззрений, колыбель, лодку-берестянку и другие предметы общетунгусской культуры [Окладников, Деревянко, 1973, с. 283–296].

В доказательство гипотезы ученый выделял материал памятника раннего железного века, польцевской культуры – «Амурский Санаторий» в районе г. Хабаровска, где в 1959 г. проводились стационарные исследования. При проведении раскопок на памятнике было найдено несколько необычных изделия из глины, которые были напрямую связаны с культурой тунгусов Забайкалья. Среди изделий была фигурка-лодочка, повторяющая полностью модель лодки-берестянки [Окладников, Деревянко, 1973, с. 292–293].

Подобный тип лодок А.П. Окладников приписывал таежной культуре тунгусо-маньчжуров (эвенки, нанайцы, ороchi и удэгейцы). Исследователь утверждал, что такие лодки были «рождены потребностями таежной жизни», их конструкция позволяла легко проходить мелководные реки, а также озера таежной зоны [Там же].

Анализируя данные по народам Приамурья, можно предположить, что найденная на памятнике глиняная модель свидетельствовала о том, что лодки-берестянки уже в давние времена были востребованы у местного населения. В настоящее время использование лодок старого типа, таких

как берестянка, прекратилось. Они хранятся в музеях как элемент традиционной культуры народов Приамурья. В музеях России насчитывается девять лодок-берестянок и три находятся за рубежом [Шутихин, 2019, с. 116–117].

Итак, на основании работ А.П. Окладникова было определено значение и место лодок в культуре древних народов Приамурья. Исследователь рассматривал лодки не только как средство для передвижения и рыболовства, но и как средство перемещения в загробный мир или как оберег от злых духов. Описывая культуру Приамурья, ученый затрагивал проблему этногенеза тунгусо-маньчжуров. Одним из основных аргументов в пользу гипотезы о Забайкальском векторе в этногенезе стало использование лодок-берестянок коренным населением региона.

*Научный руководитель – А.П. Забияко
д-р филос. наук, профессор,
Амурский государственный университет*

Список литературы

Левин М.Г., Потапов Л.П. Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 107–130.

Окладников А.П. Лики древнего Амура. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 238 с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. М.: Наука, 1971. 343 с.

Окладников А.П. У истоков культуры народов Дальнего Востока // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М.: Госкультпросветиздат, 1954. С. 225–260.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далёкое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. книж. изд-во, 1973. 440 с.

Шутихин А.В. История и реконструкция берестяных лодок евразийского пространства: результаты работ 2003–2017 гг. // Всероссийский конгресс фольклористов. 2019. № 4. С. 115–122. doi:10.24411/9999-022A-2019-10217.

The Importance of the Traditional Boat in the Culture of the Peoples of the Amur on the Materials of A.P. Okladnikov

Y.Y. Milennyi

In the article it is proposed to consider the usage of boats in profane and sacred meaning in the ancient peoples of the Priamurye on the materials of Alexey Pavlovich Okladnikov, whose works are full-fledged historical and ethnographic base for research. This problem is relevant to the almost complete disappearance of traditional boats from the daily life of the Tunguso-Manchurian people. During the analyzing of publications, it was revealed that in his works the scientist considered the meaning of boats in several interpretations. First, as a cult object in the Aboriginal population, which becomes a bridge with the afterlife or an amulet against evil spirits. Secondly, as one of the factors to consider the problem of ethnogenesis of the Tunguso-Manchus in the territory of the Amur Region.

Keywords: birch boat, petroglyphs, cult, tungus, Priamurye, ethnogenesis, Tunguso-Manchuria.

Миленный Юрий Юрьевич

магистрант 1-го года обучения, младший научный сотрудник, лаборант
Амурский государственный университет
e-mail: yymilenny@mail.ru

Milennyi Yuri Yurievich

1st year master's degree student, junior researcher, laboratory assistant
Amur State University
e-mail: yymilenny@mail.ru

«Хуан цин чжи гун ту» как источник по джунгарскому и калмыцкому женскому костюму XVIII в.

А.С. Рыбалова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Важным элементом материальной культуры ойратов является оригинальный и самобытный костюм джунгар, калмыков Северного Прикаспия и хошутов Кукунора XVIII – начала XIX в. Однако данный вопрос изучен неравномерно. Если мужской ойратский костюм изучается давно и плодотворно, то женский ойратский костюм указанного периода долгое время не привлекал должного внимания исследователей. Его изучение возможно на основе комплексного анализа вещественных (в т.ч. археологических), письменных и изобразительных источников. Среди последних особое место занимает произведение «Хуан цин чжи гун ту» (далее – ХЦЧГТ) – «Изображение данников правящей династии Цин». Оно содержит рисунки цинских художников середины XVIII в., фиксирующих внешний вид знатных и рядовых джунгарок и калмычек указанного периода.

Целью статьи является выявление места ХЦЧГТ в общей системе источниковой базы по изучению ойратского женского костюма XVIII в. Данный вопрос еще не становился объектом специального научного исследования.

В начале второй половины XVIII в. Цинская империя включила в свой состав обширные территории Джунгарского государства. Это обусловило повышенный интерес цинских властей к центральноазиатскому региону и населяющим его народам [Бобров, Пастухов, 2021, с. 507]. Одним из цинских произведений «центральноазиатской» серии стала ХЦЧГТ.

Главным отличием данного произведения от аналогичных работ более раннего времени является наличие иллюстраций, изображающих внешний вид описываемых народов.

Первый вариант ХЦЧГТ (цветной) был составлен в 1751 г. группой китайских чиновников во главе с Фу Хэном для императора Цяньлуна. На живописных свитках изображения мужчин и женщин разных народов дополнялись текстами, содержащими сведения о месте их проживания, материальной и духовной культуре. В 60–80-х гг. XIX в. альбом был дополнен и размножен ксилографическим способом [Сомкина, 2019, с. 86].

До нашего времени дошло несколько цветных копий ХЦЧГТ. Одна из них, хранящаяся в Нацио-

нальной библиотеке Франции, была оцифрована и выложена в сеть несколько лет назад, что сделало возможным ее всестороннее изучение.

Ойратский цикл рисунков открывается изображением джунгарского тайджи и его супруги (всего в альбоме содержится 6 супружеских пар ойратов). Одевание женщины описано следующим образом: «Его жена заплетает волосы в две косы, украшенные красным шелком и жемчугом, в обоих ушах жемчужные серьги, одежда из расшитой парчи, головной убор и обувь подобны тем, что у тайджи» [Там же, с. 87].

Головной убор супруги тайджи представлен шляпой с горизонтальными полями и кистью «улан-зала». Желтый цвет шляпы свидетельствует о буддистском мировоззрении ее носителя, а красная кисть является отличительным признаком ойратов от их соседей – тюркских кочевников Центральной Азии мусульманского вероисповедания. Данная кисть сохранилась у калмыков вплоть до этнографического времени. Факт применения подобных шляп восточными ойратами (как мужчинами, так и женщинами) подтверждается письменными и изобразительными материалами XVIII в. В Тибете они сохранились вплоть до XX в., однако у западных ойратов – волжских калмыков, они не получили широкого распространения. В работе И.А. Житецкого, подробно описавшего калмыцкий костюм середины XIX в., такие шляпы не упомянуты.

Женщина одета в голубой халат, украшенный геометрическим и растительным орнаментом. В поясе халат перехвачен матерчатым узорчатым кушаком. В отличие от мужского халата на рукавах и горловине женского пущена вышивка. Стоит обратить внимание на точность изображений: прорисованы все детали вплоть до нитей бахромы и украшений в волосах.

Вторая пара – джунгарский зайсан и его жена. Головной убор последней заметно отличается от того, что мы видим у жены тайджи, и представляет собой зеленый колпак с конической тульей и широкими отогнутыми вверх полями, обшитыми мехом. Венчает шапку кисть «улан-зала». Бытование подобного головного убора у джунгар подтверждается многочисленными цинскими изображениями, а также рисунками российских художников XVIII в.

Халат супруги зайсана выглядит заметно скромнее. Он шит из однотонного материала, но при этом подбит мехом и украшен по периметру, плечам и в поясной части орнаментированными лентами.

Изображение третьей пары ойратов дает нам информацию о костюме рядовых джунгарских кочевников. Здесь мы уже видим одежду для зимы, т.к. материалом верхней одежды является овчина, вывернутая мехом внутрь. Единственным украшением шубы является полоса синей ткани, пропущенная по краям ее рукавов и подолу. В комментарии к изображению указано, что женщины так же, как и мужчины, носят «овечьи шапки с желтым верхом и одеты в платья, сшитые из кусков необработанной овчины, обуваются в сапоги из желто-черной кожи» [Там же, с. 90]. Из украшений женщина носит медные серьги. Сапоги супруги рядового ойрата, в отличие от жен тайджи и зайсана, изготовлены из простой неокрашенной кожи.

На следующих трех изображениях ойратов представлены калмыки-торгуты, прибывшие в Центральную Азию из Поволжья в 1771 г.

Костюм жены тайджи отличается от джунгарского аналога: зеленая цилиндрическая шапка женщины оторочена мехом и увенчана кистью «улан-зала». Похожие шапки сохранились у калмыков вплоть до второй половины XIX в. [Житецкий, 1893, с. 11]. Длинный красный орнаментированный халат подбит мехом и оторочен синей тканью. Привлекают внимание длинные рукава, которые, видимо, являются этническим маркером торгутов, т.к. они имеются и у жены зайсана, и даже у простолюдинки.

Костюм жены зайсана так же, как и у джунгар, имеет зеленый цвет. На ее халате мы не видим пояса и вышивки, однако обшлага, полы и горловина оторочены мехом и материей другого цвета. Нужно сказать, что обе женщины имеют несколько украшений в косах и серьги. У рядовой калмычки из украшений сохраняются только медные серьги. Описание подобных украшений дано в записях XIX в. у И.А. Житецкого [1893, с. 13].

Главным убором рядовой калмычки является синий колпак тюркского типа с меховой опушкой. Халат без пояса мехом внутрь крыт неокрашенной материей.

Давая оценку ХЦЧГТ как источнику по костюму ойратов, необходимо отметить, что при его составлении цинские художники старались передать одежду своих старых западных противников (и новых подданных) максимально достоверно.

Императором было дано указание по возможности рисовать представителей различных народов с натуры [Hostetler, 2001, p. 45]. На момент составления произведения Джунгария была включена в состав Цинской империи. Ойраты неоднократно посещали Пекин, а цинские чиновники – Джунгарию. Таким образом, были созданы все условия для объективной фиксации внешнего вида ойратов.

Комплексный анализ вещественных (в т.ч. этнографических и археологических), изобразительных и письменных источников позволяет утверждать, что женские костюмы джунгарок и калмычек переданы в ХЦЧГТ в целом достоверно. Нам сложно согласиться с мнением Н.А. Сомкиной, согласно которой: «...этнографические детали создателей трактата не слишком интересовали <...> Центральноазиатскую часть трактата «Чжи гун ту» нельзя считать объективным источником для исследований данного региона...» [2019, с. 104]. Напротив, проведенное исследование показало, что ХЦЧГТ является одним из самых подробных и достоверных произведений по женскому ойратскому костюму XVIII в. Данное произведение может привлекаться для исследований по изучению одежды и украшений джунгарских и калмыцких женщин указанного периода.

*Научный руководитель – Л.А. Бобров
д-р ист. наук, вед. науч. сотр., профессор,
Новосибирский государственный университет*

Список литературы

Бобров Л.А., Пастухов А.М. «Циньдин Хуаньюй Сиюй тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. // *Bylye Gody*. 2021. 16 (2). С. 506–526.

Сомкина Н.А. «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту») как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке, цз. II // *Современные востоковедческие исследования*. Казань, 2019. Т. 1, № 4. С. 85–107.

Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографическія наблюденія 1884—1886 гг. Съ 12 таблицами рисунковъ и фототипій // *Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи*. Т. LXXVII, вып. 1; *Труды Этнографическаго Отдѣла*. Т. XIII, вып. 1. Москва: Типографія М. Г. Волчанинова, 1893. Т. II, 73 с.

Hostetler L. Qing colonial enterprise: ethnography and cartography in early modern China. Chicago and London: The University of Chicago, 2001. 257 p.

“Huang Qing Zhi Gong Tu” as a Source on the Dzungarian and Kalmyk Women’s Costume of the XVIII Century

A.S. Rybalova

The article examines the images of Oirat women in the Qing source “Huang Qing zhi gong tu” (hereinafter – HQZGT). Comprehensive analysis of pictorial and written materials refutes the opinion prevailing in historiography about the unreliability of the depiction of the inhabitants of Central Asia in the HQZGT. This document gives us illustrations of representatives of different peoples who have contacts with the Qing Empire. Among them there are images of 6 married couples of Oirats. The article describes the clothes of women and draws parallels with its later description. It is established that the HQZGT is one of the most detailed and reliable work on women's Oirat costume of the XVIII century, which can be used for research on the study of outerwear, hats and jewelry of Dzungarian and Kalmyk women of the mentioned period.

Keywords: Huang Qing zhi gong tu, women's costume of XVIII century, Oirats, Kalmyks.

Рыбалова Александра Сергеевна

студент 3-го курса

Новосибирский государственный университет

e-mail: a.rybalova@g.nsu.ru

Rybalova Alexandra Sergeevna

3rd year student

Novosibirsk State University

e-mail: a.rybalova@g.nsu.ru

УДК 902.2

Нумизматическая коллекция ОКН «Город Гижигинск» (раскопки 2020 г.)*

Р.Т. Сулейманлы

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

Гижигинской археологической экспедицией в 2020 г. при исследовании ОКН «Город Гижигинск» были найдены артефакты, свидетельствующие о функционировании объекта в XVIII – начале XX в. [Батаршев и др., 2022], в т.ч. собрана представительная нумизматическая коллекция [Технический отчет..., 2020]. Анализ и интерпретация находок позволяют восстановить историю появления, использования денежных знаков в Гижигинске в середине XVIII – начале XX в., и дополнить неизвестные страницы истории Севера Дальнего Востока России. Задачи исследования: описать и систематизировать нумизматическую коллекцию ОКН «Город Гижигинск»; выявить производителей, страну и время производства денежных знаков.

Стало возможным определить 24 из 25 денежных знаков. Это изготовленные из различных металлов монеты. Из них: 5 датированы второй половиной XVIII – началом XX в. (эпоха Российской империи), 18 выпущены в 1924–1938 гг. (эпоха СССР), 1 монета произведена за рубежом. Одна монета не была определена в связи с неудовлетворительной сохранностью.

Денежные знаки Российской империи представлены монетами из меди и серебра (5 экз.). Наиболее ранняя – «Сибирская монета» номиналом 10 копеек

1776 г. Ее диаметр 40 мм. На аверсе монеты изображен вензель Екатерины II, состоящий из буквы «Е» (Екатерина) и римской цифры «II». Сверху размещена императорская корона. Изображения окружают две ветви, связанные внизу бантом. Под буквой «Е» нанесены две буквы «КМ», что означает «Колыванская Медь». Монета отчеканена по указу Екатерины II «исключительно для обращения в Сибири» на основании в 1766 г. монетного двора в Сузуне – рабочем поселке на территории современной Новосибирской области.

Монета 5 копеек 1854 г. выпускалась в период правления Николая I; изготовлена из меди. Ее диаметр 30 мм. На аверсе изображен Государственный Герб Российской империи образца 1830 г. Аверс монеты поражен коррозией и ржавчиной, видны только некоторые фрагменты герба: левое крыло двуглавого орла и лапы, держащие скипетр и державу, а также нечеткий контур московского герба.

Монета 20 копеек 1879 г. изготовлена из серебра 500 пробы. Ее диаметр 21 мм. На аверсе монеты в центральной части изображен Малый Государственный Герб Российской империи образца 1856 г. (время правления Александра II).

Монета 50 копеек 1897 г. изготовлена из серебра 900 пробы; ее диаметр 21 мм. На аверсе монеты

*Работа выполнена по гранту Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», проекты № 13/2020–Р, № 33/2022–И.

изображен профиль Николая II лицом влево. Монета отчеканена на Парижском монетном дворе, т.к. Петербургский монетный двор, который обычно выпускал монеты этого номинала, на то время был перегружен изготовлением золотых монет [Серебряные монеты...].

1 копейка 1909 г. диаметром 21 мм отчеканена из меди в период правления последнего императора Российской Империи – Николая II. На ее аверсе в центральной части изображен Малый Государственный Герб Российской империи образца 1856 г.

Деньги эпохи СССР найдены в количестве 18 штук. Это монеты номиналом 1 копейка 1924 г. (3 экз.), 3 копейки 1924 г. (1 экз.), 3 копейки 1929 г. (1 экз.), 5 копеек 1930 г. (3 экз.), 2 копейки 1931 г. (1 экз.), 5 копеек 1931 г. (1 экз.), 15 копеек 1932 г. (1 экз.), 2 копейки 1934 г. (1 экз.), 3 копейки 1934 г. (1 экз.), 10 копеек 1936 г. (3 экз.), 1 копейка 1938 г. (1 экз.), 2 копейки 1938 г. (1 экз.).

Первые монеты СССР (1924 г. выпуска) размером и весом полностью повторяли дореволюционные, но изображения и надписи отличались. Такой шаг был предпринят советской властью с целью повышения доверия населения к советской денежной системе и восстановления цен довоенного уровня. Считалось, что возвращение к дореволюционному стандарту поможет достичь этих целей [Медные монеты...].

В изучаемой коллекции пять монет отчеканены из медно-никелевого сплава с 1936 по 1938 г. Более дешевый медно-никелевый сплав пришел на смену серебру в 1931 г., позволил снизить затраты на производство монет. Из-за экономической стабильности и устойчивости цен население спокойно восприняло такое решение [Медно-никелевые монеты...].

Иностранная монета – круглой формы, зеленовато-коричневого цвета, с иероглифами на одной стороне и волнообразными знаками на другой, с квадратным отверстием в центре. Изготовлена предположительно из сплава меди с латунью. Это японский денежный знак — «канъэй цухо», использовавшийся в 1626–1868 гг. в период Эдо под властью сёгуна Токугава и 300 магнатов – время экономического роста, строгого общественного порядка, мира, массового увлечения искусством и культурой и пр. Номинал найденной монеты оценивается в 4 мон. Это была повседневная валюта простого населения, используемая для небольших платежей [Понкраторова, Лебедева, Батаршев, 2022].

На основе исследования нумизматической коллекции подтверждается, что в Гижигинске с середины XVIII в. велась активная торговля. Об этом свидетельствуют и другие находки – весы, разнообразных гири, деревянные костяшки счет. В товарообмене не последнюю роль играли и такие предметы меновой торговли, как бусы из стекла

и пластмассы, дешевые гребешки и пр. [Там же]. Не смотря на устоявшееся в исторической литературе убеждение, что на северных территориях торговля носила в основном меновой характер [Алексеев, 1982], тем не менее, количество найденных монет в достаточно небольшом раскопе (9 м²) [Технический отчет..., 2020] свидетельствует, что товарно-денежные отношения в Гижигинске и на сопредельных территориях имели большое значение практически с самого его основания и выполняли одну из главных функций поселения – торгового центра на Северо-Востоке страны.

Гижигинск был одним из тех поселений на Дальнем Востоке, где велась торговля не только между городским и местным населением, но и с иностранными компаниями из Японии, Китая и США [Назарова, 2012; Понкраторова, Лебедева, Батаршев, 2022]. Использование японских монет уточняет факт присутствия в Гижигинске японской рыболовной фактории [Материалы...].

Датируемые 1938 г. монеты свидетельствуют, что поселение функционировало как минимум до 1938–1939 гг. Отсутствие монет позже 1938 г. выпуска может быть не случайным, и направляет нас на дальнейший поиск причин оставления Гижигинска жителями в 1930-х гг.

*Научный руководитель – И.Ю. Понкраторова
канд. ист. наук, доцент, вед. науч. сотр.,
Северо-Восточный государственный университет*

Источники

Материалы инспектора рыболовства о деятельности японских фирм на арендованных рыболовецких участках за 1933 г. // ГАМО. Ф. Р–59. Оп. 1. Д. 60. Л. 4.

Нумизматическая коллекция ОКН «Город Гижигинск» // Фонды МОО РГО (временное хранение).

Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ)» ООО «НПЦ ИКЭ», г. Владивосток, 2020. 303 с.

Список литературы

Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.

Батаршев С.В., Понкраторова И.Ю., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Голохвастов М.В., Лебедева Л.С., Нестерович А.В. Историческая археология Севера: город Гижигинск // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 1 (38). С. 23–34.

Медно-никелевые монеты (1931–1957) // Деньги России от истоков до современности: сайт. URL: <https://>

www.russian-money.ru/coins/sssr/nikel-1931-1957/ (дата обращения: 10.10.2022).

Медные монеты (1924–1928) // Деньги России от истоков до современности: сайт. URL: <https://www.russian-money.ru/coins/sssr/mednye-1924-1928/> (дата обращения: 10.10.2022).

Назарова Я.В. История Гижиги (XVII–XX вв). Освоение Северо-Востока России. Дюссельдорф: LAP LAMBERT Academic Publ., 2012. 128 с.

Понкратова И.Ю., Лебедева Л.С., Батаршев С.В. Иностранные предприниматели в истории «Территории»: Гижигинск в 1920–1930-е гг. // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток, 2022. Т. 35. С. 197–212.

Серебряные монеты Николая II (1894–1917 гг.) // Музейные коллекции из фондов музея-заповедника «Кижи»: сайт. URL: <https://kizhi.karelia.ru/collection/pravlenie-nikolaya-ii-1884---1917-gg/87.html> (дата обращения: 10.10.2022).

Numismatic Collection of the Cultural Heritage Object “City of Gizhiginsk” (Excavations 2020)

R.T. Suleimanly

Banknotes from the numismatic collection “The City of Gizhiginsk”, extracted by the Gizhiginsky archaeological expedition in the Magadan region in 2020, are the subject of our research. Their analysis and interpretation allow us to reconstruct the history of the appearance and use of banknotes in Gizhiginsk. The banknotes in the collection are represented by 25 coins. Five of them are dated to the second half of the XVIII – early XX centuries (the era of the Russian Empire), eighteen were issued during the USSR (1924–1938), one coin was produced abroad (Japan, 1626–1868), one coin was not determined due to unsatisfactory preservation. Commodity-money relations in Gizhiginsk took place almost from the beginning of its operation and provided one of its main functions – the trading center in the Northeast of Russia. The discovery of a Japanese coin confirms the presence of a Japanese fishing trading post in Gizhiginsk. Coins dating from 1938 indicate that Gizhiginsk functioned at least until 1938–1939.

Keywords: Cultural Heritage Object “City of Gizhiginsk”, archaeological excavations, Siberian coin, coins of the Russian Empire, coins of the USSR, Japanese coin, commodity-money relations.

Сулейманлы Рамиль Талех оглы
студент 2-го курса
Северо-Восточный государственный
университет
e-mail: ramilallahgulu@gmail.com

Suleimanly Ramil Talekh ogly
2nd year student
North-East State University
e-mail: ramilallahgulu@gmail.com

УДК 092

Средневековое оружие в свете акторно-сетевой теории (на примере исследования новгородских берестяных грамот)

Д.А. Усов

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Оружие в трудах отечественных ученых предстает как вещь, полностью реализующаяся в войне. Это вещь в подчиненном положении. Оружие пробивает доспех, оно поражает тело врага – все это действия объекта, на который направлена воля человека-субъекта. Оружие описывается как объект смерти. И это справедливо, за исключением одного нюанса. Само оружие не порождает смерть, ее порождает человек, владеющий оружием. Поэтому важно, какую именно социальную роль играет оружие. Какое социальное значение оно имеет. Оружие объясняется через социальное. Будь то семиотическое объяснение символики меча, важная для отражения религиозной или политической воли людей. Или же марксистская трактовка материального как отражения общественного устройства,

и тогда уже оружие говорит нам о социальных группах, их иерархичности, роли в общественной структуре. Но само оружие безмолвствует. Оно как зеркало, которое отражает все, но при этом невидимо [Соколовский, 2017].

Оружие безусловно подходит под описание объекта, структурирующего пространство. И было бы естественно перевести фокус на изучение материального. Пожалуй, наиболее радикальными в «материалистическом повороте» являются представители акторно-сетевой теории (ANT). Одно из главных отличий ANT от других концепций «поворота к вещам», заключается в полном отмежевании от социально-антропологической традиции, и поэтому социальность материального мира не является первичной научной задачей: объекты и субъекты уравниваются

в правах, и те, и другие являются актантами, «вовлеченными в действие» [Богданова, 2014]. Радикализм ANT состоит в построении новой социологической онтологии, где определяющей будет только реальность, порождающая категории «действующие» или «недействующие» [Вахштайн, 2015, с. 13].

Очевидно, что переосмысление материальности потребовало кардинального пересмотра концепции вещи. Эта концепция, вышедшая из полевой этнографии с ее интересом к бытовой стороне культуры, основывалась на идеологии здравого смысла и наивной эпистемологии.

В данном исследовании мы стремимся описать средневековое оружие как актанта, который исследователь фиксирует в берестяных грамотах как в заметках полевого антрополога. На их основе оружие изучается не как средство реализации социальных практик или семиотическое отражение индивидуального или коллективного сознания. Оно изучается как активный технологический объект жизни социума. Нам важен не воин, держащий оружие, а оружие, создающее воина.

Берестяные грамоты представляют уникальное сочетание нарратива и археологического артефакта. Они созданы в определенный момент прошлого и фактически законсервированы в нем. Места нахождения грамот часто соответствуют местам, где когда-то проживали или работали адресаты, увеличивает их значимость и позволяют проводить сравнительный анализ вместе с другими артефактами из тех же раскопок, помещая тем самым грамоты в повседневную культуру своего времени.

Берестяные грамоты являются письменным нарративом, значит, их можно анализировать, как и любую другую письменную информацию. Они становятся окном и одновременно ключом, позволяющим увидеть и понять несказанное, необдуманное, но существовавшее в прошлом средневекового Новгорода и его жителей.

Подходя к анализу берестяных грамот методами акторно-сетевой теории, мы определяем их как «записи». Циркулируя, записи артикулируют сеть, которую исследователи характеризуют как социотехническую. В нее включены вещи. Известно, что средневековый Новгород сохранил до нашего времени огромное количество различных вещей, отражающих все сферы жизни его жителей. В период с 1932 по 2002 г. было обнаружено в общей сложности 150 тыс. различных изделий из камня, глины, стекла, кости, янтаря, кожи, дерева, бересты, железа, меди, олова, серебра, золота. Эти материалы представлены множеством разных предметов, в т.ч. и вооружения [Рыбина, 2006, с. 14].

Представляется, что в мире вещей Новгорода той эпохи берестяные грамоты были связующим

звеном между самими вещами и их равной с людьми жизнью в социуме, которую и будет рассматривать данная работа.

Оценка средневекового русского общества как военизированной системы [Кирпичников] предполагает производство этим обществом нарративных артефактов, которые фиксируют войну на уровне повседневности. Оружие же является вещью, соединяющей конкретного человека и явление (войну). Анализ вещей в грамотах с позиции самих этих вещей, возможно, покажет эту фиксацию и позволит оценить ее интенсивность.

В ходе исследования было проанализировано 616 берестяных грамот, найденных в Новгороде и относящихся к периоду с примерно с 1020 по 1250 гг. Тексты грамот с переводом и указанием места находок выложены на сайте «Древнерусские берестяные грамоты». Они разбиты на несколько категорий, которые могут показать концепт «оружие-как-актор». Это грамоты с прямым упоминанием оружия и грамоты с указанием на сражения/битвы/походы.

Оружейных терминов, указывающих на оружие в берестяных грамотах, оказалась очень мало. Четыре упоминания на 616 грамот в период с XI по XIII в. При этом событий или социальных практик, в которых оружие участвовало, значительно больше. Сам по себе этот факт любопытен. Ведь исследователи определяли древнерусское общество как очень воинственное. Тем более странно выглядит столь мизерная частота упоминания вооружения в источниках повседневного содержания. Вполне возможно, что восприятие насилия или войны у рядового древнерусского человека отличалось от княжеской среды.

Исследователи, бравшиеся за изучение древнерусского оружия, в большинстве своем рассматривали его функциональную сущность, составляли каталоги предметов, объединяя их по конструктивным признакам. Комментарии о нефункциональной сущности оружия – как социального объекта и семиотического предмета – давались в рамках объяснительной систематизации, чтобы четче очертить социальный круг пользователей оружия или отобразить иерархические структуры, указывая на оружие как властный атрибут. При этом почти всегда оно изучается в своей «естественной среде обитания» – воинских конфликтах. В редких случаях оружие выходит в пространство политической или сакральной культуры. Но при этом оружие всегда выступает как орудие социальных отношений.

Наличие оружия как вещи в повседневности новгородцев – это эмпирический факт, подтвержденный археологическими находками. Проблемой становится его неупоминание в контексте действий, которые предполагают участие. Очевидно,

что само оружие является активным *актантом*, который включает человека в сеть войны как война. В тех грамотах, где нет упоминания оружия, но есть сеть-война, оружие является элементом ассамблеи социальных групп – профессиональных или этнических, которые инициируют войну. Война как реальность, в том числе и на повседневном уровне, определяется через интенсивность влияния оружия как актанта на другие акторы в сети.

Потенциально развить это направление можно, привлекая реальные находки древнерусских орудий и пытаясь их рассмотреть через уже зафиксированные сети.

Но эти исследования будут впереди, а на данный момент можно сказать, что результат показал возможность использования акторно-сетевой теории при анализе вещей, составляющих историческую повседневную культуру.

*Научный руководитель – Е.Ю. Трушкина
канд. филос. наук, зав. научным кабинетом-библиотекой
академика Вяч.Вс. Иванова,
Российский государственный гуманитарный
университет*

Medieval Weapons from the Point of Actor-Network Theory (on the Example of the Study of Novgorod Birch Bark Letters)

D.A. Usov

The article studies the Medieval weapons from the point of Actor-Network Theory (ANT) by Latour on the case-study of Birch Letters from Novgorod (Russia) of the XI-XIII centuries.

Keywords: actor-network theory, medieval weapons, Novgorod birch-bark letters, cultural anthropology, history of culture, archaeological study.

Усов Денис Александрович

магистр культурологии
Российский государственный гуманитарный
университет
e-mail: denis.usov1806@gmail.com

Список литературы

Богданова Н.М. «Поворот к вещам» или книга о том, как «пережить обыденность как драгоценность» // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 94–97.

Вахштайн В.С. «Поворот к материальному»: тридцать лет спустя // Социология власти. 2015. Т. 27, № 1. С. 8–16.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие Вып. 1 Мечи и сабли. IX–XIII вв. // Сайт Волостной Областной универсальной научной библиотеки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/drevn/text.pdf>

Рыбина Е.А. Мир вещей средневекового Новгорода (по археологическим находкам) // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 38. С. 14–19.

Соколовский С.В. Теория вещей и этнографии материальности // Российская антропология и «онтологический поворот» / отв. ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 1–30.

Usov Denis Alexandrovich

Master of Cultural Studies
Russian State University for the Humanities
e-mail: denis.usov1806@gmail.com

Список сокращений

АР	– автономный район
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БКИЧП	– Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БМАК	– Бактрийско-Маргианский археологический комплекс
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр СО РАН
БНЦ УрО РАН	– Башкирский научный центр Уральского отделения РАН
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВДИ	– Вестник древней истории
ВСОИРГО	– Восточно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества
ГАМО	– Государственный архив Магаданской области
ГБУ АНИЦ АН РС(Я)	– Государственное бюджетное учреждение Арктический научно-исследовательский центр Академии наук Республики Саха (Якутия)
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение РАН
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГИиПМНС СО РАН	– Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ИИА АН Казахской ССР	– Институт истории и археологии Академии наук Казахской ССР
ИИМК	– Институт истории материальной культуры РАН
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
КАЭ ИГУ	– Комплексная археологическая экспедиция Иркутского государственного университета
КИО	– культурно-историческая общность
КН МНВО РК	– Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КХ	– книгохранение
ЛИАЭ	– Ленская историко-археологическая экспедиция
МАЭ	– Музей археологии и этнографии (Кунсткамера)
МАЭ СВФУ	– Музей археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета

МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МО ГАУК МОКМ	– Магаданское областное государственное автономное учреждение культуры «Магаданский областной краеведческий музей»
МРКМ им. Н.М. Мартянова	– Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова
ОАН	– объект археологического наследия
ОКН	– объект культурного наследия
ПМА	– полевые материалы автора
РА	– Российская археология
РГИА ДВ	– Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РГО	– Русское географическое общество
РЦХИДНИ	– Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
ФИЦ УУХ СО РАН	– Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
ЦААПЧ АН РС (Я)	– Центр арктической археологии и палеоэкологии человека Академии наук Республики Саха (Якутия)
SB RAS	– Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

Содержание

Археология каменного века

Власенко Д.Е. Первичное расщепление в индустрии палеолитического слоя Усть-Мензы-14 (Западное Забайкалье)	7
Глушко Н.В. Переиспользование дефектных шлифованных орудий в неолите Северного Приангарья по материалам стоянки Ручей Смолокурный (работы 2010–2011 гг.)	10
Гребенюк С.П. Зубчатые наконечники гарпунов токаревской культуры (Северное Приохотье)	12
Деревнина А.С. Первичное расщепление финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина)	15
Дубровский Р.И. Опыт применения метода бурения при изучении гравных памятников эпохи позднего палеолита в Омском Прииртышье на примере стоянки Черноозерье II	18
Золотарев Д.П., Шегутов И.С. Многослойное местонахождение Мальтинка-1 (Южное Приангарье): по материалам работ 1977 и 1983 гг.	20
Климов Г.А. Специфика следов перфорации кости сверлом и проверткой	23
Кошкина Д.С. Планиграфический метод в исследованиях раннеголоценовых культур Байкальской Сибири и о. Хоккайдо: опыт компаративного исследования	25
Левина Е.В. Экспериментальное моделирование верхнепалеолитических техник перфорации	27
Мархаева Д.А. Керамика посольского типа на территории Западного Забайкалья (на примере стоянки Нижняя Берёзовка)	30
Му Цилэ. Сравнительный анализ археологических изделий из нефрита Прибайкалья и Северо-Восточного Китая	32
Охлопков В.В. Формовочный состав неолитической керамики многослойной стоянки Кюнкю II (Южная Якутия)	34
Папин А.Д. История исследования палеолита Восточного Казахстана	37
Сафин Д.А. Клады каменного века как археологический источник	39
Селютин А.И. Распространение пластинчатых индустрий на территории Корейского полуострова в контексте начального верхнего палеолита Северной и Северо-Восточной Азии	41

Смолкина В.С. Реконструкция составных орудий палеолита: от С.А. Семенова к результатам современных исследований	43
Степанов М.В. Определение природы материала сетки-плетенки по керамике раннего неолита Якутии: опыт экспериментального моделирования	45
Трухина Ю.А. Новый палеолитический комплекс многослойного поселения Студеное-2 (Западное Забайкалье)	47
Тюлюбаева К.Д. Изучение энеолита лесостепного Притоболья	50
Халикова А.Т. Каменный орнаментир из позднеэнеолитического уровня многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (Северное Приангарье)	52
Шегутов И.С. Скрепки карене: обзор классификаций и типологий	54

Археология эпохи палеометалла

Абат Р.Ц. Культовые комплексы сарматской эпохи на плато Устюрт	57
Белых А.В. Предварительные данные раскопок поселения баитовской культуры Исетское-3 в 2022 году (по материалам раскопа № 6)	59
Богайчук Е.А. Керамика с гребенчато-ямочной орнаментацией в комплексах самусьской культуры: историографический аспект	61
Валиханова М.Б. Впускные погребения в курганах раннего железного века	64
Гаврилин А.С. Особенности сузгунского керамического комплекса поселения Красная Гора	66
Гагарина Е.А., Кранчев Д.А. Керамический комплекс тагарского могильника Белый Яр I	68
Губенко Е.В. Набор инструментария для сверления каменных бусин из памятников Среднего Енисея VII века до н.э. – V века н.э.: результаты экспериментального использования	70
Дмитриев Д.Д. Сравнительная характеристика бронзовых ножей с ажурными рукоятями из тайги Среднего Енисея (Казачинский археологический микрорайон)	72
Дупчур Ч.И. Погребальный обряд Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры в низовьях р. Белой (предварительное сообщение)	74
Егинбай А.Е. Материалы исследования кургана 35 гуннского могильника Актас I	77
Зарипов Ш.Я. Мечи саргатской культуры	80
Калинская А.В. К проблеме культурно-хронологической атрибуции глиняных конусов раннего железного века	82
Кириллова М.А. Литейная мастерская поселения Ендырское VIII: новые материалы	84
Киселев В.Г. Кельты раннего железного века на поселении Черепаша-5 (Приморье)	86
Коробейникова А.О. Ландшафтные особенности поселений бронзового века в Лесостепном Алтае	88
Котелевец Д.О. Кентский псалий и его тшинецкие аналогии	90
Купянская М.Р. Морфологический анализ каменных наконечников стрел могильника бронзового века Туаханэ IX (оз. Байкал)	92
Мальцева Е.Б. Медицинские инструменты эпохи бронзы Западной Сибири	94
Мамаева А.К. Характеристики таштыкских поминальных комплексов	95
Мельник С.В. Проблематика изучения гончарных мастерских в Казахстане в эпоху поздней бронзы	98
Назаров Н.Е. Астрагалы Новотроицких курганов: анализ контекста и функциональная интерпретация	99
Некраш А.А. Детские захоронения одиновской и кротовской культур	102
Огнева Е.Д. Каменный жертвенник на четырех ножках из материалов поселения Исетское-3	104
Панченко М.Н., Цветкова Н.К. Социальная дифференциация носителей позднекротовской (черноозерской) культуры (по материалам могильника Сопка-2/5)	106

Рысбергенов М.А. Погребальные памятники алакульской культуры Чингистау	108
Савко И.А. К вопросу о выявлении посуды, сделанной одним мастером, на материалах могильника андроновской (федоровской) культуры Нижняя Суетка в Кулундинской степи	111
Серикбай Ш.К. Планиграфические характеристики поселений Кент, Аккезен, Семиярское	113
Соларев П.А. Погребение знатного воина из могильника Исаковка I	115
Тагленов А.М. Металлургический комплекс поселения Алат	117
Тарнакова К.М. Происхождение сережек «саргатского типа» из Сибирской коллекции Петра I	119
Титова А.В., Некраш А.А. Предметы сарматского вооружения в материалах памятников саргатской культуры	120
Тюгашев И.Е. Оценка вариабельности майкопской культуры по данным прикладной статистики.....	123
Фомин М.А. К вопросу о назначении «штандартов» и наверший тагарской культуры	126
Чикичева А.А. Детские погребения могильника Шаманка-5 (Среднее Приангарье)	128
Шаталова С.А. Бляха с изображением оленя из кургана в черте города Красноярска	130
Шейкин С.А. История археологического исследования памятника Советский Путь-1 и перспективы его дальнейшего изучения	132
Шустова А.Н. Сравнительный анализ детских погребений тесино-таштыкского времени Южной Сибири	134
Ютт Д.В. Кельт и удила из г. Щучинска, Казахстан	137

Археология Средневековья и Нового времени

Агешин И.А. Рёлкинский защитный доспех как показатель сложной военной организации культуры	139
Антонова А.А. Обувь и одежда из коллекции ОКН «Город Гижигинск» (раскопки 2020 г.)	141
Войтко Д.А. Наконечники стрел эпохи Средневековья Стеклянухинского городища (Стеклоуха-1)	144
Ганш М.Д. Центральноазиатский меч XVII – первой четверти XVIII в. из буддийского монастыря Аблай-кит в Восточном Казахстане	146
Давыдов Р.В. Комплекс торевтики аскизской культуры из села Тюхтыты	149
Зырянова А.Ю. Находки жерновов ручных мельниц в археологических памятниках Алтая	152
Иванов А.А. Предметы из кости в коллекции ОКН «Город Гижигинск»	154
Иванов А.А. Керамика как элемент погребального обряда якутов: к постановке проблемы	156
Казимиров И.В. Религиозная атрибутика археологической коллекции из ОКН «Город Гижигинск»	158
Макаров С.П. Проблема болгарского «импорта» на территории Сибири (историографический обзор)	160
Марциноха В.Г. Типология сырцовых мавзолеев Тенгиз-Коргалжынской впадины	162
Менщикова А.В. Раскопки «Культурного слоя города Кургана» на ул. Куйбышева, 10 в 2021 году ...	164
Мишкина Е.В. Меднолитейная пластика в истории отечественной культуры и в современных исследованиях Сибири	167
Новгородов А.П. Якутские луки центральноазиатского типа	170
Пронин Д.И. О некоторых особенностях конструкции и оформления сложносоставного лука эпохи династии Цин	172
Рахматуллин С.Х. Особенности мусульманских погребальных памятников Нижнего Прикамья X–XV вв.	175

Семенов А.А. Женское конское седло якутов (по материалам погребений)	177
Сорокина Е.Г. Зооорнитоморфные изображения с личинами эпохи раннего Средневековья Западной Сибири	179
Сыроватский В.В., Иванова Л.Ф. Европейские счетные жетоны в археологических памятниках Якутии: обзор и новые данные	181
Тимина А.Е. Бусины из коллекции ОКН «Город Гижигинск» (раскопки 2020 г.)	183
Торохова А.Д. Погребальные практики в эпоху Средневековья на территории Северного Приангарья	186
Ухинов З.Ч. История исследований погребений XII–XIV вв. в Поононье (Юго-Восточное Забайкалье)	188
Харланович А.Д. Керамическая коллекция стоянки Историческая в Красноярске	190
Шефер И.Е. Потчевашская культура в Среднем Прииртышье: реконструкция социокультурной истории	192
Шкуратова Е.В. Положение и сохранность костных останков на памятнике «Сергеевка, городище-4» в Западном Приамурье с точки зрения тафономического подхода	194
Элмуродов Л.Х. Результаты археологических исследований некрополей около средневекового Пенджикента	197
Эндерс А.А. Раннесредневековые бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе»: ареал, хронология и новые находки	198
Яншин С.В. Пластинчатые доспехи развитого и позднего Средневековья с территории Кыргызстана и сопредельных регионов	201

Архаичное и первобытное искусство

Владимирова И.А. Наскальные рисунки писаницы Рыбное в Нижнем Приангарье	204
Гражданкина В.А. Разработка структуры базы данных «Изображения лошадей на “оленных” камнях Монголии и Южной Сибири»	206
Гюльмамедова А.А. Петроглифы верхнего яруса Шалаболинской писаницы	208
Можарова Е.А. Писаница Ленкова гора (западный участок) по материалам В.Ф. Капелько	211
Панкина А.И. Изображения животных каменного века Приморья как один из источников для реконструкций адаптации в прибрежной зоне	214

Методы естественных наук в археологических исследованиях

Алексейцева В.В. Природные условия обитания поздних неандертальцев на территории Алтая	217
Балагурова А.В. К вопросу о сохранении крупногабаритных чугунных археологических объектов	220
Бурашникова К.С. Исследования палеодиеты древнетюркского населения по материалам кургана № 7 памятника Маркелов Мыс-2	222
Иванова З.А. Оленья упряжь ненцев: бытование и реставрация	224
Маслинцына М.П. Костные остатки птиц из средневекового городища Уфа-II	226
Округина А.К., Лисин В.Э. Жирнокислотный анализ керамики бронзового века поселения Ельчимо-1 (Нижнее Приангарье)	229
Шишкин А.А. Патологии зубной системы у населения Вологды XIV–XVI вв.	231
Юмина А.В., Гюрджоян К.Г., Уткин М.В. Детская колода из могильника Нум-хибя-сихэри VIA по данным дендрохронологии, археологии и этнографии (ЯНАО)	233

Информационные технологии в археологических исследованиях

Дмитриев П.А. Применение методик геоинформационного анализа для изучения культурного ландшафта в устье р. Шаманки (Среднее Приангарье)	236
Колясникова А.С. Современные методы исследования следов разделки на остеологических остатках	239
Мухаметзянов А.Р. Прошлое и будущее курганной археологии: современные методы в изучении курганных комплексов раннего железного века	241
Патютко Д.Е. Методы цифровой геймификации в обучении археологии (из опыта педагогического образования)	243
Скородумов М.П. Применение ГИС в изучении погребальных комплексов Нового времени на территории города Кургана	246
Спасибко А.Б. Разработка базы данных и репозитория «Байкальской Сибири»: из опыта Иркутского государственного университета в разработке археологической информационной системы для Байкальской Сибири	248

Зарубежная археология

Денисенко В.Л. Петроглифы Тибетского нагорья в зверином стиле	251
Дружинин Д.С. Хозяйственная диверсификация в Патагонии и на Огненной Земле: стратегии выживания и региональные особенности	253
Елошкин Г.А. Ритуальное использование обсидиана в доколумбовых обществах южного побережья Перу	255
Еремеева Е.А. Методы изучения и анализа комплексов с преобладанием изделий из вулканического стекла (на примере памятника Эль-Инга, Эквадор)	258
Ковалева Н.Н. Моллюск <i>Spondylus</i> в андской дорожной сети (Qharaq Ñan)	260
Копылова А.С. Орнаментальные мотивы на керамике Гонур-Депе (Туркменистан)	263
Кравцова А.Д. Культура усуней юго-востока Казахстана в письменных источниках и по материалам археологии	264
Лебедева Л.С. Декоративные традиции в культурах Северной Пацифики: татуировки у алеутов	267
Мальцева А.И. Неолитическая керамика с резным и штампованным орнаментом на территории Таиланда: характеристика, распространение, основные памятники	269
Портнова А.А. Мегалитические комплексы Индонезии как элементы культурного и природного ландшафтов на примере пирамиды Гунунг-Паданг	271
Пугачева А.И. Диета эпохи дзёмон: особенности и принципы	273
Саморукова А.Ю. Изображения Фуси и Нюйва в могильных комплексах северо-западного Китая на рубеже эр	275
Славинская Е.Е. Архитектурные керамические модели в доколумбовых культурах Западной Мексики и Эквадора	277
Соколовский В.А. «Онтологические повороты» в археологической мысли: ситуация в андской археологии первой четверти XXI в.	279
Федорова А.А. «Хоабинский комплекс»: вопрос о северной границе	282
Федорова Д.С. Арктическая археология: обзор проекта «REMAINS of Greenland» (Гренландия)	284
Хименес Кастаньеда Д.Ф. Хронология керамики саванны Боготы (Колумбия)	286
Штевский С.С. Из истории конгресса Индо-Тихоокеанской доисторической ассоциации (Indo-Pacific Prehistory Association; IPPA) в XX–XXI вв.	290
Юй Лян. Археологические коллекции кочевников Жужанского каганата в двух музеях Китая	292

История науки, историография, теория и методология археологии

Арефьев А.Е. Полевой дневник Г.А. Авраменко как источник по изучению археологии Ачинского района	294
Белимов В.С. Якутский чорон и его значение в контексте триподной керамики	296
Бирюков М.Д. Деятельность В.А. Городцова в Государственном историческом музее	298
Керик А.Д. Методические ограничения эксперимента в археологии: факторы постпроизводства и постутилизации на примере костяного инвентаря	300
Косылбаев Б.Т. История изучения раннесакского времени Восточного Казахстана: вопросы периодизации и хронологии	302
Курочкина Е.О. Этапы становления и развития археологической реставрации в России	304
Латышев И.Н. История и проблемы изучения сузгунской культуры эпохи поздней бронзы	307
Прокудина А.М. О типологии ритуальных комплексов на поселениях	309
Рыженкова К.А. Отражение интерпретационных идей Д.Г. Мессершмидта в историографических трудах отечественных археологов	311
Снопкова А.А. Значение серии сборников «Тихоокеанская археология» для Дальневосточной археологической науки	313
Табачук Е.В. Подходы к изучению инструментов русского времени в сибирской археологии	315
Шайдурова Д.А. Современный этап исследования раннесредневековых каменных изваяний Алтае-Саянского региона	317
Ячменёв О.Ю. Вклад А.И. Мазина в исследование наскального искусства Восточного Забайкалья	319

Музееведение и охрана культурного наследия

Данилов В.А. Проблема сохранения объектов культурного наследия Республики Саха (Якутия) на примере наскальных рисунков	322
Морозов А.А. Перспективы развития историко-культурного туризма на территории археологического микрорайона Малая Сыя – Ефремино в Хакасии	323
Плеханова А.В. Профориентационная работа на базе Музея археологии Забайкалья им. И.И. Кириллова	326
Старков К.И. Лапидарий как форма сохранения и изучения каменных надмогильных сооружений Якутии XIX – начала XX в.	328
Суслова О.В. К проблеме сохранения и охраны археологического наследия в Иркутской области в 1920-е гг. (на примере стоянки Мальта)	330
Тишкин Ал.Ал. Пазырыкские щиты в Государственном Эрмитаже: особенности экспонирования и перспективы изучения	332

Модели природопользования и культура повседневности народонаселения Евразии в динамике развития XVII–XXI вв.

Асанбаева А.Б. Традиционная одежда кыргызов второй половины XIX – начала XX века (из коллекций Государственного исторического музея Кыргызской Республики)	335
Бодеев Л.В. Ритуалы бурят-охотников: традиция и современность	337
Дамбинова А.А. Запреты в традиционной семейной обрядности как основа этикета народов Сибири	339
Иманкулова Н. Юрта – традиционное жилище кыргызов	340
Ирkitова К.А. Женская традиционная одежда алтайцев и корейцев: сравнительный анализ	342
Мадышева М.О. «Нет крупнее скота, чем верблюды, нет крупнее поселения, чем у тейлэсов» (об этнокультурных маркерах сёока-рода тейлэс у алтайцев)	344
Мажаева Д.В. Периодизация развития китайской традиционной женской одежды (на примере ципао)	346

Михайлова С.М. Функции традиционной кухни якутов	348
Мишанов М.С. Хозяйственный уклад и расселение чукчей в XVII–XIX вв.	350
Ошлокова Д.В. О повседневном быте уймонских старообрядцев	352
Савельева Е.А. Форма брака и брачный возраст тувинцев: этнографический аспект	354

Этносоциальные и этнокультурные процессы в Евразии в XX – начале XXI в.

Кащеева Д.А. Современная праздничная культура алтайцев как инструмент формирования и выражения этнического самосознания	356
Ким Е.В. Стратегии трудовой миграции в Южную Корею (на примере жителей Республики Бурятия)	358
Койчубаева Д.С. Историко-культурное наследие, бренды и туризм в Казахстане	360
Кондрашкина Т.С. «Иммиграция» и «иммигрант» в российских и американских СМИ: анализ дискурса	361
Кузнецова П.Е. Корейская популярная культура в восприятии студентов НГМУ	362
Осокина В.С. Обряд «свадебного поезда» у русского населения центральных районов Алтайского края в 1950–1970-е гг.	364
Паук Е.А. Кайдан как способ конструирования «необходимой личности»	366
Сорокина Ж.Ю. «Музей этнографии детства» в Новосибирске: опыт сохранения нематериального культурного наследия	368
Усова А.В., Соколов В.С. Смыслоразножизненные ориентации и личностные перспективы студентов НГМУ	369
Хансанамян С.З. Об адаптации армянской диаспоры в Республике Алтай	371
Чай Х.Ц. Этническая идентичность: особенности проблематики, методы и подходы к изучению, на примере фильма Елены Барабанцевой «British Born Chinese»	373
Ябыштаев С.С. Об опыте нормативно-правового регулирования нематериального культурного наследия Республики Алтай	374

Этноконфессиональная карта Евразии. Традиции и динамика трансформаций

Алексеева В.Т., Осипова А.М. Обереги в традиционной культуре якутов и казахов	377
Амасья Э., Аскарбек Г. Пережитки зороастрийских представлений в обрядах и обычаях кыргызского народа	379
Бурнакова А.В. Домашний алтарь в религиозной практике бурят-буддистов	381
Кремлёва В.М. Возрождение шаманизма Южной Сибири в конце XX – начале XXI века	383
Лазарева К.В. Поликонфессиональность и национальная идентичность корейцев Сибири	385
Меркульев Э.А. Обряды посвящения в бурятском шаманизме	386
Михайлова С.А. Трансформация религиозных верований якутов: перспективы изучения	388
Никифоров Е.Т. Становление образа духа огня у якутов	390
Ооржак А.А., Сарыглар А.-Х.Г. Ритуальные шаманские атрибуты как часть этнической культуры тувинского этноса	392
Разуваев В.И. Сакральные места Бурятии как объекты паломничества	394
Цыреторова С.Г. Обрядово-ритуальные практики закаменских бурят в местности Самсал	395

Историческая этнография и визуальная антропология

Айыжы А.А. Родовые группы Республики Тыва	397
Васильченко М.Г. Положение еврейской общины г. Владивостока при управлении Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти	399
Жябраускайте В.Г. Национальная идентичность в архитектуре (на примере г. Каунаса в Литве 1918–1940 гг.)	401

Кальченко С.С. История переселения и адаптации немцев в Алейском районе Алтайского края с территории Сталинской (Донецкой) области в 1941–1945 гг.	402
Кушнарёва Е.М. Этноконфессиональный состав «русской части» Ташкента в 1867–1897 гг.	404
Никитина Г.А. Этнический образ якутов в современном национальном кинематографе	406
Терехова Е.С. К вопросу о подходах визуальной антропологии	408
Тютюнникова Е.Н. Антропология города. Человек на производстве (фотохроники завода «Сибсельмаш»)	410
Фролова Ю.В. Этничность и власть в истории: конфедералисты Якутии	411

Традиционное, народное искусство и этноарт

Буркацкая Л.А. Орнамент и его значение в традиционной русской вышивке	414
Владимирова Н.А. Семантика обрядового танца якутов <i>осуохай</i>	416
Григорьев А.Б. Трансформация традиционной технологии шитья <i>кыбытыы</i> якутов	418
Красавина М.В. Корпус музейной документации этнографического предмета	419
Каримбаева З.Р. Серьги казахов и якутов XV–XVIII вв.	421
Кыргыз А.Б., Балган А.А. Алексей Кагай-Оол – продолжатель традиций камнерезного искусства Тувы	423
Лактионова М.С. Сюжетная линия в бурятских сказках	425
Макенов Т.А. Арт-объекты в историко-культурных ландшафтах Центральной Азии	427
Необутова Н.И. Образ женщины в якутском искусстве	428
Панкрац И.И. Коллекция шпрухов Музея немецкой культуры в Неудачино	430
Станиславских В.С. Урало-сибирская роспись в XXI веке на примере бренда «Алтай Традиция»	431
Яманчинова Б.Ю. Структурно-семантические особенности бурятского кругового танца ёхор	433

Палеоэтнография и этноархеология

Бекетов А.В. Образы фантастических животных в мужских и женских погребальных комплексах пазырыкской археологической культуры: сходства и различия	437
Болотников Д.А. Средневековые города Центральной Азии в системе экономических отношений между Западом и Востоком	439
Гармаева А.В. Сторожевые камни культуры плиточных могил	441
Жанатаев Д.К. К вопросу о преемственности общих элементов боевых поясов кочевников Казахстана	443
Исмоилова А.А., Сафин Д.И. Белокаменная мечеть-цитадель Елабужского городища: история изучения, варианты реконструкции	446
Карепин К.В. Реконструкция этнической истории на землях Донбасса в золотоордынский период	448
Мальцев В.А. О статусном значении ритуальных топоров-секир скифо-сибирского мира	451
Манукян Н.А. Реконструкция женских головных уборов удмуртов родовой группы Докья (по материалам Большеволковского могильника «Вужшай»)	453
Миленый Ю.Ю. Значение традиционной лодки в культуре народов Амура по материалам А.П. Окладникова	455
Рыбалова А.С. «Хуан цин чжи гун ту» как источник по джунгарскому и калмыцкому женскому костюму XVIII в.	457
Сулейманлы Р.Т. Нумизматическая коллекция ОКН «Город Гижигинск» (раскопки 2020 г.)	459
Усов Д.А. Средневековое оружие в свете акторно-сетевой теории (на примере исследования новгородских берестяных грамот)	461
Список сокращений	464

Научное издание

**Материалы LXIII Российской (с международным участием)
археолого-этнографической конференции
студентов и молодых ученых**

**«300-летие Российской академии наук –
археология и этнография Сибири:
традиции, школы и открытия»**

Редакторы *А.В. Благовидова, А.В. Коненко*
Технический редактор *Т.А. Клименкова*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*
Дизайн обложки *Т.М. Григоренко*

Подписано к публикации 25.04.2023. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 55,1. Уч.-изд. л. 49,2.

Издательство ИАЭТ СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17
<http://www.archaeology.nsc.ru>